Присвячується 310-й річниці
повстання мазепинців

Інститут української археографії та джерелознавства
ім. М. С. Грушевського НАН України
Національний історико-культурний заповідник «Гетьманська столиця»
Національний архітектурно-історичний заповідник «Чернігів стародавній»
Редакція наукового історичного журналу «Сіверянський літопис»

УКРАЇНА ДОБИ ІВАНА МАЗЕПИ. 1708–1709 РОКИ В ДОКУМЕНТАЛЬНИХ ДЖЕРЕЛАХ

Упорядник
Сергій ПАВЛЕНКО

КИЇВ
«МИСТЕЦТВО»
2019

УДК 94(477-89)"1708/709"
У45

У збірник документів, який укладено відомим дослідником Гетьманщини Сергієм Павленком, вміщено кореспонденцію, універсали гетьмана Івана Мазепи, старшин, листи каролінців — учасників походу, дипломатичні донесення, повідомлення преси, матеріали російських урядовців, Петра I, турецьких владців про повстання мазепинців й перебіг подій 1708–1709 років. Особливу цінність становлять численні перекладені щоденники вояк і високопосадовців армії Карла XII. Великий масив джерел дає уявлення про подробиці шведсько-українського союзу, справжні наміри сторін протиборства, визвольну боротьбу гетьманців та агресивну діяльність царської влади на теренах України.

Опублікована добірка свідчень й архівних документів знайомить читача з буремними подіями 1708–1709 років, коли від 20 до 30 тисяч козаків, запорожців, мирних жителів віддали своє життя за волю України.

Видання розраховане на істориків, військовиків, студентів, усіх, хто цікавиться історією України.

Упорядник — Сергій Павленко
Головний редактор — Ніна Прибєга
Дизайн та макетування — Андрій Прибєга

Рецензенти:
доктор історичних наук Юрій Мицик;
доктор історичних наук Євген Луняк

ISBN 978-966-577-273-6

ЗМІСТ

ВСТУП

Північна війна, повстання мазепинців та їх поразка у джерелах 1708–1709 рр.

Резонансні події 1708–1709 років на теренах України (похід армії Карла XII, Полтавська битва) залишили великий слід у документальній спадщині тієї доби. Вона достатньо привертала увагу впродовж 310-ліття і широко представлена у літературі, різноманітних публікаціях. Саме тому випадки, коли дослідники знаходять в архівах начебто справді унікальний маловідомий документ, але, як згодом з'ясовується, опублікований у XIX столітті чи ще раніше, дуже часті. На сьогодні оприлюднено у різних виданнях близько 5 тисяч, а може, й більше свідчень тієї пори. Історики, дослідники подали на-гора найзначиміші листи, спогади, реляції, донесення, варті уваги. На перший погляд, усе, що проливає світло на перебіг бойових дій, взаємодію сторін, відкрито для ознайомлення, аналізу, узагальнень.

При цьому маємо явну проблему, яка щоразу постає у вивченні історії України. У великій опублікованій спадщині джерел 1708–1709 рр. немає простих відповідей на запитання, чому верхівка Гетьманщини наважилася на повстання проти Москви, яка була ідеологія цього виступу. Ще й досі історики дискутують, чи були укладені між І. Мазепою та Карлом XII угоди на початку їхнього союзу. Через брак вітчизняних дослідників тієї доби на всіх, хто хоче розібратися у складнощах вибору дій гетьманців, чекає море документів, з якого важко вибратися без напрацювань великої армії імперсько-російських оспівувачів Петра І, Полтавської битви. Для останніх головними героями тих подій були цар, шведський король, О. Меншиков, Б. Шереметєв. Особа гетьмана І. Мазепи розглядалася як антипод образу переможця, наділений лише негативними якостями-рисами зловмисника та підступного зухвальця. Саме тому й досі дії керманича України та його однодумців, їхні плани подаються у спотвореному вигляді.

Метою укладання нашої збірки донесень, мемуарів є якраз виокремлення з тисяч опублікованих документів, так би мовити, українського сегмента свідчень 1708–1709 рр. Уперше вони зібрані під одним «дахом», що дає можливість прискіпливіше оглянути контекст їх появи, вплив на події. Українці були однією із важливих сторін військового конфлікту у шведсько-російському протистоянні. Обидві сили протиборства сподівалися добитися виграшу, залучивши на свій бік козацтво, запорожців. Сподіваємося, що зібрані до купи документи цього плану спростують тенденційні тлумачення, оцінки, концепції щодо незначної ролі мазепинців у перипетіях Північної війни. Адже багато дослідників не утруднювали себе заглибленням у проблематику життя української автономії напередодні жовтня 1708 р. Звідси з'явилися помилкові узагальнення про соціальне загострення, навіть повстання в Україні проти існуючої гетьманської влади.

У першій частині збірника-хрестоматії під назвою «Напруга загроз» вміщено 158 документів. Головним чином тут переважають кореспонденції, у яких відбито зростання нервозності в атмосфері нависаючих реформацій Петра І, початку каролінського походу Карла XII на Московію. Гетьманські урядовці у 1707 р. були поставлені перед фактом створення Київської губернії, передачі за настирливими зверненнями польських союзників царя Правобережжя України Польщі (№ 127–133). Невдоволення цими рішеннями Москви спровокували опозиційні настрої, потаємні зібрання старшин (осінь 1707 р., Києво-Печерська лавра), бажання змістити поступливого царю гетьмана. Похід Карла XII детонував активність старшини. Частина її на чолі з В. Кочубем прагнула вирішити кардинальні проблеми Гетьманщини за допомогою перезавантаження владної команди[1]. Зміна гетьмана на Д. Апостола (№ 41, № 44, № 49) могла б змусити російських урядовців перед загрозою війни дати задній хід реформаціям і піти на поступки гетьманській верхівці, залишивши все без особливих змін. Донос В. Кочубея та І. Іскри не розв'язав завдань, які ставили перед собою опоненти І. Мазепи: Петру І ніколи було

[1] Організація імпічменту Мазепи 1707 року // Сіверянський літопис. — 2002. — № 6. — С. 22–31.

напружуватися і заглиблюватися в їхні аргументи у час, коли шведи вже вирушили в похід і треба було негайно зайнятися справою зустрічі противника. У раніше опублікованому збірнику «Доба гетьмана Івана Мазепи в документах»[2] ми дали детальні свідчення В. Кочубея та І. Іскри (№ 389–409). Нині ж публікуємо низку реакцій І. Мазепи, російських зверхників, старшин на доносщиків. Незважаючи на те що гетьман отримав запевнення, що доносу немає віри, він жив у страху бути арештованим. Адже його підозри про те, що В. Кочубей передав російським урядовцям досить вагомі докази його зради, не давали йому спокою до останніх годин служби царю. Генеральний суддя справді багато знав, гетьман з ним вів досить довірливі розмови, тим паче, що свого часу вони породичалися і мали спільних онуків (одруження І. Обидовського та Г. Кочубей). У зверненні до запорожців 26 березня 1709 р. гетьман зазначав, що «уже князь Меншиков вирушив був зі страшною армією, щоб узяти мене, захопити всіх полковників та інших наближених до мене осіб» (№ 265). Подібну тезу він висловив і в універсалі від 10 листопада (№ 232), у листі до стародубського полковника І. Скоропадського («Кгдиж не для чого иншого Александр Меншиков и князь Димитрій Михайлович Голицын з войсками своими к нам поспѣшали, не для чого иншого прелестми своими, перш з войском, а потом самого з старшиною до обозов своих московских вабили тылко, же бы нас всѣх могли забрати в тяжкую неволю, а, не дай Боже, и на тиранскіе муки», № 238). Зазначимо, що російське командування, віддаючи І. Мазепі на страту доносщиків, водночас виводило з-під управління гетьмана козацькі полки у розташування російських військ. Фактично український правитель місяць за місяцем з наближенням шведів позбавлявся військового потенціалу, з яким було легше б визначатися у тому лихолітті. Це, зрозуміло, лише посилювало підозри обережного гетьмана, що насправді ті настирливі виклики у штаб-квартиру армії — підступна та хитра гра, результатом якої мало було б скинення його з уряду та відправлення до Сибіру.

І. Мазепа, аби не виконати накази Петра I, Г. Головкіна, О. Меншикова (№ 100–111) і залишитися в Гетьманщині з частиною полків, вдавав із себе смертельно хворого, відмовлявся від походу, організовував звернення полчан (№ 147–150), ніби в Україні починаються бунти, заворушення.

Думка про те, що головною причиною переходу І. Мазепи на бік шведів стала відмова царя забезпечити російською армією охорони теренів Гетьманщини[3], не враховує вищезгадані реалії. Навпаки, станом на жовтень 1708 р. російське командування, взявши до уваги «побоювання» гетьмана про заворушення в полках, підсилює цей стратегічний напрям кількома полками. Досить сказати, що і до цього Гетьманщина мала у містах на такий випадок чималий військовий контингент російських вояк (станом на серпень 1708 р. у Батуринській фортеці перебувало 2000 стрільців[4], Київській — 3000[5], Камінно-Затонській — понад 1600, Ніжинській — понад 250, Переяславській — 200, Чернігівській — 156, Новобогородицькій — 200[6]). Отже, ці гарнізони налічували орієнтовно 7500 солдат і офіцерів. У кінці жовтня в Тернах на Недригайлівщині базувалося три полки («А в тех полках солдат: полковника во Афанасьевом полку Рагозина 670 человек; подполковников, которые вместо полковников: в Ивановом полку Хотунского 500 человек, в Гавриловом полку Репьева 460 человек»[7]). До Києва було направлено полк Яна Стобинського (№ 113). Військова рада 9 жовтня наказала київському воєводі Д. Голіцину, щоб він, «взяв из Белгородского и Севского розрядов ратных людей знатное число по своему разсмотрению», «взяв с собою ис Киева ис пехотных полков сколко возможно по своему разсмотрению», а також «пристойное число артиллериии» і «те полки, которые при думном дворянине господине Неплюеве»* (№ 111), «шел немедленно в малороссийской край и стал в Нежине, или в котором городе прилично» (№ 111). Зазначимо, що Білгородський розряд міг мобілізувати від 19 до 30 тисяч воїнів[8], Севський розряд — 5 піхотних та один — драгунський полки[9]. Ми не знаємо, яку конкретно кількість останніх військ було відмобілізовано. Схоже, це було щонайменше 2 полки, залишені пізніше після взяття Батурина Д. Голіциним у Ніжині (про них воєвода доповідав 21 листопада Г. Головкіну[10]).

* Йдеться, мабуть, про три полки, які були зібрані в Тернах.

[2] Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упоряд. С. Павленко. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. — С. 368–409.
[3] *Ковалевська О.* Іван Мазепа. — К. : Дельта, 2009. — С. 28–29.
[4] *Павленко С. О.* Військо Карла XII на півночі України. — К. : КМ Академія, 2017. — С. 147; Донесение И. С. Мазепы Петру I (10 августа 1708 г.) // Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук ССР, 1950 . — Т. 8. — Вып. II. — С. 526.
[5] Русские гарнизоны на Украине, лето 1708 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rusmilhist.blogspot.com/2015/02/1708.html
[6] *Великанов В. С.* Российские гарнизоны в малороссийских городах на начальном этапе Великой Северной войны (в 1700–1708 годах) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой международной научно-практической конференции (17–19 мая 2017 года). — СПб. : ВИМАИВиВС, 2017. — Ч. I. — С. 434–435.
[7] Лист російського командира Семена Неплюєва до О. Меншикова // Исторический журнал. — 1940. — № 12. — С. 82.
[8] *Лобин А. Н.* Белгородский разряд // Курская энциклопедия / Гойзман Ш. Р. — Курск, 2004–2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mke.su/doc/BELGORODSKIY%20RAZRYaD.html
[9] *Великанов В. С.* Формирование и службы севских полков набора 1705 г. // Studia internatinalia: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (1–3 июля 2015 г.). Брянск, 2015. — С. 95–102.
[10] Письмо Д. М. Голицина графу Г. И. Головкину // ПиБ. — Т. 8. — Вып. II. — С. 947.

Крім цього, у розпорядженні російського командування були Охтирський, Сумський, Харківський, Ізюмський козачі полки, які підпорядковувалися безпосередньо Москві (відразу після отримання звістки про перехід мазепинців на бік шведів вони отримали наказ стати на кордоні з Гетьманщиною). У віданні Наказу Адміралтейських справ у Воронежі був Острогозький слобідський козачий полк. Отже, разом цей військовий контингент становив досить серйозну мілітарну силу навіть за мінімальної мобілізації (7500 гарнізонних вояк + до 4000 піхотинців та драгун Севського розряду + до 3000 чоловік (№ 79,82) Білгородського розряду + 6000–7000 козаків слобідських полків), яку треба було брати до уваги змовникам-гетьманцям.

Реалії жовтня 1708 р. були не на користь партії змовників, що прагнули відокремити Україну від Московії: каролінці пішли не на Москву, а на Стародубщину; під управлінням гетьмана залишилося 5 городових козацьких полків, 2 компанійських та 5 сердюцьких полків (разом до 12 000 козаків). Більшість факторів вказувало на приреченість повстання проти царя. Але побоювання, що російські урядовці затіяли таємну гру, аби виманити гетьмана у польову штаб-квартиру для арешту, зрештою вплинуло на визначення правителя Гетьманщини, його наближених. Вони вирішили іти на зближення зі шведським військом.

У першій частині даємо добірку документів (№ 68–99) про антицарське повстання на півдні України. Традиційно сюжет про повстанців Кіндрата Булавіна розглядається поза контекстом історії Гетьманщини. Справді, багато подій повстання Булавіна розгортаються на Дону. Однак варто звернути увагу на те, що головний «вор», колишній бахмутський отаман, вихідець з Чугуєва[11] на Харківщині, шукав підтримки на Запорозькій Січі й отримав її. Карателі повстанців спалили ряд українських містечок, зокрема Бахмут (№ 98). У контексті походу Карла XII на Московію синхронне Булавінське повстання начебто було самостійним. Проте у реаліях першої половини 1708 р. воно було дуже вигідним гетьманові І. Мазепі: відволікало увагу російських урядовців від Гетьманщини; змушувало Москву збавити ритм реформаційних планів щодо впровадження в Україні губернського правління, сприяло не проявляти активності у розслідуванні доносу В. Кочубея та І. Іскри. Підозри про те, що увесь цей протестний рух спалахнув за намовою та направленням І. Мазепи, цілком справедливі. Як зазначав І. Голіков, «про цей бунт думали тоді, що він зведений за наущення Мазепи, однак через смерть призвідця Булавіна міркування це залишилося непідтвердженим»[12]. Водночас чимало дореволюційних істориків свого часу (В. Броневський, А. Попов, В. Лебедєв, В. Буганов та інші[13]) писали про знайомство К. Булавіна з гетьманом під час Кримських, Азовських походів. Треба погодитися із думкою О. Усенка, що існування такої спірної гіпотези потребує подальшого «розширення джерельної бази дослідження за рахунок архівних матеріалів»[14].

Зазначимо у цьому зв'язку, що договір між шведами та мазепинцями (укладений 29 жовтня 1708 р. в Гірках) в інтерпретації секретаря королівської польової канцелярії Петера Шенстрема мав пункт: «По-друге, що його Величність може облаштувати свої зимові квартири в цій провінції, доки Мазепа збере разом усю армію козаків і залучить білгородських козаків до альянсу, так само, як і тих з ріки Дон, які всі були невдоволені тиранічним урядом росіян»[15] (№ 283). Тобто союзники розраховували на підтримку невдоволених козаків тих країв.

І. Мазепа змушений послати для придушення повстання за наказом з Москви Полтавський та компанійський полки (№ 95). Документ від 15 липня 1708 р. оповідає про самовбивство К. Булавіна (№ 97).

У першій частині також вміщені документи про злободенні справи гетьмана, старшини (№ 117–126). Наближення війни, тривога та напруження від передчуття кардинальних змін відчувається у багатьох свідченнях тієї доби (№ 55–67). Попри загрози російсько-шведського протистояння, в Україні вирішувалися поточні та злободенні проблеми старшини та козаків, церковників (№ 134–142), залагоджувалися майнові, торгові, правочинні справи (№ 151–158). Хоча в деяких з них вчувається поспішність розв'язати те чи інше наболіле питання напередодні резонансних подій.

У 2007 році ми вперше опублікували віднайдений нами допит старшини, яка була захоплена після Полтавського бою[16]. «Полковник лубенской Зеленской сказал: о измене Мазепы ничего он не знал»[17], — читаємо у цьому документі про те, що цей високопосадовець та його колеги ніби дізналися про справжні наміри гетьмана лише після переходу козацького війська через Десну, під час наближення до шведських підрозділів. За допитами виходило, що генеральні старшини ніби стали жертвами вибору І. Мазепи, утримувалися в шведському таборі під конвоєм.

[11] *Усенко О. Г.* К уточнению биографии К. А. Булавина // Россия в XVIII столетии. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — Вып. 1. — С. 102.
[12] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. — 2-е изд. — М., 1837. — Т. 2. — С. 317.
[13] *Усенко О. Г.* К уточнению биографии К. А. Булавина // Россия в XVIII столетии. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — Вып. 1. — С. 99.
[14] Там же.
[15] A Relation of the battle of Pultowa, with some reflections on the two preceding campaigns // Adlerfeld G.The Military History of Charles XII, King of Sweden. — London, 1740. — Vol. III. — P. 193–194; Статьи, представленные Мазепой шведскому королю Карлу XII // Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII столетии. — СПб., 1821. — Т. 3. Ч. 1. — С. 48–49.
[16] Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. — № 578.
[17] Там само. — С. 726.

Насправді ця легенда, взята на озброєння всіма полоненими мазепинцями, аби применшити свою участь у повстанні, звести її нанівець. Документи № 144–145 показують, що у травні 1708 р. у Білій Церкві старшини клялися на Євангелії бути заодно у боротьбі за Вітчизну. Про опозиційність верхівки гетьманського уряду засвідчують донесення Францишка Грабі, резидента-представника великого коронного гетьмана Речі Посполитої Адама Сенявського при дворі гетьмана І. Мазепи, до свого патрона (№ 26–33).

У кореспонденціях правителя Гетьманщини до великого коронного гетьмана Речі Посполитої Адама Сенявського (№ 1–25) відчувається зондування першого про настрої, позицію останнього, намагання викликати недовіру до російських урядовців, їхніх планів, заохотити впливового поляка до боротьби за королівський трон. У свою чергу, керманич України намагався посварити союзника Москви із Петром І, вищим царським командуванням. Метою цієї хитромудрої гри було завчасне «вирощування» перспективного союзника для Карла XII, підштовхування до відступу від московців, заохочення до опозиційних дій. Військовий контингент під управлінням А. Сенявського міг би збільшити бойові можливості шведської армії, а відтак і успіх кампанії проти Московії.

Друга частина документарію присвячена початку походу Карла XII в Московію. Ми звертаємо увагу не стільки на подієвий бік зіткнень шведів і росіян, як на свідчення, пов'язані зі зміною початкового плану каролінців рухатися на Москву. Щоденники (№ 159–161) Роберта Петре, Адама Левенгаупта, Фредеріка фон Вейе, листи капітана Джеймса Джеффріса (№ 204–221) показують без прикрас, чому підрозділи армії короля рухалися повільно, з якими труднощами зустрічалися. Низка документів (№ 162–167) — красномовні свідчення застосування російською армією тактики випалення територій в напрямках руху війська Карла XII. Вона була жорстокою щодо населення, але виграшною у знесиленні противника, призведенні до значних втрат серед особового складу каролінців. Досить сказати, що у свідченнях тієї доби фігурує цифра 15 000 загиблих вояк Карла XII у 1708 році[18]. Причому близько 13 500 з них померли від епідемій, голоду.

Ще й досі в деяких історичних інтерпретаціях фігурує міркування про те, що поворот війська Карла XII в Україну викликаний запрошенням гетьмана І. Мазепи. Насправді причиною того стало безжальне випалення населених пунктів на шляху каролінської армії, голод. Саме про це йдеться у нотатках генерал-квартирмейстера А. Гілленкрока (№ 223) та священника — учасника походу Георга Нордберга (№ 222).

У **третій частині** документарію зібрано важливі свідчення шведсько-українського союзу. Комплекс виявлених документів (№ 224–231) концентровано дає уявлення про перші контакти каролінців і мазепинців, їхнє зближення та укладення договору[19] (№ 229). Про останній писав І. Мазепа стародубському полковнику І. Скоропадському (№ 238).

Велику частину документів про шведсько-український союз ми опублікували у попередніх двох томах[20]. Важливою новинкою цього тому є публікація закличного універсалу І. Мазепи від 10 листопада 1708 р. Останнього поки що не виявлено в архівосховищах. Та наша реконструкція його головних тез опирається на листи, універсали тих, хто читав це важливе звернення до українського люду і реагував на його положення, цитував їх. Саме завдяки цьому, не маючи основного тексту, маємо достатнє уявлення про зміст універсалу гетьмана. Зовсім недавно став доступним для істориків ще один універсал І. Мазепи кінця лютого 1709 р. (№ 237), де правитель Гетьманщини повторює думки, головні ідеї, чому мазепинці виступили проти Петра І. Зазначимо, що більшість опублікованих збірників документів про Північну війну надають багато місця маніфестам, грамотам Петра І. У них дії гетьмана, його оточення подані у спотвореному вигляді, у негативній оцінці. Тому оприлюднення універсалів правителя Гетьманщини, його листів до старшин (№ 233–236, 238), записаної свідком промови перед запорожцями (№ 265), сприяє глибшому розумінню позиції зверхника повстанців.

Популярний міф про Мазепу-одинака, якого не підтримав народ, довго насаджувався як дореволюційною, так і радянською імперською історіографією у свідомості українців та росіян. Це впливало навіть на монографії українських дослідників, які поширювали з цього приводу недостовірні дані. У цьому зв'язку ми друкуємо разом документи № 340–342, у яких зазначається про 15 тисяч мазепинців, велику кількість полків при гетьмані. Ці джерела свого часу друкувалися, але літописці Полтавської битви, «славних дел» Петра І вдавали, що їх не помічали. Тому посилань на ці важливі свідчення доби практично не зустрічаємо.

Прийшовши на терени Гетьманщини, шведське військо фактично опинилося в оточенні російських полків, слобідських козацьких формувань. Це настільки утруднювало зв'язок Карла XII із своїм двором, польським королем С. Лещинським, що фактично останні знали про його дії лише з повідомлень іноземних дипломатів із Москви, а ті, у свою чергу, отримували відомості від царської штаб-квартири. Багато кореспонденції учасників походу, головних рушіїв шведсько-українського союзу опинилося у похідних канцеляріях московського командування (№ 238–241).

Архівний лист гетьмана І. Мазепи до стародубського полковника І. Скоропадського (№ 238) донедавна подавався як аргумент на користь того, що старшина проігнорував заклик свого володаря і проявив вірність царю, подавшись до

[18] *Павленко С. О.* Військо Карла XII на півночі України. — С. 405.

[19] Детально про угоду: *Павленко С. О.* Військо Карла XII на півночі України. — С. 114–133.

[20] Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / [упоряд. С. Павленко]. — 2-ге вид. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — 1144 с. (Серія «Джерела»; т. 1); Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / [упоряд. С. Павленко]. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. — 1054 с. (Серія «Джерела»; т. 2).

нього у Глухів. Тим часом командир Стародубського полку нічого не знав про послання до нього, про необхідність винищити російську залогу в Стародубі. Причина тому банальна: посланця з листом І. Мазепи до нього арештували у дорозі російські вояки. Така промовиста деталь, однак, зовсім була невигідна інтерпретаторам цього сюжету або вони не звернули на неї уваги. Перехопили і листи англійського резидента Джеймса Джефферіса при шведському королю Карлу XII (№ 240) та кошового отамана Костянтина Гордієнка до польського короля (№ 241). Вони несуть важливу інформацію про тодішні реалії, плани учасників подій.

У свідченнях (№ 242–253) йдеться про подробиці взяття Батурина. Свого часу ми давали виклад допиту канцеляриста Олександра Дубяги про склад гарнізону Батуринської фортеці[21]. Нині з'явилося важливе доповнення до сказаного ним — зізнання в Похідній канцелярії спійманого сердюка Тимофія Семенова (№ 243). Саме за останнім російські урядовці інформували про кількість оборонців дипломатичні місії (№ 337). У документі № 242 йдеться про склад корпусу О. Меншикова, що виконував каральну акцію щодо непокірних батуринців. Російське командування не залишило офіційної реляції про взяття гетьманської столиці. Напевне, це було пов'язано з тим, що захоплення фортеці відбувалося не завдяки військовій майстерності військовиків, а хитрим проникненням через таємний хід, жорстоким винищенням оборонців, мирних жителів. Такою переможною правдою не вигідно було ділитися у світі. Попри це, резонансна подія завдяки численним свідкам її (вдалося врятуватися до 1000 козакам) потрапила у літописні повідомлення, спогади каролінців, донесення дипломатів.

Участь запорожців у повстанні мазепинців представлена документами № 262–268. Зазначимо, що ми відібрали до цієї групи свідчень ті, які стосуються 1709 року та відображають прагнення цієї військової спільноти приєднатися до руху за вільну Україну. На Запорозькій Січі у ті дні вирували гострі пристрасті-дискусії щодо визначення подальшого політичного курсу низового товариства: залишитися вірними царю чи піти за гетьманом? Частина військовиків прагнула зберегти попередній статус підлеглості Москві. Тим паче, що цар надав щедрі подарунки-платню за службу. Усе ж перемогла промазепинська партія, яка і визначила дії запорожців — вони підтримали повстанців, стали союзниками Карла XII та його армії (№ 266–268).

У своїй книзі «Військо Карла XII на півночі України» ми оголосили перспективну тему для подальшого дослідження — втрати шведів під час походу 1708–1709 рр. — і зробили низку спостережень у цьому плані. Якщо скласти докупи цифри полону каролінців (19 655 чоловік, липень 1709 р.) та їхні втрати у Полтавському бою (9234 особи), то вийде, що армія прибульців в Україну, всупереч попереднім оцінкам російської штаб-квартири, свідченням каролінського командування, зросла на 8–10 тисяч осіб. Учасник походу, резидент С. Лещинського при Карлові XII С. Понятовський оцінював чисельність шведського війська під Полтавою «не більше вісімнадцяти тисяч* чоловік»[22] (за відомостями посланця з Гольштейн-Готторпського герцогства при шведському королі Ф. Е. фон Фабриса їх теж було «не більше 18 000 чоловік»[23]). «А как слышно было, по тем языкам, что всего войска имел 18 000** неприятель как инфантерии, так и кавалерии»[24], — писав у своїх записках учасник подій в Україні в 1708–1709 р. князь Борис Куракін. Насправді для надання вагомості своєї перемоги під Полтавою цар та його оточення приписали кількість загиблих вояк протилежного табору. Явне фантастичне збільшення майже у чотири рази втрат шведів довго не оспорювалося і приймалося як істина. Та елементарне звернення до реалій тієї доби, багатьох свідчень (зокрема, № 269–272, 283) розвінчує цей 300-річний міф.

Хоча написано чимало монографій про Петра І, Північну війну, надруковано на цю тему кілька збірників документів, на жаль, російські історичні інституції не можуть похвалитися виданням перекладів опублікованих у Швеції та інших країнах спогадів каролінців, особливо Г. Нордберга, Г. Адлерфельда. Витримки з їхніх нотатків не дають повної картини для розуміння деталей військового протистояння. На нашу думку, подібна неувага до важливих джерел упродовж трьох століть закривала для російськомовного, україномовного масового читача, дослідників можливість

* Капітан-поручик Григорій Скорняков-Писарєв 23 березня 1709 р. писав Петру І з Лубен, що «по единогласному сказыванию многих языков, также и шпионов, войск неприятельских обретается только с 16 000 или 17 000» (*Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. — М. : Изд-во социально-экономической лит-ры, 1958. — С. 349).

** В одній з перших історичних праць, написаних в основному за російськими джерелами, йдеться про «невелику шведську армію, яка зменшилася до 15–18 тисяч чоловік» (З праці Жана Руссе де Міссі («боярина Івана Івановича Нестезюрануа») «Мемуари про царювання Петра Великого, імператора Росії, батька вітчизни…» (1725)) // *Луняк Є.* Козацька Україна XVI–XVIII ст. очима французьких сучасників : хрестоматія / Є. М. Луняк. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. — С. 266). Про 18 тисяч писав свого часу й Вольтер (З «Історії Карла XII» Вольтера / Луняк Є. Козацька Україна XVI–XVIII ст. очима французьких сучасників : хрестоматія / Є. М. Луняк. — Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. — С. 281).

[21] Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. — № 570.

[22] Спогади мазовецького воєводи С. Понятовського про події його життя // Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. — С. 634.

[23] Die Memoiren des Kammerherrn Friedrich Ernst von Fabrice (1683–1750). Ein Lebensbild in Selbstzeugnissen aus dem Zeitalter des Barock. Von Rudolf Grieser. — Published by Lax, Hildesheim, 1956. — S. 80.

[24] Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина (1676–1727) // Архив кн. Ф. А. Куракина. — СПб. : Типография В. Балашева, 1890. — Кн. I. — С. 320.

бачити події 1708–1709 рр. з різних точок зору, у всіх подробицях, без нав'язливих ідеологічних схем, промосковсько-імперських оцінок. Наш збірник вперше дає велике розмаїття мемуарних, епістолярних нотатків учасників походу (№ 159–161, 204–221, 222–223, 240,373–384, 564–565, 571, 577, 589).

При цьому вищезазначені джерела слід опрацьовувати критично, оскільки у спогадах, мемуарах їх автори іноді користувалися неперевіреними даними, переказами. Так, С. Понятовський писав про взяття шведами Охтирки[25], Ф. Вейє у своїх нотатках зазначав, що «9(10) лютого ми спалили передмістя Охтирки»[26]. Насправді каролінці, за російськими джерелами, не наважилися брати цю фортецю, бо там було багато війська. Крім того, російський гарнізон випалив передмістя[27], аби противнику ніде було розміститися у холоднечу. Отже, автори двох мемуарів не були учасниками походу до Охтирки, а користувалися досить сумнівним повідомленнями.

Карл XII надіслав каральний загін кіннотників до Тернів. Це містечко довгий час було прикордонний острогом[28] Московської держави, а пізніше зручним місцем дислокації російських полків. Відомо, що тут у жовтні 1708 р. базувалися три полки у складі 670, 500 та 460 чоловік під загальним керівництвом начальника загону московських військ Семена Неплюєва[29] для «нагляду» за Україною. У місцевій фортеці, розміщеній на високому мисі правого берега річки, в листопаді 1708 р. Б. Шереметєвим було наказано залишити «тягостные все пушки»[30] під охороною двох піхотних полків. Крім цього, 19 листопада 1708 р. у Терни прибув Петро I «со всею армиею»[31]. Цар пробув у містечку до 20 листопада. Схоже, опорний пункт росіян, де розміщувалися запаси продовольства та у будь-який момент могли стати на постій десятки ворожих полків, викликав занепокоєння командування шведів.

«10 грудня полковник Функ із 500 кавалеристами був відряджений, щоб привести до розуму селян, які збиралися у різних місцях, — записав у щоденнику Адлерфельд. — Він перебив більше тисячі людей у маленькому містечку Терее (Терни, Тернова, Терейська слобода — так називається цей населений пункт в різних джерелах. — *Авт.*) і спалив останнє, як також і Дрибайлів (Недригайлів. — *Авт.*). Він перетворив на попіл ті села, що належали козакам, які були на стороні противника, рубав мечем всіх, кого знайшов, щоб налякати решту» (№ 273). Вразила ця звістка й інших учасників походу. Поссе у своїх спогадах писав*, що Функ розповідав, як він із третього разу взяв Терни й «драгуни зарубали все, що їм попалося під руки» (близько 1600 чоловік). Тих, хто не захотів здаватися й замкнувся в церкві, він спалив[32]. За відомостями Зільтмана у фортеці було 3000 козаків, частину з яких «він (Функ. — *Авт.*) загнав на церковне подвір'я і всі, що не могли одразу втекти разом із жінками і дітьми, були вбиті у місті» (№ 275). Всі вищенаведені докази про непривабливі дії шведів дуже переконливі. Водночас вони спростовуються іншим документом. «Господин полковник, — писав російський офіцер, ад'ютант А. І. Ушаков Петрові І 12 грудня 1708 р. — Доношу милости твоей прежде сего, что неприятель за нашим подъездом был к Терновая, и оный, пришед, то местечко выжег. Тутешный народ засели было в замок и стрелялися часа с два, однакож неприятель силен: пришед пехотой с дву сторон, взяли оный замок и жителей несколько казнили, и то малое число. В неприятелей убили человек с двадцать, в том числе офицер, знатно, что не нижней. И я посылал того же числа сильную партию на сикурс к поэтому местечку, и неприятеля в том местечку малым чем не застали и гнали за ним, а догнать не могли»[33].

Вищесказане говорить про те, що деякі шведські офіцери свої явні невдачі на території Сумського (Терни,

* «10 грудня підполковник Функ був відряджений з 300 кавалеристами і 100 козаками до одного міста в Росії, щоб напасти на козаків, що знаходилися там. 11 грудня підполковник Функ повернувся і розповів: коли він увійшов до міста, усі козаки і селяни втекли на церковне подвір'я, так що усе воно і церква були забиті людьми. Це подвір'я оточувалося валом, а в деяких місцях, де той не був в порядку, стояв палісад. Потім він наказав драгунам осторонь спішитися і атакувати це подвір'я, але двічі був відбитий, причому жінки з косами і сокирами стояли по валу і били ними наших людей. Нарешті на третій раз він прорвався і драгуни стали рубати усіх, хто попадався під руку — 1600 чоловік, серед яких були як селяни, так і козаки, не рахуючи жінок і дітей. Услід за тим вони сховалися в церкві, яка набилася битком, і не хотіли відкривати дверей. Тоді він наказав підпалити церкву, а також і місто і спалив все, що там було» (C. M. Posses dagbok 1707–1709 // Karolinska krigares dagböcker. — Lund, 1901. — T. 1. — S. 335–336).

[25] Записки мазовецького воєводи С. Понятовського про події його життя // Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. — С. 634.

[26] Цитуємо за: *Артамонов В. А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. — М. : Бимпо, 2009. — С. 428.

[27] К. Ренне — Петру I (8 февраля 1709 г.) // Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук ССР, 1952. — Т. 9. — Вып. 2. — С. 674.

[28] *Осадчий Є. М., Коротя О. В.* Замки та фортеці Сумщини XVII–XVIII ст. : ілюстрований довідник. — К. : Видавець Олег Філюк, 2015. — С. 126.

[29] Письмо С. Неплюева А. Меншикову (31(?) октября 1708 г.) [Публикация Г. Георгиевского] // Исторический журнал. — 1940. — № 12. — С. 82.

[30] Приказ Б. П. Шереметева Я. В. Брюсу (19 ноября 1708 г.) // Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева. 1704–1722. — СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1879. — С. 133.

[31] Письмо Г. Головкина ахтырскому полковнику Ф. Осипову (19 ноября 1708 г.) // Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук ССР, 1950. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 972.

[32] *Крупницький Б.* Шведи й населення на Україні в 1708–1709 р. // Мазепа. Збірник. — Варшава,1939. — Т. 2. — С. 20.

[33] ПиБ. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 1016–1017.

Недригайлів) та Охтирського полків (вони були на «ворожих теренах», бо не входили до складу Гетьманщини) прикривали відвертими брехливими рапортами, сподіваючись, що їх ніхто не перевірятиме. Багато непосвячених у мету походу (знищення ворожого опорного пункту) вояк, обозників пов'язали проведення військової операції з каральною акцією проти селян.

Найбільшу цінність становлять спостереження учасників походу, записані під враженнями того, що вони бачили, а не чули. Велике значення мають у цьому зв'язку оприлюднені недавно офіційні повідомлення зі шведської[34] (№ 354–261) та російської штаб-квартир (№ 337). У цій частині збірки документів широко представлені дипломатична кореспонденція (№ 285–334), повідомлення австрійської преси (№ 335–337).

Позиція Петра І, його наближених у подіях 1708–1709 рр. достатньо відображена в історичній літературі. Ми не повторюємо маніфести, грамоти царя до українського народу, оскільки вони тиражовані не тільки у військову кампанію тих днів (№ 348–349), а й багаторазово представлені у багатьох виданнях. У **частину IV** підібрані матеріали, що відображають тактику царського фронту у боротьбі за Україну, її людей. Виявлені документи засвідчують, що у цій справі важливу роль відігравала брехня, наклепи, залякування як засіб отримання потрібного результату. В указі від 19 вересня 1708 р. Петра І Б. Шереметєву йдеться про доцільність спалення Почепа (№ 165). А у зверненні до жителів цього містечка (№ 343) цар уже лукаво виступає як захисних почепців від шведів і мазепинців. Чолобитні мешканців Прилук, Новгорода-Сіверського, Лубен, Лохвиці (№ 344–347) подаються в російській історіографії як вияв вірності українців Московії.

На думку відомого дослідника Північної війни В. Шутого, згадані «збережені листи… відображають справжні настрої, бойовий та патріотичний дух всіх станів українського суспільства у період перебування шведської армії в Україні»[35]. Історик відкидав припущення про те, що звернення «написані під впливом страху»[36], мовляв, у більшості з них не було російських вояк. Насправді це було далеко не так. Російський гарнізон, наприклад, стояв у Новгороді-Сіверському. В інших містечках з'явилися похідні російські поширювачі «правди від царя». Так, Григорій Волконський, їдучи після Батурина в Прилуки, мав із собою красномовне звернення Петра І до прилучан, яким наказував впустити російських вояк до Прилуцького замку: «Буде же кто дерзнет сему нашему, великого государя, указу учинитися ослушен и ево, генерала нашего маеора, впустить с войском во оной не похощет, и с теми також учинено будет, как и с седящими в Батурине, которые, ослушаяся нашего, великого государя, указу, войск наших не впустили и взяты от наших войс приступом, а которые противились, те побыты, а заводчики из них кажнены»[37].

У населених пунктах, куди не доїхали російські похідні групи, ніхто не виступав з ініціативою писати вірнопідданські звернення до царя. Так, «промовчали» у цьому плані сотенні містечка Київського, Чернігівського, Гадяцького, Ніжинського, Переяславського, Полтавського полків. Та й у Лубенському, Миргородському полках до написання подібного принизливого документа вдалася верхівка лише трьох міст. Слід зазначити, що на території Гетьманщини налічувалося 11 великих міст, 126 містечок і майже 1800 сіл[38]. Зрозуміло, загальний відсоток населених пунтів, де населення клялося у вірності царю, не вкладався й в 1 %. Серед містечок і міст він становив 10 %. Отже, говорити про масовість підтримки дій Петра І на основі кількох організованих звернень говорити не доводиться.

Петро І, Г. Головкін для компрометації мазепинців, Карла XII вдавалися до гіперболічного перебільшення «злочинних», «зрадницьких» дій І. Мазепи (№ 351). Гетьман, мовляв, прагнув церкви та монастирі віддати в унію (№ 350), пообіцяв Гетьманщину польському королю С. Лещинському (№ 352), за Україну отримав воєводство у Польщі (№ 357). Найбільше популярними стали в історичній літературі виготовлені фальсифікати — листи Д. Апостола, Г. Головкіна ніби до гетьмана. У них йдеться про те, що миргородський полковник опинився у російському таборі не випадково, а привіз Петру І послання від Мазепи: мовляв, він зробив нерозумно і тепер хоче реабілітуватися, видавши Карла XII царю… Детальне викриття цієї фальсифікації-акції, спрямованої на знеславлення гетьмана в очах короля, міститься у низці наших студій[39], найбільш глибоко, з новими аргументами — у недавній книзі[40]. У цій

[34] Diarium aus der Schwedisch. Armee in Severien, 1708. — Uppsala universitetsbibliotek. — Handskriftsenheten, 55. — Palmskiöldiske Samlingen af Handskrefne och Tryckte Handlingar. — Pärm 55. — Dokument 34. — S. 221, i tysk. — Uppsala, Sverige.

[35] *Шутой В.* О письмах населения Украины русскому правительству в связи с изменой Мазепы 1708 г. // История СССР. — 1961. — № 2. — С. 164.

[36] Там же. — С. 165.

[37] Указ Петра І полковнику, коменданту, полковой старшине и казакам Прилуцкого полка (9 ноября 1708 г. // ПиБ. — Т. 8. — Выпуск І. — С. 291. (Датування цього документа, очевидно, неправильне. Найпевніше таке розпорядження було видано 3 листопада 1708 р.)

[38] *Субтельний О.* Україна. Історія. — К. : Либідь, 1991. — С. 145.

[39] *Павленко С.* Загибель Батурина 2 листопада 1708 року. — Чернігів : редакційно-видавничий відділ обласного управління по пресі, 1994. — С. 131 — 132; Міф дванадцятий: листи авантюриста // Павленко С. Міф про Мазепу. — Чернігів : Сіверянська думка, 1998. — С. 193; *Павленко С.* Чи зраджував І. Мазепа Карла XII? // Пам'ять століть. — 2005. — № 1. — С. 90–94; *Його ж.* Восстание мазепинцев: мифы и реалии. — Чернигов : Русь, 2009. — С. 114–129; *Його ж.* Акція Петра І та його наближених щодо знеславлення гетьмана І. Мазепи в очах Карла XII // Український історик. — 2010–2011. — Т. XLVII / XLVIII. — С. 117–130.

[40] *Павленко С. О.* Військо Карла XII на півночі України. — С. 250–271.

збірці даємо два ці листи (№ 355 і № 356), але з припискою, як в оригіналі, про фальшивість цієї кореспонденції («Писма, что писаны к Мазепе по измене ево фальшивые от канцлера»[41]). Тобто вони є красномовним прикладом однієї із складових методів ведення війни, коли для досягнення перемоги сторона протиборства залучає навмисне вигадані інформаційні викиди з метою очорнити ворога, посварити союзників. Багато дослідників, некритично посилаючись на ці фальшивки як на справжнє листування між правителем Гетьманщини та російськими урядовцями, навіть не спромоглися подивитися на карту, по якій можна було б відразу спростувати головкінську нісенітницю. Адже миргородський полковник, який ніби мчав до царя із суперважливою пропозицією від гетьмана, поїхав у протилежний бік від російської штаб-квартири. Спеціально друкуємо лист Д. Апостола до І. Скоропадського (№ 354) із Сорочинців як документ, що ще раз підтверджує: у перші дні перебування у російському таборі старшини, зненацька захопленого у власній маєтності похідною московською групою, його не хвилювало питання, як найшвидше доправити царю «звернення» від «изменника». Натомість полонений полковник клопочеться перед І. Скоропадським, аби той попросив Петра І не карати його за участь у повстанні. У допиті старшини немає жодного натяку на виконання ним якоїсь стратегічної місії[42], яка мала б явний вплив на хід війни, її скоре завершення. Лише через місяць перебування серед росіян миргородського полковника «зверненню Мазепи» «повірили».

У **четвертій частині** збірки документів публікуємо листування російського командування з союзниками щодо шведсько-українського союзу (№ 358– 367), фінансову підтримку сателітів Москви (№ 356, № 430).

З донесень і розпоряджень російського командування для цього тому ми вибрали ті, які, по-перше, недавно відшукані архівістами та дослідниками, по-друге, характеризують вражаючий інстинкт самозбереження Московської держави-імперії, по-третє, дають уявлення про напрями приборкання непокірних, репресивні заходи, діяльність диверсійних загонів тощо, по-четверте, знайомлять зі свідченнями підтримки населення мазепинців (№ 386).

Добірка документів № 435–442 показує, що російське командування безцеремонно, нехтуючи навіть «новообрану» гетьманську владу, призначає на уряди вірнопідданих симпатиків, які чимось прислужилися під час військової кампанії. Ці кадрові рішення поза волею І. Скоропадського є виразним показником того, що Москва на території Гетьманщини почувалася як окупант, ставлячись до організованих нею виборів у Глухові як до формальності.

Зібрані докупи документи № 443–449 відкривають ще одну моторошну сторінку буття Московії: жорстоке примушення підкорених, «взятих під захист» етнічних та інших прикордонних спільнот до вірності. У 1708–1709 рр. було придушено повстання башкир[*43] (за донесенням полковника Григорова, у ньому брало участь 40 тисяч чоловік[44]), козаків на Дону та Донбасі (забито, за спогадами керівника каральної акції В. Долгорукого, близько 28 400 бунтівників, спалено кілька десятків населених пунктів[45]). Подібним же чином цар утихомирював Батурин (№ 242–253), Переволочну, Кереберду, Старий та Новий Кодаки, Запорозьку Січ (№ 443–449) та інші містечка (Маячка, Нехворощ, Старі Санжари, Нові Санжари). Жертвами карального кривавого розбою стали мінімально 20 тисяч, а максимально — 30 тисяч козаків, запорожців, мирних жителів. За оцінками сучасника Петра І П. Крекшина, у результаті цієї та інших каральних акцій «изменничьи городки Батурин и Сеча Запорожская с городками взяты и разорены, изменников до тридцати тысяч порублено»[46].

Низка документів (№ 426–434) проливає світло про відшукані, схоплені кошти, цінності гетьмана І. Мазепи у Білій Церкві, Любечі, Києві. Російській владі завдяки ним вдалося вирішити ряд своїх фінансових проблем у 1709 році.

У четвертій частині також даємо 58 універсалів гетьмана І. Скоропадського за 1708–1709 рр. (№ 450–507). На перший погляд, ці документи малоінформативні та малозначимі. Проте їх особливістю є те, що вони взяті головним чином із «Генерального следствия о маетностях», яке проводилося в 1729–1931 роках у десяти полках. У поле зору ревізорів мали потрапити всі (!) підтверджувальні документи на маєтності. Аналіз цієї документації вражає: хоч для старшин було дуже важливим питання підтвердження прав на маєтності, але як у 1708 р., так і в 1709 р. вони не спішили переоформити у новообраного зверхника Гетьманщини свої володіння. Скористалися цією можливістю лише 17 представників Стародубського полку (тобто тих, яких безпосередньо очолював раніше І. Скоропадський), 12 родичів померлих урядовців, 10 значних військових товаришів (гетьманці без посад), 9 полкових старшин (сотники,

[*] Російські полки жорстоко винищували населені місця та всіх мешканців повсталих. Полковник С. Аристов, наприклад, у лютому 1708 р., спалючи під час просування краєм усі села, наказував «башкирцов от 10 лет и выше рубить голов, а ниже 10 лет брюха пороть». Історик І. Акманов нарахував 43 спалені села осілих кочівників.

[41] ІР НБУВ . — Ф. VIII. — Спр. 1787. — Арк. 38; РДАДА. — Ф.124 (1708). — Оп. 1. — Спр. 120.
[42] Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. — № 410.
[43] *Лебедев В. И.* Башкирское восстание 1705–1711 гг. // Исторические записки. 1937. — № 1. — С. 98–101.
[44]*Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII — начала XVIII вв. — Уфа : Китап, 1993. — С. 159.
[45] Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. — № 241.
[46] Год из царствования Петра Великого 1709. Из записок Крекшина // Библиотека для чтения. — СПб, 1849. — Т. 97. — С. 3.

писарі, осавули) та 2 — генеральні урядовці. Цей факт дає підстави робити висновок, що полкова верхівка Гетьманщини майже на 85–90 % до останнього вичікувала, не робила ставку на очільника, насадженого у незаконний спосіб царем у Глухові. Відсутність великої кількості універсалів на маєтності від І. Скоропадського засвідчує й те, що у 1708–1709 рр. багато старшини, підтримавши гетьмана І. Мазепу, втратила маєтності. Перерозподіл їх між новими урядовцями відбувався в основному вже після 1710 р.

Грамоти Петра I лояльним до нього старшинам (№ 616–523) теж дають привід для роздумів. У Глухові під час зібрання на вибори нового гетьмана цар мав би щодня видавати на-гора свої підтвердження на маєтності усім, хто відступився від І. Мазепи. Та, як видно, на «вибори» з'їхалося так мало представників Гетьманщини, що їх можна було порахувати на пальцях обох рук. Тож і грамот таких залишилося для історії кілька. Незважаючи на відсутність кворуму (не було представників більшості полків, генеральних старшин, значних військових товаришів, запорожців), зустріч-збори кількох старшин російське командування оголосило козацькою радою, яка, мовляв, обрала нового керманича Гетьманщини.

Наміри утворити Київську губернію були одним із головних детонаторів виникнення опозиційних настроїв серед гетьманців та рушіїв мазепинського повстання. Російські історики М. Кисельов та Я. Лазарєв вважають, що насправді «цей захід був продиктований створити ефективну військово-адміністративну одиницю для підготовки „Малої Росії" до оборони від шведського вторгнення»[47]. «Таким чином, — зазначають вони, — „радикальні" для Гетьманської України „реформи 1707 року" були, по суті, перетвореннями Білгородського розряда і Малоросійського військового округу. Вони були продиктовані потребами моменту, а не „імперським" прагненням до обмеження автономії Гетьманської України»[48]. Я. Лазарєв у низці студій піддає критиці авторів, які пишуть про вхід Лівобережної України у склад Київської губернії, пов'язану з цим «зраду Мазепи»[49]. Він наполягає, що «створена Київська губернія не зачіпала території Малої Росії (за винятком фортець аршести міст і до 1728 р. невеликого числа слобід старообрядців), а київський губернатор не мав повноважень втручатися у козацьке самоуправління»[50].

М. Кисельов та Я. Лазарєв, виправдаючи царську реформаційну адміністративно-територіальну новацію потребами Північної війни, її безневинністю для гетьманців, однак, не наводять фактів, документів про те, що Петро I проводив напередодні цих змін якісь роз'яснення верхівці Гетьманщини про позитиви губернського правління, що воно не ліквідує гетьманські інституції, полковий устрій. Низка документів (№ 524–527) доводить, що мазепинці не випадково занепокоїлися наступом на їхні права Московії. Так, 18 лютого1709 р. цар зобов'язує Д. Голіцина придивлятися до податкових зборів із міст Київської губернії (№ 524). У 1711, як показує документ № 525, у Чернігів, Переяслав та Ніжин пішов указ про збір податку з місцевих жителів, який губернатор через протест із Глухова відразу поспішив визнати помилковим. Свідчення № 526, 527 демонструють втручання київського губернатора та його підлеглих у життя Гетьманщини, ігнорування ними гетьмана та його урядовців. Доносщики ігнорують як вищу владну інстанцію гетьманський уряд. Московська влада увела навіть обмеження щодо права гетьманців самостійно визначати-обирати полковників. Тобто створення паралельно до гетьманської влади військово-губернської фактично поступово зводило автономію нанівець. Вона формально існувала. Та дедалі більше перетворювалася у церемоніальну, позбавлену реальної влади на Лівобережжі України. З нею не рахувалися, і зрештою після смерті І. Скоропадського Петру I набридло церемонитися із гетьманцями, читати їхні чолобитні, проєкти-статті про поліпшення життя. Уся ця козацька демократія його дістала, вивела із себе, а тому в листопаді 1723 р. делегацію старшин на чолі з П. Полуботком він засадив у Петропавлівську фортецю.

У 1707 році помер київський митрополит Варлаам Ясинський. Церковники обрали нового митрополита Йоасафа Кроковського. Голова монастирського приказу Іван Олексійович Мусін-Пушкін у цьому зв'язку запитував царя, хто його буде висвячувати (№ 137), оскільки немає патріарха. Петро I давав розпорядження не тільки у цьому питанні, а й дав наказ церкві, яка перейшла повністю під його управління, проклясти гетьмана Івана Мазепу. Джерела показують, що у Москві не могли для цього оперативного дійства швидко зібрати собор, а тому скликали бояр і в протокол записали, що в анафемуванні взяли участь кілька архієреїв, які ніби брали участь у ганебній акції. Насправді за тих часів вони не могли так швидко доїхати до Москви зі своїх далеких єпархій. Так само проводилося «законно» анафемування і в Глухові. Російський дипломат-воєначальник Борис Куракін у своїх спогадах чесно зізнався, що він звозив під примусом архієреїв Гетьманщини, митрополита

[47] *Киселев М., Лазарев Я.* Военно-административные преобразования в «Малой России» накануне шведского вторжения 1708 года // Славяноведение. — 2018. — № 2. — С. 47.

[48] Там же. — С. 48.

[49] *Лазарев Я.* Проблема соотношения Киевской губернии и Гетманской Украины в годы петровских реформ и российской историографии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. — № 13. — С. 95; *Лазарев Я.* «Ласкавый телок двух маток сосет»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII — первой трети XVIII в. (в порядке дискуссии с Т. В. Чухлибом) // Исторический вестник. — 2013. — Т. 4. — С. 216.

[50] *Лазарев Я*. «Не-каноничные» версии истории Украины второй половины XVII–XVIII в. в новых исторических курсах // Исторический вестник. — 2016. — Т. 16. — С. 202.

у Глухів для прокляття гетьмана (№ 528–529). І хоча вони запізнилися на цю акцію, їх усіх змусили підписати звернення до віруючих про анафему Мазепи. Архієреї явно писали під диктовку російських урядовців, оскільки їхні оцінки «проклятого Мазепи» містять однакові фрази. Проте у церквах Гетьманщини ніхто не проклинав Мазепу-благодійника до 1770–1780-х років. Доноси на священників, старшин в усякому разі не фіксують жодного випадку, щоб у церквах виконувалося або не виконувалося подібне дійство. Лише коли у Київській митрополії повністю запанували циркуляри Синоду із Санкт-Петербурга були уведені у практику церковного життя згадування анафемованих бунтівників.

У розділі **«Післяполтавські будні»** представляємо документи (№ 531–544) різного плану: як вирішення майнових інтересів владців, так і назрілі проблеми українців (№ 535), використання полонених шведів (№ 541). Цікавим, на наш погляд, є лист Г. Долгорукого № 542 про тимчасовість урядування С. Палія на Правобережжі. Використавши повернутого із заслання полковника в агітаційних цілях до Полтавського бою, московські урядовці водночас розуміли, що його, непокірного, вільнолюбно-анархістичного, непрогнозованого, зловживаючого пиятикою, важко було змусити дотримуватися певних договірних зобов'язань. До другого арешту не дійшло, оскільки С. Палій «вчасно» помер.

Частина п'ята присвячена кримсько-османському визначенню у подіях 1708–1709 рр. Розрахунок гетьмана І. Мазепи на те, що до шведсько-українського союзу приєднається Крим, не виправдався. На нашу думку, головною причиною тому стала нищівна поразка кримчан у війні серпня-вересня 1708 р. з кабардинцями, у Канжальській битві. Виступ хана Каплан І Гірея з 20–30 тисячним військом[51] в Кабарду з метою приборкання непокірних, які відмовлялися платити данину, був невдалим. Кабардинські верхники провели мобілізацію, активно вели партизанську війну і зрештою, проявивши військову хитрість, вночі фактично повністю розгромили прибульців (№ 550–552). При цьому загинуло багато кримської знаті. За цей похід хана відправили у відставку. Ці реалії допомогли Московії у війні з шведами[52]. Спроби шведів (№ 554) та І. Мазепи (№ 555) домовитися з османами через проблеми погодження, узгодження дій керівників-правителів різного рівня в результаті не мали успіху.

Частина наступних документів (№ 556–563) оповідає про взаємостунки османів з Карлом XII, мазепинцями після Полтавського бою.

Низка зібраних у **шостій частині** документів доповнює різноманітними деталями анонімну розлогу реляцію-щоденник відступу шведського короля до Бендер після Полтавського бою (№ 284). Російські урядовці примусили (№ 566) обер-маршала графа К. Піпера написати Карлу XII листа (№ 567) з проханням обміняти його на гетьмана І. Мазепу. Багато цінних подробиць несуть свідчення про переправу Карла XII через Дніпро (№ 565), полон частини мазепинців та каролінців (№ 570, 572). Листи англійського капітана Джеймса Джеффріса сповнені деталей протистояння обох армій під Полтавою (№ 564), відступу шведів до Дніпра (№ 572).

У зібранні документів **сьомої частини** фігурують матеріали про перебування І. Мазепи, Карла XII та їх наближених, обслуги, невеличкої кількості вояк у турецьких володіннях, зокрема в Бендерах. Незважаючи на звернення Москви видати гетьмана та короля, їй у цьому аргументовано

[51] *Сокуров В. Н.* Канжальская битва 1708 года // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы второй международной научно-практической конференции. — СПб. : ВИМАИВиВС, 2011. — Часть II. — С. 378.
[52] Там же. — С. 387.

відмовлено (№ 575). Російська дипломатія усе ж докладала зусиль, аби І. Мазепа як підданий царя був відправлений додому для відбування покарання (№ 579).Турецька влада опікувалася побутом непроханих прибульців, забезпечувала їх харчами (№ 583–584). Чимало виявлених свідчень дають уявлення про організацію перебування каролінців та мазепинців на чужині, останні дні гетьмана (№ 577, 589). Допит дезертира (№ 586), донесення тих днів (№ 582) показують більш-менш реальні цифри кількості союзників, які переправилися після Полтавської битви через Дніпро і «танули» в результаті постійних нападів російських підрозділів.

Завершальна, **восьма частина** документальної збірки вміщує матеріали пізнішого часу, пов'язані із повстанням мазепинців. Для любителів історії, фахівців музейної справи мають велику цінність описи трофеїв, взятих під час битв під Лісною та Полтавою (№ 590–592). Вперше вдалося зібрати 19 документів (№ 593–611) про репресованих мазепинців, хід їхнього відправлення на заслання, зусилля російських урядовців щодо виявлення прихильників І. Мазепи. Раніше ці джерела були публіковані здебільшого у різних виданнях, а тому навіть фахівці не мали можливості бачити повноту картини «зачищення» території Гетьманщини від усіх можливих опонентів Петра І.

Невеличкі дрібні доповнення до подій 1708–1709 рр. знаходимо у низці рукописних джерел 1721–1740 рр. (№ 612–621). Вони важливі для реконструкцій окремих сюжетів важливих подій.

***

У нашому проєкті збережено трактування, прочитання авторами публікацій відповідних документів згідно з тогочасними вимогами, нормами та правилами правопису. Збережено літери **«ѣ»**, **«ы»**. Водночас вміщуємо і джерела, за первинного видання яких застосовувалися сучасні спрощені правила, згідно з якими літера «**ять**» замінена на «**і**», твердий знак у кінці слів опускається.

Крім цього, чимало свідчень доби 1708–1709 рр. подано у перекладах російською та українською мовами.

За всіх цих відмінностей, які зберігаються у поданні документів, зроблено загальну редакцію у написанні власних назв, царських, королівських титулів, пропуски, втрати від часу тексту позначені [...], проблеми прочитання слів — **(?)**. Публікація кожного джерела супроводжується посиланням на першодрук.

Для полегшення користування документами збірки також друкуємо іменний та географічний покажчики (населений пункт, а також прізвища, згадані у джерелах, можна відшукати за № опублікованого документа). Подаємо також на основі укладеної збірки документів доповнений[53] довідник « Репресовані у справі повстання 1708–1709 рр., а також подальших антиросійських дій мазепинці, урядники та члени їхніх родин» (153 персони).

Автор висловлює подяку історикам Олені Бачинській, Сергію Іванюку, Олегу Корнієнку, Кирилу Кочегарову, Юрію Мицику, В'ячеславу Станіславському, Інні Тарасенко, архімандриту Никодиму, перекладачам Володимиру Дятлову (німецька), Володимиру Пилипенку (старопольська), Ользі Циганок (латинська), Володимиру Павленку (шведська), Олегу Безверхньому, Яніні Пінчук, Гокану Генріксcону (старошведська), Олександу Дубині, Костянтину Рахну, Ірині Колгановій, Олександру Герасимчуку (англійська), Євгену Луняку, Тетяні Пасовій (французька) та іншим за співпрацю, допомогу, консультації.

Сергій Павленко

[53] Спочатку вдалося зібрати інформацію про 120 репресованих осіб. Див.: Загибель Батурина 2 листопада 1708 року. — К. : Києво-Могилян. акад. ; Українська видавнича спілка, 2007. — С. 169–172.

Частина I
НАПРУГА ЗАГРОЗ

Актуальна кореспонденція

Листи гетьмана І. С. Мазепи, написані у 1708 р. до великого коронного гетьмана Речі Посполитої Адама Сенявського

№ 1

Ясновельможний мості [Вашої милості. — *В. П.*] Пане Воєводо Мій великомилостивий Пане і Коханий Брате!

Дякую дуже В [Вашим. — *В. П.*]. Милостям Пану за пересторогу, але то явні жіночі плітки, будь В [Ваша. — *В. П.*]. мость Пан впевнений, що не лише для Її мості Княжни Дольської, але і цілого світу не зміню своєї совісті, цноти, поштивості та віри. Не лише нинішньому Найяснішому моєму Монархові, але і його батьку найяснішої пам'яті і його брату, Найяснішим Монархам склав присягу підданства і є вірним їй, і хіба гробова дошка мене звільнить від неї. Віддаю на високий розсуд В. М. М. [Вашої мості милостивого. — *В. П.*] Пана, чи ті плітки достойні віри, якщо так багато діянь [Experimentow. — *В. П.*] воєнних вже після весілля княжни є значним документом моєї вірності і злості ворогів на мене і все військо, що під моїм регіментом: в Ляхівцях, де загинув полковник переяславський [Насправді він помер у Швеції. — *В. П.*] і півтори тисячі *qoucie* [? добірного] товариства піддалися *na parol*, будучи притиснуті голодом; у Несвіжі, де був убитий полковник стародубський, а з ним потрапило до полону кілька сотень товариства. Під Клєцком програна баталія з Паном Неплюєвим і миргородським полковником, відісланим мною із Мінська на допомогу полковникові переяславському. Такі ефекти [Affekty і effekty. — *В. П.*] наших стосунків з княжною. І щоб мене стимулювало схилитися до неприятельської сторони: фортуна? Так з ласки Божої і його помазанця, Найяснішого царя М.ці [Милості. — *В. П.*] переконаний, що на все моє довге чи коротке життя я не зможу мати там [у неприятеля] більше, ніж маю.

Але то все жіночі плітки і вигадки моїх неприятелів. Донісши все це, прошу, щоб В.Мць Пан не вірив тим пліткам і стало [постійно, як і раніше] мені довіряв, у тому, що в усіх ситуаціях я хочу і повинен виконувати усі манда-ти [повноваження], які отримав від мого Найяснішого Монарха Його Царської Величності. І неодмінно виконувати накази В. М. М. Пана як у публічному, так і у приватному житті від усієї душі прагну до скону мого життя.

В. М. М. Пана люб'язний
Зичливий Брат
і найнижчий слуга
Іван Мазепа Гетьман.

У Батурині 27 січня V.S.
Anno 1708

P. S. Прошу вибачення В. М. М. Пана, що не власною рукою відповідаю на лист В. М. М. Пана, бо у мене *chyrogryczna [подагрична]* хвороба у руці не допустила до письма, однак *ex mente mea* [від мого розуму. — *В. П.*] мій сестринець рідний, і ніхто інший цю відповідь до В. М. М. Пана писав.

№ 25075

№ 2

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький Мій Великомилостивий Пане і Брате!

Перш за все до В. М. М. в трьох листах поштою відписав про направлення на допомогу тритисячного [йдеться про 3000 козаків, відправлених у Польщу. — *В. П.*] загону, з тієї моєї відповіді В. М. М. Пан детально проінформований у своєму питанні. Тепер же лише, відповідаючи conformiter [відповідно] бажанню В. М. М. Пана, відсилаю мій універсал *pro securitate passus* [для безпечного проходження] тому гарнізонові, який В. М. М. Пан до Білоцерківської фортеці intendit [має намір відправити]. In caeteris *referuie* [Відповідаючи] на мій перший лист, бажаючи у нинішніх обставинах найчастіше з В. М. М. Паном *pro veteri confidentia continuare correspondencia* [щоб як і раніше

впевнено продовжувати кореспонденцію] з бажанням зоставляю [лист?].

В. М. М. Пана люб'язний і зичливий Брат
і слуга принижений
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської Пресвітлої Величності
Військ Запорозьких.

З Фастова Лютий 25 V.S.
Anno 1708

№ 25076

№ 3

Ясновельможний Милостивий Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Оскільки *ad vota* [за клятвою] В. М. М. Пана така воля мого Найяснішого Принципала, Його Царської Величності, щоб у нинішніх обставинах мав мого резидента при боці В. М. М. Пана, тому *parieruiac supremis mandatis* [відповідаючи на найвищі інструкції], відсилаю на резиденцію до В. М. М. Пана значного товариша Війська Запорозького Пана Новицького, який має *impositam* [накладені] собі *provinciat* [доручення] служити і *ex functione sua* [своєю діяльністю] сподобитися для наказів В. М. М. Пана, які й я з нетерпінням очікувати буду завжди

В. М. М. Пана люб'язний і зичливий брат
і слуга принижений
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської Пресвітлої Величності
Військ Запорозьких

З Фастова Лютий 29 V.S.
Anno 1708

№ 25077

№ 4

Ясновельможний Милостивий Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Лист В. М. М. Пана із датою 7 *preasentis* [нинішнього], написаний у Львові, отримав через пошту14 *eiusdem* [того ж самого], *ea quae par est* [що личить] великому Його *imieniowi observantia* [поважному імені],також дякую *primario* [у першу чергу], що В. М. М. зберігає *illibato candore* [безперечну прозорість] нашої довірливої кореспонденції, спілкуючись зі мною у нинішніх обставинах *fido calamo et amino* [відкриваючи душу перу]. Про те, що щойно згадав від В. М. М. Пана *succursie* [про підкріплення], чекаю на днях від двору Його Цар. Вва чіткої *rezolucyi* [резолюції] і нехай не зруйнує братерську приязнь В. М. М. Пана, що *requizicie* [реквізиції — заготівля продовольства і фуражу в місцях постою війська. — *В. П.*] *prolongantur* [продовжую], бо мені *sic volo tollitur* [треба взяти], коли *totus quid quid sum pendeo a mutibu*s [уся справа у тому, що залежу від обмежень] Найяснішого Принципала мого, Його Царської Величності, і виконую те, що мені *demandatur* [поручено]. По тому залишаюся *in puro affectu* [з чистими почуттями].

В. М. М. Пана люб'язний і зичливий Брат
і слуга принижений
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської Пресвітлої Величності
Військ Запорозьких.

Той загін, котрий *pro suppertijs* [вирушив] на допомогу, *intendo* [я маю намір] до В. М. М. Пана відіслати, вже наказав зібратися під Паволоччю, чекаю лише на *de super* [зверху] наказу.

З Фастова березень 15
Anno 1708

№ 25079

№ 5

Ясновельможний Милостивий Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

На повторні foliis [листи] Вельможного Мості Пана про *succursie* [надання допомоги] і про *reqwizicie* [примусове] відданя Речі Посполитій України я вже написав у своїх відповідях про мою надійність, яку жоден фокус не може *dehonestare* [заплямувати], а коли мені тепер Вельможний Пан пише про це у листі, тому хочу *ad nutus* [миттєво] *candide* [чистосердечно] донести, що своєму війську, котре маю *pro suppetiis* [для підтримки] до Вельможності Мості Пана відправити, наказав зібратися під Паволоччю і чекаю лише на *in dies de super* [на днях вищого] указу *de quanto et quando* [коли і скільки].

На впровадження у Білу Церкву гарнізону Речі Посполитої я маю мій готовий наказ. І вже адресував на руки Вельможному Мості Пану свій універсал для забезпечення безпеки його переходу, *ad restitutionem* [для повернення] цілої України, що належить до Білої Церкви, не можу *cathegorice* [категорично] приймати рішення без виразної згоди Мого Милостивого Пана Його Царської Величності. Тому цю *negotium* [справу] до вирішення *publici* [в інтересах держави] Речі Посполитої *desideri* [відкладаємо] *in futurum susspenditur* [до майбутнього], як і сам Вельможний мості Пан можеш *luculentissime instrui* [зробити висновок] із копії указу до мене відправленого (*quo fato* в цілому я з тим указом *non concordat* [не згоден] *in nonulis*, який мав в оригіналі у себе *ad manus* [у руках]), у якому мені *imprimitur* [закріплено печаткою], щоб я був готовий віддати міста і села, що належали до Речі Посполитої, але не віддавав, як Вельможний мості Пан *requirite* [поінформований] від мене. Коли *ultimata resolutione* [остаточне рішення] також себе самого ласці Вельможного мості Пана у невідмінному братському ставленні хочу бути і *omni studio insinuo* [роблю все можливе для того].

В. М. М. Пана люб'язний і зичливий Брат
і слуга принижений
Іван Мазепа

Гетьман і Кавалер
Його Царської Пресвітлої Величності
Військ Запорозьких.

З Фастова березень 10/21
Anno 1708

№ 25078

№ 6

Ясновельможний Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Impresiie [враження] Вельможного мості Пана у *toties* [щойно] відправлених листах *incessanti desiderio* [з нескінченним бажанням] щодо *succursie* [надання] допомоги, *manent* [залишає] у мені *alta mente repostae* [поживу для розуму, радує мій розум і щось там залишає], *in tenso cordis voto exequi* [бажання серця] підсилює, коли буде *de super ordinans* [вищий наказ], якого я *in momenta expectans expecto* [очікую в даний момент] і добре знаю, що кожне *expectatiwa* [очікування], є *paenalitas* [покаранням] тих, хто прагне до дії, *cruciatus* [мучінням], особливо там, де *res non patitur moram* [справа не допускає затримок], але коли *stricta dependentia accatenantur* [строга залежність супроводжує] усі мої дії, *et quae sunt agenda* [і те, що повинно бути зроблено] так далеко, що *positos* [прийнята] *terminos* [кінцева мета] *praeterire* [проходить повз, вислизає], а тому нехай Вельможний мості Пан мені вибачить, що *circa effectuationem* [здійснення] бажання Вашого *immoror* [затримується], чекаю для цього резолюції згори і тим часом війську, що зібралося під Паволоччю, наказую бути готовими до маршу. Такі мої перші роздуми, і Вельможний мості Пан бачить це з великою *animadversio* [уважністю], якщо той *succurs per desertam arabiam* [перехід через арабську пустелю], де під час теперішньої зимової революції і поривання ще кінь не знайде *adire corithum* [перехід у Корінф], і там у зголоднілому краю повинен *operari* [виживати], з ворогом *expiriri* [сперечатися] та тягатися на вимордованих конях після *longo et famelico passu* [довгого і голодного переходу]. Не *conserwuie* [приятель] та й не у ласці я свого війська (як перший лист Вельможного мості Пана *tagnit et angit* [обмежувати і випробувати]), бо той народ є *capax longos tolerare labores* [здатним переносити тривалу важку працю] і хоч би за Балтійське море пішки зайде *per ardua quaeque* [підноситься кожен], тільки коні на чистому азарті не виживуть.

А що Вельможний мості Пан має намір донести Найяснішому Монарху Його Царській Величності Пану моєму милостивому про мої in ferendis suppetiis cunutatia [плани у прийнятті підтримки], говорячи, що начебто мені це подобається, тоді і я *sine omni metu meo* [без будь-якого страху] раджу Вельможному мості Пану *actu edimplere* [діяти просто], оскільки, як розумію *patebit* [ясно] Вельможному мості Пану meum velle [моє бажання] йде за волею Його Царського Величності, і сенс *suquitur* [sequor — йти вслід], а не як Вельможному мості Пану *supponit* [передбачалося].

Вельможний мості Пан нехай не сумнівається у *ex illatis* [піднесеній] моїй до себе правдивій приязні і щирій *applicacyi* [прихильності], бо я *indefesso ardore et candore* [з невтомним ентузіазмом і щирістю] завжди хочу бути таким *in perpetuum* [постійно].

Вельможного мості Пана люб'язний і зичливий Брат
і слуга принижений
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської Пресвітлої Величності
Військ Запорозьких.

Eliberacja [міркування] Його мості Пана Вольського, якби без волі мого Найяснішого Принципала могли *subsequi* [дотримуватися], тоді би мені добре ввела до *in evitabilem* [те, чого можна уникнути] різних *suspicyi charibdum* [підозр Харибди].

Вельможного мості Пана добрий Приятель, також Його мосці Пана каштеляна Белзького, зажди готовий *praemunire* [захищати першочергово] і *praevenire* [попереджати].

№ 25045

№ 7

Ясновельможний Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Я вже писав до В. М. М. Пана, що маєтності Його мості Пана Коронного Обозного В. М. М. Пана залишаються не у моєму розпорядженні, окрім одного Ягорлика [Jahorlika], у якому за наказом Найяснішого Царя Його мості Пана милостивого *qua methodo et praetextu extenditur* [з певних причин продовжена] моя влада, про що *exposui* [я пояснив] перед В. М. М. Паном euidentes [про невідворотні] причини, і люб'язно доніс про те з перестерогою В. М. М. Пана Найяснішого Маєстату, однак з того часу я не отримав згідно з планом щодо Ягорлика резолюці [далі текст важкодоступний для перекладу].

Вельможного мості Пана люб'язний і зичливий Брат
і слуга принижений
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської Пресвітлої Величності
Військ Запорозьких.

У Білій Церкві
Квітня 12/23 року 1708

№ 25080

№ 8

Ясновельможний Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Лист від В. М. М. Пана з Ярослава, датований 14 *praesentis* [нинішнього місяця], отримав від *candida mente* [утаємниченого довірника] кур'єра Віденського [Wiedeńskiego], дав доброго конвоя для безпеки його проїзду і відправив *in vias suas* [своїм шляхом]. Спільний інтерес Найяснішого

Царя з Річчю Посполитою не через мене зазнає невдачі, і розглядати В. М. М. Пан *alto iudicio* [високий суд] передчасно з реляції про *intenciach* [натиск] неприятелів у наш край звідусюди, *confirmatur* [вірогідний], а коли *proximus ardet ucalegon*[сусід чекає опіки], так *competentius* [належним чином] вдається гасити *incendia* [пожежу] у своєму, ніж у чужому домі, і для *indemnitati* [захисту від збитків] у своєму краю *praevidere* [передбачені], *succurs* [підкріплення] і вони *in subsidium* [на підтримку] В. М. М. Пана вже відправлені у марші, і якщо це відміняється, то, напевно, буде В. М. М. Пан *compus voti sui* [докоряти за обіцяне]. Я для тих завдань, котрі того краю *concernunt publicum emolumentum* [стосуються забезпечення суспільної користі], а найважливіше без волі Найяснішого Царя Його Милості Пана Милостивого вирушити звідти до Дубно не можу, особливо, коли мені до цих пір *haeret* [висить] в пам'яті наказ Його Царської Величності у листі до В. М. М. Пана писаному, що В. М. М. Пану *iniunctum* [пропоновано] при наступі неприятеля переміститися в той край і *iuncta* [об'єднатися] зі мною *manu vim wi retundere* [давати опір].

Лист від двору Його Царської Величності до мене, адресований В. М. М. Пану, належно відсилаю до В. М. М. Пана і самого себе Вашій ласці віддаю, розуміючи, що так буде завжди.

Вельможного мості Пана люб'язний і зичливий Брат
і слуга принижений
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської Пресвітлої Величності
Військ Запорозьких

P. S. В. М. М. Пан пише і запевняє, що *ab oriente* [зі сходу] не маєш чого боятися, правда що і мені зичливі кореспонденти так *in vicimo* [по-сусідськи] інформують, також із самого Стамбулу *lactan ... spe tranquillae pais*, лише говорять орди стерегтися, котра не відомо, коли буде готова до маршу, треба і ті *novum emergens* [новини] сприймати завжди в обережності *animadwersia* [уважно], що Джяун Мурза [Dziaun Murza] з цілим буджацьким Ногаєм, переправившись на ту сторону Дністра, заложив собі кочовища між Дністром і Бугом, близько від наших кордонів, де Ногаї орють і сіють і будинки собі ліплять. Зважай В. М. М. Пан, як той близький сусід є *periculosus* [небезпечний] християнству, а найбільше нам. А той, який до мене тепер пише, через посла Сераскерового [головнокомандуючий турецькими військами. — *В. П.*], котрий недавно прибув до мене, нагадуючи про шкоди для Буджацької орди *noviter* [відновлені] від запорожців, які украли стадо. Excerpt [виписки] з того листа відсилаю В. М. М. Пану. Також повідомляю, що *accessit* [прийшов] Коронний кухмістр, а з того боку — маршалок надвірний, який їхав до Порти через Ясси та *gloriabatur* [хвалився] там, що на цей рік Порта не може *mouere* [бути готовою] до війни, хіба що на наступний, однак Орді *demandatum* [довірено], щоб була готова на *nutus* [поклик], якщо на те буде потреба.

Про Черкеську *sedicyi* [війну] маю найпевнішу відомість, де *rebellis ammotio, ex hoc emanavit fonte* [повстанці виходять з тої ущелини], що Хан згадував про данину, яку йому черкаси *usoluunt* [платити] відмовилися, а тепер хочуть *rectractare ceruice rebelli* [відновити війну]. Відсилав Хан до Порти, просячи *pro sopiendio hoc seditioso ausu* [для такого крамольного виклику] указ, у якому б прийшов дозвіл: хотів Хан на Черкес *cum strepitu armorum irruere* [зробити збройний напад], але Мансури і Сизивіти [Mansurowie y Siziwutowie], на який *tota moles* [уся маса] Кримської держави *nititur* [спирається] не допустили того задуму і переконали, щоб послали з Кримської орди Калгу Солтана, який *properabat* [поспішив] маршем до гір черкеських і вже був *contiquitate* [наздогнав] тих, вийшли йому *In occursum* [назустріч] черкеські посли *demisso poplite* [вищої еліти] з *deprecacio*[проханням] і належний харач віддали, з яким він без жодних колізій повернувся. Так у поган завжди не довго триває *intestinum bellum* [внутрішня / громадянська війна], щоб не *ab experientia* [з досвіду] знати, що: *Civite bellum pessimum et iniquissimum est, et quo magis durat co maiora adfert damna Regno* [між собою вони борються не довго, а їх довга співпраця приносить великі трати Королівству]. Відсилаю копію листа сераскера.

З Білої Церкви
Art. 18/29 року 1708

№ 25801

№ 9

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

З тієї оказії, котра *fausto eventu* [щасливо вийшла] в адрессі [очевидно, що А. Сенявський ще не знав, що О. Меншиков став князем і у листі його титулував по-старому. — *В. П.*] Ясноосвіченого Князя Його мості Меншикова *mит* [мого] Пана *sub glorioso* [під славою] Імені В. М. М. Пана *accerit* [допущена], *arripio impetum* [захопили мене гаряче бажання] до віддання В. М. М. Пану на спостереження моєї вини, котру завжди до Особи Його *feror* [відчуваю]. А що мені повинному Князь Його мость зобов'язує, щоб через спеціального кур'єра лист до рук В. М. М. Пана відправив. Тому *conforminis* [виконавши це завдання] виконавши реквізиції їх В. М. М. Пана, бажаю собі такого щастя, що і мій убогий *litera* [лист] може до В. М. М. Пана *fausta sub penetralia* [щасливо проникне], *individuo* [особисто] передати *pass* [в спосіб], котрий цілком певно *documenta dabit* [дасть приклад], ким я є.

Вельможного мості Пана люб'язний і зичливий Брат
і слуга принижений
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської Пресвітлої Величності
Військ Запорозьких.

У Білій Церкві
Квітень року 1708

№ 25082

№ 10

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Тільки зараз *lento passu* [досить повільно] повернувся мій кур'єр зі двору Найяснішого Царя Його мості Пана Милостивого, бо потребував через велику повінь у дорозі *commorari* [затримки]. Він віддав мені лист від Вельможного Пана, його *in pleno* [повністю] з поклонінням до рук Вельможного мості Пана [белзькому воєводі. — *В. П.*] посилаю.

Тритисячний загін вибраних вояків *Succurs* [підтримки] я вже був наказом Його Царської Величності мого Пана милостивого відправив до Случа до Вельможного мості Пана, але коли мені *ex improviso* [неочікувано] прийшла відомість від Його мості Пана мозирського старости у *excerpcie* [вибрана] у *annecto* [приєднаному] листі, що неприятель *tendit et intendit* [наміряється] до України, а тому, *ad clanda repressalia* [даючи належну відповідь] *ingruencyi* [неочікуваному вторгненню] неприятельському, мусив затримати марш зазначеного *auxiliarego* [допоміжного] війська, а й самому мені, щоб не прийшлося до Чернігова йти для протидії *dirigere gressus* [прямому руху]. Буду для того чекати вищого наказу, а тим часом вже відіслав два прикордонні полки Чернігівський і Стародубський до Лоєва над Дніпро для спостереження за ворогом. Це Вельможному мості Пану доношу і прагну бути *in perpetuum* [постійно] Вельможному мості Пану люб'язним зичливим братом.

Вельможного мості Пана люб'язний і зичливий Брат
і слуга принижений
Іван Мазепа [Jan Mazepa]
Гетьман і Кавалер
Його Царської Пресвітлої Величності
Військ Запорозьких.

З Білої Церкви
Квітень 25 1708 року.

№ 25083

№ 11

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Так розумію, що мій лист вже мав дійти до рук В. М. М. Пана, у ньому я виразив, що відправлені мною [полки] для підтримки спільних планів вже знаходяться на марші, я у свою чергу *obstacula* [перешкоджаю] *interveniunt* [вторгненню], також *disposi cum* [за домовленістю] з В. М. М. Паном *parere* [виконую] і ті *exequi* [накази], не допускаючи, *latuis ex ore* [до прикордоння]; мій посланець *exponet* [представить] В. М. М. Пану *rationes* [причини] та *impossoibilitates* [неможливості]. Я ж лише *solito cultu* [як завжди] при всіх обставинах і на кожному місці велике ім'я В. М. М. Пана *venerando* [возвеличую], знаючи при цьому, що можу бути за це *irremissibiliter* [покараний].

Вельможного мості Пана люб'язний і зичливий Брат
і слуга принижений
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської Пресвітлої Величності
Військ Запорозьких.

У Білій Церкві
Квітень 26 V.S. року 1708

№ 25084[1]

№ 12

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький Мій великий Милостивий Пане і Брате!

З поверненням мого кур'єра отримав *in profundo cultu* [з глибоким поклонінням] і *altissima* [найвищої] гідності В. М. М. Пана *aestimatione* [високоцінний] Ваш лист, за якого, коли *instruor de illibato* [проявлено неослабну] до моєї особи *candore* [щирість] від В. М. М. Пана, і до спільних загальних інтересів *ferventissimo ardore* [палке прагнення], маю чим все життя *gloriari* [хвалитися] і Речі Посполитій *gratulari* [виявляти подяку], до послуги В. М. М. Пану *quid valeant humeri quid ferre recusant* [братиму завдання, які посильні до виконання], в мені завжди *ebullit* [нуртує] бажання все *sine intermissione exequi* [не припиняючи, проводити], що мені *de super imponitur* [покладено зверху], бо я є *a tenoritudine principum mandatorum propentissimus observator at cultur* [виконавцем наказів принцепса]. *Succurs* [допомога] вже на марші під добрим командуванням панів полковників київського та білоцерківського, які за моїм наказом *dirigunt gressus* [прямими кроками] йдуть на Дубно до Сокаля, де на подальші свої дії буду чекати від В. М. М. Пана *plenam informationem* [повної інформації]. Резидент Князя Ї.мості Ракоція передав мені у руки два листи до свого правителя. З таким *expostulacia* [настійливим проханням], щоб їх переслали до В. М. М. Пана, від котрого вони могли безпечно б дійти до рук тих, кому належить, *adiungo* [пересилаючи] ті обидва листи і *committo* [додаю] *sollicitae* [прохання] В. М. М. Пану *curae* [попіклуватися], *quid opus fieri* [що належить зробити], сам же *ambio* [обходити, оточувати] буду *in totum aevum* [на всі часи]

В. М. М. Пана люб'язним і зичливим Братом
І слугою приниженим
Іван Мазепа [Jan Mazepa]
Гетьман і Кавалер Його Царської Величності
Військ Запорозьких

У Білій Церкві
Травень 13/24 Року Божого 1708

[54] Листи гетьмана Івана Мазепи, написані у 1708 р. до великого коронного гетьмана Речі Посполитої Адама Сенявського (переклад-реконструкція із старопольської та латини Володимира Пилипенка) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 3. — С. 81–88 (Переклад-реконструкцію здійснено за виданням оригіналів листів: Subtelny O. On the eve of Poltava: the letters of Ivan Mazepa to Adam Sieniawski 1704–1708 (Напередодні Полтави: листи Івана Мазепи до Адама Синявського 1704–1708). — New York, 1975).

P. S. Неприятель на Березині у трьох місцях спорудив мости, через які начебто вже переправляються легкі волоські хоругви.

№ 25805

№ 13

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Коли Ї.М. Пан Ротмістр, *retrogrado gressu* [повертаючись назад], їде до В. М. М. Пана від двору Його Царської Величності Пана мого Милостивого, тому з такої оказії набираюсь *impet pro solitio meo* [за своєю звичкою] *candore et ardore* [блиску та вогню шани] до В. М. М. Пана, для того, щоб демонструвати гідної Вашого Великого імені *obserwancyi* [повагу]. Мав би не лінитися і частіше писати до В. М. М. Пана без жодних штучних компліментів, бо *verus amor odit blanda verborum lenocinia* [справжня любов не любить потурати приємним словам], лише б стародавнім стилем відізвався б *si vales bene est* [якщо з тобою все добре], якби я щось мав гідне для В. М. М. Пана ознайомлення *occurreret* [йти на зустріч], для чого й тепер приходять до мене лише голі слова, *sine fuco* [без прикрас]. Відізватися мушу до В. М. М. Пана і те донести, що війська Його Царської Величності і війська неприятельські без жодних дій на одному місці *fixo pede subsistunt* [нерухомо стоять, як стовпи]. Коли неприятель рушить, оголосить про те незабаром *publica fama* [народний поголосок]. А я з великою честю В. М. М. Пана *aestimacia perpetuo cultu* [думку завжди поважаю] і бажаю бути

В. М. М. Пана люб'язним зичливим
Братом і слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер Його Царської
Величності Військ Запорозьких

У Білій Церкві
травень 21 Року Божого 1708.

№ 25086

№ 14

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Того ж дня, коли мій канцелярист пан Максимович повернувся від В. М. М. Пана, до мене дійшов лист від Двору Його Царської Величності Пана мого милостивого, виданий на руки Ї.Мц. Пана Українцева, з таким наказом, щоб я його зі спеціальним кур'єром до В. М. М. Пана відіслав.

Exequior [досягаючи] тоді *pro gloria* [для слави] *obsequi* [дотримання] наказу, а В. М. М. Пана *heroica vestigia* [героїчних кроків], про котрі мені *relatim* [ставлять до відома], *individuo*[індивідуально], постійної приязні пріоритети, що на кожному місці переслідують, бажаючи *intenso cordis voto* [від усього серця], щоб увесь *sterilis gleba* [безплідний ґрунт], *gloriosis* [славного] В. М. М. Пана *trita gressibus* [бойовими заходами], *in victricem* [у переможних] безсмертних тріумфах *assurgat messem* [заплодоносив]. *Commendiorem* [приводячи до порядку] моїм *serio iniunxi* [серйозно наказав], щоб військо *sub regidissima* [під командуванням] дотримувалося дисципліни, і всілякі *licencie* [вільності] та *exorbitancie coercere* [відхилення стримувати] старалися, про що нині до них і пишу. А В. М. М. Пана шановне ім'я в *omni temporo* [усі часи] *et loco veneror* [і в усіх місцях поважаю] і стараюся бути *perpetuio voto* [постійно]

В. М. М. Пана люб'язним зичливим Братом
і слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер Його Царської
Величності Військ Запорозьких

Сподіваюся і я, що мені зверху накажуть з цілим військом звідси рушити і йти до Волині

З Білої Церкви травень 21 Року Божого 1708.

№ 25087

№ 15

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький Мій великий Милостивий Пане і Брате!

У листі від В. М. М. Пана *adiungo* [додано] доброзичливо і з охотою *tessaram* [настанова] і також її *refero* [відповідь], що на придушення неприятельської сили написано *dextera Domini fecit virtulem* [правиця Господня підноситься], коли Ї.Мсць Пан Боур, генерал-лейтенант, швецький регімент за десять миль від Риги *victricibus zniosl armis* [отримав військову перемогу] і взяв у неволю живими 492 шведи. Тієї теперішньої кампанії *primitiae* [перші початки] нехай будуть *profelici omine* [провісниками] майбутніх воєнних операцій, *in secundam et faecundam* [і, по-друге, плодотворних] і безсмертних тріумфів над неприятелем, *messem* [урожаєм], який би В. М. М. Пан повністю зібрав *de prostratis hostium cadaveribus* [із трупів полеглих ворогів], *manibus* [руками], щиро бажаю.

Ad oriente [зі Сходу] доношу, що мій посол до сераскера тільки сьогодні повернувся і під час його там перебування *redijt* [з'явився] від Порти кур'єр з такою *innotescentia* [вісткою], що Реїз Ефенді, який був послом до противника, відправлений до сераскера із наказом на *expostulacia* [вимогу] до неприятеля *ratione succursu* [визначити обсяг допомоги]. А з таким *non constant* [не варто] не рахуватися. Буду і надалі від зичливих мені приятелів звідти проінформований і донесу В. М. М. Пану *candide* [чистосердечно]. А тепер *puro affecto manifestuie* [щиро бажаю і засвідчую], що я є

В. М. М. Пана люб'язним зичливим Братом
і слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер Його Царської Величності
Військ Запорозьких

З Білої Церкви
травень 27 V.S. року Божого 1708.

№ 25808

№ 16

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Лист В. М. М. Пана, написаний під Низьким з датою 9 червня, отримав через пошту *cum solito* [зі звичною] до Вашого імені *homagio* [пошаною], в котрому прочитав, що В. М. М. Пан задоволений від мене за *succurs* [сприяння] Речі Посполитій, *gratos concipit sensus* [відчуваючи приємність], *gratulor* [виявляю радість] за таку честь, що моя скромна допомога *promeriut* [заслуговує] собі у ласці В. М. М. Пана *gloriam* [пошану] і підтверджуючи *ad Vota* [дане слово], послав свій наказ до панів командирів, щоб марш був продовжений *citissimis passibus* [швидким кроком] призначеним В. М. М. Паном шляхом.

За надсилання *communicatio sciendorum* [обов'язкових повідомлень], що у вас *occurit* [відбувається], В. М. М. Пана дякую, і про те все звітуюся у листі до Ї.м. Резидента В. М. М. Пана і *intaminato candore* [із незаплямованою відвертістю] підписуюся

В. М. М. Пана люб'язним зичливим
Братом і слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер Його Царської
Величності Військ Запорозьких

З Білої Церкви
червень 9/20 року Божого 1708

№ 25089

№ 17

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький. Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Через Ї. м. Пана хорунжого брацлавського, який повертався *secundis et foecundis passibus convenio* [з успішно і результативно виписаним документом] з належною честю, і віддавши відповідні почесті Його Великого Імені, так і тепер в інтересах В. М. М. Пана і цілої Речі Посполитої засвідчив перед Ї.м. Паном Хорунжим *facilitatem* [схильність], що і надалі в мені те ж бажання до послуг В. М. М. Пана *in sterilescet promptitudo* [в неоплатній готовності], котра *nutibus* [підсилюється] В. М. М. Пана *ad coram* [наявністю] ласки і приязні Його *consecro* [поважності], стараюся бути

В. М. М. Пана люб'язним зичливим
Братом і слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер Його Царської
Величності Військ Запорозьких

З Білої Церкви
червень 10/21 року Божого 1708.

№ 25090

№ 18

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Перебуваючи як у своїй, так і у чужій *substancyey* [стороні] Пан Максим Самулович, обиватель київський *hostili manu* [ворожою рукою] від Шведів *depraedatus* [зазнав грабунків], *recurrit ad asillum* [наскоків], то з ласки В. М. М. Пана, за обивателя, як до людини, яка є під моєю владою, до В. М. М. Пана *instra* [звертаюся] і прошу, щоб В. М. М. Пан дозволив йому ту *suffragari* [підтримку], зобов'яжеш В. М. М. Пан *hoc pro actu* [цим актом] і мене до взаємного в подібних *occurencyach retaliacyey* [випадках відшкодування] і вічних собі послугах. За цим *iteralis geminando* [повторно надокучаю] моїм проханням, з тим заявляю, що до смерті є

В. М. М. Пана люб'язним зичливим Братом
і слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер Його Царської
Величності Військ Запорозьких

З обозу під Стумгородкою
липень 21 року Божого 1708

№ 25091

№ 19

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Два листа В. М. М. Пана, один з-під Низького від 11 червня, другий під Улановим того ж місяця датованим, у тих днях *in plena* [разом] від *veneratione* [шановної] Його особи отримав, у яких вказує В. М. М. Пан *quaerulos interponere dolores* [з болем] на лінивий марш і на примусові вилучення у війська, яке відіслане мною *pro ferendis* [для єднання] Речі Посполитої *suppetys* [під однією рукою] у Польщі. І сам не знаю *quid opus fieri* [що необхідно зробити] з тими людьми, котрим *fides pietas que nulla* [благочестя не має ніякої віри], мало не щодня через моїх довірених кур'єрів пишу до тих панів реґіментарів *stimulato* [підштовхуючи] їх *arte* [щиро] до найшвидшого поспіху і наполягаю *in culcando unum idemque sub rigida paene* [під жорстким натиском], щоб жодних екзорбітацій [вилучень. — *В. П.*] і грабунків не було, однак лише *fabula to narratur surdis* [то як розповідати історії глухому], грабують, як і де лише можуть, *per tot discrimina rerum* [через стільки моментів грізної небезпеки] поспішають, маючи remory [?] свої не знаю, чи *simulatas* [прикидаються], або є на те *veridicas rationes* [правдиві причини], голод і різні погрози від шляхти, котра *inhiat* [нетерпляче чатує] на їхнє життя і здоров'я, *ex hoc* [це] *motu et metu* [рух і страх] *sistunt gradum* [зупинятися] і доганяняти на марші. А тому відсилаю сьогодні значну людину від себе до визначених панів моїх регіментарів, котрі мають від мене *iniunctum* [пропозиції], щоб щодня їх прискорював *ad citissimos passus* [найшвидшим кроком], *insolentiam* [нахабство] Козаків пильнував, і, зблизившися з ними, до Бреста повернувся, не сумніваюся, що наш спільний курс В. М. М. Пан побачить вже скоро *in opere belli* [у воєнних діяннях], лише було

б достатньо провіанту і був би *securus* [безпечний] свого життя і здоров'я від шляхти. Я вже вдруге отримую власноручний наказ від Найяснішого Царя Їх Мості Пана мого милостивого, щоб я поспішав для здійснення диверсій проти неприятеля, бо війська Його неприятеля під Могилевом переправляються. Здійснюючи *supremum* [вищу] волю відповідно до того *mandatum* [наказу] Найяснішого мого Принципала, наближаюся маршем до Києва, де стану за два дні, *brevi* [швидко] звідти *migraturus* [рухатимемося], і знову буду мати честь *praesentanci* [побачитися] з В. М. М. Пана *amplexus* [оточенням], *et unionis armorum* [і об'єднати зброю], у чому *indolere* [?] мушу *supra iniquam sortem meam* [у них є багато на моєму], однак *non segregabit* [не відділяючи] мене від тих, кому *semes pro semper candido voto* [завжди довіряють слово] В. М. М. Пана посвятив впевнено у правдиву приязнь, і ні відстань, ні *vicissitudo temporum* [мінливість часу] не змінить, що Я постійно до смерті є

В. М. М. Пана люб'язним зичливим
Братом і слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської Величності
Військ Запорозьких.

З обозу від Переп'ятихи [Perepetychi]
липень 5/25 року Божого 1708

P. S. Доношу до В. М. М. Пана *fidissimo corde* [чистосердечно], що не лише шляхта погрожує відправленому війську *funesta clade* [смертельними неприємностями], але і одна поважна особа *qua sagu qua toga* [одягнута у тогу], яка залишається у *colligacyi* [у зв'язку] *intaminate* [незаплямованому] із Найяснішним Царем Їмстю, яка і у В. М. М. Пана часто буває і все бачить. Ця особа перестерігала моїх комендантів, щоб не йшли до Бреста, погрожуючи, що якщо не від неприятеля, то від шляхти і від самих жовнірів певно загинуть, і*nterposuit* [додаючи], що там великий голод. Не говорю зараз, хто є та особа, бо свого часу В. М. М. Пан сам буде знати.

№ 25092[55]

№ 20

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Нехай з нагоди тієї *intermittere* [відпустки], про яку йдеться у листі від Їх м. Пана Дашкова, належним до двору Його Царської Величності, *porrigit impetum* [розширюються можливості] до віддання належної імені В. М. М. Пана *qua sagu qua toga cultuacyi* [шани]. Тому, коли несуть *propenso effectu* [привабливий ефект] належні В. М. М. Пану спостереження, також про себе даю знати, що *lento passu* [повільний темп] мого маршу *progredior* [прогресує], оскільки я в очікуванні резолюції з висока, до того часу маю *divigere gressus* [зледь плентатись].

Війська Його Царської Величності до того часу ще *subsistunt* [зробили зупинку] у Горках, а неприятельські під Могилевом і біля Шклова. І вже зробили для свого пересування кілька мостів, але через них, *temeraris ausu* [заплямувавши відважний задум], не сміють переходити, зазнавши *impet ad primam cladem* [зіткнення із першою поразкою], у котрій, окрім поранених неприятелів, полягло їх і кілька тисяч. *In posterum* [в подальшому] під час *accedet* [приєднання] час покаже, що я на вічні часи хочу бути

В. М. М. Пана люб'язним зичливим Братом
і Слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської Величності Військ
Запорозьких.

З обозу за Києвом від Солодки
Серпень 14/3 року Божого 1708.

№ 25093

№ 21

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Через Їмць Пана Шпега, який повертався зі двору Його Царської Величності мого милостивого Пана, *compello heroicum* [з лицарським вітальним адресом] В. М. М. Пану, *pectus* [натхненний] тією доповіддю, з високою гідністю Його *aestimatia* [оціненої]. *Innotescenica sciendorum* [новими звістками] не хвалюся, не бажаючи *multiplicarentia* [їх примножувати], бо знаю, що *ex ore praesentium latoris sufficientissime de omni statu* [і так досить звучатиме подарунків] і будеш Пан проінформований, я ж лише *adiungo* [додаю], що до смерті є

В. М. М. Пана люб'язним зичливим Братом
і Слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської
Величності Військ Запорозьких.

З обозу від Бикова
року Божого 1708 Серпень 28.

№ 25094

№ 22

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Належить мені *cum rubore* [від сорому] збентежитися, бо кілька разів декларації, які були складені *in virtute* [при

[55] Листи гетьмана Івана Мазепи, написані у 1708 р. до великого коронного гетьмана Речі Посполитої Адама Сенявського (переклад-реконструкція із старопольської та латини Володимира Пилипенка) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 4. — С. 88–92 (Переклад-реконструкцію здійснено за виданням оригіналів листів: Subtelny O. On the eve of Poltava: the letters of Ivan Mazepa to Adam Sieniawski 1704–1708 (Напередодні Полтави: листи Івана Мазепи до Адама Синявського 1704–1708). — New York, 1975).

владі] монархів Його Царської Величності Пана милостивого, не могли *effectuari* [діяти], і мене *hac beare sorte* [ощасливити своїм жеребом], аби *conformi onym nisa* [подібним магічним чином], щоб міг *iuncta* [бути разом] з В. М. М. Пана *manu* [рукою], у спільному близькому союзі інтересів *bonum opus operari* [робити добру справу], ніж В. М. М. Пану звідти повторювати. Тому не дивно, що у нинішніх обставинах, *ex mensuries* [від прихованих] неприятельських дій часто *succedunt vicissitudines circa dispositiones bellicas* [треба стежити за змінами в диспозиції війни].

Лист від Ясноосвіченого Князя Меншикова не можу В. М. М. Пану *in re* [цілим] у додатку переслати, бо він датований 25 липня під Могильовом. Коли треба *seccessu pro temporis pro necessitate belli* [приділити час, якщо це необхідно війні] міг би розпорядженням своїм відмінити, а я *recentissime* [найсвіжіші] через надійних кур'єрів власною рукою Мого Пана Найяснішої Царської Величності три ординанси, один та другий та третій 5 серпня цього року, за старим календарем, отримав у Гірках. У листах *Unum idemque sonat* [однакові слова], щоб *citissimis passibus* [швидко йшов], повертаючися до Києва, а там Печерську фортецю *praesidiaris milite* [осаджену солдатами] зайняти, цілим військом переправитися через Дніпро і звідти частину полків відправити під Пропойськ для диверсій проти неприятеля, а частину до Смоленська до генерального Його Царської Величності обозу. Що вже я *effectuatum* [здійснив], сам же з артилерією *cum resides numero* [з перерахованим] військом став у середині України, спостерігаючи за діями неприятеля і очікуючи для себе на подальші накази. Щиро бажаю, щоб мені *recens disposittio* [свіжі розпорядження] і накази монарші Його Царської Величності *properantem* [були поспішати] вже *ad confinia* [до сусідства] польського краю при відступі зворотнім маршем з Борщаківки *beatifica visione* [щасливим способом], і я щоб *praesentanes* [особисто побаченого] В. М. М. Пана *amplexu privarunt* [тримав в обіймах], що ж може бути свого часу *compensabile* [гідним рекомендації] за відміну *desuper* [вищого] ординансу, коли мені скажуть від Києва *divertere* [повертати] до Польщі, ще не втрачаю надії і тепер відправляю *succurs pro suppetys* [підмогу для забезпечення] В. М. М. Пана. За ту благосхильність, що В. М. М. Пан поміж шляхтою і військом наказав *lites sopite* [заспокоїти суперечки] і подбав про безпеку війська, наказавши відправити *in societatem armorum* [на збройну підтримку] кільканадцять хоругв польського війська, за те дуже дякую В. М. М. Пану *cum aeviterna obligatione* [і на вічно буду у боргу], але якби В. М. М. Пан те зробив перед тим, напевно, те військо, що йде на допомогу, давно вже було б на воєнних діяннях і не вимагало би *tarditatem passus succedentibus periculis* [захисту під час проходження небезпек] і певні особи не втрати б власних добр.

Українською поштою, що *in ordinario cursu* [звичним собі ходом направлена] без перерви запевняю В. М. М. Пана, котрого *circa aestimatione no magni nominis* [ім'я не можна перевершити], що залишаюся *irremisibileter* [вірним]

В. М. М. Пана люб'язним зичливим Братом
і Слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер
Його Царської
Величності Військ Запорозьких.

З обозу від Русанова
Серпень 10/21 року Божого 1708.

№ 25095

№ 23

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький!

Відсилаючи копію листів від Його Царської Величності до Ї.м. Пана Дашкова, *adiungo* [додаю] мій уклін і належну Особі В. М. М. Пана повагу. Із публічних справ не маю про що розповісти, окрім того, що війська шведські переправилися через Дніпро за шість миль від Могилева і, *fixo* [закріпившись], стали *pede* [піхотою] і як довго там *subsistent* [зупиняться] час наступний *occlusans apetiet scaenam* [і захоплене місце покаже]. Поза тим залишаюся із усією щирістю до послуг В. М. М. відданий

В. М. М. Пана люб'язним зичливим Братом
і Слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер Його Царської
Величності Військ Запорозьких.

З обозу під Баришівкою
Вересень 2 року Божого 1708.

№ 25096

№ 24

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Та моя приязнь до В. М. М. Пана є щира, і завжди *sympathica virtute* [силою симпатії] до особи Вашої з належною повагою *natur et moneor* [надихаюся], котра, коли *iniquitas temporum* [непересічний час] не дозволяє *ad ceram testari* [призивати у свідки віск], але принаймні *vicaria litera anhilantia exequor vota* [спокутний лист надсилаю пояснити обітниці], для чого жодної *non intermitto* [не пропускаю] можливості, без віддання належного до В. М. М. Пана пошани, так і тепер у інтересах Найяснішого Царя Ї.мості Пана милостивого висилаю свого посланця до Ї.м. Пана Дашкова *solito cultus* [звичайним чином] В. М. М. Пана *veneror* [шанобливо вітати] і щоб усі успіхи *effundor apprecationes* [проливалися зі схильністю], при цьому підписуюся і постійно заявляю, що є

В. М. М. Пана люб'язним зичливим Братом
і Слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер Його Царської
Пресвітлої Величності Війська Запорозького.

З обозу від Бикова
14/ 25 Вересеня 1708.

№ 25097

№ 25

Ясновельможний мості Пане Воєвода Белзький, Мій великий Милостивий Пане і Брате!

Отримав листом від Вельможного мості Пана *compellacia* [звернення] повторного приходу на допомогу, про котрий, як я розумію, що перед тим *innotenscere* [стає зрозумілим] Вельможному Пану, як та допомога *citissimis* [швидко] поспішає йти, але командир її, пан полковник гадяцький, вже переправившись через річку Случ, до мене писав, *denuntiando* [даючи знати], що *in contiguitate* [не далеко] Дубна *subsistit* [перебуває] і, не лінуючись, свій марш продовжив. Залишилося лише, аби Вельможний Пан ним для спільності державних інтересів розпоряджався. Детальна кореспонденція з Вельможним мості Паном *non cessabit* [не припиниться] із моєї сторони, котра з мого боку в чистоті до особи Його *candore nullo contaminando fuco nititur* [намагається перебувати якнайбіліше], зі щирою довірою і загалом до послуг надаюся, і до самої смерті, якщо буду у стані,

В. М. М. Пана люб'язним зичливим Братом
і Слугою приниженим
Іван Мазепа
Гетьман і Кавалер Його Царської
Величності Війська Запорозького.

З обозу від Бикова
Жовтень 3 1708.

P. S. Я вже отримав з вище наказ і збираюся на марш до Білої Церкви.

№ 25097[56].

Донесення Францишка Грабі,
резидента-представника великого коронного гетьмана Речі Посполитої Адама Сенявського
при дворі гетьмана І. С. Мазепи,
до свого патрона

№ 26

1708, лютого 3. — Батурин

Ясновельможний милостивий добродію!

Його милість пан Квасньовський, поручик хор. його милості пана Вільги, у справах своєї хоругви, розбитої козаками або волохами, був тут у його милості пана Мазепи, у якого і я домовлявся про сатисфакцію з цього питання, яка не може бути надана без встановлення істини обома сторонами. Його милість пан гетьман сам відправляє свого комісара, і його милість пан поручик зі свого боку призначив особу, а після отримання інформації, яка підтвердить звинувачення, має бути *проявлена* належна *твердість* і дана всіляка сатисфакція, і будуть покарані грошовим штрафом, а *також у кримінальному порядку,* якщо виявиться те, на що скаржиться пан поручик.

Його милість Пан Мазепа вважає, що Ваша милість Пан і Добродій причетний до цього зіткнення, бо відправив зазначену хоругву у Брацлавське воєводство, яке *в даний час* не *у володінні* Речі Посполитої.

Ти писав, дуже милостивий пане і добродію, *безпосередньо* сюди, щоб коронне військо могло безперешкодно перебратися …? річку Морахву, і це стосувалося ще п'ятнадцяти миль за Морахвою, але тамтешні козаки мають звідси наказ не пропускати військо за ту ріку. Губернатори тамтешніх володінь також самі …? козаків. Усно його милість пан поручик зробить більш детальне донесення про те, яку він тут отримав резолюцію, а я місцеві події так *із перших уст* [прокоментую]. Повернувся сюди від волохів посланець, який був і у сераскера Юсуф-паші. Він *повідомляє,* що зазначений сераскер розмістив турецьке військо по обидва боки Дунаю, повністю готове до війни. Турецький султан готує великий морський флот, але куди його спрямує, чи на Біле, чи на Чорне море, і у який похід, *невідомо*. Білгородська орда запасається кіньми і робить всілякі військові приготування, але з яким наміром, визначити важко.

Тут мають інформацію, що від Порти до шведського короля, чи до його союзника після відправленого посла не було до цих пір жодного, *навіть* приватного, посольства.

З Москви сьогодні надійшла інформація, що Його милість цар вирушив із Мінська до Вільна, куди і війська стягуються, яким наказано готуватися до вирішальної битви. Місцеве військо, сповіщене вже кількома вістовими, знаходиться у бойовій готовності, його милість пан гетьман тільки чекає *зверху* наказу, коли і куди має направитися. *На основі вищесказаного* доповідаю Вашій милості панові і добродієві, що настійливо прохаючи його милість пана гетьмана, щоби був такий самий представник біля Вашої милості пана і добродія, зробив висновок із чіткої відповіді його милості, що він *повністю проти цього*, бо бачить якусь невідповідність у тому *з тієї причини*, що є представ-ник його милості Царя у вашої милості пана і добродія, і віддає перевагу тому, щоб це було …? із його милістю царем мати свого представника, коли є від його милості царя. У цьому пункті послав за рішенням, якого якби не було, покірно прошу Вашу милість пана і добродія розпорядитися, залишатися мені тут чи ні, я *у даний момент* очікую на це. Його милість пан Мазепа наказав мені писати про шифр, із виразної волі якого прошу [про це] Вашу милість пана і добродія, *решта доручаю* усному

[56] Листи гетьмана Івана Мазепи, написані у 1708 р. до великого коронного гетьмана Речі Посполитої Адама Сенявського (переклад-реконструкція із старопольської та латини Володимира Пилипенка) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 5. — С. 90–93 (Переклад-реконструкцію здійснено за виданням оригіналів листів: Subtelny O. On the eve of Poltava: the letters of Ivan Mazepa to Adam Sieniawski 1704–1708 (Напередодні Полтави: листи Івана Мазепи до Адама Синявського 1704–1708). — New York, 1975).

донесенню його милості пана поручика, а сам залишаюся, доки житиму,

Вашої милості пана і добродія
приязним і найнижчим слугою
Ф. Грабя

3 лютого 1708 р., Батурин

Рукопис 5892, номер 12937

№ 27

1708, квітня 16. — Біла Церква.

Ясновельможний милостивий добродію!

Так розумію, що мій лист, написаний *на тему* перехопленої пошти Вашої милості пана і добродія, відправленої до мене, потрапив у руки вашої милості пана і добродія. У ньому я заявив, що отримав лише розірваний конверт із газетами і рукописними *копіями* листів його милості царя і його милостей панів державних урядовців. Звідси послано розслідувати, хто є *причиною [цього] вчинку*, також і *з боку* Вашої милості і добродія потрібне *розслідування* між кур'єрами, *щоб заздалегідь подбати про конфіденційність* листування *у майбутньому.* Зміст листа, датованого 29-м *цього* [місяця], що *містить? пояснення* повідомлення із-за *суворої* мови Вашої милості і добродія до Його милості пана гетьмана щодо предмету *суспільного* значення?, і з мого донесення є *достатньо ясний,* … хоч? до цих пір був дуже гіркий, [він] справив *надзвичайно сильне* враження *внаслідок зазначеної мови.* Листи до Його милості пана Тауша відправлені посильним, вони, звичайно, *пов'язані* з листом Вашого пана і добродія, писаним 5 [числа] *поточного* [місяця]. Я доповів по всім пунктам, які його милістю паном гетьманом вирішуються таким чином. Що Ваша милість пан і добродій на сьогоднішній день відмовляєшся від *присутності по цей бік*, *необхідне* пояснення [цього] — повернути Україну і прислати підкріплення, але швидше хочеш дочекатися наказу щодо цього питання від його милості царя, і що ваша милість пан і добродій дуже…? того наказу, його милість пан гетьман радий. Досі *без жодної шкоди ним нехтувалася*, а як тільки отримає той наказ, заявляє про повну *готовність* виконати без найменшої затримки і найменших труднощів. Перша настійлива претензія на попередню тему схвилювала його милість пана гетьмана, але вже повністю заспокоєна тим, про що я сказав вище. Його милість пан гетьман не перестає набирати своє військо, і не боїться його розвалу внаслідок довгого маршу, як на підставі того, про що висловився його милість пан і добродій, так і з огляду на військову пору, що наступає, і *при сприянні* її і передбачливої Вашого пана і добродія інформації готовий [був би] на вияв цього послати підкріплення…?, якби не *так хочу, так наказую*, якого *дуже строго* має дотримуватися, як про це вже *достатньо* я писав у перших листах. Про вирішальну битву Його милості царя *абсолютно* і тут нічого не чути, хоч із того боку часто надходить кореспонденція. Щодо наказу, то тут треба зважати і на віддаленість місця, і *небезпеку,* боронь Боже, шкідливих *для суспільного блага* наслідків, які *в цей проміжок часу* могли виникати, але Його милість пан гетьман не може тому *запобігти* без волі і чіткого розпорядження Його милості царя, *від якого повністю залежить,* від якого щодо Ягорлику, якщо буде мати наказ, зобов'язується його *ревно* виконати.

Щодо рішення з приводу скарг, то звідси послані комісари до Брацлава *з усіма повноваженнями приймати рішення,* їм доручено *сміливо* контактувати з комісарами Вашої милості пана і добродія. Співчуття з приводу болю в руці, як стає зрозумілим із листа до мене, Його милість пан гетьман дуже радо приймає, зобов'язуючи мене до таких самих великих почуттів. Він подякував, уже трохи прийшов у себе, і знову на днях стався рецидив тої самої хвороби, особливо сьогодні, як він мене повідомив. Інформації про Його милість пана старосту жмудського, яку я повідомив Вашій милості пану і добродію, *повністю* вірити, бо вона і сама по собі безсумнівне донесення, і *підтверджується* з двору Його милості царя, що не залишилося при ньому більше семи хоругв. А сам його милість староста, коли зіткнувся із силами неприятелів, а йому заборонили збирати доходи із своїх помість, звернувся до Його милості царя щодо доходів із Могилевських маєтків для свого існування. Йому відмовили, але дали чотири чи п'ять тисяч рублів, і зараз знаходиться при дворі його милості князя Меншикова у тій самій справі. Зовсім не чути, щоб хоругви князя Вишневецького …? приходили до його милості старости жмудського. Щодо хитрості сераскера, то [за ним] тут добре стежать, і часто надходить інформація про його дії, і хоч представник його милості царя, який перебуває у Порті, повідомив, що там немає ніяких приготувань до війни, *слід боятися*, щоб Орді не дозволили чинити якісь диверсії, ніби без відома старших. Турецький посол повернувся від шведського короля з великими подарунками, окрім того, повіз до Порти ще два каравани різних подарунків для магнатів і державних урядовців турецького султана. Чув я і те, що він, будучи у волоського господаря, признавав справжньою…? при Станіславі і дивувався, чому Річ Посполиту представляє *невелика кількість* польських сенаторів із тих, які підтримують його милість царя. Звідси явно виступає *прихильність того посла до протилежної сторони.* У місцевому дворі *поширюється інформація,* що греків велено карати і ув'язнювати за таємне листування з його милістю царем, і ніби те саме сталося із одним із патріархів.

Тут вважають, що хоч [таку] велику війну, як та, що була під Віднем *і тому подібне,* Порта не має на думці, але може [розпочати її] Білгородська орда, яка є істотною силою при нинішній кон'юнктурі, коли кожний сераскер до того прикладає зусилля. За декларовану охорону маєтків Вашої милості пана і добродія та його приятелів за наказом Вашої милості пана і добродія я особливо дуже дякував Його милості панові гетьману і доповів, що ти, пане і добродію, добиваєшся у царя звільнення Його милості пана Вольського. Загін в Дубно швидко може стати, бо *в даний час* у значній кількості знаходиться біля Немирова, звідки

за два дні [може з'явитися] *у визначеному місці,* якщо прийде наказ. *У повернення* його милості короля вірять, але не так швидко, бо *нерв війни*, якого добивається у Його милості Царя, ще йому не посланий, а без того не може нічого починати, а коли старі війська продав?, знову здається найманцем?, *що небезпечно*. Дуже добре, що Ваша милість пан і добродій відправив посильного до його милості царя за наказом у цих справах *завчасно*, бо звітси по те саме [посилають вже] *кілька разів, із доказами* його необхідності *для суспільного блага,* і листи Вашої милості пана і добродія, писані з цього питання, посилалися *у копіях,* але жодної не дано відповіді, ані рішення, і завше ця пропозиція *обходиться мовчанкою.* Повернувся його милість пан полковник Скоропадський, який їздив від Його милості пана гетьмана у різних нагальних його справах, і *мав у доручення серед інших* настійливо просити наказів як *у справі* України, так і підкріплення. [Він] не привіз жодного рішення, виправдовуючись тим, що застав його милість Царя, коли той вирушав у Петербург, і мав тільки кілька годин вільного часу до зустрічі, на якій не вистачало йому стільки часу, аби міг по-справжньому поговорити на цю тему з його милістю царем. Ледве інші питання зміг *доповісти*, щоб було коротко. Я чув у місцевому дворі, що його милість пан стражник коронний писав до сераскера, прохаючи його, аби наказав орді перешкодити його милості тутешньому гетьманові, про якого він має інформацію, що той іде з усім військом на Волинь *із наміром діяти вогнем і мечем.* Його милість пан коронний кухмістр уже знаходився у Яссах, квапиться [назад] удень і вночі, бере усюди коней за потребою, а де стільки дістати не може, *не жаліючи* своїх коней, *продовжує* розпочатий шлях. Від його милості пана київського воєводи також поїхав у Порту його милість Пан Хмонтовський при послі турецькому, який саме повертався. Війська його милості Царя *у даний момент* стоять *у такому порядку:* кавалерія біля Могилева, де знаходиться сам пан князь Меншиков, піхота-інфантерія стоїть у ряд, почавши від Вітебська до Полоцька. Його милість Цар на ці свята усю свою сім'ю мав відправити з Москви у Петербург, де нещодавно найнятий француз мав виставляти *для показу* феєрверки, за вправністю, *як кажуть,* рівного йому у Франції нікого немає. Його милість пан гетьман тут у Білій Церкві 7 квітня влаштував парад. Коли він виїжджав, *як аплодисменти* із замку били гармати, і десь півтора десятка полків піхоти салютувало, так що і сьогодні вранці [ще так] діялося. Сьогодні? тут на французький манер стояли…? сини його милості пана канцлера Головкіна, повертаючись із чужих країв і запрошені на свято його милістю паном гетьманом, сьогодні їх приймали урочисто при частих гарматних залпах, у обох достатньо досвіду. *Інше* доношу в *додатках*, а зараз залишаюся

Вашої милості пана і добродія
приязний і найнижчий слуга
Ф. Грабя

У Білій Церкві,
дня 16 квітня 1708 р.

P. S. Жалівся переді мною його милість пан гетьман, що його милість пан представник його не має *доступу* до вашої милості пана і добродія, і став при цьому дуже нарікати на московських представників, що вони …?

Знаю *дуже достовірно*, так догадуючись *із розкладів перед діями*, так і з інформації, яку мені вдалося отримати *збоку за дуже велику суму*, що його милість цар України не віддасть, хіба всупереч його бажанню і буде вимушений, бо зичив би собі бачити її під Львів, якби до цього прагнув місцевий гетьман.

Було тут чути, що його милість пан гетьман має повернутися до Батурина, щоб готуватися до військового походу, але ця *чутка* почала *затихати*, а якби вона знову зараз *повернулася*, а пропозиції Вашого пана і добродія якби не були прийняті, *я б повернувся* раніше.

Просять інформацію, тому що тут більше вірять, що усім військам накажуть піти до Москви, ніж, *щоб об'єднати зброю,* мали [йти] до Польщі, а якби туди пішли, припинитися б мало *продовження* теперішньої кореспонденції. Побоюватися треба, аби (…) *в часи* цар не помирився зі шведським королем на теперішніх умовах, і хоч він поновив договір із Августом і королем, однак може віддати *Августу послугу за послугу,* якби на (…) була тяжкою?, а саме коли була яка нова революція у Польщі, про що *дослівно* чув із уст в Києві, до свого повернення. Печерська фортеця у Києві *турботою і старанням* його милості пана гетьмана Мазепи значно укріплена, як високими і міцними валами, так і густо поставленими гарматами, так що і сам Київ перевищує московський кремль за фортифікацією, яка відбулася цього року. Питав мене його милість пан гетьман, чи маю шифр [для кореспонденції] із Вашою милістю паном і добродієм, і *сказав*, що він потрібний, для донесення особистих тем, про які *відкрито* писати важко, так що покладаюся на Вашого пана і добродія, прошу прислати. Більше не маючи, що повідомити, крім того, що залишаюся в *гнітючому очікуванні* наказів пана

Вашої милості пана і добродія
приязний і найнижчий слуга
Ф. Грабя

Щодо того, щоб віддати Україну, то я отримав усну заяву, що без наказу з власноручним підписом царя, вона у жодному випадку не буде повернена, навіть якщо *зовсім недавно* ти писав, що його милість цар за повернення (…) старався повернути.

Номер 12938

№ 28

1708, липня 26. — Табір під Росішкою.

Ясновельможний милостивий добродію!

Я отримав перший лист Вашої милості пана і добродія, датований 4-м *поточного* [місяця], при теперішній диспозиції тутешнього війська, а в ньому вміщений ключ для читання витягу-коду, за допомогою якого усе, що маю у ньому *вставлене* для мене за наказом Вашої милості пана

і добродія, *приєднане*, [як] *доказ* у моєму додатку…?, *після написаного* тут вставлене, буде чудово *виражено*.

Його милість пан гетьман, отримавши розпорядження царя, декілька разів підтверджене, аби він із військами повернувся до Києва, пройшов із минулого місяця миль три, однак так, що марш до того місця не видається ще таким, що не можна повернутися назад, і *залишається* на цьому місці вже кілька тижнів, *маючи намір затриматися* з огляду на Августа, який, якщо вийде, сподівається на наказ з'єднатися з Вашою милістю паном і добродієм, бо той, який має зараз, даний у той час, коли двір Його милості царя, [як виглядає] на підставі усяких вістей, *утратив надію на повернення* Августа, який, якщо прийде, розумію, що його милість пан гетьман із військом *допоможе* йому, то ж я маю *настроїти його спосіб думок* таким чином, щоб не чекав розпорядження. Посилає тепер *на додаток* до висланої партії сім тисяч чудового війська під командуванням свого родича Його милості пана Маковського (К. Мокієвського. — *О. Ц.*), який скоро має рушити, тільки козаки чекають на своє борошно, яке для них вибирають по навко- лишніх містечках.

Від військ Його милості царя вчора *повернувся* посильний Його милості пана гетьмана, який привіз вістку *про битву* Москви зі шведами, яка військовою хитрістю (…), що під час самої битви у несподіваному місці зробивши переправу, зайшли в тил його милості пану Рєпніну, полк якого найбільше був у поганому стані, і тією штукою перехитрили, втративши, *як кажуть,* більше чи стільки саме своїх людей, *певним* є те, що на 10 штук гармат утратила Москва одного генерала і *близько* тисячі людей. Загинули два шведські генерали, про що, розумію, Ваша вельможна милість пан і добродій маєш точніше донесення в листах із двору, які Його милість пан гетьман посилає через *того, який приносить теперішні*, ось чому я навмисно *більш стисло [пишу]* на цю тему. Його милість цар *у даний час очікується* у своїх військах, які на Дніпрі задумують чинити опір неприятелеві, не допускаючи його до переправи, над якою мають окопатися, чого шведи не сподівалися, і коли побачать ті в Москві, *буде прийняте* тут рішення, що короля Станіслава із силою війська повернуть, і цілою силою шведи підуть проти Москви, про яку знають через «язиків» та іншими способами, що має сім тисяч війська кавалерії і піхоти. Про його милість пана коронного? кухмістра є підтвердження, що він поїхав, нічого не зробивши, і зовсім тихо щодо того, щоб Порта мала триматися тамтої сторони.

Частину бунтівника Булавіна, що складалася з 500 осіб, його милості пана гетьмана кавалерійський загін розвідників *дуже відчутно* у тих часах знищив, полковника з того боку відстрілив, і щось мало людей загинуло, а тамтой загін, *повністю* знищено, мало хто втік.

Припровадили сюди панів генерального суддю Кочубея та Іскру, які були послані Його милості пану гетьману від царя. Учора *публічно* читали грамоту Його милості царя, у якій *оголошувалась* тому краєві і цілому світу *невинність* Його милості пана гетьмана, і у ній же *дослівно додано*, щоб *смертю* вони *спокутували* свою *провину*. З ними ж приїхав Його милість пан Вельямінов, стольник царської високості, який має розпорядження не від'їжджати, поки не побачить *виконання* розпорядження. Його милість пан гетьман *прикладав зусилля*, щоб [вони] могли бути *вільні*, або ж *жили на засланні до самого кінця*, але про це не дали й мовити, і, звичайно, негайно *відбулася страта.*

Виклавши це насамперед, решту я додаю у постскриптум, а тут пишуся у військовому таборі під Росішкою *дня* 26 липня 1708 р.

Вашої Милості Пана і Добродія
найнижчим слугою
Ф. Грабя

P. S. Самому Вашій милості пану і добродію дуже конфіденційно доповідаю, що довідався від його милості гетьмана *під присягою*. Не можна описати його добрих почуттів до Вашої милості пана і добродія, у яких він запевняє через мене Вашу милість добродія.

По друге, Його милість пан гетьман має звідусіль вісті, одностайні у тому, що Август не повернеться до Польщі, і сам він на основі різних джерел, обміркувавши все, такої самої думки, подаючи між іншими і той аргумент, що король Август, маючи велику *особисту ненависть* до князя Меншикова, бачачи в даний момент його керівництво усіма військами і державними урядовцями, і владою, врученою йому *зверху*, не може впевнено *покластися* на московську протекцію.

Оскільки тоді Август не повернеться, Його милість пан гетьман *найщиріше радить* Вашій милості панові добродієві, щоб за прикладом короля Собеського *при сприянні* теперішньої кон'юнктури взяв на себе *управління* Короною, для чого подає такі способи. Його милість цар, хоч досить *прихильний* до Вашої милості пана і добродія, і Його милості панові гетьману *відомо*, що був би з того *всіляко* задоволений, і він би приклався до цієї справи, однак він обіцяє своїм довір'ям *спонукати* його до цього. Друге. Своїм проханням він *клятвено заявляє* не тільки *про допомогу* усього свого війська у зв'язку з цією справою, але й обіцяє *підтримку сусідів*, які до нього дуже *прихильні,* заявляючи, що швидше і більше на його переконання вчинено там, ніж для його милості пана коронного кухмістера. Третє. Всілякими способами, *усякого роду* і які тільки потрібні *можуть бути вимислені* і (…) до тієї справи …?, Його милість пан гетьман *запевняє, що він на таку послугу спроможний, бажає цього, і навіть дуже хоче*, також засобами своїми бажаючи щиро служити Вашій милості панові добродієві *у цьому*. Щодо цієї пропозиції, чи ти, Ваша милість пане і добродію, приймеш її чи ні, *прагне* Його милість пан гетьман чесного рішення, аби завчасно міг планувати. Якщо король Август прийде, придасться у тій справі *усіляка допомога* Вашої милості пана добродія, об'єднатися з Вашою милістю паном добродієм, якого взаємно просить про такі самі дружні відносини і довіру, в усіх як приватних, так і суспільних справах, рекомендуючи те, про що

йшлося в моєму листі від 15 поточного місяця, точніше, у приписці до цього листа. Його милість пан гетьман розуміє так, що шведи, побачивши теперішнє несподіване московське рішення, про яке я писав у листі, повернуть і ті війська, які пішли у Підляшшя і до Бреста, і усією міццю підуть проти Москви, оскільки знають про *багаточисельність* їх сил, а при такій кон'юнктурі зичив би *цю справу розпочати*.

Які б ти, Ваша милість пан і добродій, не знайшов способи *для цілісності і порятунку* Речі Посполитої і які б заходи ти не ужив, він обіцяє допомагати. Що б [іще] на цю тему Вашій милості пану добродієві можна було донести, не можна написати. А що тут писалося, я обіцяв, що Ваша милість пан добродій збереже у таємниці, і *попередньо поклявся у цьому перед розп'яттям*.

26 липня 1708 р., табір біля Росішки

Номер 12946

№ 29

1708, серпня 23. — Табір під Русановим.

Ясновельможний милостивий добродію!

Я отримав відразу три листи Вашої милості пана і добродія, два *датовані другим і сьомим числом*, а третій — через свого посильного *від 6 серпня.* Їх зміст за наказом Вашої милості пана і добродія я доніс до Його милості пана гетьмана, засвідчивши взаємну підтримку *його справи* з боку Вашої милості пана і добродія. Він, присягаючись сумлінням, честю і гонором, знову засвідчує свою приязнь до Вашого пана і добродія тощо. Мене попросили тримати в як найбільшій таємниці те, про що пишу *нижче*, і я присягнувся у цьому Вашої милості пана і своїм власним сумлінням. Насамперед він знову висловлює засторогу, донесену мною до вашої милості *кілька разів* у листах, аби не брав собі за правило покладатися на московитів із таких причин. *По-перше*, його милість цар зараз ніби забувши як про польські справи, так і про Августа, *дбає лише про те*, щоб урятувати власну державу і про власні інтереси. Це *явно видно* і звідти, що Його милості пана гетьмана присланим *зовсім недавно* через посильного-капітана наказом усе військо роззброїв, бо маючи такий *наказ, згаданий вище*, він сам відібрав що краще військо і повів до царя, залишивши при Його милості панові гетьманові недосвідчений молодняк без коней і зброї, 2800 [осіб], не взявши у Москву, і сердюків там нас пішло 15000 доброго війська. Місцевому війську, скерованому на Дон, після приборкання на Дону тамтешньої сваволі, *доручено* іти до Його милості царя, звідки *ясно видно спустошення* тутешнього краю, і, звичайно, як *наслідок*, Польщі *слід сподіватися* того самого. Друге. Із *доданого листка достатньо стане відомо* Вашій милості пану і добродієві *про сумне теперішнє становище* (…), про що коли довідається Август, певно не вийде до Польщі, а якби і вийшов, то не буде *спроможний чинити опір* шведам, і коли його милість цар [буде] на теперішній відстані, не надамо ні військової, ні грошової допомоги, на яку він сподівається. А до того ж *найдостовірніше* [відомо], що *неприхильно до нього настроєний* князь Меншиков буде перешкоджати його справам. Тоді з тих і інших роздумів тут *випливає*, що *повернення* Августа принесе тільки остаточну загибель краю і …? війни. У такій ситуації і круговороті Його милість пан гетьман *клянеться* Вашій милості пану і добродію у приязні, (…) якщо її знайде у Вашої милості пана, аби йому дозволив щиро і подружньому, дозволив *відкрити душу* і наміри, про свої заявлені і те, і друге робити [в унісон] із Вашою милістю паном. Якщо ти, Ваша милість пане і добродію, маєш намір не відступатися від Августа, просить завчасно його попередити, аби об'єднав із тим свій спосіб думок*…?,* а якби Ваша милість пан і добродій зважився на *протилежні думки*, і до того [надасть] чесно *усяку допомогу* сили способів своїх із приєднанням цілої України, яка залишається у його володінні, *до тіла республіки*, не чекаючи на це наказу, і як тільки Ваша милість пан відкриєшся із тим рішенням своїм, відразу ж на доказ справжньої своєї сили, приєднанням обіцяє дозволити вашому милостивому пану забрати Задніпрянську Україну і способи для відкликання військ своїх, які *в даний момент* залишаються при царі, і згромадження більших, і з ними *при нагоді* об'єднатися з Вашою милістю паном, також для підтягнення донських козаків *в один спосіб думок* із собою, і приєднання їх краю до Речі Посполитої. Я щоденно бачу невимовне незадоволення московським протекторатом як його милості пана гетьмана, так і *всіх і кожного зокрема*, [лунає] їх *всенародний голос*, що через [нього] Вашого милостивого пана *республіка зазнає шкоди*, а сам Його милість пан Мазепа власними устами, виражаючи свій жаль і незадоволення Москвою, повідав приблизно таке: якщо Ваша милість пан воєвода белзький не скористається такою потрібною *для суспільства*, і для слави свого імені *на віки вічні* …? нагодою, то йому треба буде відповісти *перед* Богом і Річчю Посполитою. Тепер як свідчення правдивості свого почуття, подає ваша милість пан ту рішучу застереження, яке йому *конфіденційно* з двору певний державний урядовець по секрету прислав, тобто що Його милість цар і король Август *не довіряють* Вашому милостивому пану, *припускаючи,* що Ваша милість пан через їх милостей панів Любомирських прагнеш здобути довір'я у противної сторони. Вони настійливо дбають про те, щоб військо якщо не ціле, то хоча б половину відірвати від Вашої милості пана, і вже зробили розпорядження щодо цього, приблизивши тих, які знаходяться поряд із Вашою милістю паном, взялися це доказати. Вони взяли на те у короля Августа 50 тисяч талерів через Шпігля?, писали зараз до двору про те, *якими способами і засобами* мають це чинити. Повідомили через того самого, що вже одного військового начальника *купили.* Для того, щоб дати вашому милості пану і начальнику точнішу інформацію *щодо цього*, я вирішив запропонувати Вашій милості пану і добродію, щоб Ваша милість пан прислав [когось] до Його милості пана гетьмана, видумавши якийсь повід, *що буде очевидним*, зобов'язавши його хоч би *присягнути*, *у великій таємниці* (однак так, аби про цю

експедицію ніхто, а саме пан Дашков, не знав), Його милість пан гетьман дозволив, щоб йому усно *імена та прізвища вищезазначених підлеглих* відкрити. Він покаже також *докази, яскравіші за світло,* як *підступно* поводить себе цар із Річчю Посполитою, він навіть не думає віддати України, а був би радий бачити її під Львів і далі, про що він до цих пір *дбав*. *При такій умові* це і навіть більше буде *роз'ясне-но*, якщо ти, Ваша милість пане, прилучишся до *союзу душ, зброї і почуттів* із Його милістю паном, що він же, *розкривши душу*, *буде намагатися донести*, які йому і я *більш ясно* оповім, чого *достатньо* не можна виразити пером. Його милості Дашкову послано *зовсім недавно* від двору соболів і грошей, щоб довідатися від інформаторів *про таємні замисли* Вашої милості пана і добродія, на що треба звернути увагу. Учора прийшов наказ до Його милості пана гетьмана від Його милості царя, або *на підкріплення* до вже посланого у Польщу загону відправив три тисячі козаків, але він не може цього зробити у зв'язку із зазначеними вище причинами, [не розуміє], на що б це молодняк придався, які були б наслідки цього, хіба на загибель краю. Прохаю, якнайнижче вклоняючись, щоб Ваша милість пан і добродій прислав з десяток, можна трохи більше чи менше справедливих і надійних людей, щоб возили мої листи до Вашої милості пана і добродія, бо пошта не завжди, як бачу, дійде вчасно, а Його милість пана гетьмана важко вчасно турбувати проханнями надати посланців, без яких, ведучи кореспонденцію, важко обійтися. Тепер відсилаю повторного мого посильного до Вашої милості пана і добродія з цим листом, трохи тут писав у зашифрованому вигляді, не раз Ваша милість пан і добродій [радив] користуватися шифром, бо я наперед добре зважую речі, якщо пишу, керуюся *не власною вигодою*, так що милостивий пане не сумнівайся, що Його милість пан гетьман дійсно так думає на цю тему. Його милість пан гетьман дав би мені посланця для того листа, але не міг на це зважитися, щоб не викликати підозру, так що, *звичайно, необхідно*, аби пан Дашков про теперішнього мого посланця не знав і ніхто при дворі, щоб якимсь чином до нього не дійшло і до пана Коршака. Є достовірна інформація, що князь Меншиков у військовому таборі в царській церкві наказав одному священнику, який публічно, *на очах* майже цілого війська виголошував проповідь, під час неї оголосити, що скоро Господь Бог дасть мир, що не могло бути *без таємного задуму*. Його милість пан тутешній гетьман з рештою війська свого, з Москвою, сердюками і гарматою знаходиться *в цей момент* тут, сім миль від Києва, вже кілька днів тут *залишається*, має наказ не віддалятися від Києва. За розпорядженням його милості пана гетьмана прочитали мені лист князя Голіцина, генерала гвардії, *тобто близької* до Його милості царя особи, писаний до місцевого київського коменданта. На моє велике прохання дозволено мені перекласти з московської мови на польську витяг із нього, а я шифром Вашому милості пану і добродієві, додавши до цього, посилаю *як інформацію про теперішнє становище Москви*, яка вже надумала палити власну державу, не думаючи про опір [шведам], який же *при теперішньому стані* справ має бути на руку нашим суспільним інтересам, королеві Августу військового підкріплення для далекої дистанції *у цей час* дати не може, *йде до того*, що це звалить на Його милість пана гетьмана, який тепер повністю *обеззброєний*, як я про це *більш детально* згадував вище. *На підкріплення* київському гарнізону за наказом залишив пан Мазепа Гадяцький полк, що складається із двох тисяч осіб, яких Москва, що там само залишається, розібрала між собою і щоденно по-своєму муштрує. Тут *передбачають*, що те саме станеться і з військом, посланим зараз, до чого тут *усі разом і кожний зокрема відчувають відразу,* і були б раді скинути це ярмо, яке їм тут *накидають* у теперішній революції, чекаючи для цього слушної нагоди, і маючи особливу надію на протекцію Вашої милості пана і добродія. Прочитав у адресовано-му мені листі Вашої милості пана і добродія про *несхвалення* листування з паном львівським поштмейстером, яке я розпочав *за згодою* самого Вашої милості пана і добродія, і воно мені потрібне, бо *інакше* я б нічого не знав *із суспільних подій*, про що до цього часу дізнавався від нього, а до того будь *певний*, Ваша милість пане і добродію, що я знаю, як і що маю до нього писати, і я не веду з ним таємного листування, а завжди пишу те, *що йде на користь* спільним справам. А якщо не буду мати допомоги від Вашого милості пана і добродія в тому, щоб забирати кореспонденцію, тоді відмовлюся від неї, хоч і дуже потрібний для інформації (часом і для самого Його милості пана гетьмана). Повідомивши це, *решту* залишаю для усного донесення посланцю від Вашої милості пана і добродія, якого гаряче виглядаю, залишаючись

Вашої милості пана і добродія
найнижчим слугою Ф. Грабя

В таборі під Русановим,
23 серпня 1708 р.

№ 12949

№ 30

1708, серпня 29. — Табір під Русановим.

Ясновельможний милостивий добродію!

За наказом Вашої милості пана і добродія, вираженим у адресованому мені листі *від 14-го поточного* [місяця], я настійливо просив разом із Його милістю паном Краінським Його милість пана, у Його милості пана гетьмана будучи, прислати якнайшвидше підкріплення, а Його милість пан Краінський показував лист Його милості князя Меншикова, писаний до Вашої милості пана і добродія, на додаток до цього прохання. Його милість пан гетьман виправдовується тим, що цей лист було написано тоді, коли ворог ще був за Дніпром, і увесь розклад сил при дворі був інший, які, коли [ворог] переправився, стали недійсними, *і таким чином*, як пишу *нижче*, *той, хто доставить цей лист*, доповість усно більш *детально* про рішення Його милості пана гетьмана. Не сумніваюся, що потрапив у руки Його милості пана і добродія лист, писаний моїм посиль-

ним *23 числа поточного* [місяця], у якому я чітко доніс *достовірну думку*. Повторяю [слова] Його милості пана гетьмана також у цьому листі, додаючи *за* його *дорученням молитовне звернення*, щоб Ваша милість пан і добродій зміст цього листа зберігав у найбільшій таємниці тепер і *у майбутньому*. Я за наказом вашої милості пана і добродія присягнувся. Я запевнив його милість пана гетьмана іменем вашої милості пане і добродія, від якого він взаємно, щоб він *взаємно* розкрив йому свої *наміри*, об'єднуючись *у тому й іншому сенсі* з Вашим паном і добродієм, *укріпити дух*, маючи те правило, щоб *захистом* Речі Посполитої, забезпечити собі …? на подальше життя, і пошани, якою *володіє*. У силу свого почуття він застерігає Вашу милість пана і добродія, або *на підставі* московського союзу не надіявся на жодні суспільні і приватні справи, бо *у цей час* його милість цар *дбає про власні*, і що б при цьому розкладі сил двір не обіцяв Його милості пану і добродієві, він це робить *для власних інтересів*. І ту битву з Литвою, до якої *спонукає* в листі, присланому від Вашої милості пана і добродія, князь Меншиков, перешкоджаючи *єдності душ і зброї* в Польщі, яка, як він розуміє, шкодить його інтересам, що достовірно …? Август через ті особи, які [вказані] в постскриптум до мого листа від 23 серпня, адресованого Вашій милості і добродієві, виразився, [що] *хочуть* відірвати військо хоч частково, і вже на те взяли від Августа 5 тисяч талерів, про що тепер точніше довідався, що не 50, а 5 тисяч талерів на те дано, ще дві близькі особи тим займаються, чиї імена мені не розкрито, але на цю тему мені веліли висловити дуже щирі застереження. Не може Його милість пан гетьман *достатньо* надивуватися тому, що Ваша милість пан і добродій, який на власному досвіді багато раз переконався, як здійснюються московські декларації, вичитуєш його у теперішньому листі і усно через пана Країнського, що князя Меншикова гарантія, яку він надає листовно Вашому милості пану і добродієві *на предмет об'єднання зброї* Його милості пана гетьмана з Вашою милістю паном і добродієм, буде реалізована. Хоч я не раз доповідав Вашій милості пану і добродієві, що двір щось інше сюди пише, а щось інше до Вашого милості пана і добродія, якого як і якими аргументами має легковажно трактувати звертання за допомогою, Його милість пан гетьман точну завжди має від двору інформацію. Тут був посильний офіцер, якого застав *той, хто доставив цю інформацію*; він привіз Його милості панові гетьману наказ від царя, аби *як підкріплення* посланого до Польщі війська направив ще три тисячі козаків до Поль (...), ... де вони мають чекати на наступний наказ, і пустити туди ж *дуже швидкими переходами* до Польщі, і там Його милість гетьман щоб пустив чутку, що стоїть над Прип'яттю, у повній готовності до маршу в Польщу, з усім військом, якого мало має при собі, щоб діяти?, щоб ішов *углиб* України, не дозволяючи ворогові давати звідки завгодно провіант, і палити той край, у який би мав наступати, так само псуючи і топлячи збіжжя, млини і жорна, щоб молоти. У Чернігові тим самим наказом *додано*, щоб формував склад, на 15 тисяч осмачок, половину борошна, а другу сухарів, там само наказано щодо фортифікації, бо вона не правильна, розрушати двори, яких рахують у тій окрузі на 60, з чого значна *буде* місцевим мешканцям шкода. Це також *доповідаю* його милості пану і добродієві, що через *важливу розвідку* у різні часи від місцевої старшини я зрозумів, що усі вони *погоджуються у тому сенсі*, щоб позбутися московської влади, яка важча за неволю, як вони розуміють, *і по одному стверджують* те саме і здаються такими, що бажають полякам добра. Коли Його милість пан гетьман відправив військовий загін до Його милості царя, то хотів, підкорившись наказу, послати командирами одних полковників, від чого вони *одноголосно* відмовилися, мовлячи, що ми хочемо краще тут гинути, ніж там іти на страту, на яку б нас наразили, і так пішли наказні. *Дуже ж прямо* Його милість пан гетьман просить Вашу милість пана і добродія, аби не маючи найменшого сумніву *щодо наявності* у нього щирого почуття, яке *викликає* до себе, Ваша милість пан і добродій розкрив йому взаємно свій задум і об'єднав з його [планами], якщо тільки *встигне*, поки той край при наступі неприятеля не стане попелом, і поки не будуть втрачені можливості, якими це *саме зараз* він міг би *реалізувати*. Все, що у вищезгаданому листі згадав, заявив, пропонував Вашій милості пану і добродієві *за дорученням* Його милості пана гетьмана *для суспільного блага*, усе це в *усіх пунктах і висновках*, *керуючись тим самим мотивом*, підтверджую і запевняю *у реальності виконання,* якщо Його милість пан і добродій *умову, йому запропоновану, щодо розкриття власної позиції виконав* і захотів *відчувати те саме*, то ти точно приєднав би цей край до Речі Посполитої із безсмертною славою свого імені. Для більш детального і точнішого донесення Вашому пану і добродію *усього сказаного вище* пришли, Ваша милосте і добродію, якщо хочеш, посильного, *під присягою* зобов'язаного тримати [усе] у таємниці. А якщо все *запропоноване не співпадає з позицією* Вашої милості пана і добродія, тоді Його милість пан гетьман захоче залишитися в попередньому становищі, слухаючись Його милість царя. Сьогодні прийшла перевірена інформація від Стародуба, що шведи, переправившись через Дніпро і відійшовши від нього десь на п'ять миль, і десь на 16 миль швидко просунувшись, стали *мирно* біля Пропойська, і вже близько трьох тижнів *стоять на місці*, нічого не розпочинаючи проти військ Його милості царя, і не рушаючи з місця, бо і військо Його милості царя далеко від них відійшло, дороги поперекопувавши і спаливши за собою край. *У всьому іншому* на лист мій, згаданий вище, і на усне донесення *пред'явника цього* покладаюсь, додаючи *замість кінцівки* теперішнього листа, що все тут написане за спонукою Його милості пана гетьмана, за чим якби що-небудь дало Вашій милості пану і добродієві *привід для незадоволення,* то щоб я через це не втратив прихильність Вашої милості пана і добродія, бо я, роблячи за достатньо [в силу] мого заняття, мушу все доповідати, *нічого не залишаючи нерозглянутим.*

При теперішній нагоді, повідомивши про це, залишаюся

Вашої милості пана і добродія
найнижчий слуга
Ф. Грабя

У військовому таборі під Русановим,
29 серпня 1708 р.

Номер 12950

№ 31
1708, вересня 23.

Монсеньйор!

Через декілька годин після відправлення моїм посильним *цього [листа]* прибіг посланий від Його милості царя з листами, і [також] від канцлера Головкіна, у яких йдеться про те, щоб обидва підкріплення, те, що раніше і послане зараз, відправив під команду його милості пана Поцея, *з таким смислом,* щоб нічого не доповідав Вашій милості пану і добродієві. А згаданий поручик має наказ вести ті підкріплення під визначене командування. Тоді таке застереження зі свого почуття [приязні] дає через мене Його милість пан Мазепа, а очільникам згаданих підкріплень дає наказ, аби слухалися чи усного, чи писаного розпорядження Вашої милості пана і добродія, яке їм треба давати таємно, а від Його милості пана Поцея наказав відкараскуватися удаваними причинами. І то *зовсім недавно* прийшло, що пан Дашков переконував Його милість царя, аби Його милість …? підкупив стражників …?, щоб? …? утримував Вашу милість пана *слухняним* щодо Його милості царя, на що вже ніби послано через Шпігля готівкою 700 рублів, а в соболях 300, що достовірно, як Його милість пан Мазепа повідомляє через мене, як також і те, що цареві *пропонували певні суб'єкти,* щоб бажання Вашої милості і добродія щодо повернення Білої Церкви і відповідної [Правобережної] України не *задовольнив* до *підписання* тих самих пропозицій?. Через того самого поручика прийшла вістка, що після битви, про яку я подав інформацію в першому листі, московські війська відійшли до власних кордонів, а вже *в цей час* стали за кордоном, який належить до московської держави, а шведи слідують за ними слід у слід. То Вашій милості панові і добродієві *дуже вірно* доповів, бо є

Вашої милості пана і добродія мого
приязним найнижчим слугою
Ф. Г.

Дня 23 вересня 1708 р.

№ 12951

№ 32

(№ 12952 є копією № 12951 із додаванням P. S.)

P. S.

Бунтівникові Булавіну піддалися на даний момент усі містечка і села на Дону, навіть містечко Черкаське, тамтешня столиця, фортеця має бути непогана біля води і скель, має досить гармат, амуніції. [Вона] вже тоді може мати 40 тисяч війська, з яким [Булавін] *має намір?* іти до Озова, доповідаю це, як річ достовірну [на основі] донесення, яке недавно робив посильний Його милості пана гетьмана. Вашому милості пану і добродієві вірити не усьому треба, бо спершу будучи запитаним про все Українцевим, [Мазепа] отримав від нього ж інформацію, що і як має удавати перед Вашою милістю паном і добродієм. Щодо мого листа, про якого писав, що отримав розпечатаним, то я вважаю, що це зробив пан Українцев, який писав (…). Його милість пан гетьман не помилявся, доносячи, що я звідти усі секрети доношу (…). Новицькому *дорікнув* Його милість пан гетьман, однак має …?, що ти, Ваша милосте пане і добродію, те йому пояснюєш, що я пишу і те що змінюється; …? царська чекає на допомогу Вашої милості пана і добродія, при якій Його милість пан ротмістр Камінський чекає подальшого його наказу. Також і Його милість пан брацлавський хорунжий

Від його милості п. Грабі
№ 12952

№ 33

1708, вересня 23.

Монсеньйор!

Хоча Вашому милості пану і добродієві через вістового із двору Його милості царя його милості пана генерала …? про недавню сутичку московського війська зі шведами, однак, щоб згаданий *посланець у своєму донесенні не повідомив частину*, я роблю правдиве донесення, яке чиновники прислали Його милості панові гетьманові. Частина шведського війська у кількості п'яти тисяч відповідно до московського повідомлення з правого крила відділилася на милю від війська, про що коли *довідалося* московське військо, йому було наказано [вислати] проти неї загін, який складався із Преображенського полку з п'яти тисяч осіб, із Семенівського полку чотири тисячі, інших полків …, [загалом] з тринадцяти тисяч, *дієво* під командуванням князя Голіцина, який, переправившись уночі через річку, дуже багнисту і болотисту, над якою стали шведські війська, напавши на шведів, які цього не очікували, як настав світанок, розпочав битву, і вогнем, який тривав півтори години, зігнав із поля. Шведський король хотів допомогти своєму війську двома чи більше загонами, але не міг їх переправити через ту річку ані в кінному, ані в пішому порядку. Його милість князь Голіцин відразу повернувся до основного військового табору, а шведські війська, які не могли ніде знайти переправи, пішли уверх по тій річці до Мстиславля, де вона починається, а війська Його милості царя почали відступати. Це сталося за три милі від Мстиславля. Шведів мало загинути, згідно з донесенням згаданих державних урядовців, дві тисячі, і *приблизно стільки саме* Москви, або й більше, [вони] тільки ту мають перевагу, що зігнали з місця.

У шведському війську *така велика нестача продовольства* для замореного Москвою голодом краю, що передане збіжжя, зерно і борошно, а також зерно, яке вони мають із

собою, мелють на хліб. Повернувся сюди на днях мій посланець, якого до Вашої милості пана і добродія відсилаю *з цим [донесенням]*. Зміст листа, який він привіз, Його милості пану Гетьманові я доніс *у дуже ефективному викладі*. Він *нетерпляче* очікує дієвого рішення Вашої милості пана і добродія щодо своїх пропозицій, донесених мною, *декларуючи в даний момент* …? усі, які я *достатньо* не

Денгоф давно виразив, добрі почуття до Вашої милості пана і добродія, *додається довіра у справах, які зараз діються,* а *діло,* виражене мною …?, зичить негайно починати, аби військовий експеримент між монархами *повністю* аби принаймні значно на який бік служачи несподіваного (…) між ними не вчинив кінця. Для чого швидке перебування його милості пана Сулмірського тут *очікується,* якому аби Ваша милість пан і добродій удаваний привід посольства зайшов, дуже *необхідно* так, аби і у війську не знали …. *Зараз* я очікую посланих до мене, які дуже потрібні і без них мені *не обійтися*. *Напучений* Його милістю паном гетьманом, повторяю Вашому милості і добродію ту засторогу, що як Бог на небі — правдива річ, щоб двору *не довіряв* Ваша милість пан і добродій, про що і пан Шпігель звідти їдучи зробив мені донесення, і знаю, що не утаїв того перед Вашою милістю паном і добродієм, і за те ніщо не може бути більш правдиве, що двір старається відірвати усе військо або його частину, очікує Його милість пан гетьман *із дня на день* свого посланця із двору, від якого сподівається довідатися імена, які у це залучені. Він знає … те, що серед них знаходиться його милість пан Рибінський, і не може бути ніякого сумніву у Вашого милості пана і добродія, … що Ваша милість пан і добродій маєш також резидента у короля шведського, і вищезгадані до цього приклалися. Зараз свіжим наказом Його милості пану гетьману наказане дружнє *на людях* листування з Їх милостями панами Денгофом? і Поцеєм, під командування якого наказано послати повторний загін. Решта на цю тему я *розповім* його милості пану Сульмірському, якого *теперішня* з Його милістю паном зустріч *багато усякого? приносить суспільного і особистого*. Його милості пану і добродієві таємно в попередніх [справах] (…) дуже настійливо повторяє просьби свої Його милість пан гетьман, у чесності якого не треба мати жодного сумніву. Маєш зараз у руках своїх те, Ваша милосте пане і добродію, чого Річ Посполита минулих століть *через стільки крові пролитої крові* добитися не могла. Пишу то на доброму фундаменті. Повторно посланому козацькому підкріпленню наказав Його милість пан гетьман затриматися біля [річки] Случ, або пол…. (…) для подальшого розпорядження Вашої милості пана і добродія. А сам він із військом завтра перейде на інше місце дислокації, звідси милі на три, для кращого випасу біля лісу, якого тут взагалі немає, віддалятися з цього горизонту не? бачу ознак. Будучи у той час в Батурині, Його милість пан гетьман *урочисто* святкував перемогу, про яку писав вище. Сьогодні тут у таборі той тріумф при залпах гармат і ручній стрільбі має відбутися під час банкету. *Багато не* …?, отже, пишу, будучи втомленим і додаю?

Вашої милості пана і добродія
найнижчим слугою
Ф. Г.

У цей час надійшло до Його милості пана гетьмана війська быльше трьох тисяч, зібраного за суворими наказами із тих, які залишилися у домах, і очікуємо що раз більше.

Дня 23 вересня 1708 р.

P. S.

Доповідаю як дуже перевірену інформацію те, що усі полковники та інші *впливові особи одної думки* з Його милістю паном гетьманом, і запевняю, що не іншої, а тільки такої, як не упустити цю нагоду. Також великі, про які й написати не можна, мають до монарха претензії, який не дотримується [своїх обіцянок] ні перед ким, а все більше наступає на майно їх і життя *загалом і кожному зокрема*, шукає тільки на це відповідну нагоду.

Про якнайбільшу таємницю *усіма святими* просить Його милість пан гетьман, бо від цього *залежить* його життя і *щаслива доля*.

Номер 12953[57].

Реакція на донос В. Кочубея та І. Іскри

№ 34
1708, лютого 24.
Лист гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову з проханням захистити від оббріхувачів
Светлейшій князю.

Яко оказала послания моего почтеннейшей вашей княжой свѣтлости особы, койного себе по Бозе и по всемилостивейшом моем царе и государе его царском величестве избрал навсежитие защитника патрона и покровителя токмо вашу княжую светлость, яко и ныне в крайней моей

[56] Донесення Францишка Грабі, резидента-представника великого коронного гетьмана Речі Посполитої Адама Сенявського при дворі гетьмана Івана Мазепи, до свого патрона (переклад О. Циганок) // Сіверянський літопис. — 2018. — № 4. — С. 94–106 (переклад здійснено за виданням: *Subtelny O*. On the Eve of Poltava*:* the Letters of Ivan Mazepa to Adam Sieniawski 1704–1708. Ukrainian Free Academy of Art and Science in U.S. NewYork, 1975 [Напередодні Полтави: Листи Івана Мазепи до Адама Синявського 1704–1708. Редакція, вступ і анотація Ореста Субтельного. Передмова Олександра Оглоблина. Видано Українською Вільною Академією Наук у США. Нью-Йорк, 1975]. — С. 93–112).

беде печале напасте и клеветах негде инде іщу заступления помощи о рады и милостиваго предстателства, токмо у вашей княжой светлости, первейшаго и ближайшаго его царского величества всемилостивѣйшаго моего царя и государя министра и многоможнейшаго ходатая.

Болезни и печали обыдоша мя от всюду и яко от начала клопотливаго моего гетманского уряду неймею покоя от враждебных моих ненаветников, клеветавших на мя направу, тако ныне, при кончине уже жития моего, таковыи лжеклеветники и капатинки паче же горше первых не дают мне все злобными своими изобретениями спокойно умерети, тщащееся непорочную мою не токмо словом или делом, но и помышлением душегубского зменичества и сказанную ко его царскому величеству, всемилостлевѣйшому моему царскому величеству помрачити и честь мою совокупне з житием испразднити, неразширявся жалостивими моими словами и о самую вещь, объявляю вашей княжой светлости сим временем в мимошедшие в розных числех уже в поход военной пребывая, получил я с Полтавы от полковника тамошнего и от иных доброхотов моих такую вѣдомость, что житель тамошний, полтавской человек худородный Перехрист, прозываемый Петро, имеючи жену и дети и свой так в Полтаве [...] и краткого ставити будет отслуживати должействую. Яко также непременной есм вашой княжой светлости истинный приятель брат и слуга Иван Мазепа гетман рукой власною.

Из Фастова февраля 24, року 1708[58].

№ 35

1708, лютого 28. — Москва.

Лист князя М. П. Гагаріна до О. Д. Меншикова

Светлейший Князь, отец мой, Государь милостивый, ни о чем ныне не могу доносить твоей светлости, ведая приключившийся ныне паче оных дней многой труд твоей высокости. А сего умолчати мне твоему рабу не мочно. Явился на красном крыльце ахтырский писарь и сказал на карауле, что есть с ним доношение о великом царственном деле. И подал мне 3 письма: одно к Царскому Величеству, второе — Государю Царевичу, третье — твоей светлости, посланный от ахтырского полковника с ним.

И в письме, Государь, — Государя Царевича явлено, что донесет ему Государю тот посланный его писарь на словах.

И применяясь, Государь, к указам Царского Величества, каковы есть нам о подметных письмах, то письмо, которое к Царскому Величеству, распечатал и чел, и писано, будто о измене господина Гетмана.

И выразумел, что то письмо от его неприятелей и храня того, чтоб то слово от того посланного не было явно иным, чтоб в народе не произошло от того смятения, того присланного послал в Угрешской монастырь и велел до указу за караулом держать крепко. А то письмо послал до Царского Величества; також, которое подписано на имя твоей светлости, послал при сем письме (*Письмо пока не найдено*).

И о том прошу твоей светлости, прикажи мне ответствовать о том писаре, который подал вышеименованные письма.

Послушный раб твоей светлости князь Гагарин[59].

№ 36

1708, березня 9.

Лист графа Г. І. Головкіна до охтирського полковника Ф. О. Осипова

Всемилостивейший государь, выслушав дело, изволил милостиво принять, и вас за то уведомление, видя вашу в том верность, премилостиво похваляет, и повелел мне к вашей милости указом своим с сим нарочно посланным господином офицером писать, дабы ваша милость немедленно по получении сего виделись с господином полковником Искрою и объявили ему, что его царское величество верность его и объявление, которое он вашей милости учинил, принял милостиво.

И понеже желает его царское величество яко о таком важном деле сам от него, Искры, и от вас о том деле изустно слышать, того ради указал вам собще с ним, господином Искрою, ехать как наискорее чрез Смоленск в войско к его царскому величеству, а до времени извольте сие содержать в высшем секрете, ибо его царское величество желает то зло чрез вас упредить, дабы Малороссийскому краю не произошло какого зла, как и в прошедших летах бывало от такого возмущения и невинных кровопролития[60].

№ 37

1708, березня 11

Лист графа Г. І. Головкіна гетьману І. С. Мазепі

Вашего сиятельства писание от 24 февраля из Хвастова с г.Скоропадским купно с листом вашим к Его Величеству при самом отъѣздѣ его получили, который лист он г. Скоропадский сам Его Величеству подал; а какия обнадеживания Его Царское Величество о своей к вам милости, и что о вашей верности на мало сомнения не изволит имѣть, приказывал с оным г. полковником, о том он вашей милости изустно сам донесет. Також о том изволил Его

[58] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — С. 231–232 (Архив СпбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 47. Л. 1-2. Копия XVIII в.).

[59] Публикация М. К. Марченко (Измена Мазепы) // Русская старина. — 1901. — № 4. — С. 151–152 (Рукописн. Отд. Библ. Акад. Наук. Бумаги кн. А. Д. Меншикова).

[60] *Маслійчук В.* Донос Іскри і Кочубея проти Мазепи. Слобідський контекст. — Режим доступу: http://www.istpravda.com.ua/digest/2014/03/21/142023/

Величество приказывать с г. Скоропадским, дабы Ваше Сиятельство то дѣло управляли таким образом, как в своеручной его к вам граммотѣ изображено, а отсюда послан нарочный офицер к полковнику ахтырскому Федору Осипову с обнадеживательным письмом, дабы он с Искрою видѣлся и обнадежил его будто Государевою милостию, и взял его его с собою в Смоленск, будто для изустнаго донесения Царскому Величеству, — а как Кочубею послан тот перекрест, который от него приѣзжал, и с ним офицер от гвардии с таким же обнадеживательным письмом, будто б то его Кочубеево доношение принято за благо, и дабы он для лучшаго объяснения и разговоров со мною был в ближния места к Смоленску; — и буде сей способ удастся и они приѣдут, то взяты будут за арест, и потщимся с помощию Господнею, чтоб тот злой корень возмущения из Украйны был изторгнут, и Вашему б Сиятельству на сих навѣтников показано было отмщение. Буде же Ваше Сиятельство чаете без всякаго сомнѣния оных возмутителей от себя переловить, как о том в граммотѣ Его Величества к вам изображено, то извольте то чинить, не смотря на тѣ наши посылки, и стараться, как бы их наискорѣе в руки получить; ибо Его Царское Величество сомнѣвается, нѣт ли какой факции неприятельской в Украйнѣ чрез сих возмутителей; понеже с неприятельской стороны давно уже о том разглашают.

Из собственнаго ж Вашего Сиятельства до меня писания уразумѣл я, что изволите зѣло о сем оскорбляться и с сокрушением писать; но я Вашему Сиятельству чистым приятельским серцем объявляю, что ни мало не надлежит вашей милости о том оскорбляться; ибо Царское Величество ни малаго сомнѣния в вѣрности вашей не имѣет, так что и слышать о сем не хочет. — Вашей милости надлежит разсудить, что всегда обычай клеветникам на добрых и вѣрных особ навѣтывать, но болѣзнь их обращается обыкновенно на главы их[61] (…)

№ 38

1708, квітня 6.

З донесення Г. І. Головкіна, Г. Я. Долгорукова і П. П. Шафірова царю Петру І про стан справ в Україні та про В. В. Кочубея та І. І. Іскру

...Получили государь мы от гетмана господина Мазепы письмо, в котором пишет, что Кочюбей и Искра, уведав о приближении посланных ево для взятья их к местности ево Кочубеевой, Дыканце, обретающейся в Полтавскому полку, ушли сначала на Коломак, где нарочно, в пасеке своей Искра зделал для уходу крепость, а потом увидя, что во оной не могут оборонитца, оттуды побежали к Самаре. Но и тамо, когда посланные гетманския разделяся зашли им перед, тогда они, оставя тот путь ушли в местечко Ахтырского полку, имянуемое Красный кут, и обретаютца де под защищением ахтырского полковника Федора Осипова. Он гетман зело опасается, чтоб ему не пострадать от единомышленников Кучюбеевых и Искриных, а наипаче того, дабы они обредаючись свободно и безопасно, в блиском от Полтавы разстоянии, видя свою крайнюю погибель, не возмутили против него на убивство народа малодушнаго чрез сродников своих, которых де много есть знатных людей и при нем гетмане ныне в Хвастове и во всех полках. И для того зело он просит о посылке туды в Ахтырку указу о выдаче их и о присылке оных в Киев для розыску. И мы государь о сем зело было опечалились, дабы те воры Кучюбей и Искра не ушли за рубеж в Крым, или б не пристали к Булавину и запорожцом. Но потом обрадовали нас присылкою порутчик господин Озеров и капитан моего полку Дубенской, посланные к ним с письмами, что съехались они Кучюбей и Искра и полковник ахтырской в местечке Ахтырского полку Богодухове. И тою де присылкою зело благодарны и на милость вашего зеличества надеясь едут они, Кучюбей и Искра, купно с ними на Белгород и на Куреск и Рылеск и Смоленску, о чем и полковник ахтырской Федор Осипов ко мне пишет. Тако ж особливо в Кочюбееве письме ко мне написано, что он за присылку помянутого моего письма к нему и за обнадеживания вашего величества и за присланного конвоя Озерова для бережения его от опасности, зело благодарен и желает как наискорея в указное место к Смоленску прибыть, дабы со мною видетца. И для того он согласясь с полковником ахтырским с Федором Осиповым и с Ыскрою хотели ехать с посланными нашими вышеописанным трактом к Смоленску. И мы государь за благо разсудя послали от себя ныне к ним навстречю подполковника полку господина фелтмаршала Левашева, которой человек гораздо нам кажетца добр, и наказали ему, чтоб он, ежели с ними в дороге встретитца, сказал, что он прислан к ним по вашему указу для лутчаго и безопасного их в пути препровождения, и ехал бы с ними днем и ночью до Смоленска немедленно, и брал по городам служилых людей и того смотрел накрепко, чтоб они з дороги не ушли. А естли увидит опасность или в них сомнение и что их вести на свободе опасно, то велено ему их Кучюбея и Искру, и при них обретающихся людей, вести за крепким караулом или сковав, потому государь Озерову и капитану Дубенскому о сем подлинно было, чтоб их за караулом или окованных весть не приказано, и чинить было над ними им не с кем, понеже посланы были одни. А ныне помянутому Левашеву придал я полку своего конных салдат несколько человек. А будет паче чаяния они либо за чем не поехали еще из Ахтырки или куды ушли, то велели ему мы их по всякой возможности трудитца получать в руки и привести, и в Белгород и в протчие городы дали ему указ, чтоб для того дали б офицеров и салдат, сколько потребно будет. И естли государь оные Кучюбей к Искра где не остановились и по намерению своему едут к Смоленску, то чаем их прибытия туды вскоре. Того ради просим от вашего величества немедленно указу, где повелишь ими розыскивать

[61] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. — М. : Типография Н. Степанова, 1839. — Т. 11. — С. 45–46.

в Смоленске ль или, по желанию гетманскому, велеть их отвесть для розыску з Киев и кому розыскивать, и от гетмана Мазепы требовать ли к тому кого присланного со обличением на них, и естли явитца их воровство, укажешь ли их пытать. А сюды государь в польские городы кажетца брать их для розыску ради опаски от поляков не надлежит. И на сие изволишь государь прислать немедленной указ, ибо сие дело скорого окончания требует, дабы в продолжении от их единомышленников чрез возмущение или какую факцию неприятельскую не учинилось в народе малоросийском какого возмущения на гетмана Мазепу, чего он зело в своих письмах опасается. И мы государь к гетману Мазепе о всем том дали знать и обнадежили его вашею милостию, и что будут они по приезде в Смоленск скованы, и чтоб он нимало не сумневался о том, чтоб их наветам какая подана была вера.

Каковы государь от Урбиха мы ранние письма вчерась получили, и с тех, что нового явилось, учиня краткую отписку, при сем к вашему величеству посылаем. Зело государь нам сумнительно, что Урбих гораздо со многими о гарантии против турка говорил и опасаемся что б то дело в даль не огласилось. А ему мнократно указом вашим писано, чтоб он в высшем секрете с немногими уверенными особами о том говорил, в начале яко из себя си во ответ против их прежняго предложения, а ежели их склонность увидит, то б учинил с ними, согласясь, проект и прислал в доношение к вашему величеству. А он з том, как видим, не гораздо осторожно поступает. И ныне желаем от вашего величества указу, повелишь ли ему в том деле далее поступать и полномочную и наказ послать, или велеть о том умолчать, дабы тем турку, как разгласится, не подать причины, и больши б ис того себе вреду, нежели помощи их чаять, не починить. А мы государь междо тем к нему Урбиху писали, чтоб он в том деле поступал опасно и говорил бы не со многими секретно. Князь Дмитрей Голицын, каково государь ко мне письмо пишет о Булавине, с того при сем копию к вашему величеству посылаю, а гетман господин Мазепа о том же к нам пишет, что он хотя езе трижды письма о том от нас к нему по указу вашему писанному приказал полковнику полтавскому промысл чинить над оным вором Булавиным, однако же сумневаетца в том, что естли пристали к нему своевольники запорожцы, то де, как ворон ворону глаза не выколет, как казак на казака сильно наступать не будет, и просит чтоб приданы были ко оным казакам великоросийские войска вашего величества, понеже де оные при них лутчие будут служить ради В потвержение прежнего посланного письма х князь Дмитрею Голицыну. Ныне паки писал я дабы он против того вора Булавина с служилыми людьми, естли нужды вящей нет, сам шел, а буде нужда есть то б кого послал и всячески тщился, чтоб того вора Булавина злыя намерения как наискорея искоренить. А из ево государь князь Дмитреева письма видно, что он опасаетца в том и пишет, что у него людей малое число, о чем лутчее изволите выразуметь ис того приложенного списка с письма ево к нам писанного.

Вышепомянутый граф Белеардий какову книгу издания своего, чтоб к вашему величеству послать, подал, и оную, при сем посылаем. А каковы ведомости здесь о неприятеле, о том писал к вашему величеству господин фельтмаршал. При сем посылаем к вашему величеству выписку, присланную с Москвы, о присылке з Дону донских казаков воров. Вашего величества раб Гаврило Головкин. Последний раб вашего величества [князь] Григорей Долгорукой. Раб вашего величества покорнейший Петр Шафиров.

Из Витебска 6-го дня апреля лета 1708-го.

P. S. Видитца государь нам из отписки донской, что они казаки верность свою к вашему величеству являют. Тако ж мнится государь нам, что б потребно было тех, которые ис Федосеевской станицы с повинною приехали, отпустить, дав жалованье к тем казакам, от которых присланы з грамотою, что вины их им изволишь милостиво простить, дабы иных тем прикладом склонить. А те все казаки, отосланы ис Посольского Приказу В Преображенской Приказ[62].

№ 39

1708, квітня 11. — Вітебськ.

З листа графа Г. І. Головкіна до царя Петра І

…О Кучюбее, государь, и Искре более прежних ведомостей не имеем; а когда, государь, уведаем, что они прибудут в Смоленск или где ко оному в близости, то мы немедленно поедем в Поречье и их велим привесть туда и будем роспрашивать, дабы уведать о их начатом деле и познать оного основание, и что явитца, о том будем доносить вашему величеству; а меж тем будем ожидать указу вашего величества, где изволите ими розыскивать; а чтоб их, государь, брать сюды в Витепск, и о том будет розгласка. (…)

P. S. Сего часу при отпуске сего куриера получили мы, государь, ведомость о приезде Кучюбея и Искры в Рословль, с которою ведомостью прислан к нам от них тот же перекрест, которой к вашему величеству присылан был от Кучюбея, и привез ко мне писмо от порутчика Озерова и от капитана Дубенского, что они едут благонадежны к Смоленску и с ними ж едет некакой сотник и поп и несколко иных казаков, которые в той же мысли с ними обретаютца, и людей их при них немалое число. И чает тот присланной, что они уже в Смоленску. Того ради едем мы в сих числех в Поречье и велели и их туда ж привесть, а людей их лишних велели оставить в Смоленску, и будем, приехав, их роспрашивать и выведывать основания того их дела, и что явитца, о том вашему величеству доносить будем[63].

---

[62] Булавинское восстание (1707–1708). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 378–381 (ГАФКЭ. Кабинет Петра I. — Отд. II. — Кн. № 8. — Л. 418–420 об).

[63] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград : Изд-во академии наук СССР, 1946. — Т.7. — Вып. 2. — С. 711–712.

№ 40

1708, квітня 25.

Лист гетьмана І. С. Мазепи графу Г. І. Головкіну про підробні листи, які міг скомпонувати В. Л. Кочубей, та опозиціонерів-змовників І. І. Іскру та І. Черниша

Обвеселил меня от части Ваша Вельможность своим обнадеживанием о Кочубеѣ и Искрѣ в горькой и несносной моей печали, от которой, засвидѣтельствуюсь Богом живым, токмо что еще в живых обрѣтаюся; а самым дѣлом приумножившихся от нестерпимой скорби болѣзнях и крайне немощи приближился уже до врат смертных. Оклеветания их не боюся; ибо оным не могут в вѣрности моей и единаго обрѣсти порока; а естли бы на бѣлых листах, которые я Кочубею с подписанием руки моея и с приложением печати войсковой отъѣзжая многажды оставлял, для отвѣтов и указов в полки, что противное вѣрности моей он из проклятаго и враждебнаго вымыслу написал, того можно допытаться, кто писал оное. Также и Искра, древний лживец, естли будет имѣть какое письмо из Сѣчи от писаря, или от кошевого, то вѣрить тому не можно; ибо они оттуда может имѣть такое письмо, какое только захочет, потому что писарь оный при кошевом есть Искрин человѣк, им воспитанный и от него в писари кошевому доставленный, и которого родный брат и отец их и ныне при нем Искрѣ находится; — но надѣюся на милость Божию, и на совѣсть мою, в непреткновенной вѣрности незазорную, что и сама лжа пепельная не может ничего доказать и вѣры моей посрамить. Токмо стыдно мнѣ и сердечно жалостно, что уже при кончинѣ моей, всюду не токмо в великой и малой России, но и за границею в Польшѣ и Литвѣ, о таковой враждебников моих клеветѣ пронеслася, к вѣчному моему безчестию, вѣдомость, которой хотя многие не вѣрят, но большее число противно толкуют (…) Того ради покорнѣ прошу дабы иные мои клеветники были сюда до мене присланы скованные, чтоб весь народ непрестанную ко мнѣ монаршую милость, а к ним страшный гнѣв видѣл. О Чернышѣ извѣствую, что принят крѣпко и скован, но во всем таится и невинным чинит себя, а говорит, будто Ваша Вельможность, и его милость тайный секретарь, по какой-то вражде на него все то вымыслили, и без указу Его Царскаго Величества приказали его арестовать, для чего в обличение его надобны б его Черныша письма, а на полковника миргородскаго Апостола прилѣжное имѣю око, и ничѣм его не тревожу, но паче кажуся дружески с ним поступать. — Прошу вторично и покорно Вашу вельможность, да явиши в сем дѣлѣ, в крайне моей печали милость с родом твоим, которую аще забуду, забвена буди десница моя[64]…

№ 41

1708, квітня 30. — Білоцерківська фортеця.

З листа гетьмана І. С. Мазепи графу Г. І. Головкіну про намір змовників усунути його з гетьманства та обрати нового гетьмана

…Правда то, что как препочтеннѣйшую Его Царскаго Величества всемилостевѣйшаго моего Государя грамотою и Вашей Вельможности писанием обрадован есм в нестерпимой моей печали, но в том только жалость мя снѣдает, что тѣ явные враги мои, всенародные возмутители, и древние Его Царского Величества недоброхоты, легко были допрашиваны, яко из писания Вашей Вельможности познается, а надлежало бы жесточае истязать их, в каковом бы истязании показалося того их воровства самое основание, то есть: какую они имѣли надежду вѣроятия в том ложном мене оклеветании? Какие имѣли мысли и чаяния? Тогда показолося бы, что они клеветою своею мнили, что всемилостивѣйший Государь тотчас повѣря оной, повелит мене взять, а они воздвигнув в Украйнѣ бунт и возмущение, по желанию своему поставят инаго гетмана; почему они и не мыслили сами ѣхать в Смоленск, естли бы не понуждены были чрез команду, посланную по них; и потому то бы надобно было их здѣсь в войскѣ допросить, кого они плуты и клеветники мои хотѣли гетманом сдѣлать и каким способом то учинить[65]…

№ 42

1708, квітень (?)

Лист гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову про спробу спіймати В. Л. Кочубея та І. І. Іскру.

Свѣтлѣйшій и превосходительнѣйшій Римского и Российского государств, Ижерск[ий князь], господине мій и особливый благодѣтелю.

По указу его царского величества всемилостивѣйшого моего царя и государя, послал я был компанію з полковником гадяцким и с полковником компанійским для поимки главных моих врагов, реку же паче монарших (понеже они не единой моей приватной головы ишут, но публичное в народѣ возмущеніе учинить намѣривают), Кочубея и Искру, которыи, всегда пребывая опасны, держали всюда тайную сторожу по дорогам, и когда посылный мій с компаніею приближалися к маетности Кочубеевой к Дыканькѣ, в полку Полтавском зостаючой, тогда тыи враги перестережены от своей сторожи, прежде уишли были на Коломак, где нарочно в пасецѣ своей Искра здѣлал для утечки крѣпость, а потом, видя послѣдуючую себѣ компанію и повидя, что в той коломацкой крѣпости многолюдной компаніи не могут оборонитца, побѣжали бы [...] ку Самари, но и там, когда компанія роздѣлившися, зашла б [...] им перед, тогда они, оставивши тот себѣ предлежащій путь, у[...] в мѣстечко Красный Кут, в полку Ахтырском недалече от Коломак зостаючое,

[64] *Голиков И. И.* Дополнение к деяниям Петра Великого. — М. : Университетская типография, 1795. — Т. 15. — С. 77–79.

[65] Там же. — Т. 15. — С. 120–121.

где и тепер под защищеніем полковника ахтырского бывают.

Я убо при крайней моей немощи, и при блиской кончи[...] служа его царскому величеству чрез многіе вѣку моего лѣта вѣрнѣ, радителнѣ, непорочнѣ и непреткновенно, опасаюся тепер, что [...] пострадал от единомысленников тых моих врагов, за[...]щеніем от их народа тыранскою убійственною смертію, по[...] И вѣчно достойныя памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всея Великіа и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, когда Рославца, полковника стародубовского и протопопу Нѣжинского, которыи были поѣхали на Москву с подобными ж лживыми против антецессора моего, бывшаго гетмана наносами, оттуду с Москвы, сковав за караулом, в Батурин прислано, и нынѣ уже за благополучнѣйшого государствованія всемилостивѣйшого нашего царя и государя его царского величества таковых же моих врагов, яко и сіи, чернца Соломона, и недавным временем (осм тому год совершилося) Забѣлу, товариша войскового, клеветавших на мя неправду, також де с Москвы скованных в Батурин на розыск и на суд привезено, где, по доволных с пытках, достойную по дѣлом своим, подлуг прав наших войсковых, казнь воспріяли.

И хотя я в образец себѣ тепер того не ставлю, паче же надѣюсь несумѣнно на неиза[...] милость монаршую, всемилостивѣйшего моего царя и государя его цар[ского] величества и вашей княжой свѣтлости, особливого моего патрона на [...]щищеніе и предстателство, однако ж да узрят враги миі, их злосо[...]ники и единомысленники, что мене всемилостивѣйшій мій царь и государь его царское величество содержит при милости своей [...] и древнее обыкновеніе при ненарушимых правах войсковых м[ило]стиво сохраняет, и то узрѣв, да не дерзнут противного ж[изни] и чести моей помышлять и исполнять, того ради и вторичне покорне вашой княжеской свѣтлости о помощe заступленіе и полномощное ходотайство до его царского величества всемилостивѣйшого моего царя и государя, дабы его величество изволил повелить тых моих врагов и всенародных возмутителей Кочубея и Искру выдать на розыск и на очную з посланными их ставку и прислать их на суд или в Кіев или где он сам, всемилостивейшій мой царь и государь, поволит.

О тое и паки вашой княжей свѣтлости прося его в непремѣнной древ[...] ми[лос]ти и благодѣтельской протекціи себе самого навсегда [в]ручаю и пребіваю до кончині житія моего вашой княжой свѣтлости всех благ истинный желатель, брат и слуга Иван Мазепа.

Року 1708[66].

№ 43

1708, не пізніше квітня-травня

Пункти скарг від полкової старшини, міщан та всіх посполитих Полтавського полку на пана І. І. Іскру, колишнього полтавського полковника, подані гетьману І. С. Мазепі

Пункта розных долегливостей, от пана Ивана Искри, полковника бывшого полтавского всему тому полку за уряду его полковничого починеных, а в жалобливых суппликах ясневелможному добродѣеви его милости пану гетману поданых.

Пункта скарг в трикротных суппликах от старшины полковой полтавской, от мещан и от всѣх посполитых тамошних людей до ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана на пана Ивана Искру, бывшого полковника полтавского о тайном его з панством кримским братерствѣ, о посыланю туда в Крим розных неслушных и неналежных подарков, о нерадителном и несправном его на урядѣ полковницком управлении и о инных многих и нещетных всему полку, товариству и посполитым людем от его ж пана Ивана Искры починеных и чинячихся долегливостех, обидах и утисках занесеных.

1

Кгды пан Иван Искра з воли звѣрхнѣйшой рейменарской вступовал на уряд полковництва полтавского, теды пред всѣм народом войсковым и посполитым тамошним взявши образ Пресвятыя Богородици обовязовал себе и душу свою таковою присягою и цѣлованием иконным, же мѣл быти не тылко тому своему полку вѣрным, але и цѣлой отчизнѣ малороссийской зычливым, же на людей не мѣл быти тяжок, овшем милостив, щодроблив, правосуден, иле не мѣючи дѣтей и мало кревных. А когда обнял уряд власти себѣ врученной полковницкой, то в малом времяни тую свою присягу и клятвенные обовязки зламал, а то таковым способом: еще албовѣм межи пресвѣтлѣйшим нашим всероссийским монархою его царским величеством и межи Портою Оттоманскою так же межи Войском Запорожским Малою Россиею и межи панством кримским не были совершенно утвержденные примирные пакта и уговори, поневаж о том ани до Порти Оттоманской от пресвѣтлѣйшого православного монаршого престолу, ани от ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана до панства кримского еще не были ординованы послы, тылко на двolѣтнее время приговореный был несталый покой, а он пан Искра в том двolѣтнем не утвержденном примирными статьями покою не вѣдат за якой причины, завзявши тайным способом з властми кримскими братерство не тылко з оними скритые листовные мѣет корресподненции, лечь и многие дорогие через подуфалых себѣ людей каймакану перекопскому Аджи-Кгерею солтану и инным началным особам та-

[66] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — С. 235–236 (Архив СпбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 45. Л. 1–2об. (начало); № 69 Л. 1. (окончание). Подлинник).

мошним посылает подарки. И любо за тое все был от ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана строфованый и наказаный в тот час, кгды по указу его ж панском пан Роман Селезневич, слуга его рейментарский в Переволочной перенял татарина з тайным писанем от того ж пана Искри до каймакана перекопского выправленого, и сюда в Батурин з тым же писмом припровадил, однак он пан Искра неисправлен в своем предсявзятю пребывая, не тылко того братерства, стыслой межи панством кримским приязни и частой з властьми тамошними корреспонденции не занехал, лечь еще по вся часы тые многие рѣчи розным особам, всему християнству и цѣлой отчизне нашой малороссийской неприязненным, в подарках посылает через своих единомыслников, себѣ свойственных, которыи в особном реестрѣ сут выражены. Яко и тепер не давно прибывши з под Пскова з службы военной, по одержаной над шведами щастем монаршим викторией каймакану перекопскому чрез певного едного себѣ приязного купца полтавского, Павла Герасименка одослал в дарѣ при инных рѣчах карацены и шпады нѣмецкие, а Аджи-Кгерею солтану пару соколов добрих. З яких его неслушных поступков обавляются оны полтавцы, жебы всему свѣту российскому явного врага Петрика (который ему пану Искрѣ знайдуется свойственным) не наслѣдил, який здрадивши милую свою отчизну, Малую Россию, и передавшися до хана Кримского многократне з ордою на городы и села свои малороссийские находил, церкви Божие и жилища християнские огнем, а народ, себѣ сородный, православный, мечем руйновал.

2

О запорожцах, любо совершенно знает тот же пан Искра, же оны под сей час з врожоного своего непостоянства и своеволи противными сут великому государю нашому, его царскому пресвѣтлому величеству, ясневелможному добродѣеви, его милости пану гетману и всей отчизнѣ нашой малороссийской, о которой уставичными своими безумными радами щось шкодливого и пагубного кнуют, еднак он пан Искра, хотячи быти з ними в единомыслии, уставичне з тыми своеволцами зносится и тайно з сѣчи до себе присылаемых в хуторѣ своем, за городом оподаль будучом, наединѣ приймует, дарует и трактует, поневаж и тепер Мартина Корсунця, козака запорожского, который недавно знявшися с товариством сѣчовым своеволным самоосмь, занял под Таган Рогом полтораста коней боярских и в Товщу Самарскую вгнав, обсылает борошном, горѣлкою и всяким доволством, а ясневелможному добродѣеви о оном злочинцѣ не извѣщает.

3

Тот же пан Иван Искра, будучи от ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана з войсками малороссийскими по за так рок под Ругадев ординованый наказным, яко первый был до всяких товариских добычей, бо щоколвек тылко бѣдные козаки в тамтой неприятелской сторонѣ отвагами и працами своими кривавыми добыли, все он тое себѣ з неповстягливого лакомства отбирал, так не послѣдний оказался под час самой военной потребы до утѣчки и до пагубы людской, албовѣм не досит на том, же умыслне чрез несправност, упор и завзятост свою гнѣвливую, перш полчан прилуцких под пятсот человека стратил и шведом в пагубу смертную, сам утѣкши, отдал, леч еще на потом, под самое власне тое время, когда треба было противо неприятеля з войсками запорожскими под комменду его врученными за чест монаршую, за вѣру православную для потомной звѣрхнѣйшого своего рейментара и цѣлого войска запорожского славы до крове стати, и сам будучи наказным з неповетованою шкодою безчестно утѣк, и многих за собою до подобной утѣчки побудивши потягнул. А що найболшая, и клейноты всѣ войсковые, в палубѣ межи сукнями остановил, которых если бы асаул полку его полтавского з инным по утѣчце полковника своего оставлшимся товариством з того неприятелского опалу не выдвигнул, то бы певне всѣ тые войсковые клейноты в руки неприятелские досталися з великим самых неприятелей триумфом, а цѣлого войска нашего запорожского з неповетованою неславою и безчестием.

4

Тот же пан Иван Искра за припроваженые и выдвигненные от неприятелей войсковые клейноты, не тылко многое товариство з асаулом от утѣчки его осталое, инных безчестив, инных нещадно бив, лечь и самого того полкового асаулу перш з полку выгнав, а потом похвалялся его обвѣсити. На остаток так всѣ козацкие добычи усиловне одобраные, яко и самые клейноты войсковые, потай всего товариства наперед себе до Полтавы выправил, а сам, одобравши от козаков двое коней добычных велми добрих, при инных подарках отдал боярину его милости Борису Петровичу Шереметеву, жебы его оттуль з службы монаршой безвременно отпустил, що ся так и стало.

5

Тот же пан Иван Искра, будучи з полком своим прошлого року в инфлянтских границах на службѣ пресвѣтлѣйшого нашего монархи, его царского величества, под коммендою пана полковника миргородского, на тот час от ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана уряд наказного гетманства на себѣ мѣючого, не тылко з самого початку ему пану полковнику миргородскому, а наказному ясневелможного добродѣя, яко звѣрхност над собою мѣючому, и аж до самого конца тоей службы належитого не отдавал послушенства, против указу и ординансу оного провадячи полк свой чрез ляцкую сторону до Инфлянт, лечь що найболшая и найголовнѣйшая, по отправленой там же з шведами военной потребѣ и по одержаной над оными Божиею помощию, а щастем монаршим значной побѣдѣ, кгды пан полковник миргородский з инными панами полковниками городовыми и охочими и з всѣм войском под коммендою его будучим оглядал мизу шведскую, отвагою войска нашего добытую, а видячи в каменицах много

запасов неприятелских, а в склепах розных напитков, совѣтовал всѣм паном полковником жебы не ночью (бо в той час нощная наступовала пора), лечь на завтрешний день, по дню част войска выборного могла быти послана для забраня всѣх тых в мизѣ неприятелских запасов и розных напитков, которыми бы по таковых военных трудах войско уконтентовалося. Теды он, пан Искра, тому ж совѣту будучи притомным, а ухилившися тайным способом з господы от всѣх панов полковников, взял з собою подуфалых и свойственных себѣ Клима Поповича, хоружого полкового полтавского и Ярощця Кобыляцкого и инного полку своего тридцат человека выборного товариства, з которыми прийшовши до тоей помянутой шведской мизы, сам з Климом и з Ярощцем и з выборным десятка человека товариством стал внѣ двора у брамѣ на сторожѣ, а двадцат человека выправил в мизу до камениц и до склепов, приказавши им оттуль всякие неприятелские запасы и напитки до себе *выносити*. Который указ его пана Искры исполняючи, як тылко скоро в мизу до камениц увойшли, так натыхмѣст засадзка шведская нечаянно припавши, шистнадцат человека в неволю узяла, двох насмерть убила, а два раненые, един кишинский, а другий старосанджаровский козаки от неприятелских рук увойшли з тоей мизы, и от целюрика пана полковника миргородского опатрованые и ратованые, Божиею помощию в живых зостали. А он сам пан Искра на сторожѣ стоячий, зачувши там от неприятелей вщавшийся побой и не давши тым бѣдным жадного ратунку, з тыми десятма человеками и з подуфалцами своими назад умкнул и любо тот свой здрадливый поступок, ротячися и кленучися перед паном полковником миргородским хотѣл утаити, еднак совѣстию обличаемый, а пораненых козаков повѣстию и целюрика, который тых ран опатривал, свѣдителством принужденный, мусѣл хоч не рад признатися. Яко ж и на завтрешний день такового его лакомства, здрады и злого учинку явный показался при боярину его милости и при всѣх панах полковниках наших, так теж и при многих великороссийских началных особах для осмотреня тоей мизы прибывших, документ, поневаж там тые два убитые полку его товариши знайшлися и похованы зостали, которых боярин, его милост фелтмаршалк видячи, выговоривал ему пану Искри тыми словами: албо (мовит) Искро, тых людей, от себе погубленых поѣж, албо их поховай, а так кгды через цѣлый день вступным боем з неприятелем бьючися и единого человека не утратили и языка з себе не подали, теды пан Искра за еден час чрез свое лакомство и потаемную здраду без жадного бою осмнадцат человека погубил и языком неприятеля обвеселил, обдаровал и удоволствовал.

6

Тогдыж по одержаной над шведами побѣдѣ, кгды пан полковник миргородский з инными панами полковниками городовыми и охочими, под коммендою своею будучими, зобравши многий ясир шведский и инную добыч, по должной своей ку пресвѣтлѣйшому монаршому его царского величества маестату, провадили до боярина его милости фелтмаршалка, теди он, пан Искра, змысливши себѣ яковуюсь болѣзнь, не тылко сам туда до боярина его милости при пану наказном з инными панами полковниками не пойшол, лечь ани ясыру, ани добычи жадной не дал и не послал, отказуючи, будто в его ничого не маш. А потом, когда панове полковники от боярина его милости з учты повернулися, в той час пан Искра ночной власне пори, потай всѣх панов полковников, навет потай полчан своих, сам до боярина его милости ѣздил, ясыр шведский, коня доброго добычного и значки неприятелские поотвозил, воничтожаючи таковым своим поступком пана наказного, в особѣ ясневелможного добродѣя там будучого.

7

Тот же пан Иван Искра не вѣдат для яких причин не повинуючися в прошлорочном походѣ звѣрхнѣйшой рейментарской ясневелможного добродѣя воли и не слухчаючи листу пана наказного, по указу рейментарском до его писаного, своим упором поступовал и не идучи указаным себѣ трактом великроссийскою державою, не знати куда по ляцкой области войско водил и турбовал, для чого все полку того полтавского товариство обрушившися, великое учинило смятение и мал самого его не порвали шарпати и бити.

8

От того часу аж до сего дня, як обнял уряд полковництва полтавского помянутый пан Иван Искра, не тылко всѣ городы в том полку зостаючие, спустошеными учинил, в довги незбытые повпроважовал, нигде и единой арматки для обороны городовой не казал вылити и единого городка не оправил, лечь и самый началный украинный город Полтаву, о который часто наѣзды неприятелские отираются, так далеце опустил, же еще и разу за своего уряду не казал оправляти, и щоколвек небожчик пан Герцик за полковницкого своего уряду чулымсвоим радением был устроил, тое он все своим нерадением в руину обернул, албовѣм всюда через вал мѣский люде и быдло волные свои мѣют переходы, мосты всѣ попсованы и подиравлены, порохи, кули и всякие войсковые припасы до майдану и до пасѣк его всюда порозвожены, а в городѣ в скарбцу войсковом и единого фунта пороху не оставлено, и кгдыбы (чого не дай Боже) неприятелское было нашествие, то згола не было б чим города боронити.

9

Город Полтаву опрочь инших городов болш ниж в трисячный долг впровадил, людей бѣдных до великого убозства припровадил, обтяжаючи их уставичными панщизнами, роботизнами, подачками и частыми поборами, для чого всѣ не могучи болш таковых стерпѣти утисков, многие так з войсковых яко и посполитых впрочку пойшли, а щоколвек еще осталося теды и тые остальцы не могут его искриных гребель, дворов, хуторов, дворцев и сѣна упоряти.

10

Для его ж пана Искри велми великих *стад* конских, товарачих и овечих, уставичне кождого року увесь полк, так козаки, яко и посполитые панщизною косят, громадят и в скирты кидают сѣна, а зверх того, еще з тых же людей бѣдных своих полчан, з кождого города на сѣнные покосы повсяк год берет по пятдесят золотых, по двадцат и по тридцат талярей, а ни кому тыми грошми не платит.

11

Нефороща городок увесь ему по вся часы непрестанные панщизны робит, для чого и единого у себе не меѣт компанийца.

12

Дрова до цегелен пана судьи енералного всѣм полком, он же пан Искра кажет возити, а гончарам панщизною цеглу робити.

13

Сторожов по всѣх городах своих подручных ставит, которыи никгды в городах ани на крисах по давнему обыкновению не зостают, лечь самой Полтавы для его пана Искри домашних послуг пилнуют, а инныи бобри и лисицѣ ловлят, инныи свиней стерегут, инныи над овцами, другии зась в майданѣ найдуются где селѣтра робится, а тые всѣ помянутые сторожи во всем полку роковщины з дыму по золотму неслушне берут.

14

Стойчики самого его пана Искри двора хуторов и дворцев пилнуют, а войскового дѣла никогда не знают, армаши также всѣ на его ж послугах зостают.

15

В маетностех себѣ наданых подданых своих до жадных роботизн никогда не потягает и з козаков всѣх там живучих роковый чинш берет, а до войска не велит ходити.

16

В селѣ Мачохах якое самому тылко городови Полтавѣ прислушает и вспоможене всякое повинно чинити, он, пан Искра на розно людей посполитых розорвав, едных албовѣм под свою владзу и послушенство подгорнул, других атаманови тамошнему отдал, а третих дворникови своему Дерипасце, тыранови и здирцѣ людскому отдѣлив, где от всѣх тамошних людей що року частые на его пана Искру побори выбираются, а войт о том з всѣм городом ничого не знает и приступу туда жадного не может мѣти.

17

В городѣ Полтавѣ всѣ мѣщане значные от всяких мѣских повинностей волными зостают, а тяглые, инные убогие люде и всѣ цехи до ратуша побор отдают, подводы отбывают, а сами на сторожу до двору его пана Искри всегда ходят черегою, любо войт двох сторожов до двору его ж Искриного на рок по двадцат талярей наймает, одежу и чобот, колко зносят, дает.

18

Ралцю всѣм прежним полковником подчас свят рождественских и воскресенских давано з города Полтавы по пят чирвоных, а пан Искра кажет себѣ давати по одинадцати чирвоных, особливе паней своей по десят талярей, а до Батурина на дорогу хочь ѣдет, хочь в дому зостает, по сто золотых.

19

З стации роковой з полку полтавского, ясневелможному добродѣеви належитой, тот же пан Искра по всѣ лѣта сто талярей себѣ отбирает, а на тих местце, з шкатулы мѣской докладается. Так же до тоей стации з кождого города выбирают на кожухи по десят золотых, которые всѣ гроши пани Искриная себѣ отбирает, а тая повинност завше з грошей арендовых албо поборных платится.

20

Дегот и тютюн належачий перед тым до города, он же пан Искра на себе одобрал, який запродает по сто чирвоных, прочь арендового, порукавичного, которого также за самый город Полтаву кроме инших городов, берет по сто чирвоных, а под час и по тысячи золотых.

21

Майданы его пана Искри салѣтряные от всѣх долегливостей всему народови полку того Полтавского найтяжшие сут, до которых и з которых з городов и з сел, а найбарзѣй орилских, непрестанно бѣдные люди так далеко, назбыт болш, ниж за тридцат миль подводы отправуют, хомуты, возы, дуги, рукавицы насилием от людей по городам выбирают, з города Полтавы за арендовые и поборные гроши для майданников кожухи, хусты и рукавицы купуют, а поза так рок по Покровѣ пресвятые Богородици в тяжкие и лютые морозы, люде бѣдные туда ж до его ж пана Искри майданов салѣтряных подводы отправуючи, многие смертно померзли.

22

Гроши ратушные полтавские на розные свои потребы и росходы насилно тот же пан Искра забирает и присылным до себе татаром всякое доволство кажет давати. Яко ж и недавными часы за Карпа, барабаша, от донцев выкупленого з неволи, тым же донцям мѣских грошей казал дати сто талярей и сукна доброго французкого пят локот. А потом того выкупленого барабаша учинивши полевым сторожем, взял себѣ его заслуг пятсот золотых, городови зась и по сее время тых ста и десяти талярей не отдал.

23

Меду прѣсного на кождые свята рождественские и воскресенские купуют з ратуша ему пану Искрѣ по бочцѣ, чим

не доволствуючися кажет себѣ еще и сыченого бочками давати.

24

Решетиловку городок он же пан Искра увесь за своего уряду спустошил, и малолюдным учинил, где ему и гребли люде тамошнии гатят, орут, сѣют, жнут, прадут, сукна ткут и полотна дают, а до того безпрестанно з войскового байраку до Полтави и до Демидовки дрова возят, чого никогда не бывало.

25

Берната и Дерипаска, слуги его пана Искри, самые драпѣжцы, не тылко по указу пана своего по городах ѣздячи незносные и нестерпимые людем чинят обиды и драпѣжства, лечь и в самом городѣ Полтавѣ в ратушу на судах засѣдают и людей судят.

26

Тот же пан Иван Искра недоволствуючися своими оброками и не контентуючися многими своими полковницкими доходами, маетностями, обширными добрами, дворями, млынами, лѣсами, пасѣками, сѣножатми займищами и инными многими незличоными угодиами, а уводячися ненасытным и неповстягливым лакомством, не тылко млын мѣский и луку, до ратуша полтавского належачие, своему привлащил пожиткови, лечь и в многих людей, жителей полку Полтавского, у кого тылкоколвек наглянув и зачув який кгрунт пожитечный, многие насилно поотнимал и повыдирал угодия, яко то у Алексея Бойченка, жителя полтавского взял лѣс цѣною болш от шести тысячей золотых и чрез чотыри годы оным насилно владѣючи, увесь выпустошил, лук две, товару трое, овец осмнадцятеро, за тую тылко вину, же еден панченков свинар, краденые у Карпенчихи, жителки старосанджаровския гроши двадцат осм таляров до его Алексѣя Бойченка принѣсши, дал ему до схованя, повѣдаючи, будто он тые гроши себѣ заробил и заслужил, которого-то свинара за певными доводами кгды повѣшено, теды ему Бойченку не токмо велѣл пан Искра Карпенчисѣ за утрату ей двѣстѣ золотых заплатити, лечь еще зверх того послѣднюю его худобу позабирал.

У Грицка Скибенка без жадной вины на Коломаку зостаючий кгрунт, обмежу з кгрунтом его ж искриным лежачий, дуброву, плесо и езы отнял, и себѣ привлащил, о ко- торый свой кгрунт, кгды у пана Искры упоминался, теды его Скибенка за тое долго туремным вязенем мордовал.

У Семена Педорченка, жителя села Мачух, не тылко всю худобу невинне позабирал тот же пан Искра, за тое щекгулне, же овчар Семенов без вѣдома и без указу его самого зарѣзал пятеро чужих овец, лечь и у братов его ж Семена родных, ничого о том овчаревом проступствѣ не свѣдомых, взял таковий лѣс, за который им давано три тысячи золотых, до того теж двадцятеро пчол и сто уллюв порожних казал забрати.

У Пилипа Маздявенка уподобавши пасѣку килкокротне оную торговал, лечь кгды ей тот Пилип не хотѣл продати, теды пан Искра перш подослал там под пасѣку своих овчаров нарочно, которыи собаками его пилиповых свиней дванадцятеро ростравили, а инные покололи, а потом давши ему насилно полпятаста золотых пасѣку в свою поссессию одобрал, за якую давано двѣ тысячи.

27

Тот же пан Иван Искра, поскидавши з урядов сотницких добрих и заслуженых людей, понакидал насилием свойственных и единомыслных себѣ в здирствѣ в городах полку своего сотников, которые нестерпимые людем чинят досады, долегливости и обиды, а до того гонор его межи простым народом промовуючи оголошают, же цѣле по ясневелможном добродѣеви достоинство так высокое гетманское ему будет вручено, албовѣм Иван Черняк, сотник полковый полтавский, а пана Искры свойственный, прошлого року под час бытности ясневелможного добродѣя в царствующем великом градѣ Москвѣ, смѣл тое пред запорожцями з Инфлант поворочаючимися в Тахтауловѣ где сам живет говорити, будто ясневелможного дободѣя на Москвѣ задержано, а на гетманство пана Искру назначено. Иван Попович, родный паней полковниковой искриной сестренец, повернувши з паном Искрою з Батурина прошлого лѣта, кгды на скарги старшины полтавской пред ясневелможного он же пан Искра ставал, а прибывши до Старого Санджарова, где сотникует, розголосил тое пред народом санджаровским, будто ясневелможный добродѣй его милост пан гетман отпускаючи ласкаве до Полтавы, просил его пана Искру, под бороду гладячи и мовячи, абы он з ясневелможным в любвѣ жив, и будто ясневелможный добродѣей обнадеживал его пана Искру тым, же вскорѣ гетманское достоинство ему будет отдано.

28

Тот же пан Иван Искра указы ясневелможного добродѣя в поважных унѣверсалах рейментарских под горловым каранем, абы ани он сам, ани единомысленники *его* ни в чом не важилися скаржачойся стороны безчестити, выраженые, воничтожает, допускаючи и намовляючи своих подручных и свойственных себѣ сотников, абы скаржачуюся на его сторону безчестили, били, в турмы засаховали, киями били и з жалобами до Батурина не допускали, поневаж тот же вышепомянутый Черняк войта полтавского и инную старшину безчестил, бунтовниками называл и тые слова говорил, же вскорѣ мовит придет наша такая година, же всюда по шляхах полны вас будут шибеницы. Иосип Коломак, сторож полевый, единомыслник пана Искри, прошлого походу пана Левенца, асаулу полкового мало з луку не застрѣлил, Ярошец Кобыляцкий прошлого празднику святовоздвиженского подчас ярмарки перш писара мѣского тыранско бил и голову пробил, а потом на руку пьяный набѣгши, всю старшину укорял, бунтовниками называл и всех хвалился в смерть

позабивати, а грошми искриными по тысячи золотых поплатити.

29

Тые ж его пана Искри единомыслные шарпачи пьяные в Полтавѣ по улицах ходят, в ночи на двори поважные находят, кгвалтовне ламлются и добывают штурмами, хто тылкоколвек ему пану Искри противный. Писаря мѣского з поважным унѣверсалом рейментарским, освѣдчаючим народови же уже не полковником, в городках будучого, по указу его пана Искри смертелне обухами и киями убито и вѣчным калѣкою учинено.

30

Спаского попа и перехриста Терентия, за совѣтников себѣ тот же пан Искра прибравши, за их порадою многие и нестерпимые всему полку чинит долегливости и щоколвек дѣется злого, все то за поводом тых совѣтников, котрым так в самом городѣ Полтавѣ, яко и в Супруновцѣ селѣ до города належачом, людей посполитых в подданство поотводил[67].

№ 44

1708, травня 9. — Вітебськ.

З листа Г. І. Головкіна до царя Петра І

Он же, гетман, прилежно ваше величество просит о присылке к нему в войско, а не в Киев Кочюбея и Искры для обличения и показания всему народу их воровства и потом карания, какое ваше величество над оными учинить соизволите, чтоб, на то смотря, другие зломышленники от того могли унятся. И о сем что ваше величество соизволите, будем ожидать указу. А о полковнике, государь, миргородцком, пишет, что он, гетман, о взятии его за караул и о отослании в Киев много разсуждал, но уважил, что прежде времяни без обличения и уличения его воровства очною ставкою опасно в войске над ним то чинить, и без явственных доводов жестоко приниматца за оного, понеже де он, полковник, в войску человек есть из отца своего заслуженый, воинский, знатный и от всех полковников нынешних давнейший и старейший, имея честь и у всего войска любовь и привлекл всех к себе до приязни, а наипаче в полках компанейских, где более товарышства обретаетца, такой же волоской породы, какой и он сам; також з генералными особами и с полковниками мало не со всеми сродством обязался, которым всем было б то гораздо прикро и не безопасно. Естли бы его, преже воровством не уличивши, так бесчестно взяти, откуды бы могло во всем войску учинитися великое смущение и мятеж, а на него, гетмана, от всех уросла б ненависть и вражда и бунт от народу своеволного. И для тех причин он, гетман, то чинить за благо разсудил поудержатся, покамест не припровадят в войско к нему Кочюбея и Искры. А в то время, облича в неправде и воровстве его, велит его взять за караул, и всяк тогда будет молчать, видя его воровство, и естли бы сие случилось в городах, а не в войску, то б без всякого препятия его мочно взять. А Черныш взят и окован. И мы, государь, против сего писали к нему, гетману, чтоб он, естли вящей опасности нет и не может быть, оного полковника Миргородцкого взял за караул и отослал в Киев, а естли опасность есть, то бы какими искусными поступками над оным учинил по указу вашему и по своему разсмотрению[68].

№ 45

1708, початок травня

Лист І. С. Мазепи до Г. І. Головкіна

…миргородскаго полковника здесь въ войску прежде времени без очевидного обличения взять, ковать и до Киева за караул посылать нельзя никакою мѣрою, покамѣст очною ставкою он полковник не уличится и не обличится, если онъ имѣл какое съ Кочубеем въ воровствѣ теперешнем согласие, а наипаче нынѣ когда и самъ Кочубей зговорил и очистил его, полковника миргородскаго, оть того согласия, и если под сее время а еще и въ войску возмется тот полковник, то может учиниться мятеж и бунт, чего сохрани Боже, понеже его, миргородскаго полковника, всѣ вь войскѣ почитают и любят, а если его полковника та токмо вина изъявляется, что онъ перестерег Кочубея отъ посланныхъ моих, и о том вашей вельможности объявляю, что он то учинил не нарочно, но сталось то з пригоды нечаянно такимь образомъ: когда я, исполняя премощный его царскаго величества указ собственноручный, послалъ полковника гадяцкаго и полковника компанѣйскаго в трисотном числѣ компанѣи тайно по Кочубея и Искру в полк полтавский и по отправкѣ той посылки удерживалъ в собѣ тотъ секрет чрезъ двѣ недѣли и никому о томъ указѣ не объявлял, тогда пришедъ ко мнѣ господа сотники п полковники при боку моемъ обрѣтаючиися, донесли мнѣ, что козаки ходя собраниемъ и пьяные и трезвые переговаривают и говорять о нѣкаких противных чести моей плевелах от Кочубея разсѣянныхь, а одинь из монастыря печерскаго схимонах муж словом и дѣлом свят, у котораго для пользы духовной всегда бывають полковники и старшины, прислал мнѣ осторожность, что от Кочубея приносятся вредительныя гонору моєму разглашения вь народѣ. Того ради видя я, что воровство Кочубеево и Искрино вь явление приходит и предваряя дабы оттуды не учинился какой мятеж а надѣясь, что посланные мои компаниєю имѣли уже стать вь полку Полтавском, понеже той их посылкѣ уже двѣ недѣли совершилося, призвал къ себѣ генеральную старшину н полковниковь, где был и полковник миргородский,

[67] *Кочегаров К.А.* «Також де и Искра древний лживец». Донос гетмана И. С. Мазепы на полтавского полковника И. И. Искру. 1708 г. [Приложение] // Исторический архив. — 2017. — № 4. — С. 186–194 (РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г.— Д. 3а. — Л. 410–419 об.).

[68] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград : Изд-воо академии наук СССР, 1946. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 773–774.

объявиль им дѣло и сказал, что по именному его царскаго величества указу собственноручному послал компанию для взятья Кочубея и Искры. Тогда полковник миргородский пад мнѣ в ноги со слезами учал просить указу листовного к посланным моим, чтобы они зятя его, а сына Кочубеева не брали и не ковали, дабы дочь его не испужалася и от печали не умерла, да и просил дозволений дабы мочно было и ему, полковнику, написать до зятя своего, чтоб он, когда отца будуть брать вь то не мѣшался, который какъ самъ затѣял, такъ чтобы самъ и отбывал, а онъ зять чтоб ѣхал с своєю женою до Сорочинець в дом его полковничий. И потому его полковника слезному прошению далемъ ему до посланных моих листъ, чтоб зятя его не занимали и не возбраняли ѣхать въ Сорочинцы, и ему полковнику позволилем до того своего зятя писать, с которым моим листом до зятя а не до Кочубея послал он полковник слугу своего прямо до маетности Кочубеевой, надѣясь, что там уже посланных моих застанет который слуга не знаючи дѣла и розминувшисъ посланными моими (которые за многими переправами а наипаче на рѣках Днѣпрѣ, Пслѣ, Ворсклѣ и прочих и обходя прямой тракт для порваных гребель оть роспаления водного на Лубны, умедлили въ томъ пути) прибѣжал в маетность Кочубееву до Диканьки и явився во дворѣ отдал сыну Кочубееву при самом отцѣ от полковника миргородскаго тестя его лист, а Кочубей писмо то взявши и прочет того ж часу ятся бѣгству. И того жъ дня котораго он с Искрою ушол, нападши посланные мои нечаянно на двор, не застали уже Кочубея и Искры, а посланные за ними вслѣд гнали даже до Краснаго Кута, где уже не дерзая безь вѣдома моего им чинить, возвратилися паки до Диканьки вь маетность Кочубееву и там взяли было сына его зятя полковника миргородскаго и лист до него писанный вышеупомянутый, из кармана выняв, ко мнѣ прислали, которой у себе имѣю и ничего вь нем противнаго не обрѣтаю. Толко внутренняя и тайная Богь вѣсть, для сего надобно бы тут Кочубея на очную с ним ставку поставить, которою бы или осудился или оправдался, а покамѣст Кочубей пришлется, приказал я сотникам и полковникам политично миргородскаго полковника назирать да и сам недримателное на оного имѣю око, хотя он еще ничего не знает, кромѣ того, что Кочубей на пыткѣ был и повинился[69].

№ 46

1708, травня 16. — Вітебськ.

З листа Г. І. Головкіна до царя Петра І

Гетман, государь, Мазепа ныне паки прилежно просит о присылке Кучюбея и Искры и протчих к нему в войско, а не в Киев для обличения и показания всему народу их воровства и по тому карания, какое ваше величество над оными учинить соизволите, о чем мы вашему величеству и напред сего писали, и ожидаем повсечасно на сие вашего указу, дабы сие дело как наискорее окончать.

О миргородцком, государь, полковнике мы к гетману многократно как в публичных грамотах, так и в приватных писмах писали имянным указом вашего величества, дабы он оного, взяв за караул, послал в Киев. Но он, гетман, весма того чинить отрицаетца, о чем изволите лутчее известится ис приложенного при сем из его писма выписки, в которой он его и весма оправдает. И ежели, государь, своим писмом к нему о нем определить не изволиш, то он по нашим писмам делать ничего не будет. А Кучюбей, государь, на него ссылался и в умысле гетманском на ваше здравие, и говорил, что будто о том он от него, полковника миргородцкого, и сведом.

Также и о Черныше изволиш увидеть, что и его будто б за партикулярное свое дело, яко своего человека, держит, а и в бытность свою гетман в Жолкве доносил вашему величеству на него, что он всевал многие плевелы к возмущению народа малороссийского, и подал и писменные на него свидетелства в канцелярию. И хотя, государь, Кучюбей, видя свою крайнюю погибель, со всех зговорил, однако мнитца нам, что таких подозрителных людей под нынешней случай на Украйне держать не безопасно. И на сие будем ожидать вашего величества указу[70].

№ 47

1708, травня 23.

Лист Г. І. Головкіна до Петра І

Кочубея и Искру отослали мы въ Смоленск и велѣли держать их до указу вашего величества, только не было бы продолжениемъ того дѣла сумнѣния гетману. Многократно проситъ он прислать оных в войско для обличения их воровства и потом карания, какое ваше величество над ними учинить повелите. А в народѣ малороссийском, от его Кочубеевых единомышленников, разсѣеваются многия плевелы: будто Кочубея и Искру из Смоленска в Петербург препроводили и будто на него гетмана ваш великий гнѣв; и нынѣ де обозного генералного челядника вь Киевъ ѣдучого в одномь малом мѣстечкѣ Оленовцѣ за то только, что просилъ подводы, старшина тамошняя била и из мѣстечка, отнявши лошадь, выгнала с таковыми выговорами: полно уже вашего гетманского панства! Приѣдетъ на вашу всѣхъ погибель Кочубей! Тоже всюды в простом народѣ безумныя повѣсти разглашаются, будто Кочубей в великой милости вашей здѣсь, а Искра будто послан гетманом города какого-то добывать, а когда добудет отпущен будет на гетманство. Такое-де смущение и мятеж оть плевосѣятелей единомышленников Кочубеевых потамѣст не можеть искорениться, пока народ не увидит их привезенных туда к гетману в оковах и достойную казнь по дѣлом своимъ восприемлющих,

[69] *Костомаров Н.* Исторические монографии и исследования. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1885. — Т.16. — С. 387–388 (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. ИИ, кн. № 8. Письмо Мазепы к Головкину, доставленное царю сь письмом Головкина оть 9-го мая).

[70] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград : Изд-во академии наук СССР, 1946. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 780–781.

ибо хотя де оных Кочубея и Искру и в уголь здѣсь сожгут никто от тамошних не будет вѣдать и вѣрить. Да и честь его гетманская в великом понижении и обругании обрѣтается, ибо оные клеветники на него не только в Великой России письмами обругали и в Малой России много в уши клеветали неправду, измѣнническимь пороком славу и честь его испраздняя и возбуждая противъ него на бунт, но и по иным заграничным землям, по Польшѣ, по Литвѣ и по иным то разсѣяли. Понеже гетманъ Сѣнявский резидента его о томъ вопрошалъ, и желательные его корреспонденты из Волох и Мультан до него гетмана писали соболѣзнуя о нем, о чемъ он гетман зѣло печалится и просить ваше величество о присылкѣ их в войско, дабы всяк оных увидя в том увѣрился и тѣм бы плевелы и возмущения пресѣклися. А хотя к нему грамоты царскаго величества с объявлением воровства их посланы, но оные ему в простом народѣ повсюду внушить невозможно[71].

№ 48

1708, травень (після 23).

З листа Г. І. Головкіна до Петра І

…А о чемъ ваше величество повѣлевать изволите Кочубея еще спрашивать нѣт ли от неприятеля или от поляков или от запорожцев подсылки в гетманском или ином дѣлѣ, и о том подлинно при пыткѣ их спрашивали, и они в том не признались и говорили, что такой подсылки не бывало, а затѣяли все по злобѣ на гетмана. И при отпускѣ вь Смоленск паки с пристрастием пытки накрѣпко их спрашивали, ино ничего не могли оть нихъ увѣдать, а болѣй пытать Кочубея опаслись, чтобь прежде времени не издох, понеже зѣло дряхл и стар и послѣ того был едва не при смерти, и писано нам уже из Порѣчья, что зѣло оный там болен был, и еслиб его паки пытать, то чаем, чтоб конечно издох и опасно чтоб от того не произошло какое сумнѣние в народѣ[72].

№ 49

1708, після травня 23.

З листа І. С. Мазепи Г. І. Головкіну про миргородського полковника Д. П. Апостола

…До обличения миргородскаго полковника очною ставкою тут при войскѣ без явственных доводов жестоко и ревностно поступать, приниматься за него и обеспечивать его опасно, ибо онъ человѣкъ заслуженный и отъ всѣх полковников старѣйший, имѣючий повагу и любов у всего войска, до того с генераными особами як и съ полковниками сприятелился, понеже Ломиковский обозный и Чюйкевич судья и прилуцкий полковник близкие ему по сынах своих и по его миргородскаго полковника дочерях сваты. Лубенский — дядя, нѣжинский — швакгер, и другие с ними близки. Надобно подождать пока привезут Кочубея и Искру: тогда за него примемся[73].

№ 50

1708, травня 30. — Вітебськ.

Лист Г. І. Головкіна царю Петру І

…По получении вашего величества вышеобьявленного указу, посылали мы по Кучюбея и Искру, и попа, и сотника, которые в том же деле приличились, которых привезли сюды к нам в немедленном времяни водою ис Поречья, и ими по указу вашему паки розыскивали и пытали их накрепко, и сколко возможно было, по Кочюбеевой дряхлости, а по Искриной приключившейся ему болезни, спрашивая их, не было ль чрез кого от шведов, или от поляков, или от запорожцов, и ис Крыму, или от иных каких народов подсылки в том гетманском или в ыном каком деле мимо гетмана к ним, или к другой старшине, или к иным чинам малоросийского народу х какому возмущению. И Кочюбей говорил, что от шведов, и от поляков, и запорожцов, и ис Крыму, и от иных никаких народов в том гетманском деле или в ыном к возмущению ни от кого к нему подсылки не было; також и к другим старшинам или к иным какого чина малоросийского народа какая подсылка от кого в том была ль, того он не ведает, и в согласии и совете с ним, Кочюбеем, нихто в том деле не был. Также спрашивали мы ево, Кочюбея, особливо о Миргородцком полковнике, не ведает ли он о какой с неприятелской или с ыной страны, как выше помянуто, подсылке для какого возмущения к нему, и не сказывал ли он ему по свойству про то, и в том деле он с ним не с совету ль поступал, потому что сперва в доношеини своем на него, миргородцкаго, до розыску слался. И он, Кочюбей, сказал, что о подсылке к нему, миргородцкому полковнику, ни о какой или к возмущению сам не ведает, и ни от кого не слыхал, и совету у него с ним, миргородцким полковником, и с ыными о том деле и о ином ни о каком к возмущению ни с кем не было; толко то все он, Кочюбей, затеял на гетмана по собственной своей злобе, в чем весма крепко стоял, объявляя, что и умереть в том готов. Також и Искра с пытки сказал против того ж, что подсылок ни от кого к нему в том гетманском деле и в ыном ни в каком ни от кого не бывало и к иным ни х кому не знает, и в согласии ни с кем не был; толко в ложном доношении на гетмана подущен от Кочюбея, как и прежде в том винился. И понеже, государь, в том гетманском деле приличны явились отец духовной Кочюбеев, поп полтавской Иван Святайло, да сотник полтавской Securityанко, как ис прежде посланного розыску изволиш усмотреть, того ради мы для лутчаго уверения, не ведают ли они о тех фракциях чего, понеже Кочюбей и Искра их употребляли в проведыванье о гетмане и в том секрете поверили, пытали и их

[71] *Костомаров Н.* Исторические монографии и изследования. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1885. — Т.16. — С. 390–391 (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8).
[72] Там же. — Т. 16. — С. 391–392 (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8).
[73] Там же. — Т. 16. — С. 393–394 (Гос. Архив. Письмо Мазепы).

гораздо и спрашивали: о вышеписанных подсылках от неприятеля или от иных кого не было ль х Кочюбею или к иной старшине, или к иным каким чинам малоросийского народу, и не слыхали ль они о том от Кочюбея и Искры или от кого иного, и не ведают ли, кто были из старшины или полковников с ними в том в согласии; но и они с пытки говорили, что о том не ведают и ни от кого не слыхали, а посыланы и подущены на то от Кочюбея, которой их прелстил, объявляя им о гетманской бутто неверности к вашему величеству. И понеже, государь, более прежняго ничего из них по розыску и с пытки выведать не могли, того ради оных ныне по указу вашего величества от 16-го числа майя послали их отсюды паки водою до Поречья, а оттуды сухим путем до Смоленска, а от Смоленска Кочюбея и Искру велели вести водою до Киева, а оттуды к гетману в войско; и просим вашего величества немедленного указу, какую им казнь повелиш гетману учинить, ибо в помянутом вашего величества к нам указе о том подлинно не объявлено. Также, государь, что повелиш чинить с попом и с сотником и с Петром Яковлевым, которой с ызветом от Кочюбея приезжал, понеже кажетца, государь, что поп и сотник смертной казни не достойны. И по нашему, государь, мнению, не изволиш ли попа послать в Соловки, а сотника к городу Архангелскому. А Петр Яковлев, которой был у вашего величества в Бешенковичах, ни в чем, кроме что с ызветом приезжал по прошению Кочюбееву, приличился, и за таким подозрением на Украйне быть ему не прилично. Не иоволиш ли, государь, приказать ему где жить в Русском городе з женою и з детми, которых мы ныне до указу вашего величества задержали в Смоленску, где и чернец с Москвы ис Преображенска обретаетца. И из роспросных ево речей, присланных сюда, мы, государь, видели толко вины его, что он вплетался за денги не в свои дела. Не изволиш ли его також послать куды в сылку?

А о Миргородцком, государь, полковнике писали мы к нему, гетману, против указу вашего, предая на его волю, однако, что всемерно надобно ево прибрать, а не опустить[74].

№ 51

1708, червень 17. — Смоленськ.

З листа смоленського воєводи П. С. Салтикова до О. Д. Меншикова

...я ж доношу вашей светлости, господа министры подполковника Брылкина отпустили в Смоленск с Кочубеем и с Искрою и с прочими при них и велел помянутого Кочубея и Искру отвесть к Гетману, товарищу моему господину Вельяминову-Зернову, а которые были при них другие, те оставлены в Смоленску за караулом, а Брылкину приказали быть в Смоленску и я его с помянутыми письмы послал к вашей светлости, мой премилосердый патрон. Благоволи определить ему указом по его доношению. Нижай(ший) твой слуга и раб Петр Салтыков. Из Смоленска, июня 17-го дня 1708 году[75].

№ 52

1708, червня 17. — Вітебськ.

Наказ стольнику І. І. Вельямінову-Зернову про виконання указу Петра I щодо страти В. Л. Кочубея та І. І. Іскри

Когда он Кочубея и Искру к гетману в войско привезет, и генеральная старшина и полковники и прочие всѣ соберутся, и великороссийская пѣхота для предупреждения безпокойства выдет, тогда ему стольнику, ради извѣстия всѣм им и всему войску и народу малороссийскому велѣть прочесть явственно слѣдующее:

Что Его Царское Величество, жалуя своего вѣрнаго подданнаго гетмана и кавалера, за его как к предкам его Государевым, так и к нему Великому Государю, всегда вѣрную службу, прислал его стольника в войско малороссийское с ними Кочубеем и Искрою, казнить смертию при них генеральных старшинах и региментариях и прочих, за их воровство, а именно: в нынѣшнем 1708 году, апрѣля в 18 день, приѣхали они Кочубей и Искра к Великому Государю в город Витебск с ложным доносом на гетмана и кавалера, с таковым, что будто он гетман и кавалер умышлял на Его Царскаго Величества здравие, как бы его Государя в руки свои гдѣ ухватить и смерти предать, и то хотѣл будто подлинно учинить в приѣздѣ прошлыя зимы с Москвы Александра Кикина, чая быть под его именем в то время пришествия Его Царскаго Величества, для взятья его гетмана, и учредил к тому тогда при себѣ сердюков и челядь свою всѣх с ружьем заряженным, будто приказав им, что как Его Величество во двор придет, дать по оном огонь; а какь увѣдал он господин гетман, что Царскаго Величества тут нѣт, а только один Кикин, и тѣхъ де жолнеров и слуг тогда распустил; и будто потом всячески тщился и на том положил, чтоб Его Величество гдѣ смерти предать, или в руки взять и неприятелям отдать; также будто всеконечно имѣет он гетман и кавалер намѣрение поддаться к Лещинскому, со всѣм войском и народом малороссийским, и быть в противности против Его Царскаго Величества в подданствѣ у Поляков, и будто он же Гетман имѣл намѣрение итти войною на великороссийские города.

И сверх сего и иныя мпогия лжи на него гетмана и кавалера написали и доносили они; но когда они спрашиваны против тѣх статей накрѣпко о яснѣйшем свидѣтельствѣ, на то никакого ни письменнаго, ни достовѣрнаго свидѣтельства не явили, и обличены в той своей сплетенной лжи и без пытки повинились и говорили, что все то, еже они письменно и словесно на него гетмана и кавалера доносили,

[74] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград : Изд-во академии наук СССР, 1946. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 786– 788.

[75] Публикация М. К. Марченко (Измена Мазепы) // Русская старина. — 1901. — № 4. — С. 152 (Рукописн. Отд. Библ. Имп. Акад. Наук).).

затѣяли ложно, по злобѣ своей на него гетмана, которую свою повинную закрѣпил Кочубей своею рукою; и потом они, яко явные воры и клеветники, пытаны, и с пытки винилися и говорили то же, что во всем том оклеветали его гетмана с злобы своей, не вѣдая, и не видя его никакой невѣрности к Его Царскому Величеству, желая его гетмана тѣми своими клеветами ввесть в гнѣв Великаго Государя, и за то их воровство, и что они о многом в народѣ малороссийском для возмущения внушали и разсѣвали, указал Великий Государь по правилам государственным казнить их смертию в войскѣ для показания всему войску и всему малороссийскому народу[76].

№ 53

1708, липня 16.

Лист гетьмана І. С. Мазепи царю Петру І про страту В. Л. Кочубея та І. І. Іскри

На праведном мѣрилѣ высокодержавною своею десницею содержиш Ваше Царское Величество милость и суд, когда правдою себѣ служащих и вѣрне работающих милуеши и ущедряеши, неправедне же нападствующих и клевещущих лжу судиши и отмещеваеши; ибо яко престол Вашего Царскаго Величества утверждается на единой правдѣ, тако и дѣла руку Вашего Царскаго Величества истина и суд; и недивно, понеже честь Царева суд любит, воздавая комуждо по дѣлом. Не требе мнѣ здѣ ко утверждению того, еже пишу, искати многих доводов, видѣста бо очи мои, како Ваше Царское Величество, милосердствуя о мнѣ вѣрном своем подданном, праведным своим судом смирил клеветников моих Кочубея и Искру, которые по указу Вашего Царскаго Величества здѣ в войскѣ, всенароднѣ, да и прочие страх имут и впред на вѣрных ваших подданных и слуг не дерзнут клеветати неправду, восприяша по дѣлом своим смертную казнь, при стольникѣ Вашего Царскаго Величества и втором смоленском воєводѣ Иванѣ Вельяминовѣ-Зерновѣ, и хотя понуждаем бых милосердием Христианским покорнѣ Ваше Царское Величество доземным челобитьем просить над ними моими лжеклеветниками и всенародными возмутителями Монаршей вашей милости хвалящейся на судѣ, дабы они от смертной казни могли быть спасены, обаче когда разсудил, что они между многими своими лживыми соплетениями и навѣтами первую и главную клевету дерзнули написать, и языком льстивым и лживым благословить о Превысочайшем Вашего Царскаго Величества гонорѣ и здравии, за которое всѣм нам, под высокою Вашего Царскаго Величества державою сладчайшим государствованием пребывающим должно и достойно до послѣдней капли крови стоять и умирать, а не токмо противное что оному (от чего сохрани Боже) чинить и сочинять, но и помыслить страшно, ужасно и душепагубно; того ради намѣрение моє милосердствующее о них клеветниках оставих, паче же сам настоятельно судих их быти достойных смерти за такое дерзновение чести помазанника Божия. Благодарствую убо при лицеземном моем поклонении до стоп Вашего Царскаго Величества со всѣм войском Запорожским, за святую справедливость, какую праведным Вашего Царскаго Величества судом, и милостивым ко мнѣ, ко всему войску и к народу Малороссийскому призрѣнием получих, за которое, дондеже мя не прикрыет сѣнь смертная, не токмо вѣрне и непорочне Вашему Царскому Величеству служить, но и душу мою за достоинство маестату Вашего положить готов есм. Нынѣ же и паки повергая себя под нозѣ Вашего Царскаго Величества, высокодержавную его десницу, хранящую суд и правду, покорне лобызаю[77].

№ 54

1708, вересня 27.

Універсал гетьмана І. С. Мазепи Густинському монастирю на двір В. Л. Кочубея у Києві

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя его царского величества Войск запорожских гетман, славного чина Святого апостола Андрея и Бѣлого орла кавалер Іоан Мазепа.

Всѣм вобец и кождому зособна, кому бы колвек з духовного и мирского стану людем о том вѣдати належало тепер и в потомные часы, сым унѣверсалом нашим ознаймуем, иж превелебный в Богу господин отец Іов Мартинович, ігумен монастыра Густинского з братіею, презентовал нам интромиссію, на маистрате кіевском писаную, служачую обытели их Густинской на двор в Кіевѣ, близко церкви Воскресенія Господня положенем знайдуючійся; которій то двор превелебный в Богу отец Жданович, бывшый ігумен тоей же святой обытели, без согласія братіи продал был небощику Кочубееви. А тепер он, отец ігумен нынѣшній, за отложенем суммы знову в область обытели своей по листу нашом приватном до пана войта Кіевского з маистратом писаном одобрал и просил нашого на тот же двор унѣверсалного для совершеннѣйшой в потомный час крѣпости потверженя.

Мы прето, гетман, тому его отца Ігумена прошенію слушному давшы у себе мѣстце, казалисмо выдати з канцеляріей войсковой сей наш унѣверсал, которого повагою яко стверждаем в первобытную обытели Святой Густинской вѣчитую поссессію тот двор, позволяючи з оного якіе можно пожытки ку общой монастырской ползѣ отбирати, так и плец, небощыком Кочубеем к тому ж двору прыкупленый, для спасенія души небощыковской и молитвенного поминанія вѣчисто ж надаем з поселеніем тамо будучим. Зачым, абы нихто з духовного и мирского стану предреченой святой обытели Густинской в спокойной поссессіи того откупленного двора и внов наданного плецу не смѣл и не

[76] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. — М. : Типография Н. Степанова, 1839. — Т. 11. — С. 74–75.

[77] Там же. — Т. 11. — С. 76–77.

важился явной, найменшой чинити перешкоды и кривды, приказуем. А особливе пильноваруем и приказуем, абы нихто згола з духовной же власти и свѣцкой, а найбарзѣй з потомков небощика Кочубея не важился вѣчными часы так в двор тот, яко и в плец наданный втручатися и чи то купным способом, чили иншым яким от обытели святой отдаляти; поневаж подлуг права духовного и свѣцкого побожная легація не повинна никогда ни продажею, ани яким иншым способом от Церкви Божой отдалятися.

Такая наша воля и указ абы тепер и в потомные часы наймнѣй нарушена не была. Повторе и по десяте пильно варуем и приказуем.

Дан в обозѣ от Быкова, сeптеврія 27, року 1708.

Звышменованный гетман рукою власною.

На обороте другим почерком: На ево ж, кіевский, гетманский, тут же и на прикупленный пляц от небожчика Кочубея от пана Ивана гетмана Мазепы, году 1708, сентевря 27[78].

Наболілі козацькі справи

№ 55

1708, січня 10.

Лист гетьмана І. С. Мазепи царю Петру І про втечу зі служби лубенських козаків та їхні поневіряння під час походу

Иван Мазепа, гетман и кавалер с войском вашего царского пресветлого величества запорожским, пад до лица земли, пред пресветлым вашего царского величества престолом у стопы ног монаршеских, смиренно челом бью. В прошлых месяца декабря числех получил я, препочтенную вашу великого государя вашего царского пресветлого величества грамоту с росписью беглых с службы вашей монаршеской регименту моего полку Лубенского казаков, которых я с наказным полковником по указу вас великого государя вашего царского пресветлого величества на службу вашу монаршескую в Казань послал, а они, не хотя постоянно вам великому государю вашему царскому пресветлому величеству служить, своеволно бежали с той вашего царского пресветлого величества службы. Яко убо я сам по должности моего уряду верно и радетельно вам великому государю служу, так всеусердно желаю, дабы и все войско вашего царского пресветлого величества запорожское моего регименту на ваших великого государя службах всегда постоянно пребывало и до крове стояло. Как скоро восприял ту препочтенную вашего царского пресветлого величества о помянутых полку Лубенского беглецах грамоту с росписью, так тогож часу писал к полковнику лубенскому, приказывая ему грозно, дабы конечно старался тех все бунтовщиков и беглецов, когда появятся в домы свои имать, и самих приводцов до того бегства в кайдалы заковав, в Батурин прислать, которых без всякого пощадения велю на смерть казнить, а беглецом по правам воинским наказание чинить. Такое убо мое повеление полковник лубенский исполняя, когда в полку своем о тех беглецах розыск чинил, тогда их в лицах мало кого явилося, но чють мало не все врознь розбежалися, и иные на Дон, иные на Запорожье, а иные на ту сторону Днепра в слободы, опасаяся за свое преступление нещадной казни. А на сих днях, какой писал ко мне лист с Пензы наказной полковник над таварыством на вашу великого государя службу в Казань от мене посланной, тот я при сем моем листе в Приказ Малыя Росии для ведома вам великому государю посылаю, подаю до премудраго и благоразумного вашего царского пресветлого величества разсмотрения и разсуждения, по котором листу полученном тогож часу повторне к полковнику лубенскому писал и жестокого приказывал, чтоб самого приводца до явственнаго бунту, когда с товарством своим появится, сковав, присылал сюда в Батурин, а товарыство его единомысленное до крепкого вязеня тюремного отдал. О сем вам великому государю донесши, самого себе вручаю наивсегда премилосердной вашего царского пресветлого величества благостыне.

Писан в Батурине генваря 10 1708 году.

Вашего царского пресветлого величества верный подданный и слуга наинижайший Иван Мазепа гетман и кавалер вашего царского пресветлого величества Войска Запорожского.

Додаток до листа:

Лист наказного лубенського полковника Леонтія Івановича Кичкаровського гетману І. Мазепі

Ясневельможный милостивый господине гетмане, зело нам премилостивийший господине и великий благодетелю.

По указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, и повелением вельможности вашей господина нашего милостивого и великого благодетеля пошедши мне из под Ромна августа 20 числа, на службу монаршескую с товарством полку Лубенского, тысячью и двусотным числом з господином стольником Алексеем Александровичем Юшковым в Казань, и того времяни описався до вельможности вашей и роспись написанную товарства посланными отослав, за помощию Божиею до назначенного места

[78] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — С. 369–370 (Архив СПбИИ РАН. Колл. 68. Карт. 2. № 179. Л. 1-1 об. Подлинник. Войсковая печатъ).

спешили путь: на Сумы город, на Краснополье, на Карпов, на Старый Оскол, на Яндоловое, и до Дону вышше Воронежа в дву милях перевозилися сентября 14, а оттоль за Доном на Бел Колодезь и на заводы тертинние, где пилы сами водою режут дерево, на Романов и на другие заводы, где пушки железные, гранаты, ядра льют, паки оттуду на Соколско, даже до Козлова, и на Белско, на Чолновое, на Лисие Горы, и дошли до Тамбова. А когда перешли мы Тамбов, его милость господин комендант Никита Андреевич Кудрявцов, и комисары казанские прислали от себя гонца нарочного Василья Васильева сына Палчикова, чтоб мы отвратили ити в Казань, да шли в право на Пензу, а с Пезны островом меж Волгою даже до Самари, ради той причины, что нам неприятели подлинно сказали идут, башкирцы, кубанцы и калмыки войною разоряти Самари. И мы оттоль по указам их милостей спеша из Тамбова, водили нас проводники кривыми дорогами, то на полдень, то на полночь, на запад, то на восток, и на силу довели нас в город Пензу, и там по милости государской дано нам провианту на товарыща по полуосмине сухарей. И то взяв благодарно, днем и ночью непроходимыми рощами, баяракими глубокими, степями безводно и бездровно, наго, голо, босо, и коней много покинув, трудно и странно и плачливо в то место Волги до Самари сверх перевозу в дву верстах под селом Новинками октября 17 числа дошед, стали мы, где имели и провиант дати, а потом и не дали. А сколь скоро толко стали, того ж дня от господина воеводы с той стороны Самарии приехав, посланец казанский, подает указ от господ судей казанских, его милости Никиты Андреевича, дабы не стояли ни мало, назад паки в низ Волги за калмыками скоро спешили, и так нам не дав никакой дачи, так самим и конем нашим корму, на третий день не отдохнув ни мало, с великим плачем и воздыханием, назад паки на теж горы, бояраки и непроходимые рощи, покинув много коней, пешо пришли мы до Печерского села, а потом оттоль в низ Волги идучи, со всем полком дошли мы города Сизрани и Кашпорова степью даже до Петровского, за калмыками пути перенимали и нигде оных не обрели. И подбився под Петровской город, толко 12 верст и послав табор в Петровской, конно все как мочно за объявлением прикащика петровского, что калмыки под Пензою деревни разоряют, помочь давали, паки мы днем и ночью степями, перестерегая пути даже до села Печелейки и там уже калмыков не застали, где недалеко и господа воеводы пензинские Федот Степанович Дубасов, Иосиф Иванович Фатуев и петровский воевода с полками стояли, также в селе Конделеве за 10 верст от нас. И мы сотника послали чернеского из степи в вихорицу великую без писма, толко словесно к их милостям, и они отвещали нам чрез тогож посланного так же словесно, что и мы де о калмыках не знаем. И они господа воеводы оттоль пришли до Пензы, что и мы из Печелейки послали в Петровское по табор, а сами так конно с войском в Пензу намерили путь и там в городе чая отдыху, и указу, яко ж и послав господин столник своего подьячего, неописався к господам воеводам, и сотников двух и с сотнями, чтоб самоволно занимали дворы. Но их милость воеводы пензинские отвещали: «без указу господ судей казанских не розвожу, не буду розводити по дворам; и нет вам тут станцыи и вас тут не потребуем», и приказав воевода з дворов казаков выбивати тем татаром, мордве, чювашам, которые со всего уезду Пензы сбито было в город не знать для каких мер, что мы тую ночь без табора будучи, начевали по улицам в великом холоде и голоде сами и кони наши, а на завтрешний день не толко казаков выбивали из дворов, но и хоронгви выкидали на улицу, которые начевали в дворах, самих и коней выбив, мушкеты и знамена с крестами выкидали, что имели стояти на улице в метелицу и вихорицу, дожидаючи, пока табар ис Петровского придет. А когда пришол табор, под город зближась, о раде многое товарство с розных сотен поехав, против обозу собравшися своеволцы, и с великой нужды и немилостивую страсть такую терпя в Пензе городе, что мало отделившись поуходили не знат куды, и в город уже до сотен своих и до хоронгвей не дошли и против ночи незнат где без ведома нашего поделися. А на третий день, что докучило зимой холод и голод в нужде великой самим и коням на снегу по улицам стояти, собравшись все сотники и товарство пришед со мною полковником до столника Юшкова почали говорить ему: «для чево вы так войском и нами трете и мнете и ни во што нас ставите», объявляли, что мы подлинно идем все сполна к Москве до столицы царствующаго града к пресветлейшему и державнейшему великому государю, на самих вас с плачем кровавым бити челом, что негде нам детися, в такую стужу зимную и голодною смертию нам приходит помирати. И он столник отказал, что и я не могу против таких спорников ничего оным чинити, а вы как себе хочете, то так делайте, а я сам к Москве нейду. И так войско все осердясь, закричали воплем великим от великого голоду и холоду, поднялися было пойти с плачем к Москве бити челом и милости просити, но воеводы пензенские обослали нас грамоткою в Царине, в тотчас меж посадом забегли, сказывая, что калмыки разоряют деревни на реке Хапре Пензенского уезду. И мы в тотчас с радостию повернувшись паки к воеводом сами приехали и почали говорить: «чего ради нам на дворах не велите и не позволяете становитися и корму никакого так же и конем сена не даете, и казаков з дворов с конми и з знаменами выбиваете?» Но оные господа воеводы знатно устрашилися, что мы было из города пошли к Москве бити челом и бутто велели войску дворы розвести, однако ж бутто постановили по дворах и обещали было дат по возу сена и по хлебу на казака. А тут вслед пославши ходоков и денщиков в тай заказали, что б ничего не давали, как и не дали, что бедные казаки сами себе хто смог с себя платье и котлы, а иншие и мушкеты продаючи за безценок принуждены бедные с великою нуждою себя и коней кормить, замешивая по прогокам з житною соломою, и что и я, полковник наказный, зжалевся им же послав з двести товарства на реку Хапер, где было потревожили калмыками, но и то не обрелось нигде по деревням никакого разорения ни от кого и не было калмыков.

А видя я таковую притужность полчаном, посылал я с Пензы в Казань до их милостей господ судей казанских, прося милости о денежном и хлебном жалованье, и отдушки для коней и самих на Пензе на неколикое время, того ради, что беспрестанно из домов вышед, нигде остановки не имели и не отдухали, не толко недели и трех ден, ни самим и коням отдыху не было. А еще их милость господа судьи казанские засылали своими писмами и повелениями такими, что бы нам с Пензы в сие бесдорожие итти паки на Самарь в непогоду великую за Волгу и дикими степями безлюдством по Закамскою чертою некакою на Куликово поле в село Каракулино. И наше войско, послыша такий далекий путь другий к походу, нашим недостатком без отдышки и без всякого корму и потехи, согласившися советом тайным из города Пензы без ведома и без докладу нашего, ночью мене толко самого с куренем и з сотниками и где какие атаманы при нас будучие оставивши, все поуходили много их, а которые были, паки намерились туда ж за теми в побег, х которым я приставил было сторожу, однако ж оные своеволцы осердяс сами своих караулщиков, а имянно сотника лохвитцкого и иное товарство с ним будучее на карауле, много их побили копьями, ямурлуки попроколывали и страждав побежали, а имянно Степан лубенский хорунжий Лозовенский полковый, будучи тот самим вожем, оным всем беглецам поводом был. И так нас оставили с сотниками из тысячи двусотного числа, при мне человек с триста, а з девятьсот ушли, безбожнии. А когда возвратилися наши посланные из Казани с ответом от господина коменданта и комисаров з грамотным указом с таковым, чтоб нам выдали господа воеводы пензенские по полуосмине запасу муки ржаной и по четверику сухарей, и по полуполтине денег на казака рядового, а по рублю на сотников, и велят нам подлинно и безотговорно без всякого медления в Казань наскоро ити, а из Казани и далей за шесть сот верст в тож Каракулино село сего зимнего пути, хотя з горестию великою нам чинится, наменяют подлинно, а того их милость не знали еще, что войско меня, усоветовав тайно, збежали, толко вышепомянутое число трисотное осталось, с которыми я указ их милостей господина каменданта и комисаров исполняя, хотя и в мале ис Пензы декабря 8 в Казань пойдем, и где указ великого света государя будет, готовы навсегда служити. Толко ясне велможный милостивый господине, если бы нас от Тамбова не возвращали, и не крутили нами трудными дорогами, то взад, то вперед, то на стороны окресные и несказанные дороги, не толко сего зимнего трудного времени, но еще во время став в Казани, и там бы все сполна будучие службу монаршескую хотя и в Каракулином до сего времяни отправили, и наша бы верная служба в честь великому госдуарю, и велможности вашей похвалу бы заслужили, если бы нами так не мутили, водя по всей вселенной государской земли непотребно. О чем все мы скупно осталцы, будучие в малом числе, кровавые слезы проливая, упадаем под стопы ног велможности вашей господина нашего милостивого, отческого на нас призрения, не осироти жен и детей наших и не попусти нас в конец погибнути, ни мало бы нас ис Казани малолюдством, в глубочайшие далекие краи не посылали. О том приложите свое отческое печаловитое милосердие да не погибнем люте за что мы все купно повинуемся, служа верностию нашею всеусердно, его царскому превысочайшему монаршескому престолу, и велможности вашей со воздыханием сердечным, желая много летствия и щасливого при благополучии пребывания, должнии пребываем, слезно господа Бога на всяк час раболепно блажити, купно с сотниками и со всем товарством пад до ног велможности вашей господину нашему милостивому, яко надзирателю малороссийскому вторицею и третицею призрения отческого, ноги слезами омочив, кроваво упадаем и обо всем наставления вашего господского, и ответу милосердного хотя чрез сих же посланных наших, или в чем воля велможности вашей справить, покорно просим и пребываем всегда.

Ясневелможнсти вашей премилостивейшему господину и великому милосердному отцу и благодетелю всех благ временных и вечных желатели и наипокорнейшие слуги и подножие, Леонтий Иванович Нискировский, над выборным товарством наказный полковник лубенский купно с сотниками и с товарством кланяемся;

Дан с Пензы декабря 17 1707 году.

До листів прикладено записку:

Против сего гетманского листа и листа ж наказного полковника лубенского, писанного к нему гетману, в Розряд и в Ынгермоландскую канцелярию для ведома памяти послать велено; указ учинить в Розряде и в канцелярии[79].

№ 56

1708, березень.

Чолобитна козаків Стародубського полку з протестом проти призначення полковником Івана Черниша

Ясневелможний мосцѣвий пане гетмане,

Премилостивѣйший наш и великий добродею!

Еще в прошлом месяцу февруарии перш отчасти (чому еще мы не зовсѣм довѣрали), а тепер уже совершенно оголосилося тое останствующою ведомостию в цѣлом нашом Стародубовском полку, же Иван Черниш, слуга велможности вашой, не контентуючися так прещедрою и превеликою велможности вашой ласкою и милостию, годност подлой его особы превишшаючою, которая оного од гонища воздвигнула и яко единого от нищих обогатила, а будучи тепер чи то в дѣлех велможности вашой войсковых, чили в своих приватных (чого мы документалне не вѣдаем) у двору

[79] *Кочегаров К. О.* Участь козаків Лубенського полку в придушенні Башкирського повстання 1704–1711 рр. [Додаток (документи)] // Український історичний журнал. — 2010. — № 6. — С. 26–29 (Російський державний архів давніх актів. — Ф. 124. — Оп. 1 (1708 р.) — Спр. 3).

пресвітлѣйшего нашего самодержца, его царского величества, дерзнул не тилко без нашего на тоее соизволения, но что ест наиболшое, и без волѣ велможности вашое, звѣрхнѣйшего своего рейментара, яковимис своими хитростми и прелестми о уряд полковництва стародубовского старатися над давние обикновение, права и волности наши войсковые, премощними и высоцеповажными православных монархов всерусийских самодержцов прежних и нынешнего, щасливе нами обладающего великого государя его царского величества грамотами, утвержение и потвержение. И потол властолюбием и тщеславием ослѣпленный, не видячи и не познаючи себе, что ест, не перестал и не устал в намѣренном дѣлѣ, покол желаемого себѣ не получил и именованным уже (яко нам донеслося) полковником стародубовским не зостал, которим себе поворочаючи от двору монаршого в Киевѣ, в Козелцу, в Нѣжинѣ и по инших мѣсцах на остаток через кревных своих, прозиваемих Чортов и через инших служок, безстудними своими писмами и у нас так далеце оголосил, же по всем полку стародубовском досконалая в том пронеслася вѣдомост, которая в народѣ немалое учинила смятение и нам, старшинѣ незносним жалем сердце и утробу уязвила, великий ужас и удивление принесла, як то он, Черниш, единий в безчестном своем рождении от нищих человек незнатный и межи иншими честнѣйшими и заслуженшими велможности вашой слугами послѣдний, бо недавний слуга, дерзнул до наяснѣйшого монаршого его царского величества маестату коснутися и так великой рѣчи просити, в которой ему, не мѣючому жадних в Войску Запорожском заслуг и будучому безславного шевского и шинкарского роду, и помислити трудно. Ставаем прето на таковий нечаянной никогда нами вѣдомости отголос, у велможности вашой пана нашего милостивого, а не так ставаем, яко до ног велможности вашой рейментарских упадаем, просячи и ищучи при них непреодолѣнного и благопрозрителного заступления од того правоmenomного хищника уряду полковництва стародубовского, слуги велможности вашой Чорниша, которого ми жадных наименших в Войску Запорожском не толко заслуг не ведаем, но и подлую его особу не давно килка тому лѣт ледво познали, як велможност ваша своею панскою протекциею почалес оного от нища и убога в человека претварати, перш в канцелярии войсковой, до которой был по милости велможности вашой от услуг дворовых его милосте пана Кочубея на тот час писара, а тепер судии войскового енералного, принятий, убогощаючи и доволствуючи его на многие мѣсца розними посилками користними, якие не могут ему в заслуги, лечь в удоволствование скудости и убожества вмѣнятися, а потом на господарствѣ замку своего Батуринского, на котором велможности вашой он, Черниш, барзѣй прослужился, анижели заслужился, яко о том всѣ мы совершенно знаем, и удивляемся до тих час великому велможности вашой непамятозлобию и панскому милосердию, же того Черниша, которого треба было не на время (яко велможност ваша учинилес был), лечь навсегда от милости своей панской отринути, зо всего обнажити и значне скарати за явние его шалбѣрства и тайние добр ваших панских присвоения, велможност ваша по естественном своем не раз свѣдителствованном милосердию арматним токмо через еден день вязенем, чрез килка недел на очах панских небиванем и от господарства отстановленем мало наказавши, преждней своей ласки участником быти удостоилесь, которою разгородѣвшися стал высоко о себѣ разумѣти и превозносити себе вишше себе. Лечь мало на том болшое предградет: не прозрился он, Черныш, и городстию и любочестием ослѣпленный, в рождение свое, кто ест и откуду, кгды дерзнул, будучи худородним, о высокое в Войску Запорожском стародубовское полковництва достоинство недостойнѣ старатися, на котором прежде сего почавши от славныя и вечно достойныя памяти валечного велможности вашой антецессора Богдана Хмелницкого аж до щасливого велможности вашой рейментарского властителства всегда зоставали люде годнии, заслужонии козаки з дѣда з прадѣда, стариннии, славнии и отважнии межи якими иннии были и гетманского племенѣ, яко то небощик Федор Мовчан, внук Богдана Хмелницкого, который на службе монаршой в Чигиринѣ за вѣру православную, за церкви Божественние, за Отчизну Малоросийскую и за волности войсковие крѣпко и мужественно против сил турецких застановляючися, голову свою положил, а за ним болш от двохтисячей значнѣйшего полку Стародубовского начално и подначалного товариства дѣдов, отцов, дядков и братов наших от меча неприятелского на пляцу военном трупом лягло, а иншии многии з нас и тепер в той же Чигиринской военной потребѣ раны и кровпролитие претерпѣвши, в живых еще обрѣтаются. Не умолчим и недавно бывших у нас полковников, небожчиков гетманичов Семиона и Якова, перед ними зас пана Григория Карповича Волского, в живих тепер обрѣтаючогося, старинного значного и заслужоного товариша войскового, который од хоружества енералного перш у нас стародубовским, а потом киевским был полковником. А по них гетманичах за щасливого велможности вашой властителства и покойника Миклашевского прошлого року в Несвѣжу также на службѣ монаршой от рук неприятелских шведских з инним многим товариством, отцами, дядками и братами нашими смертию пострадавшего, которого мы з знаменитого уряду асаулства войскового енералного волними голосами на полковництво стародубовское, яко годного и в Отчизнѣ заслужоного человека, у велможности вашой упросили.

А як же не постидится Черниш, жадних заслуг у себе не мѣючи, человек молодый, сын не козацкий, в експедициях военных неискусный, а подобно и никогда не бывалый, по такових особах достойных заслужноих и славних над нами, старинними козаками полковниковати и прежним полковником стародубовским чином соравнятися, да и нам в Войску Запорожском кровию и отвагами з отцов, дѣдов и прадѣдов имя козацкое заслуживишим, як не тилко не безчестно и не укоризненно будет ему Чернишеви единому служцѣ велможности вашой подначалними быти, кланятися и повиноватися, которого мы не толко дѣда и отца

никогда не знавали и знати (бо и не маш чого) не можем, лечь и его самого, и прозвание оного недавно и то не всѣ з нас увѣдали. Тое токмо от певних людей честних, вѣригодних жителей батуринских, и тепер еще живих достовѣрно знаем и давно чуем, же отец его в Батуринѣ нищетно живучи, ремеслом шевским и костирством упражнялся, а потом з братом своим, а его дядком в винницѣ роблял, и оттол себѣ пищу и одежду мѣл, а Чорнишем для того люде в Батурине прозвали, же над мѣру был лицем чорний, яко и сын не велми бѣлий, который по смерти отческой зоставшися з маткою осиротѣлим в малых лѣтях, а не хотячи чили не могучи ремесла шевского учитися, якого бы певне умел, если бы отцеви вѣк продолжился, удался на науку писма до школы Свято-Николской Батуринской, где учился и валялся за нищого. Матка зас поти шинкарством бавилася, поки не пошла за небощика Вергуна, козака сѣчового, а и за тим будучи в малженствѣ не оставляла шинкарства, которим и доселѣ увес род его Чернишов яко то прозиваеми Чорти и иншие бавятся. Когда прето он Черниш научился читати и писати, тогда перш за хлопца служил при небощику Лисицѣ, полковникови охочопѣхотним, а потом по смерти его Лисицы, кгды полк тот пѣхотный над которим он полковниковал, вручен зостал от велможности вашой пану Чечелю, в тех час уже он, Черниш, в совершенний возраст прийшовши, при нем пану Чечелю за челядника и писарчика зоставал до Казикерменского походу. А по взятю Кезикермена, оставивши службу сердюцкую, удался на услуги до его милости пана Кочубея, на тот час писара войскового енералного, у которого чрез килка лѣт служачи и до писаня лучше призвичаившися, упросился у велможности вашой через рекоммендацию помененного ж его милости пана Кочубея нынѣшнего судии войскового енералного до канцелярии войсковой недавним временем, которая поневаж не так многолюдна была, як тепер, латвый получил через милост велможности вашой до тоей же канцелярией войсковой приступ и вход, в якой видячи велможност ваша его Черниша легкого и от всѣх канцелярист меншого и послѣднѣйшого, а отчасти справного, изволалес оного в Царкгород гонцем з листами до его царского величества думного дьяка, его милости господина Емелиана Игнатовича Украинцева ординовати.

З чого всегоислѣдовавши его рождение, воспитание и службы можно познати совершенно, что он Черниш ест за человек и якие его заслуги. И з тих прето мѣр разсуди велможност своим благомудрим благоразумием, если прилѣчно шевскому, костирскому, винницкому и шинкарскому сыну над нами стародавними козаками полковниковати, которих праотцы не копилом, не костми и картами, ани квартою и ожогом винничним, лечь шаблею и кровию имя козацкое заслужили и нам наслѣдником своим за найболший дар оное зоставили. Вздригаемся теды и ужасаемся, обавляючися, абы полк наш, который тепер честию и славою и заслугами соравняется инним полкам, не прийшол в крайнее понижене, поругание, укоризну и посмѣвиско, когда по так честных, славных и заслужоных полковниках будем мѣти над собою полководцу (чого не дай Боже), единого шустика, шевчика, человека молодого и нѣгде в военных оказиях небывалого. А если он Черниш для тол тилко единого величается (бо инших не маш и не было служеб), же гонцем был з листом до Царкгорода, то такою мѣрою всѣх бы тих слуг велможности вашой, котории в прошлих лѣтях были до Царкгорода гонцами треба учинити полковниками, яко то Козловского, Петра Волошина, Статия Волошина, Стефана Керека и инних, що никогда событися не может для подлости их особ. А до того было бы то противно давнему обикновению, правам и волностям нашим, многими статьями и монаршими грамотами потверженими, если бы он Черниш зостал у нас полковником без жадного нашего согласия и волного избраниа.

И любо велможност ваша от Бога и от Помазанника его великого государя нашего, его царского величества совершенную мѣеш власт и давати, и отбирати уряды полковничие, однак тую свою власт, послѣдуючи антецессором своим, так мѣркуешь и так благоразумѣешь своим управляешь, жебы ни в чом прав и волностей войсковых не перевишшала и не повреждала. Упадаем прето до ног велможности вашой и сторично покорне просим, абыс нас при правах и волностях наших заховуючи, не допускал над нами Чернишеви, слузѣ своему, человеку молодому, сынови шевскому, ни в чом в Войску Запорожском незаслужоному и нам мало знаемому началствовати и полковниковати на безчестие, поругание, и посмѣвиско у малороссийского народу полку нашего. А яко всѣ едногласними голосами чрез покорную спплѣку прошлих свят рождественских просили себѣ за полковника у велможности вашой его милости пана Войнаровского милого велможности вашой сестренца так и тепер неотступнее повторне о того ж самого ж просим, если ж бы в том нашом прошении цѣле не могли получити благоисполнителной велможности вашой милости, теды дерзаем уже хочь и не зносним нашим жалем о тое просим, абыс велможност ваша позволил нам ведлуг прав и волностей наших з межи себе в полку на тот уряд полковничий годнѣйшого кого и заслуженнѣйшого, ниж Черниш, волними голосами избрати, в чом желаемому прошению своему получивши, должни зостаем за щасливое велможности вашой панование Господа Бога молити.

Спиридон Ширай,
войт стародубовский
з всѣма маистратом
и посполством

Велможности вашой нашего велцемосцѣвого
пана, премилостивѣйшого добродѣя
наинизшие подножки:
Прокопий Силенко, обозный и полковник
наказный стародубовский
Яков Романовский, судья полковый
Григорий Старосѣлский, Смен Кголецкий,
асаули полковие,

Юрий и Ян Рубцѣ …, Федор Волский, сотник топалский, Захарий Искра, сотник погарский Афанасий Покорский, писар полк[овый], Михайло Турковский, сотник и инние з всем полком[80].

№ 57

1708, квітня 21.

Справа про надання старшині та козакам, які перебували у Швеції у полоні, матеріальної допомоги

В прошлом 1707 году генваря в 14 (день) из Стокхолма генерал крис-камисар, князь Яков Федорович Долгорукой писал в разряд и прислал роспись, что регименту гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепы разных полков малороссийских городов сотники и иные урядники и рядовые казаки 104 человѣка страждут в неволе в завоевании в свѣйской землѣ, имянно в Стекхолме, гладом и нагатою без жалованья, с ыными такими ж плѣнники русскими людми и иноземцы, и чтоб жалованием никто презрен не был, и о том ево генерала увѣдомить, будет ли тѣм плѣнным прислано что на дачю.

И по тому писму к гетману и кавалеру из молороссиского приказу послана грамота, велено ему регименту своего плѣнным людем в Свѣе о прокормлении их учинить по своему разсуждению.

И по той грамоте он гетман и кавалер для вышеписанной посылки тѣм плѣнным прислал 1170 ефимков, и о раздаче роспись. И тѣ ефимки для переводу через вексель в Стокхолм на дачю гетманского регименту отданы иноземцу Елисею Клюку.

А декабря в 15 [день] 1707 году он же генерал крис-камисар писал, что тѣ ефимки розданы на жалованье им гетманского регименту малоросийских городов:

Миргородского полку сотнику Василью Родянку 22 ефимка;

Того ж полку хорунжему Степану Рубану 10 ефимков. Разных полков и сотен казаком 102 по 7 ефимков, итого 714 (?) ефимков.

Иноземческому человѣку за принос денег 20 ефимка, а которые 451 ефимок посланы были на дачю Переяславскому полковнику по писму гетманскому, взял себѣ он князь Яков Федорович, потому что тот переяславский полковник умре.

Всего в расходе ис тѣми, что взял князь Яков Феодорович,1229 ефимков.

За тем в остатке 16 ефимков.

Да генваря в 24 день 708 году он же генерал крис-камисар в розряд к боярину Тихону Никитичю Стрѣшневу писал, что гетманского регименту обрѣтаетца в плѣне сверх прежней росписи полковник, писар, сотник и казаков 47 человѣк, и тѣм людем ис присланных от гетмана денег ничего не дано, потому что он роздал по ево гетманской росписи наличным ево гетманского регименту людем, и чтоб он гетман о том был увѣдомлен и дачею вышеписанного полковника и других плѣнных регименту своего казаков страждущих в плене определил.

И генваря 30-го дня о том к нему, гетману и кавалеру, писано, имянно, велено ему о всем учинить по своему разсмотрѣнию.

И о том он, гетман и кавалер, в малороссийской приказ апрѣля по 20 число не отписывал, а в малороссийском приказе денег на лицо никаких нѣт.

И апрѣля в 21 день 1708 году, по указу великого государя, бояря, будучи в ближней канцелярии, слушав того доношения, приговорили: взять в розряд для отдачи свѣйскому генералу Горну для переводу чрез вексель на дачю гетманского регимента казакам, обрѣтающимся в плѣне в Стокхолме, жалованья 120 рублев из болшой казны, а к гетману и кавалеру о присылке против прежняго вышеписанного числа денег 120 рублев ыз малороссийского приказу послать грамоту[81].

№ 58

1708, квітня 28

Скарга гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову про розорення калмиків у Чернігівському полку

Свѣтлѣйшый и высокопочтеннѣйшый священных Рымского и Российского государств, Ижерский княже, господине, господине, любезный мой брате.

По указу царского пресветлого величества в почтеннѣйшом вашой княжой свѣтлости писаніи изображенном, послал я з Чернѣговского полку на самый початок провіанту его милости господину Окгинскому, гетману литовскому, старостѣ жмудскому за двѣстѣ рублей. А за осмсот рублей приказалем по городам того ж полку Чернѣговского с скоростію готовити, понеже в самом городѣ Чернеговѣ толь многого числа собрати трудно и невозможно. А чаю, что тое собраніе провіанту будет тому полку Чернѣговскому не без трудности.

Здѣ же доношу вашой княжой свѣтлости: доносил минѣ полковник чернѣговский, извѣствуя, что полковник донский з донцами и калмиками, переправясь рѣку Сож, вшел в полк Чернѣговский и там стоят, чинячи великии людем тамошним разоренія. Зачым я прошу вашой княжой свѣтлости, дабысь ваша княжая свѣтлость, милосердствуя о отчине его царского пресветлого величества, нашего всемилостивѣйшаго царя и государя, изволил послати свой поважный до него, полковника донского, приказ, чтоб он з товариством своим и калмиками там, в полку Чернѣговским, до указу царского пресветлого величества стоячи,

[80] *Кочегаров К. А.* Русское правительство и право гетмана И. С. Мазепы назначать казацких полковников Войска Запорожского: казус Ивана Черныша 1707 года [Приложение] // Славяноведение. — 2016. — № 2. — С. 37–40 (Российский государственный архив древних актов. — Ф. 124. — Оп. 4. — Д. 147).

[81] *Перетц В.* Дело о жаловании пленным козакам 1708 г. // Киевская старина. — 1905. — Июнь. — С. 235–236 (Госуд. Арх. Кабинет Петра Вел. Входящие письма 1707–1708 г. I. — Кн. № 8. — Л. 328).

обходился смирно, не чиня никакова людем полку Чернѣговского разоренія. Ибо если он, полковник, далей там забавитца, не престая чинить обид и разоренія, то все людѣ оттуду з полку Чернѣговского прочь разыйдутся.

Сіе вашой княжой свѣтлости объявив, самаго себе неотъемлемой его ж благодѣтелской поручаю любвѣ и ласце.

Вашой княжой свѣтлости всего добра жычливый брат и слуга Иван Мазепа гетман рукой власною.

З Бѣлой Церкви, 28 априля, 1708 року[82].

№ 59

1708, травня 27. — Біла Церква.

Відповідь гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову на скаргу про те, що сердюки не отримали жодної копійки із зібраних у людей податків

Свѣтлѣйшій и высокопочтеннѣйшій Римского и Российского государств, Ижерскій князь, господине, господине, любезнѣйшій міи брате и истинный благодѣтелю.

Почтеннѣйшое вашой княжей свѣтлости писаніе из Смоленска от 7 мая писаное, а з Бѣлагорода от князя его милости Димитрія Михайловича Голицина присланое, получил я того ж мая в 24 день, в котором вычитав о ложном чіемсь донесеню, будто подлые рейменту моего люде зѣло имѣют великую жалобу и за неменьшое себѣ причетают озлобленіе, что будто с них многіе тысячи собраны на сердюков и на протчих рейменту моего воинских людей на опредѣленное жалованe, которого им и по копѣйкѣ не дано.

Удивился такой плевосѣятелной лжи, [ко]торою вашу княжую свѣтлость напрасно якиись неспостоянной лживец потурбовал, а я извествую вашой княжей свѣтлости чистою совѣстію и правдою христіанскою, что на сердюков и на компанію никогда ни с кого здѣсь, в малороссійских рейменту моего городах, ни по единой копѣйке не выбираетца, и обыкновения такого издревле не было, и тепер нет, чтоб им собиралося о[пре]дѣленное жалованe с людей, которое по вся года як сердюка, так и компании непремѣнно дается з арендовых денег, которых як много в год до скарбу войскового собираетца, презентовал я, будучи на Москвѣ, подлинные реестра покойнику Федору Алексѣевичу Головину для вѣдома его царскому величеству, о яких чаю и вашой княжей свѣтлости памятно и известно.

А когда на квартерах зимовых компанія и сердюки стоят, в той час сами они з двадцати и четырох человека людей посполитых, а не с казаков, на единого компанійца или сердюка за харч, за конскій корм и за все про все по четыре золотых месяц выбирают, а если где не хотят денгами мѣсячного платить, то також де 24 человека людей посполитых едного компанійца или сердюка без всяих вымыслов кормят и конскіе кормы компанійцу на два, а сердюку на едного коня дают поденно, ведлуг установы, и когда выходят на службу монаршую в поход военный, тогда на колко месяцев укажется им, сердюкам и компаніи, ординансами моими приспособитца в борошенные запасы, на толко они ж сами з тых же людей, где консистенціи имеют, выбирают мѣсячное, половину борошном, и воз един на 10 человека, а половину денгами по четыри золотых. А если тые месяца на ко[...] выберут борошном и деньгами в походѣ выходят, а ку домам повороту не бывает, то пожовники посылают от себе в городы до своего старшины, чтоб уже без борошна самыми денгами по чотыри золотых обыкновенно выбрав, присылали и ты денги мѣсячные.

Там же в походе от полковников городовых полковники компанійскіе и сердюцкіе отбирают и подлуг реестру товариству своему роздают, а чтоб им, когда годовое опредѣленное жалованe или мѣсячное на консистенціи либо в походѣ заводилося и не отдавалося, того еще никогда не бывало. Також де, чтоб якіе нибудут от меня или от полковников для жалованя сердюкам и комапніи поборы начались, такого еще образца не было.

Изволь убо ваша княжая свѣтлость впред таковым непостоянных плутов ложным донесеніям не яти вѣри, а мене в прежднеи своей милости, ласце и любве сохраняти, который себе навсегда вручаю.

Вашой княжой свѣтлости истинный пріятель, брат и слуга Иван Мазепа гетман рукой власною.

З Бѣлой Церкви, мая 27, року 1708[83].

№ 60

1708, липня 4.

Донесення коменданта Бихова Д. Воронцова О. Д. Меншикову про склад гарнізону та хворих стародубських козаків

Высокородний Господин, Господин мой милостивый Государь.

Доношу вашей Милости неприятельские люди обрѣтаютца от Быхова в ближнех мѣстах,а в Быхове обрѣтаетца пот моею командою Стародубского полку казаков 543 человѣка, в томчисле больных 175-ть человѣк и у тех, у многих, ружья нѣт, да Петровских салдат172 человѣка, да полку моево стрельцов 648 человѣк, всего кроме больных казаков, салдат и стрельцов 1102 человѣка, и ежели б в случае о прибытии неприятеля Быховской фартецы вышеписанными людми не обънять.

Да есть подле Быхова два больварка по обѣ стороны к Днепру, один с выходом,а к другому и выходу нѣт, а людей в них за малолютством сажать не кого, и ежели они попрежнему будут в целости и людей в них не будет о прибытии

[82] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — С. 240 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 54. Л. 1–2. Подлинник).

[83] Там же. — С. 242 –244 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 58. Л. 1–2 об. Подлинник).

неприятеля в них будет легкой способ,а нам не без трудности, и о том Ваша Милость как благоволит.

Слуга Милости Вашей Дмитрий Воронцов.

Из Быхова, июля 4-го дня 1708 года[84].

№ 61

1708, липня 8.

З донесення коменданта Бихова Д. Воронцова О. Д. Меншикову про втечу 200 стародубських козаків

(…) ежели в случаи о прибытии неприятеля из Быховской фартецы за малолюдством не обнять, а в Быхов казаков и салдат и стрѣльцов, кромѣ больных,1102 человѣка и из того числа и нынѣшней ночи ушло из Быхова Стародубскаго полку казаков 200 человѣк, а должных осталось малое число, и о том Ваша Свѣтлость как благоволит, а впредь нам описыватца и посылать до Вашей Свѣтлости за пребытием неприятеля невозможно.

Раб милости Вашей Дмитрий Воронцов

Из Быхова, Июля 8-го дня 1708 г[85].

№ 62

1708, липня 17.

З донесення коменданта Бихова Д. Воронцова О. Д. Меншикову про нову втечу 31 стародубського козака

(…) в Быховѣ людми Быховской фартецыи не обнять; а сего Июля против 17 числа бѣжало из Быхова Стародубскаго полку казаков 31 человѣк и о том ваша свѣтлость как благоволит. А у нас в Быховѣ полку моего стрелцов и солдат больных много.

Да по писму вашей светлости я Стародубскому полковнику к Господину Скуропацкому о беглых казаках, взяв ведомость указного полковника Господина Раславца, из Быхова полку своего с нарочным посылщиком послал. И сего Июля 16 дня получил я от него вѣдомость, и пишет ко мнѣ, что против моего писма о бѣглых и о умерших полку своего о казаках известен и о том бутто писал к яснѣвелможному и кавалѣру к господину Гетману Ивану Степановичу Мазепе, а на перемену де ему вмѣсто бѣглецов и умерших послать некого.

Раб милости Вашей Дмитрей Воронцов.

Из Быхова, Июля 17 дня 1708 года[86].

№ 63

1708, серпня 24.

З донесення коменданта Бихова Д. Воронцова О. Д. Меншикову про прибуття 1000 українських козаків

Светлейший князь Александр Данилович.

Доношу вашей свѣтлости в указе великаго Государя за рукою Господина Гаврила Ивановича Головкина ко мнѣ написано прислано в быховской гварнизон малоросиских казаков из Стародубскаго и Черниговскаго полков 1000 человѣк пехоты, а не конницы; и тѣ казаки на которых лошадях привезли они свои коши и тех лошадей они отпустили в дом, а в указѣ от вашей свѣтлости августа 23 дня мне написано из вышепомянутых казаков велѣно оставить в Быховѣ для розѣзду кои плоше 500 человѣк, а досталных доброконных и доброоруженных велѣно отправить з Господином полковником Огаревым к вашей свѣтлости, а у тех казаков коней нѣт; и о том Ваша свѣтлость как благоволит.

Раб милости вашей Дмитрей Воронцов[87].

№ 64

1708, серпня 28. — Чериков.

Лист стародубського полковника І. І. Скоропадського О. Д. Меншикова

Сиятелънѣйший и превосходителънѣйший княже, мой великомилостивый

Благодѣтелъ.

По должности моей служебничой доношу вашой княжеской свѣтлости, что по указу его царскаго пресвѣтлого величества комендерование до ясновельможнаго его милости пана Гетмана полки дня вчерайшого к р. Сожу прибули нынѣшней пятницы переправившись стали под Чериковым и я... есть указ Царского величества его милости господину Ифлянту генералу маеору в делѣ военном по тому 2 командерованными полк... на службѣ монаршей должен управлятися; сие вашей княжей свѣтлости предла(га)ючи милостивый себѣ полецаю ласке.

Вашой княжеской свѣтлости доброзитливый и унижонной слуга,

Его Царскаго пресветлаго величества войска запорожскаго

Полковник страдубовской Иван Скоропадской.

Из под Черикова, августа 28 дня 1708 года[88].

№ 65

1708, вересня 7.

Лист Петра І князю В. В. Долгорукову про необхідність повернення українських козаків з Дону

Господин маеор.

Просил нас гетман Мазепа о казацкихь войсках, которыя обретаются на Дону, под командою полковника полтавского и другаго компанейского, что естли оныя ныне уже не потребны, то б ихъ отпустить к нему, гетману. И вы, по получении сего, оныя казацкия войска, естли уже они не потребны на Дону, отпустите к нему, гетману, немедленно,

[84] Труды императорского русского военно-исторического общества. — СПб. : Свет, 1909. — Т. І. — С. 106 (Архив Акад. наук. Карт. 8, М 256).

[85] Там же. — С. 107 (АрхивАкад. наукъ. Карт. 8, № 271).

[86] Там же. — С. 109 (Арх. Акад. наук. Карт. 8, № 301)..

[87] Там же. — С. 109.

[88] Там же. — С. 121 (Архив Акад. наук. Карт. 9, № 87)..

понеже оныя ему в нынешнее неприятелское зближение зело надобны.

Piter.

Изъ Мигнович, сентября 7 дня 1708[89].

№ 66

1708, вересня 23.

Лист наказного переяславського полковника Стефана Томари графу Г. І. Головкіну про необхідність повернення його полку додому для захисту рідного краю

Нынешней ночи с среды на четверток подлинную и достоверную получили ведомость от своих людей малоросийских, которые есть полку Нежинского и шли в двустах конех к нам в помочь. И будучи за Рословлем верст за дватдать, где сам господин полковник стародубовской со всеми полками, ему под команду врученными, так городовыми, как и компанейскими, возвратясь с службы монаршеской, остановил их, нежинцов, и не велел оттоль далей итти, нас дожидаяся. А сам, со всем ему войском врученным, спешно пошол в домы свои для управлення всякого в городах и дворах своих от находу и приближения неприятелского, которого о замыслах и совершенном намерении вражеском господин полковник стародубовский сказывал, что подлинно в малоросийских городах наших имеет пустошить и разоряти и что совершенно вь его ж полку стародубовской много деревень волохи огнем и мечем разорили. А под Мглином, местом того ж полку, несколко корнетов швецких на очи видел знатной казак почеповский, которой вслед за полковником своим бегучи, такую непотешную сказывал ведомость, от которых вестей зело стало междо войском нашим смятение. И болим все сердечно о городах и домах своих, дабы не дознали последних разореней и нищеты. Препокорственно упадая, слезно просим милости на нас, нищетных, бедных малоросийских людей и верных пресветлому монарху подданных, показать и отпустить также для управлення в домы, дабы могли целость убожества нашего соблюсти и приготовитись на непременную и далную службу монаршескую, в которой всегда готовы пребывати и умирати. Изволь, ваше сиятелство, нашу нужду и нищету разсудити и без удержання возвратити в свои городы, как бы нам возможно от неприятельского укрытия было на пути препятия и в целости дойти к домам нашим, ибо уже лошадми стали, живности и одежды не имеют многие. А ежели того от вашего сиятелства не получим, то бог свидетель, что, от тех вестей смущенные, наши казаки все поуходят и никаковым образом их удержать невозможно. Токмо мы, началные, без людей удержимся[90].

№ 67

1708, жовтня 10.

Звернення ротмістра охотницького полку Танського Василя Адамовича та козаків Івана Івановського, Степана Стефановича до Петра I

Державнѣйший цар, государь милостивѣйший!

В прошлых, государь, годех служили мы тебѣ, государю, многие службы и на многих бояхъ бывали и ранены, а ныне тому четвертой мѣсяцъ по твоему государеву указу высланы мы на твою великого государя службу и отданы под командыю г-дна генерала Боура, и как ныне он г-днъ генерал бился с неприятелскими людми, с немцы, за литовским рубѣжем, под местечком Кадиным, и на том бою нас нижей менованных рабов твоих ранели и лошеди под нами побиты и ружье и платье с нас все побрано бѣзостатка. И после бою присланы мы раненые в оптеку в Смоленск, а ныне нам твою государеву службу служить стало нечим, лошадей и ружья у нас нѣт и прокормитца нам стало нечим.

Всемилостивѣйший государь, просим вашего величества, вели государь нам выдать свое государево жалованье, что ты, государь, пожалуешь, чтоб нам впред было тебѣ, государю, на чем и с руж'ем служить твою государеву службу.

Вашего величества наижайшие рабы, города Киева, с Танскаго полку казаки; ротмистр Василий Адамович, да компания: Иван Ивановский, Стефан Стефанович. Октября 10 дня1708 году.

К сей челобитной Василей Столбцов вместо ротмистра Василия Адамовича, Ивана Иваневского, Стефана Стефаневича по их упрошению руку приложил[91].

---

[89] Указы, письма и бумаги Петра Великого // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 37.

[90] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Вып. 2. — С. 823–824 (ЦГАДА, Малороссийские дела 1708, № 48, лл. 9–10).

[91] *Перетц В.* Просьба козаков о выдаче им жалованья // Киевская старина. — 1905. — Июнь. — С. 236–237 (Госуд. Арх. Кабинет Петра Вел. Входящие письма 1708 г. I. — Кн. № 8. — Л. 939 и оборот).

Антицарське повстання на півдні України

№ 68

1708, січня 20.

Грамота із Малоросійського приказу гетьману І. С. Мазепі про вжиття заходів щодо спіймання та доставлення у Москву з Кодака Кіндрата Булавіна

К гетману

Сего настоящего 1708-го году генваря 12-го дня к нам в. г. к нашему царскому величеству писал из Белагорода ближней стольник наш и воевода князь Дмитрей Михайловичи Голицын. Сего ж де генваря в 8 числе писал к нему с Самары из Новобогородицкого воевода Семен Шеншин, что декабря 29-го дня прошлого 707-го году, будучи в том городе Новосергиевского города сотник сказал, что того ж декабря 20-го числа будучие в Сергиевском из Сечи казаки оказывали ему: приезжали де в Сечю ис Кадака вор Булавин с товарыщи; и для того их приезду была в Сече рада, и в раде читали письмо. И просил он Булавин Войска Запорожского себе в спороможение к возмущению бунта, чтоб учинить то в великороссийских городех. И редовые де казаки на то ево прелестное прошение склонились было, только де ка такое злое дело не поступили кошевой и куренные атаманы. И просил он Булавин кошевого, чтоб он дал ему с кошу лист и казаков до Крымского хана, чтоб с тем листом и с казаками ехать ему в Крым и просить у Крымского хана орды на вспоможение себе, для разорения великоросийских городов. И кошевой де о том не позволил и листа до хана не дал. И велел ему с товарыщи ево до весны пробыть в Кодаку. И по весне де знатно на прелесть себе склонят таких лехкомысленных воров. И ныне де тот вор Буловин с товарыщи живет в Кадаке. И для подлинного ж уведомления об нем воре послал он из Новобогородицкого в Сечю и в Кадак посыльных своих и велел им тайно уведомитца подлинно о замыслех ево воровских. И тебе нашего царского величества верному поданному Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману и кавалеру Ивану Степановичю от себя в Сечю х кошевому атаману и ко всему поспольству по разсуждению своему писать, дабы они вышеписанного вора велели поймать, а поймав прислали б ево за крепким караулом к тебе подданному нашему. Так же, чтоб и к возмущению бунта свою братью запорожских же казаков они не допустили. И которые к тому злу вопче с ворами явятца, и они б тем людем чи-нили наказание по войсковым правам. А когда тот вор Булавин с товарыщи пойман и к тебе поданному нашому привезен будет, и ево прислать оковав за крепким караулом к Москве. Писан государствия нашего во дворе в царствующем велицем граде Москве лета от рождества христова 1708-го месяца генваря 20-го дня, государствия нашего 26-го году.

В лист писан и подписал Михайло Второв. Послана чрез почту вышеписанного ж числа[92].

№ 69

1708, січня 26.

Пам'ять із Малоросійського приказу в Розряд про співчутливе ставлення запорозьких козаків до К. О. Булавіна

Лета 1708-го генваря в 26 день по указу в. г. [т] боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарыщи. Сего ж генваря в 20 день к в. г. [т] писал Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман и славного чина святого апостола Андрея кавалер Иван Степановичь Мазепа. По ево де в. г. указу и по грамоте ис Приказу Малыя Росии посылал он нарочного посыльщика с письмом в Сечю х кошевому атаману и ко всему поспольству, повелевая им дабы они, являя свою к в. г. службу, невозбранно выдали из фортецыи кадацкой донского бунтовщика Кондратия Булавина с ево единамысленниками, и сковав их присылали с тем же ево посланным. А обнадеживал ево атамана кошевого и все Войско Запорожское, что та их верность не будет забвенна, но прещедрою ево в. г. милостию и ево гетманским призрением наградится. И когда с тем ево листом посланец его в Сечю приехал, и в общей их войсковой раде по обыкновению то ево письмо было чтено, тогда все единогласно хотя и постановили было того враждебного бунтовщика с ево единомысленным товарыществом выдать, а на другой день собралися в другой ряд все в общую раду, то первое свое постановление о выдаче тех преступников состоявшееся неистовые голосы пьяниц и гультяев пременили, понеже те большим числом превосходят добрых и постоянных людей. А предложили де то, что в Войску Запорожском низовом никогда того не бывало, дабы таковых людей бунтовщиков или разбойников, кроме самых воров, выдавано. Одно только де в том бутто явили свою верность и прислугу: посылали ясаула с коша в Кадак к полковнику тамошнему с таковым письмом, дабы он все гультяйство, которое почал было к себе прибирать тот главный бунтовщик Кондратий Булавин, разогнал. И ему бунтовщику приказал, чтоб он в Кадаке смирно жил, гультяйства к себе не собирал и ничего враждебного и вредительного против ево в. г. не починал. И в. г. [т.] указал ис Приказу Малыя Росии в Розряд к тебе боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарыщи о вышеписанном для ведома отписать.

[92] Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 363–364 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл 65–66. Черновик).

Подписал дьяк Иван Волков. Справа подьячего Федота Рогова. Послана с Михайлом Втор[ов]ым[93].

№ 70

1708, лютий-березень.

«Прелестное письмо» К. О. Булавіна зі Запоріжжя до всіх отаманів та вільних людей

Список з Булавина письма.

Атаманы молодцы, дородные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники. Хто похочет с военным походным атаманом Кондратьем Афонасьевичем Булавиным, хто похочет с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конех поездить, то приезжайте в терны вершины самарские. А са мною силы донских казаков 7000, зопорожцов 6000, Белые орды 5000. Назади того письма подписано от Булавина[94].

№ 71

1708, лютого 3.

Грамота із Малоросійського приказу гетьману І. С. Мазепі з повторним нагадуванням арештувати К. О. Булавіна

К гетману

Известно нам в. г. нашему царскому величеству по доношению ближняго стольника нашего и воеводы князя Дмитрея Михайловича Голицына, что вор и изменник Булавин, собрався с единомышленники своими, стоит кошнем в урочище на Калмиюсе, а с ним запорожских казаков 9000, ис которых передние явились в урочище Кленовце с 400, меж Тору и Бахмута с 300 человек, которые по дорогам людей явно грабят и хотят приходить разорять Тор, Мояки и Изюм, и взяв алтилерию итить на Русь бить бояр. И орда прикочевала на речку Татарку и на Московку, а большая сила татарская стоит на Молочных водах.

Да на речке Красной явилось донских казаков с 1000 человек.

А атаманы у них Ефрем Петров, Василей Поздеев. А стоят де бутто для разорения станиц Сухаревой и Краснянской. И по тем де ведомостям велел он ближней стольник наш и воевода итить ис Курска стольнику нашему князю Андрею Гагарину с ратными людьми и с салдатцким и стрелецким полками и Белогородцкого Розряду городов ратным людем и черкаским полковником к Чюгуеву наскоро, для поиску военного и промыслу, з будучими при нем ратными людьми и с черкаскими полковники над теми ворами и изменниками. Да и каменнозатонскому воеводе Степану Бахметеву по нашему в. г. указу велено, проведав про того вора Булавина с ево единомышленники, чинить над ними поиск же и промысл, по письмам ево ж ближняго нашего стольника и воеводы. И тебе б нашего царского величества подданному Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману и славного чина святаго апостола Андрея кавалеру Ивану Степановичю о поимке тех воров и бунтовщиков Булавина с товарыщи чинить тебе и верному подданному нашему по сему и по прежним нашим царского величества посланным к тебе указом. Писан государствия нашего во дворе в царствующем велицем граде Москве лета от рождества христова 1708-го месяца февраля 3-го дня, государствования нашего 26-го году.

В лист писал и подписал Матвей Ключарев[95].

№ 72

1708, лютого 18.

Пам’ять з Розряду в Малоросійський приказ про спостереження над кримськими татарами та К. О. Булавіним

Лета 1708-го февраля в 18 день по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] тайному секретарю Петру Павловичю Шафирову с товарыщи. Сего февраля 14-го дня к в. г. писал каменозатонской воевода Илья Чириков, а в отписках ево написано: в 1-й: в Запорожскую Сечю посылал он посыльного своево для розведыванья про вора и бунтовщика Булавина. И тот ево посыльной, приехав из Сечи, сказал: слышал он, что приезжало в Сечю донских казаков 12 человек и просили у запорожцов, чтоб им селитца и жить на речке Каменке; и была у них о том рада. И после той рады поехали те казаки в Кадак, а селитца им на Каменке не велели. Да тот же посланной сказал: будучи де в Сече слышал он, что о тех же ворах и бунтовщиках писал в Сечю х кошевому гетман и кавалер Иван Степановичь Мазепа. И они де сказали бутто про тех воров не ведают и ево гетмана бранили и лист ево бросали и изадрали. Во 2-й: генваря 21-го дня самарской почтарь приехав в Каменной Затон ему воеводе сказал: в урочищах на речке Конской видел он воровских людей данских [казаков]... да калмыка, стоят в Березинке. В 3-й: генваря 21-го ж дня посылал он ис Каменного Затона афицеров 2-х человек на речки на Белозерку, на Карачекрак, на Рогачики, и в ыные места, где качюют крымские татаровя кошами; и велел тем посланным смотрить, нет ли у них в тех кошах многолюдства и собрания к воинскому делу. И те посланные приехав скозали, что по осмотру их явилось на Белозерке 40 кашей, на Корачакраке 6 кашей, на Рагачике 61 кош, с лошадьми и со всяким скотом. А в розговорех чрез толмача те таторове с теми посыльными говорили, будто они вышли для того, что у них в Крыму кормов нет. Да те же де татарове тем посыльным сказывали, что в степях с стадами крымских людей многое число. И видели те посыльные в тех кашах татар по 5-ти и по 6-ти человек, а многолюдства и убранства воинскому делу не видали. В 4-й: генваря 16-го дня приехали

[93] Булавинское восстание (1707 1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 364–365 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 81–82. Черновик).

[94] Там же. — С. 450 (ГАФКЭ. — Кабинет Петра I. — Отд. II. — Кн. № 7. — Л. 749).

[95] Там же. — С. 365–366 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 92–93. Черновик).

х Каменному Затону татар 5 человек с речки Рагачика и с кашей и объявили на Посольском дворе чрез камена затонского толмача от перекопского владетеля татарское письмо. И говорили, что в том письме написано о том, чтоб от каменозатонских ратных людей крымским татарам, которые кочуют в степях кашами, обид и налог не было, и чтоб им до Сечи дать провожатых. И по тому их прошению провожатые им даны. А при отпуске их каменозатонскому толмачю велел он: воевода им говорить, что каменозатонским ратным людем государев указ сказан, чтоб им татаром обид и налог не чинили. А татарское письмо прислал он воевода при той отписке. А по переводу в том письме написано: нынешнему на Каменке воеводе поздравление посланы от Ибраима Аги, от Каймакана перекопского 2 человека татар в вашу сторону. И как они к вам будут, чтоб от казаков ваших никаких зацеп не было и опять к нам в добром здоровье отпустите, хто отселе с проезжим к вам бывают. И тех для нынешняго мирного договору отпустить в добром здравии должно. И в. г. и. и в. кн. Петр Алексеевичь 1т.] указал из Розряду в Приказ Малыя Росии к тебе тайному секретарю Петру Павловичю с товарыщи о том для ведома отписать. Диак Евсигней Фомин.

Выписать для ведения[96].

№ 73

1708, лютого 20.

Грамота з Малоросійського приказу гетьману І. С. Мазепі про спостереження над К. О. Булавіним у Кодаку та над кримськими татарами у Кам'яному Затоні

К гетману

Сего февраля 14-го дня к нам в. г. к нашему царскому величеству писал острогожской полковник Иван Тевяшов. Писал де он к ызюмскому наказному полковнику, чтоб он послал от себя в Терны и в Кадак и в Запорожье тайным обычаем для проведывания вора и бунтовщика Буловина, для того что Терны от Изюма в близости. И генваря 29-го дня нынешнего 708-го году посыльные ево, будучи в Тернах и в Кадаку и в Запорожье, возвратились в Ызюм. А что каких вестей получили и в Ызюме сказали, и с тех роспросных речей тот наказной прислал к нему при письме своем ведомость, в которой написано: ездили де те посыльные тайным обычаем на вершину Самарскую в урочище Опалиху, и вниз тою рекою Самарою проехали все курени севрюков запорожских, а имянно были в куренях по Самаре в Милсонином на усть Быковым, и в Богдановым на Кочерешках на усть Волчей, в Грышкине, в Дедовском и в Полазне запорожской, где севрюцкой атаман живет. А в куренях вышеписанных зимуют севрюков человек по 20-ти и меньши. И сказывали они им, что Буловин пошел в Сечю. А товарыщей ево нигде в тех самарских Тернах не видали. И приехали в Сергеевское и были у сотника Ивана Лучинского и от него слышали, что донские казаки в Кадаку есть. И ис Сергеевского были в Новобогородицком. А из Новобогородицкого пришли в Кадак и объявились кадацкому полковнику и просили, чтоб они приняты были в ево полковничей курень ж и сказывали, что пойдут с Кадаку в Запорожье козаковать. И он полковник в свой курень принял, и были в том курене 3 дни и видели на лицо изменника Булавина дважды, а товарыщев с ним донских казаков 12 человек. И одного времяни при них посыльных он Буловин с полковником кадацким в курене сидел пообочь, слушали челобитчиковых дел. И в то число явились из Новобогородицкого с воевоцким письмом 3 человека, жаловались на кадачан, что у них пограбили рыбу. И письмо воевоцкое читали, и он Буловин тех людей бранил и письма ругал. А полковнику кадацкому говорил: вы де не знаете, что они в письмах своих все плутают да стращают. И в то время тем людям запорожцы за ево словами справедливости не учинили. Да они ж посыльные от знакомцов своих проведали на Кадаку, что как он Булавин приехал на Кадак, и ево и товарыщев ево оковали при армате, и сидели 2 дни за караулом, а потом велено ево прислать в Запорожье. И в Запорожье де перед кошевым во всем Войске в кругу подал от всего Войска Донского письмо, чтоб они запорожские казаки всем своим Войском рушились к ним донским казаком, а они де донские казаки во всякой готовости все. А ему Булавину позволили б поднять охотное войско на деньги и взять походные пушки; а денег де он обещал дать 7000 червонных. И в том Войску в большом кругу бил челом, что они донские казаки хотят итти на Русь. А из запорожцов просят на вспоможение, для того [что] в Руси их казаков ругают и живут не в благочестии. И для такого ево Булавина предложения збирались всем Войском в круг трижды, и окрик чинили, чтоб итти наперед на Орельские городки и побрать пушки и побить панов и арендорей за их неправду, что Украиною завладели, а их казаков изобижают. И кошевой де запорожской с старшиною и с куренными атаманы и с стариками, посоветовав меж себя, на то Булавина предложение ответ такой дали: что нынешнею зимою в поход поднятца не возможно, Днепр и иные реки не замерзли, и чтоб не задержали казаков, которые ныне на Москве. А как те казаки возвратятся и весна будет, и они охотного войска, хто похочет, задерживать не будут. Да он же Булавин просил позволения у Войска Запорожского, чтоб ему итти х Крымской орде и призвать татар, и того ему не позволили; а когда де они Войском рушатся и орда их не останет. И обнадежив ево Булавина, что за убивство князя Долгорукого не выдадут никому, отпустили ево из Запорожья зимовать в Кадак. И ныне он в Кадаку, а караулу за ним никакова нет. Только велено ему Булавину по вся дни в полковницкой курень являтца. Да они ж посланные сказали, что Крымская орда кочует на Татарке и на Московке и на Белозерках, в ближних местех от Каменного Затона, а шкоды от них руским людем никакой нет. И тебе б нашего царского величества подданному Войска Запорожского

[96] Там же. — С. 366–367 (ГАФКЭ. Дела Малороссийскою приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 95–96.

обоих сторон Днепра гетману и кавалеру Ивану Степановичю о вышеписанном, проведывая всякими мерами, иметь осторожность. А о воре и бунтовщике Булавине чинить по прежним нашим царского величества посланным к тебе грамотам, и в Сечю х кошевому атаману и ко всему поспольству писать по своему разсмотрению. Писан государствия нашего во дворе в царствующем великом граде Москве лета от рождества христова 1708-го февраля 20-го дня, государствования нашего 26-го году.

В лист писал и подписал Михайло Вторый. Послана чрез почту того ж вышеписанного числа[97].

№ 74

1708, лютого 28.

Донесення київського воєводи Д. М. Голіцина царю Петру Олексійовичу про вихід К. О. Булавіна з Кодака та необхідності вжиття заходів для охорони міст

Всемилостивейший царь государь.

Писал ко мне из Навобогородицкого с Самары комендант. Донской казак бунтовщик Булавин жил немалое время в запорожском городе в Кодаке и приехало к нему з Дону 40 человек таких ж воров, и поехал с ними в Сечю и просил запорожских казаков, дабы они с ним поступили к бунту, в разоренье ваших государевых великоросийских городов. И кошевой атаман к бунту было не поступил, а за то ево с атаманства скинули, а ныне выбрали нового атамана Костентина Гордеенка, о котором ко мне и господин гетман Мазепа писал, что древней вор и бунтовщик. И позволил ему вору охотников набирать, и оной вор и при нем несколько сот таких же воров собрався Днепръ переправился на Кочкасах, и ныне стоит на речке Вороновки от Новобогородицкого верстах в 20-ти, и многие к нему такие же шаткие люди пристают. Доношу вам всемилостивейшему государю в Новобогородицком всего 200 человек, и ежели оной вор придет под Новобогородицкой, держать ево будет некому, а послать неково ж: Белогородицкого Разряду людей полк драгунской да 2 пехотных да городовых 400, всего 2 800 человек. И чтоб ваш всемилостивейшего государя указ повелел гетману регименту ево несколько послать, дабы оной вор не разширился и как могли наискорее разорить ево злой замысл. А которые есть Белогородцкого Розряду люди, и тех несколько сот собрано и как можно наискорее посланы для береженья украинных городов в Чугуев, и достальных велел высылать с поспешением. Вашего величества нижайший раб князь Дмитрий Галицын.

Из Киева февраля 28-го дня 1708[98].

№ 75

1708, березень.

«Прелестное письмо» отамана К. О. Булавіна у російські міста, села та дєрєвні

Список с письма, каково прислано и с Танбова от стольника Василья Данилова с посланным от него афицером Андреем Крюковым, и подано в Козлове при письме ево Васильевом драгунских полков полковнику князю Григорью Ивановичу Волконскому марта в 26 день.

От Кандратья Афонасьевича Буловина и от всего съездного Войска Донского в руские города начальным добрым людем, также и в села и в деревни посацким торговым людем и всяким черным людем челобитье. Ведомо вам чиним, что мы всем Войском стали единодушно вкупе в том, что стоять нам со всяким родением за дом пресвятые богородицы, за истиную веру християнскую, за благочестиваго царя нашего, и за свои души и головы, сын за отца и брат за брата, друг за друга стоять и умирать заодно. А вам бы всяким начальным людем добрым и всяким черным людем всем такожe с нами стоять вкупе заодно. За дом пресвятые богородицы, за истинную веру християнскую, за благочестиваго нашего государя, царя и за все великое Войско Донское с нами стойте заодно. А от нас вы всякие посацкие и торговые люди и всякие черные люди обиды никакой ни в чем не опосайтесь и не сумневайтесь отнюдь. А которым худым людем князем и бояром и прибыльшиком и немцом за их злое дело отнюдь бы вам не молчать и не пущать ради того, что они вводят нас и всех вас в елинскую веру, а от истинной веры християнской отворотили всякими своими знаменьми и чюдесы прелесными. А между собою вам добрым начальным людем посацким и торговым и всяким черным людем однюдь бы вам вражды никакой не чинить, напрасно не бить и не грабить и не разорять. А будет кто станет между собою кого напрасно обижать или бить, и тому человеку вам бы там учинить смертную казнь без пощады. А по которым городам по тюрьмам есть заключеные люди, и вам бы бояром и воеводам и всяким начальным людем тех заключеных людей ис тюрем всех выпустить тотчас без задержания. Да еще вам ведомо чиним, что с нами казаками запорожские казаки и Белогородцкая орда и иные многие орды нам козакам за душами руки задовали в том, что они ради с нами стать заедино вкупе и родеть заодно. А с сего нашего письма по городам и по селам всяким начальным людем везде списывать списки и посылать. А с сего нашего подлинного письма по городам воеводам и по селам всяким начальным людем никаким отнюдь бы не потерять и не затаивать. А будет кто боярин или князь или иной какой начальной человек, или кто ни на есть, сие наше письмо истеряеть или потаить, и мы того человека, где ни на есть найдем и учинена ему будет смертная казнь

[97] Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 367–369 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл.100–102 об. Черновик).

[98] Там же. — Отд. II. — Кн. № 7. — Л. 473–473 об).

без пощады. А сие наше письмо из городов воеводам и всяким начальным людем списавши и из сел посылать до города Тулы, а больши не посылать, ради того, что мы всем войском в том городе Туле будем и сие письмо спросим, и ево б нам объявить безо всякого коварства. А к сему письму нашего войскового походного отомана Кондратья Афонасьевича Булавина печать.

У подлинного письма печать восковая приложена[99].

№ 76

1708, березня 5.

Грамота з Малоросійського приказу гетьману І. С. Мазепі про прийняття рішучих заходів проти «вора» К. О. Булавіна та його однодумців

К гетману

Февраля 28-го дня нынешняго 708-го году нам в. г. нашему царскому величеству писал из Новобогородицкого воевода Семен Шеншин: февраля ж в 11 день ведомо ему учинилось, что к вору и изменнику Булавину в Кадак приехали единомышленники ево такие ж воры донские казаки, человек с 40 и больше. И он вор соединясь с ними поехал в Запорожскую Сечю. И по тем ведомостям для подлинного уведомления посылал он из Новобогородицкого в Кадак новобогородицкого жителя, который приехав ему Семену сказал: будучи он в Кадаке слышал от кадацкого литаврщика, который ево вора провожал ис Кадака в Сечю, что февраля в первых числех... казаки и вышеписанное число приехали к Кадаку и против Кадака чрез Днепр не переправились, и кадацкой де житель проводил их, сею стороною Днепра до урочища Качкаса. А он де вор Булавин, будучи в Сече, из Кадака едучи в Сечю, и соединился с теми своими товарыщи. И те де товарыщи ево привезли ему знамя, и поехал де в Запорожскую Сечю. И в Сече о том было по многие дни рада и в раде [вор Булавин] просил кошевого и всего Войска, чтобы они к нему вору пристали на злое дело к возмущению бунта, и чтоб итить под великоросийские и малоросийские городы для разорения, х которому ево злому намерению, и к тому ево товарству многие запорожцы только в то время пристали было. Тимофей Финенко на такое дело к нему вору не пристал и хотел ево задержать в Сече. И за то ево с кошества скинули и поставили [в] кошевых Костю Гордеина. И он Костя, которой того вора Булавина и товарыщев ево из Сечи отпустил, и сказал ему: хто де хочет с тобою итить на такое дело из Сечи, и тем охотником не возбранять бы. И он де вор поехал из Сечи и реку Днепр переправился на... сторону к урочищу Кочкасе. И прибралось к нему вору, пристали своевольно, запорожцов и иных всяких людей несколько сот человек. И ныне непрестанно из розных мест их своевольцы к нему идут. И збираетца и... он вор с свое... от Новобогородицкого в ближних местех вестах в 20-ти в урочище ка Вороной. А совершенно имеет намерение, собравшись своевольно ж, итить под великоросийские и малоросийские городы, а под которые городы, о том подлинно не ведомо. Из Азова губернатора Ивана Толстова с товарыщи, что февраля в 12 день писали к ним в Азов з Дону войсковой атаман Лукьян Максимов и все Войско Донское февраля в 8 день: писали к ним Войску посланные от них старшины Тимофей Федоров, Матвей Матвеев с походным войском с реки Хопра, что милостию божиею воров и изменников под нашу в. г. высокодержавную руку подклонили и на смирение повинные свои головы и вину свою нам в. г. они принесли. И съезжались де верховые хоперские и буэулуцкие и медведицкие казаки и целовали святый крест и евангелие, что им всем служить нам в. г. безизменно. И учинили у себя по всем рекам их Войска Донского приговор: есть ли после сего смирения, в которой станице такие воры впредь явятца, и таких воров смирить всяким поведением, смертью казнить и в воду сажать. А буде которою станицею таким ворам будут потакать, и на той станице по их Войска Донского приговору их войсковая пеня без пощады, а станицу ту всю разорить. И те вышеписаные воры и изменники Федосеевской станицы казаки, где у них воров был пущен совет, выбрав между собою 3-х человек, и послали с теми старшинами к ним Войску в Черкаской с повинною. И как те их посланные старшины с походным войском из Федосеевской станицы к ним войску в Черкаской приедут, и они войском тех Федосеевской станицы 3-х человек казаков к нам в. г. к Москве с отпискою пришлют вскоре. А из Каменного Затона Илья Чириков писал же, что посылал он о розведовании про вора Булавина сержанта, которой, возвратясь сказал о тех ворах прежние речи, о которых писано из Розряду в Приказ Малыя Росии против ево Ильиной отписки, перед сего, а вновь он того не слыхал. А живут де... в Кадаке. И мы в. г. наше царское величество указали о вышеписанном для ведома послать к тебе верноподданному нашему гетману и кавалеру нашу царского величества грамоту.

И тебе б нашего царского величества подданному Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману и кавалеру Ивану Степановичю о вышеписанном ведать, и чинить над тем вором Булавиным и над ево советники по сему и по прежним нашим царского величества указом, послать их к тебе ворноподданому нашему. Указ отписать[100].

№ 77

1708, березня 11.

Донесення київського воєводи Д. М. Голіцина царю Петру І про вивезення мідних гармат з Києва у Москву та охоронні заходи від нападу булавінців

Всемилостивейший царь государь.

Получил я ваш всемилостивейшего государя указ. Велено медные полоненные пушки, которые в Киеве, описав,

[99] Там же. — С. 450–451 (ГАФКЭ. — Кабинет Петра I. — Отд.II. — Кн. № 7. — Л. 438–439).

[100] Там же. — С. 370–371 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл.107–110).

где которые взяты, те пушки и опись прислать к Москве нынешним зимним путем. Доношу вам всемилостивейшему государю, ныне за великим распалением вод весть не без труда, однако ж что возможно по вашему государеву указу делать буду, а чего сухим путем управить не могу, до Брянска пошлю водою. А из Новобогородицкого и ис Каменого Затона для перевоски пушек подводы у меня готовы, только послать вывозить я опасен, понеже по многим известиям около Каменого Затона Крымской орды кочюют многие коши. И вор Булавин, убойца князь Юрья Долгоруково, был у запорожских казаков для возмущения их, и они ево отпустили и позволили ему набирать вольницу. И он вор збираетца от Нозобогородицкого в ближних местех, и пристало к нему таких же шатких людей и татар число немалое. И господин гетман Мазепа мне объявил, что в Запорожье кошевой атаман ныне выбран, к бунту склонен и всякой злобы наполнен и опасен он нечаянного татарского наступления, понеже многими ведомостьми о том ему гетману подтвержают. Опасно таво, чтобы тот вор или запорожские казаки и таторове тех пушек не отбили. И о том, что ваш всемилостивейшего государя указ повелит: вывозить ли те пушки или за таким случаем упустить и вывесть в покойное время. При сем же еще вам всемилостивейшему государю доношу: подметное письмо явилося от Белагорода в ближних местех верстах в 20, и в иных городех по ночам многолюдством приезжают и розбивают. А ныне по вашему государеву указу велено Белогородцкого Розряду из городов всяких чинов людей выслать на Таганрогь. Весьма государь опасно тово, чтобы те посланные по тому прелесному письму не пристали х какому злу. И с того подметного письма список посылаю к вам всемилостивейшему государю при сем письме. Вашего величества нижайший раб князь Дмитрей Галицын.

Из Киева 11-го дня марта 1708[101].

№ 78

1708, березня 11.

Грамота з Малоросійського приказу гетьману І. С. Мазепі із повідомленням про вимогу запорожців, щоб К. О. Булавін вступив у переговори з Білгородською ордою, ногайцями, гірськими черкесами та калмиками про спільний виступ

К гетману

Сего настоящего 708-то году марта 6-го. дня нам в. г. к нашему царскому величеству писал каменозатонской воевода Илья Чириков. Ведомо ему учинилось, чрез посыльщика ево в Сечю посланного, которой возвратись оттуды сказал, что февраля после 8-го числа нынешняго 708-го года при новообранном кошевом Косте Гордеенке в Сече была рада, после которой рады запорожцы говорили Булавину с товарыщи, чтоб они звали с собою Белогородцкую орду, и нагайцов, и черкес горских, и калмык. И будет де они с ними пойдут, а з Дону привезут к ним письмо за войсковою печатью, и они с ними тогда будут готовы. Да они ж де запорожцы тем же ворам и изменником сказали: будет де они к ним впредь приедут с таким же письмом без войсковой печати и они де их перевешают. А прапор де их с которым они бунтовщики приезжали в Сечю, они запорожцы взяли к себе, а их де отпустили на прежние места. И тебе б нашего царского величества подданному Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману и кавалеру Ивану Степановичю о вышеписанном ведать, и о воре о Булавине чинить по прежним нашим царского величества посланным к тебе подданному нашему указом. Писан государствия нашего во дворе в царствующем велицем граде Москве лета от рождества христова 1708-го месяца марта 11-го дня, государьствования нашего 26-го году.

В лист писал и подписал Матвей Ключарев. Послана чрез почту того ж числа[102].

№ 79

1708, березня 23.

Донесення київського воєводи Д. М. Голіцина О. Д. Меншикову про свої можливості вийти у похід проти К. О. Булавіна

Список с письма князь Дмитрея Голицина, каково писал ко мне ис Киева марта 23-го дня

1708-го году.

Сего марта 20-ого дня получил я ваше письмо, в котором пишете дабы я, буде возможно, и в Киеве важных дел нет, собрався з Белогородцким Розрядом шол сам или послал добрую особу и велел, при помощи господни, над вором Булавиным чинить воинской промысл и не допустить до злого ево намерения, и разрушить до травы, понеже та Украина положена во охранении на мне. Доношу вам, до письма вашего велел я итить ис Курска князь Андрею Гагарину в Чюгуев, понеже тот город междо всею Украиною стоит, и куда надлежит туду б шол и чинил промысл. А что б мне самому на того вора итить в Новобогородицкой или ково послать, я волю государеву охотно исполнил и собою готов, только мне того учинить невозможно; в Белогородцком Розряде 2 полка пехотных да полк драгунской, безлошадной, и люд неученой. И ис тех посланы в Новобогородицкой 500 человек и доставлены в Чюгуеве и в ыных порубежных городах для береженья Украины, понеже тот вор, где учинил прежнее свое воровство, некоторые ево остальцы в Белогородцком Розряде розбивают и являютца подметные письма, [в которых] оной вор пишет, сколько ис которого казачья, городка к тому ево злому намерению

[101] Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 373–374 (ГАФКЭ. Кабинет Петра I. — Отд. II. — Кн. № 7. — Л. 481–481 об).

[102] Там же. — С. 373 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 119. Черновик).

пристанет, и что к нему придет татар, и того по счету будет с 35600 человек. Хотя то и неправда, однако ж обычай всякому народу простому вероятну быть. А ныне указом государевым велено выслать в Азов на работу 23000 человек из Белогородцкого Розряду, которые и в прошлом году с великим свирепством высланы были. А. путь им надлежит итить чрез донские городки. И мне не токмо наступательно итить и оборонительно таким малолюдством держать невозможно, опасно того, чтобы тот вор теми прелестными письмами их не превратил и не возвратил х какому злу. И той ради причины мне самому итить или послать с такими малыми людьми невозможно, чтоб тот огонь не разширился. Ежели я туды с малыми людьми зайду, а тут сохрани боже что зделаетца, не могу ни тут ни там помочи учинить, ис чево имею немалое сумнение. Многие Белогородцкого Розряду городы порубежны з донскими городками и обвезалися свойством. И мне было надлежало и без письма вашего в Белогород для управления некоторых дел весьма надобных ехать, токмо я удержался, понеже крепость Печерская несколько обвалилась, и управя поеду. И прошу вас для пользы народной, извольте донесть государю, чтобы мне хотя один полк конной прислали. Мне без людей одною своею особою, что можно учинить. А и ныне многими ведомостьми подтвержают, что такие ж лехкомышленные люди к нему пристают. Повторне вас прошу, извольте чрез письмо донесть государю, чтоб изволил (сколько ево государева воля) прислать людей, а есть ли не присланы будут, зело опасно, ежели приход того вора будет. Не токмо, чтоб маломочно теми людьми одержать, и своих Белогородцкого Розряду людей смирить будет не мочно. И чтоб то дело могло во свое время покой восприять во всем Белогородцком Розряде крепости ни в едином городе нет, где что было все спустилось, и во многих пушек и зелья нет. А ныне по указу государеву медные пушки Белогородцкого Розряду из городов зелено вывозить. И прошу вашего совету, ежели в присылке людей не будет, а оной вор не в малом собрании выйдет, что мне делать[103].

№ 80

1708, березня 24.

Пам'ять із Малоросійського приказу про підготовку військових дій проти К. О. Булавіна

1708-го марта в 24 день в Розряд.

В нынешнем 1708-м году марта в 22 день к в. г. [т.] писал войска[т.], что вор и изменник прозванием Буловин в недалеком от Новобогородицкого разстоянии на урочище Вороной, с несколько сотным числом, укреплясь городком, обретаетца. О чем, как из Сечи Запорожской, так и из Новобогородицкого и иных мест, приносящиеся ведомости, ему гетману и кавалеру подтверждают. Для того послал он на вышепомянутое урочище и место, где тот изменник и душегубец Булавин обретается, полковника полтавского с его полком и полк конной для разорения там устроенной крепости, для учинения над раскольником тем поиску и поимки его; и для разгромления того бунтовничного соборища. О чем писал он гетман и кавалер к ближнему стольнику и воеводе киевскому к князю Дмитрею Михайловичю Голицыну с прошением, дабы велел он вскоре писати по указу ево в. г. к Новобогородицкому каменданту, чтоб тому полтавскому полковнику отдал 2 пушки с належащими припасы и пушкарев с потребу дал, понеже из дробного оружия того городка разорить невозможно. А с полковою полтавскою пушкою в такое дальнее местечко з нынешнее бездорожие возитися с трудностию было б. А надеется он гетман и кавалер, что при помощи вышняго за щастием ево монаршеским, и городок оной разорят, и над тем вором и изменником и его единомышленниками какой ни есть промысл и поиск учинят. О чем, как скоро получит он ведомость, тотчас ему в. г. должен будет донести. И в. г. [т.] указал ис Приказу Малыя Росии в Розряд к тебе боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарыщи о вышеписанном для ведома отписать. Подписал дияк Иван Волков. Послана с Семеном Ребининым[104].

№ 81

1708, березень-квітень.

Відписка Війська Донського Війську Запорозькому про необхідність боротьби з К. О. Булавіним та бути вірним царю

В. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] царского пресветлаго величества Запорожского Войска, кошевому атаману и всему Войску Запорожскому, его же царского пресветлого величества донские атаманы и козаки, наказной войсковой атаман Илья Григорьев и все Войско Донское, челом бьют. В нынешнем 708-м году в Филипов пост приехал к вам в Сечю вор и изменник донской козак Кондрашка Булавин с единомышленники своими и привез прелесные воровские письма и сказывал вам, бутто мы Войском Донским от в. г. отложились и для того, бутто, ево вора к вам прислали, чтоб вы Войском шли б к нам Войску Донскому на помочь. И тем ево словам прелесным и письмам вы Войском не поверили и из Сечи ево выслали вон. И тот вор Кондрашка Булавин ныне явился на Хопре в верховых наших козачьих городках, и для изкоренения того вора я ево единомышленников войсковой наш атаман Лукиян Максимович с Войском Донским пошел в поход. И ныне мы Войском Донским в своем войсковом кругу приговорили послать от себя к вам в Сечю свое войсковое письмо для подлинного уверения, что мы в. г. ц. и в. кн. Петру Алексеевичю [т.] служили верно и за православную християнскую веру и за него в. г. готовы головы свои положить. И для того посланы они из войску к вам в Сечю с сим письмом донские козаки Степан Иванов сын Мамыка да Панкрат Купреянов.

[103] Там же. — С. 374–375 (ГАФКЭ. Кабинет Петра I. — Отд. II. — Кн. № 8. — Лл. 528–529 об).

[104] Там же. — С. 375–376 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 128–129 об. Черновик).

И вам кошевому атаману и всему Войску впредь таким ворам и никаким возмутительним письмам и ево Булавиным товарыщем не верить. А буде такие воры явятца и их присылать к ним Войску или в Троицкой, на Таганрох, оковав за крепким караулом. А у сего нашего войскового письма Войска Донского прежняя печать приложена. А новоприсланная от в. г. Войска Донского печать ныне с войсковым нашим атаманом в вышеписанном походе[105].

№ 82

1708, квітня 4.

Донесення київського воєводи Д. М. Голіцина царю Петру I про вжиті заходи щодо охорони Самари та дії булавінців

Всемилостивейший мой царь государь.

В прежних своих письмах доносил вам всемилостивейшему государю о воре Булавине, которой был в Запорожье и принял позволение, чтобы таких же к себе принимать легкомысленных, и собирался на урочище Вороной. И по тому известию, собрав я конных 600 человек послал для охранения Самары, и писал к господину гетману, что он регименту своего полку полтавскому, которой к Самаре близок, приказал, сколько возможно собрався, идти к Самаре на помочь. И господин гетман до вашего всемилостивейшего указу тому полку велел собратца, которой собрався стоял в ближних местех от Самары. И уведав оной вор, тех урочищ лишился. А ныне из Белагорода пишут, оной вор во многом собрании кругом Танбова, села разорил и город осадил. И некоторые бутто танбовские жители склонны к ево воровству показались. И указом вашим государевым велено в нынешнем месяце выслать Белогородцкого Розряду 23000 на работу в Троецкой и в Азов, а належит путь итти работником чрез донские городки, и опасно того, чтоб оной вор не склонил бы их к возмущению; многие обвезались свойством з донскими козаками, и многое число Белогородцкого Разряду беглых живут в донских городках. Доношу вам всемилостивейшему государю.

Сего апреля 3 числа прислана ко мне з Дону от атамана Максима Лукьянова с товарыщи отписка, в которой пишут: вор Булавин во многом собрании стоит на Хопре, в Пристанской станице, и письма прелесные от себя посылаеть по городкам донским под смертной казнию, а полковников и знаменщиков выбрал неволю, и хвалитца итти сухим и воденым путем в Черкаской. И Провоторовская станица сидит от него в осаде с великою нуждою. И послал оной вор от себя посыльщиков своих в Донецкую станицу для пушек. И пишет ко мне оной атаман вашим государевым указом, чтоб я шел к ним в Черкаское с поспешением, а они сами против изменников выберутца скоро. И против той отписки писал я на Дон отписку, ратных людей велел сбирать с поспешением, а как зберутца, и те ратные люди посланы будут немедленно, и обнадежил их вашею всемилостивейшею государевою милостию, что ваше величество их оставить никогда не изволите и имеете их во всякой своей милости за их многие службы, и которые легкомысленные и боязливые, чтоб они тех обнадеживали и утверждали. И с тою отпискою велел послать из Белагорода офицера, и чтоб подал во всем кругу, и тое б отписку явно прочли. А которые ваши государевы ратные люди были на Самаре, и в иных местах для охранения Украины стояли, и тех велел перевесть и поставить по границе в ближних местех к донским городкам, для опасения от казаков донских, чтоб они имели страх и не приставали к шатостям к оному вору. А ежели государь впредь донские казаки будут писать и просить о присылке к ним ратных людей, доношу вам всемилостивейшему государю, не токмо к ним посылать ратных людей, и своего дела, есть ли оной вор расширитца и от чего, боже сохрани, пойдет в украинные городы, без прибавочных людей управит за малолюдством некимь. Всего Белогородцкого Розряду 2 полка пехотных, в которых 1200 человек, да конной полк тысячной, и в нем много безлошадных и не обучны, да 400 человек городовых безоружейных. И на сие мое доношение, что ваш всемилостивейший указ о том повелит. При сем вам всемилостивейшему государю доношу. Сего числа получил ведомость: Булавина жена с сыном, которому полгода, привезена в Белгород. И о ней, что ваш указ повелит. Вашего величества нижайший раб князь Дмитрей Галицын.

1708 месяца апреля 4 дня ис Киева[106].

№ 83

1708, квітень-травень.

«Прелестное письмо» К. О. Булавіна до козаків із закликом йти в похід на захист християнської віри проти бояр та німців

От Кандратья Булавина и от всего войска походного от Пристани вниз по Хопру и по Дону атаманом молотцам. Ведомо им чинить, чтоб по всем станицам всем верстатца пополам и быть готовым конным и оружейным, и одной половине в поход, а другой быть на куренях. Которой часто письмо в которую станицу придет, та б станица была готова в тот же час в поход. Ради того, что стоять им всем вкупе за дом пресвятые богородицы за истинную християнскую веру и за благочестивого государя и за все Войско Донское, для того что зло на них помышляют, жгут и казнят напрасно злые бояря и немцы и вводят в них еллинскую веру. А ведают они атаманы молотцы, как деды их и отцы положили и они породились, прежде сего старое поле крепко было и держалось. А ныне те злые супостаты старое поле все перевежи и ни во что почли, и чтоб им старое поле не потерять. А ему Булавину запорожские казаки все

[105] Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 376–377 (ГАФКЭ. Малороссийские дела. — № 39. — Лл. 1–2).

[106] Там же. — С. 371–372 (ГАФКЭ. Кабинет Петра I. — Отд. II. — Кн. № 7. — Л. 483–483 об).

и Белогороцкая орда и иные орды слово дали, что быть с ним заодно. А будет кто или которою станицею тому войсковому письму будут противны, пополам верстатца не станут, или кто в десятке не поверстаетца, и тому казаку будет смертная казнь. А верстатца опричь вольницы и послать то письмо по городкам наскоро, и на усть Бузулука, и на усть Медведицы. Списав послать вверх по Бузулуку и по Медведице[107].

№ 84

1708, травня 16.

Свідчення допитаних новосергіївських жителів про наміри запорожців

Список з допросных речей

708-го майя в 16 день явилися з Новобогородицком новосергиевские жители Терентей Прокофьев, Тимофей Гавриленко, и в приказной избе, перед воеводою Семеном Шеншиным, сказали: сего майя в 12 день были они В Запорожской Сечи для своих потреб, и были де они у кошевого у Кости Гордеенко для своего дела. И кошевой де их бранил и ругал всячески и приказывал им сказать новобогородицкому и новосергиевскому сотником, что конечно Войско Запорожское хочет итить для разорения под самарские городы; а он де кошевой Войска от такова намерения унять не может. А майя в 13 день была де у них запорожцев в Сече о том рада, ив раде казаки кричали на куренных атаманов, для чего им не позволили в великой пост итти з Булавиным и кричали, чтоб итти на великоросийские городы. И была де в раде меж казаками битва великая и положили де было на том, что итти под самарские городы для разорения. И послали было и конное стадо для того походу. И того ж де числа присланы ис Киева в Сечю к церкви черные попы на перемену прежним попам, и те попы выносили из церкви в раду святое евангелие и крест, и от такова злова намерения их запорожцев уговаривали и отвращали. И того де числа та их рада не состоялась и отложили майя до 14 числа. И в той де раде видели они руского человека с присланным некаким письмом, а от кого то письмо и для какова дела, о том они не уведомились. И из Сечи де они поехали того ж числа поздно, а что после их з Сечи станет чинитца, того не ведомо[108].

№ 85

1708, травня 23.

Свідчення на допиті новобогородицького жителя В. Любейченського про запорожців і булавінців

Список з допросных речей

708-го году майя в 23 день явился в Новобогородицком новобогородицкой житель Василей Любейченской и в приказной избе, перед стольником и подполковником Семеном Полуехтовичем Шеншиным, в допросе сказал: был де он в Запорожской Сечи для своих потреб, и сего ж де майя в 13-м да в 14-м и в 15-м числех при бытности ево были в Запорожской Сечи многие рады. И скинули судью с судейства и кричали в радах казаки голудьба, чтоб итить им под самарские городы, под Новобогородицкой и под Новосергиевской, для разорения. И просили у кошевого и у всей старшины, чтоб наставили им полковника и дали б клейноты. И кошевой де Костя Гордеенко и куренные атаманы им от того намерения возбраняли и говорили им, чтоб они под самарские городы не ходили для того, что послано у них из Сечи к Москве для челобитья в. г. о жалованье 76 человек казаков, чтоб тех посланных своих на Москве не заневолить; и естьли де пойдетя под самарские городы, то тех посланных их запорожских на Москве задержат. И кошевство де было покинул. И они де запорожцы ево Костю учинили попрежнему кошевым, и он де им возбронял и войсковых клейнот знамя для тех посланных к Москве казаков не дал, и полковника им не наставил. И те де своевольники кричали, чтоб итить им к вору Булавину на помочь для добичи. И кошевой им сказал: как де хотитя, пойдитя для себя. И они де многие своявольцы, конные и пешие, ис Сечи пошли. И едучи дорогою из Сечи по той стороне Днепра видел многих Козаков, идут из Сечи купами и сказывают де, бутто идут к вору Буловину. А в урочище де Кочкасе сказывают те ж козаки, что идут, есть де в том урочище и коннице немалое число. А куды их намерение, собрався и выбрав себе старшину, пойдут к вору к Буловину или под самарские городы, того де он подлинно не ведает[109].

№ 86

1708, близько 27 травня.

Грамота Війська Донського ачуєвському мухафизу Хасану-паші

От донских атаманов молотцов, от Кондратья Афонасьевича Булавина и от всего великаго Войска Донского ачюевскому владетелю Хасану паше по- здравления. В нынешнем 1708-м году майя в … день ведома мы Войском Донским чи-ним. Собрався мы Войском козаки з Дону и с Северского Донца, с Хапра и з Бузулуку и с Медведицы и со всех запольных рек, также и з Днепра из Запорог козаки пришли под Черкаской, для того: приговорили мы Войском, чтоб переменитъ на острову Черкаском прежде бывших своих войскового атамана Лукьяна Максимова и старшин за их неправду и за всякое на нас разорения, потому что они, старшины, нам и вам многое разорения и неправды чинили, и за мирным состоянием юртовых своих калмык и козаков без ведома нашего войскового под ваши жилища посылали, и ясырь у вас также и конныя табуны к себе брали. И мы Войском за такое их разорения и неправду войскового атамана Лукьяна Максимова с товарыщи

[107] Там же. — С. 452 (ГАФКЭ. — Кабинет Петра I. — Отд. I. — Кн. № 18. — Лл.401 об.–402 об. Копия).

[108] Там же. — С. 381–382 (ИАИ Акад.наук СССР. Архив кн. Меншикова. — Карт. № 8. — Папка № 44. — Кн.1).

[109] Там же. — С. 382–383 (ГАФКЭ. Кабинет Петра I. — Отд. II. — Кн. № 7. — Лл. 757–758).

шесть человек казнили смертью. А ныне у нас, Войска, в Черкаском все дал Бог по-прежнему в стоянии смирно. А с вами мы Войском Донским хотим жить по-прежнему в дружелюбии и в мирном состоянии. А буде вы с нами, Войском, хотитя жить в дружелюбии по-прежнему, и вы к нам, Войску, знатных своих старшин от себя с письмами для договору и мирного между двух юртов крепкаго состояния и разделки пришлитя, и ни в чем не опасатясь б и душам нашим и сему письму верьтя. А вы на нас, Войска, не подивитя, что с сим письмом своих козаков никово к вам не послали, для того что за умножением своих неправедных старшин заходящих ссор между вами и нами послать паопасались, и послали мы Войском сие письмо к вам в Ачюев с вашими людьми и своим козаком Васильем Борисовым. И вы с нами, Войском, живите по-прежнему в дружелюбии и в мирном состоянии, и из своей стороны всяких людей с товары и со всякими промыслы к нам, Войску, присылайтя безопасно. А у нас, Войска, вашим торговым людем никакова озлобления не будет, и будут они у нас торговать по-прежнему. А мы Войском в вашу сторону своих козаков будем посылать для всяких промыслов також. А что которыя люди побраны за мирным состоянием наши козаки к вам, а ваши к нам в ясырство, и мы Войском с вами меж себя в том ясыре размену и всякой договор о всяких делах чинить будем. А естьли вы похотитя за многия к нам и к вам от колмык абиды и многое разорения на них итить войною, и вы с нами, Войском, согласясь заедино, в поход за Волгу пойдем. И о том к нам, Войску, отпишите ведомасть вскоре. Надпись на л. 1268: Ачюевскому владетелю Хасану паше[110].

№ 87

1708, червня 3.

Пам’ять з Розряду в Малоросійський приказ про приєднання запорожців до К. О. Булавіна

Лета 1708-го июня в 3 день по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] тайному секретарю Петру Павловичю Шафирову с товарыщи. Сего июня 1-го дня к в. г. писал из Белагорода ближней стольник и воевода князь Дмитрей Михайловичь Голицын. Майя в 23-м числе нынешняго 708-го году писал к нему брегадир Шидловской, что майя 21-го дня получил он брегадир ведомость: вор Булавин ис Черкаского в нескольких тысячах конечно идет по Донцу против ево Шидловского. И читали на Бахмуте ево воровское письмо, что он конечно на Бахмут будет майя 21-го числа. А единомышленник ево Беспалой, которой стоял с ворами ж по юртам, пришли в Ямполь майя 21-го дня; а Ямполь от Мояк в 7-ми верстах. И по тем ведомостям, по общему совету с полтавским полковником с Тору и с Мояк жен и детей велел он выслать в Ызюм. А майя ж 26-го дня писал к нему господину Голицыну каменозатонской воевода Илья Чириков: майя в 18 день ис Сечи запорожские казаки плыли вверх по Днепру в 17-ти дубах многолюдством. И того ж майя в 19 день посылал он в Сечю для проведывания посыльного своего к тем запорожцом, куда их поход намерян, и х кошевому о том писал ж. И кошевой к нему ответствовал, что те казаки пошли и впредь многие пойдут для лесу довольного на Самару с их войскового ведома, а не бездельно. А посланной приехав, ис Сечи сказал, что казаки выбираютца в степь конницею с ружьем и з запасом о дву конь. А слышал де он в Сече, что на сих днях приехали в Сечю от вора и изменника Буловина 2 человека и зовут их к себе. И потому де их возмущению, в степь ис Сечи выбралось в 2 дни человек с 300 и больши. И всеконечно запорожцы идут к вору Буловину. И те приезжие 2 человека с ними ж. И збираютца в степи в верховье речки Саланы. Да тот же посланной слышал от запорожских казаков, что збираютца они к нему ж вору Буловину на Берде да близ Кленников, где преж сего он ж вор стоял. А намерение де их воровское, что разорять полковников и рандарей и богатые домы. Да майя ж 26-го дня присланной ис Каменного Затона афицер в Белегороде в допросе сказал: самарской де воевода Семен Шеншин велел донесть ему ближнему стольнику и воеводе, что в Кадаке запорожских казаков собралось несколько сот человек и ожидают к себе ис Сечи полковника, а какое у них намерение не знает. И для проведыванья об них послал он Шеншин нарочного посыльщика. Да по отписке ево ж ближнего стольника и воеводы написано: Белогородцкого Розряду всяких чинов людей велено послать лейб гвардии к маеору, ко князю Василью Володимеровичю Долгорукому. А ежели оные запорожцы собрався придут под великоросийские городы,и какое разорение учинят, а паче под Самару и под Новосергиевской, и на Самаре ратных людей только з 200 человек, и оным вором отпору дать не с ким. А которые остались за таганрожским нарядом, и ис тех выбрал 1000 человек, и те многие стары и увечны и безлошадные. И ис тех выбранных послал он на Самару 200 человек. Да мая ж в 27 день писал к нему ближнему стольнику и воеводе ис Киева из Новопечерской крепости камендант Николай Геренк и прислал допросные речи донских: казаков 3-х человек, которые явились в Киеве майя 22-го дня. А в них написано: пришли де они в Киев из местечка Холмичь по обещанию помолитца, и, будучи в полках в городе Холмичах, слышали перед поездом своим дни за 2, что швецкое войско и волохи чрез Припеть реку под Мазырем местечком переправливаютца на сей бок реки, а что при нем войска, про то они не ведают. А в подъезд их казаков пошло под шведа конных 300 человек для языков. А из Любичь пан Котел слыша неприятеля переправился с войском своим на тот бок Днепра. Оной же камендант Геренк и полковник Ушаков, которому Киев приказан, к нему ближнему стольнику и воеводе пишут, что по

---

[110] *Аваков П. А., Сень Д. В.* Письмо К. А. Булавина ачуевскому мухафызу Хасану-паше (1708 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. — 2018. — Т. 23, № 2. — С. 66 (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Д. 7. Л. 1268–1269 об. Рукопись. Подлинник. Числа кириллические).

иным многим известиям швецкое войска чрез Припеть переправливаетца и имеет намерение итить под Киев. И по тем ведомостям из Белагорода он ближней стольник и воевода поехал в Киев. И о том писал лейп гвардии к маеору ко князю Василью Володимеровичю, когда он поход свой восприимет против вора Буловина, чтоб несколько людей оставил для охранения Украины. А Белогородцкого полку в городы указы велел послать, чтоб ему во всем были послушны. И сего июня во 2 день в. г. ц. и в. кн. Петр Алексеевичи [т.] указал и бояря будучи в Ближней Канцелярии приговорили послать его в. г. грамоты лейб гвардии к маеору ко князю Василью Володимеровичю с вышеписанного доношания для ведома. А в Киев к ближнему стольнику и воеводе ко князю Дмитрею Михайловичю и к гетману и кавалеру к Ивану Степановичю Мазепе, чтоб они запорожских казаков, которые похотят приставать к вору Буловину и к ево единомышленником, от того воровства удерживали, а над ослушниками чинили военой поиск и промысл. А что будет чиинтца о том бы они писали без мотчанья. И по тому его в. г. указу его государевы грамоты лейп гвардии к маеору и в Киев к ближнему стольнику и воеводе из Розряду посланы. А о посылке ж о том о всем своей в. г. грамоты к гетману, и кавалеру к Ивану Степановичю ис Приказу Малые Рсюии указал в. г. свой указ учинить в том Приказе. А в котором числе послана будет, о том в Розряд к боярину к Тихону Никитичю Стрешневу с товарыщи для ведома отписать. И по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] тайному секретарю Петру Павловичю Шафирову с товарыщи учинить о том по его в. г. указу. Диак Евсигней Фомин. Справил Савостьян Германов. Учинить по сему в. г. указу[111].

№ 88

1708, червня 5.

Донесення майора В. В. Долгорукого царю Петру I про запорожців та булавінців, їхні дії

Премилостивейший государь царь.

Доношу вашему величеству. Прежде сего к вашему величеству я писал о шатости запорожцов, что перевозятца Днепр и хотят итти к соединению к булавинцам. И я писал к брегадиру Шидловскому, чтобы он смотрил недреманным оком, как бы [за]порожцов не допустить к булавинцам к соединению, и посылал бы от себя непрестанные розъезды. И сего государь июня 3-го числа получил я от брегодира Шидловского письмо, пишет: июня де 1-го числа по письму моему посланные ево и Полтавского полку казаки 30 человек в вершинах реки Быка наехали посланных воров, казаков походного донского войска, от вора Семена Драного, 20 человек, с прелесным письмом х кашевому запорожскому атаману и х казакам запорожским, которых тех воров наши казаки, осадя в Тернах, кони отобрали и то цисьмо у них за поролем взяли. И я к вашему величеству с того письма послал копию. А против прелесного письма вора Драного писал я на Дон в Черкаской и во все городки и к нему вору Драному письмо, а каково письмо писал, послал к вашему величеству копию ж. А что государь по тому моему письму отзоветца, о том к вашему величеству писать буду. А я государь к Волуйкам буду завтрашнее число и зближусь с полками. А посланной мой Полибин от вашего величества ко мне по се число еще не бывал. Сего государь числа пришли ко мне полки салдацкой Григорова, что бывал Нелидова, а в нем 800 человек. И тот государь полк изрядной, люди хорошие и салдаты старые. Да полк стрелецкой Колпакова, а в нем 400 человек. А царедворцов государь по се число никого не бывало. Ведомость государь у нас такая есть, что запорожской кашевой атаман и казаки не хотят итти к булавинцам к соединению, только некоторые своевольники, с 300 человек, отобрались. И мы того крепко смотрим и розъезды непрестанные посылаем. И ежели они подлинно пойдут, то мы над ними будем промысл чинить. И от гетмана государь такой указ к полтавскому полковнику есть: ежели запорожцы подлино пойдут к соединению с ворами, велел над ними промысл ж чинить. Вашего величества нижайший раб маеор Долгорукой.

Из обозу от речки Полтавки. Июня 5 дня 1708[112].

№ 89

1708, червня 9.

Допит полкових осавулів Трофима Яковлева, Кіндрата Маркова та старшини Василя Савина про розгром Сумського полку 8 червня 1708 р.

1708-го июня в 9 день явились в полку в обозе за Волуйкою, не дошед урочища речки Ураевой версты за четыре, Сумского полку старшина, полковые ясаулы Трофим Яковлев, Кандрат Марков, да зять полковника Андрея Кандратьева Василей Савин, и в военной походной концелярии лейпгвардии перед маеором князь Васильем Володимеровичем Долгоруким сказали: майя де в 29-м числе нынешняго 708-го году Сумской полковник Андрей Кандратьев с ними, старшиною, и полку своего с козаками для нынешняго Донского походу, пришед, стаяли обозом за Волуйкою, в степи, в урочище у речки Уразовой. И сего де июня против 8-го числа в ночи, перед светом за час или за полчаса, воры булавинцы многолюдством пришли безвесно ис одной их отъезжей сторожи, которая стояла от абозу их в версте. Казак, прибежав к ним в обоз, сказал, что идет войско великое собранием, а какое де войско, того он не знает. И по той де ведомости он, полковник, послал ево, Трофима, доведатца про то войско. И как де он, Трофим,

[111] Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 383–385 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 153–155).

[112] Там же. — С. 386–387 (ГАФКЭ. Кабинет Петра I. — Отд. II. — Кн. № 7. — Лл. 750–751).

вскоча на лошадь, поехал за обоз свой, с ним де, Трофимом, стретились з другой сторожи козаки и сказали, что идет войско великое. И в таких де скорых часех ударили на обоз з двух сторон. И он де по той ведомости прибежал в обоз к полковнику. И полковник де, видя их такой воровской незапной скорой приход, велел старшине и урядником и всем рядовым козакам с ружьем против тех воров выступить за обоз. И с теми де ворами конницею и пехотою был у них бой часа з два и болши, и бились с ними, покамест их сила была. И они де, воры, многолюдством своим со всех сторон ворвались в обоз, и полковника де у обозу подле пушек застрелили до смерти, и над ним ругались, у груди правую титку взрезали, и кричали по обыкновению своему донскому кругами, чтоб старшину всю побить. И из них де воробженского сотника Дмитрея Скрицкого ранили, и что он с ними много, противясь, бился, взяв ево в круг, розстреляли. Да они ж де, воры, полковницкого племянника Емельяна Григорьева, да хорунжего полкового Андрея, да лебединского и недрыгайловского и грезнянского сотников и иных старшин и урядников и рядовых козаков многих побили, а мирополского сотника раненого взяли с собою. А их де, Трофима, и Кандратия, и Василья, и иных старшин и урядников и рядовых козаков и весь обоз розобрали, и четыре пушки, и всякую алтилерию, и запасы, и коней, и ружье, и все, что у них было, взяли. А, взяв, вели их степью вверх по речке Уразовой верст с пять, и стояли подле той речки, и на том стану розбирали убитые тела, которых с собою увезли, и разобрав, на том стану те тела похоронили, и кони, и ружье, и все их взятые пожитки меж собою дуванили. А иных побитых похоронили они в то ж время подле того их обозу. А убито де из них, воров, булавинцов: один человек полковник, да атаман, да редовых козаков человек с триста и болши. А как де их на тот вышепомянутой другой стан привели, и они де, воры, собрав их вкруг, говорили им: которые похотят с ними, ворами, итить, и тем де кони, и ружье, и платье отдано будет. А которые итти с ними не похотят, и тех де в воду пасажают, а иных перевешают. И они де, Трофим с товарыщи и все Сумского полку козаки, которые у них были, единогласно сказали, что кони, и ружье, и все их пожитки перед ними, ворами, а они де с ними итти не хотят, и в том им во всем отказали. И после де того того ж дни они, воры, их, Трофима с товарыщи и ко-заков всех, от себя отпустили, а их, Василья и Кандратия, у себя оставили и велели держать за караулом. И они де, Василей и Кандратей, ушли меж теми ж козаками, которые из абозу отпущены. А как де они у тех воров в обозе были, и те де воры меж собою говорили: одни, чтоб им итти под Изюм, а другие, чтоб ударить и разорвать обоз вышепомянутого господина князя Долгорукова. А впрям ли они по такому своему злому намерению учинить хотят, того они подлинно не знают. Толко де от них, воров, надобно иметь крепкое опасение, потому что их, воров, великое собрание, по расказанию их воров тысяч с сорок; а они де признавают, столко их не будет, а з дватцать тысячь конечно будет. Да с ними ж было четыре пушки, да четыре шмаговницы. С ними ж де есть и запорожцов с полковниками и с старшиною тысячи с полторы и болши. И прибавливаетца де к ним голудба всякая что день; также еще к себе ожидают запорожцов же в помощ тысячю человек. А как де они, воры, на обоз их напали, и учинился с ними бой, и почела быть ис пушечного и из мелкого ружья стрелба, и в то де время в таких скорых часех в полк к вышепомянутому господину лейп-гвардии к маеору ко князю Василью Володимеровичю о том с ведомостью и о вспоможении себе о присылке ратных людей полковник Андрей Кандратьев ускорить не послал, для того что оные воры послать не допустили, и послать было невозможно, потому что многолюдством своим захватили путь со всех сторон. А как они от их воровского обозу отпущены, и они де, не ходя в домы свои, пришли во обоз о том о всем объявить ему, господину маеору князю Василью Володимеровичю. А по осмотру они биты: на Трофиме пробита голова и левая щека, ободрана, а Василей и Кандратей биты плетми и киями. А в том де Сумском полку было старшин и козаков с тысячю двести человек. А признавают де они, что ис того их полку побито половина или менши. А знатно де, что на тот их полк тех воров подвел волуйченин калашник, потому что тот калашник до приходу их воровского приезживал к ним в обоз для продажи хлеба и колачей. А как де они у тех воров в обозе были, и они де того Волуйченина колашника видели в том их воровском обозе. А тот калашник какова чину и как зовут, того они не знают. А ростом де тот колашник высок и долголик, борода продолговата, рыжа, и тот колашник остался у них в обозе. Сумского полку есаул Василей Савин, Сумского полку есаул Трофим Яковлев, Андрей Марков руку приложили [113].

№ 90

1708, червня 15.

Грамота із Малоросійського приказу гетьману І. С. Мазепі про необхідність здійснення військового промислу проти запорожців, які приєдналися до К. О. Булавіна

К гетману

Сего настоящего 1708-го году июня 9-го дня к нам в. г: к нашему царскому величеству писал из Белагорода ближней стольник наш и воевода князь Дмитрей Михайловичь Голицын и при отписках своих прислал с писем списки, которые писаны от вора и изменника от Буловина и из ыных розных мест, которые получены чрез брегадира Шидловского и самарского воеводы июня в первых числех.

[113] Сумський слобідський козацький полк : збірник документів / упорядн. О. М. Корнієнко. — Суми : Видавничо-виробниче підприємство «Мрія», 2016. — С. 258–260 (РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I и его продолжение — (объединение фондов) Государственного архива Российской империи. Отд. II. Кн. № 7. Лл. 754–755 об.).

А в них написано: того вора Буловина и от его единомышленников вверх по Северному Донцу во все станицы до Сухаревской писано: ведомо им учинилось, что жена ево Кондрашкина ныне за караулом в Белегороде, и они послали всем походным войском до Сухарева городка, чтоб их посланных пропущать без задержания. А как они в Сухаревскую станицу приедут, и их бы принять и послать в Белгород наскоро к воеводе с нарочными посыльщики, чтоб он воевода жену ево из за караула велел освободить. А в отписке к нему ближнему стольнику нашему и воеводе от того вора Буловина написано, чтоб он ближней стольник наш и воевода жену ево и с сыном из-за караула велел свободить и на подводах на Донец в Трехизбянскую станицу с нарочными людьми прислать. А в прелесном письме того ж Булавина единомышленника ево Сеньки Драного в Запорожскую Сечю написано: майя в 26 день Войска Донского всех рек Дону и Хопра, Медведицы и Бузулука и Северского Донца и всех запольных речек, где обретается казачей присуд, велено им Войску выступить против идущих к ним для разорения казачьих городков московских полков, по письму ис Польши римского князя Александра Даниловича Меншикова и по письму ево ближняго стольника нашего и воеводы. И по тому их письму идет для того разорения с рускими полками князь Василей Володимерович Долгорукий, хотя казачьи городки свесть и всю реку разорить. И они войском походным ныне выступя стоят под Ямполем, ожидают к себе их запорожской общей казачьей братцкой любви и вспоможения, чтоб их ка-зачьи реки были попрежнему, и им быть казаками как было искони казатство и между ими казаками единомышленное братство, и чтоб они запорожцы учинили к ним походному войску в скорых числех вспомо[жение]. Да в ведомости от самарского воеводы Шеншина написано: майя в 25 день в Новобогородицком в приказной избе казацкой житель сказал: запорожские де своевольные казаки вышли многие конные и пешие, и пришло их к ним в Кадак немалое число, и поставлены на дворех по 2 и по 3 человека, только де клейнот и знамен и литавр и полковника у них нет. А дожидаютца де к себе таких же своевольных и намеривают итить на великоросийские и малоросийские городы для разорения и грабления, а прежде итить под самарские городы. И тебе б нашего царского величества верному подданному Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману и кавалеру Ивану Степановичю чинить над теми запорожцы по прежнему и по сему нашему в. г. нашего царского величества указу и по своему разсмотрению и с общего совету ближняго стольника нашего и воеводы князя Дмитрея Михайловича. От намеренного их воровства удерживать, а над ослушниками велеть чинить воинской промысл. А наша в. г; нашего царского величества грамота о том же к нему ближнему стольнику нашему и воеводе из Розряду послана. А что у тебе поданного нашего учнет чинитца, о том к нам в. г. к нашему царскому величеству писать. А запорожские посланцы полковники Федор Долбня с товарыщи, 88 человек, которые присланы к нам в. г. для челобитья о нашем в. г. годовом обыкновенном жалованье, нашим царского величества жалованьем как поденным кормом так удовольствованы по обыкности и отпущены с Москвы к тебе поданному нашему. Да и обыкновенное наше царского величества жалованье к ним войску низовому Запорожскому прислано ж будет вскоре. Писан государствия нашего во дворе в царствующем велицем граде Москве лета от рождества христова 1708-го месяца июня 15-го дня, государствования нашего 26-го году.

В лист писал и подписал Михайлов Второв. Послана чрез почту того ж числа[114].

№ 91

1708, червня 15.

Пам’ять із Розряду в Малоросійський приказ про стримування запорожців від зради та боротьбу із повстанцями

Лета 1708-го июня в 15 день по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] тайному секретарю Петру Павловичю Шафирову с товарыщи. Сего июня 11-го дня к в. г. писал из Белагорода ближней стольник и воевода князь Дмитрей Михайловичь Голицын и при отписках своих прислал с отписок самарского да каменозатонского воевод списки. А в них написано: в отписку самарского воеводы июня в 2 день явился в Новобогородицком новобогородицкой житель и сказал: был он в Великом Лугу у Днепра в урочище Кошевом близ Конской, и сказывали ему та мошние пасечники, что своевольные запорожцы конница, человек с 300 и больше, Днепр переправились на устье Конской и вбирались в урочище Березнегах, и посылали в Сечю, и купя кумачь зделали себе знамя и пошли бутто к вору Булавину на помочь майя в 30 день по Конской вверх. А такие ж де своевольники пехота перебираютца Днепр и збираютца в том же урочище, а намерение имеют итить к нему вору на помочь, а куда они пойдут подлинно не ведамо. Да по другим ведомостям на той стороне Днепра на речке Суре таких же своевольных немалое число собрався стоят, а куда имеют намерение итить неведамо. В отписке каменозатонского воеводы написано: майя в 26 день посылал он посыльного своего в Сечю для проведыванья воровского замыслу, и тот посыльной, приехав, сказал: слышел де он в Сече, что запорожцы к вору Булавину конечно идут, и збирались де в верховье речки Солоны, а ныне де збираютца и чрез Днепр реку перебираютца под Вольным порогом. И перебрався Днепр тот их воровской збор на речке Московке, и замысл де у них воров есть итить и под самарские городы. Да тот ж посыльной слышал от сеченского

[114] Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 387–388 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 181–183 об. Черновик).

казака, что у запорожцов воровской замысл такой, что дождався государева жалованья и взяв, итить к вору изменнику. И им всем и про того изменника говорят непрестанно. А у Сечи де тот посыльной видел дубов порозжих перед прежним многое число. А майя в 27 день посылал он ж в Сечю для проведыванья о том посыльных от себя 2-х человек. И они приехав сказали: майя в 26 день приехали в Сечю от вора Булавина 3 человека с прелестным письмом, а в том письме написано, чтоб запорожцы к нему вору приходили, а он де вор бутто станет им давать на месяц по 10-ти руб. денег. И по тому письму идут многие запорожцы, а иные и пошли. А майя в 28 день подал каменозатонскому воеводе капитан Лещинской письмо. А в нем написано: майя в 26 день сказывал ему капитану роты ево подпрапорщик, которой был в Сече и слышал от курченина, которой приехал в Сечю с таваром: а в то время была в Сече рада ночью и хотели сеченцы из Сечи взять пушек половину, а куда намерение итить того не слыхал. И кошевой де и старшины в том им спорили и за тем спором в то время пушек не взяли. А ис каменозатонских салдацких полков майя в розных числех бежало салдат 22 человека и многие из них явились в Сече, и от тех беглецов имеет он воевода великого опасение. И сего июня в 14 день в. г. ц. и в. кн. Петр Алексеевичь [т.] указал и бояря, будучи в Ближней Канцелярии, приговорили послать в. г. грамоты в Киев к ближнему стольнику и воеводе ко князю Дмитрею Михайловичю из Розряду, а к гетману и кавалеру к Ивану Степановичю Мазепе ис Приказу Малыя России с прежнего Е. г. указу и боярского приговору сего июня 9-го дня, чтоб они с общего своево совету и согласия запорожцов от намеренного их воровства удерживали, а над ослушниками велели чинить военной промысел. Да о том же вышеписанном даношении послать для ведома в. г. грамоту лейп гвардии к маеору ко князю Василью Володимеровичю Долгорукому из Розряду. И по тому его в. г. указу его государевы грамоты в Киев к ближнему стольнику и воеводе и лейп гвардии к маеору из Розряду посланы. И о том указал в. г. из Розряду в Приказ Малыя Росии для ведома отписать. А к гетману и кавалеру Ивану Степановичю в. г. грамоту послать ис того ж Приказа. И по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] тайному секретарю Петру Павловичю Шафирову с товарыщи учинить о том по его в. г. указу. Диак Евсигней Фомин. Справил Савостьян Германов. Учинить по сему в. г. указу без мотчания[115].

№ 92

1708, червня 28.

Указ Петра I В. В. Долгорукому про похід на Черкаськ та про розорення козачих містечок з додатком їх переліку

Господин маеор.

Письма ваши до меня дошли, ис которых я выразумел, что намерены оба полка, то есть Кропотов драгунской и пешей из Киева, у себя держать; на что ответствую, что пешему, ежели опасно пройтить в Азов, то удержите у себя, а конной, не мешкав, конечно отправьте на Таганрог. Также является из ваших писем некоторая медление, что нам не зело приятно. И когда деждетесь нашего links баталиона и ингермонланского и Билсова полков, тогда тотчас подите к Черкаскому и, сослався з губернатором азовским, чини немедленной з божиею помощию промысл над теми ворами, и которые из них есть пойманы, тех вели перевешать по городам украинским. А когда будешь в Черкаской, тогда добрых обнадежь, и чтоб выбрали атамана добраго человека. И по совершении оном, когда пойдешь назад, то по Дону лежащие городки такожь обнадежь, а по Донцу и протчим речкам лежацыя городки по сей росписи разори и над людьми чини по указу.

Из Нарвы в 28 день июня 1708.

Надлежит опустошить: По Хопру сверху Пристанной по Бузулук. По Донцу сверху по Луган. По Медведице по Усть-Медведицкой, что на Дону. По Бузулуку все. По Айдару все. По Деркуле все. По Калитвам и по другим запольным речкам все. По Илавле по Илавлинской. По Дону до Донецкого надлежит быть, как было[116].

№ 93

1708, червня 30.

Лист полковника І. І. Тевяшева В. В. Долгорукову про дії булавінців у Донецькому городку.

І. — Ясневельможный князь Василей Валодимеровичь многолетно и благополучно здравствуй.

Сего июня 30-го числа посланной мой, которого я посылал в Донецкой монастырь к строителю для ведамастей о варах булавинцах, ко мне в полк приехал и от строителя подал письмо и сказал, что был тайным обычаем в Донецком. И я ево допрашивал, что он в Донецком слышал. И с того присланного строителева письма и з дапросных речей посланного моего списки послал до вельможности твоей в сем письме. Нижайший слуга твой Иван Тевяшов челом бьет.

Июня в 30-го дня. Подано июля в 1 день.

[115] Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 388–390 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 187–189 об.).

[116] Там же. — С. 281–282 (Перепечатано из «Писем и бумаг Петра Великого», т. VII, вып. 1, № 2453).

Список

II. — Господину стольнику и полковнику Ивану Ивановичю Тевяшову. Ведама тебе буди о всемь, что ис Черкаского Фроловь сын Василей пошоль са многими козаками, с тумами, в Озов и угнал войсковой табун коней от Черкаского. А Игнат Некрасов ходил в поход за калмыки и дошел их к Саратову городу. А с Ыгнатом было силы пол-3 тысячи. И они калмыки его Игната войска побили 300, а много поранили. И они вернулись. А Дунька Хохлачь взял город Камышеньку и на Волги государева судна разбили. А ныне он Дунька в Черкаском. А Иван Павлов собрал войска, все бурлак, полторы тысячи, и пошел под Царицынь, и к городу приступал, и заступлением пресвятые богородицы города не взял. И из городу побили многих людей у нево Ивана. И он Иван присылал в Донецкой к Микуле Колычеву брать пушек и ядер и огнянок. И они станицею не дали. А ныне прислана ис Черкаска от Булавина грамота, чтобы в Донецком накладывали в будары запас государев и гнали б к Войску, что у них на острове запасом скудно. А у верху по Медведицы взяли калмыки 2 городка, а на Бузулуке 3 городка. А на Хопре многие сидят в осаде, да перелезли на сей бок Дону межи Вешек и Елани. И Яблоновская станица сидит в осаде. А про Игната Некрасова не слышно, где он делся. Да слышно про Семена Дранова, что собираетца и хочет итить под князя Долгорукова, а инии кажут будьто под Ызюмь. А подлинно собираетца. Да пошли воровские козаки человек с 50 под Воронеж и под Усмань, для коней. А хвалилися взять табун в парусного. А повел их русской человек. А к войску велено итить з десятку по 3 человека. А не знать для чего. А после де имь бурлакам велено итить кь Царицыну. А что у Царицына строитца, и про то ведомости неть. Строитель Иона бога молит и челом бьеть.

Список

III. — 1708-го июня в 30-й день явился в полку стольнику и полковнику Ивану Ивановичю Тевяшову посыльной козак Тимофей Яковенко, которой посылан в Донецкой городок и в монастырь к строителю, для разведывания про воров булавинцов о злом ихь намерении. И от строителя подал письмо и сказал: был де он в Донецкомь тайным обычаем, бутто для проведывания, мочно ль к ним приехать с вином, и видел де в Донецком ис Черкаского присланного козака Бориса Яковлева и с ним человек с 30 бурлаков. А прислан де он от Булавина для взятья пушек и ядер и хлебных запасов, и 6 де пушек поставил на станки для взятья с собою. Да для грузки хлебной конопатят будари, и 2 де будари выконопачины и совсем готовы к груженью. А иные будари и лотки конопатят и нагрузя хлебными запасы погонят в Черкаской. А про пушки слышел он, что ставит те пушки по городкамь, которые городки в приточных местех. А в Донецкомь де козаков малое число, все высланы к Булавину. А достальные пошли на Хопер для обороны городков, которые в осаде от колмыков, также и изо всех городковь вышли козаки в Черкаской. Да тот присланной из Черкаского от Булавина козак и донецкой атаман и иные козаки спрашивали у него, будет ли пришествие царского величества, и одмирал Федор Матвеевичь Апраксин и Преображенской и семеновской полки на Воронеж, также и х князю Василью Володимеровичю Долгорукому полки идут ли. И он де им сказал, что царского величества и одмирала и полков Преображенского и семеновского на Воронеже ждут с часу на час, и про обыход его царского величества всякие припасы изготовлены давно. А х князю Василью Володимеровичю полки идут конные и пехотные непрестанно. А от строителя де он слышал, что Булавин конечное намерение имеет, управясь с войсками, итить в верх по Дону на руские городы. А в Донецкомь де и иных городковь козаки и бурлаки хвалятца итить под Рыбной и под иные городы, для отгонки конскихь стад, в сихь числех вскоре[117].

№ 94

1708, липня 8.

Пам’ять із Розряду в Малоросійський приказ про ненадійність прийшлих запорожців та стійкості давніх козаків

Лета 1708-го июля в 8 день, по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] тайному секретарю Петру Павловичю Шафирову с товарыщи. К в. г. писал ис Киева ближней стольник и воевода князь Дмитрей Михайловичь Голицын и при отписке своей прислал с отписок каменозатонского воеводы списки, в которых написано: июня 10-го дня посылал он воевода в Запорожскую Сечю посыльного своево для проведыванья о шатостях запорожских казаков, а х кошевому писал, чтоб он запорожцов, которые покусились на воровскую прелесть вора Булавина, велел их унять и до злаго их намерения не допустил. И кошевой к нему писал, бутто товарство их давние жители и зажилые на тое ево воровскую прелесть не покусились, только прихожие з городов и непромышленные по воровской прелести и по возмущению уходят из Сечи ночною порою и бутто возвращаютца в Сечю попрежнему. А посыльной приехав сказал: июня де 9-го дня запорожских казаков к вору Булавину пошло 500 человек пеших, а збор де им ворам в Кадаке, и всеконечно де по воровской прелести и по возмущению вора Булавина запорожцы идут. Июня ж 6-го дня писал он же воевода к Москве в Розряд и при отписке своей послал листы хана крымского и Каймакана перекопского на почте. И июня в 14 день писал к нему с Самары из Новобогородицкого воевода Семен Шеншин: июня де 11-го дня явились в том городе почтари и сказали: на речке де Вольной июня 8-го числа напали на них воры черкасы и их почтарей били и ограбили, и посланные с ними почтовые письма и лошадей у них отняли, а бьючи де их спрашивали те воры сколь скоро ис Каменного Затона повезут пушки и много ль в Новобогородицком ратных людей. В листу х каменозатонскому воеводе из Сечи от кошевого июня

[117] Там же. — С. 283–284 (ГАФКЭ. — Кабинет Петра I. — Отд. II. — Кн. № 7. — Лл. 818–822).

в 2 день прибыли до их коша з Дону ис Черкаского 4 человека, присланные с листами от Булавина, чтоб их Войско Запорожское шли к нему на помощь. И они бесчестно к нему отписали, а с ним не совокупляютца. Да по ведомости ж к нему ближнему стольнику и воеводе чрез допросные речи сумского полку старшины и ясаула и других, что булавинцы полковника их Андрея Герасимова и старшину побили до смерти и обоз взяли, и при тех ворах и бунтовщиках и запорожцов есть с полторы тысячи. И сего июля в 6 день в. г. ц. и в, кн. Петр Алексеевичь [т.] указал и бояря, будучи в Ближней Канцелярии приговорили, в Киев к нему ближнему стольнику и воеводе послать в. г. грамоту из Розряду о удержании своевольных запорожцов и о военном промыслу над ослушниками с прежняго его государева указу. А что кошевой атаман и поспольство на прелестные воровские письма не скланяютца, и за то послать к ним государеву грамоту с милостивым словом ис Приказу Малыя Росии, чтоб они и впредь на такие ж прелестные воровские письма не склонялись. А присыльщиков и прелестные воровские письма отсылали Войска Запорожского обоих сторон Днепра к гетману и кавалеру Ивану Степановичю Мазепе, не державая их у себя и не отпуская попрежнему в те ж мест. А своевольных запорожцов, которые похотят итить к ворам и бунтовщикам булавинцом, от того их своевольства удерживали, а ослушником чинили наказанье по войсковому праву. И тое в. г. грамоту, належащую к ним запорожцом, послать к гетману и кавалеру, а он бы гетман и ковалер тое грамоту послал к ним запорожцом с нарочным своим посыльным с кем пригож, с которым и от себя к ним писал о том же увещевании по своему разсмотрению. А с кем пошлет, и что тот ево посыльщик возвратись оттуду ему объявит, о том бы он гетман и ковалер писал к в. г. И по тому в. г. указу и боярскому приговору в. г. грамота к ближнему стольнику и воеводе ко князю Дмитрею Михайловичи), также и лейп гвардии к маеору ко князю Василью Володимеровичю Долгорукому из Розряду посланы. И о вышеписанном о всем указал в. г. против вышеписанного в. г. указу и боярского приговору послать в. г. грамоты ис Приказу Малыя Росии. И по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] тайному секретарю Петру Павловичю Шафирову с товарыщи учинить о том по его в. г. указу. Диак Евсегней Фомин. Справил Савостьян Германов.

Учинить по сему в. г. указу[118].

№ 95

1708, липень 14.

Грамота із Малоросійського приказу гетьману І. С. Мазепі про виступ Полтавського та компанійського полків проти булавінців-запорожців

К гетману

Сего настоящего 1708-го году апреля в 20 день к нам в. г. к нашему царскому величеству писал ты подданной наш, что по нашему в. г. нашего царского величества указу посылал ты в Сечю х кошевому атаману и ко всему поспольству атамана городового Боришевского, дабы вора и изменника Булавина в Сечи поймав, хотя к Москве или к тебе подданному нашему прислали. И кошевой атаман и все низовое Войско к тебе подданному нашему писали, что уже того бунтовщика в Сече нет, и обещалися, когда явитца вновь в Сече, поймав, прислать к тебе. И ты подданной наш не надеяся на то их кошевого и всего Войска обещание, понеже он изменник и главный бунтовщик за Новобогородицким на урочище Вороной укрепился было окопом и прибирал к себе гультяйство такое ж как и сам, послал ты подданный наш полк Полтавский и полк конный для учинения над ним и его единомышленниками поиску и поимки оного и для разгромления того бунтовничего соборища, которые полки не обретши того изменника и бунтовщика на помянутом урочище возвратилися в домы свои. Однако ж по ведомости от того полтавского полковника, что тот бунтовщик забегши меж Дон и Донец туляетца над урочищем, прозываемом Деркуле, от границы Нагайской орды, приказал ты в другие тому полковнику полтавскому, чтоб совокупись с тем же конным полком шел туда, где оный изменник и бунтовщик обретается, для поиску ж и поимки его. А ныне нам в. г. нашему царскому величеству известно, что те посланные твои 2 полка Полтавской да Компанейской, сошедшись с вором Булавиным с 800 человеки, где божиею помощию учинили над ними ворами булавинцы поиск, тех воров розбили и языков многих побрали. И мы в. г. наше царское величество тебя подданного нашего гетмана и кавалера Ивана Степановича за посылку тех регименту твоего дву полков ратных людей жалуем милостиво и премилостиво похваляем. И за ту службу указали мы в. г. наше царское величество послать тем дву полковником полтавскому Ивану Левенцу и полковнику ж компанейскому Кожуховскому по паре соболей, по 20-ти руб. пара, да по кафтану объяринному на лисьих бурых мехах. Сотником 21-му человеку по поставу камок да по паре соболей по 5-ти руб. пара человеку. И то наше царского величества жалованье послано к тебе нашего царского величества подданному з дворянином с Семеном Гредихиным. И тебе нашего царского величества верному подданному войска запорожского обоих сторон Днепра гетману и кавалеру Ивану Степановичю то наше в. г. нашего царского величества жалованье соболи и кафтаны и камки, у вышепомянутого дворянина велел принять и роздать полковником и сотником, которые были в том вышеупомянутом воинском походе, по своему разсмотрению. И о том к нам в. г. к нашему царскому Еeличеству верности твоей писать. Писан государствия нашего во дворе в царствующем

[118] Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 390–391 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 206–209).

велицем граде Москве лета от рождества христова 1708-го месяца июля 14-го дня, государствова ния нашего 26-го году. В лист писал и подписал Иван Юрьев[119].

№ 96
1708, липня 14.
Грамота з Малоросійського приказу кошевому отаману з похвалою за стійкість
Х кошевому

Июля 8-го дня нынешняго 708-го году известно нам в. г. нашему царскому величеству по отписке ближняго стольника нашего и воеводы князя Дмитрея Михайловича Голицына, что писал к вам кошевому атамана и ко всему поспольству каменозатонской воевода, дабы вы запорожцов, которые склонялись на воровскую прелесть вора Булавина, их уняли и до злаго их намерения не допустили. И вы кошевой атаман писали к нему затонскому воеводе, что давнее товарство ваше на воровскую ево. Буловина прелесть не склонились, только бутто прихожие з городов и непромышленные по той воровской прелести и по возмущению уходят из Сечи ночною порою, и бутто возвращаютца в Сечю по прежнему. А по некакому доношению, что ваших запорожских казаков к тому вору Булавину пошло 500 человек пехоты и збор им ворам будет в Кадаке и всеконечно по воровской прелести и по возмущению вора Булавина ваши запорожские казаки идут, о чем явное свидетельство, что июня 1-го на 10 дня явилися в Новобогородицком городе почтари и сказали: на речке де Вольной июня 8-го дня напали на них черкасы и их почтарей били и ограбили и посланные с ними почтовые письма и лошадей у них отняли, и спрашивали о том, когда ис Каменного Затона повезут пушки, и много ль в Новобогородицком ратных людей. Да в письме ж твоем кошевого атамана х каменозатонскому воеводе из Сечи написано, что, по верной своей радетельной к нам в. г. службе, ведомо ему учинили о том, что июня в 2 день приехали к вам на кош з Дону из Черкаского 4 человека с листами Булавина, чтоб Войска Запорожское шли к нему на помощь. И вы кошевой атаман и все поспольство, служа нам в. г. нашему царскому величеству верной службой, на прелесть ево не склонились, и отписали вы к нему бесчестно. Да нам же в. г. известно, что булавинцы сумского полковника Андрея Гарасимова и того полку старшину побили до смерти и обоз взяли, потому что при тех ворах и бунтовщиках и ваших, запорожских казаков есть с полторы тысячи человек, которым было отнюдь при таком воре быть не довелось. А что ты кошевой атаман и все поспольство нам в. г. нашему царскому величеству по верности своей служа на те прелестные воровские письма не склонились и к тому вору не пристали, и мы в. г. наше царское величество за то вас жалуем, милостиво похваляем. Да и впредь бы вам по верности своей на такие ж прелесные их воровские письма не склонятись. А присыльщиков имая и прелесные воровские письма у них отбирая отсылать к подданному нашему Войска Запорожскаго обоих сторон Днепра к гетману и кавалеру Ивану Степановичю Мазепе, не удерживая их у себя и не отпуская по прежнему тех воров в их место. А своевольных запорожских казаков, которые похотят итить к ворам и бунтовщикам булавинцом, от того их своевольства удерживали, а ослушником чинили наказание по войсковому праву. А наша в. г. нашего царского величества милость за ваши верные к нам в. г. к нашему царскому величеству службы ныне и впредь никогда отьемлема от вас не будет. Писан государствия нашего во дворе в царствующем велицем граде Москве лета от рождества христова 1708-го месяца июля 14-го дня, государствования нашего 27-го году. В лист писал и подписал Матвей Ключарев[120].

№ 97
1708, липня 15.
Донесення В. В. Долгорукого царю Петру I про розгром булавінців під Азовом та про самовбивство К. О. Булавіна та відсікання йому голови
Премилостивейший государь царь.

Доношу вашему величеству. Сего июля 13 дня по письму моему Сухаревской станицы атаман Иван Семенов с товарыщи, сам четверт, пришли ко мне в обоз с повинною. И сказали, что вора Булавина в Черкаском убили. И о том я о всем писал пространно с посланным своим сержантом Полибиным. Сего ж государь июля 14-го числа после отпуску Полибина получил я от господина губернатора Толстого письмо. Пишет, что де вор Булавин, видя свою погибель, застрелил сам себя ис пистолета до смерти, а мертвое ево тело прислали в Азов, и у того де воровского тела отсечена голова в Азове. И о том о всем писал он господин губернатор к вашему величеству с посланным своим афицером. А я пошел к Черкаскому для лутчаго укрепления казаков. Вашему величеству извесно какие они шаткие люди, и нынешней атаман, какова он состояния. Как в Черкаском, так по всем городкам, по большим и по малым, все изменили сплошь. И ежели в нынешней случай, что оне в великом страхе он наших полков, ныне над ними чего указом вашего величества не будет учинено, то конечно и впредь от них тово ж ждать. Извесно вашему величеству, коли стрельцы бунтовали, то они всегда самые завотчики, Яковы Алексеевы с товарыщи в лице выберут дураков, а сами из за них воруют так властно. Как в Черкаском и во всех станицах первые люди все сплошь воровству причасны. Коли я был малолюден, то все вышеписанные воры всеконечно хотели меня совсем снесть. А коли я собрался и учинили поиск над Драным, то все почали робеть и бежать.

[119] Там же. — С. 392–393 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 217–218 об. Черновик).
[120] Там же. — С. 393–394 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 219–220 об. Черновик).

И в Черкаской Дранова сын прибежал с вестью, что отца ево под Тором убили, и для того у них лутчая надежда пропала. Василей Фролов, кой час услышал, что Дранаво убили, то он и все при нем сказали: ежели в Черкаском то сведают о Драном, конечно де Булавина убьют, для тово что Булавин был дурак, все воровство и вся надежда была на Драного; власно так все казаки сказывают. И я государь доношу вашему величеству, конечно под такой случай надобно определение с ними зделать, чтоб и впредь им нельзя не токмо делать и мыслить, [но] и вольность у них убавить. Так ж доношу вашему величеству, которые городки внове поселились, верхние близь, наших городов, чтоб конечно у них отнять. А ежели етово вышеписанново у них ныне не зделать и впредь от них ждать худобы. Прошу государь вашего величества на сие мое доношение от вашего величества указу, и чтоб на мое доношение от вашего величества присланы были статьи. А ежели бы мне по нынешним ведомостям к Черкаскому нейти, и я опасаюсь от них воровства. А пришед под Черкаской буду по их воровским оборотам, смотря по тамошняму, так буду и делать, кои завотчики в Черкаском и в других станицах, чтоб их всех вывесть. А больши в Рыковских станицах, сплошь все воры. Зело государь много работы к вашему величеству Василья Фролова. И ныне он со мною и о всех ворах дон [ос] ит вашему величеству не маня, прямым сердцем. Прошу государь у вашего величества милости на сие мое доношение, чтобы указ от вашего величества прислан ко мне был не умедля. И посланного моево не задержать, чтобы мне в Азове праздну не быть. А провианту со мною на ратных людей только на месяц. А мню, что и в Азове немного. Маеор Глебов писал ко мне июля 14-го числа, что он з баталионом прошел Новой Оскол. И посланной ево Каранкин мне сказывал, что салдаты многие идут пеши для то [го], что лошади пересаднились и стали. И я усмотря, чтоб ево вдаль не завесть, писал к нему, чтобы он шел в Острогожск и был тут до указу нашего величества. И о том я писал до вашего величества с поручтиком Озеровым сего ж числа. А с сим письмом послал до вашего величества капрала Бахметева, и обо всем приказывал ему донести вашему величеству словесно. Вашего величества нижайший раб маеор Долгорукой.

С пути не дошед Бахмута. Июля 15-го дня 708-го[121].

№ 98

1708, серпня 13.

Донесення бригадира Ф. В. Шидловського О. Д. Меншикову про перемогу над отаманом-булавінцем С. Драним, про спалення Бахмута

Римского и Росийского государств светлейший князь его царского величества главнейший над кавалериею генерал и кавалер, мой же премилостивейший особливый патрон, государь Александр Данилович.

Как прежде я писал, так и ныне доношу вашей княжной светлости, что вор-изменник Сенька Драной со всем своим воровским собранием розбит, и он вор убит до смерти и живых несколько человек побрано и 6 знамян их воровских взято, и что городов Тору и Мояк их воров взять и разорить не допустили, и обшое их воровское собрание местечко Багмут разарено и вызжено. И того местечка атаман и асаулы иные пущие воры взяты и посланы к Москве, а других побили и покололи до смерти. Аще и похваляся да не буду безумен, то чинилось за особливым указом вашей княжой светлости подлою моею услугою обше з господинам Кропотовым и Гульцам, о чем ясно извесно господину командиру, его милости князю Долгорукову, понеже тот поход наш на них воров был по ево письмам и велению. А чего большая, о том подлинно известен господин полковник, ево милость князь Волконской, и может вашой княжой светлости донести ясно. И верно вашой книжой светлости доношу, что и Буловина в Черкаском убили, початок тому делу Сеньки Драного погибель. Скоро от сына Драного в Черкаском весть взяли, на другой день и Буловина убили, потому что тот вор Драной у него Буловина в замыслех ево воровских первым человеком был. Ныне слышу, что азовский губернатор, ложно являя свою службу, о чём оная ево ложь ясно извесна будет вашей княжой светлости от вышепомянутого господина полковника, в ту речку Багмут интересуется, чтоб ему там заводить соляные заводы. Вашой княжой светлости подлинно есть извесно, что на той речке Багмуте соляные заводы заведены были полчанами моими, а донские казаки Полчан моих разграбили и разорили, и тою речкою Багмутом и речкою Красною и Черным Жеребцем завладели насильно. В прошлом 705-м году послан из Ингермоландской Концелярии в Розряд, чтоб речке Багмуту и речке Красной и Черному Жеребцу, по розыску и по крепостям, по приговору боярина Тихона Никитича, велено во владенье быть Изюмского полку у старшины и казаков. А соляные заводы на Багмуте велено отписать на государя и ведать их в Ингермоландской Канцелярии, а во управлении те заводы велено мне иметь слуге твоему. И о том из Розряду на Воронеж послана грамота. А в прошлом 707-м году ис Киева послан на Воронеж указ к адмиралу к Федору Матвеевичю, велено тем речкам против прежнего указу быть во владенье Изюмского полку у старшины и казаков, а про грабеж велено розыскать. А соляным заводам велено быть по вышеписанному указу в Ынгермоландской Концелярии по прежнему, и описав, велено отдать в заведование мне слуге твоему. И с теми указами посылан был с Воронежа дьяк Горчаков, которому они донские казаки описывать и розыскивать не дали и мало, что и самово ево не убили до смерти. А в прошлом 707-м году послан из

[121] Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 450–451 (ГАФКЭ. — Кабинет Петра I. — Отд. II. — Кн. № 7. — Л. 838–839 об.).

Люблина указ ко князю Юрью Володимеровичю Долгорукову, которой послан был для переписки и высылки из донских юртов пришлых руских людей. Велено ему о вышеписанных речках и соляных заводах учинить против прежних вышеписанных указов, а про грабеж велено розыскать. И за смертным ево убийством от них донских казаков, по тому указу о тех речках и соляных заводах указу не учинено. А понеже на той речке Багмуте соляным заводам початок взят от полчан моих, а за измену донских казаков тот Багмут конец возприняли мною ж, и когда та донская либерия минется, ежели воля вашой княжой светлости будет, прикажите ко мне прислать указ, могу ли в том вашой княжой светлости услужить, изнову те соляные заводы завести. А ему губернатору за дальным растоянием пути, а паче же в чюжие труды, интересоваться не надлежит. Прошу вашу княжую светлость, прикажи государь против прежних вышеписанных указов о тех угодьях речке Багмуте и речке Красной и Черному Жеребцу послать указ в Розряд или к господину маеору, ево милости князю Долгорукову, чтоб тем речкам быть во владенье по прежнему Изюмского полку у старшины и казаков. И он бы губернатор в те соляные заводы не интересовался, потому что те заводы отписаны и ведомы в Ынгермоландской Концелярии, а во управлении велено ведать мне слуге твоему, Вашой княжой светлости наинижший раб и слуга брегадир Шидловской челом бьет.

От Кочетова. Августа дня 13. 1708 году.

Отдано сентября 14 в Соболеве[122].

№ 99

1708, серпня 14.

Пам’ять із Розряду в Малоросійський приказ про намір булавінців просунутися до Самари

Лета 1708-го августа в 14 день по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] тайному секретарю Петру Павловичю Шафирову с товарыщи. Сего августа 5-го дня к в. г. писал ближней стольник и воевода князь Дмитрей Михайловичь Голицын. И при отписке своей прислал новобогородицкого воеводы Семена Шеншина с отписки список, в котором написано: июля в 21 день явился в том городе новобогородицкой житель и сказал: был де он у Днепра в Великом Лугу, в урочище на речке Кучюгуме для рыбной дабычи. И апреля ж в 18-м да в 19-м числех, приехав в Великой Луг булавинцы черкасы, человек з 200, которые ходили из Сечи вору на помочь. А полковником де у них воров запорожской казак, прозванием Беловод, а сотником кадацкой житель Кривошея. И запас и рыбу у них на курене побрали и сказывали ему, что были они у Булавина на Дону. И тот де вор посылал их под Озов для взятья города. И под Озовом де их разбили, многих побили и в воде потонуло, а осталось их воров малое число. И те де достальные воры ис под Озова пришли к Черкаскому, и в то ж де время приехав Дранова сын сказал, что отца ево убили и воровское ево собрание розбили. И услышав де то донские казаки вора Булавина в Черкаском убили ж, и они де от того ушли. И говорили де те ж воры, что в Великом Лугу, отдохня малое время, быть им под самарскими городами, для отгону конских и скотинных стад. Да июля ж в 22 день явился в Новобогородицком переволоченской житель и сказал: ехал де он от Азовского моря из урочища Берд с рыбою, и июля ж де в 18-м числе на дороге на речке Волчье, в урочище Кленниках, наехали на них воры черкасы и русские люди, конница и пехота, тысячи с полторы, у которых было з 20 знамен, и их ограбили, меж которыми ворами и знаемые тому новобогородицкому жителю были. И ему сказывали: были де они у Булавина и у Дранова и идут в Запорожскую Сечю, и везут с собою на возах много раненых воров. Да с ними ж де идут и бахмуцкие бурлаки, которые ходили з Бахмута с вором Драным. А полковник же у тех воров, что был на Бахмуте атаманом, прозванием Нежинской. И говорят де те воры, что в Сече их едва ли примут. И он де Семен Шеншин опасен того, чтоб те воры пришед под самарские городы зла какова и разорения не учинили. И сего ж августа в 12 день по указу в. г. бояря, будучи в Ближней Канцелярии, приговорили послать его в. г. грамоту лейп гвардии к маеору ко князю Василью Володимеровичю Долгорукому, чтоб он о бережении Новобогородицкого от воров и бунтовщиков чинил по его в. г. указу. А к ближнему стольнику и воеводе ко князю Дмитрею Михайловичю его в. г. грамоту послать же, чтоб он о береженье тех самарских городков чинил по его ж в. г. указу. Да о том же бережении Новобогородицкого и о поимке воров запорожцов послать его в. г. грамоту к гетману и кавалеру к Ивану Степановичю Мазепе ис Приказу Малыя Росии. И по тому его в. г. указу и боярскому приговору его в. г. грамота лейп гвардии к маеору и к ближнему стольнику и воеводе из Розряду посланы. И по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича [т.] тайному секретарю Петру Павловичю Шафирову с товарыщи учинить о том по ево в. г. указу. Диак Федор Ефимьев. Справил Савастьян Германов.

Учинить по сему в. г. указу не мотчав[123].

[122] Там же. — С. 318–319 (ИАИ Акад. наук СССР. Архив кн. Меншикова. — Карт. № 9. — Папка № 52, на 4-х лл.).

[123] Там же. — С. 394–395 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 249–251 об.).

Накази керівництву України

№ 100

1708, кінець травня.

З листа О. Д. Меншикова царю Петру I про наказ гетьману

…Вчерашняго дня писал я к господину гетману Мазепе, чтоб он совсем приближился к Припяти, а Стародубовскому и прочим малоросийским полкам, кои не в походе, приказал итти к Днепру для охранения тех мест, о чем и к господину графу Головкину я писал же, дабы они о том ему подтвердили [124].

№ 101

1708, червня 17.

Пропозиції генерального консиліуму в Біличах про відправлення указів гетьману І. С. Мазепі та київському воєводі Д. М. Голіцину з перерахуванням необхідних заходів для оборони

Предложение в конзилии в Белицах июня в 17 де[нь] 1708.

По ведомостям от Его Светлости кн[я]зя Меншикова, что неприятель реку Березу ниже местечка Березины в трех местех переправился и, по видимому, правится к Днепру и, чаем, переправливатся будет около Быхова. Предложено, какой указ к гетману Мазепе послать о его походе, и на то со общаго согласия постановлено: писать к нему, гетману, дабы он немедленно шел с войски своими к Днепру х Киеву, а послал бы наперед наспех от себя за Днепр з добрым командиром конных сердюков и знатную часть ис полков своих, которые в ближних местех от Могилева и Быхова обретаютца, и повелел бы итить туда ж и куда неприятелское обращение будет с такими указы, дабы оного о Днепре удерживали и чрез оной перейтить не допускали, для которого удержания и великоросийские войска посланы будут; а самому быть до далной ведомости у Киева для охранения Малороссийского краю и изготовить под Киевым мосты, и к походу по ведомостям был бы он во всякой готовности.

Х князь Дмитрею Голицыну о сих ведомостях писать и, что писано к гетману, дать знать, и дабы он был от неприятелского приходу в Киеве опасен и во всякой готовости, и мосты по прошлогодному указу были бы у него в готовности.

Барис Шереметев
Гаврило Головкин
Князь Григорей Долгорукой[125].

№ 102

1708, червня 18. — Смоляни.

З донесення Б. П. Шереметєва, Г. Ф. Долгорукого та Г. І. Головкіна

Да в том же писме от 15-го июня ис Череи он, господин генерал князь Меншиков, пишет, что писал он к гетману господину Мазепе, дабы он приближался к Припяти, чтоб каким образом неприятель его не отрезал; також к протчим малоросийским полкам, кои не в походе, послал бы он, гетман, указ, чтоб оные к Днепру шли для осмотрения тамошних пасов, и с того писма прислал к нам список. И писал до нас, чтоб и мы к нему о том подтвердили. И мы, государь, о том имели конзилиум, на котором положа писали к нему, гетману, указом вашего величества, дабы он, гетман, немедленно шел с войски своими к Днепру х Киеву, а послал бы наперед наспех от себя за Днепр з добрым командиром конных своих сердюков; також и тем всем полкам своим, которые в ближних местех от Могилева и Быхова обретаютца, велел итти поспешно туда ж, куды неприятелскому обращению чаем быть, с такими от себя указы, дабы оного о Днепре удерживали и чрез оной перейтить не допускали. А самому ему, гетману, велели быть до далной ведомости у Киева, для охранения Малоросийского краю. А х князь Дмитрею Голицыну писали, государь, мы, дабы он был в Киеве во всякой готовости против неприятеля и приказал бы мосты уготовить на Днепре, о которых и в прошлом году ему был ваш указ. И по вышеписанным о неприятеле ведомостям доносим мы вашему величеству, что ежели соизволите ехать в армию, то изволите путь свой восприять с Лук Великих на Смоленск и на Оршу, а не на Витепск, понеже там войск никаких не обретаетца и почта сведена. Из Смольян, в 18 день июня 1708-го[126].

№ 103

1708, червня 23. — Могильов.

З приговору генерального консиліуму

(…) 6. Гетману Мазепе определено быть при Киеве, а тем войскам, которые от него, гетмана, посланы по первому указу за Днепр, велеть итти к Гомлю к Днепру, и ожидать указу из главной армеи, а когда неприятель пойдет к Смоленску или к Витепску, то итти им, получа указ от главной армеи, куда поволено будет [127].

---

[124] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград : Изд-во академии наук СССР, 1946. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 730–731.

[125] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 1. Предложение генерального консилиума в Белыничах об отправке указов гетману И. С. Мазепе и киевскому губернатору князю Д. М. Голицыну с перечислением мер обороны от неприятеля // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1708 г. Д. 8. Л. 111–111 об. Подлинник. Подписи — автографы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-01-1708-predlozhenie-generalnogo-konsiliuma-v-belynichah.

[126] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград : Изд-во академии наук СССР, 1946. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 832–833.

[127] Там же. — С. 860.

№ 104

1708, червня 25.

Лист гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову про виконання наказів

Свѣтлѣйшій и высокопочтеннѣйшій Римского и Россійского государств, Ижерскій існязь, господине, господине, мой любезнѣйшій брате и особый мой благодетѣлю.

Письмо вашей княжой свѣтлости, всякой чести достойное, воспріял я с подобающим гонором вчерась, июня 24, через нарочного куріера с таковым в нем изображеным предложеніем, дабы я по нынѣешнему непріятельскому дѣйствію приказал полковнику Стародубовскому приближитца с полком к Днѣпру для осмотренія п[ассо]в, а сам подался з войком к Припети.

А нынѣ в 25 июня получил я писаніе сіятелнѣйшего графа его милости Гаврила Ивановича, чтоб мне самому итить к Кіеву, а ближайшіе полки от Литвы послать к Днѣпру, и по тому вашой княжей свѣтлости предложенію и по письму сіятелнѣйшего графа его милости, оставя марш, воспріятый к Полще, поспѣшу сам с войском к Кіеву, а до полковников Стародубовского и Чернѣговского послал ординанс мой, чтоб они, совокупясь с полками своими, ишли куда удобнѣе будет к Днѣпру, а там смотрѣли пассов и о оборотах непріятелских провѣдивали со всяким опасеніем и б[лаго]дар[нос]тію.

И сіе вашей княжой светлости объявив, пребываю непремѣннѣ вашой княжей свѣтлости истинный пріятель, брат и слуга, Иван Мазепа.

З обозу од речки Роски.

Июня 25 дня, року 1708[128].

№ 105

1708, липня 10. — Горки.

Наказ Петра І гетьману І. С. Мазепі йти до Києва

Из Горок

Господин гетман.

Понеже неприятель идет по Днепру вниз, и по тому и по протчим всем видам намерение его на Украйну, того ради предлагаем вам сие: первое, чтобы вы по своей верности смотрели в Малороссийском крає какой подсылки от неприятеля, также прелестных листов (для чего неприятель и друку во Гданске словенскую взял) и всяко оные остерегали и пресекали, и нам в том (ежели сами чего не можете одне учинить) совет и ведомость давали; второе, что неприятель уже зело своим маршем спешит, того ради за благо разсудили мы, чтоб вы со всем своим войском шли, как наискорее, х Києву и оставя там несколько казаков в гварнизоне (по совету з господином Голицыным), сами шли за Днепр в удобное место со всеми тенжары или при Києве были, а конницу всю (разве мало что при себе оставить) а добрым камандиром изготовить налехке в поход. И когда неприятель станет ближитца к великоросийским или малоросийским городам, тогда мы всегда у онаго подщимся перед брать, а ваша б конница всегда сзади на неприятеля била и все последующия люди и обозы разоряла, чем неприятелю великую диверзию можете учинить. Мы бы зело желали, дабы вы сами с тою конницею были, а камандир бы у тенжаров; но нудить вас не можем для вашей болезни, и для того сие кладем на ваше рассуждение; однакожь сие надлежит немедленно делать. При сем же и то пологаем, дабы осторожно в городах было, також чтоб ежели неприятель в которыя места ворветца и станет о хлебе уневерсалы посылать, чтоб его не слушали, и сие ныне надобно заранее престеречь. В протчем имейте с нами частую корреспонденцию, да бы непрестанно на обе стороны могли ведать, что где поводитца.

Питер

Из Горок в 10 день июля 1708 года[129].

№ 106

1708, липня 31.

Наказ Петра І капітану-поручику А. К. Петрово-Солововому оглянути військо гетьмана І. С. Мазепи і з ним іти до Пропойська

Пункты господину капитану-порутчику.

1

Приехаф ему в гетманское войско и, осмотря оное, сколько ево, писать, и со оным итить, как наискоряя, к Пропойску.

2

Все обозы поставить за рекою Сожею, а войску податца к самому Быхову от Пропойска линеею. Також во время нужды людей прибавить довольно в Быхов безлошадных и всяко тот город содерживать.

3

Зделать два моста под Быховым. И непрестанна посылать з добрыми камандирами партии, а иногда и самому при тех партиях быть под неприятельское войско и всякой урон и убыток неприятелю чинить, как возможно, в людех и лошадях и протчем, а найпаче оголожать неприятеля в кормах и фуражу.

4

Весь хлеб, скот и протче (кроме рухляди польской) все по деревням на той стороне Днепра брать; а чего нельзя брать, провианта и фуражу, и то жечь.

---

[128] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — С. 245 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 63. Л. 1–1 об. Подлинник).

[129] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т. I (1700–1709 гг.) / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т. I. — С. 371 (РГАДА, Малороссийские дела, 1708 г., д. 2, лл. 152–153).

5

Хотя чево здесь и не именованно, а что возможно зделатъ, от чего неприятелю будет убыток, то делать, не описываясь, и в том смотреть накрепко (и обо всем писать непрестанно), как доброму офицеру надлежит.

Отметка: Дан июля 31-го дня 1708[130].

№ 107

1708, серпня 8.

Наказ Петра I гетьману І. С. Мазепі

Господин Гетман.

Понеже неприятель Днѣпр перешел и идет к Пропойску, того ради Вам надлежит из Киева итить в Украйну свою и смотрѣть того, о чем вам уже извѣстно. Киевскому полковнику как напред сего писали, таки нынѣ подтверждаем, чтоб шел для надежды полякам к нимъ, також четыре или три тысячи (о которых пред сим писано к вам) шли по отдыху не мѣшкавъ, или (буде уразумѣешь лучше) к Полонному (сие дается на ваше разсуждение); однакож дѣло сие нужно, дабы доброжелательных поляков содержать.

Також тому командиру с вашим конным войском (о чем послан наш капитан-поручик Соловой к вам) велите итить не мѣшкав в назначенное мѣсто, чтоб неприятеля сим предварить (ибо в том много состоит) и все что неприятелю может быть к пожитку раззорять; к которому вашему войску для лучшаго отпору неприятеля посылаем генерала маиора Инфланта и бригадира Полонскаго с дивизиею конных войск (в которых будет конных четыре полка); также чтоб в городах во всяких были опасности ко отпору неприятеля и коротко объявляю: все что надлежит к пользѣ нашей землѣ скоро надлежит сдѣлать, понеже неприятель уже у наших рубежей.

Из Горок, при походѣ к Мстиславлю, 8 Августа 1708 г[131].

№ 108

1708, серпня 10.

Донесення гетьмана І. С. Мазепи Петру I про виконання його наказів

Пресветлейший и державнейший царь, государь всемилостивейший.

Сего дня августа 10, якого с господином Солововым, капитан-порутчиком, отправил с городовых полков лутчего перебраного войска 4500 и два полка компании, 800 товариства в себе заключаючие, для диверсии, неприятелю к Пропойску, а особно к Смоленску два полки — Переяславский и Нежинский в 3000-м числе, з которого 2000 доброй пехоты, а 1000 конницы определитца и употребитца. Получил я и с должною честию восприял через куриера моего премощный собственноручный вашего царского величества, указ о посылке 3000 или 4000 войска рейменту моего в Польшу к прежней с полковниками киевским и белоцерковским ординованой партии. Тое убо вашего царского величества повеление без всякого умедления исполнить потщуся, токмо покорне вашему царскому величеству с доземном поклонением дерзаю доносить, что прочии рейменту моего полки, городовый и компанийский, в различные места на службу вашего царского величества розосланы, а именно — Киевский и с тагобочными малолюдными полками переборными в Польще, Стародубовский и Черниговский в Пропойску, Полтавский с компаниею на Дону, Гадяцкий в фортецы и при фортеце Печерской, а при мне осталося было городовых пять полков, с которых два полки, Нежинский и Переяславский, отправлены к Смоленску, а полпяты тысячи переборного с тых же пяти полков товарищества ординовано с двома полками компании до Пропойска, при мне же з городовых самых недорослей и на худейших лошадях осталось 2800, которых своими очима видел господин Соловов, да 2000 сердюков и єдина корогов компании, кроме великороссийских пехотных полков, в которых болш над 2000 не зберется, яко сами полковники сказывают, понеже все полки неполные; и того ради разве полк Гадяцкий двотысячный, взяв с фортецы Печерской и придав к нему 1000 тых недорослей, отправлю вскоре до Польщи, ибо разсуждаю, что тот полк Гадяцкий, когда буду сам стоять по указу вашего царского величества при Києве, не надобен будет до фортецы Печерской. А до полковников киевского и белоцерковского давно уже я послал двох знатных особ, и ныне посылаю третяго, чтоб тое войско по желанию господина Синявского запровадили, як наискорей, к господину Потею, и надеюсь, что третий мой посланец знайдет тое войско суккурсовое с воспомянутым господином Потеем в случении. И сие вашему царскому величеству, всемилостивейшему моєму царю и государю, при доземном поклонении, под стопы ножные низлагаемом, покорне донесши, высоко державную его ж монаршую десницу духом лобызаю и премилосердому вашего царского величества призрению навсегда себе вручаю.

Вашего царского величества верный подданный и слуга наинижайший Иван Мазепа, гетман.

Из обозу от Русанова августа 10 року 1708[132].

---

[130] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т. I (1700–1709 гг.) / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т. I. — С. 379 (РГАДА, Каб. П. В., отд. I, кн.51, л. 47 и об. Автограф).

[131] Труды императорского русского военно-исторического общества. — СПб. : Свет, 1909. — Т. I. — С. 1 (Архив Мин. ин. дѣл. Дѣло 8, л. 607).

[132] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т.I. — С. 385–386 (РГАДА, Каб. П. В., оп. 5, д. I, ч. 2а, л. 926. Подлинник).

№ 109

1708, серпня 18.

Грамота із Малоросійського приказу гетьману І. С. Мазепі про вчасне доставлення провіанту для російського гарнізону в Камінному Затоні

К гетману

В нынешнем 1708-м году по нашему в. г. нашего царского величества указу посланы из Брянска провианты в Каменной Затон: муки 9400 четвертей, круп овсяных 300 четвертей. И тот провиант припровaward на Самару. И июля в 5-м числе нынешнего ж 708-го году к нам в. г. писал ближней стольник наш и воевода князь Дмитрей Михайловичи Голицын, что по отписке к нему из Новобогородицкого Семена Шеншина струги с провиантом в Новобогородицкой припровожены в июле месяце в розных числех, и за умолением в Днепре воды в Каменный Затон чрез пороги перепроводить невозможно и от запорожцов опасно. А для перевозу того провианта надобно подвод тысячное число, а откуды имать о том бы ему указ учинить. Да июля ж 8-го дня к нам в. г. писал он же ближней стольник наш и воевода, что того провианта чрез пороги перевести отнюдь невозможно, потому что пороги все означались. И есть ли де тот провиант на подводах пороги обвозить, конечно запорожцы провиант и подводы отымут и подвотчиков прельстят, а иных привлекут сильно к своим шатостям. И того ж июля в 16-м да в 17-м числех по нашему в. г. указу посланы наши в. г. грамоты к нему ближнему стольнику нашему и воеводе, велено о перевозе того провианта, на каких подводах и на скольких пристойно, учинить по своему разсмотрению. А о бережении от своевольных запорожцов ратными людьми какими пристойно учинить по общему совету с тобою подданным нашим гетманом и кавалером, чтоб в отпуску того провианта мешкоты не учинить, и чтоб всеконечно тот провиант до Каменного Затона ныне спроважен был и утраты б тому провианту никакой не было. А в Каменном Затоне ратным людем без провианту оскудения не учинилось бы. И тебе б нашего царского величества подданному Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману и кавалеру Ивану Степановичю учинить о том вышеписанном вспоможение по нашему в. г. нашего царского величества указу со общего совету и согласия с ним ближним стольником нашим и воеводою и по своему разсмотрению. А что учинено будет, о том к нам в. г. нашему царскому величеству тебе верному подданному нашему писать. Писан государствия нашего во дворе в царствующем велицем граде Москве лета от рождества христова 1708-го месяца августа 18-го дня, государствования нашего 27-го году. В лист писал и подписал Матвей Ключарев[133].

№ 110

1708, вересня 6.

Указ Петра I гетьману І. С. Мазепі про підготовку походу до Білої Церкви

Господин гетман.

Понеже ныне по об[о]ротам неприятельским видимо, что оный намеренный свой путь на Украйну отменил, ибо ныне марш свой отправляет ко границам здешним, того ради изволите вы по прежнему нашему указу поход свой предуготовлять к Белой Церкви и для того послать кого ныне туда от себя для учреждения квартир и приготовления фуражу, и сам к тому походу с войском своим быть в готовности, чтоб, когда наш другой указ получите, немедленно во оной поход иттить.

Из Мигновичь в 6 день сентября 1708.

Перед текстом: От великого государя к гетману Мазепе.

Отметка: Послано з гонцом гетманским Садовским[134].

№ 111

1708, жовтня 9.

Список із військової ради

Список с определения, что положено в конзилии со общаго совету 1708 октября в 9 день. Писма господина гетмана Мазепы октября от 6 дня слушаны в конзилиюме, в которых он пишет опасности ради начинаюшагося возмущения в Малороссийском краю и для того отговариваетца иттить по указу в случение к великороссийским войскам. И по тому в конзилии приговорено: послать указ великого государя в Киев, к воеводе х князь Дмитрею Михайловичу Голицыну, что б он, взяв с собою ис Киева ис пехотных полков сколко возможно по своему разсмотрению, оставя доброй гварнизон в Киево-Печерской крепости, и те те полки, которые при думном дворянине господине Неплюеве, такожде взяв из Белгородского и Севского розрядов ратных людей знатное число по своему разсмотрению, шел немедленно в малороссийской край и стал в Нежине, или в котором городе прилично, в середине Украины с совету гетманского, взяв с собою пристойное число артиллериии. Да к нему ж велено гетману и кавалеру господину Мазепе послать наказного гетмана с малороссийскими войски и быть им в тех местах для надежды малороссийскому народу и смотреть, дабы во оном не произошли какие шатости и от неприятеля не произошли какие факцыи. И ежели что явитца, то соглашаясь с наказным гетманом, оныя пристойным образом усмирять. И о всяких ведомостях давать знать в главною армею. А к гетману господину Мазепе о сем писать, и дабы он определил немедленно знатную и верную особу в наказные и нарядил

[133] Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Документы / Составители Н. С. Чаев и К. М. Бибикова. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 395–396 (ГАФКЭ. Дела Малороссийского приказа, 1707–1708 гг. — Кн. № 104. — Лл. 252–253. Черновик).

[134] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т. I. — С. 391 (РГАДА, Малороссийские дела, 1708 г., д. 2, л. 202. Копия).

с ним несколько регименту своего полков. И велел быть в случении и послушании у него, господина воеводы киевского. А сам бы господин гетман со всеми регименту своего протчими полками шел немедленно к Новгородку-Северскому. А особою своею для лутчих советов прибыл к главной армеи на время з господином фельтмаршалом и министры. И о сем о всем к великому государю для известия писать[135].

Заходи з оборони

№ 112

1708, квітня 12.

Донесення київського воєводи Д. М. Голіцина царю Петру I про стан Печерської фортеці та гарнізон

Всемилостивейший мой царь, государь. Доносим вам, всемилостивейшему государю: в Печерской крепости вал от Днепра во многих местех от дождей и от слабости земли осел до самой пошвы, и тое починку какими работники делать? А ныне время ко управлению приспело, а вашего государева указу на то свое доношение о работниках не получил. По вашему ж государеву указу велено мне набрать в Киевской гварнизон в салдаты к двутысячному числу тысячю человек, чтоб было трехтысячное число, и те салдаты в Киев многие приведены, а фузей, шпаг, багинетов, сум на них откуды взять, не определено. И на сие мое доношение что ваш всемилостивейший указ повелит? Вашего величества нижайший раб князь Дмитрей Галицын. 1708, 12 числа апреля, ис Киева[136].

№ 113

1708, травня 25.

Лист Н. К. фон Вердена царю Петру I

Всемилостивейший царь, государь. Вашему царскому величеству доношу: указ от вашего царского величества получил я сего майя 31-го дня, в котором повелено, чтоб полковнику Стубенскому с полком с Лук Великих немедленно итти к господину гетману Мазепе в Киев и дале, где он обретается. И того ж числа против указу отправил я на Великия Луки к нему, полковнику Стубенскому, с указом куриера, чтоб он шел с полком в указной ему путь немедленно. И сего майя 25-го дня получил я от него, полковника Стубенского, писание руки ево, что он, полковник, посланной от меня указ получил майя 22-го дня, а в указной ему путь к господину гетману Мазепе в Киев или где он обретается с полком пошел сего ж маня 24-го дня. Всемилостивейшаго моего государя даря нижайший раб C. Chr.von Werden.

Майя 25-го дня 1708-го году[137].

№ 114

1708, червня 29.

Донесення київського воєводи Д. М. Голіцина графу Г. І. Головкіну про підготовку Києва до оборони

Мой государь Гаврила Иванович, здравие вас, моего государя, да сохранит бог навеки.

Письмо вас, моего государя, от 18 дня июня, при котором ведомости и неприятели господина генерала князя Меншикова, чрез нарочного присланного киевского рейтара получил. И во оном своем письме изволите объявлять, чаєте, что неприятель Днепр будет переправливатца под Быховым. И дабы мне быть во всяком приуготовлении и мосты, о которых прежде всего изволили писать, были б в готовности. И за объявление ведомостей вам, моєму государю, но премногу благодарствую. Доношу вам, моєму государю, артилерия вся управлена и амуниции довольное число приготовлено. Мосты в прошлом году в готовности были, а в нынешнем вешнее время льдом попортило, и как возможно в починке трудимся, токмо нужда есть в делании города, которая в прошлому году несовершенно зделана была. А ныне надобно больше умножить, и всемилостивейший государь изволил из Санкт-Петербурха ко мне писать, дабы к той работе работников взять у господина гетмана. И в том письмо изволил объевить о том, к нему, гетману, писано. А от гетмана работников прислано 200 человек и в оных работниках упинаетца и пишет, будущее, что присланы будут. Прошу вас, моего государя, аще воля ваша будет, прикажи ко мне написать письмо и спросить. Печерская крепость делаетца ль и сколько работников от господина гетмана прислано, дабы я то письмо мог показать гетману. И чаю, что по оному вас, моего государя, письму работников вскоре пришлет.

Всегдашний вас, моего государя, слуга князь Дмитрий Голицын.

Из Києва 23 дня июня 1708 году[138].

---

[135] Публикация В. Артамонова / Артамонов В. А., Кочегаров К. А., Курукин И. В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. — СПб. : Общество памяти игумении Таисии, 2008. — С. 104–105 (РГАДА. Ф.9. Отд. II. Каб. ПВ. Кн. 8. Л. 623–624 об.); Труды императорского русского военно-исторического общества. — СПб. : Свет, 1909. — Т. I. — С. 133–134.

[136] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград: Изд-во академии наук СССР, 1946. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 671–672 (ЦГАДА, б. Государственный архив, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 7, л. 487).

[137] Там же. — С. 744–745 (ЦГАДА, б. Государственный архив, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 8, л. 33).

[138] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т. I. — С. 347–348 (РГАДА, Письма и прошения на рус. яз., 1708 г., д. 23, лл. 204–205. Подлинник).

№ 115

1708, не пізніше серпня 13.

Опис дворів чернігівських жителів, намічених для знесення у зв'язку з організацією у місті провіантного магазину

Реестр дворов жителей чернѣговских, около катедри на розных улицах в розмерном через тридцять сажнии от стѣны катедралной разстоянии близко найду(ю)чихся

А.

Первая улица Протопопинская, от стѣны каменной до Горѣлой брамы идучая, на которой:

В перек по подвалом идучи от стѣны каменнои.

1 Двор катедралний, от панѣ Борковской дарованный.

2 Двор Ницка Тюхты, мѣщанина.

3 Двор Гришка Журида, мѣщанина.

4 Двор Антона Думы, козака, по двор монастирский елецкий стоячий.

По другои перек тоеж улицѣ з переулка починаючи от стѣны каменной.

1 Двор Тита Игнатенка, мѣщанина.

2 Двор Давыда Гущенка, мѣщанский.

3 Двор Отроховичов мѣщанский.

4 Двор Болбоса, козака сиберезкого.

5 Двор Михаила Тюхты по хату у з двор пана Тризничого стоячий.

Сии двори числом 9 по обох сторонах улиц Протопопинской записанные в тридцятосаженном од муру разстоянии найдуются.

Вторая улица Шубинская, от Воскресения Христова до Святого Спаса и до катедре идучая, на котрои:

1 Двор на розе от катедри стоячий пана Василия Томари, сотника выб[ельского] з обширным п[ляцо]м и будын[ком]

… Двор их отца Г…ы

До пох… З дру[гой] стороны тоей же Шубинской улицѣ

…так же от катедри на розе пана Бы[х]овцов

…от П… п… п…го

От двору пана Быховца по за олтарем Святого Спаса

Двори на цвинтар чолом будучие

1 Двор Чеканов мѣщанский.

2 Двор пани Ивановои Забѣлиной, по пануВорошилѣ доставшийся, по двор церковный святой спаский.

3 В тилу сих двох дворов половина двора Басанчихи вдовы мѣщанки.

4 и двора Павлихи Бублинки также половина з будынками в тридцатосаженной зостают мѣры.

Д.

От брамы катедралной з другой стороны Святого Спаса против двереи передних

1 Двор пана Галинского на рогу против катедри и против Святаго Спаса.

2 Част двора з стаинею и шопою Евстафия Исаевича по звоницу новою Спаскую.

Е.

От брамы катедралной по уз стѣну каменную

до самои улицѣ от брамы Любецкой на ринок идучой в переулку.

1 Двор катедралний от Андрѣя мещанина куплений по едной сторонѣ найдуется.

2 А по другой сторонѣ два двори Герасима Озвѣра, мещанина в стѣнѣ каменной др(о)вяние.

F.

Улица пробитая от Любецкой башты на ринок идучая, на которой дворы з од(н)ои стороны тилом до стѣны катедрално[й], стоячие [в] тридцатосаженной мѣри найдуичиеся сии суть:

1 Двор Молявчин шин… у от катедри стоячий.

[2] Двор кат[едр]алний от …крѣевича [до]ставшийся.

так много

1 Пол двора за будынком Быховцов, лиственских козаков сотнѣ Любецкой.

2 Двор пана Клистефановича, сотника белоуского, целый.

3 Двор Лещихи, вдовы, мѣщанки, на рогу стоячий.

4 Двор помеж Лещишина двора в пер(е)улку, внучковой Ивана Бѣлого, мѣщанина.

5 Двор в том же переулку Якова Криворотого, мѣщанина, по двор Гаврила, Енченкового зятя, стоячий.

Н.

На противнои в тому переулку переки, знову до пробитой Ринковой улицѣ идучой,

против Гаврилова двора.

6 Двор Павла Пластуна, мѣщанина, з хатою до ворот.

7 Двор ведле Пластуна Ероша Пиляя, мѣщанина.

8 Двор Михаила Жабки, козака.

9 Двор на рогу *Демьяна*, внучка.

10 Двор знову на улицу Ринковую против камених изб на бурсу змурованих, зо двора, ведле брамы под валом стоячого цехового ткацкого, приведений цеховый кравецкий.

11 Двор отца Симеона и Гавриила любецкого, св(я)щенников.

12 Двор Утвишин ведле самой брамы Лю[бецкой] под валом стоячий.

[13] Двор в тилу Утвиш[ина] … дв… Оникѣя Козулѣ, мѣщанина.

[14] Двор там же в тилу Федора … [меща]нина.

[В]сѣ двори числом чт… …ах специфѣкованых

… записанные … [тридца]тосаж…а обго…

…мует[139]…

[139] *Кочегаров К. А.* Русское правительство и Черниговский казачий полк в канун нашествия шведов на Украину (1708 год) [Приложение] // Петербургские славянские и балканские исследования. — 2015. — № 2 — Июль–Декабрь. — С. 201–203 (РГАДА. Ф. 124. — Оп. 1. (1708 г.). — Д. 3).

№ 116
1708, не пізніше серпня 13.
Опис подвір'я чернігівського архієпископа і Чернігівського колегіуму (для потреб оборони)

Строение каменное в катедри чернѣговской

Брама каменная, на браме шесть келий без склепеня на школы

Келии архиерейскии каменныи, в них жиют архидиаконы, иеромонах Амвросий, писарь и инныи.

Дзвонница

Под дзвонницею склепы, на склепу + *пекарня, верх* кравечня, над кравечнею дзвоны, верх дзвонов церковь святого Иоанна Предотечи.

Трапеза каменная

Под трапезою склеп, на склепу пекарня и просфорня, верх сего самая трапеза и олтарь.

Келии нижныи каменныи

Первая келая, в ней иеромонах уставник с диаконом и инными, другая келия, в ней иеромонах реент с монахом Иоакинфом и прочиими певчими.

Третяя келия, в ней иеромонах Герман, диакон Вонифантый, монах Варфоломей трапезный с послушникамы.

Пятая келия нижняя, в ней иеромонах Паисий и монах Гервасий, послушники, *шестая, в ней* монах Паисий, монах Зосима и инныи послушники.

Седьмая келия на ледовнѣ недостроена.

Верхнии келии без склепеня

Первая, в ней жиет иеромонах Афанасий, шафар, иеромонах Порфирий, полатный з послушниками.

В другой иеромонах Алимпий, диакон Яков з келейными.

В третей иеромонах Григорий, диакон Глеб з келейными.

В четвертой иеромонах Михаил, иеромонах Андрей, диакон Иоаким.

В шестой диакони Серафион и Анастасий, и Илиа з келейными.

За келиями солодовня и провар в тры сажнѣ.

Келии древянии

В первой келии иеромонах Антоний наместник, иеродиакон Иоасаф и нныи послушники.

Напротиву другая келия, в ней диакон Исайя, панomарь, диакон Леонид и поднамарий з инными.

Противу олтара келии двѣ древянии, в едной иеромонах Иоаникий, духовный, иеромонах Венедикт, иеромонах Феофан, в другой иеромонах Нил, иеромонах Лавр. Место сих их трапезцы келии каменнии и в нов… …ыдоюля… (л. 286 об.)

Внѣ катедры на новокупленной земли построенны келии каменныи на бурсу и конвикт без сводов.

На послушаниях.

Иеромонах Аверкий, иеромонах Пахомый, монах Адриан, иеромонах Силвестер, иеромонах Михей, монах Николай, иеромонах Агафон[140].

Універсали, листи гетьмана І. С. Мазепи та до нього різних осіб

№ 117
1708, січня 25. — Батурин.
Універсал гетьмана І. С. Мазепи хорунжому полкової сотні Стародубського полку Пилипу Неумеровичу

Прстлѣйшаго и державнѣйшаго великаго гсдря его црского влчства войск запорожских гетман и славнаго чина стаго апстола Андрея и Бѣлого Орла кавалер Іоан Мазепа.

Пану полковниковѣ войска его царского прстлого влчства запорожского стародубовскому з старшиною полковою, сотником, атамановѣ городовому, а особливе п. войту стародубовскому з майстратовыми тамошнимѣ и всѣм старшим и меншим, войсковым и посполитим того полку обывателем и кому бы колвек о томь вѣдати належало ознаймуемь, иж просил нас через супплѣку свою п. Филипп Неумѣрович, хоружий сотнѣ полковой Стародубовской, абысмо позволили для потпори господарства на волном непенном мѣстцу, а іменно на рѣчцѣ Сновцѣ греблю засипати и млин подлуг сили воды на оной построити и унѣверсалом нашим тое ствердити приказали. Мы прето гетман и кавалер, принявши его п. Филиппа Неумѣровича вь той мѣре прошеніе респектом службы войсковой, од которой нѣкогда не оддалялся, яко позволяем на пречечоной рѣчцѣ Снувцѣ если мѣстце непенное греблю засипати, млинь на оной постройти, всякіе з оного розмѣровіе приходячіе користи отбѣрати; тамже винницю поставити и футор завести; такь казавши зь канцеллярій ншой войсковой сей нш на засипанье греблѣ, построенья млына и заведенья тамь футора

[140] *Кочегаров К. А.* Русское правительство и Черниговский казачий полк в канун нашествия шведов на Украину (1708 год) [Приложение] // Петербургские славянские и балканские исследования. — 2015. — № 2 — Июль–Декабрь. — С. 204–205 (РГАДА. Ф. 124. — Оп. 1. (1708 г.). — Д. 3).

з винницею выдати унѣверсаль; пилно через оный приказуемь, абы пнь полковникь стародубовскій з старшиною и нѣхто інший ему Филиппу Неумѣровичу не важился чинити перепоны и шкоды вь томь построеню млына; варуем однак тое, абы людским околичным кгрунтам од тоей греблѣ и млинка не учинилася кривда. Дань в Батуринѣ генвар. 25 д., року 1708.

В подлѣнном подписано тако: Zвышменованый гетмань и кавалер рукою власною[141].

№ 118

1708, березня 13. — Фастів.

Лист гетьмана І. С. Мазепи до брацлавського воєводи

Ясновельможний пане брацлавський воєводо, мені вельми мость пане і брате.

Вже у повній готовності до визначеної дороги моїх комісарів, котрих послав до Брацлава, щоб вони розібралися у тяжбах різних претензій від інстанції ясневельможного й. м. пана белзького воєводи, гетьмана великого коронного, м. м. пана, дійшов до мене лист від в. м., м. м. пана, зі скаргами на різні порушення порядку і розгнузданість свавільних людей, котрі мені [повідомляють], що добра його захоплюються і пригноблюються, тоді прагнучи потреби в. м., м. м. пана, задовільнити і святу справедливість, звичний порядок забезпечити, доручив цим же моїм комісарам і в інтересах в. м., м. м. пана, приклавши руку і розум з й. м. паном нотаріусом розробити план і що тільки є від добр в. м., м. м. пана, подністровських, свавільно розгнузданих, відхиливши починання, відібране повернути, щоб знову поступило до пана те, що було раніше його. Не уникну і в подальшому ширшої моєї від наказів в. м., м. м. пана, прихильності (практики), котра [буде] за волею в. м, м. м. пана, коли присвячую, а також звертаюся з тією честю завжди гордитися, що я є в. м., м. м. пана, дуже зичливим братом і пониженим слугою

Іван Мазепа, гетьман і кавалер й. цар. величності Війська Запорозького.

У Фастові 13/24 березня 1708 року[142].

№ 119

1708, квітня 22. — Біла Церква.

Універсал гетьмана І. С. Мазепи про взяття під протекцію переселенця в Стародуб Леона Пилатовича

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго гсдаря его царскаго величества войск zапорозких гетман, славного чина стаго апостола Андрея и Бѣлаго Орла кавалер Іоан Мазепа.

Пну полковниковѣ стародубовскому, п. п. старшинѣ полковой, сотником, атаманнѣ и всему старшому и меншому товариству, особливе пну войтовѣ тамошнему zо всѣм маистратом и всѣм кому колвек о том вѣдати належит сим нашим унѣверсалним писаніем ознаймуем, иж оказател оного пн Леон Пилатович, преселившися з zаграници под рейммент наш до Стародубова на мешканне, просил нас о протекцію и оборону. Мы прето гетман и кавалер давши тому его пна Пилатовича прошенію у себе мѣйстце, взялисмо его в особливую нашу оборону и протекцію, уволняючи от войскових походов и всяких посполитих повинностей и подачок и варуючи пилно, абы в дворѣ его в мѣстѣ Стародубовѣ купленном, пріежджаючих розних людей не становлено, и в кгрунтах, в селѣ Озаровце покупленних, и если еще где купит, найменшой шкоды не чинено, найбарзѣй до судов полкового и маистратового не потягано, хоч хто будет мѣти до его якій претенсіи, лечь кождый повинен будет апелліовати до нас, гетмана и суду нашего войскового енералного, пред которим всякому укривжоному з винних неотволочная чинит ся справедливост. Якой вишейвираженной волі нашой, абы во всем досит чинилос, пилно міти хочем и приказуєм.

Дань в Білой Церкви април. 22, року 1708[143].

№ 120

1708, травня 23.

З листа гетьмана І. С. Мазепи графу Г. І. Головкіну

Прислал господин гетман Синявский в письмѣ резидента своего объявление мнѣ за секрет, с нѣкоего лжесоставнаго листа, невѣдомо от кого и до кого писаннаго, копию из котораго выразумѣешь Ваша Вельможность умножающияся на меня напасти, и хотя Г. Синявский разумѣет, что тѣ плевелы проиходят от факции партизанов шведских, для преклонения его Синявскаго с войском коронным к единомыслию неприятельскому, что тѣ слова о мнѣ изобраенныя в копии произошли из уст адгерента шведскаго; однакож я в таких обстоящих мя отовсюду лжеклеветных напастях от печали сокрушаюся и ежедневно умираю, имѣя токмо надежду на Бога, на Его Царское Величество, всемилостивѣйшаго моего Царя и Государя, на невинность и вѣрность мою, и на заступление Вашей Вельможности, яко на того, которой от давных времен совершенно вѣдает о непорочной и неколебимой моей к Его Царскому Величеству вѣрности. Дьявол их знает, они между собою колотятся и мятутся,

[141] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 198–199.

[142] Листи гетьмана І.Мазепи до державних діячів Речі Посполитої (1703–1708 рр.)(переклад зі старопольської та латини Ю. Мицика та О. Циганок) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 5. — С. 99 (АГАД.— Ф. «Архів Замойських». — № 3036. — С. 289. Опубліковано мовою оригіналу: *Мицик Ю.* З листів гетьмана І. Мазепи // Україна в Центрально-Східній Європі. — К., 2003. — Вип. 3. — С. 306–307).

[143] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 132–133.

а меня невиннаго туда же мѣшают, и пасквильные напастные эксцерпты, неведомо какие от кого и до кого писанные, вымышляют и подметывают[144]…

№ 121
1708, травня 25. — Біла Церква.
Універсал гетьмана І. С. Мазепи генеральному осавулу М. А. Гамалії на володіння селом Пузники

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя его царского величества войск Запорожских гетман, славнаго чина святого апостола Андрея и бѣлого орла кавалер, Іоань Мазепа.

Всей старшинѣ и чернѣ войск его ж царского величества Запорожскихь, а особливе пану полковниковѣ лубенскому, старшинѣ полковой, сотником, меновите чорнускому, и всѣм старшим и меншим войскового и посьполитого чину в том полку знайдуючимся обывателем, и кождому кому бы колвекь о томь вѣдати теперь и в потомний часъ належало, сим унѣверсаломь нашим ознаймуем, иж респектуючи мы гетман и кавалер на значные вѣрные, зичливые и радѣтельные пана Михайла Гамалѣй, асаули войскового енерального, в войску Запорожском з отца и з дѣда роненные, так прежде знаменитихь урядов бунчучництва енералного, а потомь хоружества енералного ж, яко и на конферованномь тепер такьже енералном асаулском достойнствѣ, зуконтентованнем нашым ронячіеся услуги и заслуги, надаемь ему село Пузники вь полку Лубенскомь в сотнѣ Чорнуской знайдуючоеся, зо всѣми до того села здавна и теперь належачими грунтами, добрами и угодіями, позволяючи от людей посполитих послушенство и всякне подьданскіе повинности, а з грунтов и всякихь тамошних обще угодій корнети и пожитки отбирати. Зачим аби пан полковник лубенскій з старшиною полковою, сотник чорнускій и нихто згола з старших и менших того полку обивателей не смѣл и не важилея ему пану Михайлу Гамалѣи, асаулови войска Запорожского енералному в обнятю под свою поссессію того села и в отбыраню от людей посполитих послушенства, а з добр приходячих пожитков, жадной найменшой теперь впредь чинити перешкоди, кривди, трудности и перенагабання, пилно и грозно варуем, упоминаем и приказуем. Войть зас пузниковскій зь всѣми посполитими людми (кромѣ козаковь, которій при свойхь ненарушних войсковых волностех и правах мѣют зоставати) повинень его пана Гамалѣй, асаули войскового енералного во всемь слухати, уищаючи подданскіе всякіе належитости. Таковая наша воля и указь аби тепер и впред при належитой своей моцы и повазѣ ненарушне у всѣх консервована била, повторе и подесяте пильно упоминаемь, варуем и приказуем. Дань з канцелярией войсковой в фортеци Бѣлоцерковской, мая 25, року 1708.

В подлинном подписано тако: Звышменованный гетман и кавалер рукою власною[145].

№ 122
1708, червня 30. — З обозу біля річки Роськи.
Лист І. С. Мазепи Петру І про дії Полтавського та компанійського полків, настрої запорожців

Пресветлейший и державнейший царь, государь мой всемилостивейший. В самый день тезоименитаго вашего царского величества ангела святаго апостола Петра восприях с должным почитанием благополучие премощнейшую вашего ж царского величества собственную грамоту с Санкт-Питербурха через нарочного куриера, от 14 июня писаную, зде в обозе за Белою Церквою в 70 верстах. Понеже я по предложеном мне вашего царского величества от министра вашего ж монаршего господина Гаврила Ивановича Головкина указу рушил был в Белой церкви в Полщу ку Волыню для случения с королем Августом, если бы его до Полщи намеренный и оглашенный приход мел событися. А ныне по тому вашего царского величества указу с общаго воинскаго совету, в писме воспомянутаго министра господина Головкина предложеном, оставя восприятый к Полще марш, намерен возвратитца по ведомостям настоящим к Киеву, и там в близости Киева до указу вашего царского величества стоять. Благоприветствую убо вашему царскому величеству покорным сердцем тезоимевитаго ангела святаго апостала Петра, каменю соименитаго, желая усердием истинным подданским, дабы тот камень вери оружие вашего царского величества на поражение полчищ неприятелских изострил и горделиваго шведскаго Голиафа обезглавил, а православную вашего царского величества августейшую монархию непоколебимым основанием утвердил, и во всех путех ваше царское величество сохранял, да некогда преткнеши о камень ноги твоея. А яко теперь Божиею помощию и щастем вашего царского величества ординованыи от мене полки Полтавский и компанейский против вора Булавина получили над партиею его бунтовничею одоление, тако и впредь за молитвами тезоимевитаго вашего царского величества ангела, да покорит камень краеуголный силный в бранех Господь всякого супостата под нозе вашего царскаго величества, и всяк падый на сем камене, да сокрушится. О унятии запорожцев от шатости, Бог сам весть, як неусыпне стараюся, труждаюся, и всегда до них пишу, устрашая жестоким вашего царского величества гневом и моею неласкою; а як до мене отписуют, тые я их отписки для ведома вашему царскому величеству до двору вашего монаршего посылаю. Тылков того у вас досели не слышно было, чтоб такое число с чтыри тысячи запорожцев в случение з Сечи к тому вору Булавину рушились, и хотя от его, вора, была к Сечи подсылка на писме прелестная,

[144] *Голиков И. И.* Дополнение к деяниям Петра Великого. — М. : Университетская типография, 1795. — Т. 15. — С. 166–167.
[145] Український архів. Т. 4. Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1931. — С. 97.

призывающая войско тамошнее в помощ, которая и возмутила была легкомышленных, обаче нынешний кошовый, исправив себе в верности, и пременившися аки з Савла в Павла, прилежным своим старанем пресекл тое возмущение, и унял отчасти шатость тамошнюю, о чом уже я до двору вашего царского величества писал и списки писма того прелестнаго зменническаго и отписки запорожской послал. И ныне я не чаю, чтоб так многое число запорожцев к проклятому Булавину шло з Сечи, разве хто тайно оттуду з гултаев пошол, а явне не смеют; токмо наиболш туда к тому вору с тых своеволцев идет, который, в Сечи не пребывая, в речках на добычаях рибных зостаючи, кони крадут и купцев разбивают. Яко и теперь недавним временем некиись гултай, прозываемый Гречка, бывший атаман Волнянский, прибрав к себе единомышленных таких же, яко и сам, гултаев з городовых, а не з сечовых, многих купцев полтавских, з Криму з товарами возвращающихся, порозбивал и ограбил, а потом под Чигирином стадо конское занял и в речки полевые отогнал, о которых гултаях вынешний же кошовый проведав, велел их половить, хотя и не всех, и того Гречку по правам войсковым приказал в Сечи, а другого товарища его в Кадаке для построху повесить; прочиих же держит в крепком вязеню и обещается их до мене прислать для известия, хто в городах з единомышленников их обретается, о чом и лист, писаный от его, кошового, до мене, послал я до двору вашего царского величества. Полковникам полтавскому и компанийскому и старшинам их известил я писанием моим о милостивом вашего царского величества жалованю, заохочивая их тым к нелениным болшим военным подвигам и отвагам, а и сам бых не ленилъся против того вора Булавина со всем войском пойти для искоренения и угашения того внутрняго огня, если бы указ вашего царского величества и нынешние случаи для охранения сего краю не удерживали мене. При сем покорне высокодержавную вашего царского величества десницу лобызая, до стоп монарших челом бию. Вашего царского величества верный подданый и слуга наинижайший Иван Мазепа гетман. Из обозу от речки Роски, июня 30 1708-го[146].

№ 123

1708, серпня 28. — Фастів.

Лист гетьмана Івана Мазепи
до князя Замойського(?)

Мсьє!

Два листи: один від й. м. пана, референдаря гетьмана польного коронного, а другий від й. м. пана Дашкова, посла від царської величності, який перебуває при Речі Посполитій, я сприйняв через посланця в. м., м. м. пана, із належною увагою. Котрі в собі відгукуються і навіть кажуть, що Іваненко багато чинить порушень в подністровських добрах й. м., м. п. брацлавського воєводи, людей (…)* з драгунії, інших до себе забрав, інших вигнав. В. м. тоді на ці листи через спеціального свого кур'єра як й. м. м. п. референдарю гетьмана польного коронного, та і й. м. пану Дашкову вчинити відповідь, а тепер в. м., м. м. пан, це додаю, що хоча згаданий Іваненко без моєї волі і наказу це вчинив, що деяких з драгунів й. м. п. брацлавського схопив, а інших розігнав, однак важко щось з цим зробити, коли це були московські люди, а не бажаючи залишатися в своїх полках на службі його царської величності, повтікали з табору його величності і долучилися до неналежної собі послуги, котрі тепер залишаються під арештом князя й. м. Голіцина, київського воєводи. А про порушення цього Іваненка, якихось неслушних претензіях на добра й. м. м. пана брацлавського воєводи усмирять (usmyrat), пише мій лист до нього, котрий що в собі містить, посилаю в. м, м. м. пану, копію, тільки вже й сам не знаю, що маю далі з тим безчесним сином чинити, у якого немає жодної чесності і відданості, а однак в. м., м. м. пана, і зі звичною моєю щирістю раджу у цих добрах безпечно далі не висиджуватися, бо у цьому краю досі бунтівничий дух Палія віє, боюсь, щоб після мого віддалення з цього краю ребелія знову там не взялась, наскільки під час нинішніх революцій.

Це в. м., м. м. пану, доповівши, я є в. м. м. пану зичливим братом і рад служити.

Іван Мазепа, гетьман і кавалер.

З табору українських військ під Буковою (Биковом?) дня 28 серпня 1708[147].

№ 124

1708, жовтня 4.

Проїжджий лист
від гетьмана І. С. Мазепи
князю Б. І. Куракіну

Вшеляким рейменту нашего старшинам, по городах и селах обрѣтающымся, и кождому, кому колвек о том вѣдати належиъ, сым нашым подорожным листом ознаймуем, иж сиятелнѣйшый кнзь Борис Иванович Куракин поворочает до двору его царского величества з Рыму, из иншых Еvропских Гсдрств. Зачым, абы его княжой милости, яко годной и поважной особѣ, всюды належитую честь выражено, и подвод осмъ давано мѣти хочем, и пилно приказуем. Дан з обозу от Дѣвици Салтиковой в 4 октобрия 1708 року. Вышеименованный гетман Иван Мазепа[148].

[146] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград : Изд-во академии наук СССР, 1946. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 880–881 (ЦГАДА, б. Государственный архив, IX, дело № 1, картон 2, лл. 920–922).

[147] Листи гетьмана І. Мазепи до державних діячів Речі Посполитої (1703–1708 рр.)(переклад зі старопольської та латини Ю. Мицика та О. Циганок) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 5. — С. 100 (АГАД. — Ф. «Архів Замойських». — № 3036. — С. 290–292. — Тогочасна копія. — Опубліковано мовою оригіналу: *Мицик Ю.* З листів гетьмана І. Мазепи // Україна в Центрально-Східній Європі. — К., 2003. — Вип. 3. — С. 307).

[148] Грамоты, наказы, указы, письма Петра I и грамоты владетельных лиц (1697–1724) // Архив кн. Ф. А. Куракина. — СПб. : типография В. Балашева, 1890. — Кн. 2. — С. 17.

№ 125

1708, жовтня 8. — Батурин.

Універсал гетьмана І. С. Мазепи
значному військовому товаришу Василю Свічці

Его царского пресвѣтлого величества войска Запорожского гетман і кавалер Іоан Мазепа.

Пану полковникови лубенскому зо всею старшиною полковою, сотником, атаманови городовому з товариством войтови з поспольством, и кому би колвек о том вѣдати належало сим унѣверсалним писанием нашим ознаймуем, иж пан Василий Свѣчка, значний товариш войсковий, за вѣдомом и позволением на греблѣ на рецѣ Оржицѣ при своем хуторѣ под Городищем занятой власним коштом построивши млин, просил нашего гетманского потвержения. Мы теды респектом услуг его и прац в войску Запорожском роненних и вперед мѣючихся ронити, прозби слушной давши мѣсце у себе, яко видаем сей наш потвержателний ему пану Василию Свѣтчцѣ унѣверсал, позволяючи всякие розмѣровие приходячие пожитки з частю войсковою до ласки нашой на себе отбирати, такь мѣти хочем и рейментарско приказуем, аби ему владѣнию того млина и в отбиранню з оного всяких розмѣрових приходячих користей з частю войсковою сам пань полковник, старшина полковая, нѣхто инший жадной найменшой не смѣл и важился чинити кривди, долегливости и перешкоди; и повторе сим нашим унѣверсалом варуем и приказуєм.

Дань в Батуринѣ октоврія 8, року 17[0]8.

Звишменованний гетман рукою власною.

Мѣсто печаты[149].

№ 126

1708, жовтня 8. — Табір українських військ під Салтиковою Дівицею.

Лист гетьмана І. С. Мазепи
до коронного мечника Станіслава Денгофа

Ясновельможний мості пане мечнику коронний, мій вельми мость пане і брате.

Не тільки в. м., м. м. пана, листівна компіляція, але й цей запал, котрий уві мні до утримання спільних угоджених інтересів його цар. величності м. мил. пана і Речі Посполитої клокоче, рухає і дошкуляє, мене до цього, щоб державні потреби в. м, м. м. пана, подібною обітницею задовільнив і в нинішніх революціях тим, які хитаються міг надати допомогу якож я вже був у марші поспішаючи на допомогу Речі Посполитій до Білої Церкви, але наздогнав мене супернаказ, щоб я приступив до відступу і поспішив об'єднатися з армією його царської величності, м. м. п., проти неприятеля, котрий вже кілька неділь стоїть непорушно в українських кордонах, у Стародубському полку; де й мене з військом неминучість війни і монарший указ кличе, куди дуже швидко поспішаю; тоді важко було наказу (?) й волі мого найяснішого правителя противитися, від котрого якщо до мене дійде повторний наказ, щоб з'єднавши сили й душі з коронним військом міг здійснити те, що треба зробити, не затримаюсь виконати цю дію, звершити, для чого і лист в. м., м. м. пана, послав до двору щоб стали ясними там бажання в. м, м. м. пана і всієї Речі Посполитої, звідки яке отримаю резолюцію, вчиню в. м., м. м. пана в цьому інтересі поінформованим. А тепер і є і буду в. м., м. м. пана зичливим братом і низьким слугою Іван Мазепа, гетьман і кавалер його цар. величності Військ Запорозьких.

З табору під Салтиковою Дівицею 8 жовтня 1708[150].

Кореспонденція про передачу Правобережної України Польщі

№ 127

1708, перша половина.

З листа гетьмана І. С. Мазепи
графу Г. І. Головкіну

Вашей Вельможности извѣстно, что в договорах вѣчнаго мира, между Царским и Королевским Величествами и Рѣчью Посполитою Польскою учиненных, граница цѣлой Украйны тойбочной не описана, понеже почавши от того мѣста, гдѣ выше Киева рѣка Ирпень в Днѣпр впадает, идучи рѣкою Стугною до Триполя, а от Триполя степью на пять миль от Днѣпра до мѣстечка Стаек, на сторону Царского Величества отмежеваны, а вниз Днѣпра никакого еще нѣт опредѣления, которое оставлено до генеральной коммиссии; и есть ли та земля и города, вниз Днѣпра находящиеся, Чигирин, Канев, с прочими селениями останутся в области ляцкой, то великое учинится утѣснение и разорение людям регимента моего сегобочным Днѣпра, а наипаче полкам Лубенскаго, Переяславскаго, и иным побережным жителям, которые имѣют по той сторонѣ Днѣпра свои пасѣки, грунты и всякие угодьи, которых жалѣя и не хотя оставить, принуждены будут пойти под тяжкую область ляцкую[151]…

[149] Український архів. Т. 4. Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1931. — С. 108.

[150] Листи гетьмана І. Мазепи до державних діячів Речі Посполитої (1703–1708 рр.)(переклад зі старопольської та латини Ю. Мицика та О. Циганок) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 5. — С. 100 (АГАД. — Ф. «Архів Замойських». — № 3036. — С. 294–295. — Оригінал, особисто підписаний Мазепою).

[151] *Голиков И. И.* Дополнение к деяниям Петра Великого. — М. : Университетская типография, 1795. — Т. 15. — С. 148–149.

№ 128

1708, березня 9. — Фастів.

Лист гетьмана І. С. Мазепи до О. Д. Меншикова з компрометацією великого коронного гетьмана А. Сенявського

Свѣтлѣйшій и высокопочтеннѣйшій Священных Римского и Российского государств Ижерскій князь, господине, господине и любезный мой брате.

Получивши благовременную окказію чрез куріера его царского величества всемилостивѣйшого моего царя и государя, поручтчика полку Преображенского господина Андрея Ушакова, благоразсудих не оставит оной без листовной корреспонденци и отданя должного моего вашей княжой свѣтлости уклону, которым яко всегда и на всяком мстцу, так и в ныншнем случаи высокопочтеннѣйшую вашой княжой свѣтлости особу венерую.

Отсюду к извѣщенію вашой княжой свѣтлости неймѣю больш ничтоже, токмо тое: что господин Сенявскій, гетман великій коронный, непрестанно мнѣ докучает о суккурс выборных войск рейменту моего, яких первей в листах своих трох тысячей, а потом тепер шести тысящей требует. А до мене, яко до подручного своего или слуги досадително пишет, многими укоризненными (чого мнѣ и неприлично б от его терпѣть) прирѣкая словами, и згола мнѣ не дает покою, так чрез резидента своего, при мнѣ обрѣтаючогося, яко и чрез листы уставичне о шестотысячный суккурс желая. А утверждается на первом листе от вашой княжой свѣтлости до мене писаном, а до рук его за отворчетою печатю присланном, в яком листѣ изображено, дабы я столько войска рейменту моего выборного ему гетману Синявскому в суккурс до Полщи посылал, сколко бы он требовал. А я противно тому держуся наставленія вашой княжой свѣтлости листовного, которое о том письмѣ поучает мене, чтоб я по полученіи оного отписал до его господина Сенявского, обѣщаясь сам в 60 000 (описка, йдеться про 6000. — *Прим. укл.*) выборного войска на суккурс Рѣчи Посполитой против непріятеля ити. А о том, чтоб мнѣ ему партіями войско посылать умолчалем, понеже и ваша княжая свѣтлость до мене, давать ли ему, господину Сенявскому, суккурс з войск рейменту моего или не давать, ничого не писал.

Подаю убо тое под благоразумное вашой княжой свѣтлости разсужденіе, если прилично и полезно толикое шестотысячное число войска выборного в так далекій край (яко он господин Сѣнявский до мене пишет) до Великой Полщи и до Прус посылать, а еще под лядзкую коменду. Бог вѣсть, якая у их всѣх думка, и хотя сам господин Сѣнявский повидимому для приватных булавы великой коронной интересов будто постоянно при союзѣ держится, обаче рейментаром его и войскам кварцяным ненадежно верить, понеже они обыкли по природном своем непостоянстве сего дня тут, а по утру куда инуды перекидатца, что и недавно в прошлых числех явственным показалося доводом, когда нѣякій Свѣнярскій, рейментар гетмана Синявского, прежде кгварнѣзон шведопольскій в Калишу штурмом добывши, знатную получил викторію и немало оффицѣров забрал, которых гетману своему Сенявскому отдал. А потом в малом времени превратившися чрез брата своего, тайно воеводу кіевского наставил и предложил ему время до того удобное, чтоб другого рейментара Кгарбовецкого в Селюню з 20 корогвами зостаючого, атаковал, по которого информаціи учинил там до Селюня воевода кіевскій нападеніе нечаянное, где когда тот рейментар не могл отпору дати, поддался на аккорд з всѣми тыми 20 корогвами.

Такое то их лядзкое постоянство, которіи понеже сами себе снѣдают, а якож будут козакам дружитъ, з якими исконную имѣют вражду и певне бы их в крайнюю туда, до Великой Полщи и до Прус послать згубу. Да и в господину Сенявском сам бы сердцевидец вѣсть, якое предсявзяте, доброе ли, или злое, понеже и в его частыи от противной стороны побывают, яко и недавным временем был Тарло, кухмистр коронный, искренны конфидент Станѣслава Лещинского, а тепер ксіонже Чарторійскій вновe пріехал, что убо там з собою трактуют, и о сом совѣтуют, нихто того не знает. Токмо видится мнѣ, что ничого там доброго на сторону его царского величества полезного нет.

О сем извѣстив, полецаюся древней вашой княжой свѣтлости любви, милости и ласце.

Вашой княжой свѣтлости истинный приятель брат и слуга Иван Мазепа гетман рукой власною.

Z Хвастова марта 9, року 1708[152].

№ 129

1708, квітня 6. — Оломонц.

Лист архієпископа гнєзненського Станіслава Шембека та польського коронного мечника Станіслава Денгофа до Петра І

В листе полском князя примаса и мечника коронного къ его царскому величеству из Оломонца 6-го апреля 1708-го году написано:

Чаяли мы, что, восприяв указ вашего царского величества в деле привращении Украйны, господин гетман Мазепа долгое чинов Речи Посполитой ожидание желаемым имел удоволствовать совершением. Но инако учинилось, егда от господина воеводы Белского с великим удивлением сию получили мы ведомость, что одну токмо без уезду отдает Белую Церковь, протчие же все крепосцы, городки, села и места удерживает, объявляя бутто таков имеет от министров вашего царского величества указ. Выразуметь сего не можем, как сверх соизволения и указу вашего царского величества и сверх всякого достоинства

[152] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — С. 232–234 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 48. Л. 1–2. Подлинник (без окончания); № 49. Л. 1–2 об. Подлинник (без начала).

и совести сь явною Речи Посполитой обидою такие от господ министров противные договором, с Речью Посполитою постановленным, такожде обнадеживаниям, словом вашего царского величества укрепленным, могли произойти указы. Однакож понеже оные объявляет господин гетман Мазепа, достойные жалобы наши, которые имеем к господам министрам, вашему царскому величеству предлагаем как для нашего публичного интересу, так и для самого вашего царского величества; чрез сие убо умаляетца честь и власть вашего царского величества, монарха, с Речью Посполитою союзного, а имянно что не одна токмо Речь Посполитая наша с великою тоскою ожидает совершения обещаний вашего царского величества, но и иностранные разсуждают монархи, как нам совершены будут данные вашего царского величества обещания, которые, ежели бы всегда новыми, а противными нарушаны были указами, были бы причиною к противным мнениям о вашем величестве. Мы же, во отечестве удерживая с великим трудом действо союза с вашим царским величеством, а не могучи получить надлежащих совершений во отобрании обещаний и обнадеживаний от вашего царского величества, потеряли бы мы впредь в воеводствах уверение и не могли бы мы быть к услугам вашего царского величества так, как бы мы на основании союза и договоров постановленных желали себе, не могучи прибыли и совершенства союза вашего царского величества гсподам братии объявить ко усмирению раздраженных их умыслов для разорения маетностей, грабителства и протчие утеснения, от войск вашего царского величества учиненныя. Того ради ежели для удержания общих интересов, достоинства и чести вашего царского величества надежное к вашему царскому величеству чиним прибежище, при сем прилежно просим, дабы ваше царское величество поновил указы к господину гетману Мазепе и оные отослать повелел к гос-подину воеводе Белскому, гетману великому коронному, дабы не толко Белоцерковскую крепость с уездом, но и протчие все крепости, городы, местечка, села, маетности и места Украинские, х королевству Полскому издавна по описанию договоров последних вечных надлежащие, и которых прежде зачатия бунтов Палеевских и других своеволных казаков в державе и владении жителей Речи Посполитой обреталися, а насилно и неправедно под розными предлогами от Палея и от протчих и суть присвоены, с пушками и со всякими припасами, так, как отобраны без впредь будущих отволок, отдал. О которых указех паки нижайше вашего царского величества просим инных ожидая, пребываем вашего царского величества желаемыми и нижайшими слугами: Станислав Шембек, арцыбискуп Гнезнинский, примас, Станислав Денов, мечник коронной, маршалок конфедерации генералной Сендомирской[153].

№ 130

1708, квітня 11. — Вітебськ.

З листа графа Г. І. Головкіна до царя Петра І

…Гетман, государь, Мазепа пишет к нам в писме своем из Белой Церкви, что он для скудости в конских кормех, о которых было ему сердюки и протчие казаки стали стужать, для того что кони у многих помирали, ис Хвастова перешел туда, до Белой Церкви, где доволно конских кормов есть. А мы, государь, к нему писали, что естли потребно, то брать бы велел сено ис Киевского зборного, которое в прошлом году кошено. Гетман де Сенявский конечно недоволен отдачею одной Белой Церкви и желает, что естли не всю Украину, то хотя б весь уезд Белоцерковской отдать во владение Полское; и он, гетман Мазепа, по верности своей к вашему величеству доносит, что естли де в Белоцерковской уезде поляки будут стоять, то де никогда невозможно, чтоб между казаками полку Белоцерковского, Корсунского, Уманского, Богуславского, Чигиринского, Черкаского и Каневского и между поляками не учинилося междуусобная драка, и подлинно де новая оттуду выростет война и кровопролитие. Полковник Василей Кошелев ис Полонного пишет к нему, гетману, опасаетца тамо быть и проситца оттуду, где провиянту есть зборного немалое число, а где оной подеть, не знает. И мы, государь, без указу вашего о выходе ево писать не смеем; а писали к гетману, чтоб он велел быть ему попрежнему тамо впредь до указу вашего величества, и чтоб он провиянт берег; а естли потребно ему, гетману, на войско регименту его, також когда пошлет от себя к гетману Синявскому помощ, то б велел им брать ис того[154].

№ 131

1708, травня 9. — Вітебськ.

З листа графа Г. І. Головкіна Петру І

Всемилостивейший государь. Сего, государь, числа получили мы от генерала-маеора Голца писмо из Ярославля, которой прислан от Августа короля к гетману Синявскому и протчим полским министром со обнадеживанием выходу ево в Полшу, с которого перевод к вашему величеству при сем посылаем. А что, государь, он, Голц, писал в Полских интересах, и то мы мним, что он писал по наговору гетманскому и протчих министров; и о том, государь, мы к нему, Голцу, писали, что то они ему сказывали неправедно, и объявили ему о всем, сколко денег им дошло и в нынешних числех дано, и какой ваш указ есть о отдании Украйны, отобранной от Палея, и что совершенная отдача всей Украйны удержана до возвращения короля его, и что гетман Мазепа в суккурс уже к гетману коронному казаков послал, а и сам имеет указ ваш при выходе его, короля Августа, итти на Волынь. А о денгах, государь, вспомощных по новому союзу с королем Августом объявили ему,

[153] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград : Изд-во академии наук СССР, 1946. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 770–772 (ЦГАДА, б. Государственный архив, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. № 8, лл. 592–595 об.).

[154] Там же. — С. 710–711.

что оные уже в Киеве лежат в готовости, и когда королевское величество вступит в Полшу, то оные немедленно отдадутца, дабы ему придать тем лутчюю охоту к выходу. Не изволиш ли, государь, те денги послать приказать с Москвы в Киев? И в том писме просили мы ево, Голца, чтоб он о исполнении всего того свои труды показал, обнадеживая ево за то вашею милостью. А каково, государь, от Емельяна о том же, что он, Голц, ему в разговорех объявил, писмо мы получили, и с того выписку при сем посылаем. И мнитца, государь, нам: не поволиш ли хотя Белоцерковской уезд поляком отдать для лутчей надежды и удоволствования их, для того что о том, государь, гетман Синявской зело прилежно многократно и сприкростью в писмах своих пишет, предлагая, что ему гварнизону своего содержать без уезду невозможно, для того что хлеб и сено взять будет неоткуды, и обнадеживанием нашим, что отдастся та взятая Украина от Палея при выходе Августове, не доволствуютца. И пишет, государь, к нам гетман Мазепа, что он, гетман Синявский, Белой Церкви ныне и не принимает, и гварнизон, которой в оную слал от себя, уже з дороги назад поворотил[155].

№ 132

1708, липня 26. — Горки.

З грамоти Петра І А. Сенявському про причини зволікання із віддачею Правобережної України

(…) А междо тем повелели мы гетману Мазепе в пожеланное от вас десятитысячечное число войска казацкого доброго в дополнку послати, но оной зело в том жалуется, и письма от посланных к вам на помочь с первым корпусом полковником присылает, в которых жалуются, что от милости вашей нималого определения о даче оным провианту по ее число не имеют, и куда пошлют для прошения или выбору оного, то многих из них шляхта до смерти побивают, и затем спасается тот другой корпус к вашей милости на сукорс послать, потому что бес правианту или розбегутся, или своевольства и набеги на дворы и маетности шляхецкие чинить принужденны будут, как и о первом корпусе тогож опасаетца, зачем оной и походу своего по желанию ускорить не может. Того ради извольте, ваша милость, о даче необходимо нужного провианту на те войска способы изобресть, и для лутчаго порядку комиссаров навстречю оным послать, то тотчас гетман Мазепа вышеписанной другой корпус к вам на помощь пошлет. А сам имеет оной ныне указ стоять межь Днепром и Припетью и смотреть на неприятельские обороты, понеже сказывают взятые языки, что неприятель больши намеряет поход свой к Украине; чего ради ему от оной отдалятися, пока совершенной о обращении неприятельском вид явится, невозможно; для которой причины и о возвращении части Украйны, Речи Посполитой надлежащей, от Палея взятой, також и господ Любомирских маетностей с фортецею Полонскою ныне совершеннаго удовольствования вашей милости учинить невозможно до скончания, дай боже, счастливаго сего воинского походу, по котором совершении вашей милости во всем том, также и в даче на войско коронное помощных денег, увидя в сей компании оного прилежность по услугам общим, удовольство учинить обещаем. В чем вашу милость обнадежа, пребывая при сем к вам всегда в приязни нашей склонный

Петр.

Дан в Горках июля в 26 день 1708[156].

№ 133

1708, серпня 20.

З листа російського резидента в Польщі О. І. Дашкова графу Г. І. Головкіну про те, що він запевнив польську верхівку в поверненні під їхню владу Правобережної України

(…) Токмо во всех конферениях гетман полный и мечник говорят, чтоб царское величество не погубил их до конца, чтоб не вступил в партикулярной трактат с шведом… (…) О возвращении Украины объявлял им, что нынешняго ради неприятелского намерения, удержана та часть Украины, а про кампании неотлочно отдастся[157].

Церковне життя

№ 134

1708, січня 13.

Дарча миргородського судді Григорія Зарудного Сорочинському монастирю

За призволеннем его царского пресветлого величества войска запорозкого его милости п: п: Даниила Апостола, полковника миргородского, яко теж и ми, Григорий Зарудний, судия полку миргор(одского), позосталие добра преставшихся од временныя сея дочасная(?) милих детей наших, як его мил(ости) славное памяти пана Матфея Gодлевского, зятя нашего, а родича его мил(ости) добродея нашего пана полковника миргородского, так и милой дщери нашей Пелагии Зарудновни, малжонки его, и детей их: Василия, Феодора, Марии и Елены, а внуков наших, до которых то

[155] Там же. — С. 772–773.

[156] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т. I (1700–1709 гг.) / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. . — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т. I. — С. 377.

[157] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Вып. 2. — С. 801.

позосталих добр будучими сукцесорами и жадаючи родителско, аби за наши змершие дети било довечное за души их по Богу молствование, як и з ласки и уваги добродейской, так теж и з нашей, надаемо у вечность на монастир Сорочинский храма святаго архистратига Христова Михаила: напрод млин, в котором куль три (две мучних, а третое ступное), стоячих на Псле, (на) гребле Портянской, а до того еще луг в острове, межи млинами стоячий; плец, где хата била и нива, которое близко села Портянок, лежачое от Барануvки; а пребиваючие монахи в том монастиру, як теперешнего времени отец Арсений строитель з братиею, так теж и по них наступуючим, належатие доходи ис тих ґрунтов отбираючы, повинны будут за преставшие милие дети наши пре оферах безкровних, при панихидах и инних правилах церковних щоденне Господа Бога молствовати и благодарения чинить довечно; на що для лепшого успокоения в держаню помененних ґрунтов предреченим монахом и сей запис до рук их подаем, с подписом рук и имен наших и под печатю нашею, которая есть до сего запису притисненна.

Року 1708, месяця генвара 13 дня.

Григорий Зарудний рукою.

Моисей Зарудний, сотник миргородский, рукою и печать приложил. М. П. М. П.[158].

№ 135

1708, березня 19. — Вітебськ.

Лист Г. І. Головкіна до М. П. Гагаріна про винагородження архімандрита Йоасафа Кроковського

Мой государь, князь Матвей Петровичь. Писали сюда Посолского приказу дьяки, что в приезде к Москве из Киева-Печерского монастыря архимандрит господин Кроковский для посвящения на митрополию Киевскую, которому надлежит дать на приезде и на отпуске соболми и мяхкою рухлядью против прежних таких же приездов, а имянно Варлама Ясинского, со всеми при нем будучими людми. О чем милости вашей донесут дьяки. Того ради предлагаю милости вашей, дабы того новопосвещенного изволили удоволствовать против прежних приездов из Сибирского приказу, понеже самому милости вашей известно, что в Малоросийском приказе соболей и никакой казны нет. А и напред сего такие дачи даваны из Сибирского приказу. А о даче же корму и прочего против прежних примеров писал я к Ивану Алексеевичи. Изволите, согласись с ним обще, для Малоросийского краю удоволствовать ево, митрополита, и при нем служителей по вашему разсуждению, дабы он с Москвы з благодарением отъехал. А о сем к милости вашей пишу для того, понеже слышали мы от великого государя, что, по отъезде с Москвы протчих, ваша милость остались во управлении дел» (В конце отпуска помета: «Таково писмо послано из Витепска марта в 19 день с Смоленским салдатом»)[159].

№ 136

1708, квітня 10. — Біла Церква.

Універсал гетьмана І. С. Мазепи

Пресвітлійшого и державнішого великого гсдря его царского влчства Войск Запорозких гетман славного чина стого аптола Андрея и Білого орла кавалер Иоанн Мазепа.

Пану полковникові білоцерковскому, старшині полковой и всему старшому и меншому товариству, всім посполитым того полку обывателем и кожному кому колвек о том відати будет належати, сым писанием нашим ознаймуем, иж з особливого респекту нашого к мнстру стого архистратига Михайла Золотоверхого киевского надаем до оного часть войсковую розміров з млына Михайла и Павла, жителей Малой Солтановки, на реці Стугні на греблі солтановской же стоячого, о двох колах мучных, а третем ступным. Которой части отбирати велебным отцем братії помененного мнстра, абы як сам пан полковник білоцерковский, старшина полковая, так и кождый з иншой старшини и черні того полку не сміли и не важилися найменшой кривды и перешкоды чинити, пилно варуем и грозно приказуем.

Дан в Білой Церквы априля 10 року 1708.

Звышменований гетман, рука власна[160].

№ 137

1708, квітня 15. — Москва.

Лист начальника Монастирського приказу І. О. Мусіна-Пушкіна Петру І з проханням дати указ, хто буде висвячувати архімандрита Йоасафа Кроковського на Київську митрополію

Всемилостивейший государь. Киева-Печерского монастыря архимандрит Иосаф Кроковский к Москве для посвящения на Киевскую митрополию приехал. И его кому посвятить? Или для посвящения повелит ваше величество ему быть в Санкт-Питербурх, понеже той архиерей, емуже достоит посвятить, чаю, в Санкт-Питербурхе при вашем величестве обретаетца? И о вышеписанном повели мне, нижайшему рабу вашего царского величества, учинить указ. Ноипокорнейший, нижайший раб Мусин-Пушкин. Из Москвы, в 15 день апреля 1708 году[161].

---

[158] *Модзалевский В.* К родословной гетмана Даниила Апостола // Киевская старина. — 1904. — № 12. — С. 141–142.

[159] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград : Изд-во академии наук СССР, 1946. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 732 (ЦГАДА, фонды Московского главного архива министерства иностранных дел, Письма разных лиц на русском языке 1708 г., № 8).

[160] *Мицик Ю.* Доба Мазепи й Палія в документах // Сіверянський літопис. — 2016. — № 1. — С. 75 (НБУ. — ІР. — Ф. XIV. — № 5401.— Оригінал, завірений підписом і печаткою На зв.: «Універсал на част войсковую розміров з млина Малой Солтановки 1708 априля 10»+ «Не владіет за ляхами гетмана Мазепи»).

[161] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Ленинград : Изд-во академии наук СССР, 1946. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 731 (ЦГАДА, б. Государственный архив, IX, дело № 1, картон 2, л. 1154).

№ 138

1708, червня 1. — Берестовець.

Купча на продаж монастирю землі

Року тисяча семъ сот осмого місця юня первого дня.

Я, нижей на підписі менованный, до відомости подаю каждому таковому, тепер и в потомние часи жиючому и о том відати хотящому, иж продалем ниву пахалную з цілиною под галами (гаями. — *Ю. М.*) лежачую, об межу з одной стороны от гаю самого ж сознавуючого пана Семена Стриевского, а з другой — от дороги идучое з Берестовця села под гала, передом от Гаврила Коваля, тилом от Яковця Литвина, за суму певную и до рук моїх отобрану таляров сім, своею власную ні кому ні в чом не пенную и не заведенную, и в жадной сумі не подписанную, их млстям, то есть высоце в Бгу превелебному его млсти гсдну отцу Иосифу Біліцкому игумену свтые обители Всемилостивого Сп(а)са Максаковския и пречестнму отцу Пахомію, наміснику и всей их о Хрсте братиї тепер жиючим и в потомние часи по них наступаючим, на вічние и непорушние часи, варуючи тое, абы до той ниви пахалной, межами вишей описанной, так жона моя и діти, яко и ніхто з близких моих кревних жадного вступу и права вічними часи не міл и не заховал. Которое то писмо право вечистое их млстям даю и ствержаю подписом руки моей власной и з подписом рук панов печатаров, то есть Андрея Постоленка, атамана берестовецкого наказного и Мартина Микитенко Рижого, войта, и Моисея Зінченка, жителей берестовецких.

Писан в Берестовці при людях зацних и віри годних, року и дня вишей описанных.

Семен Стриевский.

Андрей Семенович Стриевский.

Андрей Постоленко, атаман наказний берестовецкий, яко не уміетний, крст стий пише.

Мартин Рижий, войт, крст стий пише.

Моисей Зінченко, не знаючий писма, крст пише.

Константий Гриненко крст стий пише[162].

№ 139

1708, не раніше серпня 15.

Опис посвячення в сан київського митрополита Йоасафа Кроковського (чорновик)

1708 года августа в 14 день киевскому новообранному митрополиту Иоасафу Краковскому было наречение тако.

Сего ж августа в 14 день в обеденной благовест в Крестовой палате патриарше(й) при собрании архиереов *и освященного чина* соборной протодиакон объявлял новообранному: 1708 года августа в 8 день великий государь (полное) указал преосвященным митрополитом Стефаном рязанским и муромским, и Димитрием, митрополитом ростовским и ярославским, *и Ефремом, митрополитом суздалским,* и Калистом, архиепис(к)опом тверским и кашинским, и Антонием, архиепископом коломенским *и муромским,* тебя, новообранного Иоасафа Краковского посвятить в митрополиты на киевский престол и имяноватись Киевским и Галицким и Малыя Росии.

В то число ехал *новобранной* с подворья в Крестовую и ис Кре[стовой по прежнему на подворье] в своей карете.

И по оглашении милостивое было многолетие царскому величеству и всему сигклиту.

Потом вселенским патриархом и митрополитом и архиепископом и епископом и всему освященному собору.

Потом новообранному митрополиту Иоасафу Краковскому было ж многолетие.

При том наречении *в Крестовой* были из бояр Тихон Никитич Стрешнев, Иван Алексеевич Мусин-Пушкин.

Новообранной ехал с подворья в Крестовую, и из Крестовой по прежнему на подворье в своей корете, провожали на подворье соборные протопопы да протодьяконы.

А августа в 15 день посылано к нему, новообранному митрополиту великого государя с конюшни корета о 6-ти возниках, *при корете был столповой прикащик*, по митрополита посыланы ис собору на подворье протопопы и протодьяконы.

Ехал митрополит *в соборную церковь* с подворья в государеве корете, пред ним сидели протопоп да протодьякон.

В тож время к нему митрополиту на подворье прислано для провожанья московского гварнизона Енисейскова полку маеор Иван Крешкин с началными людьми и з салдаты. Салдат было окроме началных полторы роты числом 145 человек с ружем.

И разделя оных солдат на 3 части, одна шла пред коретою, другая позади кореты, третья по обе стороны кореты, все с фузеями *при шпагах* шли по военному артикулу и провожали до собора.

К соборной церкви приехали к южным дверям.

Постановление было в соборной апостолской церкви рязанским митрополитом и протчими митрополиты и архиепископы вышеимянованными.

В соборной церкви при постоновлении были из бояр:

боярин, князь Михайла Алегукович Черкаской,

боярин, князь Петр Иванович Прозоровской,

боярин Тихон Никитич Стрешнев,

боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин,

боярин Алексей Петрович Салтыков,

московской камендант, князь Матвей Петрович Гагарин и протчие ис комнатных и из знатных *особ* и столников.

По отправлении службы Божией был киевской митрополит в Патриаршей Крестовой.

Шли из соборной церкви наперед рязанский митрополит с протчими архиереи и со освященным собором.

Потом шел в Крестовую и киевской митрополит, пред ним несли животворящий крест на сребреном блюде.

[162] *Мицик Ю.* З документації Максаківського Спасо-Преображенського монастиря XVII–XVIII ст. // Сіверянський літопис. — 2013. — № 1. — С. 20 (НБУ. — ІР. — Ф. VIII, № 255 М/154. — Арк. — Копія XVIII ст.).

Несли *соборные* ключарь да дьякон. Митрополита вели соборные ж протопоп да протодьякон.

В Крестовой был стол. Наряд был столу из Монастырского приказа. При том столе был боярин Иван Алексеевич да окольничей князь Михайла Андреевич Волконской да дьяк Федор Ефимьев[163].

№ 140

1708, серпня 31. — Табір під Биковим.

Лист гетьмана І. С. Мазепи до Варлаама Страховського, ігумена Свято-Михайлівського Видубицького монастиря, щодо конфлікту через млини на р. Рось

Превелебний в Бгу отче игумене мнастира видубицкого, мой ласкавий гспдне отче и приятелю.

Якую нам подали супліку Левко Ерофіенко и Юрко Мелусенко з братом своїм, жителі корсунские, прекладаючи жалобу на законников вашой превелебности мнастира, од которих в млинах их на отчистих грунтах построених, чинится обида, поневаж не відать з якой ненависти там греблю их роскопали жес (?) кринку (?) вивернула, тартиці в воду повкидали. Тую ми посилаючи до вашой превелебности, велце желаем, абис ваш превелебность приказал законникам мнастира своего разорения им в млинах не чинити, а если вашой превелебности млином мнастирским од их млинов кривда чинится, теди то теж вашой превелебности правне з ними поступити, а не казати самоволне долегливости наносити. О що вашой превелебности и повторе жадаючи, млитвам богоугодним отдаюся.

З обозу у Бикова августа 31 д. року 1708.

Вашей превелебности зичливий приятел Иоан Мазепа, гетман Войска его црского пресв[етлого] величества Запорож[ского][164].

№ 141

1708, жовтня 20.

Лист київського митрополита Йоасафа Кроковського гетьману І. С. Мазепі

Ясне велможный мосць пане гетмане, мнѣ премилостивѣйший патроне и величайший добродѣю.

Богу благодарение, удостоившему мое недостоинство, прибывши ко градом отческим, многожелаемым ясне велможности вашей, аще и немоществующаго, утѣшитися лицезрѣнием. Да сподобит и впредь о скором вашей рейментарской милости слышати исцѣлении, которого яко в подаянии елеосвящения со всеми мнѣ сослужащими ясне велможности вашей усердно желалем, и молитвы, болящих исцѣляющие, пред Спасителем обще з братиею сопутшествующею излиялем. Так и с пути до вашей рейментарской милости одзиваючися, архиерейско привѣтствую: да исполнит благословение Божие ясне велможност вашу долготою дней, и да приложит лѣта животу рейментарскому за милость благодѣтелскую моему смирению и всѣм присутствующим мнѣ явленную при нижайшем поклонении моем. Велие воздаю ясне велможности вашей благодарение, которой милости и любвѣ добродѣйской навсегда себе вручивши, зостаю.

З Нежина 1708

Октоврия 20

Велможности вашой премилостивѣйшому Патронови и величайшому
блюдѣтелеви всѣх благ желающий
богомолец и слуга нижайший
Иоасаф, недостойный митрополит
Киевский. А. П[165].

№ 142

1708, жовтня 26.

Лист митрополита Стефана Яворського гетьманові І. С. Мазепі

Jaśnie wielmożny Mści Panie Hetmanie wojsk zaporożskich etc.

Mnie wielce mści Panie i osobliwy dobrodzieju

Nie atramentem, ale gorżkiemi utrapionych ludzi łzami napojony[m] piórem supplicem hanc paginam exaravi do Jaśnie wielmożnego W. M. Pana i Dobrodzieja mego, a nie tak ja, jako oni sami pro se żałośnie perorant prosząc miłościerdzia u łaskawego to jest Pańskiego serca, ja zaś potius tabellarium ago posyłając onych suppliki, jedne, gdy jeszcze tu byli na Moskwie mi podane, drugie ab ultima fere orbis Thule in quam ab acti sunt przysłane z których WMP. i dobrodziej personas causam parvittem aut nullittem culpae niektórych wyczytać możesz et ad misericordiam commoveri facundissimus orator onych mizeria, milczy język w nieszczęściu ale oczy mówią fundendo non verba s[e]d lachrimas, których jeżeli czasem (przy niewinności) nie słyszą ludzie, słyszy Pan Bóg, albowiem łzy niewinnie wyciśnione nie padają na ziemie ale na niebo, extenuantur in vapores, ascendu[n]t in co[e]lum, condensantur in nubes, mutantur in tonitrua, cuduntur in fulmina et mittuntur in vindictam. Może za nimi patrocinari u W. M. Pana i Dobrodzieja i pospo-

[163] *Кочегаров К. А.* Россия, гетман Мазепа и избрание киевским митрополитом Иоасафа Кроковского. 1707–1708 годы // Славяноведение. — 2016. — № 4. — С. 37–38 [Приложение] (Российский государственный архив древних актов. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 33).

[164] *Мицик Ю.* З нововиявлених документів Івана Мазепи та міста Батурина // Сіверянський літопис. — 2015. — № 2. — С. 146–147 (НБУ. — ІР. — Ф. 160. — № 244. — Арк. 314 зв. — Копія середини XVIII ст. Внизу документа намальоване коло, в якому написано «місто печати», а ще нижче запис копіїста: «С подлиной сводил иеромонах Иларион». Запис перед документом копіїста: «Ведлуг суппліки от Лева за (…)ой, жеби законники видубицкие кривд в млинах корсунских не чинили»).

[165] *Кочегаров К. А.* Россия, гетман Мазепа и избрание киевским митрополитом Иоасафа Кроковского.1707–1708 годы // Славяноведение. — 2016. — № 4. — С. 39 [Приложение] (Российский государственный архив древних актов. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3).

lite prawo et usitata na tribunałach iustitia vindicativa, która choć czasem non per solum caput delinquitur sed etiam per manus et pedes, jednak nie zawsze ad omnia membra suum extendit rigorem, kątętuje się jednej ucięciem głowy, daleko bardziej in tali casu gdzie sama głowa delinquit przez swoje złe i niepomirakowane zamysły. Nad wszystko zaś w tej sprawie stawa za mizernemi temi ludźmi u W. M. Pana i Dobrodzieja, który i za wszystkim światem mediację u nieba zjednał, unus mediator dzieł hominum homo X[ris]tus Jesus i bierze wielki argument ab exemplo Przedwiecznego Ojca swego mówiąc: «Estote misericordes sicut et Pater vester est misericors. Si dimiseritis hominibus peccata eorum dimittet et vobis Pater caelestris delicta vestra, si autem non dimiseritis hominibus nec Pater vester dimittet peccata vestra. Judicium ei sine misericordia qui non fecit misercordia». A nie tylko to samym słowem persuadere, nam altissimus lecz i samym uczynkie[m] tak wiele nam cierpiąc tak wiele odpuszczając, i gdyby zawsze obserwował rigorosam justitiam we wszystkich naszych występkach, nie wiem ktoby się in vivis został, «si iniquit(a)tes observaveris D[omi]ne D[domine]ne quis sustinebit», mówi Prorok, a jeżeli się godzi miscere sacra prophanis proszę dać ucho i Tomitańskiemu Poecie:

«Si quoties peccant homines sua fulmina mittat
Jupiter, exiguo tempore inermis erit.»

Tę motiva misercordiae przełożywszy W. Mści Panu i Dobrodziejowi sam padam do nog i pokornie proszę aby suum pondus u w. M. Pana i Dobrodzieja mieć mogły i śmiele obiecuję że jeżeli W.M. Pan i Dobrodziej convinci onemi zechcesz, pobłogosławi Pan Bóg in operationibus bellicis et dabet vicere hostes na których gniew ten, który jest na supłykujących przeze mnie niechaj padnie, nullum in expugnabilius scutum in bello contra hostes quam misericordia in domesticos, tą tarczą uzbrojonemu opto ex corde et promitto victorias zostając

Z Moskwy d[ie] 26
octobris 1708.

Jaśnie wielmożnego w. mści Pana i
dobrodzieja wielkiego
życzliwym i najniższym sługą i niegodnym bogomodlcą
Stephan Jaworski metropolita Riazański i Muromski

Підпис на конверті: Jaśnie wielmożnemu a mnie wielce M[i]ł[o]ściwemu Panu, Panu i Dobrodziejowi wilekiemu J[eg]o Mści Panu Janowi Mazepie Hetmanowi wojsk J[eg]o Carskiego Przeswietnego Majest(a)tu Zaporoskich, MM Panu w oddanie.

Перевод

Ясневельможный милостивый господин гетман Войск Запорожских и прочее.

Мне весьма милостивый господин и особливый благодетель.

Не чернилами, но пером, пропитанным горькими слезами страдающих людей, прошение на сем листе писанное к ясно вельможному господину и благодетелю моему [приношу], а не столько я, сколько они сами о себе жалобно излагают, прося милосердия у милостивого, иже господского сердца. Я же скорее посланца агу посылаю с их прошениями; одни были поданы мне, когда они еще на Москве здесь были, другие из почти с края света, в настоящий момент присланные, в которых ваша милость, господин и благодетель сам о ничтожности или никчемности вины некоторых вычитать можешь. Их убожество — красноречивейший оратор, взывающий к милосердию; молчит язык в несчастье, но глаза говорят, плача, не словами, а слезами, которых если иногда (в невинности) не слышат люди, слышит Господь Бог, хотя слезы, исторгнутые у невинных, не падают на землю, но на небеса, обращаясь в пар, восходя в небо, собираясь в тучи, превращаясь в гром, выковывая молнии и метая [их] в отмщение. Может их оборонить пред вашей милостью, господином и благодетелем, и право посполитое, и общепринятое на трибуналах уголовное право, которое хотя временами не только лишает головы, но и рук, и ног, однако не всегда все члены охватывает своей строгостью, удовлетворяясь лишь отсечением головы, особенно в таком случае, когда сама голова нагрешила своими злыми и неумеренными замыслами.

Кроме всего же, в этом деле вступается за этих убогих людей у вашей милости, господина и благодетеля, [тот], кто для всего света посредство у неба снискал, единственный посредник деяний человека [по отношению к другому] человеку, Иисус Христос, приводящий великий аргумент, по примеру предвечного Отца своего, говоря: «Итак будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд. Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших. Ибо суд без милости не оказавшему милости». А не только самим словом всепроникающим убеждает нас, но и самим делом, столь много терпя и столь много прощая, и если бы всегда пестовал строгость закона во всех наших поступках, не знаю, остался бы кто-нибудь в живых. «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто устоит?», — говорит Пророк, а если уместно процитировать не имеющего святости, прошу обратить свое ухо к Томитанскому поэту:

«Если бы всех, кто грешит, поражал Юпитер громами,
То без единой стрелы вскоре остался бы он»

Эти причины, побуждающие к милосердию, изложив вашей милости, господину и благодетелю, сам я к ногам вашим припадаю и покорно прошу, чтобы [они] внимание вашей милости, господина и благодетеля снискать могли, и смело обещаю, что ежели ваша милость, господин и благодетель, найдешь их невиновным, благословит [тебя] Господь Бог в военных действиях и дарует победу над врагами, на которых гнев тот, который есть на просящих через меня, пускай падет. Нет более непреодолимого щита в войне с врагами, нежели милосердие к подданным, и таким щитом вооруженному желаю от всего сердца и предвещая победы, остаюсь

Из Москвы дня 26
октября 1708.

ясневельможного вашей милости господина и
великого благодетеля
желательным и нижайшим слугой
и недостойным богомольцем,
Стефан Яворский, митрополит Рязанский
и Муромский

Подпись на конверте: Ясновельможному, а мне особо милостивому господину, господину и благодетелю, великому его милости господину Яну Мазепе, гетману войск его царского пресветлого величества запорожских, моему милостивому пану для вручения[166].

№ 143

1708, листопада 20.

Лист вдів генерального судді В. Л. Кочубея і полтавського полковника І. І. Іскри київському митрополиту Йоасафу Кроковському з проханням про заступництво та покровительство

Ясне в Богу преосвященный милостивый господине, отче митрополите киевский, наш велце милостивый господине, отче, пастиру и великий добродѣю.

Когда зачулисмо вашу пастирскую святиню з царствующого града Божиим благословением получивши високий пастирский уряд, простуючого ко граду Киеву, тогда мы, бѣдние, по мужах наших за истинну пострадавших вдовствѣ осиротѣлие, посилалисмо едного законника до вашой пастирской святинѣ, милостивого нашего добродѣя, просячи о поважную вашего святителства до его, измѣнника, бившого гетмана, инстанцию, жебы нас бѣдных з так горкого и незносно печалного заключениа вчиныл свободними. Аже он великому государу прелестию своею бывши великим здрайцею, не учинивши на так поважное вашего святителства смиренное прошение, и по сее время в том же горком заключении нас, бѣдних, нудил, для того, же хотѣл нас цѣле отдати шведу. А же Господь Бог истинними своими судбами Божескими яко невинност панов наших и великое терпение в увѣрение всему народу объявил, так и нас бѣдних в самую великую, в страшную руину над непокоривими людми великому государу, в Батуринѣ ставшуюся, од той тяжкой неволѣ свободил, подавши нам для випроваженя з тоеи непокоривой и страшной руини до належитих мѣст черницю, которая нас одтол и вивела. А же мы Божиим изволением от той тяжкой неволѣ свободившися, намѣрилисмо были ехати в дом отца нашего к Полтавѣ, в Жуки, едно для получениа и благословениа отцевского, где нас в той дорозѣ повелением великого государа од сиятельнѣйшого князя Александра Даниловича Меншикова, тамо бил *зашол* указ, жебы мы бѣдние сироти совокупне з наймилшим сыном нашим Василием Кочубеем для получениа милости пресвѣтлѣйшого нашего монархи становилися в Глухов. Прето мы радыбисмо вседушне, як найскорей поспѣшитися *к пренайсвѣтлѣйшому монарсѣ великого нашего государа или где инде его царское величество обращем*, еднак же вчинилася нам великим препятием полковника полтавского измѣна, же за их ко великому государу неповолною склонностью и великим бунтувством самих их старших, не дали нам в дому отца нашего в Жуках в тую дорогу убратися, аж мусѣлисмо устрашившися полковника полтавского измѣны, зъехати в Харков, ожидаючи наймилшого своего сина к себѣ. И гдыж он, сын наш по вказу сиятелнѣ(й)шого князя рад бы вседушне до царского величества поспѣшитися, тилко ж не может сим боком Днепра за надближением ув украинние городы того измѣнника бывшаго гетмана з головним неприятелем шведом проехати, вшак же к нам написал свой лист, остерегаючи матку свою, жебы мы як могли вдавалися в великоросийские городи, а он, сын наш, тим боком Днепра мѣл прибути, особливе *яко* для одданя вашой архипастирской милостивого своего добродѣя уклону, другое, просячи вашего святителства к великому государу о поважную за ним, сыном, нашим, и за нами бѣдними [пре]зр(е)ннѣйшими сиротами позосталими, милистивую причину, кгдиж тепер ведаючи, и мы певне, же не можна сынови нашему одтоль з Крилова прибути, просимо з кривавими слезами всенайпокорней вашой архипастирской милости, нашего великомилостивого отца и добродѣя, яко о поважную и годную вашу архипастирскую к великому государу инстанцию, так и одтол сына нашего свобождение, жебы он вглядаючи на вѣрную и зычливую отца своего и дядка присакгу, того измѣнника лстивим словам не был примушен. О тое и повторе вашой архипастирской милости отца и мислостивого нашего добродѣя слезне вложеня такого просячи, вашим святителским милостивам навсегда полецаемся, зостаючи.

Вашего превосходящего святителства
желателныи рабынѣ
З Харкова ноемврия 20 дня
бѣдние сыроты и подножки
Року 1708.

Жуковны
Васлиовая Кочубеева
Ивановая Искрина.

[Подпись на конверте:] Ясне в Богу преосвященному его мылости господину отцу Иоасафу Кроковскому, митрополиту киевскому, нашему велце премилостивѣйшому господину отцу и великому добродѣеви препокорствено[167].

---

[166] *Кочегаров К. А.* Неизвестное письмо патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского гетману И. Мазепе [Приложение] / Славянский альманах. — 2016. — № 3–4. — С. 417–421 (Российский государственный архив древних актов. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 3).

[167] *Кочегаров К. А.* Россия, гетман Мазепа и избрание киевским митрополитом Иоасафа Кроковского.1707–1708 годы [Приложение] // Славяноведение. — 2016. — № 4. — С. 39–40 (Российский государственный архив древних актов. — Ф. 124. — Оп. 1. 1708 г. — Д. 87).

Клятва мазепинців у Білій Церкві

№ 144
1708, травень. — Біла Церква.
З листа 1721 р. Пилипа Орлика до Стефана Яворського про клятву старшин боротися спільно проти царя

И с тых прето мѣр разсуждая и жестокость уложения Великоросийского на доносщиков узаконеннаго и душе-пагубное клятвопреступление и безчестный и мнѣ и дѣтем моим предателства порок, колибаемся умом и неспокойными по всяк день мыслями. А тѣм временем получил в Бѣлой Церкви Мазепа перш в собственноручном царского величества писмѣ, потом в публичных грамотах, милостивое его ж величества обнадеживане, что как Кочубею, так и впредь иным на непорочную его Мазепы вѣрность клеветником, никакая вѣра не подастся, но всяк таковый восприимет достойную казнь. (…) Обозный енералный Ломѣковский и полковники Миргородский и Прилуцкий, до которых присовокупился на потым и Лубенский, видя Мазепу в боязнѣ и в небезпеченствѣ, часто ему в Бѣлой Церквѣ стужали, чтоб и о своей и о общой всѣх цѣлости промышлял, обѣщая, при его достоинствѣ и при оборонѣ прав и волностей войсковых до крове, стоять, и в наиболшом нещастю не отступать его, яко вожда и рейментара своего, а чтоб о постоянной их к себѣ вѣрности и доброжелателствѣ не усумнивался, просили его о клятвенную роту, с которой бы могли ему на вѣрность свою присягнуть, соизволил Мазепа по долгом себѣ о тоя стужании, и велѣл обозному енералному Ломѣковскому, абы он сам такую, якая им угодна будет, клятвенную роту написал.

Исполнил тое Ломѣковский по согласию своих единомыслеников, и написаную от себе роту подал Мазепѣ, которую он исправивши и призвавши их там же в Бѣлой Церквѣ пред себе, одобрал от них на вѣрность к себѣ в избѣ своей приватне присягу с цѣлованием креста и Евангелиа святаго, а потом и сам на том же Евангелии присягл им в таковых же терминах, як и пред мною в Печерском присягал. И для того-то, по многокротных царского величества указах, полковника Миргородского Мазепа под арешт не брал, но всячески его охоронял, понеже он был с ним в согласии поприсяжном[168].

№ 145
1708, травень.
З листа 1710 р. київського воєводи Д. М. Голіцина гетьману І. І. Скоропадському про арешт кількох мазепинців та приймання ними присяги боротися проти царя

(…) Как Мазепа приводил к Бѣлой Церквѣ единомышленников своих ко кресту, чтоб против Царскаго Величества и отчизны своей бунтовали, и ѣздил тогда Зеленский из под Нѣжина в Лубны, и прельщал полку своего старшину к тому ж бунту, и с тои старшины тому Зеленскому на оное злое дѣло паче других и прежде всѣх к присягѣ пришел и крест цѣловал оный Обозный с сыном…[169]

Хитрування І. С. Мазепи, старшини, аби втримати військо в Україні

№ 146
1708, після липня 14. — Фастів.
Лист гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову з аргументацією причин, чому не можна виводити залишок козацького війська з України

Свѣтлѣйшій и високопочтеннѣйшій Римского и Россійского государств, Ижерский князь, господине, господине, любезный мой брате и особливый благодѣтелю.

Вчерашего дня при отправѣ посланного вашей княжей свѣтлости господина маеора за настоящею своею хирогричною и головною болѣзнію и за многодѣлствіем забыл донесть вашей княжой свѣтлости в писаніи моем многих под сее время трудностей и внутрних смятеній, и просить себѣ в тых обстоятельствах благоразумного вашей княжей свѣтлости совѣту и наставленія найпаче в том: сіятелнѣйший граф его милость Гаврило Иванович Головкин пишет до мене многажды и через моих, и через своих нарочных куріеров, чтоб я спѣшным маршом шол к Стародубу для отпору наступленію непріятельскому.

Которому я ради малолюдствія, при мнѣ обрѣтающагося, жадною мѣрою резистенціи учинить не могу, понеже большо войска городового, великороссійского, сердюков и едноей компаніи совокупя в едино число, над 5000 при себѣ неймѣю, ибо полк сердюцкий един в Бѣлой Церквѣ, а два полка великороссійскіе пѣхотные в фортецѣ Печерской, посланые на перемѣну полку Гадяцкого, отправленого в Полщу на суккурс. И хотя тые два полка велѣл я перемѣнить господину Неплюеву ратными комманды его людьми и ити вслѣд за собою, обаче оные в пути умедлят и не знат когда до мене прибудут, да и в тых четырех великороссийских не

[168] Письмо Орлика к Стефану Яворскому // Основа. — 1862. — № 10. — Исторические акты. — С. 20–21.
[169] Материалы для отечественной истории. Издал М. Судиенко. — К. : Университетская типография, 1855. — Т. 2. — С. 18.

коных, голых и босых полках, при боку моем обрѣтающихся, больш над 2000 не зберется, яко сами господа полковники сказуют (з которых четырех полков два в фортеце Печерской осталися) и если прибуду к Стародубу, то развѣ пойду в самый город в осаду.

А тут в Украйнѣ внутрний огонь бунтовничий от гултяев, пяниц и мужиков во всѣх полках начал разжигатися, которыи, услыша о вступленіи в Малороссийский край непріятельском и о моем к Стародубу малолюдном отдаленюся, всюда в городах великими купами з кіями и оружем ходят, арендаров бют и в смерть забивают, горѣлки насилно забирают и выпивают, яко уже в полку Лубенском арендара и ктитора забили в смерть, в Мглынѣ сотника тамошнего косами порубили и списами покололи, з Сосницы сын обозного моего войскового енералного насилу з жоною своею бѣгством спаслся, в Гадячом на замок тамошний наступали, хотячи добро мое там розграбити и господара убити, которого постигла бы смертная кончина, если бы з мѣщанами от тых гултаев не отстрѣлялся, а воздвигнули тое внутрнее смятеніе так козаки, во время партикулярной баталіи от непріятеля роспорошеныи, подобно под Кадином, который розбигшися в полки, огласили, будто войска всѣ великороссійскіе и малороссійскіе непріятель розгромил, яко и люде полку Стародубовского, великими таборами уходячи в дальніе мѣста, которыи межи непостоянным народом неистовыми словами розсѣяли тые плевелы, будто они паче от войск великороссійских бѣгут, что села всюда будто в полку Стародубовском жгут и рабуют, а непріятель будто им жадного разоренія не чинит, которыми повѣстями воздвигнулся в простом малодушном народѣ мятеж и роптаніе, а межи гултаями своеволя.

А до того опасность и в том великая, что два предводители гултяйскіи един Перебийнос, а другий Молодец, прибравши к себѣ своеволцев, а найбольш великороссійских людей донцев на 2000, понад берегом Днѣпровым в полях шатаютца, и людей розбивают, да и от Полщи небезопасно, понеже, як сіятелнѣйшій граф его милость пишет до мене, что Станислав к Кіеву идет, тако и резидент мій при господине Сѣнявском пребывающий, тое ж подтвержает. Разсуди убо, ваша княжая свѣтлость, своим высоким благоразуміем, якая в том польза будет интерессом монаршим его царского величества всемилостивѣйшего нашего царя и государя, если я пойду в Стародубовщину едного токмо полку боронить, а тут всю Украйну в таковых трудностях, опасностях и в начинающемся бунтовничом пожару на крайнее разореніе оставлю, а не дай Боже еще мне якого там от непріятеля нещастя, то який оттуду воспланется огнь внутрній, поразумѣть мощно.

Изволь убо ваша княжая свѣтлость, яко ближайшій монаршего боку и тайных его государственных дѣл первейшій и поуфалший министер, от Бога дарованным себѣ премудрым разумом и и[скус] ством наставити мене, як мѣю в таковых трудностях и в указах поступить и спр[...]. Вашей княжей свѣтлости прося его ж[...] мя неп[...] чаю и [...][170].

№ 147

1708, жовтня 6.

Лист гетьмана І. С.Мазепи графу Г. І. Головкіну про неможливість його походу до Стародубу через бунти в Україні

Сиятелнейший и превосходителнейший г[о]с[по]д[и]не, г[о]с[по]д[и]не истинный мой приятелю и особливый бл[а]годетелю.

Еще по первом Его Ц[а]рского Величества всемилостивейшего моего ц[а]ря и г[о]с[у]д[а]ря указу в почтеннейшем В[а]шей Велможности листе, изображеном и врученом мне через г[о]с[по]д[и]на Юр[ь]ева, оставя восприятый поход к Белой Церкви, возвратил войско рейменту моего от берега Днепрового, где передовые стали были уже Днепр переправлят[ь], и пребываю н[ы]не в маршу, спешно идучи, сколко силы стает, на назначеное место к Стародубу. А понеже в том помянутом В[а]шей Велможности листе написано, чтоб я ишол от Чернегова к Стародубу, того ради прежде восприял был пут[ь] трактом на Чернегов до реки Десны, которую хотел был переправлят[ь] под селом Кочевкою. А по получении от полковника стародубовского и от языков, близ Стародуба взятых и до мене присланых, ведомости, что неприятель со всею потенциею вступил уже в полк Стародубовский, оставя то тракт на Чернегов, иду тепер по над Десною ку Стародубу, ожидая к себе пришествия з Печерской фортецы двох великороссийских, салдацкого и стрелецкого, полков, которые велел я переменит[ь] г[о]с[по]д[и]ну Неплюеву двома комманды его полками, а з тыми, якие были в Печерском, спешит скоро до боку моего. Токмо многие трудности, зде последующие, предаю бл[а]горазумному В[а]шей Велможности разсуждению, о которых изволь, В[а]ша Велможност[ь], и Его Ц[а]рскому Величеству всемилостивейшему моему ц[а]рю и г[о]с[у]д[а]рю донест[ь]. Первая, что при мне малое число войска, з которым безсилен есм так великой потенции неприятелской резистенцию чинити и в пути удерживати. И если тое мое доношение будет невероятно, то изволь, В[а]ша Велможност[ь] кого нибуд[ь] от боку своего в обоз мой сослат[ь] и присмотритца, якое при мне и в яком числе войско, з которым хотя б и двом Инфлянтом в совокупление прийшол, то в полю так силному неприятелю препятия чинит[ь] и оного удерживат[ь] не возмогл был, разве бы сам и з тым же войском в осаду до Стародуба пошол. А на пехоты великороссийские, при боку моем пребывающие, малая надежда, понеже во всех четырех полках на две тысячи болш не зберетца, а и тые (кроме единаго полку г[о]с[по]д[и]на

[170] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — С. 247–249 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 64. Л. 1–3. Подлинник. Без окончания).

Вестова) все босые и голые, что и межи сердюками чинитца, которыи от м[е]с[я]ца генваря в походах обретаючися, ободралися и в н[ы]нешних настоящих холодах не без нужды пребывают. Да из тых четырех великороссийских пехотных полков два токмо при мне зостают: г[о]с[по]д[и]на Анненкова и г[о]с[по]д[и]на Нечаева, а другие два, з фортецы Печерской, Б[о]г вест[ь] як скоро мене постигнут. Сердюцкий такожде полк, самый надежднейший, в фортецы Белоцерковской оставлен, понеже там жадного не было гварнизону. Другая трудност[ь], а тая ест[ь] найболшая и в здешнем народе велми опасная, что под н[ы]нешнее неприятелское наступление всюда по городах и селах внутренее начинает разширатися между народом непостоянным от гултаев и пяниц смятение, которыи, великими купами по корчмам с киями и з оружем ходячи, горелки насилно забирают, куфы рубят и людей забивают. Яко и тепер[ь] пишут до мене з Лубен, что там гултаи, попившися насилно забраною горелкою, арендара и ктитора насмерть убили и старшины чут[ь] не позабивали, если бы бегством не спаслися. Таковый же мятеж умножается и во всех полках, а найпаче в Полтавском, Гадяцком, Лубенском, Миргородском, Прилуцком и Переяславском. А тепер[ь] уже и в смирнейших полках начинает тое ж зло внутрнее вкоренятися, яко то в Чернеговском и Стародубовском, такожде и в Нежинском, понеже писал до мене полковник стародубовский, что шевци, кравци и все посполство в городе самом Стародубе в дворе войта тамошнего, учинивши з киями нападение, склеп отбили, вина ренские и секты, в земли закопаные, повыбирали, а в инших дворах куфы з горелками позабирали и, попившися, жидов 50 в смерть побили. А в Мглыне еще пред пришествием неприятелским сотника тамошнего смертным боем били, в турме три дни держали, и если бы товариство тоей ж сотни не свободили его, то мусил бы и смертию пострадати. Там же и арендаров хотели позабивати, если бы в лесы не поуходили. А в полку Чернеговском з Сосницы с[ы]н обозного генералного насилу от гултаев з худобою своею в ночи уйшол. И по инших городах тое ж чинится, откуль по всяк день пишут до мене старшина городовая, просячи помощи и заступления от таковых бунтовников и мятежников, которых возбудили до тых бунтов и своеволи козаки тыи, якии, будучи роспорошены во время партикулярной баталии с шведами при енералах Боуру и Инфлянту, в рознь розбиглися и, прибывши в городы, оголосилис[ь] тое всюда, будто неприятель не токмо их, но и войска все великороссийские розгромил. И хотя посылал я указы, чтоб таковых непостоянных беглцев ловили и до вязеня давали, обаче ни единого еще не зымали, понеже они, укриваясь должняго караня, иншии з них побегли до Сечи, а иншии на тую сторону Днепра и в речки полевые. Навет и самого Зарудного, судию миргородского, который от мене посылан был при г[о]с[по]д[и]ну Соловом для запроваженя пятотысячнаго числа выборнаго войска под комменду Скоропацкого, полковника стародубовского, не могут изследоват[ь], где н[ы]не обретается, ибо и в дому своем еще не бывал. Придали такожде надежды и смелости до такого ж смятения непостоянному народу люде полков Стародубовского, Чернеговского и сотен засеймских, которыи многочисленными купами и таборами, от наступления неприятелского уходячи, в далние полевые полки идут и о вшествии в Украину неприятелском оголошают многими неистовыми словами. Да и тое разсуждения и опасности великой требует, что два гултаи, един Перебийнос, а другий Молодец, собравши к себе таковое ж единомыслное гултайство, з которых первый на 800, по половине з донцами, рускими людми, а другий на 1000, такожде по болшой части донцев, меючи при себе своеволцев, по над берегом Днепровым плутуются и людей розбивают, до которых и тепер[ь], як вода, гултайство плывет отвсюду. И если я з войском отдалюся от Украины в полк стародубовский, то обавлятца надобно, чтоб тыи ж гултаи не учинили и на городы нечаянного (от чого сохрани, Б[о]же) нападения, где знайдут непостоянный посполитый народ единомыслный себе и злому своему намерению сопомоществующий. Да и от Сечи ничого быть безопасным. И того ради як полковники, так и старшина полковая з сотниками велми негодуют и не бл[а]говолят в том к Стародубу походе, которыи хотя всякую мне в очи будто являют к тому походу склонност[ь] и не противятся указу монаршему, обаче и тое говорят, а найпаче за очима переговаривают и ропщут, что я их з войском в Стародубовщину веду на крайнюю погибель жон, детей и худобы их. Понеже если тепер[ь] гултайство и посполство, чуючи мене еще внутр Украины з войском, начинают бунты и внутрний возгнищают забойством, рабунками и пянством огнь, далеко ж барзей тогда похотят злое свое намерение в совершенство приводит[ь], людей честных и богатших забиват[ь] и худобы их разграблят[ь], когда я з войском удалюся. И не знаю, если то полезно интерессом Его Ц[а]рского Величества всемилостивейшего н[а]шего ц[а]ря и г[о]с[у]д[а]ря будет, если я в Стародубовщину зайду, а тут, в Украине, начнутся бунты, убийства и внутрнее смятение, до которого уже злые пред[ъ]идут начала, вышше воспомянутые, а предварит[ь] мне оных нечим для малолюдствия. И хотя б желал послат[ь] принамней в тые три полки — Полтавский, Гадяцкий и Лубенский — для поскромления начинающейся там своеволи гултайской людей или великороссийских, или компании (понеже городовых опасно посылат[ь]), обаче ради малолюдствия трудно того учинит[ь], а звлаща, что компанию едну токмо при себе имею. И для того в тые полки потребен бы был г[о]с[по]д[и]н Неплюев, который з весны через целое лето даже до сего времени по ординансу моем меж полками Полтавским, Гадяцким и Лубенским ради обережения того краю стоял. Тылко ж нелзя было и тых пехотных двох полков в фортеце Печерски оставлят[ь], которые он, г[о]с[по]д[и]н Неплюев, мусил своей комманды двома полками переменити. Третяя трудност[ь], что Станислав (яко Ваша Велможность в листе своем пишеш) идет к Киеву, о чом и я мею от резидента моего, при г[о]с[по]д[и]ну Сенявском пребывающего, пересторогу; и, по видимому, меет быт[ь] правда, понеже войска

противные литовские и дивизия Шмыгелского з инными неприятелскими партизантами не всуе на Волынь пришли и от килка н[е]д[е]ль около Володимера, Сокаля и Луцка стоят. И если (чого не дай Б[о]же) к Днепру тые враждебные войска з Станиславом прийдут, то хто тут будет им переправы и приходу на сию сторону Днепра боронити, когда я з войском в полк Стародубовский удалюся. А найпаче во время н[ы]нешней настоящей суши на многих местах так Днепр повысыхал, что вброд конми через оный проездят. А межи Переяславлем и Трехтемеровом два броды так мелкие внов на Днепре явилися, что чрез оные люде возами ездят; для чого и без мостов и поромов был бы неприятелю свободный проход, если его нихто не станет удерживат[ь] и в переправе препятия чинит[ь]. А когда уже, сохрани Б[о]же, невозможно там тоей стороны и людей бедных тамошних от неприятелей оборонит[ь], которую спустит[ь] бы на Его ж Б[о]жественное защищение, то принамней сию сторону треба старатца при помощи Вышняго так от наступления неприятелскаго, яко и от внутрняго смятения охоронит[ь]. А якая ж будет оборона, когда я в Стародубовском полку от сего краю удаленный буду зостават[ь], чаю, ради малолюдствия безделно, понеже (яко вышше воспомянулося) отпору неприятелев чинит[ь] и удерживат[ь] его не имею с ким, разве или, явившися там, с неславою уступат[ь], или в осаду до Стародуба внийти. А тут з другой стороны через Днепр от Волыня свободный войскам враждебным оттвореный будет пут[ь] и вход. И тут в Украине своеволи гултайской и начинающемуся смятению бунтовничему умножится надежда и дерзновение. Что все изволь, В[а]ша Велможност[ь], благоразумне разсудит[ь] и, о всем том милостиво Его Ц[а]рскому Величеству всемилостивейшему н[а]шему ц[а]рю и г[о]с[у]д[а]рю донесши, немедленную мне прислат[ь] резолюцию.

Универсалы в малороссийские рейменту моего городы, где пристойно, велел я выдат[ь] з канцеллярии войсковой, з таковыми указы, чтоб жители малороссийскии со всякими харчовыми вещми, такожде з вином, с пивом и с овсом в обозы войск Его Ц[а]рского Величества великороссийские ехали и продавали, обнадеждивая их, что за все будет им плачено поволною ценою без всякой обиды, о чом и прежде сего указу Его Ц[а]рского Величества и по писму В[а]шей Велможности были таковые ж от мене в универсалах розосланы указы. Токмо ж сумневаюсь, чтоб кто з здешних жителей малороссийских отважился ехат[ь] з харчю или з вином и пивом, понеже люде Стародубовского и Чернеговского полков, избегая от наступления неприятелскаго, велми народ увесь потривожили и ужаснули. А до того розголосилося и тое по Украине, что многих таковых промышлеников, попавших с харчею и з вином войскам неприятелским встречю, в неволю побрано, а инных в смерть позабивано.

Пакет писм рукам г[о]с[по]д[и]на Дашкова, надлежащий без всякаго умедления, сего ж дня по отправлении того моего до В[а]шей Велможности листа отпущу с нарочным моим посланцем в обоз коронный, где г[о]с[по]д[и]н Дашков обретаетца. Впрочием же пребываю навсегда непременне

В[а]шей Велможности всех бл[а]г истинный желател[ь]
и слуга
Иван Мазепа, гетман
рукою власною.

З обозу от реки Десны
Октовр[ия] 6 року 1708[171].

№ 148

1708, не пізніше жовтня 16.

Чолобитна козаків Лубенського полку гетьману І. Мазепі

Ясне велможний мосць пане гетмане,
нам велце милостивий пане и великий добродею

Яко перед сим в Салтиковой Девици за щасливе Божиею помощию уварованним пресветлейшому Монарсе нашему Его Царскому Пресветлому Величеству над неприятелями звитязством под час одправованя триумфу билисмо чолом велможности вашой словесно отческого милосердия просячи, абысмо от намеренного за Десну походу были уволненни; так теперь поневаж нас остатняя до того принагляет потреба, покорне упадаючи до стопи ног велможности вашой супплекуем: соизволь велможний милостивий пане общим своим ку нам милосердием нас от того походу отвратити: кгдиж целе его не можем отправити для тих причин: же войска наши козацкие то частми, то целими полками разделенни и от рейменту велможности вашой по границе и по сторонам отдаленни зостают. Мы тепер в малом барзо числе знайдуемся, а и так некого болше, тилко жони и дети самие в домах оставилисмо. До того за щолетними частими войсковими походами так обнищалисмо, же найболшей з нас обпешалии, голии, босии и нечого отнюд не меючии, и тут не можем за досит услужити, не жебы за границю отити от Отчизни нашей. А так явное зо всех сторон видим небезпеченство от наступления неприятелского, а особливе яко нам товариство полков Нежинского, Переяславского и нашего Лубенского от нужд на службе там в Стародубщине оным біваючих поуходивши такие беди там бити оголосили, же едних казаков в фортецу невиходимо запровадено, инних для приватних услуг необыклих в полки розобрано, а инних

[171] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 5. Письмо гетмана И. С. Мазепы графу Г. И. Головкину о невозможности его похода к Стародубу из-за мятежей на Украине и угрозы со стороны войск С. Лещинского // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 3а. Л. 655–660 об. Подлинник. Подпись от «и слуга» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-05-1708-pismo-getmana-mazepy-grafu-golovkinu-o-nevozmozhnosti-ego-pohoda-k-starodubu.

долегливостей, которие на той службе будучи товариство поносит и в супплеце тут не виражаем: тое однак велможности вашей пану нашему милостивому жалосне прекладаем и за найбольшую тяжест и болезнь сердечную себе бытии узнаем, же деди и отци наши от самой Чигиринщини на турецких войнах и мы на Азовских, Казикерменских, и на Шведских по Инфлянтах, Курляндиях, по Полских и Литовских сторонах верне служачи, много за честь Монаршу Его Царского Пресветлого Величества козацкой крве проливали, голови положили, и вперед до згону жития нашего зичливе верне щире не щадячи здоровя своего служити должни зостаем. Еднак же яко от стародубских полчан в наши городи избеглих и наших там в Стародубщине на службе зостаючих полчан уведомленни зостаем, якож и самы тут чого от веку не бывало, поносим тое ж: же служивии люде великоросийские где колвек чи по базарах, чи в посиденях, чи в якой лучится компанеи нас казаков так верне Пресвелому Монарсе Его Царскому Пресветлому Величеству служивших и служачих зменниками называют и горшей нас митят, ганблят и безчестят. Тые ж знову збеглце полку Стародубского явне всем оголосили: многие з ных то запаленем домов, то рабованем худоб их в полку том починенним и чинитися допускаючим до такой прийшли нищети, же которие и добре мелися, тепер нечого не меют. Теди и мы, жони самие и дети в домах зоставившие, когда пойдем туда за Десну, чого болшей сподеватися меем? Если не явного, от чого нас Бог да сохранит, неприятелского небезпеченства, и если не такових же нужд вышей спецефекованних там зостаючим козакам бываючих! А в домах без бытности нашей тоей, як и в Стародубщине руини! Повторе прето упадаючи до стопи ног велможности вашой рабско просим, абысмо по отческой ласце и милосердию велможности вашой от своей Украины за Десну не были удаленни: тут в Отчизне як сил наших ставатимет по премощнейшому указу отпор непреятелеви давати и за монархи своего Его Царского Пресветлого Величества достоинство умирати повинни будем. О которую милость рейментарскую по трете и по десяте просячи до конца жития нашего о многолетствии и добром велможности вашой здоровю Господа Бога благати долженствуем.

Велможности вашей пана нашего велце милостивого найнижние слуги и подножки старшое и меншое товариство и вся чернь полку Лубенского[172].

№ 149

1708, жовтня 19. — Борзна.

Лист гетьмана І. С. Мазепи графу Г. І. Головкіну про небажання старшини йти до Новгород-Сіверська та бунтування козаків

Сиятелнейший и превосходителнейший г[о]с[по]д[и]не, г [о]с[по]д[и]не истинный мой приятелю и особливый бл[а]годетелю.

По получении от В[а]шей Велможности почтеннейшего писания о походе моем с войском к Новгородку, когда я отправил полковников с обозом к назначеному и указаному месту трактом надлежащим на Новые Млыны, а сам приостался был на время в Салтыковой Девеце, ожидая тамо или смерти, или в крайней моей болезне облегчения, которое если бы получил, положил был в намерении рекою Десною в судне водный восприяти пут[ь] для вредителной и всецелому здравию настоящей груды, тогда помянутые рейменту моего полковники от Борзны с обозу прислали до мене от себе писаний лист в том, что старшина их и сотники знатнейшим товариством и атаманею куренною, пришед к ним с великим воплем, подобным образом, яко и в Салтыковой Девеце во время бытности г[о]с[по]д[и]на Озерова (чого они на завтрее жалели и о прощении просили, обещаясь туда ити, куда им повелят), просит[ь] их начали о ходотайство до мене, чтоб им нейти за Десну, и так при упоре стали, что и з места от Борзны не хотели двигнутися, пока от мене на тое свое прошение не отберут резолюции. Для чого они, полковники, в писании своем просили мене о тое, чтоб я якимколвек способом сехал в обоз, хотя при всеконечной моей болезне, дабы тим приездом моим пресеч могл токовий войска реименту моего непостоянный мятеж, о чом совершенней В[а]ша Велможност[ь] выразумееш з листа того ж самого, от полковников до мене писаного, который для ведома до рук Вашей Велможности посилаю. Я убо по тому их, полковников, писму, предварая, да не с толикой молвы возрастет болшое в войску смятение, хотя при великой своей и крайней болезне, велел себе там в Салтыковой Девеце вложит[ь] в судно аки разслабленнаго, в котором прыплыл к Макошину рекою Десною, а оттуду приехав, аще и з великим трудом и болшим здоровя моего повреждением, санми к Борзне, послал в обоз генералную старшину с таковым предложением, что я и сам по указу Его Ц[а]рского Величества всем[и]л[о]стивейшего н[а]шего ц[а]ря и г[о]с[у]д[а] ря, не щадя при блиской моей кончине и последняго здоровя, йду к Новгородку елико могу, и дабы и оны, отставя тот противний повелению монаршему мятеж, под н[ы)нешний найпаче случай, когда нам надлежит за достоинство его ж монаршое, за веру православную и за отчизну свою даже до крове противо неприятеля стат(ь) без всякого прекословия и умедления, и шли (взирая на мене весма немощнаго) до указнаго места и куда случай военный позовет. Однако ж посланныи мои генералная старшина ничтоже толиким и многим предложением успеша, ибо старшина, сотники и атаманя куренная, со всем товариством собравшися, не токмо многими неистовными и противными словами от того походу за Десну отрецалися, но и супплики, от себе до мене писанные, до рук тоей ж генералной старшины подали, которые я для ведома Его

[172] *Кочегаров К. О.* Участь козаків Лубенського полку в придушенні Башкирського повстання 1704–1711 рр. // Український історичний журнал. — 2010. — № 6. — С. 29–30 (Російський державний архів давніх актів. — Ф.124. — Оп. 1 (1708 р.) — Спр. 3).

Ц[а]рскому Величеству всемилостивейшему моему ц[а)рю и г[о|с[у|д|а]рю до рук В[а]шей Велможности посылаю и, себе самого непременной В(а)шей Велможности любве, приязне и ласце навсегда вручая, пребываю.

В[а]шей Велможности истинный
доброжелателный приятель
и слуга Иван Мазепа, гетман
рукою власною.

З Борзны октоврия 19 д[ень]
року 1708[173].

№ 150

1709, липня 26.

Зі свідчення лубенського полковника Дмитра Зеленського про те, як він підписував чолобитну до російського командування за наказом гетьмана І. С. Мазепи про «бунтування» війська

(…) Писмо к Мазепе о том, что будто войска хотят бунтовать з другими полковниками писал, и казакам челобитные о том же писать приказывали они по приказу ево, измѣнника; а такого к бунту в войске намѣрения, как в писмѣ их и в челобитных писано, не бывало. А для чего Мазепа то дѣлать им приказывал, того он не вѣдает[174].

Повсякденне життя старшини

№ 151

1708, січня 28. — Прилуки.

Універсал прилуцького полковника Дмитра Горленка про підтвердження та розширення прав прилуцького кравецького цеху

Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорозкого полковник прилуцкій Димитрій Горленко.

Всѣм кому о том вѣдати належит, а особливе пану войтовѣ и бурмистром прылуцким так теж войтам по селах в сотнѣ Полковой Прылуцкой найдуючимся, вѣдомо чиним сим унѣверсалом иж суплѣковал до нас цехмистр кравецкій з братіею своею, покилкократне прекладаючи то, же оним великая в том дѣется долегливость, що не тилко барву на войско пѣхотное по указу ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана щорочне шыют и до двору нашего полковничого всякую кравецкую на челяд роботизну всегда отправуют, але надто над звичай давній і иле волности, д[о] стацѣи роковой гетманской и нашой подвод і инщых людем посполитим обиклой тяглости оних притягают и прымушают, и просили у нас такового респекту, аби от того, що над давній звичай на них вымагается, цех их бил волним; ми прето, давши мѣстце так слушному прошеню их и респектуючи на то, иж они іздавна и тепер на войско пѣхотное по указу ясневелможного добродѣя его мил: пана гетмана щорочне барву робят без жадной нагороды и от двора нашего полковничого, яко и за антецессоров наших, прежде бившых панов полковников не меншая цеховѣ их работизною приключающыхся на челяд потреб, дѣется докука, и овшем и от наездов в роботѣ кравецкой и кушнѣрской частократне бивает им долегливост, удовляем всѣх здавна в цеху кравецком обрѣтаючихся людей, в городѣ Прилуцѣ п по селах до полковой Прилуцкой прилеглих сотнѣ мешкаючих, от роковой зсыпаня стацѣи, так до двору ясне велможного его милости пана гетмана, яко и до нашего полковничого належачой, либо который з ратѣ их волом едним албо и двома, хлѣба пашет и пахати будет так теж уволняем от воженя подвод притрафляючихся, кромѣ таковой навалной потребы, под час которой и козаки от подводъ видання не могли би бити волнимы: надто уволняем от всякого жнива, кошеня и воженя сѣна на потребу войсковую и нашу, от податков (кромѣ мѣсячного на компанцовъ даючогося) и от инших всѣх людем посполитим звычайних тяглостей, мѣют еднак они и повинни будут ремеслом своим войсковую, то есть когда колвек указоватимет потреба, на войско пѣхотное робити барву и до двора нашого по давнему обикновеню, що колвек будет, на челядь шити іли направовати, потребою отбувати повинность.

Побори теж самие тилко цеховіе и податки ведлуг давнего звичаю знати, и тими з цехом, а не с посполитими людми, общой городовой потребѣ бити прикладними, таковую теди респектом цеху кравецкого волю нашу всѣм, кому о том вѣдати належить, обявившы [волю], пилно мѣти хочем и грозно приказуем, аби ка[ж]день з войтов, и иншой старшини городовой прылуцкой и сѣлской, над тую оному и найменшаго утяженя чинити не важился, а мѣл бы кто против виразной волѣ нашой таковой якую колвек тому цеховѣ кравецкому чинити долегливость, таковій жестокого от насъ неуйдет наказания, упевняем.

Дан в Прылуцѣ, року 1708, месяця иануария 28 дня.

Звишменованій полковник прилуцкий[175].

---

[173] Полтавская битва 27 июня 1709 года: Док. и материалы / Отв. ред. Е. Е. Рычаловский; сост.: Е. Е. Рычаловский, А. Б. Плотников, Т. А. Лаптева, О. А. Курбатов, П. И. Прудовский. — М. : РОССПЭН, 2011. — С. 166–167 (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 3а. Л. 639–640 об. Подлинник).

[174] 1709, липня 26. Додаткові свідчення старшин, які були в шведському таборі разом з Мазепою // Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упорядник Сергій Павленко. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. — С. 730.

[175] Універсали Івана Мазепи (1687–1709) / Упорядкування І. Бутича, В. Ринсевича. — Київ-Львів : НТШ, 2006. — Частина II. — С. 603–604. ІР НБУВ. — Ф. 1. — Спр. 57620. — Арк. 37–38. Копія).

№ 152

1708, квітня 11 та травня 3.

Купча кріпость на ліс пирятинському сотнику Семену Вакуленку

Запис от Гарасима Ширяенка на лѣс, року 1708 апрѣля 11 дня.

Перед нами, урядом Пирятинским, Семеном Вакуленком, сотником, Леонтіем Кичькарувским, атаманом, Василіем Орадиненком, войтом, Марком Степаненком и Яремою Алексѣенком, бурмистрами, постановившися Василь, Лобасов зять, житель Перятинский, явне и ясне сознал тими словы: Ласкавый пане вряде, чиню вѣдомо милостем вашим, иж з доброй волѣ моей продалем лѣс свой власный, прозиваемый Кузьменковский, стоячій у Куквинѣ, межи лѣсами з едной сторони от Деймановки от лѣса Поведенкового, а з другой сторони от мѣста от Янголишиного лѣса, Гарасиму Ширяенку Шапошниковѣ, за сумму певную коп за двадцеть, от якого лѣса отдаливши себе самого и жону и дѣти, продаю мененному Гарасиму в вѣчность; польно оному тот от мене куплений лѣс люб продати кому, заменяти, и як хотя ку пожитку найлѣпшому обернути. Я сам, тактеж жона и потомство мое и кревнии, вѣчними часи, не мѣем грошей за оний лѣс откладати и жадною мѣрою интересоватися. Тут теж и Гарасим Шапошник, притомним будучи, памятно нам заложил и просил нас, аби тая его купля била письмом обварованая; прето мы, вряд, на прошеніе оного для спокойного ему владѣния тим лѣсом купленним сие письмо наше с подписом имен своѣх и имени писарского, и с притисненем печати мѣской перятинской, казалисмо видати. Михайло Якимович, писарь Перятинский. Я, Гарасим Ширяенко, чиню вѣдомо на семже записѣ, что мой лѣс сего запису, мною куплений у Василя, Лобасового зятя, за коп двадьцеть, теди и на тоей же ценѣ продалем в вѣчность его милости пану Семену Вакуленку, на тот час будучему сотнику Перятинскому, от якого лѣса вѣчьними часи отдаляю себе самого, жону и дѣти моѣ, за вѣдомом вряду, Федора Ярмоленка, атамана городового, Олекси Павелченка, войта, Марка Степаненка, бурмистра. В року 1708 мая дня 3.

Іоанович Михайло писарь сотьнѣ Перятинокой рукою[176].

№ 153

1708, травня 4.

Купча кріпость братів Чорномазенків пирятинському сотнику Семену Вакуленку

Запись о лѣс, в Чорномазенкув куплений.

Року 1708, мѣсяца мая дня 4.

За вѣдомом нас, уряду Перятинского, Феодора Ярмоленка, атамана городового, Олекси Павленка, войта, Марка Степаненка и Яреми Олексѣенка, бурмистров перятинских, чинил отповѣдь нам его милость пан Семион Вакуленко, сотник наш Перятинскій на тот час будучій, и куплю свою сталую, лѣс купленій в Павла и Евтуха Чорномазенков, жителей Перятинских, за таларий двадцеть, за гаткою Соколувщиною, помѣж стоячий з паном сотниковым грунтом, якие Чорномазенки, Павло и Евтух, представили пред нас, урядових, же вѣчьними часи з самой своей доброй волѣ продалисмо власний свой отцевский лѣс пану сотнику своему Перятинскому, и не повинна жона моя, и дѣти, и ис кревних наших, впоминатися, и того грунту откуповяти; вольно будет пану сотнику продати, заменяти и як хотя ко лучшему своему пожитку привернути. На якую отповѣдь пана сотника нашого Пирятинского и куплю, якож и добровольную продажу Чорномазенкув своего власного грунту отцевского, на пожаданную и вѣчную отповѣдную куплю сим урядовим нашим писмом при звиклой печати городовой отвердивши, до рук пану сотнику Семену Вакуленку Пирятинскому подаем. Іоанович Михайло, писарь сотнѣ Пирятинской, рукою[177].

№ 154

1708, липня 30. — Табір під Кролевцем.

Наказ чернігівського полковника Павла Полуботка щодо повернення жабницьким Росолом сіна солоновським жителям, взятим з їх сіножатей

Атамане жабницкій и войте тамошній.

Поневаж Росолъ жабницкій забралъ сѣно солоновских жителей, подданих пана асаула, на синожатех их, и перевозил оное до своего села, теди под час росправи его з солоновцами о тое, наказано ему вернути тое сѣно, а так се есть, владою нашою приказуем вам, абысте тому Росолови приказали, щоб зараз тое сѣно, о якое бил завод, отдал солоновцамъ, и жеби впред такових неслушних задоров чинити не важился, от сего часу, що прекладаючи и [печат] же нашу, притом засилаемо ласкаво.

В табури з под Кролевця, июля 30, д[ня]. Року 1708.

Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорозского полковник черниговский Павел Полуботок.

Нижче зазначено: Таковий подлинний ордер посводил, к себе обратно принял и росписался Демян Гутович[178].

№ 155

1708, вересня 2. — Глинне.

Універсал-привілей стародубського полковника І. І. Скоропадського

Его царского пресвітлого величества Войска Запорозского стародубовский полковник Иоан Скоропадский.

---

[176] Стороженки. Фамильный архив. — К. : Типография т-ва Г. Л. Фронцкевича, 1908. — Т. 6. — С. 529.

[177] Там же. — С. 530.

[178] Універсали Івана Мазепи (1687–1709) / Упорядкування І. Бутича, В. Ринсевича. — Київ-Львів : НТШ, 2006. — Частина II. — С. 631 (ЦДІАК України. — Ф. 51. — Оп. 3. — Спр. 19850а. — Арк. 41. Копія).

Всім кому колвек о том відати будет належало, особливе старшині городовой новгородской, атаманові городовому зо всім товариством и войтові з посполитими людми сим універсалом моим ознаймую, иж иміючи в владінии своем, по данном собі от ясне велможного его милости пана гетмана універсалу, пан Лукян Жоравко, сотник новгородский, хуторець, прозиваемий Горбовецкого, з людми при нем осаженними, посполитими, з своей доброй волі, респектуючи на пана Семена Березовского, писара сотенного новгородского, для вспартя господарства ему оного уступует. Прето и мы, уважаючи его, пана Березовского, фатикги и праци, которие и тепер з комендерованим товариством у Биховской фортеци ложит, и до далших услуг, яко в Войску Запорозском згодного, заохочуючи, до ласки войсковой надаем оному преречоний хуторець Горболевского з людми, там же осаженними, посполитими, в зуполное владініе и державу. Міти теди хочем, абы нихто з старшини городовий, так пн. атаман з товариством, яко и войт зо всім урядом и ніхто инший, не сміл и не важился жадной и найменшой ему, пану Березовскому, в завідованю преречоного хуторця и в отбираню з него всяких пожитков чинити трудности и перешкоди, варуем, упоминаем и приказуем. Люде зас посполитии, и при том хуторци мешкаючии, повинни уже, яко власному своему державци, ему, пну Березовскому, всякое послушенство и належитую повинност отдавати.

Дан в табори з под Глинною 2 септеврия, року 1708.

В копии подпис:

Звишменованний полковник стародубовский рукою[179].

№ 156

1708, вересня 2. — З табору біля Підглинного.

Універсал стародубського полковника І. І. Скоропадського писарю Новгород-сіверської сотні Семену Березовському

Его црского пресвѣтлого влчства войска zапорожскаго стародубовскій полковник Іоан Скоропадскій.

Всѣм кому колвек о томъ вѣдати будет належало, особливе старшинѣ городовой новгородской, атамановѣ го-родовому зо всѣм товариством и войтови з посполитими людми сим унѣверсалом мойм ознаймую, иж імѣючи владѣній своем, по даном собѣ от ясневелможного его милости пна гетмана унѣверсалѣ, пнъ Лукиян Жоравко сотник новгородскій хуторец, прозиваемий Горбовецкого з людми при нем осаженими, посполитими, з своей доброй волѣ, респектуючи на пна Семена Березовского, писара сотенного новгородского, для вспартя господарства ему оного уступует. Прето и ми, уважаючи его пна Березовского фатикги и працѣ, которие и теперь з комендерованим товариством у Биховской фортеци ложит, и до далших услуг яко в войску запорозком згодного, заохочаючи, до ласки войсковой надаем оному преречоний хуторець Горбовецского з людми тамже осаженними посполитими в зуполное владѣніе и державу. Мѣти теди хочем, аби нихто з старшини городовой, так пн атаман з товариством, яко і войт зо всѣм урядом, и нѣхто инший не смѣл и не важился жадной и найменшой ему пну Березовскому в завѣдованю преречоного хуторця и в отбираню з него всяких пожитков чинити трудности и перешкоди, варуем, упоминаем и приказуем. Люде зас посполитій при том хуторци мешкаючій повинни уже, яко власному своєму державци ему пну Березовскому всякое послушенство и належитую повинност отдавати. Дань в табори з Подглинного д. 2 септеврия року 1708.

В подлинном подписано: Вишменованний полковник стародубовскій рукою.

Мѣсто печати[180].

№ 157

1708, вересня 24.

Уступний запис про оплату боргу лубенському полковому судді Максиму Троцькому

Ми, старшина городовая Перятинская, Феодор Ярмоленко, атаман городовий, Олекса Павелченко, войт, Марко Степаненко й Ярема Олексѣенко, бурмистри, извѣствуем кождому того потребуючому сым нашим урядовним писаньем, иж що зостает должна Ганна Лукяниха Македонская певного долгу его милости пану Максиму Троцкому, судии полковому Лубенскому, през час немалий, а не мѣет з гола чим би тот заплатити долг, теди на жаданье его милости пана судии полкового Лубенского приарештовуем ему, пану судии, двор Ганни Македонской, у котром она живет, до часу певного, іменно до Рождества Христова в року 1708, в ценѣ слушне людми годними ошацованной у десяти талярах, о котором терминѣ, ежели би не мѣла сумми должной во всем слушне подлуг реестров уістити, то мѣет цѣле з того своего двора преч уступити. А его милость пан судия полковий Лубенский, принявши двор еи в ценѣ ошацованой, меновите у десяти талярах, мѣет остаток долгу на оной же Ганнѣ Македонской доходити, так декляруем. Писан в ратушу Перятинском року 1708 м-ца сентеврия 24. (М. П.).

[179] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (XVII–XVIII ст.) (частина 11) // Сіверянський літопис. — 2018. — № 4 (ІР. — НБУВ. — Ф. ІІ. — № 18072. — Копія кінця XIX ст. Опубліковано за іншим списком: Універсали Павла Полуботка. — (1722–1723). — К., 2008. — С. 588–589).

[180] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 137–138.

На оборотѣ: Я, ниже помененний Вакула, господар пана судии Лубенского п. Троцкого, чиню вѣдомо сим моим писмом, которое даю Хведору Усику, жителю Пературинскому, в тот способ, іж ему Федору зостает виновата Македонская, жеби где довѣдався оний Хведор, где колвек еи притаинное зостает любо кгрунт, любо нива якая през людей досвѣдчена еи, то Хведору повинна кголдовати за его должное, аби помененний Федор вѣ в чем нешкодовал. То для слушного і правдивого ко нему поводу і нагороди, жеби за его стало, сей наш картеляш для потверженя до его рук подаем[181].

№ 158

1708, жовтня 1. — Козари.

Універсал лубенського полковника Дмитра Зеленського про надання лісу значному військовому товаришеві Петру Кулябці

Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорозкого лубенский полковник Димитрій Зеленский.

Вам пану сотниковѣ лукомскому, атамановѣ городовому и всей атаманѣ сѣлской зо всѣм тоей сотнѣ товариству, и войтом зо всѣми посполитими людми и всѣм, кому би колвек о сем тепер и на потом вѣдати належало, ознаймуем: иж пан Петро Кулябка, значний товариш войсковий, мѣючи свою власную в селѣ Александровцѣ на реци Слѣпороде греблю, прекладал нам, же оная людскими жителей того ж села Александровки хворостами завше из давних часов гатится, а тепер просил нас, жеби ему пану Петру Кулябцѣ для полегкости людям помянутого села жителем на гаченя тоей греблѣ част войскового лѣса и к своему купленному лѣсу Довгалювскому позволилисмо заняти, теди в том видячи слушное оного прошеніе, яко и инніе много частей тих волних и пустих лѣщанок на греблѣ Лукомскую і Мацковскую уже позаймали, так и ему пану Петру Кулябцѣ, за вѣдомом и позволеніем ясне велможного добродѣя, его милости пана гетмана, позволяем ку своему купленному Довгалювскому лѣсу част волних лѣщанок на обидва боки низом и горою, для полегкости людской и своей потреби в гаченню помянутой его греблѣ, приняти и заняти по певніе признаки, меновите, тим боком от Мацковец по тую дорогу старинную, що и з Александровки на гору идет дорога, против Іовкового лѣса до Мацковец и на другій бок и к дорозѣ Лукомской по Іовков лѣс унизу, к селу Александровци, обидва боки лѣса и в гору тож на обидва боки лѣса займаного, прозиваемое урочище Третяки. Прето тіе к его лѣсу Довгалювскому принятіе лѣщанки, подлуг вижей описанних признак низом и горою, сим нашим ему, пану Петру Кулябцѣ, в зуполное владеніе ствержаючи унѣверсалом аби нѣхто з старшини и чернѣ конно, и нѣ пѣшо, в оних принятих лищанках жадного спустошения чинити и самоволне их рубати, под зарукою значной вини войсковой и нѣопустного караня, не важился, пилно варуем, а грозно приказуем, и неиначей мѣти хочем.

Дан в Козари, октоврия 1, 1708 року.

Знишменованний полковник лубенский[182].

[181] Стороженки. Фамильный архив. — К. : Типография т-ва Г. Л. Фронцкевича, 1908. — Т. 7. — Отдел II. — С. 24.

[182] Універсали Івана Мазепи (1687–1709) / Упорядкування І. Бутича, В. Ринсевича. — Київ-Львів : НТШ, 2006. — Частина II. — С. 362–363 (ІР НБУВ. — Ф. I. — Спр. 53214. — Арк. 246–247. Копія).

Частина II
КАРОЛІНСЬКИЙ НАСТУП НА МОСКВУ

Відображення походу в нотатках його учасників

№ 159
Із щоденника Роберта Петре (1708)
1708
1 января

Около полудня пришел приказ генерала полку немедленно собраться и выступить маршем в Митаву.

2 января

Незадолго до рассвета полк в полном составе выступил с медного завода Хеден и прошел быстрым маршем по глубоким колеям, через ручьи и реки, через которые люди должны были перебираться с большим трудом и опасностью для жизни, что было едва выполнимо.

12 января

Вскоре после полудня мы пришли в Дублин, расположенный в 3 милях от Митавы, где мы расположились на ночлег, а полковник направился в Митаву за дальнейшими приказаниями, где полку следует расквартироваться. В тот же вечер мы получили приказ двигаться дальше к Грипскому мосту, в ½ миле от Митавы, где полк был размещен, а я с 2 капральствами и 2 унтер-офицерами разместился у 6 крестьян в ¾ мили от роты и в ¾ мили от города. Вся армия расположилась вокруг города в 3 миляхтак плотно, что могла собраться вместе за ½ дня. В Гольдингене остался командовать весь комиссариат нашего полка, (который состоял из полкового комиссара Бёклера и лейтенанта Брандта, 2 унтер-офицеров и писаря), а также капитан Куллон, 1 лейтенант, 1 прапорщик, 4 унтер-офицера и 60 капралов и рядовых. Ротными повозками для сбора неуплаченных налогов для роты капитан Шварц оставил командовать лейтенанта Кнорринга, который спустя 14 дней явился в роту. Капитан Куллон также должен был собирать провиант для всего полка, а также принуждать помещиков отвозить его в Митаву в полк, что невозможно было исполнить из-за непроезжих дорог. Посему г-н полковник должен был договариваться с горожанами Митавы и Риги о снабжении полка в кредит до тех пор, пока он там находился, а именно до 6 марта, когда полк получил приказ вновь перейти на новые квартиры, потому что противник отступил. Поэтому в 2 часа по полудню я получил приказ от г-на полковника, вернуться утром до рассвета к нему в Митаву, что я и сделал.

3 марта

В начале дня я явился к г-ну полковнику. Он отдал мне приказание выехать в Нойхаузен и Амботен для того, чтобы отменить отправку провианта землевладельцами в Митаву, чтобы они оставили его у себя до момента возвращения рот на свои первоначальные квартиры; если я кого-нибудь встречу по дороге, то они должны будут вернуться домой потому, что дороги стали достаточно пригодны. Лейтенант Айзер был послан с таким же поручением в Гольдингский приход, на что мы получили от генерал-майора Стакельберга пропуск на свободный круглосуточный проезд. К вечеру я отправился в дорогу, затем доставил весь свой багаж и лошадей к капитану Шварцу, который должен был о них позаботиться, чтобы они были оправлены с ротой, когда начнется марш.

5 марта

Вечером я прибыл в Амботенский приход и доставил письмо и приказ конвоканту Худрингу сообщить всем владельцам. Той же ночью я выехал оттуда в Нойхаузенский приход, чтобы передать конвоканту Мирбаху тот же приказ сообщить прочим землевладельцам.

6 марта

Из Нойхаузена я отправился на квартиры, где стояла рота и сказал владельцам держать провиант в готовности, затем отвел для квартир роты г-на подполковника, госеские поместья Вайноден, Бергбатен и Кальтен, где разместились 4 капральства и 4 офицера, а остальные 2 капральства были размещены на наших старых квартирах в Вельдене и Децельне, поскольку 2-й лейтенант Лерберг и я имели

там свои прежние квартиры. У майора Фалькерзама, который находился в Большом и Малом Дельдене, я не мог разместить никого из солдат, что распылило бы роту, частично из-за того, что они находились бы еще дальше, а также из-за трудностей переправы через несколько ручьев и рек, что сильно затруднило бы срочный сбор роты. Наша упомянутая квартира находилась прямо на литовской границе, не более чем в 1½ милях от Шедикена и в 2½ милях от города Шодена, где находились лютеранский и реформатский замки, которые были сильно разрушены Огинским. За пределами городов находились квартиры войск Вишневецкого. А далее вглубь была расположена вся армия.

10 марта

После обеда в Вельден прибыла вся рота, и я сразу отвел ее на квартиры. Полк был расположен таким образом:

В Гольдингском приходе и городе:

В городе г-н подполковник со своей ротой, потому что г-н полковник имел квартиры в Митаве, и капитан Магнус Торнефельт с ротой Ованшьё 2

В этом же приходе и на медном заводе Хеден лейб-рота 1

В Нойхаузенском приходе:

Майор со своей ротой 1

Капитан Бёклер с ротой Дильсбу 1

В Амботенском приходу:

Капитан Синклер (Молье) с ротой Йервшьё 1

Рота Обру капитана Юхана фон Шварца 1

Рота Альфта капитана Куллона 1

———

Итого: 8 рот

Приблизительно в это время г-н генерал и губернатор Левенхаупт (вручив командование всей армией генерал-майору Стакельбергу) отправился с эскортом из 600 человек, оставшихся от Королевской армии и других полков, как пехотных, так и кавалерийских и драгунских, которыми командовали подполковник Глазенапп и майор Фрейман из драгунского полка г-на полковника Шрейтерфельта. Эти солдаты должны были вернуться в свои полки, которые стояли в Литве, а Его Королевское Величество стоял в Сморгони. Также туда за его Высокопревосходительством последовали прочие полковые офицеры.

15 марта

Я был откомандирован в роту для проведения экзекуции, чем я занимался в течение 25 минут до смерти (?), а после обеда вернулся на квартиру.

4 апреля

Ко мне прибыл курьер с приказом подполковника Брюкнера, чтобы я принимал командование над прапорщиком Круком, который должен был принудить некоторых владельцев заплатить налоги за будущие месяцы. Они должны были привезти их или в полковой магазин или в комиссариат в Гольдингене, потому что они предназначались не для всех рот. Вследствие того, что это было сделано прапорщиком с большой небрежностью, его должен был отправиться под арест в Гольдинген с 1 унтер-офицером и 2 рядовыми, что тут же было исполнено. Этот приказ я выполнил так образцово, что уже в 10 часов вечера я отправил курьера с письменным рапортом и подтверждающими копиями квитанций владельцев.

11 апреля

Я прибыл в роту и получил от капитана Шварца приказ подполковника о том, что мне следовало незамедлительно объехать 45 дворянских и княжеских поместий, перечисленных подполковником, и которые частично не относились к полку, а частично которые сами должны были доставить контрибуцию в полковой магазин, но ничего в роты не предоставили. Ибо полк не мог забрать больше того, что имелось, потому что было спрятано, а также потому что, что многие владельцы из-за бедности не могли заплатить контрибуцию, это надо было захватить. В этих 45 поместьях я должен был тщательно записать, сколько там находилось лошадей, рогатого скота, зерна и прочего, что было пригодно для пропитания армии, а также всех окрестных крестьян, чьи имена я должен был указать, и у кого, что было найдено, а также стоимость и цвет лошадей. Такой приказ генерала и губернатора Левенхаупта курьер доставил генерал-майору Стакельбергу. Этот приказ я исполнил таким образом:

В ночь с 11 на 12 апреля я взял 8 унтер-офицеров и 64 рядовых и разделил всех по 1–2 человека на каждый двор, которые должны были еще раз тщательно досмотрены (потому, что хозяева еще не знали об этом), что и на каком дворе оказалось скрыто крестьянами. Поскольку они должны были находиться в готовности, я сам прибыл туда со своими людьми из третьей роты, для того, чтобы лично тщательно все просмотреть и отметить, а своих людей послал проследить, чтобы ничего под страхом тяжкого наказания не убиралось или утаивалось. При этом я продолжал ежедневно с 4 унтер-офицерами и 24 солдатами, которые были со мною, обходить дворы, от крестьянина к крестьянину и тщательно следить за исполнением своих приказаний и просматривать, что в каждом доме оставалось более или менее ценного из того, что по прибытии обнаружилось, и о чем они поклялись.

18 апреля

К вечеру 18-го чмсоа все было, наконец, доставлено. Не обращая внимания на разбитые дороги и труднопреодолимые ручьи и речки, я прибыл с ротой к себе на квартиру. Я тотчас сообщил своему дворянину, что он должен доставить лошадей и иметь их в готовности, отметив, чтобы он ничего не преуменьшал под угрозой строгой ответственности перед властями.

19 апреля

Я подготовил 2 экземпляра спецификации, о расположенных поблизости дворах с именами проживающих там

крестьян, от первого до последнего, с суммой, причитающейся с каждого двора и крестьянина, а затем, в конце, суммарную ведомость, которую я подписал и направил в полковой комиссариат и к подполковнику.

В полдень я отправил солдата в Гольдинген с выше упомянутыми спецификациями, равно как с точным рапортом, как я все начал и, наконец, выполнил, который я переслал генералитету.

Поместья, которые были определены ротам, проверялись офицером из той роты, которой должны были выплачиваться контрибуции.

21 апреля

Поступил приказ, чтобы хозяева поставили до конца апреля провиант на 3 месяца марша, кроме того, каждый по 3 мотыги, 2 хорошие лошади, от 10 до 15 колес, чтобы подготовить 15 хороших провиантских фургонов, со всем надлежащим и кожаной упряжью, столь больших, чтобы в каждый можно было загрузить 50–60 лисфунтов сухарей. И так для каждой роты. Хочет ли владелец это сам подготовить или достанет эти принадлежности для командира роты по своему усмотрению, решалось между ними. Для того чтобы подготовить все это, а также лошадей, предназначенных для перевозки груза в полковой магазин, я получил приказ быстро собрать подготовленное, а затем отправить его в Гольдинген.

14 мая

Я отправил в Гольдинген 35 фургонов, которые мне удалось подготовить, вместе с прочим имуществом, лошадьми, скребницами, запасными подковами, достаточными для двукратной подковки каждой лошади, запасными колесами, по 2 на каждый фургон, кадками с дегтем, хорошими кожаными сбруями, скребками, молотками, клещами, новыми кожаными недоуздками с вожжами и многим другим.

Приблизительно в это время вернулся из Королевской армии Его Превосходительство генерал Левенхаупт.

Вернулся мой откомандированный унтер-офицер, который был с фургонами в Гольдинге. Он привез мне приказ о дальнейших действиях вместе с письменной спецификацией всех товаров в Амботенском и Нойхусенском приходах, которые еще не отдали свои контрибуции. Я довел этот письменный приказ до всех рот, которые там размещались, чтобы мне дали столько людей, сколько мне могло потребоваться для проведения экзекуций. А также что мой приказ был таким строгим, чтобы ничего впредь не оставлялось, малое или большое, под страхом тяжелого наказания, которое за этим последует, так как я не должен пренебрегать службой Его Королевского Величества, ибо в подобных случаях я вынужден начать экзекуции.

19 мая

Я приказал объявить на сборе свой приказ, который затем должен был быть доведен до сведения всех землевладельцев тех двух церковных приходов, по которому следовало отметить день и час, когда они получили мое письмо, чтобы никто потом не мог сослаться на незнание. Я дал им 10 дней для того, чтобы заработать и привезти неуплаченные налоги и остатки. В течение этого времени их любимые дети показывали свои квитанции, которые я отмечал и копировал и затем освобождал от экзекуции, но прочих я подверг экзекуции.

1 июня

Я взял с собой из третьей роты, располагавшейся в Амботене, 75 человек капралов и рядовых с 6 унтер-офицерами, которым я дал известные вещи и людей, чтобы провести экзекуцию и приказал не уходить оттуда, покуда все не будет исполнено, и сам находился с ними и доставлял им их продовольствие.

3 июня

Всего в Нойхусене мною подверглось экзекуции 40 человек.

5 июня

Я отправился в Гольдинген, чтобы оценить лошадей, которых я привел, а также отрапортовать, как далеко я продвинулся с исполнением экзекуций. Тогда я получил приказ забрать назад лошадей, которых было 210 штук и содержать на пастбище под охраной в 1 или 2 табунах, чтобы никто не мог их использовать до особого приказа, пока армия будет еще находится здесь до конца июня. Поэтому округа должна будет заплатить месячную контрибуцию за август, который был последним месяцем, за который надо было получить контрибуцию, таков был приказ.

9 июня

Выполнив все в Гольдингене, я вернулся вечером назад.

11 июня

Я прибыл к партии, проводящей экзекуции в Амботене. Тотчас же некоторые владельцы предъявили свои квитанции о ликвидации задолженностей, а некоторые — грамоты, освобождающие от налогов, получения которых они добивались у генералитета из-за своей беспомощности, с которых они должны были делать мне копии. Таким образом, большую часть землевладельцев, которые были в моем экзекуционном списке, я освободил для того, чтобы они произвели поставки в Августе месяце. Поэтому я по справедливости освободил их от экзекуции. Но человек 12–15 дворян, которые перечили и не соблаговолили получить себе соответствующее освобождение и прощение уплаты оставшейся контрибуции, а соблаговолили считать правильным платить меньше, я подверг сильной экзекуции, которую я продолжал до тех пор, пока не было найдено все необходимое для солдатского провианта, который уже начал истощаться. Поэтому я должен был захватить кое-какую кухонную утварь, чтобы продать ее в Литве и купить затем оптом пищу для солдат, составив письменный отчет о том,

что я продал и сколько я вследствие того получил, что именно я купил и сколько это стоило, а также расписки унтер-офицеров о том, сколько они получили для своих солдат. Этим я продолжал заниматься до 15 июня, когда я отправил курьера с письмом к подполковнику, в котором я вопрошал, как я дальше должен действовать.

20 июня

С тем же курьером я получил ответ, что я должен, под мою строгую ответственность, забрать все, что есть в домах, как самих дворян, так и крестьян, чтобы в каждом дворе не было оставлено ничего и на пол-эре, а лошади и все налоги до конца месяца должны быть в Гольдингене.

21 июня

Я послал лошадей с надлежащей охраной солдат и крестьянами, которые перегнали их в Гольдинген, и затем стал собирать скот, лошадей и все, что ранее было найдено. Я столь рьяно добывал у крестьян провиант для полка, что у меня оказалось 1230 голов рогатого скота, 75 лошадей и стадо телят, и затем я направился в Гольдинген с 8 унтер-офицерами и 80 капралами и рядовыми.

26 июня

В полдень я прибыл в Гольдинген. Затем я отправил весь скот в полковой комиссариат для освидетельствования его полковым квартирмейстером Бёклером. Я оставил ему роспись того, что и сколько я забрал с каждого двора и у какого именно крестьянина, чтобы он потом смог разобраться в квитанциях, которые ему должны были представить владельцы, частично прибывшие со мною, а частично бывшие в Гольдингене.

28 июня

Утром я был у господина подполковника, который ездил в Митаву для заседания в военном суде над генерал-адьютантом Кноррингом, убившего майора Хагена. Я представил ему в устной и письменной форме свой рапорт о выполнении поручения, потому что все было в точности исполнено, что подтвердил сам полковой квартирмейстер, и что очень понравилось подполковнику. Так как 30 числа полк должен был выступить в поход, у меня было мало времени для своих многочисленных дел по оснащению своего экипажа, поэтому я попросил отпуск на 2–3 дня чтобы съездить на свою квартиру, чтобы привезти свое имущество, что было бы обременительно для меня, если бы я не взял с собой в помощь 3–4 солдат из роты. Я уехал из квартиры в Митаву, для того чтобы не следовать за полком. Меня заботило то, что я должен был сделать и что я обсудил с г-ном подполковником в Гольдингене, и о чем было направлено ходатайство г-ну полковнику в Митаву, но до него оно не дошло, прежде чем я исполнил эти неприятные поручения. Сразу же после полудня я получил увольнение от господина подполковника, который уехал в Митаву, а я не вернулся на свою квартиру и отправил назад своих солдат с унтер-офицерами в их роты, что они и выполнили.

30 июня

Днем я прибыл в роту со своими солдатами, которые были со мною откомандированы, и рота прошла маршем до Фрауэнбурга, поскольку весь полк должен был собраться вместе и идти оттуда вместе с батальоном полка Фиттингхольца, который там находился под командой подполковника Мейерфельта. Затем он должен был проследовать в Самогитию до города Саггарен, поскольку полк должен был идти своим маршрутом. Я по полученному разрешению оставался на своей квартире, пока не подготовил свой багаж к длительному маршу с помощью 3 солдат в качестве работников.

После полудня я отправился со своим багажом в Митаву.

В 10 ч. утра я прибыл в Митаву, где я задержался на 8 дней, для того чтобы приготовить себе кое-что из одежды, которая могла понадобиться на долгом марше. Затем я встретился с господином полковником и подполковником, а также лейтенантом Кноррингом, который незадолго до этого прибыл с рекрутами.

Одна из моих багажных повозок сломалась, и из нее были похищены оловянный сервиз с двумя подсвечниками и кое-что еще, потому что солдаты и слуги отсутствовали и не охраняли ее, а всю ночь пили с рекрутами.

16 июля

Вскоре после полудня я выехал вместе с г-ном подполковником Брюкнером из Митавы.

17 июля

Около 5 часов по полудню мы прибыли в полк, который располагался в Саггарене. Я немедленно нанес визит г-ну полковнику и сообщил о своем прибытии в полк.

В 6 часов, когда был дан пароль, я получил приказание принять на следующий день под свое командование все провиантские повозки со всем содержимым, которые на марше от Голльдингена до Саггарена были в распоряжении прапорщиков Финелиуса и Пальмстрюка. Когда я это услышал от унтер-офицера, который сообщил мне этот приказ, я немедленно направился к г-ну полковнику со своими доводами, надеясь быть освобожденным от этого поручения. Я попросил г-на полковника принять во внимание, что я все предшествующее время был загружен многочисленными утомительными поручениями, что у меня не было никакого отдыха, а мои приятели, напротив, отдыхали и были значительно меньше загружены этими поручениями. Мне ответили, что я молодой мужчина и не должен задавать вопросов о том, сколько мне следует трудиться без большей оплаты, что для меня это удача, что я доверенное лицо, а, кроме того, что подобное поручение почетно и дается старшему лейтенанту полка. После чего я поблагодарил г-на полковника за оказанное мне доверие и честь, а затем перечислил, что намереваюсь предпринять. Еще г-н полковник ответил,

что мне следует принять эти поручения, вместе с тем сказал, что я не должен вредить себе, поэтому он разрешил мне быть свободным до ужина, что я и сделал. Рано утром я получил от прапорщиков Пальмстрюка и Финелиуса все провиантские фургоны с лошадьми и со всеми людьми, а именно:

{ унтер-офицеры по одному от каждой роты.........8 чел.
Люди { барабанщики..2
{ рядовые солдаты в качестве возниц........................135
{ один столяр и один кузнец от каждой роты, которые должны были ремонтировать повозки........16

161 чел.

Ежедневно для охраны
1 лейтенант или прапорщик и 32 рядовых
Повозки..135
2 запасных колеса на каждую повозку.......................270
Лошади, по 4 на каждую повозку...............................540
Запасные лошади, которые должны были дать хозяева, которые не могли поставить лошадей за такую высокую цену, как было предписано..54

Лошадей 594

Седла кожаные..135
Новые кожаные сбруи...540
2 подковы на каждую лошадь.........................1.080 штук
2 подковы на каждую лошадь еще раз...........1.080 штук
Уздечка и недоуздок на каждую лошадь.....540 каждого
Молоток и клещи, а также скребок.............540 каждого

После того, как я все это принял и оприходовал, я доложил г-ну полковнику, после чего он приказал мне готовиться к походу, чтобы двинуться ранее выступления полка потому, что дороги были плохие из-за постоянных дождей; лейтенант Прэсьер с 40 людьми был откомандирован мне в помощь.

20 июля
Я выступил рано утром и днем прибыл в деревню Едвайне...3 мили.

21 июля
От деревни Едвайне до города Мицкуте............4 мили.

22 июля
Оттуда до города Шавли.......................................4 мили.

23 июля
В Шавли прибыл полк. Здесь полк простоял 5 дней, потому что город должен был заплатить полку контрибуцию; здесь же произошел спор, из-за того, что г-ну полковнику Веннерстету со своим полком был назначен этот город, а г-н полковник Кнорринг должен был оттуда уйти, что он не сделал, потому что его назначение было отдано г-ну полковнику Веннерстету и посему тот должен был убраться со своим полком.

28 июля
Утром я выступил под охраной 40 солдат, которые были под командой г-на лейтенанта Эйсера, и днем прибыл в деревню Крийданы..3½ мили.

29 июля
Оттуда до деревни Хубишки............................3 ½ мили.

30 июля
Оттуда до деревни Красиньшки через город Нове Място, расположенный от нее на 1/3 мили и где я ждал прибытия полка..4 мили.

31 июля
Прибыл полк и расположился в городе, который выплатил контрибуцию батальону Мейерфельта, поэтому полк оставался там только один день.

1 августа
Я выступил из деревни Красиньшки под охраной 40 человек, которыми командовал прапорщик Шварцхофф, и днем прибыл в деревню Овислова.......................2 ¾ мили.

2 августа
Я выступил из деревни Овислова и прибыл в деревню Алексиньшки..3¼ мили.

3 августа
Оттуда до города Поневежис, где я должен был ждать полк и разместился на квартире в форштадте на расстоянии ½ мили от города, и в котором не было населения...2 1/3 мили.

N. B. Здесь я приказал тщательно отремонтировать поломки у фургонов, а также искать колеса, и поэтому город должен был заплатить контрибуцию.

4 августа
Прибыл полк и расположился в городе.

Днем я получил приказ через католического священника, что я должен помочь ему завезти. ... которые были нужны для передвижения солдат, которые ранее должны были идти с капитаном Тёрнефельтом, лейтенантом Эссеном и фендриком Лийфом чинить повозки. Что я и выполнил с 1 унтер-офицером и 12 конными рядовыми. В тот же день капитан Тёрнефельт вернулся со своими солдатами.

Около полудня г-н полковник прислал мне с унтер-офицером письменный приказ, что, так как население города разбежалось (ибо оно пострадало от полка, которому должно было платить контрибуцию), мне следовало как можно быстрее направиться в лес с несколькими солдатами, чтобы отыскать горожан со скотом и прочей провизией, что я и последовал исполнить. В 2:20 по полудню я отбыл с квартир с 6 унтер-офицерами и 60 рядовыми, все конные,

из числа бывших в моем распоряжении людей. Я выехал с ними из города, затем отделил от них несколько человек с одним унтер-офицером в сторону леса, приказав им тщательно разыскать таковых лиц, которые будут пригодны для полка, и смогут заплатить, так чтобы они к 10 часам вечера вернулись домой, и доложили мне, что они смогли выполнить. Между тем, они должны исполнять приказание со всей осторожностью и не отделяться друг от друга, так чтобы они могли оказать помощь, если кто-то из их партии будет схвачен жителями, которые, возможно, станут защищаться прежде, чем они позволят забрать то, чем владеют. Сам я направился по другой дороге с 2 унтер-офицерами и 6 рядовыми, и двинулся через топкое болото, где я должен был по большей части передвигаться пешком, я наконец после продолжительных поисков заметил конюшню или сарай, в котором я нашел 2 старых мужиков. Они охраняли 8 отличных подольских быков, 5 отличных бычков, 2 старых кобыл, а также 13 отличных трех-четырехлетних лошадей, которых я приказал забрать и под охраной увести с собой; все это принадлежало старосте. Затем я выехал из того непроходимого леса и около 6 часов вечера подъехал к небольшой реке, на противоположном берегу которой я заметил большое количество лошадей и крупного и мелкого скота, для охраны которого были оставлены посты, чтобы предупредить, если кто-то попытается атаковать. Затем я приказал своим людям затаиться на опушке леса, пока я с унтер-офицером не разведаю, есть ли через реку мост или можно ли ее переехать на лошади в брод. Но я ничего не нашел и вернулся назад и приказал запереть лошадей и скот с 2-мя старыми мужиками в небольшом сарае, расположенном недалеко в лесу, с которыми я оставил для охраны 2-х солдат, затем перед своим отходом приказал запереть дверь. Затем я вернулся к реке и расположился так, чтобы меня не могли видеть дозоры. Затем я распорядился приготовить из нескольких бревен плот, на котором солдаты могли бы переправится, держа плывущих лошадей за узду. Это место было немного в стороне, поскольку я распорядился подготовить плот так, чтобы бывшие на другой стороне реки не смогли меня увидеть. В то самое время, когда я приказал притащить плот к воде, прибыл один из моих откомандированных унтер-офицеров с 12 солдатами, и таким образом, у меня стало более 20 человек. Этого унтер-офицера я послал в одиночку к тому строению, в котором я оставил скот с 2-мя солдатами для его охраны, дав ему приказ, что как только он увидит, что на меня напали литовцы, он должен будет производить крик и шум, как будто весь лес полон шведов, а также скакать туда и сюда и показываться на опушке, но не выезжать дальше. Затем я переправился через ручей с 18 людьми и оставался скрытно в кустах, пока все не переправились, и коль скоро это случилось, приказал солдатам сесть на коней, поднять на бедро мушкеты, поскакал на полном карьере в 3-х дивизионах на тех охранявших и обратил их в бегство в лес. Затем я немедленно стал сгонять скот 6-ю солдатами, а с остальными 12-ю стоял в полной готовности встретить литовцев, скрытно располагавшихся в лесу, которых подняли по тревоге дозорные и которые предприняли попытку отбить свой скот. Около 8 часов вечера они предприняли сильную атаку силой около 400 человек, но были оттеснены в лес с потерей 6 человек. Во время этой атаки скот еще не перебрался через реку, поэтому я постарался со всеми солдатами с максимальной быстротой переправить его. Неприятель, заметив это, предпринял еще одну атаку, предполагая оспорить у меня переправу через реку, однако тщетно, потому что я приказал произвести по ним 2 или 3 небольших залпа 4-мя солдатами. Они потеряли на месте двоих убитыми и 3 или 4 ранеными, отступивших в лес с остальными, которых я преследовал по полю со шпагами в руках. Но я не хотел следовать за ними в лес, и вернулся к моим солдатам, которые уже столь преуспели, что большая часть лошадей и скота была переправлена. Прочим я, с прибывшими со мною людьми, стал помогать переправляться, что и было сделано, и когда весь скот уже плыл в воде, неприятель совершил третью атаку, которая была не сильнее первой и второй, из-за чего у меня было ранено 3 солдата, а у меня был прострелен рукав кафтана. Унтер-офицер, оставленный мною на другой стороне, для того, чтобы следить, когда противник будет бороться за переправу, взял 2-х своих солдат и произвел тревогу на другой стороне перемещением на конях и криками. Увидев это, литовцы, наконец, решили показать нам спину, тем более, что я приказал своим солдатам слезть с коней и занять оборону в пешем строю. В этой атаке я уложил 2-х шпагой, помимо тех, кого застрелил из пистолетов. В правильном порядке я отступил к плоту и приказал солдатам начать переправу, а сам оставался на месте, пока не переправился последний солдат, и, слава Богу, удачно переправился сам около половины 10 вечера. Сразу же после переправы, я не преминул продолжить свой марш к городу и квартирам, от которых я был на расстоянии 1½ мили и посему около 12 часов ночи я расположился на ночлег. Скот, который был у меня, я разместил на хранение рядом с моей квартирой. Он насчитывал 235 голов крупного рогатого скота, 270 овец, 47 лошадей, помимо тех, которых я вначале обнаружил в лесу в вышеупомянутом сарае, и которых вывели из леса во время нашего следования.

Затем по моему возвращению я получил рапорты от остальных унтер-офицеров, которых я ранее откомандировал и которым совсем ничего не удалось выполнить, поехал верхом к г-ну полковнику и сообщил ему о том, что я собирался сделать, мои последующие приказания и что мне удалось выполнить. Это ему понравилось, и он приказал накрыть для меня стол и накормить меня, а также угостил меня отменным вином. В 1:30 я попрощался и получил приказание держать у себя весь скот, обнаруженный в лесу и на вышеупомянутом поле, для доставки в полковой комиссариат для аттестации.

8 августа

В 6 часов утра я явился в комиссариат и доставил полковому комиссару Бёклеру для аттестации скот и лошадей,

которых я уже показал г-ну полковнику, который тому был очень рад и пригласил меня пообедать с ним. После обеда г-н полковник отдал мне приказ быть готовым к выступлению на следующий день; сразу же после этого я поскакал к себе домой на квартиру исполнять приказание.

Сразу после полудня за мной прислал г-н полковник, который по моему прибытию спросил меня, в состоянии ли я выступить немедленно. На что я ответил «да», после чего он приказал мне немедленно отправиться в путь и следовать до Оникшки и там получить дальнейшие приказания от г-на подполковника, потому что г-н полковник должен был отправиться назад в Ригу. Я выразил сожаление, что наш полк лишиться его, пожелал ему удачи и попрощался с ним. После чего он отпустил меня, потому, что ему надо было прибыть к Его Королевскому Величеству раньше нас. Поэтому, как честный человек, он пообещал действовать нам на пользу. Затем проводил меня на улицу, попросил беречь себя, извинился за то, что задержал меня, сказал, что Бог без сомнения поможет мне, и попрощался со мною. После этого я сообщил г-ну подполковнику о данном приказе, попрощался с ним и 2½ дня прибыл в свое расположение и в 3.30 по полудню выступил и вечером прибыл в деревню Вилькивичи...2 ½ мили.

N. B. В Поневежисе охраной у меня командовал прапорщик Бергер, который во время марша сменил Шварцхофа.

10 августа

Едва полк выступил из Поневежиса и последовал за мной, по разрешению генерал-майора Стакельберга г-н полковник поскакал в Ригу, с эскортом из 2 унтер-офицеров и 12 рядовых. В тоже утро я выступил из Вилькевичей и прибыл в тот же день в деревню Буг Тушка............3 мили.

11 августа

Рано утром вышли оттуда, и пришли вечером в Оникшки, когда откомандированный мною унтер-офицер, который должен был для меня подготовить квартиры, встретил меня и попросил повернуть назад, потому что в самом городе и в 1½ милях от него была расквартирована армия, и там не было ни места, ни фуража для лошадей. Поэтому я вернулся назад и разместился в разрушенной усадьбе, на расстоянии ½ мили от Оникшки, где был фураж и пастбище для лошадей, поэтому я прошел............................ 1 ¾ мили.

12 августа

Вечером прибыл полк и я вынужден был уступить свою квартиру г-ну подполковнику, и поэтому ночевал в своей палатке. Полк был размещен в близлежащих деревнях и оставался на месте 2 1/2 дня, потому что должен был идти в арьергарде всей армии. Тем временем я распорядился починить требующие ремонта повозки.

13 августа

Я попытался со всем старанием освободиться от поручения, потому что капитан Синклер (который был назначен на должность майора полка, майор на должность подполковника, а подполковник на должность полковника), хотел назначить меня командовать партией, которая должна была следовать по сторонам армии для сбора контрибуции, но я не смог от него отделаться, хотя означенный капитан много за меня заплатил. Туда же были назначены лейтенант Грасс и прапорщики Блом и Финелиус. Хотя мне и не удалось отделаться от утомительного поручения, я, в конце концов, выиграл, потому что я наконец получил хорошего офицера, который был бы у меня для охраны, который мог, по крайней мере, взять на себя труд заботиться об установке и проверке постов, когда я уходил на квартиру. Посему, когда г-н подполковник позволил мне выбрать, кого я хотел, из полковых лейтенантов и прапорщиков, я попросил прапорщика Ругмана, который затем остался со мною со своими людьми, насчитывавшими 40 солдат и 2 унтер-офицера.

14 августа

Я получил приказ выступить, а самому вечером, когда я прибуду на квартиру, отослать в лес партию, чтобы привести скот, потому, что крестьяне разбежались, что причинило нам большие неудобства. Так как все наше продовольствие следовало отыскивать в лесах и тайниках, для сбора контрибуции посылались партии на 12–15 миль в стороны. Я прошел днем через Оникшки, которые были безлюдными, и дальше до деревни Лидзаршки — 1 ½ мили, а затем до деревни Ованты......................................2 ½ мили.

15 августа

От деревни Овынты до города Скалати..............3 мили.

16 августа

N. B. Здесь я ждал полк, который пришел днем позже.

18 августа

Оттуда до деревни Лабонари, где разместился полк, а я прошел еще ¾ мили вперед, до деревни Стубшки. Сразу по прибытию, я отправился в лес с партией и привел 60 голов крупного рогатого скота и 120 овец, которых я в тот же вечер доставил полковому комиссару Тёрнефельту для оприходования. Пройдено в день............................3 ¾ мили.

19 августа

Оттуда прошел до деревни Юдишки..............3 ¼ мили.

N. B. Утром в одном из домов произошел пожар, от которого сгорел мушкет и мундир унтер-офицера Шульца, в чьей квартире и произошел пожар, так как он вернулся ночью.

20 августа

Утром я выступил из Юдишек и вечером пришел в город Линтупы…………………………………… ¾ мили.

N. B. Здесь расположились некоторые другие полки.

Отсюда под ужасным градом, при сверкающих молниях, которые грохотали весь день до самого вечера,

я прибыл в город Кобыльник..................................3 ¼ мили.

Я прошел отсюда дальше до деревни Быковски, а полк остался на месте……………………………………1/3 мили.

N. B. По приказу я отправил в лес партию, которая нашла 48 голов крупного рогатого скота, 130 овец и 16 лошадей, которых я отправил полковому комиссару Тёрнефельту. Из лошадей 8 голов было передано в роты для перевозки больных. 2 серых я забрал себе в подарок, а 6 отдал унтер-офицерам, которые были со мной откомандированы и у которых были скверные лошади. Таким образом, после приказа г-на подполковника, к моим 4 верховым лошадям, которые у меня были и которые были полностью обессиленные от постоянной езды днем и ночью, я получил помощь, и всего я теперь имел 12 лошадей, а именно:

Для 3 повозок по 2 лошади на каждую..................6 шт.

Мои верховые лошади, стоимостью в 20, 25 и 30 рейхсталеров каждая. 3 шт.

Серые лошади, которые я недавно получил..........2 шт.

Итого: 12 шт.

23 августа

За три часа до рассвета и раньше отбытия полка, я выступил и днем прибыл в город Мадзилалво, (где в домах было немного жителей, и где начали говорить по-русски; отсюда мы в течение нескольких последующих дней шли через города и деревни, где находили в домах и церквях русские картины, из чего можно было заключить, что они нужны для религии), пройдя в тот день................3 1/3 мили.

24 августа

Отсюда прошли до поместья полковника Урбановича, под названием Уби, где полк остановился, но я должен был пройти еще дальше ½ мили, всего ¾ мили

25 августа

Я выступил утром, полк следовал за мною, и в тот же вечер прибыл в деревню Сараи, где драбанты только что освободили для нас фуражирные квартиры, расположенную в 2 милях от Долгинова. Генерал с большей частью армии прибыл через 15 минут. Всего было пройдено в тот день..2 ½ мили.

N. B. Здесь полк остановился

26 августа

Г-н подполковник Брюхнер попросил меня сопроводить его на генеральскую квартиру, расположенную на расстоянии 3 миль от нашей, а от города Долгинова, где расположилась большая часть армии, на расстоянии 1 мили и которая называлась Карольня. Здесь ранее располагался Его Королевское величество, это место принадлежало старосте смоленскому. Просьбу командира я исполнил, и мы остановились пообедать в городе с подполковником Ментцером из полка генерала Левенхаупта. Но сразу же после обеда поскакали на главную квартиру, потому что г-н подполковник хотел сообщить о своем прибытии в Сараи, а также походатайствовать кое о чем для офицеров и солдат полка, о чем он сообщил мне во время пути, и попросил меня напомнить ему, чтобы он ничего не забыл. Приблизительно в 3 часа дня мы приехали в вышеозначенную усадьбу, где г-н подполковник рассказал г-ну генералу, как проходил марш, и где расположился полк, что во время следования не возможно достать иного продовольствия, кроме того, как взять из запасов, которые хранятся на возах. Скорее всего, жители здешних земель, с которыми плохо обращались впереди идущие полки, бежали, а оставшиеся после них запасы, забрали полки перед нами, так что после них почти ничего не осталось. Наконец по дороге было найдено несколько дворов, где были налицо хозяева, которые были достаточно в состоянии заплатить после прошедших поборов, как они предъявили охранные письма от его превосходительства г-на генерала, освобождающие их от всевозможных пертурбаций, какими бы они ни были, потому, что полку генерала была уже выплачена сумма. Для подтверждения с некоторых писем г-н подполковник снял копии. Из чего следовало, что храбрые солдаты не получали в походе более 4 «шестаков» (шестак =1/12 талера) из расчета на 2 гроша, а в кассе осталось не более 50 рейхсталеров. Его превосходительство немного разволновался, потому что г-н подполковник не хотел нести ответственность за то, отчего полк вынужден был страдать ни за что. Указанные копии охранных писем г-н подполковник хотел предъявить Его Королевскому величеству и тем самым доказать свою невиновность. После этого Его превосходительство ответил, что он не в состоянии вернуть какое-либо имущество, потому, что это вызовет нужду у солдат Его Королевского Величества, а эти охранные письма выдавались лишь против беглых и партий мародеров, чтобы те не искали своей личной выгоды. Г-н подполковник ответил, что, насколько мы знали, там возможно не было таких партий мародеров, кроме тех, которые, как мы знали, были посланы по приказу Его Королевского величества. В охранных письмах не делается никакого различия, чтобы никто, кто бы он ни был, не мог осмеливаться нацарапать N.N., потому что он наверное из суммы вычел бы свою часть, затем довел свой приказ до всех солдат и офицеров, находящихся под его командой, чтобы они позволили ему избежать каких бы то ни было неприятностей. Если бы кто-то, напротив, осмелился это сделать, ему было бы трудно договориться, и пришлось бы ожидать сильное наказание. Сделав ходатайство кое о чем, что требовалось полку и для содержания офицеров, в отношении чего получил приказ вошедший майор, г-н подполковник попрощался, и мы вновь оттуда поскакали в город. По прибытии в Долгинов я отправил капитану артиллерии Стернъельму 30 штук колес, которые он просил меня забрать в Курляндии у важного дворянина в Амботенском приходе. Их тот задолжал ему за провиант, когда он с артиллерийскими служителями стоял у него на квартире весной 1706 г. С ним, а так же с г-ном подполковником я поужинал, после чего мы поскакали на наши квартиры, куда мы прибыли после 10 часов вечера.

27 августа

Я отдал распоряжение начать ковать и ремонтировать все, что было разломано на повозках, а также сделать новые колеса, потому что я узнал, что корпус должен будет остановиться, чтобы дождаться капитана Петерса и прапорщика Вестерлинга. Они были за 8 дней до этого откомандированы доставить колеса для обозных повозок полка генерала, которые следовало взять в качестве контрибуции из мест, отведенных указанному полку.

N. B. Однако отговаривались тем, что армия должна дождаться еще не прибывший драгунский полк генерал-майора Шлиппенбаха.

29 августа

Лейтенант Шварцхоф получил ткань на штаны для всего полка от капитана Петерсена, накануне вечером вернувшегося из Вильны, которая была в тот же день роздана ротам, чтобы приготовить солдатам новые (штаны), потому что об оных ходатайствовали, еще задолго до выступления из Курляндии, но их раньше не могли привезти. В тот же день пришел приказ от Его Королевского Величества, чтобы генерал как можно быстрее спешил к Могилеву, где нас будет ждать Его величество со всей армией.

30 августа

От г-на полковника Кнорринга пришло письмо г-ну подполковнику о том, что капитану Куллону следует ехать в Швецию, чтобы привезти 17 рекрутов в полк, что было ошибочно сделано на раннее ходатайство капитана вышеупомянутому полковнику, на которое ранее не было разрешения. Но так как вышеупомянутый капитан нашел для себя затруднительным осуществить с этого места эту поездку, потому что дороги были уже опасны, а у него не было роты, он попытался от сего освободиться, но не смог, потому, что г-н подполковник конфирмовал приказ г-на полковника и сразу выдал ему пропуск на поездку. Посему он продал свой экипаж и последовал за другими офицерами, которые возвращались назад. Части из них было разрешено взять отпуск, а часть была командирована, и вместе они составили 40 человек.

31 августа

Я написал из Сараев письмо своему брату, чтобы переслать его с вышеуказанным капитаном Куллоном, потому что он должен был на следующий день выехать в Вильно и проследовать далее через Литву и Самогитию в Ригу.

1 сентября

Я получил приказ быть готовым к выступлению на следующее утро.

2 сентября

Около 9 часов утра полк прибыл в Долгинов, где мы оставались до 2 часов дня по полудню, прежде чем прошли полки, за которыми мы должны были идти, потому что выступила в путь вся армия, а также и обоз всей армии. Вечером мы пришли в деревню Саборы, где располагались наши прежние квартиры..4 мили.

3 сентября

Оттуда до доминиканского монастыря на Березине...3 мили.

4 сентября

Переправились через реку Березину и должны были идти через очень заболоченный лес, протяженность которого была 5 миль, где я был вынужден расположиться на ночлег, потому что обоз впереди идущих полков, не мог пройти скверную дорогу, прежде чем лошади не будут достаточно накормлены. Но ночью нельзя было раздобыть никакого фуража кроме осиновых листьев, которые люди должны были нарвать.

5 сентября

К вечеру я прибыл в деревню Пышно, где расположился полк, и, таким образом в эти два дня я прошел.......6 миль.

6 сентября

Оттуда до города Лепель, который русские усилили гарнизоном, через который должен был пройти Его Королевское Величество со своей армией, и где останавливалась лагерем вся русская армия..3 ½ мили.

N. B. Здесь полк должен был остановиться, но так как там нельзя было найти фураж, полк прошел дальше до города Лукомля..4 мили.

Здесь мы оставались в течение 2 дней, чтобы дать отдых людям и лошадям, починить поломки у повозок, а также из-за того, что впереди идущие полки захватили лучшие квартиры и фураж.

10 сентября

Я прошел с полком до Череи, где мы получили приказ оставаться несколько дней, чтобы собрать контрибуцию, а также, чтобы приготовить то, что еще может понадобиться для повозок. Всего пройдено..................................4 мили.

11 сентября

Я получил устный приказ г-на подполковника сделать вылазку в лес, чтобы поискать скот, который там обычно находился. Приблизительно в полдень я отправился на вылазку с 32 солдатами, с которыми я прибыл на край жуткого болота, где атаковал около 300 крестьян, которые охраняли скот. Они так сильно меня атаковали с косами, топорами, кольями и ружьями, что не только лишь я получил 2 удара колом, но у меня было ранено 4 солдата, а один, из роты Йершьё капитана Синклера, был убит на месте. Они, не обращая внимания на мое яростное сопротивление, заставили меня отступить и оставить их имущество в покое, пока не прибыл мне на помощь фельдфебель Бонг с 20 солдатами, к которому я сразу же послал одного из солдат (в самом

начале, когда я увидел их решимость, что они не захотят уступить силе). Они в свою очередь отступили, когда на помощь прибыл фельдфебель. При этом отступлении они старались увести как можно больше скота и лошадей, сколько они могли, но я их так настойчиво преследовал, что они вынуждены были оставить после 3 часов сильного сопротивления 184 головы крупного рогатого скота, 254 овцы и 35 лошадей, помимо 15 убитых и 5 раненых. Оных раненых я забрал с собой в полк и отдал под караул, а скот отдал для аттестации полковому комиссару Юхану Тёрнефельту. Г-н подполковник был немало обеспокоен тем, что я ввязался в акцию с вышеуказанными крестьянами и весьма из-за того, что потерял солдата, а 5 было ранено. Он отрицал, что приказал мне ехать в лес, но когда я сослался на капитана Синклера и на то, что многие других тоже это слышали, он со своей стороны сказал, что приказал мне ехать по дороге, но не углубляться в лес. Эти раненые крестьяне должны будут, в конце концов, мне указать, где находится их дворянин, которого я ночью с партией должен схватить, за которым я и отправился на 3 мили вглубь леса.

12 сентября

Рано утром я прибыл на железоплавильный завод, где находился этот дворянин и который я немедленно окружил своими 24 солдатами. Затем я сам с унтер-офицером и 4 солдатами вошел внутрь, чтобы его схватить. Тот, не ожидая такой неожиданный для него визит, пребывал в безопасности, и он был сильно изумлен. Я объявил его арестованным, и что он должен был немедленно приготовиться ехать со мною с полк. Он вынужден был с большой неохотой это выполнить, и я отвез его на квартиру г-на подполковника приблизительно в 9 ч. утра. Как только я доложил об исполнении приказа, что со мной арестованный дворянин Стребиньский, он отослал меня с ним (Стребиньским) к господину генералу, чтобы я сам дал объяснение относительно всего, потому что г-н подполковник не хотел отвечать за то, что произошло. В полдень я прибыл на квартиру генерала с арестованным, которого охраняли унтер-офицер с 2 рядовыми. Я сразу доложил о себе, меня попросили войти, и объяснил, что у меня под стражей находится дворянин Стребиньский, что его крестьяне оборонялись от меня, что я по приказу г-на подполковника ездил в лес, чтобы привести в полк скот, в связи с чем я потерял одного солдата убитым и 5 ранеными, и что далее произошло и как я оборонялся и т.д. Его Превосходительство ответил, очень хорошо, что я поймал этого Стребиньского, которого он так долго искал, попросил меня остаться на обед, что я и сделал. Тем временем Его превосходительство приказал привести этого дворянина, спросил его, что он еще оставил своему вождю Огиньскому, затем они прошли в комнату. После обеда я поскакал в полк, который располагался в городе Черея, от которого квартира Его превосходительства находилась на расстоянии ½ мили. Перед отъездом Его превосходительство попросил передать привет г-ну подполковнику и сообщить ему, что это было очень хорошо, что я задержал (Стребиньского), что он так легко не отделается, что мною скот принадлежит полку, даже лошадей можно использовать на пользу полку, но крестьян следует отпустить на волю.

N. B. Этот дворянин, прежде чем он отделался, отдал более 1500 рейхсдалеров, из которых 600 через два дня были присланы в полк под расписку, таким образом увеличив контрибуцию с выше упомянутого дворянина и крестьян, помимо того, что было потеряно без всякой расписки, из захваченного мною в лесу. А так как г-н подполковник не желал в этот раз признаваться, что он отдал мне приказ, я намеревался с того дня выезжать на подобные вылазки не раньше, прежде чем я получу письменный приказ.

13 сентября

С унтер-офицером, который был для распоряжений, я получил приказ г-на подполковника забрать 60 лошадей, которые я должен был передать в Оникшках лейтенанту Грассу и прапорщикам Блому и Финелиусу, а вместо них отдать других, которых я должен был использовать под упряжных. А так как эти лошади были почти испорчены и переломаны, я не хотел делать обмен, потому что за таковых я должен был отвечать и следить, чтобы у них не было никаких повреждения, я не хотел отдавать испорченных лошадей взамен хороших и неизмученных, прежде чем я получу письменный приказ, каковой я получил, и обмен был произведен. Я получил на память квитанцию для представления г-ну подполковнику, которого я прежде попросил дать мне водку и мыло, чтобы вымыть лошадей, полбочонка водки и 4 каролинеров для мытья.

Я получил приказ готовиться к выступлению на другой день.

14 сентября

Полк выступил рано утром, я последовал за ним. Вечером полк прибыл в деревню Петраки, но из-за плохой дороги я вынужден был 2 ночи располагаться в лесу, и прибыл только днем 16-го в Петраки, где располагался полк. За эти 2 дня всего пройдено...4 мили.

17 сентября

Утром я выступил с полком из Петрак и в течение 2 дней и 3 ночей я также находился в лесу, прежде чем я нашел полк, затем рано утром я прибыл в Толочин, где вновь собралась вся армия. Таким образом, всего было пройдено..4 ½ мили.

18 сентября

Утром этого дня от меня в полк вернули прапорщика Ругмана с его солдатами, с которыми он охранял обоз, поскольку это был приказ Его Превосходительства, чтобы при обозе впредь более не находилось никаких войск, кроме ездовых и ремонтников, если в дороге, что-либо сломается.

N. B. Отсюда армия начала двигаться в боевом порядке, а весь обоз последовал за армией в таком порядке, в каком

двигались полки, и охранялся он солдатами, собранными со всей армии, числом 600 человек, под командованием подполковника.

19 сентября

Вся армия выстроилась на поле, после чего пошли в своем порядке наш и другие полки, затем таким же образом обоз, затем двинулись полки; охраной обоза командовал г-н подполковник Брюкнер, потому что он был самый старший подполковник во всей армии. На ночь я расположился в лесу, потому что обоз нас порядочно задерживал.

20 сентября

Мы выступили с обозом и поздно вечером прибыли в деревню Воронцевичи, и таким образом, за предшествующие дни пройдено...4 ½ мили.

21 сентября

Мы выступили из Воронцевичей под столь же сильной охраной, которой командовал подполковник Ваденфельд, и на ночь расположился в лесу, чтобы покормить лошадей, потому что дорога была непроходима. Днем 23 числа мы прибыли в город Шклов, который расположен на довольно широкой реке Днепр, и который принадлежит гетману Сапеге. Генерал-майор Стакельберг, который с несколькими полками прибыл на 2 дня раньше нас, начал строить мост через выше названную реку, но он был еще не готов, поэтому мы там расположились на отдых.

В течение этих двух дней мы прошли.................5 миль.

22 сентября

Вечером армия стала переправляться, что продолжалось всю ночь. Части, которые переправились на другой берег первыми, разбили лагерь для всей армии, а затем переправили обоз.

23 сентября

В полдень я стал переправляться через Днепр и расположился на поле позади своего полка в добром порядке. В тот же вечер поступил приказ генерала, чтобы в помощь командующему обозом офицеру были приданы 1 капитан, 1 лейтенант и 1 прапорщик, потому что могло произойти нападение противника. Они должны были часто меняться, встречать обоз и полк. Поэтому, ко мне был откомандирован капитан Магнус Тёрнефельт, лейтенеант Прэзьер и прапорщик Лекат, однако от этого мои малейшие заботы не облегчились, ибо еще ожидалось нападение противника.

24 сентября

Мы двинулись маршем от реки Днепр, и вся армия расположилась лагерем на Ассирийском поле (у деревни Княжицы).

Всего пройдено в тот день................................2 ½ мили.

25 сентября

Мы выступили вечером, и потом армия 3 колоннами двигалась весь день до деревни Петровичи............3 ½ мили.

26 сентября

Точно так же мы выступили и прибыли в деревню Белицы, я прибыл туда поздно ночью. ....4 1/3 мили.

27 сентября

Утром, после того, как весь обоз был в сборе, а большая часть армии выступила из Белиц, нам встретилась вражеская партия, состоявшая из 4000 человек. Ее вскоре несколько быстро собравшихся кавалерийских частей так встретили, что противник был вынужден показать спину, и был нашими войсками отброшен вглубь леса приблизительно на ¼ мили, но так как неприятель не желал оказывать сопротивление, войска вернулись и привели 3 пленных и 2 верблюдов. При этой атаке мы никого не потеряли убитыми, лишь было 3–4 раненых. Со стороны противника потери были больше, хотя точно не известно, сколько он потерял при отступлении. А так как во всей армии была из-за этого объявлена тревога, то это немного задержало наше продвижение, потому что мы в тот день не смогли пройти больше ½ мили и разместились на ночевку в поле. Я командовал вместе с капитаном Бёклером, лейтенантом Больбергом и прапорщиком Бергером. Но авангард, которым командовали подполковник Ментцер, майор Герттен, в составе 1000 чел. кавалерии и пехоты продолжил свой марш до ночного лагеря, в котором должна была остановиться вся армия у Лесной. Обоз также пришел туда, поскольку я прибыл на наследующий день приблизительно в полдень. Пройдено было в эти дни..3 ½ мили.

28 сентября

В полдень я прибыл в Лесную. В тоже утро прибыл и наш полк, который провел ночь на поле у дефиле в 3/4 мили от Белиц. Неприятель, который находился на пути армии с целью задержать нас, пытался преградить путь между обозом и армией. Его Высокопревосходительство генерал Левенхаупт немедленно направил вперед армию и удачно прибыл с частью армии без малейших людских потерь, противник даже не пытался стрелять. Его Высокопревосходительство направился прямо на преграду и оттеснил влево неприятеля, который после слабого отпора повернул к лесу. В это же время противник произвел сильную атаку на наш арьергард, к которому пришел на помощь генерал-майор Стакельберг с другой частью армии, которая еще не прошла дефиле. Противник, заметив эту сильную и быструю подмогу, разделил свои силы на несколько частей и в числе 20 эскадронов встал напротив нас, ничего не предпринимая. В это же время генерал-майор приказал выдвинуть 2 пушки, которые произвели несколько выстрелов, от которых неприятель потерял несколько драгун, после чего тут же отступил в лес на другой стороне дефиле. Генерал-майор не стал преследовать эти эскадроны, потому, что большая

часть кавалерии, которая была с Его Высокопревосходительством, начала проход дефиле и как только полки его прошли, они поспешили в ночной лагерь у Лесной. Там Его Высокопревосходительство с половиной армии, которая подошла первой, быстро расположился на отдых, потому что противник освободил ему дорогу, и стало темнеть. Прежде чем вся армия преодолела препятствие, противник установил несколько пушек, которыми он мог обстрелять дефиле и открыл сильный огонь, которым в Хельсингском полку было убито 2 солдата и ранено 4. В Абосском батальоне, который двигался в тот день вместе с Хельсингским полком самым последним за армией, было ранено 2 солдата. Войска добрались до лагеря у Лесной к полуночи и не смогли в темноте поставить палатки, поэтому и полк и батальон заночевали под открытым небом. У обоза была также объявлена тревога, которая заставила нас простоять с оружием в полной готовности до вечера, когда стала прибывать армия.

Подполковник Ментцер, который в течение этих двух дней командовал авангардом, в это утро запросил с курьерами у генерала разрешения двигаться к Пропойску, где мы предполагали остановиться в следующую ночь, если бы нам не помешал неприятель. Он указал свои резоны на это, первое, что наш лагерь был слишком тесным, окруженным густым лесом и двумя большими дефиле и второе, что противник перекрыл (завалил) нам дорогу, которую можно было очень быстро расчистить, если бы Ментцер получил немедленный приказ двинуться вперед и выполнить это, благодаря чему армия смогла бы совершить быстрый марш через лес.

Вначале решением Его Превосходительства было сказать да, но когда генерал-квартирмейстер лейтенант Браск указал на выгодность данной местности, которая в случае вражеской атаки могла стать небольшой крепостью, то тогда было приказано остановить авангард и т.д. Но, тем не менее, господин подполковник отправил 200 человек, чтобы расчистить заваленную дорогую.

Численность армии генерала Левенгаупта 28 сентября 1708

	Полки	Батальоны и эскадроны	Численность
Кавалерия	3	–	2000
Драгуны	3	3	2900
Пехота	6	5	8000
Поляки, одна рота	–	–	50
Всего	12	8	12950

Артиллерия состояла из 16 чугунных пушек; сколько с ними солдат я не знаю, но их офицеры были следующие:

Майор Юлленгранат, высший командир
Капитан Ширнъельм (вернулся в Ригу)
Капитан Клеркберг
Лейтенанты Адлеръельм (убит)
Мёрк ((вернулся в Ригу)
Прапорщики Бликстерфельт (убит)
Блюберг
Адьютант Нильс Групман
Предикант N –

Офицеры фортификации
Капитан Каммекер
Кондукторы Линдрот
Берг

Генеральный штаб
Его Высокопревосходительство генерал и губернатор Левенхаупт
Генерал-майор Стакельберг (ранен)
Генерал-адьютанты Кнорринг (плен)
Лоде (плен)
Синклер (ранен)
Генерал-квартирмейстер лейтенант Браск (вернулся в Ригу)
Флигель-адьютант Торик
Обер-комиссар Бродде (вернулся в Ригу)
Кригс-фискал Энгвальд (плен)
Фельдбухгалтеры Хагеман (вернулся в Ригу)
Эклинд (вернулся в Ригу)
Штаб-предикант Стратовиус (плен)
Обер-аудитор фон Клинтон (плен) (сейчас Эренрус)
Секретарь Хардер
Канцелярист Экедаль

29 сентября

Рано утром я получил приказ явиться к подполковнику, который приказал мне быть готовым к маршу и освободить 2 обозных повозки, чтобы подполковник мог перегрузить на них часть своего багажа, так как фургоны просматривались при прохождении переправы для того, чтобы офицеры сократили вдвое свой обоз, ибо большой обоз сильно замедлял наш марш. Поэтому офицеры могли иметь следующее число фургонов:

Полковник — 4, подполковник и майор — 3, капитан и ротмистр — 2, лейтенант, прапорщик и корнет — 1 повозка каждому; лишние повозки надлежало разбить вдребезги. Следуя пожеланию упомянутого подполковника, я освободил 2 повозки, на которые он погрузил свой багаж, которые должны были следовать с остальными, и предполагалось, что они были провиантские фургоны.

В это же время выступил авангард, который, как всегда состоял из 1000 чел. и был под командованием подполковника Мейерфельта и майора Берга.

Те, которые днем ранее были в авангарде, а именно подполковник Ментцер и майор Герттен, теперь стали в арьергарде. Со мной были откомандированы капитан Йобст Тёрнефельт, лейтенант Кнорринг, прапорщик Бринк, со мной также был лейтенант Брандт, так как он был командирован с комиссариатом.

Около 6 часов утра запел хор, наш полк тотчас принял участие в короткой церковной службе полагавшейся на тот день, который был днем святого Михаила, и которая закончилась спустя ¾-часа. После чего по приказу полки выступили; как только полк переходил через дефиле, за ним следовал обоз, который так подгонялся, что те, у кого было больше фургонов, чем было выше упомянуто, бросили их и разбили на куски. Здесь находились генерал-майор Стакельберг и генерал-адъютант Кнорринг, тщательно за всем следившие, и это заняло некоторое время.

Около 10 часов утра, когда уже большая часть армии шла быстрым маршем к городу Пропойску, началась веселая игра или танцы, я имею в виду бой, около маленькой деревни Лесная (в которой мы предыдущей ночью расположились лагерем). Конец оного был таков, что ни мы, ни русские, собственно говоря, не знали, кто выиграет или проиграет сражение, хотя мы в тот день были мужественны, для того чтобы вступить в настоящее сражение с врагом. Притом, что, как уже было упомянуто, большая часть армии уже отступила и часть полков прибыла уже в город, и было предпринято сокращение числа их фургонов, что заняло много времени, и за чем тщательно следили. Из-за этого случилось, что встретить всю силу врага вышли полки Хельсингский, генерала Левенхаупта, Банера и батальон Аболандского полка вместе с батальоном подполковника Сакена и Абосским кавалерийским полком. За вычетом всех командированных они насчитывали вместе 4300 чел. По заявлению русских их силы состояли из 3-х полков гвардии, в которых вместе насчитывалось 18000 чел, которые наступали в лесу в форме полумесяца. Наши упомянутые полки, которые были в готовности им противостоять, были, в конце концов, так разбиты, что лишь малая часть их людей осталась в живых, потому что, они стояли одни в постоянном огне до 3 часов дня. Те немногие, которые все-таки остались, вынудили, однако, врага отступить 8 раз с потерей 4 пушек. Неприятель, которого мы преследовали в лесу, в конце концов, разбил наш полк настолько, что другие подходившие полки, прибыв туда, где он располагался, столкнулись с неприятелем. Полк, который преследовал в лесу неприятеля, по приказу генерал-майора Стакельберга, командовавшего сражением в этом месте, должен был отступить на свое прежнее место, при этом 2-й батальон Хельсингского полка был полностью разбит, так, что лишь немногие, из ранее посланых солдат смогли вернуться, подполковник был убит, а знамена утеряны. Неприятель, увеличившийся в числе, сделал поворот и произвел им в спину залп, от которого солдаты упали как трава на склоне, и преследовал их до последнего солдата. Это ожесточенное сражение, во время которого слышались оглушительные залпы, сравнимые с громовыми раскатами, начало в тот момент постепенно стихать. Благодаря этому противник получил время собрать своих солдат, которых было довольно много павших и рассеянных. При этом при отступлении, когда был разбит батальон, мы опять потеряли 4 пушки, ранее захваченные у неприятеля. Около 4 часов дня начался второй жаркий бой (наши остальные войска уже вновь вернулись и встали в боевой порядок, а генерал-майор Стакельберг вернул полк Шрейтерфельта, эскадрон Брандта и нашу артиллерию, которая была с авангардом), который продолжался до вечера, пока темнота не разделила людей. Тогда противник отвел свои войска к лесу, где он развел бесчисленные костры, а мы остались на своем месте. Этим последним боем командовали оба генерала, Левенхаупт кавалерией, а Стакельберг пехотой, которые сделали так много, для того, чтобы неприятель был вынужден нас уважать. Он свыше 10 раз отступал, но вновь тут же охватывал позицию, как только он получал подкрепление своей боевой линии свежими резервами. Тогда даже Его Превосходительство генерал Левенхаупт, который лично преследовал противника с кавалерией, отступил. Когда мы с пехотой атаковали противника, которого можно было различить, нам ни разу не удавалось обратить его в бегство, потому что он после 3–4 залпов всегда отходил и не допускал нашей атаки его шпагами, штыками и пиками, которую тут же предпринимал Его Превосходительство. Так что нам не удавалось поразить в спину отступающих врагов и убить отставших. Наблюдать эту последнюю атаку было подобно наблюдению за рыцарским турниром, хотя она закончилась с большим кровопролитием, а генерал-майор Стакельберг не преминул сделать то же самое со своей стороны. Не слышалось ничего другого кроме постоянного грома пушек и залпов, так что нельзя было различить отдельный залп. Наша артиллерия, которая прибыла позднее, произвела, наконец, хороший эффект. Мы старались уклониться от леса, так как неприятель, удачно расположив там свои пушки, причинял нам большой вред, если мы приближались. Но они нас не беспокоили, если нам удавалось держаться них подальше. Мы закончили, таким образом, этот бой на нашем левом крыле; затем стало так темно, что уже нельзя дальше было ничего сделать. Бой продолжался 8 с половиной часов, а точнее с 10 утра до 7 вечера, и в течение 8 с половиной часов ни на мгновение не прекращалась стрельба.

В этом бою, вероятно, мы сумели бы достичь желаемой цели (хотя неприятель не мог похвастаться ни захватом местности, ни тем, что его потери в людях были меньше наших), если бы вся армия была в сборе и в хорошем порядке встретила эту атаку. Но мы не предполагали в тот день давать генеральное сражение, поэтому было принято мало мер, кроме отзыва войск и задержки по времени, о которых уже рассказывалось. Кроме того, наша неудача во многом зависела от внешних условий, ибо погода была постоянно против нас в течение всего сражения, ветер гнал нам в лицо такие клубы дыма, что солдаты не видели впереди стоящих товарищей. Кроме того, последовало наказание Господне, и вечером пошел сильный и продолжительный снег с градом, который хлестал нам в лицо. В итоге, все ясно услышали то, что Бог разгневался на нас, когда Его Превосходительство со многими важными офицерами после совета пришел к решению, что мы в 12 часов ночи в полной тишине должны будем отступить и оставить противнику

весь наш обоз и имущество в качестве добычи, так как Его Превосходительство обнаружил, что наши силы ослабли, и мы не сможем на следующий день сразиться с противником. Ибо к тому уже пришел сикурс в 10000 чел, которые в начале боя находились на расстоянии 3 миль от поля боя, и с которыми находился лично Его Царское Величество. Мы узнали это от пленного офицера. Но мы были, напротив, очень ослаблены, что можно видеть в последующих ведомостях, какова была численность полков днем позже у Пропойска, куда мы пришли днем, совершив ночной переход.

30 сентября

Здесь неприятель воспользовался случаем считать сражение выигранным, что он, с другой стороны, по всем причинам, не должен был делать, потому, что на следующий день он не осмелился нас атаковать. Отступив, он даже не знал, что мы ночью отошли, пока в полдень партия калмыков и татар не сообщила Его Царскому величеству об этом. Тогда только он подошел к месту боя, куда они вначале под вечер прибыли со всей армией.

N. B. В начале сражения я получил от генерал-адъютанта Синклера приказ выйти из вагенбурга (который я по обыкновению подготовил) со своими людьми, которых насчитывалось 8 унтер-офицеров, 2 барабанщика и 151 рядовой солдат, и указал мне место, где я должен был разместиться, что я и сделал, но был в самом начале первого боя ранен навылет в левое бедро мушкетной пулей. Храбрых солдат, которые из-за этого начали терять мужество и зароптали, я, как старший по званию, счел за лучшее подбодрить, пообещав, что я не расстанусь с ними, пока во мне течет кровь, после этого я исполнял свой долг, отражая противника, пока хватало сил. Храбрый принц Дармштадский, который командовал русскими, находился между обеими линиями. Мы быстро воспользовались этим, я отрядил 4 мушкетеров, которые, приблизившись, атаковали его. От залпа этих 4 солдат он упал с лошади и умер. После этого я обратился за помощью к капитану Тёрнефельту, лейтенанту Кноррингу и прапорщику Бринку, которым утром было предписано находиться со мной, как и лейтенанту Брандту, который также явился ко мне.

Эти господа офицеры настойчиво пытались убедить меня уйти из строя в какое-нибудь место, где я мог быть в безопасности, так как я был ранен, на что я ответил, что я останусь в строю, пока могу двигаться. Я оставался с солдатами до вечера, когда стемнело, и все затихло, и тогда я последовал за лейтенантом Рехуусеном искать врача, который мог бы нас перевязать, но в темноте мы не смогли его найти, поэтому я был вынужден вновь в темноте вернуться к своим людям. Но я сбился с пути и искал их до полуночи, и чуть было не угодил в руки неприятеля, потому, что я так близко подошел к их постам, что они начали стрелять в меня; и так как я не смог найти своих солдат, я решил переночевать прямо на поле, которое было покрыто соломой в том месте, где предыдущей ночью стояла наша кавалерия. Вскоре я встретил солдата полка Банера, подсказавшего мне, что армия уже стала отходить. У него я купил лошадь, на которой я последовал за своим полком и быстро углубился в лес на полмили. Следовательно, я после Господа первого благодарю этого солдата за то, что в этот раз я не попал в руки русских. Он также следовал за мной, пока я не встретил свой полк.

Из всех моих 12 лошадей, работников и повозок мне ничего не удалось сохранить, так как никто за 1000-мильный путь не мог представить, что мы должны будем так отступать. Пока не наступила такая ужасающая темнота, что люди не могли найти свой багаж, никто этого не узнал. Это была третья причина того, почему я потерял все, чем владел, и был ранен на королевской службе.

Придя в сожженный русскими город Пропойск, остальная часть армии была построена, и в полках батальонах и эскадронах была установлена следующая численность

	Убитые и плененные в бою	В наличии после боя	Всего в бою
Кавалерийские полки			
Рижский Адельсфан	57	143	200
Аболандский	349	651	1000
Карельский	291	509	800
Всего	**697**	**1303**	**2000**
Драгуны, полки			
Веннерстедта	276	524	800
Шлиппебаха	259	341	600
Шрейтерфельта	267	333	600
Драгуны, эскадроны			
Подполковника Цёге	119	181	300
Подполковника Скуга	94	206	300
Подполковника Брандта	136	164	300
Всего	**1151**	**1749**	**2900**
Пехотные полки			
Хельсингский	736	424	1160
Генерал-майора Стакельберга	480	420	900
Генерала Левенхаупта	535	445	980
Банера	278	322	600
Врангеля	549	351	900
Делагарди	493	381	880

	Убитые и плененные в бою	В наличии после боя	Всего в бою
Пехотные батальоны			
Аболандский	360	140	500
Нюландский	189	311	500
Эстерботтенский	264	336	600
Подполковника Сталя	160	240	400
Подполковника Сакена	505	75	580
Всего	**4549**	**3451**	**8000**

Суммарное извлечение из предыдущего списка

	Убитые и плененные	В наличии
Кавалерии, которая состояла из 3-х полков	697	1303
Драгун, которые состояли из 3-х полков и 3-х эскадронов	1151	1749
Пехоты, которая состояла из 6-ти целых полков и 3-х эскадронов	4549	3451
Всего	**6397**	**6503**

Какой именно дорогой двигались поляки, невозможно точно сказать; их командир ротмистр Буда попал в плен. Общие потери всей армии в солдатах, кавалеристах, драгунах, обер- и унтер-офицерах, музыкантах и штабных чинах и вышеназванных 50 поляках убитыми и пленными к полудню 30-го составили 6397 чел.

Каких именно и сколько офицеров, штабных чинов, музыкантов и подобных лиц было потеряно, я точно не знаю, поэтому я укажу лишь только вышеупомянутых офицеров и офицеров Хельсингского полка.

Список полковых офицеров, которые были убиты в деле при Лесной 29 сентября 1708:

Полковники кавалерии:
Розен
Боргхузен

Подполковники:
Лейонхювюд
Скуг
Ваденфельд
Брюхнер
Врангель
Фрайбург
Лейон

Майоры:
Вульф

В Хельсингском полку следующие офицеры погибли или были взяты в плен:

Лейб-рота:
капитан Дельвиг
прапорщик Бергер

Рота подполковника:
прапорщик Крук

Рота майора:
капитан Вульф
Лейтенант Тилен

Рота Ованшьё:
капитан Магнус Тёрнефельт
Лейтенант Айзер
Лейтенант Больберг

Рота Йервшьё:
капитан Синклер
Капитан Молье
Лейтенант Лундман
Прапорщик Ругман

Рота Альфта:
капитан Смит
Лейтенант Грасс
Прапорщик Пальмстрюк

Рота Обру:
капитан Шварц
Капитан Лерберг
Лейтенант Ваттлинд
Прапорщик Финелиус

Рота Дильсбу:
капитан Бёклер
Капитан Грин
Лейтенант Прэзьер
Прапорщик Армфельт

Итого: 23 чел.

Штабных чинов:
Полковой квартермейстер Бёклер
Полковой адъютант Больберг
Полковой аудитор Пальмгрен
Полковой комиссар Тёрнефельт

Итого: 27 чел.

Ранены в полку следующие лица:

Рота подполковника:
капитан Дукерт
Лейтенант Рехуусен

Рота майора:
капитан Роткирк
Прапорщик Тетенгрен

Рота Йервшьё:
лейтенант Шварцхоф

Рота Обру:
прапорщик Петре

Рота Дильсбу:

прапорщик Хервиг

Итого: 37 чел.

Следующие офицеры полка были частью в Курляндии, частью в Швеции:

полковник Георг Кнорринг
капитан роты Ованшьё Андерс Тёрнефельт
капитан Куллон
лейтенант Ланнер в Швеции
лейтенант Рехуусен в Курляндии
полковой писарь Пальмборг

Всего: 6 чел.

В авангарде и арьергарде, которые не были в бою:

Майор Герттен
Капитан лейб-роты Крузе
Лейтенант Кнорринг
Лейтенант Комгенберг

Всего:4 чел.
Итого:10 чел.

Выдержка из предыдущего списка офицеров полка

Убитые и раненые офицеры со штабными чинами всего...27

Раненые...7

34

Офицеры и штабные чины, которые остались в Курляндии и Швеции...6

Офицеры, которые были с армией, но не были в бою, потому что были откомандированы.......................................4

10

Все, кто остался невредимым в бою, вкупе с теми, кто присутствовал, не считая пасторов, без учета находившихся в полку офицеров и штабных чинов, те, кто мог быть приравнен к офицерам...12

Итого: 56

Кто еще из полковых офицеров был ранен, мне не известно, поэтому остаются не обозначенными.

N. B. Те, которые, как полагают, ушли в Ригу, а именно Генерал-квартирмейстер лейтенант Браск

Подполковник Хорн, майор Лаутербах, ротмистр Нандельстат, обер-комиссар Броде, капитан Бёклер и его брат полковой квартирмейстер, а также капитан Дельвиг и его брат из Хельсингского полка, капитаны Штрик и Флемминг из полка Левенхаупта, лейтенант Фоссерман из полка Врангеля, а также несколько сотен рядовых.

Его Превосходительство Генерал и Губернатор Левенхаупт был весьма настроен переправить армию возле города Пропойска, но противник, несомненно, укрепил противоположный берег реки Сож и это завершилось ничем. Когда несколько полков пехоты и офицер с несколькими кавалеристами вначале подошли к берегу реки, и позднее этот офицер со своими людьми переправился на большой остров посредине реки, находящийся на другой стороне неприятель начал стрелять по вышеупомянутым солдатам, находящимся на острове. Тогда подошедшие полки в порядке и тишине отступили назад к городу, но этот офицер и его люди остались. Армия отступила, и приблизительно в 1 час дня, передвинулась направо от Пропойска и к вечеру прибыла в деревню, где Его Превосходительство Генерал Лейонхювюд остался на ночь со всей пехотой, в то время как генерал-майор Стакельберг с большей частью кавалерии переправился через Сож, которая находилась на расстоянии 1 мили от деревни. Стало быть, в тот день мы прошли 2 мили.

N. B. Прежде чем Его Превосходительство отступил от Пропойска, был уничтожен весь обоз, который ранее днем прибыл в город. Равным образом было уничтожено большое количество вина и прочих ценных напитков, которые частью были отправлены Его Королевскому Величеству из Риги, а частью везлись кучей маркитантов из Королевства, как и те, что принадлежали армии — у всех бочек были выбиты днища. Лошади, оставшиеся от фургонов были розданы солдатам, и большая часть пехоты была посажена на лошадей. Уничтожив обоз, Его Превосходительство нашел, что теперь он мог либо совершить быстрый марш, либо сражаться.

1 октября

Утром Его Превосходительство выступил из безлюдной деревни, где мы располагались на ночлег, и подошел в 9 часов утра к броду, через который вечером переправился с кавалерией генерал-майор Стакельберг. К нашему прибытию с противоположного берега подъехал генерал-майор Стакельберг и наша пехота, имеющая лошадей начала переправляться вплавь. Для прочих пехотинцев, у которых не было лошадей, были построены 3 плота из бревен, с помощью которых к 2-м часам дня большая часть пехоты и армии переправилась через реку. Его Превосходительство был так учтив и попросил меня переправиться с ним и генерал-майором Стакельбергом на их плоту, который водил туда и обратно через реку магистр Сандмарк, потому что он должен был получить свои книги, которые я любезно принял под свой присмотр и удачно переправился через реку на маленьком плоту, на котором едва могло уместиться 4 человека.

N. B. Свою лошадь я отдал унтер-офицеру полка, чтобы переправиться и через это ее потерял (это была 13-я лошадь утраченная мною). Переправившись через реку, он ее

упустил, когда надевал башмаки и чулки. Я освободился и быстро подбежал, но у унтер-офицера Хольмберга уже не было лошади. Это была настоящая медвежья услуга, и больше всего я сожалел о седле, потому, что я был ранен в бедро и испытывал большое затруднение ехать на лошади без крепкого седла. При этой переправе, которая прошла не очень хорошо мы потеряли приблизительно 50–60 рядовых солдат, бывших пьяными с ротмистром Русом, потому, что река была достаточно широкая и быстрая, а ее осенние воды разлились от сильного дождя, продолжавшегося все это время. На эту переправу нельзя было смотреть без слез, а так как ее жалкий вид не возможно описать, поэтому я ее молча пропущу.

Приблизительно около половины третьего дня около 1000 казаков и татар прибыло на берег реки, туда, где мы переправлялись. Там они обнаружили 30 или 40 спешенных солдат, которые ожидали плот, на котором они должны были переправиться. Через ½ часового сопротивления часть их рассталась с жизнью, а часть сдалась в плен, потому что было не возможно никого заставить отвести плоты, чтобы их забрать.

В 3 часа дня я прибыл на место в большой сосновый лес, где армия стала строиться и готовиться к маршу. Его превосходительство генерал Левенхаупт заметил меня и спросил, был ли у меня какие либо проблемы, потому что накануне вечером я говорил с ним (он спросил меня как обстоят дела). Я рассказал, что получил от неприятеля огнестрельную рану, о которой он выразил мне свое соболезнование и далее сказал: «Да поможет Бог, вы не единственный. Посмотрите, для нас это плохо закончилось, Бог не сотворил для нас чуда, поэтому мы все как прочие». Однако он сказал это тихо, чтобы солдаты не слышали, с которыми он тотчас стал разговаривать и ободрять их словами, что они должны полагаться на своего Создателя и не бояться мертвецов или того, что мы потерпели такое сильное поражение. Им следует быть мужественными, потому что Бог настолько могущественен, чтобы помочь обрести многое и т. д. Я не ответил на эти слова Его превосходительства, поэтому он распорядился сделать мне перевязку, а я воспользовался минуткой рассказать, что моя лошадь потеряна, поэтому Его Превосходительство спросил меня, есть ли у меня лошадь лучше той, на которой я ездил. Его превосходительство приказал всей армии, найти такую лошадь и немедленно доставили ее ко мне. Но ему ничего не нашли, и поэтому Его Превосходительство был настолько милостив, что дал мне лошадь лучше прежней, на которой я сейчас и еду.

В 4 часа дня начался наш марш через обширную безлюдную местность, через которую мы шли 10 дней и 10 ночей и, наконец, пересекли ее. За эти десять дней мы не заметили ни одного человека, потому что мы шли через такие леса и болота, через которые, я думаю, вряд ли кто до нас или после нас проходил. Я могу заявить по правде, что в течение этих 10 дней я съел хлеба или какой-либо другой еды не больше размера ладони, за исключением сырой репы и свеклы, которой мне дали несколько кавалерийских офицеров, выезжавших на вылазку, а также нескольких сырых капустных кочерыжек, что было для меня непривычной едой. У самих генералов во время марша не было ни хлеба, ни соли. В итоге, такие кушанья, до которых прежде дотрагивались бы с омерзением, мы сейчас ели как прекрасный марципан. Дошло до того, что отдых ночью под открытым небом под дождем вызывал большую радость и покой, чем прежде в гостях на перине. В заключение, я не сомневаюсь в том, что, возможно, существуют некоторые, которые не привыкли к плохому, поэтому им будет невозможно удержаться от слез, оплакивая ту нужду, в которой мы пребывали, и в которую сейчас трудно поверить. Я бессилен описать то, что со мною было. Однако, слава Богу, посредством чьей чудесной милости мы столько раз были избавлены от этой нужды!

Ежедневно во время этого сурового марша съедались сотни лошадей. Но люди оставались по милости и помощи Божьей такими сильными, что никто не отстал, несмотря на трудный марш и работу с мостами, которые они были вынуждены ежедневно строить через реки и болота.

11 октября

К вечеру мы прибыли в деревню в Северской земле, в 2 ½ милях от Стародуба, где мы нашли дома старика. На заданный вопрос он объяснил, что 2 днями ранее в нескольких милях от Стародуба, в котором находился русский гарнизон, проходили шведские солдаты. Но он не мог сказать, где находились теперь указанные шведы.

N. B. В лес на вылазку отправилась партия, которая вернулась с небольшим количеством скота и муки. Я и лейтенант Рехуусен, которые все время находились вместе, получили вечером от полкового квартирмейстера Врангеля из полка Левенгаупта пивную кружку муки, из которой мы приготовили 2 лепешки и испекли их на костре. Затем мы вечером получили ¼ овцы. Это был первый раз с 30 сентября, когда мы хорошо поели, а вместо соли мы использовали порох. В этой деревне мы заночевали и остались на другой день. Здесь же я впервые попробовал конину.

13 октября

Утром мы выступили из деревни и продолжили свой марш так близко от Стародуба, что могли хорошо его разглядеть, а неприятель, который в нем располагался, начал по нам стрелять, поэтому мы отошли от него дальше в поле, оставив его по правую руку. В то же утро в арьергард было откомандировано 100 солдат-хельсингцев, которыми командовал лейтенант Эссен. Он был старший из оставшихся лейтенантов и исполнял обязанности капитана, потому что большая часть капитанов полка была убита и ранена, как указано в списке. У него были в помощь лейтенант Исаак Кнорринг и прапорщик Лийф. Сразу после начала марша были замечены вражеские войска, которые атаковали его (Эссена) с выгодной стороны, потому что он двигался на некотором отдалении от армии и противник мог видеть,

сколько у него было сил, которые они думали, смогут быстро разметать. В арьергарде находился целиком Карельский кавалерийский полк, которым командовал подполковник Лёшерт, и который атаковал неприятеля, обратил его в бегство и соединился с вышеупомянутым лейтенантом Эссеном. Тот уже несколько раз отразил неприятеля с некоторой потерей в людях. Капитан, который был уже вне деревни, через которую прошла армия, заметив, что неприятель обратил кавалерия в бегство и преследует ее по пятам через деревню, расположился в отдельном месте, окруженном толстыми дубовыми досками, и дал со своими людьми полный отпор неприятелю. Он пропустил нашу отступающую кавалерию, а когда неприятель подошел ближе, дал по нему хороший залп, от которого неприятель должен был отпрянуть и повернуть назад. Тем временем вышеупомянутый полк вновь расположился для новой атаки неприятеля. Тот, увидев, что на помощь арьергарду подходят свежие подкрепления, а вся армия выстроилась и готова поддержать свой арьергард, решил отступить в лес. Наши, которые его преследовали, убили сколь-то из них, но, сколько точно пало с неприятельской стороны, сказать невозможно. Из хельсингцев пало 2 или 3, а 10 человек было ранено; кавалерия потеряла 25 убитыми и немногим больше ранеными. Также были захвачены несколько офицерских слуг, которые были в деревне. Среди них был и слуга лейтенанта Кнорринга, с которым пропало 300 риксдаллеров и все прочее из его багажа, что слуга сохранил, с того времени, когда мы оставили наш обоз....

Тем временем армия продолжила свой марш, несмотря на то, что неприятель целый день следовал за нами по обеим сторонам и сжигал попадавшие по пути деревни, дворы, посевы и копны сена, чтобы лишить нас пропитания.

Вечером пред наступлением сумерек Его Превосходительство решил занять квартиры в деревне, приблизительно в 1 ½ милях от Стародуба. Но противник предал ее огню, прежде чем мы успели в нее войти. Мы продолжили свой путь через поле до 10 с лишним часов вечера, когда мы заметили, что противник для подачи сигнала там разжег огонь в большой куче (сучьев) и был в лесу, который окружал это большое поле. Мы увидели, как на поле зажглось множество костров, и посему не могли заключить ничего иного, кроме того, что это был русский лагерь, к которому мы двигались. Остановившись от них на расстоянии приблизительно ¼ мили, Его Превосходительство послал партию, чтобы выяснить, что это были за люди, когда через час они вернулись с известием, что это был отряд Королевской армии под командованием генерал-майора Лагеркруны, состоящий из 3000 человек. Эта неожиданное сближение с нашими войсками вызвало такую радость у офицеров и рядовых, что так все легко закончилось. Они считали, что, учитывая плохое состояние нашей армии, которое было нашим полным крахом, это продолжится еще несколько дней. И люди и лошади во время этого тяжелого марша голодали, а также мы ощущали недостаток боеприпасов. Ни у кого из солдат не было пороха и пуль больше, чем на 12 выстрелов, из которых большая часть была подпорчена водой, через которую во время следования приходилось переплывать и переходить в брод. В эти два дня ожидалась вся сила неприятеля, однако, если те неприятельские войска, с которыми мы накануне днем имели дело, помешали нам соединиться с Королевской армией и напали на нас вновь, мы бы попали в плен.

Затем мы двинулись ближе к указанному отряду, который располагался в большой деревне, и переночевали в поле рядом с ней.

Сколько миль мы прошли после сражения и затем от Пропойска, я не знаю. Мы двигались через пустынные поля и непроходимые леса, где не встречали никого, кого об этом можно было спросить. Однако я подсчитал, что за 11 дней и ночей марша мы проходили, по крайней мере, 3 мили в день, что составляет за период с 30 сентября по 13 октября, в течение которых мы оставались на одном месте 1 ½ дня, 11 ½ дней, за которые пройдено................33 мили.

14 октября

Было воскресенье, и для нас и отряда была отслужена месса, во время которой люди не могли сдержать слез радости, потому что Господь своим милостивым провидением сохранил нас от опасности, в которой мы находились. Мы точно не знали, куда мы придем, потому что во всей армии не было карты, по которой можно было справиться. Мы также никого не встречали, которого можно было бы расспросить или выведать дорогу. Я позволю сравнить наше состояние во время марша с кораблем, который попал в кораблекрушение, и потерял руль, которого непогода швыряет туда и сюда, подвергается многим, многим трудностям и не знает, забросит ли его буря в гавань или выбросит на берег. Верблюды генерала Левенгаупта сопровождали его до Пропойска, поскольку все карты и все его имущество хранилось в сундуках, но по небрежности слуг были там оставлены.

После службы генерал-майор Лагеркруна выделил армии часть вина и табака, а также скот и боеприпасы, так что каждому солдату раздали по 24 патрона. Наши фельдшеры также получили перевязочный материал для раненых и водку для компрессов. В то же время было слышно, как русские открыли пушечную пальбу из Стародуба, которая продолжалась 1 ½ часа. Мы предположили, что это был салют по поводу сражения у Лесной. Мы очень хорошо могли слышать эту канонаду на расстоянии более 2 ¼ мили от них.

В 2 часа по полудни армия прошла мимо и через деревню, где располагался отряд, и все полки пошли на свои квартиры, потому что там было много пустых деревень, из которых бежало население. Но, однако, кое-кто еще был, кто обслуживал для нас ветряные мельницы, большие жернова мы использовали для хлеба, потому что мы должны были жарить зерна ржи, молоть их и готовить хлеб из оставшегося после того, как противник все уничтожил.

Затем его превосходительство генерал и губернатор Левенгаупт отправился к Его Величеству, который

находился от нас в 6 милях. Мы все располагались на квартирах в вышеуказанных деревнях. Ночью пришел приказ, что нам следует выступить на следующий день и соединиться с королевской армией.

15 октября

Армия выступила в полдень и вечером пришла в деревню Бельцирска, приблизительно в 2-х милях от предыдущего лагеря...2 мили.

16 октября

Вся армия выступила и прибыла вечером в деревню Зерница..3 мили.

17 октября

Армия генерала Левенгаупта разделилась, и один полк пошел туда, другой сюда к полкам королевской армии, потому что их распределили, частично из-за того, что они были слабые и разбитые, а также что те лучше могли их прокормить. У нас не осталось ни котлов, ни топоров или прочего, что было у полка, и что обязательно требовалось для сбережения людей в этих краях, особенно из-за бегства населения этих земель. Вечером полк прибыл в деревню Шларовцы (?), там полк остался на ночь. Всего в тот день мы прошли...2 ½ мили.

18 октября

Полк выступил утром и приблизительно в полдень прибыл в деревню Глебцы(?). Там полк сделал привал и был осмотрен Его Королевским Величеством, прибывшим в эту деревню, для чего полк был построен. Перед своим отъездом Его королевское Величество отдал приказ полку оставаться дожидаться Дальский полк, который сейчас находился на марше, чтобы, после его прибытия, влиться в него. Полк прибыл через ½ часа. Итак, мы прошли расстояние ½ мили от Стародуба, и вечером прибыли в деревню Млынка (?), таким образом, нами пройдено..........3 ½ мили.

19 октября

Мы остановились на отдых в Млынке, потому что нас распределили в Дальский полк, все роты первого (полка) в роты второго, по 54–55 человек хельсингцев в каждую роту Дальского полка. Я и лейтенант Арвид Кнорринг из роты Обру, которая насчитывала 47 человек. Остальные 8 солдат перешли из роты майора, всего 55 человек. Мы вошли в роту Ретвик, которой командовал капитан Карл Анрепп, от которого я получил провиант по королевскому приказу, гласящему, что всем офицерам армии Левенгаупта следует получать таковой провиант в полках и ротах, в которые их распределят.

Пехотные полки армии Левенгаупта таким образом распределились в Королевской армии:

В гвардию были распределены полки Левенгаупта, Банера, Сталя, но их офицеры не служили с гвардейскими офицерами

В Дальский полк	{ хельсингцы
В Вестманландский полк генерала Спарре	{ аболандцы { нюландцы { бьернеборгцы Стакельберга
В Вермландский полк генерала Руса	{ Эстерботтенский батальон
В Вестерботтенский полк Генерала Лагеркруны	{ полк Врангеля { полк Де ла Гарди { батальон Сакена

Кавалерийские и драгунские полки были также рас точно сказать не могу, посему это не указываю[183].

№ 160
Із щоденника генерала
Адама Людвига Левенгаупта

Ч. 3 гл. 3

12) Каждая рота должна была иметь 10 провиантских фургонов с 4 упряжными лошадьми и неприкосновенным провиантом на 3 месяца (стр. 133).

Ч. 4 гл. 1

1) Я проявил наивысшее усердие, чтобы подготовить войска к предстоящему маршу и чтобы приготовить к маршу упряжных лошадей и трехмесячный запас провианта для всех войск, с прилагающимися повозками и всем, что могло понадобиться. Но тяжелее и хуже всего было, что полевые войска были изнуренные и почти раздетые, одежду для которых я должен был ожидать, прежде чем я мог выступить, но у меня не было надежды получить все остальное быстрее для того, чтобы быть готовым.

2) 15 мая 1708 я вернулся в Ригу из Радошковичей. Спустя некоторое время после этого я получил от Его Величества следующий приказ и письмо, датированное в Радошковичах 26 мая с. г.

Карл, Божьей милостью

Наша милость и проч,

Мы сочли необходимым, чтобы вы двинулись в Литву с полевыми войсками, находящимися под вашим командованием, направившись по дороге к Березине Пацовой на реке Березина. Также вам передается наша воля и приказание, чтобы вы, чем раньше, тем лучше подготовились к выступлению, а, приготовившись, чтобы вы могли выступить в начале будущего июня месяца, и идти в указанное место, где либо мы вам направим дальнейшие указания, что мы желаем, чтобы вы предприняли для нашей службы, или будет случай и оказия передать это лично. Однако

[183] Дневник Роберта Петре во время войны с 1702 г. до сражения при Полтаве // Перевод Павла Коновальчука [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.slavgorod-museum.com/petre.htm

позаботьтесь надлежащим образом об успехе и сохранении войск, чтобы вы при помощи государства и распоряжений достигли в этом цели. Мы не сомневаемся в вашем рвении и бдительности исполнить нашу милостивую волю, и призываем в помощь вам во всем милость всемогущего Бога. Главная квартира, Радошковичи, 26 мая 1708 от рождества Христова

Каролус
К. Пипер

3) Я уже, только выехав из Радошковичей, настроился на этот спешно возникший марш и поэтому следил, чтобы все возможные мероприятия были быстро выполнены. Но выступить первого июня, помимо того, что уже было сказано, было невозможно по другой причине; прошло уже 7 или 8 дней с начала июня, прежде чем я получил это письмо. Поэтому я отправил, обойдясь без почты, курьера к Его Величеству, со смиренным ответом и отговоркой, что было невозможно сразу выполнить приказ Его Величества и выступить в поход в начале июня месяца. Но, если поможет Бог, до конца июня все находящиеся под моей командой войска должны быть готовы к походу, при этом рассказав вначале о силах противника в Эст- и Лифляндии и о том, что после моего ухода вся страна останется открыта для него. Но я не действую против приказа и выступлю в поход, как только до конца июня с трудом соберу все войска.

4) Вскоре после предыдущего приказания Его Величества я получил следующее письмо, датированное в Радошковичах 1 июня 1708

Карл Божьей милостью,
Наша милость и проч.
И мы приказываем вам и проч. Радошковичи, 1 июня, 1708

Каролус
К. Пипер

5)

6) Однако, сейчас я вновь вернусь к нашему маршу. Невозможно себе представить, сколько офицеров хотели под всяческими предлогами получить у меня разрешение остаться, и как мне было трудно до конца июня все приготовить к маршу, не хватало то одного, то другого. В особенности беспокойным был полковник Кнорринг, не только из-за того, что он отстаивал мнение, что его полк сильно износился, и что он использовал как хороший повод. Но что я мог поделать, из Стокгольма все еще не прибыло никакого нового обмундирования. Он позволил передать ответ через генерал-майора Стакельберга, которому это казалось очень важным, что если он не получит от меня решения выдать ему 1000 мер ржи, и 40 лошадей из округа Сурс недалеко от Виндавы, то он не сможет собрать вместе предназначенный его полку провиант или выступить в поход.

7)

8) Офицеры, о которых я знал, что они больны

9)

10) Я приказал всем офицерам распорядиться в своих полках о приготовлениях к маршу, чтобы выступить по первому приказу. На корабле из Стокгольма было доставлено некоторое количество солдатского обмундирования. Я распорядился по возможности отвезти его в полевые войска, а сам хотел еще остаться за пределами Риги, потому что я ожидал прибытия драгунского полка ген-майора Шлиппенбаха из района Пернова, и я не желал отправляться в поездку прежде, чем я все полностью приготовлю к маршу должным образом.

12) Я выступил в путь, как только прибыл полк Шлиппенбаха, и во имя господа Бога прошел через Ригу в Литву. Марширующие войска по дороге получали сведения, что делать дальше. Я догнал их и затем прошел назад почти 30 миль вне дорог, которые были почти непроходимы из-за сильных дождей, которые в то лето шли как осенью. Я настойчиво требовал от идущего впереди генерал-майора Стакельберга торопиться, как только можно. Я разыскал генерал-майора. Относительно полковника Кнорринга, о чьем отъезде я впервые услышал, он принес извинение, которое заранее придумал и прежде упоминал. Я пропустил это, как и раньше, затем я высказал четкое мнение по поводу этого.

13) Для ускоренного марша я разделил войска на две колонны, из которых одну я вел сам, а другую ген.-майор Стакельберг и таким образом мы проходили всегда по 2, 3, или 4 мили в каждую сторону, чтобы можно было постоянно собирать персонал и продовольствие, насколько позволяли дороги и чтоб не идти по одному пути. Да, мы разделили эти две колонны ради сбора продовольствия, и для того чтобы не бояться противника, но дороги были чрезмерно тяжелые, и неудивительно, что каждый полк в день ломал свыше 100 колес, потому что провиантские повозки были порядочно тяжело нагруженные. Поэтому полки вынуждены были посылать в стороны от дороги отдельные партии, чтобы искать в деревнях колеса. Я могу сказать, что это был самый досадный и затяжной марш, который кто-либо другой мог делать

14) Я проделал не очень долгий марш, прежде чем я начал ощущать то, чего я больше всего боялся. Каждый полковник или командующий офицер начал постепенно желать быть сам себе командиром, коль скоро он отходил в сторону; отдыхал и потом вновь самовольно двигался. Крестьяне убегали со всем имуществом в леса. Каждый самовольно брал все, что находил; не избежали и грабежей. Довольно много вольнонаемных работников или распутниц, нанятых на стороне, после того как у них кончились полученные в полках деньги, (воровали) что могли и сами творили насилие. Если я писал кому-то, кто двигался слишком медленно, слишком быстро или не по своему маршруту, это всегда было оправданием для тех, кто не мог организовать снабжение солдат продовольствием. Ибо его нельзя было достать никаким иным способом, когда каждый полк старался быть первым и большей частью оставлял после себя все разграбленным и разрушенным, так что те, кто приходил после них ничего не находили для людей или лошадей. Генерал-майор Стакельберг сам был одним

из тех, кто всегда шел на 5, 6 и более миль впереди всех остальных полков и везде захватывал самое лучшее с помощью конной роты из своих солдат, устроенной для этой цели.

15) Я хорошо видел, что произойдет из-за этого сумасшедшего марша, а также странного ведения хозяйства, что я позднее из-за полученного приказа не мог полностью предотвратить, когда наступал противник, которого я опасался. Поэтому, чтобы со временем беспорядок не стал мешать, я несколько раз написал генерал-майору просьбу прибыть на встречу со мной, чтобы я с ним смог дальше разработать порядок, как следует вести себя во время марша, потому что непростительность продолжалась также как и задолго до этого. Но я получил в ответ извинения в связи с нездоровьем, а он остался впереди и продолжал идти в 6 или 7 милях впереди других. Я дольше не мог позволять ему отделываться от меня комплиментами и приказал ему, чтобы он встретил меня с почти половиной разделенных между мной и им фургонов. Таким образом, я с большим трудом переговорил с ним у дер.Колтуны, где я приказал ему встретить меня и он приехал ко мне, когда я спешился у трактира. Я взял его с собой одного, ласково укоряя в том, что из-за подобного беспорядка может случиться опасность и вред для надежного марша, в особенности, когда мы приблизились к противнику. Он вновь стал утверждать, что подобный марш был необходим для того, чтобы раздобыть продовольствие, неприятеля, которого стоило бояться, не было, и не было лучшего способа вести войска. Наконец я был вынужден сказать: Нет, г-н генерал-майор, так не пойдет, мы больше не будем двигаться подобно бродягам, которые шатаются тут и там. Мы должны двигаться как солдаты. Войска Его Величества доверены мне и, следовательно, я так желаю, поэтому я должен отвечать. Затем я обсудил с ним, каким маршрутом пойду я и каким он, для того чтобы мы могли встретиться в Долгинове со всеми войсками. Именно там я желал их собрать, дождаться отставших, и сказал, что марш, чтобы правильно выполняться, должен быть правильно устроен. Я заверил его, что если я туда приду первым, то приготовлю для колонны, которую вел он, все необходимое, как и для той, которая шла со мной. Равным образом, коль скоро он придет первым, он должен сделать то же самое и это я ему приказал. Он ответил, что все будет выполнено так, как я того хотел и затем отправился назад к своим полкам.

16) На следующий день я по тяжелым и болотистым дорогам достиг Долгинова, где я не сомневался найти ген.-майора Стакельберга ожидающим меня со всей своей колонной, потому что он был значительно впереди нас и шел по более короткому пути, чем я. Но, прибыв туда, я не обнаружил никого из его колонны и не смог получить ни малейшего сведения о нем или куда он повернул; посему, я был в отчаянии из-за страха, что неприятель переправился через Двину и атаковал его разрозненные полки один за другим, потому что это было легко исполнить. Таким образом, я не узнал, куда он исчез. Наконец ко мне от него явился унтер-офицер с письмом, в котором написал, что из-за продовольствия он не смог повернуть к Долгинову, пошел другой дорогой и сейчас находится в Березине Пацевой, в 12 милях далее от той дороги, по которой я должен был идти. Он к моему прибытию хочет построить мост через реку, ожидает моих дальнейших приказаний и полагает, что я не отнесусь к этому плохо. Я обнаружил в Долгинове все, что было нужно для лошадей и людей, сколько не собрали все войска за 3 или 4 месяца, и по этой причине я выбрал его местом встречи всех войск. А сейчас я узнал, что он со своей колонной стоит у Березины Пацовой, какова сама по себе была скудным и истощенным краем. Весь фураж будет съеден, прежде чем я смогу дождаться отставшие войска и дойти туда. Здесь мы всего на расстоянии одного перехода получили в избытке все необходимое для людей и лошадей. Я с большим нежеланием принял такое отношение к моему приказу и его поведение без разрешения, и указал ему жестким письмом на его своеволие с угрозой прибегнуть немного нимало к такому средству, как сообщить (об этом) Королевскому Величеству в случае, если он на свою голову осмелится и дальше действовать против моих приказов.

Он ответил мне по обыкновению смиренно, но настаивал, что не сделал вреда для сохранения войск; к тому же, когда я пожелал узнать, какие полки были с ним, так как отсутствовали 3 или 4 полка из его колонны, о которых он ответил, что сам не знает, где они находятся. Таким образом, я получил возможность послать ему еще одно письмо, как и предыдущее и также требующее ответа. Оно было, как и его письмо ко мне написано по-немецки и там, среди прочих были следующие слова:

17) Он не ответил мне ничего по данной материи, только единственно пожаловался, что было трудно добывать продовольствие, и что ему было невозможно там дольше оставаться, настаивая, чтобы я либо быстро прибыл к нему, либо чтобы он смог двинутся далее вперед. Особенно он начал ощущать себя плохо, когда до него дошел слух что неприятель усиливается и перемещается недалеко от Полоцка. Поэтому он очень желал быть ко мне поближе, и смог понять, какую ответственность он бы возложил на себя, если бы с ним случилось что-то плохое.

18) Я не мог и не желал двигаться дальше, прежде чем соберутся все войска, из которых многие еще двигались далеко позади. И поэтому, хотя я пришел в Долгинов 16-го августа, наиболее отставший полк, драгунский ген.-майора Шлиппенбаха, прибыл сюда не ранее 24-го августа, и хотя ранее я решил сразу по его прибытии отправиться в путь, подполковник этого полка Каульбарс явился ко мне с мольбой разрешить полку передохнуть на месте несколько дней и получить все необходимое, Он был не в состоянии тотчас выступать, потому что этот полк, который на марше был самым последним. Поэтому, ожидая готовность этого полка к маршу, я не мог выступить в поход со всей кавалерией ранее 31 августа, а с пехотой ранее 1 сентября.

19) Тем временем я приказал полковнику Бургхаузену с Карельским кавалерийским полком пройти через Вильну;

наложить контрибуцию в виде окованных колес для повозок, сукна, чулок и замши, потому что войска нуждались в этом и город от дальнейших денежных поборов был освобожден. Упомянутый полковник, который был верным и умелым слугой Его Величества, и всегда таковым показывал себя при любой возможности, все хорошо исполнил. Он прибыл 19 августа на отведенные его полку в окрестностях Долгинова квартиры, ничего не упустив, хотя мои недруги в данном случае среди прочего распространяли слухи, что, задержав марш из-за своего личного интереса, я не прибыл во время к королю.

20) Я отправил нового курьера к Его Величеству, который не смог или не попытался прорваться и вернулся ко мне ни с чем. Я выполнил во все стороны, куда было необходимо, и получил в то время, когда я должен был оставаться в Долгинове, среди прочих, следующих за нами из Риги и письмо, присланное мне моей женой, и я его здесь привожу целиком и полностью для дальнейшего размышления и мнения.

Ч. 4 гл. 2

1) Я вернусь к нашему маршу, очень скоро завершившемуся тяжелой и для обеих сторон кровавой баталией, которая подобно ранее предостаточно виденным Богом и людьми, была большим несчастьем, предназначенным нам в наказание.

2) 1-го сентября 3-мя отдельными колоннами, я во главе своей колонны двинулся быстрым маршем и получил одно за другим два письма от ген-майора Стакельберга о том, как он с людьми и лошадьми у Березины Пацовой должен был рисковать из-за того, что он больше не двигался дальше, и желал, чтобы я разрешил ему пройти вперед со своими войсками до Череи еще 24 мили, где именно я мог бы его догнать. Там, куда я прибыл 8 сентября, я вынужден был вновь задержаться до 15 сентября из-за отставших полков. Я могу сказать, что беспорядок во время следования нас задерживал не меньше, если не больше, чем плохие повозки, хотя я затем узнал, что ген.-майор Стакельберг распространял обо мне всякие слухи, например, что я пытался задержать наш марш, и только из-за боязни потерять свой пост я был вынужден идти к королевской армии.

3) В день моего прибытия я встретил польского священника с маленькой запиской от ген.-майора Мейерфельта, который от имени Его Величества просил меня по возможности поторопиться. Но я не мог двигаться быстрее, чем шли полки. Я хорошо одарил священника и написал ответ: но он не смог вновь добраться до армии короля и не вернулся ко мне.

4) Хотя пришедшие со мной войска сильно страдали от нехватки фуража и прочего, они были задержаны ген.-майором Стакельбергом по моему приказу; так как мы вынуждены были идти по той же дороге, что и он, то как только ген.-майор Стакельберг прибыл в Черею на следующий день после моего прибытия, он явился ко мне с очень недовольной миной, словно сним скверно обошлись, жалуясь на то, что я обращался с ним в своих письмах иначе, чем генералам следует обходиться друг с другом и как бы желая укорить меня, сказал, что он будет вынужден пожаловаться Его Величеству.

5) Хотя я и понимаю хорошо сейчас, что он хотел получить столько же или больше власти командовать, нежели был вынужден выполнять мои приказы, я ответил с безразличным видом, что я охотно отправлюсь вместе с ним к королю, только тот вначале должен узнать, как он не только в этот раз, но и несколько раз до этого действовал наперекор поступавшим от меня различным многочисленными приказам, и я сильно подозреваю, что он поступал так, чтобы мне досадить, и что возможно одновременно настроил против меня полковников Кнорринга и Карла Адама Стакельберга и многих других: как я заметил, люди стали терять уважение и повиновение; и он должен был знать, что хотя он и был генерал-майором, я был полным генералом и командовал войсками вместо короля.

6) Тут дерзкое выражение его лица стало порядочно успокаиваться, он извинился за то, что произошло против его воли вместе с уверениями, что он меньше всего желал бы мне досадить, и что он желает с готовностью исполнить все, что я от него потребую для королевской службы. Когда я его так изящно укротил, я его спросил благожелательным тоном, так как я желал ради службы королю и ввиду наступающего неприятеля, избежать в армии всякого рода нежелания и досады: какие слова он в моем письме нашел для себя неприличными, потому что у меня не было обыкновения употреблять в своих приказах слова иные, чем те, которые необходимо употреблять на королевской службе. Он ответил, что они были таковы: «таким образом, господин генерал-майор можете сами достаточно снабдиться из скудных запасов»; он винит секретаря за то, что тот сознательно уколол его, чтобы рассердить и что я сам не читал то, перед тем как подписать. Я ответил, что все, что было написано, было написано по моему приказанию, и что я ему уже предостаточно указывал, которым он пользовался вопреки мне и отданным мною приказам, из-за чего шедшие со мной войска должны были здорово голодать, не говоря уже о том риске со стороны приближающегося неприятеля, которому он подвергал и меня и себя, и он не мог найти ничего оскорбляющего в том, что было правдой. Он вновь пропустил это и пожаловался, в частности, на секретаря, что тот в компании говорил о нем, что генерал-майор не понимает свой почерк. Я разрешил секретарю войти и спросил, так ли это было. Он ответил: нет; о данном случае он сказал, что генерал-майор поступил нехорошо, вопреки приказу двигаться: он был мой покорный помощник и подчинялся моим приказам. Так же поступил и генерал-адъютант Лоде, который ненавидел секретаря, по другой причине, чем генерал-майор. Я ответил, что это не дело секретаря рассуждать об этом, однако я знал, что ген.-майор не получит сатисфакции, прежде чем секретарь не извинится перед г-ном генерал-майором, чем ген.-майор был удовлетворен и все завершилось таким образом., что он остался со мной

обедать и больше никогда не позволял себе показывать свою неприязнь.

7) Я получил здесь различные сообщения о движении Его Величества, а также о противнике, однако они были очень изменчивые, но один еврей уверил меня, что Могилев был уже сожжен неприятелем, а также, что между Череей и Могилевом невозможно найти фураж. Это заставило меня изменить предполагавшийся мною марш к Могилеву и идти к Шклову, в 3–4 милях выше по течению Днепра, потому что я там мог найти наибольшее удобство к построению моста.

8) 15 сентября я со своей колонной миновал дер.Обчуга, а ген.-майор Стакельберг со своей колонной шел правее, так чтобы встретиться у Шклова: там мы должны были со всей армией переправиться через Днепр. 17-го числа я дошел до Воронцевичей в 9 милях от Череи, потому что из-за отставших полков я не мог двигаться дальше. Тут 17-го сентября я получил депешу от Его Величества, затем 18-го точно такую же утром, и третью в тот же день после обеда. Все они содержали одинаковый приказ, который гласил следующее:

Наша милость и т. д.

Вам следует руководствоваться тем, что мы с нашей армией направились в Северскую землю, поэтому вам надлежит двигаться туда же, поэтому, в случае, если вы находитесь в Могилеве, полагаю, что вам следует немедленно двигаться по прилагаемому маршруту № 1 к Пропойску на реке Сож. Но, если вы уже продвинулись от Могилева ближе к Чаусам, вы могли бы двигаться к Черикову и там перейти Сож или могли бы использовать другой прилагаемый маршрут следования № 2 и продолжить свое движение к Стародубу, либо через Лотаки, либо Поцапову. Если вы найдете лучший путь, чем эти два маршрута, то вы можете воспользоваться тем, который сочтете наилучшим, лишь бы вы соблюдали, чтобы не отдаляться далеко от Поцаповой, потому что армия разведывает дороги в Северщину. Исполняйте нашу милостивую волю и приказания и мы призываем для вас милость всемогущего Бога.

Лагерь у Свесиловки, 14 сентября 1708

Каролус

9) Я расспросил всех курьеров, которые были отправлены из армии Его Величества, и установил, что ни один из них не был в пути ко мне более 24 часов от места нахождения Его Величества; так, первый был отправлен вечером 16-го, второй утром 17-го, а третий в тот же день после обеда. Оба они прибыли днем позже, 18-го; но все 3 королевских письма были датированы 14-ым сентября, поэтому я был не мало удивлен, что курьеры, доставлявшие королевские приказы, были столь надолго задержаны. И хотя я искренне порадовался прибытию этих курьеров, несколько пакетов от Его Величества не были получены, отчего я стал еще больше огорчен, когда я получил от Его Величества письмо о том, что он, хочет двинуться дальше вперед, не соединившись со мной, как это ранее ожидалось. Я знал от разведчиков и доверенных лиц, что противник не станет ждать иного, чем найти случай напасть на нас с большими и лучшими силами. Однако я не мог себе представить, что Его Величество со всей армией переправится через Сож прежде, чем я переправлюсь через Днепр и буду в безопасности; так как иначе моя гибель со всеми со мною следующими войсками была бы почти неизбежна. Я отослал через пару часов обоих посыльных, которые прибыли ко мне в тот день; но третий, который заболел, не мог уехать ранее вечера. Все они отбыли с одинаково звучащим ответом, что, так как я теперь дольше останусь один, то не остается ничего другого, как ожидать, что враг со своими огромными и лучшими силами меня атакует, покорнейше прося всемилостивейшего усмотрения Его величества на все прочее, притом сообщить, что я продолжу свой марш согласно полученному приказу. Тот посыльный, который позже всех уехал от меня, больше не смог проехать, а о других я не знаю более того, что один, по имени Майевский, прибыл к королю, когда тот уже переправился через Сож. 19 числа я прошел 5 миль до Шклова, где меня уже ожидал ген.-майор Стакельберг, и распорядился, чтобы понтонеры готовили нашу переправу через Днепр. 20 числа ко мне из Могилева прибыл некий комиссар короля Станислава, по имени Йосинский, с рассказом о том, что генерал-майор Бауэр со всеми имеющимися у него войсками направился к Шклову, а в Копысе, недалеко от Шклова уже появились московитские войска и захватили нескольких работников. Кроме того, прибыл еврей, посланный самим царем и князем Меньшиковым с обещанием большого вознаграждения, чтобы разузнать, насколько сильна была наша армия, сколько пушек мы везли и куда мы намеревались двигаться. Он сам сознался, что был подослан и показал, что царь со всей своей армией находился в Чаусах, Горках и Романове, соответственно в 7, 8 и в 10 милях от Шклова и уже послал отряд в преследование королевской армии, а с остальными (войсками) наблюдает за нашей армией. Я получил от своих собственных шпионов такие же сведения, поэтому правда в этом ни коим образом не подлежала сомнению.

10) Если бы у меня не было строгого приказа следовать за его Величеством, то сейчас, как и раньше (когда я вернулся из Радошковичей в Ригу) обладая скромным правом действовать по обстоятельствам к наибольшей пользе короля, я бы никогда не перешел бы реку Днепр, особенно, после сообщения, что Его Величество уже перешел Сож со всей своей армией и не захотел меня ждать, ибо я увидел в этом, без сомнения, совершенно неотвратимую огромную опасность. Нужно отметить, что Его Величество указывал, что для меня не существовало страшной опасности, что следует искать Его Величество без рассуждений, что неприятель, коль скоро он не был никогда таким сильным, не имел достаточно решимости меня атаковать, но я знал лучше, коль уже часто имел дело с неприятелем, что мы должны были отступить; я сказал нескольким лицам, которых уважаю, как только я узнал, что король перешел через реку Сож: «Сейчас не остается ничего иного, как доверится Богу и действовать как честным людям к наибольшей пользе

короля. Как говорится, „птичка либо свободна, либо мертва“» (выбора не было?).

11) Многие из армии Его Величества, кто размышлял о том, что было полезно для короля, но кто не желал мне личного крушения и несчастья, очень переживали, что я был полностью брошен и отдался на волю неприятеля; другие, вероятно, желали нанести мне пощечину, говоря, что для меня не было никакой опасности или нужды, и что они дают голову на отсечение, что неприятель не решился бы помешать мне.

12) В конце концов, со мною случилось несчастье, но Бог проявил мне свою беспредельную милость в том, что моя честь была сохранена перед моими особыми врагами, мнением моего милостивого короля и перед всем миром, по собственному признанию нашего общего врага Его Царского величества и его войск, и так что я не только потерял свой экипаж, став как ничего не имеющий бедный солдат, но совсем ничего не смог сохранить ради оставшейся после сражения пехоты Его Величества. Мне удалось привезти немного дорогого моему сердцу имущества: я позволил забрать своих лошадей из своего обоза, для того, чтобы посадить верхом пехотинцев, чтобы потом ни о чем не сожалеть; но король понес один-единственный урон, который был как предсказанное несчастье в нашем последующем тяжелом и большом горе, которое Господь предназначил нам за пренебрежение им и наши грехи. Однако я желал, прежде всего, прибыть в королевскую армию с оставшимися у меня войсками. Я не располагал достаточным количеством продовольствия для следовавших за мною войск, кроме имевшегося для всей королевской армии, так я мало его захватил с собой, только на 6 недель. А по воли Божьей мне пришлось стараться обходится без всего остального. А для того, чтобы осуществить полученные мною приказы, и чтобы не дать домашним клеветникам и врагам никакого повода тайно обвинить меня в боязни или каком-либо другом грехе, я приказал, чтобы 21 сентября, как только мост через Днепр будет готов, первой переправилась на другой берег кавалерия, а затем Аболандский пехотный батальон, Хельсингский полк, Эстерботтенский батальон и полк Банера.

13) Поступило несколько сообщений, что генерал Бауэр направился в нашу сторону, отчего всем уже переправившимся было предписано находиться в состоянии боевой тревоги под ружьем. 22 сентября по мосту перешла остальная часть армии, а также весь обоз и были сделаны дальнейшие приготовления к маршу. 23-го мы прошли от Ассир до деревни Грибаны, где расположились лагерем. 24-го я остался на месте с передовыми частями, чтобы могли собраться все следующие за нами войска. 25-го вся наша армия дошла в 4-х колоннах до деревни Медведовки, где на другое утро при выступлении армии лейтенант Бек из Рижского Адельсфана был атакован неприятелем и захвачен врасплох со всей своей командой в 35 коней, из которых он потерял 15.

26-го сентября армия опять шла в 4-х колоннах на расстоянии прямой видимости, потому что открытое поле простиралось до самых Белиц на протяжении 13½ миль от Шклова на Днепре. 27-го сентября после получения сведений, что неприятель с большими силами следует за нами по пятам, и имел стычку с нашим арьергардом, я приказал, чтобы обоз шел в середине, а сам задержался с остальными частями армии наблюдать за неприятелем, отослав вперед авангард с майором Герттеном и ген.-квартирмейстером лейтенантом Браском, чтобы расчистить дороги и сделать дефиле проходимыми, а также построить небольшие мосты там, где это требовалось. Затем отслужили мессу, потому что тот деть был воскресным, и когда священник читал проповедь, появился неприятель.

14) Я отправился с генералом Стакельбергом на конях на рекогносцировку, и, обнаружив, что противник следовал маршем на большом расстоянии, распорядился, чтобы вся армия повернула назад, выстроилась и пошла навстречу врагу. В 11 ч. утра противник насколько приблизился к дефиле, что можно было рассмотреть его приближение в боевом порядке. Он полностью выстроился, намереваясь нас атаковать, но так как мы сами его атаковали, он повернулся и быстро отступил назад, преследуемый на расстоянии полумили нашей кавалерией, в результате чего мы захватили 8 пленных, 1 верблюда и положили на месте некоторое их число. Пленные ответили на наши многочисленные вопросы, но, в основном, их ответы сводились к тому, что тут присутствовал сам царь со всей конницей, а за ними следует артиллерия и пехота. Тем временем наш обоз двигался вперед, и ему было очень трудно проходить через многочисленные дефиле. Так что я в тот день был вынужден с войсками арьергарда переночевать под открытым небом в лесу. На прояснившемся небе прямо над своей головой я рассмотрел комету с длинным хвостом, и многие офицеры ясно ее видели, но ничего не сказали. 28-го сентября неприятель вернулся и намеревался либо напасть на наш арьергард либо на наш обоз, который, однако, отбился. Обе стороны стреляли из пушек друг в друга, потому что неприятель хотел починить разрушенный мост и переправиться на нашу сторону, при этом обе стороны некоторый урон от артиллерийского огня. Тем же вечером 28-го числа вся армия прибыла в деревню Лесную, в 2-х милях от Пропойска, затем неприятель попытался напасть в дефиле на наш арьергард, но был отбит мощными залпами наших мушкетеров.

15) Король приказал мне не сражаться с каким-либо врагом, но по возможности продолжать мой марш и никто не желал сильнее меня попытаться избежать генерального сражения, но лишь обороняться и все время идти вперед. Но так как противник все время был у меня за спиной, впереди были трудные дефиле и широкие реки без мостов, было невозможно, чтобы на таком долгом пути противник не предпримет никакой диверсии против меня, а я был совершенно оставлен, и со своими небольшими силами должен был противостоять лучшим силам неприятеля. Он мог заставить меня остановиться там, где он того хотел, но всетаки я использовал любую возможность, насколько мог,

ускользнуть от него, надеясь, что Его Величество наконец узнает о противнике и, следовательно, попытается дать мне свободу маневра, о чем я посылал ему несколько депеш. Но они все попали в руки неприятеля, и армия Его Величества постоянно двигалась вперед и была уже так далеко, что я не мог получить о ней ни малейших сведений. Я послал вперед к Лесной квартирмейстера Браска и майора Герттена с авангардом и другими солдатами расчистить все дороги, а также дефиле на всем пути до Пропойска, к которому я спешил добраться, но они, особенно у Лесной, очень плохо исполнили свое задание из-за болота, через которое был маленький мост. День спустя я остановился в ней, чтобы вступить в дело с неприятелем. Прибыл туда в конце дня с наступлением темноты, усталый и голодный, и не мог, поэтому, сам все увидеть, лишь спросив Браска и Герттена, каков был проход. Они ответили, что он был полностью расчищен и готов к переправе.

16) 29 сентября ранним утром я дал указание подполковнику Мейерфельту и майору Бергу, вместе с четырьмястами кавалеристами и тремястами пехотинцами следовать за авангардом квартирмейстера-лейтенанта Браска. За ними двинулся обоз с обычным охранением. Остальные войска остались у меня, ибо я отлично знал, что противник находится рядом, висит у меня на пятках. Однако через несколько часов после выхода авангарда, пришел генерал-майор Стакельберг и рассказал, что подполковник Мейерфельт прислал донесение, содержащее информацию о противнике, который стоял на его пути под Пропойском в полной боевой готовности. Он запрашивал меня, как ему надлежит поступить. И хотя там в последствии никого не оказалось за исключением отряда казаков и калмыков, я посчитал необходимым немедля послать туда пешим порядком полк генерал-майора Стакельберга, вместе с эскадроном карельских драгун, драгунский полком Шрейтерфельта, Оболандским кавалерийским полком, эскадроном драгун подполковника Скуга и пехотой нюландцев. У меня, за вычетом всех этих войск, а такие тех, что сопровождали обоз (ибо все, что принадлежало полкам и за недостатком возничих, охрану несли сами пешие и конные солдаты) осталось не более 6000 человек. Донесение оказалось ложным, но оно навело меня на мысль, что я не могу не думать о нападении противника на меня как с фронта, так и с тыла.

17) Между теми противник все больше и больше стал нажимать на нас с тыла и царь, чего мы не могли еще знать, втянул всю свою армию: пехоту, кавалерию и артиллерию, в большой удобный лес, что располагался позади нас, построив их в боевом порядке, в то время как у меня на правом фланге была кавалерия и пехота арьергарда под командованием подполковника Ментцера, а на левом — все остальные пехотные подразделения с пушками развернутые фронтом к лесу с тем, чтобы отразить нападение противника и воспрепятствовать ему.

18) Чуть позднее 11 часов, ближе к полудню, противник начал наступление. всеми своими силами, о чем мне донесли со сторожевых постов. Я тут же сел на коня и поскакал в направлении леса. Там я спешился и, не обращая внимания ни на какие приличия, вошел в лес, ибо я сам должен был оценить обстановку. На левом фланге было небольшое открытое равнинное место и по нему с пиками на плечах выдвигалась пехота противника. Я тут же вернулся назад, привел в перелесок подполковника Брюкнера с Хельсингским батальоном, показал ему на противника, которого он на этом равнинном участке местности должен был атаковать вместе с моим полком и Абосским батальоном, и отдал приказ через генерал-адъютанта Синклера, чтобы вся пехота широким фронтом напала на противника и каждый Соустинер, также как и солдаты охраны, оставив обоз, должен с оружием явиться в свой полк.

Затем я снова вскочил на лошадь, чтобы отдать приказ кавалерии в боевых порядках напасть на противника, который находился на той же равнине, что и наша кавалерия. Часть нашей пехоты уже вступила в схватку с противником и, причем весьма успешно, захватила две или три пушки противника, и русская пехота начала отступать, и сейчас, когда меня захватили в плен доблестные офицеры противника, бывшие там, я уверен что, если бы наша пехота продолжала наступать так, как начала, то в армии противника наступил бы хаос, ибо те пехотные части, с которыми в начале вступила в бой наша пехота, были лучшими, отборными войсками и гвардией его царского величества; Преображенский и Семеновский полки, общей численностью до 6000 человек, которые повсюду сопровождают царя верхом на лошадях, всегда имеют при себе пики и прочее пехотное вооружение и всегда вступают в бой в качестве пехоты, когда этого требуют обстоятельства. Я, даже будучи их противником, против своей воли должен воздать им хвалу и сказать, что нигде и никогда другая нация не может сравниться с ними в бою.

Но они стали отступать. Лошади их стояли недалеко на привязи в лесу, и, если бы наша пехота продвинулась вперед и отрезала бы их от коней, то наверняка мы могли бы надеяться на удачный исход сражения. Однако сам царь угрозами и увещеваниями заставил беглецов повернуть обратно.

19) Наша кавалерия весьма эффективно вступила в бой и погнала снова в лес вышедшего на открытую равнину противника. Когда я услышал звуки схватки пехоты и залпы, то снова направился туда, полагая, что согласно моему приказу вся пехота пошла в атаку на противника. Однако, когда я прибыл на поле сражения, то к своему огорчению с болью в сердце обнаружил, что большая часть нашей пехоты сама, без давления противника отходит назад на равнину, где мы стояли раньше; некоторые подразделения вообще не давали залпового огня, в особенности полк Банера, которым командовал подполковник, был так растерян, что люди не знали что им делать, бежали словно стадо баранов, в то время как батальоны, которые я вначале сам послал в атаку, продолжали стоять под непрекращающимся огнем и таким образом оказались полностью брошенными на волю судьбы. Я спешно бросился к пехоте, спросив, как она позволила

себе поступить против приказа и отступить, и приказал, чтобы она вновь встала в боевой порядок и повернулась лицом к противнику. Мне все отвечали, что получили приказ на отступление. Когда здесь же на открытой местности я встретил генерал-майора Стакельберга, то с гневом сказал: «Бог мой! Кто отдал такой приказ? Мы теряем наше преимущество и отдали инициативу противнику?» На это генерал-майор ответил: «Господин генерал, наша доблестная пехота, к которой я отношусь с глубоким уважением, несла в лесу слишком большие потери». Я повторил, что это не имеет значения, сейчас необходимо думать о другом. «Вы снова должны войти в лес, в противном случае мы все проиграем, поскольку, если будем сражаться в лесу, он будет таким же хорошим укрытием для нас, как и для московитов».

20) Иного решения, кроме как вернуть некоторые батальоны обратно и не допустить, чтобы падали солдаты с обеих сторон, и оказать помощь продвинувшимся вперед нашим отрядам, находившимся под огнем противника, принять было невозможно. В противном случае с тем равнинным пространством, которое имелось у противника за узкой полоской леса мы вынуждены были быстро распрощаться, а противник в это время начал бы гнать наши войска, вступившие в бой первыми. Поэтому я приказал открыть артиллерии огонь с тем, чтобы задержать противника до момента, когда наша пехота построится снова в боевые порядки и сможет захватить лес. Для охраны оставшегося обоза я оставил арьергард под командованием подполковника Ментцера, который расположился на правом фланге, а Нюландский батальон подполковника Лейона прикрыл левый фланг. Через майора Хейна я приказал полковнику Врангелю напасть на противника в лесу всеми силами пехоты и попытаться его оттуда выбить.

21) Только здесь подтвердились мои слова о том, что мы потеряли свое преимущество перед противником, ибо он уже расположился в двух или в трех сильно укрепленных линиях в глубине леса, и выбить его оттуда оказалось невозможным, мы лишь потеряли вместе с отбитыми у противника пушками несколько своих, и, хотя ряд батальонов противника и выходил из леса на открытую местность супротив наших сил, они большого урона не понесли, ибо они всегда снова отводились в лес. А после отступления наша пехота уже ничего не могла предложить, потому что крайне важно не утратить первый порыв и горячность солдата, а попытаться воспользоваться ими. Генерал-майор Стакельберг не признался, что отдал приказ на это отступление, как нерешительно говорили мне некоторые офицеры, что и явилось причиной беспорядков. Однако он же хорошо знал приказ, которые я отдал в начале, и, когда началось отступление пехоты, он хотя бы должен был попытаться подкрепить отданный приказ и должным порядком выполнить его. Помимо всего прочего его ответ, почему он отступил, прозвучал для меня весьма неубедительно.

22) Наша кавалерия со своей стороны сражалась хорошо против превосходящих кавалерийских сил противника, которые сразу же в самом начале, когда пехота начала бой, справа и слева устремилась к нашему обозу на наших флангах и почти начала заходить нами в тыл, однако наша кавалерия всегда со шпагами в руках мужественно и удачно отбивала эти налеты и часто загоняла русских всадников глубоко в лес до тех пор, пока их пехота, которой становилось все больше и больше, и, которая выступала в боевых порядках, не выбивала всадников, в связи с чем наши вынуждены были ретироваться из леса.

Таким образом, бои продолжались беспрерывно с полудня до наступления темноты, поскольку противник все время заменял новыми силами те, которые уже раз были использованы. К этому следует добавить, что противник всегда добивался преимущества, действуя в лесу, благодаря стойкости пехоты и обилию артиллерии. Используя, это они не выходили на открытую местность, а преимущественно атаковали по всей ширине лесной полосы. Однако, действуя так, противник трижды атаковал наши войска, стоявшие на открытой местности, он провел генеральные атаки по всей форме, двигаясь в 3–4 линиях, а в последний раз на некоторых участках, он даже наступал в 5–6 линиях. Каждый раз все говорило о том, что русские наращивали силы, ибо мы постоянно обнаруживали все новые полки, солдаты которых были одеты в мундиры, ранее нам не встречавшиеся. Местность была ограниченной, а они не могли развернуть фронт наступления по ширине, а продолжали атаковать нас таким большим количеством линий. У нас же наоборот, как в начале, так и при дальнейших действиях было меньше 6000 бойцов, и мы могла действовать только одной линией как на главном направленни, так и на флангах, линией, которая не могла перекрыть весь фронт первой линии противника, к тому же мы не располагали свежими войсками с тем, чтобы заменить уставших, а вынуждены били с самого начала до конца выдерживать сильный огонь противника, как во время основных атак, так и тогда, когда некоторые группы противника делали против нас вылазки ив леса. Наши нападали на них, и они с потерями вновь отходили в лес. Отдельные батальоны противника, добившиеся некоторых успехов в атаках на нашу пехоту были сметены нашими эскадронами, несшимися со шпагами в руках, и, понеся большие потери, были вынуждены быстро отходить в лес. То же самое была вынуждена делать и кавалерия противника, выходившая на помощь своим войскам. Наши загоняли ее обратно в лес. Но после этого появлялись новые войска в иных мундирах, и такая замена продолжалась с самого начала сражения до его конца. Необходимо признать превосходство противника в силах, в связи с чем я сразу же после его первой генеральной атаки вынужден был признать такое превосходство в силах, о чем сразу же сообщил войскам ушедшим вперед после получения упомянутого выше ложного донесения, приказав им возвращаться обратно. Но поскольку они уже находились на расстоянии полутора миль от меня, они смогли появиться у меня не раньше, чем к вечеру, только к третьей, наиболее ожесточенной атаке противника.

23) Поскольку сейчас противник попытался предпринять все и выступил с такими превосходящими силами, ему удалось почти окружить нас и отрезать последний путь нашего отступления на Пропойск. Однако этот путь нам снова удалось открыть с по-помощью сил возвратившегося авангарда и остатков наших войск, а именно силами Бьёрнеборгского пехотного полка, Шрейтерфельтских драгун под командованием подполковника Фреймана и Карельского драгунского эскадрона (остальные: абосские кавалеристы, драгуны Скуга и нюландская пехота подполковника Лейона прибыли к дефиле во время, за пару часов до этого или даже раньше). Перед последними я поставил задачу напасть с тыла на стоявшего перед нами противника, отогнать его и создать для наших войск, которые как на правом, так и не левом флангах оказались в какой то степени дезорганизованным, пространство для того, чтобы они заняли позиции и смогли остановить противника. Кроме того, наши пушки, стрелявшие картечью, добились такого результата, что при каждом залпе в рядах противника образовывались настоящие проходы, словно улицы. Мы же находились меньше чем в 50 шагах друг от друга. Противник двигался на нас, а мы неподвижно стояли в одной линии со шпагами в руках, измотанные атаками противника, как кони, так и люди, в готовности отразить атаку противника, нападавшего на нас со шпагами в руках. Но, когда наши пушки стали стрелять столь эффективно картечью, то противник не поколебал наши ряды своим маневром. Мы стояли твердо в готовности отразить его нападение на том же самом месте, где наша линия находилась в начале его наступательных действий. Поэтому, он не мог похвастаться, что захватил какую либо новую территорию за исключением той, которую оставила наша пехота при слишком раннем отступлении. Мы же на него после последней атаки стали нажимать, к тому же скоро пала темнота, сопровождаемая снегом, дождем и слякотью. И тут противник стал снова отходить в лес, сначала на левом фланге, а затем на правом, одновременно обстреливая наши ряды из пушек. Сражение длилось весь день и продолакалось даже ночью, правда с наступлением полной темноты лишь изредка раздавались пушечные выстрелы. Так завершилась эта тяжелая и кровопролитная баталия, в процессе которой противник понес потерь примерно вдвое больше нас, мы же прежде всего выиграли, а не проиграли. Такимобразом численный состав наших войск и на следующий день позволял нам отразить новые атаки противника.

24) Здесь Левенхаупт благодарит Всевышнего за то, что шведским войскам удалось выстоять против превосходящих сил противника. Бог, считает он, дал силу и мужество солдатам. (Таково содержание 24-го раздела. — *Прим. пер.*).

Глава 3

1) Когда читаешь написанную и опубликованную на голландском языке реляцию противной стороны о этом сражении, то удивляешься тому, насколько реляция противника и та, которую составил я, противоречат друг другу, повествуя об одном и том же. Трудности, однако, тут же можно бы было преодолеть, если представить, что такие реляции всегда пишутся в интересах того, кто пишет, чтобы показать себя с лучшей стороны. Но в этом случае истина никогда не будет раскрыта, ибо одни люди будут верить одному, а другие другому, прежде чем придут к правильному суждению.

2) Для того чтобы появилась возможность избежать этого и показать истинное положение вещей, я хочу здесь, привести, реляцию противника дословно, как она напечатана, а также свои замечания по ней. Ведь говорят Contraria juxta se posita melius elucescunt, пусть каждый сам вынесет суждение для себя.

(далее следует большой кусок русской реляции, опубликованной на голландском языке. — *Прим. пер.*).

3) Я сопоставляю диспозицию противника во время баталии, как она показана в вышеприведенной опубликованной в печати реляции, и нашу диспозицию, и как она изменились в процессе самого сражения. Так, по-моему, легче всего добраться до истины. Однако необходимо рассмотреть следующие замечания.

4) Надо признать, что противник и мы сражались хорошо.

Но, что касается численности армий, мы не можем согласиться с приведенными цифрами, а также с тем, как все закончилось. Поэтому необходимо знать следующее. Московиты сразу после баталии под Лесной не высказывались, а в приведенной здесь голландской реляции позволили напечатать, что под командованием генерала Левенхаупта была армия численностью 16000 человек, и при этом ссылаются или на рассказы генерал-адъютанта Кнорринга или генерал-адъютанта Лоде, которые были захвачены в плен в самом начале сражения. Первый из них уже более года вообще не служил из-за убийства, которое совершил под Вильной, лишив жизни полковника Хагена, впал в немилость у короля и сейчас сопровождал наши войска, замаливая свой грех перед монархом. А другой, генерал-адъютант Лоде, никогда не имел доступа к тому, что держалось под секретом, никогда не мог слышать ничего подобного, за исключением того, что было под паролем приказано всей армии, ибо я знал, что он выступал против меня. Единственный, кому я мог доверить свои прожекты, и сообщать секретные сведения — это генерал-адъютант Синклер. Я верю, что прожекты и секреты у него держались всегда в такой тайне, что никто из его товарищей не мог заглянуть в них. Поэтому, согласно генеральному прожекту, датированному 2 марта, и подписанному генерал-адъютантом Синклером за четыре месяца до того, как я вышел в поход, во всех полевых войсках насчитывалось, включая рядовых солдат, штабных работников и обслуживающего персонала, пасторов, чиновников военного суда, фельдшеров и подмастерьев, полковых писарей, интендантов и т. п. 16000 человек. Об этом ни один из пленных генерал-адъютантов не мог слышать или видеть документы. Они сразу оказались в плену. Его царское величество, подтверждая такую точку

зрения, сам сказал мне, после того, как я был пленен, что якобы такой прожект, в котором было сказано, что в моем распоряжении находилось 16000 человек, и под ним стояла моя собственноручная подпись, был найден под Лесной.

5) Великим властелинам и коронованным особам обычный человек ничего иного не может оказать, кроме уважения и не в силах говорить им правду в глаза. Но, если мне будет позволено поведать о истинном состоянии дел, то кто-то, написав такую реляцию, пытался польстить его царскому величеству и понравиться ему, как это обычно делают некоторые господа. Я же никогда не писал подобного прожекта касательно подчиненных мне войск, а существовал лишь тот, который предоставил, мни генерал-адъютант, а он я знаю уверенно, был правилен.

Согласно ему, вакантных мест было 540, неподготовленных солдат 141, больных 595, всего 1276. Из тех, кто принял участие в вышеуказанном сражении, т. е. из 14347 (прим. Далее в тексте следует довольно длинное разъяснение, которое здесь отсутствует) следует вычесть эту сумму, 1276, получится 13071. Из этого числа в Курляндии было оставлено:

эскадрон подполковника Бронсе. ....426 человек
полк генерал-майора Клота. ....1000 человек
полк генерал-майора Шютте. ....731 человек
полк полковника Стакельберга...................800 человек
Итого: 2957 человек
Остается 10114.

Кроме того, я взял с собой в поход:
Аболандский пехотный батальон...............400 человек
Нюландский пехотный батальон.................400 человек
800 человек

Всего получается 10914 человек

Из этого количества перед сражением у Лесной я отправил заранее в Пропойск:

Авангард под командованием подполковника Мейерфельта и майора Берга 400 кавалеристов и 300 пехотинцев..700 человек.

Обоз охраняло в каждом полку 100 человек, а это значит в 13 полках, в 6 эскадронах и батальонах эту задачу выполняли. ....1600 человек.

Возничих на повозках с продуктами питания в каждом полку по 80 человек, а эскадроне или батальоне по 40..1300 человек
Пехотный Бьёрнеборгский полк.................845 человек
Драгунский эскадрон Цёге..........................157 человек
Драгуны Шрейтерфельта.............................427 человек
Кавалерийский Аболандский полк. ....947 человек
Драгунский эскадрон Скуга. ....……..120 человек
Нюландский батальон. ....310 человек
Итого: 6404 человек

Если эту сумму вычесть из 10914, то сражаться с противником оставалось в первой схватке 4508, к этому следует прибавить 970 человек, что является незначительным подкреплением 4508 + 970 = 5478 человек и эти люди пришли из охранения обоза. Там снял я третью часть охранения того обоза, который еще оставался под Лесной, когда мы приступили к отражению первой атаки противника.

Ко времени отражения второй атаки к нам подошли:
Нюландский батальон.................................310 человек
Драгуны Скуга..120 человек
Абосский кавалерийский полк....................947 человек
Итого: 1377 человек

К отражению третьей атаки прибыли:
Драгуны Шрейтельфельта.......................... 427 человек
Драгуны Цёге...157 человек
Пехотный Бьёрнеборгский полк. ....845 человек
Итого 1429 человек

Если предположить, что мы в течение отражения всех трех атак не потеряли ни одного человека, то наши боевые силы равнялись: 5478 + 1377 + 1429 = 8284 человека.

Но последняя атака была самой сильной, и если вычесть павших на поле брани и раненых, то во время отражения каждой из трех атак на нашей стороне участвовало менее 6000 человек.

6) В реляции же опубликованной противником сказано, что во время сражения мы располагали...13000 человек,
да под Пропойском было...........................3000 человек
Итого: 16000 человек.

На месте якобы пало. ....8000 человек
генерал Флуг под Пропойском уничтожил...500 человек
калмыки и казаки уничтожили много, говорят...300 человек
Бригадир Фассман у реки Сож также уничтожил много наших солдат, по его сообщению..................... 300 человек
генерал-майор Ифланд близ королевского лагеря уничтожил... 200 человек
ежедневно, якобы уничтожали и брали в плен огромное количество, говорят еще.............................. 200 человек

Таким образом по подсчетам противника убитыми пали 9500 человек

Пленных, то согласно реляции противника было в бою захвачено... 800 человек.

Согласно той же реляции генерал-лейтенант Флуг захватил в плен возничих, являвшихся, как он говорит солдатами.. 2300 человек.

Бригадир Фассман пленил по его подсчетам...200 человек

Генерал-майор Ифланд захватил в плен 3 офицеров и 200 солдат...203 человека

во время вылазок было захвачено в плен....I00 человек

Итого пленных 3603 человека.

Сумма убитых и пленных 13103 человека.

Прибавим к этой сумме убитых и взятых в плен (а именно 13103 человека)

как утверждает реляция противника людей, ушедших через

Днепр в Ригу, а именно............................. 1500 человек.

Далее в реляции говорится, что я привел в армию короля.. 6000 человек

Таким образом, общая численность
составила 20600 человек.

что противоречит их собственной реляции, согласно которой численность наших войск в начале сражения равнялась 16000 человек, т. е. предыдущая цифра превышает последнюю на 4603 человека. И все это по данным противника.

7) В реляции противника, опубликованной на голландском и русском языках, нас называют «разбитым на голову противником» и изображают войском, не стоявшим прочно в одной линии в крепком боевом порядке под деревней Лесная, с обозом и открытым путем для отхода в тылу, силами, которые, якобы, не могли перейти к новому боевому порядку, обозначенному на рисунке буквой W, войском, не имевшим хорошего прикрытия ни с фронта, ни с флангов.

Поэтому я считаю, пусть каждый судит cam, как противник в своей реляции смог написать (далее в оригинале следует абзац на голландском языке, взятый из реляции российской армии. — *Прим. пер.*).

8) Пока мы стояли против них в хорошо построенном боевом порядке, их последняя рукопашная атака была отражена и противник вынужден был покинуть открытую местность и спрятаться в лесу. Мы же спустя несколько часов после окончания баталии оставались на месте, окруженные павшей на землю темнотой, а затем отошли в полном порядке. Противник не преследовал нас, не атаковал отходящие войска и ни один наш солдат во время этого маневра не пострадал. Если бы в этой реляции было сказано, что они в последней схватке не смогли разбить нас, ибо ночь и темнота разделили противоборствующие стороны, что, мы вынуждены, были ночью отвести через оставшийся проход нашу артиллерию и обоз, и они, поэтому утром или в ту же ночь не обнаружили нас, то в этом случае я ничего не имел бы против этой опубликованной противником реляции.

9) Я высказал свои замечания, все, что я мог сказать относительно наших сил, как это изложено в реляции противника. Теперь я хотел бы остановиться на том, что говорится в этом документе о собственных силах противника и соотношении сил, подчеркнуть, что их численность в реляции занижена по сравнению с нашими силами, о которых я уже говорил.

Противник утверждает в своей реляции, что в его армии было не более 15701 человек, а его пехота, которой командовал генерал Голицин насчитывала не больше чем, а именно:

Царская гвардия:
Преображенский,
Семеновский
Ингерманландский
Астраханский 4830 человек.

Хотя известно что, полки:
Преображенский 3000 человек
Семеновский 3000 человек
Ингерманландский 2000 человек
Астраханский 1000 человек
и Невский спешенный полк 1000 человек

Итого 10000 — пехотинцев.

10) Кавалерия под командованием князя Меньшикова, как говорится в документе, насчитывала всего лишь 6759 человек, однако в их собственной реляции указывается, что в нее входило 9 полков, а именно:

Лейб-регимент Нижегородский
Владимирский Смоленский
Троицкий Вятский
Сибирский Тверской
Ростовский

И при этом помимо лиц, находившихся под командованием самого царского величества и князя Меньшикова, имелось еще шесть генеральских персон, а именно:

На правом фланге командовали:
генерал-лейтенант принц Дармштадтский
генерал-майор Штольц
генерал-майор Шаумбург.

На левом фланге командовали:
генерал-лейтенант Брюс
генерал лейтенант Флуг
генерал-майор Бем

Неужели эти генералы командовали, в общем, и целом количеством не превышающим 6795? Кавалерия под командованием генерал-лейтенанта Баура, как сказано в реляции, насчитывала 4076 человек, и все же он имела в своем подчинении трех генерал-майоров, а именно:

генерал-майора фон Вердена,
генерал-магора Ифланда
генерал-майора Волконского

а следующие полки, упомянуты самим противником находились под командованием самого генерал-лейтенанта Баура:

Киевский Ямбургский
Новгородский Каргапольский
Пермский Устюжский
Нарвский Копорский.

Но в реляции совершенно не упоминают о том, что той же ночью и утром следующего дня, когда шло сражение, противник получил пополнение в 15000 пехотинцев под командованием генерал-лейтенанта Халларта и нескольких генерал-майоров.

11) По подсчетам противника он потерял убитыми 1111 человек. Каковы же его истинные потери мне знать невовможно. Но поскольку противник в своей реляции го-

ворит, что наши потери на поле сражения составили около 8000 человек, а все его офицеры, принимавшие участие в баталии, утверждают, что они понесли потерь больше нас, то итог скоро будет подведен. Что касается раненых, то противник пишет в реляции, что их количество составило 2856 человек. Однако собственные офицеры, находящиеся в Смоленск, называли цифру в несколько тысяч человек. Это те, кто добрался до этого города. Когда доводилось беседовать с некоторыми немецкими офицерами, принимавшими участие в сражении и спрашивать их сколько в их полках было потеряно убитыми и ранеными, то называлась явно иная цифра.

12) Какие потери понесли мы на поле сражения, подсчитать точно в той обстановке, было невозможно, однако можно сказать, что наши потери в людях по оценке, проведенной сразу после баталии не намного превысили цифру 1000 человек, так что в армию милостивого короля нашего в Северин со мной пришло помимо 6000 человек, как королю самому хорошо известно, 1500 человек пополнения и, несмотря на то, что в Риге были оставлены некоторые войска, прибыло еще 1800. Итого 9300 человек.

13) В целом в армии насчитывалось 10914 человек. Вычтем из них 9300, получим 1674. Это могут быть павшие на поле брани, или по своей собственной оплошности или непослушанию попавшие в плен. В это число вошли возничие, маркитанты, а также иные свободные люди, когда они, поразбивав свои повозки, напились до потери сознания. Однако впоследствии я не слышал ничего ни от генерал-лейтенанта Флуга, ни от бригадира Фассмана о том, что последний захватил несколько десятков человек, когда мы переправлялись через речку Сож, и что эти люди не переправились вместе с нами и мы их не досчитались после этого вечера. Генерал-майор Ифланд напал на наш арьергард, на Карельский полк под Северином, но там мы потеряли не больше I2 человек, а он потерял одного майора и может быть столько же рядовых. Но я не мог отличить зеленые (мундиры) от синих, и принял войска противника за наших, когда в тот же день по узкому дефиле вслед за нами углубились 8 или 10 эскадронов Ифланда. Я подумал, что в эту ночь он многих из них больше не увидит. Но моя ошибка оказалась для них счастьем, ибо они, сломя голову, пустились в обратный путь, улизнув от нас, пока я думал, что это были наши войска, преследуемые противником.

Таким образом, истина находится где-то между строчек обеих реляции. Я с удовольствием оставляю на совесть других людей докапываться до нее самим и поэтому больше не хочу затрагивать вопроса о численном превосходстве противника, бившегося под Лесной. Пусть каждый судит сам, если сможет.

Часть 4 глава 4

1) Его Величество мой всемилостивейший король, милостивый и справедливый господин

2) Оттуда я прошел немного по дороге, по которой обязательно должен был идти каждый второй, только чтобы удостовериться, сколько рядовых солдат было потеряно. Никакой беды не произошло, поэтому должен

3) Я перейду к событиям, последующим за баталией. Было известно, что у противника во время этого сражения, что касалось солдат, потери были более чем в два раза больше наших, как убитыми, так и ранеными. Их иностранные офицеры, которым можно было доверять, сообщили мне, что с их стороны пало, по меньшей мере, 9000 убитыми и ранеными. Большая часть полков, которые прибыли встретиться с нами, потеряли более половины состава. Выигрыш или виктория в течение всего дня колебалась между нами и была уже почти на нашей стороне, когда наша инфантерия, как говорится, произвела ретираду, что дало противнику надежду и новые силы против нас. Я умолчу и до следующего раза отложу(?) собственное мнение Его Царского величества об этом сражении, которое он публично высказал его превосходительству графу Пиперу и фельдмаршалу Реншёльду в присутствии нескольких наших генералов, прежде чем я лучше скажу, что это с несколько иначе звучащими (?) выражениями было произнесено. Я бы хорошенько подумал, потому что это между своими должно вызвать зависть и причинить еще большую ненависть ко мне.

4) В результате этого затяжного и длящегося весь день столкновения с противником, большая часть наших полковых и ротных офицеров была убита или ранена, помимо унтер-офицеров и рядовых, пострадавших пропорционально. Земля, на которой мы стояли, была для нас очень неудобная. Затем противник отошел в лес, его большая численность нас полностью превосходила. Оставалось не много ночного времени. На другой день ожидалось новое сражение, не намного меньшее, так как к противнику постоянно прибывали новые войска. Поэтому было принято решение нам отступить и приказано, чтобы все войска в полном порядке и тишине перешли пас, который был у нас за спиной и шли по дефиле до Пропойска. Что и было выполнено на глазах у неприятеля, чье правое крыло все еще располагалось вблизи паса, и это без труда можно было заметить и по всем другим признакам. Но либо из-за того, что мы развели много костров, либо наши войска смогли так тихо перейти мост, но противник ничего не услышал.Затем, когда все конные и пешие войска перешли на другую сторону, за ними должны были последовать пушки и обоз, так как я не хотел, чтобы орудия или повозки шли впереди, чтобы не было слышно их движение, прежде чем войска будут в безопасности, а также из-за боязни, что в темноте я смогу застрять в труднопроходимом месте. Что собственно затем и случилось, потому что в темноте они двигались слишком близко друг к другу и от этого произошла конфузия — оси сцепились и вся переправа оказалась вновь так забитой, что было невозможно через нее пройти. Поэтому 10 чугунных пушек, которые у нас еще оставались, мы были вынуждены бросить со всем обозом. На другой стороне переправы в разных местах… сделали для нас ловушки в лесу из-за чего, переправившиеся до начала сражения

повозки большей частью были оставлены в лесу, а лошади были выпряжены и их забрали с собой вместе с тем, что осталось после уничтожения повозок.

5) Хуже всего было то, что рядовые солдаты и кавалеристы ночью ускользнули с марша, добрались до нагруженных вином и водкой возов, напились так, что не помогали ни команды, ни удары, от чего там сям по лесам осталось лежать свыше 1000 человек. Таким образом, они должны были попасть в руки неприятеля на следующий день и это были единственные пленные, которые у нас захватил неприятель, ибо во время боя противник не захватил других пленных, кроме тех офицеров и солдат, которые остались лежать ранеными на поле боя.

6) Я разрешил генерал-майору Стакельбергу продолжить свой путь к Пропойску, а сам последовал сзади, чтобы лучше всех подгонять. Я заблудился и в темноте совершенно потерял войска и смог найти их вновь у Пропойска не раньше утра. Затем я собрал в лесу людей и повел их за собой. Прибыв в Пропойск, я обнаружил, что город был перед этим сожжен неприятелем, который пощадил только одну церковь и несколько домов, и нет никакого моста, чтобы переправится через Сож. На противоположной стороне Сожи находилось несколько тысяч неприятельских солдат, одетых в красные мундиры, которые старались помешать нам построить мост и переправится через реку, и как только кто-то из наших приближался к реке, они начинали стрелять из своих мушкетов. Ниже по течению реки лежал островок, до которого можно было добраться лишь по воде. Но дальше однако было невозможно переправиться дальше через реку, из-за того, что противоположный берег был высокий и обрывистый и там в готовности против нас находился неприятель, а также потому, что спуститься с обрыва вниз к реке под городом можно было только лишь по одной узкой тропке.

7) Я взял с собой ген-майора Стакельберга и разведал все это, а также обсудил с ним, что предстояло дальше сделать. Было неразумно рисковать давать еще одно сражение, как из-за местности, которая была для нас менее удобна, чем при Лесной, так из-за нашего численного меньшинства в сравнении с многочисленным неприятелем, наших многочисленных раненых и многих подобных причин. Оставаться же на месте и ожидать неприятеля означало неизбежную сдачу на дискрецию противнику. Однако генерал-майору Стакельбергу пришла в голову мысль, что в Пропойске можно будет с небольшой выгодой укрыться за частоколом и обороняться, до этого мы отправим нескольких курьеров к королю и сообщим о нашем бедствии. На что я ответил, что подобное предложение наихудшее, которое мы когда-нибудь могли бы выбрать. И обсудив с несколькими офицерами этот вопрос, я сказал: нет, я никогда это не сделаю, мы должны рискнуть использовать наше крайнее средство, пройти маршем вниз по течению реки и поискать где-нибудь удобное место, либо для переправы или чем-то для нас полезное или с местностью удобно расположенной для сражения. Итак, я приказал генерал-майору распределить среди пехоты всех обозных лошадей и посадить всех верхом, начав с моих собственных обозных лошадей, чтобы никто не посмел жаловаться. Затем он должен был выстроить все войска в хорошем порядке и так следовать за мной, стараясь держаться вместе как можно ближе, туда, куда я направлюсь.

8) Генерал-майор Стакельберг ответил мне по-французски: «Решение………..» и отдал приказ, который я предложил. Все кто не пьянствовал, или не боялся вступить по новой в сражение, а также забыли о небрежности, встали в добрый боевой порядок и двинулись за мной быстрым маршем налево вниз по течению реки до того как мы заметили кучу вражеских казаков, которые, однако, не осмеливались напасть сзади на наш арьергард. Как говорят, они захватили в Пропойске в плен нескольких отставших, а также разграбили весь обоз, который не был уничтожен.

9) Мы двигались, таким образом, целый день бесшумно и… через лес 4 большие (?) мили, до вечера, по возможности, следуя берегу реки. Хотя мы много раз входили в реку, но переправиться не могли из-за топи и высоких берегов. Почти в самых сумерках Господь привел нас в местность, где на не очень разбитой дороге, можно было рассмотреть дышло (?) повозки, там, где раньше была переправа. Недалеко оттуда находилась деревня под названием Глинки, где я собирался ждать всю ночь все войска, которые шли не в колонне. Кроме того, я был изнурен от полученных во время боя контузий в ногу и правую руку, усталости и большой неприятности, что меня должны были снимать с лошади и почти что нести в дом на руках, так что я от отвращения желал себе смерти.

10) Однако Господь не обходит своей милостью и милосердной помощью тех, кто во всем верит ему, всегда, скорее всего, когда нужда самая большая и сам человек больше не ждет помощи. Что без сомнения тогда с нами и случилось: вечером в глубоких сумерках пронесся ложный слух, что через лес к нам приближается неприятель. Оказалось, что до 500 человек, частью драгун, частью пеших солдат на лошадях, стоявшее близко к реке, двинулись к ней вновь и успешно переправились, не потеряв ни единого человека, показав через преодоленную ими боязнь, какой путь нам открыл Господь, если бы появился неприятель. Это тут же рассказанное мне событие немало помогло облегчить мои тяжелые мысли, и сердечно восхвалять как всемогущую отеческую заботу и милость.

11) Я воспользовался случаем промыть мою распухшую ногу и контузию водкой, чтобы немного позаботится об них, и без сомнения эта помощь позволила сильно уменьшить боль, так что я затем повеселел и стал чувствовать себя хорошо, а наследующее утро я мог достаточно хорошо ходить и ехать верхом. Посему, не теряя времени, утром 1 октября я распорядился, чтобы все войска переправлялись в том месте и к полудню все были на другом берегу. Не более 7 или 8 человек утонули из-за неосторожности, когда они удерживали своих лошадей при переправе и не отпустили поводья, отчего лошади бросились назад

и кавалеристы упали в реку. Кроме того, удалось перевезти некоторые полностью запряженные фургоны. На другой стороне реки мы обнаружили поджидающих нас несколько вражеских казаков и калмыков, но мы не обратили на них внимание. Больше вреда причинили нам другие казаки, которые во время переправы продолжали (нападать) на наш арьергард и когда она закончилась, с каждой стороны пало убитыми и захваченными (?) более 20 или 30 человек.

12) Всего в тот день мы прошли 3 большие мили до Клапина; 2-го октября прошли 4 мили до Валошевичей; 3-го октября опять 4 мили до дер.Нимки; все время по лесу и пустошам, где было невозможно найти ничего ни для людей, ни для лошадей, там только было несколько маленьких крестьянских домов, да в лесу нашли немного кореньев репы и капусты, которые показались для нас самой лучшей пищей. На следующий день мы переправились частью в брод, частью вплавь через реку Беседь, и продолжили наш марш до дер. Нетуки, первой деревни на этом пути в Северщину, принадлежащей Стародубовскому монасты-рю, в продолжение 3 украинских или добрых 5 или 6 шведских миль.

13) Недалеко оттуда и до того, как войска пришли в ту деревню, лежит огромное болото, сплошь заросшее камышом, шириной с добрую четверть шведской мили, с узкой чрезвычайно скверной гатью из камней и бревен, которая является границей с Украиной или казацкой землей и Литвой. Когда мы подошли сюда вечером, солдаты авангарда рассказали мне о том, какой здесь был трудный и плохой проход. Я решил все рассмотреть сам и приказал всем полкам отойти назад и быть как можно ближе, с той стороны, по которой двигались (?), приготовить как можно больше фашин с помощью топоров и шпаг и принести к началу этой. Гонец всем сообщил приказ, чтобы ни один полк или его обозная повозка не осмеливался без этого приступать к дальнейшему маршу. Каждый полк, прежде чем пропустить вперед свой обоз, должен был забрать все свои фашины с собой и исправить дорогу, там, где это было необходимо и таким образом должны были двигаться полки один за другим. Я сам сошел с лошади, чтобы видеть все самому, оставил ее в самом начале моста и пошел пешком на другой конец гати, которая была очень скверная. Несмотря на все это, переправу через болото поторопились начать раньше, чем я успел подумать, и таким образом как было приказано. Поэтому я поторопился назад туда, чтобы все остановить. Для этого я все еще раз должен был проследить, что все укреплено и поэтому я поспешил, как мог. Когда я пришел в начало гати, я обнаружил, что все находится в беспорядке, и так застряло, что я с трудом смог пешком перейти с гати на землю. Я не мог не взволноваться от происшедшего, и спросил, в чем была причина, ведь дорога была достаточно широкой, чтобы по ней пройти согласно моему приказу. Мне ответили, что ничего иначе и не могло быть, поскольку обозные повозки одного полка двигались с обозом другого полка, и те и другие спешили переправиться первыми, и поэтому так столпились на дороге, что дальше никуда не могли продвинуться. Я почувствовал неприязнь и приказал отогнать пинками и затрещинами людей из полка, стоящего ближе всего к гати. Прошло много времени, пока я услышал, что весь беспорядок устранен согласно моему приказу. Важно отметить, что по переданному с нарочным приказу, начал распоряжаться генерал-майор Стакельберг и приказывать какому полку стараться быстрее и лучше переправиться. Он сам подъехал ко мне, как бы рассказать об очень важном и сказал, что он сделал это из хорошего намерения как можно раньше переправить войска. Но я ответил: Спаси вас Бог, г-н генерал-майор, неужели мне невозможно что либо приказать ради службы королю, чтобы это не пытались оспорить? И что… таким образом раньше, я не знаю в последнее время, о чем я должен думать, но это всегда со мной случается. Он вновь ответил, имея в виду себя, что по его плану людям можно было лучше переправится; что касается прочих заинтересованных лиц, то он как всегда очень желал быть исполнительным и услужливым, как раскаивающийся грешник, что все будет исполнено по моему желанию. Он стремился все исправить и сделать, как я желал.Я тут же взял караул с одним офицером из первого же у моста стоящего полка, поставил их в две шеренги напротив друг друга шагах в 50 от гати с жестким приказом не позволять людям проходить раньше своего полкового обоза и своего полка, и не уходить с поста, прежде чем построившийся перед ними полк, не пройдет мимо их караула. И таким образом от каждого полка должны стоять до тех пор, пока не подойдет другой полк. Это было настолько удачно, что все войска переправились через пару часов, до наступления ночи и не пришлось тратить на переправу целый следующий день.

14) Я философствую здесь о случайности более, чем является моим намерением и скорее бросил бы размышлять, если бы генерал-майор Стакельберг исполнил приказ, полученный от меня с курьером, перевезти фургон с деньгами в числе первых или мой курьер рассердил и он… без моего приказа или что-либо другое совершил по своему почину, потому что он так часто делал. Вместе… и для дальнейшего выяснения привел его ко мне. Но так как я более всего не желал причинять нам вреда и чтобы не вызывать ни у кого никакого недовольства, я спустил это, подумав… не стал поднимать из этого дальнейшего шума, прежде чем я все это хорошо …и постараться привести в правильный порядок. 5 числа мы прошли до дер. Веерещаки, 2 украинские мили, а 6-го до Поповичей на реке Ипуть, 3 мили.

15) Здесь у реки мы нашли старые бревна и сваи, из которых ранее был построен мост, который ныне был разрушен. С их помощью через несколько часов мы приготовили наплавной мост, и в тот день прошли еще 2 мили дальше до Унковичей. Там мы оставались до 7 числа, чтобы солдаты смогли раздобыть какую-нибудь еду. 8-го числа прошли 6 миль до дер. Киваи, и, наконец, мы вышли из лесов и прошли по превосходной, хорошо населенной и плодородной земле 9-го числа 4 мили до Лыщичей, а 10-го 4 мили

до Трухановой. Таким образом, после баталии у Лесной мы с огромными трудностями и голодая, всего прошли 41 литовскую или Украинскую милю, что составило не больше 60 шведских миль, прежде чем мы, ничтожнейшие слуг смогли добраться до нашего милостивейшего короля или его армии. До последнего вечера нас тревожил неприятель, который пытался напасть на наш арьергард и 10-го октября напал. Если ранее за нами постоянно следовали вражеские казаки, а также разбежавшиеся по лесам крестьяне пытались здесь и там причинить нам вред, то теперь, когда мы утром оставили Лыщичи, вошли в отвратительное дефиле и уже прошли большую его часть, на наш арьергард напал генерал Ифланд с парой тысяч человек и нанес некоторый урон Карельскому кавалерийскому полку. Мы потеряли 10–12 человек, которые совершенно случайно получили из леса удары в шею и спину. Русские быстро отступили, потеряв майора и нескольких рядовых, а мы продолжили свой марш.

16) Они дальше преследовали нас и еще больше усилились в другом плохом пасе, где Ифланд собрал вместе все свои войска, которых было, по крайней мере, 4000 человек. Но здесь они приблизительно в полдень повернули назад и сломя голову отступили. Если бы я не принял с большого расстояния зеленый цвет за синий, полагая, что это наши собственные войска, а противник следует далее, то я наверняка смог бы потрепать несколько первых эскадронов.

17) Они больше не появлялись вновь, а мы продолжили наш марш и увидели вокруг и впереди нас горящие деревни, подожженные противником, что мы вначале не могли понять, по какой причине это произошло. Мы продолжили наш марш до самой ночи, и только стемнело, мы увидели 3 или 4 костра на большом расстоянии друг от друга. Мы не знали, враги это или друзья. Большинство считало их врагами, потому что мы в тот день уже имели дело с неприятелем, а единственное, что мы слышали от некрасивого крестьянина, что он видел ранее в тот день около 400 шведских солдат, которые шли по нашему пути. Но я начал полагать, что это вероятно были шведы, потому что я наверняка их расслышал и потому что они располагались отдельно друг от друга. Я приказал всем своим войскам построиться, и послал вначале нескольких поляков, а затем небольшой взвод на разведку, который к нашей огромной радости сообщил, что это был отряд из армии Его Королевского Величества, под командованием генерал-майора Лагеркруны. Если бы на их месте был неприятель, то позволю предположить, что я в их лице уже успел бы нажить себе порядочного врага, прежде чем они узнали обо мне малейшие сведения. С обеих сторон была немалая радость, что их отряд мог о нас позаботиться, потому что, по их мнению, мы уже совершенно погибли, и ни один человек не спасся. А мы с более чем половиной нашей армии, наконец, вновь после тягчайших лишений смогли добраться до армии Его Величества.

18) Таким образом, посредством всемилостивейшей помощи и руководства Господа, полученные приказы Его Величества, были полностью мною исполнены, а противник со всеми своими огромными силами и отборными войсками не смог тому воспрепятствовать, а вынужден был оставить нас после сражения непоколебимо стоящими на боевом месте со шпагами в руках. По открытой дороге к нашему королю предстояло вернуться 6000 комбатантов, хотя к тому было мало надежду, потому что из общего числа комбатантов 10904 чел. в течение большей части сражения в бою принимало участие не более 6000 чел. Противник, таким образом, имел вдвое большее число и нас всегда превосходил в силах, производя многие сильные длительные атаки. После чего мы должны были идти сквозь бесчисленные дефиле, реки и пустоши по пути длинною более 40 литовских и украинских миль, которые гораздо длиннее шведских.

19) Из прочей оставшейся части потерянных войск я не думаю, что больше половины из них полегла на поле боя и в стычках. Позже я рассказал, что от 1000 до 1500 солдат вернулись через Литву в Ригу, другие предались пьянству, о чем я уже говорил, заблудились и остались в Пропойске, в других местах или на марше большей частью попали в руки неприятеля. Потери самого неприятеля, по собственным признаниям его офицеров, были гораздо больше, по некоторые заявлениям были почти такие же, как в нашей маленькой армии, в целом из всей вражеской армии более половины полегло, нежели осталось в строю. Посему мы могли восхвалять и благодарить бесконечную Божью милость, такую мощную и обильную, которая нас, когда мы были совершенно во власти неприятеля, от этой надвигающейся гибели освободила и позволила такой большой части из нас прибыть к нашему милостивому королю, после того, как эта маленькая армия без всякого ущерба прошла до Днепра более 100 миль.

20) Как только я прибыл к генералу Лагеркруне, я покорно сообщил в письменной форме Его Величеству о моем прибытии, и получил милостивый ответ, написанный собственноручно Его Величеством.

копия

На письмо г-на Генерала от 10 октября: прибыв сегодня в Бялогорцы. До меня уже раньше дошли слухи о счастливом деле, которое вы, г-н генерал, имели с неприятелем, хотя сначала распространялись известия о том, что вы, генерал, разбиты. В настоящее время я нахожусь на марше, чтобы подойти поближе, а затем продолжить движение, если позволит случай разыскать хорошее место стоянки для полков. Господин генерал может занять те деревни, которые он сочтет наилучшими и самыми удобными для сохранения своих войск. Наш марш идет частью на Яшковичи, а частью по дороге вправо от Шклова. Чтобы у вас, генерал, были основания найти деревни,

я здесь прилагаю карту, которую сделал после получения реляции, и которая может служить руководством,

Остаюсь,

Бялогорцы, 12 октября 1708

Г-на генерала

Каролус[184]

№ 161

Із щоденника лейтенанта Фредеріка Кристіана фон Вейе

Во имя Иисуса!

Шведская армия под командованием вельможного и могущественного короля Карла XII заслужила в этом году такую славу и реноме, что никто не сомневался, что теперь, после побед над датским, польским и саксонским оружием, она вскоре одержит триумф в Москве, особенно когда Его Королевское Величество всемилостивейше назначил генерала Левенгаупта командовать победоносными войсками в Лифляндии. Этот поход казался на человеческий взгляд таким авантажным, что всякий, имеющий блестящие амбиции, с неохотой хотел бы упустить случай, особенно теперь, в правильное время, достичь своего богатства;

Июль 1708

Копия

Его Шведское Королевское Величество, мой всемилостивейший король предписал главнокомандующему армией, находящейся в Лифляндии и Курляндии, и в близлежащих границах, генералу от инфантерии, губернатору города Риги, и подчиненных крепостей, а также полковнику пехотного полка Адаму Людвигу Левенхаупту, графу Фалькенштайну, барону Рейнхольц-Кирхену,

Объявить, что на должность второго лейтенанта, назначенную во вверенном моей милости полку и роте подполковника Ментцера, по согласованию со мной поступает прапорщиквысокорожденный Фредрик Кристоф фон В....., принимая во внимание его умение вести себя и доброе поведение; этой доверенностью также предписывается, что Его Королевской милостью утверждается оный Фредрик Кристоф фон В... быть лейтенантом вышеупомянутого полка и роты, с выплатой ему жалования, которое, положено ему по штату этим распоряжением. Всем, кого это касается, принять к сведению. Для дальнейшего подтверждения я сие собственноручно подписал и скрепил собственной печатью.

Рига, 20 июня 1708 г.

Адам Л. Левенгаупт

Э. Й. В. Клинтен

Как только мною была получена эта доверенность, я подал в отставку в Ноймюнде, и уехал в Ригу, откуда отправлялся обоз, и затем проследовал к своему полку, расположенному в Курляндии.

2 июля во исполнение нескольких дел, порученных мне его превосходительством г-ном генералом, я отправился в Ригу и вернулся этим вечером.

3 июля. Прошли до Эккау

4 июля. Прошли до города Бауска

5 июля. Выше реки Муза

6 июля. В первой литовской деревне

7 июля. Прошли до города Янишки

Наконец я нашел г-на подполковника Ментцера. Полк стоял в ¼ мили от него в деревне Добейке и на следующий день я знакомился с другими офицерами. Мой первый лейтенант по фамилии Браскоставался больной в Риге.

12 июля. Подполковник повелел вернуть полк в Янишки и поступил приказ ускорить выступление, все другие полки получили такой же приказ и с тем, чтобы дорога была удобна, каждому полку было предписано следовать вначале своим собственным маршрутом. От необыкновенного дождя все ручьи и болота так разлились, что дорога стала почти непроходимой, и огромный обоз вез наше имущество вперед со значительным затруднением, так разбита была дорога. Поскольку Его Величество принял решение разгромить в этом году Россию, и было хорошо известно, что по всей Литве в лесах не осталось домов, оттого, что неприятель сжигал дотла не только чужие, но и свои собственные земли. Поэтому, для того, чтобы иметь средства к существованию, когда мы пересечем границы, мы получили приказ, чтобы каждый полк раздобыл провиант, обозные телеги и достаточное количество рогатого скота, чтобы нигде не иметь недостатка и не помешать Его Величеству.

16 июля. Выступили из Янишки и прошли до деревни Старканы

17 июля. Прошли до городка Линкава

19 июля. Прошли до городка Швабишки

20 июля. Пересекли реку Муза и расположились в дворянской усадьбе.

21 июля. Прошли до города Помпяны

24 июля. Прошли до деревни Криклане

25 июля. Прошли до деревни Титтагола

26 июля. Прошли до дворянской усадьбы Наруна

28 июля. Прошли до деревни Андронишки

29 июля. Прошли до городка Оникшки, городка, лежащего на речке Свентца. К полку лично прибыл его высокографское превосходительство, после того, как в свою бытность в Риге произвел необходимые приготовления и на время своего отсутствия оставил вице-губернатором его превосходительство ген.майора Функена.

В Оникшки были арестованы 3 еврея, которые шпионили против нас и которые за такое баловство были оштрафованы на 1000 рейхсталеров.

Август 1708

1 августа. Прошли до Аванты

[184] Дневник генерала Адама Людвига Левенхаупта 1708 г. // Перевод Павла Коновальчука [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.slavgorod-museum.com/levenchaupt.htm

2 августа. Прошли до Маляты, деревня

Отсюда капитан Петерс дал команду идти в Вильду, чтобы потребовать от этого города 3000 рейхсталеров контрибуции и 200 пар окованных колес. Кроме того, город должен был быть свободен для прохода, а Карельский кавалерийский полк должен был изменить свой маршрут и уйти оттуда. Однако город пожаловался, что из-за прежних проходов ему был причинён такой ущерб, что уплатить желаемую сумму не представляется никакой возможности. Кроме того, им была предъявлена квитанция от королевского шведского военного комиссара Меландера, что недавно было выплачено королевским войскам 60000 рейхсталеров контрибуции. Г-н генерал кое-отчего из затребованного отказался и, получив 1300 рейхсталеров деньгами, согласился принять остаток товарами, как-то 200 локтей сукна, 280 шт. Воловьих шкур, 600 пар чулок и 130 пар окованных колес.

5 августа до деревни Лабанари

6 августа до деревни Жудишки

8 августа до деревни Лынтупы

9 августа до Кобыльника, города, который находится в Белой Руси. Поскольку в пути нас застала страшная гроза с громом, молниями и градом, при этом штормовой ветер валил на землю людей и лошадей, нашлись некоторые, которые истолковали это как предзнаменование и из этого предсказывали наше будущее несчастье в России, потому, что нас встретила такая погода, как только мы достигли означенных границ.

12 августа до Мядзёла, городок

14 августа до Хуби, дворянская усадьба

15 августа до Долгинова, город

Г-н генерал расположился в дворянской усадьбе Каролина, владелец которой ведет титул от каштеляна Смоленска. Обозные фуры представляли для армии большую помеху для ускорения марша, из всех полков приходили жалобы заменить колеса, которые ежедневно ломались, потому что были не окованы. Поэтому генерал решил дать 14 дней для их ремонта, а также подождать здесь подхода драгунского полка Шлиппенбаха, который шел из Ревеля и до сих пор не мог нас догнать.

Сентябрь 1708

1 сентября до деревни Саборы

2 сентября до Березины, монастырь

3 сентября до деревни Пышно

4 сентября до Лепеля, города, расположенного на большом озере, которое, вероятно, связано с Двиной. Русские укрепили здесь дефиле, потому, что предполагали, что король пойдет этой дорогой.

7 сентября до деревни Деревня

8 сентября до города Череи. Здесь генерал получил сообщение от короля, что он уже дошел до Могилева и что генерал-майор Рус (Roos) у Малятичей (Miskewiz) был атакован русскими.

15 сентября до деревни Петровская

16 сентября до города Толочина.

Поскольку река Днепр здесь уже в непосредственной близости и деревни по сторону, вероятно, враждебны, генерал приказал полкам, которые для лучшего фуражирования шли разными дорогами, собраться у Толочина и идти дальше боевым порядкам и чтобы обоз имел сильное охранение. Весь корпус составлял примерно 11450 чел., как видно из следующей спецификации:

Лифляндский Адельсфан, полковник Розен..............300
Абосские кавалеристы, полковник Энешёльд.........1200
Карельские кавалеристы, полковник Бургхаузен......800
Карельские драгуны, подполковник Цёге.................200
Драгуны полковника Веннерстедта........................... 600
Драгуны ген.майора Шлиппебаха..............................700
Драгуны полковника Шрейтерфельда.......................600
Драгуны подполковника Скуга..................................200
Рота поляков, ротмистр Бреда (прав. Буда)..................50

Пехота
Аболандцы, подполк. Ваденфельд.............................500
Нюландцы, подполк. Лейон.......................................500
Эстерботтенцы, подполк. Мейерфельд.....................600
Хельсингцы, подполк. Брюкнер..............................1100
Бьёрнеборгцы, ген.майор Стакельберг......................800
Полк генерала Левенхаупта.......................................700
Полк полковника Банера, подполк. Эренберг...........600
Подполковника Сталя...400
Полк полковника Врангеля.......................................600
Полк полковника Де ла Гарди, подполк. Фрайбург...600
Подполковник Сакен...400

Артиллерия
Майор Юлленгранат..50
Вместе с 16 пушками

Из этих регулярных войск надо вычесть около 1500 чел., которые управляли обозными повозками, поскольку при отправлении из Курляндии в спешке не смогли найти достаточное количество возниц и, с уходом этих людей для сопровождения обозного груза, армия была несколько ослаблена.

17 сентября дошли до Воронцевичей и стали лагерем на тамошнем поле.

19 сентября до Шклова, города на реке Днепр. Как только подошли к реке, был наведен мост для переправы армии. Река не слишком широка.

23 сентября мы перешли по мосту и направились в лагерь на Assirgische поле. Полковник Браузе, который присоединился к нам в Черее под предлогом, что он послан с секретной депешей от короля Станислава и хотел следовать вместе с армией, при нашем выступлении был задержан шкловскимижителями, за то, что он со своими людьми занимался мародерством. И, поскольку он искал защиты у генерала, от него потребовали показать доверительное письмо, но он не смог его предъявить, и произносил высокопарные речи. Из чего следовало, что его скорее следует

принимать за шпиона, чем за посланника и потому он был передан жалующимся шкловским гражданам, которые устроили с ним настоящий кошачий танец (Katzentantz) и увели с собой назад в город.

24 сентября мы стояли без движения и ждали обоз, который не полностью достиг лагеря. Сегодня в арьергарде впервые показался неприятель. Арьергардом командовал подполковник Платер.

25 сентября дошли до деревни Петровичи. Неприятель снова напал на арьергард, где командиром был подполковник Цёге. Некоторых мы уничтожили.

26 сентября до деревни Белицы.

27 сентября генерал приказал, чтобы обоз шел впереди, и в то время, как полки должны были начать проходить через дефиле, к нам в тыл на поле вновь подошла неприятельская партия из 4000 драгун. Кавалерия тотчас повернула им навстречу, пехоте генерал приказал быстро расположиться в долине, планируя ближе завлечь неприятеля. Но, не желая сами попасться на удочку, мы с развевающимися знаменами появились на холме. Неприятель, увидев это, поспешно ретировался в ближайший лес. Мы оставались лагерем на поле у Белиц и ждали обоз, который ошибочно пошел на Быхов, и подошел к нам только поздней ночью.

28 сентября ранним утром неприятель в большом числе опять показался у арьергарда. Обозу понадобилось много времени для перехода через мельничную дамбу. На левом фланге уже показалась неприятельская пехота в количестве нескольких тысяч, которые также пытались пройти через болото. При таком стечении обстоятельств генерал взял с собой большую часть наших войск и 14 пушек к переправе. И как только он перешел, неприятель начал палить из своих орудий, и несколько наших людей было убито, но мы отплатили ему с тем же эффектом. С этой стороны переправы оставался генерал-майор Стакельберг с 2–3 полками и 2 пушками, чтобы поддержать арьергард. Но русские также не стремились дальше. Они разбили свои войска на небольшие эскадроны и оставались в поле позади нас. Нескольких драгун мы убили выстрелами и после полной переправы обоза, мы пошли, прикрываемые пехотой с обеих сторон от групп казаков и калмыков, через перелесок к остальным полкам и продолжили наш марш до фатального места Лесная, небольшой деревни, расположенной в лесу. Вокруг нее было мало открытого пространства.

29 сентября в день Св.Михаила выступил с авангардом подполковник Мейерфельд, затем шел обоз вместе с полками. Поскольку генерал видел плохую диспозицию, вероятно, он не хотел здесь ожидать неприятеля, а пройти через лес в Пропойск, где было не только больше открытого пространства, но и река Сож давала прикрытие тылу. Но неприятель хотел использовать выгоды местности у Лесной и в 11 часов утра выступил в лесу вслед за нами с 30.000 чел. Темной ночью и из-за неудобства местности мы не могли создать соответствующий лагерь, полки стояли там и сям, как позволяли возможности. Итак, русские обрушились сначала на полки Де ла Гарди и подполковника Сталя. Те, в жестоком огне, отступили назад из перелеска к полкам Хельсингскому и Левенхаупта, которые встретили врага двукратным залпом, но, тем не менее, должны были уступить силе и присоединиться к другим полкам. Тут неприятель насторожился и стал перестраиваться недалеко от кустов. Мы стояли в поле и также перестраивались; но людей было слишком мало, там и здесь между батальонами были промежутки, и неприятель значительно нас превосходил. Наша кавалерия, которая частично уже ушла вперед, во весь опор прискакала обратно к боевому порядку, и как только она прибыла, мы атаковали с большой силой и отогнали (их) обратно глубоко в перелесок. Но развить победу мы не смогли, так как неприятель образовал 3 линии, одну за другой, и, если падала одна линия, вторая заступала на её место и когда мы отступили из перелеска, все войско напало на нас, и мы понесли большие потери. Тем временем пушки непрерывно стреляли с обеих сторон. Неприятель построил свои части в перелеске в форме полумесяца, так что только тыл у нас оставался свободным. Казаки пытались в лесу ограбить наш обоз, но охрана отогнала их. Ближе к вечеру подошла наша пехота из Пропойска, куда она ушла утром и соединилась с левым флангом, в то время как генерал-майор лично командовал против правого фланга неприятеля, где стояли Преображенская гвардия, Семеновский, Астраханский и Ингерманландский полки. С обеих сторон велась страшная перестрелка, было невозможно различить отдельные залпы, в течение получаса только гром и молнии. Ветер гнал нам в лицо снег и дождь, пар и дым, этим воспользовался неприятель и напал на нас со всеми силами из леса, так, что (их) пики и штыки почти упирались в нас, а мы могли видеть русских в упор. Рукопашный бой был жестоким, и русские оттеснили нас, но это продолжалось недолго, ночь стала нашим судьей. Неприятель отошел к перелеску, а мы с остатком армии остались на выбранном месте, не зная, кто же остался победителем.

Утром генерал отдал приказ скрытно пройти через лес к вышеназванному городу Пропойску. Наши пушки застревали на дороге в топи, их было невозможно протащить, потому что дорога после прохождения сотен фургонов была так разбита, что по ней невозможно было ехать верхом. Обоз частично был брошен на произвол судьбы, частично разграблен солдатами, потому, что в течение 2-х дней они постоянно находились в состоянии боевой готовности и были так измотаны голодом и жаждой, что невозможно было упустить добычу, а в фургонах маркитантов и евреев было много вина, пива, водки и табака. Темнота скрыла преступление. Кто хотел следовать за своей ротой, тот пошел, кто не хотел, тот остался в лесу. Поэтому, ранним утром многие из них были уничтожены, когда спали или были пьяны.

Потери шведов убитыми при Лесной

Полковник Бургхаузен умер от раны
Подполковник Ваденфельт
Подполковник Лейон

Подполковник Брюкнер
Подполковник Врангель
Подполковник Фрайбург
Подполковник Скуг
Майор Вульф
Рядовых около 2000 чел.

Пленные:
Полковник Розен умер
Подполковник Лейонхювюд умер
Подполковник Сталь
Ген.-адьютант Кнорринг
Ген.-адьютант Лоде
Ген.-адьютант Клинтен
Рядовых около 1800 чел. Были частично пленены на поле боя, частично в лесу.

Вернулись в Ригу:
Подполковник Горн
Ген.-квартирмейстер лейтенант Браск
Майор Лаутербах
Много ротных офицеров и около 1000 рядовых

Погибшие при Лесной со стороны московитов:
Принц Гессен-Дармштадский; много высших и низших офицеров вместе с 10000 рядовых были убиты и ранены.

Русские по их собственному признанию только в Преображенской гвардии имели свыше 500 чел.убитыми. Это есть истинная реляция кровавого столкновения у Лесной, которого можно было избежать, если бы наш всемилостивейший король остался ждать нас у Могилева или с Божьей помощью можно было бы выиграть, если бы мы нашли лучшее поле и все наши войска были бы вместе. Довольно и того, что г-н генерал Левенхаупт и г-н ген.майор Стакельберг проявили исключительное руководство и храбрость, также как каждый офицер и солдат полностью выполнил свой долг, как это подтвердил Его Королевское Величество в своем манифесте, который он издал на Украине в Ромнах. Текст на шведском языке звучит так:

30 сентября мы снова расположились в выгоревшем городке Пропойске и ждали противника до полудня, но у него, вероятно, не было желания нападать на нас, он довольствовался тем счастьем, которое принес ему вчерашний день. Поэтому генерал приказал пеших посадить на обозных лошадей и продолжать марш, оставив пустые повозки вместе с 1000 голов рогатого скота, потому, что не было возможности протащить их через непроходимые леса. Самое неприятное, что у нас не было вестей от королевской армии; майор Ливен и лейтенант Ульрихс, посланные генералом к королю, чтобы известить о нашем положении, по дороге были схвачены, один увезен в Москву, другой в Батурин к гетману Мазепе. Генерал предполагал получить известие от королевских войск приблизительно в Северской земле и направился маршем в Стародуб. Перед нами была река Сож, но ни у Пропойска или где-нибудь поблизости, не было никакого моста; только один еврей сообщил, что с правой стороны от города есть место, где можно переплыть на лошадях. Когда мы к вечеру подошли туда, подполковник Мейерфельд с несколькими сотнями солдат переправился на другой берег.

Октябрь 1708

1 октября. Господин генерал последовал с остатками армии вплавь верхом на лошадях, кроме небольшого числа прочих остальных и раненых, которые переправились на пароме. Все же, этот переход был также не без вреда; ротмистр Рус вместе с 30 верховыми солдатами был унесен сильным течением и утонул. Некоторые заметили враждебных казаков на другой стороне реки. На этой стороне видели в лесу калмыков, однако, не могли ничего тентирен (?)

2 октября мы шли через огромный лес, в местности, где изредка попадалась просека, как будто крестьяне проносили дрова из кустов. Определено, что по этой дороге, пожалуй, ни разу не проходила армия. К вечеру мы расположились под открытым небом.

3 октября густой лес

4 октября мы перебрались через маленькую речку, некоторые вплавь, некоторые на плотах. Во второй половине дня мы встретили большое болото, и вся армия должна была наполнять его фашинами и перешла через его, тем не менее, с большим трудом, так как это происходило ночью.

5 октября мы отдыхали

Генерал послал вперед генерал-квартирмейстера Аминова с проводником, чтобы попытаться узнать, может ли он каким-либо образом добраться до Королевской армии. Но он тоже был перехвачен казаками, ограблен, и все было поставлено под угрозу русскими князя Меншикова.

Октябрь 6 густой лес

Октябрь 7 тоже

Время от времени мы встречали маленькие деревни, где забрали зерно; но из-за ежедневного марша у нас не было времени испечь хлеб, и поэтому жили впроголодь. Потому что небольшое количество провианта, который люди смогли унести с собой в ранцах от Лесной, было также уже съедено. Мы встречали время от времени овец, свиней, кур и гусей; однако мясо мы должны были есть без соли, и таким образом мы скверно питались каждый день, что не только многие раненые, но и здоровые из-за этого заболели (?).

8 Октябрь мы подошли к Ипути, речке, почти такой же большой, как и Сож. О переправе вплавь не могло быть и речи, потому что не только было очень холодно, но и люди очень выбились из сил и не охотно желали этого. Посему генерал отдал приказ взять в близлежащем месте материалы, чтобы и с возможной поспешностью сделать плавучий мост, и как только он был готов, мы по нему сразу же перешли.

9 октября мы, наконец, вышли из леса, и нашли больше деревень. Так как голодные солдаты сильно скло-

нялись к мародерству, гевальдигер со своими людьми их едва из этого смог удержать.

10 октября наш арьергард у одного дефиле был совершенно неожиданно атакован вражеской партией драгун численностью примерно в 3000 человек. Они прибыли из Стародуба произвести вокруг нас диверсию, набрали такую скорость, что за этим последним дефиле настигли и уничтожили примерно 30 человек вместе с лейтенантом Мюллером из Карельского кавалерийского полка. Так только мы услышали стрельбу, мы выстроились назад фронтом вдоль кустов, чтобы оказать помощь арьергарду и таким образом принудили противника отступить.

К вечеру мы увидели 2 или 3 сожженные перед нами деревни, которые подожгли вражеские казаки, чтобы лишить нас пропитания, и чтобы мы думали, что в этой местности нет войск королевской армии. Но они были ближе, чем мы полагали. Некоторые сведения мы получили от одного крестьянина, которого поймал наш авангард, когда он бежал в кусты, и хотел там спрятаться. Когда его спросили, слышал ли он что-нибудь о шведах, он сказал, что недавно в деревне была одна партия, которая гнала скот; была ли она шведская или русская он не знал, потому что он прятался в лесу, а они ушли через поле в левую сторону. Мы последовали на удачу за этой партией и, как только стемнело, обнаружили у следующей деревни большую количество небольших костров, разожженных вероятно военными; были они свои или враги, мы не знали. Последнее казалось маловероятным, потому что никого из нас неприятель не только не атаковал, но и на наших глазах зажег деревню. Поэтому мы остановились в поле; генерал послал вперед на разведку лейтенанта, который тут же привез радостное известие, что это были шведы, и мы могли подойти ближе к деревне.

Этим отрядом командовал генерал-майор Лагеркруна, у которого было 6000 человек, и которого король послал в Северскую землю, чтобы захватить это место и уверить жителей в милости короля, когда они останутся в их домах и в дружбе. Однако же русские здесь опередили и захватили Стародуб вместе с Новгородом Северским.

11 октября мы разместились на квартирах в ближайших деревнях, которые все были брошенные, а уЛагеркруны было провианта не больше, чем у нас, так как свой обоз он оставил в королевской армии. Они стояли недалеко отсюда и прибыли недавно в Северскую землю, после того, как прошли огромный лес с большой потерей в людях и лошадях из-за нехватки провианта. В течение нескольких дней генерал Левенгаупт готовил Его Королевскому величеству нижайший рапорт о наших действиях и марше. Там он все благосклонно описал и затем какую радость почувствовала наша армия невзирая на то, что каждый потерял и вытерпел в эти дни голод и жажду, мороз и холод вместе с тысячей других бедствий.

16 октября мы соединились с королевской армией, и Его Величество всемилостивейше решил, имеющиеся в корпусе Левенгаупта полки разделить таким образом, чтобы офицеры и рядовые сохранились, а полковники получили прямое приказание заботиться о наших людях, так же как и о своих собственных.

Разделение произошло таким образом:

Королевская армия	**Корпус Левенгаупта**
Гвардия	Генерала Левенгаупта ПолковникаБанера Подполковника Сталя
Вестманландцы	АболандцыВермландцы Бьернеборгцы
Вермландцы	Нюландцы Полковника Врангеля
Дальский полк	Хельсингландцы
Йенчепингский полк	Эстерботенцы
Вестерботенцы	Де ла Гардийцы

Наши кавалерийские полки остались теми же, за исключением того, что карельские драгуны были объединены с Нюландским кавалерийским полком, а драгуны Скуга — с полком генерал-майора Шлиппенбаха[185].

[185] Дневник лейтенанта Упплaндского временного пешего полка Левенгаупта Фредерика Кристиана фон Вейе 1708–1712. Стокгольм, 1902 // Перевод Павла Коновальчука [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.slavgorod-museum.com/weihe.htm

Випалення росіянами території

№ 162

1708, березня 3 або 6.

З плану дій російської армії, запропонованих О. Д. Меншиковим

Как поступать против неприятеля при сих обстоятельствах, на что моє мнение:

1) Ежели неприятель, оставя нынешний пост свой, пойдет внутрь нашего государства чрез Смоленск или Псков, или, паче чаяния, на Киев, или чрез иные которые наши порубежные места, то надлежит, дабы весь корпус пехотной, и при нем несколько регулярной и прочие конницы, неприятеля предварили и всегда пред неприятелем шли и все места яко дефилеи и прочие переправы, и что к неприятельскому авантажу надлежит, а именно правиянты и фуражи, и всякое строение, по пути и по бокам везде пред неприятелем жгли и разоряли; а всему конному корпусу за неприятелем последовать и над оным, по случаю при реках и переправах и прочих пристойных местах, з божиею помощию с тылу промысл чинить, також и з боков лехкою конницею неприятеля непрестанно шкодить[186].

№ 163

1708, серпня 9.

Указ Петра I генерал-майору М. Ю. Іфланту про випалення продовольства, млинів перед шведами, виганяння населення у ліси

1

Иттить с 4 полками драгунскими к Украине, а именно к Стародубу или где услышат про гетманское конное войско, «(при котором капитан-порутчик Соловой)» и, случась со оным, смотреть на неприятельские обороты, только чтоб обозов близь отнюдь не держать, но быть налехке.

2

Ежели неприятель пойдет к Смоленску или инуды куды, кроме Украины, тогда держатца у неприятеля ззади и по крайней мере неприятелю с помощию божиею убыток чинить потщитца всеми образы.

3

Ежели же неприятель пойдет на Украйну, тогда иттить у оного передом и везде правиант и фураж, «также хлеб стоячей на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городоф, чего сами не могут употребить, польской и свой жечь не жалея и строенья перед оным и по бокам, также мосты портить, леса зарубать и на больших переправах держать по возможности.

4

Все мельницы також жечь, а жителей всех высылать в леса с пожитками и скотом в леса. Також, чтоб жерноф не оставливали, брали с собою или разбивали. А ежели где поупряметца вытить в леса, то и деревни жечь. И о сем наперед сказать. Також и то сказать везде: ежели хто повезет к неприятелю, что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, також равно и тот, которой ведает, а не скажет. Також те деревни, из которых повезут, жечь же.

5

Держать з главною армеею непрестанную корреспонденцию. Також, хотя чего здесь и не написана, а будет к пользе нам, а неприятелю к убытку, то чинить, не опуская времени, как доброму и верному человеку надлежит»[187].

№ 164

1708, вересня 8.

Указ Петра I О. Д. Меншикову про спалення сіл і продовольчих запасів

Письмо ваше купно з Боуровым и полоняником я получил, за которые изрядные ведомости благодарствую, чему зело порадовались и благодарили бога. Дай боже и впредь такие ж ведомости слышать. О здешнем объявляю, что сей пас недоброй ситуации: людей по деревням, скота и хлеба зело много, и для отдаления лесов нейдут; и для того мы с нуждою оных высылаем, а достальное берем. А жечь оставляєм вам. Зело прошу: извольте гораздо о том око иметь и крепко приказать, чтоб все при отступлении пожечь, понеже зело много. А когда о другом пасе известие получю, тотчас писать буду и сам туды поеду.

Из Перепечь, сентября 8 дня[188].

№ 165

1708, вересня 19.

З указу Петра I Б. П. Шереметєву (про доцільність спалення Почепа)

Господин фелтьмаршал.

(…) Також ис Почепа пушки б и протчее черкасы вывезли в Стародуб (понеже сей городок плох и лутче при случае жжечь)[189].

[186] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т. I (1700–1709 гг.) / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т. I. — С. 336.
[187] Там же. — С. 384–385 (РГАДА, Госархив, Разряд V, д. 16, лл. 16–17).
[188] Там же. — С. 391–392 (РГАДА, Тетради Зап., 1708 г., л. 136 об. Копия).
[189] Там же. — С. 393.

№ 166

1708, жовтень.

З листа секретаря похідної канцелярії Карла XII Йозефа Цедергельма до свого брата Гермунда про рятування сіл на Стародубщині від спалення

…Ми почали переконувати селян (Locka), що ховалися до того в лісах, вертатися додому. Оскільки можливо було, збирали ми запаси хліба й інших продуктів для полків. Повсюди знаходили надзвичайну кількість зерна і фуражу. І те і друге служило війську для відпочинку... Найбільш пекучою вдавалася потреба захистити країну від палення, що К. В. і ставив собі за ціль, а також спонукати селян до повороту до їх осель, запевняючи їх, що ті, котрі залишаться вдома, не будуть трактовані вороже[190].

№ 167

З Могильовської хроніки про спалення Могильова та збитки від перебування у місті двох армій

1708 г., февраля 11.

Вступил в Могилев капитан Волков и потребовал уплаты для московскаго войска денежной порции, сопровождая это требование тяжелою экзекуциею посредством продовольствия драгунов. Почему город принужден был уплатить Волкову пятьсот битых талеров.

1708 г., февраля 18.

Царь Петр Алексѣевич с войском был в Бѣлицѣ, о чем узнав городское управление посылало к царю послов для испрошения городу милости и облегчения тягостей, угнетавших город от московских войск.

В это время какойто Сувин был управляющим в экономии, имѣя и квартиру в замкѣ.

1708 г., февраля 29.

Полковник Шереметев с нѣсколькими стами кавалерии прибыл в Могилев. Тогда же прибыл и полковник Иван Васильевич Солнцев, командир бутырскаго полка с значительным военным отрядом.

1708 г., марта 5.

Прислан от польскаго подскарбия Котла хорунжий с ассигновкою требующею от Могилева для польскаго войска семьдесят пять тысяч (чего?), но город представив свое угнетение от московскаго войска отправил посланца ни с чѣм.

Того же дня получен указ, чтобы город приготовил для московскаго войска сухари.

В это также время посылался в Слуцк развѣдчик для собраний свѣдѣний о шведах, который донес, что шведское войско в Вильнѣ, гдѣ и сам король находится.

Марта 9.

Великий гетман княжества литовскаго Иван Огинский прибыль в Могилев, магистрат ходил к нему с поклоном и при своих засвидѣтельствованиях (akommodacyach) поднес подарок (honorarium) сто битых талеров.

Бѣлорусский епископ, князь Четвертинский, недолго пробыв в Могилевѣ, и проживая болѣе в Печерскѣ, когда усмотрѣл опасности от военных движений и услыхал о вторжении шведов, то уѣхал отсель в свою страну в имѣние Четвертино.

1708 г., марта 14.

Московский князь и первый царский совѣтник Александр Данилович Меншиков с значительною свитою и торжественностию въѣхал в Могилевский замокъ; нѣсколько шестиконных повозок, а также мулы и верблюды с вьюками караваном тянулись в город, сопровождаемые войсковым конвоем. Князь со своим двором размѣстился в замкѣ, а прочие офицеры в городѣ по квартирам в лучших и средних домах.

Магистрат по слухам узнав, что Меншиков злостный (nieuzyty) москаль и неблагоприятствовавший городу, ходили к нему в замок с хлѣбом солью, с пряностями (korzeniami), вином и сахаром. и, стараясь снискать благосклонность, отвезли бочку венгерскаго вина и хрустальный сосуд (puzdro) оправленный в серебро, данцигской работы, стоивший тысячу злотых.

На завтрашний день явясь в магистрат секретарь Меншикова потребовал, чтобы всѣ продовольственные припасы, от больших до малых потребностей, были доставляемы от города. И город, будучи со всѣх сторон стѣснен бѣдами, остался в необходимости подчиняться всяким требованиям и выдавать фураж, венгерское и французское вино бочками, мед и пиво выпусками (warami), свеклу, купусту и соль также бочками, ежедневно живаго быка, нѣсколько десятков баранов, гусей и кур стадами, ситнаго и розоваго хлѣба на день по сто булок, водку простую и очищенную (ocowita) мѣрами, мыла на платки еженедѣльно по нѣсколько десятков фунтов, мерзлая рыба отпускалась возами, а живая сколько достать возможно. Если же чего из провизии не выдано, то немедленно магистратских членов забирали под арест и экзекуцию; вяленую рыбу давали счетом (glowami), масло фасками, боровики тысячами, разное бакалейное коренье, как изюм, миндаль, фунтами, шафран, цвѣта и орѣхи мускатные лотами ежедневно, желѣзо на подковы лошадям и для каравана пудами, лук, петрушку и прочия огородныя овощи ношами, перец, инбирь и другие коренья фунтами, лимоны и маслины (achtytkami), сахар ежедневно головами, осетрину цѣлыми и рублеными штуками, сомину по нѣсколько десятков фунтов, калачи рыночные ежедневно приготовляемые, ежедневно также, кромѣ праздников, гречневых рыночных блинов по нѣскольку десятковъ; от города также продовольствовались портные, которые для дворовых людей шили одежду и шорники, дѣлавшие упряжь, им и за работу уплачивал город, доставляя при том юхту и кожу для упряжи и обивки

[190] *Крупницький Б.* Шведи і населення на Україні в 1708–1709 рр. / Мазепа. Збірник. — Варшава, 1939. — Т. II. — С. 14 (Sekreteraren vid Carl XII: s Fältkansli losias Cederhielms bref tilt sin broder Germund, K. K. D., Lund, 1912, VI. P. 152).

караванов и телѣг. Вот, любезный читатель, невозможно и описать всѣх переносимых тогда тягостей, о которых предлагаю обратиться к находящемуся в ратушном архивѣ кассовому реестру, при чтении его со слезами будешь удивляться, как Могилев возмог вынести такия и другия подобныя тягости! Проклятый этот червяк, стоявший в замкѣ со своим двором с 14 марта по 19 мая точил и объѣдал город, и какая на его прожорство издерживалась сумма.

Князь Меншиков пребывая в Могилевѣ часто подумывал, каким бы образом отомстить городу за побиение москвитян, и как бы склонить на то царя, чтобы перебить всѣх жителей, и когда о таком своем намѣрении при пиршествѣ высказался старому кавалеру ведущему род свой от древних знаменитых предков, князю Шереметеву и прочим бывшим здѣсь офицерам, то старик Шереметев отвѣчал сими словами: «Полно, Александр Данилович, говорить, вѣдь на то война была, и наши сами были виноваты; смотри и нониче не мало ли наших побито, да будем ли за это мстить? Во всем изволение Божие! Плюнь на это и посмотри, как нонича город Могилев и нас самих и солдат драгун и офицеров царских хлѣбом и солью кормить, а бѣды никакой нам не творить и мы им благодарны, то пусть себѣ здравствуютъ». Таким же образом и другие старшие офицеры о намѣрениях Меншикова отозвались, а тѣ, которые благоприятствовали городу, этот секретный разговор передали.

Князь Меншиков, питая в сердцѣ постоянную свою злую мысль о избиении города, а между тѣм бывая по обыкновению на богослужениях в братской церкви, когда стоя пред чудотворною иконою пресвятой Богородицы сталь обдумывать, как бы осуществить свое злобное предположение, вдруг внезапно повержен на землю, и с сего времени перестал посѣщать братскую церковь и ходил уже в Спасскую, и так покровительством пресвятой Дѣвы Марий злобныя преднамѣрения не возъимѣли никаких послѣдствий.

1708 г., марта 16.

Получено приказание приготовлять для войска сухари и нѣсколько десятков тысяч лошадиных подков, сухари городом выданы, а подковы посредством подарков разным офицерам оставлены.

В сие время за приближением весны, когда рѣка вскрылась, москвитяне начали строить мосты, один на Луполовѣ, а другой на углу города, гдѣ прежде был деревянный вал с береговою башнею, а поелику тогда вода была высока, то мосты протягивались на байдакахъ; с моста Луполовскаго проѣзд сдѣлан по возвышенным пляцам, а если на котором оказывалась хижина, то сламывали и употребляли на мостъ; такой грунтовый помост продолжался мимо бернардынскаго костела до самого пекла (так назывался извѣстный на школищѣ кабакъ), другой же мост плавучий проходил от Луполовских столбов под Гвоздовку, на него употреблен деревянный вал и башня. На работы мостов постоянно город давал людей сотнями, большим отягощением бѣдных жителей.

Тогда также безпрерывно проходило чрез Могилев московское пѣхотное и конное войско, направляясь против шведа, который был уже близ Минска. Постоянное занимание ими квартир у мѣщан и давание продовольствий причиняли обывателям города большое угнетение.

1708 г., мая 19.

Князь Меншиков парадно, в сопровождении значительной свиты и драбантов, а также бараванов, навьюченных верблюдов и мулов, выѣхал из Могилевскаго замка, а на его мѣсто прибыл в замок московский полковник Андрей Ильич Шарфов, котораго тоже город ежедневно продовольствовал; но не долго здѣсь Шарфов оставался, ибо опасаясь шведов перебрался и расположился квартировать на Луполовѣ.

В то же время еще был сдѣлан городским коштом для переправы московских войск мост в Полыковичах.

Мая 20.

Князь Меншиков с небольшою свитою ѣхал чрез Могилевъ; его город должен был продовольствовать фуражем и прихотливыми яствами с отяготительными издержками; но не долго побыв в Могилевѣ отправился чрез Днѣпр, потому что шведский король был уже близ м. Бобра.

Тогда же проѣзжал чрез Могилев фельдмаршал Борис Петрович Шереметев старый. Выдан от города весьма тяжелый провиант и двѣсти бочек соли для того, чтобы не оставалось продовольствия шведам.

1708 г., июля 3.

Великий гетман великаго княжества Литовскаго г. Огинский был в Могилевѣ.

В это время москвитяне хотѣли выжечь город, но значительными подарками такое предположение устранено. [Гибельное это намѣрение имѣл генерал-адъютант Шилинг].

Этими же днями безпрерывно переходили чрез Могилев московския пѣхотныя и конныя войска, татары и калмыки, двигаясь к Головчину, гдѣ уже находился швед. [Там группировалось московское войско, чтобы не допустить шведов до перехода чрез рѣку Вабичь. Но шведы, будучи голодны, сильно напирали на москвитян, их одолѣли и много побили; послѣ сего сражения в продолжении трех дней множество раненых проходило чрез Могилев, а нѣкоторые полки разбитые шведами пошли в разсыпную другими дорогами. Затѣм был слух, что если бы москвитяне только три дня могли удержать шведов в Годовчинѣ, то сии послѣдние пропали бы от голода, ибо для такого многочисленнаго войска по пройденному пути не стало хлѣба].

Из бывших в Могилевѣ москвитян ни в городѣ, ни в замкѣ никого не осталось, всѣ переправились на Луполов в ожидании шведов, оставлены только в замкѣ двѣнадцать человѣк для наблюдения за движениями шведскаго войска.

[Бозвращаюсь в вышесказанному предмету: прежде головчинскаго сражения москвитяне у Луполовских столбов дѣлали ворожбу, жгли порох и по военному обычаю обращали внимание на дым, и по этим признакам оказывалось неблагоприятное предвѣщание, почему и войско шло

в Головчину весьма не весело. Ворожба происходила в воскресный день вечером].

Пред вступлением в Могилев шведскаго короля с войском, когда лѣтом упадал хотя небольшой дождь, то являлось безчисленное множество маленьких жабок, и всѣ онѣ скакали в город, а не из города, итак покрывали собою улицы, что не оставалось свободнаго мѣста для ступни ноги. А когда за сим наступили жаркие дни, то всѣ пропали.

1708 г., июля 3.

В Могилев въѣхало около пяти сот конныхь валахов (Wolochow), каждый из них, для знака, имѣл пришитый к шапкѣ пучек соломы; они разсыпавшись по улицам отыскивали москвитян, но москали бывшие в замкѣ, числом двѣнадцать, замѣтив валахов возлѣ столба, против дома Горянина, и тотчас извѣстив прочих оставшихся в домѣ, немедленно ушли на байдак и забрав бывшия при них три пушки, отрубили канат и распустили мост. Валахи хотя и поспѣшили сюда, но уже ничего москвитянам не могли сдѣлать и выстрѣлы их чрез Днѣпр были безвредны, а москвитяне дав из небольшой пушки один выстрѣл убили только одного невиннаго могилевскаго жителя, байдаки между тѣм уплывали, и ратуша распорядилась их перенять.

Когда валахи собрались на рынкѣ, нѣкто из именитых могилевских обывателей возгласилъ: „ей, Господи! защити нас от этих москалей, они нас догрызли до костей», но провозгласитель, как увидим ниже, попал из огня да в полымя (zedzdiu podryne).

В тоже время прибыл в Могилев весь валахский корпус и остановился лагерем на Ледковском предмѣстьѣ над Дубровенкою. Корпусом этим командовал генерал Канифер.

1708 г., июля 3.

Чрез три дня по вступлении в Могилев валахов, подошел к городу и шведский король со всѣм своим войском и расположился лагерем на Буйницком полѣ, лагерь был большой и с артиллериею. Магистрат ходил к королю просить милости, но он чрез переводчика отвѣчал: «вы давали провиант москалю, то слѣдует давать и мнѣ», затѣм строго приказал, чтобы войску доставлено было всякое довольство. Послѣ такого приказания город раздѣлен был на шестнадцать кварталов (kwater). Офицеры, квартермистры и высшия лица имѣли квартиры в лучших домах, а сам король оставался в лагерѣ, шведский же коммиссар г. Понятовский остановился в замкѣ. — По распредѣлении города на кварталы издан королевский ордер, чтобы каждый квартал доставлял ежедневно по двѣнадцати тысяч пяти сот фунтов хлѣба и девять сот шестьдесят гарнцев пива; вслѣдствие такого налога возвысилась большая дороговизна на хлѣб (zboze) и в особенности на продовольственные припасы; в требовавиях никому не было исключения, ни ксендзам, ни священникам, кромѣ только богадѣлен. Но поелику не было возможности ежедневно доставлять такое множество хлѣба и пива, то во все пребывание здѣсь шведскаго войска недобранное с кварталов количество дополнялось от ратуши, а кромѣ сего офицеров продовольствовано в лучших домахъ; в иных кварталах брали при фунтѣ хлѣба три гроша на пиво, а в нѣкоторых по шести грошей. В сие время жители города претерпѣвали столько бѣд и стѣснений, что иные уходили из своих хижин, который затѣм разбирались и отвозились на дрова в лагерь.

[Счет сколько каждый квартал выдал на войско хлѣба в каждый день, а всего выдано таких семь порций: […]

Всего фунтов 200000

Короля шведскаго никто еще в Могилевѣ не знал, он ѣздил в Могилевѣ без всякой свиты с одним прислужником, таким образом подъѣхав к ратушѣ, гдѣ продается хлѣб, спросил у продавщицы чрез переводчика, что стоить булка хлѣба, и когда та объявила цѣну, король своему слугѣ переводчику приказал оный свѣсить, переводчик доставь из кармана нѣмецкий безмѣн (gwicht) свѣсил и оказалось, что на фунт приходилось девять грошей, почему король и повелѣл, чтобы не выдавший назначеннаго количества хлѣба платил за недобранное число фунтов по девяти грошей за каждый фунт]

Шведы прибыв к Могилеву тотчас разграбили Буйницкий монастырь, разогнали монахов, так что в монастырѣ ни одной души не осталось. Древнюю деревянную церковь Успения пресвятой Богородицы разобрали и ея деревом помостили в хижинах, бывших под горою и по дорогам. Король обозрѣвая свое войско и форпосты, когда проѣзжал с офицерами чрез такой мость, то по проѣздѣ офицеров, королевская лошадь, занузданная мундштуком (inkluzy) никаким не поддавалась понуждениям к переходу; удивляясь этому король замѣтил на мосту двѣ доски и приказал их переворотить и оказалось на одной доскѣ изображение Спасителя, а на другой пресвятой Богородицы, обѣ мѣстныя иконы из разобранной Буйницкой церкви; по устранении этих икон с моста, лошадь пошла чрез мост. Король, узнав при чьей квартирѣ были иконы, двух обвиненных приказал повѣсить, а иконы отнести в пустой монастырь.

Пѣхотные шведы, а наиболѣе порядочные (charakternicy) финны, немного отдохнув, принялись строить мост на Папинском урочищѣ, против дома Горянина; для сего моста не мало хороших строєний, стоявших на Дубровенкой, разобрано и сплавлено рѣчкою в Днѣпр и до моста. По окончании же моста поставили при нем десять пушек и закрыли их хворостом. Калмыки и татары, в это время стоявшие в холмѣ и по другим мѣстам, часто по нѣсколько сот набѣгали на Луполовѣ, и, не вредя этому предмѣстью, приближались к мосту и стрѣляли; король шведский приѣзжал на рыночный бастион и смотря на эту стрѣльбу в подзорную трубу потѣшался и смѣясь при разговорах с офицерами говорилъ: «шельмы московские татары». Татары замѣтив, что шведы или валахи на правой сторонѣ Днѣпра противу холма косят траву, переплывали нагие чрез Днѣпр, с пиками и саблями нападали на косарей и кололи их, оть чего трудно было шведам в малом числѣ отправляться за травою, но большими отрядами они не ѣздили.

[Король шведский был молодой человѣк, не болѣе тридцати лѣт, высокаго роста, тонок, с продолговатым

лицом, рябоват (ospowaty) с больпим носом, плечист, острижен под гребенку, и сколько разов мы его видѣли, в одном костюмѣ: штаны и камвол лосинные, а верхнее платье суконное синее, отороченное по краям галуном, ѣздил на необенно щегольской лошади, занузданной мундштуком (inkluzy).

Когда весь склад казенной городской водки забран был для войска, то всякому можно сдѣлалось заниматься шинкарством, какъ маркитантам, так и другим лицамъ; за рюмку водки платилось по 10 грошей, а за кварту по 3 злотых, за кварту молока 3 гроша, за кварту круп 15 грошей, за гарнец пива 1 злотой, за грошовый калач 6 грошей, двушиллинговый обаранок 3 гроша, за обыкновенный десятигрошевый сыр 3 злотых, за горшечик пятнадцатигрошевый масла 3 злотых, а за всѣ продовольственные припасы платили шведы весьма дорого. Но как голодные люди вдруг слишком наѣдались, то много шведов умерло, а лошади поенные в Днѣпрѣ здыхали, то их стали поить болѣе в Дубровенкѣ. Для хлѣбнаго провианта на войско скупливан был болѣе на Луполовѣ печеный хлѣб, гдѣ обыватели имѣли побольше хлѣба в запасѣ.

При выдачѣ хлѣбнаго и пивнаго продовольствия по приказанию короля получались еще ассигновки, требовавшия денежных на шведское войско контрибуций, которыя город, истощая послѣднее свое состояние, уплачивал.

[Суммы выданныя на шведское войско суть слѣдующия: талеров битыхъ:

(…)

А всего вообще битых талеров 9516

Когда затѣм тяжкими экзекуциями город истощился и мѣщане пришли в убожество, так что негдѣ было взять, ни получить взаймы денег, а требовалось еще в выдачу на пять региментов [и именно на № 7 регимент Смоллянс, на № 8 и 15 гвардия, на № 9 Нерке Фармаленц, на № 13 Остоите кавалерия, на № 14 артиллерия,] то за всѣми короля шведскаго ассигновками, экзекуция преслѣдовала зажиточнѣйших граждан, их заключали в погреба, морили голодом, обнаженных погружали в холодную воду, вѣшали на балках и мучили разными истязаниями [и такими средствами вымучили еще 1133 битых талера, которые присоединив к прежней суммѣ составить все количество 10.648 битых талеров.]

Шведский король, не довольствуясь продовольственными и денежными контрибуциями, сам объѣзжал знатнѣйшия церкви, и хотя мало видѣл серебра на иконах, ибо все лучшее припрятано было в землю, но, получив от услужливых евреев извѣщение, что в церквах хранится значительное количество серебра, выдал приказ, чтобы из храмов немедленно было выдано нѣсколько сот фунтов серебра, ибо в шведском обозѣ постоянно была чеканена монета. Причем король угрожал, в случаѣ невыдачи, разграбить и сжечь город. Мѣщане, оставаясь во власти грознаго неприятеля, уступили необходимости выдать требуемое серебро: из братской церкви с иконы пресвятой Богородицы сребропозлащенную ризу, три меньших ризы, шесть висящих лампад, двѣ кадильницы, сто больших таблиц; из Богословской церкви ризу с иконы пресвятой Богородицы, стоящей при клиросѣ, тридцать таблиц, ломаннаго серебра в разных кубках, бакалах, которое собиралось на ризу к иконѣ пресвятой Богородицы братской; из церкви св. Николая ризу с иконы св. Дмитрия, большую кадильницу, четыре висячих лампады и пятьдесят больших таблиц; притом из разных церквей не мало забрано риз, ламп, кадильниц, крестов, таблиц, подсвѣчников, чаш и других серебряных вещей; все это серебро имѣло вѣсу 364 фунта и выдано шведскому войску.

Шведы послѣ достаточнаго отдыха, собираясь переходить за Днѣпр, без всякаго разбора, гдѣ только находили у кого продовольственные припасы, какъ-то: зерновой хлѣб (zboze), сало, пшеницу, солонину, овес, котораго и при провиантѣ было выдано нѣсколько тысяч мѣр, крупу, ячмень и все позабрали в свой обоз и начали переправляться по мосту на лѣвую сторону Днѣпра. В то время и в торговых лавках искали продовольственных складов и денег, а магистрат содержался под строгим караулом.

1708 г., августа 14.

Августа 14, по старому календарю, шведский король перепра-вился на лѣвую сторону Днѣпра и ночевал в лагерѣ под горою на городских уволоках, [которые и до нынѣ зовутся «Шведская смѣна»]

На завтрашний день годичных членов магистрата, остававшихся под караулом повели в плѣн к шведскому обозу, но чрез нѣсколько дней по ходатайству коммиссара г. Понятовскаго едва освобождены, уплатив за это ходатайство сто червонцев и сто битых талеров.

[Когда послѣдний остаток шведов и валахов переправился на другую сторону Днѣпра, приказано оба моста разобрать, что немедленно и исполнено.

В это время носилась молва, что шведский король с своим войском предполагал идти к Смоленску, но тайные послы от Мазепы представляли ему обратиться в Малороссию, ибо Мазепа, желая освободиться от московскаго подданства и быть удѣльным князем, убѣждал, что ежели казацкое войско соединится со шведским, то они будут не побѣдимы. Король, увлекшись представлениями украинскаго гетмана Мазепы, двинулся с войском на Украйну.]

Вторжение в Могилев шведов много стоило городу: кромѣ частных издержек от шестнадцати кварталов выдано пива на шведское войско 92160 гарнцев по 12 грошей, хлѣба 31864 фунта, полагая фунт по 9 грошей, оказывается всего на 396864 злотых наличной суммы. На регименты, с выкупом магистрата из шведскаго плѣна, выдано городом 109048 битых талеров. Кромѣ всѣх этих неизбѣжных значительных издержек, в особенности напоминаю строение мостов, отпуск желѣза для мостов и обозов, выдачи юхтовых кож и денежных пожертвований генералам, маиорамъ,квартирмейстерам, валахским старшинам и прочим офицерам, а также продовольствование стоявших по квартирам офицеров, которым отпускалось особо вино, разные меды, стоившие по 5 злотых гарнец, индыки по 1 битому

талеру, гусей по 4 злотых, фаски масла по 70 злотых, курей по 2 злотых, цыплят по 1 злоту. По ассигновкам давано валахам сукно, персидские поясы и шапки, а шведским офицерам сукно и луданы (? — *Прим. пер.*), употреблялись издержки на хождение нѣсколько разов к королю с просьбами, а также на шведскую и валахскую экспедиции, попеременно стоявшия на ратушѣ, который продовольствованы пять с половиною недѣль. Только на офицерских лошадей и для тѣх, что стояли на экзекуции, ежедневно покупалось травы на 60 или 50 злотых, ибо косить траву но лугам московские калмыки не допускали; овес в заѣздных домах (gospodach), пиво и мед бочками, коренье и прочия продовольственныя надобности, на каждое требование доставлялись от города, что все вспомнить и описать трудно; каковыя издержки понимая и старательно соображая, не много полагаю, достигают 100000 (чего? — *Прим. пер.*).

Когда же сатана (Lucyfer) с войском своим пошел на Украйну, то хотя в нѣкоторых мѣстечках, как в Смольянах и других мѣстах москвитян довольно еще оставалось, однако мѣщане, кто имѣл товары и иныя вещи скрытыя в землѣ, начали их доставать, не опасаясь никакой бѣды.

1708 г., сентября 2.

Сего числа по восхождении солнца, Шкловскою брамою вбѣжал в город большой дикий медвѣдь, убил в саду мальчика, ранил женщину, а когда лег в одном саду, то люди с ружьями оступили его и убивши привезли к ратушѣ, гдѣ мы сами его видѣли; шерсть на нем малая, но совершенно черная и блестящая; народ удивлялся этому чудовищу, а старики сие обстоятельство почитали дурным предзнаменованием.

1708 г., сентября 8.

Долготерпѣливый Бог, наказывая Могилев за тяжкия наши прегрѣшения допустил, чтобы город ограбленный шведами, но остававшийся еще при строениях, храмах Господних, торговых лавках, в один день обратился в прах и пепел! Но указу царя Петра Алексѣевича 8 сентября москвитяне, калмыки и татары, окружив со всѣх сторон город, заперли городские ворота, ударили в барабаны тревогу и зажгли замокъ; жители отворив ворота умоляли о пощадѣ, но не упросили, а только дозволена отсрочка на один час и поставлень карауль, пока городския книги перенесены из ратуши в подвал. Вот за тѣм калмыки отбивают лавки, убивают, а с другой стороны поджигают город, обдирают с людей одежду; зажегши острог, бросились на предмѣстья, лучшие дома прежде ограбили, а потом жгли, и когда пламя во всѣх концах распространилось, уѣхали из города. Когда калмыки отбили церковь св. Николая и, отбивши сундуки, от огня устранились, то смѣлѣйшие мѣщане и священники с причтом Николаевской церкви довершили грабительство. В то время всякий робкий человѣк и от своей собственности убѣгал, а кто не имѣл чего охранять чужим добром воспользовался. Когда гнѣвная ярость Божеская за грѣхи людей воспламенилась огнем но всему городу, то не вѣдая муж о женѣ, а жена о мужѣ, выхватывали только дѣтей и убѣжав из города укрывались, гдѣ могли в лѣсах, в оврагах, в Буйничах, в Котушѣ, вопия, что Москва вырѣзает жителей; [не один тогда из обывателей города в ужасѣ восклицал слова Апокалипсиса: «Горы падите на нас, кто стерпить день гнѣва Господня!» В таком положении народ набожно и с окаменѣвшим сердцем изливал послѣднюю слезу, видя пылающие храмы Божии и украшающие их кресты от жара склоняющиеся вниз и падающие на землю; дорого стоившие церковные куполы горят, а оторванные от них вѣтром желѣзные листы, как птицы, летают в воздухѣ, колокола сами звонят, а частные хозяйские дома без всякой обороны обращаются в пепел. Всю эту страшную тревогу, любезный читатель, и описать невозможно. Устрой, Господи, не испытывать нам подобной кары до суднаго дня!] Сгорѣла тогда и св. Спаса кафедральная церковь, на построение которой в давнее время доставлялось дерево с Гвоздовки, ибо тогда была пуща там, гдѣ теперь живут люди; большие благозвучные колокола расплавились. Братской церкви верх и куполы также обгорѣли, но алтарь внутри старанием народа сохранен в цѣлости; у колоколов хотя колодки погорѣли, колокола став на окнах уцѣлѣли, часы братские тоже сгорѣли. Икона пресвятой Дѣвы брамной, писанная в древния времена на стѣнѣ (?), сгорѣла, а от огненнаго жара штукатурка от стѣны отпала. Ближне-Воскресенская церковь совершенно сгорѣла и колокола расплавились.

В церкви св. Николая красивые куполы также обгорѣли, но внутри ее, хотя двери сгорѣли и начали горѣть лавки, однако люди разломав лавки, алтарь охранили, у колоколов колодки погорѣли, но большой колокол упав на окно и опершись на своем билѣ дал трещину. Прочия церкви, как-то дальная Воскресенская, Борисоглѣбская, Пречистенская, Ильинская и Покровская, по провидѣнию Божию, остались цѣлы. Луполова не жгли, потому что лодки и паромы были спущены вниз по Днѣпру, и туда нельзя было переправиться. К сему припоминаю, что послѣ сего происшествии было извѣстие, что ежели бы мѣщане присланным для сожжения города калмыкам, татарам и москвитам хотя не много воспротивились или стали вооруженно обороняться, то за двѣ мили от города стоявшие нѣсколько полков имѣли указ, за получением извѣщения о сопротивлении, мечем и огнем совершенно истребить город, но Бог от меча город охранил.

На завтрашний день по сожжении города, когда все обратилось в пепел, огонь прекратился, ибо не было чему горѣть, жители один другаго искали, малыя дѣти без колыбелей, без молока плачут, взрослые просят пищи, но гдѣ взять? — все погорѣло; а найдя один другаго приходят на свое хозяйственное пепелище и узнать не могутъ, гдѣ было их жилище, и развѣ только по печам его познавали, ибо и сады всѣ погорѣли, и не осталось гдѣ от холода и дождя приютиться, и так иные упрашивали помѣщения в уцѣлѣвших хижинах, а убогие копали себѣ землянки и искали разных средств, пока осмотрѣлись, нѣкоторые же на оставшияся средства начали строить хижины.

На третий день послѣ пожара разошлись отыскивать своих вещей, преимущественно прихожане церкви

св. Николая, гдѣ сундуки их были отбиты и растащены, а вещи и одежда валялись разбросанныя, ибо в так внезапное время не успѣли спрятать в землю; и так кто признаваль что-нибудь своим, то забираль себѣ, отчего особенно между женщинами возникали споры о полотняном бѣльѣ, ибо и та, что не имѣла говорила, что вещь принадлежит ей, а другая оспаривая утверждала, что это ее, и трудно было разобрать их споры, однако все признанное наконец разобрано. Посему в церкви св. Николая двѣ недѣли не было богослужения, ибо и женщины ходили в алтарь при поисках своих вещей, и необходимо было вновь освятить храм.

Были обыски в то время и в уцѣлѣвших домах, а также на Луполовѣ и на Затраечьѣ, искали в комнатах — в землѣ, в коморках и погребах, причем не мало найдено одежды и лавочных товаров у разных лиц, которыя, подплывая малыми лодочками, похищали чужое добро, признанное властителями разобрано.

По сожжении города был слух, что шведский генерал Левенгоф с войском пѣхотным и конным в 25000 главнаго и храбраго народа двинется по слѣдам шведскаго короля, ибо всему идти вмѣстѣ было бы трудно по причинѣ недостатка продовольствий на Руси и в Литвѣ.

Вскорѣ также по сожжении Могилева, какой-то поляк Хмара со своею «вшивою» дивизиею возбудился и возстал против Москвы, когда попадал кого на дорогѣ, убивал и, прибыв с нѣсколькими десятками лошадей в Могилев, истребовал от жителей продовольствие и подарки (akommodacya).

1708 г.

В сем 1708 году пошлинную контору содержал Мовша Горелик, который по сожжении города нанял себѣ дом у отца Ивана Бобковича, священника Ближне-Воскресенской церкви и там поселился. Мѣщанин Родион Фомич Подписок привезши нѣсколько возов разных товаров, както водки, табаку и прочих, когда придя в пошлинную контору, там поссорился с Гореликом, ибо Горелик был весьма придирчив к мѣщанам, и забрал у Подписка воз или два товара в контору. Тогда Родион Подписок, полагая, что по сожжении города не будет ни начальства, ни правосудия, предпринял Горелику отомстить. Собрав нѣсколько легкомысленных людей, между коими были и хозяева, и напоив их водкою, отправились с киями ночью с намѣрением убить Мовшу писаря и окружили дом занимаемый Гореликом, а когда под окнами начали тихо разговаривать, то Горелик, услышав и поняв, что тут дурно, поспѣшил с женою тихонько уйти чрез заднее окно, а Родион с товарищами выбив двери и окна, нашли лежащаго в молчании еврея Урия, тестя упомянутаго Мовши, его прибили и полагая, что это Мовша Горелик, положили убитаго на телѣгу и отвезли к Днѣпру, гдѣ и утопили.

Послѣ такого дѣла, напившись опять водки, легли спать. [Но нѣкоторые, обдумав свой поступок, не ожидая дня ушли из города.] Когда же в ночи утих сей шум, то Горелик тотчас явясь к войту разсказал криминальное происшествие. Данные Горелику из ратуши полицианты еще спящих преступников побрали, и самого коновода Подписка заковав в кандалы заключили в тюрьму. Преступники просидѣли в тюрьмѣ двѣ или три недѣли, тогда Родиону передан был запеченый в калачѣ ключ, которым в темную ночь отомкнув кандалы и сломав в окнѣ рѣшетку Родион с двумя товарищами убѣжали в Украйну. Послышав это сторож не допустил убѣжать прочим арестантам, и их за наступлением дня перевели в Олейную браму, куда заключили и жен с дѣтьми бѣжавших преступников, что происходило пред воскресным днем. В Олейной брамѣ пред сим сохранялся городской порох, остатки коего были сметены в уголъ; арестанты не вѣдая сего в темнотѣ курили табак, случайно кусочек губки упал на землю и по немногу тлѣя, причинил потом, как из пушки, взрыв, которым выхватило угол сего хранилища со стороны Днѣпра, а с обѣих сторон явились трещины, и только крѣпость фундамента не допустила упасть всему углу. Причем убиты женщина с ребенком, и два мужчины, а прочие скалѣчены; послѣ сего скалѣченных и оставшихся здоровыми арестантов перевели в тюрьму, а убитых выдали для погребения. Народ начал кричать: «вырубить всѣх евреевъ! [пусть не тѣшатся христианскою кровию!» Но эти вопли успокоены.]

1708 г., сентября 18.

Пришло в Могилев от генерала Левенгофа нѣсколько сот кавалерии с требованием заготовлять для шведской дивизии генерала Левенгофа провиант, но город извиняясь представлением пожара, голода и недостатка, ублаготворив требователей, отправил к генералу двух бургомистров. Левенгоф убѣждаясь представлениями городских послов и своих людей, своротил с могилевскаго пути и пошел на Шклов, там взял порядочный провиант и денежную контрибуцию, а из Шклова двинулся на Лѣсное.

1708 г., сентября 28.

[Корпус Левенгаупта с огромным обозом продовольственных и боевых припасов, когда двинулся на Лѣсное, то русские, провѣдав о том, отправили на встрѣчу ему нѣсколько полков под командою самого государя Петра. Еврей подосланный шведами взялся его проводить, и повел совсѣм по другому направлению; но Петр замѣтив обман поворотил свое войско по слѣдам шведов и настигши Левенгаупта близ м. Пропойска при дер. Лѣсной разбил его на голову и забрал весь обоз.

Хотя же шведския движения через Могилев и прекратились, ибо король с Левенгофом в Малороссийском краѣ соединились, однако московское войско переходами имѣло квартиры в Могилевѣ и город ему давал провиант и продовольствие. А в Быховѣ был значительный гарнизон под командою полковника Воронцова. Он уже послѣ пожара требовал провиант от Могилева и хотѣл для сего прислать экзекуцию, почему город помирил его, дав двѣсти рублей.]

Икона пресвятой Богородицы Марии, написанная живописцем Мироном Пигаревичем, с подобающею торжественностию и благоговѣнием, при крестном ходѣ с молебнами и проповѣдями постав-лена на Олейной брамѣ. Тяжко народ плакал, вспоминая претерпѣнныя бѣды и умолял

пресвятую Матерь о милосердии и покровительственном заступлении города от подобных несчастий.

Гдѣ только проходил швед, вездѣ там послѣдовал голодъ: на полях не урожай в продолжении нѣскольких годов, посему крестьяне свои пахотныя земли освящали с молитвою и окроплением освященною водою, и не скоро Господь Бог даровал прежний урожай. К сему присовокупляю, что по сожжении Могилева многие из городских жителей ушли в другие города, мѣстечки и в украинскую страну.

1709 г.

В 1709 году очень долго стояла весьма суровая зима со снѣгами необыкновеннаго количества, от чего не только животныя и птицы, но даже и люди по дорогам замерзали. К тому же и дороговизна была непомѣрная на хлѣб и другия продовольственныи потребности.

Сего же года в январѣ мѣсяцѣ построена на время из байдачных досок очень некрасивая кафедральная Спасская церковь, а чрез нѣсколько лѣт из таких же досок она расширена, вся она стояла на подпорах, и во время вѣтра опасно было в ней оставаться; епископское богослужение в ней не совершалось по тѣснотѣ, но исполнялось в братской каменной ставропигиальной церкви. Б таком состоянии была Спасская церковь до 1740 года, до заложения каменной кафедральной церкви.

1709 г.

В этом же 1709 году постоянно переходя чрез Могилев московское и польское войско здѣсь останавливалось, стѣсняя город квартирами, провиантом и денежными контрибуциями.

1709 г., февраля 5.

1709 года, 5 февраля, Могилев отправил послов в Воронеж к царю Петру Алексѣевичу для исходатайствования милости и охраны городу, а также для испрошения дозволения послѣ пожара строиться, ибо в то время московские переходы были для города очень отяготительны. Просьба послов была удовлетворена и они получили охранный лист.

В сем же февралѣ мѣсяцѣ проходило чрез Могилев с московским войском смоленское дворянство, которым город давал хлѣбный провиант, а старших продовольствовано по квартирам в домах.

1709 г., марта 24. В прибавлений список грамот.

Выдана грамота царя Петра Алексеевича об освобождении жителей Могилева от налогов и о дозволений им в городѣ вновь строиться.

1709 г., марта 24. В прибавлений список грамот.

Тогда же послѣдовал от царя Петра наказ малороссийскому гетману Скоропадскому о свободном пропускѣ обывателей могилевских для торговли[191].

Повідомлення про рух шведської армії

№ 168

1708, травня 14–15. — Вільно, Могилев. — Новина.

З Вільна 14 травня 1708 р.

Мова йде про польські справи. Поляки відступили до Бихова, котрого штурмують московіти, які сподіваються на підкріплення з Мінська й Полоцька. Литовський гетьман послав стражника пана Заранка до Мінська до генерала Банка.

З Могилева 15 травня 1708 р.

Прийшла пошта про дії московітів, котрі йдуть до Могилева. Роз'їзд пана Хмари мусив відступити до Бихова. Посли з Оршанського повіту повернулися від московського царя[192].

№ 169

1708, липня 15. — Шведський табір під Головчиним. — Новина.

«З шведського табору під Головчиним над річкою Вонбиш 15 липня в милі від Могилева.

Вчора пополудні відправив шведський король й. м. 20 гармат з артилерією проти московського табору у чверть милі, де стояла піхота під командуванням князів Голіцина і Репніна. Рано о 4-й годині рушив і перейшовши вбрід певну річку, також болота й багниська (зійшлися) з князем Віттенбергом, недавно пораненим, двома генерал-ад'ютантами, певним полковником, з частиною своєї гвардії […]

500 війська, підступив під неприятельський лівий фланг, де наказав так часто стріляти, що московіти, які були в кількості 30 000, одразу стривожилися і почали відступати до лісу, потім натовпом в конфузії відступили до Дніпра. Два московські полки від страху (…)* піддавалися, але роз'юшені шведи не так швидко отямилися, і незмірна кількість їх (московітів) лягла трупом. Генерал Реншільд побоюючись, щоб московські драгуни і козаки з калмиками не вдарили в тил шведській піхоті, спішно переправився через цю річку і болота тільки з двома хоругвами свого драгунського полку і драбантами, і став переслідувати московітів на дистанцію півтора миль і дуже багато їх пошкодив шпагами і побив, бо була королівська заборона, щоб не стріляли (…)* і відкликав горця Гольця від піхоти, всю артилерію і боєприпаси передав як здобич шведському королеві й. м. З шведського боку загинув генерал Врангель, з московського загинули князі Голіцин і Репнін, генерал Хенеке, а генерала Чамберса взяли в полон. Сьогодні

[191] Хроника белорусского города Могилева. Перевод с польского Н. Гортынского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1887. — Кн. III. — С. 56–73.

[192] *Мицик Ю.* Доба Мазепи й Палія в документах // Сіверянський літопис. — 2016. — № 1. — С. 91 (АГАД. — Ф. АР. — Відділ 34. — № 244. — С. 1, 3. — Копія XVIII ст.).

шведський король став з військом на тому місці, де був московський табір. Завтра вирушаємо на Могилев, де московіти задумали зробити резиденцію, але з реляцій наших молдавських роз'їздів виявилось, що всі московіти тікають за Дніпро і хочуть зупинити переправу шведському королеві й. м. Що буде завтра, час покаже»[193].

№ 170
1708, липня 24, серпня 5. — Польський табір під Маковнею під Могилевом, козацький табір у Пикові. — Новина.

«Царя й. мость сподіваються тут кожної миті, вже йому призначена квартира. В Шклові всі склади провіанту зревізовані і цілком (…)* опечатано.

З табору під Маковнею, що у трьох милях від Могилева 24 липня 1708.

Через й. м. пана жмудського старосту, що (проїздив (?)) повз Головчин, я сказав, де цар й. м., котрий тут увечері став, задумує дати баталію шведам, тобто під Горками, звідси у 9 милях, тільки щоб шведи не пішли іншим шляхом на Київ, бо вони зазнали великої поразки від головчинської сутички, де їх загинуло близько 3000. Було забито одного генерала, багато офіцерів з полку Урбановича. Й. м. пан полковник Бокум перед трьома місяцями знаходився (?), котрому дає добре слово на дивізію й. м. пана Огінського, обіцяно дати більше грошей. Генерал-фельдмаршал лейтенант Гольц (Golc) і князь Дармштадський під Головчином стояли шляхетно. Перший був покинутий своїми людьми, волів загинути, ніж відступити і стояв доти, доки полки, які відступили, повернулися назад до нього. Другий пробився через шведський ескадрон обидва без шкоди. Полковник Кулон замішався між шведів і був взятий ними в полон, розмовляв з Карлом. На питання: якої він нації відповів, що француз. Йому сказали: «Не маєш сорому, бо служиш цим грубіянам». Тут сталося замішання у шведів, а він по-німецьки сказав до одного шведського офіцера: «Ей, брате, коня піді мною забито (…)*, дай мені іншого коня». Швед, не знаючи хто він, дав французу свого другого коня, на котрому він пробився через шведське військо і приїхав до московітів.

З козацького табору від Пикова 5 серпня.

Про Булавіна чиню таку правдиву реляцію, що у нього розбито кілька частин війська. Через це війська під його командуванням збунтувалися (?), що він їх губить, вони не мають щастя на війні, на котру він їх підняв. Почалися бунти, щоб забити його, а коли його хотіли схопити у певному містечку, він сам з розпачу вбив себе з свого пістолету і так цей бунт був заспокоєний»[194].

№ 171
Початок XVIII ст.
Друкована брошура «Expressia...» (регест)

В брошурі — «летючому листку» йдеться про бій на р. Проня під Лешнем пана Серафіновича, що у двох милях від Пропойська. Шведські війська очолював генерал Левенгаупт. Перемога московітів. Другий бій відбувся під Биховим, де пан Хмара з 20 хоругвами несподівано вдарив під Бихів на неприятеля і розгромив, порубав 400 і змусив до відступу. Козаки, довідавшись, що він тут, у півтора милях, вийшли з Бихова, вночі напали на пана Хмару, вбили 300, захопили 118, захопили прапор, сам Хмара ледве втік. Шведський король був у милі від Стародуба, але дізнавшись про поразку Левенгаупта, рушив назад на 7 миль до Почепа, довкола якого міста стоять московські війська. Говориться про дії Шереметєва.

«Його мость пан Мазепа стоїть за Стародубом з дванадцятьма тисячами козаків і драгунів, досить, щоб не дають виходити шведським військам, ані фуражу жодного не дозволяють».

Великий голод і хвороби. Шведський король має бл. 24 000 війська, з котрих 6 000 дуже хворих.

(Національна бібліотека в Варшаві.— Відділ мікрофільмів. — F.1131 adl.)[195].

НОВИНИ З ФРАНЦУЗЬКОЇ ГАЗЕТИ «AMSTERDAM» ЗА 1708 Р. ПРО УКРАЇНУ ТА ПОХІД КАРЛА XII

№ 172
Амстердам. (№ II)
З привілею наших правителів штатів Голландії та Західної Фрисландії.
П'ятниця, 6 січня 1708 року.
Німеччина. З Лейпцига, від 26 грудня.

Герцог Фердинанд Курляндський відбув звідси до берлінського двору, де, як вважається, він зможе залишитися протягом деякого часу, щоб дочекатися результатів подій у Польщі. Затримка кур'єрів призводить до того, що немає ніяких більш свіжих новин з цієї країни, ніж повідомлення від 14 числа цього місяця, за якими шведи продовжували переходити Віслу; але король Швеції і король Станіслав того дня були у своїй резиденції Висьнич, звідки вони готувалися виїхати наступного дня. Московити відступають, в міру того як шведи просуваються вперед, але їх війська здійснюють багато руйнувань при відступі, не шкодуючи церкви і монастирі. Вони створили кілька значних складів у Литві з намірами їх зберегти разом з територіями, які

[193] *Мицик Ю.* Доба Мазепи й Палія в документах // Сіверянський літопис. — 2016. — № 1. — С. 91 (АГАД. — Ф. АР. — Відділ 34. — № 235. — Копія XVIII ст.).
[194] Там само. — С. 91 (АГАД. — Ф. АР. — Відділ 34. — № 74. — Копія XVIII ст.).
[195] Листи гетьмана І. Мазепи до державних діячів Речі Посполитої (1703–1708 рр.) (переклад зі старопольської та латини Ю. Мицика та О. Циганок). Додаток // Сіверянський літопис. — 2016. — № 5. — С. 102 (Національна бібліотека у Варшаві. — Відділ мікрофільмів. — F.1131 adl.).

здатні чинити опір: вони також очікують корпус козаків з Волині. Ми не знаємо нічого певного про нові рекрутські набори, що мають відбутися в цьому курфюршестві, крім тих, що мають відбутися під час Загального Сейму в майбутньому січні. Кажуть, що князь Фюрстснберг знову візьме на себе генеральне управління всіма депешами і справами при дворі короля Августа, нашого курфюрста, про що ми будемо краще обізнані через кілька днів, після прибуття двору в місто.

№ 173
Амстердам. (№ III)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 10 січня 1708 року.
Німеччина. З Лейпцига, від 31 грудня.

Король Август очікується завтра в центрі міста з князем Фюрстенбергом. Королева прибуде тільки післязавтра. Принц Курляндії ще не поїхав до Берліна, як було сказано, і він тут перебуватиме інкогніто. У повідомленнях з Верхньої Польщі кажуть, що король Швеції і король Станіслав ще не змогли перейти Віслу через погану погоду, яка зруйнувала всі дороги. Однак загін у кілька тисяч шведів розквартирувався в курфюршестві Пруссія, звідки вони здійснюють часті вилазки проти московитів. Надзвичайний посланник Його Величності провів нараду з графом Піпером; і ходять чутки, що він запропонував щось дуже вигідне для Шведської корони. <…>

№ 174
Амстердам. (№ IV)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
П’ятниця, 13 січня 1708 року.
Німеччина. З Гамбурга, від 7 січня.

З Варшави повідомляють, що король Швеції планує розквартируватися в Пултуську з метою далі йти на московитів, як тільки дороги замерзнуть і стануть придатні для проїзду. В Кракові епідемія починає стихати. Із Саксонії повідомляють, що король Август та його дружина поїхали на ярмарок до Лейпцига. Кажуть, що Його Величність наказав спорудити деякі нові захисні споруди в замку Віттенбсрг, комендантом якого є генерал Робель. <…>

№ 175
Амстердам. (№ V)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 17 січня 1708 року.
Німеччина. З Гамбурга, від 13 січня.

Як повідомляють з Польщі, польний гетьман коронний 10 числа цього місяця скликав військову раду в Туробіні з головними офіцерами, але вони на ній нічого не вирішили через відсутність Великого гетьмана коронного, який вирішив скликати цю раду 16 січня у Львові, щоб обговорити розквартирування в зимові місяці та деякі інші справи. Гетьман Мазепа відправився з Києва в Батурин, щоб там провести зиму. Генерал Рен вирушив в Брест з одинадцятьма російськими полками. З табору шведського короля пишуть у Вєнєц від 26 числа минулого місяця, що Його Величність повинен був на минулому тижні переїхати через Віслу, але відклав поїздку на декілька днів, через погану погоду. Турецький посол, що приїхав в табір шведського короля, поїхав звідти дуже задоволений гарною зустріччю, яку йому влаштували. <…> В листах з Литви повідомляється, що князь Меншиков ще знаходиться у Дзецолах, звідки він повинен поїхати в Ковно. Генерал Шереметєв також повинен відправитися до Мінська. Князь Вишневецький зібрав свої війська поблизу Войново, де до нього повинні приєднатися 4000 шведів, щоб дати бій московитам.

Продовження новин «Амстердама»,
від 17 січня 1708 року.

У відповідності з новинами з Саксонії від 11 числа цього місяця не було повідомлення, що король Швеції перейшов через Віслу; погана погода змусила його призупинити хід військ. Цар прибув до Нарви 14 грудня минулого року, очікують його повернення до Мінська на початку цього року. Московити продовжують закріплюватися в декількох місцях і сподіваються навесні мати достатньо сил, щоб протистояти міцності шведів. Двір короля Августа перебуває ще у Лейпцигу, де чекають на спадкоємного принца Бранденбурга-Байрейта разом з принцесою, його дружиною. <…>

№ 176
Амстердам. (№ VII)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 24 січня 1708 року.
Німеччина. З Гамбурга, від 17 січня.

В листах з Польщі не має єдності думок про рух короля Швеції: в деяких відзначено, що він перейшов 8 числа Віслу, в інших, що він змушений був відкласти перехід на декілька днів, через те, що лід знов зруйнував мости, які він наказав відремонтувати. Однак усі погоджуються в одному, що наміри короля Швеції полягають в тому, щоб продовжувати переслідувати московитів, як тільки дозволять погодні умови, з тим, щоб атакувати міста з їхніми складами. Король Август знаходиться ще в Лейпцигу. <…>

№ 177
Амстердам. (№ VIII)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
П’ятниця, 27 січня 1708 року.
Польща. З Варшави, від 10 січня.

Є повідомлення, що більша частина шведського війська перейшла через Віслу, щоб стати табором біля Торуня, де король Станіслав зупинився. Дуже схоже на те, що

король шведський відкладе до цієї весни переслідування московитів; і враховуючи те, що країна буде страждати від перебування військ, повідомляють, що король Станіслав дуже просить Його Величність короля Швеції зберегти, наскільки це буде можливим, воєводства Верхньої Польщі. Однак московити продовжують укріплюватися в Литві. Там незабаром очікують на повернення царя з від'їзду до морських портів. Белзький воєвода, великий гетьман коронний, який провів у Львові військову раду з головними офіцерами, наполягає на рішенні зберігати союз з московитами проти короля Станіслава; враховуючи те, що Львів не є укріпленним містом, він наказав відправити артилерію, яка там знаходиться, до Кам'янця. Один з підрозділів його війська переправився через Віслу біля Сандомира, розбив кілька підроздів київського воєводи, які збирали контрибуцію, і взяв багато полонених. Цей гетьман одержав листи від кількох турецьких пашів, в яких його запевняють, що Оттоманська Порта не лише має намір точно дотримуватися угод, підписаних з Польщею, але й зберігати повний нейтралітет по відношенню до тих протистоянь, які мають місце у цьому королівстві; додають, що посольство, яке було направлене до короля Станіслава, мало на меті лише запевнити його в цьому, оскільки оттоманський двір бажає жити в мирі з усіма сторонами, одночасно мати добру дружбу з царем, як зі своїм союзником. Повідомляють, що шведське військо втратило кілька сотень коней через брак фуражу, але зараз у них його значно більше. Дружина великого гетьмана коронного, яку шведи відпустили, прибула сюди кілька днів тому, але вона й досі почуває себе дуже зле і тому нікого не хоче бачити.

№ 178
Амстердам. (№ XV)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 21 лютого 1708 року.
Німеччина, З Лейпцига, від 11 лютого.

З Верхньої Польщі пишуть, що король Швеції продовжує швидко рухатися в райони розміщення загонів московитів; і оскільки, вони, здається, твердо вирішили дочекатися шведів поблизу Бреста і в Підляському воєводстві, постійно очікуються новини про події в тих районах. Король Станіслав рухався вперед на Хотин з одним загоном свого війська. Він робив все можливе для того, щоб залучити на свій бік коронних гетьманів, що мало ймовірно, якщо тільки шведи спочатку не здобудуть якоїсь значної переваги над своїм ворогом.

Дощі припинились 3 або 4 дні тому і розпочались заморозки. В інших повідомленнях з Польщі наголошується, що заразна хвороба стихає з дня на день і не розповсюдилась на кордони Верхньої Сілезії, як деякі новини безпідставно повідомляють. Як стверджується в новинах з Константинополя, турки продовжують свої приготування до війни; є серйозні побоювання на кордоні Поділля, що вони скористаються сучасною ситуацією, щоб напасти на фортецю Кам'янець. Однак, більш імовірно, що ці приготування спрямовані проти московитів. <…>

З Гамбурга, від 14 лютого.

Повідомляють з Верхньої Польщі, що цар повернувся в Мінськ 20 числа минулого місяця; звідки він мав іти на зустріч з генералом Шереметєвим для того, щоб оглянути свої війська та провести велику раду щодо походу шведської армії. Пишуть, що московське військо відійде за Дніпро, щоб укріпитися й закрити там прохід для шведів. Останні пройшли вперед і знаходяться в чотирьох льє від Йоханесбурга, на кордонах королівської Пруссії, куди мав також дістатися король Станіслав першого числа цього місяця.

№ 179
Амстердам. (№ XVII)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, від 28 лютого 1708 року.
Польща. Зі шведського табору в Кориціні
від 3 лютого.

27 числа минулого місяця армія швидко залишила Кольно і прибула в той самий день в Грабено на кордонах Литви; звідти прийшла і отаборилась тут. Вчора зустріли декілька загонів московитів, з якими наші вступили в перестрілку, що тривала деякий час. Був перехоплений кур'єр ворожої армії, який віз листи до Москви. Кажуть, що у короля є намір приєднатися до генерала Левенгаупта та князя Вишневецького, щоб потім піти на московитів і дати їм бій. Останні збирають свої основні сили між Новогрудком і Гродно.

З Варшави, від 8 лютого 1708 року.

Стало відомо, що після того, як цар вирішив на військовій раді вирушити назустріч шведам, він зняв табір під Гродно і наказав окремим частинам йти на Полоцьк. Таким чином, ми скоро зможемо дізнатись про значну новину, якщо дві армії зійдуться у битві. Шведи отаборились 3 числа в Кориціні. З Вільно повідомляють, що староста Жемайтії прибув туди для участі у сеймі, що мав там відбутися через деякий час, а не в Мінську, як ходили чутки. Князь Меншиков вимагає посади генерала від артилерії Литви, яка може бути йому пожалувана, бо він народився в Польщі. Вважають, що примас та віце-канцлер направилися у Сілезію, щоб прибути в Дрезден до короля Августа, цедає підстави зробити певні висновки. Кілька рот пана Рибінського захопили київського воєводу, який знаходився у Каліші з двома-трьома сотнями солдат або драгунів. Король Станіслав вимагає контрибуції від королівської Пруссії. Король Швеції залишив чотири полки на території Данцига для того, щоб запобігти наступу московитів і надати в разі необхідності допомогу Познані.

№ 180
Амстердам. (№ XIX)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
П'ятниця, 6 березня 1708 року.
Німеччина. З Гамбурга, від 28 лютого.

За повідомленями з Польщі король Швеції прибув зі своїми військами під Гродно. Додамо, що Його Величність, увійшовши в місто з невеликим загоном, ризикував бути захопленим московитами, якщо б вони робили свій похід без зайвого галасу. Повідомляють, що останні залишили Тикоцін, і, здається, мають наміри відступити із Литви. Примас Польщі разом зі своїм братом підканцлером Корони відбув в Оломоуц в Моравії. Однак вони мають повернутися в Польщу, як тільки буде видно, як йдуть справи в тих районах.

№ 181
Амстердам. (№ XXV)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 27 березня 1708 року.
Польща. З Риги, від 10 березня.

Надійшло термінове повідомлення з армії короля Швеції, авангардні частини якої перебували в 12 льє від Полоцька. Вважають, що московити залишать це місто, так само як Двіну. Король Швеції залишиться на кордонах Московії до літа, щоб потім здійснити вторгнення в цю країну усіма силами.

З Варшави, від 10 березня.

Листи зі Львова повідомляють, що представник царя прибув до гетьмана коронного з частиною суми, яку Його Царська Величність раніше обіцяв надати цій армії. Посланець Оттоманського двору, який прибув, щоб побачитися з гетьманом Мазепою, повернувся в Туреччину. І цей гетьман направився в Київ з усіма своїми силами, щоб з'єднатися з 15000 драгунів, які були щойно зібрані в Московії. Єпископ куявський до сих пір знаходиться в монастирі Конець, також, як і генерал Конфедерації. Нам пишуть з Вільно, що воєвода Руський, каштелян Ленчиці й єпископ Познані прибули туди третього числа цього місяця з армії Станіслава, який був 23 числа минулого місяця в Гроново. У Вільно очікували також на пана Сапєгу, як і на князя Вишневецького, а також і на деяких інших знатних осіб. Воєвода Полоцька знаходиться у великого гетьмана литовського в 10 льє від Вільно; однак воєвода Жемайтії пан Огинський зі своїми військами направився на з'єднання з армією Корони, також як і воєвода Трок. Король Швеції продовжує свій похід на Мінськ. Пан Рибінський розпочав похід на Ченстохову, щоб напасти на київського воєводу в Познані, звідки він не був видворений, як про це пішли чутки. Але ми зараз довідались, що цей воєвода відбув у Торунь, не маючи достатньо військ, щоб протистояти московитам.

№ 182
Амстердам. (№ XXXI)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 17 квітня 1708 року.
Польща. З Варшави, від 31 березня.

За повідомленнями з Литви шведський король поспіхом відступив зі Сморгоні, хоча ми не знаємо, на Мінськ він піде або на Волинь. Король Станіслав, який знаходився у Вільно, мав слідувати за шведським королем, хоча раніше вважали, що він буде звільнений від цього обов'язку. Суперечки між великим гетьманом Сапєгою та князем Вишневецьким закінчились угодою. Було домовлено, що якщо Сапєга захоче скласти з себе повноваження великого гетьмана Литви, князь Вишневецький буде його наступником; і що пана Сапєгу, старосту Бобруйська та племінника великого гетьмана, призначать польним гетьманом замість князя Вишневецького. Повідомляють, що цар надіслав також значні кошти до Львова, щоб заплатити армії Корони. Месьє де Бонак, посланець французького короля, що знаходиться у цьому місті, та зробив багато, щоб схилити великого гетьмана коронного на бік короля Станіслава. Він бачився з цього приводу з мадам Сенявською, дружиною великого гетьмана та мадам Потоцькою, дружиною київського воєводи, але не мав успіху в цьому намірі. Посланець мав наказ їхати до Угорщини, щоб перешкоджати угоді угорців з Імператором. Воєвода київський, побачивши, що не може чинити опір пану Рибінському, який постійно посилюється, вирішив відступити в бік Литви. Є чутки, що король Швеції більш ніж раніше, хоче розпочати переговори про мир з московським царем. Гетьман Мазепа відправився в Київ з 30 тисячами козаків, щоб приєднатися до армії Корони або до армії царя, в залежності від того, що він знайде необхідним.

Німеччина. З Лейпцига, від 7 квітня.

У листах з Польщі повідомляють, що король Швеції свою кавалерію залишив у Віленському воєводстві, щоб увійти в Мінське воєводство, де він, здається, мав намір очікувати на загін графа Левенгаупта. Московити укріплюють позиції на Дніпрі. Цар отримав термінове повідомлення від гетьмана Мазепи з інформацією, що він знаходиться в 6 льє від Києва з 30 тисячами козаків, які мали приєднатися, як кажуть, до 15000 нещодавно набраних драгунів московитів, щоб закріпитися, як кажуть, у південних провінціях Польщі, щоб робити там диверсії проти шведів. Однак запевняють, що армія Корони може обійтися і без цієї допомоги. 5 полків шведів, що залишаються в Пруссії, очікують тільки на прибуття генерала Крассова, щоб відправитися в похід та направитися, як вважають, у Верхню Польщу. Нещодавно помер у Дрездені ремісник, якому було 102 роки, що досить нечасто в цій країні.

№ 183
Амстердам. (№ XXXII)
Продовження новин «Амстердама»,
від 20 квітня 1708 року.

Повідомляють з Варшави, що король Станіслав прийняв пана Бонака, посланця Франції. Воєвода київський зібрав загін, щоб увійти у Верхню Польщу.

№ 184
Амстердам. (№ XXXIII)
Продовження новин «Амстердама»,
від 24 квітня 1708 року.

Пишуть з Варшави 7 числа, що гетьман Сенявський звинувачувався у листуванні з королем Станіславом; це було обговорене на Військовій раді, та він був визнаний невинним. Але великий гетьман коронний, не задоволений цим рішенням, наказав його переглянути. Додаємо, що 26 числа минулого місяця вищезазначений великий гетьман отримав термінового листа від князя Меншикова, де повідомляється, що цар зібрав усю піхоту та найбільшу частину кавалерії поблизу Полоцька, щоб дати бій королю Швеції. Один із загонів московитів переміг шведів, з яких 300 потрапили в полон. За повідомленнями з Саксонії, 18 числа король Август був ще в Дрездені. <…> Деякі звістки з Верхньої Польщі повідомляють, що прибічники короля Станіслава розголошують про те, що армія Корони готова визнати його королем. Однак краще зачекати на підтвердження цієї звістки. Додаємо, що цар, отримавши повідомлення про те, що король Станіслав робив досить вигідні пропозиції конфедератам, наказав гетьману Мазепі рухатися вперед, щоб спостерігати за польською армією.

№ 185
Амстердам. (№ XXXV)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 1 травня 1708 року.
Польща. З Варшави, від 14 квітня.

Воєвода белзький та великий гетьман пан Сенявський наполягає на своєму рішенні не визнавати короля Станіслава, відмовившись від усіх пропозицій, що йому були запропоновані, хоча вони й дуже вигідні. Повідомляють навіть, що київський воєвода пообіцяв відмовитися від посади коронного гетьмана на його користь. Пан Сенявський повідомив усі воєводства, щоб не виконували накази цього київського воєводи та завжди залишались прибічниками конфедерації, якій вони давали клятву для збереження своїх свобод. Примас Корони, який знаходиться в Силезії, нарешті обіцяв повернутися в країну, щоб взяти участь у новому конгресі конфедерації, на якому треба прийняти рішення про поточний стан справ. Повідомляють з Литви, що король Швеції ще не робив нічого помітного проти московитів, які укріплюються все більше і більше, щоб захистити підходи до Дніпра. Додамо, що кавалерія Швеції втратила близько 2000 коней у своєму поході в цю країну.

Німеччина. З Гамбурга, від 27 квітня.

Відомості з Вільно в Литві від 8 числа цього місяця повідомляють, що генерал Левенгаупт отаборився поблизу Вількомира з 6 або 7000 коней з метою підійти на з'єднання з королем Швеції, який отаборився в 20 льє від Вільно. Додають, що відбуваються часті зіткнення між шведами та московитами; ходили чутки, що Його Величність король Швеції наказав знищити одного з цих останніх, який переховувався в лісі, не побажавши дати йому пощади. Цар наказав гетьману Мазепі передати йому частину козаків, щоб можна було виснажувати шведів частими набігами. Останні козаки мали стояти в межах досяжності, щоб за необхідності надати допомогу польській армії. В деяких повідомленнях з Варшави від 14 числа зазначено, що пан Рибінський був змушений залишити Каліш внаслідок інфекційного захворювання, що там лютувало, і яке було подібне до того, що мало місце раніше в Кракові.

Продовження новин «Амстердама»,
від 1 травня 1708 року.

Повідомлення з Саксонії від 25 числа минулого місяця, підтверджують, що примас Польщі, який відбув на деякий час до Сілезії, нарешті вирішив повернутися в Польщу та скликати Загальний сейм конфедератів; про це повідомляють в універсалах або циркулярних листах, щоб дізнатися думку сенаторів та шляхти. Додають, що гетьман коронний польський також видав маніфест, що забороняє виконувати накази київського воєводи, який взяв титул гетьмана. Здається, що у конфедератів є намір сформувати нове об'єднання проти особи Станіслава; для того, щоб мати більш тісні відносини з царем, щоб об'єднатися проти шведських сил, щоб здобути можливість нових виборів. Великий гетьман коронний направив наказ усім офіцерам своєї армії негайно прибути до своїх полків. Вважають, що він має наміри відправитися в похід, як тільки буде трава для коней кавалерії, щоб вигнати шведів та військо київського воєводи, яке знаходиться в Пруссії. <…>

№ 186
Амстердам. (№ XXXIX)
Продовження новин «Амстердама»,
від 15 травня 1708 року.

Останні звістки з Варшави повідомляють, що пан Сенявський, великий гетьман коронний, вперто не визнає короля Станіслава. Навпаки, він в добрих стосунках з царем, який знову пообіцяв підтримувати його усіма силами. Загін з 6000 козаків рухається на об'єднання з цим генералом, який наказав армії Корони зібратися в кінці місяця. Загін цієї армії взяв в облогу Познань, що змусить, ймовірно, короля Швеції та короля Станіслава повернути до Польщі окремі віськові частини з Литви.

№ 187
Амстердам. (№ XL)
Продовження новин «Амстердама»,
від 18 травня 1708 року.

У повідомленнях з Польщі, як і раніше, йдеться про бідність цього королівства, яке продовжує спустошуватися, незважаючи на усіх покровителів, якими воно в достатній мірі забезпечене. Король Швеції переслідує московитів; але ми не вважаємо, що він хоче заглиблюватися далі в цю країну, що вже цілком та повністю спустошена; його армії, що вже потерпала від нестачі фуражу та продовольства, було б надто важко вистояти. По-різному оцінюють плани цього короля, але правда полягає в тому, що вони невідомі. Король Станіслав отримав би більше прибічників, якщо б він не так поспішав розподіляти вільні посади, що призвело до появи багатьох невдоволених, і якщо б він менше чинив утиски тим, хто на протилежному боці. Армія Корони має 60 тисяч осіб, не рахуючи козаків, які готові до наказів великого гетьмана коронного. Вона діятиме в залежності від справ у Литві, для того щоб перейти на бік партії, яку вона вважатиме найбільш вигідною.

№ 188
Амстердам. (№ XLI)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 22 травня 1708 року.
Польща. З Варшави, від 5 травня.

Гетьман Мазепа знов направив кур'єра великому гетьману коронному з проханням наказати відправити комісарів держави, щоб вони могли як можна скоріше прибути до України, щоб захопити цю провінцію і фортецю Біла Церква, та завершити тим самим усі суперечки з козаками. На польного гетьмана коронного, який залишився ще в своїх землях в Поділлі, незабаром очікують в армії. Повідомляють, що князь Януш Вишневецький просунувся вперед на 8 льє до цього міста зі своїм армійським корпусом; і що воєводу київського підозрюють в бажанні відмовитись від партії короля Станіслава. Як вважають в Ризі, армія московитів стала табором у Вендені; король наказав побудувати міст через Березину, неподалік Борисова, щоб наблизитися до московитів, коли трава дасть змогу кормити кавалерію.

№ 189
Амстердам. (№ XLV)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 5 червня 1708 року.
Польща. З Варшави, від 22 травня.

Краківський воєвода, призначений королем Станіславом, прибув позавчора в це місто, де незабаром очікують уповноважених представників цього короля. Війська князя Януша Вишневецького в даний час знаходяться в приязних відносинах з військами київського воєводи: обидва пани мали зустріч в Пултуську та визначили місця для зручної дислокації своїх військ. Стало відомо, що пан Рибінський відступив у Сандомир, щоб приєднатися до армії Корони, яка почала формуватися. Єпископ куявський знаходиться два тижні у Сілезії, щоб розпочати перемовини з примасом Польщі та новим нунцієм Папи Римського. Прибуття татар до верхів'їв Дністра наштовхує на різні міркування. Повідомляють, що генерал Левенгаупт повернувся зі шведської армії в Мітаву.

№ 190
Амстердам. (№ XLIX)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 19 червня 1708 року
Німеччина. З Лейпцига, від 9 червня

За останніми повідомленнями з Варшави пан Бонак, посланець Франції, наполегливо працював, щоб здійснювати посередництво між королем Станіславом і паном Сенявським, великим гетьманом коронним. Додають, що вже домовились про припинення воєнних дій протягом чотирьох тижнів та про те, що в цей час буде проведена конференція у Варшаві у присутності примаса королівства. Повідомляють, що дружина цього гетьмана мала таємні перемовини з Ракоці на кордонах Угорщини, невідомо з якого приводу. За повідомленнями з Поділля, турки продовжують укріплювати фортецю Бендери, щоб створити бар'єр проти Польщі, замість Кам'янця, який вони залишили раніше через мир в Карловицях. <…>

Продовження новин «Амстердама»,
від 19 червня 1708 року.

З листів із Варшави від 5 числа цього місяця відомо, що там на наступний день мала розпочатися конференція, де збиралися розглянути компроміс між королем Станіславом та белзьким воєводою, великим гетьманом коронним. Король Швеції ще не відправився в похід, щоб атакувати московитів, які отаборились по цей бік Дніпра. Князь Меншиков ще в Могильові.

№ 191
Амстердам. (№ LV)
Продовження новин «Амстердама».
Вівторок, 10 липня 1708 року.
Витяг з листів з Саксонії від 4 липня.

Згідно з листам з Польщі великий гетьман коронний вперто не бажає примиритися з королем Станіславом. Він навіть вважав за краще відправити декілька депутатів до гетьмана Мазепи, щоб попросити допомоги 10000 козаків, які вже прибули на Волинь. Біда в тому, що зараза, яка продовжується в декількох місцях у Польщі, заважає листуванню і торгівлі. Ці нещастя збільшуються значно через голод і спустошення в декількох провінціях.

№ 192
Амстердам (№ LVIII)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 24 липня 1708 року.
Німеччина. З Лейпцига, від 14 липня.

Оскільки в останніх повідомленнях з кордонів Верхньої Польщі підтверджується, що заразна хвороба підійшла до Варшави, ми змушені були перервати зв'язок з цим містом. За чутками буде висланий кінний загін на кордони Польщі, щоб спостерігати за мандрівниками. Король Швеції рухається з військом, щоб напасти на московитів. Король Станіслав прибув в Ельбінг, де королеву, його дружину, очікували 9 числа зі Шведської Померанії. Воєводи київський та руський виїхали з Пултуська, щоб зустрітися з цим королем. Але генерал Шмигельський залишився зі своїм загоном у Пултуську, щоб спостерігати за армією Корони. Після повернення нашого курфюрста короля Августа було проведено багато нарад Кабінету в присутності Його Величності. <....>

№ 193
Амстердам. (№ LXIII)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 7 серпня 1708 року.
Німеччина. З Лейпцига, від 28 липня.

За повідомленнями з кордонів Польщі, король Станіслав продовжує докладати великих зусиль, аби завоювати думки тих, хто все ще є його супротивником. Пан Бонак, посланець Франції, також прикладає для цього багато зусиль. Додають, що армія Корони, яка все ще перебувала у воєводстві Сандомирському, мала пройти з іншого боку Вісли, щоб наблизитися до кордонів Пруссії, і що пан Сенявський, великий гетьман коронний, готувався поїхати та очолити цю армію. <…> Повідомляють із Дрездена, що король Август зовсім не поїде в Лужицю, як повідомлялось раніше, але Його Величність направиться до кордонів Богемії, щоб взяти участь у розвагах полювання. За деякими даними із Польщі, шведи лестять себе надією, що по їх прибуттю до Московії там відбудеться повстання проти царя. Однак в деяких інших листах пишуть, що є значна ймовірність укладання миру між королем Швеції та Його Царською Величністю. Навіть говорять про його основні статті, а саме: що цар поверне усі місця, що він завоював, та передасть шведам територію Орехова. За умови чого король Швеції, зі свого боку, буде використовувати свій вплив, щоб поляки відмовились від своїх претензій на Новгород, Архангельськ, Смоленськ і Київ. Стверджують, що кримський хан має таке велике бажання зустрітися з королем Швеції, що з цією метою він відправився в похід з численним військом.

№ 194
Амстердам. (№ LXX)
Продовження новин «Амстердама»,
від 31 серпня 1708 року.
Витяг з листів із Саксонії від 25 числа цього місяця.

Листи з Верхньої Польщі повідомляють, що нещасні жителі цієї країни одержали трохи їжі від своїх сусідів із Сілезії, і що вони все ще сподіваються на іншу допомогу в їхній великій біді. Додають, що після того, як було отримано повідомлення про битву під Могильовим, козаки почали повернення до своїх кордонів. <…>

№ 195
Амстердам. (№ LXXII)
Продовження новин «Амстердама»,
від 7 вересня 1708 року.

У відомостях з Саксонії повідомляють, що цар прибув до армії та що король Швеції готується вдарити по московитам в їх другій лінії захисту. Король Станіслав наказав закупити продовольство, щоб прогодувати частину збіднілого населення Польщі. Вважають, що великі злидні, які в цій країні панують, змусять, нарешті, великого гетьмана коронного знайти компроміс з королем Станіславом, тим більш, що козаки відмовляються до нього приєднатися під приводом того, що їм не виплачують платню, яку обіцяли.

№ 196
Амстердам. (№ LXXIX)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 2 жовтня 1708 року.
З Гамбурга, від 28 вересня.

У повідомленнях з Польщі, отриманих як звичайно, підтверджується, що гетьман Мазепа разом з козацьким військом рушив походом на Могильов, щоб переслідувати шведську армію. Польська армія конфедератів рухалась з Тарнограда до Щебжешина, в якому і зупинилась; Великий гетьман коронний вирішив залишитися там на деякий час, до тих пір, поки не дізнається про успіхи походу короля Швеції проти московитів. Однак він до цього часу відмовлявся від пропозицій домовитися, які були зроблені зі сторони короля Станіслава. <…>

№ 197
Амстердам. (№ LXXXIX)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 6 листопада 1708 року.
Німеччина, Лейпцига, від 27 жовтня.

З Верхньої Польщі повідомляють, що чума припиняється в різних місцях. З іншого боку, вона посилюється в деяких місцях в Пруссії. Ніяких нових відомостей не отримали зі шведської армії, крім того, що генерал Левенгаупт нарешті перейшов Дніпро, щоб приєднатися до короля; та що Його Величність чекав на нього з великим

нетерпінням, тому що його війська були значно виснажені з часу переходу вищезазначеної річки. Московити продовжують руйнувати свою власну країну, щоб позбавити своїх ворогів будь-якого засобу для існування. Дуже цікаво, нарешті, дізнатися про успішні дії короля Швеції.

З Гамбурга, від 2 листопада.

Повідомляють з Польщі, що місто Варшава було майже повністю знищене вогнем. Додають, що король Швеції більше не може залишатися там, де він був, і вирішив рухатися в Україну, яка є країною, що багата на продовольство.

Продовження новин «Амстердама»,
від 6 листопада 1708 року.
Витяг з листів із Саксонії від 31 жовтня.

Новини з цих районів, як і раніше, мізерні через відсутність короля нашого курфюрста: Вважають, що Його Величність повернеться, як тільки завершиться Велика кампанія у Фландрії. За останніми листами з Могильова повідомляється, що король Швеції був змушений відкласти грандіозний план, який замислив проти столиці Московії. Його Величність бачив, що його армія буде піддаватися загибелі від голоду через те, що московити зруйнували усю свою країну, вирішив рухатися вправо на територію України. Він пройшов поблизу міста Стародуб другого числа цього місяця. Авангард його армії підпалив усі села, що були покинуті жителями, але шведи заплатили за продовольство селянам, які залишились у себе вдома: вони повідомили, що не будуть чинити ніяких кривд, за умови, що жителі не залишать свої домівки. Армія була дуже стурбована голодом, їй не вистачало хліба протягом декількох днів: вона проведе декілька місяців в Україні, щоб відновитися.

№ 198
Амстердам. (№ XCI)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 13 листопада 1708 року.
Німеччина. З Гамбурга, від 9 листопада.

В усіх повідомленнях з Польщі та Литви одноголосно стверджують, що коли генерал Левенгаупт, який мав бути підкріпленням королю Швеції в Україні, з корпусом від 12 до 15 тисяч осіб та 650 повозок, завантажених продовольством, наблизився до болотного місця поруч з Лісною, у 7–8 льє від Могильова та в 2 льє від Пропойська на річці Сож, був атакований 25 тисячами московитів під командуванням генерала Баура 3 числа минулого місяця: шведи відбили декілька разів московитів; але ці, краще знаючи місцевість та постійно поновлюючи напади, врешті-решт, змусили їх так тікати, що, як повідомляють, генерал Левенгаупт після втрати значної частини піхоти та свого обозу, змушений був відійти з 4000 коней в Україну. За деякими відомостями шведи втратили 6–7 тисяч осіб; та що цар та генерал Гольц брали участь в цьому бою. Кажуть, що полковника Левенгаупта, племінника генерала, було вбито, також і полковника Врангеля, генерал-ад'ютанта Лоді і деяких інших вищих офіцерів: генерала Штакельберга було взято в полон. Генерал Баур, вважають, також поранений. Очікуємо з нетерпінням точний опис цього бою, про який король Пруссії також отримав повідомлення в терміновому листі.

№ 199
Амстердам. (№ XCVI)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
П'ятниця, 30 листопада 1708 року.
Німеччина. З Лейпцига, від 21 листопада.

<…> Ми отримали повідомлення, що король Швеції увійшов в Україну, спочатку зустрів спротив у невеликому містечку Мглин, де жителі захищались відчайдушно та вбили багато шведів; але ці останні підкорили їх врешті-решт з мечем в руці і вбили усіх, кого вони знаходили зі зброєю, а потім підпалили все, погрожуючи навколишнім жителям таким же поводженням, якщо вони відмовляють у продовольстві для армії. <…>

№ 200
Амстердам. (№ XCVII)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 4 грудня 1708 року.
Німеччина. З Гамбурга, від 30 листопада.

Король Швеції продовжує похід, щоб розквартируватися у Волинському воєводстві: Його Величність залишив, тим не менш, частину своїх військ в Україні. <…>

№ 201
Амстердам. (№ CI)
Продовження новин «Амстердама»,
від 18 грудня 1708 року.

Ми отримали з Гааги наступне повідомлення, яке було опубліковано паном послом з Московії та повідомлено їх Високості Правителям Нідерландів про битву, про яку вже йшлося.

Лист Його Превосходительства пана графа Головкіна обер-камергера Його Царської Величності, імператора Росії, написаний Його Високості пану Матвеєву, повноважному послу при їх Високостях Правителях Генеральних Штатів З'єднанних провінцій про день поблизу Лісної для того, щоб інформувати їх Високостей Правителів, який надав вищезазначений посол. Цей лист датовано 5–16 листопада 1708 р. з Великої армії поблизу Почепа.

<…> Зараз ми знаходимся в Україні з трьома корпусами піхоти та десятьма полками драгунів; ми передислокували їх так, що противник не зможе зібрати плоди тяжких походів, здійснюваних і вдень, і вночі, вимотавши свою армію в намірах нас випередити. Ми очікуємо декілька

кавалерійських полків, що мають до нас приєднатися, щоб боротися за під'їзні дороги цієї країни і завдати шкоди противнику найбільш ефективним способом. <…>

№ 202
Амстердам. (№ CIII)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 25 грудня 1708 року.
Німеччина, З Лейпцига, від 15 грудня.

Вчора ми нарешті отримали новини від короля Швеції, який став табором 6 числа минулого місяця по той бік Дніпра на кордонах Чернігівського полку; цей король мав наміри розташуватися в місті з такою самою назвою. Московити зі свого боку рухались до Лівонії та Курляндії, щоб завадити шведам отримати звідти будь-яку допомогу.

Продовження новин «Амстердама».
Вівторок, 25 грудня 1708 року.
Витяг з листів із Саксонії від 18 грудня.

Пишуть, що козаки уклали угоду з королем Швеції, щоб йому надати декілька тисяч чоловік та продовольство для армії. В деяких повідомленнях із Вільно йдеться, що генерал Реншельдт переміг корпус московитів під командуванням князя Меншикова; але інші повідомлення з Польщі нічого про це не пишуть, що ставить цю новину під сумнів; також, як і чутки про те, що мали місце бойові дії між загоном армії Корони та військами князя Вишневецького. Король Станіслав відправився 21 числа минулого місяця із Тикоціна в Нур, з якого відправив декількох своїх слуг у Люблін дізнатися, чи зникла там зараза, щоб пройти через це воєводство з частиною своїх військ. <…>

№ 203
Амстердам. (№ CIV)
З привілею наших правителів штатів
Голландії та Західної Фрисландії.
Вівторок, 28 грудня 1708 року.
Німеччина. З Лейпцига, від 19 грудня.

<…> Знов говорять про битву між московитами та шведами на кордонах України, де ці останні стверджують, що перемогли. Але посланець царя в Берліні дуже заперечує цю новину. Ми дізналися, з іншого боку, що цар здійснив урочистий в'їзд у Смоленськ, змусивши марширувати перед ним 3000 полонених з 88 прапорами, які він захопив під час перемоги над шведами, а потім відійшов зі своєю армією, щоб відвоювати зимові квартири у короля Швеції. Король Станіслав зараз у Бресті, у Литві: звідки він відправив пана Ярузальського до великого гетьмана коронного, щоб зробити йому нову пропозицію про примирення. Заразна хвороба, нарешті, в Торуні закінчилась, отже, листування з Польщею може бути відновлено в найближчий час[196].

ЛИСТИ КАПІТАНА ДЖЕЙМСА ДЖЕФФРІСА З АРМІЇ КАРЛА ХІІ ДО ДЕРЖАВНОГО СЕКРЕТАРЯ ПІВНІЧНОГО ДЕПАРТАМЕНТУ ГЕНРІХА БОЙЛЯ

№ 204
1708, 11 березня. — Бениця.

Вельмишановний пане,

Я не турбував Вашу Честь своїми листами від 4-го числа цього місяця за старим стилем, коли я ще перебував у Вільні, оскільки за цей час не відбулося нічого вартого того, щоб Вам повідомляти. Стосовно того, що я маю нині повідомити, то це те, що король Швеції змушений 3 чи 4 останні дні перебувати в своїй квартирі через дизентерію, яка нині дуже поширена в армії і через яку лікарі приписали Його величності не вживати ніякої рідини, окрім води; дотримання цієї настанови привело до покращення стану здоров'я Його величності й він уже почав потроху пити пиво, але це зовсім не означає чогось такого, що паплюжило б його добре ім'я, яке за будь-яких обставин залишається незаплямованим; однак Його величність зараз настільки відновив своє здоров'я, що вже вчора його бачили верхи на коні поміж своїх офіцерів.

Хворобами, які зараз лютують у шведській армії, є переважно лихоманка та дизентерія, завдяки яким загинула й продовжує щодня гинути значна кількість людей; це вже пізніше солдати почали масово вживати в їжу мед (який тут можна знайти майже в кожному дуплі на деревах) і потім пити воду; але обидві хвороби в даний час дуже поширилися і я впевнений у тому, що навіть новобранці з останньої мобілізації, які прибули із Швеції, уже встигли перехворіти або на одну, або на іншу.

Ми змушені постійно бути в бойовій готовності, оскільки нас часто турбують загони московитів, які перебувають від нас на віддалі 1 чи 2 миль, але поки що вони не завдали нам значної шкоди, за винятком часткового спустошення наших продуктових запасів і знищення декількох сіл, які нам постачали провізію.

Кілька днів тому один з наших партизанських загонів на чолі з Урбановським зіткнувся з підрозділами супротивника під командуванням Огінського, у результаті чого 5 ворогів було захоплено в полон, а решта була змушена рятуватися втечею.

Наразі точно невідомо, де зараз перебуває московський цар, але більшість з нас дотримується думки, що він зосередив усі свої війська (окрім загонів, які знаходяться поблизу нас, щоб спостерігати за нашим переміщенням) на

[196] Історія України в книжкових пам'ятках XVII–XVIII ст. : з колекцій Наукової бібліотеки ОНУ : зб. наук, праць / авт.: О. А. Бачинська, Т. В. Чухліб ; упоряд. Є. В. Бережок ; пер. текстів з фр. та ред.: Л. С. Дімова, Н. Г. Іванова, О. О. Радзиховська ; наук, ред., авт. комент. О. А. Бачинська ; відп. ред. М. О. Подрезова ; бібліогр. ред. Г. В. Великодна ; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова, Наук, б-ка, іст. ф-т; Від. історії козацтва на Півдні України Н.-д. ін-ту козацтва Ін-ту історії України НАН України. — Одеса : ОНУ, 2015. — С. 46–97.

кордоні своєї країни, де (як свідчили полонені московити), вони мають намір дати нам бій. Я і т. д.

Бениця, 11 березня 1708 за старим стилем

Підписано: Бениця

капітан Джеффріс,

11 березня 1708 за старим стилем

26 днів у дорозі.

№ 205

1708, 27 березня. — Радошковичі.

Вельмишановний пане,

Востаннє я турбував Вашу честь 15 числа цього місяця з Бениці. Наступного дня після того, як король Швеції відбув із своєї квартири у Сморгоні й після 4-денного переходу прибув до Радошковичів (яке розташоване за 9 миль від його попередньої оселі й за 20 миль від Вільни), де зараз і знаходиться квартира Його величності й де він має намір залишатися доти, доки не з’явиться ще один вид провізії, а саме нова трава.

Кілька днів тому в штаб-квартиру прибув генерал Левенгаупт, імовірно для того, щоб узгодити з Його величністю дії майбутньої кампанії: на його переконання необхідно було взяти в облогу Дерпт або Нарву, тоді як король дотримувався думки щодо здійснення військових дій проти московитів на іншому напрямку.

Листи з Данціґу сповнені скарг на величезну складність утримання двох шведських армій, які розпорошені по всій цій території; канцлер великий литовський уже двічі звертався до суду Швеції із скаргами на цих людей; секретар з Данціґу, резиденція якого там знаходиться, теж скаржився декілька разів; але ще не було жодного випадку, щоб хоч яка-небудь із скарг до цього часу була задоволена. Остання резолюція графа Піпера, дана канцлеру, була саме з приводу того, що мешканці Данціґу, які завжди зневажливо ставилися до короля, свого володаря, і ніколи жодним чином не корилися Його величності, проте, коли почали піддаватися утискам, змушені були дещо пом’якшити свій норов. Я благав секретаря використати в цій справі повноваження Її величності; але не приведи боже, щоб я скористався ім’ям королеви хоч яким-небудь чином без наказів Вашої честі; окрім того, на мою скромну думку, це дуже принизить гідність Її Величності, коли її ім’я буде використане в цій справі, у якій, на моє тверде переконання, шведи будуть невблаганні. У нас немає свіжих новин від московитів, за винятком тих відомостей, що ми отримуємо від дезертирів і купців з Риги, бо будь-яка переписка з Москвою заборонена, а листи не тільки до шведів, а й до іноземців спочатку сортують і надсилають до шведської канцелярії, де їх відкривають та перевіряють, через що мені нещодавно повернули мною власноруч написаного листа до англійського посла в Москві. Я і т. д.

Радошковичі, 27 березня 1708 за шведським стилем

Підписано: капітан Джеффріс

Радошковичі, 27 березня, 1708

Отримано 29 квітня за старим стилем

33 дні в дорозі.

№ 206

1708, 18 квітня. — Вільна.

Вельмишановний пане,

Не маючи змоги вести регулярну переписку, я тільки нещодавно отримав звістку про вступ Вашої честі на посаду міністра. Знаючи, наскільки ви завантажені роботою, я смиренно чекав нагоди, щоб привітати Вашу честь і побажати, щоб подібно до того, як початок вашої міністерської діяльності припав на щасливий для нас крах французьких планів щодо Шотландії, то щоб так і в інших випадках ми завжди мали схожі успіхи на велике розчарування всіх ворогів Її величності.

Армія шведського короля, яка досить успішно відновилася після такого довгого й виснажливого маршу, нині вже спроможна знову розпочати новий похід, якби Його величність так забажав, і який би, на думку деяких людей, був би не таким довгим, як попередній, хоч інші, можливо, швидше за все, думають, що Його Величність може залишитися в цих місцях, поки не виросте трава; проте бідні місцеві мешканці вже давно стомлені шведською кампанією; інакше й бути не могло, зважаючи на такі великі побори, які шведи стягують з тих, хто очікував від них допомоги й захисту; це і є причиною того, що деякі з них померли від страшного горя, побачивши, як загинули їхні сім’ї, а інші з клунками та іншим майном таємно вночі покинули свої оселі й вирушили до прусських володінь; тому за короткий час шведи стали ворогами для тих, хто ще недавно люб’язно до них ставився, оскільки вони діють безжально стосовно своїх недругів, знищуючи одних зброєю, а інших поборами.

Останнім часом у штаб-квартирі можна було помітити дворянина, посланця від московитів, які наразі здійснюють спроби укласти мир з королем Швеції, але йому не вдалося зустрітися ні з Його величністю, ні з міністрами.

Декілька днів тому Трибунал або, інакше кажучи, Верховний суд розглядав справу короля Станіслава; склад зборів включав маршала, яким є гетьман великий литовський Сапега, заступника маршала, 2 чи 3 сенаторів і щонайменше 20 або 30 депутатів; вчора маршал їх полишив і вирушив до шведського короля, який перебував за 20 миль, що є ознакою терміновості справи, або, за чутками, що він побоюється, щоб його не спіткала така сама доля, як і його сина, якого поляки зарізали кілька років тому. Мені більше нічого додати, залишаю за собою право підпису

Вельмиповажний пан і т.д.

Вільна, 18 квітня 1708

Підписано: Вільна

містер Джеффріс, 18 квітня 1708

Отримано 11 травня.

№ 207

1708, 3 травня. — Радошковичі.

Вельмишановний пане,

Я не знаю, що затримало адресований мені лист Вашої честі, який був написаний ще в лютому, але він лише два

дні тому потрапив мені до рук, що й стало причиною того, що я висловлюю свою вдячність за нього значно пізніше, чим це слід було зробити.

Король Швеції нині здійснює часті поїздки з місця свого проживання для огляду полків, які найбільше готові до походу. На його думку, вирушати можна буде через 3 тижні або принаймні через місяць: наказ полкам про те, щоб запастися провізією на 6 тижнів уже оголошено й усі командири, побоюючись потрапити в немилість до короля, старанно його виконують у своїх підрозділах; майже всі вважають, що Його величність розділить свою армію на 3 частини й буде атакувати ворога з 3 різних боків і що король сам буде командувати однією з армій, фельдмаршал Реншильд — другою, а генерал Левенгаупт — третьою. Ми сподіваємось на те, що наша літня військова кампанія буде успішнішою, ніж зимова; успіхи, які ми мали дотепер, неможливо співставити з тими втратами, яких зазнала армія Його величності через безперервний похід до того, коли вона стала на відпочинок, і через хвороби після того.

З жителів Вільни шведи регулярно жорстко стягують 35 тисяч крон, сума яка має бути використана на потреби короля Станіслава й Сапеги. Я не можу з цього приводу оминути випадок допомоги короля Швеції протестантському священнику із цього міста; податковий комісар вимагав від священника сплатити 100 фунтів за себе та сім'ю. Священнослужитель був не в змозі заплатити таку суму, за що був заарештований. Після цього він смиренно звернувся з проханням до Його величності посприяти у виправленні даної ситуації: король з дорогою душею відгукнувся на прохання й наказав видати священнику 100 фунтів із скарбниці, завдяки чому той зміг задовольнити комісарів і вийти на волю.

Нещодавно з'ясувалося, що Сапега, гетьман великий литовський, покинув свою посаду, відмовившись від неї на користь іншої особи, старости Бобруйська, який був гетьманом великим коронним; але дуже сумнівно, що Вишневецький, який був першим заступником Сапеги і завжди сподівався стати його наступником, змириться з тим, що ним знехтували.

Генерал Левенгаупт, який перебував тут певний час з метою узгодження з Його величністю подальших дій стосовно наступної військової кампанії, зараз готується повернутися на свій командний пост у Курляндії.

Ми не маємо жодних підтверджених відомостей щодо місця перебування ворога та його дій, уся кореспонденція, яку я раніше міг вільно передавати Вашій честі, тепер перехоплюється Москвою.

Я сподіваюся, що мій останній лист від 18 числа минулого місяця з Вільни, незабаром щасливо потрапить до рук Вашої честі, які я обціловую. Я і т. д.

Із штаб-квартири в Радошковичах 3 травня 1708 за старим стилем

Підписано: містер Джеффріс, Радошковичі
3 травня 1708

Отримано 14 червня.

№ 208

1708, 12 травня. — Радошковичі.

Вельмишановний пане,

Я не турбував Вашу честь ні з часу написання останнього листа від 3 числа цього місяця, ні з приводу будь-якої іншої події, яка трапилася відтоді й була б варта уваги Вашої честі. Король до цих пір усе ще здійснює поїздки від одного полку до іншого, щоб підготувати їх до майбутнього походу, який, як очікують, почнеться негайно після свята Трійці, коли дороги будуть дуже гарні, а трава достатньо висока для забезпечення життєздатності кінноти. Декілька днів тому наші волохи доставили групу полонених московитів, яких вони захопили за 20 миль від нашого місця розташування поблизу кордону з Росією. Вони розповіли нам, що московитська армія все ще зосереджена між річками Березина й Дніпро, проте вона готова вступити в бій, як тільки отримає звістку про наше наближення.

Генерал Левенгаупт зараз перебуває в дорозі від місця нашого розташування до місця своєї служби в Ліфляндії, звідки, ми сподіваємося, він змусить відступити московитів, які нещодавно вторглися в цей регіон і спалили всі житла й населені пункти, які зустрілися їм між Дерптом і Ригою, сподіваючись, що це відтягне туди частину армії Його величності, яка вирушить на захист цієї території.

Сьогодні я розмовляв з одним із головних секретарів Його величності на ім'я Цедергельм, який повідомив мені, що армія гетьмана великого коронного Сенявського почала швидко зростати і є побоювання, що дворянство Речі Посполитої зречеться короля Станіслава, як тільки шведська армія полишить цю територію. Він додав, що у його володаря, шведського короля, міжнародні відносини складаються не надто успішно через те, що Її величність і Генеральні штати не визнають Станіслава польським королем. І це зрозуміло, бо частина поляків, які все ще перебувають в опозиції, тішать себе надією на секретний договір між Його величністю, Голландією, царем і королем Августом і тому (хоч це й неправда) утримуються від переходу на бік шведського короля, сподіваючись на повернення короля Августа на трон.

Я відповів, що сподіваюся на те, що король завжди користувався повагою у Її величності, яка завжди була люб'язна до нього, і що прихильність королеви до якогось іншого монарха не зможе зашкодити нашому володарю королю, якого вона так шанувала; я зізнався, що не маю ніякого наказу щодо того, щоб популяризувати серед когось ідею визнання Станіслава королем, але сказав йому, що, на мою думку, посол Її величності пан Робінсон раніше давав достатньо запевнень, що в Її величності королеви є схильність до задоволення бажання шведського короля в цій справі, проте існують вагомі причини того, чому справа не може вирішитися негайно. Він повідомив мені конфіденційно, що Його величність нещодавно висловився дуже роздратовано з цього приводу й висловив надію на те,

що Її величність і Штати незабаром таки зважаться на цей крок.

Я і т.д.

Радошковичі, 12 травня 1708 за старим стилем

Підписано: містер Джеффріс, Радошковичі

12 травня 1708

Отримано 14 червня.

№ 209

26 травня 1708. — Радошковичі.

Вельмишановний пане,

Найважливішою для нас новиною, безумовно, є те, що з дня на день ми очікуємо, що Його величність покине насиджене місце; деякі найвіддаленіші полки на даний час вже перебувають у дорозі, а ті, які знаходяться поруч з нами, отримали наказ бути в готовності після сигналу упродовж години вирушити в путь: пан Цедергельм, один із королівських секретарів, запевнив мене, що король Станіслав лишається в цій місцевості з достатньою кількістю військ, які будуть підтримувати його в боротьбі з тими, хто йому протидіятиме, і що першим пунктом його майбутніх планів є владнання справ у Пруссії, де до нього мають приєднатися два шведських полки, розквартировані в Данцігу.

Королівський двір надзвичайно потішила звістка про вторгнення у володіння царя 60-тисячного козацького війська, яке палить та знищує на своєму шляху все так само, як це робили московити в Ліфляндії; у мене є відомості з надійного джерела, що татари також почнуть наступ, як тільки почують, що шведи йдуть на Москву; воювати для татар є звичною справою, але шведи тримають у таємниці ім'я якоїсь особи, яка має їх підбурити, а якщо це буде необхідно, то й повести за собою.

Вчора до штаб-квартири прибув шведський резидент Кніперкрона, який був ув'язненим у Московії від часу, коли розпочалася війна між шведським королем та царем; його головним заняттям нині було ведення переговорів про обмін військовополоненими, а якщо цього не вдасться досягти, то прагнути звільнити московитського резидента, якого доправили зі Стокгольма до Марстранда. Декілька днів тому у своєму помешканні помер генерал Мардефельт, якого в армії дуже поважали; хоч він і програв битву під Калишем, але Його величність надзвичайно цінував його командирський талант і з того часу, як він помер, був дуже пригніченим, переживаючи його втрату. Я і т. д.

Радошковичі, 26 травня 1708 за старим стилем

Підписано: містер Джеффріс, Радошковичі

26 травня 1708

Отримано 21 червня.

№ 210

27 червня 1708. — Табір біля Белиничів.

Вельмишановний пане,

Я щиро прошу вибачення у Вашої честі за місячну перерву в листуванні, але, починаючи з 26 числа минулого місяця, я мав проблеми зі здоров'ям і тому був не в змозі скоротити час вашого чекання на мої повідомлення. Уся армія збиралася в дорогу впродовж 3 днів після зазначеної мною вищеназваної дати, і з того часу не змогла подолати більше, ніж 30 миль. Ця повільність руху була спричинена частково тривалими дощами, які поливали нас з того часу, як ми знялися з місця, частково діями ворога, який створив завали на дорозі, якою ми рухалися, вирубавши декілька миль лісу, щоб перешкодити нашому просуванню. У цьому випадку я не можу не віддати шану шведським воякам, які, на мою думку, були змушені переживати значні труднощі, долаючи на своєму шляху майже непрохідні місцевості, переходячи вбрід болота, де трясовина доходила їм до пояса, я захоплююся їхній витримці під час страждань від голоду й спраги, коли вони переважно були позбавлені навіть грубого хліба й води, з чого я зробив висновок, що вони відважні солдати, якими міг пишатися будь-який монарх у Європі. 17 числа цього місяця Його величність досяг річки Березини, біля якої принц Вюртенберзький отримав подвійне поранення в лівий бік двома пострілами з мушкету, які були здійснені з протилежного боку річки кимось із загону московитів, які вдавали, ніби збираються перешкоджати Його величності переправитися, але були змушені звільнити дорогу, як тільки було підтягнуто й вишикувано проти них важку артилерію; принц нині ще залишається слабким, але, як стверджують лікарі, загрози його життю немає. Зараз Його величність став табором із своїми драбантами, піхотним полком, полком кінноти, драгунами, полками Остгота, Смолендера, Далекарліана, Упландерса і Вестманландерса поблизу Белиничів біля річки Друть, через яку він ще не переправився: однак, гадаємо, що Його величність довго не залишатиметься в цьому місці, бо кілька дезертирів запевнили його, що загін московитської кінноти стоїть за 3 милі звідси, а основне військо — за 7 миль від Могильова, де, як вони нахваляються, вони планують чекати нашого прибуття. Ми маємо підтверджену інформацію, що царя з цими загонами немає, але головні командири, — князь Меншиков, фельдмаршал-лейтенант Гольц, генерали Баур та Рене та ще декілька інших виконують його накази.

Мені сказали, що новий польський король зараз на шляху до Пруссії, задля безпеки йому було дано шведські загони Його величності, а саме 3 полки, які перебували на території Данцігу, гарнізон в Елбінгу, гарнізон в Познані та 3 інших полки з Померанії, які налічують кожен близько 1000 осіб; міністрами Його польської величності, які завершують обговорення його справ при дворі, є генерал Понятовський і монсеньйор Грузинський.

Монсеньйор Цедергельм, один із секретарів шведського короля, сказав мені, що нещодавно Її величність визнала Станіслава польським королем. Я і т.д.

Із табору біля Белиничів,

27 червня 1708 за старим стилем

Підписано: 27 червня 1708

капітан Джеффріс

Пронумеровано під номером 1.

№ 211
3 липня 1708 (за шведським стилем). —
Табір біля Головчина.

Вельмишановний пане,

За моїми нинішніми спостереженнями, Його величність керує в даний час армією зі значно більшим спокоєм і розсудливістю, ніж це було раніше в подібних ситуаціях. Зараз від нашого ворога нас відділяє маленька річка, яку можна перейти вбрід у кількох місцях. Його величність займається переправою з першого дня, коли він сюди прибув, він прагне зараз охопити своєю турботою значно більшу кількість свого війська, ніж тоді, коли він вів їх на бій зі значно досвідченішим ворогом, що свідчить про те, що він починає значно більше цінувати життя своїх солдатів, ніж це було раніше за минулих подій: можливо, це спричинено тим, що стає все важче отримувати новобранців зі Швеції, а можливо, й тим, що стає все складніше піклуватися про ту армію, що в нього вже є в наявності. Цілком зрозуміло, що він переживає за те, що ворог може напасти на нас і завдати багато шкоди війську, і тому тим неймовірніше, що він виявляє таку надзвичайну витримку. Не викликає сумнівів, що вже цієї ночі або завтра вранці буде все готове для переправи війська через річку й більшість наших полків опиняться на тому березі, за винятком тих 5 чи 6, які, ми сподіваємося, будуть тут з години на годину. Принц Вюртенберзький, якого було поранено біля річки Березина, уже почуває себе настільки добре, що вже вчора їздив верхи на коні поруч з Його величністю спостерігати за ворожим табором.

Я і т.д.

Із табору біля Головчина, 3 липня 1708

Підписано: 3 липня 1708 за старим стилем
капітан Джеффріс

Пронумеровано під номером 2.

№ 212
4 липня 1708. — Табір біля Головчина.

Вельмишановний пане,

27 числа минулого місяця увечері шведський король прибув до річки Друть, де ворожий загін перекинув місток і став табором на протилежному боці в маленькому селі під назвою Белиничі, яке вони оточили лінією укріплень для того, щоб перешкодити нашому пересуванню.

Наступного дня Його величність наказав спорудити міст через вказану річку, і хоч роботи просувалися повільно, але ворог покинув свій табір без будь-якого опору й відступив на 2 з половиною милі, де стояли головні сили їх кінноти, які налічували (за словами дезертирів) 30 тисяч осіб. Це прискорило рух армії Його величності, яка рушила в дорогу того же вечора, але за всю ніч подолала тільки півтори милі, упродовж усього цього часу Його величність перебував верхи на коні під великим дощем, який лив з часу початку нашого походу.

29 числа армія Його величності спокійно стояла, очікуючи свої загони, які мали підійти й приєднатися до нас.

30 числа вранці ми знову вирушили в дорогу й, пройшовши лише 1 милю, наблизилися до ворога настільки, що вже добре могли його бачити. Супротивник стояв за річкою Вабич біля лісу. Помітивши наше наближення, вони привітали нас пострілами з усіх гармат 3 артилерійських батарей, які потім з чіткою періодичністю обстрілювали наш табір упродовж дня.

1 липня ворог із самого ранку з усіх своїх 5 батарей розпочав обстріл нашого табору, який тривав безупинно цілий день, завдаючи нам мінімальних втрат або й взагалі без шкоди для нас.

2-го числа ворожий обстріл уже був не таким сильним, як напередодні, але ядра попали в табір наших волохів, яким негайно прийшов на допомогу полк драгунів, який відбив атаку ворога та ще й захопив декількох полонених. Полонені нас запевнили, що в їхньому таборі нині перебувають 20 тисяч кіннотників і 8 тисяч піхотинців, а також 6 тисяч козаків під командуванням князів Меншикова й Гессен-Дармштадта, фельдмаршала-лейтенанта Гольца та ще декількох генералів.

3-го числа Його величність наказав спішно спорудити понтонний міст для переходу загонів піхоти, які вночі прибули на підводах і потім, не знаючи, що ворог близько, стали табором за чверть милі від нас вище за течією річки.

Наступного дня о 4 годині ранку в районі мосту ми розпочали артилерійський обстріл батареї ворога, яка стояла на протилежному боці річки. Обстріл був такий несамовитий, що через півгодини їхні гармати було розбито, а вся батарея зруйнована; за цей час королівський гвардійський піхотний полк і полк Далекарлінса під особистим керівництвом короля переправилися через річку, хтось по містку, а дехто й убрід. У цьому король показав особистий приклад, першим кинувшись у воду, яка досягала йому плечей; полк кінноти й драгунів з королівськими драбантами під командуванням фельдмаршала Реншильда подолали річку вбрід. Близько 5 години битва стала настільки запеклою, що упродовж години нічого не було чути, окрім постійних мушкетних пострілів з обох сторін. Ворожа піхота спочатку трималася стійко, король її весь час атакував, однак під прикриттям лісу вони знову опановували себе й відновлювали боротьбу, аж поки нарешті повністю не відійшли й не зникли в лісі, проте після цього вже не змогли з'єднатися з головними силами, щоб знову вступити в бій з королівською армією, король же не міг переслідувати їх через густий ліс і глибокі болота. Кіннота противника була значно чисельніша, щоб протидіяти нам: два наші драгунські ескадрони спочатку вступили з ними в сутичку, але сили виявилися настільки нерівними, що перевага ворога була десятикратною. Наші ескадрони були оточені подвійним або й потрійним кільцем, проте вони все ж героїчно прорвалися й потім продовжували відбиватися, аж доки інші загони не прийшли їм на допомогу. Від цього часу я помітив, що ворог втратив свою хоробрість і жодного разу упродовж бою вже не наближався так близько, щоб можна було вступити в рукопашний бій зі шведами, а, як правило,

застосовував вогнепальну зброю з відстані 30 або 40 кроків, потім відходив, знову стріляв, стягував сили й знову стріляв і такий бій тривав аж до 7 години; Його величність дав команду всій своїй кінноті припинити стрілянину з рушниць і зі шпагами в руках атакувати ворога, проте мало де ми змогли наздогнати його, а коли вони випадково вскочили в болото, то звідти їх коні, маленькі й слабкі, уже не змогли їх настільки швидко витягнути, щоб врятуватися від нас. У підсумку ми були змушені за прикладом короля завершити бій, бо через ліси й болота в нас більше не було змоги переслідувати ворога. Наші втрати становили близько 400 убитих і 1000 поранених; генерал Врангель, який командував королівськими драбантами, був убитий на місці, а 43 вояки з його підрозділу були або вбиті, або поранені. Полк піхотної гвардії, полк кінноти й драгунів теж втратили немало видатних офіцерів, тому наше велике завзяття кинутися в бій можна було пояснити тим, що напередодні ми мали достатню кількість запасних підрозділів, які могли прийти нам на допомогу. Ось чому після битви нам мало було чим похвалитися, або й взагалі нічим, окрім того, що ми залишилися на полі бою й захопили 15 маленьких мідних гармат, які ворог змушений був покинути. Що ж до втрат ворога, то тут ми маємо небагато відомостей, але за свідченням дезертирів, понад 100 з них були убиті й приблизно вдвічі більше було поранено, одним із загиблих був генерал фон Шведе, а із поранених — генерал Голіцин. Битву було завершено, ми стали табором на полі бою, де Його величність залишався аж доки поранених не було перев'язано, а мертвих не поховано. Я і т. д.

Із табору біля Головчина,
4 липня 1708 за старим стилем
Підписано: 4 липня 1708
капітан Джеффріс
Пронумеровано під номером 3.

№ 213
9 липня 1708. — Табір біля Могильова.

Вельмишановний пане,

Остання новина, якою я наважився потурбувати Вашу честь, була від 4 числа цього місяця після бою: тієї ночі ми залишилися на місці й стали табором на полі бою, за цей час поранені були перев'язані, а загиблі поховані; тоді ж удень до нас перебігли 14 чи 15 дезертирів, серед яких були майор, капітан і корнет, усі інші були їх особистою охороною.

6-го числа ми знялися з табору й пройшли тільки 2 милі до місця, де ворог планував вчинити нам опір, але відмовився від своєї затії через страх, який ми вселили в нього своєю останньою битвою; нас проінформували дезертири про те, що ворог не робив ні стоянок, ні навіть зупинок, аж доки не дістався Могильова, де вони спорудили місток і переправилися через Дніпро.

7-го числа Його величність усе ще залишався на місці.

8-го числа ми знову вирушили в дорогу й, подолавши тільки півтори милі, дісталися Могильова, міста, яке є одним з важливих господарських центрів Королівства польського, досить великим і оточеним старою стіною; євреї тут перехопили від християн більшість торгівлі, яка в мирний час була тут розвинутішою, ніж у Москві та в інших місцях. Цього дня до нас перебігло ще більше дезертирів, які повідомили, що біля Кописі (міста, яке належало великому коронному гетьману Сенявському) і Смоленська ворог готується дати нам бій.

9-го числа я скористався нагодою відвідати місто, де я виявив, що більшість мешканців тут складають православні християни; їхні церкви побудовані в стилі, який подібний до католицьких храмів, із схожими іконами, їхні священники настільки неосвічені, що мало хто з них може говорити якоюсь іншою мовою, окрім російської, а найшанованіший святий, якому вони моляться, після Богородиці є Святий Миколай. Я помічав тут, як і в інших їхніх церквах, що біля вівтаря ставлять дуже багато воскових свічок, маленьких і великих, які стоять укупі вперемішку, а над ними височіє одна дуже велика, і це все, за їхніми словами, символізує православних парафіян і царя як повелителя над ними.

Мені нема чого більше додати, окрім одного спостереження, яке я зробив після останньої сутички, а саме те, що шведи зараз отримують результати своїх же наданих московитам уроків, які вони дуже добре засвоїли і з часу бою під Нарвою здійснили значні удосконалення у військовій справі, і якщо раніше їхні солдати показували лише половину тієї відваги, що її демонстрували офіцери (які в більшості підрозділів є іноземцями), то в останньому бою вони всі протидіяли нам дуже стійко. Залишаюся щиро ваш, я і т. д.

Із табору біля Могильова
9 липня 1708 за старим стилем
Підписано: 9 липня 1708
капітан Джеффріс
Зареєстровано під номером 4.

№ 214
17 липня 1708. — Могильов.

Вельмишановний пане,

Ми всі очікували, що ворог спробує вчинити нам опір у цьому місці, але насправді виявилося зовсім протилежне, а саме те, що супротивник полишив тут всі свої зручні позиції і, як нас повідомили, проклав найкращий з усіх своїх шляхів до Смоленська, де він має намір очікувати нас за подвійними укріпленнями. Цілком імовірно, що Його величність вирушить саме тією дорогою, щоб атакувати ворога, хоч він може потрапити в Росію й іншим шляхом і дійти аж до самих воріт Москви, проте більшість вважає, що король не залишить такі значні сили ворога у себе в тилу. Кожного дня ми очікуємо на команду перейти міст, що Його величність наказав спорудити через Дніпро біля цього міста, таким чином через 10 або 12 днів ми змогли б знову достатньо наблизитися до ворога, якби він мав досить мужності очікувати на нас.

Я чув, що військо під командуванням генерала Левенгаупта вже минуло Вільну; але чи буде він приєднуватися до нас, чи буде діяти окремо, я впевнено сказати не можу. Я і т. д.

Могильов, 17 липня 1708 за старим стилем

Підписано: 17 липня 1708

капітан Джеффріс

Пронумеровано під номером 5.

№ 215

3 серпня 1708. — Табір поблизу Могильова.

Вельмишановний пане,

Я не збирався турбувати Вашу честь під час цієї перерви, яка тривала четверо ночей, оскільки не трапилося нічого, що могло б заслуговувати на вашу увагу. Ми очікували на нашу першу зупинку, яку Його величність зробить тут, розуміючи, що відпочинок буде коротким і накази короля про термінове спорудження двох мостів через річку лише підтвердили нашу думку; але більшість з тих полків, які виявилися тоді неготовими до маршу, багато чого потребували і тепер повинні були забезпечити себе провізією на 6 тижнів, думали, що Його величність вирушить в дорогу не раніше, ніж через 8 чи 10 днів і шукатиме своїх ворогів, які зосередили свої сили в кількості 30 або 40 тисяч душ всього за 16 миль звідси у місці під назвою Горки, де вони спорудили укріплення і, здається, вирішили дочекатися нашого прибуття. Виходячи з досвіду наших останніх подій, ми гадали, що ворожий опір не буде мати для нас дуже небезпечних наслідків, особливо якщо вони зробили б вибір на користь бою у відкритому полі, де наші війська мали б перевагу. На даний час їхні ватаги, які перебувають на протилежному березі, іноді турбують нас, перепливаючи, подіб-но до мисливських собак, річку й викрадаючи наших коней.

Два-три дні тому в нашому таборі московитськими партизанами було розповсюджено величезну кількість листівок, у яких ішлося про те, що в шведських публікаціях повідомляється про іноземців, які користуються в московитській армії зневагою й презирством, і вони часто змушені відмовлятися від своєї служби без оплати праці; у листівках містилося запевнення всіх, на кого це звернення було розраховане, що подібні публікації фальшиві й злісні й призначені для вселення у всіх невпевненості, а особливо у вихідців з Німеччини, і що ті, хто б відмовився від служби шведам і приєднався до них, отримали б вчасно належну їм платню, а у випадку звільнення, якби вони забажали покинути службу, окрім усього іншого, отримали б паспорти й рекомендаційні листи будь-якому монарху, до якого вони виявили б бажання потім приєднатися; проте я не помітив, щоб ці заклики на когось успішно подіяли. На минулому тижні до королівського стану від короля Пруссії прибув міністр, який мав сприяти шведам у веденні міжнародних справ, про що ішлося в офіційному листі. Гадаємо, що прусський посланець тут надовго не затримається, адже Його величність завжди дотримувався правила не дозволяти іноземним міністрам слідувати за його табором.

Я нещодавно отримав листа від наших купців з Риги, які запитували, чи у безпеці будуть товари підданих Її величності, які проживають в Росії, у випадку, якщо туди прибуде король Швеції; я розмовляв з монсеньйором Цедергельмом на цю тему, на що він сказав мені, що, якщо бог захоче привести Його величність туди, то тим, хто є підданими Її величності й не проживає постійно в Московії, нема чого непокоїтися ні за себе, ні за свої товари, але він не міг гарантувати того ж для решти, хто має там сім'ї й проживає там, щодо чого він гадає, що вони нестимуть такий же тягар, як і піддані московитського царя. Я не вважаю своїм обов'язком надто перейматися їхнім благополуччям, на мою скромну думку, це не дуже має цікавити й Велику Британію, що такі її піддані, які оселилися в чужій країні і, ймовірно, ніколи не планували повернутися додому, повинні мати однакові з іншими привілеї й піклування Її величності.

Я смиренно прошу дозволу поздоровити Вашу честь із щасливим успіхом армії Її величності у Фландрії і попросити бога благословити Її величність на довгу, щасливу, завжди сповнену перемог, владу.

Я і т.д.

Із табору поблизу Могильова

3 серпня 1708 за старим стилем

Підписано: містер Джеффріс,

табір біля Могильова

3 серпня 1708

Отримано 22 серпня.

№ 216

16 серпня 1708. — Табір за 3 милі від Могильова.

Вельмишановний пане,

Наше пересування останнім часом було настільки повільним, а наші зупинки такі часті, що з 4 липня не сталося жодних важливих подій, з приводу чого, як тільки трапилася нагода, я надіслав Вашій честі звіт; 5 числа цього місяця Його величність вийшов з Могильова, але оскільки армія була розкидана по території в пошуках провізії, йому довелося після переправи через річку Дніпро знову стати табором за півмилі від міста; після того, як армія переправилася через вказану річку, згідно з отриманих наказів були зруйновані мости й спалені понтони, які, як вважалося, були обтяжливим для транспортування. Його величність вирушив у дорогу о 8 годині ранку й подолав 2 з половиною милі до того місця, на якому ми зараз і перебуваємо й пробудемо, імовірно, декілька днів, аж доки армія не буде забезпечена провізією для майбутнього походу. Ми не маємо чіткого уявлення про те, де зараз перебуває ворог, але Його величність залишив зліва Горки, де супротивник спорудив укріплення. Нас запевнили, що ворожа кавалерія вже покинула це місце й ми вважаємо, що їхня піхота зробить те ж саме після безперервної марної праці, затраченої на спорудження укріплених ліній та інших захисних робіт; до нас дійшли відомості з Ліфляндії, що вороги підірвали укріплення Дерпту й мають наміри зробити те саме в Нарві, це змушує нас

повірити в те, що ніяких бойових дій тут не буде, аж поки війська супротивника, які перебувають у тих місцевостях, не приєднаються до них, а можливо, й доти, доки ми не дійдемо до Смоленська. А тим часом вони залишають цю багату місцевість у такому становищі, за якого бідні мешканці, які здебільшого покинули свої будинки, будуть зазнавати значних злигоднів, коли повернуться додому після нашого відходу звідси.

Чотири дні тому монсеньйор Канефер, командуючий наших волохів, був захоплений у полон ворожим загоном калмиків; вони доставили його прямо до царя, який зустрів його з кращою гостинністю, ніж очікувалося. Мені сказали, що йому царем було надано дозвіл написати лист королю, і що цей лист було доправлено московитським сурмачем у шведську армію, але його зміст тримається в секреті й ніхто не може вірно передбачити, що в ньому передали, багато хто вважає, що там містяться пропозиції щодо примирення; я нічого не можу сказати з певністю ні за, ні проти, але, на мою скромну думку, дії царя в Ліфляндії не свідчать про такі наміри й мені здається, що навряд чи король Швеції буде домовлятися з царем, не отримавши достатньої сатисфакції, як і так само малоймовірно, що цар, маючи сухопутну армію в кількості 70 або й 80 тисяч регулярних військ, пристане на вимоги шведського короля. Проте мир у цих краях був би загалом для шведів бажаним, бо, за їхніми словами, вони сподіваються на кращий урожай у іншому місці. Я не знаю достеменно, що мається на увазі, але знаючи, що шведи ще зовсім недавно насолоджували-ся перебуванням у Саксонії й сусідніх німецьких країнах і тому, імовірно, вони все ще плекають надію на повернення туди знову.

Декілька сотень панів країни, у якій ми зараз перебуваємо, вже запропонували свої послуги Його величності й вони щодня прибувають до нього для того, щоб іти із шведською армією на Московію, де вони прагнуть помститися за ті кривди, що їм московити завдали; із таких людей Його величність планує сформувати полк.

Чи граф Левенгаупт зі своєю армією, що перебуває від нас на відстані, що не перевищує 12 або 14 миль, приєднається до нас чи діятиме самостійно проти ворога, цього ніхто точно сказати не може.

Я і т. д.
Табір за 3 милі від Могильова
16 серпня 1708 за старим стилем
Підписано: містер Джеффріс.
Табір поблизу Могильова.
16 серпня 1708
Отримано 25 серпня.

№ 217
1 вересня 1708. — Воловники.

Вельмишановний пане,

З такої безплідної пустельної місцевості, у якій ми нині перебуваємо, я був не в змозі запропонувати Вашій честі хоч якусь інформацію, гідну того, щоб ви звернули на неї свою увагу.

Ми вирушили в путь три дні тому й після декількох поворотів і вигинів шляху дісталися цього місця. З того часу, як ми покинули Могильов, армія просунулася вперед на 12 миль у напрямку Смоленська; після нашого приходу ми виявили, що ворог виставив декілька кінних постів з боку болота, і незабаром зрозуміли, що за ними в лісі розташувалася табором ціла армія, яка мала перед собою вищезгадану трясовину, що прикривала її спереду і з флангів: це місце ідеально підходило ворогу для здійснення його планів і було дуже зручним для реалізації заздалегідь продуманого реваншу, який вони в такий самий спосіб планували здійснити вчора вранці. Наш табір розтягнувся в довжину на половину шведської милі із штаб-квартирою посередині війська, коли 9000 російської піхоти і 4000 драгунів під командуванням генерала Алларта і Пфлуга вночі перейшли через болото і о 7 годині ранку під прикриттям густого туману підійшли до 4 наших полків, які були на правому фланзі й не мали зовнішньої охорони; ворог атакував полки генерала Роуза й полковника Сперлінга до того, як вони змогли зайняти оборонні позиції й спочатку не завдав їм особливої шкоди; але полковник Розенштірна і полк Делакарліанса з деякими іншими полками, що прийшли їм на допомогу, змусили противника безладно відступати, а полк Делакарліанса вступив з ними в сутичку біля болота, поливши їх градом куль від своїх мушкетерів; ми втратили близько 200 чи 300 вояків на місці, серед яких полковник Розенштірна й декілька офіцерів нижчих звань; полковник Сперлінг, його полкові лейтенант, майор і декілька капітанів були поранені, а також 400 чи 500 інших офіцерів і рядових солдатів: за моїми підрахунками втрати ворога налічували близько 700 на місці, а за відомостями, отриманими від дезертирів, кількість поранених перевищувала 2000. Подейкують, що ця спроба атакувати нас була здійснена з метою посіяти серед нас паніку, аби ми підтягнули сюди основні наші сили, щоб цар зміг без особливого супротиву перейти болото десь у іншому місці й напасти на решту нашої армії, але коли його військо наткнулося на 4 наші полки, які там стояли й відкинули їх, він відмовився від цього плану і його армія, відпочивши до кінця дня, знялася з табору вночі об 11 годині.

Шведи з усього того, що відбулося, тепер мають визнати, що московити засвоїли їх уроки значно краще, ніж це було після боїв під Нарвою чи Фрауштадтом, і хоч вони якщо й не перевершують саксонців ні в дисципліні, ні в доблесті, а їхня кіннота дійсно не в змозі суперничати з нашою, проте їхні піхота дуже стійка й завзята і якщо не йти на неї в атаку врукопашну, то її дуже важко розосередити або збентежити, попри це, найвірогідніше, вони не наважаться вступити з нами у відкритий бій, але спробують це зробити зненацька, одночасно знищуючи нашу провізію, щоб на відстані руйнувати нашу армію, що цілком реально в цій місцевості, де мешканці приховують продукти й покидають свої будинки, а ворог спалює все на своєму шляху. Поки що ми перебуваємо у більш-менш стерпних умовах стосовно наявності всього необхідного, але якщо ворог

продовжить застосовувати й у своїй власній країні ті ж методи, які він почав застосовувати в цій, то я небезпідставно вважаю, що в цьому випадку йому не знадобиться проти нас ніяка зброя, а голод і нестатки самі виженуть нас звідси геть.

Я і т. д.

Воловники, 1 вересня 1708 за старим стилем

Підписано: Воловники, 1 вересня 1708
містер Джеффріс
Отримано 10 червня 1709

Пронумеровано під номером 1.

№ 218
12 вересня 1708. — Мигновичі.

Вельмишановний пане,

4 числа цього місяця ми знялися з табору під Воловниками, де ми отримали звістку, що цар відіслав більшість своєї піхоти до Смоленська, а генерал Баур, який нещодавно повернувся з Ліфляндії і привів 20-тисячну армію, стежить за нашим переміщенням. Ми пересувалися упродовж 3 днів, не втупаючи в жодні збройні сутички, але 8 числа окремий загін із 4000 російських драгунів під командуванням генерала Мікоша був відісланий з метою атакувати нас під час походу. Вони вчинили цей напад, маючи дуже вигідне місце розташування під прикриттям чагарників, однак при цьому вони не помітили полків, що проходили мимо. Ці полки перед тим зосередилися разом поза гущавиною й ударили по супротивнику, після першої атаки 3 роти ворога були оточені й охоплені панікою, але решта вчасно поспішила їм на допомогу, а інші з тієї ж бойової лінії також пішли в атаку, але були не лише відкинуті, але й втратили більше 100 вояків на місці, не рахуючи полонених, серед яких полковий лейтенант і майор. Через два дні вони здійснили ще одну подібну акцію під час нашого переходу до нинішнього місця розташування, яке певною мірою давало їм ще більше переваг, ніж напередодні, й могло мати фатальні наслідки для всієї нашої армії, але на щастя сам бог захистив Його величність, який прямував попереду загону кінноти. Нас було атаковано й оточено понад 20 ескадронами ворога ще до того, як будь-яка необхідна допомога змогла прийти до нас. Ворог розбив наголову загін короля, який налічував близько 30 солдатів, майора, капітана та двох генерал-ад'ютантів, один з яких загинув у слушний момент, бо коли Його величність втратив свого коня, якого застрелили під ним, він негайно осідлав ад'ютантського, який на той час перебував без вершника. Принц Вюртенберзький у цьому безладі опинився перед ескадроном московитів і віддав команду йти на прорив, але, не будучи до кінця впевненим у своєму офіцерові, який був на чолі підрозділу, принц перед ним оголив свою шпагу й понісся через оточення до шведів, ризикуючи втратити своє життя або бути захопленим ворогом, який здійснив по ньому декілька пострілів, які, на щастя, були невлучними. Зробивши свою справу, московити з незначними втратами відступили за болото, де князь Меншиков стояв з основними силами кінноти, і куди Його величність навіть не думав пориватися, щоб там їх переслідувати. Армія Його величності всю ніч знімалася з табору, щоб атакувати ворога рано вранці, якщо він стоятиме непохитно, але ближче до ночі супротивник відкрив вогонь у напрямку сіл по той бік болота і близько опівночі зник.

Я не в змозі достатньо описати Вашій честі велику кмітливість нашого ворога, який якнайповніше використовує всі способи вправності солдат, щоб турбувати й утримувати нас більшу частину доби в бойовій готовності, ця постійна втома й нестача продуктів, які починають усе більше й більше тиснути на нас і вже спричинили ремствування в армії, можуть мати найгірші наслідки, якщо найближчим часом не відбудуться зміни на краще: ми зараз змушені виживати, віднаходячи те, що заховане під землею, і таким чином, на нашу думку, ми зможемо ще протриматися якийсь час, але якби ударили раптові морози й позбавили нас цих засобів, то я побоююсь, що замість грізної армії Його величність привів би до Росії купку помираючих від голоду жебраків.

Я і т.д.

Мигновичі, 12 вересня 1708

P. S. Нещодавно ми отримали новину, що граф Левенгаупт 10 днів тому переправився через Дніпро з 12-тисячною армією, але гадаємо, що він не приєднається до нас аж доки ми не підійдемо поблизче до Смоленська.

Підписано: Мигновичі, 12 вересня 1708
містер Джеффріс
Отримано 10 червня 1708

Пронумеровано під номером 2.

№ 219
18 вересня 1708. — Табір за півмилі від Кричева.

Вельмишановний пане,

Я маю лише додати до своєї минулої реляції від 12 числа цього місяця, що ми з того часу перебуваємо в цій спустошеній місцевості за півмилі від кордону з Московією, де ми не виявили нічого, окрім згарищ і руїн, а великі села перетворилися в малі, та й від тих залишилися одні назви. До нас також дійшли відомості, що схожі руйнування тягнуться аж до Смоленська, це справило на Його величність таке враження, що він відмовився від переслідування ворога й повернув праворуч з наміром, як припускають, піти в Україну; це країна, що належить московитам, дуже багата на все необхідне і де жодна з армій ще не побувала: генерала Лагеркрону вже туди відряджено з 6000 вояками, щоб запобігти будь-яким планам московитів, які можуть перешкодити нашому маневру. Учора генерал перетнув річку Сож поблизу Кричева, де він перехопив великий обоз із провізією, яку везли московитам, і цей день став найкращим днем на всьому нашому шляху до кордону. Вхід до цієї країни не лише забезпечить армію Його величності провізією, але й дасть йому нагоду переконати генерала Мазепу, який нині командує козаками супротивника й має свої володіння в цій місцевості, прислухатися до голосу розуму.

Багато хто говорить, що генерал Левенгаупт переправився через Дніпро поблизу Орші, проте маловірогідно, що ми можемо на нього розраховувати. Я і т. д.

Шведський табір за півмилі від Кричева,
18 вересня 1708 за старим стилем.
Підписано: поблизу Кричева, 18 вересня 1708
містер Джеффріс
Отримано10 червня 1709
Пронумеровано під номером 3.

№ 220
7 жовтня 1708. —
Табір біля Мглина за 4 милі від Стародуба.

Вельмишановний пане,

Мені дуже прикро, що доля занесла мене настільки далеко; це утруднює доставку кореспонденції, перешкоджає виконанню моїх обов'язків і не дає повною мірою висловлювати Вашій честі моє шанування, яким я вам зобов'язаний; на даний час минуло вже [?] тижнів, відколи ми не обмінюємося листами і я побоююсь, що труднощі з цим будуть лише зростати, оскільки ми все більше заглиблюємося в країну, де і позаду, і з усіх боків від нас перебувають московити, а козаки, у чию країну ми зараз увійшли, знаходяться спереду від нас. Останній перехід Його величність розпочав відтоді, коли ми 20 числа минулого місяця полишили Кричев, марш було здійснено через великий ліс і пустельну місцевість, а це дорого обійшлося Його величності, бо за 25 миль шляху загалом було добуто дуже мало засобів для існування й практично нічого для наших коней; якщо додати до цього тривалу втому від щоденних переходів, пильність нашого ворога, який тримав нас напоготові і вдень і вночі, а також хвороби, які періодично поширювалися серед нас, то спадає на думку, що ми більше втратили під час цього блукання, ніж якби ми дали ворогу бій. У даний момент ми тішимося надією на те, що ми увійдемо в країну, у якій протікають молочні й медові ріки; на те, що генерал Левенгаупт незабаром підсилить нашу армію, додавши до неї 11 чи 12 тисяч вояків; на те, що генерал Мазепа оголосить про приєднання до нас; уже напевно відомо, що Його величність відіслав кур'єра з листом до Батурина, де знаходиться резиденція Мазепи, щоб запросити його об'єднатися з нами й надати нам зимові квартири в Україні; я ще не зовсім впевнений, що він погодиться, хоч на мою скромну думку, якби король Швеції не мав ніяких гарантій на успішність цієї затії, він би не стомлював свою армію таким далеким походом, а повернув би до річки Двіни, де він мав би достатньо продовольства, новобранців для своєї армії, гарну нагоду для об'єднання з графом Левенгауптом і значно ближчу дорогу для вторгнення в Росію.

План Його величності, який передбачав відрядження генерала Лагеркрону із 6000 вояками для перекриття шляху, яким змушені були б пересуватися московити, якби вони увійшли до цієї країни, зазнав невдачі, оскільки командири збилися з правильного шляху; це дозволило генералу Шереметьєву отримати чудову нагоду отримати підкріплення приблизно 20 чи 30 тисячами солдатів, які перебувають постійно перед нами й дуже часто турбують нас як під час походу, так і тоді, коли ми посилаємо загони для поповнення запасів продовольства.

Учора ми чули гучні гарматні постріли, які лунали з міста, в якому перебував московитський гарнізон і яке було за півмилі від нас; після того ми дізналися, що це було святкування з нагоди перемоги московитів над графом Левенгауптом на річці Сож, щодо якої ми ще не маємо достовірних відомостей; але я припускаю, що там відбулося не те, на що ми сподівалися, бо більшість інформації тут намагаються приховати, а те, що обговорюють вільно, не містить нічого, окрім похвал на адресу цього графа стосовно того, як він уміло керував діями під час бою й відступу. Я і т. д.

Із табору біля Мглина
4 милі від Стародуба
7 жовтня 1708 за старим стилем
Підписано: Мглин, 4 милі від Стародуба
7 жовтня 1708
містер Джеффріс
Отримано 10 червня 1709.

№ 221
28 жовтня 1708. — Шептаки,
1 миля від Новгорода-Сіверського.

Вельмишановний пане,

Ми безупинно рухалися з того часу, як полишили Мглин 8 числа цього місяця. 9 числа ми минули Стародуб, де Його величність не збирався зупинятися на відпочинок, бо там перебував сильний гарнізон московитів, який був рішуче налаштований на енергійну оборону; затим через півмилі ми зустріли авангард графа Левенгаупта, а наступного дня з'єдналися з його армією. Тоді ж ми отримали реляцію про його сутичку з московитами біля Пропойська й відповідно я зміг здобути якнайкращу інформацію, яку й наводжу нижче. Московити мали достатньо часу для того, щоб 28 числа минулого місяця показати, на що вони здатні, наші війська спочатку гадали, що це були лише окремі ворожі підрозділи, які не заважали нам продовжувати рухатися аж до тієї ночі, коли ми були змушені стати табором у вузькому місці, оточеному лісом і болотами; 29 числа уранці шведи побачили, що увесь ліс наповнений московитами, які вишикувалися в бойовому порядку для атаки, наші ж із свого боку зробили все краще, що тільки змогли зробити; о 10 годині перша сутичка розгорілася між кіннотою обох армій, але ворог відступив до лісу, а наші підрозділи, що кинулися їх переслідувати, потрапили в оточення до їхньої піхоти, яка залягла непомітно в чагарниках і накрила їх жахливим вогнем, який змусив шведів знову відійти на колишні позиції, звідки вони потім знову погнали ворожу кінноту, але вже не наважилися переслідувати її до лісу, побоюючись піхоти, яка затаїлася в засідці, очікуючи на них; так бій тривав до 7 години вечора аж поки безперервними атаками сторони настільки стомили одна одну,

що самі розійшлися. Можливо, незначна перевага в цій сутичці була за шведами, бо вони вільно маневрували й не мали зайвого багажу із собою, а декілька тисяч шведських солдатів, які не брали участь у бою, залишалися з обозом; проте істотної переваги ніхто не мав, обидві сторони залишилися на свої позиціях, уцілілими залишилися майно й гармати; але генерал відіслав поранених з обозом до маленького селища, яке було неподалік, їх супроводжував окремий загін, який мав потім знищити вищезгаданий обоз, щоб він не потрапив до рук ворога. Одночасно до цього села увійшли ворожі козаки, які не лише захопили залишки майна, але й повбивали поранених і взяли в полон тих, хто з ними був, врятуватися вдалося лише декільком особам. Опівночі шведи вирушили далі, ворог або не хотів, або був неспроможний завадити їм, хоч вони були оточені з усіх боків; шведи рухалися всю ніч і наступного дня досягли річки Сож, яку вони вирішили перетинати вплав, скинувши з коней багаж, який призначався для потреб піхоти. Декілька з них потонули; але не встигли ще всі перетнути річку, як на тому березі зіткнулися з кількома загонами ворожих козаків; проте ті не наважилися атакувати шведів, але продовжували турбувати їх упродовж усього походу, аж доки вони не приєдналися до нас. За підрахунками, армія Левенгаупта перед цим боєм налічувала близько 12 тисяч вояків, з яких 7 тисяч перебували в чудовій бойовій формі; ми втратили 2 полковників, 9 полкових лейтенантів, 2 генерал-ад'ютантів і 2 майорів, а ще 16 одиниць залізних гармат, які генерал був змушений покинути вночі під час відступу. Кілька захоплених тоді полонених повідомили нам, що у вищезгаданій битві брала участь уся московитська армія.

Уже достеменно відомо, що генерал Мазепа оголосив про приєднання до шведів, учора він здійснив свій перший візит до Його величності, який його люб'язно прийняв; тут побутує думка, що ми залишимося на цих квартирах доти, доки кілька тисяч його козаків не приєднаються до нас, а згодом ми вирушимо далі за річку Десну. Я і т. д.

Шептаки, 1 миля від Новгорода-Сіверського
28 жовтня 1708 за старим стилем
Підписано: Шептаки, 28 жовтня 1708
містер Джеффріс
Отримано 10 червня 1709
Пронумеровано під номером 5[197].

Причини повороту в Україну

№ 222

1708, вересень.

З нотатків священника — учасника походу Георга Нордберга про рішення шведського командування про поворот війська в Україну

Як уже було згадано минулого року, Мазепа запропонував свої послуги в боротьбі проти царя. Щоправда, король зігнорував цю оферту, почасти тому, щоб йому не закидували таємні зговорення, а особливо тому, що він не мав довір'я покладатися на такий нарід, що покидав союзників у критичному стані. Однак тепер король усе більше й більше думає над тим, що було б вигідно прийняти пропозицію Мазепи й піти в Україну. Щоправда, граф Піпер був свідомий того, що це погляд не самого короля, але, знаючи дуже добре його характер, старався від самого початку переконати його, щоб він покинув цей плян і радив йому не рухатися, а зачекати на прибуття графа Левенгавпта; більше того, радив королеві вирушити йому назустріч. Свою раду мотивував тим, що коли Левенгавпт щасливо прибуде і з'єднається з головною шведською армією, тоді шведське військо буде скріплене не тільки новими вояками, але також воєнним вирядом і харчами. Тоді можна самопевно виступити проти царя, який може нищити свій край стільки, скільки схоче. Коли ж король тепер подасться в Україну, тоді він виставить графа Левенгавпта на небезпеку, залишаючи його на ласку цілій ворожій армії. Якщо б сталося нещастя, тоді все, що він везе з собою, пропаде — і король відчує нестачу в підкріпленні новими вояками, воєнним вирядом і харчами, чого він так дуже потребує. Крім того, ворог, який досі відступав, у таких обставинах буде примушений самому наступати...

Хоч як була переконуюча думка, переміг погляд інших дорадників, що дораджували королеві йти в Україну з таких мотивів:

1. В Україні король дістане 20000 козаків, що будуть готові битися, щоб скинути з себе російське ярмо.
2. Їх можна знаменито використати, тому що вони знають усі дороги та стежки.
3. Козаки на своїх легких конях можуть вести воєнну акцію в російському запіллі і тим самим зліквідувати дальші пожежі.
4. Підчас битви вони можуть заатакувати ворога ззаду.
5. Україна дуже врожайна й багата країна.
6. Звідси відкривається дорога до Росії.
7. Можна мати вільну руку в Польщі.
8. Що ж відноситься до графа Левенгавпта, то це генерал, на якого можна покладатися; він має відважних

[197] Листи капітана Джеймса Джеффріса із шведської армії до міністра в Уайтхолл (1708 р.) / Пер. з англ. і коментар О. Герасимчука // Сіверянський літопис. — 2018. — № 4. — С. 107–125 (переклад здійснено за виданням: Captain James Jefferyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709 / Ed. by R. Hatton // Historiskt Magasin. V. 1. Historiska Handlingar, 35/1. — Stockholm, 1953. — P. 1–93).

офіцерів і хоробрих вояків, тому ворог не відважиться його заатакувати[198].

№ 223

1708, вересень.

Зі спогадів генерал-квартирмейстера А. Гілленкрока про рішення Карла XII йти в Україну

(…) На другой день (11 Сентября), Король подвинулся ближе к неприятелю, и расположился в виду его ретраншементов, которые, находясь за рекою, с обеих сторон были окружены болотами. Здесь невозможно было пройти, потому что неприятель сильно укрепил все выходы. Мы простояли на этом месте несколько дней. Король вошел однажды в мою палатку, и сказал, чтобы я посоветовал ему, каким бы образом двинуть дальше армию. Я отвечал: «Не зная плана Вашего Величества и предполагаемой Вами дороги, я не могу сообщить и своего мнения». Король отозвался, что у него нет ни какого плана. Я сказал: «Ваше Величество изволите милостиво шутить со мною. Я знаю, что Ваше Величество имеете план, и куда намерены идти». Король отвечал: «А я не знаю, куда нам идти с армиею, если вы не выберете дороги». Я сказал: «При таких обстоятельствах, мне весьма трудно сделать какое-либо предложение». В эту минуту, на форпостах послышалась тревога, и Король тотчас от меня уехал.

На другое утро Король опять пришел ко мне и спросил: подумал ли я о средствах к дальнейшему движению армии? Я отвечал: «Так как я не знал, что Ваше Величество говорили со мною не шутя, то и не думал об этом». Король уверил меня, что он вовсе не шутил. Я сказал: «Мне трудно исполнить волю Вашего Величества, потому что и прочие господа генералы предложат свое мнение». Король возразил: «Да что же они могут мне присоветовать, когда не знают ни дорог, ни положения страны? Только вы можете подать мне совет, а генералы от вас же получат сведение о дорогах и местности». Я сказал: «Не могу не сознаться, что Ваше Величество говорите сущую истину. Но я должен подумать об этом обстоятельнее, и собрать обо всех дорогах вернейшия известия». Король приказал мне все исполнить и дать ему ответ.

Лишь только Король уехал от меня, я пошел к фельдмаршалу и объявил ему: «Король два дня требует от меня совета, куда должно направить дальнейшее движение армии. Так как предмет сей до меня не касается, то я и не осмелился присоветовать что-либо Королю, и теперь прошу Ваше Высокопревосходительство, как фельдмаршала, дать Его Величеству такой совет, какой для службы вашего Государя вы найдете лучшим и полезнейшим». Фельдмаршал поблагодарил меня за открытие всего мною сказаннаго, и прибавил: «Я еще прежде говорил с графом Пипером, который часто давал советы Королю (*), чтобы и теперь он присоветовал что нибудь. Но граф Пипер, изумленный моими словами, отвечал: «Черт советовал прежде, пусть он же и теперь советует». Я просил фельдмаршала, ради Бога «устранить всякую неприязнь и зависть, которыя могли быть между ими, и подать Королю единодушный, полезный совет». Фельдмаршал отвечал, что он охотно поступит таким образом, и просил меня сказать ему, как бы вывести армию. Я сказал: «Советовать я не смею; но все, что мне известно о дорогах, охотно передам Вашему Высокопревосходительству». Фельдмаршал взял при этом свою карту, и спросил меня: «Какия сведения имею я о дорогах?». Я отвечал: «мне известно, что неприятель укрепился на большой дороге, идущей чрез Смоленск в Москву. Идти по этой дороге невозможно, потому что неприятель, если будет принужден оставить какую либо позицию, все сожжет и уничтожит». Фельдмаршал согласился со мною. — «Другое средство вывести армию состоит в том, чтобы переправить ее назад за Днепр и расположить в Витебской Области. Я обозначил здесь все деревни». Фельдмаршал заметил: «Король не согласится на это. Неприятель стоял там на квартирах всю зиму, даже до июня, следовательно или мало, или вовсе не найдем ни провианта, ни фуража». Я продолжал: «От Вашего Высокопревосходительства зависит переговорить обо всем этом с Королем, как разсудит Его Величество». Фельдмаршал спросил меня:

«Какия еще есть дороги?». Я отвечал: Третья дорога лежит от нас вправо; она ведет в Северский Край, где можно найти достаточное количество запасов. Только надобно заметить, что все тамошние жители вооружены, а в одном городе стоит русский гарнизон». Фельдмаршал возразил: «Город ничего не значит. Король всегда может овладеть им, а Казаки не помешают нам». Я сказал: «В этом случае, я не могу быть советником; я сообщил только то, что узнал о стране». Фельдмаршал объявил, что он переговорит обо всем с Королем, и спросил меня: «Ежели Король пойдет в Северский Край, то каковы туда дороги?». Я отвечал: «Есть две дороги, отделенныя одна от другой лесом, имеющим в длину девять польских миль; на каждой миле встречаются небольшия деревни, где довольно фуража, но нет провианта». Фельдмаршал спросил наконец: «Каким образом, по вашему мнению, можно было бы расположить армию на квартирах?» По карте указал я ему, что армию Короля можно расположить от Пацанова до Стародуба; корпус же Левенгаупта разместить в самом Стародубе и в окрестностях, так чтобы он собирал провиант для всех войск». Его Высокопревосходительство, совершенно одобрив мой проект, просил меня сообщить все это графу Пиперу.

Я тотчас же пошел к графу Пиперу, и сказал ему от имени фельдмаршала: «Король спрашивает у меня совета. Но я не могу подавать Его Величеству советов; на это имеете право Ваше Сиятельство и фельдмаршал». Граф Пипер отвечал: «Сожаления достойно, что мы должны говорить

[198] *Мацьків Т.* Гетьман Іван Мазепа в західноевропейських джерелах 1687–1709. — Мюнхен, 1988. — С. 147–148; *Nordberg J. A.* Histoire de Charles XII. Roi de Suede. — La Haye: P. De Hondt, 1748. — T. 2. — P. 241.

чрез повереннаго. Единственная причина недоразумения между нами состоит в том, что я заметил Королю и фельдмаршалу, что они ни сколько не подумав, отважно стремятся к цели. Но Его Величество и фельдмаршал меня же подняли на смех. А я давно сказал: прийдет такое время, что сам Король не будет знать, каким путем следовать ему, потому что он не составил себе плана. Вы очень хорошо сделали, что не дали Королю ни какого совета, а сообщили волю Его Величества фельдмаршалу». Граф спросил меня потом: «Какия дороги имеются в виду?» Я передал графу все сказанное мною пред сим фельдмаршалу. Выслушав меня, он сказал: «Король не воротится за Днепр. Он сочтет это посрамлением, и лучше на все отважится. Если же Король решится идти в Северский Край, то я думаю, что Русские не осмелятся жечь все, как жгут теперь, и что Казаки перейдут к нам». Я отвечал: «Не могу этого ни знать, ни утверждать, а только предполагаю, что Казаки не допустят жечь свой край, если мы пойдем туда». Граф послал к фельдмаршалу приглашение отправиться вместе с ним к Королю; потом еще раз спросил меня: нет ли еще других мер, кроме трех, мною упомянутых? Я сказал, что кроме этих дорог, других не знаю. Тогда граф произнес: «Так пусть Король выбирает любой путь!»

После совещаний обоих графов с Королем, меня также позвали к Его Величеству. Когда я вошел, у Короля были граф Пипер, фельдмаршал и генерал-маиор Мейерфельд. Король принял меня очень милостиво и ласково, взял за руку и подвел к своему столу, за которым писал граф Пипер. Граф сказал мне, в присутствии Короля, что Его Величество решились идти в Северский Край, и попросил, чтобы я сделал ему очерк движения генерала Левенгаупта к Стародубу[199].

[199] *Гилленкрок А.* Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось. [Пер. с нем., введ. и примеч. Я. Турунова] // Военный журнал. — 1844. — № 6. — С. 38–45.

Частина III
ШВЕДСЬКО-УКРАЇНСЬКИЙ СОЮЗ

Перші безпосередні контакти

№ 224

1708, вересня 29. — Сергіївське.

Лист генерал-майора М. Ю. Іфланта графу Г. І. Головкіну про впіймання посланця С. Понятовського до гетьмана І. С. Мазепи

Высокородный и высокопочтенный г[о]с[у]д[а]рь Гаврило Иванович.

Доношу, г[о]с[у]д[а]рь, Вашему Высокородию. Сего сентября 29 дня шел я ис под Стародуба. Под неприятелем поймали на карауле шляхтича: едет из швецкого войска до етмана Мазепы с писмом от генерала алтилерии, презыдента, от короля Станислава. И н[ы]не оной пойманной послан до Вашей М[и]л[о]сти и с писмом. А о короле швецком, об обороте ево, изволите спросить. А нам сказал, что от Мглина миля стоит. А лист тот роспечатавал я и послал до Вашего Превосходителства в сим моем писме.

Вашему Превосходителству поздравляя, и пребываю покорный слуга Николай Ифлант челом бю

Из вески Сергеевской, сентября 29 дня 1708 году[200].

№ 225

1708, жовтня 1, 7.

Свідчення на допиті волинського шляхтича Я. Улашича у Посольській похідній канцелярії про направлення його С. Понятовським до гетьмана І. С. Мазепи

1708[г[о]] октября в 1 де[нь] в Посолскую походную канцелярию прислал генерал маеор Инфлянт с писмом своим полской породы одного чел[о]в[е]ка.

А в роспросе сказал. Родом он шляхтичь с Волыни, зовут ево Якуб Улишин. Служит он в службе швецкой третей год в хоронгве полской за товарыща под командою Урбановича, которой под Головчиным убит. И в прошедшей вторник тому н[ы]не четвертой день генерал артилерии Станиславовой Понятовцкой, которой и н[ы]не с шведом, взяв ево ис под хоронгви, послал с листом к гетману и кавалеру Ивану Степановичю Мазепе и пиказывал, чтоб он, Якуб, ехал на Стародуб и там наведался, где обретаетца он, гетман и кавалер, а приехав к гетману, тот лист подал ему самому, и велел просить о свободе брата своего Понетовского, которой н[ы]не в полону у гетмана, и, ежели мочно было, чтоб он, Якуб, приехал к нему назад. А отправил ево с тем листом помянутой Понятовской из швецкого обозу из под Млына. Обоз де швецкой в то время, как он послан оттуду, стоял от Млына толко в трех милях. И по той посылке ехал он, Якуб, чрез Красовичи, Рудню, Найпотовичи с челядником своим, чрез Пьянск и брал в тех селех ради провожания мужиков от села до села. А как которого зовут, не знает. А в Пьянску взяв он казака, — Григорьем зовут, а чей сын, не знает же, — поехал к Стародубу. А пашпорта от того Понятовского и ни от кого от иного ему не дано. И в среду де, приехав он к Стародубу, встретился з генералом маеором Инфлянтом и о себе об[ь]явил ему против вышеписанного. И он де, генерал, посланной с ним к господину гетману Мазепе лист взял к себе, а ево, Якуба, отдал за караул. А иной никто из московских ратных людей ево под шведом не имывал.

А з генералом Боуром близ Мигнович как была акция, и тогда де войска швецкие были все в одном месте; и после той акции был он, швед, на том месте два дни, а на третей день пошол к Соже х Кричеву, где и переправлялся чрез ту реку. А пошел де швед, как о том он, Якуб, слышал к Украйне для того. Когда пришол до Мигнович и увидел, что поселение всякое московския пожигают, также уведомился

---

[200] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 3. Письмо генерал-майора Н. Ифланта графу Г. И. Головкину о поимке посланца от С. Понятовского к гетману И. С. Мазепе // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 49. Л. 1. Подлинник. Подпись от «Николай» до «бю» — автограф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-03-1708-pismo-general-mayora-iflanta-grafu-golovkinu

сам король, что велено московским войскам, уступя к Смоленску, в лесах учинить засеку и протчее поселение, села и деревни, перед ним и около пожигать и что оттого не мочно нигде получить правианту и фуражу. Для того к Украине и пошел. Когда король швецкой был у реки Сожи, и тому уже прошло н[е]д[е]ли з две, напред чрез ту реку переходил генерал ево швецкой Лягеркрон с комондированными. А сколко числом людей, того он не ведает.

А потом переправляли артилерию, и переходила пехота. А сам король з драбантами и з другими переходил чрез ту реку последи. А переправлялись они чрез ту реку два дни. И тот помянутой генерал Лягеркрон, переправясь Сожу, пошел к Украине наперед, а король с протчими за ними. А одним ли путем шли или не одним, того он не ведает. И шел де он, швед, чрез лес восмнатцать миль даже до Млыня, все обще и з багажем. А сколко полков при нем, короле шведцком, н[ы]не регулярного] войска, того он не ведает. А лехкой конницы, поляков и волохов, обретаетца при оном толко десять хоронгвей, в которых по сту и по штидесят коней. А когда де был швед еще при смоленской границе, и оттуду, как шел до Млыня, в войску ево был великой в провианте и в конском корму голод, и оттого многие люди и лошади помирали, и того ради принужденны шведы многие возы жечь. И для того голоду многие из офицеров били челом королю об отпуске, и король де их из службы не отпускал, а увещевал их, что будут иметь в Украине во всем доволство. И уже чрез нужные леса перешло швецких региментов с пятнатцать, толко доволства великаго ни в чем не имеют, потому что люди из сел и деревень все уходят в леса, а на продажу никто к ним не везут; а питаются тем, что где сыщут вь ямах. А как чрез реку Ипать переправлялся два дни, препоны никакой ему ни от кого не было. Слышал он, что будто Левенгоупту есть указ, дабы он шел х королю. А на сукурс от короля к нему н[ы]не и напред сего никого не послано. Також говорят в войске швецком, что швед намерен на Украине зимовать. А про Лещинского приход на Украину, також и о ином швецкого короля намерени ничего не слышать, потому что в войску швецком зело делается о всем секретно. Он же, Якуб, сказал, что живет н[ы]не у него, при гетмане и кавалере, брат ево двоюродной, прозванием Выговской, да и сам он напред сего живал в Киеве ради учения еще издетска.Октября в 4 день вышеписанной присланной поляк роспрашиван у дыбы в застенке, а в роспросе сказал. При посылке де ево к гетману и кавалеру Ивану Степановичю Мазепе Понятовской говорил ему и приказывал, чтоб он, приехав к нему, гетману, от него, Понятовского, поклонился и просил ево, гетмана, дабы он к брату ево, Понятовского, показал м[и]л[о]сть, за что он, Понятовской, будет ему служить. И велел об[ь]явить, что уже швецкой король пришел к Украине. Також и впред[ь] о обращении ево, шведов, куда б оный имел обратится, хотел об[ь]являть. Да притом же де Понятовской говорил, будто он, гетман, н[ы]не пребывает с войском своим ни при той стороне, ни при другой. Он же спрашиван в другой ряд с пристрастием и подыман на дыбу, а на виске сказал те ж речи. Да сверх того пополнил, что помянутой Понятовской приказывал ему, дабы он гетману и ковалеру об[ь]явил, чтоб он с войски, при нем обретающимися, приближился к ним, а как начнет приближатца, о том бы к нему, Понятовскому, от себя, также и о своем желании отписал. А он де, Понятовской, о том зближении и о желании ево донесет швецкому королю, и каков ответ от короля швецкого получит, о том он, Понятовской, к нему, гетману и ковалеру, отпишет. И говорил ему: уповает де он , что при помощи Б[о]жии гетман Мазепа с войски своими будет с ними ж обще.

Потом он пытан и роспрашиван, не приказывал ли ему кто или он, Понятовской, меж старшиною генералною и полковники гетманског[о] регименту или казаками чинить каких факцый и возмущения против Ц[а]рского Величества, а междо посполитым народом каковой прелести и обращения к шведу. И он, Якуп, с пытки в том ни в чем не винился, а сказал те ж речи, что выше сего говорил. А на пытке дано ему дватцать ударов. Того ж числа челядник ево роспрашиван, а сказал. Андреем зовут Ивановской, работает он у Якуба Улашича толко н[е]д[е]ли с три, а пристал под Могилевым. И как де господин ево, Якуб, поехал из швецкого войска ис под Млына, и ево, Андрея, взял с собою, а сказывал ему, что он едет от генерала Понятовского с листом к гетману Мазепе. И ехали от Млына на Стародуб чрез те места, про которые сказал в роспросе своем Якуб Улашин. А для какова дела и был ли ему какой словесной приказ от Понятовского или не был, о том он не знает и от него, Якуба, не слыхал.

При от[ъ]езде ево, Якубове, дал ему Понятовской дватцат[ь] червонных да несколко ефимков, и то он, Андрей, видел сам. А болши того ничего он, Андрей, сказат[ь] не знает. В 7 де[нь] октября вышеписанной поляк Якуб Улашин роспрашиван, что не велено ли ему от кого или от Понятовского междо старшиною и полковники и казаками каких чинить факцый и меж посполитым народом возмущения, против прежняго и в другой ряд пытан, а на пытке дано ему еще дватцать ж[е] ударов, а после пытки привожен был к огню. И с пытки в роспросе и у огня в том ни в чем не винился, а сказал прежние ж свои речи, что сказал выше сего в первом своем роспросе с пытки[201].

[201] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 4. Расспросные речи волынского шляхтича Я. Улашина в Посольской походной канцелярии о посылке его С. Понятовским к гетману И. С. Мазепе и о состоянии шведской армии // РГАДА.Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 49. Л. 11–16. Подлинник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-04-1708-rassprosnye-rechi-volynskogo-shlyahticha-ulashina-v-posolskoy-pohodnoy-kancelyarii.

№ 226

1708, жовтня 7/8.

Універсал Королівського військового комісаріату українським жителям з поясненням причин вступу шведських військ в Україну та проханням не здійснювати опору та не ховати продовольчі запаси, майно

Его Пресветлейшаго и велможнейшаго королевского Величества постановленны войсковы комисарият

Об[ь]являет при сем: понеже Ево Велможнешее Королевское Величество н[а]ш всем[и]л[о]стивеший крол[ь] и г[о]с[у]д[а]рь с своим храбрым войским пришед в сию Малоросийскую землю и возвратит[ь] ц[а]ря московского насилство, которы зачал тую неправедную войну напрасно без всякой ему дайной виности и вь его королевскую землю насилием вступил и Его Королевского Величества верных подданных нещадно и неслышанною яростию мучил и разорил против вековечного миру, которы он, ц[а]рь московски часто именем Б[о]жим обещал и обнадеживал и з Его Королевским Величеством жить в доброй дружбе и всеусердственной любви. А хотя Его Королевскому Величеству можно н[ы]не такими мирами творить над его, ц[а]рскими, подданными, как он, ц[а]рь московски, творил над его, королевскими, подданными, однако ж Его Королевское Величество м[и]л[о]стивы уважал, что многия тех краев жители не своею волностию, но неволею принуждены до сей войны при нем быти, для того Его Королевское Величество пресию всих ту в малоросийских краех жителем, которыя об[ь]являтися неприятелем не будут, в свою м[и]л[о]сть и охоронию приемлет, толко бы они жили в своих домах покойно з женами и з детми и со всими их пожитки без побешки и безо всякого страху, где они не токмо от Его Королевского Величества охороны будут, но всею волностию и всяких торговых и звычайных промыслом без боязни жить могут, такожде чтоб старание имели, сколко можно, на продажу припровадить запасу до войска Его Королевского Величества. А естли бы кто из тех жителей против сей его им об[ь]явленной Королевского Величества м[и]л[о]сти противилися или оружием якую бы шкоду над Его Королевского Величества войском чинили, такожде будут себе в лесах своими пожитками ховат[ь] и до часу до своих домов не пришли б, то Его Королевское Величество принужден с ними наикрепейшее по неприятелски обходит[ь], а где колвек их можно натти, и всих их пожитки отнять безплатежно и до конца разорены будут. Такожде Его Королевское Величество сподеваетца, что кажды верны жител[ь] будет думат[ь] на свои прижния старыя волности и благополучие, понеже они сами повседневно видят, как ц[а]рь московский с ними обходит и до неволи их прапровадит, их старыя волности украчены и их города воеводами и войским своим завладел, но такожде их сверх того домы их и животы попалил и до конца разорил, которое все Его Королевское Величество впредь будет введлуг можности отвратит[ь] и охоронят[ь]. Дан в его королевском обозе лету 1708 году октября в 8 день.

По указу Его Велможнейшаго Королевского Величества Светской

Его Королевского Величества войсковы комисарият[202].

№ 227

1708, жовтня 29.

Свідчення на допиті полонених Г. Биковича та Г. Гесерта про прихід каролінців під Новгород-Сіверський та зустріч гетьмана І. С. Мазепи з королем Карлом XII

1708[г[о]] октября в 29 де[нь] взятые из шведцкого войска два ч[е]л[о]в[е]ка полоняников в роспросе сказали.

Первой сказал: зовут ево Гендриком Быковичь, породою ис Полских Прус и служил де напред сего в литовском войске при Синицком прапорщиком. И когда Синицког[о] войски Ц[а]рского Величества в Быхове взяли, то и он притом за полоняника взят, и принял ево тогда генерал маеор Фоншвейден за челядника, при котором он служил по Головчинскую сего лета баталию. И как де генерала маеора Фаншвейдена при той акцыи убили, и после того он, Гендрик, з женою ево приехал до Могилева, а потом до Горок, и в Горках де ево, Фоншвейденова жена, отпустила на волю, откуду пошел было он во отечество свое в Полские Прусы. И как пришел в Вилню, взяли ево тамо шведцкие войска полковника Дюкерта драгуны, и принужден он у того полковника служить. И потом он, полковник, отдал ево капитану Шулцу, котрой служит при королевском дворе за инженера. Вчерашняго де числа поехал было он по фураж с протчими своими товарыщи, и на дороге взяли ево казаки в полон под Новогродком. Король де шведцкой н[ы]не стоит сам в селе Гурках, от Новогродка разстоянием в миле. Войска при нем стоит рота драбантов, да полк драгунской Смайланской, да поляков и волохов с лишком с 1000 ч[е]л[о]в[е]к, а в полумиле от него стоят в д[е]р[е]вне 2 полка драгунских генерала Меэрфелта и полковника Тоуба. А досталная кавалерия, как слышал он, стоит разстоянием от короля в дву милях з генералом Крузом. А пехота де вся под командою генерала Левенгупта с 15 полков. Да полк конной стоит под Новогродком над Десною в д[е]р[е]внях. И намереваются переправлятца чрез Десну, а в котором де месте, того он не знает и плотов никаких не видал. Генерал де Левенгоупт к ним пришел тому уже есть с три н[е]д[е]ли. Войска при нем пришло толко три полка пехоты да полк

[202] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 7. Универсал Королевского воинского комиссариата малороссийским жителям, с объяснением причин вступления шведских войск на Украину, требованием не оказывать сопротивление и не прятать пожитки и обещанием защиты и вольностей // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1708 г. Д. 5. Л. 1–2. Подлинник. На л. 2 внизу сургучная печать под бумажной кустодией [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-07-1708-universal-korolevskogo-voinskogo-komissariata-malorossiyskim-zhitelyam.

конной, и те весма нужны и половина в лаптях. Во время де бою с московскими войски пропало у него, Левенгоупта, войска с 8000 ч[е]л[о]в[е]к и артилерия вся и обоз. Слух у них в войску обносился, что в понеделник сея н[е]д[е]ли присылал гетман Мазепа х королю посланника своего, — а с чем, того не об[ъ]явлено, — которого де король во вторник поутру отпустил. И в среду де гетман Мазепа х королю шведцкому и сам на вечер приехал, х которому навстречю посылал король командированных драбантов и несколко сот волохов. А во время ево, гетманского, приезду было с ним со сто ч[е]л[о]в[е]к знатных особ, которой приезд он сам видел. И того вечера у короля он, гетман, со всеми ужинал и доволно веселилис[ь]. И говорят, что за ним, гетманом, будет з дватцат[ь] тысечь ч[е]л[о]в[е]к казаков и расположили иметь зимовые квартиры в Батурине и около ево. И дал де он, гетман, королю от себя квартермистра для об[ъ]явления мест, где войску и протчим /л. 20/ стоять, и сколь скоро зделают мосты, то пойдут. А где мосты делают или хотят делать, не знает. Толко что начали было делать против Аларта, где стоит з дивизиею, но не допустили делать. В правианте де у них по приезд гетманской было гораздо скудно, потому что хотя хлеб и находят, однако ж мелниц нет; и где найдут рож, то, смолов в речные жорновы, пекли лепешки у огня, тем питались. А как де гетман приехал к ним, то казаки почали возить хлебы, пиво, водку, соль и протчие припасы, что у них заказано в войске, дабы их не грабили, а покупали поволною ценою.

Другой взятой полоняник сказал: Гендриком зовут Гесерт, уроженец Шленской земли. Пристал служить в Шлезии за челядника у драбанта тому н[ы]не уже 3й год и во весь поход шведцкой, как вышли из Шлезии в Полшу, служил он у того драбанта неотлучно. Как де пришли шведцкие полки в Головчин и был с московскими войски бой, и в то де время побито шведцких офицеров: генерал квартермистр Ветреган да королевских драбантов 6 ч[е]л[о]в[е]к да ранено с 30 ч[е]л[о]в[е]к, а рядовых конницы и пехоты с лишком тысеча ч[е]л[о]в[е]к и гораздо много ранено. А как де на Черной Напе был бой, в то де время побито войска шведцкого с три тысячи ч[е]л[о]в[е]к. А под Кадиным на бывшей акцыи шведов побито немного — всего ч[е]л[о]в[е]к з дватцать, да под королем самим убита лошад[ь]. И как он слышал в то время от самого короля, что естьли б де не поспешила ему, королю, убитого драбанта лошад[ь], то б де принужден впасть московским войскам в руки. И как де шли ис под Кадина на Украину, и в то де время был у них великой голод, и пехота так томна была, что салдаты едва могли нести на себе мундир свой, и многое число из них померло. О протчих ведомостях, как о короле и о протчих, сказал во всем против перваго роспросу[203].

№ 228

1708, жовтня 30.

Донесення капітан-поручика Е. Ю. Мавріна про зіткнення партії І. К. Генскіна під Шептаками та свідчення шведського полоненого про приїзд гетьмана І. С. Мазепи до короля із 500 возами

Всемилостивейшему ц[а]рю, г[о]с[у]д[а]рю.

Доношу В[а]шему Державству. Была парти послана от генерала порутчика Фон Генскина под неприятеля под веску Шаптахи, и неприятел[ь] из той д[е]р[е]вни рушился, и оная партия нашли на отводной неприятелской караул и несколко неприятелей убили и взяли хлопца ротмистра швецкого. И оного хлопца генерал спрашивал, и оной хлопец сказал, что бутто с ротмистром был у караля швецкого и видел бутто гетмана Мазепу. И слышел оной хлопец, бутто д[е]н[е]г и провианту гетман привез к швецкому каралю пятсот возов. Также сказал оной хлопец, что корол[ь] швецкой пошол в поход. Гетман ево повел в болшое местечко; а как оное местечко заветца, он не знает. А при етмане де обретаетца четыре ста казаков. А как под оное местечко придут, и гетман каралю швецкому хотел дать войска несколко тысечь. А генерал отправил за неприятелем полковника Яковлева с ево кумандою. А с правой строны неприятеля отправил маеора Детковского с кумандою. А сам генерал з достолными пойдет с полночи сего октября три десятого числа за неприятелем. А что впред[ь] какие будут ведомости о неприятеле, и я до Вашего Державства буду писать.

P. S. А оного хлопца и казака послал г[о]с[по]д[и]н генерал к фелт маршалу Борису Петровичю Шереметеву.

Раб Вашего Державства Емельян Маврин[203a]

Ис Колпинки, дня 30

№ 229

1708, жовтня 30. — Гірки.

Угода між керівництвом України і Карлом XII

1. Й. К. В. зобов'язується обороняти Україну і прилучені до країни козаків землі й негайно вислати туди задля цього помічні війська, коли вимагатиме того потреба і коли помочі цієї проситимуть князь і Стани. Війська ці, вступаючи в країну, будуть під командою шведських генералів, але під час операцій на Україні Й. В. довірить керування ними князеві та його наступникам і це триватиме доти, доки Україна потребуватиме того війська, котрому Й. К. В. видаватиме платню, а козаки постачатимуть хліб і харчі.

2. Все, що завоюється з бувшої території Московщини, належатиме на підставі воєнного права тому, хто цим заволодіє, але все те, що — як виявиться, належало колись українському народові, передається й задержиться при українськім князівстві.

[203] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 20.Расспросные речи шведских челядников Г. Быковича и Г. Гесерта в Посольской походной канцелярии о состоянии шведской армии, её потерях в сражениях при Головчине, Черной Напе и Кадине и приезде гетмана И. С. Мазепы к шведскому королю // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 54. Л. 18–21. Подлинник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstvdoc-20-1708-rassprosnye-rechi-shvedskih-chelyadnikov-bykovicha-i-geserta.

[203a] Там же. — Документы: № 22.

3. Князь і Стани України, згідно з правом, яким досі користувалися, будуть заховані і вдержані на всім просторі князівства і частин, прилучених до нього.

4. Іван Мазепа, законний князь України, жодним способом не може бути нарушений у володінні цим князівством; по його смерти, яка — треба сподіватися — не наступить ще довго, Стани України заховають всі вольності згідно з своїми правами та стародавніми законами.

5. Нічого не зміниться в тому, що досі зазначено, щодо герба й титулу князя України. Й. К. В. не могтиме ніколи присвоїти цей титул і герб.

6. Для більшого забезпечення як цього договору, так і самої України, князь і Стани передадуть Й. К. В. на весь час, поки тягтиметься ця війна, а з нею й небезпека, деякі з своїх городів, а саме: Стародуб, Мглин, Батурин, Полтаву, Гадяч[204].

№ 230
Зі спогадів шведського полковника, графа Н. Їлленштієрни про першу зустріч каролінців з гетьманом І. С. Мазепою

Тут мусила армія стояти деякий час на відпочинку, одначе після 14-дневної стоянки вирушила далі. Наш марш був продовжений в напрямі до Десни, і тут отримав полковник Гйєльм і я наказ з цього боку прикривати марш армії нашими полками. Під час цього маршу надійшов козацький полководець Мазепа й прийняв шведську сторону. Через те, що полковник Гйєльм і я стояли на найбільш висунених постах, потрапив він увечері просто до нас. Тут послав він до нас (своїх послів) і дав знати, що він приходить яко приятель і хоче далі йти до нашого милостивого короля. Перед тим не знали ми нічогісінько (про нього), також не чули нічого про те, що він хоче переходити до нас. Тому були ми в сумніві, як ми повинні до нього поставитися, як далеко можемо ми входити з ним в стосунки, чи не криється за тим якась несподівана зрада. За для того обидва полки приготовилися і виступили (зі свого становища). Також послали ми до нього одного офіцера, що його раніше бачив, і сто коней з завданням принести нам певні відомости про нього, про його заміри, а також про те, скільки народу за ним ішло. Після того як цей офіцер пізнав полководця, був він дуже ввічливо прийнятий і зараз же висланий назад з повідомленням, що полководець приходить яко приятель, що він єдине бажає перебути у нас з своїми найвизначніщими старшинами ніч, але що його люди, яких було понад 5000, мають залишатися на полі. Він хоче піддатися під нашу охорону і також вимагає ескорти до короля. Одначе тому, що ми стояли декілька миль від інших полків, рішили ми для більшої безпечности полководця виступити на другий день ранком з обидвома полками і йти доти, поки він не був би при армії і в повній бедпечности (till dess han wore uthi sielfwa armeen och fullkomblig säkerheet). До цього спонукували нас і надбігаючі відомости про те, що ворог зо всією своєю кавалерією сильно його переслідує, що ми на слідуючий день і самі помітили, бо наш арієрґард був атакований... Ми були не в малім клопоті, бо не знали, наскільки можемо довіряти людям Мазепи. І коли в арієрґарді почувся ґвалт, то вони в ніякий спосіб не показали бажання йти проти ворога, навпаки продовжували твердо свій марш, в той час як наші два полки робили фронт проти ворога. Але наш обоз продовжував весь час свій марш далі, і коли він від нас віддалився, то люди полководця під час руху побили до смерти трьох хорих і одного слугу (en dräng), а також сплюндрували одну пару повозок, так що ми не інакше думали, як, що маємо ворогів і спереду і позаду. Тому ми, після того як ворог був відбитий нашим арієрґардом, спішили як можна швидче дістатися до нашого власного обозу, який ми знайшли в двох милях відтіля. Ми просунулися ще трохи далі, так що зупинилися в двох милях від головної квартири в одному великому селі, де ми чекали на дальші накази.

Я мушу тут ще оповісти, як цей полководець передав в наші руки всіх своїх людей, що були при ньому, (і то так), що вони нічого про це не знали. Причиною було те, що більша частина їх — як знатних, так і простих — була московської орієнтації (god muscovitska), й отже, він (Мазепа) не смів відкрити їм свого замислу, аж поки він не був безпечний за свою особу і поки він не завів їх так далеко, що вони мусили робити те, чого він хотів. А це сталося в такий спосіб: він представив справу так, неначе він отримав відомости про один шведський відділ, проти якого він хоче сам виступити, атакувати його і постаратися його знищити (bor taga). Найзначнішії особи зараз же висловилися за те, щоб слідувати за ним, що для нього було як раз і бажано. Між тим зробив він всі приготовання, аби найліпші речі і гроші відправити іншою дорогою. Як раз тоді, коли він знаходився пару миль від нас і послав до нас гонця, про що я вже оповідав, наказав він своїм людям вшикуватися, а також приготовитися до (зустрічі) ворога і продовжив свій марш просто до нашого села, де він зіткнувся з розвідним відділом, і після того як отримав від (нашого) офіцера всі відомости, а також поставив вимогу, щоб йому дали ескорту, закликав він усіх найзначніщих осіб до себе і сказав їм, що він рішився йти до шведського короля, аби за його допомогою знову здобути втрачену свободу (України), — і коли вони тої ж самої думки й стремлять до свободи, то повинні слідувати за ним, а також мусять повідомити про це звичайних козаків (dett gemena folket) та представити їм, що це робиться для їхнього добра та свободи і що вони повинні триматися всі разом, інакше, хто відділиться під загалу (i fran stora hopen) та буде знайдений волохами або шведами, той буде зараз же зарубаний. Ці відомості були для всіх великою несподіванкою, а були там ріжні люди: козаки, колмики й татари, але за для безпечности мусили вони всі триматися разом, і тільки пізніще значна частина

[204] Гетьман Пилип Орлик. «Вивід прав України» // Апанович О. Гетьмани України і кошові отамани Запорозької Січі. — К., 1993. — С. 274; *Орлик П.* Конституція, маніфести та літературна спадщина. Вибрані твори. — К. : МАУП, 2006. — С. 136.

як знатних осіб, так і звичайних (козаків) пішла геть відсіля[205].

(…) На вищезазначених квартирах простояв полководець з своїми людьми два дні, аж поки не дістався до короля, що було для нас великим нещастям, бо ворог у такий спосіб виграв час, атакував столицю України — Батурин і взяв її штурмом... Мордування, яке тут було вчинено, навело такий терор на цілу країну, що не тільки більша частина України, а в тому числі й ті, що з прихильности до шведів рішилися були на повстання, залишилися по своїх хатах, але й переважаюча кількість війська, що прийшло до шведів з Мазепою, перейшла до ворога, а це викликало у нас великі недостачі і перешкоди в усіх наших пізпіщих акціях[206].

№ 231

1708, листопада 10. — Атюша.

Лист секретаря похідної канцелярії Карла XII Йозефа Цедергельма до свого брата Гермунда про перехід гетьмана І. С. Мазепи з частиною війська на бік Карла XII

19. (жовтня) пройшов Його Величність дві милі до Понуровки... В тому ж місці й того ж дня прибули два післанці полководця Івана Мазепи. Вони видали себе за втікачів-полонених, один на прізвище Pisdrinski (Бистрицький), який був поляком та умовився з другим, а той другий був в дійсності з нашої країни (igienkiendes), паламар з Ліфляндії, але так вмів себе поставити у Мазепи, що той довірив йому разом з іншим післанцем їхати до К. В. і просити його протекції, разом з наказом запропонувати шведському королеві взяти дорогу на Новгород-Сіверський, в який спосіб ставало можливим заволодіти лінією Десни, з'єднати обидва війська та доставити досить провіянту для (шведської) армії.

На щастя ще вчора (dagen foruth) спіткали обидва післанці генерал-майора Крейца і полковника Гамільтона як раз в той момент, коли вони, перейшовши один тяжкий пас (pass), ударили на Іфлянда, витіснили в кількості 600 чол. його з 4 полками з доброї позиції, так що він мусив тікати, полишивши більше як 300 люду разом з купою багажу. Ця акція дуже вподобалася козацьким посланцям, які й самі були гарні і сміливі (молодці).

Й. В. милостиво погодився на пропозицію Мазепи, через що з'єднав собі чимало видатніших Генералів й інших достойників (козацьких). Над тим непотрібно було багато часу задумуватися, бо вже протягом кількох років велися таємні переговори, і вони були немалою причиною того, що Й. В. повернувся в цей бік. Цими справами займався король Станислав особливо через княгиню Дольську, матір князя Вишневецького, яка підтримувала і направляла кореспонденцію з Мазепою.

Російське ярмо почало давити країну (Landet har märckt och börjat tröttas wid Ryska ooket), і його нести було для козаків чим далі, тим все тяжче. Через те повстало (у них) стремління з'єднатися з поляками в надії на більшу свободу. Можна було мати значну вигоду від цього народу, який завжди був переднім муром Польщі доти, поки його через суворе з ним поводження не спонукали до спротиву і відпаду. Але от виставлено було пропозицію виробити такі умови, щоб обидва (народи) могли знайти в них свою вигоду, і певне така зміна може нам на цей час добре допомогти, бо їх гетьман або полководець завжди в стані виставити 40000 армію, а на випадок потреби й 100000, яку можна вжити проти росіян і тим самим зберегти (від утрати) наш народ. Окрім того думалося, що донські козаки, а найскорше татари підуть в більшості за прикладом козаків.

Тому то того ж вечора були вислані післанці з відповіддю, що К. В. згоджується взяти полководця і запорожське військо під свою руку і протекцію. І хоч К. В. наміром було йти на Україну до Макошина, де зливаються ріки Десна і Сейм, то Й. В. на прохання Мазепи змінив свій замисел і наказав Крейцу з його колоною повернути в напрямі Новгорода. Але вислід (справи) показав, що К. В. замір був користніший і що резиденція Мазепи скоріше могла бути (в такий спосіб) захищена. Під час маршу Крейца напали на його арієрґард декілька російських ескадронів. Вони були зараз же з втратами відкинені назад. Коли аванґард дійшов до (села) Czeptaki в одній милі від Новгорода, то зустрінув тут при одному пасі ґрупку росіян, яких було прогнано, а декількох взято в полон. Тут же дізналися, що ворог попередив наших і вже кинув один відділ у місто. Його атакувати не були (шведи) ані в стані, ані не мали для того відповідного наказу. Й. В., який повернув з своєю армією в той же бік, не міг того без перешкод змінити. Супротив того прийняв він рішення спочатку перейти в цій місцевости через Десну, а після того спішити як мога швидче до ріки Сейма, де є положений Батурин. Й. В. зробив 22 (жовтня) 4 милі аж до Maziowa-hutta, а 24 жовтня 3 милі до Ларінки. 25-го марш був продовжений: пройшли 2 милі праворуч від Новгорода аж до Горок біля Десни. Між тим ворог мав час відтягнутися навкруги Новгорода за річку, так що він стояв перед нами на другому березі. Тут знаходилося мало придатних для переходу (війська) місць з огляду на болота, що лежали по обох боках (річки). Через те мали ми причини побоюватися, що в той час, коли ми зробимо всі необхідні заходи для нашої переправи, Мазепа може бути відрізаний: бо (у нас) було відомо, що Меншиков перейшов через Десну на наш бік праворуч від Чернигова і що на лівому березі з боку Шереметєва мали бути певно також надіслані війська вниз до ріки Сейму йому назустріч і допомогу.

Мазепа, помітивши сам небезпеку, послав знову тих же осіб з листом і відповіддю до К. В. і до графа Піпера, де

---

[205] *Крупницький Б.* Мазепа і шведи в 1708 р. / Мазепа. Збірник. — Варшава, 1939. — Т. ІІ. — С. 8–9 (Öfversten Grefve Nils Gyllenstiernas berättelse om polska och ryska kricen 1702. 1 Juli — 1709 D. 16 Juni, K. K. D., Lund 1913, VIII. P. 64–67).

[206] Там само. — С. 11–12.

він виказував свою радість з приводу обіцяної протекції, а разом з тим (висловлювався) і про своє бажання та про необхідність скорого з'єднання (зі шведами), аби врятуватися від небезпеки, яка (над ним) нависла. Він отримав відповідь, що К. В. буде поспішати як мога швидко, але в таких обставинах, (бачучи) наближення ворога з двох боків, рішився на найліпше, що міг зробити (det bästa rådet) і перейшов сам Десну при Оболоні. Він прибув 29 жовтня до К. В. всього з 4000 людей, яких він в поспіху міг взяти з собою. В Батурині лишив він гарнізон в 3000 або трохи більше під командою полковника Кенігсека, обіцяючи, що до 31-го (till lögerdagen, som war d. 31) приведе з собою шведську допомогу. Це було цілком неможливо. В цей момент (strax) не було у нас напоготові ні артилерії, ні всього іншого, потрібного для переходу через тяжкий пас в присутності ворога. Для того треба було часу і обережности[207].

(…) Між тим... мав Мазепа нагоду познайомитися з Двором і зробити себе тут приємним. Він має приблизно 63 роки (om 6 ahr), хоріє на подагру, на погляд худий, середнього росту, обличчям подібний до блаженної пам'яти графа Дальберґа (1 i j k Salig Gr. Dahlberg); він розмовляє вільно і розумно, його міркування про те, що діється, правильні. Його підлеглі виказують йому багато поваги і послуху. З його оповідань або з його натури можна вивести, що він є людина хитра, але досить одверта в тім, що торкається (нашого) союзу (i denne dess förbindelse). Він зумів так влучно підійти до К. В., що був добре прийнятий (з королівського боку). Між іншим радив він, щоб К. В. не підкидав запропонованої (йому) субмісії воєводи белзького Сєнявського, вказуючи не раз, як міг той бути корисний, коли б його прийняти, і шкідливий, коли йому забрати всяку надію на королівську милость. Цілком похвалював пін прямий і справедливий характер К. В., який не хоче всупереч варшавському трактату помилувати тих, хто своєю відсутністю показав себе не вартим (цієї милости), та не хоче порушувати свого слова ні в доброму, ні в злому. Де була б прекрасна максима, коли б її без перешкод (utan efwentyr) можна було перевести в життя: але коли в такий спосіб треба чимсь ризикувати, то чи не ліпшою було б порадою схилитися перед обставинами (att foga sig i tijden): qui nescit dissimulare, regnare nescit: cedere tempori, prudentis semper est habitum.

Таке й інакше пропонував він «manerligen et quasi aliud agendo», так що з того можна було спостерегти і його щирість, і його розум. В той же спосіб помічається у нього таке знання «in Physicis och de rebus publicis», якого годі сподіватися в тих сторонах. При тій нагоді отримали ми від нього відомости про ріжні речі: про негоціяції царя з турецьким двором, а короля Августа в Данії і Польщі. Та особа, що була вислана російським двором до Мазепи, щоб умовляти його та підбадьорити до мужнього виступу проти нас, сама призналася, що найліпші царські війська, які були вжиті в акції проти графа Левенгаупта, разом взяті, так потерпіли, що вони й за два роки не підправляться[208].

Звернення І. С. Мазепи до простолюддя та старшин

№ 232

1708, листопада 10.

Універсал гетьмана І. С. Мазепи до українського народу (реконструкція головних тез за джерелами 1708 р.)

«…о Московской ку отчизнѣ матцѣ нашой злости и ненависти стягаючойся. Так же бы оной не запропастити и в работу тиранскую и вѣчное неволничье завладѣние ненаситству Московскому не подати, обшем охоронити и оборонити при всей цѣлости от того ж московского налогу разсудили и уважили (…) за общим согласием и с полною обрадою з панами енералными особами полковниками и инною войсковою старшиною, удатися под протекцию, опеку и оборону до найяснѣйших королей их милостей шведского и полского, которие (…) прирекли своим королевским словом, совѣстию християнскою потвердили и писмами своими упевными не тилко войско Запорозкое и народ малороссийский от московского тиранского ярма уволнити, леч и при стародавных правах и волностях заховати».

«Москва (…) нашому народови малороссийскому завше ненавистна издавна в замыслах своих постановила злосливых народ наш до згубы приводити» [*«А при том же обширном унѣверсалѣ Вашом рейментарском и особливый вашоеж велможности одобралисмо лист, виражаючий вражду и злость московскую, которая здавна хитре на отчизну матку нашу, дабы оную во область и завладѣние себѣ взяти, умышляет, и одобравши, в городах украинних своих людей осадити желает, а нашим людем малороссийским незносние и нестерпимие здирства и знищенье, починивши и зрабовавши в Московщину загнати на вѣчное тяжкое неволничое мордерство тщится»*].

[207] Там само. — С. 6–8 (Sekreteraren vid Carl XII: s Fältkansli losias Cederhielms bref tilt sin broder Germund, K. K. D., Lund, 1912, VI. P. 156–159).

[208] Там само. — С. 10–11 (P. 159).

«Москва (…) городы знищивши, почала в свою областъ приводити и обирати и поработивши, з мѣст выганяти и в Московщину заганяти».

«…хотѣли под сей военный час, Его Царского Пресвѣтлаго Величества указом, воевод и кабаки в наши малороссійскіе городы впровадити».

«…он (Мазепа. — Упорядник) мѣл от двору Царского Пресвѣтлого Величества перестороги, же хотят его всю старшину енералъную и полковников в руки прибрати и в неволю запровадити, а козаков в драгуны и салдаты устроити, народ засъ посполитый поработити, албо за Волгу загнати, а наш край великороссійскими людми осадити».

«…о посилках войск наших на службу манаршую намѣняет, тлумачачи прохирно, бутто для згубы и уменшеня народу нашого тое дѣется».

«…генерал римского и россійского государства князъ, его милостъ Александр Данилович Меншиков (…), такъже его милостъ кіевскій воевода князъ Дмитрій Михайлович Голицин з полками, бутто для якогосъ промыслу над ним змѣнником, поход свой з войском отправовали».

«…для того он измѣнил, же войска московскіе не военные и от шведа утѣкаючіе».

«Мазепа во свидѣтелъство небо и землю и на суд Бога Всемогущого призывает, будто он для добра отчизны нашей, а не для своих приват тую измѣну учинил и до шведа удалсяъ».

«…нам от Их Царского Пресвѣтлого Величества нѣгды даннія обѣтница не додержана».

«Его Царское Пресвѣтлое Величество ему Мазепѣ во всѣх полках компанѣю указал чинити».

«…всюда кредит россійскаго народа страчен от незадержаня трактатов и данных обѣтниц».

«…о жонах и дѣтех(вбитих у Батурині. — Упорядник), огвалтованю паніем и о инном».

«…кленется, будьто для общей ползы народа малороссийского и содержания волностей их и чтоб оному не быть ни под нашею, ни под полскою властию, но содержатися особливо свободному, в чем будьто ему от короля шведского обещание дано» [209].

№ 233

1708, листопада 15.

Універсал гетьмана І. С. Мазепи Веркіївській сотні Ніжинського полку про заборону виконувати накази Москви і не йти на підмогу гарнізону Ніжинської фортеці

Іван Мазепа, гетман и кавалер Войск Запорожских.

Вамъ, пану сотникови веркѣевскому, атаманови городовому, и войтови тамошнему, и всѣм старшим и меншим войсковым и посполитим тоей сотнѣ обывателем, зичачи доброго от Господа Бога здоровя, сым писаніем нашим ознаймуем, иж дойшло нам вѣдати, же головный всѣм нам ворог, Москва, в Нѣжинѣ зостаючая, повелѣвает вам своими указами и примушает циле, чтоб есте ишли до фортеци Нѣжинской в осаду, зачим перестерегаем вас, а ораз пилно и приказуем, абысте жадных московских указов не слухали, на прелести их не склонялися и у осаду помянутой фортеци Нѣжинской не ишли, жебысте в оной з головами и худобами не пропали, кгдиж мы вскорѣ при помощи Божой и при помощи короля его милости шведскаго, з данними нам от его ж величества войсками, не тилко около тоей Нѣжинской московской фортеци, леч около всѣх будучих в Малой России московских фортец, промисл чинити хочем, а вѣдайте вы всѣ тое, что Москва, зостаючим в Нѣжинѣ войском своим, не может дати одсѣчи, понеже и сама к своим границам от войск шведских уступает, оставивши нас и Малую Россию безоборонную и безпомощную, да и тое всѣм вам явно ест, же тая Нѣжинская московская фортеца цилому полку Нѣжинскому тяжкая, на сердцу болючиа, а так повторе перестерегаем и напомѣнаем вас, абысте жадним московским указом не повыновалися и оных не слухали, также и до фортеци Нѣжинской в осаду не ходилися, леч по прежнему на своих осѣдлостях мешкаючи, были певни цилости, рейментарским словом и христианскою совѣстию обнадеживаем и поручаем их же в сохраненіе Господу Богу.

Дан в Батуринѣ, ноевр: 15. Року 1708.

Звиш менованний гетман, рукою власною.

На звороті зазначено: В сотню Веркиевскую[210].

[209] 1708, грудня 8. — Лебедин. — Універсал гетьмана І. Скоропадського про вірністъ українців російському царю // Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. — С. 336–342; 1708, листопада 24. — З Коша. — Відповідъ кошового отамана К. Гордієнка гетъману І. Мазепі про бажання низового війська бути під покровителъством шведського та польського королів (*виділено курсивом*) // Інститут рукопису НБУВ. — Ф. VIII. — Спр. 1784. — Арк. 29–30 зв; Мазепа: к истории предательства. Документы: № 50. Грамота Петра I малороссийскому народу об измене И. С. Мазепы и его намерении отдать Украину польскому королю С. Лещинскому (**виділено півжирним шрифтом**) // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1709 г. Д. 14. Л. 7. Печатный экземпляр [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-50-1709-gramota-petra-i-malorossiyskomu-narodu-ob-izmene-mazepy.

[210] Універсали Івана Мазепи (1687–1709) / Упорядкування І. Бутича, В. Ринсевича. — Київ-Львів : НТШ, 2006. — Ч. ІІ. — С. 413 (ЦДІАК України. — Ф. КМФ-7. — Оп. 1. — Спр. 2002. Фотокопія з оригіналу).

№ 234

1708, листопада 19.

Наказ гетьмана І. С. Мазепи опошнянській старшині прибути в Гадяч

Іван Мазепа, гетман и кавалер Войск Запорозких.

Вам, пп. сотником наказним опошнянским, атаманови городовому и войтови тамошнему, пилно сым писанем нашим приказуем, абысте за одобранием оного зараз прибували до нас в Гадяч для певных дѣл, тое и повторе пилно вам приказавши, поручаем их же в сохраненіе Господу Богу.

Дан в Гадячом, ноевр: 19. Року 1708.

Звишъменованный гетман, рукою власною.

На звороті написано: В Опошнее[211].

№ 235

1708, листопада 20. — Гадяч.

Лист гетьмана І. С. Мазепи до полтавського полковника І. П. Левенця з проханням вжити заходів для оборони території полку від наступу московського війська та слобідських полків

В письме к полтавскому полковнику изменника Мазепы ноября 20-го дня, 1708 году написано.

Мой вельцеласкавый пане полковнику полтавский.

Немей и мы того есм вдячни, же ваша милость горливую к обороне отчизны своей от тыранского московского ярма заховуеш в сердцу своем постоянство, последуя славной памяти небожчика отца своего стопам, который всегда мужественно за вольности войсковые и целость отчизны застановлялся. Уневерсал, вкратце то тилко вописавши кривды и тягости наши, послалисмо до вас, а вскоре пришлем вашей милости обширнейший уневерсал наш, з которого ваша милость выразумееш, якие нам Москва чинила прикрості и разорения ці се около нас замышляла и якое намерила была на вольный наш малоросійской народ тиранского своего пoнованя іго вложити, и если бы смо не мели от зычливых нам приятелей блиских двору и советов царсьсих перестроги и не удалисмо под непреберимую протекцыю наяснейшаго короля его милости швецкого з генеральнымі особами, полковниками и іншеею Войска Запорожского старшіною и чернью, то певне бы те свои враждебныи около нас замисл сеею бым ісполнился.

А же полки слобоцкіе с Москвою белогородскою надеется в поготовості с таким намерением, жебы на городы полку Полтавского наступовати, теды есть ли бы было якое от тоей стороны на полк вашим милостям наступство, то только сим і способом старатіметь старайся ваша милость над оными чинити промысл. Ам прикажем пану полковникові миргородскому, на сей час при боку нашем застаючому, дабы с товарьпцство в полку своего совокупивши, вшелякую чинил вашей милости помощь. И если бы было наступство неприятельское, теды абы, случившись с полком вашей милости, недопускалисте городов полтавских в разорение, тое ознаймивши, зычим вашей милости доброго от Господа Бога здоровія.

Из Гадячого ноемврія 20, 1708 года.

Вашей милості зычливый приятел Іван Мазепа, гетман Войск Запорожских[212].

№ 236

1708, листопада 23. — Ромни.

Лист гетьмана І. С. Мазепи до полтавського полковника І. П. Левенця з повідомленням про успіхи шведів та проханням не піддаватися на московські агітаційні провокації і дочекатися приходу підмоги

Список с письма изменника Мазепы к полковнику полтавскому, писанного из Ромна ноября в 23 день.

Пусть то вашей милости і всему полку тамошнему Полтавскому не будет в подивленье, что мы для певных, пилных і вельми нужных дел, до целости отчизны нашей малоросійской стягаючихся, по указу наяснейшаго короля его милости шведцкого из Гадяча на время до Рамны съехали, откуду попрежнему управивши, что надлежит, вскоре повернемся до Гадяча, а ваша милость, яко перед сим в верности, жычливости и горливости к отчизне, матце нашей, заставал, так и ныне, не уводячися жадными хітрыми прелестми московскими, хотя оную непорочно сохранити, и народ тамошнії всячески утверждай, чтоб ни в чем Москве не верили, ижд бы так и в полку вашей милости, как в Лубенском, уведши людей бедных природным себе ошуканством и шалберством, не учинился.

Когда певное число войска московского, всунувшися в городок Смелое бутто для обороны оного, от которого и Александр Данилович недалеко ж найдовался разстояни, і со всеми своими войсками, лечь кгды войска сільные короля его милости шведцкого туда почали наступати в малом числе, теды помянутой Александр Данилович, ломя голову утечкою спался і забегл, гдесь безвести, чи в полки слобоцкие, чили на іншие где места в границу московскую, а та москва, что в Смелом была, забравши всех людей тамошних, як быдло, з женами и з детми, погнала в Московщину до Курска, что сталось в прошлый понеделок, а до того ваша милость может отвагу и мужество московское (в которых не потреба целком жадной надеи покладати), іж том разсудити, что войска швецкие в двусотном своіх людей числе в прошлую субботу напавши на генерала Рена, под которого командою под 4000 было москвы, не только их разгромили, с поля збили, але аж до Корибутова гнал и на целую милю земля трупом московским услали, такая

[211] Там само. — С. 414 (ЦДІАК України. — Ф. КМФ-7. — Оп. 1. — Спр. 2004. Фотокопія з оригіналу).

[212] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — С. 273–274 (Архив СпбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 74. Л. 1–2. Копия XVIII в.).

то их отвага мочно прото всякому горливому отчизне малоросійской сынове разсудити тое, же Москва не бороняти нас всей край уторгнула лечь руйновати и народ малоросійской искореняти, для чого хоти ваша милость стале і статечне за целость отчизны, прав і вольностей войсковых застоновлятися и людей утвержати, чтоб были постоянны и ничего не обовлялися, поневаж для защищения того полку войска короля его милости шведцкого будут там вскоре у ваших милостей. То вашей милости объявив, ему ж зычим доброго от Господа Бога здоровя.

Вашей милости зычливый приятель, Іван Мазепа гетман рукою власною.

В цыдуле написано:

В 1.

Дивуемся вельце, что ваша милость плута Івана Ивановича и іных кревних Кочюбеевских, его единомышленников, не хочешь поскромити, зачем приказуем вашей милости, чтоб его, Івановича, в кайданы взявши, держал до указу нашего в крепком везенью, також и тех, которые б народ смущали, до тюремного вязенья брал, а иных виннешних на пострах иншим казал повешати.

Во 2.

Каленика Левченка, жителя сумского, же ваша милость удержалесь, слушно учинил, те естли и впред якие слобод люди прийти имут в полк Полтавский, кажи оных удерживать, и естли без того обойтітца не может, теды кажи того Левченка на пострах іншим повесити, жебы впред нихто не важился народа до враждебной москвы прельщати[213].

№ 237

1709, кінець лютого.

Універсал І. С. Мазепи до жителів України

Цим нашим універсалом ми вказали кожному, кого це стосується, щоб знали, а особливо Полтавському полку, усякому стану і достоїнству, духівництву, військовим і звичайним мешканцям, що хоч ми в попередніх наших універсалах прояснили і вказали цілковито всі підстави, через які ми підемо з нікчемної, несприятливої московітської протекції, на яку ніколи не можна покластися, під захист Найяснішого Короля Швеції, попросили у Його Величності до Вітчизни нашої такого великого милосердя, щоб облишивши свій справедливий гнів, який він мав щодо нашого народу як до московітських підданих із-за багатьох збитків і спустошень, вчинених нашими вояками в кордонах Інфляндії, щоб він не тільки нам пробачив навіки все що було спалене, насильно викрадене, бо з-за болісного насильства [над] безневинними жінками і дівчатами і незлічених грабунків серце його Королівської Величності загорілося гнівом і однаковою мірою запалало [жагою] відплати по відношенню до нашої Вітчизни, але [щоб він] нас, Вождя, воїнів запорозьких і всю досвідчену раду Малої Росії, уярмлених московітською тиранією, удостоїв прийняти у свій нездоланний захист і пообіцяв захищати нашу Вітчизну своїми надломленими силами, допоки вона не повернеться до тих давніх законів і свобод, які були, коли урядував вічної пам'яті Богдан Хмельницький.

І хоч ми також проголосили в тих згаданих вище універсалах, яких великих втрат зазнали наша улюблена Вітчизна, закони, свободи, військо від тих неприхильних до нас і завжди нам ворожих московітів, які взагалі хотіли під іменем і протекцією удаваного захисту отримати нашу Державу у власність, простий народ віддати в рабство, спорудити свої військові табори, ім'я вояків Запорозьких ганьбити, Козаків перетворювати на драгунів і солдат, саме Запоріжжя повністю зруйнувати, або, вигнавши звідти вояків і наших братів, поставити своїх москалів. Проте ми виводимо ці спостереження і попередні твердження, що виникають з полум'яної любові до Вітчизни, які не тільки одностайно в очах усіх не немилість, [не тільки] питають [у них за] спустошення і не дотримання батьківське, а [вони] у [цьому] місці вияв милості, тому що ми врятували нашу Вітчизну від вогню і меча шведського, і ми скаржимося, що це нерозумне лихослів'я, що ми хочемо її звільнити від московського рабства, ослабивши сили Найяснішого Короля Швеції.

Отже, нехай розсудить навіть найнерозумніший з людей, яким чином нас захищали москалі, коли вони самі себе не можуть захистити, адже від початку цієї війни вони завжди втікають і ніяким чином не можуть протистояти шведським воїнам попри свої великі сили. Нехай побачить кожний слабкість московську і сміливість шведську із сутички, яка була під Нарвою і з отриманої там перемоги над москалями, коли Король Шведський вісьмома тисячами своїх вояків знищив понад сімдесят тисяч москалів, отримав незлічені скарби і всі гармати. Нехай зрозуміє кожна людина, що якщо москалі не могли нічого, нічого зробити шведам в цей час, коли піднялися Король Данії і Король Август, та [інші], які зібралися проти найяснішого короля Швеції, він почав вести дуже важку війну зі стількома мужами Данії, Саксонії, Польщі, Литви і московськими прибічниками, усім цим мужам його Королівська Величність, маючи в цей час набагато меншу кількість своїх воїнів, не тільки сміливо протистояв, але й Короля Данії так принизив, що той був змушений просити мир через інших Монархів і, облишивши війну, залишатися бездіяльним. Короля Августа він вигнав із Польщі і зняв з його голови королівську корону. Навіть москалів, коли Саксонія пройшла, Король сам погнав аж до їх власних земель, прагнучи з ними генеральної битви. Де ж саме москалі чекали на шведів, чи вони змогли не пустити [їх] через таку велику воду в Польщу, в Литву і сюди в Україну, і чи не могли вони раніше захистити полк в Охтирці від спалення і розграбування,

[213] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — С. 274–276 (Архив СпбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 75. Л. 1–2 об. Копия XVIII в.).

де їх самих погублені тіла лежали, наче ліс, спочатку під Охтиркою, в Краснокутську, в Городні й за Городнею в Олешні та в інших місцях. Кожна недовірлива людино, ти або подивись своїми очима, або запитай у людей, які там живуть, і точно був би найясніший Король Швеції в самому місті Бєлгороді, хоч мав із собою мало людей, бо більше ніж сім тисяч вояків не було, якби тоді [весняним паводком] не було зруйновано дорогу і не було великої води. Бо ми пам'ятаємо багато перемог в різних місцях в Стародубському полку, проїжджаючи Десну в Мезині, під Хмельовим, під Смілим, у Липові, у Липовій Долині, у Гирявці, у Веприку, у Груні, в Опішні, у Котельві, одержаних шведськими вояками над москалями. Сам цар перший з ганьбою утік з-під Гадяча з усіма своїми мужами тільки від трьох тисяч шведських воїнів, які поспішали з найяснішим королем із Ромен, і тільки що з-під Охтирки від семи тисяч з незліченною кількістю [вояків].

Що нам лишається при такій великій шведській відвазі, [як не те], щоб ми всі, як один, стали на захист наших законів і свобод, котрі втрачаємо під москалями, і самі від них загинемо, якщо не будемо триматися захисту Шведської Королівської Величності. Ніхто цьому не здивується, що задля збереження Вітчизни нашої і всього народу ми отримаємо і ту свободу від тиранського московітського ярма під протекцією і захистом найяснішого короля Швеції, тому що ми не перший покажемо приклад і не новий серед запорозьких вояків, бо і вічної пам'яті Богдан Хмельницький, коли виходив з-під польської субдикції, не тільки приводив собі на допомогу проти поляків невірних Атаманських (оттоманських; тут — татарських. — Ольга Циганок) мужів, але й просив також допомоги у найяснішого Короля Швеції, діда теперішнього Короля, завжди був з ним заодно і часто посилав до нього багатьох своїх послів, думав з ним у цій війні одне і посилав до Короля Швеції на допомогу проти поляків біля Любліна київського полковника Антіна [Ждановича]. Якщо самому вічної пам'яті Богдану Хмельницькому можна було залишатися під протекцією невірних і навіть шукати у них для себе й усіх запорозьких воїнів допомоги, якщо також іншим Вождям — Виговському, Тетері, Дорошенку [можна було це робити], чому тільки нам не можна шукати допомоги і просити захисту у Християнського Монарха найяснішого Короля Швеції задля визволення Вітчизни нашої та усіх Запорозьких вояків від московітського ярма, від якого якщо тільки нас не звільнять, напевно, напевно вже занапастимо нашу Вітчизну, і самі загинемо, прив'язані до ярма московітського рабства. І не буде жодної іншої причини цього нещастя, як тільки ваша непокора і відсутність згоди, що не хочете думати одне. Можливо, ви самі бачите, що москалі нас не захищають, а тільки спалюють, спустошують, вбивають, хоч ви їх тримаєтесь і поклали на свою шию ярмо, не розуміючи, що вже давно б гинули від шведського вогню і меча, якщо задля спільного блага й з-за мене самого ми б не поспішили за Десну з пошаною до Королівської Величності. Тому ми заохочуємо цим останнім універсалом вас, хоч ви і викликаєте співчуття, щоб заради себе самих, жінок і дітей своїх, не віддали себе у московське рабство і щоб поневолені через це самі не загинули від шведських вояків, і нам Вождеві будьте покірні так як раніше, і ми, вірні, ми все зробимо з цього Християнською домовленістю і словом Вождя так, що навіть волосина не впаде з голови вашої від шведських вояків, тільки єдине, щоб ви сиділи вдома і не втікали в ліси з-за провіанту, щоб давали [його] тим воїнам, без цього жодні воїни у цілому світі не зможуть утриматися, я знаю дуже точно, що зі шведських володінь хліба сюди не привезуть, і коли ви довідаєтесь те, що тут [викладено], молимо у Господа Бога порятунку і залишатися у спокої.

ВИЩЕ НАЗВАНИЙ ВОЖДЬ[214].

Перехоплена росіянами кореспонденція

№ 238

1708, жовтня 30. — Дігтярівка.

Лист І. Мазепи стародубському полковнику І. І. Скоропадському про причини переходу на бік шведського короля (виявлений під час затримання посланця)

Мой ласкавый пріятелъ, пане полковнику стародубовскій!

Нехай тое будет Вмти вѣдомо, иж мы, гетман, видячи Отчизну нашу малороссійскую до крайней уже приходячую згубы, когда враждебная нам здавна потенціа московская тое, что от многих лѣт в всезлобном своем намѣреніи положила, тепер, з упадком послѣдним прав и волностей наших, почала приводити в скуток, кгди без жадного о том з нами согласія зачала городи малороссійскіе в свого областъ отбирати, людий наших з оних повигонявши, порабованих и до конца знищеных, своими войсками осажувати; и нехай бы то чинили в полку Стародубском, Чернѣговском и Нѣжинском, мѣючи измышляючи з врожоной своей хитрости лживые причины, будто для обороны от наступленія войск шведских тое чинят, лечь и около далних городов, куда войска шведскіе никогда не мыслят наступати, заходилися уже были, кгды до Полтавы два полки з Бѣлагорода ординовано; а и над иншими городами тое ж бы власне виполнилося, если бы мы з обыклой нашой ку Отчизнѣ малороссійской горливости тому их, злому

[214] Невідомий універсал Мазепи зі шведської бібліотеки (публікація та коментарі О. Дубини, переклад з латинської О. Циганок) // Сіверянський літопис. — 2009. — № 6. — С. 5–7 (Uppsala universitetsbibliotek. Handskriftsenheten. — F. 103. — Handlingar till Sveriges politiska historia, 1704–1709. — Pärm F 103. — Häfte 1708. — Dokument 25. — s. 272–273. — Uppsala, Sverige).

намѣренію не запобѣгли. А до того не тилко от зычливых пріятелей мѣючи тайные перестороги, леч и самы тое явными доводами видячи и совершенно вѣдаючи, же нас, гетмана, енералную старшину полковников и увесъ Войска Запорожского начал, врожоными своими прелестми, хотят к рукам прибрати, в тиранскую свою неволю запровадити, а имя Войска Запорожского згладити, а козаков в дракгонію и солдати повернути, народ зась малороссійский вѣчне себѣ поработити. И если бы не господь помогл нам от тыранских их руки избѣгти, то певне бы тое их намѣреніе непріязненное свой одобрало скуток. Кгдиж не для чого иншого Александр Меншиков и князь Димитрій Михайлович Голицын з войсками своими к нам поспѣшали, не для чого иншого прелестми своими, перш з войском, а потом самого з старшиною до обозов своих московских вабили тылко, же бы нас всѣх могли забрати в тяжкую неволю, а, не дай Боже, и на тиранскіе муки. Надто видячи и тое, же потенція московская безсилная и не военная, бѣгствам всегда от непреборимых войск шведских спасаючися, не боронити нас сюда от наступления тых же войск шведских убѣгла, леч огнем, рабунками и не милосердным мордерством руйновати и городи в свою областъ отбырати пришла, удалисмося за согласіем и общим з панами енералними особами, полковниками и всею Войска Запорожского старшиною постановленьем в непреборимую найяснѣйшого короля его милости, шведскую протекцію, мѣючи в Бозѣ всемогущом, едином, обидимих заступнику, любящему правду и ненавидящему лжу, непостидную надежду, же Отчизну нашу малороссійскую и Войско Запорожское Его Королевское Величество всегда щасливым своим и непобѣдимым оружіем от того московского тыранского ига оборонит, уволнит и отнятіе нам права и волности, не тилко привернет, леч з общою ползою и з несмертелною в потомних вѣк Войска Запорожского славою умножит и разширит; в чом нас и королевским своим, никогда не отмѣняющимся словом, и данною на писмѣ ассекураціею упевнил и утвердил. За чим и в. мть, яко естесъ правдивый Отчизны своей сын, не зичачи оной крайней погибели, знищенія и руины, берись до единого з нами всѣми согласія и до сполной тоей ж Отчизны своей обороны; а старайся всѣми способами, но данному себѣ от Бога разуму и искуству, московское войско з Стародуба искоренити, согласившися в том з панами полковниками переяславским и нѣжинским. Певны того будучи, же потенція московская ничего не может там в. м-ти и городу Стародубу зашкодити, которая вскорѣ будет оружием Королевского Величества шведского в свои загнана границы; а если бы в. мти до искоренения того кгварнѣзону московского, в Стародуб зостаючого, столко силы и способу не имѣл, теды радим в. м-сти оттул уходити и до боку нашего в Батурин з товариством поспѣшати, же быс не попали з неповетованым жалем нашим в московские руки. О тое в. м-сти и повторе пилно жадаючи, горливостію и любовію ку отчизнѣ обовязуючи и приказуючи, ему ж зичим доброго от господа Бога здоровя.

З Дюгтирувки. Октоврія 30, року 1708.

В. М-ти зичливый пріятель Іван Мазепа, гетман и кавалер, рукою власною[215].

№ 239

1708, листопада 16. — Красний Колядин.

Наказ миргородського полковника Д. П. Апостола наказному миргородському полковникові, обозному Василю Онисимовичу бути готовим з полковим суддею і сотниками вирушити на з'єднання з гетьманом Мазепою в Гадяч, а до цього часу, якщо з'являться посланці царя і гетьмана Скоропадського з їхніми грамотами, виловлювати таких та присилати до нього

Мой велце ласковый пріятель, пане обозний полку нашого и на мѣсцу нашого зостаючий.

Отпускаючи сторожов наших до Сорочинец, ознаймуем в. милости о том, же войска шведскіе, почавши от самой Борзны, всюды по городах и селах, для защищенія отчизны нашой от наступленія московского, аж до самого Ромна постановлены на станціах, а и около Ромна в полку Лубенском стоятимут. Сам зас наяснѣйший королъ его милость шведский в Ромнѣ свою станцію имѣтимет, где и мы з ясне велможным добродѣемъ его милостію паном гетманом завтрѣшнего дня цѣле 17 числа сего месяца прибыти сподѣемся, а з откол, не обавляючися, скоро ку Гадячу ясне велможный добродѣй з десятма тисячами шведов поспѣшати будет. Зачим, яко пред тим многократне о неповѣренье жадным пліоткам в. милостю листовне упоминалисмо, так и тепер, о том же упоминаючи, пилно прекладаем, абысте прослухаючи о поворотѣ рейментарском, где обрѣтатимется, як скоро его велможност до Гадяча прибудет, так зараз в. милость з паном судією нашим и з панами сотниками для отданъя поклону ясне велможному добродѣеви его милости пану гетману туды до Гадяча приездѣте, а если бы там мѣлъ хто з грамотами государскими и нового гетмана Шкоропадского просмикатися, теды таковых ловѣте и до нас их присилайте, о том всем в. милости прекладаючи и приказуючи, Богу вас поручаем.

Дан в Красном Колядине, ноямврія 16, 1708 року.

В. милости зычливый пріатель Данило Апостол, полковник миргород: рукою власною.

На звороті зазначено: моему велце ласковому пріателеви пану Василію Онисимовичу, обозному полку нашого Миргородского и на мѣсцу нашом зостаючому, пилно, пилно и для имовѣрія певного сей лист добродийский до в. м[илости] посилаем и пилно до нас в город прибувайте з сотником по указу добродѣйском[216].

---

[215] Інститут рукопису НБУВ. — Ф. VIII. — Спр. 1771. — Арк. 1–2 (Копія з оригіналу).

[216] Універсали Івана Мазепи (1687–1709) / Упорядкування І. Бутича, В. Ринсевича. — Київ-Львів : НТШ, 2006. — Ч. II. — С. 566–567 (ЦДІАК України. — КМФ-7. — Оп. 1. — Спр. 2003. — Фотокопія з оригіналу).

№ 240

1708, початок грудня.

Перехоплений росіянами лист англійського резидента Джеймса Джеффеpіса при шведському королю Карлу XII до державного секретаря Великобританії Генріха Бойля (правдоподібно перекладений начальником артилерії Я. В. Брюсом)

Прямопочтеннейший господине. В последнем своем [письме] я объявлял милости вашей о бое, случившемся у реки Сожи между генералом Левенгауптом и москвичами, а после того времени не слышал я чтобы когда почта отпущена была из шведской армии, понеже все проходы заставлены и дороги учинены опасны и страшны от неприятельских казаков. Пятого числа сего месяца Его Величество перешел реку Десну. И де же бы с шведом многие великие противности случились, аще бы москвичи имели тамо довольную силу к супротивлению оным. И оная река была широка и имела береги крутые и к выходу на берег показалось бы невозможно иным, кроме короля шведского. Токмо вящую пользу в сем переходе Его Величество получил, что москвичи под командою генерала Шереметева у дела при добывании города Батурина, иже резиденция есть генерала Мазепы, к которому делу так устремилися, что растеряли другие авантажи. Однако ж они взяли тот город прежде, нежели Его Величество оный мог выручить, и пререзали всех жителей мечом, и сожегши оной, отошли. Також де учинили оне нам некоторую противность у преждереченной реки с 4000 пехоты. Ныне отогнаны от 800 шведов, которых число от оных токмо сперва перешло, а армея после перешла без сопротивления, отколе мы маршировали к Коробову и Новому Млыну, иде же мы перешли Сейм реку и вступили в такую землю, которой лучше я не видывал, идучи чрез разные городки. Напоследки пришли к тому месту, иде же Его Величество назначил армии зимнии квартиры, которые я по лутчему моему известию, иже мог получить, расположены сим обычаем: кавалерия — в Вороне, в Серебряном, в Прилуках, в Ысне, в Лохвидах, в Монастыре и в Конатопе; инфантерия — в местечках ближайших к неприятелю, а королевская гаупт-квартира в Ромне. Тако ж, что шведская армия ныне покрывает большую часть Украины, тою часть земли, по которой генерал Мазепа титулует себя князем. Москвичи, за небольшой частью, расположили себя на другой стороне реки Десны и Сейма в наследных московских городках, а именно: в Чернигове, в Путивле, в Крупицах, в Рыльске, в Городище, в Нежине, в Киеве, и около тех мест, а сам царь — в Глухове. От ближнего соседства с москвичами чинятся нам некоторые безупокойства и частые реконтры между их и нашими партиями, в которых наш генерал Мейерфелт и полковники Дюкер и Тауб в недавних числах означили себя.

Не могу видеть, чтоб с нашей алияциею с генералом Мазепою по нашему чаянию что делалось. Також не обретаю я, чтоб сии люди так в готовности были с нами соединиться, како мы преж сего верили, но противно оному многие, которые в начале наши партии были, ныне перешли к неприятелю. Простой народ начинает ворчать против своего генерала, понеже привел иностранныя войска в их землю. И сказывают, искать интерес панов хочет, токмо все бремя будет лежать на нас, и что нам промышлять тот провиант на армию самим надобно к разорению нашему и фамилии нашей, когда другие в такой печали. Вкратце сказать, я обретаюсь в обществе людей больше склонных к москвичам, нежели к шведам. И так то велико, что может часто збираться купами и вред нам чинить. Какое щастие, недавно посланный от генерала Мазепы в Царьград, чтоб наговорить оному двору, дабы крымские татары к нам в помощь прислали, получил еще не явлено ведомость, только опасаемся, чтоб уже москвичи не помешали, и оный великим числом денег мир купили. Прошлые ночи поехал сквозь сие место от короля шведского нарочной куриер, и я не мог подлинной никакой ведомости получить, зачем оной послан, токмо мнят, что к королю Станиславу призывать оного с своею армиею к служению с королем шведским всей земле С две недели взят в полон партиею генерал-адъютант московский, которой послан был к королю Августу с грамотками, в которых объявляет о нападении в Польшу. И сие письма для того писаны, чтоб нас поудержать, или для того, ежели правда в том есть, что сказывают, что вышеписанный король уже в Польшу вошел с несколькими тысячами человек. И том подлинно никто рассудить не может, понеже с два месяца почты в армии [нет][217].

№ 241

1709, березня 15. — Переволочна.

Лист кошового отамана К. Г. Гордієнка до польського короля з проханням підтримати козаків у їхньому повстанні проти Москви

Найяснѣйший Велможный королъ полский, нам велце пане милостивый.

Его милостъ пан Иоанн Мазепа, Войск Запорожских обоих сторон Днепра гетман и кавалер, видячи Украйну нашу милую отчизну, от московского ярма обтеженную и разоряемую, удался по благоразумию своему под всемогущую протекцию и оборону наяснѣйшаго короля шведского, хотячи оную от работи свободити и уволнити, которого приязни ку оборонѣ, он же велможный пан гетман Мазепа залецил (?) и нам Войску Запорозкому Низовому и для сполного помянутой Украйны нашой ратованъя. Яко

[217] *Ефимов С. В.* Английский шпион и мазепинская измена.Эпизод из истории Великой Северной войны (1700–1721) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции (14–16 мая 2014 года). — СПб. : ВИМАИВиВС, 2014. — Ч. II. — С. 90–93. (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 313–316).

нас Войско Запорозкое Низовое горливостъю своею и щирим сердечным желанием привабил до себе в совокупление; так пишет и до Вашой Королевской Велможности, жадаючи також и от Вашой Королевской Милости, себѣ ку оборонѣ милой отчизны нашой помощи. При такой теды окказии и мы, Войско Запорозкое Низовое, до Вашой Королевской Велможности пишем наш войсковой лист, яко наслѣдними своей отчизны, покорне просячи Велможности Вашей Королевской на споввную помощъ и ратованъе милой отчизны Украйны нашой. Не отмовте, королевская ваша велможностъ, на прошение ясневелможного пана гетмана и на наше войсковое желание, но, взявши оружие свое, приспѣшѣте до единомислного совокупления. О сие велможности Вашой Королевской Милости по стократне просячи, милостивому его ж поручаем себе призрѣнию, будучи.

Вашой Велможности Королевской, милостивому нашему во всем нижайшие слуги

Костантин Гордѣенко, атаман Кошовый Войска Запорожского Низового з товариством.

З Переволочной, марта 15, року 1709.

Копия с подлинника[218].

Штурм Батурина

№ 242

1708, жовтня 5.

З указу Петра І Б. П. Шереметєву про склад корпусу О. Д. Меншикова, що прямував до гетьманської столиці

(…) А от нас господин генерал князь Меншиков с 14 полками пошел чрез Гомель в черкаския ж городы для надежды гетману и отпору непринтелю. А мы с 3 конными и с 3 пехотными йдем к Смоленску, ведучи с собою всех полков раненых, також и взятых от неприятеля.

Петр.

Из Кадина в 5 день октября 1708 году[219].

№ 243

1708, жовтня 30.

Свідчення сердюка Тимофія Семенова на допиті у Посольській похідній канцелярії про гарнізон Батуринської фортеці

1708го октября в 30 де[нь] присланной в Посолскую походную канцелярию от г[о]с[по]дина фелтмаршала сердюк гетманской в роспросе сказал.

Полку де он сердюцкого Максимова, Тимофеем зовут Семенов. А полк их ныне с прочими тремя сердюцкими ж, Чечелевым, Покотиловым, Денисовым, полками в Батурине, где и он, Тимофей, был. И в прошлую среду отпросился он у полковника своего наказного съездить в местечко Воронеж для взятья долгу своего на тамошних жителех. И когда он того ж дня приехал в Воронеж, и был у сотника тамошняго, прося ево о своем долгу на тех людей, кто ему винен, чтоб велел ему тот долг им отдать.

И сотник ему, сердюку, сказал, что того долгу искать ему н[ы]не трудно, понеже все жители тамошние от приближения неприятелского потревожили[ь] и со всеми пожитками в домах своих убрали. И того ж де дня он, сотник, поехал из Воронежа к фелтмаршалу и кавалеру Борису Петровичю Шереметеву, а ему, сердюку, велел ждать возращения своего паки в Воронеж. И как де вчерашняго вечера приехал ввечеру отсюду назад он, сотник, и, призвав ево, сердюка, говорил: для чего де он из Батурина приехал к ним под такой час, что люди от приходу неприятелского смутились, да и гетман де Мазепа, изменя великому г[о]с[у]д[а]рю, отъехал к шведу ж; и приказал ему наложить на ноги колодку и послал к господину фелтмаршалу Борису Петровичю. А о той де гетманской измене он, сердюк, не знал и, будучи в Батурине и в Воронеже, ни от кого не слыхал. А в Батурине де н[ы]не войска четыре вышеписанные сердюцкие да три городовые полка — Прилуцкой, Лубенской и Миргородцкой, в которых полках людей будет: в сердюцких тысячи две, а в городовых с четыре тысячи ч[е]л[о]в[е]к, которые все в замку обретаются. А командирами в том городе полковник сердюцкой Чечел[ь] да ясаул артилерии Фридерик Кениксек да батуринской сотник Нестеренко. И по тем раскатам поставлены пушки. А о московских де людех в Батурине никаких противных слов он от тамошних жителей и от войска не слыхал, токмо говорят, что от швецкого приходу тот город таким великим числом осажен. А как де приезжал к Батурину светлейший кн[я]зь Александр Данилович[ь], и он, сердюк, в то время в замку не был: ездил на поле по сено; и для чего ево в замок не пустили, о том не знает[220].

[218] Інститут рукопису НБУВ. — Ф. VIII. — Спр. 1796. — Арк. 55–55 зв.

[219] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т. I. — С. 401 (РГАДА, Каб., П. В., отд. I, кн. 23, л. 172 и об. Черновик).

[220] Полтавская битва 27 июня 1709 года: Док. и материалы / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский; сост.: Е. Е. Рычаловский, А. Б. Плотников, Т. А. Лаптева, О. А. Курбатов, П. И. Прудовский. — М. : РОССПЭН, 2011. — С. 185 (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 54. Л. 22–23 об. Подлинник).

№ 244

1708, листопада 2. — Батурин.

Охоронна грамота Федору Стожку від О. Д. Меншикова

Сим объявляем Его царскаго величества Войска Запорожскаго господам полковникам, есаулам и сотникам и протчей старшине и всему народу малороссийскому. Понеже после измены бывшаго гетмана и крестопреступника Ивана Мазепы, по ево воровскому возмущению, сообщники его Дмитрей Чечел и Фридрик Кеныксен и протчие подобние им сотники и есаулы с сердюками и с некоторыми городовими и со всею батуринскою черню, засев в Батурине и укрепляясь воинским обычаем, Его царскаго величества великороссийских войск, по указу Его великаго государя, в Батурин не пустили и по оным войскам из Батурина из пушек и из ружжа стреляли; чему объявитель сего, кролевецкий житель Федор Данилович Стожок, самовидец, ибо при том времяни в оной крепости был и оных воров от напрасна о христианскаго кровопролития унимал, за что принужден был от них, воров, не малой терпети страх и был прикован к пушке, и за то Его царское величество милостиво пожаловать указали его, отпустить в дом свой, которой отпуск прямим делом исполнил и чтоб каждой ему в том верил, того ради сей лист рукою и печатью нашеею утвердили. Дано в Батурине ноября 2-го, 1708-м году.

В подлинном подпись таков Александр Менщиков.

С подленнаго княжого листа списал и сводил полку Прилуцкого козак Герасим Кораблиов[221].

№ 245

1708, листопада 6. — Глухів.

З указу Петра I українському народу (про взяття гетьманської столиці)

…Также он, изменник Мазепа, пошед к шведу, оставил в городе Батурине сердюцкого полковника Чечеля да немчина Фридриха Кониксека и с ними несколко полков сердюцких, да из городовых полков немалое число казаков в гварнизоне и, подкупя их деньгами, приказал им наших царского величества ратных людей не впускать, в том намерении, дабы тот город и в нем обретающиися войска Запорожского великой пушечной снаряд королю шведскому со многим числом пороху и свинцу и инных припасов отдать, дабы он тем против нас воевать и Малоросийской край поработить мог. Что мы, уведав, отправили к тому городу генерала нашего от кавалерии князя Меншикова с частью войска, которой, пришед ко оному, посылал неоднократно от себя с нашим, великого государа, указом к помянутому полковнику Чечелю и Фридриху и ко всему гарнизону говорить, чтоб они войска наши в тот город впустили доброволно, без всякого супротивления, объявляя им измену Мазепину. Но они, по наущению помянутаго изменника Мазепы, слушать того не похотели и по наших царского величества войсках стреляли. Того ради вышеписанной генерал наш князь Меншиков, по нашему указу, учинил к тому городу приступ и оной, милостию Божиею, приступом взял. И те єдиномышленники Мазепины, за учиненную нам, великому государю, противность и измену, восприимут достойную казнь[222].

№ 246

1708, листопад-грудень.

Перехоплений шведами лист російського свідка облоги та штурму Батурина

В прошлом октябре месяце вор изменник бывшей гетман Мазепа по уходе своем к королю швецкому, своим сердюкам и кампанейцам и нескольким городовым [казакам] в Батуринской фартеции засесть и укрепитца велел с таким определением, ежели наступят войска Царскаго Величества, дабы по всякой возможности против оных противились и держались до тех мест, пока он с самим швецким королем на сикурс к ним будет.

И во втором числе того ж октября месяца по указу Его Царскаго Величества мы с 3000 ковалерии и с тремя полками инфантерии оную крепость осадили. И того ж дня к седящим во оной ворам писали указом Царскаго Величества, дабы нас в крепость пустили. На что они, воры, отвещали, что будут держатца до последняго человека, а в город не пустят. И когда мы с войском к реке приближились, тогда они выслали ис крепости 6 пушек и поставили над рекою для защищения мосту, которой прежде нашего приходу был у них розмётан. Чего ради мы, ниже тех мостов, в дву лотках своих людей перевозить стали, что видя они, воры, тотчас и с пушками в город побежали, и нам мост очистили, которой мы направя, и об ночь всё войско за реку в место переправили. И того ж числа около полуночи выслали они ис крепости писмо, в котором писано, дабы их из города выпустить со всеми припасами и в том бы дать им сроку на три дни. И на то свое писмо не дождавшись отповеди, по утру, то есть в 1 день сего месяца октября стали из города по нашей гоупт квартире чрез реку також и по войскам при нас будучим, а на тот час близ места стоящим, ис пушек бить, не видя никакого от нас действа, ни к тому начинания.

Также предместье кругом города всё зажгли, однако ж мы своих людей в предместье, хотя с трудом, ввели и некоторые пожары затишили, и близ города в домах засесть приказали. И того ж числа по полудни, в 4 часах в некотором удобном месте построя батарею, оную фартецию бомбандировать начали.

А по наступлении ночи, изготовя фашины и лесницы, к штурму изготовились. А имянно господину генералу-маэору Волконскому подле ворот правую сторону, полковнику Анненкову сзади от реки взвоз идти приказали, а с левой стороны для тревоги 200 человек татар засели, дабы оные пред штюрмом тревогу и крик и стрельбу учинили, чтоб те

[221] Черниговские губернские ведомости. — 1850. — Часть неоф. — № 51. — С. 468–469.

[222] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1948. — Т. 8. — Выпуск I. — С. 277–278.

из той мест, кой мы штюрмовать намерились, людей отманить. И таким образом, во 2 день по полуночи,о 6 часах, когда сзади чрез татар учинилась тревога, тогда болшая часть их воров, на тое тревогу пошли. А тем времянем наши з дву сторон штурмовать начали. И понеже лесницы были коротки, то и без лесницы, с помощию Божиею, на город чрез немалую стрельбу вступили. По двучасном огню оную фартецию взяли, в которой воров многих побили, а достальных живьем побрали, между которыми и старшин — войсковой подобозной Фридрик Кенексек и сотник також, и атаман[ы] батуринские, и иные знатные и[з] старшин.

И таким образом, чрез помощь Божию, щастием же преславного оружия Царскаго Величества, сия воровская кампания в конец разорена. В той же фартецыи взяли пушек медных *(Далее пробел и на полях в фигурных скобках под знаком вставки написано:* «Сколько числом имянно, не написано») да мазепин багаж, и людей, и конюшню его, и з 2000 лошадей. Взятые старшина сказали, что за день до штурму прислан к ним указ от швецкаго короля и от Мазепы, чтоб по крайней возможности держались и были б все надёжны, что они со всею швецкою потугою их секундовать идут. И тот указ читан у них по извычаю всему войску и потому де указу они учинили[223].

№ 247

1708, листопад.

Штурм Батурина, описаний у книзі Д. Дефо, який використав записки британського офіцера на російській службі

Тут нужно заметить, что мятежник Мазепа вызвал жесткое давление царя на казаков. Они испугались его преследований и Мазепа не мог привести с собой, как обещал, к своему новому союзнику королю Швеции то количество людей, с помощью которого партиями и набегами мог бы прервать всё снабжение продовольствием армии царя на московской стороне и опустошить дальнюю и ближнюю местность в соответствии с распоряжением шведского короля.

Для наказания за такое предательство, князь Меншиков пошёл на восточную сторону Украины с 24000 пехоты и 6000 кавалерии, чтобы заставить большую часть казаков той стороны вернуться к присяге и стал приближаться к Батурину, резиденции Мазепы, которую тот укрепил, насколько позволяло место и время. Мазепа во исполнение своего замысла, разместил там 6000 казаков, смелых, твердых и решительных людей, которые, кроме всего прочего, были очень хорошо снабжены всем необходимым для его обороны. Князь, несмотря ни на что, сразу подступил к замку и сходу тут же атаковал его в шведской манере. Он не мог терять времени, чтобы соблюдать все необходимые правила долгой осады. Соорудив с помощью множества людей за два дня три батареи, он открыл такой жестокий огонь, что за одну ночь и день пробил достаточную брешь. Её нельзя было назвать настоящей в полном инженерном смысле, но она позволяла начать штурм. Гарнизон защищал себя с большим упорством и перебил во рву множество московитов. Но русские всё напирали и вдохновленные присутствием своих командиров, впали в такую ярость, да к тому же были в таком количестве, что ворвались в замок с мечом в руках и перебили всех, как сказано выше, 6000 казаков-изменников, в куски, не дав никому из них пощады. Это было отчасти справедливым воздаянием не только к тем, кто пошел на предательство и мятеж, но и как устрашение для остальных, кто показал некую склонность к мятежникам. Это же привело к разграблению замка солдатами.

На этом последствия экзекуции не окончились, она сильно устрашила других казаков поднимать бунт в пользу шведского короля, что было намерением всей их нации. Кроме того, она уменьшила армию шведского короля на 6000, а эти 6000 были частью тех 10000, что присоединились с их гетманом к шведам.

После взятия этого замка, произошедшем в виду всей Шведской армии, находившейся рядом за р.Десной, через которую, однако, у шведов не было моста, после этого, я повторяю, русский генерал полностью покончил с недовольством казаков. Объявив измену Мазепы и приказав повесить его манекен, он велел собрать весь казацкий корпус и выбрать другого начальника или гетмана, что и было совершено при шумном одобрении народа[224].

№ 248

1708, листопад.

Із записок капелана шведської армії Свена Агрелля

... Мы шли ночью и днем, чтобы выручить резиденцию Мазепы — Батурин, которая к тому времени была плотно окружена врагом. Но пришли мы поздно, когда за несколько дней до этого неприятель штурмом взял город, укрепленный не лучше, чем все другие города этой земли. Здесь противник действовал самым жестоким образом и тиранил бедных людей, погреба были полны мертвыми телами тех, кого он загнал туда и потом поджег[225].

---

[223] Приложение № 1 // Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. — СПб. : Общество памяти игумении Таисии, 2008. — С. 168–170 (Riksarkivet, Stockholm. Militaria II. Kriget i Ostersjöprovinserna och Ryssland. M.1378. Беловой текст, написанный почерком начала XVIII века. Перед текстом в фигурных скобках на полях слева: «Х кому и от которого писано, неведомо. Справитца с юрналом»).

[224] Приложение № 2 // Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. — СПб. : Общество памяти игумении Таисии, 2008. — С. 170–171 (Defoe D. An impartial history of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the present Czar of Muscovy. Written by a British Officer in the Service of the Czar. London, 1723. P. 206–208).

[225] Батурин: сторінки історії: збірник документів і матеріалів. — Чернігів : Чернігівські обереги, 2009. — С. 112.

№ 249
З Чернігівського літопису
про взяття Батурина 2 листопада 1708 р.

... И зараз послал з войском князя Александра Меншикова доставати Батурина, месяца ноеврия дня 2-го, бо в нем заперлися были, з розказаня Мазепина, сотник батуринский Чечель и Филипп, реент, з сердюками; и гды пришол Меншиков под Батурин, давано огню з гармат вельми з Батурина, але Меншиков зараз добыл Батурина и сплюндровал его огнем и мечем, а Чечеля, сотника, и Филиппа, реента спартесного, побрал живцем и в Глухове почвертовано их, з росказаня царского. Того ж месяца дня 5-го, Петр Алексеевич, царь, пошедши з Погребков, бился з шведами, з гармат стреляючи, чрез Десну, у Белых Березах, под Мезином селом; а напотом царь Петр пошел до Глухова, и там, ноемврия дня семого, учинил гетманом Іоанна Скоропадского. А кроль шведский и Мазепа з войском, переправившись чрез Десну, пошли до Батурина, ноеврия дня осмого; и знашел его спаленого: крови людской в месте и на предместью было полно калюжами; ревно плакал по Батурине Мазепа. И станул кроль шведский в Городищу, а Мазепа в Обмачеве, о милю от себе; а напотым, пошли на Прилуку. Кроль станул в Ромне, а Мазепа в Гадячом, з компаниею и сердюками[226].

№ 250
Літописне повідомлення про спалення Батурина

Дано государю знати, царю Петру, же конечне зминил ему Мазепа...

И зараз послал з войском князя Александра Меншикова доставать Батурина мисяца ноеврия, дня 2-го, бо в нем заперлися были з росказаня Мазепина полковник сердюцкий Чечел, Фридрик асаул артилерный, сотник батуринский Дмитрий Нестеренко з сердюками и з жолдаками и другими вооруженными людьми. Гды пришол Меншиков под Батурин, давано огню з гармат велми з Батурина, але Меншиков не зараз добыл Батурина, но подержал первие з милостивою государевою грамотою о здачи города без противности и о целости их здоровья с пожитками и як крайнє не повинулися, тогда уже штурмовал и сплюндровал его огнем и мечем. А Чечеля, сотника Фридрика и Филипа, реента стартесного, который з дурачества бранил князя Меншикова на стене градской, побрал живцем; и в Глухове полковника Чечеля четвертовано, а другим головы поотрубано, а Фридрика в Конотопе колесовано для того, что за слабостию его не довезли в Глухов.

...А напотом царь Петр пошол до Глухова и там ноеврия дня семого учинил гетманом Иоана Скоропадского. А крол шведский и Мазепа, з войском переправившися чрез Десну, пошли до Батурина ноеврия дня осмого и знашол его спаленого, крови людской в мисти и на передмистю было полно калюжами. Ревно плакал по Батурине Мазепа; и станул крол шведский в Городищу, а Мазепа в Обмочеве, о милю от себе[227].

№ 251
Із Могильовської хроніки про взяття Батурина

Тут, відступивши трохи від справ міста Могилева, додам коротенько про шведську армію і короля. Хоча, за браком інформації, я не можу зазначити [точні] дати, але те, що можна було почути, подам у цьому літописі, залишаючи славу [подання докладнішого звіту] більш досконалим літописам. Коли шведський король з цілою силою свого війська увійшов до малоросійських земель, він брав усюди зернові припаси, але через повагу до угоди виказував повагу до гетьмана Мазепи в цьому відношенні. І коли вже того самого року 1709-го він був близько Батурина (тому що то місто Батурин було резиденцією, тобто столицею, гетьмана Мазепи), досить міцно оточеного навколо валом, Мазепа підійшов з чотирма тисячами озброєних козаків і з усіма своїми скарбами виїхав з Батурина до шведського табору. Щодо тих, що залишилися в самому місті Батурині — військове козацтво, як то компанійці та сердюки, через наближення і підхід московського війська під Батурин і не будучи взмозі вийти і виїхати з міста, вони мужньо стали на свій захист і оточили себе гарматами по валу, вирішивши померти до єдиного, а не датися в московські руки.

На той час команду над московськім військом мав найсвітліший князь Олександер Данилович Меньшиков. І також [було видано] царський наказ, аби, за будь-яку ціну добувши місто Батурин, зруйнувати його огнем і мечем, тому що на той час дізнався великий цар московський Петро Олексійович про таку велику зраду гетьмана Мазепи. І хоча уся козацька старшина радилася з гетьманом Мазепою про те, щоб вийти з-під московської влади, але бачучи, що справи йдуть недобре і що значне московське військо згромадилося в Україні, вона відступила від Мазепи і трималася царської руки, розголошуючи таємниці, змови і вчинки гетьмана Мазепи.

Шведський король з військом, з гетьманом Мазепою і з козаками, не викликаючи москалів на бій і не будучи взмозі рятувати Батурин, рухався далі в малоросійські землі, в степи. А тим часом Олександер Данилович Меньшиков з великою силою обліг Батурин і намагався його взяти. І хоча значні козаки з міста Батурина давали москалям відпір, все ж таки не могли відбитися, бо коли шалене військо пішло на приступ (як доповідають), один німець зрадив місто, тому що, маючи команду над гарматами в одному секторі, він під час приступу валів палив з гармат не по війську, а в повітря. І таким чином москалі через той сектор увійшли і здобули місто. І відповідно до царського наказу витнули і вирізали в пень усіх військових і міських

[226] Черниговская летопись по новому списку (1587–1725) и Коломацкие челобитные / С предисловием Ал. Лазаревского. — К, 1890. — С. 25–26.

[227] Чернігівський літопис / Підготовка до друку, передмова і коментар Ю. Мицика // Сіверянський літопис. — 1996. — № 4. — С. 116.

людей. І де б не знайшли пригожих молодиць і невинних дівчат в скритках і схованках, їх ґвалтували, а по ґвалтуванні кололи, і вщент пограбували і витяли.

У той самий час протягом облоги значніші міщани, намагаючися врятувати своє життя, зі скарбами, дружинами і дітьми повтікали до батуринської церкви, збудованої коштом того ж гетьмана Мазепи, і замкнулися там. Але московське військо, розлючене подібно левам і хижим вовкам, сподівалося там здобути скарби. Наставивши облогові гармати, вони вибили двері, хоч і міцні були, і що там знайшли люду світського і духовного, в пень витнули, панянок по церковних вівтарях ґвалтували, і скарби, там заховані, плюндрували, і місто спустошили і спалили. В тім місці Батурині і до сьогодні нікому не вільно будуватися і мешкати. Воно залишається впустці заросле бур'яном, тільки на передмісті дещо людей мають свої помешкання[228].

№ 252
Із «Історії Русів»

Изъ Бѣлорусіи командированъ Менщиковъ съ корпусомъ его и Козаками въ Малоросію для предупрежденія арміи Короля Шведскаго и истребленія резиденціи Гетманской, города Батурина, яко хранилища многихъ запасовъ и арсеналовъ національныхъ. Онъ поспѣшилъ туда въ послѣднихъ числахъ Октября, и зная коликой важности стоило овладѣть симъ городомъ въ самой скорости и избѣгая продолжительной осады по формѣ, принялъ отважное намѣреніе взять его приступомъ, и для того повелъ заразъ войска свои на городскія укрѣпленія. Войска Мазепины, называемыя Сердюки, составленныя изъ вольницы, а больше изъ Украинскихъ Поляковъ и Волоховъ, и содержавшія гарнизонъ въ городѣ, знавъ также, чего имъ ожидать должно отъ войскъ Царскихъ, защищали городъ и его укрѣпленія съ примѣрною храбростію и отвагою. Осаждающіе отбиваемы были нѣсколько разъ отъ городскихъ валовъ, рвы городскіе наполнялись трупами убитыхъ съ обѣихъ сторонъ, но битва еще продолжалась около города во всѣхъ мѣстахъ. Наконецъ, наступившая ночь и темнота развели бьющихся, и Россіяне отступили отъ города и перешди рѣку Сеймъ для обратнаго похода. Но бывшій въ городѣ съ полкомъ своимъ, Полковникъ Прилуцкій, Носъ, несогласный также, какъ и другіе полки, на предпріятія Мазепины и гнушавшійся его вѣроломствомъ, а удержанный въ городѣ присмотромъ Сердюковъ, выслалъ ночью изъ города Старшину своего, прозваніемъ Соломаху, и велѣлъ ему, догнавши Менщикова на походѣ, сказать, чтобы онъ приступилъ къ городу предъ свѣтомъ и напалъ на указанное симъ Старшиною мѣсто, на которомъ разположенъ полкъ Прилуцкій, гдѣ самъ Полковникъ будетъ сидѣть на пушкѣ, окованный цѣпями, подъ видомъ арестанта, а войско его положится ничкомъ около валу; и се былъ знакъ или лозунгъ для пощады сихъ предателей при всеобщемъ губительствѣ гражданъ. Менщиковъ, увѣрясь на Полковника и его Старшину, приступилъ къ городу и вошелъ въ него на разсвѣтѣ со всею тихостію и когда Сердюки, поводомъ вчерашней ихъ викторіи, напились до пьяна и были въ глубокомъ снѣ, напалъ онъ со всѣмъ войскомъ на сихъ сонныхъ и прочинающихся, безъ обороны рубилъ ихъ и кололъ безъ всякой пощады, а виднѣйшихъ изъ нихъ перевязалъ въ крюкъ. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ Сердюковъ, Менщиковъ ударилъ на гражданъ безоружныхъ и въ домахъ ихъ бывшихъ, кои ни мало въ умыслѣ Мазепиномъ не участвовали, выбилъ всѣхъ ихъ до единого, не щадя ни пола, ни возраста, ни самыхъ ссущихъ младенцевъ. За симъ продолжался грабежъ города отъ войскъ, а ихъ начальники и палачи занимались, между тѣмъ, казнею перевязанныхъ Сердюцкихъ Старшинъ и гражданскихъ урядниковъ. Самая обыкновенная казнь ихъ была живыхъ четвертовать, колесовать и на колъ сажать, а дальше выдуманы новые роды мученія, самое воображеніе въ ужасъ приводящіе. И удивительна ли сія жестокость въ такомъ человѣкѣ, каковъ Менщиковъ? Когда онъ былъ пирожникомъ и разнашивалъ по Москвѣ пирога, то слишкомъ ласкался къ тѣмъ людямъ, кои пироги его покупали, а когда сталъ Княземъ и полководцемъ, то уже слишкомъ варварски терзалъ людей, оставившихъ ему превеликія богатства. Трагедію свою Батуринскую кончилъ онъ огнемъ и жупеломъ: весь городъ и всѣ публичныя его зданія, т. е., церкви и присудственныя мѣста съ ихъ архивами, арсеналы и магазейны съ запасами, со всѣхъ сторонъ зажжены и превращены въ пепелъ. Тѣла избіенныхъ христіанъ и младенцевъ брошены на улицахъ и стогнахъ града „и не бѣ погребаяй ихъ!“ Менщиковъ, спѣша отступленіемъ и бывъ чуждъ человѣчества, бросилъ ихъ на съѣденіе птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ, а самъ, обремененный безчетными богатствами и сокровищами городскими и національными, и взявъ изъ арсенала 315 пушекъ, удалился отъ города и, проходя окрестности городскія, жегъ и раззорялъ все, ему встрѣчавшееь, обращая жилища народныя въ пустыню.

Равной участи подвержена была большая часть Малоросіи. Разъѣзжавшія по ней партіи воинства Царскаго сожигали и грабили всѣ селенія безъ изъятія, и по праву войны, почти неслыханному. Малоросія долго тогда еще курилась послѣ пожиравшаго ее пламени. Народъ, претерпѣвшій бездну золъ неизмѣримую, по счастію, приписывалъ злополучіе свое однимъ Шведамъ, ненавистнымъ ему за однѣ середы и пятницы, въ которыя они ѣли, купленныя у сего же народа, молоко и мясо[229].

[228] «Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Ю. Трубницкого» // Полное собрание русских летописей. Т. 35. — Летописи белорусско-литовские. — М., 1980. — С. 277 (переклад з польської мови Марини Кравець).

[229] История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конискаго, архиепископа белорускаго. — М. : В университетской типографии, 1846. — С. 205–207.

№ 253
З Лизогубівського літопису про взяття гетьманської столиці О. Д. Меншиковим

Того ж ноемврия 1-го дня Батурин Меншиков князь Александр с войском великороссийским спалил и вырубал, где были сердюки и охочекоммоние козаки и над ними был полковник Чечель, который увойшел от меча хотя был, однак кум его, в селе Обмочевке, когда он утекал и забегл верхом обогретись, понеже ввесь обмок, да заснул на печи, то кум пошел, ознаймил войту и прочим и так взяли его и поймали и отдали великороссиянам; потом голову ему в Глухове утято. Такоже Филипу, реенту певчих, в Батурине взятому, утято голову в Глухове и спицах железных на глаголях на площади в самом городи заткнено; и еще войта Шептаковского там же голова. А Фидрику, над пушкарями командиру, новокрещеному из иноземцев, взятому в Батурине, — перво очи выбрано, после в Сумах, слободском городе, голову усечено и на столпе каменном також на шпицу железную воткнено в самом городе. Много там людей пропало от меча, понеже збег был от всех сел; однак за вытрублением не мертвить, много еще явилося у князя Меншикова, который дать велел им писание, чтоб никто их не занимал; — многож в Сейме потонуло людей, утекаючи чрез лед еще не крепкий, много и погорело, крившихся по хоромах, в льохах, в погребах, в ямах, где паче подушилися, а на хоромах погорели, ибо, хотя и вытрубление було престать от крово пролития, однак выходящих от сокрытия войско заюшенное, а паче рядовые солдаты, понапившиеся (понеже везде изобилие было всякого напою) кололи людей и рубали, а для того боячися прочие в скрытых местах сидели, аж когда огонь обойшел ввесь город, и скрытыи пострадали; мало еднак от огня спаслося и только одна хатка, под самою стеною вала от запада стоячая, уйцелела неякогось старушка; церковь же в замку деревянная сгорела, в городе Тройцы Святой каменная, верхами и работою внутрь огорела, а церковь Николая каменная недороблена была и уже от прошлого 1708-го года до 1742-го пустый город и замок и церкви в городе и на Гончаривце были...[230]

Щоденник [повідомлень] з королівської шведської армії (1708)

№ 254
Ніфна [нині село Нивне (Нивное) Брянської області, Росія] **в Сіверії** (Сіверщині)
24 вересня (4 жовтня).

Після того, як не залишилось більше ніякої надії зупинити ворога, який втікав, в тому місці, звідки він із великим переляком змушений був ретируватися до власних кордонів і залишив вигорілою всю країну майже до Смоленська, Його Кор. Вел. дав армії декілька днів відпочити на кордоні з тим, щоб якомога спокійніше здійснити наступ на Сіверію, землі якої в результаті відступу ворог залишив відкритими. 15/25 цього місяця було дано розпорядження 4000 чоловік на чолі з фельд[маршалом] Штрукком* вирушити звідти й окупувати Почеп (нині місто Брянської області, Росія); звідти Його Кор. Вел. вирушив всією армією й пройшов 10/20 того місяця серпня річку Сож біля Кричева (Крычаў, Могилевської області, Білорусь) звідки Його Кор. Вел. 23 вересня (3 жовтня) пішов великим лісом довжиною у 17 миль. На кордоні ці місця хоча й були зіпсовані засіками, але селяни до прибуття шведів залишили їх. Сьогодні Його Кор. Вел. з деякими загонами почав виступати до річки Убідь у Віленсі (?), очікуючи там, поки решта загонів трьома колонами йшли маршем через ліси. Потім Його Кор. Вел. без зупинки став на шлях до Стародуба, який знаходився лише у 10 милях звідси. Ці землі, на відміну від усіх інших, були придатні до життя з усіма достатками, і не можна було повірити, що руські нічого б не вдіяли, щось не спалили, якби не дуже велика роздратованість і образи козаків, які дозволили віддати і взяти стільки, щоб забезпечити шведам необхідне утримання. Уповноважений від мешканців тих земель прибув до армії у ліс на зустріч і пообіцяв від імені тих асистентів, що шведам буде гарантовано усе, що обіцяно. Після того не можна було узнати, що вдіє далі ворог, очікувати кружний шлях, коли він захоче прибути у ці землі. Генерал Баур лише з 6000 кіннотників дійшов до Хубінціни (?), неподалік від Кричева, де він наказав генерал-майору Мішусу (?) з 2000 драгун здійснити наступ на залишені шведські загони. Однак полковники Дюкер і Таубе, які прибули туди, обладнали настільки добре влаштований табір, що ворог опинився між ними і, відтак, загнали його в одно з боліт, де потрапили у болотну пастку до 400 чоловік, а решта доволі сильно була розпорошена. У сутичці ця сторона втратила понад 2 драгуни й 10 були поранені. У третій раз цей Мішус був розбитий і змушений

* Тут ідеться про генерал-майора Андреса Лагеркруну, який по суті зірвав цей маневр, спочатку заблукав, а потім не зайняв низку важливих населених пунктів, що негативно відбилося на ході українського походу Карла XII. Називаючи Лагеркруну Штрукком, автор щоденника, імовірно, застосовує прізвисько шведського воєначальника.

[230] Летописец ти Описание краткое знатнейших действий и случаев, что в котором году деялося в Украини малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданных Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. — К, 1888. — С. 47–48.

був із ганьбою відступити. Генерал граф Левенгаупт, який перейшов Дніпро, також одержав наказ вирушити визначеним йому шляхом. Чудова погода, що стояла цілий місяць, немалою мірою сприяла тому, що Його Кор. Вел. подолав увесь шлях лісами без ушкоджень.

№ 255
10/20 жовтня. —
Королівська шведська головна штабквартира Грепіна (?).

Генерал граф Левенгаупт зустрів Його Кор. Вел. за день до цього в Рюхово (нині село в Брянській області, Росія) й в результаті його прибуття одержали головні відомості про невірно зроблені окремі позиції. Він був прийнятий Його Кор. Вел., похвалився, що він виступить зі своїми загонами проти московітів всіма і навіть подвоєними силами не тільки у полі, а й сміло відіб'є їх, так що він зможе після цього невпинно продовжувати далі марш. Від нього були отримані також запевнення і переконливі свідоцтва, що ворог зазнав великої поразки. Від загонів згаданого генерала було утворено до 3000 чоловік, під його командуванням вони у темряві вирушили в путь і повинні були підійти до Дніпра. Решта 8000, які сюди прибули, були сформовані в чудові команди і призначені до інших полків, поки їх можна буде забезпечити необхідними кіньми і возами. Вони тягнули 2 милі свої вози з собою від обраного місця до міста Пропойськ [нині місто Славгород (Слаўгарад) Могилевської області, Білорусь], однак ворог перед цим випалив це місце, так що не можна було зробити жодного моста через річку Сож, тому довелося повертатися 3 милі далі по течії вузькою не пробитою дорогою, якою не можна було тягти вози. В той час згаданий генерал одержав наказ, згідно з яким слід було піти звідси далі, а, що не можна було винести з собою, розбити, а коней поділити між піхотою з тим, щоб Його Кор. Вел. міг якнайшвидше пройти. У такий же спосіб він розпорядився поділити між ними гармати, які забрали у ворога. Про все це було дано детальне розпорядження. Згодом він перейшов річки Сож та Іпуть без будь-яких перешкод з боку ворога. Як тільки він увійшов у цю місцевість, йому зустрівся російський генерал Інфлянт з 40000 (?) драгунів і козаків, які пройшли іншим шляхом у цю місцевість. Сотню з яких він поклав, а решту переслідував. Його Кор. Вел. між тим зайняв місто Мглин, яке залишили московіти, де було знайдено настільки великі запаси горілки, сала, зерна і різного провіанту, що можна було на певний час забезпечити всю армію. При цьому декілька тисяч тон зерна, яке не можна було вивезти з собою, змушені були залишити, їх було розміщено в укріпленнях з дерева, обсипаних землею, однак які згоріли і розсипалися. При цьому полки розташувалися навколо Стародуба і насолоджувалися цими квартирами, доти, поки можна було побачити, куди ворог хотів піти, особливо ще й тому, що ця заможна земля мала все необхідне для того, щоб освіжити сили. Руські, які почали палити деякі села, були розсіяні декількома загонами, що були послані для цього Його Кор. Вел. Після того козаки, які були з ними, внаслідок цієї причини пішли від них. Мешканці самі хотіли брати зброю, оскільки змушені були зупиняти ворога у його підпалах.

№ 256
14/24 жовтня. — Понурівка (Поноровка; нині село Брянської області, Росія).

Вчора Його Кор. Вел. залишив Стародуб, оскільки руські з деякими ескадронами здійснили напад на місто, однак тут же були повернуті назад, а валахи взяли в полон одного ротмістра з декількома рядовими, які повідомили, що Меншиков із кавалерією дійшов до земель Гомеля. Одержали також відомості, що Шереметєв з руською піхотою і з кількома полками драгунів наблизилися до Пропойська, однак вони настільки втомилися, що не змогли просуватися далі. З'явилася надія, що вони невдовзі повинні повернутися назад. Як тільки вчора генерал-майор Крейц з декількома полками хотів підійти до Досковиці (імовірно, річка Ревна, на березі якої знаходиться Понурівка) він одержав відомості від полковника Гамільтона, який з декількома сотень драгунів був посланий вперед, що ворог згадану місцевість зайняв і з чотирма ротами поставив пости біля млинової загати для того, щоб перешкодити переходу. Попри це, він поспішив туди і дав наказ 200 драгунам вибити їх і таким чином розбив цього ворога. Як тільки після деякого спротиву цих вигнали, названий вище генерал з драгунами і 400 кіннотниками вирушив через річку. Оскільки він зустрів на іншому боці Досковиці генерала Інфлянта з шістьма ранжируваними полками, яких він одразу ж атакував і вже в першому нападі змусив їх тікати й переслідував їх понад милю з тим, щоб у них не було часу закріпитися, аж поки вони не замерзли в лісах та болотах; при поверненні знайшли 30 чоловік руських вбитими і привели 30 полонених; викрали також лафети із усіх возів, які були розподілені серед загонів графа Левентгаупта. В цій акції шведська сторона втратила тільки 7 чоловік і приблизно 3 поранених; серед цих перших був капітан Бергбдет, якого було вбито на дамбі; а на полі було вбито декілька шведів.

№ 257
27 жовтня (7 листопада). —
Гірки (нині село Новгород-Сіверського району Чернігівської області).

Після того, як гетьман Мазепа через своїх посланців став під захист Його Кор. Вел. проти тиранії та тиску московітів, генерал-майор Крейц 21 (жовтня) розпорядився повернутися із декількома полками до Новгорода[-Сіверського]. Однак, оскільки противник вже піхотою напав на місто, згаданий генерал розпорядився зайняти два проходи, що змусило Шереметєва відступити; він потім був змушений двома милями вище міста перейти через річку Десна. При цьому наступі шведи взяли чимало полонених, серед яких різні офіцери, які повідомили, що кращі царські полки були задіяні в битві з графом Левентгауптом, і вони настільки

погано підготовлені, що цього року більше не зможуть виступити у поле. Руські втратили 6000 чоловік, серед яких значиться 9 офіцерів разом з принцом Дармштадтським. Баур також був смертельно поранений*. Одна із таких [російських] партій з 8 ескадронів супроводжувала багаж, коли генерал-майор Крейц пішов на Новгород. Вони змушені були виставити проти понад 100 піхотинців, однак з втратою 30 чоловік змушені були відступити. Шведи втратили 9 загиблих і мали 15 поранених; після цього противник не наважувався більше з'являтися на шведській стороні. 25 того місяця, коли Його Кор. Вел. підійшов і зайняв місцевість на відстані гарматного пострілу біля Новгорода, деякі ескадрони вийшли звідти, однак тут же були відігнані назад валахами, які їх переслідували до міських валів. І, хоча полки тепер розташувалися навколо міста і в окремих селах, однак не можна було повірити, що Його Кор. Вел. сподівався, що ворог відступить, як у Стародубі, коли шведи тільки підійдуть, тому наказав оволодіти цим містом, яке не було добре фортифіковано. Хоча вийшло так, що коли хотіли наводити мости через річку Десна, цілком можна було зручно спостерігати, що ворожі загони на іншому боці розтяглися вздовж берега, щоб можна буде зашкодити цьому переходу, тим більше, що вони хотіли утримати це місце.

№ 258
10/20 листопада. —
Королівська шведська головна
штабквартира Огесцін (?) біля Батурина.

29 жовтня (9 листопада), коли ще Його Кор. Вел. перебував біля Гірок, поруч з ним перебував гетьман Мазепа разом зі своїми генералами і найближчими службовцями, куди він зі своєю свитою прибув на аудієнцію, він потім короткою, але зворушливою латинською урочистою промовою, свій народ і землю передавав під захист Його Кор. Вел. проти московської тиранії, при цьому він попросився з усіма вірними підданими і з усім зовнішнім майном перейти під руку Його Кор. Вел. Його Кор. Вел. також перед його і своїм народом завірив про звільнення від ярма. Тим самим було дано відповідь, що його перебування у Його Кор. Вел. тим більше приємне, що він ще до цього завоював ім'я мужності і тим самим довіру і впевненість Його Кор. Вел. Тим більше, Його Кор Вел. має на меті поширити у всі кінці землі військову силу не для того, щоб завдати її мешканцям певних ушкоджень, а вони прибули здійснити помсту проти невірного підступного ворога. До того ж Його Кор. Вел. хоче не тільки взяти під захист його та усіх його мешканців, а й хоче домогтися також звільнити усіх тих, котрі добровільно підпорядкувалися йому, для того, щоб позбавитися ярма, котре пригнічувало їх до цього. Відтак Його Кор. Вел. мав надію, що вони тим самим з радістю і добровільно стали під його руку, з тим, щоб вони могли порадіти наступним вигодам і користі. Після цього поснідали гетьман з тими поважними, які прибули разом з ним, за столом Його Кор. Вел. Інші мали також повну трапезу при дворі разом зі шведськими керівниками. Декілька днів перед цим він [Мазепа] пішов з Батурина, де залишив на перебування 3000 чоловік, а сам мав тільки від 3 до 4000 кінноти біля себе; певна решта вояків розташувалася у різних місцевостях, їх він швидко не зміг або не схотів зібрати докупи з-за наступу московитів; а оскільки місто було погано укріплене, а лише захищено одним поганим валом, для того, щоб він тримався впевненіше, Його Кор. Вел. розпорядився поспішити, щоб вони могли бути спокійними; Його кор. Вел. розпорядився все-таки зробити зупинку, щоб перейти річку Десна, для чого він вибрав кращу місцевість за дві милі від села Мезин (Коропський район Чернігівської області), де Його Кор. Вел. 2/12 на початку розпорядився утворити команду з 20 чоловік, для того, щоб переправити її та оволодіти плацдармом на другому боці.

Незважаючи на те, що ворог 5000-ою силою під командою генерала Аларта в минулу ніч кинувся на бруствер і були задіяні гармати, на вечір 700 чоловік під керівництвом генерал-майора Штаккельберга оволоділи [позиціями], так що ворог зі своїми гарматами і мушкетами, заховався і заліг у ліску на березі; команда в долині між двома горами, яким шведська артилерія завдала великої шкоди, відступила. Як тільки наблизилась темрява ворог здійснив напади з усіх боків з усіма своїми засобами наступу, однак усякий раз був відбитий, особливо у темряві був обстріляний картеччю, хоча в тому місці вогонь ворога був найсильнішим. Після 3-ї годин ворог відступив і залишив 450 вбитих на полі, крім тих, яких під покровом ночі забрали з собою. Шведи мали вбитими тільки 25 чоловік і приблизно 100 поранених. Серед перших був генерал-ад'ютант Оглеві, однак жодного офіцера. Його Кор. Вел. наступного дня розпорядився підготувати два мости, через які у наступні дні полки перейшли на інший бік. Московити несамовито штурмували місто Батурин і нарешті 3/13 цього місяця взяли його, після того, як вони понесли жертви у 2000 чоловік. З-під осади 1000 чоловік вирушили в дорогу, вони переправилися через річку Сейм, однак решта на чолі з комендантом Кенігсеком і простими мешканцями, жінками і дітьми були знищені, а само місто було спалено. Гетьман Мазепа вирушив з тим, щоб забезпечити позиції у країні і зібрати докупи всю свою військову силу, оскільки московити через своїх прибічників стояли на перешкоді, і намагалися підпорядкувати [населення] новому гетьману, якого їм було б легше скинути, ніж того, до якого жителі мали велику любов і респект. Ворог в наступні дні наблизився до своїх кордонів. І, оскільки Його Кор. Вел. знову думав прорватися, то жива була надія, що він цілком спроможний буде переслідувати [супротивника].

* Йдеться про битву при Лісній 28 вересня (9 жовтня) 1708. У ній дійсно загинув принц Гессен-Дармштадтський. Що ж стосується генерала Баура (Родион Христианович Баур), то він помер в Україні 1717 р. Також тут перебільшені втрати росіян: насправді вони склали 1111 чоловік убитими й 2856 пораненими; шведські втрати дорівнювали 5300 чоловік.

№ 259

Похід в Україну 4/14 грудня.

Його Кор. Вел. В наступні тижні зібрав разом більшу частину полків, для того, щоб наступати на ворога. Однак, оскільки той вступив у свої границі, то Його Кор. Вел. залишився у своїх кордонах і полкам було дано розпорядження розташуватися на зимові квартири, які знаходилися від Ніжина до Гадяча і зайняти різні укріплені міста, котрі були всі окуповані шведськими людьми, в результаті цього більша частина України разом з поважними керманичами була слухняною. Руські виставили декілька полків для того, що оточити Гадяч, який став іншою резиденцією гетьмана Мазепи, однак той самий перед цим вийшов, оскільки він поспішив зі своїми людьми і двома шведськими полками. Цар змусив полковника у Стародубі прийняти звання гетьмана, яке він, однак, довгий час намагався за допомогою тиранії заборонити. Однак, можна припустити, що він не менше, ніж інші полковники, які гетьмана Мазепу переконали шукали захисту Його Кор. Вел., також готовий був потім присягнути йому на вірність, сподіваючись на той час, коли земля буде очищена від руських.

14/24 грудня руська партія увірвалася у місто Сміле (нині село Роменського району Сумської області), із якого вони нападали на шведів, які розташувалися у передмісті, однак змушені були з втратами 60 чоловік відступити на дві милі. Крім того, 13 [з них] було взято в полон. Зі шведської сторони залишився капітан Флеммінг. Генерал-майор Спарре, з 3000 драгунів здійснив спробу захопити багаж, який залишився у Хмелеві (нині село Хмелів Роменського району Сумської області), і під прикриттям утвореної для цього команди утримав його доти, доки не підійшов полковник Дюкер зі своїми драгунами і остготською кіннотою. Після цього руські без будь-якого порядку втікали в усі боки, деяких переслідували ще півмилі, при цьому було посічено 300 чоловік, серед яких чимало поважних офіцерів, які знаходилися у Хмелеві. Серед них у місті 40; інші ворожі ескадрони захищалися і виступили проти тих шведів. Руські деяких хворих, які залишалися там, винесли з міста. Однак вони відразу відтягнулися з рештою тих, хто брав місто з усіма передмістями і випалили від тих шведів. Тим самим ворог не міг скористатися тими укріпленнями, що виступали вперед. 28 (8 грудня) листопада полковник Таубе з 360 драгунами підійшов до села Горнетті (?), де він досить вдало оточив 2500 руських, в результаті чого більша частина була побита і спалена. Ті, хто прибув з дороги, повтікали пішки в болото, де їх не можна було переслідувати. А шведи, крім решти здобичі, привели з собою 900 осідланих коней і мали не більше 6 вбитих та поранених Того ж дня майор Фройденфельт у найближчому селі вигнав партію ворога з 200 кіннотників. Після цього надійшли відомості, що ворог розташувався у селі Ольсефа (?) 2 милі вздовж руського кордону. Було наказано направити туди полковника Дюкера з 1000 кіннотників і 1/11 звідти вигнали не одного ворога, а також 50 чоловік посічено під час втечі, а село спалено. При поверненні він здійснив наступ на руське місто Дригайлів (нині селище міського типу, центр Недригайлівського району Сумської області), розташоване за одну милю звідси, яке він розпорядився підпалити й увійшов туди 2/12 туди; в той же час він втратив не більше одного чоловіка.

№ 260

Похід в Україну 5/15 грудня.

Вчора генерал-майор Крузе напав на 1500 донських козаків, які зі своїм командиром Фроловичем перебували в селі Городки (?), у чотирьох милях звідси, частину з них перебив, а решту загнав в одне болото, куди вони кинулися тікати пішки. Він здобув 1100 осідланих коней, 6 знамен і багато зброї. Знамена і 10 полонених були сьогодні доставлені сюди і представлені Його Кор. Вел. З хвилини на хвилину очікували добрих відомостей від генерал-майора Майерфельда, експедиція якого з трьома полками відбула за декілька днів звідси. Полонені донські козаки, мали намір наступати у свої землі і вигнати звідти росіян, оскільки їхнє ополчення принесло чимало лиха; було встановлено 100 шибениць, на яких повісили 1000 чоловік, а шибениці було поставлено на пліт і відправлено вниз по річці.

№ 261

Розпорядження

Про призначення від 10/20 грудня 1708 р.

Генерал-майор Гуммертельм, полковник Кноррінг — звільнені.

Полковник Гамільтон / генерал-майор відправлений у полк Остготської кавалерії.

Полковник Зальцбург / управління земельною придворною службою Ельборгу.

Підполковник Фокк / полковник Гельсінкського полку інфантерії

Підполковник Вайдерхайм / полковник Південноземельної інфантерії

Підполковник Лошер / полковник Карельської кавалерії.

Підполковник Горн / полковник Померанського полку інфантерії.

Полковник Рамсверд / Дворянськими знаменами.

Ад'ютант генерала Сінклера / підполковник генерал-майора Функенса.

Майор Фреуденфельд / підполковник ставки полковника Лошера.

Майор Даль-полку Пкшзбах / підполковник Південноземельної інфантерії.

Майор Гертен / підполковник Гельсінкської інфантерії.

Майор Весманландської Штаренфлюхт / підполковник Осготської інфантерії.

Майор Буреншільд / підполковник Вестерботського полку.

Майор Хагедорн / підполковник Смаландської кавалерії.

Капітан гвардії Густав Ріббінг / підполковник Ворнберзької інфантерії.

Капітан гвардії Моденс / підполковник Ніландської інфантерії

Ротмістр фон Пален / майор Смаландської кавалерії.

Капітан Смінгуфвунд / майор Даль-полку

Драбант Сільвершпарре /майор Північноземельні інфантерії.

Капітан Вейденмайер / майор Вестерботтенського полку.

Ротмістр Ніландерн Блайхер / майор Карелсьої кавалерії.

Полковник Карл Хард / одержує платню капітан-лейтенанта за його службу в якості лейтенанта охорони.

Підполковник Гуммерхельм / лейтенантом охоронців.

Ад'ютант Гірта охоронець / лейтенантом там само.

Арель Дувалт ад'ютант Фрідендорф /квартирмейстером при охоронцях.

Капрал охоронців Меллер / генерал-ад'ютантом[231].

Вибір запорожців

№ 262

1709, лютого 13. — Переволочна.

З листа переяславського полковника С. Томари коменданту гарнізону Переяслава М. Сухарєву про знущання кошового отамана К. Гордієнка над посланцем гетьмана І. Скоропадського І. Черняком

(…) Пушки еще в прошлую среду с коша рушилися, токмо стоять в поле над Базавлуком, при которых пехоты несколько соть обретаетца, понеже вода великая не пускает. Другое, что кошевой в прошедший второй имел орду стречать — двух салтанов, и на пришлую неделю к нам всеконечно будет. В замену послали от себя в Крым с присягою Ивана Гадецкого, Тимофея Фененка, Якова Брюховецкого куренного. Черняк пришол в Сечь з теми татарами, что вновь пришли или приходили взглядом крайнего договору и присяги до Сечи и оные оговорили Черняка, бутто он в Крыму хулил запорожцов и не велел их ни в чом слухать и верить оным. И кошевой, пошед с рады для принятия листа от Черняка, бросяс за саблю, мало ево поранил в голову и мыслил срубить, ежели бы атаман куренной не ухватил за руку. Потом, ухватя железной перначь, тремя нападами, отдихая, бил сколько хотел, збив с ног, лежачего, которого еще ели жива велел в железа заковать и насилу будет ли жив. И на ваш мосци теж мсци цана вельми похваляютца, аж зубами скрежещеть, говоря, что нигде моих рук не уйдет, я ево сам срублю, ибо перво был под царем, а потом передался к шведу и там, присягнув, и солгал, паки до Москвы пришол и, много Украине помешав, речи и людей помучил и погубил за Днепром[232].

№ 263

1709, березня 16. — Голтва.

Свідчення на допиті запорозьких козаків Василя Микифорова з трьома товаришами про привезення до січовиків В. Чуйкевичем та К. Мокієвським «прелестних» листів від гетьмана І. С. Мазепи

Приехали в Голтву запорожские козаки Василей Микифоров с товарыщи 3 человека марта 16 числа 1709. А в допросе вышепомянутой Василей Микифоров сказал: прошлой де недели в пятницу, т. е. сего марта 11 дня, из Сечи кошевой пришол в Переволочню з 9-ю пушками и при нем войска запорожскаго с 1000 человек конницы и пехоты и писал к полковнику Нестулею, по которому писму приехал он Нестулей с 500 конницы для рады, и в суботу той же недели присланы от Мазепы Чюткевич и Макеевич с писмами, а в неделю была рада и на той раде пред всем запорожским войском читал кошевой прелесныя писма, которыя привезли от Мазепы вышепомянутые Чюткевич и Макеевич, в которых написано, будто от немилости ц. в-ва и что хочет весь народ малоросийской за Волгу реку загнать и ныне де московское будучи в здешних краях чинят разорение, паче шведа и по многим разговорам на той раде по прелесным кошевого и Мазепиным писмам, также и за дачею денег от кошевого запорожцом скудным людем тайно многие почали кричать, чтоб быть с Мазепину сторону, и оной де полковник Нестулей и все запорожское войско как конница, так и пехота превратилась на изменничью сторону и хотели сей недели во вторник идти пол городок Царичанку, где стоит войска московского с 3000 человек на приступ с швецкую сторону, а он Василей не хотя с изменничьи стороны быть, от того их злого намерения ушол с вышепомянутыми своими товарыщи марта 15 дня в понедельник и пришли в Голтву к войскам ц. в-ва[233].

[231] Щоденник байових дій шведської королівської армії на Сіверщині 1708 року (публікація та коментарі Олександра Дубини, переклад з німецької Володимира Дятлова) // Сіверянський літопис. — 2010. — № 6. — С. 160–165 (Diarium aus der Schwedisch. Armee in Severien, 1708. — Uppsala universitetsbibliotek. — Handskriftsenheten, 55. — Palmskiöldiske Samlingen af Handskrefne och Tryckte Handlingar. — Pärm 55. — Dokument 34. — S. 221, i tysk. — Uppsala, Sverige).

[232] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 9. — Вып. II. — С. 609–610.

[233] *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских козаков. — Владимир : Типо-литография губернского правления, 1908. — Т. I. — С. 1039 (Архив министерства иностранных дел; малороссийские дела, 1709 г., январь-март, связ. 27, № 18).

№ 264

1709, березня 21.

Свідчення на допиті козака Ф. Коломийченка про зіткнення запорожців з російськими полками під Царичанкою та співпрацю перших з мазепинцями

1709г[о] марта против 21г[о] дня во отправленной парти из Голтвы донские и от миргородцкого полковника казаки взяли под Решетиловкою казака Федора Коломыченка, которой с пытки в роспросе сказал.

Как Мазепа с швецким королем стоял в Будищах, тогда он, Мазепа, посылал суд[ь]ю своего Чюкеевича да полковника Мокеевског[о] да полковницкого сына Мировича Федора, которой был бунчюжным, в Переволочню к запорожцом, чтоб они пристали х королю швецкому, и за то обещали им плату. И запорожцы сказали, что они битца против Москвы будут, когда первую езду они, запорожцы, соб[ъ]ют, а ежели они Москвы не соб[ъ]ют, то они будут бить их, шведов.

По от[ъ]езде ево, Чюкеевича, кошевой Костик того ж дня стал збиратца, а сколко было в зборе, не знает. А которые и собралис[ь], и те самые гултяи и булавинцы. И марта 14г[о] дня в понеделок он, кошевой, пошол до Царичении на московское войско, и был бой под самою Царичению.

На том бою были кошевой да полковники Нестулей и Шугайло, сотник Кобуряк, и сам он, Коломыченко, на том бою с мушкетом был же. А напали де они, кошевой, в ночи на сонных. И как их, запорожцов, от московского войска збили, тогда они бежали розными дорогами, не знаючи друг друга: одни до Переволочни, а другие до Кобыляков, и сам он, Коломыченко, бежал же до Кобыляков.

На той потребе слышал он, что побито и пропало их, запорожцов, ч[е]л[о]в[е]к с 700. А от московского войска сколко побито, подлинно не знает. Тол ко приведено в Переволочню от московских людей конных и пеших 15 ч[е]л[о]в[е]к, и видел он их сам. И в Переволочне тех людей держат в неволе и посадили в колодки.

А после бою слышал он от цариченских жителей, что побито конницы и пехоты с 60 ч[е]л[о]в[е]к.

По бою, сего ж марта 18г[о] дня, как он, Коломыченко, был в Переволочне, и ево, Коломыченка, ис Переволочны послал запорожской полковник Нестулей, а приказал ему осмотрить в Решетиловке, сколко швецкого войска, и потом осмотрить ж[е], у миргородцкого полковника в Голтве сколко казацкого и что московского войска, и велел о сем себе сказать. И за то ему, Коломыченку, он, Нестулей, посулил пару коней да 2 кафтана суконных. И он де того ж дня пришол в Решетиловку, и войска швецкого стоит 5000. И оттоль хотел было итить до Голтвы для осмотру московского] войска, и ево в миле от Решетиловки взяли донские казаки. А как де он ис Переволочны шол и в Кобыляке да в Беликах своим запорожцом, а в Решетиловке шведам сказывал, что будто они московско<е> войско побили.

Кошевой Костка с Нестулеем были у короля швецкого в великих Будищах, а с ним несколко старшины, и учинили присягу, что им служить швецкому королю в верности.

От швецкого короля привезено им, запорожцом, жалованья 4 воза таляров битых и роздано кождому ч[е]л[о]в[е]ку по 20, в том числе и он взял 20 ж[е]. Да Мазепа обещал им всякому ж ч[е]л[о]в[е]ку по 10 таляров на м[е]с[я]ц.

Днепр на низу прошол, а мостов они, запорожцы, не делают и чрез Псел итти намерения не имеют. Слух у них, запорожцов, обноситца, что корол[ь] имеет намерение с московским войском, где н[ы]не стоит, дать баталию, такж[е] и к Москве хочет итти, а за Днепр итти не хочет[234].

№ 265

1709, березня 26. — Диканька.

З промови гетьмана І. С. Мазепи перед запорожцями, які приїхали на перемовини про спільний виступ проти Москви (реконструкція за нотатками очевидця Нордберга)

Дякую товариству за довіру та підтримку, надану мені.

Бог мені свідок, що, віддаючись до рук шведського короля, я зробив це не з легковажності і не спонуканий мотивами особистих інтересів для себе, а з безмежної любові до Вітчизни. Будучи дуже старим, не маючи ні дружини, ні дітей, я міг би податись у Польщу або будь-куди і спокійно провести там залишок днів мого життя. Але, керуючи стільки Україною з піклуванням і вірністю, наскільки було у мене здібностей, я за обов'язком честі і сердечної любові не можу, склавши руки, віддати цей край під владу неправедного гнобителя. Мені достеменно відомо, що цар має намір переселити усіх запорожців в інше місце, ваші житла розорити, а усіх вас обернути на драгунів. Якщо ви, запорожці, ще зберегли свою свободу, то цим зобов'язані лише мені, Мазепі.

Уже князь Меншиков вирушив був зі страшною армією, щоб узяти мене, захопити всіх полковників та інших наближених до мене осіб, і якби цей намір князя здійснився, то запорожців теж би неминуче запровадили в Сибір. Але завдяки дії особливого провидіння Божого, саме в цей час вступив у країну шведський король і дав надію звільнитися від утисків і скинути ганебне й незносне ярмо Москви. Дякуючи Богу, який вихопив їх з цієї небезпеки, король Швеції взявся допомогти уникнути нам гноблення. Саме тому я готовий з'єднатися з запорожцями й готовий зобов'язатися присягою виконати таку справу, аби лише й запорожці зі свого боку поклялися мені в щирій і незмінній

[234] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 61. Расспросные и пыточные речи казака Ф. Коломыченко о сражении запорожцев с русскими полками под Царичанкой и присяге войсковой старшины шведскому королю // РГАДА.Ф. 9. Отд. II. Кн. 10. Л. 276–276 об. Копия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-61-1709-rassprosnye-i-pytochnye-rechi-kazaka-kolomychenko.

дружбі і в готовності діяти спільно, маючи один намір і одну спільну мету[235].

№ 266

1709, березня 26. — Диканька.

З промови гетьмана кошового отамана К. Г. Гордієнка перед гетьманом І. С. Мазепою та запорожцями, які приїхали на перемовини про спільний виступ проти Москви

Ми, Військо Запорізьке і я, дякуємо вашій милості за те, що ви як зверхник України взяли до серця, як добромисна людина, становище, у якому вимушено опинилася наша Вітчизна, і за те, що ви почали звільняти її від панування москалів. Оскільки ми певні, що саме з огляду на цей намір, а не з огляду на власний інтерес чи якусь особливу мету ви попросили заступництва у короля Швеції, то ми зважилися вірно допомагати вам, ризикуючи нашим життям і скоряючись вам у всьому, так що ви маєте право нам наказувати для досягнення бажаної мети. Ми благаємо вашу милість узяти на себе цей тягар; аби полегшити вам вагу цього тягаря, ми зробимо все можливе. Дякуємо вам також за те, що ви зволили сповістити нас про намір і прихильність короля Швеції. Ми прийшли з наміром просити заступництва у його величності і сподіваємся, за посередництвом вашим, отримати затвердження цього, як ви нам обіцяли. Маючи також на меті вступити у спільну з вами справу й будучи готовими поклястися вам у послухові й вірності, ми бажаємо, щоб і ви так само поклялися діяти з нами одностайно й виявили ваше сприяння у захисті Вітчизни[236].

№ 267

1709, березня 27.

Угода між королем Карлом XII та запорожцями (реконструкція за переказом Нордберга)

1) Карл XII бере Мазепу і Гордієнка зі всіма їхніми військами під свою протекцію та зобов'язується не підписувати договору або перемир'я без їхньої участі. Ніякий договір не може бути підписаний, у якому не зазначено, що Україна й запорожці вільні від московської зверхності і що вольності будуть назавжди забезпечені, українці користуватимуться привілеями, якими вони володіли з незапам'ятних часів.

2) Шведське військо під час квартирування в Україні та проведення військових операцій поводитиметься таким чином, аби не завдати шкоди місцевому люду; король обіцяв прощення тим жителям, котрі вчинили ворожі дії проти шведів, якщо вони повернуться в домівки й будуть постачати королінським воякам продовольство та інше, що вони потребуватимуть для свого проживання.

3) Король наказує шведському війську дотримуватися суворої дисципліни у ставленні до місцевих мешканців та забезпечує у випадку скарг останніх справедливий суд для винного.

4) Зважаючи на велике бажання запорожців взяти участь у зіткненні з ворогом, його королівська величність зважатиме на цю готовність і, як тільки ситуація дозволить, долучить їх для досягнення важливої мети[237].

№ 268

1709, квітня 4.

Лист кошового отамана К. Г. Гордієнка королю Карлу XII про готовність виконувати його накази

Наяснѣйший велможный король шведский нам велце пане милостивый

Прибувший до нас атамана кошового и всего Войска Зарожского Низового і от наясневелможного добродѣя его милости пана гетмана пан Филип Орлик, писар енералный войсковый, предложил словесно от вашего королевского пресвѣтлого величества милостивое слово и високопочтеннѣйший совѣт: яким бы способом могли зломислящую Москву, общого неприятеля нашого враждебнѣйшого, под Соколкою будучую, зносити и громити, чи переправу оной попустивши чрез Ворскло на сюю сторону или на том боку Ворскла бателѣю з нею вчинити; такое прето одобравши мы словесное і от пана писара енералного предложенье. А певне вѣдаючи, что тая Москва, погребши труп убытих людей своих под Соколкою, рушила во свои слободские мѣсца, минувши и Царичанку. О том Вашему королевскому пресвѣтлому величеству ознаймуем. Да і он же пан писар енералный войсковый предложил нам атаманови кошовому и всему войску Запорожскому і от вашого королевского пресветлого величества премощнѣйший указ, жебысмо нашого Войска Запорожского пехотного з тисячу прислали под Полтаву в назначенное время; тое з охотою вчинити по висоцепочтеннѣйшему вашего королевского величества повеленію готови будучи навсегда.

Вашего королевского
пресвѣтлого величества
найповолнѣйший слуга
Костантин Гордѣенко
атаман кошовый Войска
Запорожского Низового
з товариством.

З Нового Санжарова месац.
априля 4 дня року 1709[238].

---

[235] *Nordberg J. A.* Histoire de Charles XII. Roi de Suede. — La Haye : P. De Hondt, 1748. — T. 2. — P. 286–287.

[236] Ib. — P. 286–287 (В укладанні тексту використані переклади М. Костомарова, Д. Яворницького).

[237] Ib. — P. 289–300.

[238] Riksarkivet (Stockholm). — Diplomatica Muscovitica, Diplomatica Muscovitica Cosacica, SE/RA/2113/2113.2/1 (1654–1721). — P. 355. — Режим доступу: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000480_00355?c=0&m=0&s=0&cv=0#?cv=354&z=-2700.3016%2C-238.2078%2C7659.6032%2C4164.4444&c=0&m=0&s=0.

Втрати каролінців

№ 269

1709, січня 11.

Свідчення на допиті шведського поручика А. Моліна про кількісний склад шведської армії та 4000 померлих від голоду та хвороб ще до морозів

1709г[о] генваря в 11 де[нь] присланной от гетмана господина Скуропацкого, взятой в полон швецкой порутчик Амбеуер Молин в роспросе сказал.

Родом де он швед и служил в полку конном рейтарском полковника Густава Горна. И когда де корол[ь] их пришел в Ромну, то их полк и другой драгунской, Бухвалтов, поставлены в местечке Варве, где он, порутчик, занемог. И как де те оба полка, получа указ пред четырмя днями до ж Р[о]ж[е]ства Хр[и]стова, пошли из Варвы к Лохвицам, то ево, порутчика, за тяжкою болезнию оставили тамо в Варве с одним челядником, и по отходе тех полков на четвертой день пришед в то местечко казаки, ево, порутчика взяли и отвели к гетману. В полку де Горнове (в котором он служил) людей н[ы]не сем[ь] сот ч[е]л[о]в[е]к, меж которыми болных было при нем шездесят ч[е]л[о]в[е]к. А в Бухвалтове полку, которой сь их вместе в Варвах стоял, ч[е]л[о]в[е]к с 600, ис которых болных обреталось с 70 ч[е]л[о]в[е]к. А и в протчих де полках в каждом по столку ж болных людей будет, ибо он сам видел, когда в маршах с прочими полками сходилис[ь], что везде по полкам (их) болных множество. И н[ы]не де всего швецкого войска чает он быти толко конницы 15 или 16 тысяч[ь], а пехоты 12 или 13 тысяч[ь] (да волох и поляков несколко сот) и з болными, а здоровых де всех конницы и пехоты насилу он чает быть з 20000 ч[е]л[о]в[е]к (о чем он подлинно сказат[ь] не может). О намерении де королевском совершенно никто не знает, токмо слышал он от прочих офицеров, бутто ожидат[ь] будет в Украине Лещинского с войски и потом, с ним совокупяс[ь], пойдет к Москве. И разглашалос[ь] де при нем, что он, Лещинской, близ Днепра обретался. Мазепа де в каком порядке содержитца и что при нем казаков, о том он не знает, понеже полк их давно от короля обретается во отдалении. В провианте им и в живностях, как они стояли в Варвах, было доволство, однако ж никто им оного с сторон не привозил, но что где застанут, то сами берут. От морозов при нем из войск швецких людей не помирало, понеже в то время стояли все по квартирам и корол[ь] обретался еще в Ромне. Как де они шли от Смоленского рубежа к Украине, и у них де из войска от голоду и от нужды померло с 4000 ч[е]л[о]в[е]к[239].

№ 270

1709, березня 31. — Будищі.

З листа Карла XII своїй сестрі Ульриці Елеонорі

Здесь, в армии, все обстоит благополучно, хотя иногда приходится испытывать некоторые безпокойства, которые, когда неприятель находится по близости. Кроме того, эта зима была очень холодна; даже, можно сказать, стужа была необычная, так что многие из неприятелей, а также и из наших людей, иногда замерзали до смерти или же отмораживали себе руки, ноги и носы. Но за всем тем, однако, зима эта была весьма веселая. Ибо, хотя некоторые несчастные и потерпели от резкой стужи, но за то мы имели и некоторое удовольствие, заключающееся в том, что нам представлялись случаи хорошо проводить время, так как шведские партии весьма часто имели схватки с неприятелем и причиняли ему урон. Случалось, впрочем, что и неприятелю удавалось захватывать пленных у нас[240].

№ 271

1709, травня 17.

Свідчення полоненого Лоуренца Бекера про втрати його полку та поранення І. С. Мазепи

1709-го майя в 17 день швецкой полоняник Лоуренец Бекер в роспросе сказал. Родом де он саксонец, привезен в шведскую землю с отцом своим в малых летех и отдан в датошные в городе Ирброде, где отец его жил. И обретался в службе короля швецкого в полку пехотном генерала-маеора Роза семь лет салдатом. И пред несколкими днями, зговорясь он того ж полку с салдатами двумя человеки, хотел уйтить от шведов в войско царского величества ради нужды, понеже у шведов в хлебе великая ныне скудость и дают хлеба толко по четыре фунта на четырех человек на четыре дни, також и денежного жалованья по отходе (прошедшаго году) от Могилева ни на которой полк не давано.

(…)

Войско швецкое ныне все около Полтавы милях о двух кругом, а слышел он, состоит ныне оное швецкое войско, кавалерия и инфантерия, в 20 полках, а сколько в них, того подлинно не ведает. Токмо о Розове полку сказал, в котором он, Лоуренец, салдатом служил, что ныне в нем людей налицо 700 человек, а как де пошли из Саксонии, то в том Розове полку было 1300 человек, хотя во оной же полк введены два полка из Левенгауптова корпуса: Бодберков да Врангелев, и в том числе болных у них множество и более, нежели сто человек. В протчих же полках, особливо

[239] Полтавская битва 27 июня 1709 года: Док. и материалы / Отв. ред. Е. Е. Рычаловский; сост.: Е. Е. Рычаловский, А. Б. Плотников, Т. А. Лаптева, О. А. Курбатов, П. И. Прудовский. — М. : РОССПЭН, 2011. — С. 252–253 (РГАДА. Ф9. Отд. II. Кн. 10. Л. 381–383 об. Копия).

[240] Собственноручные письма короля Карла XII, собранные и изданные Эрнестом Карлсоном // Современное обозрение. Библиография. — Б. г., м. и. — С. 12.

в конных, болных же гораздо болше того Розова полку обретается.

(…)

А о Мазепе слышал де он от казака, которой сказывал о том салдатом караулным, что из города пострелен Мазепа в руку картетшем, когда он смотрел из намету последняго приступу. О походе никуды не слышеть, толко говорят, что город Полтаву хочет король конечно добыть[241].

№ 272

1709, червня 8.

Свідчення шведського полоненого Адама про великі втрати шведів під Полтавою і зменшення солдат у його полку до 250 осіб

В распросѣ сказал швецкой хлопец, зовут де ево Адамом, а служил де он в швецком войскѣ при полковникѣ пехотном Индрике Станфлике; полки де их стоят под Плотавою и король швецкой стоит в войски, а ведут подкоп в одном местѣ с горы и перешли вал, до другова вала дошли; а шведов около Плотавы много побито; а копают де подкоп запорожцы, а много-ль де запорожцов сказат не знает, потому что розделены по шведам, а у полковника ево в полку солдат двести пятдесят человѣк; бывало сначатку 8 рот, а в каждой роте было по сту по пятдесят человѣк и въ других полках по малу ж людей; и в каждой день в шанцах побивают человѣк по двѣнатцати и по десяти, а и всего де войска швецкаго коннова и пѣшева тысяч с двенатцать; а взяли де ево близ Плотавы и ездили оне за травою; а порода де он хлопец прусак[242].

Мемуари каролінців

№ 273

Щоденник камергера Карла XII Густава Адлерфельда про перебування шведів восени 1708 р. на Чернігово-Сіверщині

(…) Цар з основною частиною московитської армії, яка складалася з кінноти, був на відстані кількох ліг, але фельдмаршал Шереметєв (Scheremethof) дістався до Смоленська з основною частиною піхоти; по дорозі він рубав дерева, щоб перекрити королю дорогу при проходженні тієї частини країни.

Король, який все ще сподівався, що він зможе провести з царем запланований бій, зрозумів, що у нього це не вийде, і, збагнувши, що далі просуватися буде дуже складно, він вирішив перейти кордон в іншому місці, а саме в провінції Сіверія (Severia), тому що через ліси пробиратися було майже неможливо.

Оскільки було необхідно дістатися раніше противника, його величність послав генерал-майора Лагеркрона (Lagercrona) з чотирьохтисячною кіннотою і піхотою і шістьма гарматами з наказом просуватися вперед до міста Кричов (Kruisshow) і відремонтувати дороги, щоб полегшити перехід армії і також перекинути мости через річку Сож.

Містер Лагеркрона знявся з табору в Старичах (Starichi) вночі з 14-го на 15-е вересня і вранці король був зі своєю армією, що йшла в три колони. У той день ми пройшли 4 ліги і прибули в селище Бистриця (Bistriza), пройшовши через Мілікова (Milikowa), звідки ми вийшли перед цим. Звідси король продовжив свій шлях 16-го в Воловнікі (Wolofniki) (3 ліги) і так само 17-го в Горбатку (Horbatka) через Молятичі (Malacziza) (3 ліги), де ми відпочивали до 18-го.

З Горбатки (Horbatka) ми йшли 19-го (1 лігу) в Кричов (Kruischof), де містер Лагеркрона перекинув 2 мости, потім йому було наказано рухатися далі і перейти ліс по найкоротшому шляху, який відокремлює Сіверію (Severia) від Литви (Lithuania) та убезпечити перехід через річку Іпуть (на карті Обеж (Obiecz)), звідки йому потрібно дістатися до міста Почеп (Poczoppo) біля Смоленська. Через це місто супротивник повинен перейти в Сіверію (Severia).

Король перейшов Сож в Кричові (Kruischof) в день свого прибуття, і ми пройшли 3 ліги далі до Лобжи (Lobza). Після нашого переходу через Сож ми відразу ж увійшли в ліс протяжністю приблизно 20 ліг. Там містер Лагеркрона був введений в оману селянами: він звернув праворуч занадто далеко, повністю відхилився від курсу, який був йому був приписаний. Графу Левенгаупту (Lowenhaupt) король віддав наказ перейти Сож в Пропойську.

Король, який 12-го йшов з Лобжи в село Буда (1 ліга з половиною) відразу подумав, що Лагеркрон заблукав, тому що не чув від нього новин. Тому, прибувши 21-го з Буди в Кортковицю (Kortkovice) (4 ліги), він залишив свій багаж позаду і відправився з полком гвардії Дабл-Карлес (Dabl-Carles). Ар'єргард Лагеркрона, кіннота з 300 одиниць, помилково йшла по правильному шляху.

22-го і 23-го його величність пройшов 8 ліг і увійшов в Сіверію (Severia), перейшовши маленьку річку Бесєда (Biesez) вбрід, оскільки там не було моста. У першому селі під назвою Нивне його величність зупинився і об'єднався

[241] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 9. — Вып. II. — С. 874–876 (ЦГАДА, Письма разных лиц на рус. языке 1709, № 4, лл. 456–458).

[242] Труды императорского русского военно-исторического общества. — СПб. : Свет, 1909. — Т. III. — С. 196 (Арх. Академии наук. Карт. 11, № 135).

з графом і драбантами, але багаж рухався повільно, супроводжуваний полком Апланда (Upland) та іншими військами.

Король довго не залишався в Нивному, він послав кінноту з 300 одиниць загону Лагеркрона, щоб вони перейшли Іпуть. Дуже рано 24-го він зупинився табором біля річки Іпуть в селищі Раковка (?) (Drakowa) 2 ліги від Нивного. 25-го міст через Іпуть був закінчений, і він пройшов ще лігу до Костеничів, де вони вийшли з великого лісу і стали відкривати для себе кращу країну. Король почекав тут свою армію 15 днів, яка прибувала поступово, важко пробираючись через ліси*.

Цар здивувався, побачивши, що ворог повертається, подумавши спочатку, що він завертає до Литви. Але оскільки було оголошено, що він перейшов Сож в Кричов (Kruischow), він був переконаний, що король Швеції мав намір йти в Сіверію. Позаяк в інтересах царя було зупинити його, він негайно відправив генерал-майора Інфланда (Ifland) на чолі чотирьохсотенної кінноти з наказом йти день і ніч, поки не дійде до шведів і кинути війська в міста Сіверщини, які укріплені згідно з традиціями цієї країни ровами і валами, укритими частоколом.

Цей московитський генерал йшов у супроводі генерал-лейтенанта Рена на чолі 6-ти полків драгунів і ці 2 командира пройшли близько 30 ліг за 3 дні. Фельдмаршал Шереметєв разом з Гольцем (Goltz), Аллартом (Allart), Рензелем (Renzel) та іншими генералами слідували за Інфландом і Реном з тією частиною піхоти, яка стояла табором під Смоленськом і намагалися йти якомога швидше.

Генерал Баур, що йшов з царською армією, був посланий з 6 тисячами кавалерії, яка повинна була слідувати по п'ятах короля. Біля міста Кричов (Kruischef) вони зустрілися з нашим ар'єргардом під командуванням генерал-майора Круза (Cruus). Він наказав генерал-майору Мікосу (Michos) з двома сотнями драгунів атакувати. Мікос був так «гостинно» прийнятий генерал-лейтенантом Гроссенном (Grothusen), який просунувся вперед лише з кількома ескадронами, що він втратив на полі бою 300 чоловік, після чого поспішно відступив, не маючи сил для другої атаки.

Цар, який тримав свої найкращі війська при собі, знаючи, що генерал Левенгаупт ще не долучився до королівської армії і що цей генерал мав перейти Дніпро, вирішив атакувати його і відрізати йому дорогу до Сожу, який Левенгапту наказано було перейти в Пропойську або в іншому місці, яке вважатиме більш зручним*. Alpha З таким планом цар поїхав назустріч Левенгаупту, який перейшов Дніпро 22-го і 23-го вересня, рухаючись згідно з його наказом прямо до Сожу, хоча він був не впевнений, а чи не атакує його супротивник.

26-го з'явився авангард противника, 27-е і 28-е пройшли в невеликих сутичках, в яких ворог весь час програвав. 29-го граф Левенгаупт, незважаючи на важкий багаж і велику кількість візків, навантажених провізією на 3 місяці, які він віз з собою, перебував на відстані не більше 2 ліг від Пропойська, де з'явилася більша частина ворожої армії, проти якої він виступив і про це я розповім вашої світлості в наступної розповіді, яку я маю честь відіслати Вам.

***Правдива розповідь про криваву битву біля селища Лісна в Палатинаті Мстиславля, 2 ліги від Пропойска між військами шведського короля під командуванням графа Адам-Льюїс Левенгаупта і російської армії під командуванням царя і його головних генералів 29 вересня 1708 року*.**

Після того, як граф Левенгаупт отримав наказ пройти в Стародуб через Пропойськ, то, щоб з'єднатися з військами його величності, він перейшов Дніпро 21-го и 23-го вересня біля Шклова (Sklow) по мосту з човнів, хоча цар, який знаходився зі своєю армією біля Горок, Дребена і Романова, 10 ліг від Шклова (Sklow) міг легко оспорювати перехід.

У перший день цей генерал слідував по своєму шляху, на якому ще не було настирливості з боку ворога, але наступного дня з'явилися деякі їхні війська і 25-го 2 тисячі драгунів прибули атакувати наш ар'єргард, який складався з трьох сотень кавалерії і стільки ж піхоти. Але як тільки наш ар'єргард зіткнувся з ними, вони не посміли атакувати нас і поспішно відступили.

«Мы узнали от пленных что кавалерия которую мы преследовали была под командованием Меньшикова и Плага которые были впереди и что царь следовал за всей армией. Это заставило Левенгаупта Начало формы

26-го армія прибула до Беліці (Bieliza) і це був дуже важкий і небезпечний похід. Тут противник з'явився у великій кількості. Генерал Левенгаупт дав наказ розмістити багаж попереду, де велика кількість військ буде охороняти його, а сам став на чолі полку. Той же наказ був відданий і 27-го. Оскільки ми знали, що вся ворожа кавалерія була тут, граф Левенгаупт розташував свою в два ряди, а піхоту — з тилу в долині, яка приховувала їх від противника: коли битва почалася, можна було пройти через невеликий простір, який кіннота залишала між ескадронами. Це розташування привело в замішання супротивника, який вишикувався для битви і не очікував такого ходу. Генерал Левенгаупт пішов направо, а генерал-майор Штакелберг (Stackelberg) наліво, йшли одночасно двома рядами і атакували супротивника, який розвернувся і швидко відступав. Ми переслідували їх півліги, але не змогли наздогнати. Генерал-лейтенанту Зоге (Zoge) пощастило більше, він був попереду з кількома ескадронами, він швидко переслідував їх ар'єргард, наздогнав, вбив багатьох і захопив 8 полонених. Ми дізналися від полонених, що кавалерія, яку ми переслідували, була під командуванням Меншикова і Пфлюга (Pflag), які були попереду, і що цар слідував за всією армією.

* Левенгаупт відбув з Риги в середині серпня на чолі 11 тисяч чоловік і прибув 24-го в Полоцьк (Poloczko), маючи з собою 7000 візків з провізією і боєприпасами.

Це змусило Левенгаупта продовжити шлях, який реалізував план з тисячею труднощів, включаючи тривалий похід, глибокі непрохідні болота, що утрудняють рух. Генерал дав наказ своїм військам ставати на нічліг у відкритому полі і бути до всього готовими.

Ворог прискорив рух і 28-го вранці вони почали нову атаку на наш ар'єргард, який зреагував швидко не тільки вогнем зі зброї, але й з гармат (2 гармати були розташовані позаду). Противник зрештою змушений був залишити нас, намагаючись згодом атакувати з усією міццю в різних місцях, особливо на мосту, який наші солдати перекинули через маленьку річку. Але скрізь ми давали їм відсіч, хоча у них вже були гармати, і цар слідував з усієї піхотою. Після того, як помістили багаж у безпечне місце, першою йшла кавалерія, потім піхота, рухаючись у бік Лісної, куди ми прибули в 4 вечора і стали табором у вузькому місці. Генерал відразу наказав військам, які формували авангард, налагодити мости через болота, які були біля нашого табору і відремонтувати дороги через ліс, де противник повалив на землю багато дерев. Це повинно було зробити шлях до Пропойська наступного дня більш просторим. Як ми дізналися, поки ми вживали ці заходи, деякі з ворожих військ прибули до Пропойська, а деякі інші загони пройшли повз нас. Генерал Левенгаупт добре подумав і 29-го в кінці дня вирішив зібрати **7 сотень кавалерії** з генералом-інтендантом Браско (Brask), піхоту, зібрану з різних полків, полк піхоти Аболен (Abolehn), драгунів Карелії (Carelia) і Шретерфельта, Штернфельд (Schreiterfelt). Цим військам дано наказ виступати на фронт, за ними слідує половина багажу і загін, що охороняє його. Потім прямував загін кавалерії Аболена (Abo-Lehn), драгуни полковника Скога (Scog) і полковника Лейона (Leyon) з батальйоном Найленд (Nyland), з яким слідувала інша частина багажу. Решта армії залишалася на межі з лісом для спостереження за діями супротивника і для того, щоб заважати нападу на обози з провіантом і боєприпасами.

Противник знайшов способи зібрати всі свої сили для битви в лісі, який, не будучи дуже густим, залишав достатньо місця для їхніх військ. Вони всі вийшли проти нас, коли ми їх не чекали і почали атаку близько 11 годин. Наш генерал, оцінивши ситуацію на полі бою, вишикував свою піхоту обличчям до лісу, спішився. Ставши на чолі свого полку піхоти і батальйонів Хельсінг (Helsingois) Або-лен (Abo-Lehn), повів їх вперед, наказавши іншим полкам і військам, що охороняли багаж, приєднатися, щоб допомагати йому. Коли вони були на відстані пострілу мушкета від противника, генерал поскакав попереду кінноти, яка разом з піхотою атакувала ворога з такою люттю і успіхом, що вони негайно змушені були відступити і врешті-решт ми їх вигнали з лісу, де у нас було 4 гармати. Такий вдалий початок вкрай пожвавив війська і змусив їх сподіватися на швидку поразку ворога. Однак вони сильно перевершували нас в кількості, і їхні війська постійно поповнювалися свіжими силами. Наступне відбулося помилково з вини офіцера: шведи, які вже оволоділи лісом, замість того, щоб допомогти, згідно з наказом генерала, пішли назад (під час його відсутності) по рівнині у напрямку до інших полків, які йшли для їх підтримки. Це не тільки спричинило плутанину, але й дало ворогові, який поповнив свої війська свіжими силами, можливість відвоювати ліс і встановити там свої гармати.

Граф Левенгаупт був у розпачі від цієї помилки, і йому нічого не залишалося робити, як задіяти артилерію, яка вдарила з таким гуркотом в руських, що вони відступили і не посміли скористатися своєю перевагою.

Полковнику Врангелю (Wrangle) потім було наказано атакувати свіжі сили ворога усіма полками піхоти, які у нього були, щоб витіснити противника з лісу. При нашій спробі увійти в ліс московити вийшли на рівнину, шикуючись в 4 ряди піхоти, які йшли один за іншим. Ми з силою атакували їх і розхитали перший ряд, відкинувши їх на другий, який у свою чергу штовхнув інших.

Будучи загнаними в ліс, вони були зустрінуті підтримкою зі свіжих військ і, користуючись захистом дерев і кущів, зробили неможливим для нашої піхоти виштовхнути їх далі.

У той час, як наша піхота творила чудеса, наша кіннота тіснила ескадрони противника, як тільки вони піднімалися в атаку і часто штовхала їх назад у ліс, де вони завжди знаходили підтримку своєї піхоти, без якої їм довелося б зле. Ця битва тривала з півдня до ночі. Щоразу, коли супротивник виступав вперед, ми відкидали його в ліс, і він ніс великі втрати, незважаючи на свіжі сили, які вони збирали проти нас і які поступово звільнялися. Було 3 головних бої, піхота поверталася, щоразу вишикувавшись в 4 ряди, а кіннота була сформована в 2 крила по 5 або 6, де ми мали єдиний ряд для протистояння; решта наших військ, як вже було сказано, пішла вперед з багажем. Більше того, ця лінія не була досить довгою, щоб запобігти прориву противника, який таки трапився протягом цих 3-х дій, коли 6 тисяч шведів з самого початку підтримували найсильніший вогонь, тільки московитів (не рахуючи інших) було принаймні в 5 разів більше.

У першій битві, коли ворожа піхота спробувала слідувати за шведськими полками, які відступали, як ми вже сказали, з лісу на рівнину і всупереч наказам генерала наша кіннота з мечами в руках так розбила їх, що їхні ряди перемішалися, і вони поспішно відступили в ліс. Туди ж послідувала ворожа кіннота, яка підтримувала піхоту.

У другій битві шведська піхота, як ми могли бачити, не тільки кинула 4 ряди піхоти на рівнину, а й переслідувала їх в лісі, де у них була гармата і свіжі сили, змусивши наші полки відступити. У той же час наша кіннота так само успішно відбивала напади ворога і ті наші наші війська, які були далеко в лісі, постраждали від піхоти противника.

У 3-й головній битві противник зробив найсильніше останнє зусилля, використовуючи свіжі війська, що прибули атакувати 6 тисяч шведів, які були досить втомлені і в незначній кількості, але мали можливість заволодіти переходом в Пропойськ, однак, коли наші полки, що йшли

вперед, були на відстані ліги з половиною, вони отримали наказ повертатися нам на допомогу. Вони приєдналися до нас, і разом ми атакували їх з такою доблестю, що вороги втратили17 прапорів І 2 пар литавр. У той же час наші гармати, заряджені мушкети відкрили сильний вогонь, особливо по військах, одягнених в зелене. Вся земля була вкрита мертвими тілами, мало хто вцілів.

Після цієї битви генерал вишукував армію і стояв на полі до пізньої ночі, очікуючи, чи не зробить противник спробу атакувати знову, але вони були дуже стурбовані останнім боєм, побачивши, що всі їхні зусилля коштували їм так багато життів і все марно. Вони покинули поле бою і стали відступати, спочатку ліве крило, потім піхота, вони заглибились в ліс, де розвели кілька багать.

Це відступ противника був причиною ухвалення рішення генералом Левенгауптом не атакувати знову противника на цьому місці, а продовжити шлях, сподіваючись знайти по шляху більш зручне місце на випадок, якщо ворог захоче слідувати за ними і дати їм другий бій. Тому, постоявши декілька годин в очікуванні бою, він дав наказ полкам починати рух поступово один за іншим. Все було виконано в правильному порядку на відміну від противника, який не наважувався нападати після такого бою.

Кілька возів заплуталися в темряві ночі, вони зупинилися і заважали руху артилерії, генерал наказав утопити гармати в болотах, бо рух не можна було затримувати. Біля Пропойська наші полки приєдналися до основної частини багажу, який відіслали перед цим, але позаяк противник перетворив це місто на попіл, і ми не могли знайти дерев, щоб побудувати міст, а війська противника вже почали з'являтися, генерал прийняв рішення повернути в один бік і, враховуючи труднощі перевезення великої кількості багажу, з яким йому довелося переходити 3 річки та ліси 20 ліг довжиною, де противник міг в будь-який момент напасти і перешкодити руху, він наказав кращу частину багажу, яку зручно перевозити, зберегти, а решту разом з возами знищити. Це було точно виконано, генерал розподілив коней, що звільнилися від багажу серед піхоти, і вони продовжили свій шлях.

У цьому випадку було марно намагатися вберегти деяких солдатів і слуг від отруєння вином бренді та іншими лікерами, деякі лежали п'яні, деякі потрапляли до рук козакам і можна сказати, що під час усього походу дуже багато хто потрапив у полон противника.

Перед відходом з Пропойська поширилася тривога про небезпеку наближення противника. Генерал терміново наказав кільком полкам готуватися до бою, і вони вишикувалися біля міста на маленькій рівнині. Але коли вони побачили, що це тільки козаки, він наказав своїм людям йти через ліс вздовж берега річки, сподіваючись знайти зручне місце для переходу Сожу, який вони зробили біля селища Glewsna 4 ліги від Пропойська, де 500 коней легко перепливли річку в ту ж ніч.

Наступного дня 1 жовтня решта військ також перепливла, тепер вся армія перейшла річку і генерал вільно пройшов через ліси і перейшов річки Бесєдь і Іпуть без опору і, прибувши нарешті на великі рівнини півночі, генерал зупинив війська для відпочинку.

Як тільки генерал Левенгаупт зупинився табором 10-го числа для зустрічі з його величністю, генерал Фон Ворден (Von Worden) атакував нас з 4 сотнями кавалерії. Але ми так «тепло » його зустріли, що він в замішанні відступив, втративши більше 400 солдатів на полі бою. Після цієї битви в той же вечір генерал прибув до Туркова (Turkowa), де він знайшов шведську сторону, що прибула раніше за нього і 13-го він приєднався до короля в селищі Рухові (Rukowa), де знаходилася штаб-квартира.

Втрати противника в вищеописаній битві були значними. Шульц, московитський генерал-ад'ютант, який згодом був узятий в полон визнав, що кількість убитих на полі бою доходила до 6 тисяч осіб, не рахуючи поранених, яких було набагато більше. Загін Меншикова, що складався з 6 полків, був майже повністю знищений, а також царські полки Преображенський і Семенівський сильно постраждали. Серед відомих особистостей принц Гессе-Дармштадт (Hesse-Darmstadt), генерал Баур і велика кількість офіцерів були поранені і перший помер від ран. З нашого боку було 3 тисячі вбитих, враховуючи значних офіцерів.

Граф Левенгаупт доблесно бився скрізь, де був самий лютий вогонь. Він був двічі поранений, але це не завадило йому залишатися в строю, поки бій не закінчився.

Це правда, що наші війська ніколи не билися з такою сміливістю і твердістю, незважаючи на нерівні сили; 6 тисяч встояли перед 30 тисячами, не відступаючи з полудня до ночі. Поле бою було болотисте, рівне і закрите і під час битви в очі солдатів дув вітер з градом і снігом, але, незважаючи на ці труднощі, воні билися, як леви, до самої ночі, ми могли здобути повну перемогу, але там було мало місця і, якби генерал міг не слідувати наказам короля і замість того, щоб слідувати за його величністю, згідно з його розпорядженням через ліси і важкі шляхи, де ворогові було легко нас відрізати, і вони могли напасти на нас у будь-яку хвилину, то ми могли б почекати їх і атакувати спільними зусиллями на більш зручному місці на відкритому полі. Всі, хто були присутні на цьому кривавому бою, вирішили, що ніколи вони не могли так захоплюватися тим, як наші війська зносили всі труднощі*. Я можу тільки додати, мій лорд, до цієї розповіді, що принц Меншиков, маючи наказ слідувати за графом Левенгауптом і увійти до Сіверії на тій стороні, перейшов Сож біля Гомеля і увійшов в країну через

* Інші історики представляють цей бій більше в користь царя, про нього говорять, що він добився повної перемоги і захопив велику кількість шведських возів і що Левенгаупт, який погодився відступити, привів не більше четвертої частини його людей королю. Я думаю, число не таке точне, як указане нашим автором: тобто, якщо ця армія була майже знищена, це повинна була бути непростима вина і царя, і його генералів.

Чернігів (Czernikow). Що стосується царя, він повернувся до Смоленська з рештою армії і пораненими, яких було дуже багато.

Я розповідав вашій світлості, що його величність провів 15 днів в Костеничах (Kossinice). Це селище знаходиться на вході у великий ліс, 12 ліг від Стародуба і 7 — від Почепа (Potschopo). Незважаючи на всі наші старання, противник, якщо не увійшов перший в країну, то ввійшов разом з нами. Перше, що зробив Інфланд, це негайно заволодів Стародубом* і Почепом, щоб спостерігати за майбутнім походом шведів і підпалив всі села, через які вони повинні були пройти.

Ми пробули кілька днів у Костеничах, поки не отримали новин від генералмайора Лагеркрона, який замість того, щоб вийти з лісу біля Почепа (Potchopo), пройшов 2 ліги зі Стародуба, тому у супротивника був час вжити заходів обережності до його прибуття**. Коли згодом він узяв курс на об'єднання з королем, він отримав наказ повертатися в Стародуб, щоб спостерігати за діями московитів, які все більше зміцнювалися, і постаратися запобігти подальшому спустошенню, яке заподіював супротивник.

Король знявся з табору в Костеничах 11 жовтня і взяв курс на Україну, в 1-й день він пройшов 3 ліги в Білогорщу (Bialohorst), де перебував до 12-го. Армія йшла різними колонами на чолі з головними генералами.

З Білогорщі (Bialohorst) ми вийшли 13-го в Рухів (Ruchowa) — 3 ліги, де граф Левенгаупт зі своїми військами приєднався до короля. Похід продовжився 14 числа з Рухова (Ruchowa) в Сколково (Skolkow) — 2 ліги, де король командував полковником Альбеділь (Albedyhl) с 12-ма ескадронами; вони рухалися вправо, де знаходився Меншиков, щоб перешкодити ворогові спалити селища, через які він повинен був пройти***.

16 жовтня ми йшли зі Сколково (Skolkow) 2 ліги в Черенкова. 18-го король проходив місто Стародуб праворуч, решта армії йшла одночасно ліворуч від нього. Ми пройшли 3 ліги в Картушино. Противник, який був у Стародубі, напав на нас в той день і заподіяв шкоди нашим обозам.

З Картушино ми рушили в Понурівку 19-го числа, де ми відпочили кілька днів. Сюди містер Лагеркрона повернувся зі своїм загоном.

Фельдмаршал Шереметєв тим часом увійшов у країну з піхотою разом з генералами Гольцем, Аллартом, Ревзелем та іншими. Вони трималися від армії короля ліворуч, не наважуючись атакувати. Нічого незвичайного не відбулося, крім того, що генерал Інфланд з 4-ма полками драгунів відвоювали перехід біля тієї колони, яку вів генерал Крейц (Creutz). Цей генерал наказав полковнику Гамільтону, який приєднався до нього зі своїм загоном, атакувати Інфланда. Гамільтон виконав наказ, убивши багато солдатів, а інших змусив бігти.

Ворог, побачивши, яку тактику вибрав король Швеції, не кинувши свої війська в Новгород-Сіверський, зайняв столицю цієї провінції і посилив її, як в інших місцях. Тому генерал Крейц, якому король наказав заволодіти цією місцевістю, прийшов занадто пізно, противник випередив його. Потім йому було наказано з генералом Крузом (Cruus) постежити за діями Шереметєва, який, боячись атаки, спорудив мости через річку Десна і змусив свою армію перейти річку.

Противник перестав все спалювати і приводити в лють козаків (самі шведи такого не робили) і оскільки вони бачили, що жахливі втрати не припиняються, король Швеції, з королівською кавалерією, вкрай виснажений від жахливого походу, який вони здійснили, йшов через країну, багату усілякими речами і особливо фуражем.

Шлях короля Швеції через Україну був дуже бажаний для Мазепи — великого полководця козаків, який був незадоволений царським урядом і склав план, як позбутися ярма і передати себе під протекцію короля Швеції. Але потрібна була велика обачність, він довірив цей план тільки 2 або 3 головним людям своєї країни, у вірності яких був впевнений. Щоб якнайкраще приховати гру, він послав свого племінника Войнаровського до принца Меншикова в той час, як він наближався до Чернігова після бою з Левенгауптом, щоб запевнити царя у своїй вірності і покорі і вибачитися, що не може прибути особисто з причини хвороби, яку він використовував як відмовку.

Мазепа дуже спритно найняв лівонійця, підданого короля Швеції, якого полонили на початку війни і перевезли у свою країну, і з тих пір він жив там зі своєю сім'єю. Ця людина була послана гетьманом таємно в супроводі одного зі своїх родичів з необхідними приписами натякнути королю про свої наміри. Вони прибули, коли його величність була у Понурівці, і вони були незабаром відправлені згідно з їх бажанням.

Але чи то Меншиков зрозумів план Мазепи, чи то тільки підозрював, Войнаровський незабаром, зрозумівши, що він не має добрих намірів ні до нього, ні до його дядька, і в той же час, будучи попереджений бути насторожі, вирішив виїхати, не попрощавшись. По його поверненні Мазепа прикинувся, що дуже незадовлений поведінкою молодої людини і поскаржився московському полковнику, який завжди був при ньому за царським наказом для спостереження

* Іфланд поставив козака Скоропадського у Стародубі в якості начальника з 2-ма тисячами драгунів і кількома тисячами козаків, які робили постійні напади на нас. Насправді у Мазепи був наказ, що перший, хто з'явиться перед воротами цього міста, може увійти. Передбачалося, що шведи будуть там до приходу руських. Але так не вийшло з вини Лагеркрони. Населення дозволило Скоропадському увійти, що було дуже погано для нас.

** Лагеркрона діяв необережно в цьому важливому випадку зі зрадниками і п'яними, котрі погано себе вели під час переходу через великий ліс, що заважало нам оволодіти основним містом Сіверщини.

*** Ця чудова країна була незаселена. У селах, досить великих, не було жодної живої душі й ніякої провізії. Все було закрито всередині міст.

за його діями і попросив його поїхати і попросити пробачення у князя Меншикова і спробувати усунути всі ті підозри, які могли зародитися щодо нього.

Полковник, обманутий цією нещирістю, поїхав чекати Меншикова, а Мазепа, заспокоївшись після відбуття свого наглядача, покинув гарнізон у Батурині, який був його резиденцією, віддавши наказ коменданту захищати її до кінця, переправився через Десну в компанії 4 чи 5 тисяч чоловік та головних людей країни.

«На следующий день Мазепе был назначена аудиенция. Он прибыл в приемную в сопровождении главных лиц страны, а именно: генерал-квартирмейстер, главный (председательствующий) судья, канцлер, 2 Начало формы

Король Швеції, який рухався до тієї ж річки 22-го числа з Понурівки (4 ліги) у Машеве (Mazovo-huta), звідки 23 жовтня він пройшов 3 ліги, далі в Ларинівку і 25-го прибув в Горки, 2 ліги, пройшовши поруч з містом Новгород-Сіверський, де командував генерал Рен.

Що стосується Мазепи, то він, перейшовши Десну, попрямував безпосередньо в шведський штаб. Війська, які йшли з ним, були впевнені, що він збирається атакувати шведів. Але, коли він був на невеликій відстані, він розкрив свій план, котрому ніхто з них не чинив опір. Потім він попрямував в село, де знаходився полковник Хельм і Гіленштерн зі своїми полками драгунів, які були трохи стривожені.

Мазепа послав людину до шведів повідомити про своє прибуття. З великими труднощами йому вдалося переконати їх повірити, що це не пастка, як вважали шведи. Він наказав своїм військам спішитися і позаяк у нього в полку був італійський капітан на ім'я Де Сакс (De Saxe), який деякий час служив московітам і який особисто знав Мазепу, послав його до нього з кількома драгунами дізнатися про суть справи. Капітан повернувся і доповів, що Мазепа приїхав особисто і Хельм прийняв його з усіма належними почестями. Козацький полководець залишився там на наступний день, 28-го числа. У цей день він зобов'язав своїх старшин дати урочисту присягу. Полковник Хельм послав негайне повідомлення у зв'язку з цією подією королю, який знаходився на відстані 3 ліг, і він віддав терміновий наказ приготувати штаб для Мазепи в півліги від п. Гірки, куди він прибув в той же вечір.

Наступного дня Мазепі був призначена аудієнція. Він прибув до приймальні у супроводі головних осіб країни, а саме: генерал-квартирмейстер, головний суддя, канцлер, 2 генерал-ад'ютанти і кілька полковників. Його почт налічував тисячу чоловік, перед ним несли 2 символи його титулу: хвіст коня і генеральський жезл.

Прийшовши до короля, Мазепа звернувся до нього латинською. Його мова була короткою, але точною. Він благав його величність захистити козаків і дякував Богові за можливість їм позбутися рабства, яким їх лякав цар. Потім він поцілував руку короля і оскільки Мазепа страждав від подагри, йому дозволили сісти в той час, як король залишався стояти і розмовляв з ним.

Мазепа — людина 64-х років, середньої статури, худорлявий, суворого виду з вусами на польський манер, проте дуже приємного характеру і дуже люблячий жестикулювати. Він говорить дуже правильно і є дуже багато хорошого сенсу у всьому, що він розповідає. Він раніше вчився і говорить латинською дуже добре. Його образ дуже схожий на образ головного скарбника Сапєгу (Sapieha), котрого його величність бачив в Саксонії.

Король був дуже задоволений розмовою, що продовжилася до півдня, іноді на більш серйозні теми у присутності ясновельможного графа Піпера (Piper) і 2-х державних секретарів, іноді в компанії головних офіцерів і козацьких міністрів, у яких був дозвіл перебувати на аудієнції у короля і цілувати його руку. Коли прийшов час обіду, король сів за стіл і з ним Мазепа та його офіцери першого рангу. Крім королівського столу, було ще 2 столи, приготовані для козацьких міністрів, які також були запрошені графом Піпером і Реншильдом (Rheinschild).

Після обіду король повернувся в свій кабінет, куди Мазепа відніс хвіст коня, показав королю і вклонився на знак своєї покірності. Коли він зліз з коня, багато людей зібралося разом, щоб побачити його, всі вони бурхливо висловили свою повагу до його особистості.

Мазепа тепер отримав повідомлення, що московитський загін може напасти на нього і той же загін захопив кілька возів, що належать його військам біля Десни. Король наказав полковнику Даблдорфу в той же вечір з 6 сотнями кінноти і козаками в кількості 300 осіб прямувати до Оболоння (Blonia) на Десні, 5 ліг від штабу його величності, щоб спостерігати за діями противника й прикривати армію.

Решта залишились в Гірках з 25-го жовтня до кінця місяця. Фельдмаршал Шереметєв був посланий зі своїми військами вздовж Десни з планом запобігти переходу шведського короля.

31-го жовтня король, покинувши Гірки зі своєю колоною, пройшов лігу з половиною в Гнатівку (Ignotovka) і вирішив перекинути мости через річку на відстані 1 ліги звідси в селищі Мезин (Mezin). Як не було важко дістатися до цього місця, але він не відступив від мети. Він йшов у супроводі принца Вуртенберга, генерал-майора Акселя Спарра, його полку гвардійської піхоти і піхоти Дабл Карлес (Dabl Carles), щоб упорядкувати похід.

Колона під проводом Спарра незабаром приєдналася до них, і вони почали працювати над мостами, але вдарив мороз, річку скувало льодом і в той день нічого не можна було зробити. Це дало противнику час і тому король подумав, що противник не упустить можливості напасти. Його вличність розмістив 28 гармат на височині на цьому березі річки, і вони тримали під обстрілом інший берег.

Незабаром ми виявили ворога, який, побоюючись гармат, не наважувався підійти вдень, але, коли наступила ніч, вони рухались під прикриттям кущів, яких було багато на їхньому боці. 1 листопада вранці ми дізналися, що зліва від нашої атилерії стоїть їхня батарея. Вогонь противника був слабкий, більша частина військ трималась на відстані.

Кожного разу, як вони наближалися, ми успішно розряджали в них наші гармати.

2 листопада день був призначений королем для походу. Але через те, що батарея противника заважала нам перейти річку там, де були зручніші береги, ми були вимушені шукати інше місце і цей похід виявився найбільш важким і незвичайним.

Ви повинні знати, мій лорд, що пагорб, що на ньому були встановлені гармати, був дуже крутий і відстань між пагорбом і річкою була дуже вузька на цьому боці, однак король наказав розташуватися там тим військам, що повинні переходити й тим, що повинні будувати плоти, бо човнів у нас не було.

Спустившись з пагорба, офіцери і солдати зробили плоти або понтонні мости у його підніжжя. Потім декілька людей натягували мотузки або троси на іншу сторону, які допомогали їм переправлятися і повертатися.

Зробивши це, ми почали переправляти по 15–20 солдатів на кожному плоті, тому до вечора переправились 600 чоловік, а саме: 200 вестландців (Westmanlanders) и 400 фінів (Finnois) на чолі з генерал-майором Стакелбергом, який командував підполковником Сакен фон Остеном (Sacken von Oesel) та майором Старенфліхтом (Starenflycht).

Противник перед цим ніяких заходів не вживав, але вночі вони підійшли з 6-ма чи 7-ма батальйонами під командуванням генерал-лейтенанта Аллярта. Цей генерал разділив свої війська та одній частині наказав рухатися направо, а іншій — наліво, щоб оточити шведів з обох боків, він рухався довго, намагаючись уникнути гарматного вогню, що успішно їх вражав.

Стакелбергу під прикриттям кущів наказано було рухатися наліво з фінами для атаки ворожої батареи. Таким чином була невелика дистанція між ним та вестландцями. Противник тим часом був взятий в лещата вогню, стемніло так, що не можна було розрізнити фігури людей і шведи трималиcь якомога ближче один до одного.

Потім противник спочатку почав виявляти себе вогнем з маленьких гармат без можливості бачити кого-небудь з нас і гренадери, що були послані в це вільне місце між 2-ма частинами під командуванням Стакелберга, кидали гранати, всі вони падали в ріку, не приносячи ніякої шкоди.

З іншого боку майор Старенфліхт (Starens (f) lycht), який командував вестландцями (Westmanlanders), і у якого був перший бій з московітами, міг розрізняти противника в світлі їх власного вогню. Він відповів вогнем з великою силою і вже успішніше. В інтервалі інші війська продовжували йти, поки генерал-майор Штакелберг (Stakelberg) повернувся підтримати їх. Вогонь тривав 3 години без припинення, кожен солдат вистрілив 30 разів і його величність наказав переходити іншим військам. Тим часом шведи відбивали напади ворога з мечами в руках, оскільки у них не було більше пороху, і вони намагалися перерізати противнику шлях повернення до річки, де московіти намагалися схопитися за канати, за які були прив'язані плоти.

Завзятість, з якою шведи відстоювали свій плацдарм, нарешті зупинила ворога, за чисельністю він перевершував шведів, але вони поспішно відступили, боячись переслідування; але ми їх не переслідували, а тільки били з гармат, які стріляли дуже швидко по відступаючих.

У московитів було 600 чоловік убитих і більше тисячі поранених за їх власним підрахунком, а у нас — 30 убитих і близько 70-ти поранених. Двоє королівських генерал-ад'ютантів по імені Огілві (Ogilvi) і Дювалд (Duwald), які були в поході з його величністю, знаходились серед поранених і померли через кілька днів.

Здобувши перевагу в поході, король призначив закінчити мости на наступний день. У генерала Рооса, що був нижче на відстані ліги, був наказ спорудити один міст для його переходу зі своєю колоною і вся армія перейшла річку в цих двох місцях.

У той час, як ми були зайняті переправою через Десну, цар йшов зі Смоленська, щоб об'єднатися зі своєю армією, думаючи, що король Швеції вирішив захистити місто Батурин, за яке дуже переживав Мазепа, оскільки воно було погано укріплено, хоча він залишив там війська в достатній кількості. Укріплення в цьому місці були в жалюгідному стані і були побудовані в традиціях цієї країни, коли найбільш укріплене місце можна «перейти через хибарку (халупу)», як називають це французи. Мазепа б відремонтував її кілька років тому, але його завжди зупиняли люди царя, який хотів, щоб Мазепа не мав ніяких укріплених місць в своїй власності. Вони казали, що не варто витрачати гроші, його царська величність достатньо сильний, щоб захистити його від всіх нападів ворогів.

Цар захотів помститися Мазепі, проти нього він видав жахливий маніфест і віддав наказ негайно атакувати його столицю до того, як шведи прийдуть на допомогу. Для цього Меншиков, який був недалеко, привів кілька тисяч солдат і атакував 3-го листопада. Його війська без великих втрат взяли Батурин і після нелюдської різанини, не шкодуючи ні жінок, ні старих, захопили жінок, що залишилися в живих, біля 40-ка гармат, не рахуючи мортир; потім перетворили місто на попелище разом з млинами на річці Сейм, але перед тим по-варварськи пограбували все. Частині гарнізону пощастило врятуватися через річку Сейм, але коменданта було взято у полон і поводилися з ним дуже жорстоко. Він був уродженець Пруссії і звали його Кенігсек (Konigseck).

Король Швеції, перейшовши Десну, продовжив свій похід у напрямку річки Сейм і прибув 6 листопада в Чаплїівку (Czieplovka) (ліга з половиною). Сьомого числа його величність продовжив свій похід (дві ліги) до селища Лукнів (Lucknowa), а звідти восьмого числа прибув до Атюши (Otiusa) (дві ліги з половиною). У цьому селищі селяни зібрались покинути своє село, як зробили інші. Але, побачивши наближення його величності, вони вийшли і піднесли хліб-сіль (великий буханець хліба і сіль) як знак своєї довіри.

Король зупинився тут, поки решта армії не перейшла Десну. Потім він йшов цим шляхом, перейшов Сейм

12-го числа біля міста Батурина, де вони побачили жахливі руїни, відчули повітря, інфіковане смородом мертвих тіл, іноді напівзгорілих. Його величність пройшов 2 ліги з половиною до Городища, де зупинився на кілька днів.

Тут люди Мазепи привели генерал-ад'ютанта князя Меншикова, якого вони взяли в Прилуках (Prziluki). Його звали Шульц (Schultz), і він був уродженець Пруссії. Він був посланий царем з листом до короля Августа (Augustus) з побажанням, щоб принц повертався в Польщу, очевидно, що йому можна більше не боятися короля Швеції. При ньому було знайдено кілька листів, адресованих в канцелярію з образливими словами і московитськими хвастощами*, щоб переконати публіку в багатьох їх перевагах, над якими король дуже сміявся, читаючи лист.

Коли цар зустрівся з Меншиковим, він залишився в межі своїх володінь поблизу Глухова (Glukow) між річками Десна і Сейм, де він чекав на кілька нових полків з Московії, яких після прибуття налічувалось до двадцяти тисяч чоловік. Він мав з собою кілька тисяч козаків, які зберігали вірність і, оскільки він дуже хотів перемогти, він подумав, що треба позбавити влади Мазепу, що й було зроблено з великою церемонією в місті Батурині незабаром після його захоплення. Вони приготували для цього ешафот, на якому висіло його опудало з блакитною стрічкою ордена св. Андрія**; потім його було зірвано, а опудало повішене катом.

Оскільки цар обмежив вибори другого великого генерала в Глухові до сьомого числа, там вибрали гетьманом стародубського полковника на ім'я Іван Ілліч Скоропадський, якого його царська величність запропонував козакам зі своєї сторони. Полковники — командуючі територіями і провінціями і є також кілька, що командують більше, ніж десятьма тисячами людей.

Погода вже не дозволяла більше відкладати питання зимових квартир для армії, щоб вона могла відпочити після виснажливого маршу. Докладалися зусилля для влаштування таким чином, щоб війська могли добре відпочити і були захищені від будь-яких нападів: обережність стала необхідною, оскільки його величність знаходився недалеко від кордонів з Московією.

На цій стороні річки Сейм починається неосяжна країна Україна, що простягається до татарського Криму на одному боці, відкриваючи скрізь величезні і чудові рівнини, що подекуди рясніють містами та селами і простягаються на багато ліг вперед[243]. Коли король зробив точний аналіз ситуації в цілому по країні, особливо вдовж кордонів, його величність вирішив продовжити похід. І вибрав місто Ромни і сусідню округу.

І послав містера Гіленкрока укріпити і гарантувати безпеку в цьому місці, що знаходиться на річці Сула (Sula), недалеко від кордонів з Росією, що має вал і рів та підготувати зимові квартири.

---

* У них в основному була битва біля селища Лєсная, і вони зробили помпезний опис своєї удаваної перемоги, яку вони, за їх словами, одержали. Ми залишаємо на розсуд тих, хто був присутній на тій жахливій битві і на чиєму боці була перемога.
І чи можна вважати переможцями тих шість тисяч, які витримали натиск тридцяти тисяч і потіснили їх з поля бою.
А щодо багажу, хто завгодно може пограбувати його, якщо поряд немає небезпеки. А от найбільша перемога московітів — це їхні втрати.

** Мазепа покинув цей орден, коли він їхав на зустріч з королем Швеції.

---

[243] Король залишався в Городищі з 12-го по 16-те, щоб дочекатися прибуття решти армії, полки йшли через Сейм і зайшли в Україну. Ця країна, що розташована між Польщею, татарами та Росією, називається так згідно з її розташування, слово «Україна» означає межа, кордон, прикордонна. Україна названа відповідно, не враховуючи провінції Покутія (Pocutia) і Подолія (Podolia). Згідно із загальними підрахунками розміри країни — більше 70-ти німецьких ліг в довжину і більше 30-ти в ширину і відповідно вона складається з 2-х провінцій в Браславі (Braslaw) і Києві (Kiew). Баристенец, Боришенець, Берестянець (Botisthenes) або Дніпро протікає через країну і розділяє її на дві рівних частини.
Мешканців називають козаками, вони вважають себе вільними людьми, що не підкоряються ні Польщі, ні Росії, завжди підтримуючи свої привілеї та переваги; це була головна причина, чому Мазепа прийняв сторону короля Швеції проти царя, який всупереч договору між козаками і Росією, коли вони спочатку віддали себе під його протекцію, обтяжив їх податками і переобтяжив їх казармами для великої кількості військ, що наповнили всю Україну на початку свого царювання, а особливо під час війни.
Оскільки козаки були не спроможні підтримувати свою свободу з такими могутніми сусідами, вони спочатку віддали себе під захист Польщі, якій вони платили певну річну данину, але після сварки між ними і їх захисниками з причини деяких фортець, в 1645 році вони зобов'язалися перейти під протекцію царя, якому на ознаку свого підкорення вони платили певні річні внески, примушені також проходити військову службу під час війни, коли накажуть. Згодом вони добре служили і воювали, особливо проти турків і татар. В провінції Браслава поляки досі мають їх міста, а козаки володіють тільки країною в багатьох місцях пустельною.
Тільки місто Київ під володінням Росії з 1687 року було добре укріплене, там був Університет і Митрополія з грецьким єпископом. Більше того, вони мали гарнізони в Полтаві (Pultowa), Кодак (Kudac) та інших місцях, козакам належала решта.
Є різні роди або національності козаків. Деякі живуть в містах і селищах і підтримують себе сільським господарством. Інші живуть тільки в палатках вдовж річки Бористена (Boristhenes), де вони добувають собі їжу полюванням та риболовством, деякі живуть грабежем на численних островах великої річки, а також виходять далеко в Чорне море. Серед них є група, яку вони називають запорозькими козаками, вони найбільш люті, вибирають серед своїх полководця або гетьмана, без будь яких церемоній, а просто називають його по імені і кидають догори шапки.
Що до донських козаків, або Танаїс (Tanais), вони нагадують запорозьких своїми звичаями. Більшість козаків, що населяють міста України, більш ввічливі і серед них є багато чесних і сміливих людей. Всі вони грецької віри і вибирають свого великого полководця

Гіленкрок прибув у Городище в супроводі деяких військ і з полковником Мазепи і деякими козаками.

Цар нещодавно опублікував листівки в кількох містах вздовж кордонів. Ці листівки були повні наклепів, які московитський двір розповсюдив серед козаків, щоб вони повірили, що король Швеції, кого вони змалювали тираном і несправедливим загарбником, прийшов показати всю свою лють, на яку був здатний. Пізніше було роз'яснено, що коли цар дав їм нового великого генерала замість Мазепи, проти кого було найбільше гіркої лайки, він хотів переконати їх визнати його їх головним керівником і триматися твердо проти спільного ворога їхньої країни. Цей маніфест був без дати, імені, місця, де він був виданий, але наклепницький.

Гіленкрок по прибутті в Ромни знайшов ці видані листівки, і це змусило його віддати одного з бургомістрів під арешт, його обвинуватили в тому, що він був з руськими і просив у них підтримки. Король вийшов із Городища 16 числа і пішов за Гіленкроком з його колоною, пройшовши три ліги до Голінки (Hollinka) на річці Яцунка (Zisz). Перед тим, як він вийшов звідти, він послав генерал-ад'ютанта Лінрота (linroth) до генералів Крейца (Creutz) і Круза (Cruus), які вели останню колону армії і ще не перейшли річку Сейм (Sem) з наказом перейти її якнайшвидше. Лінрот з радістю приєднався до Круза, але, коли він йшов з таким же наказом до генерала Крейца, який був на відстані півліги від останнього, група козаків, які були нашими ворогами, проскочили між двома колонами і несподівано напали на шляху. Оскільки у нього було з собою три чи чотири чоловіки, він був вимушений відступити перед більшістю. Козаки поводилися з ними по-варварськи, кинули мертве тіло на полі бою, а іншого з цієї компанії знайшли наступного дня, і він ще встиг сказати кілька слів про нещасливу долю його товаришів. Цей Лінрот — останній з шести генерал-ад'ютантів, з якими король поїхав до Саксонії, п'ять з них були вбиті, а містер Каніфер (Canifer) — шостий, був в'язнем в Московії.

Сімнадцятого числа цар продовжив свій похід з селища Голінка (Hollinka) до Дмитрівки (Demitrofka) (дві ліги) і звідти вісімнадцятого в Ромни (Romnei), де ми зараз знаходимось, за дві ліги від кордонів з Московією*.

Мазепа вже довів королю необхідність укріплення міста Гадяч (Hadiacz), його резиденції, що в шести лігах від міста Ромни. Йому сказали, що новий гетьман виступив в похід на чолі московитських військ.

Прибувши в Ромни, його величність рушив в ту ж ніч з полковником Даблдорфом, зі Смоладським (Smoland) кавалерійським полком, драгунами Шретерфельта (Schreiterfelt) і полком піхоти Вестдотн (Westerdothn) під командуванням Лагеркрони і наказав йому слідувати за Мазепою, який прибув наступного дня за кілька годин до прибуття ворога, увійшов у місто, що, як і інші міста, мало вал і рів з водою. Мазепа, віддавши необхідний наказ і залишивши

або гетьмана з великою пишністю в своїх церквах відразу після смерті попередника. Цей гетьман має в підпорядкуванні багато полковників, які командують від одної до десяти тисяч людей і, коли головнокомандуючий або гетьман виходить на поле, він легко може зібрати армію з 10 тисяч чоловік, включаючи взагалі всіх козаків. Куди б вони не йшли, завжди з ними був хвіст коня, він же був і перед хатою або палаткою, це знак їх гідності. Як тільки він закріплений, військо сідлає коней і слідує за ним. Це сигнал, що глава їх військової республіки присутній.

Запорозькі козаки служать за гроші тому, хто більше заплатить. У його величності їх було чимало на службі, вони приходили і пропонували себе зі своїм гетьманом, їм добре платили, як ми дізнаємось трохи пізніше.

Україна — прекрасна і родюча країна, і так багата на зерно, що люди не можуть все його зберігати і вимушені добру його частину переганяти в міцні напої, які вони дуже люблять і завжди мають багато харчів. Їх пасовища такі багаті і плідні, що вони заготовляють багато сіна, яке вони збирають разом у великі стоги під відкритим небом, і воно служить для корму великої кількості коней, які є в цій країні.

Цей достаток всього виникає, по-перше, з прекрасної доброякісності ґрунту, а по-друге, з того, що країна мало населена, бо жителі звикли до мандрівного життя, звідки вони і дістали назву «козаки», що означає людину, яка постійно подорожує. Вони справді пізно почали будувати домівки, обзаводитися сім'ями, будувати міста, маєтки та села, багато земель досі незаселені і необроблені. І незважаючи на це, тут можливо зробити найкраще поселення в світі.

На їх пасовищах розводять коней виключно сильних і витривалих. Поки їм не виповнилося шість чи сім років, вони бігають вільними по місцевості і взимку, і влітку. Коли приходить пора, вони ловлять їх і починають готувати і привчати до вуздечки та сідла, до яких вони підкоряються з першого разу з великою нетерпимістю та дратівливістю. Їх барани, вівці і рогата худоба — дуже великі і жирні, і з причини її достатку — дуже дешеві. По прибутті до України ми купили бика вагою кілька сотен за п'ять крон і барана по чотири або п'ять пенсів: огузок (задня частина) — це найжирніша частина, її ширина — довжина руки. Вони не роблять вина зі своїх рослин, а імпортують або з Криму або з Угорщини, і останнє дуже дефіцитне. Їх звичайний напій — пиво, мед і міцні напої, всі три дуже добрі. Будинки зроблені з дерева, дуже низькі, стіни також. В містах часто частокіл і рови з водою. У цю чудову країну ввійшла наша армія, повна впевненості і радості, втішаючи себе можливістю відпочити від постійних походів і провести зиму в хороших квартирах. Ми вже не трималися близько один до одного, щоб запобігти нападам ворога, який оточив нас з усіх боків. І ми не могли захистити деякі полки, при всьому нашому бажанні, чиї квартири були на великій відстані, не маючи змоги надати їм допомогу, не згадуючи про те, що противник своїми постійними нападами тримав нашу провізію від нас якнайдалі. Всі ці негаразди заважали нам насолоджуватись родючістю цієї чудової країни.

---

* Причиною того, що король влаштував квартири в Ромнах, було те, що Мазепа побоювався побачити надто багато військ в Гадячі, звідки вони вирішили продовжити похід, але в той же час він сказав його величності про необхідність запобіжних заходів, щоб бути на місці до приходу руських. Мазепа хотів, щоб деякі полки рушили звідти і його величність погодився.

кілька тисяч козаків з Даблдорфом, повернувся тим самим шляхом, щоб бути ближче до короля в Ромнах.

Тим часом армія розселялася по квартирах в кількох містах та селах в районі десяти-дванадцяти ліг*; два чи три полки були розселені разом згідно з величиною кожного села, які дуже великі в цій країні.

Противник, з занепокоєнням спостерігаючи за тим, як близько ворог розташував свої зимові квартири до їх кордонів**, вислав великий загін для протистояння. Ця подія дала їм можливість показати себе. Двадцять першого листопада полковник Дюкер (Duker) мав бій з генералом Реном і потіснив його зі шведської території, яку він хотів атакувати.

Знову полковник Таубе в ніч між 27-м та 28-м переміг групу козаків і московитів і взяв у них біля дев'ятисот коней. Були вбиті і спалені, решта врятувалася. Іншого разу Дюкер першого грудня напав вночі на групу противника на московитській території, вони билися «вогнем і мечем». Пізніше генерал Круз бився з загоном з п'яти тисяч козаків і московитів, кілька ліг звідси і взяли у них більше тисячі коней.

Дякувати Богові, до цього часу кожного разу, як ми зустрічали ворога, ми перемагали його.

З глибокою повагою до Вас, милорд,

Ромни, 5 грудня

1708 року   Ваша Світлість

Густав Адлерфельд,

Для ілюстрації останніх подій з цього листа давайте повернемося до нашого журналу.

12-го числа полковники Дюкер і Таубе, які були відправлені, щоб захопити містечко Сміле, яка була призначена для їхніх квартир, прибули туди і дійшли до пригорода. Магістрат не дозволив їм увійти в місто без спеціального наказу Мазепи. У той же час вони прийняли генерала Рена і три чи чотири тисячі московитських драгунів з іншого боку. Коли короля сповістили про це, він поспішив сюди так швидко, як тільки міг, віддавши наказ колонам Спарра і Рооса вирушати, що вони негайно і зробили. Тим часом генерал Рен зробив все, щоб забарикадуватися якнайкраще.

21-го числа колони Спарре і Росса прибули до Смілого (Smielajah) з двома батальйонами гвардійців, їм було наказано слідувати за ними. Вони з'явилися на місці відразу після бою, коли генерал Рен, зробивши вилазку був відкинутий назад у місто з втратами чотириста чоловік. Цей бій тривав недовго, але був дуже жвавий; два шведських ескадрони трохи постраждали на початку бою. В той же день козаки з ворожої сторони взяли кілька фургонів багажу і вбили деяких наших хворих, що заблукали, слідуючи за колонами Росса і Спарре.

22-го числа Мазепа повернувся з Гадяча до штаб-квартири. Козацький полковник Апостол відбув з Миргорода з полковником лубенським (Labieniki) і групою козаків з деякими претензіями і попрямували до руських. Він був невдоволений, що Мазепа зобов'язав його привести свою дружину і родину в Ромни для слідування за армією, як робили всі інші козацькі дружини.

Нам повідомили в той день, що цар, відправившись в Лебедин (Libidin), викликав велику кількість військ, що пройшли лігу з Гадяча в маленьке місто Веприк (Wieprek), що розташоване на річці з такою ж назвою, і цар підготував це місто для оборони. Більш того, він мав в Лебедині (Libidin) біля 20-ти тисяч людей для атаки Гадяча, чий гарнізон, як він дізнався, був дуже слабкий в порівнянні з атакуючими військами, і він сподівався захопити його з першого разу.

23-го числа генерал-майор Мейєрфільд (Meyerfeld) і полковник Альбедиль (Albedyhl) прибули зі своїми полками і рушили до пригорода міста Ромни. У ту ж ніч генерал Рен відступив від міста Сміле (Smielajuh) у зв'язку з приготуваннями наших військ до нападу. Генерал Дюкер переслідував їх, вбив і взяв кілька полонених з їх сторони.

24-го його величність послав Гиленкла (Gullenkla) в місто Сміле (Smielajuh) з наказом спалити його.

26-го числа Мейєрфільд та Альбедиль рухались до своїх квартир. Дабл-Карлес заволоділи передмістям.

В ніч з 27-го на 28-ме полковник Таубе, який повертався в Ромни з Дюкером, напав на велику групу московитів і козаків. Більшість з них була порубана мечем, частина — спалена, решта врятувалася. Таубе взяв більше дев'ятисот коней.

Першого грудня полковник Дюкер з 6-ти сотенною кіннотою зробив вилазку, перейшов кордон, напав на групу московитів, і, вторгаючись далі на територію противника, палив все і рубав мечем і повернувся з втратами тільки 3 чоловіки.

П'ятого числа генерал Круз і полковник Таубе розбили групу з п'яти тисяч козаків і руських, з якими вони зустрілися вночі біля Кролевця[?](Krovireca), кілька ліг від міста Ромни, багато порубали мечем, інших штовхнули в річку Сула і взяли біля тисячі коней.

Десятого числа підполковник Функ рушив з 5-сотенною кіннотою «привести до розуму» селян, які збиралися в різних місцях та напоумити їх. Він вбив більше тисячі козаків в маленькому містечку Терни (Terey), що він спалив, як і місто Недригайлів (Dribalow). Він перетворив на попіл ті села, що належали козакам, які були на стороні противника, рубав мечем всіх, кого знайшов, щоб налякати решту.

Мали надію, що маніфест короля, датований кінцем листопада, написаний латинською і розповсюджений серед

* Армія була розподілена від Прилук (Przilyki), міста Ромни (Pomnei) і Гадяча (Hadiacz) до Лохвиці (Lochvica).

** Цар послав свої війська вздовж кордонів, а сам вийшов з Глухова (Gluckow), де він був певний час, в Лебедин (Libidin) біля Гадяча. Волконського (Wolkonski) було послано в Миргород (Mirogrod), у нього був сильний гарнізон в Ніжині (Nyzin) на березі Десни.

козаків, переконає в благородстві намірів його величності, який прийшов позбавити їх від ярма, від якого вони страждали; але, незважаючи на найсильніші запевнення в тому, що їх буде захищено і поновлено в правах і не буде заподіяно ніякої шкоди, якщо вони сидітимуть тихо вдома, здавалося, все це не вразило людей, яких цар своїми прокламаціями і новим гетьманом знайшов способи завоювати. Тож ми були в постійних сутичках з населенням, що вкрай турбувало старого Мазепу, особливо, коли йому доповіли, що була здана Біла Церква, де його втрати були значними.

Король, зрозумівши з приготувань царя в Лебедині, що він збирається в Гадяч, рушив 17-го числа з міста Ромни з піхотним полком гвардії, Апландерс (Uplanders) і Дабл Карлес (Dabl-Carles), піхотою і полком драгунів Дюкера, щоб розшукати противника і запропонувати їм бій.

Його величність пройшов в той день дві ліги до Липової Долини (Lipowa Dalina), де ми напали зненацька на сотню московитських драгунів, які були послані спостерігати за шляхом між містом ромни і Гадяч; тридцять були порубані на шматки волохами, а решта, а саме: майор, лейтенант і сімдесят драгунів були взяті у полон. Принца Вуртенберга (Wurtenberg) мало не вбив драгун противника, який підійшов ззаду і хотів відрубати йому голову, але принц, збираючись зробити удар, обернувся і уникнув удару.

Вісімнадцятого числа його величність продовжив похід і прибув в Гадяч (три ліги), гарнізон складався з полку Смоланд (Smoland), дворянства Лівонії, обидва — кіннота, драгунів Шретерфельта (Schreterfeld) і піхоти Вестботн (Westerbothn). Протягом години з приїзду короля противник був готовий дати бій і все було для цього готово, коли вони дізналися від драгунів, які врятувалися від нападу в Липовій Долині, про наближення військ, що йшли на допомогу, тому вони підпалили передмістя Гадяча та склад фуражу, що там знаходився і поспішно відступили.

Цар, який був на відстані півліги від цього міста і рухався зі значними силами в підтримку бою, повернувся і кваплив втік до Лебедина.

Ця перша ніч була нестерпно холодна, всю зиму погода була морозна і вкрай сувора. У місті були тільки одні ворота, через які проїжджали одні за одним, дуже повільно, багато возів. Місця було дуже мало для такої кількості людей і коней. Багато їх залишалася за воротами міста просто неба протягом кількох днів і ночей, поки розміщали ті вози, що вже заїхали до міста.

Багато померло від надзвичайного холоду і втратили кінцівки (відморозили руки й ноги), місто було повне хворими, всі домівки нагадували лазарет з жахливими видовищами. Король теж не уникнув моторошного впливу суворої пори року у вигляді опухання носу, який він натирав снігом, єдиний спосіб боротися з онімінням.

І якщо наші війська так страждали від лютої зими, то царські війська, які перебували в постійному русі, страждали не менше. Звідусіль ми чули про хвороби, що лютують в їхніх гарнізонах і казармах і, оскільки вони постійно повинні були бути на варті з причини постійних походів його величності, які не залишали їм ані хвилини спокою. Цей постійний неспокій разом з нестерпним холодом зводив в могилу більшість їхніх людей. Але вони хоч мали змогу переносити мертвих за допомогою новобранців з Росії і сам царевич поповнив свою армію 17-ма тисячами новобранців.

У той самий день п'ять полків зайшли в Ромни, де знаходилися суд, канцелярія і драбанти, а саме: піхота Спарра, Буквальда і Кронмана (Cronman), кіннота Круза, драгуни Таубе, щоб замінити війська, які його величність взяв з собою.

З генерал-майором Мейєрфільдом (Meyerfeld) відбулися деякі події під час їх походу з Лохвиці (Lochvica) для з'єднання з військами короля, а також зіткнення з Волконським (Wolkonski), який командував гарнізоном в Миргороді (Mirogorod), його було розбито і він відступив з втратами. Мейєрфільду під час походу не пощастило, він зламав ногу, впавши з коня, але потім отримав хороше лікування.

Оскільки король був невдоволений сусідством противника і горів від нетерпіння атакувати його, він вирішив знайти і переслідувати противника, поки той не утримає свої позиції. Отже, залишивши весь свій багаж і хворих в Гадячі з кількома полками для їх охорони і пославши за суддею та драбантами з міста Ромни, він сам 26-го з частиною армії рушив прямо в Веприк (Wieprek), куди був посланий Рен зі значною кількістю військ, який як тільки дізнався про наближення короля, залишив в місті три батальйони і негайно рушив в бік селища Кам'яне (Kamien). Наш авангард і волохи були біля ар'єргарду і зіткнулися з руськими козаками і калмиками, які прикривали його спішний відступ.

Рен продовжив похід зі всією старанністю і, проходячи біля Кам'яне, що знаходиться на тій самій річці, що й Гадяч, три ліги від Веприка (Wieprek), він залишив тут полковника з групою драгунів і прослідував в бік Лебедина (Libidin). Під час цього походу наші війська неймовірно страждали від холоду, кілька людей і коней загинули і багато втратили руки і ступні.

27-го король пройшов повз Веприк в погоні за Реном, залишаючи полк кінноти Саут Сканія (South-Scania) під командуванням Орнстеда (Ornstedt), а полк піхоти Остгот (Ostrogoths) під командуванням Джеймса Сперлінга (James Sperling) для спостерігання за цим пташиним містом; пізніше до них приєдналися драгуни Мейєрфільда (Meyerfeld) та Альбедиля (Albedyhl). З іншого боку граф Джаспер Сперлінг (Jasper Sperling) зі своїм полком Вестгот (Westrogoths) підійшов до Каменя (Kamien) і попрямував на відстань півліги, де він витіснив авангард противника.

Король просунувся кілька ліг до села Плішивець (Pleszinicz), коли холод став такий пронизливий, що стало зовсім неможливо продовжувати похід. Це змусило його величність зустріти там Різдво з полком, що він мав з собою, яке теж страждало від холоду в своїх квартирах.

Граф Джеймс Сперлінг (James Sperling) за наказом короля наказав коменданту Веприка (Wieprik) здати фортецю,

але він відмовився; Сперлінг повідомив його величності, хто заміняє його квартиру, повернувся в Зеньків (Czinkow), де він розмістив свій піхотний полк.

Зіньків (Czinkow) — маленьке місто, укріплене в традиціях цієї країни з частоколами і валом, обкопаним ровом. Багато селян замкнулися в ньому під приводом того, щоб бути нейтральними і не приймати ні шведів, ні руських. Поки Ранк (Rank) був у поході, прибув полковник Таубе, що рухався з 5-ма сотнями кіннотників з боку Кам'яне (Kamien) і підпалив передмістя. Король слідував за Ранком і знову пройшов повз Веприк, він залишив там полк піхоти Апланда (Upland) з чотирма гарматами; і, пройшовши поряд з великим лісом, ввечері він прибув до Зінькова (Czinkow). Він знайшов ворота закритими, а населення — особливо багато селян перебувало на фортечних валах — всі нетверезі, робили багато галасу і були збудженими. Генерал-ад'ютант Гиленкл (Gyllenkla) підпалив кілька домівок в передмісті.

31-го (Gyllenkla) отримав наказ закликати населення здати місто, оголосивши тим, хто були в місті, що протягом години вони повинні здатися; люди вимагали більше часу, але їм було відмовлено. У той же час король привів батальйон Кальмар (Calmar), підійшов до воріт і чекав, поки капітуляція не буде підписана. Згодом, коли ще не сплинула година, залякане населення здалося і відкрило ворота, якими батальйон Кальмар тут же заволодів.

Король рушив в передмістя з полком Дабл Карлес (Dable-Carles) під командуванням Серго (Siergoth), Вестланд (Westmanland) під командуванням Рооса і Кальмаром (Calmar) під командуванням Ранка (Rank), все це піхота з артилерією та кіннота Остгот (Ostrogoth) під командуванням Гамільтона (Hamilton) разом з драгунами Дюкера (Duker) і Шретерфельта (Schreiterfelt). Решта армії залишилась чекати наказів в Гадячі та поблизу. Граф Піпер (Piper) з частиною драбантів і двором короля були розквартировані біля Красних лук (Crasnaluka). Основна частина багажу двору короля залишилась в Гадячі[244].

№ 274
Щоденник камергера Карла XII
Густава Адлерфельда про перебування шведів в Україні (1709 р.)

<…> Король провів у Зінькові (Czinkow) перші дні Нового 1709 року, упродовж яких стояли такі люті холоди, що подібних люди й не пам'ятали. Його величність мав скласти план штурму Веприка (Wieprek), для чого послав туди генерал-майора Штакелберга (Stakelberg), щоб той визначив маршрут і повідомив йому. Зігроту (Siegroth) було наказано слідувати за ним, щоб обстежити місцевість і детально про неї доповісти. Коли той через два дні повернувся, король знявся з табору й вийшов з-під Зінькова (Czinkow) в супроводі артилерії й драгунів.

Шостого числа його величність прибув до Веприка (Wieprek), де було вже розміщено чотири батареї по п'ять гармат у кожній. Потім коменданту знову було запропоновано здатися, він відповів пострілами своїх гармат, на що отримав відповідь від наших батарей. Того ж вечора король здійснив необхідні приготування для наступу на світанку наступного дня, дав розпорядження здійснити три атаки, одну під керівництвом Джеймса Сперлінга (James Sperling), а дві інші — під командуванням Фріскі (Fritski) та Альбедайбла (Albedybl).

Вранці сьомого числа атака розпочалася залпами гармат, одночасно військо вишикувалося й пішло на штурм з надзвичайною силою й енергією. Проте супротивник вилив значну кількість води на вали, після чого вони з усіх боків миттєво вкрилися кригою. Таким чином гарнізон фортеці отримав суттєву перевагу через труднощі, яких наші люди зазнали, ковзаючи на схилах, які були такими слизькими, що встояти було неможливо, і захистив себе таким відчайдушним способом; через це його величність негайно віддав війську наказ про відступ.

Ми втратили в цьому наступі багато хоробрих воїнів. Два юних графи із загону Сперлінга (Sperling), які обидва підтвердили свої титули, свої звання й заслуги; також полковник Фріскі (Fritski), лейтенанти Морнер (Morner) та Лілегрін (Lilliegreen), граф Є. Ґіленстолп (E. Gyllenstolpe), усі дуже шановані люди; окрім того, загинуло ще багато інших заслужених офіцерів. Графа Реншильда (Rheinschild) контузило вибуховою хвилею від гранати. Генерала Штакелберга (Stakelberg) було поранено, а рукав мундира кня-зя Вюртенберга (Wurthenberg) був прострілений кулею. Король через Зігрота (Siegroth) та Врангеля (Wrangle) знову надіслав коменданту пропозицію здатися; той попросив декілька годин на роздуми й тієї ж ночі було прийнято рішення про капітуляцію. Офіцерів було взято в полон, проте їм залишили їхнє майно, а полковнику повернули шпагу. Тут ми знайшли також залишки розірваних гармат.

Наступного дня гарнізон вийшов з міста, він налічував одинадцять сотень осіб, не враховуючи селян, які несли зброю. Їх супроводжував Зільфербельм (Silfwerbielm) до

[244] Щоденник камергера Карла XII Густава Адлерфельда про перебування шведів восени 1708 р. на Чернігово-Сіверщин (переклад з англійської Ірини Калганової) // Сіверянський літопис. — 2014. — № 4. — С. 95–110 [Камергер шведського короля Карла XII Густав Адлерфельд (1671–1709) загинув у Полтавському бою. Щоденник безпосереднього учасника Північної війни видав у 1740 р. французькою мовою в Амстердамі син загиблого. Книга мала назву: «Histoire militaire de Charles XII, roi de Suéde, depuis l'an 1700 jusqu'à la bataille de Pultawa en 1709, écrite par ordre exprés de Sa Majesté par Mr. Gustave Adlerfeld, Chambellan du Roi» («Військова історія шведського короля Карла XII з 1700 р. до Полтавської баталії 1709 р., написана королівським камергером Густавом Адлерфельдом за особистим наказом Його Величності»). У 1740 р. щоденник видано також англійською мовою, пізніше — німецькою та шведською. Переклад здійснено за англійським виданням Adlerfeld G.The Military History of Charles XII, King of Sweden. — London, 1740. — Vol. III. — P. 44–90].

Зінькова(Czinkow), де їм дозволили безперешкодно увійти в місто; проте більшість з них померли від холоду.

Упродовж цього переміщення два офіцери королівської армії, яких звали Лоуд (Lood) та Окс (Ox), прибули в наш табір. Вони були взяті в полон царем і відіслані ним до його величності з проханням обміняти їх на Шульца (Schultz), ад'ютанта Меншикова (Menzikof), стосовно якого ми вели переговори раніше з людиною на ім'я Ґудуров (Gauduroff) у його камері. Король відхилив пропозицію й у призначене місце відіслав лейтенанта, якого було захоплено під Веприком (Wieprek), а замість Ґудурова (Gauduroff) — капітана, захопленого в тому ж місці.

Одинадцятого числа маленька фортеця (Bicoque)Веприк (Wieprek) була спалена і його величність вирушив до Зінькова (Czinkow) в супроводі артилерійського полку, кінноти Крузе (Cruus) й драгунів Тауба (Taub).

У той же час генерал Спар (Sparr) отримав наказ прямувати із шістьма полками піхоти до Лютеньки (Lutenka), яка була на відстані декількох ліг від Зінькова (Czinkow) на річці Лютенька (Lutuka), щоб там дати війську відпочити й бути в бойовій готовності.

Наше розміщення було настільки вдалим, що захопити нас зненацька ворогу було нелегко. Крейца (Creutz) було відіслано чи то до Лоховиці (Lochovitz), чи до Лохвиці (Lochwitza), що була на території України (Ukrain), а решта війська потягнулася щільно в напрямку кордону, де ми розмістилися під надійною охороною. Гадяч (Hadiacz) був розташований у центрі й там постійно перебував обоз ізількома загонами, яких король там раніше залишив, і до яких тепер за наказом його величності приєдналися декілька інших полків. Щодо супротивника, то він мав загони в Охтирці (Ogtirk), Котельві (Kutilva), Опішні (Qpuczna), Полтаві (Pultawa), Городньому (Horogni), Сорочинцях (Sorotzir) та ін., не враховуючи головних сил, які були розташовані в Лебедині (Libidin), що знаходився на кордоні їх власної країни.

Тринадцятого числа до його величності в Гадяч (Hadiacz) прибув граф Піпер (Piper).

Чотирнадцятого числа лейтенанти Ульфспар (Ulfsparr), Апельгрен (Apelgreen) та Штернбельм (Stiernbielm) стали полковниками; першому дістався полк Остгот (Ostrogoths) Джеймса Сперлінга (James Sperling), який загинув, другому Вестгот (Westrogoths) Гаспара Сперлінга (Jasper Sperling), а третьому — інший полк.

Дев'ятнадцятого числа полковник Дюкер (Duker) о шостій годині вечора відокремився від армії з двома тисячами кіннотників у напрямку Городнього (Horogni), де перебували п'ять полків ворога під командуванням бригадира Карупеля (Carrupel). Він прибув туди наступного дня й раптово атакував супротивника, розгромив його, при цьому було вбито три сотні людей, захоплено дві пари литаврів і кілька прапорів; крім того, з собою ми забрали понад тисячу коней з частиною обозу, яких успішно доправили до штаб-квартири. Ми ж при цьому втратили лише близько двадцяти людей.

Двадцять другого числа лейтенант Врангель (Wrangle), який командував драгунами полку Сканія (Scania), або як їх ще називали Священними драгунами, був убитий пострілом з фальконета під час розвідки району Сорочинців (Sorotzin), що знаходилися неподалік наших позицій і де стояв ворожий гарнізон. Князь Вюртенберг (Wurtenberg) попросив цей полк у короля, який згодом йому його віддав.

Уночі між двадцять сьомим і двадцять восьмим числом король, узявши з собою полк кінноти Гамільтона (Hamilton) та драгунів Дюкера (Duker) та Тауба (Taub), зібравши загалом дві тисячі осіб, рушив за князем Вюртенбергом (Wurtenberg). Граф Реншильд (Rheinschild) з іншими заслуженими офіцерами рухалися через великий ліс до Опішні (Opuczno), що на Ворсклі (Worskla), де стояли шість московитських (Muscovite) драгунських полків під командуванням генерала Шаумбурга (Schaumburg), а також шість сотень кінних гренадерів і близько двох тисяч козаків. При нашому наближенні вони організовано відступили в напрямку чи то Опішні (Opuczno), чи Обужні (Obutzin); проте наші полки кинулися відважно в атаку, чим майже відразу шокували ворога, а потім переслідували його цілу лігу по п'ятах.

Ворог втратив тут чотири сотні бійців, п'ятдесят було взято в полон, ми здобули дві пари литаврів і п'ять прапорів. Меншиков (Menzikof) та генерал Ренне (Ronn), що прибули якраз напередодні бою з метою атакувати з цими полками наші позиції, зіткнулися з драгунами Сканії (Scania) й кіннотою Горна (Horn), що стояли під Ковалівкою (Kovalufka), і встигли лише втекти з рештою війська. Волохи здобули значну здобич в Опішні (Opuczno), де вони розграбували увесь обоз цих полків.

Якраз перед цим боєм, у якому ми втратили двох людей, а сімнадцять було поранено, його величність надіслав генерал-ад'ютанту Дювальду (Duwaldt) в Зіньків (Czinkow) наказ усім полкам виступати разом з обозом; Ранк (Rank) та Росс (Roos) повинні були прибути з піхотою в Опішню (Opuczno), а артилерія з рештою війська — до Куземина (Casmin).

Двадцять дев'ятого числа король вирушив до Котельви (Kutilva), сподіваючись зустріти ще один загін і шість московитських (Muscovite) полків, які там затрималися; він втішав себе надією, що ті, хто втік з Опішні (Opuczno), можливо, пішли тією ж дорогою. Вони справді пішли в той бік, вдаючись одночасно до загального терору, який повсюдно здійснювався по дорозі через Краснокутськ (Krasnakui) в Охтирку (Ogtirki); ось тому, коли його величність прибув, противник звідти вже втік.

Король тоді залишив в Опішні (Qpuczno) капітана з п'ятдесятьма кіннотниками й кількома пораненими солдатами для охорони поранених і захоплених у останньому бою трофеїв. Дізнавшись про це, росіяни (Russians) послали туди частину своїх драгунів, що стало для капітана несподіванкою, його самого і його людей було вбито, а трофеї й полонених забрано; коли прибув генерал-майор Ранк (Rank), він не виявив нічого, окрім небіжчиків.

Королівський почет, драбанти (Drabans) й полки тридцятого числа знялися з табору в Зінькові, де ми залишили

у власному тилу лише один загін козаків для спостереження за рухом в околицях. Наступного дня почет і драбанти приєдналися до короля чи то в Кутильві (Kutilva), чи в Котельві (Kutelau), де його величність зупинився на декілька днів. Одночасно ворог відступив до Колонтаєва (Kalcutai), а звідти до Охтирки (Ogtirki).

Першого лютого до війська приєднався полк Клінта (Klint).

Шостого числа багато калмиків атакували нашу охорону поблизу Куземина (Casmin) й убили кілька чоловік; після чого відразу туди вирушив пікет й вони швидко втекли.

Восьмого числа його величність наказав перебувати в бойовій готовності для походу наступного дня. Холод продовжував нам дуже дошкуляти[245].

Король, який з нетерпінням очікував нанесення ворогу відчутнішого удару, щоб змусити його нарешті остаточно відступити на свою територію, згорнув дев'ятого числа табір і вирушив з Котельви (Kutilva) до Охтирки (Ogtirki). Коли він проходив через село Хухру (Kukri) (дві ліги), то зіткнувся з частиною ворожих драгунів полковника Чемердіна (Tschamerdin), які поверталися з далекого походу, але були наздогнані волохами й п'ятьма ескадронами прямо під стінами Охтирки (Ogtirki). Ми вбили немало ворогів, а декількох взяли в полон.

Ворог, побоюючись бути оточеним в Охтирці (Ogtirki), відразу спалив усю околицю й вирушив на конях у Краснокутськ (Krasnakut) (три ліги), де вісім полків драгунів ми наздогнали й оточили в місті; десять інших полків на відстані півліги звідти ми взяли в облогу в місті Городньому (Horodniza).

Король зупинився в Хухрі (Kukri). Артилерія, що мала із Зінькова (Czinkow) перейти з іншими загонами в Куземин (Casmin), вирушила в Хухру (Kukri), куди прибула наступного дня, спаливши перед цим Куземин (Casmin), Кузьмин (Kusmin) чи Кам'ян (Kamien), що було різними назвами одного й того ж самого місця.

У Хухрі (Kukri) князь Вюртенберг (Wurtenberg) отримав від короля чин полковника. Його величність також наказав видати йому кошти, щоб він заплатив за екіпаж, який він купив у свого попередника Врангеля (Wrangle).

Десятого числа лейтенант Функ (Funk) із сотнею вершників вирушив на розвідку до Охтирки (Ogtirki). Він доповів, що тамтешній гарнізон складається з трьох піхотних полків, а вся кіннота вибула до Краснокутська (Krasnakut).

Одинадцятого числа його величність послав генерал-майора Гамільтона (Hamilton) із чотирма полками в Олешню (Olesna), щоб той зруйнував містечко. Після прибуття туди він винищив більшість гарнізону, решту разом з місцевим воєводою забрав в полон, а саме місто потім спалив.

У той же день рано вранці король вирушив у дорогу до Краснокутська (Krasnakut), супроводжуваний драбантами, кінними полками Крузе (Cruus) та Смоланда (Smoland), кількома полками драгунів, пішою охороною Дабл-Карлерса (Dabl-Carlers) та полком Скарабурга (Skaraborg) з артилерією. На півдорозі вони зіткнулися з авангардом ворога, що налічував тридцять вершників, шестеро з яких були вбиті волохами, а інших взято в полон.

Король продовжив переслідувати супротивника до Краснокутська (Krasnakut). Коли він підходив, противник відійшов на інший бік містечка й вишикувався в бойовому порядку поблизу млина й монастиря. Волохи почали перестрілку, король з кавалерією пішов у наступ, щоб підтримати їх. Проходячи через містечко, він натрапив на кілька ескадронів ворога, які чимдуж втекли після першого ж пострілу.

Минувши містечко, король перед боєм з ворогом вишикував свої війська в дві шеренги й пішов з ними в наступ на супротивника, що все далі віддалявся від населеного пункту. Ворог, не наважуючись вступити в бій, почав галопом відступати до Городнього (Horodniza), що було за півліги від Краснокутська (Krasnakut). Як тільки супротивник запанікував, його доля була вирішена. Частина ворогів загинула не тільки на шляху, але й перед воротами Городнього (Horodniza), а також в околицях і на вулицях міста, де ці нещасні, збившись у натовп і не маючи шансу на порятунок, були порубані на шматки так, що всі вулиці були всіяні трупами.

Росіяни в цій сутичці втратили понад тисячу чоловік і деякі трофеї; втрати з нашого боку становили не більше дванадцяти гвардійців, сто двадцять кіннотників та драгунів, які були вбиті або поранені. Генерал Ренне (Ronn), який стояв поблизу цього міста з десятьма іншими полками, тієї ж ночі відступив на шість ліг далі до Бєлгорода (Bialorod), що знаходився на території власне Росії (Russia). Краснокутськ (Krasnakut) же відносився до російської України (Russian Ukrain).

Дванадцятого числа його величність пройшов півліги до Мурафи (Morafka). Перед цим він віддав накази спалити Краснокутськ (Krasnakut) і Городнє (Horodniza),

[245] У одному з цих походів дві тисячі осіб загинули від холоду прямо на наших очах. Бійці не мали черевиків, ноги були без взуття, майже не було одягу. Вони були змушені зігріватися в шкурах тварин, які змогли вполювати. Часто солдати просто хотіли хліба. Вони були змушені втопити майже всі свої гармати в болотах і річках, щоб коні хоча б їх на собі витримували. Ця армія, колись така могутня, зменшилася до двадцяти чотирьох тисяч осіб, та й ті були на межі голодної смерті. За таких обставин лише один офіцер висловив невдоволення, на що король промовив: *«Я гадаю, що тобі нелегко бути так далеко від дружини; проте якщо ти справжній солдат, я заведу тебе так далеко, що ти отримуватимеш звістки із Швеції раз на три роки».* Один солдат мав зухвалість невдоволено показати королю шматок чорного запліснявілого хліба перед усім військом, це був єдиний харч, який вони отримували, та й то в недостатній кількості. Король спокійно взяв хліб і з'їв увесь шматок; потім похмуро відповів солдату: *«Не смачний, проте їсти можна».*

попередньо вигнавши звідти всіх мешканців включно з жінками та дітьми.

Тринадцятого числа армія подолала дві ліги до Коломака (Colomak), спаливши перед цим Мурафу (Morafka): у той день була жахлива злива з громом і блискавицями. Коломак (Colomak) розміщувався на кордоні з Татарією (Tartary). Старий Мазепа (Mazeppa), який був у цьому поході з козаками, перебував поруч з королем верхи на коні, привітав короля з успіхами його армії; він сказав йому на латині, що вони вже за вісім ліг від Азії (Asia). Його величність, який був чудово знайомий з картою, відповів, посміхаючись: «Sed non conveniunt Geography; проте географи з цим не згодні». Ця відповідь змусила літнього чоловіка почервоніти.

Приблизно після чотирнадцятого числа зима упродовж декількох днів зменшила свою суворість, чим відразу всім додала настрою; погода тепер була лагідною й досить тихою після однієї з найжорстокіших пір року, яка коли-небудь була в цьому кліматі: але в той же час вода почала підніматися до такого надмірного рівня, що ті річки, які ми раніше легко переходили, бо вони були всі вкриті кригою, у перспективі могли стати для нас по всій країні нездоланною перешкодою.

Ця зміна змусила його величність повернутися в Україну (Ukrain) й там дочекатися кращих часів і вигідніших умов для ведення війни в країні, повної річок. Генералу Крузе (Cruus) був відданий наказ вийти з кількома полками раніше, король з рештою армії вирушив слідом наступного дня. Ми попрямували до Ковалівки (Kublintka), що була на відстані трьох ліг; після нашого відходу король наказав спалити Коломак (Colomak).

Цей марш був дуже важким для піхоти, яка майже увесь час брела по воді; рівнини, через які вона прямувала, у деяких місцях нагадували велике озеро, рівень води в річках по всій країні був значно перевищеним. Особливо стомлювалися в дорозі артилеристи і їхній обоз; це змусило його величність віддати наказ про те, щоб ті підводи, що не використовувалися, спалити; малися на увазі ті вози, які військо використовувало для перевезення своєї провізії.

Це був трагічний день для полку німецьких (German) драгунів під командуванням полковника Альбедайбла (Albedybl), який стояв у Рашові (Raschow) чи Рашівці (Raschouska), на віддалі кількох ліг від Лютеньки (Lutinka), де перебував генерал-майор Спар (Sparr). Вороги під командуванням Шереметьєва (Scheremethof) почали наступ на сто двадцять драгунів, яким було наказано наглядати за кіньми; попри відчайдушний опір, вони були з усіх боків оточені й знищені. Потім Шереметьєв (Scheremethof) вирушив з дванадцятьма полками в напрямку Рашівки (Raschow), де, попри героїчний опір, бійців полку Альбедайбла (Albedybl) було порубано на шматки, а решту забрано в полон, включно з самим полковником; лише триста вершників на чолі з майором із зброєю в руках прорвалися через оточення ворожих ескадронів і прибули в Лютеньку (Lutinka) до Спара (Sparr).

Вороги захопили всіх коней цього полку й частину коней іншого разом з їхнім обозом. Було побоювання, що Шереметьєв (Scheremethof) після цих дій буде продовжувати похід до Гадяча (Hadiacz), щоб захопити увесь обоз; проте він не став цього робити й повернувся на свої позиції.

Сімнадцятого числа король поспішив з Рублівки (Rublinfka) до полку гвардійців, який був змушений провести ніч у відкритому полі, не маючи змоги перейти водний потік, який з кожним днем наростав. Ця прикрість змусила короля віддати цьому полку наказ йти шукати в радіусі двох ліг міст. У той же час артилеристи Дабл-Карлерса (Dabl-Carlers) й полки Смоланда (Smoland) й Крузе (Cruus) переправилися поблизу Колонтаєва (Kalentajo), який після цього було спалено.

Його величність з драбантами (Drabans) та рештою війська вісімнадцятого числа подолали водну перешкоду поблизу Рублівки (Rublinfka), після чого ми відразу спалили це місто, яке було останнім на нашому шляху в російській Україні (Russian Ukrain). Військо подолало менше ліги до річки, де його величність зупинився, поки налагоджували переправу. Гвардійський полк знайшов міст, яким можна було перейти на інший бік, проте він був у напівзруйнованому стані; гвардійці його негайно відновили й після переправи приєдналися до його величності.

Дев'ятнадцятого числа король повернувся в Опішню (Opuczno) з драбантами (Drabans), проходячи лише по півліги в день. Похід був дуже виснажливим для полків, які повинні були переходити всю цю воду, що перетворила ґрунт в багнюку, а дороги й проходи стали грузькими й важкими. Як тільки його величність розвернувся, противник, який переслідував нас досить довго, зупинився навпроти наших позицій на іншому березі річки Ворскла (Worskla).

Двадцятого числа генерал-майор Гамільтон (Hamilton) повернувся зі своїм загоном, а генерал Крузе (Cruus) попрямував з Опішні (Opuczno) до Будищ (Budiczin). Король ще деякий час залишався в Опішні (Opuczno), де гарнізон складався з полків Ранка (Rank) й Росса (Roos), а також перебувала частина полків, яких він і взяв із собою в свій останній похід до табору під Полтаву (Pultowa), а саме гвардійців Крузе (Cruus), Гамільтона (Hamilton), полки Остгот (Ostrogoths), Смоландер (Smolanders) і Скарабург (Skaraborg); свою штаб-квартиру король вирішив розмістити в Будищах (Budiczin), куди він і вирушив дещо пізніше.

Генерал-майор Крейц (Creutz) вийшов зі своїм підрозділом з Лохвиці (Lochwica) чи Лоховиці (Lochowitz), щоб отаборитися поблизу короля. Росіянам (Russians) під командуванням Шереметьєва (Scheremethof) не вдалося завадити йому здійснити свій намір, вони напали на його авангард, який дав їм гідну відсіч, після чого вони спокійно продовжили свій похід; проте він мав значні труднощі при перетині водних перепон і був змушений спалити кілька возів, навантажених майном, за яким він мав пильнувати.

У той же самий час його величність надіслав наказ до Гадяча (Hadiacz), щоб звідти доправити завантажений обоз; гарнізон вийшов з міста, перед цим зруйнувавши там всі

оборонні споруди, минув Лютеньку (Lutinka) й Бірки (Burki) й двадцять сьомого числа прибув у Опішню (Opuczno) без будь-яких перешкод з боку супротивника.

Уся шведська армія тепер була зосереджена поміж двох річок — Пслом (Pziol) і Ворсклою (Worskla) й розміщувалася від Лютенької (Lutinka) до Опішні (Opuczno), охоплюючи площу в дванадцять польських ліг; військо чекало сприятливіших погодних умов для активних дій, пори, коли трава почне рости на полях. Король використовував цей час не для відпочинку, а для відвідин та огляду своїх полків. Першого березня (March) з Опішні (Opuczno) вийшов полк Клінта (Klint), а третього числа його величність також полишив місто й, пройшовши лігу, прибув до Будищ (Budiczin), де містилася його штаб-квартира.

Тим часом кіннота противника здійснила декілька маневрів і наблизилася до Ворскли (Worskla), розмістивши частину загонів у Котельві (Kutilva). Загін капітана Фіттенгофа (Fittinghof) з полку Тауба (Taub), який рухався до Ворскли (Worskla), був атакований ворогом; противник отримав таку гідну відсіч, що змушений був утікати; декількох ворогів було вбито й узято в полон.

Із протилежного від нас боку поблизу Псла (Pziol), в околицях Краснополя (Krasnapole), перебувало військо Шереметьєва (Scheremethof) з усією піхотою, гарнізон якої було розміщено в Гадячі (Hadiacz) після виходу звідти шведів (Swedes); тому тепер ми були з усіх боків оточені противником — обставина, яка робила наше становище досить складним. Десятого числа один із ворожих загонів наважився атакувати підрозділ полковника Гельма (Hielm); але він так добре охоронявся, що намір противника успіхом не увінчався.

Дванадцятого числа до штаб-квартири прибули жінки наших козаків; наступного дня принц Вюртенберг (Wurtenberg) вирушив до свого полку, який стояв у Ковалівці (Kowalufka), що була за п'ять ліг від штаб-квартири.

Похід короля не на жарт схвилював запорожських (Zaporovian) козаків, про яких мова йшла раніше; вони написали Мазепі (Mazeppa) листа, в якому повідомляли йому, що вони нині на боці царської армії, і що вони хотіли б знати наміри короля Швеції (Sweden), який зайшов так далеко, що це їх занепокоїло.

Мазепа (Mazeppa) вже писав цим людям тоді, коли він визнав шведського (Sweden) короля; проте тоді кур'єра з листом перехопили росіяни (Russians). Тепер, відповідаючи на їхній лист, він повідомляв козакам про справедливість намірів короля Швеції (Sweden), який, будучи грізним завойовником, прийшов, щоб звільнити їх від гніту й рабства, які цар приготував для них. Він закликав козаків наслідувати його приклад і стати під прапори монарха, який стане їх захисником і особою, яка зробить їх вільними й щасливими. Зрештою, щоб цей лист справив більше враження на свідомість козаків, Мазепа послав до них одного із своїх полковників і суддів, вмілого оратора, якому було доручено їм усе це цілковито й зрозуміло розтлумачити.

Запорожці, яких дані твердження повністю переконали, негайно послали уповноважених до Мазепи (Mazeppa), щоб ті доповіли йому про те, що вони стають на його бік. Водночас посли принесли королю листа від їхнього гетьмана. Дев'ятнадцятого числа посли мали зустріч з його величністю й, отримавши відповіді на всі питання, наступного дня вибули дуже задоволені й негайно розпочали військові дії проти московітів (Muscovites).

Росіяни, дізнавшись про зраду козаків, послали полковника Кампеля (Cambel) з трьома тисячами драгунів до містечка Царичанка (Torodginska), щоб той напав на запорожців (Zaporovians), які рухалися на з'єднання з нами. Російські драгуни розділилися на декілька загонів, які нишпорили по країні, перешкоджаючи запорожцям (Zaporovians) просуватися, але ті, у кількості восьми тисяч осіб, атакували полковника Кампеля (Cambel) в містечку, розгромили його численні загони й захопили сто п'ятдесят полонених; так що з трьох московитських (Muscovite) полків вдалося врятуватися лише чотирьомстам драгунам разом з полковником.

Запорожці на чолі з гетьманом (Hettman), якого вони називали кошовим отаманом (Ottoman Kokzovy), продовжили свій похід у розташування короля. За гетьманом слідували декілька сотень козацької старшини. Мазепа зустрів їх за півліги до Будищ (Budiczin); на наступний день гетьман мав аудієнцію в короля, до якого він звернувся на латині, промовивши, що запорожці (Zaporovians) відчувають радість через прибуття його величності, що вони просять його захисту, а також дякують Богові, що він дав їм, нарешті, можливість насолодитися свободою, якої вони так жадібно прагнули; після цього він поцілував королю руку й був гостинно запрошений з вищими посадовцями до двору, де їх розмістили за двома столами.

На наступний день запорожці (Zaporovians) зібралися в православній церкві в Будищах (Budiczin), де прийняли присягу на вірність Мазепі (Mazeppa). Після гетьмана присягнув писар; після цього вони всі разом перехрестилися й поцілували Євангеліє й розп'яття. Того ж дня перед від'їздом запорожці зустрілися з його величністю, а назавтра вибули з Будищ (Budiczin) для продовження військових дій проти росіян (Russians).

Тридцять першого числа пан Сандул (Sandul), волоський полковник, відбув до Бендер (Bender) на запрошення турецького (Turk) сераскира, який мав потребу у волоських найманцях. У той же день росіяни захопили в Зінькові (Czinkow) лейтенанта з полку князя Вюртенберга (Wurtenberg) із шістнадцятьма драгунами, яким було доручено поповнити запаси продуктів. Ці негаразди, які траплялися з нами час від часу, були неминучі; оскільки ми змушені були поповнювати запаси фуражу й продуктів, відхиляючись від основних шляхів, полки час від часу зазнавали втрат маленьких загонів, які були розіслані для збору провізії. Князь Вюртенберг (Wurtenberg), який був у найнебезпечнішій ситуації, попрохав у його величності дозволу перебувати йому ближче до штаб-квартири. Отримавши згоду, він прийшов і розташувався зі своїм полком у Бірках (Burky).

Одного дня ми дізналися, що цар відіслав генерала Ґольтца (Goltz) з дев'ятнадцятьма чи двадцятьма тисячами чоловік за Дніпро (Dnieper), щоб з'єднатися в Польщі (Poland) з військом Сенявського (Siniawski), який виступав проти короля Станіслава (Stanislaus), і були дуже цим збентежені й занепокоєні. Ще ми дізналися, що п'ять тисяч чоловік знаходиться в Полтаві (Pultowa), а також те, що за Ворсклою (Worskla) стоїть військо під командуванням Ренне (Ronn), призначене для прикриття кордонів Росії (Russia); що Шереметьєв (Scheremethof) командував рештою армії, яка складалася переважно з піхоти й розміщувалася уздовж річки Псел (Pziol) поблизу Гадяча (Hadiacz) й Краснополя (Krasnapole). Щодо царя, то ми знали, що він був за вісімнадцять ліг від своєї армії у Воронежі (Woronitz), де він будував кораблі.

Полтава (Pultowa) була розташована на річці Ворскла (Worskla), яка за шістнадцять ліг вниз по течії впадає в Борисфен (Boristhenes). Це місто належало козакам, але потім росіяни прибрали його до своїх рук. Багато з жителів при наближенні шведів утекли сюди зі своїм майном; тому це місто було повне достатку, зерна й різної провізії.

У місті перебував гарнізон з п'яти тисяч чоловік під командуванням генерал-майора Аларта (Allart), якому був підпорядкований полковник Келен (Kellen). Цей генерал відповідав за відновлення фортифікаційних споруд та побудову нових укріплень, так що це була досить міцна фортеця в цьому районі. Його величність після обстеження території в тому місці, де Ворскла (Worskla) розпадалася на декілька рукавів, утворюючи болотисту місцевість, повернувся увечері наступного дня до Будищ (Budiczin).

Тринадцятого числа відбулася подія біля Сокілок (Jokolki) поблизу Ворскли: генерал Ренне (Ronn) атакував кілька полків на чолі з генералом Штакелбергом (Stakelberg), отримав відсіч і зазнав втрат у дуже впертій битві, а полковника Ґілленштерна (Gyllenstiern) було поранено.

Вісімнадцятого числа лейтенант артилерії втік з Полтави (Pultowa) до Будищ (Budiczin). У той день випало багато снігу, який на сонці швидко розтанув, зробивши дороги надзвичайно поганими. Армія була змушена залишитися на своїх позиціях.

Двадцять першого числа три капітани з наших волохів із значною кількістю бійців перейшли від нас на бік ворога.

Двадцять четвертого числа його величність здійснив поїздку до табору генерала Крейца (Creutz), де були занепокоєні пересуванням загонів маршала Шереметьєва (Scheremethof), підозрюючи, що вони призначені для атаки позицій генерала Крейца (Creutz); оскільки небезпеки не виявилося, то король того ж вечора звідти повернувся. Цього ж дня генерал-майору Аксель Спару (Axel Sparr) було наказано прибути зі своїм підрозділом до штаб-квартири короля.

Двадцять п'ятого числа кілька полків Спара (Sparr) прийшли з Лютеньків (Lutenka) до Будищ (Budiczin). Наступного дня вони мали супроводжувати його піхотні полки, що входили до гарнізону, який раніше перебував у Гадячі (Hadiacz) й складався з восьми підрозділів. З цими полками, а також з артилерією та усім армійським обозом Спар (Sparr) почав похід на Полтаву (Pultowa), щоб захопити це місто. Генерал Шереметьєв (Scheremethof) на чолі дванадцяти тисяч бійців був свідком цього походу; проте, побачивши стрункі шеренги та надійну охорону, яку організував Спар (Sparr), не наважився його атакувати й той безпечно дійшов до міста без жодних людських втрат.

Двадцять восьмого числа полк Дабл-Карлерс (Dabl-Carlers) знявся з табору й вирушив до Полтави (Pultowa); наступного дня його величність рушив за ним з драбантами, кількома полками кінноти й піхотними полками Вермланда (Wermland), Вестботена (Westerbothn) й Кальмара (Calmar), які отаборилися на зручній відстані від міста; таким чином сюди прибули майже всі наші піхотинці, за винятком двох полків, які залишалися в Будищах (Budiczin) з драгунами Тауба (Taub) та Дюкера (Duker) під командуванням генерал-майора Росса (Roos) для утримування цього пункту, через який, безумовно, противник міг пройти, якби спробував звільнити Полтаву (Pultowa).

Першого травня (May) Клінт (Klint) повернувся й у той же день перед Полтавою (Pultowa) розпочалося риття окопів; тоді ж ми дізналися, що ворог збирає свої сили поблизу Опішні (Opuzno).

Другого, третього, четвертого, п'ятого й шостого числа окопи були готові, але в них перебувало небагато людей, бо ми хотіли відновити ті наші сили, які його величність не вважав за потрібне виставляти саме в цьому місці, яке ми сподівалися зайняти швидко й без втрат.

Шостого числа генерал-майор Росс (Roos), помітивши сили ворога, які прибували на протилежний від Опішні (Opuczno) берег, окопався вздовж Ворскли (Worskla), зробив насипи з флангів, щоб протидіяти переправі через річку в цьому місці: противник відкрив масивний вогонь по нашим робітникам, убивши кількох з них.

Сьомого числа генерал-майор Росс (Roos) доправив сюди декілька гармат для стрільби по протилежному берегу, одночасно майор Лоуд (Lood) із двохсот п'ятьдесятьма людьми зайняв тут позицію.

Восьмого числа вороги переправилися через річку по містку, який вони побудували нижче Опішні (Opuczno), і з піхотою та кіннотою в кількості дванадцять тисяч чоловік кинулися в атаку на наші окопи. Використовуючи свою значну перевагу в силі, противник захопив у полон майора Лоуда (Lood) й декількох інших офіцерів та близько семидесяти піхотинців; решта ж відбилася від ворога після кількагодинної відчайдушної оборони.

Генерал-майор Росс (Roos), знаючи наміри противника, до початку атаки відвів полки своїх драгунів на позиції до Будищ (Будищ); до них також приєдналися два батальйони гвардійців, полки кінноти Сканії (Scania) та Горна (Horn), драгуни князя Вюртенберга (Wurtenberg) й Меєрфельда (Meyerfeld), які поспішили туди зі своїх таборів. Його величність прибув з графом Реншильдом (Rheinschild) та багатьма іншими генералами якраз у той момент, коли

вороги поверталися до мосту, щоб перейти його. Полковник Дюкер (Duker) несподівано здійснив вилазку з міста навздогін їм і напав на їх авангард так люто, що вони були відкинуті до річки, де загинуло понад двісті чоловік. Більшість ворожого війська згодом швидко перетнула міст, потім знищила його й рушила повним галопом до Котельви (Kutalva), залишивши позаду всі свої матеріали й інструменти, які вони мали намір використовувати при облозі Опішні (Opoczno), а також дві гармати, які вони щойно забрали в окопах; проте на початку атаки вороги все таки захопили два наших прапори.

Дев'ятого числа всі полки повернулися до Будищ (Budiczin), після того як усю ніч простояли в бойовій готовності на випадок, якби ворог відновив військові дії. Що ж до гарнізону, який стояв у Опішні (Opuczno), то після спалення містечка він попрямував за рештою війська.

Одинадцятого числа все наше військо знялося з позицій у Будищах (Budiczin) і, пройшовши дві ліги, прибули до села Жуки (Czuki), що неподалік від Полтави (Pultowa).

Дванадцятого числа ми з допомогою викопаних траншей максимально наблизилися до оборонних споруд міста й стали табором, одночасно супротивник окопався за валом. Чарльз Посс (Charles Poss) здійснив цей маневр із гренадерами гвардії, які себе дуже добре проявили.

Чотирнадцятого числа фельдмаршал Реншильд (Rheinschild) пішов від нас для взяття під своє керівництво полку кінноти поблизу Жуків (Czuki), де ми мали чималий запас фуражу; для його поповнення тут стояли козаки, які об'їжджали села; перебувало там близько шести тисяч запорожців (Zaporovians).

Шістнадцятого числа й напередодні противник здійснив багато вдаваних нападів з різних боків, зробив декілька пострілів картеччю; у цей час дванадцять сотень бійців під командуванням бригадира Ґоловіна (Gallowin) налагодили переправу через болото з допомогою фашин, які поклали селяни, що прекрасно знали місцевість: усі вони непомітно увійшли до міста. Король, гадаючи, що ворог буде робити спробу вступити в бій, поспішив до свого полку гвардійців і наказав багатьом загонам виступати. Проте, як тільки допомога увійшли в місто, Меншиков (Menzikon), який керував цими фальшивими атаками, миттєво повернувся, задоволений своїм успіхом у переправі цих загонів, а також налагодженим зв'язком між містом та редутами із встановленими гарматами, які він спорудив поблизу переправи.

Того ж дня два татарських (Tartar) кур'єри прибули до табору. Мазепа (Mazeppa) послав їх до короля з пропозиціями від татарського (Tartars) хана, який вирішив приєднатися до нас. До вечора решта полку гвардійців прибула до табору й розмістилася поблизу монастиря.

Сімнадцятого числа його величність наказав влаштувати невеликий редут біля підніжжя гори, на якій була розташована Полтава (Pultowa), і поблизу річки, у тому місці, через яке ворог пробрався в місто. Противник, який перебував на протилежному схилі гори, почав копати траншеї, щоб завадити нам, а наступного дня два батальйони спустилися вниз по схилу на берег річки навпроти наших редутів. Ці загони зробили залп зі стрілецької зброї по нашій варті, яка там стояла, ті відповіли їм тим самим, змусивши їх повернутися назад до своїх окопів.

Під час подій, що відбувалися на цьому березі, ворог здійснив несподівану вилазку з восьмистами бійцями на чолі з бригадиром Ґоловіним (Gallowin); проте вони були так мужньо зустрінуті генералом-майором Россом (Roos) і князем Вюртенбергом (Wurtenberg), що половину ворогів було вбито й поранено; сам бригадир попав у полон, а решта ледве врятувалася, повернувшись до міста.

Дев'ятнадцятого числа, як тільки ворог почав здійснювати значні переміщення по той бік Ворскли (Worskla), де князь Меншиков (Menzikof) зібрав докупи військо, що мало намір перейти річку й напасти на нас, його величність стрибнув миттєво на коня й підняв усі полки на ноги, щоб рухатися до монастиря, де він вишукував полки у дві бойові шеренги. Тієї ночі на позиціях ворога спостерігалася значна активність, що давало нам підставу думати, що ми прийшли для того, щоб вступити з ними в бій; тому фельдмаршал Реншильд (Rheinschild) постійно перебував на коні в готовності виконати королівські накази; але ворог, спостерігаючи за розміщенням наших військ, які були готові зустріти їх, не наважувався наближатися, задовольняючись тим, що тримав нас усіх усі ці дні в напруженні.

Двадцять першого числа піхотні полки Росса (Roos), Ранка (Rank), Ульфспара (Ulfspar) та Вестбота (Westenbothn) прибули до табору. Генерал-майор Крейц (Creutz) також прибув зі свого старого місця розташування й обрав собі місце для невеликого табору на відстані ліги від нас. У той день противник зробив по нам із своїх окопів понад шістдесят гарматних пострілів.

Двадцять другого числа бригадир Ґоловін (Gallovin) намагався втекти, підкупивши вартового, проте той відмовився від хабара й усім розповів про його пропозицію; за це король дав йому шістдесят крон як винагороду за його вірність.

Двадцять третього, двадцять четвертого, двадцять п'ятого й двадцять шостого числа нічого значного не відбулося. Облога затягувалася, ми спробували зробити підкопи, але вони були виявлені. Ми втратили в ці дні майора, інженера, капітана й лейтенанта, які були вбиті в підкопах. Найстрашнішим було те, що наші поранені рідко одужували через те, що їх рани вражала раптова гангрена, яка була спричинена нестерпною спекою.

Двадцять сьомого числа Шереметьєв (Scheremethof) прийшов на з'єднання з Меншиковим (Menzikof) із Говтви (Oltwa), що на Пслі (Pziol), де він залишався до цих пір. У дорозі він перетнув річки Полузеру (Poluzar) та Ворсклу (Worskla). Після цього ворог на протилежному березі річки почав ретельно окопуватися, зміцнюючи свій табір, засипаючи болота й заплави біля Ворскли (Worskla) мільйонами фашин, на яких вони встановлювали свої укріплення, для захисту яких встановлювалися гармати та мортири: лінії їх укріплень простягалися вздовж річки, а також на іншому боці навколо їхнього табору.

Того ж дня комендант Полтави (Pultowa) несподівано напав на наших робітників у окопах, змусивши їх відійти назад до полку Дабл-Карлерса (Dabl-Carlia), при цьому було вбито лейтенанта цього полку та декількох солдат і запорожців (Zaporovians); але, як тільки наш полк пішов у атаку, щоб захистити робітників, ворог поспішно відступив, маючи кількох убитих та поранених. Запорожці (Zaporovians), які до цього спокійно себе почували в окопах, повернулися туди з тягарем на душі.

Двадцять дев'ятого числа противник пересунув свої укріплення вниз до річки; ми ж із свого боку розмістили наші позиції вздовж Ворскли (Worskla) навпроти них, розтягнувши бойову лінію дуже близько біля берега від Полтави (Pultowa) до пагорба за монастирем. На кожному фланзі було споруджене укріплення, а в середині позицій були розміщені два редути поблизу маленької річечки, яка петляла між Полтавою (Pultowa) й монастирем, впадаючи у Ворсклу (Worskla); кілька наших піхотних полків розташувалися в тилу для спостереження за діями противника.

Тридцять першого числа загін ворожих волохів та калмиків атакував наших волохів поблизу Жуків (Czuki); але вони отримали таку відсіч, що багато з них загинули, а решта швидко втекла: наші волохи захопили в цій сутичці десять полонених, серед яких виявилися два наших дезертири. Наступного дня у ворожому таборі було свято, з приводу чого противник відкрив масований вогонь із своїх гармат.

Першого, другого й третього червня (June) супротивні сторони лише спостерігали один за одним, а четвертого числа великий загін вийшов з обложеного міста до річки за фуражем. Його величність наказав гвардійцям виступити й примусити їх відійти; але ті незабаром повернулися з більшим військом, напали на нашу гвардію з несамовитою люттю; гвардійці захищалися не менш відважно, не даючи ворогу просунутися вперед ні на крок; через деякий час вогонь припинився, оскільки ворожі частини почали відступати, побачивши підмогу, яка рухалася на допомогу шведам (Swedish): взяті в облогу повернулися до міста, втративши кількох сотень вбитими та пораненими. У цей день вони почали споруджувати зліва від міста нові укріплення поблизу річки для захисту свого містка, який їх зв'язував із силами противника. Цього ж самого дня до ворожого табору прибув цар з чималим військом; дезертири від них запевняли нас, що в них було тридцять піхотних полків, багато драгунів і понад п'ятдесят тисяч козаків і калмиків.

Шостого числа частина війська противника, до якої входило близько сотні вершників, не враховуючи козаків і калмиків, наблизилася до Жуків (Czuki), щоб виявити місцезнаходження табору фельдмаршала Реншильда (Rheinschild). Той був попереджений стосовно незваних гостей, послав їм назустріч кіннотників, які повернулися з кількома полоненими. У той же день волох, який був взятий в полон росіянами (Russians), утік від них і приніс нам звістку, що цар вирішив атакувати армію його величності одночасно в трьох різних місцях; однак на даний час він ще не був готовим реалізувати свій план. Численне козацьке військо противника атакувало велику кількість селян з нашого загону, який розмістився в лісі поблизу Кобеляків (Cobilak), на півдорозі між Борисфеном (Boristhenes) і Полтавою (Pultowa), але ті вчинили такий мужній опір, що вороги змушені були відступити з відчутними втратами. Мазепа (Mazeppa) дав цим селянам щедру винагороду.

З сьомого по тринадцяте число нічого важливого не відбулося, за винятком того, що ворог продовжував зміцнювати свої укріплення, а ми підтримували свої позиції в належному стані.

Тринадцятого числа цар змістив свої позиції й наступного дня закинув у місто чотири ядра, усередині яких були лише листи для коменданта.

П'ятнадцятого числа велике вороже військо переправилося через річку й напало на загін Крузе (Cruus). Маючи чисельну перевагу, ворог відтіснив загін, розграбував його обоз і спалив те, що не зміг забрати з собою; одночасно було звільнено більше тисячі московитів (Muscovites) разом з їх полковником, які були полонені гвардійцями полку Крузе (Cruus); проте, перш ніж відступити, шведи вбили сто сімдесят чоловік із загону противника, яким командував генерал Гейнсон (Heinsohen). Того ж дня були підняті по тривозі табори графа Реншильда (Rheinschild) в Жуках (Czuki) і під Полтавою (Pultowa), де комендант розпочав з боку річки й містка споруджувати нові укріплення, поблизу яких ми побачили багато московитського (Muscovite) війська, яке, проте, не виявляло значної активності.

Опівночі шістнадцятого числа противник кинув чотири ядра з листами в місто. Потім комендант подав сигнал, що він їх отримав. У той же час кілька ворожих загонів уночі переправилися через річку поблизу села Петрівка (Pietrofka) навпроти позицій маршала Реншильда (Rheinschild) й іще до світанку насипали рови перед семи бастіонами, в яких вони самі розмістилися й встановили свої прапори, ховаючись упродовж дня за своїми укріпленнями.

Граф Реншильд (Rheinschild) після того, як наказав підрозділу генерала Крейца (Kreutz), який був поблизу, підійти з двома піхотними полками, розташував свої війська в бойовому порядку в очікуванні наказу короля. Тим часом трапився випадок, після якого князь Вюртенберг (Wurtenberg) дивом уникнув полону. Здійснюючи розвідку позицій ворога на значній відстані, він був оточений і неминуче потрапив би в полон, якби кілька офіцерів і драгунів не поспішили йому на допомогу й не допомогли йому відірватися від ворожого переслідування. Росіяни в цей час пішли на хитрощі й перейшли річку по містку, який знаходився нижче по течії на чверть ліги від Полтави (Pultowa). Король вирушив туди, щоб контролювати їхнє переміщення, проте, на нещастя, у нього влучила куля, яка пробила йому чобіт і ліву ногу, увійшовши вище малого пальця й вийшовши в п'ятці. Він спочатку не звернув уваги на рану й ще деякий час продовжував віддавати накази своїм бійцям з максимальним спокоєм, витримуючи страшенний біль. Король лише тоді сказав про своє поранення, коли кров з рани

потекла повним потоком; він продовжував залишатися незворушним і через годину повільно повернувся [У рукописі шведською мовою на полях написано, що король був поранений у ногу й незабаром повернувся на поле бою верхи на коні; це не відповідає дійсності, оскільки він не зміг би витримати так довго без перев'язки. — *Прим. пер.*] до табору, де йому були змушені обрізали чобіт, оскільки його нога дуже розпухла (Кістка його п'ятки була розтрощена й на думку всіх хірургів її потрібно було ампутувати. — *Прим. пер.*).

Граф Піпер (Piper) з генералами був дуже занепокоєний цим пораненням. Король, звернувши увагу на незвичну тишу, запитав свого хірурга Неймана (Neumann) щодо причин їх стурбованості; той відверто відповів його величності, що рана дуже небезпечна, оскільки вже з'явилися деякі ознаки гангрени: на що король, не виявляючи жодних ознак тривоги, відповів: *«Нічого страшного, відріжте її, відріжте її»*. Йому змушені були робити глибокі розтини, які він сприймав спокійніше, ніж спостерігачі. Він витримав цю жахливу операцію, не втрачаючи свідомості, що було неймовірно. Лише таким жорстоким способом можна було врятувати ногу короля, яку в іншому випадку необхідно було б ампутувати. Завдяки здібностям хірурга вдалося запобігти гангрені, незабаром король уже міг пересуватися на ношах, хоч одужання й проходило повільно через неймовірну спеку та періодичні лихоманки, які дуже дошкуляли його величності.

Близько полудня противник у кількості дванадцяти сотень чоловік чи близько того здійснив вилазку та атакував наші передові позиції з великим завзяттям; але гвардійський полк, який знаходився тоді в окопах напоготові, швидко змусив їх відступити. Ближче до вечора решта московитської (Muscovite) армії перейшла річку й увійшла до свого нового табору. Його величність наказав графу Реншильду (Rheinschild) насипати кілька укріплень, ми самі вирушили до них і одночасно кілька полків було спрямовано на підкріплення сил графа. У той же час гарнізон Полтави (Pultowa) продовжував розширювати свої укріплення в місці з'єднання з ворогом на рівнині біля підніжжя пагорба.

Вісімнадцятого числа ворог перебував на своїх нових укріпленнях поблизу Петрівки (Pietrofski), якраз перед нашими позиціями, що розміщувалися навпроти них. У той день їх габіони були підпалені, що зчинило великий переполох: у той же самий час противник енергійно рушив на наші апроші під прикриттям масивного й безперервного вогню з рушниць та гармат. Ворог вишикував свою кінноту вздовж річки на іншому березі й здійснив удаваний маневр, ніби збирався переправлятися. Щоб запобігти цьому, його величність наказав нашим гвардійцям підсилити охорону біля річки в тому місці, де постійно перебувала варта генерал-майора. У ці дні солдати цікавилися новинами про стан здоров'я короля й помітно були цим стурбовані.

Дев'ятнадцятого числа до ворога прибуло декілька загонів у їхні нові укріплення поблизу Петрівки (Pietrofski), що біля позицій фельдмаршала Реншильда (Rheinschild). Противник спорудив уздовж річки сімнадцять редутів. Фельдмаршал, який не мав при собі нікого, окрім кіннотників, негайно повернув два полки піхоти, що полишили Жуки (Czuki) й наблизилися на чверть ліги до Полтави (Pultowa). Незначна кількість ворожих загонів перебувала в своїх укріпленнях на іншому березі річки навпроти Полтави (Pultova); ситуація поки що залишалася спокійною.

Двадцятого числа в таборі графа Реншильда (Reinschild) зчинилася тривога. Кілька ескадронів противника, до яких входило близько шести тисяч кіннотників, не враховуючи козаків, рушили в бойовому порядку, демонструючи намір атакувати наші позиції. Граф на чолі своєї кінноти негайно поскакав риссю назустріч ворогу й вступив з ним в рукопашний бій, зламав і розпорошив його ряди, змусив противника втікати, а сам переслідував його цілу лігу по п'ятах, не даючи йому оговтатись.

Втрати ворога в цій сутичці були значними, особливо під час втечі, ми нарахували в них понад п'ятсот вбитими на полі бою й у дорозі. Ми взяли в полон важливого офіцера та кількох солдат, які розповіли нам, що Меншиков (Menzikof) і Шереметьєв (Scheremethof) були в їхньому новому таборі з десятьма тисячами піхотинців і тридцятьма полками драгунів під командуванням Волконського (Volkonski); у їхньому таборі ще перебував генерал Бауер (Bauer), але він постійно був вщент п'яним. Ми знайшли також портрет царя, який генерал загубив під час втечі. У цей день на протилежному боці річки в таборі противника стояла густа пилюка, що свідчило про якесь переміщення; при цьому осторонь на ворожих укріпленнях на тому боці було дуже мало людей.

Двадцять першого числа противник залишив свої укріплення й позиції, що знаходилися навпроти нас. Генерал-майор Спар (Sparr), який закріпився й виставив охорону наступного дня поблизу річки, відібрав декілька загонів для того, щоб зруйнувати й спалити ворожі укріплення, що й було виконано. Королю було принесено звістку, що ворог перемістив усі свої сили до Петрівки (Pjetrofsky) й не залишив жодного загону по той бік Ворскли (Worskla). Його величність у цей день не дуже добре себе почував, ми побоювалися нового запалення; але до вечора королю стало ліпше. З розповідей дезертирів ми дізналися, що цар учора привселюдно сказав генералу Бауеру (Bauer) про поранення короля Швеції (Sweden) в ногу; що у ворожому таборі переконані щодо наступу царської армії через декілька днів і що зараз у Москві (Moscow) перебувають сімсот саксонців (Saxons), які втекли із шведської (Swedish) армії Любекера (Lubeker). Вони були відіслані в Кремль (Cremelin), щоб у разі нападу захистити жителів столиці, які були смертельно налякані.

Вночі двадцять другого числа ми отримали звістку, що ворог рухається повним ходом у нашому напрямку, щоб вступити в бій. Тому його величність рано вранці віддав наказ усьому війську готуватися до сутички. Фельдмаршал ще деякий час залишався з королем, потім пішов і очолив кавалерію, яка вишикувалася в бойовій готовності, у той

час як піхота підійшла й розтягнулася в шеренгу довжиною в чверть ліги, маючи кінноту на своїх флангах.

Увесь наш обоз був цілком залишений в тилу армії під охороною кількох полків і запорожців (Zaporovians). Деякі загони мали наказ залишатися в окопах та редутах біля річки, щоб захищати їх. Що ж до короля, то він знаходився в своєму ліжку, що містилося на ношах. Ноші перевозили парою коней під охороною кількох драбантів (Drabans) та ескадронів, що перебували поруч з королем.

Отже, наше військо вишикувалося в бойовому порядку, провівши декілька годин в очікуванні ворога; його величність перш за все наказав перенести його в голову піхоти, де були поставлені на землю його ноші; ця обставина надзвичайно надихнула армію.

Тоді ж Мазепа (Mazeppa) прийшов до короля й доповів йому, що кілька татарських (Tartar) послів завітали до Кобеляк (Cobilak) з турецьким (Turkish) конвоєм. Незабаром за секретарем Клінкстремом (Klinkostrom)[246] прибули з полковником Сандулом (Sandul) і татарські (Tartar) посли, серед яких були капітан гвардії татарського хана (Han of the Tartars), генерал і кілька мурз, а також інші офіцери. Їх було проведено до короля, вони вклонилися йому, одночасно полковник Сандул (Sandul) ознайомив графа Піпера (Piper) з відповіддю сераскира-паші з Бендер (Bender), яка стосувалася волоських (Valochian) найманців, а потім Клінкстрем (Klinkostrom) подав королю листа від татарського хана (Han of the Tartars).

У листі хана (Han) мова йшла про те, що татари (Tartars) вже були готові виставити свою кінноту проти росіян (Russians), проте їм повідомили, що його величність уклав мир із царем після трьох прохань про це; росіяни (Russians), які розповсюдили цю новину, додавали, що король попросив собі в дружини царську сестру; крім того, королівські міністри запропонували татарському хану (Han of the Tartars) велику суму грошей за те, щоб той не допомагав королю Швеції, а перейшов на бік царя; проте хан (Han), висловлюючи королю Швеції (Sweden) свою глибоку шану, відхилив їх пропозиції, повністю усвідомлюючи, яка небезпека нависла над його величністю.

Король, зрозумівши за цей час, що ворог не прийшов і не має наміру його атакувати, наказав своїй армії розділитися; його величність з піхотою вирушив до вищезгаданого монастиря, який знаходився на пагорбі навпроти міста, від якого його відділяла лише долина. Тут піхота змогла перевести подих, а в цей час фельдмаршал з кіннотою перемістився на протилежний бік міста, де до цього перебував король. Що ж до обозу, то він залишався непорушно на місці, бо ми не знали, чи атакуватиме нас ворог наступного дня, чи ні.

Двадцять третього числа нічого значного не сталося, якщо не рахувати того, що ближче до вечора група козаків і калмиків наблизилася до табору його величності для розвідки; наша передова охорона відкрила по ним вогонь. З настанням ночі втікач з ворожого табору приніс нам звістку, що цар розташував усі свої сили на цьому березі річки, і що лише генерал Генсхен (Heinschen) залишився на тому боці з кількома полками, які розмістилися нижче по течії від міста навпроти позицій фельдмаршала. Ворог постійно перебував в окопах.

Двадцять четвертого числа нам доповіли про наближення ворога, а поки противник підходив, ми безперервно копали рови.

Двадцять п’ятого числа Ґіленкроку (Gyllenkrok) було наказано залишатися в окопах на протилежному боці міста для керівництва наступом у разі його продовження. З ним були запорожці (Zaporovians), які неохоче копали траншеї; тому Ґіленкроку (Gyllenkrok) довелося докласти немало зусиль, щоб змусити їх стати до роботи. Козаки скаржилися на те, що завжди тільки їх змушують працювати, а не шведів, і казали, що вони нам не раби.

Двадцять шостого числа ворог здійснив значні переміщення своїх сил, підійшов до нас ще ближче й окопався (На цьому завершується щоденник автора, який, на жаль, загинув від гарматного пострілу поруч з ношами короля під час битви під Полтавою. — *Прим. пер.*)[247].

№ 275

Щоденник Давида Зільтмана

1 жовтня [1708 року]. Армія пройшла через ліс, оскільки обоз таким же чином в обох попередніх маршах із-за маневрів йшов цілу ніч і прибув лише на другий день. Головна штаб-квартира розташувалась перед селом

[246] Містер Клінкстрем (Klinkostrom) був відряджений зі Стокгольма (Stockholm) королевою, щоб повідомити королю про смерть його сестри, її світлості королівської високості герцогині Гольштинської (Holstein). Король був вражений тим, як йому вдалося пройти через Польщу (Poland) з листом від короля Станіслава (Stanislaus); а потім продовжити свою подорож через Угорщину (Hungary) й Валахію (Wallachia) до Бендер (Bender), звідки він і прибув з полковником Сандулом (Sandul) і татарськими (Tartarian) послами з листом від хана до короля. Оскільки його величність дуже любив свою сестру герцогиню Гольштинську (Holstein), граф Пайпер (Piper) заборонив Клінкстрему (Klinkostrom) повідомляти його величності про її смерть, бо він і так страждав через своє поранення. Тому він нічого королю не сказав, лише передав його величності листи від короля Станіслава (Stanislaus) та від хана (Han).

[247] Щоденник камергера Карла XII Густава Адлерфельда про перебування шведів в Україні (пер. з англ. Олександра Герасимчука) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 2. — С. 103–116 [Переклад здійснено за англійським виданням *Adlerfeld G.*The Military History ofCharles XII, King of Sweden. — London, 1740. — Vol.III. — P. 91–124. Камергер шведського короля Карла XII Густав Адлерфельд (1671–1709) загинув у Полтавськомубою. Щоденник безпосереднього учасника Північної війни видав у 1740 р. французькою мовою в Амстердамі син загиблого. Книга мала назву: «Histoire militairede CharlesXII, roi de Suede, depuis l’an 1700 jusqu’a la bataille de Pultawa en 1709, ecrite par or dre expres de Sa Majeste par Mr. Gustave Adlerfeld, Chambellandu Roi» («Військова історія шведського короля Карла XII з 1700 р. до Полтавськоїбаталії 1709 р., написана королівським камергером Густавом Адлерфельдом за особистим наказом Його Величності»). У 1740 р. щоденник видано також англійською мовою, пізніше — німецькою та шведською].

Костюковичи і за цей марш пройшла чотири милі. Днем раніше у лісі зустріли попередньо відправлений генерал-майором Лагеркрона ар'єргард, який складався із 200 кіннотників з одним майором, який не знав, де він знаходиться, і куди він далі має прямувати.

2. Його Величність Король вирушив з різними полками знову (Він одержав вночі відомості, що генерал Лагеркрона на шляху, який він мав взяти під пости, відсутній) для того, щоб оволодіти згаданим пасом…

Тієї ж ночі король підібрав із високих персон з двома полками як гвардію, так і полком Даля форсувати річку Бесіда і залишились у лісі для того, щоб розвести вогонь й просохнути. Наступного ранку сюди прибув Упландський полк, який звів через річку мости і того ж дня три полки, включаючи два згадані вище, пройшли 4 милі через ліс до першого прикордонного села в Сіверії, що належала Мазепі, з назвою Нівне, де селяни спочатку знаходились вдома, а потім зі своєю зброєю перейшли у ліс; однак Його Величність король залишився в тому селі вночі і наступного дня.

До четвертої години дня години, оскільки очікували охорону, що йшла позаду, того дня і ночі пройшли сюди 9 миль; після цього король з гвардією пройшли до річки Іпут або Обут, де гвардія зробила міст через цю річку, яка була завширшки, як Сож, на річці було чудове село [Дроков], яке Вони [король] 5-го увечері з охороною і гвардією і полком Даля пройшли і пішли до села Костеничі.

Того ж дня, коли вони переходили через річку, Його Величність король одержав відомості від майора Козеля, який з 300 вершниками від ар'єргарду і супроводу генерала Лагеркрона, який перед цим був відсутній, з 60 кіннотниками з капітаном і корнетом були відкомандировані і виступили вперед до містечка Мглин, яке розташоване в одній милі від згаданого села Костеничі; звідти драгунам було наказано оточити ворота цього містечка, куди в очікуванні підходу шведських загонів ретирувалася більшість козацьких селян із найближчих сіл, де вже налічувалось їх 2000 чоловік; коли атакували ворота, які вони перед цим укріпили, і звідти рішуче відповідали, то було з 60 чоловік 30 вбито і поранено, при цьому там залишився корнет, майор з рештою команди,однак, відступив і повернувся назад, при цьому козаки спалили передмістя.

6 і 7. Його Величність король залишався на місці й очікував прибуття обозу, який було відправлено 3-го через ліс, поки він прийшов 8-го, ті серйозно окопалися й бачили увечері велике полум'я над Мглином.

9. Король з трьома полками, що були при ньому, залишався на місці й Його Величність король очікував підходу полків, які проходили лісом.

10. Король залишався на місці й того ж дня з трьома полками, гвардія полк Даля і Упландський полк, пройшли до найближчого села, де розташувалися табором.

11. Знову стояли на місці. Того вечора отримали відомості, що майор Апфельгрюн від гвардії разом зі своїм загоном провів розвідку навколо Вівреса (Vivres) й попав під напад московитських селян.

До того ж. Відбулася доволі важлива і жорстка розмова до 12 ночі з секретарем Гедергілмом, що стосувалася в першу чергу Мекленбургської та Курляндської афери. Також формалізувалося те, що король прийняв на службу графа Горна, який завжди добре служив у шведських полках.

12. Полковник Дюкер прибув до штаб-квартири з повідомленням, що всі полки, які пройшли лісом, втратили багато коней. Полковник Дюкер прибув останнім із полків. Коли усі ар'єргарди проходили поблизу містечка Малевичі, вони зустріли корпус московитів (8000 чоловік) розгорнутий у бойовому порядку проти шведських загонів, що складалися із 3 полків інфантерії і 2 кавалерії. Вони атакували ар'єргарди, однак після того, як полки Дюкера і Тауба пішли на них у наступ, вони відступили.

12. Козаки залишили містечко і фортецю Мглин, після того, як вони його зруйнували і сплюндрували.

13. Я прибув з фельдмаршалом до згаданого містечка, для того, щоб переконатися в цьому. N. B. 11 числа я обідав з графом Піпером і мав розмову з ним з приводу королівського послання від 29 вересня.

Також. Прибув камердинер старшого лейтенанта Врангеля до головної штаб-квартири з повідомленням про те, що генерал Левенгаупт зустрівся з московитами біля села на річці Сож і наблизився впритул до них.

14. Прибула конфірмація, із-за чого відчувалось загальне піднесення.

15. Знову стояли на місці.

16. Почув канонаду і вирішив, що це Шереметьєв разом з генералом Ренне у 6 милях звідси став на квартири; крім того, при фуражуванні капітан лейб-драгунів разом з декількома слугами був вбитий козаками.

17. Поки що тихо.

18.Так само.

19. Рушила в похід колонна під командуванням генерал-майора Майєрфельда і Шпара.

20. Його Величність король зі штабом гвардії і декількох полків піднявся і пройшов через дуже поганий ліс 2 милі до села Білагорщі. У цьому марші гвардії знадобилось 33 години для того, щоб це пройти.

21. Його Величність відпочивав й очікував обозу, який лише 23-го числа із-за поганої дороги прибув до штаб-квартири.

До того ж прибув генерал Левенгаупт до Його Величності короля і представив йому докладну реляцію про акцію, що відбулась 9-го біля Лісної між московитами і підпорядкованими генералу загонами; хотіли, однак, повну поразку всюди видавати за вікторію й переконати [в цьому] людей.

Того ж дня, 23-го числа, Його Величність пройшов одну милю до села Рюхов.

24. Знову вирушили далі й пройшли 2 милі до села Межників, у 2 милях від Стародуба.

25. Відпочивали.

26. Знову вирушили далі й пройшли 1 милю до села Кропивна.

27. Відпочивали і очікували обозу, [що затримувався] із-за багатьох маневрів.

28. Знову рушили далі й пройшли 4 милі до якогось села, де розташувалися штаб-квартира і декілька полків. У цьому переході калмики не тільки зачіпали армію, а й напали на обоз й розбили декілька возів. Армія пройшла через три великих болота.

29. Знову пройшли 2 милі до села Понурівка.

30. Його Величність король відпочивав і того дня генерал-майор Лагеркрона з його загоном був ласкаво прийнятий у штаб-квартирі. У той же час прибув генерал-майор Кройц і доповів королю про те, що він два дні раніше мав сутичку з московитами під командуванням генерала Іфланда, із яких було вбито двох капітанів; крім того, 200 валахів обстріляли московитів.

31. Знову відпочивали і отримали від полонених надійні відомості про те, що Меншиков з сильною армією йде на підмогу, також у цих землях справді знаходяться Шереметьєв, Ренцель та Іфланд зі своїми загонами.

1-го листопада. Армія знову рушила далі й пройшла 5 миль до села Машево. Цей похід був досить важким із-за поганої погоди і неприємного снігопаду.

2. Відпочивали й цього дня тільки прибув обоз від попереднього маршу.

3 Знову пройшли 3 милі до якогось села.

4. Знову рушили й пройшли у ½ милях мимо містечка Новгород-Сіверського, де з’явилися козаки і вступили у сутички з валахами, які разом з гвардією декількох поранили, а також забрали декілька возів. Штаб-квартира була в Горках поблизу річки Десна.

5. Відпочивали.

Тоді ж. Прибув Мазепа з 1000 чоловік до шведського полка Гілма.

6. Його Величність король знаходився на місці і того ж дня чутно було сильну стрілянину, а також гетьманський генерал-ад’ютант Макс, відправлений Мазепою, прибув до штаб-квартири.

До того ж. Між гвардією і квартирами саперного полку було зведено міст через Десну.

7. Знову відпочивали, тому що мости через Десну ще не були готові.

Того ж дня прибув Мазепа з багатьма козаками до головної штаб-квартири, де він залишився і довідався, чи дома Його Величність король, однак той вже поскакав верхом, а прибув вже під вечір, коли згаданий Мазепа знову повернувся до свого розташованого неподалеку штабу.

Коли той [Мазепа] прибув до квартири полковника Гілма, його зустріли з почестями; полковник Гілм вийшов і прийняв його неподалеку від квартири під барабанний бій.

8. Знаходились на місці. Того ж дня о 9-й ранку Мазепа прибув до головної квартири короля, маючи з собою велику свиту з найповажніших та інших козаків; перед ними сюди прискакали декілька офіцерів, а потім прискакав ще один за ними й одразу перед Мазепою несли посох, прикрашений сріблом і камінням, а одразу слідом за ним булаву, а також турецький кінський шлейф, за цим слідував увесь супровід. У штабі короля він був прийнятий гофмаршалом Дюбеном, пообідав з Його Величністю і за трапезою не було нікого, крім сімох найбільш поважних козаків Мазепи. Мазепа сидів справа від короля; після завершення трапези він такою ж церемонією, за якою прибув сюди, відправився до свого штабу. Вночі чутно було сильні гарматні постріли, якими московити обстрілювали гвардію, а також кинули вогняні кулі на декілька будинків, туди, де, як вони думали, будуть зведені мости.

9. Знову знаходились на місці. Того дня прибув Мазепа знову до штаб-квартири, обідав з графом Піпером. Після обіду він наніс візит до фельдмаршала.

10. Знову пройшли добру милю до села Гнатівки, під час маршу головну штаб-квартиру перенесли до села, де був штаб Мазепи й обідали у графа Піпера.

11.Знаходились на місці із-за мостів, які не можна було навести із-за льодоходу на Десні, а також із-за перешкод московитів.

12. Знову стояли на місці, Його Величність король був у штабі генерал-майора Шпарена, де мали навести мости. Московити у тому самому місці по той бік річки встановили гармати і звідти обстрілювали. Шведська сторона мала декілька гармат і гаубиць, які було встановлено на висоті і звідти обстрілювали; також Його Величність король наказав увечері відправити команду на човнах і плотах через річку.

До того ж. Мазепа прибув до головної штаб-квартири, зробив візит до фельдмаршала й одразу пішов до короля.

14. Стало відомо, що минулого вечора, коли король дав наказ переправити згадану команду, яка складалась із 6[00]–700 чоловік, через річку; московити їх атакували, там вони впродовж двох годин билися й з обох боків були вбиті. З шведської сторони було поранено два генерал-ад’ютанти, один із яких, Оглюффкі, вже помер. Генерал-майор Штакельберг прийняв від останнього командування. Вранці після цієї акції московити знову повернулися й впіймали шведів, які працювали над зведенням мостів.

15. Знову рушили і пройшли милю до села з назвою Мезин, розташованого на Десні, де навели два мости через згадану річку. На цьому боці на висоті встановили 24 гармати, на іншому боці, біля берега у кущах при наведенні цього поста залишались ще непоховані московити.

До того ж. Перейшли декілька полків і обоз. Вночі, коли над Десною ставили пости, із драгунського полка Дюкера, із загону старшого лейтенанта Функа дезертирували 11 чоловік. Його Величність король перейшов того вечора з декількома супроводами і декількома полками, залишився на ніч у лісі і великому болоті, довжиною в милю, і пішов наступного дня до села Чапліївка, де залишилось декілька ескадронів московитів, котрі при наближенні армії відступили.

16. Йшли походом всією штаб-квартирою і різними полками через мости також до села Чапліївка.

До того ж. Прийшли відомості, що московити 13-го взяли штурмом місто Батурин й усе там знищили і сплюндрували.

17. Знову вирушили і пройшли 2 милі до села Лукнов. Перед виступом Мазепа отримав від посланої ним команди інформацію про згаданий вище Батурин, про що він сам особисто написав королю й сам сприйняв це з великим сумом.

18. Знову вирушили і пройшли 3 милі до великого села у 188 домів з назвою Атюша, де всі селяни були вдома, в той час як інші при цьому марші залишали села, й селяни всюди при прибутті короля дарували йому хліб, сіль і яблука.

N. B. Відправлено деякі депеші до двору.

19. Залишались на місці.

20. Знову перебували на місці, оскільки мости через Сейм біля Батурина не були готові.

До того ж. Його Ясновельможності оберкамергеру написано депешу в Берлін під Соуверте Негелайн у Кенігсберг.

21. Знову вирушили і пройшли 2 милі до села Городище. Марш пройшов мимо й зовсім поблизу Батурина, і я сам побував у місті і бачив руїни.

22. Залишались на місці.

23. Так само.

Того ж дня. Я їздив верхом до головної штаб-квартири Мазепи і там про все говорив, також дізнався, що московити обрали нового Військового начальника, коменданта Стародуба по імені Скоропадський.

Того ж дня. Із-за мого від'їзду говорили з графом Піпером і фельдмаршалом графом Реншильдом, про що вони мені розповіли.

Того ж дня. Мазепа прибув до головної штаб-квартири і говорив з Його Величністю королем.

24. Знову залишались на місці.

25. Знову залишались на місці.

Того ж дня. За декілька днів до цього козаки Мазепи піймали московитського генерал-ад'ютанта Шульца (якого було відряджено з листами до Німеччини) й доставили до головної штаб-квартири.

26. Знову пройшли 4 милі до села Голенки.

Того ж дня. Генерал-ад'ютант Линенрот, відправлений королем до колони генерала Крузена, який мав з собою 4 ордонанси, на шляху отримав 5 поранень, помер.

27. Пройшли 3 милі до села Дмитрівка.

28. Знову вирушили і пройшли 5 миль до містечка Ромни, де розташувалися на постійну стоянку, а також розмістилися головна штаб-квартира і гвардія, й інші полки також.

Того ж дня. Прийшли відомості про те, що московити перебувають у поході.

30. Полки Дюккера і Шпаррена вступили у зіткнення з тими московитами, які були в одному містечку у 5 милях звідси, спочатку в передмісті, при цьому з обох боків були втрати, з полку Дюккера поранено майора, а також вбито 2 капітанів, при цьому розтрощено обоз і забрано усі шинелі і ранці, крім того, було вбито хворих і поранених, що знаходилися у передмісті.

2-го грудня. Гетьман Мазепа знову повернувся із місця своєї постійної дислокації у невеликому містечку Гадяч, у 5 милях звідси, куди прийшов за день до цього з трьома шведськими полками, сюди у головну штаб-квартиру надійшли відомості про те, що московитська армія на марші.

3. Нічого не відбувалося.

4. Вночі місто, де відбулися зіткнення між дюккерівськими полками і московитами, разом з одним селом було спалено шведами.

5. Шведи перехопили пошту, яка слідувала ззовні до царя.

6. Нічого не відбувалось.

7. Німецький хлопець прибув до головної штаб-квартири, повідомивши, що в одному селі у 4 милях звідси перебуває загін московитів, козаків і калмиків з тисячею коней, куди було направлено полковника Тауба з його полком, цих (московитів) було вигнано і захвачено у здобич багато коней, а село спалено.

8. Нічого не відбувалось.

9. Так само.

10. Із пошти, яка вранці була відправлена 20-го листопада з козаками із головної штаб-квартири в Атюші, прийшла відомість, що вже не можна було пройти через Дніпро, звідти знову повернулися назад.

11. Полковник Дюкер і його старший лейтенант з 300 вершниками із його полку направлені проти московитівського містечка з назвою Недригайлів (надійшли відомості, що там знаходяться московити), однак перебування тих там вже закінчилось, там вони спалили містечко з одним селом, а також декількох ворогів порубали. Це була перша сутичка в землях ворога.

12. Я був у Його ясновельможності графа Піпера і говорив з ним з приводу мого від'їзду.

13. Надійшли відомості, декілька днів тому лейб-драгуни і полк Вентерштеттена, які знаходилися біля села Прилуки, були атаковані сильним загоном заколотників разом з московитами і козаками і селянами того села. Вони тривалий час оборонялися, їх відбили. При цьому капітана і декількох унтер-офіцерів лейб-гвардії було вбито.

14. Полк Таубера вступив у сутичку з московитами, 8 чоловік яких взяли в полон з деякими штандартами і привели до штаб-квартири 15-го числа.

15. Нічого не відбувалось.

16. Листи, датовані 15-го числа, двором під супроводом пана Рата Негелайна написані до Кенігсберга, відправлені і передані Лимону.

17. Нічого не відбувалось.

18. Нічого не відбувалось.

19. Так само.

20. Все-таки відправили одного посланця з листами до канцелярії.

21. Полковник Функ із загоном у 500 коней був у московитському містечку Терни у 5 милях звідси, в якому

перебувало 300 козаків; він загнав їх на церковне подвір'я і всі, що не змогли одразу втекти разом із жінками і дітьми, були вбиті у місті, а місто спалено.

22. Нічого не відбувалося.

23. Те ж саме.

24. і 25. Так само.

26. Надійшли відомості про те, що московити збираються до купи із усіх місць, шведські полки щодня мали сутички з ними, а штабом фуражирів заволоділи московити.

Тієї ж дати. Видано наказ бути готовими до походу.

27. Армія рушила в похід; головна штаб-квартира і охорона залишались у штабі; однак Його Величність король разом з фельдмаршалом пішов з гвардією до штаб-квартири полків. Валахи і фури, що йшли попереду, зустріли московитський загін чисельністю у 160 чоловік, які була розташовані у селі Липова Долина, з якими вступили у сутичку і більшість вбили, а частину взяли у полон, які сказали, що цей загін був розташований у цьому селі з тим, щоб спостерігати за рухом і маршем короля.

28. Головна штаб-квартира вирушила з охороною і пройшла маршем, який здійснив за день до цього король. При залишенні того села Його Величність король суворого холодного вечора знову рушив у похід до міста Гадяч, головна штаб-квартира й охорона пройшла з флангу до села Русанівка, розташованого у трьох милях від Ромнів. Московити незадовго до прибуття короля спалили передмістя цього міста.

29. Стояли на місці.

Того ж дня Його Величність король увійшов до міста Гадяч й очікував там з полками, що були з ним, а московити кількістю у 12000 чоловік зібралися у 2 милях від Гадяча біля одного містечка, також перед прибуттям короля команда вигнала три полки у гарнізоні і все там зруйнувала, однак, перед цим вони вже доволі часто виступали, то підготували всі необхідні штурмові команди і необхідне для знаряддя, яке в результаті допитів про все це дізналися шведи ще на марші.

30. Теж саме.

31. Холод став ще сильніше.

1-го січня 1709 року. Ще перебували на місці.

2. Головна штаб-квартира з охороною вирушила із Русанівки і пройшла 3 милі до міста Гадяч, де поєдналась із обозом головного штабу і 18 полків, які прийшли з Його Величністю королем. Охорона разом з графом Піпером і частиною канцелярії пішла далі зліва на село Красна Лука у ½ милі від міста, я також пішов з нею; однак наступного дня я з більшістю штаб-квартири із-за нещасного стану моїх людей внаслідок страшного холоду перебрався до міста. Того дня, коли обоз прибув до міста, Його Величність король вирушив і пройшов із згаданими 18 полками декілька миль проти ворога; при залишенні цього міста, де розташовувався московитський гарнізон, вони звідти обстрілювали. Однак того дня був лютий холод багато людей, солдатів, прислуги обозу та інших господарників, а також хворих, поморозили члени тіла, а частина залишилась мертвими у дорозі, так що цю жахливу картину не можна описати.

3. Знаходились на місці.

4. Знову стояли на місці. І того ж дня надійшов наказ короля розташованому тут у Гадячі коменданту про те, що всі і розташовані у цій місцевості полки до наступного наказу мають залишатися на своїх квартирах.

Того ж дня. Згаданий комендант тут у місті і за воротами знайшов при обозі декілька сотень солдат і прислуги, що загинули від холоду. Также вода (яку не могли доставити із-за частково або сильно замерзлих членів тіла) була такою рідкістю, що продавалась за гроші.

N. B. Лимон, який 16-го грудня із головної штаб-квартири з поштою для того, щоб перейти через Дніпро, знову повернувся у Гадяч, він перебував на згаданій річці, яка ще не замерзла і не можна було переправитися.

5. Його Величність король перебував у селі Плешивець у 2 милях звідси.

6. Знову знаходились на місці, коні Його Величності три дні не отримували корму і стоять також під відкритим небом.

Того ж дня. Багаж залишався у Гадячі, де також із-за сильного і постійного холоду була нестача фуражу, а багато людей і скотини гинуло. Московити перебували у містечку Веприк, який король пройшов в останньому переході; У передмісті було розташовано 8 полків шведів.

7. Його Величність король залишався на місці.

8. Так само.

Того ж дня. Пішли хвилювання, коли король також підморозив носа; справді сталося таке нещастя двічі.

8. Нікуди не рухалися.

Того ж дня. Його Величність король вирушив із тієї квартири і пройшов до села Павлівка.

10. Його Королівська Величність знову вирушив і пройшов до міста Зеньків, що у трьох милях звідси. Місто Веприк у поході залишилося справа, а у місті залишалися московити, які розташувалися там до шведів. Коли Його Величність король наблизився до згаданого міста Зіньків, щоб увійти туди, на перешкоді виступили розташовані там козаки. Із-за чого король наказав залишити декілька загонів, однак після цього вони не стали заважати Його Величності просуватися далі.

11. Тут у місті залишили 400 хворих солдатів.

12. Нічого не відбувалося.

13. Надійшов наказ підготувати повністю керівників до штурму міста, для того, щоб захопити оточене шведами місто Веприк. До всього ж загинув капітан граф Левенгаупт.

14. Нічого не відбувалося.

15. Я їздив до оточеного міста Веприк, куди прибули Його Величність король і фельдмаршал із їхньої штаб-квартири Зінькова, для того, щоб визначити на завтра диспозицію для наступу і [сюди] були приведені 3 гармати на 3 батареї. Однак цього дня більше нічого не відбувалось.

16. Однак я відправився туди для того, щоб слідкувати за наступом, оскільки я потім міг одразу точно спостерігати

за ситуацією у цьому місці і за всіма іншими речами. Його Величність король і фельдмаршал були вже там і були зайняті повною підготовкою наміченого наступу, який того дня було відкладено. Підішли ще три полки, для того, щоб зайняти тут свої позиції. Прибув також шведський генерал-ад'ютант Лоде, якого разом з капітаном Охзом було взято у полон при компанії Левенгаупта, він повернувся після обміну його на захопленого шведами генерал-ад'ютанта Шульца; він сказав, що цар направив до Дніпра великий загін, проходу якого завадив король Станіслав; Його Величність цар з армією просунувся, однак, звідси далі до Сум на 6 миль і тут же з характерною для його особи рішучістю пішов далі на Вороніж.

17. О півдванадцятої години Його Величність король направив майора Гульденграната від артилерії [стати] перед містом Веприк і наказав тому від імені фельдмаршала (той хоча й не знав) вимагати [здатися]. Комендант попросив півгодини для роздумів і забажав невдовзі через відправленого ним посланця говорити з фельдмаршалом, якому король цього, однак, не дозволив, а наказав дати сигнал до штурму двома ракетами. Першу атаку здійснив полковник Альпентель зі своїми і відправленими туди до нього драгунами генерал-майора Майєрсфельда. Ліфляндські прапороносці під командуванням полковника Мекка, якого поранили, пішли на конях з ними. Дві інші атаки відбулися під командуванням полковника Фричке і графа Шперлінг, потім в ході [штурму] впав також полковник Фричке, після чого король, який це бачив, направив туди графа Шперлінга, якого одразу, як тільки він прийшов до своїх людей, пострілом було вбито, однак у ту ж мить також полягли з ним [на полі бою] лейтенант з 24 людьми, що опинились там перед цим. Цей штурм з великими втратами було відбито, при цьому полягло багато офіцерів, серед яких старий граф Шперлінг, генерал Гульденстолп і полковник Мьорнер; окрема атака була проведена генерал-майором Штакельбергом, якого з самого початку було поранено в ногу. Його ясновельможність фельдмаршала було контузило гранатою у правий бік, його наказано було відправити у Гадяч; наступного ранку його відвідав Мазепа. Після відбитого штурму король наказав увечері знову брати місто силами полковника Зигрота, якого призвели з капітанів. Комендант знову відправив уперед двох посланців і повідомив наступне: після цього, як вони через три дні залишилися без води і через 1000 пострілів не матимуть боєприпасів, розраховують на милість або немилість; після чого наступного дня, 18-го, гарнізон, склав зброю; король повернув їм увесь обоз і приблизно 1100 чоловік, серед яких було 150 драгунів, ставали військовополоненими, а Його Величність король повернув коменданту (як здобич за старовинним німецьким і англійським [звичаєм]) зброю. Слідом за ними забрали 800 селян, яких відправили до Зінькова і там закрили у льохи. Втрати шведів складали 200 вбитих і 1000 поранених.

19. Король наказав місто і села в його окрузі спалити і стерти з лиця землі і відправився потім на Зіньків.

Того ж дня. Найповажніших офіцерів, що полягли під Веприком, поховали у Гадячі. Також надійшли відомості про те, що калмики бродять по селах у цій місцевості й напали на обоз полка Горніша.

20. Охорона вирушила із своїх квартир, що за півмилі звідси, і прийшла до Зенькова.

Того ж дня. Полковника Шлібена, якого полонили у Веприку разом з одним капітаном, обміняли по відношенню шведського генерал-ад'ютанта Лоде замість генерал-ад'ютанта Шульца (той перебував при фельдмаршалі, через листа попросився тут ще залишатися).

21. Нічого не відбувалося.

22. Граф Піпер пішов разом з частиною канцелярії до Зінькова; сьомої ранку він ще поговорив серед іншого про мій від'їзд.

23. Граф Шперлінг помер від отриманого під Веприком поранення.

24. Обоз полка відправився звідси на інші квартири.

25. Його Ясновельможність фельдмаршал, який лежав хворий під Гадячем, отримав відомості, що місця замість 3 полковників, полеглих під Веприком, отримали 2 майори від гвардії і один полковник із полка Даля.

26. Я написав графу Піперу, Ц. Р. Гермеліну і секретарю Гедергільму через посланця до головної штаб-квартири, де вони ще раз рекомендували мій від'їзд.

Того ж дня. Надійшли відомості, що калмиків і ворожих козаків часто можна бачити навколо головної штаб-квартири, вони також захопили відправлених туди королем валахів.

27. Нічого не відбувалося.

28. Посланці, з якими я відправив листи до головної штаб-квартири, повернулися назад. Того ж дня один із королівських барабанщиків відправився із головної штаб-квартири до московитів із-за полонених ними офіцерів.

29. Нічого не відбувалося.

30. Одержали відомості про те, що Його Величність цар прийшов до Сум, а Меншиков до Лебедина й обидві місцевості наказали сильно фортифікувати; також можна було щоденно бачити загони московитів навколо головної штаб-квартири.

31. Мазепа звідси пішов на Зіньків. Також отримали відомості, що минулої ночі полковника Дюкера з 200 кіннотниками, після того, як Його Величність король дізнався, що три полки московитів під командуванням генерала Генське перебувають у містечку Ромни, було відправлено туди; той там напав на них і змусив втекти і забрав увесь обоз з багатьма кіньми[248].

[248] Щоденник Давида Зільтмана (переклад з німецької, передмова та коментарі В. Дятлова) // Сіверянський літопис. — 2014. — № 6. — С. 209–217 (Переклад зроблено за виданням: «Volontären» vid svenska Armen preussike Öfvestlöjtnanten Namen Baron D. N. Stillmans Dacbok 1708 1709. // Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1907. Vol. 3).

№ 276
Полтавський діарій
(Витяги із щоденника священника
Смоландського кавалерійського полку
Йюхана Шемана за 1708–1709 рр.)

1708 рік
[Січень 1708 р.]

1 січня. Пройшли повз Gussin (Gostynin, Polska?) на Lupsin (Lucien, Polska?). Марш був недовгий, але було не дуже приємно, що зустріли Новий Рік у дорозі. Гарний початок нового року. Кожен хоче знати, що чекає нас далі. Пройшли 3 милі.

2 січня. Переправилися через Віслу біля Брвильно (Brwilno, Polska) і Плоцька (Plozk, Polska) там, де на річці не було ні заторів, ні мілин і пішли на Prakasin (Brochocin, Polska?). Пройшли 3 милі.

[Травень 1708 р.]

12 травня. Загинув майор Карл Піпер (Carl Piper), який завжди прихильно ставився до мене. Я, разом з багатьма, щиро сумував з приводу його смерті.

18 травня. Поховали згаданого майора у Воровіце (Worowice, Polska).

19 травня. Загинув Ніколаус Сігрут (Nicolaus Segeroth) у Воровіце.

22 травня. Я відспівував його там же, у Воровіце.

29 травня. Почалися бойові дії під Лозицею (Lozice, Polska).

[Червень 1708 р.]

9 червня. Відправилися ми до Тростенцю (с. Великий Тростенець Мінської обл. респ. Білорусь). Пройшли півтори милі.

30 червня. Переправилися через річку Odzvas (?) біля Bialimså (?) і пішли на Lubiani (м. Любань Мінської обл. респ Білорусь?). Того ж дня росіяни відкрили вогонь по наших волохах біля Haluzen (?). Пройшли 2 милі.

[Липень 1708 р.]

1 липня. Пройшли 1 милю до Skivara (?)

4 липня. Відбулася битва з московітами біля міста Головчин і проходу через річку Вабич з боку Могильова. Битва почалася о 3 годині ранку і тривала до 8 години. Правим флангом супротивника командував генерал Ренн (Carl Ewald Rönne), із ним були 8 драгунських, 6 кавалерійських полків і 9 полків піхоти, по яких ми завдали удару. Резервом знову командував генерал Флуг (Гебхард Карлович Флуг, Пфлуг нім. Pflugk), у котрого було 5 полків кавалерії і 9 полків піхоти. Разом — 33000 чоловік.

Лівим флангом росіян командував фельдмаршал-лейтенант Гольц (Генріх фон дер Гольц нем. Heinrich von der Goltz), під командою якого було 10 драгунських полків і 4000 калмиків. За ними знаходився генерал Репнін з 9 полками піхоти. Крім того, у росіян були три полки драгун під командою принца Дармштадтського (*принц* Фрідріх Гессен-Дармштадтський *нім. Friedrich von Hessen — Darmstadt) і декілька полків під командуванням Меншикова були на підході. Разом — 26000. Загальна кількість росіян — 59000 чоловік.*

При такій великій кількості військ супротивника ми змогли швидко пройти через важкий прохід (через заболочену річку Вабич. — О. Б.) і протистояти ворогові.

Там була наша піхота: l) королівська гвардія, на яку припав найбільший вогонь, 2) Далекарлийський полк, 3) Вестманландський полк, 4) Уппландський полк і 5) Остготтський полк.

Наша кавалерія: королівські драбанти, лейб-драгуни, гвардія, Смоландський і Остготський кавалерійські полки. Вогонь був настільки сильний, що подібного не пригадають ті, хто пройшов через багато битв. Його Королівська Величність був в пішому строю і командував лівим флангом. Нам не залишалося нічого іншого, окрім як дуже міцно попрацювати над ворогом, тим більше, що на один наш штандарт доводилося п’ять ворожих. Крім того, у супротивника була зручна позиція і гарний ретраншемент (добротні шанці).

Втрати супротивника склали 4000 вбитих, серед яких генерал фон Швенден (Шведен нім. Wilhelm von Schweden) і Голіцин (?). Серед поранених — генерал фон Дельден (?), Івановець (?), генерал Шамбер (?) і полковник Рооп (?).

Втрати з нашого боку:

На полі бою загинуло 265 чоловік, серед яких: генерал-майор Врангель (Wrangel), квартир’єр Ваттранг (Wattrang), генерал-ад’ютант Клас Хьерта (Class Hierta), 8 драбантов, три капітани і ротмістри, полковий квартир’єр, 5 лейтенантів і два фенрики.

Поранено 828 чоловік, серед них: полковник гвардії Поссе (Posse), полковники Ульфспарре (Ulfsparre) і Врангель (Wrangel), майори Штернхек (Stiernhök) і Грісбек (Grisback), 33 драбанта, 20 капітанів і ротмістрів, 18 лейтенантів, 27 корнетів і фенриків.

Під час цього бою я майже осліпнув від каміння і пилу, що його піднімали у повітря коні, але, Слава Богу, все минуло через декілька днів. Ми захопили 12 артилерійських позицій, в кожній з яких було по 2 мортири, ще двоє литавр і два кавалерійські штандарти. Полонені: 1 майор і декілька десятків солдатів.

Ми віддали хвалу нашому Господові за цю дивовижну перемогу, тому самому Господові, до якого ми звертаємо наші молитви, що йдуть з глибини серця, про збереження наших життів в цьому довгому поході!!!

6 липня. Пройшли 3 милі до Княжиців (с. Княжиці Могильовського р-ну Могильовської обл., респ. Білорусь).

8 липня. Рухалися до Могильова на річці Дніпро, приємне і красиве місце в мирний час. Тут шведська армія почала відчувати брак їжі. Ми платимо 2 каролини [3] за буханець хліба.

9 липня. О 1 годині дня сталася гроза із страшним громом.

[на полях] 22 липня. Померла моя благословенна матінка.

[Серпень 1708 р.]

21 серпня. Рухалися до Черикова (м.Чериков Могильовської обл. респ. Білорусь) на річці Сож, де росіяни розташувалися на протилежному березі річки і відкрили сильний вогонь по нашій гвардії.

31 серпня. О 3 годині ранку росіяни підняли тривогу (атакували. — *О. Б.*) там, де знаходилися Остготський кінний, Йенчепингський, Вестготський і Вестерботтенський піші полки, що не пройшло без великих (?) втрат з нашого боку, всього 6 з 700 чоловік були убиті або поранені. З іншого боку, більш ніж достатньо ворогів залишилося лежати на місці, де була битва.

[Вересень 1708 р.]

10 вересня. Рухалися до Сабожу (Säbos?), де ворог нас вже очікував, але був відкинутий на 2 милі до Старишів (с. Великі Стариші Монастирщинського р-ну Смоленської обл., РФ) на російському кордоні. Наша кавалерія втомилася від довгого і важкого переслідування супротивника, і, до того ж, наближався вечір, що ускладнювало її просування. Коли почали переслідувати ворога, Король вирішив зупинитися і повернутися до місця, де знаходилася піхота і де залишили багаж. У півмилі від вже згаданого села Сабож знаходиться місто Мигновичи (с. Мигновичи Монастирщинського р-ну Смоленської обл., РФ), яке вже відноситься до Росії. Пройшли 2 милі.

11 вересня. По тій самій дорозі з усією армією рухалися до Старишів. Біля цього села починається Росія, і я був увечері на кордоні. Пройшли 2 милі.

20 вересня. Пройшли повз Кричева (м. Кричев Могильовської обл., респ. Білорусь) і переправилися через річку Сож. Всього пройшли 1,5 милі. Там почався великий і небезпечний ліс. У Кричевському замку були великі запаси горілки, яку московіти там зберігали і яка послужила добру службу шведським солдатам, тим більше, що такий напій був досить рідкісним в таборі. Проте гарний хліб починає закінчуватись. З цього міста наша армія рухалася вже декількома колонами. Нашою колоною командував генерал-майор Крейц.

[Жовтень 1708 р.]

13 жовтня. Рухалися на Яскевичі (с. Яскевичі Гродненської обл., респ. Білорусь). Пройшли 2 милі.

Тепер становище солдатів стало трохи кращим, ніж раніш, лише сіль ніяк не вдається дістати, а без неї доводиться їсти тільки свіже м'ясо (оскільки не можна його засолити).

[Листопад 1708 р.]

2 листопада. Загинув відомий підполковник Йон Столхаммер (Jon Stålhammar).

4 листопада. Відспівував покійного. Перше послання св. апостола Павла до коринтян, глава 15 вірш 32:

За міркуванням людським, коли я боровся із звірами в Ефесі, яка мені користь, якщо мертві не воскресають? Будемо ж їсти і пити, бо завтра помремо!

5 листопада. Рухалися до Мезину (с. Мезин Коропського р-ну Чернігівської обл.), де нам довелося лежати у відкритому полі в лютий мороз. Переправилися через Десну біля Царівки [с. Вільне (до 1918 р. — Царівка) Коропського р-ну Чернігівської обл.], де ворог спробував нас відтіснити від переправи, але його хоробро відкинули Вестманландський і Вестерботтенський піхотні полки. Ще нам добре допомогла наша артилерія. Генерал-майор Стакельберг (Bernt Otto Stackelberg) отримав наказ першим йти на переправу. Він сміливо діяв і обійшовся без втрат з нашою боку, тоді як багато ворогів залишилися там лежати. Біля берега ми знайшли близько 100 московітів, окрім тих, які лежали в заростях кущів і в інших місцях, багато хто з них відстав або заблукав. Ми провели ніч на відкритому лузі в лютий мороз і нам нічого було палити, окрім сіна, якого там вистачало. Пройшли 1 милю.

9 листопада. Грім прогримів о другій години дня, такого ніхто раніше не чув.

12 листопада. Переправилися через річку Сейм біля спаленого московітами міста Батурин (м. Батурин Бахмацького р-ну Чернігівської обл.) і пішли далі на Crassenki (с. Красне Бахмацького р-ну Чернігівської обл. ?). Пройшли 3 милі.

17 листопада. Рухалися повз Schmilu (?с. Сміле Роменського р-ну Сумської обл.). Стоїть погана погода. Пройшли 2 милі.

18 листопада. Пройшли повз Ромен (м. Ромни Сумської обл.) на Pudvarki (с. Подставки Липоводолинського р-ну Сумської обл.?). Хороші місця. Пройшли 2 милі.

19 листопада. Рухаємося на Гадяч (м. Гадяч Полтавської обл.). Оскільки Його Величність Мазепа був з нами, ми увійшли до міста з литаврами і розгорнутими прапорами. Козаки теж були з нами. Тут є традиція, коли старійшини міста або села зустрічають і проводжають знатних людей з хлібом в руках. Ми пройшли 6 миль.

[Грудень 1708 р.]

9 грудня. Росіяни з'явилися біля Гадяча і до 18 грудня вони турбували нас набігами, особливо діставалося нашим фуражирам. Ніхто не міг вважати себе у безпеці. Говорили, що цар три рази особисто побував біля міста і оглянув його розташування. У них була можливість підготувати і провести напад на нас, але Господь не дав їм це зробити, оскільки наш Король прийшов сюди з більшою частиною нашого війська і захистив нас. Коли б не це, росіяни здолали б нас.

18 грудня. Вдень багато ворожого війська підійшло ще раз до Гадяча і мали серйозний намір атакувати нас, проте вони дізналися, що прибув Король, і відійшли від міста. Вони спалили передмістя, де були запаси фуражу. Ворог направив не менше 30000 війська, щоб узяти місто, з яких 25000 несли фашини (пучки хмизу для облогових робіт). Вони викинули їх за півмилі від Гадяча, коли дізналися, що

ми отримали підкріплення. Тож, як ми можемо бачити, ворог мав серйозні наміри узяти місто 19 грудня. У цей напружений час ми (тобто Смоландський кавалерійський полк, Вестерботтенський піхотний полк і драгуни Шрайтерфельта) двічі готувалися відбивати атаку ворога. Стояв жахливий холод, багато хто відморозив обидві руки, ступні ніг, ніс. Цей сильний холод тривав 13 діб до нового 1709 року, коли ми нарешті відчули деяке потепління. Місцеве населення було неготове до виживання в таких умовах, вони казали, що такого холоду не було вже сто років. На нашу радість допомога приспіла до 8 годин вечора.

23 грудня. О 12 годині дня ми вийшли з Гадяча разом з усіма полками короля, які там знаходилися. Тільки два полки залишилися охороняти наш багаж, складений в Гадячі. Коли під вечір ми прибули до Веприка, там було 3000 росіян, які підпалили передмістя, і намагалися зробити щось проти нашої гвардії, втім, це не завдало їй ніякої шкоди. Тут Його Величність зробив невелику зупинку і потім, вже у сутінках, ми відправилися до Плішивця (с. Плішивець Гадяцького р-ну Полтавської обл.). Був дуже сильний холод, багато хто замерз і залишився назавжди сидіти в глибокому снігу, притиснувши до себе мушкет, багато з тих, у кого раніше все було в порядку і які пройшли багато битв, стали інвалідами на усе життя, що залишилося. Ми не знали, що можуть бути такі морози. Не менше 111 чоловік із Смоландського полку обморозилися цього дня і вночі. Більшість з них втратили декілька пальців на руках і ногах. Багатьом відрізали і руки, і ноги, і це було страшною Божою карою. Можна подумати, а як же інші полки; проте нікому не вдалося уникнути тяжких наслідків такого страшного холоду. У вже згаданому селі Плішивець у нас були настільки погані різдвяні свята, що гірших і не згадаєш. Коли ще таке було, щоб лежати на страшному морозі просто неба і пити воду, це вже занадто!

29 грудня. Разом з 4 іншими полками нас відправили на марш до Polevka (Павлівка? с. Велика Павлівка Зіньківського р-ну Полтавської обл.). Хоча ми 23 числа цього місяця вже проходили повз Веприк (с. Веприк Гадяцького р-н. Полтавської обл.), проте інші прийшли сюди після нас, узяли місто в облогу і були там доти, доки воно не було зруйноване. Ми пройшли 3 милі.

30 грудня. Рухалися на Зіньків (м. Зіньків Полтавської обл.), в якому не було росіян, а тільки місцеві жителі і козаки, які не хотіли пускати нас у місто. Вони протримали нас за міськими воротами до 5 годин ранку 31 грудня. Між тим наш командир — полковник Ранкен (Rancken) поговорив з тим, хто був головним в місті, і рішуче зажадав капітулювати. Проте головний серед козаків не дав себе розжалобити и сказав, що вони хочуть битися до останньої людини і таке інше. Ми пройшли цього дня півмилі.

31 грудня. Прибув Його Королівська Величність особистою персоною з гвардією, з іншими полками і артилерією. Коли козаки це побачили, вони злякалися і о 5 годині ранки здали місто, за що усі вони отримали королівське помилування. У цьому місці ми завершили страхітливий 1708 рік. Господь Бог поліпшив наше становище у кінці року!

За увесь рік ми провели на марші 110 днів і пройшли 257 і ¾ милі (близько 2570 км).

Рік 1709 від Різдва Христового.
[Січень 1709 р.]

7 січня. 7 січня Його Величність почав штурм міста Веприк, під час якого ми зазнали великих втрат. Ми не могли узяти фортецю до 10 годин вечора, коли комендант здався на милість переможців. Росіян в гарнізоні фортеці були тільки півтори тисячі, але це без цілої купи місцевих козаків, які нанесли нам великих втрат. Билися навіть жінки і діти, які виливали окріп і гарячу кашу на голови тих, хто ліз на вал. Під час штурму загинули три хоробрі полковники: Якоб Сперлінг (Jakob Sperling), його брат Каспер Сперлінг (Casper Sperling) і Фріцки (Georg Fredrik de Frietzcky) з Упландського піхотного полку.

19 січня. О 8 годині ранку полковник Дюкер (Carl Gustaf Dücker) був відправлений з 2000 вершників для атаки на 5000 росіян, які знаходилися в місті Грунь (с. Грунь Охтирського р-ну Сумської обл.) в 2 милях від Зінькова. Він вбив 300 московитів, з нашого боку втрат не було.

28 січня. О 10 годині ранку 6 кавалерійських полків були відправлені до Опішні (смт Опішня Зіньківського району Полтавської обл.). З ними відправився і Його Величність. О 8 годині ранку ми прибули до міста, де супротивник вже вишикувався у бойові порядки, тому Його Королівська Величність наказав генерал-майорові Гамильтону (Hugo Johan Hamilton), щоб полки поквапилися, після чого вони погнали коней учвал. Проте королеві не вистачило терпіння чекати усі полки, які його супроводжували. Він узяв три перші полки, що прибули, а саме: драгунські полки Таубе (Gustaf Adam Taube), Дюкера (Carl Gustaf Dücker) і Смоландський кавалерійський полк, після чого з розгорнутими прапорами і стандартами почав наступати на ворога, який при цьому відступив. Ми не могли продовжувати переслідування, оскільки наші коні йшли день і ніч по глибокому снігу і втомилися від довгого шляху, а коні ворога були свіжі. Проте наші волохи і люди Мазепи щільно йшли за ворогом, доки той не вийшов на рівнину під містом і приготувався захищатися. Оскільки супротивник також довгий час готувався до атаки на наших волохів і декілька рот драгунського полку Таубе, король наказав, щоб усі, хто знаходився в місті (вони думали, що нас там багато) швидко йшли за ним (?). Ми негайно виконали наказ і як тільки могли швидко понеслися на поле, де ворог вже вишикувався для битви. Ескадрони не стали чекати один одного і почали битву, а потім до нас приєдналися інші. Це підкріплення принесло такий результат: 500 росіян залишилися лежати на полі, а з наших не загинув ніхто. Крім того, ми узяли 53 полонеників. У цих місцях є висока піщана гора, що рідко можна побачити на Україні. 4(?)

30 січня. Рухалися на Котельву (смт Котельва Полтавської обл.), де ми відпочивали тільки до першої години

ночі, оскільки хотіли напасти на ворога там, де він тоді знаходився, проте він відійшов за годину або дві до того, як ми прийшли туди. Після нашого відходу з Опішні, там залишилися 53 полонених росіян, що їх охороняли 50 наших людей. Усі вони, після того, як супротивник дізнався, що ми звідти пішли, і що наших там залишилося зовсім мало, були або вбиті, або захоплені у полон. Ми пройшли 2 милі.

[Лютий 1709 р.]

9 лютого. Рухалися на Hotza (?), де ми вбили 150 росіян. У цьому місці починається Росія. Пройшли 2 кілометри

11 лютого. Рухалися на Краснокутськ (смт Краснокутськ Харківської обл.). Сьогодні була битва під Городнім (с. Городнє Краснокутського р-ну Харківської обл.), де Смоландська кавалерія зазнала важких втрат: ми втратили вбитими 95 чоловік, супротивник захопив 2 штандарти і пару литавр. Такі ось справи. Коли ми пройшли повз Краснокутськ, ворог розташувався на полі; у нас були Смоландський полк з драбантами і декілька рот полку Таубе, які вишикувалися і почали атакувати. Проте, як тільки ми наблизилися до ворожих військ, вони відійшли до Городнього, де було болото і де перебував у засідці цілий ворожий корпус. Врешті-решт ми пішли за ворогом з усіма своїми військами. Неможливо уявити собі, як вони зуміли сховати таку кількість людей. Сталося так, що коли ми безтурботно переслідували ворога по лісу, по нас відкрили вогонь, залп за залпом, так що нам довелося скакати (утікати. — *О. Б.*) так швидко, як тільки могли. Коли супротивник це побачив, він почав переслідувати Смоландський полк і вбив 95 чоловік, які відступали. Я поховав їх і ще двох на тому ж місці, де вони загинули. Це сталося на нашому правому фланзі. На лівому фланзі, де знаходилися король і драбанти, становище було не краще. Ми пройшли 4 милі.

12 лютого. Рухалися на Мурафу (с. Мурафа Краснокутського р-ну Харківської обл.), красиве місто. Пройшли 1 милю.

13 лютого. Переправилися через річку Мерчик і пішли на Коломак (смт Коломак Харківської обл.).

15 лютого. Йшли на Колонтаїв (с. Колонтаїв Краснокутського р-ну Харківської обл.), де 9 чоловік з роти повіту Естра (Смоландський кавалерійський полк. — *О. Б.*) потонули в річці Мерла. (13 лютого 1709 р. почалася сильна відлига, що її супроводжували зливи з грозою. Багато річок, що не звільнилися від криги, повиходили з берегів. — *О. Б.*) Пройшли 2 милі.

16 лютого. Рухалися на Рубльовку (с. Велика Рубльовка Полтавської обл.). Пройшли півтори милі.

17 лютого. Переправилися через Ворсклу і пішли на Опішню. Це був дуже важкий перехід, ми пройшли 1 милю.

20 лютого. Рухалися на Будища (с. Великі Будища Диканського р-ну Полтавської обл.). Пройшли півтори милі.

3 березня. Рухалися на Жуки (с. Жуки Полтавського р-ну Полтавської обл.) біля Полтави.

25 березня. Відспівував гідного ротмістра Герхарда Вільгельма фон Кока (Gerhard Vilhelm von Kock). Послання до Римлян Святого Апостола Павла 8: 33, 34:

Хто висуне звинувачення проти Божих обраних?
Сам Бог оголошує їх праведними.
Хто засудить? Ісус Христос, що помер, а вірніше
воскреслий з мертвих, який сидить по
праву руку від Бога, — він клопоче за нас

[Квітень 1709 р.]

12 квітня. Мене відправили на справу з генерал-майором Крузе (Carl Gustaf Kruse), у якого було 3000 чоловік шведської кавалерії, 4000 запорожців, з яких 3000 були піхотинцями. Ми пройшли повз Старі Санжари (с. Старі Санжари Новосанжарського р-ну Полтавської обл.) і надвечір були у Нових Санжарах (смт Нові Санжари Новосанжарського р-ну Полтавської обл.), де відразу переправилися через Ворсклу і всю ніч йшли по рівнинній і пустинній місцевості. О 10 годині ранку ми були біля Сокілки (с. Правобережна Сокілка Кобеляцького р-ну Полтавської обл.), де стояв генерал Ренне (Carl Ewald von Rönne) з 4000 чоловік. Ми могли їх узяти як рибу в невід, проте через те, що 18 ескадронів разом з піхотою запорожців було відправлено для захисту нашого тилу, ворог, який не знав про наше прибуття, отримав час на те, щоб знищити нас. Тепер у нього не було іншого виходу, окрім як прориватися через нас, оскільки він був затиснутий між нами і річкою Ворскла. Він це зробив без особливих зусиль, оскільки ми вважали, що нас набагато більше, і у нас на правому фланзі був великий пролом (?). Ворог усіма своїми силами увійшов до цього пролому і вдарив у тил нашому лівому флангу, на якому знаходилися драгуни полку Альфенделя (Heinrich Otto von Albedyll). Велика частина їх загинула. Ті, хто захищали наші тили, не змогли швидко прийти на допомогу, оскільки знаходилися в півмилі від нас (≈ 5 км. — *О. Б.*) Коли ворог побачив їх, він відійшов, інакше він ще зробив би щось більше. Ми не наважилися залишатися там надовго, оскільки ворог міг отримати підкріплення і повернутися назад. Ми швидко відступили назад, бо недооцінили сили ворога, крім того, ще була небезпека, що він зруйнує міст в Нових Санжарах, доки нікого з наших там не було.

Якби б він зробив так (тобто спалив міст через Ворсклу. — *О. Б.*), то небагато з нас повернулися б назад. Проте все ж калмики тут побували і спалили передмістя (Старих Санжар. — *О. Б.*). Мосту вони не чіпали і не напали на нас там. Ця вилазка була нетривалою, але усе це було досить прикро і неприємно. За ці два дні і ніч ми пройшли не менш ніж 18 миль без єдиної соломинки для коней. Назад ми йшли повз Кобеляки (м. Кобеляки Полтавської обл.) і Birka(?), які були праворуч від нас.

23 квітня. Відправилися на допомогу колоні генерал-майора Крейца до Koture(?). Пройшли 2 милі.

25 квітня. Повернулися назад до Жуків. Пройшли 2 милі.

В середині квітня почалася облога Полтави. Коли б не Божа воля, цього ніколи б не сталося.(?)

[Травень 1709 р.]

8 травня. З Жуків вийшли на поле, розташоване поруч.

10 травня. Рухалися до Будищ (с. Великі Будища Диканського р-ну Полтавської обл.). Пройшли півмилі.

Весь цей час ворог постійно нападав з фортеці та інших місць на наших, які рили облогові траншеї.

[Червень 1709р.]

15 червня. Цього дня був напад на колону генерал-майора Крузе в Старих Санжарах. Ворог напав несподівано і наніс важкі втрати Південносконському і *Третьочерговому полкам [4], а також пограбував їхнє майно і полкові каси*. Де наша охорона**?**

16 червня. Московіти перейшли на наш бік (Ворскли. — *О. Б.*) і побудували за ніч 6 великих шанців з бруствером, що вони завжди роблять для підвищення безпеки, але вони доки порожні. Шведи ж навпроти, мають звичай не використовувати вали і шанці, а битися у відкритому полі, що доки їм краще вдавалося, хоча й не завжди.

17 червня. Нас підняли по тривозі, і ми розгорнулися у бойові порядки навпроти ворожих шанців, але далі цього справа не дійшла. Було б краще, якби ми атакували ворога. Того ж самого дня Його Королівська Величність був поранений в ногу біля Полтави, що є дуже великою втратою для нас.

19 червня. Ми пройшли чверть милі і усією армією підійшли до Полтави.

20 червня. Була тривога (атака ворога. — *О. Б.*) під час недільної служби. Ми відігнали ворога до його редутів.

22 червня. Ми склали наше майно в одному місці, після чого усією армією вишикувались у бойовий порядок. Прибув татарський посланець.

24 червня. Ми відправилися до Рибців (с. Рибці з 1988 р. входить до складу Полтави.), де у нас були запаси фуражу. Пройшли півмилі. Увесь цей день був дуже сумний. Нам немає спокою ні вдень, ні вночі. Крім того, у нас мало харчів і дошкуляє сильна жара. Коли усі ці труднощі накладаються один на одного, багатьом хочеться забратися якомога далі звідси або закопатися глибоко в землю. Незабаром багато хто буде в землі, але ще більше опиниться в чужій країні, де розмовляють мовою, яку вони не знають.

28 червня. Сталася невдала для нас битва під Полтавою, в якій все відбувалося наступним чином :

Росіяни наступали зі своїх редутів біля Полтави з метою з'єднатися з оточеним гарнізоном фортеці і допомогти їм. Король вирішив завадити цьому плану і тому наказав усім приготуватися до битви; вийшла уся армія без 7 полків, які відправилися прикривати наш табір і обоз. Ранком цього дня ми були біля ворожих редутів, коли вони ударили підйом. Як тільки трьома гарматними пострілами подали сигнал тривоги, на сполох забили й барабани. Відразу після цього на редути, що їх прикривав цілий ворожий корпус, почала наступ наша кавалерія (спочатку драбанти), за ними Смоландський полк, Лейб-драгунський полк і так далі. Атака кавалерії була такою, що ворогові довелося покинути редути і перейти до інших редутів. Тоді наші посилили натиск і гнали ворога через усі редути, незважаючи на жахливий вогонь і гарматну стрілянину, хоча у нас з собою не було жодної гармати. Усе це було добре зроблено без яких-небудь серйозних втрат з нашого боку. Коли нарешті ми прогнали ворожу кавалерію з того вигідного місця на поле, яке вона займала, Його Королівська Величність присів на полі зі своїми людьми і знаходився там деякий час, поки ворог не зрозумів, що у нього є можливість оцінити, наскільки ми сильні (тоді як нас була жменька в порівнянні з великою силою ворога). Тим часом ворог просунув свою піхоту ліворуч від нас і почав справжню битву, маючи не менше 107 гармат, тоді як у нас їх не було. Ворожа кавалерія пішла праворуч, так що ми мали ворожу піхоту перед собою, а його кавалерія була позаду нас. Таким чином до нас прийшов великий невід, щоб ловити маленьку рибку... У нас була можливість відійти з цього відкритого місця, проте ми продовжували стояти там, де було досить тісно і багато кущів.

Дехто казав, що фельдмаршал Реншильд (Carl Gustaf Rehnskiöld) повинен сказати Його Королівській Високості, що буде краще, якщо ми відступимо з поля, і що нам потрібні гармати. Проте, незважаючи на все це, ми пішли на ворожу піхоту і наблизилися до неї так близько, що могли бачити очі один одного. Тоді ворожі гармати відкрили жахливий вогонь, їх піхота теж зробила багато залпів. Гвардія наша понесла великі втрати від одного тільки гарматного залпу, ще до того, як пролунали наступні залпи. Така ж доля спіткала й інші піхотні полки, і перш ніж вони побачили, хто і де б'ється, настала конфузія (поразка. — *О. Б.*). Коли нашу піхоту відтіснили, кавалерія просто нічого не могла вчинити і продовжувала відступати через ліс по той бік дороги на Будищі. Наші й інші кавалеристи вимушені були йти по болоту, оскільки міст через великий яр був дуже вузьким. І потім почалася повна конфузія; хоча генерал-майор Лагеркруна (Anders Lagercrona) і наказав, щоб усі розташувалися перед селом, яке знаходилося на полі бою, нічого вже не могло допомогти; ескадрони відкочувалися один за одним. Під час битви можна було помітити, що шведські солдати — хороші солдати, але якщо вони почали відступати або навіть бігти (з поля бою. — *О. Б.*), їх вже ніщо не зупинить. Ніхто не знав, куди йти, проте усі повернули у бік нашого табору (с. Пушкарівка. — *О. Б.*) — туди, де була наша артилерія і де усі ми зберемося разом.

[На полях] Граф Піпер (Karl Piper), фельдмаршал Реншильд, генерал-майор Стакельберг, генерал-майор Роос (Carl Gustav Roos), радник Хермелин та ін. потрапили в полон під час битви.

Оскільки король був поранений в ногу, він весь день з ранку до вечора, включаючи невдалу битву, переміщався на ношах, що їх везли коні. Нам було сумно від того, що у короля не було іншої думки, окрім тієї, що він також має бути в полоні. З Божою допомогою він дістався верхи до обозу. Пізніше росіяни підтвердили, то в останній битві

вони дали 7 залпів з 107 гармат, що було жахливо, оскільки вогонь був такий сильний, що ніхто не був упевнений, що уціліє. Я не можу приховати від моїх нащадків, що піддавався великій небезпеці в 4 битвах: перший раз — у битві під Головчиним 4 липня 1708 року, де я майже осліпнув (див. бойові дії за 1708 рік), другий раз — у битві біля Городнього 11 лютого 1709 року, третій раз — під час битви у складі загону генерал-майора Крузе, де я був за крок від загибелі або полону, і зараз — в четвертий раз — в цій Полтавській баталії. У цій битві я разом з магістром Магнусом Аурививіллиусом (Magnus Aurivillius) [5] опинилися трохи позаду і повинні були пройти два великі редути, коли гармати почали стріляти ядрами і картеччю; ще були залпи мушкетів і стояв такий гуркіт, що волосся вставало дибки. Усе це було так небезпечно, що й описати неможливо. Люди сліпнули і були в шоці, кулі і ядра літали, як град над головою. У такій ситуації краще за все було передати своє життя в руки Творця, оскільки те, що творили люди, не давало жодного шансу на порятунок. Проте Господь врятував мене з цього бруду.

Коли ми вже близько години або двох стояли біля нашого обозу і чекали, що зробить ворог, Його Королівська Величність наказав обозу і артилерії рушати до Нових Санжар. Там перебував підполковник Сільвергельм (Göran Silfverhielm) з декількома сотнями солдатів. Після того, як ми відправилися, ми нічого про наших ворогів не чули і йшли весь день до Нових Санжар з обозом і усім іншим. Пройшли 4 милі.

29 червня. Рухалися до Дніпра біля Переволочної. Пройшли 6 миль.

30 червня. Його Королівська Величність переправився через Дніпро разом з драбантами; Його Світлість Мазепа з прислугою переправився також разом із каретами. У цьому місці Дніпро досить широкий і нам бракувало засобів для переправи, щоб потрапити на інший берег. Ймовірно, що там було трохи човнів, але для такої кількості людей це було ніщо. Цих човнів вистачило тільки для великих і знатних панів, які переправилися на інший берег. Переправитися верхи на коні було неможливо; багатьох, кого спокусила ця ідея, поглинула річка. У воді було багато коней. Коли бачиш те, що відбувається навкруги, тоді ти і багато інших обирають, що краще — залишитися (на березі. — *О. Б.*) з надією, або лізти у воду на свій страх і ризик. І навіть якщо комусь і вдасться з труднощами дістатися іншого берега, там він також не буде у безпеці через козаків і калмиків, і хто знає, чи не буде там ще гірше. Крім того, на тому березі лежить велика і рівнинна пустеля, де ніяких поселень не буде миль на 30, а то й на всі 50.

Тим часом у людей з'являлися різні думки, проте ніхто не міг порадити, як запобігти величезній небезпеці. Щоб якось її зменшити, відправили генерал-майора Мейерфельта (Johan August Mejerfelt) вирішити деякі питання з Його Царською Величністю, проте все було марно. Прийшов також наказ спалити увесь обоз. Піднявся шум і почалися безлади. Багатьом був нанесений великий збиток, оскільки вони відразу ж виконали наказ і дуже швидко спалили як свої вози, так і свої речі, іноді дуже цінні і важливі, які можна було б навантажити на коней. Незабаром після цього надійшла команда припинити палити майно. Тим офіцерам, хто виконував в цей час службові обов'язки, пощастило і їх майно залишилося незайманим. Я уберіг свій віз від Дніпра до Полтави, але коли ми здавалися в полон ворожому полку, він зник і більше я його не бачив. Для мене це була дуже велика втрата, оскільки я можу сказати, що серед усіх священників королівської армії у мене був найкращий багаж.

[Липень 1709 р.]

1 липня. Після виконання певних пунктів угоди, нас узяли в полон. Ці згадані пункти були наступні:

1. Офіцери і солдати можуть покинути свій табір з холодною і вогнепальною зброєю.

2. Гармати, ядра, кулі і порох відтепер належать Цареві.

3. Офіцери можуть залишити при собі шпаги і пістолі, як і усе своє майно.

4. Майно штабних працівників, капеланів, фельдшерів і аудиторів ніхто не має право чіпати.

5. Унтер-офіцери повинні залишити свої мушкети.

6. Офіцери, капелани і ті, хто був при штабі, мають право вільного переміщення.

Нам здавалося, що, якби ми вирішили битися з ворогом, ми б змогли здолати його, але де і як ми могли розгорнутися (у бойові порядки. — *О. Б.*) на цій вузькій дорозі, цього я не знаю. Наша позиція дозволяла отримати перемогу, і це було б хорошим завершенням битви.

[На полях] На описаних вище умовах здалися в полон біля Дніпра: граф Левенгаупт, генерал-майор Крейц (Carl Gustaf Creutz) і генерал-майор Крузе.

Усього цього зла можна було б уникнути, коли б не прокляті самовдоволення і величезна самовпевненість, які оволоділи шведами. І, звичайно ж, є ще певна ознака того, що коли самовдоволення і самовпевненість править країною і людьми, крах не змушує на себе довго чекати. Так що це шведське самовдоволення і самовпевненість стали певним знаком, якщо врахувати, що такої жахливої поразки ніколи не було в нашій історії. Ось так на землю свеїв прийшла велика скорбота і біда. Язичники говорили, що незначні дії ворога нічого не означають, важливо знати, чого він хоче, проте більшість шведів насилу погодяться з цим. Потім це стало певною ознакою великої катастрофи, коли у кінці вже не було а ні віри, ні любові, ні чесності у відносинах між людьми, які часто-густо ображали один одного. Але головне в усьому цьому диявольському кошмарі було те, що люди втратили страх Божий. Тому й розкидав їх Бог по чужій землі, щоб там вони пізнали Його, бо раніше вони не хотіли слухати Його голос.

Ми пройшли півмилі до Kislinka (с. Кишеньки Кобеляцького р-ну Полтавської обл.?), де знаходився цар, там ми зрозуміли, куди (у які умови. — *О. Б.*) ми потрапили.

3 липня. Рухалися до Кобеляк. Пройшли 4 милі.

4 липня. Рухалися до Старих Санжар. Пройшли 3 милі.

5 липня. Рухалися до Полтави. Пройшли 3 милі.

6 липня. Проходив спектакль (полонених шведів провели. — *О. Б.*) через Полтаву до шведських облогових траншей. Пройшли півмилі.

11 липня. Московіти салютували на честь перемоги 3 залпами з 106 гармат і 3 залпами з мушкетів піхоти.

14 липня. Йшли півмилі від Полтави до розташування полковника Нойтарда, який мене добре прийняв.

16 липня. Йшли 2 милі по полю.

17 липня. Йшли 3 милі до Рубльовки (с. Велика Рубльовка Котелевського р-ну. Полтавської обл.?)

19 липня. Пройшли півтори милі до Колонтаєва (с. Колонтаєв Краснокутського р-ну Харківської обл.)

20 липня. Пройшли 4 милі до Kapliuka (с. Копійки Великописаревського р-ну Сумської обл.?)

21 липня. Пройшли 2 милі до Рябини (с. Рябина Великописаревського р-ну Сумської обл.)

22 липня. Пройшли 4 милі до Гайворону (с. Гайворон Бахмацького р-ну Чернігівської обл.)

23 липня. Пройшли 3 милі повз Kolzmin (?) на Борисов, де знаходиться новий маєток Шереметєва (Борис Петрович Шереметєв). З часом це буде красиве місто.

24 липня. Рухалися на Коропів. Там була межа між Московією і Україною.

[Серпень 1709 р.]

16 серпня. Переправилися через Paratva (?) біля Kak Sumina (?), в цьому місці знаходиться залізорудна копальня. Пройшли дві з половиною милі.

17 серпня. Рухалися до Varavof (?). Пройшли дві з половиною милі.

18 серпня. Перешли через Pachtra (Пахра?) і Jesna (Десна, притока Пахри?). Пройшли 3 милі.

19 серпня. Рухалися до Москви, пройшли 2 милі.

20 серпня. Здригнувся від феєрверку у фортеці. (у Кремлі? — *О. Б.*)

21 серпня. Нас розпустили (розподілили по місцях проживання. — *О. Б.*)

24 серпня. Отримав квартиру у міщанина в Городній слободі [6], поряд з німецькою слободою.

26 серпня. Прикрий день (можливо, полонені отримали копію листа Карла XII до держради Швеції про поразку під Полтавою? — *О. Б.*)[249].

№ 277
Із нотаток Нордберга
про рейд каролінців на Городнє
та Красний Кут
Лютий 1709

Він наказав їм розташуватися праворуч і ліворуч від його полку. Вони залишилися на полі з обіцянкою виправити помилку, зроблену через свою гідну поведінку. Кілька осіб з королівського почту прибули сюди, від яких він дізнався, що їм не відомо, де зараз перебуває Його Величність, від якого не було жодних новин. В одну мить навсібіч поширилася відповідна чутка; звідусіль казали: «Ходімо, поспішимо на пошуки нашого короля». Але щойно генерал Крузе зробив хоч якийсь рух, московити відступили за поле.

Їхній відступ цілковито нагадував утечу: тож шведи повною мірою помстилися за втрати, яких зазнали перед тим. Цей генерал, повернувши потім ліворуч, пройшов швидким маршем до узвишшя, де перебував король. Оскільки вже було настільки темно, що Його Величність не мав можливості відрізнити свої війська від ворожих полків, він подумав, що загони Крузе були неприятельськими частинами й, зважаючи на це, вирішив їх атакувати. Московити навпроти, добре відаючи, що це були шведи, відступали без упину, що й дало змогу пану Крузе повідомити короля про своє наближення. Однак, коли він ще навіть не приєднався до Його Величності, ворог був уже дуже далеко, зробивши нічний перехід до міста Богодухова (?) (Bohudencva), розташованого за два льє від Городні (Horodna). Король, не будучи в змозі їх переслідувати через темряву, відправив кілька загонів до дороги, щоб облаштувати там пост. Піхота з артилерією отримала наказ зупинитися в Краснокуті (Krasnakut). Його Величність пішов з рештою військ до Городні, щоб провести там ніч. Провівши детальну розвідку, було встановлено, що ворог втратив у цій справі близько 1 200 осіб, убитих на місці, пару великих литаврів і три прапори, які вони йому принесли. Ми ж навпаки мали тільки кількох драбантів серед загиблих і 130 чоловік, з яких більша частина були зі Смоланду, хоча сам смоландський полк і не брав участі в зіткненні з противником.

Твердо можна сказати, що цей день міг стати дуже славетним для шведів, якби вони діяли з трохи більшим завзяттям. Король, маючи жменьку людей, змусив тікати сім полків московитів, розташованих в Краснокуті. Шість інших, залишених у Городні, були б повністю посічені, якби шведська кавалерія була б під рукою і слідувала б тим же шляхом. Московити були щасливі, що змогли відступити, й тільки потреба змусила їх вчинити певний опір. Слабкість шведів і безлад, у якому вони перебували, були такими, що неприятель навіть надихнувся у якийсь час на те, щоб вирвати з наших рук перемогу. Король сам, зрозумівши ризик бути перебитими, стрімголов перетнув разом зі своїми

[249] Полтавський діарій (витяги із щоденника священника Смоландського кавалерійського полку Йюхана Шемана за 1708–1709 рр.) / Пер. Олега Безверхнього // Сіверянський літопис. — 2018. — № 1–2. — 235–245.

драбантами дорогу, щоб піднятися на сусідній пагорб. І, якщо сказати одним словом, якби вороги мали б достатньо хоробрості, щоб атакувати розташування полку Таубе, не знаю, щоб і сталося б з цим принцем і його людьми. Коли московити вишикувалися в долині, де вони перебували вже досить довгий час, ми одразу вирішили, що вони залишили добру частину свого корпусу в резерві. Два німецьких офіцери, котрих ми щойно взяли у полон, підтвердили цю річ, будучи змушені, крім того, зізнатися, що якби король мав під своїм началом всі війська та якби він наважився атакувати московитів у полі, не давши їм часу для побудови бойових порядків, він неодмінно б здобув цілковиту перемогу. Неприятель, зваживши на обережність, з якою поводився Його Величність, усвідомив, що той напевно має при собі не досить багато військ. Ворог виглядав загрозливим, особливо просунувшись так далеко вперед, що було для нього достатньо легко, зважаючи на скупчення всіх його сил, при цьому мав змогу відступити, коли буде потреба. Для короля все це стало зрозумілим наступного дня; і він змушений був визнати, що у майбутньому потрібно поводитися з більшою обережністю.

Король вирушає до України.

Карл мав намір насамперед проникнути до Росії, однак відлига, яка намітилася, змусила його змінити свою думку через побоювання, що річки Мерла та Ворскла незабаром розіллються, і він не зможе тоді повернутися до України. Московити, сполохані нашим наближенням, боялися, щоб король не просунувся до Воронежа на Чорному морі (Woronitz sur la Mer Noire), де знаходився тоді царський флот. Оскільки це місто не було в змозі захищатися, було б нескладно заволодіти ним, якби погода нам сприяла. Король, повернувши праворуч, віддав наказ спалити міста Краснокут і Городню разом з усіма навколишніми селами. У першому з цих двох міст, було знайдено добрі запаси пороху та гарматних ядер, які шведи забрали з собою. Тисячі мушкетів і пістолетів було розбито. Жінки мешканців Городні були забрані в неволю разом з дітьми у покарання за зухвалість, котру їхні чоловіки проявили, відкривши вогонь по наших загонах з невеличкого форту, який стояв попереду й зустрів підхід наших військ. Король зробив цього дня перехід у півтора льє до Мурафи (Morofka), де він відпустив назад цих жінок і дітей разом з їхніми речами. Наступного дня ми продовжили шлях до Коломака, розташованого на кордонах Татарії, де починається велика пустеля, яка має більше тридцяти льє вшир. Від Коломаку до Донця, який впадає в Дон, що відділяє Європу від Азії, не більше ніж вісім льє[250].

№ 278
1709, березень
З нотатків священника — учасника походу Георга Нордберга про ставлення шведів до мирного населення

На початку цього березня [1709 р.] було дуже холодно... Багато селян поверталося до своїх домів із лісів і мочарів, де поховали все своє майно не перед шведами, як це вони оповідали, але зі страху перед москвинами, які грозили їм вогнем і мечем, якщо б вони залишилися у своїх хатах. Ласкаві й переконливі слова Мазепи робили на них велике враження і вони передавали їх іншим. Гетьман оповідав їм, як мирно і приязно шведи поводилися з населенням, так що ніхто не міг на них нарікати. Навпаки, коли вони робили, на їх бажання, якусь прислугу шведам, то за це діставали гроші. Наприкінці гетьман додав, якщо б шведи справді хотіли забрати від них їхні в лісі заховані речі, то могли б це легко зробити, але вони цього уникають[251].

№ 279
Й. В. Барділі
Історія високо достойного принца Максиміліана Емануеля герцога Вюртемберзького тощо, полковника полку шведських драгунів, його походи і кампанії через Німеччину в Польщу, Литву, Червону і Білу Русь, Волинь, Северію і Україну. При цьому багато рідких пригод достойного принца, держави, звичаї та релігії цих народів, а також з короткими описами багатств і занять [людей] цих земель. З описом при цьому походу від Полтави до Бендер (витяг).

15-го шведська армія поділилася на 3 колони.

Із-за браку провізії було вирішено за краще поділити армію; так, Сліпенбах з 4000 чоловік пішов уперед, а решта 3 колонами пішла за ним. Головний штаб виступив у похід через Пальську (Palzka) до Мягкова (Müekova). Тут також ворог вдався до спроби [атакувати] і напав на шведський обоз, однак з втратами у 150 осіб і, повернувши одного майора 2-го полку шведських драгунів, вдало ретирувався.

20-го відбулася жорстке зіткнення з російською кавалерією.

Невдовзі після цього сталося дещо більш значне. Руський генерал Баурз ворожою кавалерією влаштував засідку біля одного млина. Король послав туди лише своїх валахів і наказав, щоб вони не давали спокою ворожим калмикам доти, поки не почнеться наступ кавалерії, із якої він одразу взяв на себе 5-й ескадрон, половиною якого він командував особисто, другою половиною він доручив командувати принцу. Вони обидва завзято ринулись на ворога, незважаючи

[250] *Nordberg J. A.* Histoire de Charles XII. Roi de Suede. — La Haye : P. De Hondt, 1748. — T. 2. — P. 272–273 (переклад Євгена Луняка).

[251] *Мацьків Т.* Гетьман Іван Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687–1709. — Мюнхен, 1988. — С. 152; *Nordberg J. A.* Histoire de Charles XII. Roi de Suede. — La Haye : P. De Hondt, 1748. — T. 2. — P. 283–284.

на те, він був набагато сильнішим, так що вони часто були оточені великою масою і з великим натиском змушені були пробиватися. Принц під час наступу вдерся у середину ворожого корпусу, так що він зійшовся з ними впритул, однак у пилу і куряві нічого не можна було розпізнати; він не звернув уваги на руського офіцера, який поскакав збоку нього, поклавши йому руку сказав: «Аллонс, за ними!», оскільки принц діяв вправно, він хутко прискакав до шведів, однак при наближенні цього [офіцера] пострілом було вбито. Однак усе обійшлось добре, оскільки він знову без ушкоджень міг приєднатися до шведів. **При цьому король опинився у небезпеці бути полоненим.** У короля, після того, як навколо нього всюди була безчесна рубка, було вбито коня і, як би не полковник Дальдорф, який пробився через калмиків і руських, не прийшов на допомогу, то йому було б дуже важко врятуватися, оскільки він був оточений подвійним кільцем і запізно знову сів на коня, оскільки кожний діяв безпосередньо перед собою. Однак шведи настільки хоробро билися з руськими, що змогли навіть з огляду на їхню більшість, тут їх було 10000 регулярних загонів і 5000 калмиків, всюди пробитися й не дати захопити тилове забезпечення; у той час, коли вони знаходилися на полі і відбивали ворога, вони могли побачити новоприбулих, котрі дали надію, нарешті настала справжня радість. Однак, як тільки вони, як і ми перестроїлися, вони відступилися і дозволили тим шведам вправитися. Король втратив у цій [битві] 50 чоловік і два генерал-адютанти, які мали донести накази до прибулих полків, вони загинули по дорозі від калмиків. **Руські повністю спустошували свої землі до Тарчина (Tarschin).** Ворог став, як він і того хотів, заволікати шведський фланг і всупереч всьому пішов на Тарчин до московського кордону, або, власно до руських земель; робились пастки, їх проривали, і переслідували пішки ворога до Смоленська, до якого цар до цього увірвався, так що тут також, як у власних землях нічого не залишали, а залишали повністю випалену землю.

Генерал Лагеркрон відправляється з 6000 чоловік до Сіверії

Однак король мав зовсім інші наміри, які впродовж маршу від Могильова до сих пір трималися в секреті. Потім не встигли схаменутися, як він командирував генерал-майора Лагеркрона, на скритність якого він у даному випадку особливо розраховував; король достатньо постарався і наказав йому з 6000 чоловік, який йшов до цього в авангарді маршу, направитися саме до Сіверії, як можна швидше пробиватися туди лісом з тим, щоб зайняли там кращі і найзручніші місця. (**1708 Вересень. Наступ на Сіверію**)

Причиною того є Мазепа. 25-го. Привід для цього [повороту] дав Мазепа, козацький військовий вождь. Тривалий час він був дуже невдоволений патронатом царя і вирішив при цьому повністю звільнитися від нього й перейти зі своїм народом на бік Карла, й тим самим пристати до Station Станіславської партії, оскільки він вже до цього неодноразово шукав дружби з королем і пропонував свою службу. Натомість, якщо раніше на ці пропозиції щодо послуг цього військового вождя мало звертали уваги, то на цей час нагода скористатися його послугами здавалася виключно прийнятною, до якої можна було пристати, оскільки він міг на той час не тільки зміцнити шведську армію великою кількістю людей (він мав на той час 20000 чоловік), а й тим, що його земля могла, перш за все, бути в нагоді, щоб шведський солдат міг краще підготуватися до генеральної зустрічі, крім того, в Україні, у благодатній і надзвичайно забезпеченій провіантом землі можна було поповнити усе необхідне, не кажучи вже про те, що далі перед ними відкривалася ворожа країна, при цьому сподівалися забезпечити кращі комунікації зі Станіславом і Польщею.

В цьому було стільки переваг, що нерозумно було б не скористатися ними, до того ж Карл також не мав ніяких далеких міркувань, усе це варто було одразу прийняти, хоча він це настільки ретельно приховував, що не все одразу можна було узнати до того, поки не настав марш-раут до цієї місцевості.

Король дає Левенгаупту [настанови] щодо України. Натомість, коли слабим людям дають найкращі і найрозумніші пропозиції, коли такі ще й не від сильної руки передаються [далі], то часто такі державні засоби сприяють лише шкоді [в той час], коли над нами тяжіє руїна; те, що усі ці добрі міркування допомогли не чим іншим, як тим, що тривалий час вони живили пусті сподівання, а між тим серед повсякденних нещасть потрібно було мати багато терпіння, хоча врешті решт воно обернулося тим, що ласий шмат було втрачено, оскільки [виявилося], що ганялися за тінню. Оскільки Левенгаупт повинен був привести у краще становище змотану армію, сталося так, що через таку віддаленість від нього її втратили, то сподівалися на те, що в Україні вже матимуть кращі позиції, про які ми невдовзі мали дізнатися. **1708 жовтень.** Однак, оскільки це заздалегідь не можна було передбачити, король спробував прийняти загальний план, поспішати за посланою ним вперед армією Лагеркрона й пройшов маршем 16 миль здебільшого через ті яруги знову назад, які він за декілька днів до цього пройшов.

Для того, щоб випередити ворога, він пішов маршем настільки швидко, що щоденно, незважаючи на нестачу хліба, вина, пива, сала, горілки і на хвороби, долав від 4, 5 до 6 миль. **3-го** У Кричові (Kruizovv) він знайшов цілком достатню кількість сала і горілки, однак армія далі не могла швидко просуватися. Марш проходив через суцільний ліс, в якому дуже перешкоджали численні завали і болота. Оскільки обоз не міг слідувати в усіх місцях, король взяв частину інфантерії з собою і пішов разом з принцом уперед, обозу він наказав слідувати як можна швидше за ним. 3 жовтня досягли нарешті кінця лісу, вийшли на кордон Сіверії, поблизу Нівно, після цього промаршували за весь день 8 миль. **Кордон Сіверії.** Принц мав достатньо часу, однак цей марш припав на поганий день, внаслідок чого він не міг досягти самого малого й змушений був відпочити. Він змушений був їсти сухий і черствий хліб, який він не міг угризти; ні вино, ні пиво не були доставлені, так що у полках не можна було прийняти Святе Причастя; горілку

він не міг пити й змушений був тривалий час задовольнятися сільською їжею. **Земля Сіверії багата.** Виявилося, що у цій Сіверії виключно плодюча і багата земля, прекрасні великі села і міста і умови такі, що армія могла б цілком розташуватися, однак міста були закриті або руськими, або місцеві мешканці самі вже укріпилися в них й не думали їх віддавати; шведи, котрі зазнавали лише нещастя поблизу них, займалися, однак, зі своїми витязями тим, що здобували запаси [продовольства] кулаками за їхніми стінами, куди їх не пускали. Села були залишені й повністю спустошені. Знаходили лише фураж для коней, усе інше мешканці поховали.

Руські йдуть попереду шведів в усіх місцях. Після того, як перші наміри зазнали невдачі, це спонукало людей до оренди й взяти землі у посесію. Невдовзі руські дізналися про марш-наступ короля через Круїзво і вже до цього знали, що Мазепа був дуже незадоволений існуючим обходженням [з ним] і більше не бажає виконувати накази, то вони швидко здогадалися, як це може відбитися на них; шведи пішли найближчим шляхом з вірним провідником; оскільки, напроти, Лагеркрона збився з дороги, то король в Костенічах (Kofzeniye), де він за домовленістю мав зустрітися з ним, прийшов раніше нього. Хотілося таким чином не втрачати як раніше щасливої нагоди просуватися далі. Звідси пішли полишеною землею. Левенгаупт декілька разів зазнавав втрат, цар також задумав увесь свій наступ спрямувати туди з тим, щоб повністю знищити шведські тили, що також завдавало б невідновленої шкоди шведам.

3-го цар пішов на Левенгаупта і розбив його біля Лісної. Як тільки цар отримав відомості про те, що Левенгаупт зі своїм корпусом вже розташувався біля Дніпра, то зважив на те, що у шведів і у нього багато чого залежить від того, якщо сприяти або перешкоджати їхнім комунікаціям, то він дозволив королю лише стежити за декількома полками, однак сам він з великими силами разом з принцом Дармштадтським, князем Меншиковим, генералами Пфлугом, Бауром та ін. йшов весь час з флангу на Левенгаупта, поки не змусив його до битви, в якій він, незважаючи на те, що ворожі сили переважали його, зміг знайти за можливе одразу в повному порядку при наближенні дав наказ прийняти баталію; вони дуже рішуче напали і у двогодинній битві ворожому лівому флангу [ворога] завдали стільки клопоту, що цар змушений був його поповнити новими силами, при цьому шведи, оскільки вони побачили, що не можна влаштувати ніякої пастки, у повному порядку відступили назад до своїх возів і трохи перепочили, коли ворог також, хоча у них виникли переваги, оскільки цар хотів почекати без артилерії, яка була віддалена. Однак після того, як вона прибула і примкнула до лівого флангу, він знову пішов у новий [наступ] і на цей раз з такою завзятістю, що руські вдерлися навіть у середину шведських возів, із-за яких шведи, однак, з невірогідною хоробрістю відбивалися і робили настільки тривали прориви, аж доки не настала повна темрява, в якій нічого не можна було розібрати. За цих обставин Левенгаупт переконався, що наміри ворога цілком полягають у тому, що, якщо нічого не зміниться, знищити повністю їх, тому він наказав своїх людей цілу ніч тримати під зброєю; напроти з його вже достатньо ослабленим корпусом неможливо нападати без надії заволодіти тилом, який ворог має в достатку, цьому заважати, він спробував при цьому на загальній раді прийняти [рішення], решту своїх людей відправити на підтримку служб короля. З тим, щоб здійснити цю небезпечну справу, він наказав запалити багато вогнищ біля своїх возів, зібрав решту інфантерії, скільки міг, на обозних коней і відправився вночі як можна тихіше із свого табору і залишив на милість ворога хворих і поранених, які не могли йти далі разом з возами.

Вранці, коли цар знайшов табір залишеним, він наказав генералу Пфлугу з 3000 чоловік кінноти, гренадер і драгунів наздогнати їх, які були біля Пропойська, інфантерію знайшли без коней на церковному дворі, а більшу частину, оскільки вони не хотіли нічого віддавати, замаскували, так що Левенгаупт не зміг привести до свого короля навіть половини свого корпусу, який мав складати 12000 чоловік з амуніцією і провіантом, що було значним підкріпленням. Легко собі уявити, наскільки сумно це звучало у вухах короля і його змотаної армії, наскільки тихо, мало і пошепки говорили про це серед шведів при наближенні сюди доброго Левенгаупта.

1708 жовтень. У цій перемозі цілком тріумфував цар. Однак, незважаючи на те, що цар у цій акції втратив чимало хоробрих людей, в особливості принца Дармштадтського, що знижувало бажані переваги, тим не менше він вже тріумфував у повній надії, що підніме ще більший камінь. Справа про ці прославлені обставині дійшла до іноземних дворів: особливо сильний тиск від окремих [держав] був на Польщу, проти станіславської партії, король Август отримав нові запрошення знову йти проти Польщі; навіть такому всемогутньому королю Карлу одночасно були запропоновані милість і мир.

Однак Карл не став малодушним. Однак навіть за цих обставин цей государ не став малодушним, а міцно тримався своїх намірів, оскільки він був цілком впевнений, що при цій перемозі ворога не слід втрачати віри, не вагатися в самому, а діяти ще більш рішуче, ніж раніше, з тим, щоб крок за кроком оправитися від поразки. Левенгауптцям він наказав із-за відсутності обозу роздати палатки і вози іншим полкам, при цьому сталося, що в окремих полках було 2 полковники, 2 старші лейтенанти і 2 майори.

Розташувалися 300 драгунів і приблизно 1000 сіверських селян в одному маленькому містечку Мглин (Mlin) неподалеку від шведської штабквартири. Король послав 500 чоловік туди, розвідати місцевість, яких, однак, спіткали нещастя і з втратами вони повернулись назад, із-за чого він так роздратувався, що **(12-го)** разом з принцом наступного дня сам туди відправився переслідувати ворога. Однак той вже з усіма мішками і пакунками вночі пішов звідти і нічого, крім незначної кількості провіанту, не залишив.

Оскільки ця місцевість була біля лісу, то король заради кращого забезпечення захотів піти через (Skalohoff), Рухов (Rukov) і Осколков (Skalxov) у землі до Стародубу. **Стародуб.** Тут відкривалась хоча й благословенна природа, однак цілком полишена людьми зі скотиною і скарбом земля. Хоча й вона була не дуже заселена, міста і села були дуже рідко, й один від одного віддалені, однак, напроти, дещо більшими, так що часто тут часто зустрічалось від 2 до 300 будинків. Однак зібрано запасів було настільки мало, а нестача худоби мало цьому допомагала, так що деякі шляхетні мужі змушені були жувати траву. Марш просувався, одна, вперед на Новгород, який називався Сіверським, на відміну від Новгорода, який розташований на кордоні з Ліфляндією. **1708 Листопад.** Генерал Кройц пішов з декількома полками вперед. Сподіваючись випередити руських у цьому місті. **3-го.** Однак це гніздо встигли дуже добре укріпити перш, ніж прийшли шведи. Тим не менше король потужним маршем просунувся сюди, не без того, що взяти це місто, так що зовні шведські валахи перед ним вступали у стачу з ворожими групами, тому він пішов осторонь міста далі на Горки.

5-го прибула депутація від Мазепи, 6-го він прибув сам. Однак, у цей час прибула власна депутація Мазепи і повідомила, що їхній гетьман знаходиться у дорозі, зі своїми козаками прибуде до короля і проситиме у нього патронату; наступного дня він прибув сюди у супроводі 1500 козаків. Хоча й він думав привести королю увесь корпус козаків, для чого він врешті решт з ними усіма переправився через Десну. Однак, коли він тут розкрив свої плани старшині, які він до цього ретельно приховував, то більшість йому почала заперечувати, і він цілком резонно при такому розкладі справ не міг у подальшому розраховувати на безпеку від Москви і змушений був дочекатися, поки усі інші, крім меншості, що залишалася з ним, не переправляться через Десну. Однак цей старий, якого радо зустріли шведи, вже мало міг сам зарадити у справі, і він дав більше надій, ніж міг дати корисного.

Мазепа від народження польський шляхтич, який мешкав неподалеку від Білої Церкви, в Мазепах, звідки походить його ім'я. В молоді роки він був камер-пажем при польському дворі, потім він під час повстання, яке влаштували запорізькі козаки проти Польщі, був взятий у полон, оскільки він пристав до польського гетьмана, щоб зберегти своє майно, і був доставлений до козацького військового вождя у Батурин. При цьому він свою особу настільки показав вдало, в результаті чого він одержував різні посади при дворі, згодом став таємним секретарем у всіх аферах військового вождя і нарешті став генерал-лейтенантом у козаків. Однак, після того, як згаданий військовий вождь (як думають деякі, завдяки скаргам Мазепи) сам попав у немилість царя і був відправлений до Сибіру, то козаки одностайно обрали його своїм гетьманом, тобто військовим вождем. Він був одружений, мав доньку, яка, однак, померла. Його син по сестрі, за прізвищем Войнаровський, який вважався майбутнім спадкоємцем, слідував за ним до Бендер, однак також багато натерпівся, оскільки він врештірешт зазнав репресій з боку царя. Мазепа був особою не привабливої зовнішності, худорлявий, невисокий, голова повна морлоків або по-польські плетінок: Однак, незважаючи на свій вік (тоді йому було за 60), показував свій гарячий дух і дорий розум. Його приїзд відбувався у повній тиші: перед собою він мав срібний посох, позаду кінний шлейф.

Після прибуття цього військового вождя впродовж двох днів король зі штаб-квартирою перебував на місці і радився з ним про сучасні справи. Мовою, якою вони користувалися, була латина, оскільки він цілком готовий був до цього, так як зазвичай мав спілкуватися з поляками, прості козаки її не знали. **10-го марш до Десни.** Після цього наблизилися до річки Десна, по той бік якої розташувався ворог, обговорювали [питання], про те, яким чином робити переправу. Король і принц були першими, котрі з генералом Шпаренсом прибули туди з тим, щоб з'ясувати рекогносцировку ворога й одразу визначити [місця] наведення мостів. Потім було так, що Карл вирішив, незважаючи на втрати, які він поніс він Левенгауптської акції, переслідувати ворога через гори рівнини, через усі ліси, кущі і болота настільки довго, поки він не зробить зупинку.

Шведська армія форсувала Десну: 15-го. Відтепер можна було навести мости, 700 чоловік на плотах створили плацдарм на тому боці, який на щастя залишився непоміченими ворожими силами, так що мости було покладено без перешкод і армія переправилась. Одразу після переходу Мазепи відбувся похід руських на Батурин з намаганням захопити столицю і резиденцію цього головного вождя; король, однак, мав намір врятувати її, відправився маршем туди так швидко, наскільки міг з тим, щоб відбити їх, однак перед прибуттям отримав повідомлення, що там вже відбувся штурм, усе там було знищено і поряд із 30 млинами, які були побудовані на Сеймі перед містом, усе повністю спалено і захоплено, так що перед добрими шведами відкрилася сумна картина, яку вони нещодавно самі пережили.

Король пішов через Короп (Korub) до Атюші (Atiuscha), де люди зібралися разом й, оскільки він наблизився до їхнього села, на знак дружби принесли паляницю хліба і трохи солі. **21-го** Однак він пішов далі і розташувався біля Городища (Herodiske) й очікував там інші полки, які дефілювали через Сейм і наблизились до власно України, яка простерлась далі від двох князівств Северії і Чернігова.

Україна. Україна, так зазвичай називають певний кордон, й ще тому, що вона утворює кордон і розділення між Польщею і Татарією. Вона охоплює за загальним рахунком 70 миль довжиною й 25 шириною. Одна частина лежить по цей бік Дніпра. Друга — по іншій. Мешканців зазвичай називають козаками. Вони прагнуть бути вільним народом, не підпорядковуватися ні Польщі, ні Москві, й постійно борються за свої привілеї і права, тому це серед іншого є причиною того, що Мазепа пристав до шведської партії, оскільки згадані вольності їхньої країни знову були обкладені з боку Москви різного роду тягарями і постоями. Однак,

оскільки вони самі не могли захиститися від могутніх своїх сусідів, вони ставали або під польський або московський захист, а оскільки вони тоді вже тривалий час до цього перебували під царською протекцією й під знаком їхньої субмісії щорічно поставляли свої певні подарунки. Між іншим вони добре послужилися Польщі проти нападів і турок. Однак у них є різні види: одні живуть у містах і селах й існують за рахунок землеробства, інші живуть у шатрах на Дніпрі й годуються полюванням і риболовлею, деякі мешкають на острові на Борисфені і годуються від розбою, який вони здійснюють аж до Чорного моря. Серед них є тип, який зветься запорожцями: ці не мають ніяких жінок, а гуртуються із різного біглого люду різних націй, а частково з людей, які змушені були втікати із своєї землі із-за скоєних злочинів. Вони підпорядковуються одному військовому начальнику, якого вони називають також гетьманом й обирають із свого середовища або криком, або шапками, які вони кидають на кандидата або догори. Решта козаків обирають свого гетьмана у церквах або одразу після його смерті, або сходження попереднього. Той має у своєму підпорядкуванні полковників, серед яких кожен команду 1000 чоловік: тому головний вождь цілком спроможний виступити в похід зі 100 000. Там, де він пересувається або розташовується, за ним носять його кінській хвіст, прикріплений на довгій палці, або ставлять його перед місцем розташування. Одразу після того, як його збирають і переносять, то всі сідають на коні і слідують за ним, оскільки де він, то там мусить бути гетьман. Запорожці служать тим, хто пропонує, за гроші, так як вони також прислужилися королю.

Це чудова земля. Земля, яку називають Україною, виключно плодюча і приносить великий врожай зернових, які вони не в змозі зберігати, так що значну частину його використовують для горілки, якої вони не тільки великі любителі, а й виробляють у великій кількості. Трави тучні, високі і настільки придатні до сіна, що вони не вбирають їх, а складають на полі у великі кагати і за допомогою їх забезпечують свої кінські заводи. Цей надлишок пов'язаний з тим, що земля тут від природи плодюча і не сильно заселена,, тому народ цієї країни з давніх часів не дуже мешкав в будинках, а займався розбоєм і жив за рахунок нальотів, тоді ж вони одержали ім'я козаки, який означає нальотчик, тільки потім вони почали будували будинки і стали осілими. Завдяки цьому багатству вони вигодовують сильних коней, які впродовж **6–7 років зими** і літа залишають на полі і лише потім тільки ловлять їх і поступово закривають їх у загони і під сідло. Вівці і бики тут надзвичайно прекрасні і жирні й із-за цього вони дуже дешеві, так, можна прекрасного жирного бика в декілька центнерів купити менш ніж за 5 талерів, а вівцю за 18 крейцерів наших грошей. Найжирнішим у овець і баранів є хвіст, шириною з долоню. Виноград тут не росте, тому вино вони доставляють із Татарії або із Угорщини, тому його тут дуже рідко знаходять. Їхнім звичайним напоєм є пиво, квас і горілка. Будинки низькі й з дерева, також їх стіни. Міста об лаштовані палісадами і кюветами. У цій країні король тримає свою армію, яка йому дуже потрібна, і перебуває весь час у стані боєздатності, з тим, щоб ворог не міг би зненацька напасти.

Тому ця країна, про яку сказано [вище], дуже безмежна і не заселена, так що полки в тих місцях дислокації віддалені один від одного і розподілені таким чином, що територіями не можна легко керувати, і кожен може сам себе забезпечити. **1708 листопад.** Коли він [король] прийшов сюди, то сила ворога щоденно збільшувалась, однак шведські [війська] змушені були діяти у вузьких межах, так, що або зовсім або лише трохи відбувалося постачання, земля не могла забезпечити продовольства і запасів стільки, скільки було необхідне. Між тим відбувалось так багато подій і вимагалось багато необхідного. Король між тим просувався, як тільки запаси закінчувались, все далі в [українську] землю, однак марші були надзвичайно обтяжливо довгими, внаслідок чого часто впродовж дня не можна було побачити жодного села або заселеного місця для того, щоб поїсти і відпочити; потім король зі штаб-квартирою пройшов від Городища на Голінку за один день чотири добрих милі: далі від Голінки (Holunra) на Дмитрівку (Mitruska) знову чотири милі, і від Дмитрівки на Ромни (Rumne), маленьке містечко, 5 миль. Деякі міста, де передбачалось розташуватися, були спустошені і залишені ворогом; полковники Тауб і Дюкер змушені були тривалий час перебувати у передмісті й обмежитися допомогою цього місця, поки вони під керівництвом генерал-майора Шпарренса відбивали 6 полків і були боєздатними, до тих пір, коли ворога повністю вигнали із міста. Однак це відбулось не без втрат, оскільки руські не тільки переслідували шведській обоз, а й 20 возів знищили, а також з їхньою зухвалістю напали на 2 шведські ескадрони із передмістя і вбили понад 40 хворих, при цьому вони втратили понад 400 чоловік.

Грудень 1708. У таких умовах стали у грудні на зимові квартири, які були такими ж короткими, як і неспокійними, оскільки ворог швидко опинявся тут, настільки ж швидко нападав, так що змушені були постійно перебували зі зброєю і готові до захисту, й жодного місяця не знали спокою; хоча спробували відводити душу тим, що спалювали деякі місця на ворожому прикордонні й тим самим покращувати своє перебування. Однак це не могло довго продовжуватися, оскільки вони мали дуже багато територій, які були закритими й звідти вони завдавали шкоди шведам. До того ж зимовий холод для них не був страшним, так що вони діяли не тільки в середині [тих територій]. Вони захопили у цей час знамениту фортецю Білу Церков стратегічного значення і там завдали шкоди Мазепі вартістю в 2 мільйони. Тому його величезні багатства було втрачені. Часто гуртувались селяни і швидко там завдавали шкоди. Хоча жорстоко карали і спалювали селян, однак шведські втрати ані трохи не зменшувалися. Старший лейтенант Функ пройшов з 500 кіньми у глиб ворожої землі, зробив усе, що можна було зробити у відповідь, розбив в Терсі (Tercy) 1000 ворожих козаків. Спалив місто, для того люди мали страх, таке він зробив також у Дригайлові (Drihallovv).

11-го. Між тим король видав маніфест написаний повністю латинською мовою, датований 27 листопада цього року, про вихід із цих земель; причина його рішення полягала у московських кордонах, а особливо з тим, щоб відвернути козаків від руських і привернути їх до себе, водночас створити кращу думку серед народу про нього.

Ефект від цього маніфесту, як це завжди буває від написаного, виявився таким, що не виправдав надій, а козаки залишились на боці руських, так що Москва весь час завдяки ним залишалась і ставала міцніше; шведи, однак, від них ще більше віддалились, для них було більш прийнятним знову захищали руську владу, коли цар погрожував помститися. **Гадяч атакується.** Щонайменше руські залишалися кращої думки, а шведи зустріли жорстоку зиму у більшості місць, вони пішли у наступ великою силою перед Гадячем, містом, до якого полковник Дальдорф з двома полками прийшов на зимові квартири. Оскільки полковник виявився рішучим, хоча руки його були розв'язані стримати силу ворога до того ж важко було довго перебувати в очікуванні, оскільки ворог весь час здійснював нові осади, які він вже багато раз, навіть дуже часто репозирував. Коли король отримав відомості, він з разом з принцом і гвардією рушив у похід, Дакерлу з декількома ескадронами драгунів відбили те місто і він вирішив там зробити штаб-квартиру. У 3 милях від Ромнів йому зустрівся ворожий загін, із якого 40 було знищено, решту переслідували, при цьому принц виявився на межі життя, оскільки один [підступив] ззаду й наніс удар йому в голову, так що, як би він не так мужньо зустрів небезпеку і не пом'якшив удар, то це коштувало б йому життя.

Решта цього загону втекла у напрямку до Гадяча, прийшла звістка про марш короля і це стало причиною того, що ворог перед містом мав час, для того, щоб у передмістях спалити багаті запаси і фураж і зникнути. **30-го**. Між тим король видав наказ привести всю армію у похідний стан і забезпечити шлях для обозу до Гадяча. **31-го великий мороз.** Однак оскільки в цьому поході у всій Європі настали великі холоди і маса возів і людей стовпилась перед містом, яке мало тільки одні ворота, так що більша частина від 3 до 4 днів змушена була залишатися під відкритим небом перед воротами, то тут були понесені великі втрати, не менше, ніж від баталії, натомість більше 1000 не замерзли, однак швидко не змогли стати боєздатними; тому не було нікого такого, у кого не були б пошкодженими носи, руки, уші, ноги або інші члени тіла; король і принц самі не змогли запобігти цього: король відчував наслідки переохолодження носа, принц — ніг. Мертвих, що замерзли перед воротами, зовсім білими ввозили на санях у місто; часові вмирали сидячи на конях або стоячи; жодного будинку у Гадячі не було такого, що не виглядав як справжній шпиталь, в якому на лавах і під ними лежали пацієнти, так що ледь можна було пройти у тих покоях, деякі впадали в галюцинації від сильного жару, деякі вмирали сидячи. Більшість завдавали собі шкоди тим, що швидко переміщувались з холоду у теплі кімнати: напроти, ті, які перед цим розтирали снігом свої члени, виліковувалися, як це зробили король і принц. Однак багато хто не зміг скористатися цим засобом; багато хто зміг нагріти свої заморожені члени снігом; багато хто був нездатний розтерти снігом свої відморожені руки. При цьому багато пошкоджень були невиліковними, так що змушені були ампутувати члени тіла. За такого холоду мали такий експеримент вживати квінтеффенц без вина і пива. Вжити декілька чашок татарського вина і трохи пива: усе це наносили на поверхню обморожених частин тіла, а частину вживати в середину, так що, якщо бочонок всередину прийняти справжнього вина і квінтеффенц від пива звідти виливається. **2-го січня 1709 р**. (с. 430) Незважаючи на те, що небо, земля і повітря були настільки вороже налаштовані, змушені були продовжити далі похід і пересування короля, то він в таких холод рушив з полками на Езінкова і звідти на Веприк, який був зайнятий руськими, від них вимагалось під погрозами, якщо комендант не здасться, то змушені будуть взяти це місце силою, а він накаже його порубати. Однак, коли цей час для роздумів, який було надано стік, королю також вистачило [часу] для обмірковування, він наказав штурмувати це місце, однак з втратами: 3 офіцерів і багато рядових було вбито. Принц одержав [поранення] пострілом через рукав плаття, а граф Реншельд важку контузію у живіт. Вночі комендант відмовився від дискретії заради збереження життя, в результаті чого, король затримався на чверть години із штурмом, оскільки він ніяких поранень не отримав. Гарнізон разом із містянами і селянами стали військовими полоненими. Їх було загалом 1140 осіб. Місто було спалено; у такий спосіб король отримав сатисфакцію від міста за значні втрати. **17-го.** Звідси він знову пішов назад до Езінкови і наказав полковнику Дюкеру з 2000 коней виступити проти 7 ворожих полків, від якого він отримав повідомлення, що вони мають стояти неподалеку. Дюкер вдало покарав їх, атакував вбив 100 і захопив обоз у 1000 коней. Місце, де вони знаходилось він спалив і повернувся назад.

Принц одержав повні повноваження полковника. Нарешті настав довго очікуваний для принца щасливий день, який задовольнив його бажання. Оскільки він не міг бути задоволеним тим, що мав постійно бути поруч з королем, навіть сидіти без діла, мати прекрасну нагоду брати участь у більшості акцій, мав тішитися лише тим, що король мав надзвичайну милість і любов до нього й до певного часу затримував його, так, що він не отримав жодної справжньої посади командира над одним або декількома полками, хто б не командував, усі вбачали в цьому перевагу, усіх таких більше поважали вважали й хотіли отримати місце полковника. Так, сталася нарешті оказія відсторонити старшого лейтенанта Врангеля й оказія сатисфакції. Той небезпечно поскакав зі своїм шталмайстром і парою слуг та одним провідником до міста, розташованого неподалеку від його квартири, для того щоб провести рекогносцировку, однак був атакований ворогом, його було вбито разом зі слугою кулею з фальконета, який поскакав за ним за сніговими слідами, шталмайстру прострелено руку. Той

перебував товаришем [командира] драгунського полку, до того часу як шеф командував і після смерті того полк став вакантним, деякі поскакали за ним, він мав сам поговорити з королем і переконатися в цьому, він мав безпомилково вимагати, тому що вони мали переконатися щодо принца, чи прийме він призначення на призначить на місце полковника. Хоча він до зустрічі не міг вирішити, то він мав в'язати до уваги і говорити про це з королем. Той мав бажання і необхідність бачити принца, одразу милостиво і тепло наказав надати усі повноваження, які він одержав перед цим, однак він хотів вручити йому особисто. Він прийняв їх, однак тримав у себе як знаки уваги до принца, як турботу, оскільки багато хто вважав що посади полковника принцу замало. Принц скоро одержав багато шуму і не відпускався королем, для того, щоб бути на місці, оскільки той чітко не давав знати. Нарешті він пішов разом з королем до Опішної. Де зустріли 10 ворожих полків під командуванням генерала Шомбурга: той ретирувався з самого початку всіма порядками, однак осів перед містом. **7-го.** Король мав лише 5 полків біля себе, однак атакував їх, вони репозитувалися, і взяв у полон 100 полонених. Звідти король заглибився у московських кордонів, при цьому мав різні жорсткі контрудари, особливо біля Краснокута, де смолянці втратили багато людей разом із своїми багажем; спалено 30 міст і сіл і повернулись назад. Король у цій експедиції зрозумів, він передав принцу у Кур[ляндії], в Росії, повноваження, які шведською мовою звучали таким чином:

Ми Карл милістю Божою…

Принц складає присягу своєму полку. Після прийому і відповідної покірної подяки принц попрощався з двором і прибув до свого полку, який на той час знаходився у 5 милях від королівської штаб-квартири біля Девкалунки (Duekalunka). **1709 березень. Приймає власне господарство.** Принц був задоволений такими змінами, які, однак, супроводжувалися ускладненнями пов'язаними з облаштуванням власного господарства, яке потрібно було мати, хоча й з огляду на нестачі, які виникли у нових [обставинах]. Король спробував задовольнити принца, видав йому 10000 талерів монет сріблом (як шведи говорили: для відмінності від мідних монет), талер на наші гроші: 16 імперських грошей або 12 баценів коштувало 8000 гульденів, поряд з цим одяг, коней, вози, обслугу тощо, які залишились у спадок від старшого лейтенанта Врангеля, на це пішло 8800 талерів і, таким чином, залишилися більше ніж 1200 срібних талерів або 960 гульденів, які за декілька днів зникли. Потім одне відро 6 крейцер; один бочонок меду приблизно 15 мір за 30 дукатів, дукат у перерахунку коштував 6 гульденів, один бочонок масла подібними грошами було куплено за 10 дукатів, так що легко виміряти те, що все дуже швидко треба було придбати й потім тоді набагато було краще класти на стіл ніж та дещо на тарілки, коли це неможливо було забезпечити у далеких подорожах, коли також матимеш великий надлишок засобів, якщо потім також швидко не достанеш за гроші, а тим більше м'ясо биків або овець і з жиром, так що з ніг зіб'єшся замість масла має допомогти. За таких обставин можна було і не їсти і не пити, а також добра порада дорожче, шведи опинились чим далі, тим більше у складних обставинах і щоденно сили і команди слабшали, серед яких також полковник Альбендель зі своїми німецькими драгунами рішуче вторгся у Решовку.

Втрата Альбенделем Решовки. Шереметов напав на тих 150 чоловік, яким наказано було управлятися з полковою скотиною, їх мужній спротив, який вони влаштували був незначним, усі вони були знищені, а всім 12 полкам було наказано штурмувати місто. Драгуни відзначилися там найбільшою мірою, однак допустили помилку тим, що вони не спустились, а виступили пішки проти ворога, при цьому сталося так, що більшість були знищені або попали в полон, решта яких з самим полковником знову пішли у наступ: однак пробилися лише 300 чоловік з їхнім майором і ретирувалися до Лутівки. У цій акції шведська сторона втратила усю артилерію і комісаріатських коней, усіх коней 2 полків інфантерії з більшістю їхнього багажу.

Ворог окрилився зовні своєю силою, після такого щасливого удару спробував випробувати ще раз щастя, очікували його біля Гадяча, де знаходилась більша частина обозу армії. **9-го** Однак, щоб не доставити йому цього задоволення, було наказано відправити обоз маршем із Гадяча на Лутінську (Lutincka), звідти на Борки (Burcky), а далі на Опішню (Opuzna) і нарешті на Будзін (Budizin) **13-го** де король на певний час розташував штаб-квартиру.

28-го. Запорозькі козаки пристають до шведської партії. Принц втратив декілька чоловік. Втрати, які понесли шведи в останній атаці, були певною мірою компенсовані запорізькими козаками, які з 8000 чоловік приєдналися до шведів і в знак своєї вірності і мужності атакували одне місто, там полягло 1600 руських й 150 було взято в полон. У відповідь ті помстилися на полк принца і вбили 16 драгунів разом з лейтенантом у Чинкові. **1709 квітень.** Ця сутичка, яка була першою впродовж всього часу, коли він командував полком, засмутила принца, про що він не подав виду, однак вона не змінила його [мужності], ні завадила справі. Оскільки нестача провіанту була дуже значною і це скоро стало настільки відчутним, то невдовзі стали відправляти команди і вони змушені були віддалятися від полку, так, що не мали ніякої допомоги, а змушені були. ...залишати зайняті місця, якщо тільки відкомандировані з'являлися на виду [ворога]. **7-го.** Для того, щоб допомогти справі, принц наказав триматися біля короля з полком і просуватися далі; хоча він бачив тих, хто знову був відправлений, він не мав ніякої надії продовжувати шлях далі від штаб-квартири, поки перед собою не буде відбито ворога. На щастя в цей час було дано наказ продовжувати наступ. Він [принц] відправився відповідно до цього [наказу] на Борки. Однак тут нічого не було знайдено. Звідти він прибув до короля і приєднався для подальшого наступу, який він також отримав.

20-го цар спробував провести обмін полоненими. Між тим цар здійснив нові спроби влаштувати обмін поло-

неними, відповідно до чого король також відправив свій наказ з аудитом, однак шведська сторона нічого не отримала і вирішила не продовжувати його далі, оскільки царю було повернуто багато полонених, яких він йому направив; формальний обмін король не хотів приймати. **1709 травень.** Цар знаходився в той час у 18 милях від табору у Воронежі, де він розпорядився будувати кораблі. Він спитав старшого аудитора, який був посланий до нього: чи не хотів би Карл великий привітатися ним? І сказав йому: вітати його від його імені[252].

№ 280

З мемуарів Адама Людвіга Левенгаупта (1708–1709)

13 жовтня.

1) Його Величність власною персоною прибув в Роковиць (Rokowitz) з квартир генерал-майора Мейерфельдта, і я удостоївся честі поцілувати йому руку і був прийнятий королем з особливою люб’язністю. Також я повинен був розповісти, що зі мною сталося, що дало Його Величності особливе задоволення. Він не визнав втрати занадто вже великими, при цьому розпитав мене про те, як ми відважно билися і які випробування нам довелося витерпіти. Інші ж, цілком справедливо і з почуттям прихильності до мене, особливе його величність граф Пипер, перейнялися співчуттям до мене, як і король. І тільки Богові можна було б приписати заслугу того, що ми, таким чином, були врятовані, хоча спочатку було лише відмічено, що в цьому відношенні у мене не було приводів для гордості. Але мій всемилостивий король зробив мені такий люб’язний прийом, і я удостоївся таких почестей, що це могло б вселити ненависть моїм таємним ворогам і заздрісникам — вже краще б зі мною зверталися огидно, я б і не здригнувся.

І ось поступово я дізнався, що у бесідах частина запрошених стверджувала, що сили ворога не були такими, що перевершують, навпаки, що у супротивника було на тисячу чоловік менше, ніж у нас, і що я командував бездарно. Але я був уражений, швидше, іншим: стверджувалося, що під час бою я постійно мав можливість відступити і міг би з’єднатися з армією Його Величності, якби мої переміщення не були такими повільними.

Це мені передав хороший друг, проте я використав можливість перервати цих брехунів, хоча і незвичним для мене способом: моє звичайне терпіння випарувалося, і я порушив усю світську пристойність, заявивши, що мій всемилостивий король віднісся до того, що сталося, поблажливо і вже висловив своє найвище судження відносно цієї справи, і тому жодна порядна і лояльна до мене чесна людина не стане намагатися відняти у мене те, що цілий світ і навіть ворог не відняв, а ті, хто веде такі розмови з метою мого очорнення і розпускає кляузи за спиною, я можу назвати лише ганьбителями і наклепниками — ось побували б вони в такому пеклі, якого в житті, мабуть, не бачили, тоді б вже зрозуміли усе і судили б про те, що сталося, зовсім інакше. У цю мить усі завмерли, і не чутно було майже нічийого голосу. У будь-якому разі, я залишаю на совість порядним людям оцінку цієї битви, яка я правдиво описую далі і представляю на вільний суд, щоб кожен склав собі думку, правий я або винен, виходячи зі свого тверезого роздуму.

2) Його Величність продовжував марш, зваживши на мою покірливу пораду і розділивши війська, що рухалися під моїм командуванням, так, що кавалерія йшла з кавалерією, а піхота з піхотою — так набагато краще було для постачання, тому що спочатку в приведених зі мною солдатів не було можливості навіть дістати собі обмундирування, адже вони втратили свій обоз. І я йшов за Його Величністю, чекаючи, коли зможу виконати свій покірливий борг і виконати наказ, який зволить дати король.

18 жовтня Його Величність проїхав повз Стародуб (Staradub). В околицях міста ми помітили декілька козаків, які належали, мабуть, до армії, що наближалася, розділеної або такої, що знаходилася під єдиним командуванням.

25 жовтня Його Величність пройшов маршем повз Новгород Сіверський, поблизу якого також не спостерігалося нікого, окрім розрізнених козачих роз’їздів, і трималися вони так само, як їх товариші під Стародубом.

29 жовтня до Його Величності прибув з візитом козачий гетьман Мазепа, старий, наділений, по-моєму, великим розумом і розсудливістю. Сподіваюся, мене не стануть винити, якщо я припускаюся помилки, оскільки мені було невідомо, які стосунки між ним і нами, я знав тільки, що він користується заступництвом Його Величності. Далі я лише коротко розповім про подальші переміщення Його Величності, а також про те, що я сам безпосередньо пережив і що бачив на власні очі: бо у мене немає анінайменшого бажання що-небудь винаходити, або робити скандальні викриття, або перекручувати, розповідаючи про все «відповідними» словами, я хочу лише представити реальні події військового часу, які допоможуть читачам скласти собі думку про те, що відбувалося.

3**) 2 листопада** Його Величність віддав наказ зайняти оборонну позицію біля річки Десни (Dezna), на протилежному березі якої отаборився ворог. Було зрозуміло, що переправитися через неї буде важко. Більшій частині наших солдатів, котрі перебували на крутому обриві, для переправи довелося спуститися нижче за течією річки і перепливати її на плотах із з’єднаних разом колод або на невеликих човнах, які хилило назад-вперед і якими було важко

[252] Події 1708 року в Україні у творі Йоганна Венделя Барділі (переклад та коментарі Володимира Дятлова) / Сіверянський літопис. — 2014. — № 5. — С. 219–228 (переклад здійснено за виданням: Des Weyland durchl. Printzens Maximilian Emanuels etc. Reisen und Campagnen durch Teutschland in Polen, Lithauen, roth und weiss Reussland, Volhynien, Severien und Ukrainie. Worinnen nebst denen vielen seltenen Zufällen des Durchl. Printzens, die Staaten, Sittenen und Religionen dieser Völcker wie auch die Fruchtbarkeit und Beschaffenheit dieser Länder kurzlich beschrieben werden. Nebbst der Reissbeachreibung von Pultawa nach Bender. Stuttgardt, auf Kosten des Autoris 1730).

управляти при такій течії. Інший берег поріс густими кущами, крім того, на узвишші стояли наші гармати, і супротивник довгий час не наважувався наблизитися, поки не переправилося близько ста наших бійців, і тоді ворог вчинив на них напад з темряви з досить великою перевагою в числі. Проте, втративши близько ста чоловік, ворог був відкинутий і відступив. Особливо добре себе показали в цьому зіткненні солдати нашого Весманландського полку.

3 і 4 листопада було споруджено два мости через річку, по яких ми і проїхали на інший берег, при цьому ворог негайно відступив. Ми продовжили марш на Батурин (Baturin), в якому перед цим розташовувалася резиденція гетьмана Мазепи, проте незадовго до нашого приходу місто було узяте ворогом, будинки були зруйновані, а місто спалене дотла і спустошене.

Далі ми попрямували до Ромнів (Romna), де Його Величність перебував з 18 листопада по 17 грудня. Я в першу чергу розповідаю про Його Величність і про сили, очолювані безпосередньо королем. Що ж до інших військ, то вони також продовжували просування й іноді у них відбувалися невеликі сутички з ворогом, які я лише спостерігав з боку, а то і просто чув про них з чужих слів. Це усе, що було відомо про ворога і його переміщення.

18 грудня вночі Його Величність увійшов до Гадяча (Hadiatz) після маршу по лютому морозу, через який у багатьох з наших хлопців руки і ноги просто відвалювалися від холоду.

4) Там Його Величність пробув до 23 грудня, а потім, коли ударив ще нестерпніший мороз, то продовжив марш на Веприк (Wiprick), поблизу від якого розташовувався не лише ворожий гарнізон, але і війська генерал-лейтенанта Ренна з частиною кавалерії. Після нашого прибуття на місце ворожа кавалерія відступила, а піхота залишилася на місці. Тим же вечором і вночі король слідував маршем до села, розташованого в 1–2 милях від Веприка.

5) Під час маршу на Гадяч багато солдатів замерзнуло на смерть або були поранені, і далі це відбувалося постійно. Його Величність і сам багато разів обморожував обличчя. І не буде перебільшенням сказати, що одного разу я трохи не замерзнув на смерть і сам, тому що в непідходящий момент покинув теплу селянську хату в передмісті Веприка, і також не збрешу, якщо згадаю, що тоді мене мало не захопили в полон козаки. Наше перебування в цьому селі затягнулося, а тим часом зима ставала ще жорстокішою, такою, що навіть птахи клякнули на льоту — Його Величність сам одного разу підібрав одного такого птаха, ще живого; у той же час, більшій частині наших військ доводилося стояти просто неба. Коні і воли теж гинули від морозу; і ще думаю, що не так вже помилюся в підрахунках, але, здається, тоді втрати від холоду в моїх частинах склали не менше 4000 солдатів; небагато знайшлося б незгодних з тим, що мороз стояв просто нечуваний.

6) Його Величність віддав наказ декільком полкам зайняти позиції навколо передмість Веприка, щоб заблокувати гарнізон, що розташувався у місті. Потім король власною персоною на чолі частини сил відійшов до Зінькова (Czinkowa) і перебував там декілька днів, нічого не роблячи, потім після роздумів він вирішив узяти Веприк потужним штурмом.

7) **7 січня 1709 р**. при світлі дня ми три рази підходили до Веприка з різних позицій, й із самого початку у мене було погане передчуття, хоча ніхто не посмів би мені сказати, що я заздалегідь знав, як розвиватимуться події. Місто було укріплене посередньо, але ворог почав поливати стіни водою, так що вони відразу ж обледеніли. Штурмових сходів нам бракувало, вони були важкі, та ще і короткі, і всього їх було вісім або десять. Солдатам, особливо на двох напрямах, доводилося переміщатися на довгі відстані. Пробити ж стіну не було ніякої можливості. Я зневірився побачити благополучний результат справи. Я думаю, якби атака тривала ще півгодини, то ворог міг би здатися нам беззастережно, але сталася неприємна для нас подія: на одному з напрямів атака проводилася безрозсудно, солдати рухалися з усіх боків одночасно, так неможливо було узяти місто, замість цього наш штурм був відбитий, і під час цієї невдалої спроби ми втратили дуже багато бійців, і у тому числі іменитих, гідних і хоробрих офіцерів. Вночі бій був зупинений, і ворог покірно здався на милість Його Величності; наступного дня полонеників відправили в інше місце, але при цьому король дозволив зберегти в недоторканості речі, що належать їм, і пожитки.

8) Його Величність знову попрямував до Зінькова і залишався там до 27-го січня, коли вночі таємно виступив звідти з частиною кавалерії у напрямі сил генерал-майора Шамбурха, який стояв зі своїми солдатами біля Опішні (Opozna). Я не можу чітко описати хід битви, оскільки не брав в нім участі, мені навіть було невідомо, що король виступає вночі, про це мене повідомив тільки на наступний ранок генерал-майор Лагеркруна. Але здивований був не лише я, ворог також був захоплений зненацька і зазнав значних втрат, хоча, якщо не помиляюся, від нас втікали і граф Меншиков, і генерал Ренне, а взагалі ворожі війська почали гарячковий відступ, шукаючи порятунку.

9) З числа тих, що відступали, були захоплені полоненики, їх Його Величність залишив під охороною загону на чолі з ротмістром: правда, ці полонені потім вирвалися на свободу і знову приєдналися до сил супротивника.

10) **30 січня** я разом з тими, хто залишався в Зінькові, висунувся на з’єднання з силами Його Величності в Котельві (Gottilwa), де король залишався до 9 лютого, тоді як ми проїхали маршем у напрямку до Хухри (Kukra), розташованій в Російській Україні. Біля Хухри, а також по той бік дороги, біля Охтирки, ми виявили ворожі війська. Ворог спочатку атакував наших волохів. Вони трішки відступили, очікуючи наших військ, які вже показалися вдалині, так що ворог з Хухри повернув на дорогу, що веде до Охтирки, і також відійшов. Його Величність дозволив волохам, які слідували з ним, йти вперед, так що тепер полк під командуванням полковника Таубе йшов прямо за ними, так, ніби вони складали один підрозділ. Тому, коли волохи наблизилися

до ворога, який прицілився і дав вогневий залп по них, то сили їх були оцінені помилково. Тоді волохи розкрили фланг, розтягнувши його вліво і управо, і тоді Його Величність разом з принцом Вюртембергським і полковником Таубе атакував їх, йдучи у бій з рапірою в руці, і ворог розвернувся і кинувся навтіки, і під час цієї втечі зазнав серйозних втрат. Наші волохи також не забули влаштувати побиття тих, хто утікав. Негайно після цього ми побачили, як запалали передмістя Охтирки, і Його Величності довелося відвести війська назад до Хухри, де солдати встали на нічліг, і де ми пробули до 11 лютого.

11) Того ж дня уранці ми вийшли з Хухри, тому що вогонь з усіх боків вже підступав до села, так що для багатьох виявилося важко піти неушкодженими, та ще з речами. Інші навколишні села також були у вогні, і на всі боки були відправлені загони солдатів для знищення і спалювання усього, що збереглося, адже з усіх боків нас оточував ворог.

12) Король дізнався про те, що біля містечка Красний Кут (Krasnakutti) розташувалися ворожі сили, і поспішив до цього місця з частиною кавалерії, що була при ньому. Просування було стрімким, незважаючи на глибокий сніг з крижаною кіркою. Кавалеристи здолали риссю близько трьох довгих українських миль. На місці волохи, що завжди йшли попереду, виявили на відстані доброї милі від містечка ворожий форпост в числі приблизно 30 солдатів, які утекли, — наші воїни влаштували гонитву, так що з числа бійців супротивника сховалося тільки три або чотири людини. Після допиту полонеників стало відомо, що ворог досі перебуває поблизу Красного Кута. Наші галопом пустилися до місця розташування ворожих сил, так що мало не загнали коней. Біля населеного пункту розташувалося декілька ворожих ескадронів, які при наближенні наших сил відкрили вогонь. Але наші бійці пішли на всьому скаку в рукопашну і ударили так, що ворожі солдати розвернулися і розбіглися на всі боки, спрямовуючись на інший кінець містечка, щоб там зібратися для контратаки. Під час першого зіткнення вони втратили близько ста чоловік убитими і полоненими. Проте будь-кому повинно бути ясно, наскільки були розосереджені наші сили після таких стрімких пересувань, крім того, велика частина нашої кавалерії не встигла приєднатися до передового загону, а піхота взагалі значно відстала.

13) Поки супротивник зосереджував свої сили і вибудовувався бойовим порядком, я поскакав назад, щоб поквапити тих, що слідують за нами, тому що позаду йшла мало не половина нашої кавалерії. Ворог розвернувся, і ми почали рух двома колонами, одна з яких йшла по високих пагорбах, а інша розтягнулася уздовж досить широкої замерзлої річки. У нашому авангарді спостерігалося занепокоєння, бійці хотіли так само, як перед цим, спрямуватися по обох дорогах за супротивником. Я вже поквапив нашу Смоландську кавалерію і, не знаючи, що за ними йдуть й інші відстаючі сили, приєднався до смоландців. Проте генерал-майор Крузе, відхилившись від первинного напряму, стояв зі своїми денщиками на дорозі через рівнину, де раніше займав позицію ворог. Я запитав його, чи не чекає він когось. Він відповів, що очікує підходу свого полку і свіжого коня і сказав, що ніяк не може прискорити просування, а також згадав, що зараз до нас підтягувалися його полк, Лифляндский гвардійський полк і ще декілька. Я благав його поквапити їх, як тільки вони підійдуть, і поскакав на своєму втомленому коні (хоча мені усі коні попадалися не особливо міцні) уздовж річки у супроводі денщика.

14) Я їхав зовсім недовго і незабаром побачив основні сили нашої кавалерії, а також частину бійців, що переправилися через річку, — вони стояли біля млина. З їхього боку я також розгледів, як з лісу виходять і спрямовуються до нас два загони ворожої піхоти і піших драгун приблизно по триста чоловік кожен. У той же момент я почув, як наші бійці з криком розвернулися і, замість того, щоб декількома ескадронами атакувати супротивника і відкинути його, з криками пустилися в ганебну втечу, прямо повз місце, де я стояв. Я вихопив шпагу і заступив їм дорогу, намагаючись зупинити. Але солдати немов нічого не бачили і не чули, вони готові були знести мене лавиною, і насправді трохи не перевернули мене разом з конем, а у результаті просто захопили за собою. Я намагався відшукати прапор, щоб підняти його і стягнути до нього назад розкидані сили. Але нічого не допомагало, хоча я надовго затримався на місці, так, що побачив ворожих солдатів вже поблизу від мене, і тут мені нічого не залишалося, як з гіркотою в душі розвернутися і наздоганяти наших.

15) Генерал-майор Крузе з його полком і Ліфляндськими гвардійцями, які також займали позицію на рівнині перед річкою і знаходилися не на тій стороні, де було розташовано містечко, і тому не могли з'єднатися з піхотою, яка відставала ще сильніше, не змогли прийти на поміч відразу ж. Але коли наші солдати побачили полк генерал-майора Крузе і ліфляндців, що рухаються у бік ворога, то розвернулися і приєдналися до прибулих сил, так що ворог знову почав відступати. Наші війська, що йшли по схилу пагорба і переслідували ворога по рівнині, дійшли до іншого містечка під назвою Городнє (Glozodna), де розташовувалися ворожі війська під командуванням князя Меншикова, до яких приєдналися і ті солдати, що врятувалися від гонитви в Красному Куті. Там же були квартири піхотинців і піших драгун. Ми поспішили геть від цих будинків, що горіли, але збиток нам все одно був нанесений, особливо постраждали королівські лейб-гвардійці, які рухалися попереду усіх, а потім були вимушені відступити, і, як мені потім сказали, Його Величність теж наражався на велику небезпеку, яка була б тим більшою, якби ворог надумався атакувати. Проте у результаті усі сили Його Величності згрупувалися поблизу цього містечка, ворог вночі покинув свої позиції, і королівські війська розташувалися в населеному пункті.

16) Наступного дня, **12 лютого**, Його Величність продовжив марш на Мурафу(Muracho), і при цьому усі поселення, що попадалися нам по шляху, піддавалися спалюванню. 13 лютого ми підійшли до Коломаку. У цей час

почалася зимова повінь, під час якої ми з найбільшою небезпекою і труднощами, втративши кілька чоловік утоплениками, підійшли до Рубльовки (Rublowka) і просунулися до Опішні. Там Його Величність зупинився до 3 березня, після чого Його Величність покинув це місце і разом з придворними і частиною військ попрямував до Будища (Budiszin), залишивши декілька піхотних і кавалерійських полків біля Опошні на зимових квартирах; також навколо села розташувалися ще декілька полків.

17) **З 3 березня по 29 квітня** Його Величність безвиїзно перебував у Будищах, в цей же час з'явилися запорізькі козаки, послані гетьманом Мазепою, і потім до нас приєднався кошовий отаман з 5 тисячами чоловік, пішими і кінними. Було там кілька чоловік татар, але їх негайно відіслали назад.

(…)

1) Після того, як Його Величність відправився 29 лютого в Полтаву (Pultawa), я пішов за ним туди 30 лютого разом з фельдмаршалами. Я можу сказати, що моїми дуже неприємними і сумними днями усього життя були ті, що я провів під Полтавою, це було для мене унікальним переживанням: окрім стану моєї душі і моїх думок, були також безліч об'єктивних проблем, з якими мені довелося зіткнутися: я страждав від безперервних кольок, і, крім того, від діареї і втрати апетиту. Я помітно схуднув й іноді ледве міг ходити. Також не було нічого, щоб підбадьоритися і підвищити собі настрій — лише з найбільшою сміливістю і ризиком можна було дістати бутель самогону, який коштував приблизно 7, 8, іноді 10 або 12 риксдалерів, хоча я можу і помилятися по частині цін. Уся моя «свита» і я відійшли від Лісної (Lesna) — у мене під опікою була безліч народу, ось тільки чим їх було прогодувати? До нещастя, нам не трапилося на шляхах ніякого маркітанта, що може позичити грошей, і тому мені і моїм солдатам доводилося виживати, як прийдеться. І це не кажучи вже про багато інших прикрих пригод.

2) Місто не було особливо добре укріплене, і, ймовірно, ми б зазнали менших втрат, якби відразу кинулися врукопашну, а не пішли на зближення з ворогом пізніше: противник мав в розпорядженні і квартири, і провізію, а також додаткові сили, які були підтягнуті вночі. Наші зусилля зовсім не відразу могли б принести результат, зважаючи на погане постачання, а наші люди, зайняті облоговими роботами, постраждали від куль супротивника: деякі були застрелені, інші отримали поранення. Ми не могли узяти місто штурмом, тому що у нас навіть відчувалася нестача озброєння і боєприпасів, так що солдатам доводилося підбирати стріляні кулі, випущені ворогом, — але і вони нікуди не годилися, тому що були вже наддплавлені. Ми, можливо, і могли б узяти фортецю, до якої наближалися, але цього у результаті так і не сталося: як у будь-якій пристойній фортеці, там був і рів, і міцна стіна, в цьому Полтава цілком відповідала звичним зразкам фортифікації, але для її штурму, звичайно, була потрібна армія, підготовлена до атаки і забезпечена належним чином.

3) Риття траншей почалося 1 травня, усі, кому була доручена ця робота, проявляли старання, і працювали швидше, ніж це могло бути, по-моєму, з таким малим числом людей й інструменту. Ми не просто підібралися впритул до стін, а також зробили в трьох місцях підкопи і встановили міни. Але нам не вдалося нічого цим добитися, ми тільки обрушили частокіл і стіну з одного боку, проте ворогові вдалося витягнути з наших мін пороховий заряд, а також у них було досить часу для зведення численних барикад, так що йти врукопашну було неможливо, хіба що тяжко повільно підбиратися до ворога, бездумно несучи людські втрати. Ворог тим часом розташувався в особливо пошарпаному і віддаленому передмісті, відтягнувши свої сили з самої фортеці, але командування і повідомлення було побудоване так, що ворог не наражався на особливу небезпеку, покинувши межі укріплень. Повірте, що тут я говорю правду, тому що сам згодом, опинившись в полоні, багато що бачив на власні очі.

4) Ніхто не боровся з труднощами і не ризикував так, як сам Його Величність, і в той же час багато хто, не змовляючись, прагнули випнути свої заслуги і показати себе незамінними. Якщо б тільки Господь зробив так, щоб не знайшлося ні стільки безрозсудних, таких, що намагаються зробити неможливе наперекір об'єктивним обставинам, ні стільки боягузів — тоді б з нами не сталося такого великого нещастя, що нас спіткало.

5) Мені командування не довірили, тому мені не слід було турбуватися ні за кого і ні за що. Я як можливо частіше здійснював свої смиренні візити до Його Величності, радів, якщо король був в доброму настрої, у разі потреби вирушав спостерігати за веденням облогових робіт, хоча ухилявся від цієї повинності, якщо тільки була можливість, особливо якщо виявлялася, що король вже там перебуває, тим більше, Його Величність звик всюди бути присутнім, і особливо йому подобалося, коли солдати самі підходили до нього і починали щось показувати — це було мені відомо[253].

№ 281
Зі щоденника Роберта Петре

1709 рік
Січень
1 січня

Погода була настільки м'якою, що нам прочитали дві проповіді, і Його Величність був присутнім разом з нами на вечірній службі, яку вів Улоф Галленіус.

[253] *Пінчук Я.* Мемуари генерала А. Л. Левенгаупта як джерело осмислення подій походу Карла XII в Україну // Сіверянський літопис. — 2016. — № 3. — С. 112–118 [уривок узятий з «Мемуарів Адама Людвіга Левенгаупта», виданих в Стокгольмі в 1952 р. (*Adam Ludvig Lewenhaupts berättelse*. Med bilagor. — Stockholm: utgiven AV Kungl, 1952.)].

Інакше б Його Величність відправився б на квартири в місті.

3 січня

Драбанти дійшли до містечка Зінькова (Czinkowa), де і розташувалися на квартирах. Жодному офіцерові не було дозволено послати денщика в Гадяч (Hajatz), щоб привезти звідти хоч якісь пожитки. Наказ був даний, незважаючи на те, що багато офіцерів потерпали від нестачі таких речей, адже з ними не було іншого майна, крім того, що вони могли понести при собі.

Полковник Биноу на чолі артилерії проїхав маршем повз Зіньків у напрямі Веприка (Weprik).

5 січня

Увечері Його Величність власною персоною відправився туди верхи разом з генерал-майором Стакельбергом і деякими іншими офіцерами.

7 січня

Біля полудня Його Королівська Величність віддав наказ про штурм Веприка. У атаку пішли вісім полків під командуванням генерал-майора Стакельберга. Але оскільки ворог оборонявся з неймовірною великою люттю, генерал-майор був вимушений відступити через дві години з втратами в 1500–1600 чоловік, серед яких були багато славних офіцерів, усіх з яких я не можу тут перерахувати.

Поранення отримали:

- фельдмаршал граф Реншельд;
- генерал-майор Стакельберг;
- полковник Вестгеталандського полку Каспер Сперлінг;
- полковник Остгеталандського полку Якоб Сперлінг;
- полковник Упплbackдського полку Фритски;
- підполковник Мернер Уппландського полку;
- капітан граф Аксель Левенгаупт;
- капітан граф Гюлленстульпе.

Також був поранений майор Рамсе і ще багато офіцерів, усього ж було поранено 1500–1600 чоловік.

У цього бою міг би бути інший підсумок, якщо б не поспішність генерал-майора Стакельберга. Він кинувся в атаку до подання сигналу, і наші гармати висунулися вперед і стали помітні збудженому супротивникові. До того ж штурмові драбини виявилися дещо короткі, а ворог ще і обливав стіни водою. Так що нашим солдатам доводилося проявляти ще більшу сміливість і спритність, деручись по них. Потім було дано дозвіл зібрати убитих і поранених. Далі Його Величність віддав наказ готуватися до нового штурму. Проте росіяни не побажали йому піддаватися і здалися нам беззастережно. Його Величність узяв усіх в полон і, дозволивши їм залишити при собі усі пожитки, відправив капітулянтів до Зінькова. Спочатку вони охоронялися з найбільшою суворістю полком під командуванням Ранкена, проте потім їм були дані великі послаблення. Комендант дав чесне слово, що сам простежить, щоб жоден солдат не вчинив втечу. Жителі Веприка також були узяті в полон і заточені у великому підземеллі в Зінькові А комендантові Його Величність дозволив залишити при собі шпагу і пістолети, які йому і повернув раніше.

У штурмі міста брали участь наступні полки:

Піхота:

- Уппландський полк під командуванням полковника Фритски;
- Остгеталандський полк під командуванням полковника Якоба Сперлінга;
- Вестгеталандський полк під командуванням полковника Каспера Сперлинга;
- Кронобергський Смоландський полк під командуванням полковника Крунмана;
- Йончепингський Смоландський полк під командуванням полковника Спарре.

Драгуни:

- полк під командуванням генерал-майора Мейерфельда;
- полк під командуванням полковника Гюльденстьерни.

Крім того, були присутніми й інші полки. Вони не брали участь в першій атаці, але призначалися для другої.

Це місто Його Королівська Величність наказав знищити вогнем, а військам дав розпорядження вирушати на квартири.

9 січня

Його Королівська Величність знову прибув в Зіньків, злегка почекавши, услід за веприцьким гарнізоном, який виставив караул, як раніше згадувалося. А потім там був влаштований великий базар, чим скористалися росіяни, такі охочі поторгувати, і виручили немало грошей у наших солдатів.

В околицях міста Зінькова і його передмістях стояли наступні полки:

У самому місті:

- драбанти на чолі з полковником Хордом;
- Кальмарський полк під командуванням полковника Ранка.

У передмістях:

- гвардія під командуванням полковника Поссе;
- генерал-майор Розен з вармландською піхотою;
- полковник Сигрут з даларнцями і хельсингландцями;
- полковник Биноу на чолі артилеристів.

Кавалерія:

- Остгеталандський полк під командуванням генерал-майора Хаммельтона;
- Смоландський полк на чолі з полковником Дальдорфа;
- полк під командуванням полковника Дюкерта.

Драгуни:

- полк на чолі з полковником Гюльденстьерна;
- полк під командуванням полковника Альбедейля;
- волоський полк на чолі з полковником Сандоллем.

16 січня

Його Королівська Величність виступив з табору із загоном в 1200 одиниць кавалерії і зустрівся з ворогом біля містечка Опішні, протистояв йому сам Шамбурх (Schniermithof), що прибув на місце півгодини раніше. Проте ще до

обіду він відступив і пішов на з'єднання з генералом Ренне, який стояв на милю далі від Опішні, так що Його Величність захопив полкову казну Шамбурха і велику частину його обозу, а також триста чоловік полонеників, яких потім Його Величність залишив в Опошні під вартою у складі 50 чоловік і капітана полку Дюкерта. Потім він пустився на переслідування ворога і гнався за ним ще півтори милі, винищивши більше тисячі росіян.

Раніше згаданий капітан отримав наказ чекати в місті повернення Його Величності. Але ворог, до якого ми віднеслися так безтурботно, дізнався про це, зібрав розрізнені сили і з тисячею чоловік повернувся в Опішню, і вчинив напад на загін капітана. Тот захищався, але врешті-решт був вимушений відпустити полонених, а також повернути і казну, і обоз в руки ворогів, і йому довелося рятуватися, закрившись на одному з дворів, захищаючи себе і своїх людей. Але оскільки ворог побоювався повернення Його Величності і не смів витрачати надто багато часу, то росіяни просто підпалили той будинок, і згоріла велика його частина, так що деякі полонені похапали все, що могли винести з вогню, і кинулися навтікача.

18 січня

Увечері повернувся Його Величність зі своїм загоном, приєднавшись до нас, а ми досі стояли в Зінькові, таким чином, концентрація наших сил виявилася досить велика. Також у нас було близько 200 чоловік полонеників, яких передали у відання та під охорону Вармландского полку.

21 січня

У обід молоді полковники, а саме Апельгрен і Стьернхек, відправилися верхи у свої полки, в яких було більше солдатів, ніж у гвардійців, а також з ними був Ульфспарре, підполковник Даларнського полку. З останнім з них у мене дещо пізніше відбулася бесіда про моє призначення лейтенантом в один із згаданих полків. Для подання прохання про переведення він направив мене до полковника Сигруту. Він також хотів би, щоб я зайняв місце лейтенанта, що звільнилося, в полку Стьернхека, або в Уппландському, або у Вест-Йоталандському під командуванням Ульфспарре, оскільки полковник Сигрут отримав вказівку від Його Королівської Величності призначати на посади здібних офіцерів, і тому я налаштувався на те, щоб виявити найбільшу люб'язність обом моїм покровителям. Потім вони продовжили шлях у свої полки, які знаходилися під командуванням генерал-майора Спарре і стояли в декількох милях від нас.

23 січня

Уранці я зробив візит панові полковникові Сигруту і виклав своє прохання, щоб він виявив участь і рекомендував мене на місце лейтенанта в якому-небудь з вищезгаданих полків, тому що я вже три роки пробув фенріхом і не знав, як довго ще чекати якогось просування по службі в Хельсингландському полку, тому що зараз усі посади укомплектовані і нікого не планується підвищувати в звання молодшого офіцера, так що яке-небудь просування буде надзвичайно повільним, а тим часом мої кращі роки проходять без особливих досягнень, і так далі.

На це пан полковник з жалем відповів мені, що не може задовольнити моє прохання, оскільки Його Королівська Величність віддав наказ про те, що ніякі офіцери не можуть заміщати офіцерів вищезгаданих полків на посаді, окрім службовців в армії Левенгаупта і в гвардії, тобто, в полках Левенгаупта, Банера і Сталена, які не можуть бути переведені в гвардійські підрозділи. Таким чином, Його Величність бажає, щоб офіцери саме цих полків переводилися на вільні місця і там служили б короні, а мене полковник попросив мати терпіння і дочекатися, поки полки будуть укомплектовані. Таким чином, сказав він, я зможу захистити себе від виникнення будь-яких перешкод, маючи найбільшу вислугу і будучи першим на черзі, коли полк переформовуватиметься. Тому він попросив мене поки що не звертатися ні до кого більше з такими проханнями, оскільки це може, швидше, пошкодити мені, а не допомогти, якщо Його Величність якимсь чином дізнається про це. Адже Його Величність вважав за краще б мати якомога більше хороших офіцерів, замість того, щоб з Хельсингландського полку йшли здібні люди, що особливо прослужили там багато років, добре знаючі і тутешні землі, і народ. Я виразив своє невдоволення подібним станом справ; полковник сказав, що йому і самому неприємно відмовляти мені в проханні, проте запевнив, що в іншому він залишається до послуг моїх і моїх товаришів, і не забуде надати допомогу. Тоді я подякував йому, віддав честь і попрощався, а полковник проводив мене до дверей.

30 січня

Спочатку виступив полк, що стояв в Зінькові, а ми почали марш не раніше сутінків, і цілу ніч йшли у напрямку російського кордону, і нарешті увійшли до розореного міста, Куземина (Cossumni) — усі двері і вікна були вибиті, печі зруйновані, і не було ні душі. Наш полк зупинився в цьому місті, генерал-майор Крузе з декількома полками кавалерії встав в передмістях, артилеристи розташувалися поблизу від нас, але все одно не в самому місті. А Його Королівська Величність з драбантами проїхав однією милею далі в інше місто, Котельву (Kotilwa). Деякі гвардійські частини розташувалися поблизу нас, а Його Величність приєднався до нас вдень. Уночі планувалося виступити на марш.

31 січня

Коли ми стали в містечку Куземине, нам довелося потрудитися, перш ніж ми знайшли якийсь будинок, де можна було б сховатися від холоду — з цілими вікнами, дверима і піччю. Тому ми і прозвали цей рік Безпечним, жоден будинок не був придатний для проживання до того, як ми потрудилися над облаштуванням.

Лютий

5 лютого

Кавалеристи поховали свого підполковника, який прозивався Грошовим Мішком.

7 лютого

Ворог атакував форпост кавалерії, який складався з 20 чоловік під командуванням лейтенанта з полку

генерал-майора Крузе і знаходився на відстані чверті милі від міста. Звідти до нас прискакали троє, і мене терміново відправили до місця зіткнення з 24 солдатами і унтер-офіцером нашого полку, щоб відбити лейтенанта і його людей. Цей наказ я отримав прямо під час проповіді і вимушений був відправитися до місця прямо з богослужіння. Трохи пізніше генерал-майор відправив до того місця корнета з двадцятьма бійцями, з числа тих сил, що стояли на висоті між містом і розташуванням мого полку. Вони повинні були зробити мені підтримку, якби ворог атакував мене дуже вже напористо, а також провадити розвідку, щоб генерал-майор грамотно спланував контратаку, хоча в подібній допомозі я не мав особливої нужди, оскільки далі я не брав участь у близькому бою з ворогом, я лише бачив декілька груп козаків, що оточили болото. Вони перебували в межах досяжності моїх солдатів, але взагалі не посміли до нас більше наблизитися, так що я навіть мав задоволення поласувати на болоті чорницею.

Цього ж дня ротмістра Нандельштета з карельського кавалерійського полку запровадили під арешт за те, що він біг з поля бою при зустрічі з ворогом, сили якого він визнав занадто значними, щоб вступати у бій, а сталося це у села в трьох чвертях милі від нас, куди його ранком відправили на рекогносцирування. Потім за наказом Його Королівської Величності, відданому бдизько полудня з Котельви, де стояла гвардія, ротмістра допитали і віддали під трибунал.

8 лютого

Мене звільнили від командування загоном і передали його у ведення лейтенанта Фалькенвинге. Ротмістр Нандельштет був засуджений до страти, проте він ще перебував в очікуванні остаточного королівського вердикту, тому його просто повезли далі під вартою.

9 лютого

Ранком полки виступили маршем з раніше описаних квартир. За наказом Його Королівської Величності ми підпалили усе місто з передмістями і довколишніми селами, з тим, щоб нічого не дісталося ворогові, ні клаптика сіна або соломи. Потім ми йшли через ліс, хоча просуватися там могли з великими труднощами, так що артилерії довелося поділитися упереміш з нашим полком, тому що інших піхотних полків, окрім нас, там не було, тому у кожної роти тепер було декілька артилерійських возів, про які повинен був потурбуватися командувач підрозділом, у тому числі захищати їх у разі нападу ворога. Мені в напарники дали капітана Шеблада з однією гарматою і шістьма возами боєприпасів. Його Королівська Величність, що приєднав до своїх сил декілька полків кавалерії, виступив з гвардією уранці з Котельви, попрямував з цією кіннотою по дорозі до села Хухри (Kuckli). Там йому зустрілося декілька форпостів, в цілому дві тисячі чоловік. Його Величність переслідував їх до вищезгаданого села, що знаходиться вже в Росії, і далі до великого міста, де стояла російська армія під командуванням генерала Репніна, місто це називалося Охтирка (Chirka). Коли ми увечері, вже при місяці, вибралися з лісу і вишли на дорогу, по якій Його Величність переслідував ворога, то дорога була так усипана трупами, що за усього бажання неможливо було збитися на шляху до села. Навпаки, можна було скоріш оглядітися і йти повз неї до міста, де спостерігалися такі самі знаки того, що тут проходили шведи. Проте обережністю не слід було нехтувати, тому спочатку в село був відправлений на розвідку чоловік, який дав нам знати, що тут можна встати табором на ніч. У село ми встигли дійти тільки після півночі, і виявилось, що на роту доводиться не більше двох хат.

11 лютого

Уранці Його Королівську Величність віддав наказ генерал-майорам Гаммільтону і Крузе здійснювати прикриття основними силами кавалерії з флангів, і озвучив їм таке веління: війська не повинні залишати абсолютно нічого, що могло б якось згодитися ворогові. І Його Королівська Величність рушив далі у супроводі драбантів, нашого полку, з артилерією, декількома кавалерійськими полками і силами згаданих командувачів. Також ми покинули село Хухра, спалили його разом зі всім, що там було, узявши декілька полонеників, які до вечора ухитрилися втекти, і не дійшли до міста Охтирка, повз яке ми проїхали маршем, залишивши його ліворуч; збиток, нанесений ворогові до вечора цього дня, судячи з тіл, що ми налічили уздовж дороги, обчислювався 659 убитими, 23 людини було узято в полон, а крім того, були поранені серед тих, хто захищав місто, проте їх число встановити було неможливо. Генерал-майор Гаммільтон встав табором в передмісті Охтирки (Chirka), від якого залишилося одне пожарище, а ми попрямували далі. Наш марш був швидким настільки, наскільки це взагалі можливо по дорогах з таким глибоким і рідким брудом, який утворився із-за відлиги, яка протрималася, принаймні, день, і так ми до півночі дійшли до Городнього (Horodna), перед цим знищивши вогнем все, що могло бути використано ворогом.

Цього дня Його Королівська Величність дав блискучу битву росіянам, сили яких складали 19000 чоловік, і цим боєм керував генерал Ренне і ще один російський генерал. Під час битви Його Королівська Величність, який прямував на з'єднання з нашими силами з 2,5 тисячами кавалеристів і драгун, наштовхнувся на російський пікет, який розташувався в селі і складався приблизно з 50 чоловік. Його Королівська Величність покінчив з цим супротивником, врятувалися лише троє — вони пустилися навтікача, щоб скоріш повідомити командувача, генерала Ренне, який стояв в Городньому, що прийшли шведи. Але Його Королівська Величність зі своїми драбантами і кавалеристами вирушили в гонитву за московітами, що врятувалися, і йшов за ними за гарячими слідами, не бажаючи залишати ворога в живих, адже інакше була вірогідність, що ворог вишикується бойовим порядком і дасть відсіч або, навпаки, почне відступати до містечка Красний Кут (Crasnikutt) для з'єднання з іншими силами. І Його Величність справді наздогнав утікачів, щоб не дати їм донести звістку до тих двох тисяч росіян, що знаходилися між містечками Городнє і Красний Кут, до якого пізніше підійшов російський

генерал зі своїми силами, що налічували 5 тисяч чоловік, і сили ці були приєднані до раніше згаданих 19 тисячам, з якими у Його Величності була досить жорстка сутичка, в якій він зазнав би поразки, а у бою з тими двома тисячами росіян, залишеними без увага, ми втратили 10 драбантів і приблизно 120 піхотинців і драгун. Поранених було ще більше, в їх числі командувач драбантів, полковник Йерта, тому що ворог дозволив драгунам відступити і перебувати під прикриттям кавалерії, яка оголила фланг, коли Його Величність намірився атакувати востаннє, і тоді ворожі піші драгуни також відкрили фланг, щоб дати залп по наших кавалеристах, які в запалі битви бажали переслідувати ворога; і ці піші драгуни трохи не утекли, не те, що наша смоландська кавалерія, якою командував обер-лейтенант Хагедорн, тому що полковник Дальдорф був поранений і був вимушений залишитися в Гадячі. Під час відступу він ледве врятувався втечею, часу у нього було рівно стільки, щоб скочити на коня і пуститися навтікача; Його Величність з драбантами, волохами й іншими силами застав ворога у битві, з шаблею в руках, і провів атаку, в результаті якої супротивник був вимушений покинути позиції і залишити містечко Красний Кут відкритим для Його Величності, тоді як Його Величність чекав підходу гвардії і нас. Гвардія за королівським наказом увійшла в Городнє для надання допомоги Його Величності в міру необхідності, хоча вона не встигла підійти до Красного Куту до того, як ворог був звідти видворений, тому що раніше вона не встигла підійти до світанку, їх просування було уповільнене, тому що доводилося йти по важкій, мокрій дорозі близько 6 миль. Нам був наказ залишатися вночі в Городньому разом з артилеристами. У полон потрапив наш єфрейтор драбантів Лоде, тому що його скинув кінь, і він був вимушений здатися. З боку ворога втрати складали приблизно тисячу чоловік, включаючи раніше згадуваний пікет; ці сили входили до складу тих двох тисяч і під містечком Красний Кут були розгромлені.

12 лютого

Уранці ми разом з артилеристами покинули Городнє. Залишився лише командуючий ар'єргардом капітан Левенвальде, щоб знищити вогнем місто і його околиці, а йому в підмогу в цій справі полковник Сигрут послав ще 20 або 30 вершників.

Під час нашого маршу ми могли лише дивом спостерігати, як Його Величність переслідував ворога, у тому числі через болота, повні води, незважаючи на кірку льоду; гонитва тривала і по лісах, і по пагорбах, через глибокі сніги, де супротивникові було важко, тому що слабкі коні росіян угрузали в цьому снігу, а наші коні були рослими і сильними. По дорозі від Городнього, в околицях якого почалася ця різанина, і до Красного Кута я налічив 639 трупів, і це тільки по узбіччях дороги, по якій я їхав у складі свого підрозділу. Красний Кут, куди ми увійшли приблизно о 10 годині ранку, був так завалений тілами убитих росіян, особливо вулиці, що Його Величність входив в місто буквально по трупах. Я налічив 115 убитих, і усі вони були пронизані рапірами наших драбантів, які увійшли до міста ще раніше, затемна, внаслідок чого інші наші нечисленні війська були розгорнуті для того, щоб зробити необхідну підтримку гвардії в переслідуванні ворога. Потім полк зупинився, щоб відтягати з очей геть тіла росіян і привести містечко в порядок, цим займалися ми приблизно до годині дня, а потім знову рушили в дорогу. Фенріху Поммерину з полку Даларны був даний наказ розшукати жителів, що залишилися в місті, більшість з яких складали жінки і діти. Після виконання наказу він привів численний натовп до раніше згаданого капітана Левенвальде. Потім місто було спалене дотла. Найбільша жалість відчувалася при вигляді маленьких дітей, які повинні були йти по глибокому снігу разом зі своїми матерями, а замети були коням по черево. Бідні люди були вимушені пішки плентатися через такі замети, та ще дивитися на те, як палають їхні будинки, і тому стояв такий стогін і плач, що міг розжалобити навіть камінь, і тому майже усі офіцери посадили дітей на своїх коней, хоча дітям подорослiше і їх матерям довелося йти пішки. Загалом, ми несли одно з найменших зол війни і не могли цього уникнути, тим паче, що росіяни творили ті ж самі безчинства, тільки що в інших місцях, і поводилися зі своїми людьми не менш по-варварськи. Було до того ж досить багато худоби, яку гнали з собою полонені, і мукання корів вторило стогонам людей, немов вони хотіли ще більше підкреслити людське страждання і викликати ще більшу жалість. Полум'я піднялося до небес, виділяло такий жар і тріск, що ми були раді пошвидше пройти мимо. Потім Його Величність разом з усіма наявними силами висунувся у бік містечка Мурафа (Morara), а ми з артилеристами, покинувши містечко Городнє, пройшли дві милі до Красного Кута, а потім в Мурафу, де переночували перед тим, як продовжити похід.

13 лютого

Уранці ми вийшли з Мурафи. Перед цим мені перший раз довелося говорити з Його Королівською Величністю, коли я запитав його дозволу укласти на вози поранених, з яких 26 чоловік були з числа обох наших полків, і Його Величність запитав, скільки поранених були в нашій роті, на що я покірно дав йому відповідь. Потім мова зайшла про свіже м'ясо, що лежало в обозі. Я відповів, що воно призначалося для поранених. Його Величність запитав, чому воно, у такому разі, досі не приготоване. Я відповів, що приготувати його не встигли, але дадуть його людям сьогодні ж, а взагалі запасу цього вистачить на три наступні дні. Його Величність запитав, які сили мала в розпорядженні наша рота, я відповів, скільки в її складі було хлопців з Даларни і Хельсингланда. Потім він запитав, як давно я на службі і як довго я у складі хельсингландської роти, на що я також дав відповідь. Після цього Його Величність від'їхав у напрямку до воріт, які знаходилися якраз поряд з госпіталем, щоб поглянути на війська, що проходять, і відмітив, що вода дуже піднялася, а марш сповільнився, тому що був всього один вихід до моста через річку, що протікає біля містечка. Тоді Його Величність повернувся назад і наказав мені

знайти чотирьох чоловік з сокирами, що я вмить виконав. Ці четверо відправилися разом з Його Величністю до річки і по його дозволу частково вирубали частокіл, щоб кавалеристи змогли проїхати і спуститися під міст, на лід, який вже на два лікті був покритий водою, а сам міст залишити для проходу піхоти, яка негайно почала просування. Між тим, один фінський кавалерист спробував уклинитися між піхотинцями, щоб проїхати по мосту, і Його Величність попросив його спуститися під міст і перебрести. Але той не упізнав короля в обличчя, та і не розумів, що йому говорять, тому що в армію потрапив нещодавно, а сам був з околиць Обу, і прибув у складі підрозділу генерала графа Левенгаупта. Його Величність розсердився і кілька разів гарненько приклав його рапірою, так що вершникові довелося-таки спускатися і їхати по льоду. Його Величність щосили намагався прискорити форсування річки, проте це було нелегко, крім того, потонули вже три людини, і сталося це із-за води, що нестримно прибуває. І можна ще було здивуватися, що число утоплеників так мало, адже коли почався перехід через річку, вода стояла на рівні чверті ліктя, а тепер вона піднялася над льодом вже на п’ять ліктів. Тому обережності ради Його Величність дозволив кавалерії прохід з обох боків моста, так що війська тепер просувалися трьома колонами. Також Його Величність віддав наказ повернути в містечко Красний Кут усіх полонених жінок і дітей і залишити їм в місті декілька будинків, щоб жити там, а решту належало спалити, що і було зроблено. Ми слідували маршем всю ніч по труднопрохідних, сльотавих дорогах і тільки до ранку підійшли до містечка Коломак (Polama), де нас чекали генерал-майори Гаммільтон і Крузе зі своїми кавалерійськими полками. Саме місто вони спалили. Так що ми не зупинялися і продовжували просування впродовж дня і частини наступної ночі.

13 лютого

Проте в Коламаці відбулося богослужіння.

14 лютого

Уранці Його Величність залишився в місті з гвардією, декількома кавалерійськими полками і артилерією, а ми під командуванням генерала Крузе, у супроводі деяких інших кінних полків відправилися до містечка Влебелюка (Любовка?)(Wlebeljucka). Кавалеристи, природно, могли рухатися швидше і дещо відірвалися від нас, але потім ми підійшли до болота, яке розкинулося перед (Wlebeljucka), а до того ж між самим містечком і болотом протікала річка Ворскла. Ми почали, було, переходити це болото і річку; вода була така глибока, що діставала солдатам до пояса. Велика частина полку вже переправилася через річку, але деякі поки що залишалися на тому березі і готувалися до переходу, а тут підтягнулася смоландськая кавалерія, що йшла в ар’єргарді, — вони і залишки наших військ на тому березі наражалися на найбільшу небезпеку з усіх, і дійсно, тоді ми втратили 13 чоловік: під ними проламався лід, прихований під водою, і вони потонули. Наш священник пан Улоф Галленіус загинув подібним же чином, і жоден офіцер не прийшов йому на допомогу, а його затягнуло під лід. Нам довелося розвернутися і по болоту знову добиратися до суші, причому з найбільшою загрозою для життя, тому що вода, яка спочатку діставала солдатам до пояса, тепер була на рівні пахв і перехльостувала солдатам через плечі, коли вони вибиралися на берег. Полковий квартирмейстер Йорт, який раніше відправився в місто і знайшов житло для розміщення солдатів, отримав наказ від полковника Сигрута повертатися назад в полк, але він не міг знову потрапити в місто, а полковник, що там перебував, не міг повернутися до бійців. Вони ж після такого холодного купання були вимушені стояти в чистому полі, яке представляло з себе величезну і плоску рівнину, і не було там ні лозини, щоб розвести вогнище, біля якого змогли б обігрітися і просохнути замерзлі солдати. Тоді ми розвели вогонь із старих коліс від госпітальних возів, але, окрім них, у нас не було нічого іншого, щоб протриматися ніч. Пан підполковник Драке, який ніяк не міг зв’язатися з полковником, вирішив відправити гінця до Його Королівської Величності, який залишилася за нами в містечку Коломак. Гінцем послали капітана Даларнського полку, Кнорринга, який повинен був розповісти, що з нами сталося і отримати якийсь наказ, що робити далі. На це Його Величність відповів, що полковникові Сигруту доведеться гарненько засвоїти цей урок, щоб знову отримати командування полком.

15 лютого

Уранці, після повернення капітана Кнорринга, підполковник Драке виступив з полком в напрямі лівіше містечка Влебелюка (Любовка?)(Wlebeljucka) і повів його на містечко Рублівку (Rubeljuka), і, наслідуючи накази генерал-майора і полковника, знову не без великого ризику, ми увійшли туди лише в чотири години після полудня після двох днів маршу.

N. B. Із-за цього паводку — а висока вода стояла вже на відстані однієї милі від міста — ми втратили близько ста одиниць дрібної худоби, тому що тварин знесло течією води, що нестримно котилася поверх льоду, а деяких непідкованих коней відносило по декількох відразу.

Його Королівська Величність разом з драбантами слідом за нами увійшов до міста, де нас вже чекав генерал-майор Крузе з полками, що знаходяться під його командуванням. Гвардія і артилерія також спрямувалися до міста по воді, але були вимушені розвернутися і відступити, тому що вода знову розлилася, і не стільки була глибока, скільки течія була сильною — настільки, що перевертало артилерійські лафети, чому у результаті ми втратили одну гармату, хоча потім насилу відшукали її. Деякі солдати теж стали жертвами повені, зовсім як ті тварини, які мчали по поверхні води, немов птахи, але кінець кінцем все одно були приречені потонути. У наступну ніч постійно були чутні крики нещасних, таких, що потрапили у біду, але ніхто не хотів прийти їм на допомогу, тому що інші за цей час вже неабияк натерпілися і від холоду, і від води.

Гвардія, артилерія й інші полки, що не змогли переправитися, отримали від Його Королівської Величності наказ відійти до села Стацюнка.

16 лютого

Ми все ще стояли біля містечка Рублівки.

17 лютого

Уранці ми виступили під командуванням Його Королівської Величності разом з кавалерійськими полками, якими командував раніше згадуваний генерал-майор Крузе, і попрямували у бік Опішні, що в Україні, де декількома тижнями раніше Його Величність провів проти росіян атаку, яка раніше була описана, і тим же ранком я разом з капітаном Грисбаком і фенріком Пильстремом був спрямований в ар'єргард, а оскільки я також був фенріхом, але стояв по службі вище Пильстрема, то я був наділений лейтенантськими повноваженнями. Розлив тут стояв не менший, ніж в покинутих нами місцях, і тому я не прибув в Опошню того ж дня, тому що мені довелося всю ніч провести серед паводку, допомагаючи витягувати поранених і обозні вози, що стояли там, а більшість возів, на яких везли поранених, плавали у воді.

Уранці я виявив лежачим у воді капітана Хенссельмана з полку під командуванням полковника Шрейтенфельдта, він відморозив собі обидві ноги і пролежав так всю ніч, і ніхто над ним не зглянувся, усі проходили мимо, поки я не прийшов, і він був одним з останніх, котрі вижили, з нами було не більше 12 солдатів і один унтер-офіцер із складу його полку. Між тим, напередодні вдень капітан і фенріх переправлялися по повідневій воді з 50 бійцями, яких потім залишили мені, крім того, необхідно було доглянути за збереженням їхнього майна, було віддано відповідне розпорядження, і тепер я стежив за останнім обозним возом і полковою казною. Бідний капітан ніяк не міг би впоратися, адже його супроводжував тільки зовсім юний хлопченя, він вже точно не міг би врятувати віз, перевернутий течією, та і я залишив його лежати, як є, але я посадив його і хлопчика на коня, а солдати вже доглянули за ним і перепровадили до майора Свийнхувуду з Даларнського полку. Бідолаха так навіть ніколи і не дізнався, як мене звати, щоб знайти і подякувати, а я, між тим, уранці зайшов до майора відрапортувати про все, що сталося, а крім того, поскаржитися на черствість солдатів, котрі проходили повз офіцера і не бажали надати йому допомогу. Потім я приєднався до своїх бійців, і ми знаходилися на марші весь день і всю ніч.

18 лютого

Його Величність стежив за наведенням мосту, по якому могла б переправитися артилерія, що і сталося пізніше цього дня. Артилеристи увійшли в Опішню, і розмістилися там на квартирах. Гвардія пройшла біля Опішні іншою дорогою і розмістилася на квартирах в селі Петрівка. Коли ми увійшли в Опішню, то виявили там усі наші пожитки, які ми залишили 24 грудня в Гадячі, також, як і полк, що слідував за нами, і знаходився в містечку: генерал-майор Розен, командувач Вармландським полком, полковник Ранк на чолі Кальмарського полку, розпоряджалися і веприцькими полоненими, і обозом усієї армії, і пораненими, раніше залишеними в Гадячі. А також там зрозмістилися ще два полки драгун, якими командували Альбедейль і Гюлленстьерна.

З нами йшли:

Його Королівська Величність з гвардійцями, генерал-майор Крузе з полком Дальдорфа, смоландська кавалерія під командування Енсшельдта, обуландська кавалерія під командуванням Лесхерта, карельський полк Дюкерта, драгунський полк Тауберта, прозваний волохами, а також полки Даларни і Хельсингланда. Ці полки були розквартировані в передмістях, де ми також перебували упродовж трьох або чотирьох тижнів. Ми отримали дозвіл обшукувати ями із зерном, а також групами вирушати в ліс на пошуки худоби, щоб солдати були як слід забезпечені провіантом. Також якраз перед нашим приходом в Опішню встановилася прекрасна погода, хоча ночі стояли холодні, що для нас було погано, і Його Королівській Величності чинило найбільші перешкоди, так, немов Бог давав нам зрозуміти, що подальше наше просування по цій землі осоружне Його волі. І тому були явні знамення, наприклад, втрати, які ми понесли в цю нечувану зиму, склали близько тисячі чоловік, з яких багато хто потонув під час переправи через води, які розлилися так нестримно і неймовірно, що нам так відчайдушно, з найбільшим ризиком доводилося здійснювати переходи через ці річки, болота і струмки. Це могло здатися Божою карою, яка обрушувалася на наші голови впродовж короткого часу, зате шкоди завдала великої, тоді як минулого року успіхом увінчувався будь-який наш почин, а тепер йшло наперекосяк все, за що б ми не взялися, незважаючи на усю нашу обережність і розрахунки — напевно, все із-за наших гріхів, в першу чергу, із-за розпусного життя, яке вело наше військо усюди, де б не ступало[254].

№ 282
Зі щоденника Роберта Петре
(березень-червень 1709 р.)

Март 13. Далекарлийский полк выступил из Опошни и направился в новый район размщения — Будыщи, куда мы прибыли вечером того же дня. Мы прошли…

Март 14. Утром прибыли валахи и разбили лагерь в другом предместье Будыщ. Король с драбантами прибыли около полудня и тоже стали лагерем в Будыщах. Короля сопровождал только генерал граф Левенгаупт.

Март 15. Его Превосходительство граф Пипер, фельдмаршал Реншильд и все высшие чины прибыли в сопровождении кавалерии. Также в Будыщи прибыл полевой

[254] *Пінчук Я.* Похід армії Карла XII на Слобідську Україну: відображення події в щоденнику шведського фенріка Роберта Петре // Сіверянський літопис. — 2016. — № 2. — С. 118–127 (уривок тексту узятий зі збірки «Пам'ять про Полтаву» 1998 року випуску, укладеного шведським історіком Пітером Энглундом (*Petre R.* «... som väl vidäskedunder förliknas kan» // Minnet av Poltava. Ögonvittnesskildringar från Karl XII: s ryska fälttåg / I urval och med förord av Peter Englund. — Stockholm: Atlantis, 1998).

командир Мазепа со своим окружением и 24 казаками охраны. Они расположились в городе, а еще одна рота казаков получила приказ стать лагерем в пригороде возле нас. Таким образом, Король и Мазепа со своим окружением находились в городе, тогда как вокруг него с одной стороны стояли драбанты и валахи, с другой стороны — Далекарлийский полк, полк Хельсинье и несколько рок казаков, а с третьей стороны находилась кавалерия. Гвардия находилась в деревне Петровка, в 2 милях от нас на полтавской дороге. Поскольку полк будет стоять тут в течение нескольких недель, мы получили продовольствие на 10 недель. Нам доставили сухари и мясо. Кроме того, мы получили много рогатого скота, брошенного бежавшими отсюда местными жителями. В этой деревне, как и во всех других деревнях, что попадались на нашем пути, мы постоянно ищем зерно, спрятанное жителями в больших ямах, хотя иногда эти ямы такие узкие, что туда очень трудно пролезть. Скота здесь очень много на больших равнинных полях. Повозкам для перевозки больных и раненых, провианта и амуниции нужен ремонт, так как они сильно поизносились во время длительного марша. Раньше, во время марша, на привалах солдаты должны были брать ручные мельницы, молоть рожь и печь хлеб для своих рот. Теперь это изменено, и одна лошадь тянет повозку, на которой находится 4 мельницы. Повозкой управляет один солдат, и он же засыпает зерно в эти мельницы. На марше повозку тянут две лошади. Все это стало большим подспорьем для солдат (В дневнике Роберта Петре нет пояснения, как работали эти четыре мельницы. Можно предположить, что речь идет об изобретении известного шведского ученого и промышленника Кристофера Польхема, который сконструировал полевую мельницу для русской кампании Карла XII. — *О. Б.*). В других полках тоже применили это, но также придумали что-то свое, например, стали дубить кожу и делать для себя обувь.

Апрель 5. Меня послали за фуражом на склад, который находится в деревне Жуки в 2-х милях от Будыщ, так как на нашем полковом складе его уже осталось немного. Так что я поехал туда и получил не только фураж, но еще 230 голов большого рогатого скота и 370 голов малого рогатого скота, которых я пригнал в полк, когда уже стемнело. Наши лошади и скот должны получать много необмолоченного зерна ржи, пшеницы, гречихи и проса. В этих краях трудно найти сено, к которому они привыкли с тех пор, как мы находились в Северщине (Северщина, Северская земля — историческая область в пределах нынешних Черниговской и Сумской областей. — *О. Б.*).

Апрель 7. Вернулся со своими валахами полковник Сандолл, которого Его Величество посылал к крымским татарам, но какое поручение он выполнял, нам не было точно известно. Там, откуда мы сюда пришли, у нас было хорошее снабжение всем, особенно пряностями и вином. Теперь мы испытываем большую нехватку продуктов. С той поры, как мы покинули Курляндию, а армия Его Королевского Величества — Саксонию, мы не могли проводить причастие из-за недостатка вина и просфор. Теперь мы можем купить вино и сделать железные противни, чтобы печь просфоры. Такое святое дело в канун пасхального праздника должно принести нам победу. В тот же день, получив отставку, прибыл Его Светлость принц Вюртембергский из своего полка, который стоял в Борках, где он был полковником. Этот полк был Сконским престдрагунским полком, которым раньше командовал недавно убитый полковник Буквальд, потом им несколько лет командовал полковник Врангель. Несколько недель назад, во время проведения рекогносцировки возле одного из городов Украины, где, как оказалось, находились русские, он был убит пулей из фальконета. Принцу было примерно 20 лет, но уже в течение 5 лет он сопровождал Его Королевское Величество в походах и был среди тех, кому Его Королевское Величество помог стать опытными и храбрыми воинами, показывая им, как надо атаковать врага. Поэтому он в разных опасных ситуациях побывал, а также получил тяжелое ранение возле Днепра, когда Его Королевское Величество хотел переправиться через реку.

В эти дни здесь был обер-аудитор Клинтен (офицер, или военный чиновник, производящий предварительные следствия по делам, возникающим в армии. — *О. Б.*), который попал в плен к русским во время сражения Левенгаупта у деревни Лесной. Его во второй раз посылает Его Царское Величество для составления договора об обмене военнопленными, однако Его Королевское Величество не хочет его заключать. Так что Клинтена отправили назад. Позднее Его Королевское Величество возвел Клинтена в дворянское звание и присвоил фамилию Эренрос. Еще нам приказали держать более сильный караул для охраны арестантов и усиливать каждую ночь пикет до 200 человек, на случай атаки врага, поскольку вблизи от штаб-квартиры Его Величества расположены только несколько полков. Кроме того, в эти дни у нас дезертировали две полных роты валахов, которые вероятно перешли к противнику и рассказали ему, как пройти к нам. По этой причине от каждой роты, стоящей в карауле, еще четверть роты назначалась в резерв, чтобы быстро прийти на помощь к тем двум сотням, которые я уже упоминал, и вместе быть в готовности встретить врага, если он будет нас атаковать.

Его Королевское Величество направил 150 гвардейцев и большой отряд всадников к городу Полтаве, что в 4 милях от Будыщ, в котором русские разместили сильный гарнизон и большие запасы обмундирования и вооружения. Их задачей было сжечь город.

Апрель 8. Все валахи получили квартальное жалованье от адъютанта Короля, генерал-майора Лагеркруны. Теперь, после приказа Короля, они будут иметь удовольствие получать деньги раз в квартал. Проведенное расследование показало, что две роты валахов дезертировали, поскольку им долго не выплачивали жалованье, а их новый полковник не заботился о них так, как это делал их предыдущий командир, генерал-адъютант Канифер, который несколько месяцев назад попал в плен к русским.

Апрель 9. Днем я стоял в карауле (охранял знамя и арестованных), затем меня сменили с караула, дали в мое

распоряжение 5 унтер-офицеров и 60 солдат и направили в Будыщи забрать 130 пленных русских и казаков (воевавших на стороне русских. — *О. Б.*), которых туда доставили наши новые союзники — запорожцы. Я этих людей не только охранял, но и доставил к лейтенанту Плантину, который через сутки сменил меня в карауле. Теперь у него в карауле находилось 275 человек, которых я туда доставил.

Апрель 10. Я попросил полковника Сигрута, чтобы он разрешил мне и моему другу фенрику Винтерросу съездить в Лютеньку, где находился генерал-майор Спарре со своей колонной. В эту колонну входили Вестерботенский полк, которым командовал полковник Фок, Уппландский, Вестерготский, а также несколько других полков. Моим намерением было подать прошение полковнику Фоку об увольнении из полка (Хельсинъе) и, в случае отказа, передать его ответ полковникам Улфспарре и Штернхеку, которые уведомили меня и Винтерроса в том, что могут нас продвинуть по службе. На эту просьбу полковник ответил, что я должен подождать до завтра, пока он направит запрос Его Величеству, поскольку без его ведома он не может позволять какие-либо отлучки из полка. Кроме того, такая поездка на расстоянии 20 миль (около 200 км. — *О. Б.*) от полка — небезопасная.

Апрель 11. Утром полковник (Сигрут. — *О. Б.*) послал за мной и дал мне разрешение на поездку. Он дал мне несколько писем для генерала Спарре, для других полковников и высших офицеров. Он просил меня быть осторожным, чтобы я не попал в плен к врагу и поскорее вернулся назад. Я должен был получить проводника у генерал-майора Розена, который находился в городе Опошне, через который проходил мой путь. После этого я попрощался с полковником, и он пожелал мне удачи.

Я сразу сообщил об этом своим подполковнику и майору, чье разрешение я получил до визита к полковнику Сигруту. Подполковник Гертен попросил меня написать письмо полковнику Фоку и попросить в нем выдать несколько тысяч риксдаллеров задатка для выплаты офицерам, унтер-офицерам и другим служащим, таким как капралы и солдаты. Этот задаток будет вычтен из их жалованья за 1709 год, который идет им в Швеции. Если полковник на данный момент не сможет дать такой задаток, то он должен выписать доверенность на меня у полкового писаря Пальмбурга, чтобы вести переговоры о получении этих денег в штаб-квартире Его Величества. Меня попросили написать самому себе рекомендательное письмо, которое он (Гертен. — *О. Б.*) подпишет. Однако я смог написать только следующее: «Податель сего письма, господин фенрик Петре, с почтением рекомендуется Вам, господин полковник, с тем, чтобы получить ответ на его запрос». Такое письмо было подписано, а под подписью была добавлена рекомендация для меня на французском языке.

После этого я попрощался и засвидетельствовал свое почтение подполковнику Драке, майору Свинхувуду и майору Торнфельту, которые также попросили меня выполнить по дороге их поручения. Я вернулся к себе на квартиру и ждал там моего товарища Винтероса, который вскоре пришел.

Мы отправились в путь в 9 часов утра. С каждым из нас был слуга, так что нас было четверо. В полдень мы прибыли в Опошню, где застали генерал-майора Розена и полковника Ранка за обедом. Нас пригласили за стол, мы приняли это приглашение, так как позднее хотели узнать, кто комендант гарнизона, чтобы попросить у него проводника.

Генерал-майора Розен и полковника Ранк вдвоем активно отговаривали меня от этой поездки, поскольку на дороге было много летучих отрядов врага. Два дня назад они поймали трех офицеров, которые ехали из Лютенек до Опошни. Но я сказал, что не буду менять свое решение, поскольку о поездке знает Его Величество, а полковник Сигрут дал мне несколько писем. Я получил проводника сразу после обеда.

Они пожелали мне доброго пути и предупредили, чтобы я был очень осторожным на большом поле шириной в 6 миль, где много изгородей для скота, за которыми может спрятаться враг. Мы попросили Бога помочь нам, на большой скорости пересекли это поле и, с Божье помощью, около 6 часов вечера прибыли в большую деревню Борки. Там находились полки генерал-майора Мейерфельта, принца Вюртенбергского и полковника Хорна. Эта деревня находилась на расстоянии 1 мили от Лютенек. Караульный доставил меня к полковнику Хорну, поскольку генерал-майор и принц были в Лютеньке. Полковник Хорн пытался убедить меня заночевать, поскольку наши лошади устали после того, как мы быстро преодолели 9 миль. Им, вероятнее всего, не удастся уйти от врагов, которые, как говорят, находятся между городом и деревней, поджидая путников в лесу у дороги. С этого леса они каждый день атакуют путников. Некоторых поймали, некоторым с большим трудом удалось спастись. Более того, только что сообщили, что 3 часа назад враги поймали капитана Гилленанкара и капитана Ройтерштерна, которые охотились на уток за городом. Я поблагодарил его за эти известия, но ответил, что мы получили отпуск только на три дня и что сумерки дадут нам возможность добраться тихо и безопасно. После ужина я попрощался с ним и мы продолжили свой путь пока не достигли полка Мейерфельта на окраине деревни Борки. Охрана задержала нас, унтер-офицер доложил о нашем прибытии подполковнику Траутветтеру и сказал ему, что мы хотим покинуть деревню. Подполковник прибыл и убедил нас догнать его полкового квартирмейстера, который только что выехал из Борков в Лютеньки в сопровождении 20 всадников. Я поблагодарил его за это известие, мы поехали максимально быстро и догнали квартирьера с его охраной, когда они проехали последний кавалерийский пост. Квартирьер был доволен, что получил кого-то, с кем можно будет коротать время в пути. Мы благополучно прибыли в Лютеньки около 8 часов вечера. Я поселился на квартире лейтенанта из Вестерботтенского полка по фамилии фон Меллен.

12 Апреля. Утром я в первый раз посетил нашего нового полковника Фока и доставил ему письмо и мою рекомендацию, которую получил от подполковника Гертена. Я сообщил ему о моем персональном поручении и о том, что я должен сделать для полка. Перед тем как открыть конверт, он спросил меня, не капитан ли я в этом полку, на что я ответил, что нет, я — фенрик. Затем аудитор Остерлинг прочитал письмо, и полковник Фок ответил, что еще не может решать вопросы полка Хельсинье, так как Его Королевское Величество дал ему специальный приказ командовать Вестерботнингским полком, пока полк Хельсинье не будет укомплектован. Поэтому он не может отдать приказ, согласно которому, я мог бы покинуть полк. Однако, он может обещать мне и Винтерросу, что как только он прибудет в полк, все получат звания, соответствующие их заслугам. Он заверил меня в этом, поскольку я сетовал на свое невезение и на то, что время проходит зря, и неизвестно, когда полк будет укомплектован. Может быть, другие опять получат повышение, но не мы, хотя мы уже прослужили в полку достаточно долго и пережили нелегкие времена. Полковник еще раз заверил меня в том, что ни один человек из других полков не будет назначен на должность, пока те, кто долго служили в полку Хельсинье не получат повышение, и просил меня проявить терпение. Что касается задатка, о котором просил подполковник Гертен, то он сейчас не имеет полномочий решить этот вопрос. Поэтому он оставляет за ним (Гертеном. — *О. Б.*) право решать все вопросы полка самостоятельно, с тем, чтобы полк был всем обеспечен, и будет его поддерживать. Потом он спросил меня, как дела в полку. Я сначала ответил устно, а потом передал ему рапорт, который я написал еще до отъезда из Будыщ. Там описывалось все, что случилось с полком с того момента, как мы покинули Курляндию и до настоящего времени. Когда он просматривал рапорт, он заметил, что такой рапорт ему должен передавать майор (а не фенрик. — *О. Б.*).

Поскольку уже приближалось время полковой службы (молитвы), мы пошли туда вместе с полковником Фоком. Он извинился, что не пригласил меня на обед, поскольку его самого пригласил полковник Сёдерманландского полка Вейденхейм, и рекомендовал мне лейтенанта фон Меллена, своего любимца, чтобы организовать обед. Он также разрешил взять все необходимое на кухне в штаб-квартире полка. Я поблагодарил и ответил, что уже приглашен на обед полковником Ульфспарре, которого я посетил сегодня рано утром, когда тот еще спал, чтобы доставить ему письмо полковника Сигрота. Когда полковник Фок услышал это, он еще более стал настаивать, чтобы я остановился у фон Меллена. Полковник Фок отвел его в сторону и что-то сказал ему.

Затем мы пошли на место, где Вестерботтенский полк уже был построен для службы. Когда служба закончилась, роты организованно расходились по местам расквартирования. Затем полковник Фок позвал фон Мелена и попросил его позаботиться о его госте (фенрик Петре. — *О. Б.*). Я последовал за фон Мелленом, поскольку полковник Фок сказал, что Ульфспарре нет дома, так как его тоже пригласили на обед к Вейденхейму (полковник Фок сказал неправду. — *О. Б.*).

В тот самый момент, когда я уже усаживался за стол у лейтенанта фон Меллена, пришел ординарец (унтер-офицер) от Ульфспарре и попросил меня прибыть к полковнику на обед. Я принял предложение, так как Ульфспарре пригласил меня на обед раньше всех. Я последовал за ординарцем. Полковник Ульфспарре был дома вместе с полковниками Штернхеком, Апельгреном и Торншельдом, который прибыл вместе с армией Левенгаупта и теперь сопровождал полковника Апельгрена. Я поприветствовал их и передал им письма. Они расспросили меня о новостях из штаб-квартиры Его Величества и о том, какие ответы я получил от полковников Сигрота и Фока на просьбу перевести меня из полка Хельсинье в другой полк. Я ответил, и они выразили свое сожаление по поводу медленного решения моего вопроса. Они обещали поговорить с полковником Фоком от моего имени и оказать мне максимальную поддержку. Потом они говорили обо мне по-французски, но мне трудно было что-то понять. В 2 часа дня мы покинули обеденный стол, и я пообещал еще раз зайти перед отъездом и передать обещанные чертежи мельниц, которые мы сделали. Затем я выполнил все оставшиеся поручения, и последнее, что мне осталось, это собрать все письма, которые надо было доставить назад (в штаб-квартиру Его Королевского Величества) и попрощаться.

Апрель 14 Рано утром я посетил господ подполковников Сэкена и Синклера с визитом вежливости. К ним пришел также господин генерал-майор Стакельберг. Он спросили меня, что я делал в той местности, о которой уже говорил им. Они сказали, что намерены рекомендовать меня, как их старого знакомого, моему новому полковнику, который пригласил их в полдень на обед. Я поблагодарил их и сказал, что если они собирались написать в штаб-квартиру Его Величества, я просил бы сделать так и вручить письма (рекомендательные) моему полковнику Фоку, у которого, вероятнее всего, они смогут найти меня. Так они и сделали. Затем я пошел оттуда к своему товарищу, который жил в расположении Уппландского полка и мы вместе пошли к полковнику Фоку, куда были приглашены на обед. К этому времени мы выполнили все поручения, которые нам дали другие полковники, и узнали у генерал-майора Спарре, когда отряд охраны отправится в Опошню, чтобы поехать вместе с ними для большей безопасности. Однако полковник Фок хотел ответить на письмо подполковника Гертена, а также на письма других лиц из штаб-квартиры Его Величества. После этого я попросил его не препятствовать моей карьере и дать свое милостивое разрешение на переход из полка, а также помочь полку с деньгами, о которых его просил подполковник. На это он ответил, что мало какие вопросы может решать в этом полку в обход Его Величества, впрочем, как и в другом полку, так что мы должны его простить за все, что он нам пообещал, но не смог выполнить.

Он сказал, что мог бы помочь нам деньгами, чтобы не получилось, что мы ездили совершенно зря. Мы поблагодарили его и попросили выдать нам по 50 серебряных риксдаллеров каждому в обмен на ассигнации (гарантийные обязательства), выданные нам полковым писарем Пальмборгом с гарантией возврата денег полковнику из нашей зарплаты за 1709 год. Мы получили деньги у аудитора Остерлинга в обмен на наши ассигнации. После этого мы покинули полковника и, по его пожеланию, попрощались также со всеми полковниками, которые дали мне много поручений. Я спросил у майора Реутера, когда отправляется конвой на Опошню, но он не знал. Он спросил генерал-майора Спарре и тот ответил, что они отправятся ближе к полудню. К полдню я был готов отправиться в путь. Я зашел на мою квартиру у фон Меллена, запряг лошадь и в 11 часов поехал оттуда на квартиру полковника, где мой товарищ уже ждал меня. Там мне передали большую связку писем, написанных офицерами колонны генерал-майора Спарре и лично самим полковником. Уехать до обеда мне не разрешили. Когда мы сели за обеденный стол, пришел приказ генерал-майора Спарре, чтобы все приехавшие офицеры прибыли к нему. Мы встали из-за стола и направились туда. Когда я прибыл, генерал-майор Спарре спросил меня, обедал ли я, на что я ответил, что нет. Он попросил меня обождать, потому что хотел написать письма Его Королевскому Величеству генерал-майору Лагеркруне и другим.

Полковой квартирмейстер Спарре, который должен сопровождать меня в Борки с 64 фурьерами и стрелками, еще не был готов, поэтому я вернулся назад к полковнику Фоку, который быстро меня накормил. Я получил у него большой пакет писем и список покупок, которые я должен для него сделать в штаб-квартире Его Величества, куда татары привозят для продажи много товаров. Деньги на эти покупки я должен получить у Королевского Повара Стенхагена или у секретаря Хуллтена. У меня были письма полковника к ним. Прощаясь, полковник просил верить его обещаниям помочь мне, как только он может. Он просил также сообщать ему обо всем, что происходит в штаб-квартире Его Величества. Затем я попрощался со всеми полковниками, а также подполковниками Сэкеном и Синклером, которые еще сидели за обеденным столом. Они выразили свою благосклонность рекомендовать меня (для повышения в звании. — *О. Б.*). Я сел на коня и поехал к генерал-майору Спарре, где мне вручили 6 больших пакетов с рапортами всех полков, входивших в колонну (под командованием генерал-майора Спарре. — *О. Б.*), а также много других писем для Его Величества лично, для Его Превосходительства фельдмаршала Реншильда и Его Превосходительства генерала Левенгаупта. Писем было так много, что я завернул их в свой плащ и привязал сзади к седлу. Полковой квартирмейстер Спарре был уже готов со своими людьми сопровождать меня в Борки. Генерал-майор Спарре приказал полковнику Хорну выделить мне надежных кавалеристов для охраны во время поездки из Борков в Опошню.

Около 12:30 мы покинули Лютеньку. Генерал-майор Стакельберг оказал мне большую честь, тепло попрощавшись со мною. Он просил передать привет всем в штаб-квартире Его Величества и сказать, что через 3–4 дня он будет там. Около 2 часов дня я прибыл в Борки. Однако полковник Хорн, несмотря на приказ генерал-майора Стакельберга, не хотел давать мне какой-либо конвой для поездки в Опошню, ссылаясь на письмо Его Королевского Величества с приказом беречь лошадей и не использовать их для ненужных целей. Он сказал, что если я подожду до вечера, он сможет выделить мне 20–30 казаков, которые сейчас отправлены на разведку. На это я ответил, что не хочу ждать так долго и не согласен ехать в сопровождении казаков. Лучше я отдам все письма назад полковому квартирьеру, поскольку у меня нет официального приказа об их доставке, и я не хочу принимать на себя ответственность за поездку без охраны с письмами и рапортами, которые представляют большую ценность для вражеской разведки. Если мне не повезет и меня схватят враги, я знаю, что им сказать. Но если меня схватят с таким количеством писем, мне будет некуда их спрятать и это будет большой удачей для врагов. В конце концов, полковник убедил меня взять письма с собою и обещал, что будет мне полезным. Я отправился в путь около 3 часов дня. Сразу за деревней я встретил возвращавшихся фуражиров. Они сказали, что видели врагов недалеко. Я вернулся с ними в деревню, чтобы выслушать их доклад о нападении врагов на них. Подполковник Траутветтер разбирался с их докладом. Я понял, что это случилось немного правее той дороги, по которой я должен был ехать и решил отправиться в путь, хотя мой товарищ возражал. Я почувствовал очень уверенно, когда подполковник сразу же приказал выехать со мной караулу, а позднее — еще сотне фуражиров на лошадях. Я ехал в кампании финского священника и двух евреев, которые направлялись в главную штаб-квартиру, а также одного слуги. Так что нас всего было 9 человек вместе с проводником и теми, кто ехал со мною из Борков.

Когда мы находились посредине поля, мы заметили много лошадей в стороне от дороги. Потом они исчезли среди небольших холмов. Это было похоже на казаков, которые прятались за холмами и ждали, когда мы продолжим свой путь, чтобы напасть на нас. Мы остановились и обсудили, что нам делать дальше. Мои попутчики настаивали на том, чтобы вернуться назад на те 3 мили, что мы уже проехали. Мне было стыдно возвращаться, не разобравшись в чем тут дело. Может быть эти всадники — враги, а может быть — наши фуражиры, которых направили из Опошни. Я решил разобраться с этим и попробовать максимально к ним приблизиться. Я сказал евреям, чтобы они ехали впереди меня на расстоянии пистолетного выстрела, после чего поскакал во весь карьер с пистолетом в руке на вершину холма. Там я ожидал увидеть этих всадников, однако они исчезли. Оказалось, что это просто табун крепких и резвых лошадей, примерно 200 голов, среди которых были ценные клипперы. Я хотел поймать нескольких, но затем понял, что

это неразумно. Вместе с евреями я гонялся за лошадьми, но это привело только к тому, что они начали ржать как дикие звери. Я вернулся назад, так как понял что эта затея безнадежная. Я подал знак своему товарищу, священнику и слугам, которые уже повернули было назад к Боркам, чтобы они вернулись и ехали за мною. Мы на полном галопе понеслись к Опошне и прибыли туда около 9 часов вечера. Я доложил коменданту Ранку о том, что я прибыл, и что мой проводник вернулся тоже. Упомянутый господин полковник и комендант приказал караулу открыть нам ворота тогда, когда мы будем выезжать.

Мы дали нашим лошадям попастись полчаса, а за это время мой товарищ договорился взять на время лошадь, так как одна из наших лошадей пала прямо перед Опошней, не выдержав быстрой скачки. В 10 часов вечера мы подъехали к воротам и попросили капитана открыть их. Тот начал препятствовать нашему отъезду. Тогда я поскакал к майору Сильверспарре и через него полковник приказал выпустить нас в любое время. Майор передал приказ не задерживать нас капитану, который стоял в карауле. Мы покинули город и ехали не так быстро, как раньше, так как эта дорога была несколько безопаснее. В полночь мы добрались до моей квартиры возле Будыщ. Я, слава Богу, не встретил врагов, хотя многие меня предупреждали и старались убедить отказаться от поездки. Я предложил священнику, который никогда раньше не был в этих краях, заночевать у меня. Я старался помогать ему, насколько позволяли мои способности, в это позднее время.

13 Апреля (Записи в дневнике за 13 и 14 апреля 1709 г. по неизвестной причине Роберт Петре поменял местами)

В 7 часов утра я прибыл к полковнику Сигруту, доложил о своем возвращении и вручил ему письма. Он был доволен, что мы вернулись вовремя и смогли удачно преодолеть достаточно опасный маршрут длиной в 22 казацкие мили туда и обратно. Он спросил, привез ли я еще писем, и я ответил да, но эти письма были адресованы Его Величеству, фельдмаршалу Реншильду, графу Левенгаупту, генерал-майору Лагеркруне; еще было много личных писем. Полковник сказал, что их надо доставить адресатам быстро, так они могут быть важными. Я так и сделал, но перед этим доложил своим подполковнику и майору о возвращении и передал им их письма. Далее я отправился в Будыщи, в штаб-квартиру, куда я прибыл в 8 часов. Там я встретил Его Величество, фельдмаршала (Реншильда. — *О. Б.*), генерала Левенгаупта и генерал-майора Лагеркруну, которым я вручил письма. Весь пакет с рапортами я вручил генерал-майору Лагеркруне, который был адъютантом при Короле. Его Величество спросил меня, тот ли я человек, о котором говорил полковник Сигрот несколько дней назад, и я ответил да. Далее Его Величество спросил, что мне удалось сделать за такой короткий период времени, что там слышно, встретил ли я неприятеля по дороге. Я ответил, что два капитана были захвачены в плен возле Лютеньки, что дорога была опасна между Опошней и Борками, а также между Борками и Лютенькой, и что нападения происходят каждый день на тех, кто едет по этой дороге. Я сказал, что генерал Спарре дал мне надежную охрану, которая сопровождала меня по дороге в Борки, и приказал полковнику Хорну выделить мне охрану для поездки в Опошню, но он этого не сделал. Так что мне пришлось на свой страх и риск ехать одному. Я также сказал Его Величеству, что фуражиры из Борков вернулись и рассказали, что видели противника. Подполковник Траутветтер сразу же отправил туда караул, а затем еще сотню всадников, с помощью которых я покинул Борки. Мне удалось безопасно проехать через эту местность, поскольку сопровождающие могли надежно задержать врага и не пустить его на дорогу, по которой мы ехали.

Потом я сказал, что табун лошадей чуть не вынудил меня вернуться, когда я уже проехал 3 мили по большому полю. Я рассказал об этом подробно и Его Величество, фельдмаршал и другие генералы улыбнулись. Его Величество спросил, удалось ли мне поймать какую-нибудь лошадь, и я ответил, что нет, так как я не сильно старался, опасаясь, что моя лошадь устанет. Потом Его Величество спросил, красивые ли были лошади, и я ответил да. Под конец он спросил о том, какое поручение было у меня в Лютеньках, и я ответил, что должен был встретиться с полковником Фоком. Король спросил, не из полка ли Хельсинье я, на что я ответил да. Как долго я служу в этом полку, я ответил — 7 лет. Какое у меня звание — фенрик. Зачем мне надо было встретиться с полковником? Я ответил, что ходатайствовал о выдаче денег для полка, так как офицерам не на что купить одежду и все остальное, после того, как мы потеряли все во время боевых действий у Лесной. Затем Его Королевское Величество взял генерала Левенгаупта за руку и они пошли прогуляться и поговорить. Его Величество подозвал также полковника Сигрута. После этого я покинул их, чтобы раздать оставшиеся письма. У меня было несколько писем к служащим двора Его Королевского Величества, которые я раздал до полудня, за исключением писем к генерал-адъютанту Мёллеру, которого Его Величество куда-то отправил. Я держал эти письма при себе и только после полудня отдал их, когда встретил генерал-адъютанта в штабе фельдмаршала Реншильда. Когда я передавал письма, там же находился Его Величество.

15 Апреля Мне приказали охранять арестованных. Около 9 часов утра сбежали слуга драбанта и русский. В это время я проверял посты и находился далеко от тех 9 соломенных хижин и 3 домов, куда поместили арестованных. Я предостерегал караульных и унтер-офицеров, которые находились возле этих домов, чтобы они внимательно следили за арестованными и не допустили побега. Кроме того, я также убеждал профоса (в шведской армии профосы следили за порядком в лагере и выполняли обязанности военных полицейских и полковых палачей. — *О. Б.*), чтобы он хорошо закрутил оковы на заключенных. Как только это случилось, я сообщил об этом капитану Классону, который командовал пикетом, о том, что двое врагов сбежали. Капитан немедленно оповестил ротные пикеты и караулы о необходимости все тщательно прочесать, а если они объявятся,

то надо их задержать или убить. Выполняя этот приказ, караул роты лейб-гвардии начал стрелять по беглецам, но задержать их не удалось, так как уже было темно. Это была первое неприятное происшествие за все время моей службы Его Величеству. Я всегда действовал очень осмотрительно и весь состав моего караула — унтер-офицер, капралы и солдаты это признают и готовы подтвердить. В ту же ночь майоры Свинхувуд и Торнефельт получили приказ вместе с 400 солдатами полка найти местных жителей, которые находятся на островке посреди большого болота и оттуда нападают через лес на тех, кто движется по дороге от нашей штаб-квартиры на Петровку, где находится гвардия. Найти кого-либо не удалось, да и попасть без лодки туда, где местные жители сделали укрепленный лагерь, они не смогли. Поэтому отряд к обеду вернулся назад в расположение полка. Потом они повалили деревья по обе стороны от дороги, чтобы противнику негде было прятаться. Теперь его можно будет заметить и отразить нападение. По приказу полковника валахи доставили в мой караул 9 крестьян. После того, как меня сменили, они остались под присмотром фенрика Хундхувуда.

Перед тем как покинуть караул я записал фамилии всех солдат, а также унтер-офицеров и капралов, которые стояли вместе со мною в карауле. Я спросил их, готовы ли они свидетельствовать во время проведения следствия о том, что я говорил и что делал. Я спросил их, все ли я делал правильно и готовы ли они отвечать, на что они ответили да. С разрешения майора Свинхувуда я арестовал унтер-офицера и солдата, которые находились снаружи соломенных шалашей, а также профоса, который не закрутил надлежащим образом оковы арестованных. Остальных я отправил по ротам, а сам пошел к майору Свинхувуду и доложил ему обо всем случившемся. Я просил назначить расследование, чтобы моя невиновность стала очевидной. Майор сказал, что будет просить об этом полковника Сигрута.

16 Апреля Вечером из караула, которым командовал фенрик Хундхувуд, сбежали четверо из тех крестьян, которых доставили вчера. Это произошло, несмотря на то, что майор Свинхувуд сам размещал посты по приказу полковника Сигрута. Сбежавшие были под двойной охраной, поскольку в сенях тоже была охрана, а в караульном помещении были офицеры. Крестьян разместили в доме, считая, что это лучше чем в соломенной хижине. Происшествие было мне на руку, потому, что этот фенрик был из Далекарлийского полка (Роберт Петре все время думает о своем продвижении по службе. — *О. Б.*). Кроме того, майор сам выбирал места, где установить посты. Все же фенрик был виновен более меня, так как он загасил свечу в караульном помещении, где он был старшим, крестьяне подскочили и ударили его в ухо, после чего он упал навзничь, а они убежали, воспользовавшись темнотой.

В тот же день мы получили известие о том, что враг сделал вылазку из города Полтавы силами 300 солдат и 200 местных жителей и атаковал капитана Ёллера из лейб-гвардии, который вместе с 150 солдатами из того же полка находился на передовом посту. Они так храбро встретили врага, что тот после короткой стычки отошел в город, потеряв 40–50 человек убитыми. Около полудня Его Величество вместе с офицерами свиты приехал туда. Все это случилось в Страстную пятницу (пятница Страстной недели, последней недели накануне Пасхи. — *О. Б.*). Вечером Его Величество вернулся в свою штаб-квартиру.

17 Апреля Утром я получил приказ от майора Свинхувуда явиться к полковнику Сигруту и взять с собой фенрика Хундхувуда, что я и сделал. Когда мы прибыли к полковнику, он спросил, как это могло случиться, что некоторые пленные убежали из моего караула? Я ответил, что очень сожалею, поскольку все это случилось на моем дежурстве, во время которого я обычно максимально бдительно несу службу. Я сказал, что если опросить всех, кто находился со мной в карауле, они подтвердят это. Когда все проясниться, моя невиновность станет очевидной. После этого я сказал, что все мои офицеры могут подтвердить, что я хорошо нес службу и никогда не относился с пренебрежением к приказам Его Королевского Величества. Полковник ответил, что понимает, как все произошло: он отдал приказ мне, я отдал приказ унтер-офицеру и капралу, а они должны приказы исполнять. Однако этого недостаточно, надо было лично убедиться в том, что все выполняется правильно и точно. Потом я еще сказал, что предполагаю, что все мои ротные офицеры, как и все полковые офицеры, подтвердят, что я никогда, даже на самую малость, не показывал пренебрежение к службе в армии Его Королевского Величества. При таком моем прилежании и старании, с которыми я все выполнял, я надеюсь, что господин полковник окажет мне благосклонность и передаст дело на разбирательство (дознание). Потом полковник сказал, что он не может принимать никаких решений, пока не поговорит с Его Королевским Величеством, а мне следует возвращаться назад. Фенрик Хундхувуд хотел возвращаться со мной, но полковник его окликнул и допросил. Я ждал его в карауле. Через полчаса он вернулся с глазами полными слез. Больше мне не задавали вопросов о случившемся; офицеры, солдаты и профос избежали ареста.

В тот же день пришло сообщение о неожиданном столкновении генерал-майора Круза с русскими, которыми командовал генерала Рене. В этом бою были пострадавшие: полковник Юлленшерна был ранен, его подполковник попал в плен. Капитаны Функ и Гревенхельм, а также некоторые другие офицеры и много солдат этого полка также попали в плен. Это столкновение могло бы привести к благоприятному результату, но генерал-майор Крузе сам помог противнику, поскольку все сражались, а он оставался только зрителем, когда враг атаковал всеми силами.

Апрель 18. Было проведено причастие в двух ротах полка. Это продолжалось все выходные до тех пор, пока все не получили святое причастие, что было весьма необходимо, тем более, что некоторые полки не получить этой благодати для вечного спасения с тех пор, как они покинули

Саксонию, а наш полк — Курляндию. Все это случилось из-за того, что нам недоставало вина и просфор; теперь мы можем выпекать просфоры и закупать вино.

Апрель 23. В Будыщи, где мы были расквартированы, прибыли Упландский и Вестерботтенский полки. Наш полк получил приказ выступить на следующее утро. Вечером того же дня я доставил господину полковнику Сигруту 15 канн вина, 3 канны лимонада (канна — старинная шведская мера объема для сухих и жидких продуктов питания, соответствовала примерно 2,617 литра. — *О. Б.*), 10 фунтов изюма, 10 фунтов риса, (шведский фунт соответствовал примерно 0,425 кг) а также понемногу всего остального, что он просил меня закупить по списку.

Апрель 24. Я получил деньги за покупки для полковника Фока, сумма составила 124 каролина (каролин — старинная шведская серебряная монета в половину шведского далера или в 2 шведские марки), которые я заплатил из своего кармана.

Апрель 25. Рано утром мы вышли из Будыщ, куда недавно прибыли два полка и полностью заняли те места, где мы были расквартированы. Вечером мы прибыли в деревню Жуки, где у нас был продовольственный склад в то время, когда мы стояли в Будыщах. Деревня Петровка была слева от нас, однако мы прошли мимо нее.

26 Апреля Утром мы вышли из деревни Жуки и прибыли к Полтаве около полудня. Его Королевское Величество выразил твердое желание атаковать этот город. Я сразу же был отправлен в караул с 24 солдатами. Здесь в третий раз Его Королевское Величество оказал милость и поговорил со мной. Он приказал мне не пропускать ни наших солдат, ни любых незнакомых людей через мост, возле которого был мой пост. Он просил меня сообщить, если я замечу какие-либо отряды, что я и делал. Я находился на посту, который я обустроил на холме, откуда было хорошо видно, что происходит на другой стороне прохода через болото (болотистая равнина реки Ворсклы на восток от Полтавы. — *О. Б.*). Мне доложили о замеченных нескольких всадниках и пеших, которые несли бревна. Я сам их видел и убедился, что солдаты говорили правду, хотя не смог распознать, это были наши люди или враги.

Я послал унтер-офицера доложить об этом полковнику Сигруту, который находился у Его Королевского Величества. После этого Его Королевское Величество вместе с полковником прибыли на мой пост и потребовали от меня более детальных сведений о том, где я их видел. Я проводил Его Величество к тому месту, где еще можно было видеть этих людей. Его Величество послал на разведку одного офицера из подчиненных генерал-майора Стакельберга, который прибыл сюда раньше и обустраивал место для фельдмаршала Реншильда в двух домах возле нашего поста. Через полчаса он явился и доложил, что это были наши люди, которые разбирали мост через реку Ворсклу. Вскоре после этого король ушел. Генерал-майор Стакельберг подозвал меня и распорядился, чтобы мои люди навели порядок в этих домах и нашли окна для них. Он расспросил меня о службе и сказал, что очень хочет помочь мне после того, как узнал, что я все еще не продвинулся по службе. Потом он проявил благосклонность и подал мне свою руку. Он утешил меня, сказав, что мы получили хорошего полковника, который заботиться о нас и о нашем полку (командир Далекарлийского полка полковник Густав Сигрут принял командование над остатками разбитого в битве при Лесной полка Хельсинье. При этом формально командиром полка Хельсинье оставался полковник Фок. — *О. Б.*). Я мог бы, вероятно, найти должность в другом полку, но он успокоил меня, сказав, что скоро все изменится. Почти весь день мы были на марше.

Апрель 27 В 4 часа утра ко мне прибыл лейтенант Якоб Варгер с 30 солдатами для того, чтобы усилить караул. Утренние часы — это наиболее опасное время суток, когда враг может напасть во время смены караула. Я оставался там со своими людьми до 8 часов утра. После этого мы по приказу майора оставили пост. Так было до тех пор, пока запорожцы не прибыли и не расположились перед нами.

Апрель 29 Я прибыл на пост с 16 солдатами. Ранее мы службу там не несли. Пост расположен напротив города (крепости Полтава) и на такой же высоте, нас разделяет только глубокая долина (вероятно, речь идет о восточной части южного склона Кобыщанского оврага. — *О. Б.*). С правой стороны поста была река Ворскла и большое болото. Как только я прибыл на это место, которое выбрал полковник Сигрут, я увидел там Его Величество вместе с фельдмаршалом Реншильдом, генералом Левенгауптом и генерал-майором Стакельбергом. Когда я расположился на посту враг начал стрелять из батареи, расположенной выше в крепости. Однако, слава Богу, он стрелял выше наших голов. После того как Его Величество расспросил меня о том, что я охраняю, он приказал мне отвести моих людей на несколько шагов в красивую вишневую рощу, там положить оружие и отсидеться за деревьями, пока противник ведет сильный огонь из крепости. Через некоторое время он покинул пост, приказав мне внимательно наблюдать, кто входит и выходит из города и докладывать ему об этом. Еще он сказал, что если враг будет меня атаковать, я не должен ни на шаг отступать и стойко сражаться, вынуждая его отступить, каким бы сильным враг не был. Такие были слова Его Королевского Величества. Я ответил, что с Божьей помощью я буду делать все, что в моих силах, после чего мы расстались. В тот же день гренадерский батальон под командой майора Юлленштерны, а также батальон лейб-гвардии капитана Маннерсворда прибыли к Полтаве и стали лагерем с другой стороны города, там где находится монастырь (Полтавский Хрестовоздвиженский монастырь в то время только начинали отстраивать в камне после того, как в 1695 г. старый деревянный монастырь был сожжен татарами-союзниками восставшего канцеляриста Петра Иваненко во время его похода на земли Полтавского полка. — *О. Б.*).

Апрель 30. Утром Его Превосходительство фельдмаршал Реншильд прибыл в мой караул около четырех часов

утра и спросил, не случилось ли чего. Я ответил, что нет, но я видел много костров и слышал, как рубят дрова на другой стороне болота. После этого я показал то место, где я все это видел и слышал. Он некоторое время постоял, рассматривая это место в подзорную трубу, еще он запретил отдавать ему честь оружием, чтобы солдаты не поднимались и продолжали сидеть.

В тот же день, примерно в 10 часов утра я заметил лодку, которая двигалась с другого берега болота, полностью покрытого водой, по направлению к городу. Потом ее вытащили на берег. Вскоре причалила другая лодка, о чем я, однако, не докладывал, так как мы никак не могли помешать этому из-за большой воды, которая нас разделяла. Примерно в 2 часа дня два всадника поскакали к городу с другой стороны. Один из них был в черном плаще, а другой — в сером. Я послал унтер-офицера сообщить об этом полковнику, после чего Его Королевское Величество прислал генерал-адъютанта Юлленклу ко мне узнать, куда они поскакали и откуда они приплыли на лодках. Я доложил им все, что знал об этом. Генерал-адъютант ушел от меня, после того, как я показал ему, где все это произошло. Немного позднее прибыл Его Королевское Величество и потребовал подробно обо всем рассказать, что я покорно сделал. Он сказал также, что если бы у нас было несколько человек на лошадях, можно было бы этих людей (которые поскакали к городу) захватить. Я ответил, что не решился оставить караул и отойти далеко от него со своими людьми: это было бы слишком рискованно, потому что без лошади нельзя было угнаться за ними. Кроме того, я мог бы оказаться в руках врагов, которые, возможно, прятались в хатах у подножья холма. После этого Его Величество немедленно отдал приказ генерал-адъютанту разместить у подножья холма 50 кавалеристов, которые должны ночью сжечь все дома, которые там находятся. Немного позже прибыли фельдмаршал Реншильд с генералом Левенгауптом, которым я также все рассказал и показал место, где те люди поехали в город. Караул сменили только вечером, когда наступили сумерки. На смену мне заступил лейтенант Маннерберг. Получилось так, что я простоял в карауле на вершине холма, полтора дня. Когда я возвращался с поста, я встретил полковника Сигрута и с ним 50 кавалеристов, которые должны были расположиться внизу уже упомянутого холма. Кавалеристами командовал ротмистр или капитан, с ним были лейтенант и корнет (корнет — низший офицерский чин в кавалерии Карла XII, соответствовал званию младшего лейтенанта (фенрика) в пехоте. — *О. Б.*). Их сменили вечером (следующего дня). В тот же день прибыло несколько полков, среди которых — 4000 запорожцев, которые недавно стали нашими союзниками, и генерал-майор Спарре со своей колонной. Часть их расположилась у города, а часть — возле близлежащей деревни. Уже начинают созревать вишни. Сегодня, пока был на посту, я попробовал из любопытства несколько ягод, так что теперь могу сказать, что ел вишни в конце апреля.

Май 2. Начали копать осадные траншеи возле крепости Полтава. Для работы взяли 600 человек из полков, которые прибыли вместе с генерал-майором Спарре, и еще 400 запорожских казаков. Для их защиты выделили 400 человек из Далекарлийского полка и полка Хельсинье под командованием подполковника Герттена. Еще были взяты люди из лейб-гвардии, но я не знаю точно, сколько и под чьим командованием. В ночь с 1 на 2 мая копавшие траншею были напуганы противником, который бросал в них горящие шары и венки из пакли, пропитанные смолой, чтобы напугать (и одновременно осветить место. — *О. Б.*). Унтер-офицер, который был фурьером в роте Овансьё (Далекарлийский полк) по имени [...] и находился на посту вблизи палисада, решил отползти назад туда, где находился лейтенант Маск из Далекарлийского полка, чтобы спросить у него, что делать дальше: лежать на посту возле палисада или отступить назад; враг набросал так много горящих венков и шаров, что всех его людей было хорошо видно. Однако лейтенанта на месте не оказалось, и прапорщик пошел дальше искать его. Когда рабочие в траншее увидели его, они пришли в ужас и бросились бежать; позже они были остановлены и вернулись назад. Прапорщика арестовали и приговорили к смертной казни, однако позднее король помиловал его и приговорил к 6 месяцам солдатской службы (за то, что покинул пост. — *О. Б.*).

Как только враг узнал о серьезности наших намерений, он попытался сделать диверсию, для чего переправил 15000 человек через Ворсклу возле Опошни и атаковал город, в котором находился генерал-майор Роос со своим, Кальмарским и двумя драгунскими полками (Дюкерта и Таубена), а также большей частью артиллерии. Этим враг имел намерение заставить Его Королевское Величество изменить свой план относительно Полтавы и снять осаду с крепости. Однако Его Королевское Величество направился туда, взяв с собой только 8 рот из состава двух батальонов лейб-гвардии, которые еще не прибыли в Полтаву и находились в Петровке. С этими частями он пошел на Опошню, имея для поддержки еще четыре пехотных полка и три кавалерийских полка, которые также находились в Петровке. Когда враг увидел приближающего шведского короля, он отвел все свои войска назад через мост и больше не появлялся. Но все же он атаковал наших кавалеристов и драгун из арьергарда и порубил около 200 человек. С нашей стороны потери можно считать большими, так как отряд майора Лодхе, который занимал пост у реки во время переправы русских через Ворсклу, был откинут назад, сам майор попал в плен; а вместе с ним в плен попали капитаны Шлиппенбах и Хаммархельм. Лейтенант Брун и много других офицеров были убиты. Сколько солдат было в этом сражении и сколько попало в плен, узнать точно очень трудно, знаю только, что в этот раз мы потеряли две пушки и драгунский штандарт. Майор Бер из колонны генерал-майора Рооса или Вермландского полка признал, что потери были большими. Его только что сменил майор Лодхе, и он не успел далеко отойди от поста (который принял на себя первый удар русских. — *О. Б.*). Бер сослался на то, что не получил приказа (вернуться на пост и помочь майору Лодхе

отбивать атаки русских. — *О. Б.*). Он был арестован и впоследствии приговорен генеральным военно-полевым судом под председательством генерала Левенгаупта к 6 месяцам солдатской службы. Однако затем Его Королевское Величество, вместо ожидаемого смягчения приговора, пожизненно лишил майора Бера права находиться на какой-либо службе в Швеции за то, что он не помог майору Лодхе, когда он [...]

Май 8. Около полуночи прибыл подполковник лейб-гвардии Юлленкук, а также полковник фортификации вместе с главным квартирьером и попросили меня опять сползать на уже упомянутый караул и приказать им, чтобы не стреляли, если увидят идущего человека, и пропустили его. Им надо было пояснить, что Его Королевское Величество будет осматривать это место. Я удачно добрался до них и враг меня не заметил. Однако когда я там начал очень тихо разговаривать с капралом, началась сильная стрельба, потому что, без сомнения, они услышали наш разговор. Ночь была очень тихая, а место, где мы находились, было прямо возле их блокгауза. При такой сильной стрельбе они сделали мое возвращение назад в траншею опасным, потому что они стреляли туда, где видели, что трава колышется. В этом месте мне трудно было рассчитывать на поддержку Бога, поэтому я решился вскочить на ноги и быстро побежал вниз к траншее. При этом они стали еще сильнее стрелять в меня, пока я не исчез у них из виду; они сделали так много выстрелов, что потом больше не стреляли. Они видели, как я бежал вниз в траншею и знали, где находится наш передний пост, но не могли себе представить, что там кто-то уцелел. Наши лежали очень тихо и не двигались до тех пор, пока я их не позвал перед рассветом. Потерь у них не было и вместе со мною они вернулись в траншею.

Май 9. После полудня лейтенант граф Карл Поссе с 50 гренадерами получил приказ захватить палисад, к которому мы вплотную подошли своими траншеями. С Божьей помощью ему удалось это сделать, он потерял 6 человек убитыми, и 10 было ранено. Враг отступил от палисада в крепость. Младший брат этого лейтенанта — Арвид Поссе, который находился на дежурстве в осадной траншее, просил у Короля разрешение помочь брату со своими 30-ю гренадерами, которые страстно желали атаковать. Король разрешил ему помочь брату. Благодаря их отваге, через 3 с четвертью часа враг оставил палисад и он перешел в руки шведов, которые туда вошли. Во время этой атаки я получил приказ от полковника Сигрута взять с собой 6 человек, спуститься вниз к артиллеристам, взять у них 200 гранат и доставить их сюда. По дороге я встретил Его Величество, который спросил меня, куда я направляюсь. Я покорно ответил ему, что меня послали за гранатами. Он отправил меня назад, сказав, что в этом сейчас нет необходимости. Я доложил полковнику Сигруту о том, что Его Королевское Величество отправил меня назад и оставался на своем посту еще 2 часа, пока меня не сменили.

Май 11. После обеда полевой командир Мазепа прибыл к Его Королевскому Величеству. После проведенных там двух часов он отправился в свою штаб-квартиру в Жуках. В тот же вечер я снова заступил в караул в осадных траншеях. За это время там было убито два солдата и три запорожца. Двое первых находились на посту, а трое запорожцев прибыли на передовую по собственному желанию, чтобы работать в траншее или стрелять по часовым врага. Большинство запорожцев были хорошими стрелками и у них было хорошее оружие с насечками (наверное, Петре имел виду нарезное оружие. — *О. Б.*), из которого они убивали по несколько человек в день.

Май 12. Я пришел на дежурство вечером, однако вынужден был простоять всю ночь с оружием в руках, так как нас предупредили, что враг собирает все свои силы вокруг нас. Это не было непривычным для нас, поскольку почти каждую ночь мы были готовы к атаке противника.

Май 13. Вечером я снова был на дежурстве. За ночь ничего особенного не произошло, однако за этот день мы потеряли 14 запорожцев и солдат. Первые были убиты во время работы в траншеях, вторые были застрелены, когда были на посту. За все время осады не было ни одного дня, чтобы мы не несли потери. Сегодня среди погибших было 5 шведов.

Май 15. Я заступил в караул в осадной траншее, когда полковник Бинау открыл сильный огонь из пушек по крепости. Было сделано также несколько выстрелов раскаленными ядрами. Всего вели огонь две батареи, которые уже были развернуты. В этот раз Его Королевское Величество не разрешил ему продолжать стрельбу. Они прекратили огонь в 11 часов вечера, что было против воли полковника. Я слышал, как полковник просил разрешения продолжить огонь еще на 6 часов, чтобы блокировать город, чего он хочет так же, как и Его Величество. Его Королевское Величество похлопал по плечу полковника, назвал его «дедушкой» и попросил не злиться, хотя мы знаем его именно таким, и сказал, что пока больше стрелять не надо. Из этого нельзя сделать иной вывод, как только такой, что Его Королевское Величество не был настроен брать этот город. Похоже, что в намерение Короля только входило проверить, действительно ли осажденные намерены сдерживать атаки и защищать крепость. После сражения у Головчина Его Королевское Величество никогда лично не осматривал укрепления противника.

Май 16. Рано утром враг поднял большой шум во многих местах вокруг наших позиций. Одновременно два батальона под командованием бригадира Головина были посланы в Полтаву с большим запасом пороха, пуль и ядер для осажденных. Его Королевское Величество мог легко помешать им осуществить этот план, если бы он захотел. К Его Величеству были направлены гонцы с трех постов с сообщениями о том, что вражеский отряд уже подошел к Ворскле и уже начал там переправляться через реку. Поэтому наш полк стоял в полной готовности к выступлению, если будет приказ Его Королевского Величества.

Лейб-гвардия тоже была собрана и готова выступить. Она находилась возле монастыря, совсем близко от города. Однако Его Величество сказал, что им (батальонам под командованием бригадира Головина. — *О. Б.*) надо разрешить пройти, и чтобы полки не покидали свои палаточные лагеря, где они находятся: лейб-гвардия — с одной стороны монастыря и мы по другую сторону, возле города. Я заступил в караул.

Май 17. Утром мы заметили, что враг усиленно работает на пустынном берегу болота со стороны города. Он обтесывали бревна, и работа эта была слышна день и ночь. Они работали близко от нас и, наверное, смогут скоро закончить переход и получить свободное сообщение с городом. Поэтому последовал приказ Его Величества полковнику Юлленкруку насыпать земляное укрепление напротив этого места, разместить в нем сильный гарнизон и, таким образом воспрепятствовать вражескому предприятию. Это тотчас же было выполнено, и редут в форме звезды был построен. Подполковник Сильверспарре вечером разместился в этом редуте, с ним было 200 человек. В тот же день прибыли 2000 запорожцев, которые должны продолжать работу, так что теперь вместе с погибшими тут было 6000 человек этого народа. Вечером я снова был на дежурстве в осадных траншеях, где мы сменили караул от лейб-гвардии и приняли посты, на которых они раньше несли службу. Самый внешний участок осадных траншей, где мы раньше находились, теперь охраняют Йончепинский, Кальмарский и Крунубергский полки. Ежедневно Далекарлийский полк и полк Хельсинье должны выделять для караула двух капитанов, 14 лейтенантов и фенриков, а также 540 капралов и солдат. Я находился внутри захваченного палисада в тот момент, когда наши начали делать первые подкопы под недавно возведенные земляные валы крепости. Мой пост был опасным и находился так близко от города, что жители кидали в нас дохлыми кошками, камнями, поленьями, а также гнилыми овощами. Они 2–3 раза попали в Его Королевское Величество, когда он находился возле меня. Майор Врангель часто посещал меня ночью и спрашивал, что там произошло. Лейб-гвардию, которая ранее охраняла этот пост, теперь перевели охранять укрепление, построенное внизу под монастырем, чтобы помешать планам противника. Этот новый пост для них очень удобный, так как расположен в маленькой долине под монастырем близко от их лагеря. Когда они несли службу в осадных траншеям, им надо было идти 7 километров от их лагеря. Они не могли идти по дороге через долину, лежавшую между нашими траншеями и городом, потому что враг мог открыть по ним пушечный огонь.

Май 18. Осажденные сделали вылазку из крепости и атаковали наше новое насыпное укрепление, о котором я уже упоминал, и с помощью которого мы пытаемся помешать противнику осуществлять сообщение с городом. Подполковник Сильверспарре из Кальмарского полка храбро оборонял редут со своими 200 солдатами и умер от полученных ран три дня спустя. Силы врага были очень большие и, в конце концов, они могли захватить редут, однако небольшой отряд лейб-гвардии пришел на помощь к уже упомянутому подполковнику и ударил в тыл врага, заставив русских повернуть назад в город, чтобы таким образом спастись. Когда враг увидел перед собой лейб-гвардию и вышедший из редута гарнизон, он оставил большую часть своих людей лежать на поле, а остальные спрятались в нескольких уцелевших домах под городом. Эти дома наши не смогли поджечь, так как они были под защитой пушек крепости. Теперь их подожгли вместе со спрятавшимися в них врагами. Нападавших было не более 200 человек — об этом рассказал сам бригадир Головин, а через день это же подтвердили несколько перебежчиков. Пленных, которые могли ходить, отправили в расположение нашего полка под охраной знаменного караула, в котором были капитан Лейонберг, фенрик Стюарт и лейтенант Фейф. Они решили двигаться не со стороны монастыря, где стояла гвардия, а по болотистому оврагу. Всего они доставили: командира-бригадира Головина, одного подполковника, одного майора, двух капитанов, одного младшего лейтенанта, одного капитана и 30 солдат. Бригадира Головина, который был шурином князя Меншикова, разместили под охраной на квартире полковника Сигрута, где он может находиться и получать удовольствие от условий своего содержания. Остальных сразу после этого поместили вместе с ранеными и теми, кто попал в плен без ранения. Потом Его Королевское Величество приказал лейтенанту Арвиду Кноррингу из полка Хельсинье прибыть в его резиденцию, где капитан Лагерхельм, лейтенант Фрёлик и фенрик Клёверфельд стояли на посту. Это место, где они должны находиться, расположено в 7 км от Полтавы, с той же стороны, с какой находился наш полк. Наши потери после вылазки врага составили: подполковник Сильверспарре, о котором я уже упоминал, лейтенант Хольденкоп из Остготтского полка, 12 погибших на месте боя, 50 солдат получили ранения, капитан Смиттберг и несколько других офицеров также были ранены. Это сражение началось в 3 часа дня и закончилось в 6 часов вечера. Когда я сменился с караула, во время которого мы потеряли троих солдат, прибыл лейтенант Кнорринг, которого отправляли с пленными, и подал рапорт о том, что все пленные были вручены начальнику уже упомянутого поста лейбгвардии капитану Лагерхельму под расписку

Май 19. Рано утром калмыки совершили набег, переправившись через Ворсклу. Они украли 300 офицерских коней и коней сопровождения короля, которые принадлежали гренадерам или батальону лейб-гвардии майора Юлленшерны. Это случилось, когда их утром выпустили пастись. Калмыки прятались в расположенном поблизости лесу, украденных коней так и не удалось вернуть. Тем же утром я заступил в знаменный и арестантский караул, который находился прямо возле штаб-квартиры Его Королевского Величества. До нас дошло известие о том, что враг имеет намерение пробиться большими силами к городу, поэтому наш полк скрытно выступил в 11 часов вечера к монастырю и соединился там с лейб-гвардией и несколькими

другими полками, которые также выдвинулись туда из близлежащих сел. Полковник Сигрут приказал доставить в караул флаги обоих полков (Далекарлийского полка и полка Хельсинье. — *О. Б.*). Я находился в этом карауле вместе с 36 солдатами и двумя унтер-офицерами. Полковник Сигрут приказал мне хорошо нести службу и, если что-то случится, немедленно обращаться к генерал-майору Спарре, чей лагерь находился на холме, недалеко от штаб-квартиры Его Королевского Величества. Для этого я отправил фельдфебеля из моего караула к генерал-майору Спарре и приказал ему проведывать, нет ли у генерал-майора какого-нибудь приказа для нас, отвечать на его вопросы, передавать мне распоряжения, если что-то случиться. Полковник Сигрут приказал мне хорошо нести службу, особенно в том, что касается бригадира Головина, для охраны которого, сразу после того как полк покинул свой лагерь, я выставил один пост возле дверей его дома и один возле окна. Эти посты будут сменяться каждый час. Кроме того, я приказал унтер-офицеру находиться неотлучно в доме рядом с ним. Еще я назначил 3 патруля, которые будут каждый час обходить все выставленные посты, чтобы они несли службу бдительно, а я бы мог быстро получать сведения о том, что где происходит. Прежде чем полк ушел от монастыря, прибыли 75 человек под командованием капитана Ельфстрёма, лейтенанта Арвида Кнорринга и фенрика Лийфа, которых направили для усиления караула. Но сразу после того, как я распределил их по сменам, им пришел приказ возвращаться со своими людьми в полк, а я остался с теми, с кем раньше был. Около часа ночи враг начал сильно обстреливать из пушек монастырь, так как он знал, что там находятся наши. Он стрелял из укреплений, построенных на болоте, где они уже оборудовали несколько артиллерийских батарей. Стрельба продолжалась до 5 часов утра. Так как враг свои планы изменил и не имел в этот раз других намерений, кроме бомбардировки, наш полк покинул район монастыря в 7 часов и в 9 часов он уже был в своем лагере

Май 20. Меня сменил в карауле лейтенант Фалькенвинге, в подчинении которого было столько же солдат, сколько и у меня. Во время его дежурства бригадир Головин попробовал освободить себя из плена. Он предложил шведскому солдату, который там нес службу пригоршню дукатов и офицерскую должность в своем полку, однако солдат посчитал такое предложение неприемлемым и доложил об этом своему лейтенанту. Лейтенант доложил полковнику, после чего Его Королевское Величество приказал, чтобы упомянутый бригадир был размещен в караульном помещении, а спал в присутствии начальника караула в хате, сделанной из нескольких фашин. Головину разрешили принимать пищу в доме полковника, но под сильной охраной. Солдат, который был из Далекарлийского полка, получил вознаграждение в сумме 30 дукатов от Его Королевского Величества. Более того, он оказался тем самым солдатом, который год назад получил такое же вознаграждение от Его Королевского Величества за то, что сумел вернуть назад флаг, захваченный русскими во время сражения при Молятичах. Этот флаг был захвачен утром во время нападения русских на колонну генерал-майора Рооса возле Молятичей, он принадлежал Вестготскому полку. В этом бою наши понесли большие потери, а могли бы понести еще большие, если бы на помощь не пришел Далекарлийский полк, который находился в 5 километрах от них. Он решительно атаковал врага, заставив его отступить, после чего помог и другим нашим полкам, которые оказались в беде. Во время этого сражения, когда русские отступили, этот солдат сумел вернуть захваченное знамя.

Май 21. Вечером я заступил в караул в осадных траншеях. Теперь мы получили новый пост, который находится дальше влево от старого поста в траншее, которая расположена возле большого блокгауза и не была раньше нами занята. Сейчас эту траншею наши усердно прокладывают и меня туда направил лично полковник Сигрут. Мне дали с обеих полков 32 гренадера и, кроме того, финского капрала. Они вначале находились в траншее, а потом подошли к палисаду. По краям у нас находились 4 человека с одной стороны и 12 человек с унтер-офицером с другой стороны. Затем мы подожгли палисад, и я лично наблюдал за всем этим по приказу полковника. Мы должны были день и ночь поддерживать тлеющим фитиль для гранат, которые там могли понадобиться, а мушкетерам приказали держать штыки пристегнутыми к мушкетам. Этот пост был крайним и самым опасным среди всех постов в осадной траншее, поэтому я должен был следовать за теми, кто копал траншею и охранять их, выбирая постоянно наилучшее место для их обороны. За мною, в другой траншее, находились 150 человек из Смоландского полка, которыми командовали майор, капитан, два лейтенанта и два фенрика. Около 10 часов вечера Его Королевское Величество по своему обыкновению прибыл в траншею, пришел на мой пост и спросил меня, когда я заступил на пост. Я ответил, что только что занял пост по приказу полковника Сигрута, чей полк обеспечивает охрану траншеи. Далее он спросил, из какого я полка и я ответил, что из полка Хельсинье, на что Его Величество сказал, что теперь этот полк соединен с Далекарлийским полком и я ответил да. Потом он спросил, почему мы тут оказались, ведь наш пост был правее в траншее, на что я ответил, что мне это неизвестно. Тогда солдат из Далекарлийского полка сказал, что знает почему: другим полкам не доверяют, поэтому мы должны всегда быть впереди других там, где что-то происходит. Его Королевское Величество, который стоял около меня и хорошо слышал все, что сказал солдат, но я все-таки повторил ему эти слова и он улыбнулся. Далее он спросил про мое звание, и я ответил, что я — фенрик. На вопрос о том, сколько я служу, я ответил, что служу 7 лет. Был ли я в боевых действиях генерала Левенгаупта в Курляндии? Я ответил, что был и начал рассказывать, как это происходило, но мне помешали закончить, так как подошли полковники Сигрут и Юлленшерна. Его Величество отошел от меня и вместе с ним пошел к рабочим, которые находились впереди нас

в траншее. Это было около 12 часов ночи, а в 2 часа Его Величество отправился в свою резиденцию отдыхать.

Май 22. Утром враг начал стрелять из пушек из того блокгауза, возле которого я находился. Он бросил в мою траншею 30 гранат, камни и поленья. Поскольку мы были недалеко от вражеского поста, я бросал камни в них, а они бросали в меня. Их гранаты и залпы из пушек не нанесли вреда моим людям, но все же мы потеряли 5 человек, которых они из своих ружей убили выстрелами в лоб, когда те находились на своих постах. Еще 7 запорожцев, которые заснули на своих постах, были там таким же способом застрелены. Так что только на одном моем посту мы сегодня потеряли 12 человек. Место, где находился пост, я обложил множеством фашин, чтобы враг не видел теней солдат, а также положил на бруствер мельничный жернов, через отверстие в котором часовой сможет видеть, что происходит перед ним. При этом все его тело, кроме части тела, что напротив отверстия в жернове, будет защищено от пули. Я попросил часового время от времени поглядывать в это отверстие. Ну что ж, эти 5 бравых шведских солдат мгновенно лишились жизни, так как все пули попали им прямо в лоб и висок. Когда Его Величество около 10 часов утра прибыл на мой пост, трупы уже унесли, и он увидел кровь и мозги на земле. Он приказал мне не находится на этом посту, пока светло, так как можно легко услышать, если враг будет делать вылазку, что я покорно выполнил и днем на этом посту службу не нес. В 2 часа дня Его Величество вернулся. Тем временем полковник Юллекнрук распорядился вырезать из бревна голову, надеть на нее парик, шляпу, приделать к ней шинель и набить соломой рукава так, чтобы все это было похоже на человека. Я должен был поднимать ее и опускать, двигать вправо влево, вынуждая врага, который был начеку и видел, что она движется, сделать 2–3 выстрела как только я немного приподнимал ее над бруствером.

Я был занят этим в течение полутора часов, после чего король спросил меня, не устал ли я. Зная свою неутомимость, я ответил, что нет. Затем Король сам взял у меня это чучело и несколько раз поднял его. Я был уверен, что в эту деревянную голову полетело более 20 ядер и 300 мушкетных пуль, в шляпе было много мелких отверстий. Потом Его Величество, генерал Левенгаупт и генерал-майор Стакельберг развлекались с этой куклой достаточно долго. С крепости в них бросили 3–4 дохлые кошки и собаки, а также гнилые овощи. В плечо Его Величества попали дохлой кошкой. Потом в нас бросили 8–9 глиняных и стеклянных гранат. Король приказал мне попробовать, смогу ли я перебросить 2–3 гранаты в крепость. Для тех, кто стоит согнувшись в узкой траншее, из которой не вылезти, было труднее кидать гранаты в них, чем для них кидать гранаты в нас, так они находились выше нас и стояли на ровном месте. Со смиренной покорностью я выполнил приказ. Первая граната перелетела через первый палисад, но упала перед их валом и поперечным палисадом.

Двумя другими гранатами я попал в угол палисада, где эти невежественные люди собрались вместе, и это убедило их в этот день отказаться от бросания в нас чего бы то ни было, и убраться оттуда. Гранаты они больше в этот день не бросали, так как Его Величество уехал, и в этом больше не было потребности. Меня сменил, как обычно вечером, фенрик Лийф.

Май 23. Утром враг выпустил по городу 3 бомбы из своего укрепления на болоте. В этих бомбах, без сомнения, был приказ, так как не было звука взрыва. Этим же вечером три бомбы выпустили из города, одна из них не долетела до врага, была подобрана около нашего редута и попала к нам в руки. В ней была найдена рапорт коменданта о положении в крепости с чертежами укреплений, которые он распорядился построить в городе с начала осады, с указанием какие участки палисада удерживают наши, и где перед крепостью расположены наши укрепления и артиллерийские батареи. Все было написано на французском языке. Поскольку противник продолжал работы на болоте, мы со своей стороны тоже день за днем строили небольшие укрепления в качестве контрмер. Этим же вечером, я заступил на дежурство и принял свой прежний пост. Ночь прошла очень спокойно, и наша работа быстро продвигалась, так что наши траншеи уже прошли дальше блокгауза.

Май 24. Около 4 часов вечера капитан минеров Кронштедт сообщил, что враг делает контрподкоп, и они уже находятся не дальше трех метров от него. Он попросил полковника Кронмана, который находился на дежурстве в траншее, разрешить ему подорвать порох, заложенный в лазе под главным валом крепости. Но поскольку Его Величество куда-то ускакал, и его не было на месте, полковник Кроннман не решился разрешить взорвать мину в подземном ходе. Затем капитан Кронштедт спросил разрешение у фельдмаршала Реншильда и генерала Левенгаупта, но они тоже не разрешили делать это до возвращения Короля. В результате около 6 часов вечера враг докопал до мины и забрал весь порох. Вся работа оказалась напрасной. Меня сменил, как обычно, фенрик Титгрен.

Май 25. Я был свободен от караула весь день и не знал, что там произошло, кроме того, что враг сделал вылазку из крепости в нашу траншею и насмерть заколол сержанта Якоба Лейона из полка Хельсинье. Он стоял в карауле с 12 солдатами и был в подкопе, когда враг решил забрал наш порох. Сержант защищался до конца. После того, как его проткнули штыком, он вырвал у русского мушкет и умер, держа мушкет двумя руками, так и не отдав его врагу. Потом враги быстро отошли назад в крепость. Несколько наших, которые были недалеко оттуда, поспешили к нему на помощь и увидели там двух убитых русских, которых не успели оттащить в крепость. Вместе с сержантом у нас было трое убитых и двое раненых. Когда Его Королевское Величество прибыл в траншею, еще до того как унесли вниз убитых и раненых, он увидел сержанта, который все также лежал со штыком в теле, выразил свое сожаление и сказал, что он был смелый солдат. Если бы он выжил, то он бы непременно получил бы за такой храбрый поступок значительное повышение в звании. За все время осады

крепости не было ни одного дня, чтобы мы не теряли несколько человек из полка. В роте Овансьё полка Хельсинье, куда я сейчас прикомандирован, я уже потерял 5 лучших солдат.

Май 26. Вечером я заступил на дежурство в той же части осадной траншеи, где в карауле всегда стояли фенрики из полка Хельсинье, так они были старше фенриков из Далекарлийского полка. Они приготовили все необходимое для того, чтобы поджечь блокгауз и палисады. Для этого был использован фенрик Стокман из Остготского полка, которого осудили на три года ареста за дуэль. По ходатайству его полковника Апельгрена, он был помилован. Были приготовлены кадки со смолой, солома, факелы и все остальное, однако они не успели завершить это дело во время моего караула. На следующую ночь они смогли сжечь несколько палисадов, но не успели зажечь блокгауз, так как фенрик Стокман был ранен, а потом убит выстрелом в спину. Вечером этого дня я заступил в караул на свой старый пост в осадной траншее. Подполковник Старенфлюкт, который в этот день стоял в карауле вместе с полковником Буквальдом и майором Пистолем, приказал мне хорошо нести службу и отводить своих людей во вторую линию, где был пост капитана, если нас будут атаковать русские. Я ответил, что, если нас будут сильно атаковать, то было бы лучше, чтобы капитан помог мне; если я буду показывать спину врагу и отступать к нему, не обойдется без потерь; я сильнее, когда нахожусь в траншее. Это разозлило подполковника, который пригрозил мне военным трибуналом. В это время прибыли полковники Сигрут и Буквальд, которые слышали мой ответ подполковнику и поддержали меня, что было хорошо. Они говорили между собой о том, о сем по-французски. Подполковник меня отпустил и сказал, что не будет долго отсутствовать, чтобы, если что-то случится, его могли бы быстро найти.

Май 28. Вечером я заступил в караул, но всю ночь мне пришлось провести с оружием в руках, так как враг начал передвижение во многих местах.

Май 29. Русские сделали вылазку из крепости и напали на наших рабочих, которые копали осадные траншеи. Во время этой вылазки погибли лейтенант Руда и фурьер Изерхельм, которые были направлены к работавшим в осадной траншее. Вечером я заступил в караул и принял свой пост у фенрика Титгрена.

Май 30. В 9 часов утра Его Королевское Величество прибыл на мой пост. Когда он заметил, что фитиль тлеет, он спросил, зачем это надо. Я ответил, что нам приказали днем и ночью иметь под рукой огонь для зажигания гранат, и мы так делаем с тех пор, как нас здесь разместили. Затем Его Королевское Величество сказал, что в этом нет необходимости, так как фитилей не хватает, их надо беречь, а любой из нас может быстро зажечь огонь. Он приказал потушить огонь и больше не держать фитиль зажженным. Еще Его Королевское Величество расспрашивал меня про наши военные действия, как в Курляндии, так и в других местах, особенно про последнее сражение у Лесной. Я с покорностью, быстро и правдиво рассказал все что знал. Эта беседа продолжалась до 11:30, после чего он направился к себе кушать. В полдень я со своим караулом переместились ближе к тем, кто работал в траншее. Когда я начал обустраивать новый надежный пост для караула, русские начали бросать гранаты, которых было 11, но они не причинили нам вреда. В 15:00 Король вернулся и спросил, не произошло ли чего. Я ответил, что нет, но русские бросили в нас 11 гранат, однако, слава Богу, все обошлось. Король сказал, что ручная граната или бомба никогда не причинят вреда, если только не попадет прямо в человека. На это я несколько возразил, поскольку видел, как осколки гранат и бомб попадали в руки, ноги и головы солдат, да и сам я все еще чувствую это на своем правом плече, куда попал осколок бомбы во время осады Митавы в 1705 году. Генерал-адъютант Шульц согласился со мной. Шульц был захвачен в плен нашими казаками, когда мы только вошли в Украину и переправились через Десну. Он давно решил находиться вместе с бригадиром Мюленфельтом при штабквартире Его Королевского Величества. Они всегда сопровождают Его Величеством, куда бы тот ни ехал, еще они торжественно поклялись, что не хотят перейти опять на сторону русских. Они никогда бы не решились на это, так как год назад в Гродно, когда Мюленфельт сдался в плен, царь чуть было не попал в руки шведов. Генерал адъютант Шульц, который знал характер царя, не ожидал ничего хорошего от того, что письма царя к королю Августу, которые он имел с собой, попали в руки шведов. Эти письма могли помочь нам противодействовать злым замыслам врагов. Хотя он был невиновен, но ему не удалось бы избежать сурового наказания за это.

Однако поскольку Его Королевское Величество Король все еще не хотел поверить, что гранаты или бомбы могут нанести хоть какой-то вред, на этом дискуссию прекратили. Немного позднее прибыл генерал-лейтенант Мёллер. Он отвел Его Величество в сторону, и там они немного поговорили, после чего покинули осадную траншею. Я сменился с дежурства в обычное время.

Май 31. В 9 часов утра я был на холме напротив города, где была моя вторая позиция, и откуда я показал Его Величеству место, где два всадника пересекли ручей и проехали в город, о чем я уже писал. На этом месте у нас сейчас находится пост с отрядом под командованием лейтенанта. Я хотел увидеть, как далеко продвинулся противник со строительством укрепления на болоте, напротив которого наши также строили укрепления и редуты. Там я увидел Его Королевское Величество, генералов Левенгаупта и Стакельберга, полковников Сигрута, Таубе и Буквальда. В 9:30 русские начали стрелять из 72 пушек с другой стороны болота, где недалеко находилась большая часть их армии. Полковник Сигрут и я подсчитали количество пушек. Это был такой русский салют: 3 выстрела из каждой пушки, всего — 216 выстрелов. Присутствовавшие долго обсуждали, что бы это могло значить. Некоторые решили, что, наверное, царь прибыл в армию. Другие думали, что, может

быть, это его день рождения, а другие — что это какой-то русский церковный праздник. Король спросил бригадира Мюленфельта, что это значит, но он не знал, поскольку уже долго не служил в армии Петра I. Потом Его Величество позвал Нейгебауэра, который только недавно перешел к нам. Он был гофмейстером у царевича. Сейчас он с нами, так как русское житье было ему не по нраву. Его Величество хотел спросить его, не праздник ли церковный у русских сегодня, но, поскольку того не было рядом, Его Величество поехал вниз к себе. Вечером я снова заступил в караул на то же пост в осадных траншеях.

Июнь 1. Вечером я вернулся с караула. За прошедшие сутки ничего не случилось.

Июнь 2. Я заступил в караул в осадной траншее. За этот день ничего не случилось, как и во время моего караула.

Июнь 4. Я не стоял в карауле, но мой полк получил команду выдвинуться вечером к болоту и быть готовыми отразить наступления врага, который, похоже, собирается атаковать наши редуты, построенные напротив их укреплений. Однако, поскольку противник изменил свой план и не атаковал нас в этот раз, генерал-майор Стакельберг приказал полку вернуться назад 5 июня в 1 час дня. Когда мы двигались назад, враг начал стрелять по нас из крепости, и мы двигались один за другим, чтобы избежать потерь. Враг и раньше приветствовал нас из крепостных пушек, но он не знал, что мы отходим, поскольку мы были прикрыты вишневой рощей, расположенной между городом и редутами. Мы спокойно прошли по этой роще и в 2 часа дня мы прибыли в наш лагерь, не потеряв ни одного человека.

Июнь 5. Вечером, когда я получил суточный пароль, мне приказали охранять упряжных лошадей моего полка, а также офицерских верховых лошадей. В 3 часа утра, когда я прибыл на место, где между лагерем нашей роты и штаб-квартирой Его Королевского Величества собирались все караулы, я нашел там часть команды, которая должна составлять 50 человек и которую должен был привести ко мне адъютант. Там уже были упряжные лошади большинства рот полка, но не хватало еще лошадей роты майора и роты подполковника. Чтобы поторопить их, я поскакал к ротам и сказал лейтенанту, чтобы они прибыли на указанное место. В этот момент я заметил Короля, который, стоя на коленях, молился во дворе своей штаб-квартиры под большим деревом. Он так страстно и искренне молился, что я не мог на это смотреть без слез, которые наполнили мои глаза. Затем я поспешил вернуться на смену караула и проверил своих людей, все ли на месте. Я разрешил им сесть на лошадей, разделил на три группы и назначил людей, которые с двух сторон присматривали за лошадьми во время движения. Майор Свинхувуд подъехал и приказал мне не заходить далеко от лагеря, а найти пастбище как можно ближе. Такое место мы нашли в 7–8 километрах от лагеря, хотя воду мы нашли только в двух километрах от пастбища. После прибытия на место, я приказал всем вместе помолиться и отпустить коней пастись на небольшом поле. Вокруг поля я расставил охрану на случай нападения врага. В полдень, когда я повел коней под охраной на водопой, я заметил в лесу несколько калмыков, однако они нас не атаковали. Мы ушли с этого места на другое поле со свежей травой, где также под охраной пасли коней. Таким образом, в течении дня я избежал нападения врага. В 9 часов вечера я прибыл в лагерь и доставил в роты коней и людей в целости. Полковник Сигрут и подполковник Драке, которые были там, когда я отправлял людей по ротам, спросили меня, как далеко я был. Они заметили, что лошади накормлены лучше, чем прежде. Я ответил, что был в 10 километрах отсюда. Они удивились, что я отважился пасти лошадей так далеко, на что я ответил, что ближе травы нет, все уже давно съедено лошадьми, которых там выпасали назначенные для этого офицеры. Потом они спросили, видел ли я или слышал врага, и я ответил, что видел только 30–40 калмыков, которые появились и ускакали недалеко от водопоя. Затем я попрощался с ними и поскакал к майору Свинхувуду доложить, что я вернулся, и все в порядке. Потом я направился в свой лагерь. Эту ночь мы провели с оружием в руках.

Июнь 7. Вечером, в обычное время, я опять заступил в караул и принял там мой старый пост в осадных траншеях.

Июнь 8. В полдень мне пришлось отвести своих людей в траншею, расположенную сразу за той, где велись осадные работы, поскольку капитан Экман и лейтенант Перман из инженерного подразделения были ранены. В 6 часов вечера, еще до того, как старый караул сменился, начался страшный ливень, какого даже те, кто старше меня, не могли припомнить. Вода заполнила траншеи, и ее уровень был выше колена. Мертвых лошадей, которые лежали на поле, унесло прочь. Потоки воды стекали в расположенную ниже долину. Ручьи, которые раньше были пересохшими, теперь превратились в большие потоки, глубина в них была больше пики (4 метра. — *О. Б.*). Когда я вернулся в свой лагерь в долине, окруженной с трех сторон холмами, я обнаружил, что палатки залило водой. Чтобы спустить воду мы вырыли небольшие канавы. Однако и ночью нам не было покоя из-за ужасного пения черепах, которых тут было очень много. Кроме того, в палатках было много мух, которые туда набились, спасаясь от дождя. Можно сказать, что во время всей осады у нас было очень мало тишины и покоя. Даже если мы не находились на посту, в течении множества ночей мы всегда были в готовности отразить нападение врага и держали свое оружие рядом. Днем, когда мы были в безопасности, мы не могли спать из-за невиданной жары, которая нас изматывала и лишала сна. Так что я с полным правом могу сказать, что после ужасно холодной зимы, которая принесла нам немало бед, настало такое же, не менее жуткое лето. Мы много в это время двигались по открытой местности, по полям, где было невозможно отыскать воду, запасы которой мы могли пополнить только в селах и городах. Нам некуда было деться от палящего солнца, так как ни лесов, ни отдельных деревьев тут не было, а тень можно было найти только в селах и городах.

Июнь 9. Вечером я принимал свой старый пост в осадных траншеях. Когда я должен был уже направляться в траншею, ко мне подошел мой деверь Петер Альстрём. По этой причине я не смог обстоятельно поговорить с ним, как следовало бы сделать. Деверь сказал, что служит квартирьером в полку Лейб-гвардии. Я попрощался с ним и отправился на смену караула. Я не мог взять деверя с собой, так как Его Королевское Величество смотрел, как мы маршировали, а он терпеть не мог присутствие посторонних в дивизионе.

Июнь 10. В полдень Его Величество пришел на мой пост, как он уже это делал много раз. Чаще всего он приходил после ужина и оставался на посту до полуночи, а иногда и до часу или двух часов ночи. Его Величество спросил меня, как часто я стою в карауле, на что я покорно ответил, что у меня один вечер на службе, один — свободен. Что касается солдат, ответил я, то они ходят в караул так же. Потом солдаты начали ругать N.N. и назвали его «*** на болоте». Они обвиняли его в том, что он никогда не принимает бой в поле. Они стреляли по шведам из болот и затем исчезали. Они боялись битвы в открытом поле. Его Величество, как и я, слышал, что говорили солдаты, но он спросил меня, что они сказали. Когда я ответил, он положил левую руку на мое правое плечо и спросил, кого они называют «*** на болоте». Когда я ответил, он отошел, а потом приказал, чтобы отныне солдатам в траншеи доставляли теплую пищу. Но о том, чтобы и офицеры ее получали, он ничего не сказал и не спросил нас об этом. Я сменился вечером как обычно.

Июнь 11. Перед самым полуднем похоронили капитана фортификации Экмана, лейтенантов Пермана и Линдроса. Их похоронили рядом с могилой майора Хокмута, который был ранен около крепости Полтава и спустя где-то три недели умер. Должность майора фортификации занимал самый старший капитан Дальхейм, на место Экмана назначили лейтенанта Шульца, а на место Шульца — кондуктора (низший офицерский чин в фортификации. — *О. Б.*), который служил в армии Левенгаупта и чье имя мне неизвестно. Помимо этого, были назначены разные офицеры, которые совсем немного понимали в фортификации, например капрал драбантов Рюгель, который несколько дней спустя был убит выстрелом в голову. Тем же вечером я заступил в караул на старый пост в той же линии осадных траншей.

Июнь 12. Вечером меня сменили в обычное время, и, кажется, за этот день не произошли ничего интересного.

Июнь 13. В 3 часа утра враг начал стрелять бомбами из своего укрепления на болоте по позиции, где находился пикет Далекарлийского полка под командой фортификационного капитана Мёрлинга. Потерь не было. В тот же день капитан Мёрлинг был ранен и позднее умер. Вечером я снова стоял в карауле и принял свой пост в осадных траншеях.

Июнь 14. Вскоре после полудня на мой пост пришел капрал драбантов Боман и спросил, нет ли здесь Его Величества. Я ответил, что Его Королевское Величество находится ближе к крепости, в поперечной линии траншей, где сейчас продолжаются работы. Я сказал, что случайно с ним встретился и имел разговор, после чего проводил капрала к входу в поперечную траншею, где мы и встретили Его Величество. Он взял меня за пуговицу (разговаривая со своими подданными, король Карл XII имел привычку крутить пуговицы на их кафтане. — *О. Б.*) на кафтане и спросил, откуда я пришел и есть ли у меня какие-нибудь новости. Он думал, что меня послал к нему полковник с каким-то сообщением. Затем я сказал, что стою в карауле в этой линии траншей, после чего он отпустил меня и отправился дальше. Вечером, как обычно, меня сменили.

15 июня. После русского «затишья» 14 июня, мы получили донесение о том, что генерал-лейтенант Хейнске (Генскин) переправился накануне ночью через Ворсклу с 14 полками (6 кавалерийских полков и 8 — пехотных, но также верхом на лошадях). С ними также были казаки и калмыки. На следующее утро они атаковали генерал-майора Крузе, который находился в Старых Санжарах с 4 полками. Им было приказано охранять русских, взятых в плен под Веприком и в других населенных пунктах. Среди пленных был 1 полковник, 1 подполковник, 2 майора, 16 других офицеров, 1570 прапорщиков и солдат. Эта атака началась в 3 часа утра и достигла города в 6 часов, когда враг начал штурмовать Старые Санжары, лежащие в 2 милях от Полтавы, окруженные палисадом и сухим рвом. Они освободили пленных, убили много наших, взяли в плен майора Ребендера из Рижского полка дворянского знамени, 1 ротмистра, 2 лейтенантов, 1 корнета, а также 25 прапорщиков и солдат. Сколько погибло наших, сказать трудно. Поскольку немного врагов осталось на месте сражения, по его докладам и доступным письменным реляциям о данном сражении, можно только предположить, что их потери составили: 1 фенрик, 1 прапорщик, 58 солдат, 39 лошадей.

Ранеными у врага, исходя из рассказов наших воинов, были: 1 майор кавалерии, 5 капитанов, 5 секунд-капитанов, 7 фенриков, 7 унтер-офицеров, 159 солдат и 40 лошадей. Это уже второй случай, который произошел с генерал-майором Крузе за последнее время. Понятно, что ему надо больше думать о безопасности и не быть таким беспечным, ведь у него в Старых Санжарах был только Рижский дворянский полк (160 человек) и еще несколько человек, включая запорожцев. Им пришлось отражать атаки врагов, как тех, что прибыли к городу, так и тех, кто был в плену. Пленные при этом начали колами и палками сражаться с нашими, чтобы освободиться. Крузе был за городом с тремя другими полками и не смог прийти на помощь, хотя и должен был, так как несколько вражеских полков, которые находились между ним и городом, воспрепятствовали этому. В этом городе, как и в Новых Санжарах, мы покупали за наличные зерно для нашей армии. Подполковник Сильфверхельм и с ним 600 человек, которых ему выделили все кавалерийские полки, находились там.

Этим же вечером, после смены, когда старый наряд шел в лагерь, Король приказал капитану Вийкстену из

Далекарлийского полка, с которым был фенрик Шварцхофф из полка Хельсинье и 50 унтер-офицеров, капралов и солдат, двигаться не к вершине уже упомянутого холма напротив крепости, где у них был пост, а вниз, к его подножью. Они должны были расположиться между крепостью и долиной, которая находится возле нее. Вероятно, это сделали для провокации осажденных в крепости сделать вылазку и выбить капитана с его позиции.

Как только капитан быстро отправился со своим небольшим отрядом на то место, которое ему, через своего генерал-адъютанта Мёллера, указал Его Королевское Величество, и которое ему надо было подготовить для обороны, он сразу же начал обороняться от напавших на него врагов. На помощь капитану пришла кавалерия из недалеко расположенного редута, в котором находился наш пост. Через час враг был вынужден отступить и укрыться в крепости. Лейтенант лейб-гвардии Бельке со своим эскадроном, в котором было 30 человек, гнал их до ворот крепости и нанес им большие потери. Что касается лейтенанта, который находился на посту в редуте вместе с ротмистром, корнетом и 75 кавалеристами, его Королевское Величество сказал, что он видел, как здорово Бельке рубил врагов вместе со своим отрядом и что такая атака доставила ему радость. Мы знаем, что король любит таких лихих воинов. Я видел все это, поскольку находился недалеко от него на холме, где раньше был мой пост, а теперь тут находится пост лейтенанта. На расстоянии четверти дальности мушкетного выстрела (около 25 метров. — *О. Б.*) находится пост, в котором находится капитан и 60 человек под командой фенрика. Этот капитан по приказу Его Королевского Величества вернулся на этот пост, а пятерых из его команды забрали. Ранения получили: генерал-адъютант Мёллер, два унтер-офицера и 10–12 солдат из моего полка. Сколько человек было убито и ранено в других полках, я не знаю, так как не получал точных сведений об этом из-за того, что тут много полков от нас далеко расположенных. Вечером я получил приказ на следующее утро охранять лошадей.

16 июня. В 3 часа утра я прибыл на развод караула. Со мною было 2 унтер-офицера и 50 человек для охраны полковых лошадей. Лошадей я пас там же, где и в первый раз. После этого никто из офицеров караула там их не пас. Поскольку в этот день враг во многих местах проявлял большую активность, ко мне прибыло три курьера, и каждый передавал приказ быть очень внимательным, такой же приказ передали и от полковника Сигурта. По этой же причине Его Королевское Величество приказал пехотным полкам, расположенным дальше, подойти поближе и расположиться за нами и теми полками, которые находятся тут с самого начала осады. Я не заметил ничего враждебного, кроме казака, который, не сворачивая, скакал прямо на меня, когда в полдень я собирался объехать все посты и предупредить, чтобы они смотрели внимательно вокруг. Я взял казака в плен, после того, как ранил его лошадь из своего пистоля, который я на поясе под перевязью держу. Возвращаясь как обычно в наш лагерь, я получил приказ полковника Сигрута, который мне передал его ординарец унтер-офицер, чтобы я был внимательным и не вел коней через расположение других полков, поскольку лошади привыкли быть в лагере не на привязи, и они могут там потеряться. Я пошел по другой дороге, которая вела к лагерю запорожцев, и мне повезло не потерять ни одной лошади. Я доставил всех их до одной в роты и подал рапорт майору Свинхувуду о том, что две красивые лошади быстро проскакали через поле и присоединились к нашим полковым лошадям. Я пригнал этих лошадей к квартире майора и оставил там под охраной. Этот майор бывает в штаб-квартире, где может найти всех полковых майоров. Скоро пришло известие, что это были лошади одного капитана из лейб-драгунского полка, и он сразу же распорядился послать за ними. Казака, которого я взял в плен, я доставил по приказу полковника Сигрута в знаменный караул, где меня расспросили обо всех обстоятельствах его пленения и обо всех, кто проходил мимо во время моего нахождения в карауле. По приказу на следующий день лошади должны были оставаться в полковом лагере и не выпускаться на пастбище. Поэтому сразу в 10 часов вечера людей направили в расположенный рядом с нами осиновый лес рвать листья и развозить их по ротам, после чего лошадей весь следующий день и даже немного дольше можно будет ими кормить. Листья рвали всю ночь.

17 июня. Около 3 часа утра полк получил приказ быстро выдвинуться вниз к болоту возле крепости, чтобы враг не осуществил свой план, поскольку он в течение ночи он проложил проход через Ворсклу справа от нашего насыпанного редута. Этот проход был прочно сделан и имел ширину, которая позволяла двигаться по нему 16 человекам. По краям прохода были устроены толстые защитные валы высотою от 4 до 5 алнаров (2,5–3,0 м. — *О. Б.*), сделанные из фашин, заполненных землей. Это было сделано для того, чтобы защитить идущих по проходу от наших шести пушек и пехоты, расположенных на холме. Валы были в рост человека и надежны, так что люди могли там свободно ходить. Враг, который таким способом думал установить свободную коммуникацию с крепостью и получить другие преимущества, приветствовал нас довольно бодро не только пушечными ядрами, но также мушкетными залпами и ручными гранатами. Так они хотели получить больше места для действий, но тут они обманулись. Наши мушкетеры и батарея на холме, у которой было шесть пушек, под командованием подполковника артиллерии и еще подполковника Поста, открыли сильный огонь по врагу, так что мы и них в долгу не остались.

Все выглядело так, будто враг хочет переправиться через реку на расстоянии ¾ мили от Полтавы по другую сторону от хутора, где капитан Лагерхельм из полка лейб-гвардии занимал свой пост, а теперь тут находится пост под командованием капитана Гюнтерфельта из лейб-драгунского полка. Московиты действовали так, чтобы выбить нас из этой позиции.

Капитан Гюнтерфельт, который, как я уже сказал, находился на посту по другую сторону от хутора, где вражеские

укрепления протянулись гораздо дальше вправо, отправил трех курьеров к Его Королевскому Величеству и к генералу Левенгаупту, которые находились у нас, с просьбой об оказании помощи. Он докладывал, что все больше и больше врагов переходят через реку. Когда Его Королевское Величество услышал несколько мушкетных залпов, доносившихся оттуда, он распорядился помочь упомянутому капитану. Он захватил с собою лейб-батальон объединенного Далекарлийского полка и полка Хельсинье, в котором я служил под командой полковника Сигрута, подполковника Свинхувуда и майора Герттена, и поспешил на помощь. Мы отправились в шесть часов утра и поскакали как могли быстро туда (по всей видимости речь идет о Нижних Млынах. — *О. Б.*), где враг уже начал переправу (через Ворсклу. — *О. Б.*) и к 8 часам утра мы прибыли туда. На месте мы обнаружили около 1200–1500 человек, которые уже переправились через Ворсклу и остановились на небольшом островке, собираясь переправиться через еще один узкий рукав реки, прежде чем атаковать нас. В этом месте батальону было трудно развернуться; часть его была на дороге, а часть — в лесу. Только наш фланг оказался напротив врага и тот открыл по нам сильный огонь. Его Королевское Величество приказал, чтобы офицер взял с собою 16–20 человек, занял позицию у изгороди, между нами и рукавом реки, через который враг должен был переправиться, и сделал несколько отпугивающих выстрелов. Для этого полковник Сигрут отправил на место, указанное Его Королевским Величеством, лейтенанта Варгера из лейб-роты Далекарлийского полка. Здесь, на все воля Божья, пролилась драгоценная кровь Его Королевского Величества, после того как вражеская пуля попала в его левую ступню. Это случилось в половине девятого утра в день рождения Его Королевского Величества. Его Величество не подал виду, что ранен и поскакал в нашу роту. Он приказал мне направить 24 человека для охраны прибывших запорожцев, которым Войнаровский приказал подойти к лесу и открыть огонь по врагу из своих прекрасных нарезных ружей. Мы должны были предупреждать прибывающие шведские части о том, что запорожцы не враги наши, а союзники. По приказу полковника Сигрута, я и унтер-офицер разместили охрану вокруг казаков, чтобы никто из наших не причинил им вреда. Об этом просил племянник Мазепы Войнаровский. Его Величество спросил меня, куда я направляюсь, на что я смиренно сообщил о полученном приказе. Потом он отъехал от нас, а я пошел к запорожцам, как мне было приказано. Я сразу почувствовал, что Его Величество получил ранение, так как он был немного грустный. Караульный офицер фенрик Титгрен, который охранял знамена в караульном помещении, находившемся недалеко от штабквартиры Его Королевского Величества, рассказал, что Его Величество, хотя он еще не получил медицинской помощи, не отправился к себе. Он отправился туда, где с утра находился подполковник Драке со вторым батальоном, чтобы встретить врага, если он большими силами захочет пробиться к городу. Драке защищался храбро, а когда враг усилил пушечный и мушкетный обстрел, что привело к потерям с нашей стороны, приказал насыпать бруствер для лучшей защиты людей. На его позиции было несколько пушек, они хорошо обстреливали проход к крепости, так что врагу пришлось оттуда уходить. Через час Его Величество направился в свою штаб-квартиру.

Полковник Сигрут с лейб-батальоном отправился с того места, где мы стояли, на помощь второму батальону подполковника Драке, который имел много хлопот с врагом. В это время запорожцы, которых мы охраняли, сумели своей стрельбой нанести московитам большой урон. Они так стреляли так, что враг был вынужден отойти от упомянутого островка к своим траншеям, расположенным у реки, оставив на месте сражения сотню или более убитыми. С нашей стороны было не более двух раненых. Когда мы возвращались оттуда, мы встретили лейб-драгунов и драгунский полк Веннерштедта, которые направлялись (в Нижние Млыны. — *О. Б.*) наблюдать за врагом. Около часа дня мы прибыли к упомянутому второму батальону. К этому времени враг уже отвел свои силы, поняв, что в этот раз наступление не удалось. Теперь целому полку там нечего было делать и мы с батальоном направились в наш лагерь, оставив подполковника Драке с его вторым батальоном (защищать подступы к крепости со стороны Ворсклы. — *О. Б.*). Тем же утром Его Превосходительство фельдмаршал Реншильд вывел большую часть шведской армии в поле между селами Жуки и Петровка. Вместе с ним был запорожский полевой командир Мазепа с частью его войска. Вражеский ретраншемент на этой стороне (Ворсклы. — *О. Б.*) протянулся до этих сел и теперь длина их лагеря составляет две с четвертью мили (22,5 км. — *О. Б.*). Причиной такого выведения нашей армии в поле было то, что враг вышел из лагеря и приготовился к сражению, однако дальше этого дело не пошло.

Как только враг начал движение, Его Превосходительство фельдмаршал Реншильд отправил своего адъютанта — драбанта графа Дугласа к Его Королевскому Величеству с рапортом, в котором он докладывал о том, что произошло, и просил указаний по поводу дальнейших действий. Примерно в полдень адъютант получил ответ, в котором говорилось, что Его Величество был ранен и никаких приказов от него не будет, поэтому фельдмаршал должен сам решить, атаковать ему врага или отойти. После этого Его Превосходительство фельдмаршал отдал приказ войскам вернуться в лагерь и находиться в боевой готовности. Больше в этот день ничего не произошло.

18 июня. Ночью русские пытались силой прорваться в город Полтаву, но остатки нашего полка и 3 других полка находились в земляном укреплении и были начеку. Это укрепление мы сделали на берегу Ворсклы напротив врага, который был на другом берегу. Мы были готовы встретить врага, он получил такой отпор, что понял бесцельность всех попыток перейти на нашу сторону реки. Московиты потеряли около сотни человек и были вынуждены покинуть все сделанные ими батареи, шанцы, ретраншементы (русская

армия ушла на север и переправилась через Ворсклу возле Семеновки и Петровки. — *О. Б.*). На следующее утро наши валахи сожгли все эти укрепления дотла и доставили к нам несколько военнопленных, которых они нашли в разных потайных местах. Они спали, так как очень устали или были пьяными, когда враг уходил оттуда. Они ничего не знали о планах и действиях врага, хотя и были хорошо допрошены

19 июня. В нашей роте, а может быть в роте из Моры изготовили носилки для лошади, чтобы Его Величество мог ездить верхом. Утром я заступил в караул в осадных траншеях и получил приказ занять свой предыдущий и привычный для меня пост. Тех, кто там нес службу, не сменяли два дня, так как мы вместе со всею армией были подняты по тревоге и находились в такой же готовности, как и те, кто были в карауле.

20 июня. Вечером фенрик Титгрен сменил меня, и более ничего особенного за эти сутки не произошло.

21 июня. Караул не сменили, он продолжил нести службу на том же месте, а полк готовился к выступлению.

22 июня. Наш караул сменили, наши осадные траншеи и редут заняли Седерманландский полк под командованием полковника Вайденхайма и Смоландский полк под командованием полковника Кронмана. Они также заняли наш лагерь и все, что мы там построили. Мы же со своим полком вышли на поле, где большая часть армии уже построилась в боевой порядок. Все это произошло оттого, что мы получили сообщение о том, что враг хочет с нами в открытом поле сойтись в честном бою. Поэтому мы стояли там, построенные в боевой порядок, но враг не появился до 3 или 4 часов дня и стало понятно, что враг передумал и остался в своем удобном и сильном укреплении. Они отказались от сражения, несмотря на их преимущество в людях, несмотря на то, что еще не все наши войска подошли на поле, а те, что подошли, были ослаблены большими потерями, пройденными в прошлом сложными маршами, голодом, холодом, сражениями, неожиданными стычками с врагом и тяжелыми потерями при штурме Веприка. Вся армия в 15:45 перешла на другую сторону города. Все пехотные полки расположилась возле монастыря, где во время осады располагалась лейб-гвардия, которая сейчас опять сюда вернулась. Тут же расположился и Его Величество. Однако, наш и другие полки расположились ближе к большим вишневым садам и маленьким виноградникам на склоне холма. Кавалерия отошла от нас на 7,5 км, остался только драгунский полк Шрайтенфельта для несения караульной службы.

N. B. В тот же день к Его Королевскому Величеству прибыл господин Клинкострём — посланник короля Станислава (Лещинского. — *О. Б.*), однако какое у него было предписание нам не известно, поскольку, как я уже говорил, вся армия тогда находилась на поле в боевых порядках. Среди солдат поговаривают о том, что в 10 милях от нас (100 км. — *О. Б.*) должен находится упомянутый король Польши с большим войском. Скорее всего, этот слух распространило высшее командование, чтобы подбодрить людей уже начавших терять мужество и приходить в грустное настроение из-за лишений, которые мы претерпевали, и которых в армии было более чем достаточно.

Тот же… полковник Сандул… шведские валахи… в апреле месяце были Его Королевским Величеством и Мазепой… из Будыщ к крымским татарам отправлены… армейский обоз был отправлен в сопровождении… (Последняя страница дневника настолько потерта и изорвана, что текст прочитать невозможно. — *Прим. пер.*)[255].

№ 283
Петер Шенстрем
Реляція про бій під Полтавою з деякими роздумами щодо двох попередніх кампаній

Коли Карл (Charles) XII востаннє перебував у Саксонії (Saxony), він був би вельми радий укласти мир із царем. Якби тоді король погодився прийняти таке рішення, то в тій ситуації це було б дуже розумно й славетно для шведів (Sweden).

Цар дійсно пропонував укласти мир, але короля не задовольняла обов’язкова умова (condition sine qua non) стосовно того, що його супротивник категорично відстоював право залишити за собою порт Петербург (Petersbourg) на Балтійському (Baltick) морі, що було для короля неприпустимим, оскільки це докорінно змінювало всю систему нашої політики.

Окрім цього, цар мав дуже тісні стосунки з німецьким імператором, Англією (England) та Голландією (Holland), які розпалювали цю війну для того, щоб остудити запал молодого шведського (Swedish) завойовника, чия дружба з Францією (France) вселяла в них тривогу. Приблизно в цей час було перехоплено декілька листів, в яких царю радили перш ніж відмовитися від своїх територіальних претензій, спустошити там землі й зруйнувати маєтки.

Карл (Charles) XII, який вважав себе керівником найкращої й найбойовитішої армії, що, можливо, будь-коли існувала, натхненний своїми значними успіхами, у сприятливих для себе умовах вирушив із Саксонії (Saxony), щоб утихомирити свого запеклого ворога й забезпечити, наскільки це було можливо, майбутній спокій Півночі, але особливо, щоб залишити росіян (Russians) у межах їх древніх кордонів.

Проте було цілком очевидно, що його величність із жалем покидав Німеччину (Germany), де він бажав залишитися, щоб бути посередником між Францією (France)

[255] *Безверхній О.* Щоденник шведського фенріка Роберта Петре як важливе джерело інформації про перебіг подій Великої Північної війни в Україні // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха : зб. наук. пр. / Нац. акад. наук України, Ін-т історії України, Держ. ком. арх. України; відп. ред. В. А. Смолій [та ін.]. — К. : [б.в.], 2008. — С. 380–396.

й союзниками; але доля цього хороброго правителя була визначена на небесах, і він усупереч своїй волі став перед низкою труднощів та невдач, які майже неминуче чекали на нього, і яким він міг протиставити лише всю свою хоробрість, що підтримувала його, у чому ми й матимемо змогу надалі пересвідчитися в цьому описі.

Як тільки король увійшов до Польщі (Poland), росіяни (Russians) відступили, а відходячи назад, палили, руйнували й грабували все, що зустрічалося в них на шляху, не вступаючи у вирішальний бій. Таким чином наша армія перетинала Польщу (Poland), інколи наближаючись до кордонів Пруссії (Prussia), аж поки король не привів її на зимові квартири у Велике князівство Литовське (Lithuania), де він обрав для своєї штаб-квартири маленьке місто Радошковичі (Radeschowitz) біля Вільно (Wilna).

Настав час розпочинати великий наступ, було неясно, якою дорогою потрібно переслідувати супротивника; а це було можливо здійснити двома з них. Перша вела до Полоцька (Polokskо), звідки можна було легко повернути в бік Новгорода й там з'єднатися з армією графа Левенгаупта (Lowenhaupt) та генерала Лібекера (Lybecker); проте після обговорення даного питання на військовій раді, дійшли висновку, що в цій провінції неможливо прогодувати три шведські армії. До того ж цар не відмовився від свого принципу й продовжував палити й руйнувати місцевість, через яку ми повинні були пройти; у цій частині своїх володінь він міг це легко робити. Ми могли б спокійно вирушити в Лівонію (Livonia); але це був бідний регіон, так само як і Естонія (Estonia) та Інгрія (Ingria), багатостраждальний край, що був нездатний прогодувати навіть невелику армію, а прилеглі райони були також у таких умовах, що були ще менш спроможні забезпечити підтримкою як нашу піхоту, так і кінноту. Ще менш зручним був для нас похід на Москву (Moscow) через Тверське (Twer) князівство по суцільних лісах, що вкривали цю місцевість, а також через Новгородське (Novogorod) князівство, в якому було лише дві дороги, що були спотворені багнюкою й болотами, й легко могли б бути перетворені ворогом у непрохідні; перша вела безпосередньо до Твері (Twer)*, а друга — до Тушиного (Tissina).

Усі ці труднощі були для нас нездоланними, тому було прийняте рішення не думати більше про цей шлях, тим більше, що ми сподівалися на те, що генерал Лібекер (Lybecker) мав досить сил для вторгнення в район Новгорода (Novogorod) й Пскова (Pleskow), що мало змусити царя тримати тут головні сили своєї армії для протистояння його величності.

Після того, як вищеназвані маршрути відхилили, було обговорено можливість прямувати в напрямку Смоленська (Smolensko). На цьому шляху були ті ж самі труднощі, зважаючи на значні ліси й болота, через які армія повинна була прямувати декілька днів поспіль. Ці ліси починалися під Смоленськом (Smolensko) і тягнулися до Можайська (Mosako), яке вже було неподалік від Москви (Moscow). Найбільші труднощі полягали навіть не в подоланні перепон, пов'язаних з переходом через ліс, а в тому, що цар спустошив цю місцевість до такої міри, що наша армія не змогла б знайти там ні продовольства, ні фуражу, ні зимових квартир. Окрім усіх інших причин, що змушували короля відмовитися від цих двох маршрутів, залишалася ще одна значна перешкода, яку потрібно було здолати, і яка стосувалася попереднього напрямку. Полягала вона в тому, що перш, ніж рухатися далі, потрібно було захопити міста Псков (Pleskow) і Новгород (Novogorod); після цього можна було б братися за Смоленськ (Smolensko), облога якого могла б надовго затримати наш похід.

Усе це спонукало короля обрати інший намір, який полягав у русі до Могильова (Mohilow) та Кричева (Kritzowa), а звідти через ліси Сіверщини (Severia) до Стародуба (Starodub), маленького містечка цієї провінції. Цар, за рекомендацією Мазепи (Mazeppa), гетьмана (Hettman) чи головного командира козаків, довірив управління цією провінцією й містечком Стародубом (Starodub) полковнику на ім'я Скоропадський (Skoropatski), який мав полк з кількома тисячами козаків, але який, будучи їх полковником, виконував накази гетьмана (Hettman). Король охоче обрав цю дорогу через нову угоду, яку він особисто уклав з Мазепою (Mazeppa). Той розумів, що це не сподобається царю, але він уже давно висловлював палке бажання позбутися його ярма й стати під захист короля Швеції (Sweden), чиє добре ім'я справило на нього незабутнє враження. До цього союзу також входив польський (Poland) король Станіслав (Stanislaus). Пункти угоди, які Мазепа (Mazeppa) ухвалив зі шведським (Sweden) королем, щоб отримати його дружбу й захист, були наступними:

«По-перше, він зобов'язується прийняти його величність шведського (Swedish) короля в провінції Сіверщина (Severia) й віддати йому всі фортеці, а саме Стародуб (Starodub), Новогород (Hovogrodk) чи Новгород-Сіверський (Novogorod, Serviersky), Мглин (Blin), Брянськ (Bransk) та інші, які раніше належали до Великого Князівства Литовського (Lithuania), а на даний час слугували в якості прикордонних фортець цього князівства. Цією провінцією в даний час управляв головнокомандуючий Мазепа (Mazeppa), який був призначений сюди за наказом царя. Полковник Скоропадський (Skoropatski), чий полк перебував, за їх словами, в Україні (Ukrain), виконував накази Мазепи (Mazeppa).

По-друге, його величність міг зупинитися на зимових квартирах у цій провінції, поки Мазепа (Mazeppa) не збере все козацьке військо й не приведе до війська союзників козаків з-під Бєлгорода (Bialogard), а також з Дону (Don), де всі були незадоволені тиранічним правлінням росіян

* Цю дорогу, яку зараз назвали Великою перспективою (The great Perspective), прорубав цар Петро (Peter), починалася вона в Старій Русі (Stara Russia) й вела до Твері (Twer); уздовж її не було сіл і там можна було зустріти лише декілька убогих халуп, розміщених на певній відстані одна від одної, в яких за необхідності тимчасово зупинялися мандрівники.

(Russians), які разом з царем мало-помалу позбавляли їх усіх їхніх привілеїв.

По-третє, Мазепа (Mazeppa) повинен прагнути залучити до цього союзу калмицького хана (Chan) Аюку (Ajuka).

По-четверте, як тільки Мазепа (Mazeppa) виконає перші три пункти, його величність відразу зніметься з місця й вирушить прямо на Москву (Moscow)*, одночасно Мазепа (Mazeppa) зі свого боку повинен приєднатися до нього з усім своїм військом, включно з козаками з-під Бєлгорода (Bialogorod) та Дону (Don) та з незадоволеними калмиками. Що ж до забезпечення шведської армії засобами існування, то Мазепа (Mazeppa) зобов'язувався постачати їй продовольство з України (Ukrain) та з району Бєлгорода (Bialogorod), де знаходилися одні з найродючіших ґрунтів у всьому світі. Саме цими заходами союзники мали примусити царя відступити на північ від Москви (Moscow) й далі за Волгу (Volga), де землі не були такими родючими, як на півдні, і де в жодному разі не можна було утримувати таку велику армію, як у нього. Усе це разом узяте, а також те, що росіяни остерігалися вступати у відкриту сутичку з нами, хоч кількісно вони нас втричі переважали, ставило шведську армію перед необхідністю відновлення законності повсюдно, де б цар її неминуче втрачав, в той час як його армія, бажаючи вижити й маючи значну кількість невдоволених, була б змушена, виходячи з вищезазначеного, розпуститися або підкоритися завойовнику».

Хоча ці добре виважені проєкти небезпідставно давали реальні надії на успіх, король Станіслав (Stanislaus), маючи під боком основу шведської армії під командуванням генерал-майора Крассау (Crassau), нехтував усім і зі свого боку не робив нічого, займаючись боротьбою з іншими поляками, які під назвою конфедератів збунтувалися проти нього в деяких провінціях. Було вирішено, що як тільки король схилить цих невдоволених до покори, відразу буде віддано наказ про вступ польського війська на територію Росії (Russia) у двох різних місцях: королівська армія вирушить у бік Києва (Kiow), а підрозділи з Литви (Lithuania) підуть у наступ на Смоленськ (Smolensko). Зрештою, ми втішали себе надією, що вторгнення генерал-майора Лібекера (Lybecker) з армією в кількості 12000 до Інгрії (Ingria) безумовно додасть царю турбот, залишивши його без ресурсів у випадку завоювання генералом цієї провінції. Петербург (Petersbourg) було б спалено, а після цього наступ продовжився б у райони Новгорода (Novogorod) та Пскова (Pleskow). У разі потреби цю армію можна було б підсилити загонами з гарнізонів Риги (Riga) й Ревеля (Revel); це було б уже нескладно через відсутність побоювання залишити їх беззахисними, проте це все було б, якби Лібекер (Lybecker) мав більше хисту й удачі в своєму поході.

Союз, що був створений Мазепою (Mazeppa) й поляками (Poles), ґрунтувався на наступних положеннях:

«По-перше, Мазепа (Mazeppa) повинен точно виконати всі з вищезазначених зобов'язань, а саме: віддати провінцію Сіверщину (Severia) королю Швеції (Sweden) з усіма її фортецями і т.д.

По-друге, він повинен обіцяти за першим же наказом короля бути напоготові для виступу з усією армією козаків.

По-третє, він повинен здійснити спробу привести козаків з-під Бєлгорода (Bialogrod) та Дону (Don), а також залучити до цього союзу калмицького хана (Chan) Аюку (Ajuka).

По-четверте, він повинен повернути полякам (Poles) всю Україну (Ukrain), яка разом із Сіверщиною (Severia) та провінціями Києва (Kiow), Чернігова (Zschernikow) та Смоленська (Smolensko) повинна була повернутися під польське (Polish) управління. Як винагороду за це, поляки обіцяли Мазепі (Mazeppa) надати йому титул князя на тих самих умовах, на яких герцог Курляндський (Courland) володів своєю територією, включно з Вітебським (Witepsky) та Полоцьким (Polofsko) воєводствами.

Потім було призначено день, до якого Мазепа (Mazeppa) повинен був донести всі ці умови до своїх полковників і схилити їх до добровільної згоди, переконавши їх у безсумнівних перевагах, які вони отримають, відновлюючи свої колишні свободи, від яких росіяни залишили лише тінь».

Такими були умови цього договору, який був укладений так уміло й настільки таємно, що ніхто не мав ані найменшої відомості про нього, окрім короля Швеції (Sweden), короля Станіслава (Stanislaus), Мазепи (Mazeppa), графа Піпера (Piper), якогось польського (Polish) сенатора, чиє ім'я я забув, і архієпископа чи то Сербії (Servia) чи Болгарії (Bulgaria), який був з невідомих мені причин вигнаний зі своєї країни. Цей останній вів усю цю справу й постійно перебував під час переговорів у шведській (Swedish) армії. У Мазепи (Mazeppa) той не викликав підозр, оскільки був православної (Greek) віри й до того ж вигнанець, окрім того, він одягався як жебрак і в кожному місті просив милостиню.

Усі ці угоди були настільки добре узгоджені й так спритно ухвалені, що кожна розумна людина, ознайомившись з ними, повинна була погодитися стосовно їх вигідності для Швеції (Sweden), а також з тим, що цар повинен до кінця року прийняти ті умови миру, які король Швеції (Sweden) йому запропонує. Але, оскільки шляхи Всевишнього нам невідомі, то часто його наймудріші й найрозсудливіші поради зневажають, а приймають зовсім інше рішення, яке є більш спокусливим, як це насправді сталося під час цього походу в Україну (Ukrain), який зрештою став фатальним для Швеції (Sweden).

* Уся місцевість між Сіверщиною (Severia) й Москвою (Moscow) рівнинна й надзвичайно родюча. Поля засіяні хлібом для людей, а для коней є чудові пасовища. Трава тут росте така густа, що її всю неможливо відразу покосити, вона залишається такою високою, що одночасно її вистачає для годівлі коней у дорозі; ось тому для царя було так важливо цілковито спустошити вздовж дороги цей чудовий край, в якому напевно можна було б утримувати шведську (Swedish) армію з її кіннотою та піхотою.

Коли Карл (Charles) XII починав цей похід, він мав під своїм командуванням близько двадцяти полків; Швеція (Sweden) до того ніколи не бачила ні такого величезного війська, ні того, як можна управляти військом так вміло, талановито й розсудливо, як це робив Карл (Charles) XII на початку цих переговорів у 1708 році. Ніколи королівство не мало на чолі своєї армії сміливішого й активнішого правителя, дійсно кращого воїна, ніж Карл (Charles) XII, а сам король ніколи не мав боєздатнішої армії, дисциплінованішого й відданішого війська, ніж те, яке було в той час. Незважаючи на наші невдачі, які свідчили, що небеса були не досить прихильні до Швеції (Sweden) й покарали її фатальною кампанією 1709 року, у той же час вони піднесли Карла (Charles) XII над усіма монархами й усіма героями, які передували йому*, давши йому можливість продемонструвати перед усім світом неймовірну стійкість і твердість характеру, що затьмарило всі негаразди й висвітлило всі інші чудові якості, які були притаманні цьому правителю**.

Згадуючи події тих часів, не перестаєш дивуватися. Насправді ми вийшли із Саксонії (Saxony), коли всі обставини були проти нас. Упродовж літа 1708 року постійно лили дощі, а на початку 1709 року була така незвично люта зима, що схожої люди й не пам'ятали. До цього ще можна додати, що шведські (Swedish) генерали, які командували окремими підрозділами армії, допустили декілька помилок і зазнавали невдач майже повсюди, через що основні сили армії під командуванням його величності дуже потерпали. Проте його величність ніколи не був великодушнішим, ніж у той час. Він був разом зі своєю армією, яка страждала кожного дня від утоми й постійної праці, від сутичок і боїв, хоч до цього вони завжди отримували найкраще. Незважаючи на те, що голод, злидні й холод завдавали армії щоденних великих втрат, він не міг її поповнювати через значну віддаленість від Швеції (Sweden). Не звертаючи уваги на невдачі, його величність продовжував тіснити противника, який був принаймні в чотири рази сильнішим, змушуючи його ховатися за річками та болотами або озброюватися до зубів у той час, як наші власні війська, що налічували не більше двадцяти тисяч чоловік, включно з хворими та пораненими, були для їх же безпеки розділені на декілька манших підрозділів і ніколи не дозволяли собі окопуватися. У 1708 році, коли Карл (Charles) XII полишив свої зимові квартири, щоб вирушити в наступ, його армія складалася з наступних полків:

Армія його величності короля Швеції (Sweden)

Кіннота:

Драбанти (Drabans);
Кінна гвардія;
Дворянський полк;
Полк Остгота (Ostrogoths);
Полк Ніланда (Nyland);
Полк Смоланда (Smoland);
Полк Норд-Сканія (North-Scania);
Полк Саут-Сканія (South-Scania);
Полк драгунів під командуванням Крузе (Cruse).

Драгуни:

Гвардія драгунів Бухвальда (Buchwald);
Принца Вюртенберзького (Wurtenberg);
Меєрфельда (Meyerfeld);
Дюкера (Duker);
Тауба (Taub);
Гіленштірни (Gyllenstyerna);
Альбедібла (Albedybl).

Піхота:

Гвардійські полки:

— Упланда (Upland);
— Вестамланда (Westamland);
— Зюдерманланда (Sudermanland);
— Далкарлії (Dalcarlia);
— Вестбота (Westerbothn);
— Вермланда (Wermland);
— Скатборга (Scataborg);
— Остгота (Ostrogothia);
— Кальмара (Calmar);
— Кронберга (Croneberg);
— Йонкьопінга (Jonkioping).

Окрім цих полків, його величність мав належним чином обладнаний обоз артилерії й частину артилерійського полку, а також кілька сотень кінних ополченців, що постійно охороняли королівський обоз і його канцелярію разом з кількома загонами волохів під керівництвом генерал-ад'ютанта пана Каніфера (Kanifer) та полковника Сандула (Sandul).

Його величність залишив у Польщі (Poland) під командуванням генерал-майора Крассау (Crassau) для підтримки короля Станіслава (Staniwslaus) наступні полки:

Армія Крассау (Crassau)

Драгуни:

Крассау (Crassau),
Мюллера (Muller),
Маршала (Marschal),
Зюліха (Zulich).

Піхота:

Полк Горна (Horn) або щеттінський (Stetin);
Полк Екеблада (Eckeblad) в Ельбінгу (Elbing).

У Померанії (Pomerania) й у князівстві Бремен (Bremen) розміщувалися наступні полки, з котрих деякі за необхідності мали приєднатися по команді до армії Крассау (Crassau):

У Померанії (Pomerania), Бремені (Bremen) й князівстві Декс-Понтс (Deux-Ponts):

Чотири полки кінноти:

Полк у Померанії (Pomerania)
під командуваннямВольфрата (Wolfrath);

* Див. «Полібія» (Polybius) авторства шевальє Фолларда (Follard), том 5, видано в Амстердамі (Amsterdam) в 1729 р., с. 132, де Карла (Charles) XII порівнюють з Александром Великим (Alexander the Great).

** Фоллард (Follard), там само, с. 406, де згадується Карл Сміливий (Charles the Bold), герцог бургундський (Burgundy) тощо.

У Бремені (Bremen)
під командуванням Горна (Horn);
Два полки дворян у Померанії (Pomerania)
та Бремені (Bremen).

Піхота:

Другий щеттінський (Stetin) полк
під командуванням Стюарта (Stuart);
Полк Штральсунда (Stralsund)
під командуванням Шульца (Schultz);
Вісмара (Wismar) під
командуванням Рідербілма (Ridderbielm);
Полк Палмквіста (Palmquist);
Брейтбольца (Breitboltz), іноземці;
Один батальйон у князівстві
Декс-Понтс (Deux-Ponts);
У місті Штаде (Stade) — батальйони Гіленштірни
(Gyllenstierna) й Веллінга (Welling).

Його величність шведський (Swedish) король наказав залишатися у Швеції (Sweden) наступним полкам:

У Швеції (Sweden):

Драгуни:

Полк Вестгот (Westrogoths), той що під
керівництвом полковника Асхенберга
(Aschenberg);
Драгунські полки під командуванням
Леєнбуфвуда (Leyenbufwud)
й Гілленштірни (Gyllenstierna);
Полк драгунів під командуванням Гірти (Hierta);
Полк Бабуса (Babus) під командуванням
Рамсверда (Ramswerd), а пізніше Крузе (Cruse);
Дві сотні драгунів у Фемптланді (Femptland).

Піхота:

Дві сотні піхотинців із гвардійського полку
під командуванням Гамільтона (Hamilton)
в гарнізоні Стокгольма (Stockholm).
Полк Вондер-Нота (Vonder-Noth);
Фемптланда (Femptland);
Бйорроборг-Лена (Biorroborg-Lehn).
Один батальйон Вормланда (Wornland);
Полк Вестгьотадабла (Westgiotadabl);
Ельфборга (Elfbourg);
Гетеборга під командуванням Коблера (Kobler);
Зінклера (Zinclair);
Мальме (Malmo);
Блакитна гвардія або полк Ландскрона
(Landscrona).

Перед тим, як король розпочав свою кампанію 1708 року, він віддав наказ генерал-майору Лібекеру (Lybecker) переправитися через Неву (Niewa) і вступити зі своєю армією в Інгрію (Ingria). Його армія складалася з таких полків:

Фінська (Finland) армія:

Кіннота:

Тісенбаусена (Tisenbausen);
Аболенс-Фордубблінга (Abolehns-Fordubbling)*;
Ніланда (Niland);
Виборга (Wiborg).

Драгуни:

Хартфебра (Hartfebr).

Піхота:

Полк Таваcтбуса (Tavastbus) під командуванням
Хартфера (Hartfehr);
Один батальйон нарвського (Narva) полку
в гарнізоні討Кексбольма (Kexbolm);
Полк Остбот-Фордублінга (Osterboht-Fordubbling);
Полк Бьорнеборга (Biorneborg);
Полк Аболена (Abolehn);
Полк Ніланда (Nyland);
Полк Тавастбуса (Tavastbus);
Полк Виборг-Лебна (Wiborg-Lebn);
Полк Саволакса (Savolax). Цей останній полк був сформований у Саксонії (Saxon) з полонених, яких король Август (Augustus) залишив шведському королю за умовами миру в Альт-Ранштадті (Alt-Ranstadt). Ними керував пан Шоммер (Schommer). Іншими головними офіцерами були Штральборг (Stralborg), Бойє (Boye), Зойленберг (Zeulenberg) та ін.

Що ж стосується переправи Лібекера (Lybecker) через Неву (Niewa), то оскільки я не був там присутнім, то я її й не перетинав. На моє переконання, важко пригадати настільки безславну й згубну експедицію, якою був похід у Інгрію (Ingria): я називаю її фатальною навіть не з міркувань такої кількості необов’язкових втрат, яких зазнала наша кіннота в поспішному відступі, під час якого ворог здобув декілька сотень полонених; а головним чином я її називаю фатальною тому, що росіяни (Russians) після нашого відступу змогли вільно відвести свої загони з Інгрії (Ingria), а також підсилити свою армію. Отримавши через це значну перевагу, вони потім скористалися нею, коли атакували полковника Левенгаупта (Lowenhoupt) й здобули перемогу в кривавій битві під Лісною (Liesna). Важливим було те, що втрати Левенгаупта (Lowenhoupt) в цій сутичці позначилися опісля на поразці всієї нашої армії й привели наше королівство на край розвалу, про що мова піде далі.

Але перед тим, як вести розповідь далі, я спинюся на тих полках, з яких складалася армія Левенгаупта (Lowenhoupt); згодом я нагадаю накази, які король надіслав йому після розгрому, і згідно з якими він мав зі своїми загонами приєднатися до його величності.

Армія Левенгаупта (Lowenhoupt):

Кіннота:

Полк дворян в Ризі (Riga);
Аболена (Abolehn);
Карелії (Carelia).

Драгуни:

Фінські (Finland) драгуни Фогена (Fogen);
Полк Веннерштедта (Wennerstedt).

* Полк Фордубблінг (Fordubbling) був другим полком, який стояв на постої в цьому районі.

Полк Шліппенбаха (Schlippenbach);
Шрейтерфельда (Schreiterfeld);
Ескадрон Скога (Skog).
Піхота:
Полк Гельсінгланда (Helsingland);
полковника Левенгаупта (Lowenhoupt);
Банера (Banner).
Батальйон Бергоу Шталя (Bergou of Stal);
Бьорнеборга (Biorneborg)
під командуванням генерал-майора
Штакельберга (Stakelberg);
Батальйон Аболена (Abolehn)
під командуванням полковника
де ля Гардьє (de la Gardie);
Один батальйон Остбота (Osterbothn);
Один батальйон Ніланда (Nyland).
Наступні підрозділи були залишені в Лівонії (Livonia):
Лівонська (Livonian) армія:
Кіннота:
Полк дворян Естонії (Esthonia)/
Драгуни:
Полк Бромса (Broms).
Піхота:
У Ревелі (Revel):
Батальйон Меліна (Melyn);
Ловена (Lowen);
два батальйони Віке (Wyke);
один батальйон Палена (Palen).
У Пернау (Pernau):
Батальйон Шенгеля (Schengel);
Карла Адама Штакельберга (Carl Adam Stakelberg);
У Ризі (Riga) та Дунамунді (Dunamund):
Полк Клотта (Clott);
Полк Гіллеборда (Hillebord);
Батальйон Виборга (Wiborg);
Саволакса (Savolax);
Остбота (Osterbothn);
Нірота (Nieroth);
Полк Менгдена (Mengden);
Полк Бекера (Becker);
Батальйон Озела (Ossel) під командуванням
лейтенанта Саффа (Saff).

Такою була грізна сила Швеції (Sweden) в 1708 році. Коли його величність призначив Мазепі (Mazeppa) день для знайомства його полковників з союзниками — Швецією (Sweden) й Польщею (Poland), він повідомив йому також про час, коли він вирішив переправитися через Дніпро (Dnieper) чи Борисфен (Boristhenes) і одночасно надіслав наказ графу Левенгаупту (Lowenhaupt), згідно з яким той повинен був у визначений день вирушити на з’єднання з армією короля й доставити йому провізію на декілька місяців.

Невідомо, чи може ці накази довго залежалися в канцелярії, перш ніж вони були відправлені, чи то кур’єр затримався занадто довго в дорозі, чи, може, дійсно граф, який був, окрім усього, ще й дуже розсудливим і досвідченим генералом, не сприйняв усерйоз укладення союзу з командармом Мазепою (Mazeppa) та не повірив у необхідність накопичення провіанту та інших речей, необхідних для ведення успішної війни в цій спустошеній країні, тобто в те, що мав на увазі його величність, коли наказував йому прискорити свій виступ. Але якби він розпочав свій похід у день, встановлений його величністю, то наказ щодо провіанту був би виконаний ретельно й старанно. Зрештою, якими б не були причини всього цього, фатальна затримка походу Левенгаупта (Lowenhaupt) й недотримання ним встановлених термінів стали реальною причиною нещасть, які після цього випали на долю короля Швеції (Sweden).

Після того, як король полишив свої зимові квартири й швидко переправився через Березину (Bereniza), він в бою під Головчином (Holocozin) розбив росіян (Russians), згодом вирушив прямо до Дніпра (Dnieper), де він сподівався з’єднатися з графом Левенгауптом (Lowenhaupt); проте, коли призначений ним і Мазепою (Mazeppa) час сплив, а король усе ще продовжував біля Дніпра (Dnieper) очікувати на прихід Левенгаупта (Lowenhaupt), Мазепа (Mazeppa) нагадав його величності, що він уже оголосив своїм полковникам про союз з королем, який він уклав з надією скинути російське ярмо, і попросив його не затримувати свого походу, поки деякі з його полковників не змінили своєї думки, а цар про все не дізнався.

Його величність опинився в ситуації невизначеності, не знаючи, як тепер чинити. З одного боку, він ясно бачив, що якщо він далі чекатиме на Левенгаупта (Lowenhaupt), то увесь його грандіозний і ретельний план, який він розробив з Мазепою (Mazeppa), не має шансів на успішне здійснення; а з іншого боку, він чітко розумів важливість цього з’єднання, без якого армія Левенгаупта (Lowenhaupt) потрапляляла в небезпеку бути втраченою. Зрештою, він вирішив, що ліпше залишитися без цієї армії, ніж втратити переваги, на які він очікував від союзу, укладеного з козаками, оскільки був переконаний, що якщо він зараз не скористається цією сприятливою можливістю, яка значно послаблює силу росіян (Russians), то вже ніколи не отримає нічого подібного.

Крім того, король вважав, що якщо графа Левенгаупта (Lowenhaupt) атакують росіяни (Russians), у того буде достатня кількість війська, щоб дати їм відсіч; при цьому він дуже добре знав силу царської армії, яка йому протистояла. Оскільки його величність ще не був поінформований про безуспішний похід Лібекера (Lybecker), він не міг передбачити підкріплення, яке тепер могло надійти ворогу з Інгрії (Ingria), надавши армії супротивника досить значної кількісної переваги над армією графа.

Я не буду тут в деталях описувати цей похід генерала, атаку на нього росіян (Russians), героїчну оборону його армії в битві при Лісній (Liesna), де шість тисяч шведів (Swedish) витримали натиск тридцяти тисяч росіян (Russians), за цілий день не відступивши ні на дюйм; я не буду нічого говорити про талановите керівництво генерала після цієї

події, у результаті якого решта армії безпечно прибула до короля; усе це дуже добре викладене в мемуарах Густава Адлерфельда (Gustavus Adlerfelt). Я обмежуся описом наступного копіткого походу королівської армії, який вона здійснила в Україну (Ukrain).

Після того, як король переправився через Дніпро (Dnieper) біля Могильова (Mohilow), він здійснив маневр з наміром рухатися в напрямку Смоленська (Smolensko) для того, щоб змусити царя повернути всі свої війська в цей бік. Це дало б Мазепі (Mazeppa) простір для того, щоб діяти з допомогою шведів вільніше й успішніше на території Сіверщини (Severia) й України (Ukrain). Його величність, як і раніше, вірив, що переслідуючи противника без упину, він змусить його зрештою зупинитися; проте все було марно, першочерговим правилом ворога був постійний відступ, у ході якого вони спалювали та спустошували всю місцевість, через яку ми мали слідувати за ним.

Доречно зазначити, що місцевість по інший бік Дніпра (Dnieper) називається Мстиславське (Mizieslaw) воєводство, яке належить Польщі (Poland) й Литві (Lithuania), і що ця область, якщо так можна висловитися, вся вкрита болотами. Оскільки постійні дощі в 1708 році зробили практично непрохідними всі дороги, навіть ті, які були в інший час кращими за інші, можна тільки собі уявити, як страждала армія в країні повної боліт; тим більше, що цар отримував перевагу з того, що рухався завжди через болота, з'являючись то в одному, то в іншому місці, щоб замаскувати свій відступ, спалюючи при цьому всі міста й села й спустошуючи таким чином всю країну.

Незважаючи на всі ці перешкоди, король переслідував царя настільки активно, що жоден день не проходив без якогось бою або сутички між двома арміями, про що можна дізнатися з історії цього правителя. Проте; як тільки його величність після переслідування ворога упродовж тривалого часу від Могильова (Mohilow) в напрямку Смоленська (Smolensko) опинився перед необхідністю негайно з'єднатися з Мазепою (Maseppa), він розвернувся назад і, перейшовши через річку Сож (Sossa) неподалік міста Кричева (Krizowa), увів свою армію у великі сіверські (Severia) ліси, що знаходилися між Кричевим (Krizowa) і Стародубом (Starodub).

Неможливо передати те, яких страждань зазнала армія на цьому шляху, і нащадкам буде важко в це повірити. Більшість полків вживали хліб, який вони взяли з собою ще зі своїх зимових квартир, а після переправи короля через Борисфен (Boristhenes) у них вже не було ніякої можливості отримати щось іще, оскільки вся місцевість тут була повністю розграбована й спустошена. Єдиним, що підтримувало нашу життєдіяльність, була худоба, яку ми забирали з собою, коли проходили полями; але ці нещасні тварини через нестачу пасовищ і виснажливі переходи, які їм довелося робити, були настільки худі й слабкі, що ледь трималися на ногах. Проте м'ясо цієї худоби, яке розподілялося дуже економно без хліба й без солі, не дало армії померти від голоду на цьому згубному шляху, де війська були майже завжди у воді, рухаючись через ці довжелезні болота, на яких їх страждання посилювалися відсутністю нормальної води, якою можна було б втамувати спрагу.

Перед тим як його величність почав свій похід у цьому напрямку, він спочатку наказав генерал-майору Лагеркроні (Lagercrona) рухатися попереду з кількома тисячами чоловік для зайняття фортець Сіверщини (Severia), а саме: Стародуба (Starodub), Мглина (Blin), Новгород-Сіверського (Novogrod, Sewierski) та інших, які згідно з угодою з Мазепою (Mazeppa) полковником Скоропадським (Skoropatski) повинні були бути здані королівському війську, як тільки воно з'явилося б перед ними. Проте, на нещастя Лагеркрони (Lagercrona), він дав себе ввести в оману зрадником, який повів його великим лісом і той довго не міг потрапити до Сіверщини (Severia) й опинився там аж через кілька днів після призначеного часу, випередивши його величність з рештою армії лише на два дні.

Ця затримка була великим нещастям для нашої армії, яке стало ще фатальнішим, коли Скоропадський (Skoropatski), який за інших обставин, наскільки я знаю, був у душі цілковито прихильним до шведів (Swede) і залишався б таким до скону, та, дізнавшись у цей час про бій з графом Левенгауптом (Lowenbaupt), повністю змінив свою думку; справа була не лише в наслідках, яких він тепер очікував після битви під Лісною (Liesna) й після невдалого походу Лібекера (Lybecker), а головним чином через те, що він, безсумнівно, знав про жалюгідний стан армії його величності, яка, будучи позбавленою всього необхідного, руйнувалася на очах від голоду, втоми й тривалих переходів, які вона здійснювала кожного дня. Через усі ці причини він розумів, що шведські справи були кепські й, не бажаючи наражати себе на помсту царя, якої він побоювався, вирішив, що найвірніший і найвигідніший крок, який він міг здійснити, — це відкрити царю таємницю коаліції зі Швецією (Sweden), до якої приєднався Мазепа (Mazeppa) зі своїми полковниками; небезпідставно остерігаючись, що якщо він не виступить проти гетьмана, то вже не матиме надії сподіватися на царську прихильність. Тому він доповів царю про все, що було зроблено супротив його волі, й зразу ж отримав наказ зачинити всі ворота Стародуба (Starodub) й інших міст, які відповідно до угоди повинні були перейти до генерал-майора Лагеркрони (Lagercrona); він впустив у всі ці міста російські війська, які генерал-майор Іфланд (Ifland) стягнув туди звідусіль.

На той час король уже ввійшов до Сіверщини (Severia) й побачив, що ворог його випередив. Це надзвичайно стривожило короля, адже його армія була повністю позбавлена підтримки селян та інших мешканців, які повтікали в міста зі всією своєю худобою, а навколишня місцевість нагадувала справжню пустелю. Його величність був позбавлений можливості повернутися назад тією ж самою дорогою, якою він прибув, оскільки в нього не було достатніх сил для цього навіть попри підсилення його війська залишками армії Левенгаупта (Lowenhaupt). З іншого боку, його план походу із Сіверщини (Severia) прямо на Москву (Moscow)

тепер неможливо було реалізувати, оскільки було занадто небезпечно мати у власному тилу так багато зайнятих противником у цій провінції фортець. Королю нічого не залишалося, як прямувати в Україну (Ukrain).

Якби Мазепа (Mazeppa) на той час був розсудливішим, похід короля був би напевно успішнішим. Але того тепер почали гризти сумніви, він спочатку вирішив, що зможе повернути собі царську милість, тому полишив на деякий час короля Швеції (Sweden) в Сіверщині (Severia) без чіткого рішення щодо допуску того в Україну (Ukrain); у той же самий час цар, розлючений на гетьмана, спрямував частину своїх військ у великий похід в Україну (Ukrain), які несподівано зіткнулися з військом Мазепи (Mazeppa) біля Батурина (Baturin), що слугував йому резиденцією. Гетьман щасливо уникнув небезпеки бути захопленим в полон, але не зміг уникнути зруйнування цього міста, яка було штурмом захоплене, розграбоване й спалене. Втрата міста була ще відчутнішою від того, що в ньому містився великий склад різної зброї, пороху, мідних і залізних гармат; але перш за все, у ньому була значна кількість провізії, якої в цій країні, як і в Росії (Russia), на той час було дуже мало й була вона дорогою.

Було надзвичайно шкода втрачати те, на що дуже сподівалася така напівголодна армія, як наша; і Мазепа (Mazeppa) теж мав достатні підстави шкодувати про свою затримку; але справді найбільшою втратою для нас була втрата запасів пороху, ядер, гармат і куль для мушкетів, які були захоплені й знищені ворогом у розграбованому Батурині (Baturin). Ми мали велику потребу в цьому, оскільки легко собі уявити, якої якості був наш порох, який ми везли з собою із Саксонії (Saxony), і який часто був то мокрим, то знову сухим; навіть дивно, що з ним ми провели стільки битв, хоча, по правді кажучи, наше військо застосовувало свої шпаги частіше, ніж вогнепальну зброю.

Мазепа (Mazeppa) після зруйнування Батурина (Baturin) нарешті приєднався до армії короля, привівши з собою декілька тисяч козаків. Це були всі, кого він зміг зібрати у своє військо й залучити, хоч і трохи запізно, на бік його величності. Король тепер вирішив перетнути Десну (Desna) й рухатися вглиб України (Ukrain). Я не буду тут вдаватися в детальний опис як цього походу, так і поразки від росіян (Russians), які їм протистояли. Скажу тільки, що цей марш гідний особливого захоплення, як це можна бачити в мемуарах Густава Адлерфельда (Gustavus Adlerfelt)*.

Коли король увійшов до України (Ukrain) зі своєю армією, він одразу розмістив її на зимових квартирах, а сам зупинився в маленькому містечку Ромни (Romne). Ми невеликими підрозділами були розкидані по містах і містечках цієї заможної країни й армія на деякий час забула, як нещодавно страждала від голоду, спраги та від інших злигоднів у поході тривалістю близько шести місяців. Ми отримали тут достатньо всіх видів провізії, а саме: хліба, пива, горілки, кримських (Crimea) та валаських (Wallachia) вин, медовухи, багато меду, м'яса, а також фуражу, зокрема сіна та зерна, для коней та в'ючних тварин.

За короткий термін перебування на зимових квартирах наші війська швидко відновлювали свої сили; хворі, поранені й ті, хто ще недавно були напівголодними й виснаженими від втоми, стало помітно поправлятися, а коні почали набиратися сили й бадьорості.

Ми не довго користувалися цими перевагами. Напередодні Різдва (Christmas) 1709 року настали такі люті й жорстокі холоди, що подібних люди не могли й пригадати; їх було важко витримувати ще й тому, що вся Україна (Ukrain) мала плоский рельєф і рівнини тут простягалися так далеко, що нагадували безкрайнє море.

Цар, який тільки й очікував нагоди, щоб скористатися умовами цієї жахливої зими, постійно турбував нас і не давав нам спокою. Він часто повторював, що він ризикне життям десятьох росіян (Russians) за одного шведа (Swede), а оскільки війна була в його власній країні, то він завжди міг знайти тут стільки рекрутів, скільки забажав би, тобто мав ту перевагу, якої не було в короля Швеції (Sweden). Тому він і обрав для наступу найсуворіший період зими, здійснюючи демонстративні атаки на ті полки, які були найвіддаленішими від штаб-квартири короля. Той був змушений віддати наказ усій армії бути готовими вирушити на допомогу цим полкам.

Цей жахливий похід, подібного якому в історії ще не було, відбувся в період різдвяних (Christmas) свят, коли зима вирувала з найбільшою суворістю й жорстокістю. Втрати шведів (Swedes) були дуже значними, але росіяни (Russians), за їх власним визнанням, втратили втричі більше. Багато людей померли від холоду, а значна кількість позбулася своїх кінцівок, а саме ніг, рук, кистей рук, тощо, частину з яких довелося ампутувати.

Король, однак, не задовольнився лише відбиттям атаки росіян, а оточив їх і напав на них у їхньому розташуванні. Окрім цього, він мав дуже гостру сутичку з ними під Краснокутськом (Krasnakut), де росіяни були розбиті й звідки їх декілька ліг поспіль переслідували, наступаючи їм на п'яти. Після цього його величність захопив маленьке містечко Веприк (Wieprick), де гарнізон після трьох штурмів здався на милість переможця. Усі ці події відомі, я не буду

* Див. коментарі Фолларда (Follard) в «Поліб.» (Polyb.), т. 4, с. 51. Вид. Амстердам (Amsterdam). Карл (Charles) XII, король Швеції (Sweden), один з найталановитіших командирів нашого століття, був неперевершеним майстром у справі переправ через річки. Він ніколи не перетинав їх вплав, а лише на плотах, які були зроблені з такою майстерністю, що солдати при цьому були вишикувані в бойовому порядку по десять груп і навіть з гарматами. Ці плоти складалися з декількох пластів деревини, покладених дуже щільно навхрест і міцно скріплених між собою. Те, як він це здійснив у 1718 році, щоб перетнути озеро Свіно-Сунд (Swin-Sund) біля Фредерікбола (Frederick-ball), можна вважати піком досконалості; плоти були квадратні, збиті з дощок у чотири або п'ять шарів і оточені бортами; на кожному можна було розмістити одночасно два предмети вагою двадцять чотири фунти й п'ятсот чоловік.

детально спинятися ні на них, ні на тих маленьких битвах, сутичках, перестрілках, які у нас були майже кожного дня з ворогом, з яким ми постійно стикалися попри непомірно сувору зиму; тому не викликає сумнівів, що ще ніколи не було важчої й жахливішої військової кампанії, ніж ця. Зазначу лише, що в усіх цих боях, попри кількісну перевагу противника, ми майже постійно перемагали й змушували противника втікати; при цьому сам король або був там особисто присутнім, або відразу ж поспішав до місця події, якщо це не відбувалося в районі, надто віддаленому від його величності.

Коли настала весна, король зібрав свою армію між річками Псел (Psoll) і Ворскла (Worskla), які обидві впадали в Дніпро (Dnieper) або Борисфен (Boristhenes). Одночасно він перекинув частину своєї піхоти під Полтаву (Pultowa), у той час як кільком полкам кінноти для зручності забезпечення їх фуражем було наказано разом стати табором на відстані кількох ліг від Полтави (Pultowa). Це було королівське правило — збирати всю армію докупи лише в рідкісних випадках. На противагу йому, росіяни, яких хоч і було у п’ять разів більше, ніж нас, ніколи не наважувалися розпорошувати свої загони й трималися завжди разом, утворюючи одну цілу армію й піклуючись про те, щоб вона була надійно захищена.

Причина, яка змушувала його величність розташовувати свої війська кількома невеликими підрозділами на невеликій відстані один від одного, полягала в тому, що король прагнув утримати свої табори в чистоті й уникнути інфекційних хвороб, які зазвичай трапляються в арміях, що довгий час перебувають замкнуто в одному місці. Щоб убезпечити всі ці окремі частини війська, які не були оточені оборонними спорудами, від нападів ворога, король тримав їх постійно в русі, час від часу спрямовуючи їх в більш чи менш шалені атаки, ніколи не даючи їм часу для об’єднання, але тримаючи їх в постійному відчутті підтримки з боку інших підрозділів. Це правило так чудово використовувалося в цій війні, що, хоча ми й часто страждали від втрат у частих боях, які ми вели, сумарно вони й близько не наближалися до втрат супротивників, які були зобов’язані постійно триматися насторожі й, перебуваючи в замкнутому місці, як уже говорилося, постійно в одному й тому ж розташуванні, неймовірно страждали від хвороб і сморіду, через які вони фактично втрачали значну кількість людей.

Коли король досяг Полтави (Pultowa), він міг би миттєво захопити це недостатньо укріплене місто, проте це не входило в наміри його величності, оскільки оволодіння цим населеним пунктом не давало йому значних переваг. Насправді ж у його плани входила лише облога міста, що потішило б ворога й приховало б від нього слабкість королівської армії: він уже не мав змоги рухатися вглиб Росії (Russia) з такими невеликими силами, а назад дороги вже теж не було. Тому в цьому місці він чекав на допомогу коронної армії на чолі з королем Станіславом (Stanislaus) та на частину своєї армії під командуванням генерал-майора Крассау (Crassau); він плекав надію на якнайшвидше прибуття цього підкріплення, бо вже упродовж декількох місяців не мав ніяких відомостей про них і тому вважав, що вони вже в дорозі; як виявилося згодом, він дуже помилявся в своїх здогадках. Ті, однак, хто має хоч якусь уяву про тодішній стан справ у Польщі (Poland), не будуть засуджувати короля за те, що він так сподівався на це підкріплення. Що ж до самої Польщі (Poland), то з часу його виходу звідти він про неї дізнавався від росіян (Russians) і гадав, що король Станіслав (Stanislaus) мав достатньо часу, щоб підкорити конфедератів і повернути їх до своїх лав. Мабуть, не зовсім праві й ті, хто всю провину покладав на генерала Крассау (Crassau), який із притаманною йому впертістю постійно суперечив королю Станіславу (Stanislaus), київському (Kiovia) воєводі й усьому польському (Polish) народу й через це всі мудрі вказівки Станіслава (Stanislaus) були марними. Зі свого боку, я віддаю вибір рішення стосовно ставлення до цих речей на розсуд кожної неупередженої людини, яка хоч трохи розбирається в подіях тих часів.

Замість очікуваної армії, яка б прийшла нам на допомогу, за кілька тижнів до фатального бою до нас прибули секретар Клінкстром (Klinkostrom) разом із полковником Сандулом (Sandul). Вони доставили королю послання стосовно підрозділу Крассау (Crassau), у якому мова йшла про те, що король Станіслав (Stanislaus) і названий генерал нині все ще перебувають у Польщі (Poland), а також про те, що між ними існують взаємні протиріччя. Сандул (Sandul), якого король послав у Валахію (Walachia), повернувся з вістями, які давали мало надій на ту підтримку, на яку ми очікували від турків (Turks), що не бажали через нас псувати відносини з царем. У цій екстремальній ситуації в його величності не було іншого вибору, ніж дати бій росіянам. У разі, якби нам поталанило перемогти, він міг би тоді спокійно й з гордістю вирушити на Київщину (Kiovia) й переправитися там через Борисфен (Boristhenes). Прямуючи родючою країною можна було б належним чином відновити сили війська, а потім рухатися далі на Волинь (Volhinia) у саме серце Польщі (Poland). З іншого боку, навіть якби король потерпів у цьому бою поразку, то він не мав би більших втрат, ніж ті, яких би він, безумовно, зазнав, якби просто відступав з України (Ukraine), не вступаючи в бій з ворогом, який би потім, маючи переваги в силі, постійно б нас атакував, виснажував і змушував відступати, завдаючи нам втрат у цих сутичках. Окрім того, якби король відступив би без бою, він би не зміг піти через Київщину (Kiovia), а був би змушений піти найкоротшим шляхом до Борисфену (Boristhenes) в Переволочну (Perevoloczno), тобто туди, куди його величність відійшов після поразки під Полтавою (Pultowa). Це мало б усі ознаки ганебної втечі, яка цілком деморалізувала б його армію, яка потім у статусі дезертирів втікала б тією самою дорогою, якою через деякий час вони відступили й опинилися в безпеці у Валахії (Walachia). Якщо до всього сказаного додати ще й усі негаразди, які б випали на долю армії під час цієї ганебної втечі, під час якої армія для того, щоб вижити, швидше за все, розбіглася б у ситуації, коли б її по п’ятах переслідував

ворог, відвага якого була б посилена втечею супротивника, то це б мало всі ознаки загального розгрому. Таким чином, найоптимальнішим нашим рішенням у цій ситуації було підготуватися до вирішального бою й схилити противника до нього, чого б нам це не коштувало.

Його величність здійснював облогу повільно, що якнайкраще відповідало його інтересам як керівника свого війська, і продовжував зміцнювати свої укріплення на березі річки Ворскла (Worskla). Я вже зазначав, що якби король мав бажання захопити місто, це не становило б для нього труднощів, але він у цьому разі залишив би з одного боку свої укріплення відкритими. Що ж до противника, то він розмістився з усією своєю армією навпроти нас на протилежному боці річки й постійно намагався прорватися через наші позиції до Полтави (Pultowa), але завжди отримував відсіч і відступав, аж поки бригадир Ґоловін (Gallowin), зять Меншикова (Menzikof), не проник з допомогою хитрощів у місто; але через декілька днів після цього він потрапив у полон, коли очолював чергову вилазку.

У цей самий час цар дав наказ Рене (Renn) стати із сімома тисячами драгунів окремим табором на невеликій віддалі від основного корпусу армії; це стривожило короля й він спрямував до того місця свій підрозділ під командуванням генерал-майора Крузе (Cruus), до якого входила кіннота з полку Саут-Сканії (South-Scania) й частково з полку Остгота (Ostrogoths), а також драгуни Ґілленштірни (Gyllenstierna), до яких приєдналися кілька тисяч козацької піхоти, яких називали запорожцями (Zaporovians) і якими керував їхній командир — кошовий отаман (Kossoby).

Цей наш похід, можливо, й був би вдалим, якби не прорахунки самого генерала Крузе (Cruus), який повільно рухався всю ніч, щоб не відриватися від козацької піхоти; більше того, він міг би й потім усе виправити, оскільки прибув до місця розташування табору Рене (Renn) на світанку, коли стояв такий густий туман, що за двадцять кроків нічого не було видно, не кажучи вже про те, що Рене (Renn) в цей час вислав з табору чималу кількість драгунів для заготівлі фуражу. Але замість того, щоб напасти на цих фуражирів і погнати їх до табору, а потім разом з ними увірватися в розташування противника й розгромити всіх цих сім тисяч драгунів, які б, не очікуючи нападу, були б сонні й перелякані, він витратив цей час для шикування своєї кінноти в одну шеренгу, давши росіянам (Russians) можливість спокійно осідлати коней, вийти з табору й кількома окремими загонами несамовито напасти на позиції шведів (Swedes), які були розтягнуті в одну лінію, легко прорвати нашу шеренгу й утекти, не давши нам навіть змоги їх переслідувати. Ті шведські (Swedish) ескадрони, які були перед цим зібрані докупи, тепер знову були розкидані на окремі частини.

Рене (Renn) через цю помилку Крузе (Cruus) щасливо уникнув великої небезпеки і якби він мав достатньо хоробрості, то, побачивши свого ворога збентеженим і маючи вдвічі більшу перевагу в силі, міг продовжувати бій і повністю нас розгромити, але він навіть не спробував здійснити щось подібне. Невдача цього походу стала для нас нещастям, яке опісля позначилося на нас і ми незабаром відчули серйозні наслідки своєї помилки.

Коли росіяни (Russians) переконалися, що переправитися через Ворсклу (Worskla) навпроти Полтави (Pultowa) й подолати наші укріплення на протилежному березі вони не зможуть, то знялися вночі з табору, де вони перебували, і після кількох фальшивих атак у кількох місцях зробили спробу переправити свою армію через Ворсклу (Worskla) в іншому місці, навпроти розташування основних наших військ. Але перш, ніж я опишу перебіг їхніх маневрів, я розповім про підрозділи королівської армії, які розташовувалися вздовж Ворскли (Worskla) від Полтави (Pultowa) до Переволочної (Perevoloczno), маленького містечка, яке знаходилося в місці впадіння цієї річки в Борисфен (Boristhenes).

Перший з них був розміщений вниз по течії неподалік Полтави (Pultowa), другий у Старих Санжарах (Starazanscara), де стояв зі своїм полком генерал-майор Меєрфельд (Meyerfeld), а третій у містечку під назвою Білики (Belitz), де підполковник Томас Функ (Thomas Funck) командував підрозділом драгунів; на Борисфені (Boristhenes), у гирлі Ворскли (Worskla), стояв підрозділ кінноти підполковника Зільберґільма (Silverhielm) з п’ятьма сотнями вершників. Того ж дня, коли росіяни (Russians) переправилися через Ворсклу (Worskla), вони здійснили, як я вже сказав, кілька фіктивних атак, основні з яких відбулися в двох місцях: одна вище міста за течією, де вони переправилися через річку, а інша внизу за течією. Через це король був змушений розділити свою армію на дві частини, командувати більшою доручив фельдмаршалу Реншильду (Rheinschild), який повинен був протистояти спробам росіян (Russians) атакувати місто з півночі; іншу частину армії король очолив сам і негайно попрямував туди, де було здійснено спроби переправитися нижче за течією поблизу Полтави (Pultowa). У той час, як його величність, який завжди був невтомним, здійснював верхи на коні розвідку місцевості, якийсь жалюгідний козак зробив постріл у його бік, та так, що куля прошила чобіт короля й розтрощила йому кістку стопи. Ці убогі негідники мали довгі рушниці, що їх називали турецькими (Tourk), які могли стріляти на відстань п’ятиста кроків і які завдали нам немало прикрощів, але ніколи не більше, ніж цього разу, який остаточно доповнив усі наші нещастя.

Граф Реншильд (Rheinschild), з’ясувавши, що противник уже здійснив переправу через річку й почав споруджувати укріплення, вирішив негайно йти в атаку, не чекаючи, доки ворог встигне добре закріпитися на новому місці. Маючи невелику кількість піхоти, він віддав драгунам наказ спішитися й так рушив на супротивника; його піхота й піші драгуни прямували вперемішку з кіннотою. Атака вже майже розпочалася, коли він отримав фатальну звістку про поранення короля, після чого негайно припинив наступ і, не знаючи справжнього стану справ, прийняв рішення повернутися до короля з усім своїм військом. Цей відступ графа дав росіянам (Russians) можливість зміцнити свої

позиції, що ще більше погіршило наше становище, оскільки саме ці укріплення король обрав для свого штурму в день тієї кривавої битви, яка незабаром відбулася.

Армія противника налічувала вісімдесят тисяч осіб регулярного війська, двадцять тисяч козаків і ще стількох калмиків. Кількість нашого війська не перевищувала двадцяти тисяч чоловік, включно з пораненими та хворими, серед яких було багато тих, хто втратив свої кінцівки під час надзвичайно лютих морозів і через це був нездатним стати нам у пригоді.

Я вже розповідав, що, коли його величність покидав Саксонію (Saxony), то його армія складалася з двадцять восьми полків, жоден з яких не поповнювався упродовж двох наступних кампаній, в яких вони пережили найзапеклішу й найжорстокішу війну, про яку, мабуть, можна буде прочитати в історії. Коли граф Левенгаупт (Lowenhaupt) приєднався до нас, уся його піхота була розподілена серед наших полків, що ж до трьох кіннотних полків Аболена (Abolehn), Карелії (Carelia) та дворянства з Риги (Riga) із трьома драгунським полками Ванерштедта (Wannerstedt), Шліпенбаха (Schlippenbach) й Шрейтерфельда (Schreiterfeld), то вони залишилися у своєму колишньому складі: таким чином, коли ці шість полків приєдналися до тих двадцяти восьми, що прибули із Саксонії (Saxony), то у підсумку виходить, що його величність привів в Україну (Ukrain) армію, яка налічувала в своєму складі тридцять чотири полки.

Можливо, й не варто було б тут сперечатися на цю тему, щоб не викликати злісних нападок з боку наших ворогів. Проте, якщо в кожному полку ми нарахуємо загалом щонайбільше від п'ятисот до шестисот осіб, то це зменшить загальну чисельність нашої армії до двадцяти тисяч чоловік. Справді, деякі піхотні полки, особливо гвардійські, були поповнені піхотою Левенгаупта (Lowenbaupt), але з іншого боку, кілька полків, як кіннотних, так і піхотних, не налічували й двохсот чоловік, у що легко повірити й легко довести, якщо згадати, скільки сутичок з ворогом ми мали, у яких, хоч вони й були здебільшого для нас успішними, ми, проте, втрачали немалу кількість наших людей. Люди гинули від втоми й нестачі провіанту в цих виснажливих походах, які ми змушені були здійснювати, а також клали голови в бойових зіткненнях, не кажучи вже про зиму, яка одна забрала життя значної кількості людей.

Ми можемо зробити висновок, що згідно з нашими підрахунками вся наша армія не могла бути більшою, ніж я вже сказав, включно з хворими і т. д. Я міг би, якби це було необхідно і якби я забажав у такому гнітючому стилі й далі викладати факти, то підрахував би військову силу кожного полку, зокрема за кілька днів до бою, без будь-якого побоювання помилитися, оскільки я був тоді майором і бачив кожного дня списки всієї армії; але я не буду цього робити в цих записках, лише зауважу, що нехай хоч це буде маленькою правдою серед тих повідомлень, які потім поширювали наші вороги, і які нас обурюють, коли ми дивимося газети та бюлетені того часу, і перш за все підрахунки втрат, які були здійснені росіянами (Russians), і які всі були просякнуті хвастощами. Якби те, що вони писали, відповідало дійсності, то до битви під Полтавою (Pultowa) не дожив би жоден швед (Swede), хоч насправді на той час уся наша армія налічувала близько ста тисяч чоловік. Звідси ми повинні зробити висновок, що не можна вірити жодному слову з тих, які московити (Muscovite) поширювали про нас упродовж усієї війни, а особливо щодо обставин битви під Полтавою (Pultowa).

Двадцять восьмого червня (June) за старим стилем відбувся бій, який, як іноді зазначають, стався на тому самому місці, де колись Едигей (Ediga), один з полководців Тамерлана (Tamerlan), ущент розбив армію Вітовта (Withsold), великого литовського (Lithuania) князя, у 1399 році н. е.*

Коли розпочалася ця битва, росіяни (Russians) вже не лише завершили будівництво свого основного укріплення, а й спорудили попереду велику кількість редутів, під прикриттям яких вони мали намір наближатися до обложеного міста. Між цими редутами, які були добре забезпечені людьми, і основним фортифікаційним укріпленням цар розмістив усю свою кінноту, у той час як його піхота перебувала позаду бойової лінії під прикриттям численної артилерії.

Як тільки король побачив розміщення ворога, він зібрав усю свою армію докупи поблизу Полтави (Pultowa), маючи місто з одного боку й позиції росіян (Russian) біля невеликого села Яківці (Sakie) — з іншого. Назва цього села більше б пасувала для найменування цієї знаменитої битви, аніж полтавська (Pultowa), як її зазвичай називають. Його величність полишив підрозділи, які були розміщені вздовж Ворскли (Worskla) аж до Борисфена (Boristhenes) в ситуації, яку я описав вище.

Упродовж того невеликого проміжку часу, коли наша армія збиралася разом, ворог здійснив дві спроби напасти силами своєї кінноти на наші позиції, проте кожного разу йому доводилося поспішно відступати за редути, як тільки він наштовхувалися на наші пікети, що збиралися дати їм відсіч. Наші війська постійно страждали від таких вилазок росіян (Russians), які ніколи не втрачали нагоди потурбувати нас, хоч ми завжди швидко змушували їх відходити за їхні редути. Протягом восьми днів, що передували битві, королю нетерпілося покласти край усім цим дрібним сутичкам, давши противнику генеральний вирішальний бій. З цією метою він уже тоді виводив усю армію з табору й розташовував її в бойову лінію, демонструючи готовність піти в атаку на ворога; але того разу наступ було скасовано з невідомих мені причин.

Ходили чутки, що й ворог того дня мав намір піти на нас в атаку, але побачивши нашу армію, вишикувану в такому зразковому порядку й готовою до зустрічі з ними, повернувся на свої позиції. Нарешті, двадцять восьмого червня (June) за старим стилем відбулася ця грандіозна битва,

* Див. у польських (Poland) хроніках Кромера (Cromer) в життєпису Владислава Ягайла (Wladislaus Jagellon).

яка, у першу чергу, назавжди запам'ятається значною нерівністю сил армій, які брали в ній участь. Попри всі наші негаразди, цей бій міг завершитися для нас успішно, якби короля не було поранено і якби деякі з наших генералів краще виконували свої обов'язки.

Його величність на початок баталії виставив армію, яка загалом налічувала не більше, ніж десять чи дванадцять тисяч чоловік. Декілька полків ми залишили прикривати Полтаву (Pultova), декілька охороняли обоз, а декільком було наказано залишатися з Мазепою (Mazeppa) та артилерією, щоб захистити їх від наскоків козаків, росіян (Russians) та калмиків, які упродовж останнього часу вже здійснили дві спроби атакувати наш обоз та гармати, але кожного разу отримували відсіч за мінімальних втрат з нашого боку.

Початок битви був для нас надзвичайно успішним. Ми без особливих зусиль і втрат відкинули противника за його редути, між якими ми проскочили під постійним шаленим вогнем їхніх рушниць та гармат, що стояли у проміжках між редутами. Уся московитська (Muscovite) піхота, з якою ми зіткнулися, була перебита, а їхня кіннота, яка розміщувалася поблизу, була також повністю розгромлена й замість того, щоб відійти й стати біля основних укріплень, кинулася на повній швидкості втікати з поля бою, а дехто навіть робив спроби перейти за Ворсклу (Worskla)

Чому ж нам так не поталанило й король тепер не міг особисто верхи на коні керувати нами й бути присутнім з нами всюди, де це було необхідно? Тоді б цю битву він би неодмінно виграв і вона, безсумнівно, стала б для нього славетнішою за бій під Нарвою (Narva) й за все те, що він здійснив дотепер; ми б же уникнули всіх тих нещасть, які відтоді звалилися нам на голову.

Наша невдача була частково спричинена діями генерала Росса (Roos), який з незрозумілих причин, можливо, через засліплення успіхом, допустив одну з найгрубіших помилок, коли повів себе нерозсудливо серед редутів і з неприпустимою впертістю почав штурмувати їх по черзі замість того, щоб просто проминути їх, як це зробив королівський підрозділ. Росс (Roos) наскочив на ці редути з великою люттю й захопив декілька з них, його піхота дійсно творила неймовірні речі; але при цьому він зазнавав таких значних втрат, що вся земля навколо була всіяна мертвими тілами; а довершило наші негаразди те, що Росс (Roos) через цей прорахунок був відрізаний від решти армії й утратив будь-яку можливість знову до неї приєднатися.

У той же час генерал-майор Шліпенбах (Schlippenbach), який був з Россом (Roos), побачивши, у яке складне становище потрапив цей загін, полишив його й разом з капітаном Палмфельдом (Palmfeild) вирушив на пошуки короля, щоб негайно доповісти тому про те, що трапилося. Палмфельду (Palmfeild) пощастило приєднатися до його величності, а от Шліпенбах (Schlippenbach) потрапив у руки росіян (Russians), до яких повернулася сміливість і які, побачивши грубу помилку Росса (Roos), послали тоді туди великий загін під командуванням генерал-лейтенанта Рензела (Rensel), який повністю відрізав цей нещасний підрозділ від решти нашої піхоти.

Росс (Roos), зрозумівши, яку неприпустиму помилку він зробив, і не знаючи тепер як повернутися до його величності, послав капітана Функа (Funck), щоб той з'ясував, чи це бува не королівське військо він бачить вдалині, хоча насправді це був підрозділ Рензела (Rensel), який повним ходом наближався, поступово беручи наш загін у кільце. Функ (Funck), який прийняв їх за шведів, і гадаючи, що пан Шліпенбах (Schlippenbach) перебуває з ними, пішов на зближення з ворогом і потрапив у полон; тому Росс (Roos) нічого не знав, аж поки Рензел (Rensel) не напав на нього й не оточив з усіх боків.

У той самий час, коли відбувалися зазначені події, король, пройшовши крізь редути, примусив ворожу кінноту втікати, про що я вже говорив, а потім роздробив суцільну піхоту московитів (Muscovite) на частини. Далі його величність зупинився з військом на рівнині, яка простягалася від укріплень противника до редутів, і знову вишикувався в бойовому порядку. Одночасно, щоб завершити справу, і гадаючи, що Росс (Roos) уже готовий приєднатися до нього, король наказав частині своєї кінноти й драгунам спішитися для атаки укріплень супротивника, чекаючи з нетерпінням на прихід підрозділу Росса (Roos). Поки король готувався до атаки, він бачив вдалині піхоту Рензела (Rensel) й не сумнівався, що це військо Росса (Roos); тоді він послав генерал-ад'ютанта Ґілленкло (Gyllenklo) до Мазепи (Mazeppa) з наказом привести те військо, яке було з ним, та доставити артилерію, щоб з її допомогою підтримувати штурм ворожих укріплень.

Таким було рішення короля вранці перед початком бою, оскільки він побоювався, що затримка, пов'язана з очікуванням підходу артилерії, забере багато часу й відтермінує здійснення його плану після швидкого проходження через редути. Але коли Ґілленкло (Gyllenklo) наблизився до війська Рензела (Rensel) й переконався, що це не шведи (Swedes), він поспішно повернувся, щоб повідомити про це його величність. Король був немало здивований, але ще більше він був шокований, коли почув згодом, що Росса (Roos) взято в полон, більшість його солдатів розбіглася, а всіх полонених було вбито з нелюдською жорстокістю.

Саме тоді наш великий правитель, який завжди був безстрашним, не виявивши жодних емоцій, незважаючи на свою рану й несприятливе становище, віддав негайно наказ розпочати атаку ворожих укріплень з тією незначною кількістю піхоти, що залишилася з ним, поки кіннота й драгуни спішувалися, щоб підтримати цю жменьку людей.

Перш, ніж ми продовжимо опис майже неймовірного перебігу цієї знаменитої битви, варто зробити кілька зауважень.

Граф Реншильд (Rheinschild), який, попри наклепи своїх ворогів, був безумовно видатним генералом, запропонував королю, як тільки він минув редути, перечекати в безпечних умовах, поки згідно його наказу підійде Мазепа (Mazeppa) зі своїм військом, артилерією й обозом, щоб

надійніше й успішніше атакувати противника, уже наполовину переможеного й майже розгромленого, але, тим не менше, потужного й іще досить грізного, який усе ще мав низку переваг над нами.

На жаль, у той момент мудру пораду досвідченого генерала переважила думка графа Піпера (Piper), який сказав королю, що потрібно кувати залізо, поки воно розжарене й не дати ворогу часу оговтатися. Чвари між цим першим міністром і графом Реншильдом (Rheinschild), що беруть свій початок ще від часу битви при Фрауштадті (Fraustadt) в 1706 році, стали великим нещастям для Швеції (Sweden), оскільки були причиною нехтування всіма мудрими порадами, які він давав. Але давайте опустимо завісу перед цими неприємними сценами й повернемося до перипетій такої невдалої для нас битви, яка коштувала Швеції (Sweden) так багато сліз, і через яку жалоба була майже в кожній сім'ї.

Упродовж усього часу, поки кіннота й драгуни спішувалися за наказом короля в очікуванні приєднання загону Росса (Roos), росіяни (Russians) здійснили смертоносні постріли із 120 гармат, більшість з яких була величезного калібру і якими їх укріплення охоронялися, не завдавши нам значної шкоди. Як тільки його величність віддав наказ про наступ на укріплення, ми побачили, що вся ворожа піхота також рушила зі своїх позицій нам назустріч. Наша піхота під командуванням графа Левенгаупта (Lovenhaupt) сміливо пішла на противника з наказом розпочати атаку й проникнути всередину укріплень ворога, у той час як кіннота, яка перебувала на флангах, мала напасти на ворожу піхоту з метою посіяти серед них паніку. Нашої піхоти було настільки мало, що лінія, яку вони створили, була дуже непоказною в порівнянні з ворожою. Попри все, вони все-таки кинулися в атаку з такою несамовитістю, мужністю й рішучістю, що при першому ж зіткненні прорвали лінію супротивника і гвардійський полк захопив гармати, які стояли навпроти них. Проте дії більшості інших полків були менш успішними, деякі з них дуже сильно постраждали від артилерії противника, зокрема полк Кальмара (Calmar), який був майже наполовину перебитий першими ж пострілами; тоді ж загинув і їхній полковник Ранк (Ranck), якого було вбито на місці. Подібне трапилося й у полку Упланда (Upland), який після перших пострілів втратив свого полковника Штірхока (Stierhok), підполковника Поста (Post) й майора Анрепа (Anrep).

Усе це можна було б іще виправити, якби король перебував верхи на коні, а не на землі; але він сидів на своїх ношах із шпагою в руці і його неможливо було достатньо швидко перевозити з одного місця в інше, щоб він міг роздавати накази; таким чином того дня в армії не було насправді дієвого командування, а за таких обставин неминуче починає з'являтися розгубленість і кожен починає діяти, як йому заманеться.

Якби всі наші ескадрони виконали свій обов'язок так, як це зробив доблесний граф Торстенсон (Tornstenson) разом зі своїм підрозділом, я ніскільки не сумніваюся, що ми б виграли битву. На чолі свого полку Ніланда (Nyland) він кинувся на російську піхоту з таким шаленством, що вже майже потрапив за межі оборонних укріплень противника; але не так сталося, як гадалося, оскільки він з усім своїм підрозділом загинув, продемонструвавши чудеса хоробрості.

Полковник Гельм (Hielm) також подібним чином прорвав оборону ворожої піхоти*; але решта не наслідувала його приклад. Коротше кажучи, тієї надзвичайної активності, яка охоплювала нашу армію, коли король ще до свого поранення сам водив її в атаку, а потім особисто підтримував це пожвавлення в усіх підрозділах, у цей день не спостерігалося. До речі, поранення короля спричинило всі наші невдачі й стало головною причиною наших втрат у цьому кривавому бою.

Упродовж усього бою противник продовжував здійснювати смертоносні постріли зі своїх гармат. Один з таких пострілів влучив у ноші короля, рознісши їх на друзки. Його величність, будучи пораненим, поспішно сів на коня, при цьому його нога була без чобота й забинтована. Король, відчуваючи неможливість захоплення ворожого укріплення, віддав наказ військам відступити й рухатися до місця розташування обозу. Подейкують, що тоді ж під королем було вбито його коня й він був змушений осідлати іншого.

Фельдмаршал Реншильд (Rheinschild) і принц вюртенберзький потрапили в полон. Граф Піпер (Piper) намагався дістатися полків, які були залишені під Полтавою (Pultowa), але був теж узятий в полон перш, ніж він туди прибув; ці полки відступали до обозу після атаки генерала Рензела (Rensel).

Як тільки король підійшов до свого обозу, він чекав не лише на прибуття військ, що мало-помалу поверталися з бою, але й затримався ще на декілька годин, щоб побачити, чи не має противник наміру його переслідувати й атакувати у відкритому полі, але росіянам (Russians) забракло сміливості надати йому таке задоволення; їм вистачило того, що вони отримали перемогу з допомогою гармат і фортифікаційних укріплень.

Король не хотів покидати свій нинішній табір, сподіваючись на ще одну спробу зійтися в бою з противником; але на наполегливе прохання Мазепи (Mazeppa), який боявся за своє власне життя, й на неодноразові переконання своїх вірних генералів і офіцерів, він нарешті дав себе вмовити, й після того, як на його нозі пов'язку було замінено на нову, він спокійно сів, без вияву найменших емоцій,

* Хоробрий принц вюртенберзький (Wurtenberg) усіх здивував у цьому фатальному бою, змусивши короля визнати, що якби всі його полки виконали свій обов'язок так, як полк цього маленького принца Ліла Принцена (так він його ласкаво називав), то росіяни ніколи б не виграли цю битву.

у поштову карету до Мазепи (Mazeppa) й вирушив з рештками армії, артилерією та обозом, під супровід звуків труб і литавр, уздовж Ворскли (Worskla) в напрямку до Борисфена (Boristhenes): цей перехід був здійснений у такому зразковому порядку, без щонайменших втрат і з таким благородством, що все це жодним чином не нагадувало про нещодавню поразку. Щоправда, війська противника здійснили декілька вдаваних атак на нас, але наш ар'єргард був готовий їм протистояти, тому їм, як завжди, забракло мужності довести свої наміри до завершення. Наступного дня армія прибула до Борисфена (Boristhenes), що за дванадцять ліг від Полтави (Pultowa).

Таким був результат знаменитої битви під Полтавою (Pultowa), про яку потім так багато говорили й писали в світі, завжди прославляючи росіян (Russians) і виставляючи в негативному світлі Карла (Charles) XII. Якщо розмірковувати про невдалі наслідки цього кривавого дня, то ми повинні визнати, що вони були дуже згубними для нас, адже ми зазнали збитків, від яких Швеція (Sweden) відтоді довго оговтувалася; але якщо абстрагуватися від результатів цієї битви, а розглядати тільки обставини самого перебігу битви з точки зору справжньої відваги, слави та честі, то перевага завжди буде на боці шведів (Swedes), чиє військо становило десять чи одинадцять тисяч осіб, майже постійно голодних і нужденних, з рідкісною безстрашністю й мужністю на рівних атакувало захисні укріплення армії, яка налічувала понад сто тисяч чоловік, добре забезпечених усім необхідним для життєдіяльності та оборони; цю армію наші загони не лише змусили відступати, а й мали всі шанси розгромити й одержати перемогу, навіть поступаючись росіянам (Russians), якби поранення короля не завадило йому особисто віддавати накази. Окрім того, втрати противника вже вранці на початку бою були такими значними, що ми такі мали лише по його завершенню. Я не можу віднайти в історії Швеції (Sweden) битви, подібної до цієї, хіба що лише коли Ґустав (Gustavus) Великий атакував позиції Валленштейна (Wallenstein), поблизу Нюрнберга (Nurenbourg), де втрати шведів (Swedes) і війська імператора (Imperialists) були майже рівними; але коли Ґустав Адольф (Gustavus Adolphus) відступив зі своєю армією після битви, він мав ще шістдесятитисячну армію й міг рухатися куди завгодно; а коли Карл (Charles) XII відступав від Полтави (Pultowa), усі його підрозділи загалом, включно з хворими, налічували не більше, ніж чотирнадцять чи п'ятнадцять тисяч осіб, які не мали чіткої уяви про місце відступу, у якому б ця жменька людей почувала себе в небезпеці, перебуваючи приблизно за триста ліг від свого королівства; попри все, наш хоробрий правитель не втрачав мужності, він ні про що більше не думав, окрім бою і, якби він міг сісти верхи на коня хоча б на деякий час, то ми б, можливо, отримали реванш біля Борисфену (Boristhenes), коли противник прослідував туди за нами.

Якщо московити (Muscovites) вважали, що перемоги ними вже остаточно досягнуто, про що вони заявляли, то чому ж тоді вони не відразу почали переслідувати залишки нашої армії з обозом; або, якщо ми були повністю розгромлені, як вони стверджували в своїх повідомленнях, то чому ж у такому разі вони не заволоділи нашими гарматами й майном? Якби вони отримали повну перемогу, то дуже легко могли це зробити. Але насправді, оскільки вони дуже добре знали силу наших атак у відкритому полі, то рухалися завжди великою армією, яка була нездатна дуже швидко нас переслідувати на нашому шляху до Борисфена (Boristhenes).

Проте, правду кажучи, наслідки цієї битви були для нас плачевні. Ситуацію ще погіршили втрати Ревеля (Revel), Риги (Riga) й решти Лівонії (Livonia), які противник дуже легко завоював; якщо до всього додати ще й чуму, яка привела до загального спустошення, то ми можемо з упевненістю сказати, що фортуна була на боці царя у всіх його починаннях; але не варто, втішаючи себе, відкидати й усі ті численні прорахунки, які ми допустили в битві під Полтавою (Pultowa). Шведський (Swedish) народ при цьому, звичайно, не втратив ні своєї колишньої доблесті, ні честі своєї зброї; але судити про це будуть нащадки.

Московити (Muscovites) не були в Полтавській (Pultowa) битві кращими солдатами за тих, якими вони були в попередньому році в битві під Головчином (Holofzin), не можна також сказати, що вони стали сміливішими з того часу. Ця остання битва в певному відношенні була не менш славною, ніж битва під Нарвою (Narva), адже король і тут проявив свої здібності геніального військового стратега.

Двадцять дев'ятого червня (June) за старим стилем, Карл (Charles) XII прибув зі своєю армією до берегів Борисфену (Boristhenes); загальна кількість армії, включно з хворими, покаліченими й пораненими, становила на той час близько шістнадцяти тисяч чоловік; решта були вбиті або взяті в полон під час бою.

У нас загинуло кілька генералів, а шістьох полковників спіткала така ж доля; першим з них був граф Торстенсон (Torstenson), полковник кавалерійського полку Ніланда (Nyland); це був молодий дворянин у віці близько тридцяти трьох років, але вже досвідчений у плані військового мистецтва; окрім того, він був ще й надзвичайно талановитим: якби він прожив довше, то досяг би таких самих успіхів, а можливо й перевершив би свого діда, видатного Леонарда Торстенсона (Leonard Torstenson), який був фельдмаршалом шведської армії (Swedish) під час наших війн з Німеччиною (Germany). Молодий граф у п'ятнадцятирічному віці почав службу в саксонських (Saxon) військах в Угорщині (Hungary). Король, знаючи його заслуги, доручив йому керувати окремим підрозділом з декількох полків від часу нашого вступу в Україну (Ukrain); він на кожному кроці підтверджував, що гідний носити високе звання генерала, аж поки славетно не поліг у цьому бою.

Решта полковників були вбиті на полі бою, серед них Штернбок (Stiernbok), який командував полком Упланда (Upland), Зігрот (Siegroth) з полку Дабл-Карлерса (Dabl-Carlers); Ульфспар (Ulfsparre) з полку Вестгота (Westrogoths); Вейденгейм (Weydenheim) з полку Зюдерманда (Sudermand);

Ранк (Rank) з полку Кальмара (Calmar) й Бухвальд (Buchwald) з полку Йонкьопінга (Jonkioping); усі вищеназвані полки були піхотними.

Серед загиблих були також суддя й писар пан Олаф Гермелін (Olof Hermelin), радник писаря й людина надзвичайних здібностей Ґустав Адлерфельд (Gustavus Adlersfeld), а також Гіршенштірна (Hirschenstierna), секретар короля; усі були вбиті на місці.

Ми довго сподівалися, що Гермелін (Hermelin) не загинув, а потрапив у полон. Відомо, що його ім'я було в тому першому списку полонених, що його цар послав до короля Августа (Augustus) разом з доповіддю про цю битву; але у всіх інших він значився серед загиблих. Однак, дуже дивним видається те, що три священники засвідчили, що поховали його, і кожен у різних місцях; існує ймовірність того, що всі вони були введені в оману, оскільки через велику спеку тіла загиблих розпухали так швидко, що їх важко було розпізнати. Коли я був у полоні в Московії (Muscovy) в 1713 році, один козачий полковник запевнив мене, що він говорив з Гермеліном (Hermelin) у 1712 році через отвір у глибокому підземеллі в маленькому містечку, розташованому між Україною й Москвою (Moscow), назву якого я забув.

Серед полонених перебували такі видатні особи, як граф Піпер (Piper), граф Реншильд (Rheinschild), принц вюртенберзький (Wurtenberg), генерал-майори Шліпенбах (Schlippenbach), Росс (Roos), Штакельберг (Stakelberg) і Гамільтон (Hamilton).

Генерал-майор Меєрфельд (Meyerfeld), який в даний час фельдмаршал, сенатор і губернатор Померанії (Pomerania), мав нещастя за кілька місяців до облоги Полтави (Pultowa) зламати ногу; він десь дістав царський документ, який давав йому можливість безпечно пройти через Польщу (Poland) й не потрапити до рук росіян (Russians) або польських (Poles) конфедератів, а звідти вже планував дістатися Німеччини (Germany), щоб там вилікуватися. Озброївши генерала цим документом, король відправив його із Старих Санжар (Stara-Zianscara), яке знаходилося між Полтавою (Pultowa) й Борисфеном (Boristenes), де він ніби то для царя виконував особливі доручення, а які саме, я зараз не пригадаю; але все це не врятувало Меєрфельда (Meyerfeld) від арешту: у царя виникла підозра, що оскільки документ було видано ще до битви, то він може бути фальшивкою; проте потім генерала було звільнено з умовою, що в обмін на нього буде випущено з полону когось із російських (Russian) генералів.

Біля Борисфену (Boristhenes) Карл (Charles) XII із залишками своєї армії зупинився поблизу містечка під назвою Переволочна (Perevolocsna), де Ворскла (Worskla) впадає в Борисфен (Boristhenes): наміром його величності була переправа через Ворсклу (Worskla), яка не надто широка в цьому місці, щоб перебувати на іншому боці річки у випадку, якщо росіяни спробують нас атакувати, а після цього рухатися до Криму (Crim). Цей план було нескладно реалізувати, оскільки ми мали в обозі достатню кількість коней для всієї нашої піхоти, а також для обслуги, пажів і маркітантів.

Прийнявши таке рішення, король наказав зайве майно спалити, а всі запаси харчів скласти у великі корзини й розподілити між солдатами з таким розрахунком, щоб кожному полку їх вистачило на шість тижнів. Військову казну, яка охоронялася кількома полками, він наказав розділили на дві окремі частини з відповідним супроводом, а гроші розподілити між офіцерами, щоб ті використовували їх в разі потреби, й зарахувати їм як належну зарплатню.

Після того, як його величність віддав ці накази, до нього прибули його генерали й слізно просили, щоб його преосвященство перемістився в безпечне місце, зважаючи на його серйозну рану, яка не дозволяла йому слідувати за армією й витримувати злигодні. Зі свого боку, вони обіцяли йому точно виконувати всі його накази за умови їх впевненості в тому, що він перебуває в небезпеці й не відчуває тих загроз, з якими може зіткнутися його армія. Ці вмовляння переконали короля, який нарешті зважився на переправу через Борисфен (Boristhenes); але перед від'їздом він категоричним тоном наказав Левенгаупту (Lowenhaupt) дотримуватися в кожному конкретному випадку його вказівок, які він дав для відступу в напрямку Криму (Crim).

Після того, як король зробив всі ці розпорядження, він близько опівночі перетнув Борисфен (Boristhenes) разом з піхотним полком Зюдермандланда (Sudermanland), який під час бою знаходився в укріпленнях поблизу Полтави (Pultowa). Також його величність супроводжували загони підполковника Функа (Funk), який знаходився в Біликах (Belitz), і підполковника Зільфербельма (Silfwerbielm), який містився, як ми вже зазначали, поблизу Переволочної (Perevolocsna). Полк Зюдермандланда (Sudermanland) налічував двісті чоловік, загін Функа (Funk) вісімсот, а Зільфербельма (Silfwerbielm) — до п'ятисот осіб, не рахуючи драбантів та кінних ополченців під командуванням Андрепа (Andrep), які також пішли за його величністю. Кільком генералам і офіцерам, з яких декотрі були поранені, король також наказав слідувати за ним разом з почтом, канцелярією тощо. Генерал чи гетьман Мазепа (Hettman Mazeppa) на той час уже перетнув річку з немалою кількістю козаків.

Граф Левенгаупт (Lowenhaupt), який отримав наказ діяти якомога рішучіше й послужити задля слави короля й батьківщини, мав із собою всього двох генерал-майорів, Крейца (Creutz) й Крузе (Cruus). Коли король полишив армію, решту війська він забрав із собою.

Після того, як король перетнув Борисфен (Boristhenes), про його наказ щодо негайного спалення зайвого вантажу й розподілу грошей уже ніхто не думав. Оскільки армія була вкрай стомлена, то як тільки була виставлена охорона й пікети для безпеки війська, усі спокійно пішли відпочивати.

Наступного ранку всіх розбудив князь Меншиков (Menzikof), який переслідував нас на чолі всієї московитської (Muscovite) кінноти. Він розігнав наші пікети й посунув нашу передову охорону з пагорба, де вони стояли; я сказав пагорб, бо армія знаходилася в долині поблизу

Борисфена (Boristhenes). Меншиков (Menzikof) після цього першого наскоку надіслав Левенгаупту (Lowenhaupt) пропозицію здатися.

Я вже раніше зазначав, що наша армія, включно з хворими й пораненими, до від'їзду короля, імовірно, налічувала в своєму складі до шістнадцяти тисяч чоловік, серед яких близько п'яти тисяч були неспроможними воювати через поранення, хвороби й т. д., а близько півтори тисячі пішли з його величністю; таким чином залишки армії, які могли боротися, загалом становили від дев'яти до десяти тисяч осіб, що приблизно дорівнювало тій кількості вояків, яка була з королем у день битви під Полтавою (Pultowa) тоді, коли він атакував укріплення московитів (Muscovite).

Ця армія, якою б малою вона не була, виявляла палке бажання вступити в бій; їй було цілковито до снаги перемогти російську кінноту, перш ніж до неї приєдналася піхота, яка слідувала за ними повним ходом, а потім вже після перемоги супротивника можна було виконувати план і розпорядження його величності; але трапилося лихо, яке визначило нашу долю й перешкодило тому, що ми не спалили наше майно й не розподілили гроші ввечері, як повелів король, і через що все було кинуто в безлад і сум'яття. Дехто з нас мав бажання зберегти цінний вантаж і гроші, які вони здобули ще в Польщі (Poland) та в інших місцях, і були незгодні з рішенням короля, до них, у першу чергу, відносилися Крузе (Cruus) й Крейц (Creutz), які були найбільше в цьому зацікавлені. Можна дійсно стверджувати, що бог нас полишив, а безлад і легковажність змовилися, щоб віддати нас до рук ворога.

На довершення всіх наших нещасть, Левенгаупт (Lowenhaupt) був змушений погоджуватися з доводами Крейца (Creutz) й Крузе (Cruus), тому що серед наших військ він був ще мало відомий; щоправда, він командував частиною армії перед битвою під Лісною (Liesna), але з тих пір під його керівництвом не було ніякого підрозділу, за винятком лише тих, які йому дали за декілька днів до Полтавської (Pultowa) битви. Однак у цій ситуації, у якій він піддавав усіх великому ризику, йому потрібно було діяти більш рішуче; а всім офіцерам армії, які не вникли в суть справи, не звалювати всю провину на нього. І офіцери й солдати були вкрай обурені його діями, з якими вони були незгодні, але в яких його одного не можна було звинувачувати. Вони не були поінформовані про умови капітуляції, проте зрештою все владналося.

Граф Левенгаупт (Lowenhaupt), після того, як через жадібність Кройца (Creutz) й Крузе (Cruus) був цілковито оточений ворогом, скликав для формальності разом усіх полковників і командирів полків, а також найстарших офіцерів, щоб оголосити їм свої наміри; і хоч більшість з них вважала, що потрібно дати бій і виконувати план короля, на їх протести ніхто не зважав і зрештою вони погодилися з думками тих, хто вже фактично завершив і залагодив усю цю справу.

У результаті цього рішення Крейц (Creutz) і Крузе (Cruus) були послані до ворога, щоб здатися на умовах, запропонованих князем Меншиковим (Menzikof). Умови капітуляції настільки добре відомі, що немає необхідності їх тут уміщувати[256].

№ 284
Щоденник відступу шведського короля до Бендер після Полтавського бою

За тим, як ми двадцять восьмого червня (Juny) відступили після штурму московитських (Muscovite) укріплень, його величність зупинився із залишками армії поблизу обозу, щоб дочекатися повернення з бою решти війська й подивитися, чи не здійснить ворог спроби атакувати нас у відкритому полі; проте з боку росіян (Russians) жодних дій помічено не було й король після обіду й кількагодинного стояння в тому місці, яке було на відстані півліги від поля бою, зважив на неодноразові прохання своїх генералів і віддав наказ своїй армії згорнути табір і вирушати до Борисфену (Boristhenes).

Приблизно поміж другою та третьою годиною після полудня армія вирушила в дорогу в супроводі звуків литавр та сурм і так із честю прямувала на очах у ворога уздовж Ворскли (Worskla) та між цією річкою та тією, що зветься Пслом (Psiol), у напрямку Борисфену (Boristhenes). Король подолав декілька ліг у цей перший день, перебуваючи з Мазепою (Mazeppa) в бричці, яка належала барону Зільтману (Sittman) [Таємний радник герцога Вюртемберзького (Wurtemberg). — *Прим. авт.*], підполковнику й ад'ютанту короля Пруссії (Prussia); барон виконував важливе доручення й увесь цей час слідував за армією в якості волонтера.

Армія зупинилася на другий день о дев'ятій ранку, а потім продовжила свій марш цього ж і наступного дня; противник не насмілювався переслідувати нас; він насправді лише робив вигляд, що турбує нашу армію, але відразу ж відступав, як тільки ми ставали в бойовий порядок для оборони.

Таким способом одинадцятого липня (July) ми дісталися Борисфену (Boristhenes) й зупинилися неподалік невеликого містечка під назвою Переволочна (Perewoloczna), яке незадовго перед цим було спалене ворогом. Його величність мав намір відразу ж переправитися через Ворсклу (Worskla), яка в цьому місці була неширокою й неглибокою, щоб потім прямувати до Криму (Crim), але його рана завадила йому це зробити. Він був постійно стомленим і, крім того, ще й неспроможним пересуватися верхи на коні. Тому король погодився на умовляння своїх генералів, які благали

[256] *Шенстрем П.* Реляція про бій під Полтавою з деякими роздумами щодо двох попередніх кампаній (переклад Олександра Герасимчука, коментар Сергія Павленка) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 3. — С. 89–111 [Переклад здійснено за виданням A Relation of the battle of Pultowa, with some reflections on the two preceding campaigns // Adlerfeld G.The Military History of Charles XII, King of Sweden. — London, 1740. — Vol. III. — S. 189–242].

його святість не наражатися на небезпеку; вони ж зі свого боку гарантували ретельне виконання його наказів щодо цього походу.

Після цього король прийняв рішення переправитися через Борисфен (Boristhenes), віддавши накази близько тисячі вершникам і піхотинцям, не враховуючи драбантів (Drabans), кінних ополченців (Einspanners), придворних, канцелярії й козаків, щоб ті слідувати за ним через степ до Туреччини (Turky). Оскільки він не мав ні достатньої кількості човнів, ні деревини, щоб їх спорудити, то був дуже цим занепокоєний. Проте, оскільки ворог не з'являвся, то у нас було достатньо часу, щоб відшукати все необхідне уздовж Борисфену (Boristhenes). Зрештою, на певній віддалі ми знайшли достатню кількість великих і малих човнів, щоб почати переправу, яка спокійно тривала до дванадцятого липня (July); за цей час близько двох тисяч наших людей були переправлені, хоча все й відбувалося повільно, оскільки Борисфен (Boristhenes) був у цьому місці настільки широким, що на рух човна туди й назад витрачалася принаймні година.

Коней, яких ми хотіли переправити вплав у значних кількостях, було розташовано з таким ретельним розрахунком, щоб на чолі їх помістили тих, які були найдосвідченішими плавцями; інші ж мали йти за ними так, аби організовано дістатися протилежного берега. Дуже в пригоді тут нам стали татарські (Tartarian) й козацькі вершники, багато з яких були вправними плавцями. Вони роздяглися догола й заскочили на своїх невисоких сильних коней, які були без сідел, заохотивши таким чином велику кількість коней слідувати за ними. Коли ті коні, на яких вони сиділи, стомилися, вони зістрибнули у воду й попливли поряд з ними, одночасно тримаючи їх за вуздечки. Таким способом ці люди переправили на протилежний берег значну кількість коней без особливих зусиль. Якби ми були змушені пускати їх усіх вплав поряд з човнами, то мали б з ними дуже багато клопотів.

Що стосується вантажу, то ніхто не брав із собою більше, ніж це було необхідно; виняток становили лише декілька легких карет, що були міцно прив'язані до човнів. Вони призначалися для його величності, старого Мазепи (Mazeppa) й кількох козацьких жінок.

Мазепа (Mazeppa) прибув до нас близько шостої вечора. Його величність не переправлявся аж до середини ночі між одинадцятим і дванадцятим липня (July). Він сів у легкий човен разом з кількома слугами лише після того, як віддав накази графу Левенгаупту (Lowenhaupt) спалити весь багаж армії і йти до Криму (Crim). Оскільки Мазепа (Mazeppa) залишив десь позаду себе дві маленьких діжки, наповнені дукатами, його величність уночі послав пана Нойгебавера (Neugebaver) [Він тепер судовий писар у Померанії (Pomerania) й отримав титул барона за повелінням його величності нинішнього шведського (Swedish) короля. — *Прим. авт.*] за ними; той незабаром повернувся з цими грошима, які згодом нам дуже знадобилися.

Коли ж наше військо зіткнулося з ворогом, який нас переслідував, граф Левенгаупт (Lowenhaupt), замість того, щоб виконати розпорядження його величності, усупереч переконанням більшості офіцерів нашої армії погодився на капітуляцію.

Уже із самого ранку нам стало відомо про прихід московитів (Muscovites), про це свідчили постріли, які ми почули вдалині. Близько полудня ми вже знали про повернення наших останніх човнів і про те, що Меншиков (Menzikof) розмістився з усією кіннотою поруч з нашим табором, очікуючи швидкого підходу своєї піхоти. Тепер ми думали, що бій неминучий, нічого не знаючи ні про вжиті Левенгауптом (Lowenhaupt) заходи стосовно капітуляції, ні про його рішення здатися ворогу. Для того, щоб уникнути негайного переслідування нас супротивником, його величність наказав усі човни знищити, щоб не дати ворогам можливості ними скористатися.

З допомогою цих заходів ми убезпечили себе упродовж декількох днів від переслідування росіян (Russians); але нас очікували інші вороги, яких довелося долати, а саме: пустеля, голод, спрага, спека вдень і холод вночі, які однаковою мірою на нас згубно впливали. Оскільки цей степ, який нам необхідно було пройти, був безкрайнім і майже безводним, ми з жахом оцінювали ситуацію, в яку ми потрапили в настільки спекотну пору, коли нам не вистачало практично всього.

У такому безрадісному настрої дванадцятого липня (July) за новим стилем ми розпочали наш перехід. Уся наша армія була верхи на конях, окрім короля, який перебував у маленькому татарському (Tartar) візку, що нагадував наші легкі карети. Поруч з нашим монархом був генерал-майор Гард (Hard), якого було поранено в бою під Полтавою (Pultowa). Мазепа (Mazeppa) знаходився в кареті з кількома козацькими жінками. Навкруги стояла глибока тиша й ніхто не знав, у який бік прямувати, щоб перетнути цей степ; військо розтягнулося в довжину й рухалося двома колонами, в одній з яких були шведи (Swedes), які супроводжували його величність, а на чолі іншої, що складалася з козаків і волохів, був Мазепа (Mazeppa).

Степ, який ми повинні були перейти, народи-сусіди, а саме: поляки (Poles), татари й козаки, називали Диким полем (Dzike-Pole). Ця земля, яка спочатку в деяких місцях могла бути болотистою й порослою очеретом, а згодом ставала сухою й піщаною; зрештою, у даний час вона являла собою неозорі простори відкритої рівнини, яка була вкрита травою й не мала дерев. Подекуди на цій рівнинній місцевості були розкидані окремі пагорби з відмінними пасовищами.

Незабаром ми знайшли дорогу, що вела в бік кордону з Брацлавським (Braclau) воєводством, але ми нею не скористалися, вирішивши йти через степ прямо до Туреччини (Turky), не маючи перед собою навіть натяку на шлях, яким би коли-небудь пересувалися люди. Проте наші козаки вели нас, як капітани у відкритому морі, знаючи всі долини й річечки, усі болота, що траплялися на нашому шляху. Сам Мазепа (Mazeppa) теж не був невігласом у будь-якій частині цього степу, який він часто перетинав з козаками в останній

війні Росії (Russia) з турками, яка відбулася в кінці минулого сторіччя. Тоді він безупинно нишпорив усією цією місцевістю аж до Очакова (Oczakow) і цілком імовірно, що саме він порадив королю обрати цей маршрут.

Ці провідники повели шведів (Swedes) так, що обидві колони, які прямували різними дорогами, у перший же вечір об'єдналися поблизу болота, порослого очеретом; тут люди й коні змогли нарешті освіжитися після сильної денної спеки й жахливих потерпань через брак води. Тепер усі забули про пристойність, спрага переважила огиду, кожен насолоджувався питтям якоїсь підозрілої й каламутної води, якою дехто з нас навіть наповнив пляшки на наступний день, а наші провідники переконували нас, що нам не варто шукати кращого шляху. Що ж до коней, то їх ми відвели пастися, а люди продовжували страждати через брак продуктів харчування. Найбільше ж турбувало нас на цьому шляху те, що ми постійно були змушені залишатися на відкритому повітрі, не зустрічаючи в цих краях ніяких будинків чи хатинок. Може, й недоречним було б тут згадувати, але в цьому степу не було ні дерев, ні тіні, ми лише під вечір мали змогу ховатися від сонця за пагорбами, які в деяких місцях були досить високими. У іншу пору дня ми перебували під палючими променями сонця, які падали вертикально на наші голови в цю спекотну пору року.

Після того, як ми нагодували наших коней, ми подали всім сигнал, щоб труби більше не звучали, й потім продовжили свій похід. Ми, як і раніше, рухалися до опівночі, потім зупинялися, щоб дати відпочити коням, які були надто стомлені й дуже голодні. Однак ми не могли дозволити їм пастися в нічний час, бо вони могли розбігтися й значній частині наших людей довелося б рухатися пішки, що зробило б нашу ситуацію ще більш гнітючою. Проте декотрі з тих, хто спішився дещо пізніше, все таки відпустили коней пастися в цей час. У результаті декілька коней втекли й залишили своїх вершників у страшенній розгубленості. Після двох годин відпочинку ми тринадцятого липня (July) о другій годині ночі відновили наш похід. Якщо вдень ми страждали через жорстоку спеку, то вночі нам доводилося витримувати, окрім втоми, ще й надзвичайно пронизливий холод, який тривав аж до тієї пори, коли сонце з'являлося на горизонті; через це ми вже помітили, що холод був найлютішим за годину до сходу сонця, але як тільки сонце починало кидати свої перші промені, ми зразу ж підбадьорювалися, а вже через годину або дві спека ставала настільки надмірною, що так само, як ми мали упродовж ночі великі негаразди, рятуючись від холоду, так само ніякий одяг не був настільки тонким, щоб врятувати нас від надмірної денної спеки. Однак якими б дошкульними не були для нас ці обидві протилежні крайнощі, особливо спека, яку не пом'якшував ані найменший подих вітру, ми мали досить підстав дякувати богові, що цей сезон не був дощовим, бо в такому разі ми не змогли б упоратися із втомою і, найімовірніше, загинули б тут усі гуртом.

Ми спокійно продовжили наш похід до полудня, коли ми підійшли до води й змушені були зупинитися, щоб дати нашим коням хоч трохи підкріпитися на пасовищах, які були дуже гарні в цій місцевості, а вода була краща, ніж напередодні. Усе це нас дуже підбадьорило.

Що стосується провізії, то значна частина наших людей її не мала; проте вони мужньо трималися, не вживаючи в їжу те, що для них було надзвичайно неприємним. Тільки татари, які звикли їсти конину, перерізали горлянки тим коням, які вже не трималися на ногах, і готували їх м'ясо своєрідно: вони вибирали найкращі шматки конини, які вони або висушували на сонці, або ж клали їх під своє сідло, щоб зробити їх ніжнішими й такими, що легко засвоюються організмом; голод змушував їх їсти такий харч з найбільшим апетитом у світі.

Пробувши в цьому місці дві чи три години, ми всі знову осідлали наших коней і продовжили наш похід до опівночі, коли ми знову упродовж декількох годин перепочили. Ось таким чином ми й здійснили перехід від Борисфену (Boristhenes) до Бугу (Bog).

Чотирнадцятого липня (July) ми в степу надибали декілька широких і довгих ділянок землі, які всі були густо вкриті вишневими деревами особливого сорту. Вони являли собою низенькі чагарники, товщиною приблизно як маленька берізка й не вищими за траву; плоди на них були розміром як на звичайних диких вишнях, червоними й різкими на смак. Козаки їх дуже жадібно поїдали, що заохотило наших людей теж їх спробувати. Виявивши їх смачними, наші солдати набрали із собою велику кількість цих вишень, кожен ніс два або й три кущі, у дорозі їх використовували для того, щоб освіжитися. Ці вишні нагадували дерева з родини хамацереусів (Chamaccrasi), тобто ті, що стелються. Згадка про них є ще у Плінія (Pliny) й нині їх вирощують у Швейцарії (Switzerland), де їх називають гірськими вишнями (Mountain-Cherries).

Окрім цього, ми зустріли в цій місцевості різних диких тварин, зокрема зайців, диких овець і декілька видів курiпок. Що стосується овець, то кілька наших людей погналися за ними й кількох забили. Козаки запевняли нас, що їх м'ясо дуже смачне й це було дуже доречним за нашої нинішньої скрути. Головною проблемою було те, як його приготувати в цьому безкрайньому голому степу, де не можна було віднайти жодної дерев'яної палички для того, щоб розвести вогонь. Однак, оскільки потреба є матір'ю винаходу, то в дорозі ми додумалися використовувати кінський кізяк, який ми висушували на сонці, а потім використовували як паливо для смаження нашої дичини; звичайно, жару від цього вогню не вистачало, щоб м'ясо наших овець ставало достатньо ніжним, але ті, хто його вживав, підтвердили, що його смак дуже нагадував смак м'яса косулі; проте ці тварини зовсім не були схожими на наших овець, бо були худішими, вищими і з вигнутими шиями, а їх вовна була чорного кольору.

П'ятнадцятого липня (July) ми перетнули дорогу, яка вела від Брацлавського (Braclau) воєводства до України (Ukrain). Там козаки зустріли селянина, який супроводжував в Україну (Ukrain) віз, навантажений сіллю; оскільки

ми мали велику потребу в цьому продукті й не були впевнені, що він не потрапить до рук ворога, то козаки позбавили селянина подальших турбот, негайно купивши в нього як увесь його вантаж, так і його коней.

Брак продуктів усе ще залишався досить значним, голод дошкуляв нам усе дужче й дужче. Він зрештою спочатку змусив кількох наших людей, подібно до татар, їсти конину, а потім і всі від першого до останнього долучилися до цієї їжі. Дехто з нас мав ще трохи харчових запасів, але приховував це, побоюючись небажаних партнерів, з якими б довелося ділитися.

У той же самий час ми потроху наближалися до кордонів Туреччини (Turky), хоча це й важко було помітити в цьому степу. Козаки повідомили нам, що ми вже подолали більшу частину дороги між Борисфеном (Boristhenes) і Бугом (Bog). Оскільки ми не знали, як нас у такій значній кількості зустрінуть, то його величність заздалегідь послав генерала Понятовського (Poniatofski) із секретарем Клінкостромом (Klinkostrom) до правителя Очакова (Oczakow), щоб повідомити того про наше прибуття й передати йому прохання потурбуватися про нас, коли король прибуде до Бугу (Bog): тобто, аби там було все готове для переправи його через річку з усіма людьми й щоб на місці було достатньо продуктів, які б король міг купити за готівку.

Паша, тобто правитель, негайно відповів, що без прямого наказу великого султана він не може дати дозвіл королю на переправу. Проте після неодноразового на повторне лявмовляння Понятовського (Poniatofski), який у дуже емоційній манері переконав пашу не гаяти дорогоцінний час, він погодився без зволікань послати листи короля морем до Костянтинополя (Constiantinople). До цих листів він додав свої власні міркування й водночас послав кур'єра до сераскира-паші або, інакше кажучи, правителя Бендер (Bender), щоб отримати від нього пораду, як йому діяти в цій непростій ситуації, поки не надійшла відповідь з Костянтинополя (Constiantinople), яку можна було очікувати через чотири чи п'ять днів за попутного вітру; саме ж місто Очаків (Oczakow) знаходилося на березі Чорного моря.

Сераскир відповів паші, що тому поки що не слід нічого робити, але варто за готівку забезпечити нас продуктами й тримати всі вітрильні човни й людей у готовності до переправи короля через Буг (Bog); при цьому він радив паші бути з нами дуже люб'язним, оскільки мав відомості, що росіяни (Russians) вже переправилися через Борисфен (Boristhenes) і кинулися навздогін його величності.

Понятовський (Poniatofski) і Клінкостром (Klinkostrom) повернулися з цими новинами, ще не знаючи відповіді сераскира Бендер (Bender), про яку ми дізналися згодом, ще перебуваючи в дорозі. Незабаром ми дісталися місцевості, де земля була надзвичайно піщаною й сухою, з нікудишніми пасовищами. У цих краях також протікала річка, перша, яку ми побачили після Борисфену (Boristhenes), і називалася вона Великий Інгулець (Ingulet Weliki), що вказувало на її значну величину. Таку назву їй дали, щоб відрізняти від іншої річки, яка була дещо лівіше й називалася Малим Інгульцем (Ingulet Malinki), що натякало на її невеликі розміри.

Річка залишилася від нас з правого боку, а ми від неї продовжили наш похід і стали невеликим табором на відстані однієї ліги від Бугу (Bog). Там ми знайшли достатньо води, яка, проте, була несвіжою й мала неприємний смак як для людей, так і для коней. Оскільки ми були дуже наполегливими в пошуках прісної води, то нашим козакам, які завжди були в русі й які чудово знали місцевість, пощастило неподалік від табору виявити джерело відмінної води [Пан Вольтер (Voltaire) у своїй історії Карла (Charles) XII стверджує, що генерал Понятовський (Poniatofski) виявив це джерело під вербою. Проте це не відповідає дійсності, оскільки в усьому цьому степу не було нічого, з чого б могла вирости навіть маленька гілочка. — *Прим. авт.*]. Було небезпідставне побоювання, що така велика кількість людей відразу спустошить джерело, тому біля нього було поставлено вартових, щоб підтримувати порядок і щоб король завжди міг мати свіжу й чисту воду. Нещасні ж коні, окрім того, що мали погані пасовища, були змушені, як і раніше, пити брудну воду, яка мала гіркий присмак через близькість Евксинського (Euxin) моря.

Навколо нас ми бачили вовків, один з яких був приголомшливого розміру й пробіг просто поміж нами; йому пощастило втекти, бо він посіяв такий жах серед усіх наших людей, що мав достатньо часу для уникнення небезпеки.

Ми вже були на кордоні з Туреччиною (Turky) й чим далі ми просувалися вперед, тим пейзажі ставали дедалі гарнішими. Нам сказали, що в цій країні є місцевості, порослі дикими динями; ми ж наткнулися лише на кілька полів, укритих дикою білокачанною капустою. Незважаючи на всі принади цієї найродючішої в світі землі, уся місцевість аж до самого Бугу (Bog) була пустельною й не було помітно навіть найменших ознак того, що вона коли-небудь була заселена [У нас дійсно були вагомі підстави захоплюватися тією незбагненною й глибокою мудрістю, з якою бог розподілив частини цього світу між людьми, давши одним так багато диких і безплідних земель, на яких вони постійно змушені були наполегливо працювати, щоб отримати шматок хліба, якого часто було недостатньо навіть для того, щоб усіх їх прогодувати. Водночас так багато прекрасних і родючих районів залишилися незаселеними й необробленими. Цей степ, безумовно, відноситься до цих останніх місцевостей, які ще навіть не мали власних найменувань не тому, що їх неможливо було освоїти, отримавши все необхідне для життя, а з невідомого нам мудрого божого провидіння.

Можливо, такому заселенню перешкоджала нестача води, але це не могло стати суттєвою причиною, оскільки ця незручність легко виправляється копанням колодязів, як це роблять у Польщі (Poland) й Україні (Ukrain), де в тисячі місць тільки такою водою й користуються; а болота, які є в цьому степу, яскраво підтверджують, що там має бути велика кількість джерел. Крім того, дві річки Інгулець (Ingulet) живляться прісною водою не лише у верхів'ях,

а й на середині течій і навіть за декілька ліг від Евксинського (Euxin) моря; тут також сприятливі умови для торгівлі, головним чином через наявність транспортного сполучення Евксинським (Euxin), або, як його ще називають, Чорним морем.

Що стосується деревини, яка є головним дефіцитом у цій чудовій місцині, то її можна легко доставляти сюди двома шляхами; зокрема Борисфеном (Boristhenes) і морем: так що ця місцевість може стати великим і важливим князівством, якщо хтось візьметься за її освоєння. Хоч ми й не могли зрозуміти, чому сотні тисяч людей до цих пір не доклали зусиль для того, щоб заволодіти цією щедрою землею, можна виокремити деякі з усіх можливих вагомих причин того, чому сусідні народи ніколи там не оселялися.

По-перше, це брак деревини та води, двох речей, яких важко знайти в цьому степу. По-друге, ледачість і природна тупість людей, які не лише не бажають розвивати промисловість, а й жодним чином не хочуть турбуватися про те, щоб зробити своє життя зручним і привабливим. По-третє, значні площі сусідніх країн, розміри яких надмірні для наявної кількості їх мешканців і в них ще залишаються неосвоєні місця. Наприклад, Україна (Ukrain) є країною з такими обширними просторами, які спроможні не тільки щедро годувати її жителів, але й, окрім цього, ще й виробляти достатньо для того, щоб допомагати всім своїм сусідам. По-четверте, не помиляються ті, хто приписує причину цієї недбалості древнім скіфам (Scythians), я маю на увазі європейських скіфів, які згідно з твердженням Квінта Курція (Quintus Curtius) мешкали лівіше Фракії (Thrace), яка в даний час називається Румунією (Romania). Їх землі простягалися від Костянтинополя (Constantinople) аж до Борисфену (Boristhenes) уздовж узбережжя Евксинського (Euxin) моря, а від Борисфену (Boristhenes) до Танаїсу (Tanais), який інакше називається Доном (Don). Ці скіфи (Scythians) ніколи не мали позначених кордонів між своїми землями й чітко не могли назвати, які з них їм належали. Вони нехтували заняттям землеробством і жили, харчуючись лише молоком і медом, не мали ні постійних будинків, ні іншого певного місця проживання і постійно мандрували степом з одного місця на інше зі своїми дружинами, дітьми й великою рогатою худобою. Не дивно, що їх нащадки залишили частину цієї країни неосвоєною й у тому ж стані, в якому вони її отримали, зберігши в той же час деякі залишки древньоскіфського (Scyhian) способу життя. Наприклад, запорожці (Zaporovians) до цих пір мешкають тільки в землянках, або в наметах з повсті, які вони легко можуть переносити з одного місця в інше, і харчуються тільки худобою, дичиною й рибою. Звідси можна легко зробити висновок, чому ця чудова місцевість досі залишається пустельною на півночі й чому вона постійно залишається в такому стані. Не варто забувати також звичаї сусідніх народів, одним з яких є татари. П'ята причина того, чому зокрема південна частина цієї місцевості не заселена турками, яким вона належить, та ж сама, на яку ми вказали у третьому пункті, а саме: значна площа цієї країни й брак чоловічого населення; це особливо помітно при подорожі цією країною від Бугу (Bog) до Дністра (Niester), де степові простори повністю незаселені, хоча місцевість тут приваблива й безпечна.

Що ж стосується поляків, чия територія прилягає до цього степу із західного боку, то в них немає необхідності шукати нові землі, покидаючи свою власну родючу й прекрасну країну, яка здатна їх усіх щедро всім забезпечити. На сході цей пустинний степ обмежений лише Чорним морем. Мало хто може чітко усвідомлювати, якими мотивами й вигодою керуються віддалені й цивілізовані успішні народи, коли посилають колоністів на інші землі, оточені розбійниками й варварами, які не мають ні законів, ні моральних норм. Це незрозуміло до тих пір, допоки захист цієї колонії не забезпечений могутньою сторонньою силою, завдяки якій вона може почувати себе в абсолютній безпеці й навіть слугувати бар'єром проти такої грізної сили, якою є турки (Turks). — *Прим. авт.*].

Після кількагодинного відпочинку в цьому місці, шістнадцятого липня (July) ми продовжили наш похід до Бугу (Bog), якого ми дісталися через дві години. Ми розмістилися на чудовому лузі вздовж річки, але втамувати спрагу нам там не вдалося через нестачу прісної води, яка хоч і була в наявності, але вже починаючи за багато ліг звідси й аж до самого Чорного моря річкова вода ставала неприємною на смак. Що стосується ширини цієї річки, витоки якої починаються далеко на Поділлі (Podolia) й яка є судноплавною ще в Польщі (Poland), то в цьому місті вона становила добрі чверть ліги. Турки (Turks) вже нетерпляче там чекали на нас, побоюючись можливості втратити свої продукти; як тільки вони помітили наше прибуття до протилежного берега, жадоба до грошей змусила їх щосили прагнути до якнайшвидшої зустрічі з нами.

Неважко уявити, з яким бажанням наші напівголодні люди чекали на них. Оскільки було побоювання виникнення безладу, король розмістив біля річки охорону для того, щоб запобігти паніці, яка могла трапитися, коли човни пристануть до берега, і щоб у першу чергу було обслужено його величність з його почетом.

Після прибуття до нас турки (Turks) зразу чудово зрозуміли, як перетворити наші бажання в свій прибуток. Вони, подібно до євреїв (Jews), відчули, яку користь від нас вони можуть отримати, зокрема, коли помітили, в яких умовах ми перебуваємо, а особливо, коли побачили, як ми давали їм гроші, не звертаючи уваги на ціну товару, яку бідні голодні шведи (Swedes) вважали реальною. Проте, зрештою, обидві сторони залишилися дуже задоволеними: і турки (Turks), які мали від нас гарний виторг, і шведи (Swedes), які нарешті вгамували голод, від якого вони дуже страждали.

До провізії, яку купці доставили нам, входили вівці, свійська птиця, риба, хліб, печиво, інжир, декілька сортів вина, прянощі, дрова і т.д. Вівці в них були великі, гарні й дуже гладкі; птиця була звичайною; хліб і печиво були дуже ретельно спеченими й дуже смачними. Інжир не був

ні свіжим, ні цілим, а порізаним на цукати, що були нанизані дюжинами на стебла соломи; спочатку ми купили його у великій кількості, а опісля купували вже за півціни.

Що стосується вина, то нам його привезли різних сортів, але переважно це було вино з Криму (Crim), дуже п'янке, не надто приємне на смак і трохи червонуватого кольору. Також нам принесли ще один сорт вина, яке, за словами торговців, було грецьке (Greek). Воно мало таку ж міцність, як і кримське (Crim), проте було незрівнянно смачнішим. Ці два сорти вина, порівняно з іншими продуктами, були не надто дорогими. Попри все, необхідно було проявляти велику обережність, оскільки було дуже легко захопитися цим вином, а не просто втамувати ним спрагу. Наші люди, які були дуже виснаженими спрагою, відчули на собі погані наслідки цього й спочатку дещо недобре себе почували. Потім ми виявили, що цей напій не тільки не втамовує спрагу, але навіть здатен посилювати її, тому ми перестали його купувати. Вівці й дрова призначалися для короля, який мало споживав гарячих страв упродовж усього часу, поки ми перебували в степу.

Під час торгівлі з турками (Turks) у нас виникали певні труднощі, бо ми не знали ні їхніх грошових одиниць, ні їхньої мови, серед нас не було жодного, хто міг нею розмовляти. Вони привезли із собою єврея (Jew), який слугував перекладачем; але що могла зробити одна людина серед такої кількості людей, у такій великій тисняві й такому безладі? Дрібні монети турків переважно складалися з асперів (aspres) і пар (parasi), які вони найчастіше згадували; у нас із срібних монет було лише два види: гроші (gros) й копійки (copekes), перші були німецькими, другі російськими. Оскільки копійки (copekes) були надто дрібні, то спочатку турки (Turks) їх брали неохоче; але єврей роз'яснив їм, що вони прирівнюються до саксонських грошових одиниць, зокрема таких, як німецькі (German) флорини, після чого вони почали їх брати із задоволенням, оскільки пізніше могли отримати значну вигоду, переплавивши або обмінявши їх. Проте з усіх видів монет турки найохочіше брали дукати, вони навіть просили нас розплачуватися саме ними; хоча згодом кожен з нас і прагнув відстоювати свою думку щодо цін, але ми, тим не менше, були змушені скоритися скупості турків (Turks), які, слід зауважити, не зловживали отриманою можливістю занадто піднімати ціну на свій товар, щоб продавати його якомога дорожче.

Оскільки його величність піклувався не так про себе, як про своїх виснажених солдатів, він розпорядився, щоб м'ясо й хліб розподілили між ними, й віддав наказ щодо закупівлі биків, овець та інших продуктів харчування для швидшого відновлення сил армії. Один турок (Turk) ще на самому початку прийшов прямо до короля з овечкою та іншими продуктами й показав їх королю. Наш правитель наказав видати йому дванадцять дукатів, про що той розповів іншим купцям, після чого ті прибули натовпом з усіх усюд і поклали до ніг короля все краще, чим вони могли його пригостити. Його величність, як і раніше, продовжував виявляти свою щедрість, яка доповнювалася його витонченими й величними манерами. Купці, які це побачили, відразу ж перейнялися повагою до його особистості; так що дуже помиляються ті, хто вважає цей народ надзвичайно варварським: турки (Turks) високо цінують гідність та чесноти й проявляють себе, за незначним винятком, не менше, а можливо, навіть і більше щирими, чесними й шляхетними, ніж багато християнських народів.

Оскільки довго залишатися на цьому боці річки ставало небезпечним, бо противник повним ходом мчав нам навздогін, його величність наполіг на негайній переправі, знову пославши гінців у Очаків (Oczakow) [Це місто розміщувалося на протилежному березі Бугу (Bog) й знаходилося на відстані п'яти чи шести ліг від нас. — *Прим. авт.*] до паші, щоб нагадати тому про виконання королівського прохання.

Паша не заперечував, але повідомив, що він отримав від сераскира Бендер (Bender) розпорядження щодо короля з його невеликим почетом; проте в цьому наказі не містилося жодної згадки про військо його величності. Отже, він міг дозволити переправу тільки королю з певною кількістю челяді й збирався підготувати все необхідне для цього, але для переправи королівського війська йому потрібен був наказ із Костянтинополя (Constantinople). У той же час паша під загрозою якнайсуворішої кари заборонив усім човнярам і купцям, які доставляли нам провізію, брати до себе на борт будь-кого із шведів (Swede). Було підготовлено тільки один невеликий човен, який завжди перебував у готовності для короля й декого з прислуги.

Король був здивований таким трактуванням пашею наказу сераскира й рішуче заявив, що він не буде переправлятися через річку без усіх своїх людей, яких він би ніколи не покинув; водночас король повідомив пашу про те, що коли він уперше попросив дозволу на переправу, то мова йшла не тільки про його власну персону. Також було сказано про те, що накази паші від сераскира, які той йому незабаром надішле, безумовно, будуть стосуватися всіх, хто прибув з королем. Проте усі наші прохання нагадували розмову з глухою людиною, яка зовсім не була прихильною до шведів (Swedes), хоча ті робили все, що було в їх силах, включно з обіцянками та подарунками для завоювання симпатії паші. На перших порах усе було марним, але потім, після отримання від нас значної суми грошей, паша погодився на наші прохання навіть без будь-яких подальших наказів з Констянтинополя (Constantinople).

Поганий настрій паші значно підсилювався через козаків, які були з нами й частково стали причиною того, що він так довго опирався. Його можна було переконати бути поступливішим до шведів і без таких значних затрат з нашого боку, якби з нами не було козаків, до яких турки завжди ставилися підозріло, особливо в цій місцевості. У такій напруженій ситуації нам нічого не залишалося, як щедрими обіцянками завойовувати прихильність паші, щоб той дав дозвіл купцям переправити шведів. Зрештою, нам самим пощастило вмовити одного з них, чий човен вміщував близько п'ятидесяти осіб, перевезти нас наступного дня за ціною у два дукати за кожну людину.

Шведи (Swedes), переважно всі знатні люди, які домовилися про цю переправу, вирушили ввечері сімнадцятого липня (July) до човна, який згідно з умовою був найнятий на весь наступний день. Вони пробули там всю ніч, щоб мати більшу гарантію через побоювання, що купець може змінити свою думку. Проте на світанку вісімнадцятої липня (July) вони не побачили ні купця, який уже отримав половину грошей, ні його веслярів. Ті, хто вже сів у човен, вирішили взяти кілька шведських (Swedish) солдатів, щоб ті гребли до іншого берега, ні на кого більше не чекаючи. Коли вони дісталися середини річки, то здибали човен турка (Turk), господаря судна, з яким було близько двадцяти чоловік. Той почав несамовито репетувати на шведів (Swedes), щоб ті негайно верталися назад, бо в іншому випадку вони зараз про це пошкодують. Ця погроза не справила жодного враження на шведів (Swedes) і вони, як і раніше, продовжували веслувати до протилежного берега. Турецький (Turkish) купець, щоб залякати їх, наказав своїм людям підготуватися відкрити вогонь; водночас наші люди зайняли бойову оборонну позицію й цим вселили такий страх у мусульман (Mussulmen), що вони дали задній хід і повернулися до берега раніше за шведів (Swedes), які, не відаючи, що турки будуть робити, коли вони причалять, перебували в готовності до будь-якого розвитку подій. Проте все склалося краще, ніж очікувалося: за винятком кількох образ, які шведи (Swedes) вдали, що не почули, справу владнали, не доводячи до сутички. Турки (Turks) задовольнилися тим, що шведи (Swedes) негайно звільнили човен, в якого вони поспішно посідали й поплили до Очакова (Oczakow).

Шведи (Swedes), які переправилися, були дуже раді, що опинилися в безпечному місці, але вони були дуже стурбовані з приводу сумної долі всіх інших, тому що більше жоден турок (Turk) не наважився здійснити благородну справу стосовно їх переправи, яку паша суворо заборонив. Однак коли паша раптово отримав більше грошей, ніж сподівався, турки (Turks) дали нам човни до вечора вісімнадцятого липня (July), й ми успішно ними скористалися і того ж дня й наступного дев'ятнадцятого липня (July), коли переправили значну кількість людей.

Що ж до короля, човен якого перебував у повній готовності, то він, як і раніше, продовжував піклуватися про переправу своїх людей, а також усіляко підбадьорював їх. Це вселяло паші побоювання, що він дуже ризикуватиме, якщо швидко не надасть більше човнів для переправи решти наших людей. Король твердо вирішив залишатися на тому боці доти, доки не будуть перевезені всі його люди. Коли ж турецький (Turkish) правитель нарешті послав більше човнів, було вже занадто пізно. Король на той час уже переправився, а росіяни (Russians), які незабаром прибули, взяли в полон усіх тих, хто залишився на тому березі. Супровід короля після здійснення переправи складався з гетьмана Мазепи (Mazeppa), генерал-майорів Аксель-Спарра (Axel-Sparr), Гардба (Hardb), Лагеркрони (Lagercrona) й Понятовського (Poniatofski); полковників Орнстедта (Ornstedt), Гірти (Hierta) й Даблдорфа (Dabldorf); підполковників Гілленкрока (Gyllenkrok), Еренширьда (Ehrenschild), Функа (Funk), Зільвербельма (Silverbielm), Гротбусена (Grotbusen) й Лейонбрінка (Leyonbrink); генерал-ад'ютанта Гілленкли (Gyllenkla) й декількох інших офіцерів різних звань і посад з рештою драбантів (Drabans) і кількома солдатами загальною кількістю до чотирьохсот осіб чи близько того, не враховуючи кількох представників козацької старшини.

Стосовно челяді королівського двору, то до неї входили маршал Дюбен (Duben), камергери Торншольд (Thornschold) і Клінгштірна (Klingstierna); судді Клюзендорф (Clusendorf) і Кронмарк (Cronmark), королівський сповідник єпископ Мальмберг (Malmberg), який згодом помер у Бендерах (Bender) і який замінив пана Нордберга (Nordberg), узятого в полон під Полтавою (Pultowa), два комірники його величності, дворецький, економ, кухар, кілька помічників і слуг кухаря та декілька лакеїв.

До складу королівської канцелярії входили: радник канцелярії пан Мюллерн (Mullern), військовий радник пан Фіфф (Fieff), три секретарі Бунге (Bunge), Гілтен (Hylteen) і фон Кохен (Von Kochen) та чиновники, загальна кількість яких складала п'ять чи шість сотень осіб.

Уся решта війська могла б дуже легко переправитися від того часу, коли ми прибули до Бугу (Bog), якби паша не виявляв стільки неприязні відносно нас і якби він надав нам своєчасно потрібну кількість човнів, яких в Очакові (Oczakow) було дуже багато. Проте впертість цього турка (Turk) аж до вручення йому грошей стала причиною того, що після полудня дев'ятнадцятого числа росіяни (Russians) заскочили зненацька решту наших людей, відразу ж зупинили кілька суден і відкрили вогонь по тим, хто на час їх прибуття відпливав від берега, щоб перетнути річку.

Оскільки шведи (Swedes) були не в змозі протистояти значно переважаючій силі супротивника, то невдовзі вони були змушені здатися в полон; що ж до до козаків, які знали досконало цю місцевість, то вони врятувалися, кинувшись навтіки в степ. Росіяни (Russians) їх недовго переслідували, бо були такі ж стомлені, як і шведи (Swedes), й були неспроможні їх наздогнати. До того ж, росіяни (Russians) вже достатньо далеко заглибилися в межі турецьких (Turkish) кордонів і здійснили немало військових маневрів на території великого султана, ризикуючи в подальшому потрапити в халепу, яка б мала для них фатальні наслідки у випадку, якби турки (Turks) розгнівалися й зайняли місцину позаду них, відрізавши таким чином їм шлях до відступу. Через це вони швидко повернулися назад до Борисфену (Boristhenes).

Мабуть, на той час ще було недостатньо страждань для цих бідних нещасних людей, які вже й так натерпілися від жахливих злигоднів і втоми при проходженні через пустинний степ, але вони знову були змушені перетинати його ще й вдруге в якості невільників, в умовах значно скорботніших і плачевних. Мало хто з них дістався основного московитського (Muscovite) війська; козаки повідомили нам, що вони знайшли потім безліч з них, полеглих у цій пустелі від голоду, страждань і втоми, а росіяни (Russians) самі

перетнули цей обширний степ з великими труднощами. Ті ж, хто мав щастя врятуватися, були дуже втішені, знаючи, що їх король у безпеці, попри невизначеність своєї долі, перебуваючи в чужій країні й віддані на розсуд людей, про яких європейці (Europeans) зазвичай мають помилкові уявлення. Вони, проте, дуже шкодували за втратою своїх вірних товаришів, а також за багажем і всім, що вони тягнули з собою від Борисфену (Boristhenes) аж до Бугу (Bog) й що було захоплене й дісталося ворогу. Найбільше було шкода втрачених коней, з яких далеко не всі перетнули річку; так що навіть кілька знатних людей були змушені потім продовжувати подорож пішки.

Як тільки паша почав міняти своє ставлення до нас, він наказав доставити в наш табір провізію та інші необхідні речі. Турецькі (Turkish) купці прибули туди натовпом і принесли нам всіляких товарів, і поміж іншим, коней і возів, які вони продали дуже дорого тим, хто був спроможний заплатити за них, що все одно втішило наших людей, які були страшенно втомлені й пригнічені. Тільки король, незважаючи на свою рану й те скорботне видовище, яке він побачив, коли його людей забирали в неволю практично перед його очима, зберіг свою природню велич розуму і спокій, що було неймовірним і гідним героя.

Ми сподівалися, що замість пустелі, через яку ми вже пройшли, нам надалі пощастить зустріти в дорозі міста й села; але наші сподівання на це виявилися повністю марними, ми до цих пір не перетнули увесь цей великий степ, який простягався й далі, так що вдень ми потерпали від неймовірної спеки, не будучи в змозі знайти ані найменшого затінку, а вночі в нас була лише земля замість матраців і килимків та небо замість ковдр. Але, оскільки ми нарешті перебували в безпеці від ворога, який уже не міг переслідувати нас, то всі, хто міг, придбали за всяку ціну невеликі турецькі (Turkish) візки, зроблені в манері цієї країни, а саме довжиною в зріст людини, дуже вузькі й без будь-якого металу й такі легенькі, що один кінь міг його спокійно тягнути. Вони були покриті повстю, мали чотири колеса й борти висотою в півтора дюйми; ми як змогли пристосувалися до цих візків і, хоч і повільно, але продовжили наш похід. Удень ці візки слугували нам для укриття в тих місцях, де ми розташовувалися, вночі ми використовували їх замість ліжок, а коли йшов дощ вони були нашим єдиним дахом; у той же час ними ми перевозили наші нехитрі пожитки, у них ми могли мешкати й мати прихисток як колись Діоген (Diogenes) у своїй бочці.

Потім ми зрозуміли, що сама місцевість змушувала тутешніх мешканців жити на кшталт древніх скіфів (Scythians); бо, хоча цього відомого народу вже протягом тривалого часу й нема на світі, його спосіб життя ще так багато практикується в усій цій країні, бо її жителі до цих пір продовжують мандрівне й бродяче життя без будь-якої осілості й постійного житла, безперервно пересуваючись від одного місця до іншого, без заснування міст і сіл.

Це було видовище однаково сумне й кумедне — бачити як ми вранці вилазимо з-під повсті на цих візках; на те, як ми пересувалися, також не можна було дивитися без сміху.

Попри це, рухатися на цих візках через степ було зручніше, ніж раніше, коли ми пересувалися верхи на конях і від чого втома, зрештою, ставала зовсім нестерпною. Як тільки ми були забезпечені всім необхідним для продовження нашої подорожі, ми негайно вирушили в дорогу, оскільки в місці, де ми тоді перебували, не було ні гарного пасовища, ні прісної води. Потім ми повернули в напрямку до Очакова (Oczakow), усе ще рухаючись через велику рівнину, на горизонті якої була пустка. Коли ми побачили, що його величність обрав цей маршрут, ми мали надію, що він стане табором поблизу міста, де ми могли б відпочити й відновити наші сили. Проте, як виявилося, це не було наміром ні його величності, ні паші, тому ми раптово повернули вправо від Очакова (Oczakow), рухаючись через необроблені й безлюдні поля, і стали табором за три ліги від цього міста.

Однак, це місто стало нам дуже в пригоді. До паші було відправлено кілька шведів (Swedes), які повинні були отримати в нього необхідний документ, який би дозволив безперешкодно входити в місто й купувати продукти для короля. Декому це врятувало життя, оскільки з'явилася можливість купити в місті тисячу дрібних речей, яких ми потребували через хвороби, які були спричинені пережитими злигоднями й які стали поширюватися поміж нас, а особливо дизентерія, якої мало хто уник, окрім короля.

Ця хвороба поширилися серед нас зразу ж після нашого прибуття до Бугу (Bog). Як тільки ми почали вживати те, що турки (Turks) нам принесли, їх міцне вино, інжир і всі ці цукати не змогли засвоїтися з тією кількістю води, якою ми заповнювали наші шлунки, йдучи через степ в умовах надзвичайної спеки, від якої ми дуже потерпали.

Ми перебували в нашому першому таборі на цьому боці Бугу (Bog) двадцять першого й двадцять другого липня (July). Його величність використовував весь цей час для ведення перемовин щодо нинішнього стану справ; зрештою він вирішив послати когось до Костянтинополя (Constantinople). З цією пропозицією король звернувся до кількох осіб, але вони відмовилися брати на себе такі повноваження під приводом того, що вони не знають ні дійсного стану справ, ні звичаїв та традицій цієї країни. Тоді його величність послав за містером Нойгебавером (Neugebaver), уродженцем Данціга (Dantzick), який після звільнення зі служби у московитів (Muscovite) деякий час слідував за армією в якості добровольця із пристойною пенсією. Його величність особисто попросив того про послугу й містер Нойгебавер (Neugebaver), який прагнув прислужитися королю, негайно прийняв пропозицію стати до роботи. Вони без затримки відіслали королівські вірчі грамоти й наступний лист від короля Швеції (Sweden) до великого султана.

До найвеличнішого, наймогутнішого, найславетнішого й непереможного імператора АХМЕТА, сина МАГОМЕТА Четвертого; імператора різноманітних імперій, короля багатьох королівств, правителя й покровителя

численних різних народів; кого Бог захищає й чию владу підтримує.

«Цей лист, підписаний нашою королівською рукою, доводить до відома вашої величності про наше прибуття до ваших володінь; також повідомляє вас про невдачу, яка спіткала нас у суперечці з царем, після того, як ми мали кілька успішних нагод справедливо покарати його за порушення законних прав народів і умов договорів, у чому урочисто поклялися. За тим, як ми змусили короля Августа (Augustus) відмовитися від корони Польщі (Poland), для якої він був швидше тираном, ніж королем, цей народ отримав зі свого середовища короля, який є другом вашої величної Порти. Потім ми відтіснили царя, його союзника й соратника по віроломству, з Польщі (Poland), яку він піддав плюндруванню, і переслідували його до самого міста Полтави (Pultowa), щоб відновити законність і зруйнувати його грабіжницькі плани; проте, на небесах для нашої армії, поріділій та втомленій виснажливим походом, яка потребувала найнеобхідніших речей для існування, було передбачено, щоб вона була раптово атакована втричі переважаючими силами противника, який був забезпечений усім необхідним, і зрештою програла бій.

Перебуваючи на досить значній віддалі від своїх володінь, ми були не в змозі зібрати нову армію й, прагнучи уникнення потрапляння до рук неприятеля-варвара, ми прийшли сюди для того, щоб знайти в цій імперії прихисток від його підступності й бути під благородним захистом вашої імператорської високості, а також щоб мати можливість негайно возз'єднатися з армією, яку ми полишили в Польщі (Poland) під командуванням гідного короля, якого ми дали цьому королівству, для підтримання його на троні в разі, якщо той, кого ми силою скинули, спробував би знову зійти на престол всупереч умовам договорів, які ми уклали з ним.

Від себе ми пропонуємо за цей прихисток і засоби для існування дружбу вашій величності й обіцяємо з нашого боку найщирішу прихильність, на яку ми тільки здатні. Перший доказ, який ми наводимо для заслуги прихильності до нас від вашої високості, це те, що ви маєте знати, що якщо ми дамо цареві, чиї амбіції викликані більше бравадою, чим вірою й честю, час скористатися перевагою, яку наша невдача надала йому над нами, то він може раптово напасти на деякі з ваших територій, як він і його союзники віроломно вчинили з нами, починаючи несправедливу війну не тільки без будь-якої заяви про неї, але навіть у розпалі миру, встановленого самим урочистим чином у той час, коли він запевняв нас обопільно через наших міністрів, що він буде щиро точно й добросовісно дотримуватися договорів і бажав би, щоб ми зробили те ж саме з нашого боку. Проте кілька фортець, які цей правитель спорудив на Дону (Tanais) й на Азовському морі (Palus Maeotis), і його новий флот достатньо чітко виявили його войовничі плани проти вашої країни й продемонстрували приклади його віроломства. У цій ситуації ми не бачимо нічого кориснішого чи правильнішою для того, щоб запобігти небезпеці, якою цей монарх загрожує вашій найяснішої імперії, ніж угода між нами й вашою величною Портою, за якою ваша високість забезпечить нам безперешкодне повернення в Польщу (Poland) й у наші володіння під охороною загону вашої доблесної кінноти й зміцнить нашу армію, яка є під керівництвом мудрого й вірного короля, який добровільно увійде в наш союз. Як було вже раніше, ми ще раз зберемо нашу армію й спрямуємо її в саме серце Московії (Muscovy), щоб вгамувати незаконні амбіції царя. Насамкінець, ми ніколи не забудемо ту прихильність, яку, якщо буде така милість вашої високості, ви виявите до нас і будемо шукати всі можливості й засоби, щоб на ділі довести нашу вдячність; ми завжди будемо вважати за особливу честь і справжнє задоволення те, що ми під цим листом підписуємося,

Ваш вірний друг, КАРЛ, син КАРЛА XI».

Пан Нойгебавер (Neugebaver), отримавши вказівки короля, вирушив у дорогу; але ще до його прибуття в Константинополь (Constantinople) турецький (Turkish) султан уже був поінформований про те, що сталося, через одного військового начальника, який три тижні супроводжував секретаря Клінкострема (Klinkostrom) й пана Сандула (Sandul), яких ми вже згадували, в армії аж до Полтави (Pultowa). Він був очевидцем кривавої битви, яка там відбулася, і як тільки ми перетнули Буг (Bog), зразу ж поїхав, щоб повідомити великого султана про те, що трапилося, а також надати йому відомості про прибуття шведського (Sweden's) короля, який потребував його захисту.

Наступного дня, а було це двадцять третього липня (July), до табору прибув турецький (Turkish) офіцер, якого послав сераскир Бендер (Bender), з листами, сповненими чемності й ввічливості до короля. У них цей управитель дуже співчував стосовно тих втрат, яких зазнав його величність, пропонуючи сприяти йому всім, що було в його силах. Він надіслав королю намет, який був дуже доречним, зважаючи на пору року, який відразу ж був встановлений для його величності.

Однак цей турок (Turk) пробув у таборі недовго, і після того, як він отримав гарний подарунок від його величності, повернувся дуже задоволеним до Бендер (Bender). Ми ж у той же самий час продовжили наш похід, минаючи Очаків (Oczakow) і, як і зазвичай, розташувалися табором у відкритому полі, не виявивши ні поселень, ні будівель.

Уся ця місцевість являла собою суцільну гнітючу пустелю, відому раніше під назвою готський степ (Solitudo Getarum, theDesart of the Getae), а в даний час її називають Татарським Акерманом (Tartary-Akerman). Простягається вона на північний захід від Ізмаїла (Ishmaeli) аж до Очакова (Oczakow). Там годі знайти найменшу хатину, трапляються лише поодинокі коні, які охороняються татарами, що живуть там і донині, не керуючись ніякими іншими законами, окрім інстинктів дикої природи, як це колись робили стародавні кочівники, що мешкали по сусідству з регіонами проживання даків (Daci), готів (Getae), і скіфів (Scythians), які спустошили Малу Скіфію (Scythia), Херсонес Таврійський (Taurica Chersonesus) і узбережжя Азовського моря

(Palus Moeotis) [Див. Ла Моттре, т. ІІ, с. 39. — *Прим. авт.*]. Вони споруджують стійбища, тобто свого роду маленькі села із своїх накритих візків, а також з наметів, які вони називають обами (Obas), що слугують їм для прикриття відступу від нападників або для проживання їхніх дружин і дітей. І, нарешті, вони живуть, споживаючи конину й м'ясо іншої великої рогатої худоби, а також сир, молоко, зокрема кобиляче; у той час, як одна їх частина здійснює часті набіги зі свіжими кіньми на сусідні народи, інша частина підгодовує тих коней, які потребують відпочинку, щоб відновити їх сили; вони вибирають для цього кращі пасовища, а також кращі луки, де їх племена або орди залишаються доти, доки росте трава.

Було дуже складно долати цей пустинний степ, який простягся на віддаль близько двадцяти ліг від Очакова (Oczakow) аж до Дністра (Niester); і якби не було настирливих і зацікавлених мусульман (Mussulmen), які слідували за нами з різними товарами, створивши своєрідний ринок прямо на шляху, яким ми прямували, і де ми могли собі придбати будь-яку необхідну річ і навіть купити коней, то ми ніколи не змогли б витримати цю виснажливу подорож.

Молоко, яке турки приносили нам, було не дуже смачне і з гіркуватим присмаком, що було спричинене великою кількістю полину, який ріс у степу; тому ми вирішили, що краще купувати воду, хоча вона й була теплою і неприємною на смак через те, що була доставлена здалеку в умовах клімату цієї країни. Проте навіть і ця вода була такою дорогою, що дуже часто один гарний ковток коштував близько двох грошів (gros), а то й більше. Вони також продавали нам вино, але, оскільки воно було надто міцне, то це не йшло нам на користь, бо воно нас тільки розігрівало й зовсім не вгамовувало спрагу. Нам принесли також декілька інших речей; серед іншого, відмінний фундук, який не поступався ні якістю, ні розміром тому, що був у Італії (Italy). Усе це пожвавлювало нашу подорож, особливо в тих місцях, де ми розташовувалися табором, оскільки там завжди збиралася велика кількість купців і торговців.

Коли король відійшов на відстань ліги від міста, він віддав наказ нам стати табором і залишатися там тієї ночі й наступного дня, а було це двадцять четвертого липня (July). У цьому місці ми помітили в його величності те, чого не спостерігали раніше, а саме зовнішні прояви глибокого смутку. Причиною цієї зміни в настрої короля стала звістка, яку він щойно отримав і яка повідомляла про смерть його старшої сестри, герцогині Гольштейн-Готторпської (Holstein-Gottorp).

Пан Клінкостром (Klinkostrom) уже давно привіз від королеви листа із цією сумною новиною; але, оскільки він прибув якраз перед боєм під Полтавою (Pultowa) та ще й через кілька днів після поранення короля, то граф Піппер (Piper), гадаючи, що буде помилкою в настільки небезпечний для здоров'я короля момент повідомляти йому про смерть його сестри, суворо заборонив Клінкострому (Klinkostrom) знайомити короля зі змістом листа в надії знайти сприятливіший час, щоб розповісти йому про смерть принцеси, яку він завжди ніжно любив. Поразка в битві під Полтавою (Pultowa) й наступні негаразди, спричинені нашим відступом через степ, стали тими чинниками, які послужили причиною того, що його величність був усе ще незнайомий із цією сумною новиною; було вирішено, що так і залишатиметься надалі аж доки ми не переправимося через Буг (Bog), а вже тільки потім віддати лист королю, оскільки вже не буде більше сенсу приховувати від нього його зміст.

Пан Мюллерн (Mullern), радник канцелярії, був призначений відповідальним за це. Він усіляко намагався пом'якшити гіркоту цієї новини, яка не могла для короля минути безслідно. Король, незважаючи на весь свій героїзм і велич духу, став зовсім сумним, почувши про смерть сестри, яка була для нього такою дорогою. До цього часу всі втрати, яких він зазнав, не порушували його спокій. Він завжди залишався незворушним і з безтурботним виразом обличчя посеред усіх його нещодавніх невдач; але цей останній удар був надто дошкульним для нього, і хоча раніше, незважаючи на біль його рани, ті, хто був тісно знайомий з ним, ніколи не чули від нього ані найменшого зітхання, то тепер він був настільки пригніченим смертю своєї сестри, що усамітнився в своєму наметі й не бажав нікого бачити й ні з ким розмовляти.

Оскільки король із самої юності загартовував себе, постійно й виснажливо вправляючись у бойовому мистецтві, то всі гадали, що для нього не характерне все те, що називається ніжністю, і що ніякі фатальні події не в змозі порушити його стійкість і твердість; або ж, що ймовірніше, у нього були ці якості, але він так добре тримав себе в руках і переборював їх, що ніколи не дозволяв собі їх зовнішньо виявляти й завжди глибоко приховав це у своїй душі. Проте цього разу ми з подивом побачили, який вплив могла мати любов до рідної сестри на серце, яке в іншому разі залишалося найтвердішим і найвеликодушнішим з тих, які, можливо, коли-небудь були відомі. Одним словом, тільки ця смерть коштувало йому стільки сліз, скільки не було ним пролито за весь час його правління [Це стає краще зрозумілим з деяких відомостей того часу; про які знав увесь світ; радники короля, коли дізналися, чим він займався двічі на рік, не могли достатньою мірою висловити захоплення побожністю його величності. Добре відомо, що в цей час упродовж цілих двох годин монарх молився, обливаючись слізьми й стоячи на колінах; такою щирою була його відданість богу. — *Прим. авт.*].

Попри це, наш правитель, після того, як він упродовж певного часу з горя дав волю першим проявам почуттів, якими природа його нагородила, швидко оговтався й повернув собі велич розуму, яку він завжди демонстрував у всіх інших випадках, і підкорився долі, віддавши себе на розсуд мудрих рішень бога. Він без затримки відіслав відповідь на лист у Стокгольм (Stockholm). Водночас король дозволив кільком офіцерам і солдатам, які були або пораненими або хворими, полишити табір і повернутися до Очакова (Oczakow), щоб вилікуватися й залишатися там до тих пір, поки

вони не будуть у змозі прибути до його величності в Бендери (Bender).

Цілком імовірно, що король віддав би перевагу Очакову (Oczakow), ніж Бендерам (Bender), якби паша поставився до нього люб'язніше; але через це, а також через деякі інші обставини, його величність нарешті прийняв остаточне рішення полишити околиці Очакова (Oczakow): це було дійсно дуже незручно, адже повідомлення, які мали були відіслані в Костянтинополь (Constantinopl), тепер потрібно було везти через степ замість того, щоб доправити їх морським шляхом.

Ми вирушили в дорогу двадцять п'ятого липня (July) після того, як простояли день і дві ночі в околицях Очакова (Oczakow), і стали табором у степу за дві ліги звідти. На цьому шляху нам довелося упродовж декількох днів відбивати постійні атаки нового ворога. Кожного дня зранку й до полудня до нас від морського берега прибувала неймовірна кількість сарани. Спочатку її було небагато, а потім вона ставала схожа на хмари, які закривали небо, після чого наставала настільки густа темрява, що навіть коли виходило сонце, то на всій цій безкрайній рівнині навколо нічого не було видно.

Ці комахи літали не поблизу поверхні землі, а приблизно на такій висоті, як ластівки. Вони рухалися доти, доки не знаходили поле, на яке можна було накинутися. Ми часто зустрічалися на нашому шляху з цими істотами, які, злітаючи вгору, вчиняли такий шум, наче починалася буря; потім вони налітали на нас, як ураган, вкриваючи ту ж саму рівнину, де перебували й ми, без будь-якої боязні бути розтоптаними під ногами наших коней. Коли вони злітали із землі в повітря, то все закривали перед нами так, що ми не могли перед собою нічого побачити, аж доки не виходили з того місця, де ці комахи зосереджувалися. У всіх місцях, де ця сарана сідала, вона вчиняла жахливе спустошення, пожираючи траву з корінням; так що замість гарної зелені, якою до того була вкрита місцевість, не залишалося нічого, окрім сухого й піщаного грунту. Важко було повірити в те, що така маленька тваринка могла перетнути море, якби життєвий досвід так часто не переконував у цьому нещасних місцевих мешканців. Після того, як ці комахи долали невелику акваторію Евксинського моря (Euxin sea), рухаючись з островів і сусідніх країн, вони потім пролітали значні відстані над сушею, знищуючи все, що зустрічалося на їхньому шляху; траплялося, що навіть пожирали двері в будинках.

Наступного дня, а саме двадцять шостого липня (July), ми продовжили наш похід тим самим степом, або інакше кажучи Татарським Акерманом (Tartary of Akerman) і стали табором за чотири ліги від того місця, яке ми полишили минулої ночі. Переночувавши там, ми наступного дня подолали п'ять ліг, проходячи поблизу озера Тілігул (Teligon), і стали табором на березі Евксинського моря (Euxin sea), узбережжям якого ми рухалися впродовж усього цього дня. Вода в морі була дуже прозора, особливо поблизу берега; так що його помилково називають Чорним морем (Black Sea). Таку назву ця водойма колись отримала, щоб відрізняти її від Білого й Червоного морів, так само як існує Біла (White), Червона (Red) й Чорна Русь (Black Russia). Увечері, коли король прибув до того місця, де ми повинні були розташуватися табором, туди приїхав посланець від татарського хана (Han of Tartary), який зажадав аудієнції в нього. Він відразу ж її отримав, і за тим, як посланець віддав його величності лист від свого господаря, королю було вручено подарунок — маленького татарського (Tartarian) візка, вкрито-го наметом і запряженого четвіркою коней. Король негайно дав відповідь на ханський лист і посланець, отримавши відповідний подарунок, відбув до Криму (Crim).

Двадцять восьмого липня (July) ми продовжили похід узбережжям Чорного моря (Black Sea).. Спека була нестерпною, вода почала псуватися, це завдавало нам значних страждань. Того дня ми просунулися вперед на чотири ліги. Двадцять дев'ятого числа й наступного дня ми відійшли від морського узбережжя на сім або й вісім ліг і дісталися убогого татарського (Tartarian) поселення, не бачивши до цього жодного будинку впродовж двадцяти днів походу від Борисфену (Boristhenes). Проте король заборонив нам залишатися там на ночівлю, щоб не турбувати місцевих жителів; ми лише взяли те, що вони нам пропонували, за що негайно розплатилися готівкою. У цьому поселенні були солом'яні житла, які швидше нагадували землянки, ніж будинки, а його мешканці, яких ми бачили, мали вкрай жалюгідний вигляд, мабуть, найжалюгідніший у всьому світі. Тридцять першого числа ми подолали шість ліг, рухаючись берегом Дністра (Niester). Після того, як було здійснено переправу через маленьку річку Кучурган (Kurkabun), ми наступного дня нарешті стали табором на відстані однієї ліги від Бендер (Bender).

Тут його величність почув новину про те, що цар послав до Костянтинополя (Constantinople) вимогу видати йому Мазепу (Mazeppa); але великий султан виявив до того великодушність і відмовився видавати його царю, чим король був дуже задоволений. Ми пробули два дні в цьому таборі, куди, всупереч нашим сподіванням, прибуло кілька шведів (Swedes), які в той час як росіяни захоплювали інших у полон на Бузі (Bog), сховалися в очереті, а потім після відходу противника знайшли спосіб переправитися через річку на турецьких (Turkish) човнах і наздогнати нас.

Коли ми прибули до Бендер (Bender), то виявили, що сераскир уже підготував усе необхідне для прийому короля. Як тільки він дізнався, що його величність уже на півдорозі до міста, то в супроводі кількох кіннотників вирушив нам назустріч. Після того, як сераскир віддав шану королю, він повідомив йому, що за наказом великого султана для короля й усіх його людей споруджено табір поблизу Бендер (Bender) на протилежному боці річки. Там ми знайдемо все, що на їх гадку, могло нам знадобитися; він хотів би, щоб король оцінив ті старання, які були затрачені на все це, і отримав задоволення. Король щиро подякував сераскиру за його турботу й компліменти. Після цього сераскир і кіннотники оточили карету короля, й ми знову вирушили в дорогу,

прямуючи, як і раніше, уздовж берега Дністра (Niester). Коли ми дісталися міста Бендери (Bender), від якого нас відділяла лише річка, з усіх гармат, які розміщувалися навколо фортеці, через певні проміжки часу були здійснені постріли. Коли король увійшов до табору, то виявив там чудовий намет, який призначався для його величності. Перед тим, як намет було розгорнуто, по обидва боки річки два загони яничарів зіграли військовий марш на честь його величності. Після того, як король увійшов до намету й подякував сераскиру, останній повернувся до міста зі своїм конвоєм; але для охорони короля ним було залишено загін яничар на чолі з їх командиром. Перед своїм від'їздом сераскир подбав, щоб і наші головні воєначальники з усією прислугою оселилися в прекрасних наметах, які були підготовлені для них; і де б вони мали всі зручності; що ж стосується його величності, то він був оточений величчю й пишнотою, гідних короля[257].

Дипломатична кореспонденція

ДОНЕСЕННЯ ГЕОРГА КАЙЗЕРЛІНГА (1708–1709)

№ 285
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва. 21/10 листопада 1708 р.

Частина 40. Оригінал.

…Щойно надійшла надзвичайна новина, про яку говорили пошепки; вона полягає у тому, що козацький гетьман Мазепа 28 жовтня / 8 листопада перейшов на бік шведської армії разом з 6 або, як інші воліють, з 10 тис. чоловік, а також усе його багатство має бути доставлено туди. Така неочікувана зміна змусила цей двір багато над чим задуматися, оскільки від постійної вірності Мазепи навіть залежала міцність держави, так що усі ті, до яких були щонайменші підозри, самі виглядали як зрадники, й мали понести помсту за Мазепу: ще недавно це стосувалося двох козацьких полковників, які засвідчували репутацію Мазепи й мали таємні зносини зі шведами. При цьому особливо були у розпачі ті, які були кращої думки про Мазепу, тому ніхто з них не міг повірити у те, що він, у його понад 60-літньому віці, при цьому фізично немічному настільки, що йому постійно щодня загрожувала смерть, міг вчинити таку дію, небезпечні наслідки якої можна було легко передбачити. До того ж, щороку цьому двору й тим поважним міністрам надсилалися від нього дуже щедрі подарунки, також серед усього іншого виконувалися найдрібніші забаганки Його Царської Величності, робилися найзначніші служби і виконувалися прохання, усе відбувалося в усвідомленні повної згоди і великої довіри, так що його довге життя пройшло під щасливим ставленням Його Царської Величності, а його вірність, смиренність цілком сприймались щиро, так що до цих пір проти нього не відбувалося жодних застережень. До того ж, особливого присмаку додає те, що буквально декілька днів перед цим, царським міністрам, які прибули до нього, без будь-яких сумнівів обіграли (відповіді) на шведські універсали, якими від нього під загрозою військової екзекуції вимагалося поставити провіант шведській армії, поряд з цим від нього отримали щиру відповідь, як останній документ його постійної вірності, тому усе було з доброю порадою, що коли московитська армія стане на найвигідніші позиції при його сприянні, то оточеному ворогу можна влаштувати суцільний розгром. Що ж до самого дизертирства, то поки що мало відомостей про істинні обставини, за яких воно відбулося, оскільки ця афера поки що дуже ретельно розслідується таємно. Ті, які мали про це достатньо відомостей і мали вплив на двір, дотримувалися думки, що Мазепа при цьому своєму вчинку не отримав дуже великої підтримки й переконався у тому, що 10 його найповажніших козацьких полковників повністю задекларували себе [вірними] перед Його Царською Величністю, й виказали готовність піти під його руку й прийняти регалії, дуже коштовний знак або козацьку булаву, якими маркується командування [гетьмана]. Відтак, вже в канцелярії готується експедиція, яка має забезпечити тамтешній козацькій нації вибори нового гетьмана, і йому не лише забезпечити їхні давні, дані при звільненні від польського панування великі вольності, а також ті, які надалі будуть збільшені і гарантувалися письмово. Як тільки це відкрилася перед свитою ця настільки непередбачувана зміна, то, щоб цей небезпечний вогонь не розповсюдився далі і не перекинувся до тих козаків, що мешкали на Дону, у яких ще клекотали спогади про колишні заколоти, то [при царському дворі] змушені були терміново заявити про це відкрито. При цьому не має ніякого сумніву, що ця афера Його Царську Величність і його міністрів навіть дуже засмутила, і, як стало відомо, що ні прем'єр-міністр граф Головкін, ні також держсекретар Шафіров, які мені на мої різноманітні листи і меморандуми надсилали відповіді задніми числами, ні також звичайні ті [посадовці], які займалися плануванням управління війною, не змогли зробили так, що не давати ніяких згадок про цю надзвичайну подію, надійшли також сюди ті листи, які держсекретар написав своєму братові, спеціальному посланнику, хоча датовані лише 29 і 31 жовтня старого стилю, однак лише небагато тих [листів], що від 27-го, коли Його

[257] Щоденник відступу шведського короля до Бендер після Полтавського бою (пер. з англ. та підготував до друку Олександр Герасимчук) // Сіверянський літопис. — 2017. — № 3. — С. 96–110 [Переклад здійснено за англійським виданням книги «The Military History of Charles XII, King of Sweden». — London, 1740. — Vol. III. — P. 243–280. Автор «Щоденника…» невідомий].

Царська Величність перебував при армії, на той час у Погребках, що в одній милі від Новгород-Сіверського, між Десною і Убіддю. У той час шведська армія знаходилася на іншому боці Десни, на своїх попередніх позиціях, де вони намагалися захиститися відповідно до сезону того часу у своїх побудованих наземних бараках і землянках, однак були очевидними наміри, перечекати переповнення річок і боліт для того, щоб форсувати Десну і проникнути у глиб Імперії; однак Його Царська Величність намагався всіляко перешкодити цим [намірам] за допомогою поставки артилерії на усіх шляхах. Із цього стає очевидним, що до тих пір, коли обидві армії повністю не стануть на зимові квартири, слід очікувати все більш частих і гостріших сутичок…

Як раз у цей момент дехто із цього двору запевнив, що за Мазепою до шведів пішло не більше 2000 чоловік. Якщо надалі ці відомості будуть цілком підтвердженими, то можна стверджувати, що цей вчинок Мазепи не буде мати дуже серйозних наслідків для Його Царської Величності.

У всякому випадку дуже важко повністю повірити у те, що цей чоловік, який мав велику любов і повагу своєї нації, тепер не може не мати ніякої великої прихильності [нації] до нього. Тим більше, оскільки козаки, особливо при цьому уряді, від якого вони зазнавали дуже жорсткі й відверті порушення їхніх вольностей, можуть бути задоволеними. При цьому дуже вірогідно, що або повністю вся ця нація або, принаймні, більшість з неї тих, хто може піти за прикладом свого начальника; у даному випадку, цілком вірогідним є те, що місто Київ і Київське воєводство досить легко можуть відпасти від Імперії. Усі газети між тим згодні у тому, що Мазепа має не лише шанс, а й у тому, що він привів до короля Швеції багато запасів провіанту і амуніції.

№ 286
Кайзерлінг — королю Пруссії. Москва.
28/17 листопада 1708 р.

Частина 41. Оригінал.

В реляції підкреслюється, що цар моментально вжив заходів, щоб «погасити цей вогонь у зародку». *Успіхи Меншикова в Батурині.*

Меншиков — захопив не лише не укріплене місто, а також саму фортецю, яка була захищена лише одним земляним валом, який зсередини й ззовні був укріплений лише дерев'яними стінами, а перед ним був ще рів; слід зважити, що залишені там Мазепою комендант полковник Кенігсек разом з козацькими полковниками чинили серйозний опір, однак сталося так, оскільки полковник Кенігсек скоро був смертельно поранений, а козацький гарнізон, що складався із 6000 козаків, не був одностайним, також мало хто посправжньому хотів захищатися, тому 14/3 [листопада] цього [місяця] її [форецю] взяли штурмом, після цього усіх порубали, полковника Кенігсека повісили, місто зруйнували й спалили у попіл.

Подвійна, на думку Кайзерлінга тактика царя: страхом і обіцянками. Розправа у Батурині мала на меті залякати населення: «справити великий жах». *Посланці царя до Глухова, де мало зібратися козацтво для виборів нового гетьман, Головкін і Шафіров — мали передати козакам з другого боку* «Запевнення Його Царської Величності, а також його прихильність, милість і протекцію, а також неухильне дотримання їхніх вольностей, які за умов їхнього твердого дотримання смиренності і вірності цій імперії, мають отримати багато привілеїв».

Вибори Скоропадського. Анафема Мазепи. Мета цього акту: щоб після цього викликати суцільну ненависть до імені Мазепи через його релігію, щоб повністю це проникло у козацьку націю. *Усі ці заходи призвели до того, що московіти* «цей дуже несподіваний удар, в якому шведська сторона, звичайно, нанесла стрілою дуже сильний постріл із свого луку, було цілком нівельовано: особливо стало очевидним, що до Мазепи, оскільки московитські загони звели свої рахунки, однак наближення шведів до їхніх кордонів було уповільнено, а козаки не повністю пристали до шведської сторони, пішло лише 3000 чоловік, більшість з яких потім повернулося назад. У всякому випадку шведи оволоділи наближеним до них містом Новгород-Сіверським, яке також дісталося їм, коли московитські загони затрималися там в обороні лише на один день, воно їм дісталося із-за відкритої зради Мазепи: його легко вдалося здійснити. Коли ця козацька нація з уявленням, що шведська армія вже наступила їм на горло, однак московіти нанесли б їм удар, він тим самим пояснив відхід від Москви, це був удар шведської партії, який був найбільш небезпечним для царя.

Завоювання Батурина стало ще більшою відповіддю, оскільки Його Царська Величність захопив там 90 гармат, а також велику кількість амуніції і провіанту, які Мазепи обіцяв, звичайно, шведській армії, й із-за цього шведська армія при подальшому завоюванні на усіх шляхах мала ускладнення; із-за цього вони 3 і 4 цього стилю залучили усі сили для форсування Десни, однак вони не змогли зробити цього, оскільки московіти деякі їхні заготовлені для цього плоти розстріляли. Однак оскільки у їхніх квартирах запанував сильний мороз, то вони вже зараз ці місця біля річки зайняли, тому Його Величність король Швеції перебуває у поході й заглиблюється до кордонів, однак Його Царська Величність чинить опір і, як запевняють усі повідомлення, хоче влаштувати баталію, то можна очікувати найближчим часом дещо найважливіше. Однак я не знаю, як пересвідчитись, у тому, яким чином цар сприймає цю аферу генералів і хоче відважитися на головну зустріч, оскільки король шведів може краще продумати плани його генералів й зовсім не турбується про те, що цар завдяки щасливим випадкам до цього відповів, він свою персону дуже високо експонує. Ті, які його правлінням не задоволені, мають думку, що із-за активних рухів повстання козацької нації, які хіба що певною мірою можна стримати, оскільки вони впевнені в тому, що Мазепа має велику прихильність і, що лише сильні морози можуть завадити справі Королівській Величності Шведів, їм здається, вони впевнені в тому, що вчинена розправа в Батурині, може викликати чимало невдоволення проти царя.

Реляція завершується повідомленням Кайзерлінга про те, що коли реляція була готова, надійшла перша інформація з боку царського уряду. Вона подана до реляції Кайзерлінга під назвою: Копія листа царського прем'єрміністра графа Головкіна із Глухова від 23/12 листопада 1708 року.

Зміст її такий: на пропозицію прусського уряду взяти на себе справу посередництва між Швецією і Москвою у справі миру, Головкін зазначає, що московський уряд згоден на мир, «якщо тільки король Швеції зі свого боку хоче порозумітися у цьому і Його Царській Величності, моєму милостивому пану буде гарантовано продумане і надійне забезпечення безпеки, Його Царська Величність зі свого боку не буде влаштовувати ніяких дій і не вимагатиме, а лише те, що належить йому по праву і може відповідати його головним інтересам, які йому Його Величність король Швеції може донести через Пруссію. *Далі широко описує Мазепу і* «його безбожним чином проявлену невірність і зраду». *Посилка Мазепою Бистрицького до шведського короля. Підозри московського уряду. Як наслідок цього — рішення Мазепи йти назустріч шведам під претекстом ворожої акції проти Карла XII.* Оскільки він скоро форсуватиме річку Десна, то він свою армію підготовив відповідно таким чином, наче б то він прагне баталії і видав наказ до баталії, так що він дозволив оточити себе шведами; коли таке відбудеться, то він їм тоді відкриє свої наміри і бажання, тобто те, чому він пристав до шведської армії, й таким зрадницьким способом ці невинні три полковники, а саме Миргородського, Прилуцького і Лубенського полків проти їхньої волі були обмануті і пішли з ним, однак решта загонів запорозьких козаків і більшість старшини і вищих офіцерів залишилися вірними Його Царські Величності. *Дезерція в рядах козаків, що пішли за Мазепою. Деградація і екзекуція над відсутнім Мазепою. Вибори Скоропадського.*

«Увесь акт відбувся за пишною гостинністю». *Ласка царя до тих, хто до нього добровільно вертається. Проти тих, хто за чотири тижні не покине Мазепи,* «проти них, як до шахраїв і зрадників власної вітчизни будуть проведені найгостріші і найсуворіші акції».

№ 287
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва. 5 грудня/24 листопада 1708 р.
Ч. 42. Оригінал.

Витяг: Усі повідомлення від московитської армії містять наступне: багато шведських дезертирів і полонених розповідали про таке: Мазепа, оскільки він обіцяв Його Величності королю Швеції дуже велику службу і достеменно не лише передачу своєї резиденції Батурина разом із зосередженими там великими запасами провіанту і амуніції, а також всю козацьку країну, однак, оскільки він цього не лише не презентував, а ще й із-за того, що він без потреби влаштував свій від'їзд із Батурина, в якому він добре облаштувався і міг оборонятися до приходу шведської армії, то із-за чого це полишене місце опинилося в руках московітів, то шведи поставилися до нього дуже недружнє і поставили під жорсткий нагляд.

№ 288
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва. 19/8 грудня 1708 р.
Ч. 43. Оригінал.

Кайзерлінг подає свої сумніви свого наслідків прусської ініціативи щодо миру між Швецією і Москвою.

Додаток до реляції: скорочена копія листа Кайзерлінга до графа Головкіна датована 29 /19 листопада, у тій же справі.

№ 289
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва. 26/15 грудня 1708 р.
Ч. 44. Оригінал.

Повідомляє про військові дії зі шведського і московського боків. Як резюме: не знає нарешті «про які значні переваги, а також великі сподівання і щасливі випадки можна буде написати». Тепер обидві армії мають зайняти зимові квартири. Чогось рішучого не буде. Однак сталися, на думку Кайзерлінга, три важливі події цього часу, які свідчать про небезпеку для шведів. 1. Поразка допоміжного війська графа Левенгаупта. 2. …нестача у провіанті, в першу чергу, фуражі, а також форсування багатьох річок, які стримували шведські загони, й вони завчасно не змогли прибути до Новгорода-Сіверського і Батурина раніше московітів, оскільки, як би шведи прибули туди раніше, то уся козацька країна точно б дісталася їм, а уся нація підтримала б приклад свого начальника Мазепи. 3. Невдача генерала Любекера в Інгерманландії.

Коли б ці три операції вдалися, то московіти опинилися б у справжній небезпеці. Однак ці дві перші акти, йдеться про генерала графа Левенгаупта і генерал-майора Любеккера, дали переваги Його Царської Величності, а останні [шведи] насамкінець здобули переваги завдяки таємному порозумінню з Мазепою. Як би вони були підкріплені всією козацькою країною і ця сила мала б долучитися до шведської партії, то їм рівним чином ніякої шкоди б не завдали. Потім, коли Його Величності королю Швеції було обіцяно більшу частину згаданої козацької країни й серед цього багатьох начальників міст, то все одно від усіх цих відкритих й незахищених місцевостей можна було отримати невеликі переваги, у порівнянні зі втратами, які завдали обидва генерали, а також з особливо великими втратами шведської армії, в цілому усе це ледь дає переваги. Таким чином, є очевидним, що сучасні збройні сили перебувають поки що у певному балансі, до того ж, оскільки шведські загони мають кращу дисципліну, багато [тилового] забезпечення, то можуть відтепер досить суттєво зрівняти таку перевагу московської сторони у солдатах. Однак, яким би чином втрати шведської інтриги не покращувалися,

і, які б великі нові ресурси не дісталися б їм у руки, з часом вони мають бути витрачені. Насамперед, можна чимало розмірковувати над тим, чи може Його Величність король Швеції бути більше впевнений в очікуванні певної суттєвої допомоги і супроводу із Королівства Польського, ніж сподіватися на ефект інших махінаторів, решти козаків, аж до Дону, а також частини тих, яких Імперія підкореним татарам спонукає до заколоту, однак усе це має дуже мало надійних сподівань.

Додаток до реляції: *скорочена копія листа Шафірова до Кайзерлінгна із Лебедина від 4/15 грудня 1708 року. Витяг:* так що Мазепа тримає біля себе на добровільних засадах не більш ніж трьох [полковників], і лише 3 сотні або 400 чоловік рядових, однак уже всі інші вже пристали до нас. І ця націє є настільки вірною Його Царської Величності, в якій ми до цього ніколи ще не були так впевнені, тепер вони шведів, де вони їх зустрічають, вбивають і беруть у полон, таким чином вони перед ним [царем] також реабілітувалися.

№ 290
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва. 2 січня н. с. 1709 року.
Частина I. Оригінал.

Витяг з реляції: Ніяк не можу збагнути, як це може узгоджуватися одне з іншим, щоб в усіх листах, доставлених з московського боку, створюється великий галас з приводу поганого стану шведської армії, і при цьому не можуть не брехати про те, що Його Величність король Швеції окупував майже всю Україну, а також поставив під нагляд решту прилеглих міст.

Додатки до реляції:

Копія листа одного доброго товариша від московської армії із Михайлівки від 12/22 грудня 1708 року.

У листі вказується на великі втрати шведської армії в людях. ЇЇ склад тепер не перевищує 20–21 тис. Обіцяна Мазепою допомога виповзає назад із усіх місцевостей, також усі розбігаються від Мазепи, й щонайменше у нього перебуває близько 5 тисяч або 6000 чоловік, крім того, від Його Царської Величності вони отримали завіряння про безпеку, якщо вони при першій оказії захочуть втекти звідти.

2. Копія листа одного доброго товариша із московської головної штаб-квартири із Лебедина від 20 грудня ст. стилю 1708 року. Король Швеції, за чіткими висловлюваннями полонених і за змістом перехоплених листів, має намір піти на Волинь, оскільки тут він зазнає великої шкоди, а козаки не хочуть слухатися ні його, ні Мазепиних наказів…

Бог дасть, скоро настануть кращі часи, оскільки квартири тут дуже тісні, а масло трапляється дуже рідко, Також слід взяти до уваги, що Мазепа було віддалився від шведів вже на 7 миль, однак знову потрапив до них у пастку і тепер перебуває під жорстким наглядом.

№ 291
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва. 15/4 січня 1709 р.
Частина 2. Оригінал.

Кайзерлінг оцінює ситуацію так, що одна добра поразка московитів могла б привести до цілком несподіваних для них результатів, бо настрій у московській армії поганий: і московитський, і іноземний генералітет цією війною дуже стомлений і виснажений, і хочуть відсторонити майже усіх іноземних офіцерів вже зараз, оскільки на цих на кордонах не лише нічого грабувати й плюндрувати, а особливо [виснажує] те, що дісталися дуже жалюгідні зимові квартири, і вони більшою мірою змушені утримувати себе за рахунок готівки, яку вони отримують за службу.

№ 292
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва. 31/20 січня 1709 р.
Ч. 4 Оригінал.

Кайзерлінг повідомляє про свою пропозицію цареві відновити мирове посередництво між Швецією і Москвою. З боку царя не було видано якогось незадоволення. Навпаки: багато раз мені достеменно ставало відомо, що цар минулої осені мав щастя не довіряти своїм не лише віддаленим достойникам, які опікувалися внутрішніми заворушеннями у його країні, особливо після підступної зради Мазепи, а й почав ставити під сумнів вірність маже усіх своїх князів та бояр, а до того ж ця війна вже настільки стомила і виснажила, що він вже в той час був ще більше схильний до мирних пропозицій, ніж до протилежних думок. *Отже, цар нічого не має проти прусського посередництва, ставить тільки умову, щоб прусський король дістав від Карла XII «довірливу декларацію». Щодо війни та її перспектив прусський резидент тієї думки, що*

Король Швеції окупував найкращу частину України і залишається у такому стані, що може ще дати цілком нерівний наступ на московитів, так і постійно непокоїти їх… Хоча хочеться подискутувати, чи здатна одна таємна зрада московській армії відіграти важливу роль в руках короля Швеції в якості його переваги. Однак я дотримуюсь думки, що з московитського боку військова економія, дисципліна і паритет вже не такі, щоб так непокоїти шведів.

№ 293
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва. 20/9 лютого 1709 р.
Ч. 6. Оригінал.

Кайзерлінг радить прусському королю не піднімати справи прусської окупації Курляндії перед Петром I.

№ 294

Пруський король до Кайзерлінга. Концепт, підписаний Ільгеном, міністром закордонних справ того часу, 29 березня н. ст. У справі вказується Кайзерлінгу утриматися від будь-яких переговорів.

№ 295
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва. 24/13 квітня 1709 р.

Частина 12. Оригінал**.**

«Враховуючи те, що цар також вирішив з іншим корпусом з цього боку не просто діяти проти Литви, а також після цього їй віддати Курляндію з тим, щоб як можна [швидше] вичавити звідти шведів».

Далі Кайзерлінг інформує прусського короля: він хоче подати думку московському урядові (але так, ніби ініціатива в цьому напрямку виходить виключно від нього — Кайзерлінга, а не від прусського короля), аби він погодився на реституцію молодого герцога Курляндського в Курляндії, а також на окупацію Курляндії Пруссією. Треба вести справу так, аби Петро I сам звернувся до прусського короля через свого резидента у Берліні фон дер Літа у цій справі, «оскільки залишається стурбованість тим, що запорізькі козаки, заагітовані Мазепою і задобрені щедрими подарунками, можуть пристати до шведської партії, так що до тепер хочеться мати впевненість у цьому, оскільки згадані козаки вже напали на одного московитського полковника у його квартирах, а також за одним начальником караулу пішло 15 рядових, хоча й московитська сторона дуже сильно намагається протидіяти цьому союзу і за допомогою доволі солідних подарунків і страшних погроз відвернути від повстання згадану націю, однак оскільки у перспективі ці засоби не будуть плідними, то цар цілком вірогідно буде змушений використати проти них силу зброї з тим, щоб не допустити повторення диверсій проти тилу в Курляндії».

№ 296
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва. 30/21 квітня 1709 р.

Частина 13. Дублікат.

Витяг: «Заколот запорізьких козаків й досі залишається цілком вірогідним і може відбутися, оскільки з великою завзятістю утверджується ворожість московитів проти них і навпаки; так, нещодавно невеликий загін спеціального призначення від девізіону генерал-лейтенанта Ренна змушений був розгромити доволі сильну групу згаданих козаків, а також знищив у попіл їхнє маленьке містечко Чирков. Натомість є сподівання, що з цих козаків може пристати до короля шведів більш ніж 8–10 тис., однак вони не дуже єдині між собою, окремі ще тримаються Його Царської Величності, а більшість схиляється до нейтралітету. Потім було вирішено направити проти цього загалу калмицьких татар.

№ 297
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва 15/4 травня 1709 р.

Частина 14. Дублікат**.**

Як тільки до московитської сторони надійшли дані розвідки про те, що шведи за допомогою запорізьких козаків зробили міст через Дніпро і там влаштували склад, то одразу було направлено туди московитського полковника Федора Фекловича з 3000 чоловік на плотах і легких засобах пересування форсувати річку, який одразу несподіваним чином напав на заколотників, міст зруйнував, спалив у попіл містечко поблизу складів, порубав біля нього 2000 запорожців, із цього всюди була велика радість, оскільки утворений запас провіанту був добрим початком нової компанії і хотіли, щоб він сприяв подальшому успіху.

№ 298
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва 12/1 червня 1709 р.

Частина 18. Оригінал.

Однак, коли король Швеції з такою нерішучістю приступив до облоги Полтави, то із цього не можна було зробити іншого висновку, ніж те, що він не міг утримати державу, ні заколотом решти донських козаків, ні тилом кримських татар (які могли в той час забезпечити комунікації і взаємодію зі шведською армією шляхом захоплення цієї місцевості), або іншим шляхом, а лише змушений був турбувати московитськку армію, яка, як легко можна було помітити, не дуже хотіла втратити цю місцевість, в розрахунку на головну баталію.

№ 299
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва 17/6 липня 1709 р.

Частина 22. Оригінал.

Повідомлення про полтавську перемогу. Ворожа армія складала 8 тис. кавалерії, 11 тис інфантерії і 15 тис. запорізьких козаків… *Справа Курляндії, можливості реституції в неї молодого герцога Курляндського.*

№ 300
Кайзерлінг — королю Пруссії.
Москва 31/20 липня 1709 р.

Частина 24 Оригінал**.**

Кайзерлінг не думав, що шведська армія була настільки сильною, однак від полковника Зільтмана, резидента прусського короля при Карлі XII, що попав у московський полон, дізнався, що шведська армія перед Полтавською битвою нараховувала «24 тис. вояків». *Капітуляцію її перед Переволочною Кайзерлінг виводить* «від нестачі амуніції і провіанту, оскільки всі обози при поспішному відступу залишились у схованках і (як казали) два дні не було жодної крихти хліба, та із самовпевненості короля Швеції, в тому, що він настільки віддалився від своїх кордонів і заглибився в глиб доволі сильної ворожої країни і відступ йому був дуже обмежений; натомість зараз пізно каятися[258].

[258] *Дятлов В.* Події Північної війни в Україні у донесеннях Георга Кайзерлінга (1708–1709 рр.) // Сіверянський літопис. — 2015. — № 4. — С. 113–119 (Переклад зроблено за виданням: *Крупницький Б.* З донесень Кайзерлінга 1708–1709 рр. // Записки Українського наукового інституту Т. XLVII. Серія Історична. — Книга 6: Мазепа. Збірник. — Т. 2. — Варшава 1939).

ІЗ ПОСЛАНЬ АВСТРІЙСЬКОГО ПОСЛА ОТТО ФОН ПЛЕЙЄРА ДО ВІДЕНСЬКОГО ДВОРУ

№ 301

1708, листопада16

Стало зрозуміло, чому шведи надавали таке велике значення рішучому й поспішному походу в Україну. Згодом надійшли переконливі відомості про те, що, твердий як камінь і холодний як лід й завжди вірний цареві й за те любимий козаками, козацький гетьман Мазепа з 300 чоловіками своїх кращих поважних людей і деякими козацькими полковниками перейшов на бік ворога, завдяки чому ворогу було створено сприятливу атмосферу й майже напівголодній до цього армії стало набагато краще.

№ 302

1708, грудня 22

При складанні цієї реляції я отримав відомості із табору про те, що король у Швеції силою укладеного трактату очікував від Мазепи гроші і військо 60 000 чоловік, або ж він хотів дати йому пофліртувати перед обличчям руської армії. Тим самим він розіслав листа і наказ до всіх козацьких міст й просив його дотримуватися, який, однак,козаки розірвали з відповіддю, що вони свого часу присягнули царю й бажають бути вірними йому добром і кров'ю. Тоді ж Мазепі і його поплічникам запропонували загальне помилування в разі, якщо він з іншими бажаючими повернуться назад. Таким чином він знайшов зручну можливість вийти з-під шведської руки й вже подолав 7 миль шляху. Однак ворог пішов за ним слідом, наздогнав його й силоміць повернув назад й одразу взяв його під жорсткий нагляд. Після цього шведи побачили, що ошукані Мазепою, і через свій похід в Україну виявилися повністю відрізаними від Лівонії, Литви й Польщі, очікуваний з Польщі обоз із забезпеченням було розбито, почалися перебої з постачанням, оскільки козаки не хотіли розставатися зі своїм добром, будь-які контрибуції знищували й захищали свої вольності. Однак, коли руські їх оточили, то вони відступили назад до Дніпра й усі оточені пішли далі на Волинь, а руські наздоганяли й переслідували їх.

№ 303

1709, квітня 28

Хоча більшість запорізьких козаків через постійні інтриги Мазепи нарешті виступили проти царя, шведи посилили їх трьома полками під командуванням бригадира Крузе, в той час, як цар одразу послав проти них 10 сильних полків під командуванням генерал-лейтенанта Рена. Однак, коли він виступив, то вони напали й знищили полк руських прямо у таборі поблизу Дніпра. Однак генерал з усією силою наступив їм на горло, оскільки вони добре окопалися у містечках і на острові, то, відкинувши усі належні милості, генерал нападав на одну місцевість за іншою, штурмував і брав їх, і у страшній люті було влаштовано різанину чоловікам козакам, жінкам, дітям й тим, хто ще був в утробі матері, однак навіть коли прийшли перші окремі полонені і цілі загони, то всім відрізали вуха і ноги, надівали на колеса й тягали по шляхах і полях, поки вони таким чином не вмирали. Із-за цього заколоту не залишилося жодного будинку, оскільки вони всюди у цій місцевості були знищені…[259]

№ 304

1708, березня 1.

З листа французького посла у Варшаві Бонака до міністра закордонних справ Жана-Бати́ста Кольбе́ра маркіза де Торсі

Справа московського війська дуже хистка. Німці, що служать у ньому, дезертують. На Україні панує ворожий настрій, і там сильно бажають приєднатись до Шведів, щоб вирушити на Москву та знищити московське ярмо[260].

№ 305

1708, серпня 19. — Варшава.

Лист французького дипломата Балюза до уряду

Сюди доходять де-які чутки, що є зв'язки між козаками в особі їх гетьмана зі Шведами. Я знаю з певних джерел, що цей нарід краще волів-би польську зверхність, ніж московську, через брак свободи для себе під пануванням Московитів. Королева Марія Луїза свого часу запропонувала Речі Посполитій зробити з України автономний край на таких самих підставах, як Литовське князівство. В такому разі козацька старшина отримала б права шляхти, деякі з них засідали б у сенаті й мали б староства. Але польська шляхта й магнати, що володіють на Україні великими маєтками, не дали своєї згоди на здійснення такого проєкту, що міг би врятувати Польщу від довгої війни, крови, й спустошення[261].

[259] Гетьман Мазепа у німецькомовних джерелах (пер. з нім., передмова Володимира Дятлова) // Сіверянський літопис. — 2015. — № 3. — С. 50–53 (Переклад зроблено за виданням: *Томашевський С.* З донесень австрійського посла Плейера в Москві 1708 і 1709 // Записки Наукового товариства імени Шевченка. — 1909. — Т. XCII. — С. 242–244).

[260] *Борщак І.* Шведчина й французька дипломатія (за невиданими документами) // Науковий збірник за рік 1928. — К., 1928. — Т. 27. — С. 78.

[261] Там само. — С. 79.

№ 306

1708, вересня 18.

З донесення дипломата Жана Віктора барона де Безенваля з головної шведської квартири міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі

Понятовськнй дістав авдієнцію у шведського короля, якому розповів, що козацький гетьман Мазепа обіцяв, як тільки шведське військо підійде до кордонів України, повстати з козаками для визволення свого краю. Його величність дуже задоволений з цього і дійсно це є подія великої ваги[262].

№ 307

1708, вересня 25 (?). — З Польщі.

З донесення дипломата Жана Віктора барона де Безенваля міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі

Король пройшов уже через Стародуб, де цілий полк у 8000 чоловіків приєднався до нього; король платить населенню золотом за фураж. (…)

Я не буду вам писати, пане, про заходи Мазепи коло польського короля (Станислава Лещинського), що свідчать, що Мазепа зустрінув у козаків багато прихильників свого плану знищити московське ярмо. Я перекажу вам лише зміст королівських універсалів, а саме, що король не буде так жорстоко поводитись із населенням, як московити... Становище шведського короля в козацкім краю виключно залежить від того, як він поводитиметься з козаками. Коли козаки висловляться на користь шведського короля і коли він задовольниться тільки з фуражу, козаки дадуть цей фураж без труднощів і навіть з приємністю. Україна така багата на ріжного роду провіянт, що не маючи змоги його спожити, ні збутися його цілком через комерцію, населення посідає завжди запаси хлібу на багато років. Селяни носять гарні хутра поверх убрання з шовку й оксамиту, а також володіють величезними скарбами, що залишили їм їхні батьки, коли вони свого часу знищили польську шляхту. Сучасні селяни України давно вже чимало побільшили цей скарб, продаючи свій хліб і худобу в Данському, Бреславлі та інших містах. Коли б ці багатства спокусили шведського короля, що завжди потребує грошей у населення, я не думаю, що воно відмовить королеві в цьому і підниме проти нього зброю, як деякі гадають...[263]

№ 308

1708, листопада 22.

З листа польського короля Станіслава Лещинського Людовику XIV

Останні відомості, що ми мали з армії шведського короля, свідчать, що король перебуває на Україні, де має все в достатку. Мазепа прибув з усією старшиною до головної шведської королівської квартири, визнав його зверхність і запропонував 100000 козаків, готових битися з Московитами. Ось найдоладніший вигляд московських справ, якого можна було жадати і над яким працюю я з Мазепою вже від п’яти років. Нині шведський король зможе продиктувати мир своєму ворогові. Загальний мир на півночі вже не за горами[264].

№ 309

1708, листопада 26. — Поділля.

Донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги

Що ж торкається, ваша екселенціє, гетьмана Мазепи, мені відомо, що після знищення Батурина московити повиходили звідтиля, і коли пан Мазепа вступив туди разом зі шведами, він знайшов свій скарб, що раніше заховав у землі. Маю також відомості з України, що козаки йдуть у напрямі нижнього Дніпра і вони на боці Мазепи. Полковник Апостол (це ім’я означає «апостол») є дуже відданим Мазепі, замкнувся в Чигрині з кількома тисячами козаків. Здається також, що багато запорожців мають намір повстати, бо ненавидять московське панування[265].

№ 310

1708, листопада 28. — З Польщі.

З донесення дипломата Жана Віктора барона де Безенваля міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі

Я мав певні відомості зі Шклова, що шведська армія вже на Україні і що кілька козацьких полків перейшли до Шведів. Лист із Вильна потверджує цю новину. Мені саме пишуть, що сам гетьман Мазепа перебуває в головній шведській кватирі. На мій погляд, це ще за хутко, і я поінформуюсь при тутешньому дворі, що повинен бути в курсі цих справ. Коли б це було все правдою, маємо дуже важний факт. Скажу прямо, коли українська нація не підтримає шведського короля, я не бачу жадної для нього можливости закінчити щасливо війну. Україна дуже багата на ріжного роду запаси; населення майже все озброєно і звикле до війни, до московитів ставиться вороже. Я певен, що всі ці факти, а також поразка генерала Левенгаупта спонукали короля так прихильно поставитися до населення на Україні[266].

[262] *Борщак І.* Шведчина й французька дипломатія (за невиданими документами) // Науковий збірник за рік 1928. — К., 1928. — Т. 27. — С. 79.

[263] Там само. — С. 80.

[264] Там само. — С. 80.

[265] Там само. — С. 81.

[266] Там само. — С. 81.

№ 311

1708, грудня 10.

З донесення дипломата Жана Віктора барона де Безенваля уряду

Мазепа приєднався до наших інтересів. Пані Сенявська дуже задоволена з результату акції, в якій вона брала таку визначну участь. Маю надію, що її чоловік, гетьман Сенявськпй, тепер залишить сторону царя і приєднається до короля Станислава. Між іншим уже від довгих років Мазепа пропонував Сенявському союз проти царя, союз вельми корисний для Польщі і для України і який одночасно забезпечував Сенявському його маєтки на Поділлі: Мазепа обіцяв не руйнувати їх[267].

№ 312

1708, грудня 15.

Донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги

Повернувшись учора з Любеча на Дніпрі, спішу вас повідомити про все, про що міг довідатися. Зовсім певно, що вже вісім (sic) днів Мазепа з 12 головними своїми дорадниками і 500 козаками з'явився до шведського короля і одночасно наказав своїй армії невеличкими частинами переходити до шведської головної кватири. В Батурині Мазепа залишив залогу з шести козацьких, полків, між якими є Ніженський та Стародубівський, що звичайно стоять у Стародубі й Чернигові і мають по 6000 чоловіка (Чернігівськпй полк московити примусили працювати на зміцнення міста тої ж самої назви). Комендант Батурина повинен був скласти нову присягу цареві. В цій твердині перебуває до 8000 московитів; вони нищать усі хати й садки в околицях, щоб утруднити сюди підхід ворога й забирають по селах усе, що можуть знайти з пашні й з оброку. Батурин захопили московити й страшенно поруйнували, а всіх козаків там вирізано. Московити надіслали калмиків на Україну, щоб там приборкати повстання. Мазепа відписав східнім татарам у Крим, прохаючи 40000 душ допомоги, він підмовив також повстати козаків, що живуть у гирлі Дніпра і котрих зовуть запорожцями. Населення України ще стероризоване прибуттям московитів, попереносило свої найдорожчі речі, куди тільки є змога.

Пан Войнаровський, племінник Мазепи, подався до царя, щоб викласти йому деякі вимоги. Ці вимоги не здалися приємними цареві, і він засудив Войнаровського на самовбивство (sic!), але за допомогою одного зі своїх вартових Войнаровський уратувався і знайшов врешті свого вуйка. Шведський король перебуває в Шептаці, літньому будинку Мазепи, що добре збудований і зміцнений, як штучно, так і рікою Десною, що оточує будинок... Шведи мають усе в достатку. Загалом уважається, що московити наблизилися на Україну не так через жах перед шведами, як через те, що злякалися руху поміж козаками на Україні. Козаки скаржаться, що полякп й литвини не спішать їм на допомогу, бо гадають, що нема нічого лекшого, як знищити московитів. Козаки переконані, що як їх своєчасно підтримають поляки й татари, вони дуже легко відштовхнуть московитів…[268]

№ 313

1709, січня 11. — Стокгольм.

Донесення французького посла Кампредона

Сюди прибув кур'єр із головної шведської кватири, що передав, що король поклав рушити на Москву. Належаний цар збирає нові війська і пропонує королеві мир. Але гетьман Мазепа, дуже обережна й дуже здібна людина, порадив шведському королеві відмовитися від переговорів з царем, запевняючи, що незабаром татари вдарять у запілля московитам. Його величність (Король Карло XII) взагалі дуже задоволений з козацького гетьмана, якого разум і поради вельмі солідні і є великою допомогою для короля в його пориваннях до щасливого успіху. Скоропадський, що цар поставив його замість Мазепи, є особистий приятель Мазепи, і при першій змозі всі козаки перейдуть на бік шведів[269].

№ 314

1709, січня 18 (?). — Поділля.

Донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги про прибуття до нього його посланця, уродженця Батурина, з новинами

Цей козак залишив шведський табор за два дні до Миколи, за старшим стилем, цебто 15-го грудня. Він привіз мені листа від секретаря Мазепи, з якого видко, що Меньшиков оточив козаків у Гадячі, незважаючи на сильний грудневий холод. 10 000 шведів і така ж сама кількість козаків Мазепи вирушили на допомогу Гадячеві, що вже три дні штурмували його московнти. Сталася баталія, за якої Меньшиков утратив 20 000 чоловік з 40 000, що складали його армію. Шведи втратили 2000, а козаки — 3000. Армія має все в достатку, так що шведські війська не пам'ятають таких гарних кватир і ні в якім краю не були вони таким легким тягарем для населення, як у краю козаків. Купці, що сьогодні прибулп з Київа, потвердили перемогу шведського війська над московитами[270].

[267] Там само. — С. 82.
[268] Там само. — С. 81–82.
[269] Там само. — С. 82.
[270] Там само. — С. 83.

№ 315

1709, лютого 26.

З донесення дипломата Жана Віктора барона де Безенваля міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі

Вже віддавна цар підозрював, що Мазепа зноситься з його ворогами, але нічого не міг поробити, бо Мазепа мав своїх приятелів при дворі, що завжди попереджували старого гетьмана про все, що робиться при дворі. Декілька днів перед союзом козаків зі шведським королем чотири боярини обвинувачували Мазепу в зраді цареві, але завдяки Мазепиним приятелям при дворі їх видали гетьманові, як доказчиків. Незабаром підозри царя зміцнилися, коли він зауважив ту байдужість, із якою гетьман ставився до шведів, та те, що він уникає прибутп до царя. Цар наказав Шереметєву заарештувати Мазепу і вислав для цього військо. Але гетьмана про це було попереджено і того-ж таки дня з 3000 козаків він вирушив до короля. Незабаром до Мазепи почали прибувати нові козацькі частини, бо козацька нація має повагу до свого гетьмана. Тепер навколо Мазепи вже 30000 козаків. Король високо шанує його поради й ставиться до нього з повагою.

Белзький воєвода (Сенявський, І. Б.) пише те ж саме, що запорозькі козаки, що заселяють гирло Бористена і які є наймогутніші та найповажніші з козацької нації, піднялися протп Московитів і з'єдналися зі шведським королем[271].

№ 316

1709, березня 30. — Будище.

Проїжджий лист гетьмана І. С. Мазепи посланцям семигородського князя до шведського короля Даніелю Крману та Самуїлу Погорському на зворотний проїзд через козацькі та підвладні Туреччині землі

Іоанн Мазепа, гетман Войск Запороских с обоих сторон Днепра. Славного чина святого апостола Андрея и Бѣлого Орла кавалер.

Ознаймуем сим подорожним листом нашим кождому, кому о том вѣдати належит. А особливе в Панствѣ наяснѣйшого Порты Оттоманской их милостем паном властелином и всякои кондиции и достоинства людем: тутже и паном старостинам и всему старшому и меншому Войск Запорожских городового и низового, рейменту нашего, товариству, иж их милост[и] панъ Данѣель Керманн и Самуил Погорский з прочіими своими людми, посланними з Панства Венгерского от наяснѣйшого кіонженця его милости усѣмегродского, были въ певных того ж Панства Венгерского інтересах у двору наяснѣйшого короля его милости шведского, которіи тепер з належитою отправою через Панства наяснѣйшой Порти Оттоманской восвояси поворочают. Зачим, абы всюда оних з Панства Венгерского посланников доброволне без задержанія пропущано, и якой бы потребовали учинности, тоеи высвѣдчати неотмовляно, велце ихъ мил: панов властелинов въ Панствѣ наяснѣйшой Порты Оттоманской жадаем и просим, обецуючи сусѣдственною приязнію тое взаемствовати. Старшинам зас рейменту нашего, Войск Запорожских городового и низового, пилно приказуем.

Дан в Главных Кватерах, в Будищи, марта 30. Року 1709.

Звишъменнований гетман и кавалер, рукою власною[272].

№ 317

1709, травня 9.

Донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги міністру закордонних справ Жану-Батисту Кольберу маркізу де Торсі

Татари, що прибули з головної шведської кватирн, зробили мені коротке звідомлення. За їх словами Карло XII та Мазепа нібито поїхали в Січ, але цар зачинив їм вихід, так що тепер вони оточені. Я передаю цю вістку вашій екселенції, хоч не вірю їй. Бо коли б це відповідало дійсності, то шведському королеві прийшов кінець, і йому залишається тільки один шлях на Чорне море. Запоріжжя не позначено на мапі, але тут так зовуть острови, що лежать по Дніпру чи Бористену, біля його гирла. На мапах Сансона зазначено, що козаки ховають там свій скарб. Бони являють собою рід незалежної республіки. Не мають жінок і зобов'язуються ніколи їх не мати. Життя там дуже цікаве і своєрідне. Острови ці неприступні й безлюдні. Ось чому важко припустити, щоб шведський король прибув туди. Запорозькі козаки вельми страшні для Татар і нападають часто навіть на узбережжя Чорного моря. Польща, Туреччина, московські царі завжди залицялись до цих козаків, що являють собою значну й впливову силу. Існує дуже цікава книжка про цих козаків п. Левасера, видана в минулому столітті[273].

№ 318

1709, серпень (?)

З повідомлення французького посла Феріоля із Стамбула

Шведський король втратив баталію на Україні і прибув в Очаків, твердиню на Дніпрі, в товаристві кількох тисяч вояк ріжних націй: татари, молдави, козаки, поляки. Це є велика подія, за якою підуть іще більші[274].

[271] *Борщак І.* Шведчина й французька дипломатія (за невиданими документами) // Науковий збірник за рік 1928. — К., 1928. — Т.27. — С. 83.

[272] *Д. Крман.* Подорожній щоденник (Itinerarium 1708–1709). — К., 1999. — С. 70–71.

[273] *Борщак І.* Шведчина й французька дипломатія (за невиданими документами) // Науковий збірник за рік 1928. — К., 1928. — Т. 27. — С. 84.

[274] Там само. — С. 85.

№ 319

1709, після 14 серпня. Поділля

З донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги міністру закордонних справ Жану-Батисту Кольберу маркізу де Торсі про розмову з російським офіцером

…Посли султана привезли в Бендери наказ видати цареві Мазепу, його племінника Войнаровського, генерального суддю (sic!), козаків Орлика та 300 козаків. Мазепа, Войнаровськии й Орлик сидять у вузькій в'язниці, а всіх козаків скатовано в жахливий спосіб. Зі слів московського старшини нібито виходить, що цар захопив усі папери Мазепи. З них видно, що кілька жінок замішані в переговорах Мазепи з поляками. Я не сумніваюсь, що мова йде про воєводиху Белзьку, що цілий час мала зв'язки з обома партіями[275].

№ 320

1709, серпня 22. Поділля

З донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги міністру закордонних справ Жану-Батисту Кольберу маркізу де Торсі

Мазепа перебував зі шведським королем у Бендерах, а з цього можна припустити, що цей володар незабаром буде в Польщі, хіба що рана затримає його. Мазепа має друзів у Польщі і певно допоможе всім, що залежатиме від нього, королеві, бо вирішив за ним іти[276].

№ 321

1709, вересня 2. — Стокгольм.

Коротка реляція про нещасливу битву з армією Московітів біля міста Полтава в Україні 28 червня 1709 [року].

У той час, коли армія Його Королівської Величності разом з Мазепою та його козаками стояла під містом Полтавою, яке вони обложили й хотіли взяти штурмом, або за допомогою вогняних куль (запальних бомб. — *О. Д.*) змусити їх здатися, росіяни зібрали армію до 200 000 чоловік, і всі вони були екіпіровані й вимуштрувані на німецький кшталт, і ця армія під командуванням князя Меншикова і Шереметєва, а також Ренне і Алларта, все ближче і ближче насувалася на Його Величність, доки інженери Алларта не знайшли зручне місце для побудови ретраншементів проти шведів, які під його командуванням і були зроблені, внаслідок чого Шведська армія з усіх сторін, але на достатній відстані від міста, була оточена цими ретраншементами, котрі були оснащені 106 важкими гарматами й картаунами. Тепер коням шведів не вистачало необхідного фуражу, але було не так багато способів, щоб знайти фураж в цій країні, оскільки всі дороги були перекриті. Та все одно підполковник Функ був посланий з деякими вершниками до ріки Дніпро, щоб знайти фураж. Позаяк Його Королівська Величність бачив, що провізії починає бракувати, а Мазепа не хотів, щоб місто було обстріляне вогняними кулями й зруйноване бомбами, тому що він мабуть мав там багато цінних речей, і все ще сподівалася бути господарем цього краю, Його Величність був змушений вишикувати армію в бойовий порядок аби викликати супротивника на поле [бою], що тривало 6 або 7 днів. Але ворог бачив набагато більше переваг у перебуванні в своїх ретраншементах і не наважувався рухатися вперед. Оскільки нічого не сталося, Його Величності довелося самому прийняти рішення провести першу атаку, що й трапилося о пів на 3 ранку 28 червня, коли спочатку його зустріла сила [супротивника] у 20 000 чоловік, що скидалася на основну армію. Його Королівська Величність, який кілька днів тому у вдалій випадковій сутичці 30 вершників проти 800 росіян, був поранений у праву ногу, сам безстрашно сунув з армією на ношах, прилаштованих між двома кіньми, з охоронцями з обох боків, закликаючи всіх сміливо рушити вперед, підійшов до ворога, і після невеличкої атаки, противник, зазнавши тяжких втрат, одразу відійшов назад до ретраншементів, де Його Величність знову зустрівся з усім російським натовпом, на який незабаром наштовхнувся. Позаяк шведська армія вже перебувала під гарматним вогнем, російські [оборонні] лінії перед ретраншементами були відкриті, і всі гармати стріляли зарядами, начиненими чавунним ломом і картеччю, і наші люди, як трава під косою, були покладені долу, а в той же час козаки пішли геть і залишили свого володаря Мазепу в біді, але, тим не менш, Його Величність спромігся взяти три ретраншементи та вигнати з них ворога, і переслідувати його, висячи на плечах доти, доки росіянам шляхом повороту ліворуч, не вдалося відвоювати свої ретраншементи. Після цього почалася страшенна пожежа, яка безперервно продовжувалася, коні під ношами [короля] були застрілені, десять чоловік підхопили Його Величність знову, але вони невдовзі були покладені, за винятком двох осіб, так що Його Королівська Величність вимушений був сісти на коня, після чого він увесь день разом з армією був у битві в безперервному вогні, диму й пилу, в яких ледь можна було розпізнати самих себе. У той час, коли наші люди робили все можливе, чого вони коли-небудь могли досягти завдяки своїй старій хоробрості, але чисельна перевага була занадто великою, набагато більшою, ніж всі кулі які вони мали отримати, Його Величність був попереджений одним з його генералів, щоб він вдався до пошуків безпеки для своєї власної персони, а вони, всупереч усьому, затримають ворога якомога довше і як і раніше намагатимуться побити його. У такий спосіб Його Величність разом з генерал-майором Акселем Спарре, генерал-майором Лагеркруною, генерал-майором Мейєрфельдтом, військовим радником Фейфом, секретарями Дюбеном, Бунге й Хюльтеном, а також

[275] Там само.

[276] Там само.

єпископом Мальмборгом разом з Мазепою і купкою шведських драбантів, попрямували вперед, де стояв підполковник Функ, і з ними Його Величність пройшов увесь шлях до Дніпра у 12 (шведських) миль, де було поспіхом захоплено декілька барж і деяких інших суден. Згодом підійшло кілька тисяч ворогів, і тому, після звістки про їх підхід, протягом ночі наші люди взяли найважливіші речі з візків, а решту кинули у вогонь. Таким чином Його Величність безпечно переправився [через Дніпро] зі стількома людьми, зі скількома це було можливо зробити в поспіху, шукаючи якесь турецьке місце, де б він міг знайти безпечний притулок, і благополучно прибув до Очакова, міста на Поділлі, звідки останнього вівторка, вдень 31 серпня, прийшов лист Його Величності від 10 липня, з якого видно, що Його Величність перебуває у повній безпеці й цілості. Битва була такою, яких давно вже не було, отже всі, хто міг тримати шпагу, це й зробили, і Канцелярії також довелося взяти участь у бою і, отже, вона може свідчити, що генерали не бачили більше переваг у продовженні бою з ворогом, і мусили вдатися до гідної похвали обережності, тому що вони вважали за краще радше здатися як військовополонені, ніж дозволити іншим людям гинути від переважаючої сили, і це відбулося в другій половині дня між двома і трьома годинами, коли граф Лейонхуфвуд здав своїх людей, щоб коли Господь дасть мир, вони були би всі без виключень відпущені. Отже на даний час ув’язненими, яких поспіхом можна пригадати, є його Високоповажність граф Піпер, граф Реншельд, граф Лейонхуфвуд, генерал-майор Крейц, Шліппенбах і т. д. і т. д., які всі разом з офіцерами були прийняті з честю, добре зустрінуті Царем і їм було повернуто шпаги. Іншими словами, кількість захоплених разом зі слугами становить 1200 осіб; скільки серед них полковників та інших офіцерів, знати неможливо. Цар дозволив секретарю Седергельму, судді-адвокату Брюсену, капітану Естгетського кавалерійського полка Гілленпампу та сурмачу з їх паспортами здійснити подорож додому в Швецію і зробити там доповідь, але під їх чесне слово протягом 4 місяців з’явитися в Санкт-Петербурзі знову. Вони приїхали сюди минулого вівторка і наступної суботи минає 6 тижнів, відколи вони покинули російську армію. Нехай Бог милостиво допомагає нам[277].

№ 322

1709, вересня 24. — Стамбул.

З донесення французького посла Феріоля у Версаль

Цар, що вважає тепер для себе за можливе осягти тут усього, прохав у Порти видачі гетьмана Мазепи з усіма його козаками, що перебувають у Бендерах. Московський посол мав авдієнцію у Великого Візира, якому передав власноручного листа від царя. В цьому листі цар протестує проти перебування шведського короля й гетьмана Мазепи на турецькій території. Великий візир відповів, що мусульманський закон примушує Порту давати захист усім володарям, що шукають його в Туреччині[278].

№ 323

1709, жовтня 2.

З листа міністра закордонних справ Франції Жана-Батиста Кольбера маркіза де Торсі французькому послу у Стамбулі Феріолю з проханням передати його слова візиру

Його прехристиянська величність бере до серця важкий стан шведського короля й козаків. Це буде негідно для великого монарха (султана), коли він видасть Мазепу цареві[279].

№ 324

1709, листопада 12. — Стамбул.

З донесення французького посла Феріоля у Версаль (копія другого царського листа про видачу мазепинців)

Козаків, наших бунтарських підданців, що вживають усіх заходів для порушення миру й бажають піддатися під протекцію татарського хана. Хоч мінародне право дозволяє шукати своїх ворогів скрізь, де б вони не перебували, ми все ж таки не вимагаємо видачі козаків і задовольнимося обіцянкою вашої величності вигнати їх з території вашої держави. На великий наш жаль, ми дізналися, що козаки перебувають у Бендерах, і хан дає їм усякого роду допомогу, щоб грабувати й руйнувати нашу землю. Що викликає у нас ще більші підозри, це те, що дозволили бунтарям обрати ганебного Орлика на гетьмана Запорозького війська. Це зроблено на те, щоби скандалізувати підданців нації, яка залишилась нам вірною[280].

---

[277] Шведська реляція про Полтавську битву. Новий погляд / публікація та комент. Олександра Дубини ; пер. зі старошвед. Хокана Хенріксcона) // Сіверянський літопис. — 2011. — № 5. — С. 38–40 (Uppsala universitetsbibliotek, Handskriftsenheten, F 103, Handlingar till Sveriges politiska historia, 1704-1709, pärm F 103, häfte 1708, s. 328–331, Uppsala, Sverige).

[278] *Борщак І.* Шведчина й французька дипломатія (за невиданими документами) // Науковий збірник за рік 1928. — К., 1928. — Т. 27. — С. 86.

[279] Там само.

[280] Там само. — С. 87.

Австрійська преса про Гетьманщину

№ 325
Новини з «Віденського щоденника»
1708, грудня 22–25
Віденський щоденник (№ 563)

З Польщі 15 грудня. Король зі своєю армією намагається закріпитися між Стародубом і Черніговом і про нові битви нічого поки що не чутно. Однак достеменно відомо, що гетьман Мазепа зі своїм доволі чисельним військом захотів перейти на бік шведів. Коли ж ним заздалегідь було відкрито про ці наміри, більшість козацьких полків повернулися до Його Царської Величності, так що згаданий вище Мазепа зміг пристати до шведів з військом, яке налічувало ледь тисячу чоловік, на які також не можна було покладатися. Після цього козаки влаштували нові вибори й обрали своїм військовим начальником Скоропадського. Стало відомо, що шведські полки, що прийшли із Померанії через Прусію разом з королем Станіславом, одразу мають направитися до України. Король Швеції всюди настільки оточений московітами, що йому майже не можливо провести свою армію без значних втрат. Московіти по ходу знищують усі ліси й усі проходи на 10 миль навколо шляху; таким чином армія не може пройти, оскільки відрізаний підвіз харчів і провіанту.

№ 326
1708, 26–28 грудня
Віденський щоденник (№ 564)

З Польщі 20 грудня. Підтвердився перехід Мазепи до короля Швеції; сталося це за тих обставин, що як тільки він зі своїм військом переправився через річку Десна, одразу прийняв бойовий порядок і пішов до шведської армії. При наближенні Мазепа переконував своїх офіцерів перейти [з ним], однак ті не виявили бажання і повернулися зі своїми полками до московитської армії. Так що Мазепа прийшов до шведського табору приблизно з тисячею чоловік і трьома офіцерами, яких силоміць забрав з собою. На третій [день] по тому князь Меншиков штурмом завоював Батурин, де перебувало 6000 чоловік Мазепи, і всіх скопом знищив. Як тільки Його Царська Величність отримав підкріплення 20000 свіжих сил із Москви він розпочав нападати на ворога. Між іншим, Мазепа — чоловік 70 років, невеликий статурою, але великий своєю освіченістю; при цьому настільки слабий, що він не може ні скакати на коні, ні ходити пішки, а більшою мірою його змушені переносити. Його Царська Величність за рік до цього стратив двох поважних козаків, які утворили таємну опозицію. Воля до цього була занадто твердою. Однак з часом дізналися, що ті змушені були вмерти як несправжні донощики[281].

Похід каролінців у висвітленні віденської газети «Меркурій»

№ 327
Меркурій. 27 жовтня, 1708

Іванович, від 17 жовтня. 9 жовтня по той бік річки Сожмишен 5 шведських полків, 4 з яких з відбірною піхотою, та один полк кірасирів під командуванням генерала Розе, з одного боку, і 8 батальйонів разом з трьома ескадронами московитів під командуванням князя Голіцина, з іншого, влаштували не одну акцію в різних місцевостях, особливо під командуванням самого московитського царя; оскільки він не міг похвалитися хоробрістю своїх людей, то він найбільш милостиво поставився до князя Голіцина. Навіть шведи мали можливість переконатися, що вони не побачили героїзму у тих московитах, яких вони зустрічали до цього. Цар не лише цього разу, а [ще раніше], 15 серпня під Виборгом здійснив вдалу акцію проти шведів, внаслідок якої його армія, як і всі московитські міста, відчули доволі дружне ставлення, оскільки він розбив наголову не лише донських заколотників, а й астраханських татар, і захопив їхні території; до цього слід додати, що об'єднаний англійський, голландський і гамбурзький торговий флот у понад 150 парусів, повністю завантажений, щасливо прибув до Архангельська. Мазепа, який має при собі московитську інфантерією і 6000 кавалерії, понад 40000 чоловік, отримав чіткий наказ від царя постійно захищати не лише Київщину, а й усю Україну від шведського наступу і не допустити шведського правління. Армія Корони знаходиться поки що біля Туропіна, однак готова до походу до литовського Сапіги, який зі своїми [військами], ще перебуває навколо Оппатова, готується до нападу, щоб здобути там квартири.

№ 328
Меркурій. 31 жовтня, 1708

Із Польщі. Іванович, 20 жовтня. З Вільди 7-го [жовтня] написали про те, що король шведів зі своєю армією повернув від тамтешніх московитських кордонів назад до Крижева в напрямку до України, і перебуває біля московитських кордонів; за Смоленськом московитами все спалено; вони дали також наказ Мазепі, щоб він не дав шведам можливості перемогти, і для того, щоб вони не могли розраховувати на квартири в Україні, то при їх вторгненні спалити Чернігів і Київ. Нещодавно 800 московитів, крім них, ще 3000 напали на Полоцьк, там вони вщент зруйнували навколо всі землі, і своїми вилазками постійно не дають спокою. Генерал Левенгаупт 29 вересня зі своїм корпусом

[281] Гетьман Мазепа у німецькомовних джерелах (пер. з нім., передмова Володимира Дятлова) // Сіверянський літопис. — 2015. — № 3. — С. 51 (переклад зроблено за виданням: *Мацьків Т.* Гетьман Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687–1709. Додатки. — Мюнхен, 1988. — С. 233–234).

перебував у Шклові і 2-го з інфантерією переправився через Дніпро, а кавалерія всю ніч перед цим дефілювала з тим, щоб ті могли непомітно і щільно пройти, оскільки в декількох милях московитський генерал Бауер постійно не давав їм спокою й то там, то там влаштовував напади на них. З Данцига 17-го [жовтня] стало відомо, що розташовані там шведи 14-го [жовтня] вирушили, щоб розпочати похід. Їхні старші офіцери, такі, як генерал-майор Крассов, полковник Мюллер і полковник Маршал склали присягу на вірність королю Станіславу.

№ 329
Меркурій. 7 листопада, 1708

Гіцишов, 22 жовтня. Про литовську пошту не було чутно вже чверть року, так що ніяких листів ні туди, ні звідси не надходило, відтак, не можна було нічого дізнатися, що відбувається в цій місцевості; тепер стало відомо, що одного експедитора від московитської армії було направлено до великого коронного гетьмана Синявського; про те, що відбулося далі в ці дні, він повідомив таке: король шведів, коли він здійснив акцію, про яку повідомлялось нещодавно, в ході якої, коли він сам зі своїми 5 полками і 8 батальйонам і 3 ескадронами пройшов мимо московитів, він одразу ж зі всією армією став на півмилі від них, відійшов від московитів, однак вони йому зруйнували міст через річку Біла Пятна, внаслідок чого інфантерія настільки відстала, що вони не могли наблизитись, внаслідок чого 5 шведських полків було повністю порубано; мости було швидко налагоджено й вся шведська армія підійшла туди, однак московити знову повернулись до свого табору, звідти московитська армія вишукувалась в одну лінію на три милі, а шведська армія з болем вичікувала, коли ж шведська армія стала переправлятися через річку Біла Пятна; генерал Бауер з 11 полками драгунів і 8000 козаків і калмиків перебували на постах, і швидко атакували в спину генерал-майор Мікоша з 4000 драгунів, після цього шведський авангард 9-го і впродовж 9-го жовтня підійшов впритул [до них], ті також (два полки драгунів Вурденфельда і Зайфендайля) рішуче напали і завдали доволі значної шкоди, так що першим п’ятий, а за ним третій ескадрони залишились на полі битви, а решта розсіялась. Відтепер король шведів виглядає так, що він при всьому сильному спротиву не може залишити всю армію на квартирах, оскільки московити спалили навколо всі млини, так що шведи змушені наполовину молоти ручними млинами своє зерно, від цього та від нестачі худоби вони змушені відчувати нестачу [продовольства], а відтак приречені на голодну смерть, від чого багато поважних шведських офіцерів втікають звідси.

№ 330
Меркурій. 10 листопада, 1708

Іванович, 31 жовтня. Те, що було написано раніше про генерала Бауера і Мікоша із московитського польового табору, як і те, що 2 полки шведського авангарду при селі Біла атаковано і більшість його знищено, все це підтверджено із табору Короги від 16-го [жовтня] з додатком про те, що козаки і калмики напала на шведські фланги, так що там ще 1200 чоловік поклали голови і взяли в полон цілу роту на чолі з гауптманом. Після цієї вищезгаданої акції король шведів особисто відібрав по 30 чоловік від кожного з 20-ті полків і разом з частиною піхоти та дивізіоном генерала Майєрсфельда взяв командування авангардом і рушив у похід на містечко Мігневич, яке розташоване лише в півмилі від табору, де також перебував московитський корпус; коли король прибув туди, то одразу ж з великою шаленістю напав на московитів, які на той час були вже в повній [бойовій] готовності; шведський ескадрон, яким командував сам король, двічі відступав з великими втратами, так що король шведів змушений був знову повернутися назад; після цього було повідомлено, що шведи залишили 200 драгунів з декількома комісарами, які за допомогою євреїв до цього забезпечували постачання їхньої армії, вони доставляли його сюди з різних місць. Коли московити отримали ці відомості, то вони одразу відправили 700 драгунів туди, які потім вночі без будь-якого приводу напали на Могильов і не тільки порубали 200 шведських драгунів, а й повбивали полонених комісарів, а також знищили шведські магазини, обоз і худобу. Шведські полонені одностайно стверджують, що вони страждають від великої нестачі провіанту і змушені їсти замість хліба зерно, зварене в котлах. Також деякі з них, що були командировані заготовляти фураж, попадали в більшості своїй до рук козаків та калмиків. Внаслідок цього розпочалися злидні і хвороби, так що шведські роти, які до цього виходили із Саксонії у складі понад 150 чоловік, сильно зменшилися до 60, 70, 80 чоловік; внаслідок багатьох причин чимало з них померло, частково від сильної заболоченості [місцевості], частково від нестачі продовольства.

№ 331
Меркурій. 21 листопада, 1708

Гіцишов, 7 листопада. У День Всіх святих у церкві Святого Бенно вперше відправлено Божу службу Св. Оттеса і проведено проповідь німецькою для тих не багатьох, які дотримуються у своєму житті правил німецької конгрегації, після цього була влаштована процесія при участі командора, від цієї церкви до єзуїтів, а потім до місіонерів, після молитви у церкві Божої Матері у Нойштадті усе це завершилося при великій радості людей, і тільки після цього було завершено богослужіння Св. Оттеса. Все ж були скарги на те, що деякі варшавці швидко ревентувалися, скупили горілку і вино та вивезли горілку й вино в села, внаслідок чого багато [людей], потруїлося, а деякі за декілька годин пішли з життя. Між тим оголошено, що шведські комісари, які заготовляють провіант на цій території у здорових селах (деяких відправлено заздалегідь), вже перебувають поблизу Варшави. Пошта сьогодні доставила багато відомостей про те, що Огинський з 60 польськими загонами виступив з Бобруцьким в напрямку Бреча на Буг до литовського командувача Сапіги з тим, щоб перешкодити йому похід на

Лемберг; армія Корони також пішла назад до Кока для того, щоб контролювати Огинського. Решту відомостей підтверджено кур'єрами із станіславського табору, зокрема про те, що генерала Левенгаупта було оточено під Лісною московитами і повністю розбито, так, що він тільки з невеликою часткою кавалерії, до того ж тяжко поранений, зміг врятувати, [переправивши] через річку Сож решту своєї команди, однак понад 10000 інфантерії московитами було порубано, крім того, чудова артилерія і понад 1000 возів амуніції, приблизно 1000 волів стали здобиччю, внаслідок чого вони, а особливо цар демонструють надзвичайну радість і намагаються перебільшувати кількість забитих, набагато більше, ніж втратили шведи, однак вони мають перевагу над шведами, оскільки оволоділи полем [битви].

№ 332
Меркурій. 24 листопада, 1708

Іванович, 14 листопада. Від армії Корони надійшли достовірні відомості про те, що царем були направлені в якості кур'єрів три поважних генерала до різних дворів з реляцією з приводу переконливої перемоги 9-го листопада під Лісною над генералом Левенгауптом, про яку вже стало відомо багато інших [подробиць], зокрема те, що війська під командуванням князя Меншикова і генерала Гольца, царя московитів з 10-ма кращими полками кавалерії князя Голіцина разом з генералом Багером інфантерії калмиків і козаків, в той час, як генерал Левенгаупт мав 16000 бойових людей, напали з усіх боків з великою лютістю, так що після кривавої битви загинуло 10000 чоловік кавалерії та ще безліч було небезпечно поранено, під багатьма з них було вбито коней, чимало залишилось вбитими, внаслідок чого шведи, понад 12000 чоловік (серед них також Штакельберг поряд з іншими, які перед цим стали полковниками), залишились на полі бою, а 2700 чоловік взято в полон. Також московити оволоділи 8000 діжками, пакунками з амуніцією, яка призначалась шведській армії, навантажили усе це на великі вози, запряжені по шість коней, в тому числі захопили 47 знамен, 11 штандартів і 16 штук трофеїв; так що цар під враженням того, що на півночі до цього не було отримано переконливих перемог, замовив у всіх місцевостях Божу службу з великою урочистістю, оскільки він в цій [битві] втратив мало війська, було вбито менше ніж 3700 і дещо більше поранено. Командувачу Синявському цар відправив золота з великою кількістю срібла для виплати коронній армії в Лемберзі. Від Замора надійшли достовірні відомості, що король Станіслав вже готовий вирушити до Брела, оскільки козаки під командуванням Мазепи також отримали наказ для наступу.

№ 333
Меркурій. 28 листопада, 1708

Гіцишов, 14 листопада. Провіант від міста Данціг на суму 1000 димпфен зібрано до купи і конвертовано [у гроші], які розподілено серед армії. Декілька тижнів до цього у Любліні у багатьох місцевостях має місце епідемія, яка нагадує справжню чуму, що розповсюджується між містами, внаслідок чого чимало людей померло і викликало паніку серед населення. Не знаючи, яким чином можна захистити себе, багато хто заразився чумою через долоні, цей [жах] неможливо описати, так що пошта з надійними відомостями надходить лише до Ползице, що у трьох милях від міста. В Ярославлі дуже налякані тим, що ця зараза наблизилась вже на милю до міста. Левенгауптська поразка ще раз підтверджена із різних місць, і коли король шведів отримав звідти достовірні відомості від кур'єра, він одразу відступив на 7 миль від Стародуба на Боцрипове, де він, однак, був цілком оточений московитами. Генерал Шереметьєв з усією інфантерією перебуває лише у півмилі від нього, генерал Гольц з кавалерією підійшов впритул на милю, однак гетьман Мазепа з 20000 козаків і московитських драгунів став позаду, внаслідок чого шведи були позбавлені будь-яких виступів або просування, крім того, їхня армія потерпає від голоду, офіцери і рядові часто переходять до московитів, в результаті чого цар хотів створити окремий полк із дезертирів; королю шведів просування дається тяжко, оскільки московити вирубали ліси на 10 миль шляху, а по дорозі зустрічалось багато болотних місць, відтак московити знесилювали шведів частково через голод, частково через збройні напади; надійшли листи з Вільди від 4-го цього [місяця] з повідомленнями про те, що король шведів зі своєю армією вже підійшов до України і зайняв місто з назвою Млин або Мюлен, яке після спротиву було захоплено і всіх людей, що там знаходилися, було порубано. Московити вже збираються знову до Дніпра збоку Тюкозина і Красніка, внаслідок чого у Мінську і Вільді паніка.

№ 334
Меркурій. 8 грудня, 1708

Іванович, 28 листопада. Із Конеполе 22 цього місяця отримали достовірні відомості про те, що воєвода Кіовський разом зі Шмігельським 21 числа з великим корпусом підійшли до Ленце і спробували несподівано напасти на Рибинського, однак вони мали провести передислокацією битви; Шмігельский командував лівим, а воєвода Кіовський з кіннотою правим флангом, як тільки дійшло до битви, то Шмігельский атакував правий фланг Рибинсьокго, який стримав того вогнем і також дуже сильно обстріляв його з іншого боку, а воєвода Кіовський наступав на лівий фланг Рибинського, хоча вони задіяли ті загони, що були у резерві, приховані під містом Ленце за інфантерією, тим не менше лівий фланг Рибинського чинив сильний опір правому флангу Кіовського, деякі ескадрони якого також зіткнулися з прихованими польськими загонами і ті сильно обстріляли Кіовського, так що ті повністю залишили повні вози амуніції, чотири з половиною плацдарми, багато полонених змушені були залишити, яких драгуни зі шпагами в руках переслідували півмилі і багатьох з них настигали і рубали. Серед полонених перебувають полковник Бранд, полковник Шмац, коронний камергер підполковник Доннерфельд, генерал-ад'ютант Кіовского, швед від народження полковник

Вілліцинський і багато інших офіцерів. Пан Рибинський особисто на коні у супроводі команди з 7 штандартами, старости Накільський, Домський в погоні ще багатьох взяли в полон. Власні втрати Кіовського точно не можна встановити, більшість попали до лісу та боліт, багато з яких було вбито, Шмігельський, тяжко поранений, змушений був сам допитувати полонених; із 82 литовських загонів, які Кіовський тримав біля себе, мало хто повернувся. Левенгауптська поразка за відомостями із Вільди збільшилась до 14000 чоловік і московити потяглися вже до Волині і Бобра [Бобруйська], місцевості яких вони вщент зруйнували. В Курляндії, де вже знаходяться московити, усі перебувають у великій турботі, оскільки вони залишились стояти біля Драггена. Вже надійшли Листи із Лемберга до Великого коронного гетьмана Синявського для того, щоб врегулювати [питання] про зимові квартири.

№ 335
Меркурій. 12 грудня, 1708

Гіцишов, 28 листопада. У ці дні надійшли сумні повідомлення про те, що по той бік Вісли 19-го в той день була сильна буря, до 30 сіл згоріло дотла від пожеж, внаслідок такого нещастя частина господарів [залишилась без даху], однак ще більше з них постраждали від буревію. У Варшаві за сильних морозів лютує чума, ті, що перенесли чуму, вмирають рідко, крім тих, які перебувають на свіжому повітрі, а потім торкаються залишених у будинках речей, що за декілька днів до цього повиносили, до того ж змушені були вивести на тривалий час худобу, так що її залишились чимало без догляду, у передмістях багато хто мешкає поряд з чужими людьми, які прибули сюди із заражених територій заради спасіння, [люди] змушені вживати їжу, що купують її у селян, з великою обережністю, оскільки ті привозять її із заражених територій, крім того, часто здорові місцевості через отримане золото або заставу заражаються, так що зерно у багатьох місцевостях є зараженим; багато полів пошкоджено і не засіяно. Крім того, підтверджено, що Кіовського і Шмігельського було наголову розбито Рибинським і йому досталися в якості трофеїв багато возів з кіньми на чотирьох з половиною плацдармах. Армія Корони вже розташувалася табором, і вони мають перемістити кантони, а від командувача Синявського маємо надійні відомості із Лемберга про те, що московити після левенгауптської поразки у захоплених возах здобули багаті трофеї, багато нової амуніції, в яку одягли шість сильних московитських полків, також вони заволоділи коштовною польовою аптекою з усіма медикаментами в повному комплекті. Від шведської армії не надходить ніяких повідомлень, оскільки московити вже надійно перекрили [дороги] в Литві і Ліфляндії, а в Литві шведські укріплення зруйновані.

№ 336
Меркурій. 15 грудня, 1708

Лемберг, 28 листопада. Декілька днів поспіль коронний гетьман очікував свою дружину з її двором (після цього він має поставити армію Корони на зимові квартири), щоб провести зиму разом. Говорять, що як тільки армія Корони стане на зимові квартири, то головне має відбуватися в кантонах. Пан Шмігельський, каштелян Кіовський, які певний час були під арештом у шведів у Колмарі, щасливо повернулися з полону. У цій компанії ми не очікуємо ніякого наступу, однак командувач як розумний статист не тішиться почестями, а знаходить і стримує в армії Корони багато неспокійних умів. Із литовського Брела отримали відомості, що король Станіслав 16-го прибув на постій далеко від названої місцевості, звідки він визначиться, однак ще не відомо, що буде здійснено далі, чи має він рушити своїм маршем на Росію, має перешкодити коронній армії чи ні.

№ 336а
Меркурій. 22 грудня, 1708

Між тим постійний московитський резидент при великому коронному гетьмані отримав від царського двору відомості, що король шведів зі своєю армією почав окопуватися між Стародубом і Черніговом і сам перебуває у скрутному становищі, оскільки своєчасно і не зовсім вдало відкрилася серйозна таємна змова з козацьким гетьманом Мазепою, тоді, коли Мазепа захотів з усім військом перейти на бік короля шведів, однак козаки відмовилися від цього, а полковники більшою мірою відходили і залишилися у штаб-квартирі Його Царської величності, так що він зміг привести до шведів лише 1000 чоловік, після цього козаки провели нові вибори і обрали своїм гетьманом Скоропадського; згаданий московитський резидент також повідомив, що московитський адмірал і комендант Нарви пан Апраксін повністю розбив шведського генерала Любеккера з командою у 12000 чоловік у Фінляндії; 1394 взято у полон, більшість врятувалися на флоті, а решта ретирувалися у ліси, так що московитам дістався увесь обоз з їхнім плацдармом і військова амуніція.

№ 336б
Меркурій. 29 грудня, 1708

Іванович, 19 грудня. Про нещодавню вікторію між Петербургом і Нарвою московитів над шведським генералом паном Любеккером підтвердилося з інших джерел те, що генерал Любеккер з 12000 чоловік не тільки московитів, а й їхні землі спробував знищити, однак сталося так, що підготований пас для наступу московитами під командуванням адмірала Апраксіна вже був захоплений, тому була проведена втеча (більшість не могли попасти на колишню дорогу) до берега моря, а там кур'єр шведського адмірала Соні, що зі своїм флотом стояв на якорі, надіслав прохання, щоб він міг проти них виступити, однак його солдати сіли на кораблі, більшість з них не могли (цього зробити), на тих московитів напали, внаслідок чого він зі своєю 6000 кавалерії дав наказ, щоб вони вбили своїх коней і посідали на кораблі, що були біля берега; коли б це було насправді захоплено адміралом, він одразу з натиском шведів, що розпочали атаку, так що після жорстокої битви перемогли,

а багатьох вбивали при втечі, так що ті, що на флоті рятувалися, решта заховалася у найближчих лісах, частина яких там була порубана; кількість вбитих достеменно ще не відома, серед них багато поважних офіцерів 1394 і московитам дістався повністю шведський табір.

Про перехід Мазепи до короля шведів підтвердилося між іншим те, що після того, як він зі своїм корпусом переправився через річку Десна, він одразу мав вступити у битву, і пристати до шведської армії, однак, коли він підійшов вже впритул, то він переконував своїх офіцерів перейти з ним до короля шведів, однак ті не виявили бажання, а полковники вважали себе обманутими й відмовилися перейти з ним з московитського табору, так що він з 1000 чоловік і трьома полковниками, яких він силоміць примусив, прибули до шведського табору. Третього дня потому князь Меншиков захопив штурмом місто Батурин, де знаходилося 6000 мазепинських прибічників і перебив там всіх скопом, при цьому цар прислав йому підкріплення у 20000 чоловік, й прославив його вікторію[282].

№ 337
1709, січень.
Історичний і політичний Меркурій

Копія листа із головної штаб-квартири.
Глухів, 12 листопада [1708 р.].

Після того, як козацьким гетьманом Мазепою було відправлено одного із своїх фаворитів до короля шведів, стали остаточно очевидними підозри у його зраді, наслідком такого зловмисного вчинку стали наступні дії: він дав наказ декільком полкам чисельністю 5000 чоловік привести їх в бойову готовність, для того, щоб діяти проти ворога, у той час, як його резиденція Батурин з 1000 чоловік повинна була залишатися осадженою до подальших розпоряджень або до його прибуття, він же пішов зі своїм корпусом через Десну, де за ним одразу ж вирушив сильний шведський корпус й вони зустрілися, після цього там же гетьман звернувся до своїх людей і досить чітко дав зрозуміти про свої наміри, про те, як він наважився пристати до шведської партії, чому вони мають не суперечити, а повинні слідувати за ним, інакше з ними погано вчинять.

Дивним чином з ним змушені були піти три його кращі полковники. Як тільки він об'єднався у такий спосіб із шведським корпусом, то шведські загони із інших окупованих місцевостей також забажали виступити зі своїх позицій й під страшним вогнем форсували річку там, де вони приготували чимало плотів і човнів, однак розташований там руській батальйон зупинив їх і розстріляв їхні плоти, так що дуже багато шведів потонуло посередині річки і мало хто перейшов туди, 1000 чоловік було вбито і потоплено, ми також втратили 300 чоловік. Так що одразу, як тільки Його Царська Величність отримав відомості від цих невірних і всієї козацької нації про повну страшну зраду їхнього колишнього гетьмана, то одразу було надіслано указ до усіх козацьких офіцерів і рядових, негайно старшинам прибути до табору, котрі в короткий термін усі там з'явилися, де їм було оголошено про зраду їхнього колишнього гетьмана й було зажадано висловити свою думку з цього приводу; відтак вони одностайно заявили, що залишаються вірними Його Царській Величності, поклялися добром і кров'ю і зажадали нового гетьмана; тому в короткий термін у головному соборі вотували священне рішення від усіх козацьких депутацій, що вони просили бути їхнім гетьманом Стародубського полковника Скоропадського, яке Його Царська Величність з усіма козаками сприйняв з великим задоволенням і надав підтримку та благословення.

Тим часом отримали від князя Меншикова повідомлення, що той швидко зібрав великий корпус, після чого рушив на Батурин і штурмував тамтешнє місто і після багатогодинної битви оволодів ним, завоював і повністю його знищив. Полковника Кенігсека, брата того, що мав бути екстраординарним посланником короля Августа, за те, що він командував артилерією на боці Мазепи проти російських загонів, повісили прилюдно на площі, місцевість піддали вогню, а після цього усе зрівняли з землею, у місті захопили 80 гармат. Після цього повідомлення прибув сам Меншиков зі своїми загонами, й оскільки його [Мазепу] було раніше зведено у лицарі ордена Св. Андрія, то відбулась контрафакція з опудалом колишнього гетьмана, орден було скасовано, усі маєтності були оголошені конфіскованими, його проголошено клятвозлочинцем і зрадником Його Царської Величності Вітчизни й усієї козацької нації, й у такий спосіб його прокляли й викинули геть за двері, потім закликали ката, [опудало] настромили на піку і потягли на вільне місце, де публічно зачитали про його злочини, зламали шаблю й повісили на шибениці. Щоправда, дякуючи Богу, таких несподіваних дійств жодному з прихильників Мазепи не судилося зазнати, а, навпаки, щодня гуртом прибували ті козаки, які разом з ним вели перестрілку з ворогом або багато з них були примушені до цього, тому знайшлося лише три полковники, які разом скаржилися на те, що були приведені до цього хитрощами і силою зрадника, тому Його Царська Величність із притаманним йому шляхетством усіх не лише пожалував і простив, а гарантував назавжди захист їхньої честі, служб і обов'язків, добра й усіх привілеїв. Оскільки уся авокаторія [акція прощення] була швидко завершена, так що ті, які [залишилися] з ворогом, якщо вони впродовж чотирьох тижнів встановленого терміну будуть знову просити царської милості й прийдуть сюди, то вони різним чином, всілякими шляхами, як і вимагалося, мають ставати на коліна; після завершення цього терміну їхнє життя добро і маєтності повинні розглядатися як [майно] зрадників і клятвозлочинців без будь якого помилування. Руські тепер очікують й спостерігають те, що

[282] *Дятлов В.* Події Північної війни 1708 року на сторінках віденської газети «Меркурій» // Сіверянський літопис. — 2018. — № 5. — С. 118–123 (Переклад зроблено: Der Post-tägliche Mercurius, 1708).

ворог чим далі, тим сильніше буде діяти по Десні, однак руські своїх людей поділили на різні корпуси, як тільки Його Царська Величність наказав дозволити перехід через річку з тим, щоб ворог міг мати вільний перехід, однак після Севська і Глухова, де зараз знаходиться головна штаб-квартира, зібрати до купи усі сили з усіх місцевостей з тим, щоб дати головну баталію. Пізніше, з наступною оказією повідомимо наступні [новини] (дасть Бог, добрі)[283].

Допити полонених

№ 338

1708, грудня 18.

Свідчення на допиті в Посольській похідній канцелярії підлеглих генерального обозного І. В. Ломиковського про шведське військо та мазепинців

1708г[о] декабря в 18 де[нь] ушедшие из Рамны люди Ломиковского Василей Колинников, Михайло Совицкой, Тихон Проневичь, Лукьян Алексенко в Посолской походной канцелярии сказали.

Ушли они из Рамны декабря в 16 де[нь] в четвертом часу ночи в тот случай, как корол[ь] пошол с полки к Гадячю. Пошол де король из Рамны с войском со всем, которое стояло в Рамне к Гадячю в четверток рано по ведомости, которую им привес татарин Софрон, которой живет у Мазепы и в под[ъ]езды ездит, что войски Ц[а]рского Величества все поднялись к Гадячю и хотят оной добывать. И слышали они, что посланы от короля швецкого указы к войскам, которые стояли в Прилуках, в Лохвицах и в ыных местах, чтоб все вышли к нему, королю, в случение к Гадячю. А Мазепа тот день остался еще в Рамне и имел ехать, переночевав вчерашней день, туда ж, х королю, со всеми полковники. А войска де швецкого при нем, Мазепе, осталос[ь] малое число да ево два полка кумпанейских — Кожюховского и Андреяшев. А сколко в них подлинно числом, того сказать не знают. А король де поднялся со всем войском и с обозы, и будут ли паки в Рамну, того они несведомы. А прежде походу к Гадячю слышали они от Понятовского, резидента Лещинского, что корол[ь] дожидаетца Станислава, и как дождетца, то пойдет тотчас прямо к Москве. И естли де войски московские не дадут баталии, то они, и оставя их, пойдут прямо к Москве. А прежде приходу Станиславова, хотя б оной н[е]д[е]ль и шесть не бывал, итти не хотели, толко к тому походу совсем приготовлялис[ь] — мяса и сухари готовили и на возы клали, говоря: хотя де Москва перед ними и все станет палить, однако де они могут тем провиантом доволны быть. И где что ни сыщют у жителей провианту и скотину, то все забирают. А когда де н[ы]не пошли к Гадячю, то слышали они от Понятовского ж, которой, быв у пана их Ломиковского, говорил, что уступаю де я вам своею господою и сеном, что свожено, также и протчим. И он, Ломиковской, ево спрашивал, что вы возвратитес[ь] ли до нас или нет? И он ему сказывал, что возвратитца де не чаем, потому что де корол[ь] швецкой намерен, естли Москва бою не даст под Гадячем, итти прямо к Москве. А Ламиковской из Рамны имел ехать с Мазепою к Гадячю. Мазепа де зело был болен, которого лечил шведский оптекар[ь], и было ему от той болезни свободнее. Для которой он болезни не мог с королем швецким ехать, и для того поостался при нем де, Мазепе, их пан Ломиковский, Орлик, Чюйкевич[ь], полковник лубенской Залынский, полковник прилуцкий, генералные ясаулы Максимович[ь] и Гамалея. И все де ходят на свободе, толко стоит караул у полковника лубенског[о] и у Максимовича на дворех, и политично за ними присматривают, для того что они были с миргороцким полковником в согласии уйти. Мазепе де н[ы]не от шведа не такое почитание (по ушествии полковника миргороцкого и Колагана, и что другие уходят), как было прежде, потому что де войска при нем мало что есть. К Станиславу де послали некого ис поляков в двух стах ч[е]л[о]в[е]ках волохах, — а как того поляка зовут, того не знают, — чтоб он шел к ним как наискоряе. Слышно ж де у них, что ни Орда, ни запорожцы к Мазепе на помочь итти не хотят. Войска де шведского сколко всего, того они сказать не могут, потому что де они в маршу нигде их не видали, и все де они ходят розными дорогами, а не вместе. А сказывают, что де будет их с сорок тысячь, толко де, как они мнят, не будет и с тритцат[ь] тысячь. Корол[ь] де у Мазепы бывает часто, також Пипер и Реншелт. А как стояли в Рамне, то корол[ь] часто хаживал и в церковь и иногда всю обедню выслушает, а иногда и не дослушав пойдет. А в церквах де на ектениях по обыкновению за Его Ц[а]рское Величество Богу не молят, для того что им заказано. В войске де швецком зело много болных, и как болные, так и не гораздо болные об[ь]едаютца по бывшем у них голоду и помирают многие[284].

---

[283] Гетьман Мазепа у німецькомовних джерелах (пер. з німецької, передмова Володимира Дятлова) // Сіверянський літопис. — 2015. — № 3. — С. 51–52 (переклад зроблено за виданням: Мацьків Т. Гетьман Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687 — 1709. Додатки. — Мюнхен, 1988. — С. 239–240).

[284] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 47. Расспросные речи людей генерального обозного И. В. Ломиковского В. Калинникова и других в Посольской походной канцелярии о выходе шведской армии из Ромен к Гадячу и положении И. С. Мазепы и казацкой старшины в шведском лагере // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 54. Л. 66–68 об. Подлинник. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-47-1708-rassprosnye-rechi-lyudey-generalnogo-oboznogo-lomikovskogo.

№ 339

1709, червня 14.

Свідчення на допиті спійманих мазепинських наближених — дворового слуги Супруна, покоєвих Григорія Новгородця, Якова Поручки

Повторительная реляция скаски, которую Супрун, бывшей Мазепин изменника слуга дворовой, пойманный под Жуками, на бою, там слыша, чинил. —

1. О Полтаве так сказал, утвердил заподлинно, что король швецкой конечно намеряет для тех мест не отступать от Полтавы, покамест оной не добудет или баталия генеральная не учинится. А надеется и подтверждает, что скоро или гранатами или инструментами, к запалению сочиненными, которых много имеет, зажехши, возмог бы оную добыть. Толко бутто по прошению Мазепину, едино о людях, там обретающихся, милосердствует, второе, жалея дабы скарбы, который там свезены со всей Украины быти надеется, не погорели, не хочет жечь, но штурмом, для того наипаче, дабы предо всем народом не явился быти безсилным, хощет оную взяти, а по взятии намеряет итти до Переславля, надеяся оттуды лутчей с Лещинским комуникации и совокупления.

2. Еще прежде взятья Сечи был из Ачакова каймакан, посланный к Мазепе (а от кого, он, Супрун, не знает), который, приехав в Сечю, посылал от себя к Мазепе двух татар (с которыми он же, Супрун, разговаривал по-татарски), уведомлялся, совершенно ль требуют их Мазепа и запорожцы, и, одержав таковой ответ, что со всем усердием требуют, обещалися за неделю к ним со всею ордою прибыти. Но когда те крымцы возвратилися от Мазепы, того ж часу каймакан, бывший в Сече, послыша о пришествии войск росийских на Сечю перед шестью оной взятья днями, оттуду ушел. И тако, хотя те два крымца обещалися со всею ордою за неделю быть к Мазепе, и до сего времени ни с кем не явилися и посланные с ними запорожцы как в воду пропали. Сего ради вся швецкая партия зело уже сумневается о пришествии к ним орды на сукурс.

Реляция предавшагося Григория Новгородца, бывшаго покоевого Мазепина.

1. Король швецкой и Мазепа приходу к себе Лещинского отчаялися с того времени, когда услышали от волошанина, от войск царского величества пред тремя неделями пойманого, что бывшие от господина Путанского присланные ис Полши депутаты до монаршей армеи, в награду своей службы пожалованье, которое им в Киеве взять велено, сказали, что Лещинской войсками великоросийскими, в Полше будучими, прогнан есть даже за Вислу и не может отнюд пройтить до Украйны.

2. О Полтаве согласно такую ж чинил ведомость, какую и Супрун, толко то еще придал, что Мазепа предлагал королю, дабы добывал Полтаву для того, что, естли оную добудет, может всю к себе приклонить Украину. Також по взятии Полтавы, убоявся таковой шведской силы, которой не могла и Полтава выдержать, будут городы доброволно везде здаватся и так не супротивлятися, как великому государю не супротивлялися, устрашася по взятии Батурина. К тому и то приложил, что король шведской для гордой своей причины, дабы не явил себя быти безсилным (как выше в скаске Супруновой назначено), хотя ежедневно людей своих тратить, однако для того, не добыв Полтавы, отступить не хочет, ибо по взятии оной намерил всю артилерию и иные войсковые тягости там, в Полтаве, сложити, и естли бы имела прибыти орда, с оною лехко, хотяти, где бы заслышал войска великоросиские, лутчей оные могл.

3. Мазепа и кошевый подлинно короля швецкого и все войско обнадеживал прежде и обнадеживал тем, что орда имела быти к ним, то за неделю, то за две, а наидалей о святой неделе, а ныне сказывает, что конечно о святом Петре будет для них на помощь. Но не един уже повести его, Мазепиной, таковой прошел без всякого совершенства термин, потерял у шведов кредит. И шельмою его все называют за неправды, однакож, хотя еще его искусити правды, со обнадеживанием хотят сумнительною быти, имеючей орды на срок святого Петра ожидают.

4. Посол из Очакова был с канцеляристом Болботом, от Мазепы посыланным, посланный уже приехал было до Сечи, откуда и двух татаров присылал к Мазепе, потребуя, дабы выслал что войска для безопаснейшаго перепроваження оного к себе. Однакож, когда те два крымца от Мазепы не возвратилися и еще Сеча не взята, за присланным к себе из Крыму знатно с указом татарина днем и ночью побегл назад в Крым. А о том Болботу сказал, что при взятии Сечи, уходя из оной, утонул на Днепре.

5. Когда по взятии Сечи запорожец некоторой, ушедший от Гакгана, приспел к Мазепе и чинил правдивую реляцию, каким способом взята Сеча, тому он не поверя и оного велел взять кошевому за караул и так за шею как и паперек к пушке приковать, разсуждал о нем, якобь наученный от полковника миргородцкого и перенятой пришел с тою ведомостью.

А от себя для подлинного уведомления о Сечи послал иного запорожца, которой, когда возвратяся, тож подтвердил, что и первый. Он, Мазепа, научил его и накупил, дабы сказал, что, хотя и взята Сеча, войско запорожское, там будучее, о том не жалеет, когда все пушки в Днепре затопив, а клейноты войсковыя и всякия пожитки с собою забрав, без всякого своего урону и шкоды доброволно пошло на низ Днепром, итак, войско великоросийское, пустую и уже безлюдную застав Сечю, засело, — что он, запорожец, от Мазепы подкупленый, по наущению ево таковом и подтвержал, хотя сам же скоро, по возвращении от Сечи и не быв еще перед Мазепою, инако о том, то есть так подлинно, как чинилося, перед иными многими чинил реляцию. Однакож, запорожцы о том подлинно уведомяся, что Сеча воинским сил великоросийских промыслом взята и все животы их тамо разарены, осердилися было на Костю кошевого и совершенно до смерти было его убили, когда бы к генералу Крейцу от их рук не ушел.

6. Все войско швецкое тревожится собою того ради, что от всех сторон войски государские оное обошли. И того

зело опасаютца, дабы вдруг одного часу от всех мест на них не было сил царского величества наступления, а особливо частью на короля, частью на Крейца, частью ж на войско, в Жуках обретающееся при фельтмаршалке Реиншалте, чего они ныне за пришествием царского величества в полки весма чаяли и целую ночь ту, тревожася, с лошадей не слазили, когда такая пронеслася было меж ими ведомость, что с царским величеством Аюк в 40000 орды своей пришел. И естьли де подлинно пришел, то нас всех и по одному из обозу, как на удах, повынимают калмыки.

7. Мазепа по часту в великой скорби и тузе бывает, а времянем с плачем и великим воздыханием нарекает свое безумие, что надеяся, что от него Украина не отступит, такую учинил измену и о своей предвосцриятой омыслился надежде.

8. Как запорожцы, так и иные многие, из партезантов швецких и адгерентов могли бы давно оторватца от Мазепы и перейтить на сторону царского величества, но Мазепа всякими вымысленными казньми, якобы тут их ожидающими, остращает и никаких его царского величества грамот, переходцов милостию монаршескою обнадеживающих, и многих уневерсалов, в которых изображено, что хто ни есть и ныне, от изменничей отключася стороны, доброволно на нашу передастся руку, помилован будет и никакого на здоровье и целости своей не увидит ущербу, оным не объявляет. Но ту только монаршескую всегда на очи представляет грамоту, которая давно, еще з зимы написана, а в ней изображено: кто от изменничей до шести недель не отступит стороны, тот потом, хотя б и отступил, не обращет милости.

Реляция предавшегося Якова Поручки, бывшего того ж Мазепы покоевого.

1. Тот Яков Поручка о Полтаве и о орде тож все согласно сказал, что Супрун и Григорей Новгородец, толко сверх того прибавил, что так слышат там, что король швецкой по взятии Полтавы не имеет намерения зимовати на Украине, опасяяся войску своему нужды для скудости в ней быти имеющей провиантов, но хочит итить до Переяславля, а оттуду на ту сторону Днепра для лутчего с Лещинским случения и провиантов доволных збирания.

2. О недостатку нынешнем провиантов хлебных в войске шведском, хотя вышепомянутые Супрун и Григорей доносили и твердили, однако наипаче сей Поручка, которой так подтвержал, что естли от Кобеляку и Беликов так перенят будет путь, что провесть из оных невозможно будет хлеба, то вскоре войско шведское, а наипаче его адгеренты, для великой у себя в хлебе скудости от голоду пухнути и гинуть принуждены будут, понеже ниоткуду болше, кроме тех городков, хлеба оным (которой дорого продается) не подвозят[285].

Військо мазепинців

№ 340

1709, травня 4.

З донесення англійського посла в Москві Чарльза Вітворта в Лондон про 15 тисяч мазепинців

Підполковник й інші офіцери, захоплені в полон у цій битві, показали, що король шведський по-старому займає квартиру в Будищах, війська ж свої розташував так, щоб блокувати російський загін, що стоїть в Полтаві. Вони в шведській армії все ще налічують до 28000 чоловік разом з хворими; крім того, говорять, ніби навесні король чекає близько 20000 рекрут з Курляндії, одну частину під начальством генерал-майора Скита, іншу ж під командою генерал-майора Крассау. Козаків, які перейшли на бік короля шведського, вони налічують до 15000[286].

№ 341

1709, червня 4.

Свідчення козака Гадяцького полку Гната Коданченка на допиті про наявність у квітні 3000 вояк при гетьмані І. С. Мазепі

Войска швецкого сколко числом имянно, сказать не знает, потому что всегда он был при компанейском таборе, которой от Мазепы стоит за милю и окром того никуды не ездил, что только по сено и по траву. А у Мазепы был он толко одиножды и то за компанейцами, держа лошадей, тому назад недель с пять, когда он, Мазепа, стоял под селом Петровицами, от Полтавы за милю. А войска, как он увидел в то число, при Мазепе один пехотной сердюцкой полк, да швецких два полка конных, да компанейских два полка, те,

[285] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 9. — Вып. II. — С. 930–933 (ЦГАДА, Кабинет П. В., отд. I, кн. 18, ч. I, лл. 156–162 об.).

[286] Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / Упоряд. С. Павленко. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. — С. 475–476.

при которых он, Игнат, был. И, как сказывают, что при Мазепе болши 3000-х ево войска нет, також и запорожцов сколко у шведа и у Мазепы, того не ведает. О намерении швецком и мазепином не знает, толко слышал он от компанейцов, что шведы и Мазепа намеряли подлинно доставать Полтаву. А достава в Полтаву, итить в Миргороцкой полк для корму. И там от Починя итить под Переясловль и оной добывать, а оттуду куды намерены, не слыхал. В войске швецком в хлебе, как он слышал, великая скудость, да и у компанейцов, у которых он был, толко тот запас, которой еще с весны запасли, а напитков никаких уже давно нет. Он же слышал от компанейцов и уже розглошают болши недели, что идет к Мазепе напомочь орды 40000, а правда ль, того не ведает. И по ево уход ничего той орды в прибытии к нему, Мазепе, не было[287].

№ 342

1709, червня 17 (16?).

Свідчення під час допиту дезертира Леона Івашкевича про військо гетьмана І. С. Мазепи

В допросѣ сказалъ: зовут ево Леон Ивашкѣевич, родиною с Литвы мѣстечка Слонима, служил в швецком войскѣ иленскаго рейтарѣйскаго полку, при ригименц квартермистрѣ за челядина и сей ночи вышел на сторону царскаго величества. Король швецкой стоит под Полтавою, а что при нем войска не вѣдает; в Жуках стоит Мазепа, а при нем войско, которое вчерашняго дня выходило, конницы тысячи с 4, пехоты 8 полков, а при них 2 пушки, и генерал Крейц вчерашняго дня пришел и стал тут же под Жуками, а правиантом у них в войскѣ зѣло скудно, только еще мяса имѣют.

[287] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 9. — Вып. II. — С. 929 (ЦГАДА, Малороссийские дела 1709, № 18, лл. 67–68 об.).

Частина IV
ЦАРСЬКИЙ ФРОНТ

Звернення царя і чолобитні реакції на нього, зібрані похідними групами російських військ

№ 343

1708, жовтня 31.

Звернення Петра I, надіслане як старшині, козакам та посполитству міста Почепа, так і мешканцям інших міст Гетьманщини

Божиею поспешествующею милостию мы, пресветлейший п державнейший великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец и многих государств и земель Восточных и Западных н Северных отчичь и дедичь и наследник и государь и обладатель, наше царское величество объявляем города Почепа верным нашим подданным, сотнику, атаману, войту и бурмистром и казаком и всему посполству. Известно нам, великому государю, учинилось, что гетман Мазепа, забыв страх Божий и крестное свое к нам, великому государю, целование, изменил и переехал к неприятелю нашему, королю Шведцкому, обманув с собою старшину и трех полковников и отдав их в руки неприятелю, ради особливаго интересу своего, с таким умыслом, дабы народ малоросийской предать в порабощение и под владение полское и церкви Божии и святые монастыри во осквернение и во унию. Чего ради посланы наши, великого государя, указы к преосвященному Киевскому митрополиту и архиепископу Черниговскому и епископу Переяславскому, к генеральной старшине, и полковником, и сотником, и атаманом и протчим чинам, дабы на обрание нового гетмана по правам и вольностям своим вольными голосами съезжались в Глухов. И вам, верным нашим подданным, города Почепа сотнику, и атаману, и войту, и бурмистром, и казаком и всему посполству повелеваем, дабы к воровству того изменника, бывшаго гетмана, не приставали и его ни в чем не слушали, но служили попрежнему нам, великому государю, верно. И во знак той непременной верности своей к нам, великому государю, сами и войску казацкому велели целовать крест в том, что служить вам нам, великому государю, попрежнему, как отцу нашему, блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, так и нам, великому государю, при прежних вольностях своих непоколебимо, со всякою усердною верностию. Да нам же, великому государю, известно учинилось, что помянутой изменник, гетман Мазепа, хитростию своєю, без нашего указу, аренды и иные многие поборы наложил на малоросийской народ, будто на плату войску, а в самом деле ради обогащения своего. И сии тягости новелеваем мы ныне с малоросийского народу отставить.

Дан сей наш, царского величества, указ в обозе при Десне, за приписанием власные нашея руки и припечатанием печати, октября в 31 день 1708 году.

Царь Петр[288].

№ 344

1708, листопада 5. — Прилуки.

Чолобитна прилучан у відповідь на царське звернення бути вірними православному царю, привезене похідним підрозділом російської армії

Божиею милостию великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малия и Белия России самодержцу и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичу и дедичу и наследнику государю и обладателю.

Мы, убогие люде, жители полкового города Прилуки и всеей сотне полковой Прилуцкой, все едностайне так духовного, яко и мирского чыну старшина з присутствующим товариством и зо всем посполством, наше смиренное нижайшое раболепне отдавши поклонение, чрез сию нашу недостойную челобытную верною и неотменную зычливость осведчаем. Иже яко мы прежде в сердцу нашом жадной и наименьшой некогда не помишляли противо пресветлей-

[288] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1948. — Т. 8. — Выпуск I. — С. 259–261.

шому и державнейшому вашому монаршому престолу измены имети и противниками бытии. Так теперь и в потомние часы меем вернее и не в чом не противне со всяким усердием служити и повеление вашого царского величества должнисмо творити. Тылько все едностайне наипокорне вашого царского пресветлого величества просым, не отрины нас, убогих, от своея царская благодати и не предаждь нас в вечную работу и пленение на нас и на веру нашу православную наступаючым. И паки о тое насмиренеше просым просым

Вашому царскому пресветлому величеству
верние поддание
Иван Андреевич — протопопа прилоцкий;
Иван Яремович Нос — обозниц полковий прилуцкий;
Трофим Василиевич — судья полковий прилуцкий;
Семен Федорович — асаул пол[ковой] при[луцкий];
Михай Григориевич — хорунжий полковий прилуцкий;
Григорей Матвеевич — атаман городовой прилуцкий.

Тако ж и товариство войсковое полковой сотне прилуцкой

Иван Куленко — войт прилуцкий из мащанами из усеми посполитыми людьми.

Писан в Прилуке 5 дня ноябрия року 1708[289].

№ 345

1708, листопада 5.

Чолобитна новгородсіверців царю

Божиею милостию пресветлейшого и великодержавнейшого великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца (т) мы, верние подданние, града Новгородка Северскаго обыватели, яко от чина духовного, тако от мирского сословия, все едностайне и единодушно, так товариство войсковое, яко теж и люди посполитыя, заховуючи теперь и на потомные часы, противно его царского пресветлого величества маестату верное наше сердце, подданное во всяких не толко тепер(еш)них временех, але и в потомные часы, не дай боже, трив... небезпечни от неприятелей креста господня неч… церкви божие и православную кафолическую веру... рторанскую, такожде за имя его царского пресветлого величества благочестивою государя нашего и всероссийского православного монарха и за милую малороссийского всего краю (на)шего отчизну, без жадной нашей здрады и измены, еден на другом, даже и до смерти противо неприятелей наших к у...ору от года в годы быти присно готовими обезуем(ся), на чем и крестное целование пред маестатом божеским во храме его ж божественном в граду нашом Новогороди (з) доброго самоизволу нашего в лучшое для потомности часов его царскому пресветлому величеству достоверные все мы обще выконавти власные наши имяна и руки зде подписуем, в року 1708-м месяца ноемвриря 5-го дня.

А особливо еретиков шведов и поляков за веру православную за святые церкви и монастыри противоборотъ повинисмо. А к вору и изменнику бывшему гетману Мазепе отнюдь не пристанем и ни в чем его слушать не будем и на том всем святый крест целуем[290].

№ 346

1708, листопада 5–6 (?). — Лубни.

Чолобитна лубенчан у відповідь на царську грамоту бути вірними православному царю, привезену похідним підрозділом російської армії

Божиею милостию пресветлейшому и великодержавнейшому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу и многих государств и земель восточных и западных отчичу и дедичу наследнику, государю и обладателю.

Мы, граждане под именем всех сожителей Лубенских, до лица земли припадши, вашему царскому величеству всепокорственно чолом бьем под обязком всеподражательною нашею верностию, яко и впредь совершено получивши от вашего высокопочтеннейшого престола грамоту, которую и до днесь в сохранении имеюще всякому чину войсковому, посполитому и духовному всегда в церквах божественных чтется явственно кождому теды, як тогда должность нашу исполняючи, вашему царскому величеству в едино мислию согласившиеся, при благодарствии нашем отозву учинилисмо вашему царскому величеству, а попелюючи чрез такую ж нашу чоломбитную под высокодержавственную вашего царского величества десницу себе удаючи, и теперь неотъемлемыми достаем, в многих бедствующих случаях наших не имамы иного предстателя, защитника и оборонителя, к вашему царскому величеству в прежнейшую протекцию припадающе, да чаем пред господем и пред вашею благостынею обрести милосердие и неотриновенними быти у вашего царского величества под премилосерднейшие скридла обнадежними достаем, потому что особною горливостию и отческою ревностию прикрыти нас от нашествия враждующих неприятелей гонимых за веру християнскую и разорителей церквей божествених, да убо избавиши ваше царское величество нас от тоей мятежи и к тихому пристанищу прибегающе, и вторично при доземном нашем челомбитии у вашего царского величества жебраем милости и его ж отдаемся благостине, будучи всегдашними верствующими подданними и подножками.

[290] Из присяги жителей Новгорода-Северского на верность русскому правительству (5 ноября 1708 г.) // Из истории Новгород-Северского (документы и материалы). — Чернигов : Государственный архив Черниговской области, Партийный архив ЧО КПУ, 1989. — С. 28: Клятвенное обещание жителей Новгород-Северска, 5 ноября 1708 г. / К истории событий на Украине в 1708 г. (К 230-летию Полтавской битвы) // Красный архив. — 1939. — № 4 (95). — С. 161–162 (ГАФКЭ, ф. Малороссийские дела, д. № 67. 1708 г., л. 3. Документ несколько поврежден от времени и местами прорван. Слова, вырванные в тексте, обозначены многоточием).

Все купно як козаки и посполитие сожители Лубенские[291].

№ 347

1708, листопада 5–6 (?). — Лохвиця.

Чолобитна лохвицьких мешканців царю у відповідь на його грамоту

Божиею милостию пресветлейшому вседержавнейшому государу нашему, царю и великому князю Петру Алексеевичу, всея Великия Малыя и Белия Росии повелителеви, под всемилостивую оборону монаршую прибегающе, всепокорственно до лица земли падающе, поклоняемся. Вашего царского пресветлого величества зайшло к нам, верним своим подданим, в смущении тяжком и страсе бедствующим, всемилостивое потешительное в особной грамоте царское слово, яковое мы усе граждане старшии лохвицкии для послушанья всенароднаго велелисмо, многочастне громогласно читати, даби всем явственна била вашего царского пресветлого величества милость и отческое благоутробие и чадолюбивая оборона, за яковое премилостивое монаршое извещение и за усердное ку церквам божиим попечение сторинно всиединодушно духовнаго и мирскаго чина начальнии и подначальнии со всеми жительми града и весей за премногую монаршую милость лицем до земли раболепное вашему царскому величеству чинить благодарное поклонение единими усти и серци извествуючи иж неизменъно подданий все застаем, яко и всегда заставали, и ради би на назначоное место Глухов путь шествовати по повелению вашего царского пресветлаго величества. Только под сей час не меем начального, кому би в городе радети, яко атаман и войт только застаем. А що вашему царскому изволительному повелению не противни и неотступни. А города нелзе так оставити без досмотрующаго, о тое вашого царского величества, яко защитника и милостивого оборонца всеей Малой Росии, милостивно и горливо упрошаем. А самих начальних наших здесь нет и сами о них не ведаем, где обретаются. И по стократно при покорственном чоломбитий нашом просячи, записуемся всегдашними подножками рабами и достовернейшими подданами под скридла вашего пресветлейшаго царского величества бути, яко и назавше зостаем в нижайшое подножие. Пресвятому монарсе, великоросийскому малоросийскому державце, государу, цару и обладателю, и милостивому отцу и великому добродею найподолние слуги и подножки все единомислностью, як козаки и посполитие люде лохвицкие, покорно челом бием и в сей суплецех подписуемся[292].

Переорієнтація київської друкарні для агітаційних справ

№ 348

1708, листопада 11. — Київ.

З листа київського воєводи Д. М. Голіцина начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну про друкування у друкарні Києво-Печерської лаври 634 царських грамот

…Для печати грамот посылал в Печерской монастырь и велел набрать слова, которые скорея. И на печать оных грамот набраны были слава меншие. А когда прибыл посланной адъютант Резанов и сказал, что велено оные грамоты печатать средними словами, и те слова доколь набрали и затем в печати время продолжилось. И напечатано оных грамот 634, и оные посылаю к вам, моєму государю, наперед. И мало не все к готовости приходят, токмо не высохли, и вскоре пошлю к вам, моєму государю. А вдруг, мой государь, послать опасно, понеже имеем ведомость, что швед все наши пасы перенял. И того ради посылаю по части, дабы не все вдругь пропали, ис которых могут иные, мой государь, провезены быть[293].

№ 349

1708, листопада 18. — Київ.

З листа київського воєводи Д. М. Голіцина начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну про виготовлення масового тиражу агітаційних грамот

Мой государь Гаврила Ивановичь. Здравие вас, моего государя, да сохранит бог навеки. По письму вас, моего государя, против присланной грамоты указное число напечатано. И прежде сего к вам, моєму государю, послано в дву посылках с отъютантом Резановым да с рейтаром сь Яковом Баровским — 1135. А ныне посылаю к вам, моєму государю, с рейтаром з Григорьем Наковалиньш 3850. Всегдашний вас, моего государя, слуга князь Дмитрей Галицын. Ис Києва, ноября 18 дня 1708 году.

На обороте: Принято декабря во 2 день 1708-го в Лебедине чрез киевского рейтара Григорья Наковальнина[294].

---

[291] Клятвенное обещание жителей г. Лубны (1708 г.). / К истории событий на Украине в 1708 г. (К 230-летию Полтавской битвы) // Красный архив. — 1939. — № 4 (95). — С. 160 (ГАФКЭ. ф. Малороссийские дела, д. № 130, л. 1).

[292] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 876.

[293] Там же. — С. 932.

[294] Там же. — С. 933.

Фальсифікати та інші матеріали, використовувані для компрометації мазепинців

№ 350

1708, жовтня 28.

З указу Петра І до всіх жителів України [про те, що гетьман І. С. Мазепа вирішив церкви та монастирі віддати в унію]

(…) Известно нам, великому государю, учинилось, что гетман Мазепа, забыв страх Божий и свое крестное к нам, великому государю, целование, изменил и переехал к неприятелю нашему, королю Швецкому, по договору с ним и Лещинским, от Шведа выбранным на королевство Полское, дабы со общаго согласия с ними Малоросийскую землю поработить попрежнему под владение Полское и церкви Божии и святыя монастыри отдать во унию[295].

№ 351

1708, листопада 1.

З указу Петра І військовій старшині, яка пішла з І. С. Мазепою до шведів

(…). А он, изменник гетман Мазепа, перешел к неприятелю с таким злым и безбожным умыслом, дабы Малоросийский народ предать под иго Шведам и Поляком, дабы он мог быть над вами самовластен, хотя чрез тот ево злой учинок церкви Божия православныя и святые монастыри притить могут во осквернение и во унию[296].

№ 352

1708, листопада 6.

З указу Петра І всьому українському народу [про те, що Карл ХІІ пообіцяв Україну польському королю С. Лещинському]

(…)

…король Шведской (…) в Малоросийсной край, по призыву и присылке же изменника Мазепы, вошедши, оной завоевать и, городы знатнейшая взяв, во оные засесть, и потом сию землю тяжкими податми и налогами и пленением людей даже до конечного разорения привесть, как он то и в короне Полской и в великом княaward Литовском и в Саксонии, в которые под образом защитителя вошел, також учинил, и дабы потом сию Малоросийскую землю, по истощении оной, отдать под иго Полское и в порабощение Лещинскому, незаконно от него выбранному королю, которому он то обещал в учиненном с ним союзе, дабы вместо Курляндии и Жмуйди и Лифлянд Полских, которые Лещинской Шведу уступить обещал, оному сей Малоросийской край завоевав отдать, а изменника Мазепу в Украине самовластным князем над вами учинить, в чем он от него, изменника богоотступваго, бывшаго гетмана Мазепы, был обнадежен, что он ему в том его намерении допоможет, как то последи из измены его явилося…[297]

№ 353

1708, листопад (прийнято грудня 11 в Лебедині).

З листа резидента у Польщі О. І. Дашкова графу Г. І. Головкіну про те, що поширив чутки, ніби гетьман І. С. Мазепа зрадив православній вірі

О измене крестопреступника Мазепы как мог, тако здесь толмачил, и что потом станут поговаривати, немедленно пришлю с ведомостью. (…) Изволте иметь великую осторожность, чтоб оный сабака Мазепа чего не учинил с татарами, чтоб не впровадил на нас факцыями.(…) А я опасен зело татаров и писал н[ы]не до господаря волоского добрые газеты о Мазепе, вымысля, будто он и веру отменил. А о ц[е]рквях не писал, что на унию, то бы было поляком полезно. И писал же я, что не так Мазепа учинил, как обещал шведу, и за то н[ы]не у шведа сидит во узилищах[298].

№ 354

1708, листопада 21. — Сорочинці.

Лист миргородського полковника Д. П. Апостола до гетьмана І. І. Скоропадського з проханням клопотатися перед государем про вибачення його за те, що він був при Мазепі

Ясневелможный новообранный мосцѣ пане гетмане, мнѣ наиласкавший добродѣю!

Так великознаменитой Прсвѣтлѣйшого монарха нашего милости, по которой превысокий в войску Запорожском уряду гетманского по измѣнѣ бувшаго гетмана Мазепы, степенъ одержати велможности вашой вѣншуючи, яко на том же гетманстви степени многолѣтствия при щасливофортунных […] сердечне велможности вашей зычу; так покорне упрошаю о таковней велможности вашой на мене

---

[295] Там же. — Выпуск І. — С. 242.

[296] Там же. — С. 266.

[297] Там же. — С. 276–277.

[298] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 19. Письмо резидента в Польше А. И. Дашкова графу Г. И. Головкину о своих действиях по объяснению измены гетмана И. С. Мазепы, с предложением прислать войска на Правобережную Украину // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1708 г. Д. 18. Л. 551–552 об. Расшифровка. Текст следует ниже записи «В пошкрыпте написано». Зашифрованный подлинник: Там же. Л. 549–550. На л. 550 об. внизу справа помета «Таково писмо принято (исправлено из *послано*) декабря в 11 де[нь] в Лебедине 1708[г[о]] году» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-19-1708-pismo-rezidenta-v-polshe-dashkova-grafu-golovkinu-o-svoih-deystviyah.

респект, абы Велможность Ваша, яко давний мой добродѣй, по особливой своей ку мнѣ ласце, многоважную свою за мною до Пресветлѣйшаго монархи нашего внести рачил инстанцию, дабы Его Царское Величество не мѣл на мене, вѣрного подданого своего, якого гнѣву и не похотѣл карати, же при измѣннику Царского Величества, бувшом гетману Мазепѣ, до тых час обавилемся, поневаж усиловне з оным затягнен будучи, жадним способом от него не моглем высвободитися и той его змѣнѣ (которая и неявна нам была) сопротивитися, албо вѣлѣ сам велможность ваша тепер свѣдома добре, в яком мы оного финкорѣ (ринкорѣ?) и суровости всѣ заставали; яко теды з дѣтинных моих лѣт вѣрне во всем его Царскому Величеству служилем, так и до згону жития моего тамужа Пресвѣтлѣйшему монарху нашому напремѣнною вѣрностию служитъ объязуюся под владѣнием благоразумным рейментарства велможности вашой. О такую теды многомощную до Пресветлѣйшаго монархи инстанциалную в том моем трефунку неправедно за измѣною бывшого гетмана Мазепы мнѣ наносенном причину и повторе Велможности Вашой упрашаючи, давной и впредъ неотъемлемой назавше мя рекомендую ласце.

Дан в Сорочинцах ноемврия 21 д. 1708 року.

Велможности Вашой, найласкавшого добродѣя моего вѣрнезычливый слуга Их Царского Пресветлого Величества Войска Запорожского полковник миргородский Данило Апостол[299].

№ 355

1708, грудень.

«Лист» миргородського полковника Д. П. Апостола до гетьмана І. С. Мазепи з припискою про фальшивість написаного

По повелѣнию вашей Ясневельможности сей опасной путь я предвосприял, приехал щастливо в Сорочинцы, где Его Царского Величества войски обрѣтались, и хотя мнѣ сначала и вѣры не няли и за караулом держали и описывались к двору Царского Величества, но оттуду получа Указ, отпустили меня за караулом к Его Царскому Величеству, гдѣ принят я надсподѣвание милостиво, и изволил Царское Величество того предложения от вашей милости, добродѣя примазанного, выслушать у меня сам, зѣло секретно, и хотя то изволил принять зѣло желательно и весело: однакож о том сумнѣвался, правдуль я то от Вашего Сиятельства повѣдаю, понеже мнѣ от вас на писмѣ подлинно ничего не выражено, и по многому моему предложению и утверждению вѣрою и присягою, повелѣл Его Величество со мною трактовать секретнѣйшим Своим Министрам, и хотя на всѣ кондиции, предложенные имянем вашей Ясневельможности соизволено от Его Царского Величества, однакож о Гарантии немалая трудность являлась, но как от меня предложено, что жадною мѣрою без того быть не может, то и на то соизволено, только твержено о исполнении с вашей стороны. И хотя все то так со мною совершено, однакож непозволено мнѣ было о сем до вашей Ясновельможности писать, знатно не довѣривая еще, хотя потом присланной от вашей ясновельможности цырюлик господина Войнаровского Шишкевич до мене с листами приехал; потом, хвала Богу, по вашему повелѣнию, и полковник охочий компанѣйский Галаган с нѣскольким прибыл сюда товариством, и тогда уже со стороны Царского Величества повѣрено моему предложению и вашей Ясновельможности намѣрению, что оное истинно, и приказано сие отправить; всѣ пункты подписаны, и ныне ожидая на все от вашей милости, добродѣя, конфирмации, застаю…

Д. Апостол[300].

На останній сторінці припис: «*Писма, что писаны к Мазепе по измене ево фальшивые от канцлера*»[301].

№ 356

1708, грудня 22.

Фальшивий лист канцлера Г. І. Головкіна гетьману І. С. Мазепі з метою його компрометації перед шведським королем

Ясновельможный Господин! Доношение Ваше чрез господина полковника миргородского его царскому величеству донесено, которой видя ваше доброе намерение и обращение, принял то милостиво и повелел мне к Вам писать с крепчайшим обнадеживанием, что ежели Вы в том пребывати и начатое намерение свое ко исполнению привесть потрудитесь: то не токмо что Вашу Милость в прежний уряд и свою милость принять, но оную к Вам и умножить изволит, и на те кондиции, чрез помянутого господина полковника предложенные, соизволил и гарантеров, желанных от Вас, для содержания той амнистии принимает, хотя (только надлежить вашей милости постараться: дабы о известной главнейшей Особе, по предложению своему, безопаснейшим образом постараться, буде-же и самой той Особе и невозможно, то хотя б о прочих знатнейших то учинити по предложению, а удобно то учинится может, понеже наши войска вблизости оттуда в местечке Веприк обретаются в готовности, куда и убежище безопасное может от них восприято быть с теми особами). Ответу ж Вашей

[299] Інститут рукопису НБУВ. — Ф. VIII. — Спр. 1783. — Арк. 27–27 зв. (Копія з оригіналу).

[300] Приложения / Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. — М. : Типография Семена Скливановского, 1822. — Часть IV. — С. 173–174.

[301] Інститут рукопису НБУВ. — Ф. VIII. — Спр. 1787. — Арк. 38; РДАДА. — Ф. 124 (1708). — Оп. 1. — Спр. 120.

милости на то предложение, с господином полковником миргородским посланное, по се число не было того ради, понеже сумневались, истинно ль то, но понеже царское величество из присылки сюда от Вас полковника компанейского Галагана с полком и из изустнаго его доношения, от Вашей Милости ему приказанного, истинну того дела признал; того ради повелел мне с крепким обнадеживанием милости своей к Вам писать; впрочем ссылаюся на письмо господина полковника миргородского, не смея более и перу поверить, и не ведая: имеет ли еще Ваша милость при себе с нами учиненную циферь, которую на удачу в сем письме написал[302].

№ 357

1709, січня 21.

З грамоти Петра I українському народу [про те, що І. С. Мазепа за Україну отримав воєводство у Польщі]

(…) Оный богоотступник оную для собственной своей тщетной славы и властолюбия учинил и шведа для того в Украину призвал, дабы поработить сей малороссийский народ паки под древнее ярмо полское и церкви божии лишить благочестия и привесть в унею. (…) А и сверх сего нам от верных особ известно, что оный, желая себя под Полскую область поддать, получил уже от Лещинского за то себе гонор — воеводства в Полше и титул княжения Северского[303].

Союзники Москви

№ 358

1708, березня 25.

Лист Г. І. Головкіна молдавському господарю Михайлу Раковиці з поздоровленнями та про обмін шифрувальними цифрами

К волоскому господарю от Гаврила Ивановича

Понеже довольно познали мы усердие и желание, которое имеет высочество ваше ко служению священному царскому величеству государю моему милостивейшему чрез сиятельного гетмана господина Мазепу, також и чрез посла его царского величества господина Толстого, пребывающаго в Цареграде, того ради, хотя не единократно чрез писание мое поздравлял ваше высочество, срадуяся о счастливом возведении вашем на владение Волоския земли, яко же и ныне чрез настоящее мое, ваше высочество, поздравляю, желая от господа бога долговременного и счастливого на долгия лета правления неподвижно со умножением всякого счастия.

При том же посылаю от его царского величества к вашему высочеству несколько соболей по вложенной росписи и прошу, да изволит ваше высочество принять оныя, яко знак царского величества к вам милости и благоволения, ожидая и большия к себе милости, которая впредь неотменна являтися имеет.

Прочее прошу вашего высочества, яко единоверного християнина и друга нашего древняго, в чем признает на пользу християнства по обыкновению своему не остави исполнять и нам сообщать.

А для вящщия верности и безопасения посылаем к вам список прежния цифири, которая была прислана от вашего высочества.

Из Витепска марта в 25 день 1708 году.

Послана азбука цифирная прежняя, которая от него ж была прислана.

В цидуле:

Прошу вашего высочества, когда приедут дети мои во страну Волоскую, благоволи явить к ним к путешествию их всякое вспоможение, дабы они возмогли проехати до Киева безопасно. Взаимно и я, в чем возмогу отслуживати высочеству, потщуся изполняти должность мою.

На полях помета: Ведомости писать ли. Писать[304].

1708, червня 27.

№ 359

Лист О. Д. Меншикова стародубському полковнику І. І. Скоропадському про дії волохів у складі російських військ

Благорожденный господин полковник стародубовский, мой присный благодетель!

Получил я от вашей милости писание от 9 дня сего июня, из обозу с Зароякска писанное, из которого выразумел напредь сего писанного нашего к вам письма ваше прямым делом исполненное, еже в скором времяни своего регимента сотника искусного с лутчими людьми к Днепру послать вы изволили для охранения тамошних пасов, и за сие вашей милости благодарствую. О здешнем же поведении доношу, что неприятель еще в сих местах нашею кавалериею при

[302] *Бантыш-Каменский Д.* История Малой России. — К. : Час, 1993. — С. 576; Приложения / Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. — М. : Типография Семена Скливановского, 1822. — Часть IV. — С. 172–173.

[303] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1950. — Т. 9. — Выпуск I. — С. 38–39.

[304] Исторические связи народов ССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах / Составители В. А. Костакэл, Е. М. Руссев, Л. Е. Семенова. — М. : Наука, 1970. — Т. III. — С. 290–291 (ЦГАДА, ф. 68, 1708 г., д. 1, лл. 1–2. Отпуск).

всех переправах держится, яко и в здешнем месте остановлен, а имянно: при Головчине, от Могилева в 5 милях, к которому месту я третьяго дня с некоторою частию кавалерии приступил, и еще по се время неприятельского к здешней переправе никакого промыслу нет. А вчерашняго дня наша волоша на некоторую часть неприятельского багажу напала, где 2 офицеров и несколько солдат побили, да 2 намета офицерских и 40 полаток солдатцких, также и от лейб-гвардии швецкой одного солдата взяли, которой здесь между другими словами сказывает, что зело-де в неприятельском войске много больных, так что от 15 и до 20 человек во всякой роте есть, и все-де шведы зело утруждены, первое что от трудного походу, другое от разрубания наших засек и от строения мостов и переправ. Прочее у нас за помощию всевышшаго во всем суть благополучно, о чем объявя, пребываю наивсегда вашего благородия доброжелательный приятель Александр Меньшиков.

Из Гнездина, июня 27 дня 1708 года[305].

№ 360

1708, червня 30.

Лист Г. І. Головкіна волоському господарю Костянтину Бринковяну з подякою за отримані відомості про турок

К мунтянскому господарю от Гаврила Ивановича.

Сиятельнейший игемон!

Писание сиятельства вашего, писаное марта в 23 день чрез посланного от господина гетмана Мазепы, принял есмь здесь в Витепску апреля в 17 день, цело. И, известився о здравии сиятельства вашего, благодарил богу, его же молю, да сподобит мя и впредь слышати о том.

Зело благодарствую сиятельству вашему, что изволил нас уведомити поведениями, каковы текли тогда меж турками и протчими народами. Также и о неприготовлении их к войне на сей год и прочая выразумел есмь, о чем уже и доношение послал есмь ко всемилостивейшему моему царю и государю. Надеемся, что неотменно и впредь изволит сиятельство ваше возвещати нам о тамошних состояниях, а паче остерегати от противностей по-ганених, понеже всемилостивейший мой царь и государь имеет ваше сиятельство всегда в том чино и за верноусердного к себе по благочестию.

Письма господина посла нашего, пребывающего в Константинополе, радением вашего сиятельства дошли до нас в целости.

Прошу и сей пакет, дабы был отослан к нему, и аще паки от него,

господина посла, какия будут письма, прошу ти изволишь присылать по-прежнему своему христианскому доброжелательству, а ныне мы от него не имели писем от 20 числа февраля месяца, в чем не быть сумнения.

О деньгах, сиречь о четырех тысячах червонных золотых турецких, которые изволил дать сиятельство ваше господину послу, выразумел есмь и из письма его, в чем вашему сиятельству именем его царского величества благодарствую и то должным благодарением по желанию вашему оные заплачены будут, когда изволите по оных прислать.

Прошу и впредь его не оставлять егов потребных случаях, когда нужда какая будет. Ведомостей от нас...

На л. 10 на полях помета: Из Витепска июня в 30 день 1708. Послано к гетману[306].

№ 361

1708, листопада (?).

З постскриптуму листа російського резидента у Польщі О. І. Дашкова начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну (отримано в Лебедині 11 грудня)

В пошкрыпте написано. — О измене крестопреступника Мазепы, как мог, тако здесь толмачил; и что по тому, как станут поговаривать, немедленно пришлю с ведомостью. А и прежде сего моя правда была, престрегал я о том доволно; что ж, когда не изволили тому верить. Гетман Синявской объявил ныне мне, что оный Мазепа недавно до него присылал резидента его, которой при Мазепе был, с тем, что он с ним единомыслил и открывал, что идет до шведа. И гетман Синявской сказывает: для того на той час ни мне открыл, ниже до вас писал, дабы не разумели, что он нарочно то чинит, хотя Мазепу от милости монаршеской отринуть. А и прежде он о том писал до вашего сиятельства и лист, перенятой от воеводы руского, до Тарла писанной, послал. И ему вы за то отписать никакова благодарения не изволили, хотя я и благодарствовал ему за то. И того ради он и не объявил на Мазепу, а сказывает, что приказал с резидентом, чтоб он того не чинил, и он не хочет. И ныне говорил гетман Синявской, чтоб конечно прислать сюда войска повелели з добрым генералом, чтоб заслонить Украйну и не допущать отсюду никаких ведомостей, а ни Сапегов туды, а ни Станислава, чтоб горшаго чего там не учинили, егда придут. Изволте иметь великую осторожность, чтоб оный сабака Мазепа чего не учинил с татарами, чтоб не впровадил на нас факцыями. А что-нибудь может там быгь, понеже изволте прочесть лист той, которой писан от воеводы руского до Тарла: тамо будет информацыя. Еще же (когда объявил Синявской сей секрет, не имеет ли с Мазепой коинтелигенцыи) и егда Синявского резидент ныне обретается, которой при Мазепе был, и ежели онаго с собою взял Мазепа, чтоб чрез него сюды каких не было факцый, однакож, всему сему слову предваряя, изволте написать до Синявского, что и Украйна доселе не отдана была чрез факцыи Мазепы, и деклеровать отдачю Украйны. Также, ежели

[305] Исторические связи народов ССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах / Составители В. А. Костакэл, Е. М. Руссев, Л. Е. Семенова. — М. : Наука, 1970. — Т. III. — С. 294.

[306] Там же. — С. 295–296 (ЦГАДА, ф. 68, 1708 г., д. 3, лл. 10–11. Отпуск).

возможно, какой корпус доброй и под добрым генералом, оторвав, сюды прислать для удержания здесь сих, зело полезно будет[307].

№ 362

1708, листопада 27. — Любеч.

Лист троцького воєводи М. К. Коцела царю Петру І

В листе полском к великому государю от Котла, воеводы троцкого, из Любеча, 27-го ноября, написано. — Зело знатная вашего царского величества, всемилостивейшаго моего государя, явленная есть мне милость, когда в своих государствах на всяком месте позволили мне прибежище иметь, за которую милость как всепокорнейше благодарствую, так всегда должен буду вашему царскому величеству оную отслужить. Ис Польши какие имею ведомости, хотя не сумневаюся, что ваше царское величество оные иметь изволите чрез господина Ясинского, от его милости господина старосты жмуцкого к вашему величеству едущаго (который уже давно чрез Чернигов проехал, ежели по сие время не явился, как слуга мой пан Фаленский сказывает, чтоб где от противных не был пойман, или для иных не замедлил трудностей), от котораго я чрез лист, каково получил предложение, кратко вашему царскому величеству с нижайшим почтением доношу, что господин Флемминк, главнейший генерал войск короля, его милости Августа, уж прибыл до Полши с шеснатцатью тысячи войска и прямо хотел итти к Мальборку против Станислава, которому придано сто хорунгвей от господина воеводы белского. А понеже Станислав, оттоль поднявся, уж был в Тикотине и далей намерен итти к Брестю Литовскому, того ради неизвестно, куда поход свой восприял господин Флемминк. Сам же король, его милость Август, з десятью тысячми в Тарновских имел быти горах; господин Рыбинский с немалым числом хоругвей войска коронного и с некоторою дивизиею литовскою под командою господина, подскарбия великого княжества Литовского пошел против Шмигелского. А понеже он, Шмигелский, уж розогнан и сорок хоругвей оставшихся князя Вишневецкого под командою того ж Шмигелского имели прийтти к господину старосте жмуйцкому, тот же господин Ясинский имел в дороге о том ведомость. Сам господин староста жмуйцкий намерен был итти на Волынь с войском своим. Станислав какие выдал универсалы, список с оных вашему царскому величеству, всемилостивейшему моему государю, посылаю, котораго непобедимую лобызая десницу, милости и защищению вашему вручаюся и пребываю вашего царского величества, милостивого моего государя, нижайшим слугою. Михайло Казимер Котел, воєвода троцкий[308].

№ 363

1708, грудня 4.

Лист молдавського господаря Михайлу Раковиці Г. І. Головкіну з відомостями про кримсько-турецькі справи

В письме волоского господаря к Гаври лу Ивановичю написано:

Сиятельнейший и превосходительнейший господине, господине Гавриил, граф и кавалер, ваше сиятельство, братски и поздравляю, и лобызаю.

Получил я честное ваше писание, даное 31-го октября, и выразумел подлинно, что в оном писано о добром вашем здравии, зело радовался. За знаменитая и богодарованныя победы, которые учинены от боговенчанного монарха против неприятеля шведа, а имянно Питербургскую и над Пронью рекою, благодарение возслал я дателю святому богу, которой навсегда да показует величество его победителя и вышша всякого противнаго случая.

Безмерно опечалился я о измене и побеге к шведам гетмана Мазепы, и во удивление пришел, ведая царскую к нему милость и благодательства, а он за благодарение явился вторый Июда. Уповаю на промысл божий, что и он примет надлежащее му чение и месть от него и единомышленники ево, как и прежний изменник Булавин.

А о корресponденции с помянутым предателем, чтоб с нашей стороны ея не было, сие конечно впредь так будет от нас по-праведному. А корреспонденция, которая была поныне между нами, была для того, что мы чаяли ево верна к царскому величеству быть, и был с нами порубежной, имели с ним и дружбу и корреспонденцию. А ныне, понеже время показало ево наследником июдиным и от слуху имяни ево смерзаемся, мы, яко ревнители православныя и непорочныя веры и покорныя раби державнейшего царя, и что познаваем яко есть со интересом его, о том тщимся.

И буде помянутой предатель упредит письмами своими к противным, о том мы, уведав, и вам дадим знать.

Здесь ныне есть покой, и Оттоманская Порта пребывает в тишине, и радеет о зборе только денежном, и управляет собственныя дела.

Хан какой срам, урон и напасть восприял от черкезов, есть дело сие достойное слышанию, естли напредь сего от кого иного о сем вы не слыхали истинно, что уж пострадал то, чего или никогда или от веку не видал Крым, так что из старшины крымской и из шеримбеев очень немного спаслося, также и из ямансайдаков первой их мурза и з другими убиты. Насилу хан жив ушел, а шатры его, и что ни было с ним привезено, все досталось в руки черкезам.

Сим крымцам погибель и напасть случилось оттого, что не-приятели на них в ночи внезапу и неначаянно ударили, и для того с ханства скинули сего хана турки и посылают вместо ево брата ж ево, которой был сослан в Родос.

[307] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 868 (ЦГАДА, Польские дела 1708, № 18, лл.551–552 об.).

[308] Там же. — С. 997–998. (ЦГАДА, Польские дела 1708, № 13, лл. 9–10).

Без печати и подписания своего посылаю настоящее писание разстояния ради дальняго и для всяких случаев, а наипаче, что мы под властию пребаваем, о которой зело известен есть ваше сиятельство.

В ваших странах есть некоторой волошанин беглец и имел намерение ехать к Москве к сыновьям переводчика Николая Курносова. Перво он был у стражника, а после у Мазепы. И так тот Июда держал ево и посылал к стражнику, и жил он там 4 месяца. Того ради изволь ведать, ваше сиятельство, что он есть злой человек (имянем Стефан Милескул волошанин), развра-щенной человек, предатель, Июда, подобен Мазепе, любомятежник, злонравный, тело его и образ лица его показуют сердечныя ево страсти. Просим, извольте от него хранитись, чтоб он не знал о корреспонденции нашей, и брата Басарабы воеводы, ибо ездят из ваших стран в Царьгород купцы, и может сей Июда сеяти в уши их и таким способом может прослышатись, а после какой убыток учинитца нам и християнам земли сей, о том разумным не толкуем.

При сем лета ваши да будут от бога преблагополучны. Вашего сиятельства ко услугам усерднейший служитель, декабря в 4 день.[309]

№ 364

1709, січня 12.

Лист Г. І. Головкіна волоському господарю Костянтину Бринковяну про І. С. Мазепу та інше

К мултянскому генваря в 12 день 1709 г.

Понеже всегда имеем за особливую нашу радость, когда нам подается причина дружелюбно корреспондовать с вашим высоче-ством, яко же ныне, когда сиятельное ваше писание, к нам прешедшаго, ноября в 27 день прошлого 1708 году отпущеное, причиною есть настоящаго нашего к вашему высочеству соответствовательного писания. А наипаче оное крайнее и християнское ваше ко всемилостивейшему нашему царю и самодержцу почтение и к нам вашея приязни склонность, которыя показуются письменне и делом совершаемы, превеликую и несравнительную радость мне принесли. И все, что было изображено в писании вашем, его царскому величеству государю моему милостивейшему подлинно донес. А величество его помянутое ваше християнское почитание милостиво и благодарно принять изволил, быв издавна сведом о чистосердечном и вернейшем вашем желательстве. И паки попремногу возрадовалися есмы, уведав о добром здравии вашего высочества, и молим господа бога, да и впредь сохранит высочество ваше здраво и благополучно и дело от всякого противного случая.

К тому ж и благодарим вашему высочеству как за присылание писем посла нашего, к нам належащих, так и за новины, которыя приключились в оных странах, о которых и паки аще приключатца, всегда желаем слышать мы, понеже ныне ничего достойного ко уведомлению не имеем; впредь аще что приключитца, по первому случаю объявим вашему высочеству.

Для приему денег, которыя даны от вашего высочества послу его царского величества, будем ожидать по писаниям вашим господина Спилеота, которому (хотя мы и всегда оныя деньги имеем в готовности) отдадим мы тогда, когда он приедет к нам, зане и прежде сего времяни писал я к высочеству вашему, прося совету и способу, где и как бы могли быть заплачены оныя деньги. Сиятельнейшему воеводе киевскому господину князю Димитрию Михайловичю Голицину, по указу царского величества, я писал, чтоб он корреспондовал с вашим высочеством и цифирь послал от себя, которая б служила х корреспонденции вашей.

Дела наши на Украине в том же состоянии обретаютца, как мы напредь сего писали к вашему высочеству, и неприятель никакой пользы в поступках своих, чрез треклятую Мазепину измену, не получил, и надеемся на всесильную божию десницу, что и не получит. Наипаче и в нынешнее время превеликия стужы, в которую он учинил внезапныя походы, опасался от наступления войск наших, великой урон восприял, как о том подтверженье имеем, ибо король шведцкой от войск наших принужден из города Ромны уступить (где было он стал на зимовыя кватиры), и ныне обретаетца в городе Гадяче, откуду надеемся оного при помощи вышняго також выгнать, что вскоре б учинилось, естли б не было препоною настоящия жестокие морозы, ибо невозможно всем войском походов против оного неприятеля отправлять. Однако ж ему непрестанно партиями наши докучают и языков швецких часто в полон нашими берут. А от треклятого изменника и июдина подражателя Мазепы уходят адгеренты ево к нам в обоз, а имянно: полковник миргородцкий, полковник Калаган и иной старшины прежнего также и простыя казаки многие повсядневно к нам бегут, как о том напредь сего вашему высочеству писали, окроме главных ево единомышленников. И тако при оном Июде Мазепе едва с 300 человек всяких казаков осталось, но и оныя ищут времяни и способу, как бы уйтить от него к нам, не хотят общиниками быть мысли его июдской, а помянутого изменника. И которые при нем обретаютца, никуда без его караулу шведа не пускают. Украина и весь казацкой народ в верности к его царскому величеству и с новым гетманом и старшиною обретаетца[310].

[309] Исторические связи народов ССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах / Составители В. А. Костакэл, Е. М. Руссев, Л. Е. Семенова. — М. : Наука, 1970. — Т. III. — С. 297–298 (ЦГАДА, ф. 68, 1708 г., д. 1, лл. 3–7. Перевод).

[310] Там же. — С. 301–302 (ЦГАДА, ф. 68,1709 г., д. 1, лл. 4–5 об. Отпуск).

№ 365

1709, квітня 4. — Харків.

Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про необхідність видачі литовському підскарбію Поцію 5000 єфимків

Сиятельный князь, мой особливый благодетель.

Как писмо сие вашему сиятельству присланной от подскарбия литовскаго, господина Потея, объявит, и ваше сиятельство извольте приказать выдать надлежащее ему, господину Потею, по указу царского величества, пять тысячь ефимков, с роспискою, немедленно. Впротчем пребываю вашего сиятельства ко услужению готовейший

Александр Меншиков.

Из Харкова, апредя 4 дня 1709-го[311].

№ 366

1709, травня 10.

Лист Г. І. Головкіна молдавському господарю Михайлу Раковиці з проханням повідомити про справжність чуток надіслання шведського полковника в Молдавію для набору волохів на службу в армію Карла XII

К волоскому господарю к Михаилу Раковице.

Сиятельнейший игемон наш, изрядный друже и благодетелю! Сиятельства вашего писание марта 16-го дня принял есмь вселюбезно и о здравии сиятельства вашего радуюся, чего желаю и впредь слышати. Из онаго вашего писания выразумел есмь все, что надлежало нам знати, за которую вашу христианскую любовь и радение попремногу благодарствую. Прошу же и впредь по неотменной своей любви о тамошних поведениях уведомляти нас, ибо мы никогда же благодеяние ваше будем забывати, как и помянутое ваше письмо всемилостивейшему нашему царю и государю доносили, и изволил милостиво приняти, и повелел нам сиятельство ваше поздравити, и впредь в памяти своей изволит содержати вас. Объявляю вашему сиятельству, что писал ко мне гетман господин Скуропацкий по скаске некоторого волошенина, ушедшаго от шведцкаго короля добровольно, будто швед послал своего волоскаго полковника, именуемаго Сандула, к вам в Волоскую землю с немалыми деньгами для збору волохов в службу свою. А иные сказывают, что он поехал к сераскеру-паше для наговору его о даче помочи неприятелю-шведу и вору-изменнику Мазепе.

О том прошу ваше сиятельство, изволь испытать, и ежели то правда, по христианской своей любви не допусти онаго полковника до такого дела, а естли мочно чрез какой способ и отвратить его от такого намерения и службы еретической, ибо оный ваш труд будет у царского величества в немалое благодарение.

По сих и лета ваша многа и благополучна да будут от бога, мене же самого заставляю пребывати.

Вашего сиятельства непременным и всегда до услуг повольный граф Головкин.

Из Харькова майя в... день 1709 г.[312]

№ 367

1709, липня 28.

Лист волоського господаря Костянтина Бринковяну Г. І. Головкіну із міркуваннями про Полтавську битву, про шведів та І. С. Мазепу

Перевод с листа мунтянского воеводы, каково он писал к графу Гаврилу Ивановичю

2 честнейшия и сиятельныя писания вашего высочества, первое июня в 19 день писаное, второе в 30 день того ж месяца, радостно принял июля в 24 день, из которых в первых здравие и благополучие ваше уведав, прославих святаго бога, радуяся, и что в первом было написано, выразумел я добре. Пишет, что удивлялись вы, какая была причина и препона толикого медления, что толико времяни к вам не писали мы, и хотя мы все что имели к материи, мню, что я писал, однако ж чаю, что и из последняго моего писания выразумел ваше высочество и некоторую препону, которая была от ложных приятелей, и надеемся, что и то окончение свое получит в кратком времяни. И о других делех паки как пишете и повелеваете, когда будем писать в ваши стороны, наипаче чтоб из нужных дел мы не писали ни х кому иному, кроме вашего высочества. И сие по повелению вашему будет у чинено, хотя и не помним нужнейших дел и подобных сим, которыя мы имели за тайнейшия, чтоб мы х кому писали или сообщили и иным.

Однако ж впредь опаснее охранены будут дела сия.

На второе писание ответствуем, что оныя издавна чаемыя, желаемыя, радостныя и увеселительныя уведомления ваши благовествовательныя, а имянно славнейшая и достоудивительная победа превеликого милостивейшаго и богочестивейшаго царя державною и всесильною рукою вышняго бога против гордого и неприятного врага шведа, колику радость и колико веселие даде мне и прочим нашим и всем православным, описать невозможно есть, чего ради сие глаголем славно и прославлено, да будет имя всеблагаго и всесильнаго бога, дателя всех благих и споспешествующаго всем верным рабом его, во время благоприлично.

Того ж вседержителя и всемилостиваго бога молим прилежно, и впредь да умножит и да посчастит священному намерению и усердию превеликого, премилостивого,

---

[311] Письма князя Александра Даниловича Меншикова к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 111.

[312] Исторические связи народов ССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах / Составители В. А. Костакэл, Е. М. Руссев, Л. Е. Семенова. — М. : Наука, 1970. — Т. III. — С. 305 (ЦГАДА, ф. 68, 1709 г., д. 2, л. 4–4 об. Отпуск).

християннейшаго и православнейшаго самодержца царя, дабы исправил и совершил желамое в большее утешение и увеселение всех добрых християн и наипаче к роду оскорбленных, попраных и пренебреженых православных в славу и украшение безсмертное имяни его царского величества. Сию превеликую и всерадостную ведомость, хотя и здесь слышна была за несколько дней из Волоской земли чрез присланных оттуду, и ехав там к превосходительному послу в Царьгород куриеры в 19 день сего месяца, которые благовествовали сия много увеселительныя нам дела, однако ж мы не довольствовалися тем, но ожидали с великим вниманием о сем выразуметь и спознать от вашего высочества, как ныне желаемое оное сподобихомся слышать. И паки глаголем: прославлен и препрославлен да будет всеблагий и всесильный господь вовеки. Однако ж мы, как уведали впервые, тотчас мы писали и уведомили друзей, соседей и иных, в отдаленных местех обретающихся, где познали, что належит знать и слышать, и паки уведомим их и подробну, как учинилось по истории, как нам описать изволили.

Из сих стран ныне не имеем ничего объявить, понеже еще не пришла нам ведомость из Царяграда по объявлении сем. И чрез тех куриеров, которые ехали чрез Ясы, и от Исуф-пашы, что прислал 2 или 3 объявительныя письма, что разбиты очень шведы и что король их со изменником Июдою переехали Днепр и к Очакову приехали, которыя писали было к паше из Очакова и просили ево, чтоб он прислал к ним провиянту, понеже были зело голодни, а наипаче чтоб им дали провожатых, и чтоб он им вспомог ехать куды похотят, и сего паша учинить не посмел, но тотчас послал почту со объявлением к сераскерю и вопрошал, что делать. И сераскерь никакого определительного указу учинить не посмел, но тотчас и он на почте писал к Порте, вопрошая об указе и как с ними поступить во прошении их и желании. Однако ж послал сераскерь капычилар-кегаю своего в Очаков и где ни сыщет того короля. Однако ж имел ли он повеление и иного что тайного от него, сераскеря, говорить сие неизвестно есть. Однако ж, повидимому, и как к нам пишут из Бендеря, что тот капычилар-кегая был послан, чтоб видеть короля и изменника, и со сколькими людьми обретаются, и какое намерение имеют, чего желают и подобная сим обстоятельства. Того ради понеже не имеем и не знаем истинны сих дел поныне ни из Царяграда по слухе сем ведомости не имеем, також и от сераскеря, итак, не могу писать о сих делех ныне никакого подтвержения, но ожидаем с охотным желанием ведомости пространнейшей как от Порты, так и от сераскеря, и как уведаем, тотчас вам дадим знать. И потом что случится, даст бог здравие, не пренебрежем и немедленно вас уведомим.

При сем и писание оное, что вы нам писали публично, вы разумели и познали из цидулы изволение и намерение вашего высочества, что со осмотрительным и разумнейшим правительством крайнее ваше благоразумие дела управляет. Того ради по изволению вашему осмотрительно, где належит то объявить и знать о сем, потщимся и сие учинить, и паки что бог и время покажет, увидим окончение.

Из Царяграда нам пишут, что турки готовятся будто к войне и с поспешением работают в арсаналех, несколько фригат и иныя судна, також и в новом городе, близ Крыму построеном, назначив послали в гварнизон близ 2000 янычан. И говорят, что некоторому Измаилу-паше, что был в Софии городе, велено ехать в тот город, и как носится слух, чтоб он был там пашею, а другово, тамошняго, отставят.

При сем и то да будет ведомо вашему высочеству, что нам показалось благословно объявить, что ныне недавно проехал здесь некто главной сербянин, и генералом ево имянуют и слугою кесарским, имя ему Иван Тикели, знатный во всем народе и у иных многих славен. Сей от несколько времяни был пойман в полон от жолнеров Ракоциевых, и держал ево Ракоций много времяни за арештом. Однако ж пойманых имея немцы несколько венгров шляхтичев (и не от немцев пойманых, но от самых сербов, которые им служат), то ныне недавно учинили размену, и дали одного знатного господина, а другого офицера, и свободил Ракоций сего.

И он не смея иными странами ехать в дом свой во Арад, где имеет жену свою и детей своих (авось либо для какой иной причины намерил и проехал чрез сию землю в дом свой), с нами виделся. И тогда по случаю в то ж время пришли ко мне и радостные ведомости из Волоской земли, и те я ему сообшил и о иных многих делех разговаривали, поелику нам пристойно показалось, понеже мы ево познали разумна, доброго мужа и верного православного християнина, которой с великою радостию и желанием оное слышал и со слезами, да верит ваше высочество, благодарил богу. И он открылся и сказал нам много жалоб на немцев, и зело озлоблена ево от них я познал, и говорит, что обманувся, по нужде оставив отчизну свою и отступив от нечестивых, надеясь лучшаго, учинились подданными немцам, и так служили и делали то, что, чаю, и весь свет познал и знает против венгров и неприятелей цесарских, и потеряли столько храбрых воинов, и пролили кровь свою за них, и никакой пользы, ни плода не видали от них, наипаче и некоторой убыток от них, и утеснение, и принуждение в вере. И иного много говорил, воздыхая, и, вкратце рещи, познали мы ево человека зело отягчена и озлоблена, и почитай что и он зело готов и весь род служить иному милостивейшему и благоутробнейшему царю. Говорил и сие, что весьма ожидают и хотят поставить от 30000 до 40000 ратных людей, и то мне в разговоре как и другие из них то ж нам подтвержали. И разсудив я объявить вам, и высочайший ваш разум и разсуждение познает и их намерение и хотение, которое мню что имеют к вам. И как изволение ваше и повеление, естли изволите, учините нам отповедь и на сие дело, чтоб мы знали, когда придут к нам паки спрашивать о сем, чего им чают, чтоб мы знали, что им отвещать.

При сем и лета ваша от бога да будут многа благоденственны и благополучны.

Вашего высочества усерднейший служитель Константин, воевода мунтянский.

Июля в 28 день 1709-го.

Сие письмо прислано от превосходительнаго посла ныне недавно для отсылки и посылаю к вашему высочеству[313].

Донесення та розпорядження російського командування

№ 368

1708, вересня 29.

Реляція про бій під Лісною, направлена смоленському воєводі

Мы вчерашнего дня неприятеля дошли стоячего зело в крепких местах, числом 16 тысяч, которой тотчас нас из лесу отаковал всею пехотою во фланк. Но мы тотчас три свои регимента против их учинили и, прямо дав залп, на оных пошли. Правда, хотя неприятель зело жестоко ис пушек и ружья стрелял, однакож оного сквозь лес прогнали к ых коннице. И потом неприятель паки в бой вступил и, начав час после полудня даже до темноты бой сей с непрестанным зело жестоким огнем пребывал, и неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории нельзя было во весь день видеть куда будет. Но после ди милостию победы давшего Бога, оного неприятеля, сломив, побили на голову. Так, что трупов с 800 на месте осталось (кроме, что по лесам от ран померло и калмыки побили). Обоз весь з две тысячи телег, шестнадцать пушек, сорок знамен и поле совсем осталось нам. А неприятели достальные по лесам разбежались, за которыми пошли сегодня вслед. А сколько с нашей стороны побито и ранено, о том выправясь, ведомость прислана будет к вам впредь. А с неприятельской стороны в полон взяты один полковник, да генерала Левенгопта, генерал отъютант и несколько офицеров, а протчим наши солдаты пардону не дали. У подлинного письма припись государевой руки «Петер».

От Леснова места в 29 дня сентября 1708 году[314].

№ 369

1708, вересня 29.

Лист Петра I князю В. В. Долгорукову про перемогу над шведами у битві під Лісною

Господин маеор.

Объявляем вам, что мы вчерашнего дня неприятеля дошли, стоячего зело в крепких местах, числом шеснатцать тысячь, которой тотчас нас из лесу атаковал всею пехотою во фланкъ; но мы тотчас три свои ригименты швенкель против их учинили и прямо, дав залб, на оных пошли. Правда хотя неприятель зело жестоко из пушек и ружья стрелял, однакож оного сквозь лес прогнали к их коннице; и потом неприятель паки в бой вступил и, начав час после полудни, даже до темноты бой сей с непрестанным зело жестоким огнем пребывал, и неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории во весь день нельзя было видеть куды будет, но последи, милостию Победыдавца Бога, оного неприятеля, сломив, побили на голову, так что трупом с восемь тысячь на месте осталось [кроме что по лесам от ран померло и калмыки побили], обоз весь с две тысячи телег, шеснатцать пушек, сорок два знамя и поле со всем осталось нам, а неприятели достальные розбежались по лесам, за которыми пошли сегодня вслед. А сколько с нашей стороны побито и ранено, о том, выправясь, ведомость прислана к вам будет впредь: а с неприятельской стороны в полон взяты: один полковник, да генерала Левенгопта генерал-отъютант и несколько офицеров, а протчим наши салдаты пардону не дали. Сия виктория еще час от часу множитца, понеже непрестанно розбитых шведов стами нагоняют и приводят в наш обоз, и мочно видеть, что сей корпус в конец разорился. Сии все были природные шведы и ни одного человека не было во оном корпусе иноземца, которою викториею вам поздравляю.

Piter.

С боевово места от деревни Леснова, в 29 день сентября 1708.

P. S. Ежели дело свое с помощию Божиею совершишь, то с полкам поди к Воронежу и о том к нам пиши[315].

№ 370

1708, початок жовтня. — Смоленськ.

Лист Я. В. Брюса К. А. Наришкіну

Благородний господин высокопочтеннейши господин обер комендант. За милостивейшее ко мне ваше писание,

---

[313] Исторические связи народов ССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах / Составители В. А. Костакэл, Е. М. Руссев, Л. Е. Семенова. — М. : Наука, 1970. — Т. III. — С. 307–310 (ЦГАДА, ф. 68, 1709 г., д. 3, лл. 40–50 об. Перевод).

[314] *Ефимов С. В.* Английский шпион и мазепинская измена. Эпизод из истории Великой Северной войны (1700–1721) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции (14–16 мая 2014 года). — СПб. : ВИМАИВиВС, 2014. — Часть II. — С. 90–93 (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 344–345).

[315] Указы, письма и бумаги Петра Великого // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 38.

посланное сего октября 4 дня, униженно благодарен, о чем прошу и впредь да не оставлен буду. Я не сумневаюсь, что ваше благородие от Его Царского Величества о нынешней бывшей победе над неприятелем под селом Лесным уведомлены. Суть, однако <...>, что оных было при том с 16000, которыя, божиею милостию, разорены, почитай, все. И взято пушек — 17 и знамен — 43, також офицеров и рядовых множество. По желанию вашему сержанту Быкову, которой пожалован в штык юнкеры, приказал и ему оклад учинить против ево братии штык юнкеров. И о том писал в Москву в Приказ артилерии, токмо прошу вашего благородия, дабы впредь не было пожалований, понеже надлежит освидетельствовать, достоин ли он при артилерии того чина быть. Другоє, что нам прибавочные деньги не от куды взять и в том надлежит давать отповедь Его Царского Величества. Сверх сего инаго писать к вам не имею. Токмо, что Его Царское Величество обретает здесь в Смоленску и даже побудет еще несколько дней. Послано з Быковым из Смоленска сентября (*описка, надо — октября*) дня 1708 года[316].

№ 371

1708, жовтня 19. — Гремяч.

З донесення Б. П. Шереметєва, Г. І. Головкіна Петру І. про уведення в Новгород-Сіверський російського полку

Доносим Вашему Величеству, что сего числа послали мы в Новгородок Сѣверский (который отсюда во шти милях на сей сторонѣ Десны рѣки) полковника Чернышева с полком Московским и велѣли ему туда пришед город гдѣ потребно покрѣпить, а к нему в прибавку велѣли гетману господину Мазепѣ отправить полк пѣхотный, для того Государь, что по вѣдомостям неприятель поход свой управляет туда.

Из Гремячева, октября 19 дня 1708 г.[317]

№ 372

1708, жовтня 31. — Погребки.

Наказ начальника Посольського приказу Г. І. Головкіна смоленському воєводі П. С. Салтикову про термінове привезення булави до царя

Мой государь, П[етр]С[амойлович]. Указал его ц[арское] в[еличество] имянным своим указом мне к милости вашей писать, дабы вы прислали сюда немедленно булаву свою да знамя его, великого государя, которое у вас в Смоленску есть. И ваша милость изволишь ту булаву и знамя прислать сюда безо всякого замедления, как скоро возможно, ибо оное здесь ныне весма нужно потребно; за помянутую булаву выдадутца милости вашей ис казны его ц[арского] в[еличества] денги. Из села Погребков, в 31 день октября 1708. Послано с салдатом смоленским Бушева полку с Ываном Шорахом»[318]

№ 373

1708, листопада 1. — З обозу на Десні.

Залякування Петром І старшини, яка пішла з І. С. Мазепою (з указу)

…Того ради мы, великий государь, наше царское величество, вам, верным подданным нашим, генералной старшине и полковникам и городовым и компанейских и сердюцких полков старшине и казакам и протчим, напоминаем, дабы, памятуя отца нашего блаженныя памяти великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, и нашу к себе высокую милость ко всему малоросийскому народу, что оной от вышепомянутой неволи и церкви святыя от всякого утеснения избавлены и жили под нашею обороною по правам и волностям своим во всяком довolстве и верность к нам, великому государю, показали и от него изменника, бывшаго гетмана, и от шведов уходили и к нам приходили без всякого опасения, ибо мы, великий государь, ведая вашу невинность, что вы прелестньм образом от него, гетмана Мазепы, преданы в руки неприятелские, а не своим желанием к тому пришли, вас милостиво примем и вящую к вам, верным нашим подданным, милость нашу покажем. Ибо мы, яко единовернии с вами, православной государь и оборонитель малоросийского народа и краю, никогда не оставим, но при помощи Божии от неприятелского наступления оборонять его будем, к чему и доволные способы при помощи Господней имеем. И дабы народ Малоросийской без главного вожа не был, того ради мы, великий государь, послали наши указы к архиереем и ко всей генералной старшине и полковникам и сотникам и ко всему войску Запорожскому, дабы на обрание нового гетмана по правам и волностям своим волными голосами собиралися, к чему и вас призываем. А буде кто по сим нашим, великого государя, указом, забыв страх Божий и присягу свою к нам, великому государю, и целость отчизны своей от него, вора и изменника Мазепы, и от неприятеля нашего не отстанет и к нам, великому государю, не возвратитца во время месяца, то есть декабря по первое число 1708 г., но будет против нас служить тем нашим неприятелем, тех объявляем изменников наших и отчизны вашей. И будут их чины и маетности и пожитки их отобраны и розданы верным за службы их. Також жены и дети их взяты и сосланы будут в сылку. А кто из них пойманы будут, и те, яко изменники, казнены будут смертью без пощады[319].

[316] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. — СПб. : [б. и.], 2008. — Т. 4 : Письма Я. В. Брюса (1708 г.). — С. 162.
[317] Труды императорского русского военно-исторического общества. — СПб. : Свет, 1909. — Т. I. — С. 32.
[318] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 925 (ЦГАДА, Письма разных лиц на рус. языке 1708 г., № 6, л. 169).
[319] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1948. — Т. 8. — Выпуск I. — С. 266–267.

№ 374

1708, листопада 3. — Вороніж.

Лист царя Петра I до О. Д. Меншикова про необхідність арешту дружин мазепинців

Припало мне на ум, что в Прилуках гетманских единомышленников, которые ньне при нем, многих есть жены п дети. Чего для изволь туды нарочно кого набудь послать з драгуны и взять их за караулом. Такъже Кочюбеева и Искрина жены, слышал я, что за караулом в Батурине, которых изволь взять с собою, понеже в них некоторое дело имеем.

Из Воронежа, ноября 3 дня[320].

№ 375

1708, листопада 3.

Лист секретаря Посольського приказу П. В. Курбатова графу, начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну про надіслання поштою договірних статей попередніх гетьманів

Высокорожденный граф. Вашего высокографского превосходителства писмо, в селе Погребцове 29 дня прошлого месяца писанное, вчерашняго дня ввечеру подьячей Бахтеяров мне принес. И во изполнение того посылаю с сим моим писмом и с подьячим Ряховским две книги, из которых в одной списки с постановленых статей гетманов: Юрья Хмелницкого 168-го, Ивана Брюхавецкого 171-го; в другой книге список же с статей Мазепы 195-го году. Да списав нарочно з грамоты 198-го году, данной Мазепе на права и волности, и приказал тому подьячему Ряховскому бежать с великим поспешением денно и ночно. И для того дано ему три подводы почтовых. А прочие все к тому ж приличные дела пришлю с старым подьячим с Федотом Роговым, изготовя, немедленно на почте ж. Прочее пребываю, высокорожденный граф, вашего превосходителства нижайший слуга Курбатов. Из Москвы, 3 дня ноября день 1708-го[321].

№ 376

1708, листопада 5. — Москва.

Лист секретаря Посольського приказу П. В. Курбатова графу, начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну про надіслання поштою додатково договірних статей попередніх гетьманів

Высокорожденный граф. Повинуяся вашему высокографскому повелению, в писме вашем 29 дня прошедшего месяца данному, к вашему высокографскому превосходителству Федота Рогова, старого подьячего приказу Малыя Росии, посылаю и с ним суть списки з договорных статей бывших гетманов под высокодержавною рукою его царского величества: перваго Богдана Хмелницкого 162-го, Демьяна Игнатова 177-го, Ивана Самойлова 170-го да 172-го годов. Да обрание и поведение и потом бытность на Москве Ивана Мазепы. Да списки ж з жалованных грамот гетманом же — Богдану Хмелницкому и всем прочим данных, и иние подобные тому ведомости...[322]

№ 377

1708, листопада 6. — Глухів.

Лист графа Г. І. Головкіна полтавському полковнику І. П. Левенцю з наказом про негайне прибуття в Глухів на обрання нового гетьмана

Благородный господин полковник полтавский. Его царское величество, всемилостивейший наш государь, изволил писать к вашему благородию, дабы вы на обрание нового гетмана изволили быть в Глухов, как наискорея. Но, понеже не имеем ведомости, получил ли ваше благородне тот его монарший указ, а другие полковники, якоже стародубовской, черниговской, переясловской, нежинской и иная полковая старшина многия уже в Глухов съехались и час от часу прибавляютца, того ради повелел мне его царское величество в подтвержение того своего монаршеского указу к вашему благородию писать, дабы вы, как наискорея, в Глухов на обрание нового гетмана волными голосами по правам и волностям своим прибыли. Буде же имеете какую немощь, то изволте, ваше благородие, прислать в Глухов на то обрание наказного полковника немедленно с старшиною. При сем же вашему благородию объявляю, что которые единомышленники бывшаго гетмана по измене его, запершись, в Батурине сидели, над которыми командиры были Чечел и Фридрих Кенискек и людей его царского величества в город не пускали, и оные третьяго дня с помощию божиею приступом взяты и восприимут оные по делом своим достойное воздаяние. Г[аврила] Г[оловкин]. Из Глухова, ноября в 6 день 1708. Послано с ефрейтером Толбугиным[323].

№ 378

1708, листопада 6. — Глухів.

З указу Петра I українському народу (про розцінки за вбитих і полонених шведів)

(…) При сем же объявляем, что кто из малоросийского народу из неприятелского войска возмет в полон генерала, тому за оного дать две тысячи рублев, за полковника тысячу рублев, а за иных офицеров за каждаго по розчету против чина их; а за рядовых рейтар, салдат и драгун по пяти рублев; а за убиение каждого неприятеля, по свидетелству

[320] Там же. — С. 272.

[321] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 926 (ЦГАДА, Письма разных лиц, на рус. языке 1708, № 29, лл. 115–116).

[322] Там же. — С. 926 (ЦГАДА, Письма разных лиц на рус. языке 1708, № 29, л. 117 и об.).

[323] Там же. — С. 881 (ЦГАДА, Малороссийские дела 1708, № 68, лл. 1–2).

явному, по три рубли ис казны нашей давать укажем. И сие указы, за нашею государскою печатью, выдать и оные по городам при ратушах, а по селам по церквам прибить и всему Малоросийскому народу прочитать повелеваем[324].

№ 379

1708, листопада 8.

Лист Я. В. Брюса І. П. Козлову та М. П. Павлову

Иван Поликарпович, Никита Павлович.

Указал Его Царское Величество привесть с Москвы сюда в походную полевую артилерию 400 бомб пудовых с ушками, да ядер 8-фунтовых — 900, 3-фунтовых — 2000, о которых для скорого суправления и писано от его светлости господин князя Меншикова к господину князю Гагарину. Это письмо послано при сем. И вы оные бомбы и ядра тоже отправляйте немедленно. Да сверх того, еще пришлите сюда —2 бочки белого железа листового, 1000 аршин шерстяного полотна на скорострельные патроны, S пуда шерстяных нитей, 10 фунтов — нашатырю, 5 пудов стали, 1 пуд олова.

И вышеписанные припасы велите весть на Севск.

Как у вас явится на Москве в Приказе артилерии стольник Лука Хитров, и вы ево ни в которые приказы и ни в каких делах никуда не отпускайте. И быть ему до указу на Москве в артилерии.

Из Глухова послано ноября 8 дня 1708 года.

Помета: 28-я почта[325].

№ 380

1708, листопада 9.

Лист графа Г. І. Головкіна київському воєводі Д. М. Голіцину про необхідність спіймати ректора єзуїтської колегії як таємного агента І. С. Мазепи

X киевскому ж воеводе от Гаврила Ивановича. Мой государь, князь Дмитрей Михайловичь. Указал в[еликий] г[осударь] к вашей милости писать, что понеже некоторой ксенз, ректор езувитцкой из местечка полского, близ Києва обретающагося, Винниц, которой почасту бывал у Мазепы и в Києве, в великой конфиденции у него, и чаем, что есть за ним великие секреты, того ради повелел ц[арское] в[еличество] вашей милости постараться, дабы оного ксенза какнибудь искусно поймать, понеже он в близости от Києва обретается. Из Глухова, ноября в 9 день 1708. Послано с Шулцом[326].

№ 381

1708, листопада 9. — Глухів.

Постскриптум до листа графа Г. І. Головкіна київському воєводі Д. М. Голіцину (про направлення до нього межигірського ігумена)

Изволь, милость ваша, прислать немедленно Межигорского монастыря игумена, понеже за тем отпуск в Запороги остановился. Помета: Послано с киевским рейтаром с Марком Неводчиковым[327].

№ 382

1708, листопада 11 (?). — Київ.

З листа київського воєводи Д. М. Голіцина начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну про необхідність проведення обряду прокляття І. Мазепи та його старшини українськими архієреями для того, аби відвернути від них народ

…Доношу ж вам, моєму государю. По должности своей мне разсудилось: зело б изрядно, дабы указ государев повелел архиереем и всем духовным учинить консиль проклятию на оного изменника Мазепу и которые с ним старшина уехали; и розослали б от себя по Украйнє печатные уневерсалы и велели во всех церквах публичнє объевить; и в оных уневерсалах написать: ежели кто оттуду не возвратитца, вечно проклят будет, а которые возвратятца, разрешение получат, понеже то они учинили противо веры християнской и своего государя и отечества своего. И мню, ежели то учинят, и оные старшина, которые у Мазепы, будут искать способ, как бы им к нам уйти; и которые к ним с нашей стороны были ласкавы, и оные от них отвратятца, понеже здешней народ пребезмерно властей почитают, и о том зело будут иметь страх[328].

№ 383

1708, листопада 13. — Мутін.

Донесення командира російського диверсійного підрозділу-команди князя Г. С. Волконського О. Д. Меншикову

Светлѣйший князь мой, милостивый государь.

Покорнѣ доношу твоей светлости: которого подполковника Резянского полку Лоранта посылал я до Конотопа, и он ко мнѣ сего числа ноября 13-го дня возвратился и сказывал, что он в Конотопе был, а неприятелских людей, сказывают тамошние мещане, что приежают де в день кумпаншиков человѣков по десяти и болше и те исбавясь выежают,

[324] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1948. — Т. 8. — Выпуск I. — С. 284.

[325] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2008. — Т. 4 : Письма Я. В. Брюса (1708 г.). — С. 163.

[326] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 943–944 (ЦГАДА. Письма разных лид на рус. языке 1708, № 23, л. 79 об.; там же, л. 85, список с этого письма).

[327] Там же. — С. 945 (ЦГАДА, Письма разных лиц на рус. языке 1708, № 23, лл. 77–78).

[328] Там же. — С. 932.

а король швецкой стоит от Конотопа в пяти милях в Городище, а Мазепа стоит в Бохмаче также в пяти милях, а кумпаншики и волохи и при них есть швед стоят в Поповке от Конотопа в милѣ. А сказывали Конотопские жители, что будто сказывали им кумпаншики, что хочет неприятель итить к селу Казацкому и к Сумам, и я сего числа куманды своей переправил чрез реку Сейм половину под селом Мутиным, а с последними буду переправливатца сего ж числа, а которые переправились велел итить до села Казацкова от Конотопа в двух милях, а по присылке Господина генерала лейтенанта Рена явилось ко мнѣ драгун толко 800 человѣк да с маером Детковским драгун 80 человѣкъ, да казаков 150 человѣк и те худоконные, а господин отютант Ушаков ко мнѣ по се число не бывал. Не поволишь ли Государь прибавить ко мнѣ казаков и калмыков над неприятелем для лутчего поиску для того, что у меня куманда зело мала, а впредь какие получю ведомости, о том к твоей светлости писать буду.

Униженный твой слуга князь
Григорей Волконской.

Из Мутина, Ноября 13-го дня 1708[329].

№ 384

1708, листопада 17.

З розрядної пам'яті про поїздку дворянина Федосія Дурова у Запорізьку Січ із платнею запорожцям за 1707 рік та про зустріч із гетьманом І. С. Мазепою

…Сентября в 26 день приехали в Сечю. И от Сечи за полверсты встречал дворянина и подьячего кошевой атаман Костянтин Гордеенко и старшина с войском. И в то время была стрелба из мелкого ружья и изо всякого снаряду, и прием ему, дворянину, был против прошлых лет. И того ж числа кошевой атаман о приезде их в Сечю учинил раду. И дворянин и подьячей, вшед в раду, говорил речь по наказу. А потом подал кошевому великого государя грамоту. И кошевой, приняв великого государя грамоту, отдал писарю и велел читать под знаменем. И по вычитании великого государя грамоты кошевой и старшина и войско Запорожское на ево, государевой, милости били челом. И потом дворянин и подьячей его, великого государя, посланное с ними на Запорожье жалованье: червонные золотые, соболи, сукна и иные локотные товары и порох и свинец кошевому и старшине и всему посполству отдали. И кошевой атаман и старшина и все войско, приняв великого государя жалованья, ему, великому государю, били ж челом за ево, государеву, милость, а гетману и кавалеру за присылание к ним хлебных запасов благодарствовали. И дворянин и подьячей говорили, чтоб он, кошевой, дав им о принятии его, великого государя, жалованья к нему, великому государю, лист, отпустил их к Москве. И кошевой говорил: как им отсюду ехать, и им о том сказано будет впредь; а теперь бы они, дворянин и подьячей, шли к себе на постоялой двор. И сентября в 28 день кошевой атаман прислал по него, дворянина, чтоб он шел к нему; и говорил, что де кисляковского куреня атаман принес к нему пару соболей, данную ему государева жалованья, и сказал, бутто у той пары щоки обрезаны и и чтоб вместо той пары он, дворянин, заплатил деньги три рубли, которые на нем и доправлены; а пару соболей отдали ему, дворянину. Гетманской посланной с ними дворянин Юрья Харевичь был прикован к пушке не на многое время и за бороду драли и выговаривали ему, что, как он приехал в Переволочню, не дал им знать и, не дождався их, поехал до Сечи, потому что приказано ему, чтоб ис Переволочни ехать с ними, запорожцы, вместе, и что их, запорожцев, гетман и кавалер задержал их в Батурине и в Конотопе. И октября в 8 день дворянин и подьячей были у кошевого на обеде. И во время обеда про здравие великого государя стреляли изо шти пушек; а потом про здравие гетмана и кавалера и всего войска Запорожского из дву пушек по разу. И по обеде кошевой атаман о принятии у них великого государя жалованья отдал дворянину к великому государю лист и при отдании говорил: признаваем мы, что наши посланные к великому государю листы о делах наших войсковых, ему, царскому величеству, неизвестны бывают; да в прошлом де году наших запорожских посланцов в малоросийских городех, не допуская к Москве, держано было многое время и на Москве честь им была не против прежняго и поденной корм и питье даван не против прежнего, но паче голодом и безводием морены и за караулом держаны безвинно; и називали их булавинцами и изменниками, о чем им, войску, немалая печаль и безчестие, что вменены они булавинцом; а они де ему, Булавину, никакой порады не чинили; а что де он чинил, и то с совету тамошних своих казаков; а которы де своеволцы малое число к нему, Булавину, и пошли, которым он немало возбранял, однако своей волей своей ушли и те там и пропали; а они де стоят в прежнем своем состоянии по воли ево, великого государя. И дворянин кошевому говорил, что де ваши войсковые листы всегда ему, царскому величеству, известны, також де и вашим посланцом на Москве его царского величества корм и питье даван по прежнему, а караул был по прежней обыкности и везде ходили по воли своей. И потом кошевой атаман дворянина и подьячего отпустил. И того ж числа дворянин и подьячей от Сечи поехали. А во время бытия своего в Сече о всяких ведомостях дворянин и подьячей проведывали всякими способы секретно, толко ни от кого ничего не слыхали. Толко говорил им кошевой: приезжие де из черкаских городов, торговые люди просились у него, кошевого, чтоб их отпустить с товарами в Крым; и он их в Сече одержил, потому что слышал он, в Крыму моровое поветрие, а имянно в городе Козлове[?]; и о том, как он уведомитца от кого, как то моровое поветрие престанет, то хотел их отпустить. И, едучи дорогою, спрашивал дворянин,

[329] Труды императорского русского военно-исторического общества. — СПб. : Свет, 1909. — Т. III. — С. 17. (Арх. Ак. наук. Карт. 10, № 44).

где обретаются гетман и кавалер. И в пути ему сказали, что гетман и кавалер в городе Девице Салтыкове. И дворянин и подьячей в город Девицу Салтыкову приехали октября в 13 день, и пришед к гетману и кавалеру и вшед в светлицу, говорил, что посланное с ними его, великого государя, жалованье и хлебные запасы кошевой атаман и все посполитство приняли благодарно и за милость его царского величества били челом, а ему, гетману и кавалеру, благодарствовали; и чтоб он, гетман и кавалер, дав ему, дворянину, о принятии у них вышепомянутого великого государя жалованья в Сече, к нему, великому государю, лист, отпустил ево к Москве. И гетман и кавалер говорил, что он об отпуске ево из Девицы Салтыковы к великому государю лист велит изготовить и отпустит их в скорости. И октября в 16 день дал он, гетман и кавалер, ему, дворянину, к великому государю лист из Девицы Салтыковы и отпустил. И того числа он, дворянин, из Девицы Салтыковы поехали. К Москве дворянин и подьячей приехали ноября в 13 день. Помета: 1708-го ноября в 17 день подал дворянин Федосей Дуров[330].

№ 385

1708, листопада 19.

Лист стольника і ахтирського полковника Ф. О. Осипова старшині Котельви з проханням не вірити «прелестям» гетьмана І. С. Мазепи та його прибічників

Мое ласкавые пр[ия]тели пане атамане котелевский и пане войте тамошный с товариством.

Рачите, Ваша М[и]л[о]сть, писати, даючи нам знати, что Федор Бороховиченко от бывшого гетмана Мазепи приездив в Гадячое будто для заемки на станцию дворов, и то, знат[ь], не для ради того, но для прелесты. Которому добре, что не дана вера, а еще бы того лучше, жебы его было поймано и к Ц[а]рскому Величеству ал[ь] бо до велможного новоизбранного Его М[и]л[о]сты пана гетмана отослано, за що бы м[и]л[о]сть получили. Также, як чуем, же оный с тим же намерением своим приторнул был до матки своей и до брат[ь]ев в Лютенку. Не что ж иное, но толко клятву на собе понес и повеявся гдес[ь] далей. Совет мой предлаю: не токмо такюй котузе, но хочай бы хто и лучшый з такою брехнею явывся и чим кого прелщал и намовлял илы чим страшил, не верте, бо, як чуем, же зо всего полку вашего старшина благоразумно поступили, удалися к Ц[а]рскому Величеству с покорением. Тоей же и Ваша М[и]л[о]сть верности и целости при державе православно монархы н[а]шего держетеся, який может своеми многомогущими сылами от наступующих неприятелей заступаты и в разорение не допустити. А мело бы чого незичим наступление на вас якое быти, давайте нам знаты. Можем, як есть в близком суседстве одны других ратоваты, а на помоч[ь] сподеваемся к себе и иншых полков вскоре, о чом Вашой М[и]л[о]сти предложивши, зичим доброго здоров[ь]я, зостаючи навсегда

З Ахтирки, ноемврия 19 1708 року

Вашим М[и]л[о]стем всего добра зичливий пр[ия]тель Федор Осипов, стол[ник] и пол[ковник] ахтирский[331].

№ 386

1708, листопада 20.

Донесення стольника та охтирського полковника Ф. О. Осипова Петру І про поширення у Полтавському полку закличних універсалів-звернень гетьмана І. С. Мазепи та підтримку їх полчанами

З рабской моей верности доношу Вашему Ц[а]рскому В[е]л[и]ч[е]ству, иж сего ноября 19 числа полку моего алешанский атаман Григорий Красовский, который посилан был от мене в Гадяцкий полк в городок Веприк для всяких вестей, возвратился и сказал,что вор и изменник,бывший гетман Иван Мазепа з шведами, и з волохами, и с компанеею, и с сердюками пришол во многом собрание в Гадячое ноября 18 числа. Також и от иних тих малоросийских городов посилние полку моего, по певним вестям слишечи от сродних своих тамошних жителей, что конечне де имеет злое свое намерение итит на наш ахтирский полк для разоренья твоех, великого г[о]с(у]д[аІря, городов и церквей Б[о]жиих и нас, холопей твоих, и посилает всякие свои воровские в розние малоросийские гароди прелестние писма ко возмущению народа, и по таким его прелестним писмам город Полтава и все того полку городи на то прелстились и хотят з ним же, изменником Мазепою, итить на нас войною. Чого убояся, народ з менших городков и из сел уезду Ахтирского в город в осаду нейдут, а бегут по лесам врознь и по иним жилейшим и крепчайшим городам. И того ради опасаючи я, посоветовав полку моего з старшиною и со всем посполством, дабы от нашествия их неприятелского не прийти бы в разорение за малолюдством. В такой нашой сущей нужде, падши со слезами под стопи ног Вашего Ц[а]рского Пресветлого В[е]л[и]ч[е]ства, яко верние рабы милосердия просим: призри милостивно, всемилостивейший наш монархо, не допусти своего отечества ц(е]рквей Б|о]жиих и нас, верних раб твоих, от враг наших разоренним быти. Повели, Ваше Ц[а]рское Величество, своим г[о]с[у]д[а]ревим полкам быть к нам. Да не порадуется враг над твоею Всеросийскою державою, а самим нам от их неприятелского наступления невозможно спастис[ь]. А во уверение верной службы, какие писма от полчан моих из малоросийских городов имелем писалем и тепер[ь] имеючи, самие подлинние писма посилаю и все истенно, праведно доношу. Аще бы ваши г[о]с[у]д[а]рские полки явилис[ь] зде, то из малоросийских городов от верних посполства

330 Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск ІІ. — С. 960–962.

331 Мазепа: к истории предательства. Документы: № 34. Письмо стольника и ахтырского полковника Ф.О. Осипова старшине Котельвы с советом не верить И.С. Мазепе и его сторонникам и обещанием защиты со стороны царя // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 98. Л. 11. Список. На листе вверху в центре надпись «Список» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-34-1708-pismo-stolnika-i-ahtyrskogo-polkovnika-osipova.

к твоей державе всей Ахтирский полк многие прибегь ли б и ему, врагу Мазепе, не прелщались.

Вашего Ц[а]рьского Пр[е]св[е]тлого
В[е]л[и]ч[е]ства нижайший раб
Ахтирского полковник
Федор Осипов

З Ахтирки, ноеврия 20
1708[332].

№ 387

1708, листопада 21. — Київ.

Лист київського воєводи Д. М. Голіцина графу Г. І. Головкіну про здачу Білоцерківської фортеці та ситуацію з прихильниками І. С. Мазепи в окрузі

Мой государь Гаврила Иванович. Здравие вас, моего государя, да сохранить бог на веки. Доношу вам, моєму государю. Когда я из Батурина прибыл в Киев, уведомился, что в Белой Церкви от Мазепы оставлен призидиум — полк сердюцкой с полковником Бурляем, в котором сказывали 800 человек, и есть ево, мазепины, некоторые пожитки. И я всякими спосабами старался, дабы оных к себе привлечь без оружия и успокоить. И, с божию помощию, счастьем всемилостивейшего государя, чрез способ доброй полковника Бурляя уговорил, и замок белоцерковской и пожитки мазешины у него приняли. И посажены в замок ис киевского гварнизона 300 человек. А пожитки велел в Киев привести. А оному сердюцкому полковнику с полком велел х Києву итти. И буду держать в Києве до указу государева. А при уговоре оному полковнику за отдачю фортеции обещано дать 100 рублев, сотником по 40, казаком по 2 рубли. Писал в Нежин и велел Анненкову с полком из Нежина итти в Белую Церков. А в Нежине оставил 2 полка. Доношу ж вам, моєму государю. Мазепа прислал от себя на сию сторону Днепра в Чигирин Мокеевского и ясаула генералного Гамалея для возмущения и прелести здешнего народу, дабы всех, на сей стороне живущих, возмутить, а возмутя и собрав всех, итти за Днепр в Малоросийской край. И учинил Макеевского полковником чигиринским, и оной около Чигирина многих возмутил. А мне возбранить им того неким, понеже я при себе не имею конных людей, чем возбранить. И зело, мой государь, потребно, дабы указ государев повелел прислать к нам вскоре конные полки, с которыми мог бы старатца, дабы до болшего разширения оной прелести не допустить. И некоторых на сей стороне утверждал к верности, которые ко мне приезжали и обещались быть верны. Токмо оные ветры, когда противная сторона будет силняго, то они туда и склонятца. И без конницы трудно что учинить, чтоб оных обнадеживать и утверждать. А ежели со обеих сторон Днепра люди возбунтуютца, зело нам тяжко будет. А на сей стороне Днепра поселены многие местечки и села и деревни от Києва даже до Бугу и до Днестра, меж которыми старинные местечки, которые

были под поляками, и в оные посажены ево, мазепины, слуги, и все галдуют ему и за истинну признают. На сей стороне поселено жителей сь 50 000, и за таким случаем зело потребно, дабы Белоцерковской замок не упустить. А одним полком оной замок держать трудно. А ис киевского гварнизона людей в прибавку послать некого, понеже которые люди ныне есть, и теми киевской гварнизон не дово-лен. Прошу вас, моего государя, для бога умилосердися, изволь постаратца, чтоб вскоре конница к нам прислана была. Всегдашний вас, моего государя, слуга князь Дмитрей Галицын. Из Києва, 21 дня ноября 1708 году[333].

№ 388

1708, листопада 21. — Сорочинці.

Лист Г. С. Волконського Петру І про миргородського полковника Д. П. Апостола

Всемилостивейший царь, государь. Во известие вашему царскому величеству доношу. Сего ноября 20-го дня пришел я с кумандою в город Сароченц в добром здаровии. И в том городе старшины никово не заехал, толко перед приходом моим незадолго приехав сотник сарочинской и розметав на мелницах мост и уехал да Гадича. А в Гадичах неприятелских людей по ведомости взятых языков стоит третей день конницы и пехоты швецкой немалое число. А я с кумандою шел с поспешением, как мог, хотя людей и лошадей утрудил. И тутошние жители за твою, государеву, милость и за помощь благодарствуют и приняли нас благодарно. А служивых казаков в городе никово, государь, нет. И я к ним послал уневерсалы, чтоб ани шли в город для помощи.

Вашего величества нижайший раб
князь Григорей

Волконской. Из Сарочинца, ноября 21-го дня 1708.

P. S. Полковник мирогородцкой к нам из Гадич в Сарочинц прибыл на другой день по прибытии моем и сказывал, что он был при Мозепе поневоле. А ныне, как де поехал Мозепа да Рамны, и он ехал за ним, и от него отъехал, и с ним отьехал полковник лубенской; и говорит, что генералной судья и генералной есаул Максимович отьедут. А сказывал, что в Гадичех стоит швецкой 2400 человек пехоты да 2000 человек каволерии. И тот полковник остался у меня в Сарочинце. А катороя кумпания стоит в Гадичех, хочет де отъехать к твоєму царскому величеству. Толко я признаваю на славах, что он, полковник, нам верен ли; и с тем полковником как чинить, о том как твое царское величество повелит. Он же полковник сказывал, что Мозепа послал к Лещинскому слугу своего Нахимовского, чтоб он шел с войски к ним же, и король швецкой к нему а том писал же. А генерал-отъютант Шулц взят де в неволе у короля швецкого[334].

[332] Полтавская битва 27 июня 1709 года: Док. и материалы / Отв. ред. Е. Е. Рычаловский; сост.: Е. Е. Рычаловский, А. Б. Плотников, Т. А. Лаптева, О. А. Курбатов, П. И. Прудовский. — М. : РОССПЭН, 2011. — С. 206.

[333] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 947–248. (ЦГАДА, Письма разных лиц нарус.языке 1708, № 23, лл. 255–256 об.).

[334] Там же. — С. 983–984 (ЦГАДА, Кабинет П. В., отд. II, кн. 7, лл. 441–442 об.).

№ 389

1708, листопада 23.

Розпорядження про відправлення запорожцям річної платні

1708-го ноября в 23 день, в Ратушу. Великий государь указал. Для посылки в Сечю Запорожскую его, великого государя, обыкновенного годового жалованья кошевому атаману и всему посполству на нынешней 1708 год: кошевому атаману два вершка бархотных, мерою по полуаршину вершок, сукна кармазину, отласу, камки по 10 аршин, две пары соболей по 7 рублев пара, два сорока соболей по 50 рублей сорок; судье, писарю, ясаулу по вершку бархотному, мерою по полуаршину вершок, сукна кармазину по 5 аршин, отласу по десяти аршин, по паре соболей по семи рублев пара, по сороку соболей по пятидесять рублев сорок человеку, да на все посполство пятьсот золотых червонных, 150 половинок сукон амбурских в сорочках, пятьдесят пуд пороху, свинцу тож — в Ратуше приготовить. А когда приготовлено будет, о том в приказ Малыя Росии к постельничему и кавалеру графу Гавриилу Ивановичю Головкину да к тайному секретарю Петру Павловичю ШаФирову с товарыщи отписать. Помета: С оборотон подписал секретарь Петр Курбатов[335].

№ 390

1708, листопада 25. — Сорочинці.

Лист Г. С. Волконського Петру I про українську старшину

Всемилостивейший царь, государь. Во известие вашему царскому величеству даношу. Сего ноября 25-го дня приехал ко мне господин капитан Маврин, и присланной указ от твоего царского величества я получил и по тому указу, сколко могу, управлять буду. Сего ж ноября 25-го дня писали из Мирогородка генералной харунжей Сулима и полковника Апостола зять, каторые приехали из Лубен, что в Лубни приехало неприятелских людей человек с 500 и взяли полковника лубенского за караул, а они от них уехали да Миргородка, и я чаю, что ани сего дня к нам в Сарочинц будут. А про генералного есаула Максимовича, взят ли он или нет за караул, еще ведомости нет. А по указу, государь, твоему полковник миргородцкой хотел ехать в воскресенья для того, что послал он по розным городкам по старшину. А впредь, государь, какие получю ведомости, а том к твоему царскому величеству писать буду. Также, государь, сего числа писал к полковнику мирогородцкому полтавской полковник, требует от него всяких ведомостей, и он к нему писал, что получил от твоего царского величества милостивой к себе указ, и чтоб он ехал с ним да твоего царского величества вместе. А что по тому писму он отпишет, а том ведомости иметь будем впредь.

Вашего величества нижайший раб
князь Григорей Волконской.

Из Сарочинца, ноября 25-го дня 1708[336].

№ 391

1708, листопада 25.

Донесення бригадира Ф. В. Шидловського графу Г. І. Головкіну про перехід полтавської старшини на бік гетьмана І. С. Мазепи

Высокородный господин граф, господине мой милостивой добродей.

Ведомо мне учинилось, что полтавцы як старшина, так и все обретающиеся в Полтаве, прельщены будучи изменником Мазепою, к нему склонились. Собралось было несколько посполства и убили одного заводчика к бунту ратушного писаря. Полковник Леванец сам к нему ж, изменнику, склонился и то посполство из города выгнал. И город заперли и сели в осторожности. И для того я своим посланным, не допущая Полтавы, велел итти Ахтырского полку в город Красной Кут. И сам с полком ис Харькова в тот же город пошол сего ноября нижеписанного числа, чтоб от Полтавского полку городов имети осторожность. А понеже полку моего городы в близости суть, того ради оставил в Ызюме, в Змиеве, в Талках, чтоб там сторожи были неизходно. И о всем я к ахтырскому и к сумскому полковникам писал, и буду иметь с ними частую корыспонденцию о всяких случавшихся ведомостях, а особливо до вашей вельможности обо всем буду писать в армею. И сколько будет со мной людей чрез письмо учиню ведомо.

Вашей милости нижайший
слуга Шидловский челом бьет.

С Харькова ноября 25 дня 1708[337].

№ 392

1708, листопада 27. — Сорочинці.

Лист Г. С. Волконського до О. Д. Меншикова

Светлейший Князь мой милостивый Государь,

Покорне даношу твоей светлости сего ноября по 27 число с кумондрованными своими в городе Сорочинце за помощию божиею жив. Каторого языка привели ко мне

[335] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 959 (ЦГАДА, Малороссийские дела 1708,. № 89, л. 1).

[336] Там же. — С. 984 (ЦГАДА, Кабинет П. В., отд. II, кн. 7, лл. 444–445).

[337] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т. I (1700–1709 гг.) / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т. I. — С. 421 (РГАДА, Малороссийские дела, 1708 г. д. 10, лл. 7–8. Подлинник).

из Лохвиц казаки и того языка с темиж казаками послал я да твоей светлости.

Униженый твой слуга
князь Григорей Волконськой.

Из Сарочинца ноября 27го дня, 1708[338].

№ 393

1708, грудня 4.

Лист К. Е. Ренне із Веприка в Лебедин до О. Д. Меншикова

Светлейший князь милостивый Государь,

Вашей княжей светлости доношу, сегодня приехал в местечко Веприк и замок осмотрел, который гораздо не заводен. И я осмотреф полковнику пехотного полку где потребно приказал поправить. Только нужда, что тамошних мужиков немнога. Сегодня собрал мало что больше ста человек и почали работать. А кто ж будет сбирать? Также и от себя прибавлю людей и будем строить и стараца как можно. А при том месте предместье довольное, в котором полка два три поставить будет став можно. А ныне стоят два полка, а неприятельские левее. Еще стоят в Гадяче, и наши непрестанно под ними. И ныне мы будем больше стеречь те дороги которыя лежат от Гадяче Откуды надеялся получить о неприятеле непрестанные отсель ведомости. И для того казацкого полковника Кутенникова с казаками отпустить не можно, понеже бо одними волохами неуправица. О том прошу вашей княжей светлости указу, дабы казаков и калмыков от нас не отбирать. При сем послан до вашей княжей светлости казачьи допросные речи, который посылан был еще от полковника Ферзина, и по часту ходил до Гадяча. А тех ево допросных речей будет подлинник нам ведомостью завтра. И против сего да благоволит ваша княжья светлость апредилить нам заранее указом будет ли нам какая прибавка или нет.

В прочем остаюся вашей княжей светлости
покорнейший слуга Карл Е. Ренне.

Из Вепревки дня 4-го декабря 1708 г.

P. S. При сем прошу вашей княжей светлости дабы приказать почту которая от меня будет ходить чтоб принимать полковнику фон Розену. Дабы было в оной почте поспешение[339].

№ 394

1708, грудня 5.

Лист київського воєводи Д. М. Голіцина графу Г. І. Головкіну про прибуття трьох козацьких полків під Київ

Мой государь Гаврила Иванович: Здравие вас, моего государя, да сохранить бог на веки. Прежде сего писал я к вам, моєму государю, о черкаских полковниках, которые были в Полше. А ныне оные полковники приехали ко мне в Киев и объевили: велено им по указу Огинского зимовые квартеры иметь здесь на Украине. А когда уведали о измене мазепиной, полков их казаки побежали по домам. И полковников киевского, белоцерковского и сотников чигиринского, каневского утверждал и обнадеживал государевою милостью, которые обещались и крест целовали верно государю служить. А гадецкого полковника, мой государь, удержал в Києве до указу вины ради такой, понеже он Мазепе свой и полк свой в Киев не привел, а сказал: полк ево пошол иным трактом. И оттого я сумневаюсь, понеже имеем ведомость, что Мазепа в Гадечах, и был при нем канцеляриста мазепин изо Львова, и оного от себя отпустил с половины дороги, а сказал, бутто он с ним не поехал. А сльшу, мой государь, что оной полк стоит от Києва вниз по Днепру. И я послал указ того полку к старшине, дабы они с казаками и с пушки в Киев пришли. А когда придут, о том впредь вам, моєму государю, донесу. И чаю, мой государь, при пушках разве есть старшина, а казаком не чаю быть — все розбежались.

Всегдашний вас, моего государя,
слуга князь Дмитрей Галицын.

Из Києва 5 дня декабря 1708 году[340].

№ 395

1708, грудня 6. — Сорочинці.

Лист Г. С. Волконського до О. Д. Меншикова

Светлейший князь мой милостивый государь,

Покорне доношу твоей Светлости сего декобря по 6 число в городе Сорочинце с комондированными милостию божиию в добром здравии. Только Государь каторые уневерсалы посланы в села и в деревни о провианте те уневерсалы ж мало слушают и провианту возят самое малое число. А драгунам и салдатам в провианте есть немалая нужда. Я же доношу твоей Светлости сего числа поймали в веске Поповки казаки казака ж которой ехал с писмом из

[338] *Іванюк С.* Сорочинці в Полтавський період Великої Північної війни 1708–1709 рр.: за матеріалами «Похідної канцелярії О. Д. Меншикова» [Доповнення (документи)] // Сіверянський літопис. — 2017. — № 1–2. — С. 42 («Російська секція» Науково-історичного архіву Санкт-Петербурзького інституту історії РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Спр. 2736. — Арк. 1).

[339] *Иванюк С. А.* Веприк — центр разведывательно-диверсионной деятельности русской армии в декабре 1708 года // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4. История. — 2014. — № 4. — С. 10 (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Ч. 3. — Карт. 11. — № 2774. — Л. 1–2 зв).

[340] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 948 (ЦГАДА, Письма разных лиц на рус. языке 1708, № 23, лл. 265–266).

Рамны от полковника Лубинского. И того казака и писмо послал я к твоей Светлости. А впредь какие получу ведомости а том к твоей Светлости писать буду. А по ведомостям неприятель еще стоит в Лохвицах и в Гадиче. И я сего числа пошлю доброю партию осведомица подлинно.

Униженный твой слуга
князь Григорий Волконськой.

Из Сорочинца декабря 6 дня, 1708[341].

№ 396

1708, грудня 6. — Лебедин.

Указ Петра I московському коменданту князю М. П. Гагаріну про повернення у Москву Семена Палія та доставлення його у Лебедин

Господин полковник и камендант.

О полковнике черкаском Палее паки подтвержаем вам, дабы оной как наискоряя взят был к Москве и оттоль прислан был сюды на почтовых подводах, что весьма нужно надобно; также отпиши к нам, послал ли ты по него, и давно ль, и как чаешь скоро ему быть к Москве. Також отпиши: чертежи о фартефикации, которые отдал вам Александр Сергеев, как скоро поспеют?.

Piter.

Из Лебедина, в 6 день декабря 1708[342].

№ 397

1708, грудня 7.

З листа графа Г. І. Головкіна київському воєводі Д. М. Голіцину (про перебування трьох козацьких полків на Правобережжі)

…Что же изволишь писать о тех казацких трех полках, которые обретаютца в Полше, что оным квартиры назначены близ Києва, и мы чаем, что оным те квартиры назначены от гетмана войск Великого княжства Литовского господина Огинского, которой ныне пред недавным времянем присылал нарочно посланного своего, прося, чтоб ему иметь квартиры с войском литовским около Полонного, а оные казаки одределены под его команду, на что ему и дозволено. И когда оные тамо станут, то изволишь того смотреть, дабы от них каких шатостей по наущению мазепину не происходило[343].

№ 398

1708, грудня 7.

Лист К. Е. Ренне із Веприка в Лебедин до О. Меншикова

Светлейший князь милостивый Государь,

Вашей высокой княжей светлости доношу которая от нас партия послана до Лохвиц по прилуцкой дороге, прапорщик с казаками. И которого мещанина он прапорщик прислал, и ево я допросил. И с теми допросными речами оного мещанина послал до вашей княжей светлости. А оная наша партия еще стоит меж <нас> и их неприятельской кватеры. Понеже бо я приказал чтоб как можно учинить какой поиск. Для того что шведы из Гадичю прямою дорогою не посылают, а посылают на лохвицкую дорогу. Где теперь стоит оная наша партия. А что учинитца о том до вашей княжей светлости немедленно буду писать.

В прочем остаюся вашей княжей светлости
покорнейший слуга Карл Е. Ренне.

Из Веприка дня 7-го декабря 1708 г.

P. S. Также сегодня прислал ко мне господин генерал маеор Волконский двух казаков Гадицкого полка, которые из полку своего и из Польши и пришли в домы свои. А были они камандрованы 1000 человек и оные камандрованые и все идут на Украину. Только еще не перебрались [Д]непр. Понеже бо не было паромов. А они от полку ушли тому недель с шесть. И оных казаков потомуж послал до вашей княжей светлости[344].

№ 399

1708, грудня 8. — Сорочинці.

Лист Г. С. Волконського до О. Д. Меншикова

Светлейший князь мой милостивый Государь,

Покорне доношу твоей Светлости сего декобря 8 го дня писал ко мне бригадир Шидловской из Лютенки и прислал ко мне сердюцкого писаря каторой взят под Гадичеми от неприятелского войска. И оного писаря и писмо от брегадира Шидловского послал я к твоей Светлости. А по указу твоей Светлости я с кумандою своею и бригадир Шидловской со мною пойдем декабря 9 го дня да Миргородка. Писал я к твоей Светлости а пушках которые в Лютенки а указу от твоей Светлости не получил куда их повелишь. А не худо б что их приproводить в Сарочинцы. А пушки слышал я что зело хорошие. Как повелишь велено мне чтоб в Миргороде. А по осмотру посланного от меня капитана

---

[341] *Іванюк С.* Сорочинці в Полтавський період Великої Північної війни 1708–1709 рр.: за матеріалами «Похідної канцелярії О. Д. Меншикова» [Доповнення (документи)] // Сіверянський літопис. — 2017. — № 1–2. — С. 42–43 («Російська секція» Науково-історичного архіву Санкт-Петербурзького інституту історії РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Спр. 2784. — Арк. 1–1 зв).

[342] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1948. — Т. 8. — Выпуск I. — С. 344.

[343] Там же. — С. 945–946.

[344] *Иванюк С. А.* Веприк — центр разведывательно-диверсионной деятельности русской армии в декабре 1708 года // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4. История. — 2014. — № 4. — С. 10 (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Ч. 3. — Карт. 11. — № 2790. — Л. 1–2 об.).

что фартеция Миргородка зело худая. Естли неприятел придет силен повелишь мне оный держать или как повелит твоя Светлость. А полковнику Карташеву по отъезде своем приказал фартецию Сорочинскою держать по указу царского Величества.

Униженный твой слуга
князь Григорей Волконськой.

Из Сорочинца декабря 8го дня, 1708го года[345].

№ 400

1708, грудня 10. — Миргород.

Лист Ф. В. Шидловского до О. Д. Меншикова

Светлейший римский и российский князь милостивейший мой Государь,

По указу Вашой княжой Светлости Сего декабря 10 числа пришол я з брегадою моею в Миргород з Господином Генералом маеором Князем Волхонским. А партию послал семсот коней к местечку Сенче и под Лохвицу. А двести человек казаков и двох сотников оставил в Сороченцах у Господина полковника Карташова. А какую от партии ведомость получу о том к вашой княжей Светлости буду писать впредь.

Наинижайший ваш раб
и слуга Шидловский.

Из Миргорода декабря от 1708 10го[346].

№ 401

1708, грудня 14. — Веприк.

Лист К. Е. Ренне до О. Д. Меншикова

Светлейший князь милостивый Государь,

Вашей княжей светлости доношу, сего дня о неприятеле какие у нас получены ведомости чрез поляка, который служит при полковнике господине Якавлеве И под Хмелевым взят он в полон, и оттоле взяли наши волохи. И явился у нас также сего дня. На предместье Гадяцком взят мужик. И я оных допросил и те допросные речи послал до вашей княжей светлости. Присем доношу как я шел до Лебедина и был в Конотопе в то время для спожожения. И дабы нам о неприятеле была общая ведомость дал господину генералу маеору Волконському по прошению ево казаков и калмыков сто человек. Также по указу вашей княжей светлости определено ему с полков гренадеров. И оной господин Волконськой просил у меня, чтоб дал ему гранадеров ево полку, а наших полков вместо того хотел князь отпустить. И князь выше помянутых казаков и калмыков и гранадеров наших полков и моего полку по се число не отпускает. А нам в том самим есть оскудование.

В прочем остаюся вашей княжей светлости
всепонднейший слуга Карл Е. Ренне.

Из Веприку дня 14го декабря 1708 г[347].

№ 402

1708, грудня 15. — Лебедин.

Лист Я. В. Брюса А. В. Шарфу

Высокопочтенный господин коммандант.

Известен я, что есть у милости вашей в Быхове из швецких выходцев от Шлезин мастеровой человек, один человек, которой набучен кузнечного ремесленого дела. А преж сего таких мастеров выхотцев и полоненных шведов отдаваны были по указу Его Царского Величества во артилерию. И того ради прошу вашу милость повелите и онаго мастерового отдать к делу артилерии капитану минерному Жерару Тирион, которой у вас в Быхове обретается. Понеже у нас в артилерии в таких людех есть нужда не малая. За сим остаюсь милости вышей должным слугою.

Из Лебедина декабря 15 дня 1708 года[348].

№ 403

1708, грудня 16.

Лист К. Е. Ренне з Веприка
О. Д. Меншикову в Лебедин

Светлейший князь милостивый Государь,

Вашей высокой княжой светлости доношу, сей ночи посылал я Московского полку прапорщика Балкашина с казаками под Гадич, который взял блис самого валу мужика. А наехал он прапорщик дву человек. И ис того числа один ушол на стену и приняли ево шведы, а одного поймал. И я ево допросил и те допросные речи послал до вашей княжой светлости.

В прочем остаюся вашей княжей светлости
понднейший слуга Карл Е. Ренне.

Из Веприку дня 16го декабря 1708 г.[349]

№ 404

1708, грудня 17.

Лист К. Е. Ренне із Веприка
в Лебедин до О. Д. Меншикова

Светлейший князь милостивый Государь,

доношу Вашей княжей светлости, сего дня прислал

---

[345] *Іванюк С.* Сорочинці в Полтавський період Великої Північної війни 1708–1709 рр.: за матеріалами «Похідної канцелярії О. Д. Меншикова» [Доповнення (документи)] // Сіверянський літопис. — 2017. — № 1–2. — С. 43 («Російська секція» Науково-історичного архіву Санкт-Петербурзького інституту історії РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Спр. 2796. — Арк. 1–1 зв).

[346] Там само. — С. 43 («Російська секція» Науково-історичного архіву Санкт-Петербурзького інституту історії РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Спр. 2804. — Арк. 1).

[347] Там само. — С. 43 («Російська секція» Науково-історичного архіву Санкт-Петербурзького інституту історії РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Спр. 2825. — Арк. 1–2 зв).

[348] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2008. — Т. 4 : Письма Я. В. Брюса (1708 г.). — С. 175.

[349] *Іванюк С.* Карл XII проти Веприка (грудень 1708 — січень 1709 р.) [Додаток] // Сіверянський літопис. — 2016. — № 1. — С. 95 (Архів Санкт-Петербурзького інституту історії РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Ч. 3. — Карт. 11. — № 2838. — Арк. 1.).

ко мне из местечка Лютенки Московского полку поручик Нелидов дву человек сердюков, которые ехали из Гадича до Рамна с писмами. А в тех писмах написано, что ушол от нас хлопец полской в то время как был у нас первый раз Его Царское Величество. А с теми писмами и сердюками оной хлопец послан был до генерала швецкого Лагеркрона и в дороге заблудились. И местечка Венилавки обыватели их поймали и привели до него поручика. И оной поручик того хлопца удержал у себя, а как пришлет, до вашей княжой светлости немедленно пришлю. Так же приехал из дому своего пан Семен Чюйкевич, с ним судьи генерального зять Кочюбеев. И я оных допросил и те допросные речи их самих послал до вашей княжой светлости.

Впрочем остаюся вашей княжей светлости
понднейший слуга Карл Е. Ренне.

Из Веприку дня 17-го декабря 1708 г.

P. S. По написании сего прислал полковник Камбель мужика, которой сказал, что сего дня в село Сергеевку рано пришло шведов человек с 1000. И я ево допрося потому ж послал до вашей княжей светлости[350].

№ 405

1708, грудня 18.

Лист К. Е. Ренне із Веприка в Лебедин до О. Д. Меншикова

К. Э. Ренне из Веприка в Лебедин к А. Д. Меншикову. 18 декабря 1708 г.

Светлейший князь милостивый Государь,

Вашей княжей светлости доношу, сего вечера вышел ис полону от шведов ис Гадича Московского полку капитана Исгонова денщик. И сказал, что сего дня рано до свету король швецкои в Гадич конечно пришел. Также которые писма прислал ко мне полковник Камбель. И оные писма и того денщика послал до вашей княжой светлости. А по тем ведомостям конечно как я говорил, что неприятель правитца на Лютенку и хочет знатно может быть податца к Зинкову. Благоволи ваша княжья светлость незамедлительна определить указом, рушица нам к Зинкову или нет. Чтоб нам оное место захватить прежде неприятеля. А я здесь стою с полками во всякой готовности. А выше писанной денщик сказал, что и Мазепа теперь во в Гадиче. А слышал он от волохов при которых служил, что он Мазепа за караулом и никуда ему без ведома не волно.

Впрочем остаюся вашей княжей светлости
понднейший слуга Карл Е. Ренне.

Из Веприку дня 18-го декабря 1708 г.[351]

№ 406

1708, грудня 19.

Лист К. Е. Ренне із Веприка в Лебедин до О. Д. Меншикова

Светлейший князь милостивый Государь,

Вашей княжей светлости доношу, сего дня прислал к нам полковник Камбель черного священника, которой сего дня вышел из Гадича и какие о неприятеле сказал в допросе ведомости. И я те ево допросные речи и ево самого послал до вашей княжой светлости. Впрочем остаюся вашей княжей светлости понднейший слуга Карл Е. Ренне.

Из Веприку дня 19-го декабря 1708 г.

1708-го декабря 19-го Николаевского монастыря черной священник что под Гадичем допрашиван.

Сказал зовут ево Варнава Петров. Был он в Гадиче с перваго приходу швецкого, как еще был первой указ царского величества чтоб нездаватца шведу. И в то время он от монастыря по брацкому позволению с пожитками монастырскими послан. И как заступили шведы уже ево из города не выпустили. И вчерашняго дня в ночи как пришло швецкое войско з генералом Левенгоуптом ему чернецу стало быить волно. И сего дня в благовест обеденной вышел из места и пришол до своего монастыря. А войска швецкого с ним генералом Левенгоуптом пришло много, а сколко подлинно не ведает. А сказывал, что король швецкой сам пришол, а другие говорят, что еще не бывал. Только ему священнику указывал маеор которой стоял в келье Петровского попа что король швецкой в тое келью пришол с Левенгоуптом вечером. А он король, который ему указывал маеор собою высок, токо нос спокляпился. Говорили де на той вечере. Ево священника спрашивали где граница московская, камень город на которой. Хотели рушитца и идти до Лебедина и на Веприк и бить на войско царского величества. А на Веприк пойдет генерал Левенгоупт, а сам король хочет идти на Лебедин. А пушки у их швецкие стоят в предместье пред башнею он видел, толко не считал, а сказывают больше тритцати. А пушки великие. А вчерашняго дня уже говоре, что король швецкой и Мазепа еще будут, а как будет, то в другой день хотят рушитца до Лебедина. А в замку ворота все в те поры как первой царского величества подъезд был засыпали и низ непристанно запирают, кои оставлены не засыпав[352].

---

[350] *Иванюк С. А.* Веприк — центр разведывательно-диверсионной деятельности русской армии в декабре 1708 года // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4. История. — 2014. — № 4. — С. 11 (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Ч. 3. — Карт. 11. — № 2849. — Л. 1-2 об.).

[351] Там же. — С. 11 (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. — Ф. 83. — Оп. 1.— Ч. 3. — Карт. 11. — № 2856. — Л. 1–2 об.).

[352] Там же. — С. 11 (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Ч. 3. — Карт. 11. — № 2867. — Л. 1–2 об.).

№ 407

1708, грудня 19.

Лист К. Е. Ренне з Веприка
О. Д. Меншикову в Лебедин

Светлейший князь милостивый Государь,

Вашей княжей светлости доношу, прислал к нам господин генерал маеор Волконской лубенского ясаула полкового, которой служил при Мазепе ясаулом и сотником, да кумпанейца Калаганова полку. Которых связав к нему генералу маеору привели лубенские сельские обыватели. И я оных допрося, и те их допросные речи, и их самих купно с тем писмом послал до вашей княжой светлости.

Также которые у нас были старые взятые колодники в розных местах и розданы были по полкам. И ныне оных с росписю, хто имяны и в каких делах, послал и приказал явить потому ж вашей княжой светлости.

Впрочем остаюся вашей княжей светлости
понднейший слуга Карл Е. Ренне.

Из Веприку дня
19го декабря 1708 г.[353]

№ 408

1708, грудня 20.

Лист К. Е. Ренне з Веприка
О. Д. Меншикову в Лебедин

Светлейший князь милостивый Государь,

Вашей высокой княжей светлости доношу, сего дня вышли из швецкого войска из полону драгун Ярославского полку, да салдат Киевского полку. И какие о неприятеле сказали ведомости и тех допросные речи купно с сим писмом послал до вашей княжой светлости. А в Браварке, где стоял наш караул, к ним заступили шведы. А наши уступили к нам ближе до села Кнышовки. И за такою ближностью полкам драгунским у нас гораздо есть мученье. Ежели бы было позволение от вашей княжой светлости, то мог бы я полки отвести отсюда милю другую, чтобы хоть мало от таких морозов отдохнуть. А в Веприку мог бы оставить командрованых тысячю или полторы. А о гварнизоне мы управим, что можно и что надобно провианту людем и конем фуражу. Также прошу вашей княжой светлости, ежели кватеры под обозы наши и полковыя не определены, благоволи ваша княжа светлость определить. Дабы обозы напрасно не прапали. О сем вчеранего дня послал до вашей княжой светлости поручика, понеже бо уже и так для коней сено возим мили по полторы и больше.

Впрочем остаюся вашей княжей светлости
понднейший слуга Карл Е. Ренне.

Из Веприку дня
20го декабря 1708 г.[354]

№ 409

1708, грудня 24.

Лист Я. В. Брюса Полтиніну

Господин Полтинин.

По посланной к вам при сем росписи выдай его государева жалованья артилерийским служителям, которым велено быть в походе на пред будущего генваря месяца по апрель 1709 году, итого на три месяца капитану Кохону, штык юнкеру Второву, сержанту Морозову, капралам и канониром, и фузелером, и денщикам за вычетом строевого платья по окладам их 168 рублев, 8 алтын, 5 деньги с росписками.

Список

1708 г. декабря в 23 дня роспись артилерии полку генерала маеора Гинтера артилерии афицером и артиллерийским служителем, которым быть в походе с капитаном Кохоном к даче Великого Государя денежного жалованья на пред будущий генварь месяц 709 году.

Капитан по 25 рублев на месяц
Фридрих Кохон
Штык юнкер по 5 рублев на месяц
Петр Второв
Сержант по 3 рубля на месяц
Сергей Муромцев
Капрал за вычетом платья по 1 рублю по 6 алтын на месяц
Михайло Тула
Григорей Волоцкой по 1 рублю 3 алтына 5 деньги.
В Черниговском полку
Кананиры за вычетом платья на месяц
Гаврило Кадомцов 23 алтьна 2 деньги
Семен Петров 17 алтын 4 деньги
Фузелеры по 17 алтын 4 деньг
Семен Крюков
Йван Головной
Кондратей Назаров
Михайло Сафронов 23 алтына 2 деньги
В Рязанском полку
Михайло Ходтин 23 алтына 2 деньги
Андрей Анофриев 17 алтын 4 деньги
Фузелеры
Клементей Мартьянов 17 аллтын 4 деньги
Степан Селуянов 19 алтын 2 деньги
Алексей Дубинин 20 алтын 2 деньги
Ларион Савельев 20 алтын 2 деньги
В Великолуцком
Кананиры
Тимофей Волков 21 алтын
Тит Хандуков 20 алтын 2 деньги

[353] *Іванюк С.* Карл XII проти Веприка (грудень 1708 — січень 1709 р.) [Додаток] // Сіверянський літопис. — 2016. — № 1. — С. 95 (Архів Санкт-Петербурзького інституту історії РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Ч. 3. — Карт. 11. — № 2866. — Арк. 1–1 об.).

[354] Там само. — С. 96 (Архів Санкт-Петербурзького інституту історії РАН. — Ф. 83. — Оп. 1. — Ч. 3. — Карт. 11. — № 2871. — Арк. 1–2 зв).

Фузелеры
Йван Васильєв 19 алтын 2 деньги
Филипп Борисов 20 алтын 2 деньги
Федор Кузьмин 19 алтын 2 деньги
Прохор Иванов 17 алтын 4 деньги.
В Воронежском полку
Кананиры
Тимофей Толстой
Михайло Никитин, а об их окладов
у полкових дел не ведомо.
В прибавку артилерии
Антип Михаилов 17 алтын 4 деньги
Йван Мусенок 19 алтын 2 денги
Борис Чесалов 19 алтын 2 деньги
Петр Длинной 20 алтын 2 деньги
Григорей Долгой 20 алтын 2 деньги
Михайло Лазрев 19 алтын 2 деньги
Осип Лебедев 23 алтына 2 деньги
Алексей Антропов 17 алтын 4 деньги
Константин Козжев 20 алтын 2 деньги
Андрей Орлов 20 алтын 2 деньги
Константин Кудрин 19 алтын 2 деньги
Григорей Скерюков 19 алтын 2 деньги
Денщики
Андрей Гуляев 25 алтын:
Елистрат Соколов 19 алтын 2 деньги
Обрам Иванов 17 алтын 4 деньги

Всего вышеписанным офицером и артилерийским служителем государева жалованья на генварь месяц доведется по вышеписанным окладом дать капитану 1-му, штык юнкеру 1, сержанту 1, капралом 2, канонирам 6, кроме 2, котором оклада не ведано, фузелером и денщикам 27 человеком и всего офицером и ундер офицером артиллерийским служителем 38 человекам 54 рубля 25 алтын 1 деньга. А буде и на февраль и на март против вышеписанных же окладов на месяц, итого доведетца на 3 месяца 164 рубля 8 алтын 5 деньги.

А по справке в походной артилерийской концелярии вышеписанным кананирам Великого государя жалованья в год Тимофею Толстому 12 рублев, Михайлу Никитину 10 рублев. А на месяц имеютца за вычетом платья против ево братии, которым не дано в Києве Тимофею Толстому 25 алтын, Михайлу Никитину 19 алтын 2 деньги и на пред будущей генварь месяц государева жалованья 109 (*ошибка, надо 709 или 1709*) году им от полковых дел не дано, подписал уподлинной артиллерии полковой писарь Борис Игнатьев.

В Лебедине декабря 24 числа 1708 году[355].

№ 410

1709, січня 19. — Охтирка.

Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про отримання копії листа І. С. Мазепи польському королю С. Лещинському

Сиятельный князь, мой особливый благодетель.

Вашего сиятельства приятнейшее писание от « » дня сего месяца, из Киева писанное, купно с роспросными речьми пойманаго шпига и с копиею с писма мазепина, к Лещинскому писанного, получил я здесь третьяго дня, за что, а особливо, что о всяких обстоятельствах уведомлять нас изволите, и за то вашему сиятельству зело благодарствую и прошу, дабы и впредь обо всем,ежели о чем какия иметь будете ведомости, сообщать к нам благоволи, что мы с своей стороны такожь чинить должны. А ныне иного ничего к уведомлению не имеем,понеже как мы на своих прежних квартирах обретаемся, так и неприятель на старом стоит месте без всякого действия, кроме одних только партей, которыя от нас со всех сторон, за помощию Божиею, не без плоду около неприятеля действуют. Господин Сафонов с обрасцовым платьем вчерась нам явился и вашего сиятельства любительнейшее писание нам объявил, которое с надлежащим благодарением я восприял и от оного выразумел,что во всем в строении того мундиру ваше управление действовало, за что вашему сиятельству зело благодарствую; при том прошу, дабы к тому мундиру изволили приказать из наличной абы изготовить штаны, о чем и прежде сего к вашему сиятельству писал, и для того ныне господина Сафонова паки к вашему сиятельству посылаю, пребывая навсегда вашего сиятельства доброжелательным приятелем и слугою

Александр Меншиков.

Из Ахтырки, генваря 19 дня 1709[356].

№ 411

1709, лютого 15.

З донесення київського воєводи Д. М. Голіцина графу Г. І. Головкіну про виселення студентів та ченців іноземного походження з Києва

…Выслал из Киева всех студентов родом из Литвы и Польши; студентов из малороссиян осталось 161 человек; монахов в Братском монастыре 30 человек, и из них малороссиян только человек пять, а то все из-за границы польской; но иные с младенчества живут в Киеве; узнать, нет ли в ком из монахов подозрения — трудно, потому что монахи все нас чуждаются; во всем Киеве нашел я только одного человека, именно из Братскаго монастыря префекта, который к нам снисходителен[357].

[355] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2008. — Т. 4 : Письма Я. В. Брюса (1708 г.). — С. 178–180.
[356] Письма князя Александра Даниловича Меншикова к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 109–110.
[357] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Второе издание. — СПб. : Общественная Польза, Б.р. — Книга III. — Т. XI–XV — С. 1546–1547.

№ 412

1709, лютого 26.

З донесення Б. П. Шереметєва царю про взяття у полон генерального осавула М. А. Гамалії та зятя миргородського полковника А. Д. Горленка

(…) Когда оной неприятель марш правил от Лохвиц, тогда я полковнику Карташову указом предложил, дабы оной во время неприятельской переправи чинил поиск. И полковник Карташов вчерашнего числа писал к нам, что посланная от него партия с корсунским да с сорочинским атаманы и казаки, с которыми были Нарвского полку капитан Калемин, да полку моего отьютант Коптяжин, на помянутой переправе взяли Мазепина ясаула Гамалея з женою и з детьми, да зятя миргороцкого полковника з женою ж, которых я велел немедленно к себе прислать. И по прибытии их ко мне и каким они образом в той партии взяты или сами пожелали, о том подлинное известие и самих их, Гамалея и полковницкого зятя, пришлю к вашему царскому величеству немедленно. А большаго поиску над неприятелем нашим партиям учинить было невозможно, понеже и малые реки разлились[358].

№ 413

1709, лютого 28. — Сорочинці.

Наказ фельдмаршала Б. П. Шереметєва російським офіцерам, рядовим та українцям

По указу премилостивѣйшаго моего царя и государя самодержца всеросійскаго и протчая, и протчая.

Аз учрежденный над войски его величества царского, камандующий генерал фелт-маршалк воєнний, кавалѣр малтійскій святаго апостола Андрея и протчих ординов Борис Шереметев.

Обявляю чрез сие их милостям господам генералом и протчим високого и низького чина офицером, как от кавалерій так и от нифантерій, і рядовым драгуном и салдатом, и малоросійского народа обывателем, дабы в маетности господина Михайла Гамалѣя, генералного ясаула в Черновском повѣте, в селѣ Позниках, жителем обыд и налог чинити не дерзали и чреззвичайних поборов кромѣ определенного не ймали, под опасеніем за то воєнного суда. Также и того села жители были б ему Гамалѣю во всяком послушаній, понеже оной господин ныне содержитца к сторонѣ царского величества. Свѣдителства ради сей уневерсал приписую рукою моєю и печатю утверждаю. Дан в Сорочинце февраля 28 дня, 1709 году.

В подлинном подписано тако: Барис Шереметев.

№ 414

1709, березня 11. — Харків.

Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про необхідність вислати у Польщу відібраних людей для збирання інформації про гетьманів, сенаторів та інших владців

Сиятельнейший князь, мой особливый благодетель.

Которой офицер с сим вашему сиятельству явится, извольте ево отправить до гетмана коронного Синявскаго; також и от себя в коронное войско извольте послать, выбрав нарочитых и годных к том людей, для проведывания, и на дорогу извольте им выдать из мазепиных ефимков десятка по два и по три, а посылать их с тем, чтоб о тамошнем состоянии, а особливо о гетманах и о протчих сенаторях полских, проведовали, в каком оные поведении или намерении и нет ли каких в них факцей, и чтоб те посыльные были там не в одном месте, и что услышат, того часу давали б вам знать; а как будут оные до вас возвращаться, тогда на их места иных таких же извольте посылать. И чтоб таким образом всегда от вас там были посланные ваши, чрез которых непрестанно б о тамошнем состоянии, а особливо о гетмане Синявском, могли вы иметь подлинную ведомость, и что будете чрез них получать, о том изволь к нам наскоро с нарочными писать, имянно для Бога о сем как возможно изволь постаратца, понеже при сем времени зело нужно о том нам ведать надлежит, как и сами можете разсудить. Впротчем пребываю навсегда вашего сиятельства доброжелательный приятель и слуга

Александр Меншиков.

Из Харкова, марта 11 дня 1709 года[359].

№ 415

1709, квітня 3.

Лист князя Г. Ф. Долгорукова Петру I про надсилання кошовим отаманом К. Г. Гордієнком «прелестних» листів та прохання поставити С. Палія білоцерківським полковником

Всем[и]л[о]стивейший г[о]с[у]д[а]рь.

В[а]шего Величества писанной высокою рукою указ с Воронежа марта от 21г[о] дня чрез господина Савелова невредно получил, ис которого, выразумев, покорне доношу. Вор кошевой яд свой злой еще продолжает, на другую сторону за Днепр непрестанно прелестно пишет, дабы побивали свою старшину, а сами б до него за Днепр переходили, что уже такая каналия тамо за Днепром купами збираетца и разбивают пасеки. Чего ради, г[о]с[у]д[а]рь, с общаго з гетманом совету писали мы в Киев к господину фелть

[358] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т. I (1700–1709 гг.) / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т. I. — С. 447.

[359] Письма князя Александра Даниловича Меншикова к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 110–111.

маршалку лейтенанту Голцу, дабы оной из своей дивизии, что надлежит, регулярной кавалерии к Чигирину послал, которые могут тамошней край удержать и до бунту не допускать и тамошних доброжелаемых охранить, что уже оной то и учинил, о чем и чрез писмо свое к нам отзывался, что з драгунским полком генерала маеора кн[я]зя Волконского к Чигирину послал. Також, будучи мы в Лубнах, в консилии положили, дабы и господину фелть маршалку Шереметеву из своей дивизии от кавалерии за Днепр послать и притом, из малоросийских выбрав, из Стародубовского и Нежинского полков туда ж послать, которые уже на сих днях переправляютца.

Мы, г[о]с[у]д[а]рь, с свою сторону неусыпно, как возможно, трудимся, дабы в запорожцах бунтовщиках учинить какое разорвание, что непрестанно с развратными писмами казаков посылаем, что уже, г[о]с[у]д[а]рь, некоторое и дейст-во показываетца: ведомость нам есть, что междо запорожцами есть разнь, многая конница с стороны неприятелской в Сечю поворачиваютца, где будто хотят себе обрать иного кошевого, что дай Б[о]же, а имянно Петра Сорочинца.

Також получили мы, г[о]с[у]д[а]рь, ведомость, что будто шведы путь свой показывают за Днепр, для которого пути управления несколко запорожцев на ту сторону за Днепр посланы, что скоро покажет время, о чем я и к фелть маршалку лейтенанту Голцу писал, дабы оной недалеко от Днепра в Полшу путь свой отправлял.

Пруской, г[о]с[у]д[а]рь, посол, которого признавали быть генералом швецким, н[ы]не в Козелцу в наших руках обретаетца, которой, чаю, скоро будет на сих днях в Чернигове или в Киеве.

Вашего Величества всенижайши
раб Григорей Долгорукой

Из Лукомля, апреляв 3 де[нь], 1709[г[о]]

P. S. Ежели, г[о]с[у]д[а]рь, по прежнему моему доношению изволили указать Палея белоцерковским полковником учинить и наперед нас изволите о том уведомить, чтоб н[ы]нешняго белоцерковского полковника политишно в Киеве или где в ыном городе продержать, дабы оной, озлобясь на Палея, какого противного дела под н[ы]нешней час не учинил, понеже по научению Мазепину над Палеем оной факцыи строил, за что от оного и полковником белоцерковским учинен[360].

№ 416

1709, квітня 12. — Харків.

Лист О. Д. Меншикова київському губернатору Д. М. Голіцину про необхідність затримання немирівського сотника Рубченка

Сиятельный князь, мой же особливый благодетель.

Которыя обинныя сукна ныне у вашего сиятельства в Киеве обретаютца, и те все изволте отдать господину Сафонову, и прикажите ему из оного делать платье против прежняго; и ежели случитца ему в чем нужда, прошу вашего сиятельства, изволте в нуждах ево приказать чинить всякое вспоможение и иметь ево в своей протекции.

Да по получении сего изволте сотнику немиревскому Рубченку приказать быть к себе, и как он будет, изволте ево задержать до указу за караулы, и о том к нам отписать изволте имянно. Також сему писмодавцу изволте приказать выдать на всякие росходы сто рублев денег с роспискою. Вашего сиятельства доброжелательный приятель

Александр Меншиков.

Из Харкова, апреля 12 дня 1709[361].

№ 417

1709, травня 5. — З обозу з-під Ворскли.

Лист О. Д. Меншикова київському губернатору Д. М. Голіцину про необхідність затримання посланців від шведів та мазепинців

Сиятельнейший князь, мой особливый благодетель.

Письмо вашего сиятельства от 30 дня прошлого апреля, из Киева писанное, получил я сего числа и за ведомости, в оном писме описанныя, благодарствуем, чего и впредь желаю. А которыя полатки салдацкия и драгунския, и те все, сколько ныне у вас на лицо, також и которыя на Преображенской полк были определены, все изволте к нам прислать; а буде на Преображенской полк послали, то изволте нарочнаго от себя послать, чтоб прямо к нам провезли, понеж здесь во оных великая обстоит нужда. Что же изволили послать в надлежащия места для перенятия посланных к паше селистрицкому и то зело изрядно учинено, чего ради и еще кого послать изволте, которой бы то мог остеречь и всякими мерами достать домогатца. Пр сем получил я ведомость, будто полковник Повиш, который, с вином венгерским будучи в Киеве, многия забрал подводы и иные непорадочныя дела чинит, и о том прошу вашего сиятельства, изволте ко мне отписать, сколько под то вино подвод он взял и что, будучи там, учинил. Впротчем пребываю вашего сиятельства ко услужению готовейший

Александр Меншиков.

[360] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 62. Письмо князя Г. Ф. Долгорукого Петру I о рассылке «прелестных писем» запорожским кошевым атаманом К. Гордиенко и отправке кавалерии из дивизии К. Гольца к Чигирину для удержания местных жителей в повиновении // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 9. Л. 259–260 об. Подлинник. Подпись от Вашего до Долгорукой — автограф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-62-1709-pismo-knyazya-dolgorukogo-petru-i.

[361] Письма князя Александра Даниловича Меншикова к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 112.

Из обозу от Ворсклы, майя 5 дня 1709.

P. S. По получении сего извольте сами, ваше сиятельство, у генерала Гейна все писма, взяв, осмотреть, и которыя надлежат, отослать к гетману Огинскому, а которыя не надлежат, о тех к нам отписать; а для полаток я нарочно посылаю к вам денщика своего[362].

№ 418

1709, травня 21. — Глухів.

Лист С. П. Неплюєва П. П. Шафірову про проведене слідство про вбивство ямпільськими жителями челядника солдата Преображенського полку

Государь мой Петр Павлович, здравствуй.

Известую милости твоей, государю моєму, прошлого 708-го году в бытность милости вашей в Глухове прикозал мне сиятельнейшей граф и верховной его царского величества кознотчей и ковалер Гаврила Иванович Головкин, чтоб розыскать про убойство Преображенского полку салдатцкого челядника.

И прислан ко мне ис Походной концелярии в том убийстве янполсной житель Лукьян Матвеенко. И в роспросе передо мною в том в убийстве он во всем запирался, а сказал на янполских же жителей, на Ивана Марченка да на Яцка Бибиченка. И оные по роспросу ево сысканы и передо мною роспрашеваны, и в том убийстве винились, и сказали, что де на то убийство во двор свой призвал их, Ивана Марченка да Ецка Бибиченка, он, Лукьян Матвеенко, и то де убийство учинили они с ним, Лукьяном Матвеенком, вообче, и были де они, Иван Марченко да Яцко Бибиченко, в то время пьяны. А Лукьян Матвеенко по роспросным их речам в том вышеписанном убийстве во всем винилса ж и сказал, что на то де убийство во двор свой призвал их, Ивана Марченка да Яцка Бибиченка, он, Лукьян Матвеенко. И то де убийство учинилось от него, Лукьяна Матвеенка. И оные Иван Марченко да Яцко Бибиченко за того челядника Преображенского полку с салдатом помирились и дали ему денег дватцать рублев, и оной салдат дал им писмо, что в том деле не челобитчик. А в вине их, что великий государь укажет, и о том я наперед сего к нему, сиятелнейшему графу, писал и с того подлинного дела выписку послал. И по тому делу, что им учинить от милости вашей указу ко мне не прислано, и те вышеозначенные люди сидят в Глухове и доныне в тюрме за короулом. И по тому делу причинился, винняя всех, оной Лукьян Матвеенко.

Милости прошу, пожалуй, государь мой, донеси графу Гавриле Ивановичю, чтоб мне от милости вашей в вышеписанном указ был учинен.

И повторе милости у тебя, государя моево, прошу, об указе о вышименованных.

Услужник милости твоей Семен Неплюев, челом бью.

В 21 день майя, из Глухова[363].

№ 419

1709, травня 27. — Смоленськ.

Лист Б. С. Корсака П. П. Шафірову про направлених до нього 2000 донських козаків та прохання передати під його керівництво чернігівських та почепських козаків

Государь мой Петр Павлович, многолетно здравствуй.

Доношу вашему превосходителству: апреля 11-го дня благоволил писать ко мне с Воронежа граф Гаврила Иванович Головкин, что отправлено ко мне з Дону казаков две тысячи человек и велено мне об них проведывать, а, проведав, велено с ними случится. И я для проведывания оных казаков посылал в Почепов и в розные места, и нигде ведомости об них никакой не получили, а я, мой государь, с малыми людми итти за рубеж опасен, понеже неприятелские люди Хмара с войском недалеко стоит от рубежа.

Да посланные мои, которые ездили для проведывания донских казаков, получили ведомость, что черниговским и почеповским казацким полкам назначено итти за рубеж, в которых местех мне быть велено. Прошу вашего превосходителства, не оставь старання своего, дабы тем черниговским и почеповским казакам быть у меня, и донеси о сем высокографскому превосходителству. Також и донские казаки, будут ли ко мне или нет, что толикое время мешкают, и мне, где их ожидать.

О чем и паки тя, моего милостивого государя, прошу и зостою всегдашним слугою,

Богдан Корсак.

Из Смоленска, маия 27 дня 1709 году[364].

№ 420

1709, червня 5–11.

Пропозиції щодо звільнення Полтави, подані на військову раду генералами

ГЕНЕРАЛА ПОРУТЧИКА РЕНЦЕЛЯ МНЕНИЕ

На присланные мне сего числа от Его Превосходительства (От фельдмаршала Шереметева) пункты сие мое не в указ объявленное ответ и мнение.

1. К обороне Полтавы по всемилостивейшему изволению Его Царскаго Величества нет лучшаго способа, кроме учинения неприятелю диверсии, которая последующим образом учиниться может: егда деташамент под Полтавою,

[362] Письма князя Александра Даниловича Меншикова к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 112–113.

[363] Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3-х ч. / Изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина. — СПб. : Изд. дом «Міръ», 2011. — Ч. I. (1706–1713). — С. 162–163 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. I. Д. 3063. Л. 1–2. Подлинник).

[364] Там же. — С. 163–164 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3072. Л. 1–1 об. Подлинник. Подпись-автограф).

для обороны наших апрош оставит, а с прочею инфантериею и одною частию кавалерии под Будищами за Ворсклу перейти, и от неприятеля за милю приступить, и тамо наскоро остановиться и окопаться. А наперед высокопотребно есть искуснаго офицера и добраго инженера в четырех до пяти тысяч командированных к Губрону и Петровке отправить, которые б положение места подлинноб досмотреть могли, також и позадь себя, на Ворскле, довольно мостов сделать, дабы, ежели, паче чаяния, реширет потребно учинить, возможно было чрез оные.

Или 2-е, Понеже Шведы всегда в третий день для фуражу посылают, то зело добро будет, ежели б в самое то время несколькими полками кавалерии и инфантерии доброконной и толиким числом, елико ко исполнению такого намерения за потребно разсудится, неприятельскую главную квартиру атаковать, а в тож время с пехотою и с прочею кавалериею також атаковать, а именно: по левую руку Полтавы и по левую ж руку Шведских шанц, дабы оными шанцами овладеть, чтоб в такой случае, если далее авансировать невозможно, однакож бы тот пост удержать, еже неприятелю к великому вреду доходить, он принужден будет свое войско разделять. А ежели одна атака учинена будет против него, то он всю свою силу туды обратить может; а когда он с войском своим разделен быти принужден, то легче будет неприятеля принудить ту осаду оставить. По правую ж руку возможно також вид показать: Шведския крепости атаковать, в которое время и из города человек тысячью регулярных и несколькими казаками вылазку учинить возможно.

3. Ежели из здешних наших апрош переходить, и то без великаго урону не может учиниться, ради неудобной зетуации и худой переправы; ибо неприятель уже свои крепости и редуты потому учредил, и чаю конечно и землю ту тако устроил, чтоб он, как кавалериею, так и инфантериею в таком случае действовать против нас мог; а мы против того ничего не можем кроме инфантерии употреблять. И того ради, по моему мнению, лучше сии апрошы одним деташаментом осадить, которым бы возможно было оборонять оные, а прежде объявленным образом диверзию чинить. Сие есть мое подданнейшее соответствие. Писано в обозе при Полтаве 4-го 1юня 1709-го.

Де Ренцель.

ГЕНЕРАЛА ГАЛЛАРТА МНЕНИЕ

(Соответствование на те пункты, которые Его Превосходительство Фельдмаршал Шереметев от 30-го числа Маия для соответствования прислал:)

1. Хотя неприятель осадою Полтавы забавен есть, чего бы надлежало и желать, дабы его еще несколько времени под тем местом потрудить, ежелиб токмо наш гарнизон в Полтавене имел скудости в живностях, ибо невозможно удобно ведать, чтоб он сие место самою силою брал, понеже он во всех воинских принадлежностях оскудение имеет. Такожде неудобно верити, чтоб он генеральной штурм к оному учинил, ибо вся его инфантерия насилу в 7 до 8 тысяч состоит, и надлежит ему в начатых редутах и линиях несколько тысяч человек для осаждения оставить, ежели что главное в городе штурмовать предвосприимет; ибо надлежит ему того чаять, по всему воинскому разсуждению, что сколь скоро он штурм предвосприимет, то мы равенственно и его крепости, по реке учиненные, атаковать будем, ежели возможно. И в которой час или время то неприятель начнет, то надлежит с нашей страны та резолюция уже предвосприята быть, во что то ни станет.

2. Наши сделанные апроши, понеже они начаты и в добром оборонном состоянии обретаются, надлежит их содерживать, и оные впредь, по возможности, продолжать; от чего неприятель не токмо развращен, но и его инфантерия толь более утруждена будет. Також надлежит между тем с нашей стороны гораздо осведомиться чрез здешних рыбаков, где пред нами обретающияся воды возможно без мостов переходить, також коль глубоки оныя суть, тайно досмотрить повелеть; а именно: по правую и левую руку неприятельских шанец, дабы оные с тех сторон и сзади атаковать, егда резолюция предвосприята будет.

3. Впрочем же есмь такого совершеннаго мнения, что ежели город Полтава во опасении, тоб половину войска здесь оставить, а другую половину чрез Ворсклу переправить, во удобном к тому месте, и стать во ошанцованном обозе в миле от неприятеля, либо при Петровке, или в четверти, или полумиле выше, в удобном месте, и обезпокоивать неприятеля по всякой день как легкою, так и регулярною кавалериею, одною или двумя тысячами, дабы он принужден был и не возмог ни фуражу, ни пропитания в свой обоз привести. Такожде господину Гетману Скоропадскому надлежит указ послать, дабы он пасс при Голтве токмо инфантериею осажен оставил, а сам бы стал обозом без багажу при Решетиловке, как с своими казаками, так и регулярною кавалериею, и равенственно неприятеля утомлял.

Или главное уражение, которое может неприятелю приключено быть, сие есть: ежели возможно у нас то гораздо тайно держано быть, чтоб учинить деташамент кавалерии и инфантерии весь конной от 8 до 9 тысяч человек, и атаковать в ранней утренней час Мазепу с главным квартером в Жукове, который с великую с пол-мили от Полтавы обретается; и ежелиб сия штука, с Божиею помощию, удалась, тоб довольна была неприятеля понудить не токмо к оставлению осады, но последовательно и ко всему его разорению; и надлежит и здесь в тож время и тем по его крепости всею силою атаковать, также и из города две вылазки учинить, каждая по 300 человек, одну на неприятельскую атаку, а другую к реке. Также надлежит неприятелю несколько фальшивых тревог у верхней мельницы, также и у нижней мельницы где Генерал. … (Не разобрано) стоит учинить; и когда непрятель тако в одно время и час во многих местех атакован будет, то невозможно почитай инако верить, что сие дело, с Божиею помощию, имеет удасться, и последовательно Короля Шведскаго и его войску к совершенному разорению произойти имать и Его Царскаго

Величества слава тем умножится, и плод из того будет, что он славолюбивому Королю Шведскому мир предписывати возможет. И хотя иные в таком мнении с неосновательнаго воинскаго фундаменту обретаются, будто добро то, чтоб Короля Шведскаго за Днепр перепустить; но я весьма противнаго в том мнения есмь, и надеюся при помощи Божий со всеми великими и в войне искусными Генералы утвердить, что сие Его Царскаго Величества к высокому интересу не токмо весьма вредительно, но и к его вящему безславию будет, ибо может с нашей стороны еще 10 лет войну продолжать, а никогда такого авантажу не получим: Короля Шведскаго в такое утеснение, нужду и окружение меж двумя реками привесть, в каком он ныне есть. И опасатися надлежит, что ежели мы нынешняго случая не употребим, то Король Шведской вновь усилится, и Станислава в свое расположение, також, по времени, Поляков и Литву к своей стороне привесть, может. И ежели генеральной мир в Европе учинится, как к тому надежда есть, то не надлежит сумневатися, что Король Французской Короля Шведскаго, яко вечнаго своего приятеля, вспомогать как советами, так деньгами и людьми будет, и свои замыслы и факции в Польше и Литве, по всякой возможности, к вящему вреду Его Царскаго Величества, и могут тогда легко и случаи иногда переменитися, ибо надлежит подлинно верить, что Король Шведской свои погрешения в сей войне признает, и впредь поправит, и Его Царскаго Величества земли с лучшим основанием знать будет атаковать, где чувственнее есть.

В 5 день Июня, 1709-го, в обозе под Полтавою.

ГЕНЕРАЛА ПОРУТЧИКА БЕЛЛИНГА МНЕНИЕ

(Подданное и должное мнение на врученныя мне от Его Превосходительства Господина Генерал Фельдмаршала Шереметева предложения).

1. Ради совершеннаго соответствования на 1-й пункт не изволите мне за зло восприять, что напредь прошу плана Полтавы и окрест лежащей зетуации около оной, и чтоб мне ведать, как сия крепость живностьми, и людьми и аммунициею удовольствована.

2. Понеже из перваго пункта явно, что его Царскаго Величества Всемилостивейший Указ здесь Полтаву оборонять, то без сумнения надлежит тот случай, ежели неприятель Полтаву силою атаковать будет, с сей стороны диверсию сочинит, но того из учиненных ныне опрош трудно исполнить, ибо неприятель против того уже установился; однакоже возможно и оныя себе в помощь употребить.

3. Також обязует меня моя всеподданнейшая должность Его Величеству донести, что ежели та крепость живностьми, людьми и аммунициею довольно удовольствована, то по достоинствуб надлежало неприятелю дать под оною несколько времени още себя утрудить. А ради конечнаго содержания крепости Полтавы потребно есть, дабы корпус от 16 тысяч инфантерии и до 10 тысяч кавалерии чрез Ворсклу переправился с довольными танцовальными орудии, дабы крепкой окоп сделать могли, чтоб от неприятельской кавалерии безопасным быть. И когда таким образом на той стороне Ворсклы крепко установимся, то всегда в состоянии будем Полтаву выручать.

Здешние же опроши надлежит всегда корпусом инфантерии и кавалерии осажены иметь, дабы оных, егда потребно, для сочинения диверзии употреблять возможно. Писано в обозе под Полтавою Июня в 6-й день 1709.

Беллинг.

МНЕНИЕ ГЕНЕРАЛА РЕННЕ

Понеже Его Высокоцарское Величество мне милостивейше повелел мое мнение письменно подати, коим образом крепить (не крепость ли?) Полтаву как наилутчее выручить, и оное есть сие.

Первое. Понеже никакая крепость не может от осады выручена быть без атаки неприятеля: атаки же розным образом чинятся, а имянно: что некоторому числу пробитися подобает, дабы к сущим в гварнизоне пройтти и оных укрепиши.

Второе. Чтоб в таком месте с войском стать, дабы неприятелю привоз фуража пресечен был, и так бы сам от себя обязан осаду оставити; и понеже при нынешнем обстоятельстве место есть, что то может исполнено быть, что Его Царское Величество разолвавить повелит, ежели он и не намерен есть неприятеля тотчас сильною рукою атаковать, к чему Бог без сумнения такожде свое благословение подаст, когда наперед место к перехождению назначено, и потом благовременно доброе расположение учинено будет, дабы всякой ведал, что ему чинить; но ежели Его Высокоцарское Величество определит окопанной обоз на той стороне имети, то наивяще при том надлежит в осмотрении иметь, дабы на неприятельския поступки примечати, и когда ретреншемент около обозу готов будет, и тогда всему корпусу кавалерии при том обозе быти непотребно; но может токмо сильной корпус на другую сторону перейти, дабы неприятеля безпрестанно обезпокоивати, а особливо ежели переходы и ретирады некоторым числом инфантерии осажены будут.

И понеже, как мне известно, что Его Царскаго Величества армия ныне в состоянии есть сие исполнити, и тако все Его Высокоцарскому Величеству высокому разсуждению оставляется.

Дано в главном обозе при Полтаве в 11 день Июня 1709 году.

Карл Е. Ренне[365].

[365] Мнения, поданные в военном совете, бывшем при вагенбурге под Полтавою генералами Ренцелем, Галлартом, Беллингом и Ренне о принятии мер для освобождения сего города от осады шведов. 1709 года, июня 5–11 / Публикация Н. Лебедева // Москвитянин. — 1842. — № 1. — С. 77–83.

№ 421

1709, червня 27.

Лист Петра I адміралтейств-раднику О. В. Кікіну про перемогу під Полтавою

Grotvader

Объявляем вам о зело превеликой и неначаемой виктории, которую Господь Богъ нам чрез неописанную храбрость наших салдат даровати изволил,с малою войск наших кровию, таковым образомъ: сего дни на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армеею, конною и пешею, отаковал, которая хотя по достоинству держалась, однакож принуждёна была уступит, однакож с великим убытком неприятелю. Потом неприятель стал во фрунт против нашего лагору, против которого тотчас всю пехоту из транжамента вывели и пред очи неприятелю поставили, а конница на обеих фланках,что неприятель увидя, тотчас пошел отаковать нас,против которого наши встречю пошли, и тако оного встретили, что тотчас с поля збили. Знамен и пушек множество взяли; такоже генерал-фелтъмаршал господин Реншилд, купно с четырмя гснералы, а имянно: Шлипембахом, Штакенберхом, Гамолтоном и Розеном, також первой министр, граф Пипер,с секретарми, Гемерлином и Цидергелмом, в полон взяты, при которых несколко тысячь офицеров и рядовых взято, о чем подробно вскоре писать будем [а ныне за скоростию не возможно]. И единым словом сказать: вся неприятельская армея фаэтонов конец восприяла [а о короле еще не можем ведать, с нами ль или с отцы нашими обретается]. А за розбитым неприятелем послан господа генералъ-порутчики князь Голицын и Боур с конницею. И сею у нас неслыханною новиною вам поздравляем. И при том воспомянули Юрья Ивановича слово: дивной государь и чюдно се водни ездил.

Piter.

Из лагару от Полтавы, в 27 д. июня 1709.

P.S. Еще приведен в наш обоз князь виртембергской, сродственник самого короля швецкого ближней[366].

№ 422

1709, липня 8. — Із табору з-під Полтави.

Лист Петра I московському коменданту князю М. П. Гагаріну про перемогу під Переволочною

Господин полковник и камендант.

Объявляем вам, что по учиненной виктории к посланным за разбитым неприятелем двум генералом-лейтенантом послан, в 28 день, генерал князь Меншиков, который в 30 день июня оных неприятелей у Переволочны дошел и по многим посылкам оное все войско, яко воинские полоняники, положа ружье, со всеми людьми и алтилериею, нашим без бою здались; толко король с шестью или семью стами, и двумя генералы, Шпаром и Лагаркроном, и Мазепою ушли, за которыми також послано, и уже из оных многие побиты и взяты [о чем пространнее из реляции видеть возможно]. А что взято людей знамен и алтилерии, о том из посланной росписи видеть возможно. И тако вся неприятелская армея нам, чрез помощь Божию, в руки досталась, которою в свете неслыханною викториею вам поздравляем.

Piter.

Из лагару от Полтавы, в 8 д. июня 1709[367].

№ 423

1709, серпня 26.

Лист полковника Гаврила Реп'єва О. Д. Меншикову

Премилостевый Государь князь Александр Данилович!

Получил я от вашей светлости письмо сего августа 24 числа велено мне отписать что в Полтаве какова ружья и иных припасов, а другое письмо до господина Языкова, который у раненых и у больных драгун. И то письмо подал я тогож числа да Белагорода где он обретаетца. В баталионе и в командированных дву ротах которые присланы ис полков у господина Фан Делдина да Нечаева салдаты шесть сот двенацать человек раненых и больных двести пять человек. И того всего салдат восемсот семнацать человек. Да в Полтаву ж прислано для караулов Лубенского полку с наказным полковником Григорием Стрельченом девятсот казаков. А швецкого Государь полону в Полтаве здоровых тысяча триста семдесят шесть человек, раненых пятсот пять человек, болных пятсот дватцать пять человек. Итого всего две тысячи четыреста шесть человек. И ис того шведского полону били челом шведы чтоб служить Царскому величеству, и о том Государь к вашей светлости соблаговолил отправить.

Государь прислано из Белагорода муки и сухарей две тысячи триста тридцать семь четвертей семь четверков, да из Сорочинцу прислано от господина генерала Рена провианту муки и сухарей тритцать две четверти, крупы пять четвертей. Итого всего две тысячи триста семдесят четыре четверти семь четвериков. И ис того числа роздано солдатом и швецкому полону на июль и на август месяцы восемсот шестьдесят четыре четверти шесть четвериков. А на предь будущие месяцы осталось провианту муки и сухарей и круп тысяча пятьсот десять четвертей один четверик. Присем слуга нижайший Гаврила Репьев челом бьет[368].

[366] Указы, письма и бумаги Петра Великого // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 17–18.

[367] Указы и письма императора Петра I к московскому коменданту, а потом сибирскому губернатору, князю Матвею Петровичу Гагарину // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 123.

[368] *Иванюк С. А.* Забытый 5-й батальон. К вопросу о гарнизоне Полтавской крепости в 1709 г. Приложения // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4. История. — 2014. — № 1. — С. 18 (Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук — Ф. 83. — Оп. 1. Ч. 3. Карт. 11. — Ед. хр. 3327).

№ 424

1709, жовтня 6. — З Торуня.

Лист О. Д. Меншикова київському губернатору Д. М. Голіцину про утримання під арештом князя Януша Вишневецького

Сиятельный князь, мой особливый благодетель!

Как отютант наш Полянской князя Вишневецкаго в Киев привезет, извольте онаго, приняв, держать за честным, крепким арестом и довольствовать ево умеренною пищею; также, ежели будет просить о ссуде денежной, извольте ему в заем дать рублев со сто. Впротчем пребываю вашего сиятельства ко услужению охотнейший

Александр Меншиков.

Из Торуня, октября 6 дня 1709 году[369].

№ 425

1709, жовтня 18. — Київ.

З листа Д. М. Голіцина О. Д. Меншикову про 2000 запорожців,які створюють вогнище напруги на півдні

Светлейший княже, ко мне милостивейший.

(…) Да писали ко мне казацкие полковники, которые стоят у Богу, что они были под камандоую генерала-маеора князя Григоря Волхонского, и он оставил их в тех местех, и, будучи во все лето на службе, запасы издержали, а ныне приходит зимнее время и просят, чтоб их отпустить в домы, а я без указу вашей светлости отпустить их не смею для того, что я неизвестен, чего ради Волхонской их оставил. А в оных полках есть нам великая нужда, понеже запорожских казаков собралось з 2000 и качуют ниже городков Казикерменя, и недавно под Чигириным местечко Бурки разорили и многих людей с собою взяли и церковную утварь, антимисы и прочее и книги побрали и знатно хотят заводить себе жилище и для разорения украинных городов еще намерены приходить. А в оных городах людей никово нет, которые казацкие полки на сей стороне, все стоят у Богу, то ради доношу вашей светлости, ежели в оных полках есть нужда, изволите, ваша светлость, приказать указ послать к гетману, чтоб оные полки переменить, а те полки для охранения от запорожцов отпустить в домы, а ежели оные полки не отпустятца для охранения украинных городов, зело опасно, чтоб оные запорожские своеволцы незапно не пришли и разорения не учинили, а тамо люди живут в великом страхе. (…)

Из Киева, 18 дня октября, 1709 году[370].

РОЗШУК ТА РОЗПОДІЛ ЗНАЙДЕНИХ КОШТІВ, ЦІННОСТЕЙ І. МАЗЕПИ

№ 426

1708, листопад-грудень.

Реєстр запасів гетьмана І. С. Мазепи, відшуканих у Любецькому замку

По извету сотника любецкого Василья Полуницкого в замку Любецком гетмана Ивана Мазепы запасов реестр.

Простого вина 19 куф, меду пресного 6 бочек, пшена 11 мазырак, осетрины соленой 4 мазырки, грошей у Цафара Шилковного, у Петра Без[...] […]ру готовых осмещинных, [...]вично горелечных шинковых, [...]гар великие с мясными и с розными, [за]пасы и вялыми осетрами и грибами.

В том же Любецком замку, в особний коморе, за печатью сотника любецкого Полуницкого многие вещи старосты гетманского, Василия Струтинского[371].

№ 427

1708, грудня 7. — Київ.

Лист київського воєводи Д. М. Голіцина О. Д. Меншикову про «пожитки» І. С. Мазепи

Светлейший княже, ко мне милостивейший.

Получив вашей светлости письмо, ис которого выразумел вашей светлости к себе милость и о брате, что ево всемилостивейший государь пожаловал чином генерал-порутчика и вотчинами, и брат ко мне о том писал, что то ему учинено по призрению вашей светлости, за что всепокорно благодарствуем и за оную вашей светлости к нам милость должны мы рабски вашей светлости служить животом своим.

А что изволите напоминать о пожитках Мазепиных, ежели что есть нарочитое ко удобию вашей светлости, а именно серебреной посуды и мяхкой рухледи и протчих вещей, и оные отобрать особо и к вашей светлости прислать роспись, а достальной Мазепин скарб продавать, доношу вашей светлости, оной Мазепин скарб в Киев привезен, а сколько чего всему, посылаю к вашей светлости роспись, которую изволишь вычесть и брату приказать. И по воли вашей светлости все учиню, яко верный ваш слуга.

Мог бы я из оных пожитков себе что взять и нихто б не ведал, токмо помня свою християнскую совесть и вашей светлости обещанную к себе милость и не токмо того учинить и мыслию не касался. И по видимому признаю, что оные пожитки оставлены от Мазепы не для збереженя, токмо для отдачи поляком, понеже все на польскую руку и при оных пожитках положены булава и бунчюк и печать войсковая с подписью польскою, которые даны от поляков

[369] Письма князя Александра Даниловича Меншикова к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С.115.

[370] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — С. 393 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 3425. Л. 1–3 об. Подлинник. Подпись-автограф).

[371] Там же. — С. 379–380 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2609. Л. 1. Подлинник).

Хмельницкому. И оные пожитки все стоят при карауле, убраны в возах.

Ключ, по котором к вашей светлости, когда случитца писать, секрет получил.

Доношу ж вашей светлости, Мазепа непрестанно розсылает от себя прелесные письма по Украине, и на оные письма народ прелщаетца, и оных писем не толко з городов и сел ко мне прислано. И против оных писем написал ответ со испытанием, что от Мазепы народу противно было, и дабы всенародно ложь ево была явна, и для того написано самим простым языком, дабы всякой мог разуметь. И хотел печатать и удержался для того, что тип ис Печерского монастыря повезен к государю. И ежели при государю указы будут печатетца, чтоб мои письма не были противны, того ради оное письмо посылаю к вашей светлости. И ежели оные потребны, повели, ваша светлость, о том ко мне отписать, и я, несколько оных напечатав, розошлю по городах и селах в Украине. И в иных же письмах он, Мазепа, пишет угрозательно персоне вашей светлости, а мне мнитца, что оные письма народу будут приятны, понеже все Мазепины злобы к малороссийскому народу изъявлены.

При сем остаюсь вашей светлости всегдашний слуга.

Князь Дмитрий Голицын.

Из Киева 7 дня декабря, 1708 году[372].

№ 428

1709, січня 10.

Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про отримання скрині зі скарбами І. С. Мазепи

Сіятельнѣйшій князь, мой особливый благодѣтель.

Вашего сіятельства два писанія, оба отъ 27-го дня прошлаго мѣсяца, из Кіева писанныя, и при томъ цѣновную роспись мазепину богажу, я получил и скрыну у вашего присланного в цѣлости принял, за что вашему сіятельству благодарствую; а что для нас вы собрать изволили, и то извольте удержать у себя до времяни. Впротчемъ пребываю навсегда вашего сіятельства доброжелательный пріятель и слуга

Александръ Меншиков.

Генваря в 10 день 1709, из Сум.

P. S. Извольте, ваша милость, прислать к нам мазепиным пожиткам такую вѣдомость, что чего мѣрою и вѣсом, и порознь цѣну описав имянно[373].

№ 429

1709, січня 15.

Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про розподіл коштів та майна гетьмана І. С. Мазепи

Дупликат.

Сиятельнейший князь, мой особливый благодетель.

Вашего сиятельства приятнейшее писание от 7-го дня сего месяца из Киева писанное, и при том ведомость в Белой Церкви взятом мазепину скарбу я здесь получил, и по оной ведомости царскому величеству докладывал, которой соизволил за ваши бывшие при батуринском штюрме труды вас пожаловать из того мазепина скарбу дать вам дватцать тысячь рублей денег, а из достальных мелки: денег дать белоцерковской старшине и казаком вами обещанное им жалованье. И ваше сиятельство извольте по тому его царского величества всемилостивейшему указу из помянутого мазепина скарбу дватцать тысячь рублей себе взять, а из достальных мелких денег белоцерковским старшине и казаком обещанное жалованье роздавать; ефимки извольте держать у себя в сохранении и никуда их в росход без особливаго моего писма, не держать; а платья и протчую всякую рухлядь дорогих вещей извольте продавать; а собольи мехи, и протчия всякия дорогия вещи и серебреную посуду извольте оценить, и во что что оценено будет, тому изволь прислать ко мне ведомость; а шкатулю с серебреными ножами и вилками и с лошками изволь прислать к нам. Протчее извольте ваше сиятельство всякими мерами трудитца о всяких ведомостях, а имянно: о Лещинском, и генерале Красове и о протчих агерентах, где оные обретатца будут и в какой силе. За сим пребываю наивсегда, еже есмь, вашего сиятельства доброжелательный приятель и слуга

Александр Меншиков.

Из Ахтырки, генваря 15 дня 1709 г.

Таково письмо послано из Лебедина, декабря 15 дня 1708 года[374].

№ 430

1709, лютого 13. — Білгород.

Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про видачу за наказом царя із коштів І. С. Мазепи 6000 єфимків жмудському старості Г. А. Огинському

Сиятельнейший князь, мой особливый благодетель.

Царское величество указал выдать из мазепиных ефимков старосте жмудцкому Агинскому шесть тысячь ефимков, и ваше сиятельство извольте те ефимки выдать вручителю сего, его милости господину Денкевичу, поручику войска литовского; и как те ефимки выданы ему будут,

[372] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — С. 384–386 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 2791. Л. 1–3 об. Подлинник. Подпись-автограф).

[373] Письма князя Александра Даниловича Меншикова к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 108.

[374] Там же. — С. 108–109.

о том извольте нас уведомить. А как для приему таких же денег от других некоторых польских и литовских сенаторей кто к вам присланы будут, и тех извольте отправливать к нам. О чем объявивши, протчем пребываю, яко есм, вашего сиятельства доброжелательный приятель и слуга

Александр Меншиков.

Из Белагорода, февраля 13 дня 1709 года[375].

№ 431

1709, квітня 9.

З листа Петра I О. Д. Меншикову

(…) Еще объявляю, что приехал от примаса секретаря по положенные им деньги (в Люблин) 10000, которые из Мазепиных велите дать в Киеве, о чем пространнее скажет вам господин Г. Головкин[376].

№ 432

1709, травня 16. — З обозу.

Лист О. Д. Меншикова київському губернатору Д. М. Голіцину про 2000 загиблих при обороні Полтави та потребу відіслати із коштів І. С. Мазепи 7000 єфимків на жалування волоським і польським хоругвам, а також 12000 єфимків генерал-фельдмаршал-лейтенанту Г. Гольцу

Сиятельнейший князь, мой же особливый благодетель.

Писание вашего сиятельства от 7-го дня сего месяца, из Киева писанное, купно с копиею с государского писма, мы получили, за которое, а особливо за надлежащее уведомление, вашему сиятельству благодарствую и сердечно желаю, дабы и впредь в такой же вашей любви был не оставлен; о здешнем поведении доношу, что у нас, за помощию Всевыщаго, во всем благополучно. Неприятель, после бывшей акции, из Опошни, и из Будищ и из других мест пошел с великим поспешением к главному своему корпусу, который обретается около Полтавы, и оную облегли и желают чтоб достать, и уже несколько раз приступали; но, при помощи Божией, оной гварнизон зело себе во осторожности имеет и неприятелю надлежащей отпор чинят; а при тех приступах с 2000 человек наши погибли; также которой подкоп от неприятеля приведен был под самый город, и тот наши перекопали, из которого несколько бочек пороху вынули. А понеже оной гварнизон в великой был опасности, что при такой сильной атаке людей обреталось малое число, а особливо некоторых нужных вещей, а имянно пороху и свинцу было недовольно, а провесть отнюдь было не возможно, что я видя, и подумав с господами генералами, взял с собою несколько пехоты и конницы и, пришед к городу, стал по сю сторону реки Ворсклы, и осмотря мест, где б как мочно в тот гварнизон от пехоты сикурс послать, и против 15 дня, по полуночи во 2 часу, тот посланной от нас сикурс, которым командовал господин брегадир Головин, изготовя себя, и не токмо что платье все, но и штаны ради болотных зело глубоких переправ поскидали, и на каждаго человека дав по нескольку пороху и свинцу, с Божиею помощию помянутой брегадир в город привел, и так сей гварнизон удовольствован, что хотя б неприятель сколько бытности своей ни продолжал, нашим диверзии никакой учинить не возможет. При сем же предлагаю вашему сиятельству, извольте на дачу волоским и польским хорунгвам жалованья послать из мазепиных денег тысячь семь, також ефимков тысяч двенатцать к господину генералу-фельтмаршалу-лейтнанту Голцу с камисаром, выбрав добраго и в той отдаче знающаго человека, которому накажите, чтоб он те все волоские хоронгви по их реестрам старых и новозатяжных всех сам осмотрел, и годным на две четверти по их уговору, также и затяжные, которым не дано, выдать все сполна; о чем имянно извольте от себя к господину фельтмаршалу-лейтнанту Голцу отписать чрез того камисара. А буде мазепиных к той даче чего не достанет, то как мочно в том исправясь, а оных отправить; а как им то жалованье и затяжные выданы будут, о том извольте прислать к нам подлинную ведомость и имянные им списки, за рукою камисарскою. За сим пребываю вашего сиятельства к услужению охотнейший

Александр Меншиков.

Из обозу, маия 16 дня 1709 году[377].

№ 433

1709, серпня 1. — З Вєти.

Лист О. Д. Меншикова київському губернатору Д. М. Голіцину про віддання залишків коштів І. С. Мазепи генералу-кригс-цалмейстру П. М. Бестужеву-Рюміну

Сиятельный князь, мой особливый благодетель.

По получении сего, изволь ваша милость остаточные деньги и ефимки отдать господину генералу-кригс-цалмейстеру Бестужеву-Рюмину и всем тем деньгам и ефимкам извольте к нам прислать росход, также которые припасы повезут к нам с Москвы, и оные извольте к нам отправлять немедленно, удовольствуя подводами. Впротчем пребываем вашего сиятельства доброжелательный приятель и слуга

Александр Меншиков.

Из Веты, августа 1-го дня 1709 году[378].

[375] Там же. — С. 110.

[376] Труды императорского Русского военно-исторического общества / Сост. Н. Л. Юнаков. — СПб. : Типография т-ва «Свет», 1909. — Т. III. — С. 142.

[377] Письма князя Александра Даниловича Меншикова к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 113–114.

[378] Там же. — С. 114–115.

№ 434

1717, листопада 6. — Белєв.

З листа київського губернатора Д. М. Голіцина до гетьмана І. І. Скоропадського щодо заяви С. Михайловського про скарб Мазепи, про допомогу у розшуку останнього та руди, з якої можна робити золото

Ясневельможный и Превосходительнейший Господине!

Получил я нынѣ из Санктпетербурга, из Канцелярии Правительствующаго Сената указ, чтоб по допросным рѣчам Новомлынскаго жителя Семена Михаловскаго о сыску Мазепина скарбу и осмотру руды, из которой дѣлалось золото, как он Михаловский о том объявил в Канцелярии Сената, послать мнѣ из Лантратов, и при том быть для указывания и тому Черкашенину. А понеже Вашему Превосходительству извѣстно, что по именному Царскаго Величества указу путь я восприял в Санктпетербург, и для того опредѣлен к тому дѣлу Сѣвской провинции Комендант господин Колтовский…[379]

Московські призначення на старшинські уряди

№ 435

1708, жовтня 29.

Лист фельдмаршала Б. П. Шереметєва про призначення сотенної старшини у Воронежі

По указу премилостивѣйшаго моего царя и государя, самодержца всероссійскаго и протчая протчая и протчая, аз, генерал фелдмаршал, учрежденный надь войски его величества, военный, малтійскій и славнаго чина святаго апостола Андрея кавалер Борис Шереметьев, обявляю малороссійскаго города Воронѣжа жителямь, духовним и мирскимь: вѣдомо нам учинилось, что воронѣжскій сотник Лазоренко изь города Воронѣжа ушел безвѣстно. Того ради мы, вышеимянований генерал фельдмаршал, указом премилостивѣйшаго моего царя и государя, повѣлѣваем быти в том городѣ Воронѣжи сотнику из хоронжих Потапу Назарову, а на его мѣсто в хоронжих Константину Степанову, и приѣхав оному на Воронѣжи, всѣх тамошних жителей привести к вѣрѣ, дабы премилостивѣйшему царю и государю нашему были во всякой вѣрности, а от непріятельскаго наступленія были безопасни и жили в волности против прежняго обыкновенія.

На подлинномъ подписъ: Фельдмаршал и кавалер Борис Шереметьев (М. П.).

Дан в Погребах октября 29 дня 1708 года[380].

№ 436

1708, листопада 2.

Грамота Петра І Л. Я. Жураковському на полковницький уряд

Божиею поспешествующею милостию, ми, пресветлейший и державнейший (и прочая, болшое титло), пожаловали верного нашего подданного войска Запорожского, нежинского наказного полковника Лукъяна Яковлевича Жураковского, за ево многие к нам, великому государю, верные и усердноradeтельные службы, как в действиях воинских против неприятеля шведа, так и в настоящем случае измены нам, великому государю, бывшаго гетмана Мазепи, велели ему быть в Нежинском полку настоящим полковником и ради уверения в сем дать ему на тот чин полковничества сию нашу, царского величества, милостивую жалованную грамоту. И повелеваем мы, великий государь, того Нежинского полку всей старшине и рядовым казаком его иметь за полковника и отдавать ему надлежащее всегда послушание и служить нам, великому государю, с ним, полковником, обще попрежнему, верно со усердием. Дан в обозе при Десне, ноября в 2 день 1708. Помета: Подписал Гаврило Иванович. Написана на александрийском листу з золотом[381].

№ 437

1708, листопада 7.

Лист Петра І адміралтейств-раднику О. В. Кікіну про «обрання» І. І. Скоропадського гетьманом

Господинъ Кикин.

Объявляем вам, что после перебещика вора Мазепы вчерашнего дни учинили здешней народ элекцию на нового гетмана, где все, однеми устами, выбрали Скуропатцкого, полковника стародубовского, и тако проклятой Мазепа, кроме себя, худа никому не принес [ибо народом имени ево слышать не хотят], и сим пзрядным делом вам поздравляю.

Piter.

Из Глухова, в 7 день ноября 1708[382].

[379] Материалы для отечественной истории / Издал М. Судиенко. — К. : Университетская типография, 1855. — Т. 2. — С. 92.
[380] *Василенко М.* Збірка матеріалів до історії Лівобережної України та українського права XVII–XVIII вв. // Український археографічний збірник. Т. І. — К. : Українська академія наук, 1926. — С. 101–102.
[381] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск ІІ. — С. 886–887 (ЦГАДА, Малороссийские дела 1708, № 66, л. 3 и об.).
[382] Указы, письма и бумаги Петра Великого // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 14–15.

№ 438

1708, листопада 14.

Грамота Петра І І. Я. Носу на полковницький уряд

Концепт. Жалованная грамота полковнику прилуцкому Ивану Носу на чин полковничий. — Наше царское величество пожаловали Прилуцкого полку наказного полковника Ивана Носа за ево к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, верные и усерднорадетелные службы, особливо в нынешнее настоящее время, когда вор и изменник, бывшей гетман Мазепа, забыв страх божий и к нам, великому государю, нашему царскому величеству, при крестном целовании учиненную святую присягу, изменил и отъехал к неприятелю нашему, королю швецкому, съ единомышленики своими, и с которыми и прилуцкой полковник бывшей туда ж отъехал с ним, Мазепою. А ево, наказного полковника Носа, оставил он, вор и изменник Мазепа, в гварнизоне обще с единомышленники ж своими и изменниками, с сердюцким полковником Чечелем [с] казаками того полку Прилуцкого в Батурине, приказал ему, дабы он наших царского величества великоросийских ратных людей в Батурин не пускал и с ними бился. А он, Иван, помня страх божий и обещание свое к нам, великому государю, по верности своей противу наших, царского величества ратных великоросийских людей не бился и там ворами и изменниками выбранными…бит был, окован и посажен… А от генерала нашего, князя Александра Даниловича Меншикова, освобожден и послан в Прилуки, где також к нам, в[еликому] г[осударю], показал свою верную службу, за которые его к нам, в[еликому] г[осударю], вернорадетельные службы пожаловали его, Ивана Носа, велели ему быть в том Прилуцком полку полковником на место помянутого вора и изменника, бывшаго полковника прилуцкого (Горленка), которой вкупе с Мазепою при неприятеле нашем, короле швецком, в учиненной против нас, в[еликого] г[осударя], противности. И того ради мы, великий государь, наше царское величество, напоминаем и указом нашим, царского величества, повелеваем: того прилуцкого полку полковой старшине ево, Носа, иметь за полковника и всякое послушание ему отдавать надлежит, как полковнику. А прежнего полковника, вора и изменника, Дмитрея Горленка прелестных писем и повелений и речей не слушать, как и вора и изменика… прелести Мазепа пишет они, хотя изменою своєю малоросийской народ поработить в полскую неволю и во унию. А ему, полковнику Ивану Носу, видя к себе нашу царского величества милость, нам, ц[арскому] в[еличеству], служить верно и к неприятелем нашим поиски чинить и всякой вред и ущерб оним приключать тщитись. И для вящей нашего царского величества к нему милости, мы, великий государь, наше царское величество, ему сию нашу, царского величества, жалованную грамоту за нашей, великого государя, печатью дать указали, о чем и подданного нашего гетмана универзал послан. Писана ся наша, великого государя, нашего царского величества, жалованная грамота в Глухове 1708 г. месяца ноября 14 дня, государствования нашего 27 году[383].

№ 439

1708, грудня 4.

Жалувана грамота Григорію Шишкевичу на сотницький уряд

Божиею поспешествующею милостию мы, пресветлейший, державнейший, великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, Московский... (титул), ваше царское величество пожаловали войска нашего Запорожского Черниговского полку прежде бывшаго (казака) Григорья Шишкевича, за ево к нам, великому государю, верные службы, а особливо за престорогу, которую он учинил генералу нашему, главному от кавалерии, Римского и Росийского государств Ижерскому князю Александру Даниловичу Меншикову, в случае от измены нам, великому государю, бывшаго гетмана Мазепы. Велели ему, Григорью, быть сотником Новомлинским, на место прежде бывшаго тамо сотника Самуйленка. И над казаками той сотни иметь ему, Григорью, началство, во всем против прежде бывших тамошних сотников. Також какие к тому уряду доходы и маетности и мелницы приналежат, владеть тем ему, Григорью, как прежние тамо будучие сотники владели. А преж бывшему сотнику Самуйленку быть тамо сотником мы, великий государь, не повелели, для того что он явился причинен к измене Мазепиной. Чего ради, во уверение всем и во знак к нему той нашей царского величества, за вышеписанные его службы, милости, указали мы, великий государь, ему, Григорью Шишкевичу, на тот чин Новомлинского сотничества дать сию нашу великаго государя жалованную грамоту чрезвычайно, за нашею царскаго величества государственною печатью.

Дан в Лебедине декабря в 4 день 1708[384].

№ 440

1709, березень 16. — З Лукомлі.

З донесення Г. Ф. Долгорукого О. Д. Меншикову про призначення ним чигиринським полковником Г. І. Галагана

(…) Кошевой вор пишет универсалы за Днѣпр в Чигирий, прелщая к Мазепиной сторонѣ. Сего ради мы туда учиня полковником чигиринским Калагана послали, о котором чигиринцы сами прилѣжно нас просили, которому приказали от всѣх шатостей стеречь за Днѣпровскую сторону; а вмѣсто онаго в компанию учиним выбрав также доброго иного полковника[385].

[383] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 920–921 (ЦГАДА, Малороссийские дела 1708, № 80).

[384] Там же. — С. 341–342.

[385] Труды императорского Русского военно-исторического общества / Сост. Н. Л. Юнаков. — СПб. : Типография т-ва «Свет», 1909. — Т. III. — С. 125 (Арх. Ак. наук. Карт 11, № 48).

№ 441
1715, лютого 7.
Лист канцлера графа Г. І. Головкіна гетьману І. І. Скоропадському про призначення Ф. С. Лісовського сотником усупереч гетьманській волі

Ясневельможный и Превосходительный Господин Гетман войск Его Царскаго Величества Запорожских, мой благодѣтель!

Его Церское Величество бывшему Гадичскому протопопу Федору Лисовскому указал быть Стародубовскаго полку в Новѣгородкѣ-Сѣверском Сотником, о чем Ваша Вельможность изволите пространнѣе усмотрѣть из посланной с ним Его Царскаго Величества грамоты. И хотя Ваша Вельможность напред сего ко мнѣ писать изволили, что оный Лисовский чинил Вам нѣкоторыя досадительства; однакож нынѣ изволите то презрѣть и уничтожить и явиться к нему ласковым и о бытии его в Сотниках учинить по Его Царскаго Величества посланной к Вашей Вельможности грамотѣ.

Вашея Вельможности ко услужению
готовый Граф Головкин.

Из Санктпетербурга, Февраля в 7 день, 1715 года[386].

№ 442
1715, лютого 13.
Лист київського губернатора Д. М. Голіцина гетьману І. І. Скоропадському про призначення Ф. С. Лісовського сотником усупереч традиціям у Гетьманщині

Ясневельможный и Превосходительнѣйший Господине!

По именному Царскаго Величества указу бывший Гадичский Протопоп Федор Лисовский пожалован в Сотники в Новгородок-Сѣверский, и просил меня, дабы об нем к Вашему Превосходительству писать, чтоб Вы показали к нему склонную милость. И прошу Вашего Превосходительства, извольте к нему имѣть любовь, а я взаимно Вашему Превосходительству в повелѣниях Ваших служить готов.

Вашего Превосходительства повольный
слуга Князь Дмитрий Голицын.

В Санктпетербургѣ,
Февраля 13 дня,
1715 году[387].

Розгром Січі та козацьких містечок

№ 443
1709, березня 31.
З донесення бригадира О. Г. Волконського про знищення Нехворощі та Маячки полковником Кампелем

(…) Он же казак (сказал. — *Упорядник*), что Невхворошу и другой, которого не упомнит господин Кампель за упрямством их те городки взял и выколол многих, которых он видел сам. А про полтавского полковника сказал, что де отъехал к царскому величеству, а жену свою отдал на руки господину камендану Келину. Вашей княжей светлости услужник Волконской 31 марта 1709 году[388].

№ 444
1709, квітня 18.
Реляція про взяття Переволочної військами під керівництвом полковника П. І. Яковлева та знищення запорожців

В нынешнем 1709-м году апреля в 29 день писал его царскому величеству из армеи господин генерал от ковалерии князь Меншиков, что камандированной полковник Яковлев, пришед в Запорожье с тремя полками и увидя запорожцов противных, которые, собравшись, в местечке Переволочне засели, где их, запорожцов, было с 3000 человек и с ними полковник запорожской Зилнец. И апреля 18-го дня учинили с нашими бой, почали стрелять ис пушек и потом наши к ним приступили и почали оную крепость штюрмовать. И по двучасном многом огню, милостию божиею и его царского величества счастием, переволочинской замок взяли и их на месте болши 1000 человек порубили, кроме тех, что по куреням побито и позжено. А досталные, бежав, топились в реках — в Днепре и в Ворсле. В том замке взято: 3 пушки, знамя, 4 значка казачьих и двенатцать человек воров первых, понеже живых их брали мало, но всех рубили и тот замок совсем разорили. А с нашей стороны побито: обор-афицеров — 2, ундер-афицеров и салдат — 22; ранено — обор-афицеров 2, ундер-афицеров и салдат 63 человека[389].

---

[386] Материалы для отечественной истории / Издал М. Судиенко. — К. : Университетская типография, 1855. — Т. 2. — С. 239.
[387] Там же. — С. 64.
[388] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 9. — Вып. II. — С. 808.
[389] Там же. — С. 855 (ЦГАДА, Рукописи Синодальной типографии, № 423, л. 72).

№ 445

1709, квітня 24.

З донесення Б. П. Шереметєва Петру I про випалення Переволочни та Кереберди, знищення козаків та жителів

Генерал-маеор князь Григорей Волконской с полковником Яковлевым и с камандрованными драгуны над Переволочною чинили промысл, в которой обреталось казаков с 1000, да жителей з 2000, и оную при помощи божии достал и варовских запорожцов и жителей вырубили, а иные, убоясь, розбежались и потонули в Ворсклу. А Переволочну, также и Кереберду выжгли. А что наших драгун и салдат побито и ранено, тому при сем ведение посылаетца. И полковник Яковлев в путь свой пошол, котораго велено остерегать ему, Волконскому.

Раб твой Барис Шереметев.

Из Лубны апреля 24 дня 1709 году[390].

Подлинник.

№ 446

1709, травня 1.

Донесення полковника П. І. Яковлева О. Д. Меншикову про знищення Старого та Нового Кодаків

Копия с письма, какова писал Петр Яковлев к его светлости князю Меншикову ис Кадакова майя 1-го дня 1709 году.

Указ от вашей светлости получил апреля 28 дня, которой писан ис Харькова того ж апреля 26 дня, и доношу вашей светлости: пришел я в Старой Кадак, и полковник кадацкой и запорожцы и тамошние многие жители ушли до Сечи и в степь до реки Буга и на острова, а которые кадацкие жители принесли повинную царскому величеству немногие люди, и я тех кадацких жителей оставил в Новобогородицком, а которые ис Кадакова ушли на острова и я на те острова посылал партию и их воров розбили, да взяли в неволю 11 чел., в том числе беглых ис Києва 3 человека, салдат и баб много з детьми. А апреля 30-го дня переправлялся я Кадацкой порог 2 сутки, на котором зело было трудно; розбило у нас 2 судна, слава богу, что люди все спаслись. Оная трудность нам не от иного чего, токмо что провожатых не было, а были 10 человек новобогородицких стрельцов, а кадацкие жители розбежались. Взятые на острову сказали, что приезжали из Сечи запорожци и высылали их всех до Сечи и подтвержают, чтоб отнюдь до царского величества не шли. Да они ж де сказывали, что их в Сечи немало збираетца, и которые хотя и сами до нас приходят, и те знатно с неправдою. Которой правиант по указу вашему был со мною, и ис того оставил я в Новобогородицком на месяц. А ис Старого Кадака, которой был провиант и скотина, и то все забрано. И все церкви выбрано и до Новобогородицкого послано. А которые пушки были, и те в Днепре затоплены и не могли сыскать. А Старой и Новой Кадак все я зжег и на фартецыи пол[и]сады вырубил и места и предместье выпалил, чтоб впредь тем ворам пристанища не было. Да от господина генерала маеора Волконского прислан с командрованными драгуны подполковник Болтин и при нем казацкой полковник корсунской Кандыба, которым я сказал, чтоб шли в степь и к реке Бугу, и которые ушли, чтоб их всех без остатку разорить. А которые по другую сторону Днепра с островов уходили, и о том я приказал, которой у меня под командою подполковник Башмаков, чтоб тех бунтовщиков разорять. А на порогах мы с судов перевозимся на подводах. А как наша прибыла конница, и ныне те воры докучать нам з берегу не смеют[391].

№ 447

1709, травень (після 8-го).

Донесення полковника П. І. Яковлева О. Д. Меншикову про вжиті заходи щодо розшуку «воров»-січовиків

Копия с письма Петра Яковлева

Указ от вашей высококняжей светлости получил, которой писан майя 4-го дня, тако ж и письмо, которое писано в Сечю до запорожцов, и казака посланного от меня с письмом до вашей княжеской светлости до нас возвратился. И доношу вашей княжеской светлости: пришел я до Каменного Затону майя 7 дня и стал близь города, а в городе, государь не возможно стоять, что вельми болезнь приключаетца к людям и больных много. И того майя 7-го дня присланное письмо от вашей кияжеской светлости с присланным казаком Сметаною послал до Сечи, и против того письма ис Сечи письмо они прислали до вашей княжеской светлости и положили в Сечи на острову в Лешеднах. И я то письмо послал до вашей княжеской светлости. И майя 8 дня посылан был от меня маеор для осмотрения их крепостей и взял под самою Сечею казака куреня изменника Костьки кошевого. И в роспросе тот казак сказал, которое письмо писано до Сечи от вашей княжной светлости с казаком Сметаною, и то письмо они у него приняли, а того казака в воду кинули, и которых на степи взяли наши драгуны 2-х человек казаков, и те казаки то ж сказали. И те роспросные речи и казака послал до вашей княжеской светлости. Тако ж государь против вашего княжего указу посылал я до них письмо, и против того писма ответствуют, что държатца стороны царского величества, а посланных наших близ города не допускают и принимают их без ружья. Також и других посылал я для осмотрения, как бы можно придти к той Сечи. И ныне государь около той Сечи зело вода великая и половину их куреней на предместье водою потопило

[390] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов / Под ред. Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева. — М. : Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. — Т. I. — С. 460 (РГАДА, Каб. П. В., отд. II, кн. 10, лл. 247–248 об.).

[391] *Лебедев В. И.* Реформы Петра I: сборник документов. — М., 1937. — С. 219–220.

и пристать судами не можно, а которой с степи был сухой путь и близ города, путь и вода разлилась больши 30 сажен ширины и зело глубоко. И я государь зело о том сумневаюсь, что приттить водяным и сухим путем трудно, только государь как могу буду усматривать и промысл чинить вскоре. А как я государь прибыл к Каменному Затону и ис Каменного Затону от господина каменданта против моего приходу выслано было офицеров и салдат 50 человек, не в дальном разстоянии от Каменного Затону в 2-х верстах. И напали на них из Сечи несколько лодок тех воровскях казаков и розбили наших и побили из наших 6 человек салдат, ранили 3-х человек. И мы о том к ним писали и они против нашего письма тако ж писали, что будто они того не чинили знатно, что де то чинили какие бурлаки. Да тот же казак сказал, что у них в Сече от изменника Мазепи на резиденции 3 человека, а Сорочинского Петра и Кирика Менкова послали до Криму, чтоб орду к себе привесть на вспоможение на нас. Да тот же казак сказал, что будто приехало ис Криму 15 человек и посланы чрез койдаков до изменника Мазепы. При сем посылаю до вашей княжеской светлости гварнизону Каменного Затону амуницыю. А от нас государь непрестанно под Сечю разъезд чиним в ночи и во дни и офицеров, убрав в казачьи платье, посылаем, чтобы усмотреть как бы мочно наилутчей промысл чинить, и как бы можно к тому месту пристать. Только государь в том опасение имею, что вода близ не допустит. И они на том предместье обломали многие курени и поставили пушки. И я государь о том не сподеваюсь, чтобы от них было какое склонение к стороне царского величества, больши в них замерзело воровство во всех. И сего числа посылал я партию на лодках п наехали на их отъезжей караул и тех воров разбили и многих побили, а других в воду потопили, только взят 1 человек и тот сказывает, что они не склонны ко услуге царскому величеству[392]

№ 448

1709, травня 19.

Донесення О. Д. Меншикова Петру I про розгром Січі

Господин полковник. На писмо вашей милости, от 15 дня ко мне писанное, в котором изволите желать ведать о поведении полковника Яковлева, доношу вашей милости, что сего часу получил щастливую ведомость, как он, господин полковник, майя в 11 день пришедши под Сечю, искал всяким добрым способом чрез писма и пересылки в Сече бывших воров к стороне вашей милости и склонить. Я, получа ведомость, что они сим толко время продолжать хотели и прежде того уже от них Петр Сорочинской послан по орду, которой к себе на вспоможение ожидали, по указу моему начал он, полковник, издали шанцы приводить и оных всяким промыслом доставать, и на лотках, и на судах ко оному городу приступать приказал, которой штурм чрез 3 часа продолжился. А они, изменники, отчаянно чинили отпор, их же сухим путем штурмовать было невозможно, потому что вода кругом облила то место. И хотя при таком жестоком приступе сперва не пощастилося и наших около 200 или 300 при той всей потребе убито, меж которыми и полковник Урн убит и многих офицеров ранено, а которых живьем они, изменники, побрали и тех також страмно и тирански рубили. Однакож вскоре всевышний бог сие нещастие отменил, еже тогож числа к нашим на сикурс прибыли командрованные драгуны от генерала-маеора Волконского с полковником Колаганом. И как изменники тот сикурс увидели, надеялись, что к ним ис Крыму орда на вспоможение идет, и вышли они воры, на выласку, но, увидя, что помянутой сикурс с нашими войски совокупился, зачали меж собою мешатися, на которых наши вновь набежали и городом щастливо овладели и многих купно с кошевым побили, тако что малое число разве от них ушло. Живьем взято старшин и казаков с 300 человек, пушек, також и амуниции взято в оном городе многое число, а чем еще за скоростию имянной росписи не прислано. А ис помянутых живьем взятых воров знатнейших велел я удержать, а протчих по достойности казнить и над Сечею прежней указ исполнить, також и все их места разорить, дабы оное изменническое гнездо весма выкоренить. И сим щастливым благополучием поздравляю вашей милости, всеусердно желая, чтоб и иротчих врагов ваших таким же щастливым подобием вскоре выкоренить[393]. (…)

№ 449

1709, травня 23.

Лист Петра I адміралтейств-раднику О. В. Кікіну про розгром Січі

Grotvader

Обьявляю вам, что полковник Яковлев запорожцов штурмовал, и хотя с 300 человек потерял, однакож проклятое их гнездо, сечю, взял и оных всех порубили. И тако последней корень мазепин, съ помощию Божиею, выкоренен, и о сем объяви господину вице-адмиралу, также генералу-маеору Брюсу и протчим, *и сим от меня всех поздрав*.

Piter.

Из Троецкова, в 23 д. маия 1709[394].

---

[392] *Лебедев В. И.* Реформы Петра I: сборник документов. — М., 1937. — С. 220–221.

[393] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 9. — Вып. II. — С. 905–906 (ЦГАДА, Кабинет П.В., отд. II, кн. 9, лл. 421–423).

[394] Указы, письма и бумаги Петра Великого // Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 11. — С. 17.

Універсали І. І. Скоропадського

№ 450

1708, листопада 8.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського чернігівському полковому писарю Петру Булавці

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя его царского пресвѣтлаго величества войска запорожского гетман Іоан Скоропадскій.

Его ж царского пресвѣтлого величества войска запорожского паном полковником чернѣговскомѵ и нѣжинскому, старшинѣ полковой, сотникам, атаманѣ городовой и сѣлской, и кождому, кому бы колвек о том вѣдати надлежало, сим нашим унѣверсалом ознаймуемъ: иж мѣючи мы, по милости монаршой Пресвѣтлѣйшаго государя нашего, царя, зуполную власт всякіе в Малороссіи устроевати порядки, а респектуючи на услуги, вѣрне і щире в войску запорожском роненніе и впред ронитися мѣючіе, пана Петра Булавки, писара полкового чернѣговского, надаем ему селце Будище в полку нѣжинскомъ, в сотнѣ дѣвицкой положеніе своє мѣючое, а до того в полку чернѣговском селце Смичин, перед сим от антецесора нашего ему наданное, стверждаем, позволивши на рецѣ Сновѣ, на греблѣ седневской, з млина Зенковского з одного каменя розмѣров, на войско двох частей належних, заживати; так же и сѣножат, под Колчевкою лежачую, якую кошовал пан Затиркевич, позволисмо ему ж, вишемененному пану Булавце, косити; да млин, на рецѣ Убедѣ стоящій, небожчиком тестем его паном Савою Прокоповичем, судією войсковим енералним, ему, пану Булавцѣ, лекгованній, построенній о двох колах мучних, а третем ступном, сим нашим стверждаем унѣверсалом, пилно варуючи, абы ему, пану писареви полковому черниговскому, в владѣнію тих сел двох, в отбираню з млинов належних пожитков нихто з старшины и чернѣ жадной не важился чинити трудности и перешкоди; войти зас тих сел абы належитое послушенство зо всѣми посполитими людми (кромѣ козаков) ему, пану писару полковому, отдавати не отмовлялись, пилно приказуем. Дан в Глуховѣ, новеврія 8 дня, руку 1708[395].

№ 451

1708, листопада 14. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу сотні Почепської Іванові Щербі

Его црского прсвѣтлого влчства войска запорозского гетман Iwан Скоропадский.

Пану полковниковѣ стародубовскому, старшинѣ полковой, а особліве пану сотниковѣ почеповскому зо всѣм тамошним урядом и кому бы колвек о том вѣдаты належало ознаймуем, иж п. Іван Щерба, товариш сотнѣ Почеповской, маючи в отминѣ за двѣ чвертки поля от пна Бѣлозорецкого даний покос, селище прозиваемое Старосѣлъе ограниченъем от Висоцкого клинка у Черемшиний ров, а з рову того в Ломно, Каласкиткою Ломною идеть в лѣс; з другого боку от Миховского кгрунту, где інное (:своею:) своєю працею поблизу села Високого живучи на пашню розробил, а инное на сѣнокос держить; просиль на тое нашего рейментарского унѣверсалного потверженя; яковому его прошенію давшы у себе мѣстце, як оний кгрунт, прозиваемый Старосѣлъе з отчиною, повагою унѣверсалу ншого стверждаем, так, абы нѣхто з старшини и чернѣ в державу того кгрунту мененному пну Івану Щербѣ, товаришовѣ сотнѣ Почеповской, жадной найменшой не важил ся чинити трудности и перешкоды, варуем и рейментарско приказуєм. Дан в Глуховѣ ноеѵрія 14, року 1708.

В подлинном подписъ таков: Ζвишменованний гетмань рукою власною[396].

№ 452

1708, листопада 17. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Стефану Шираю

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого гсдря ншего его царского влчства войска запорожского гетман Іоан Скоропадскій.

Пну полковникови стародубовскому, теперь наказному а впред совершенному, старшинѣ полковой, особливе урядови новгородскому ознаймуем сим ншым унѣверсалом, ижь пн Стефан Шырай, ζначный товаришь войсковый, просиль нас о наданье себѣ слободы Поповки ζ двором, млыном и всѣми угодіями, в Поповцы будучими, ζмѣнника Быстрицкого едыномышленника Мазепиного; особливе ζаймища того ж Быстрицкого на рецѣ Костробобрѣ будучого, млынового. Мы теди гетмань, смотрячи на его пна Стефана Ширая услуги в полку Стародубовском ζначные и вѣрные и, впередь видячи его при статечной царскому величеству вѣрности до услуг войсковых згодност, тые одбѣглые ζмѣнника Быстрицкого добра, именно слободу Поповку з двором, млином и ζаймищем млыновым, на Костобобрѣ рѣчцѣ будучим, надалисмо оному в спокойное владѣніе, а прежде сего наданные села, в уездѣ Стародубовском, Гринево и Солову ζ купленными млынами и кгрунтами, ненарушно при нем пну Степану ζаховуем и стверждаемь; и якь вь Поповци, такь в Гриневѣ и Соловѣ будучіе тяглые люде (опрочь коζаковь, которіе при своих волностех мают

[395] Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Выпуск I. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 г. — Чернигов : Издание редакции «Земского Сборника Черниговской губернии, 1901. — С. 165–166.

[396] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 125.

zоставати:), жебы ему пну Стефану Шираю в поборах и пригонах належытое отдавали послушенство, сим ншым гетманским унѣверсалом варуем и прикаzуем. Дань в Глуховѣ ноевр. 17, 1708 го.

В подлинном подписано: Звышменованный гетмань рукою власною[397].

№ 453

1708, листопада 18. — Глухів.

Універсал І. І. Скоропадського заслуженому військовому товаришу Івану Стягайлу

Пресвітлійшаго и державнійшаго великаго государя нашего его царского пресвітлаго величества Войска Запорожскаго гетман Иоан Скоропадский.

Его царского пресвітлаго величества Войска Запорожскаго пану полковникові стародубовскому, старшині полковой, а зособно пану сотникові новгородскому и кождому, кому колвек о том відати надлежати м(а)ет, сим нашим ознаймуем універсалом, иж пан Іван Стягайло заслужоний товариш воисковий, супліковал до нас, просячи, абись мы ему слободку его, называемую Стягайловку, ствердили нашим гетманским універсалом, міючую свое такое розграничене: от рудні добронідского и от самой річки Знобовка дубровою Елушицею да чр(е)с річку Улицу до ваковий болота, а оттоль на старое будище, а от будищ на Лютую речку ниже млина протопоповского да у з село Зноб. А до того и млин в его ж грунтах на річки Знобі построенним зособо. Теж просил он же, Стягайло, абысь мы ему позволили у грунтах новгородських, по границю гремяцкую найдуючихся, на речци Знобці засипати греблю и млин построити. За чим мы, гетман, мененного пана Стягайла прошение принявши, а респектуючи на его значние отдавного в Войску Запорожскому роненние праці и заслугы его, тую его слободку Стягайловку з млином сим нашим стверджаем універсалом. Так и позволились мы ему ж в грунтах новгородских на річци Знобовци вновь засипати греблю и подлуг потужносты води построити млин и всякые у того млина приходячие розміровое пожитки на его ж господарское спарте без жадной перешкоды отбирати в оном. Мененной слободки владіние и отбираню з млинов всіх належных податков, также во росварку его новозанятом на урочища з мінці построенном, абы нихто з старшині рейменту нашего жадной ему, пану Стягайлові, чинити важился перепони и трудности повагою сего універсалу нашего пилно варуем.

Дан в Глухові 18 ноеврия 1708 року.

Звыш іменованный гетман рукою власною[398].

№ 454

1708, листопада 19. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського стародубському сотнику полковому Івану Чарнолузькому

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго гсдря Nашаго его царского влчства войска запорожского гетман Іоан Скоропадскій.

Всей старшинѣ и чернѣ войска его црского пресвѣтлого влчства запорожского, а особливе пну полковникови стародубовскому зо всею того полку старшиною, також пну войтови тамошнему з майстратом и кому би колвек о том тепер и в потомніе часи вѣдати надлежало сим унѣверсалом ншим ознаймуем, ижь пн Іван Чарнолузскій, сотник полковій стародубовский, суплѣковал до нас, просячи ку вспартю своєму домовому о наданье села Душкина, неоподал Стародуба положенним найдуючогося; яковому его прошеню давшы у себе мѣстце, а респектуючи на значніе и вѣрные его вь войску запорозкомь не от тепер роненіе працы и заслуги, надаем ему п. сотникови полковому мененное село Душкин зо всѣми до него приналежними ґрунтами и угодіями. Вѣдаючи теды о таковой волѣ ншой каждій з старшини и чернѣ полку Стародубовского абы в обнатю и владѣню того села нихто жадной не важился найменшой чинити трудности и перешкоди, симь унѣверсалом нашим варуем. А войт душкинский з посполитими людми аби належитое в пригонах и подачках ему пну Чарнолузькому сотникови полковому отдавали послушенство, рейментарско приказуем. Дань в Глуховѣ ноеврія 19 дня, року 1708.

Zвышменованній гетман рукою власною.

Мѣсто печати рейментарской[399].

№ 455

1708, листопада 21. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського знатному військовому товаришу Андрію Лизогубу

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя, царя и великого князя Петра Алсксѣевича, всея Великія, и Малія, и Бѣлія Россіи самодержца, его царского пресвѣтлаго величества войска запорожского гетман Иван Скоропадскій.

Его ж царского пресвѣтлаго величества войска запорожского панам полковникам стародубовскому, нѣжинскому и прилуцкому, старшинам полковимъ, сотникам почеповскому, глуховскому, конотопскому и краснянскому, и всѣм обще, як войсковим, так и посполитим людем, сим нашим ознаймуем унѣверсалом: иж пан Андрѣй Лизогуб, товариш

[397] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 230–231.

[398] *Мазепа В.* Документи до історії Стародубського полку (др. пол. XVII — поч. XVIII ст.) // Сіверянський літопис. — 2008. — № 1. — С. 14.

[399] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 213.

значній войсковій, мѣючи добра свои, маетности, фолварки, млины и сѣножати, одни, — по отцу его небозчику пану Евфимію Лизогубу, полковнику бившем чернѣговском позосталіе, універсалами бивших гетманов и монаршими, его царского величества, грамотами стверженніе, именно: в полку Стародубовском, в сотнѣ Почепской, село Почепище Старое з хутором Дадаровским з полями, з сѣножатми купленнимы; двѣ греблѣ на рецѣ Костѣ: бах(к?)арицкая и глазовская купленніе, по три колѣ мѣючіе; слободка з млином, сѣножатми и лѣсами займанними; камень купленній, на рецѣ Сеймѣ в селѣ Озаричах, в клѣтцѣ середной, великій, задній; озеро Воронино под Озаричами; так же в Озаричах три каменѣ млива, в которих часть войсковую надано небозчику пану Евфимію Лизогубу, отцу его, и монаршою утверждено грамотою; камень купленній на греблѣ мѣской конотопской, где и часть войсковую надает; под Каменем на рецѣ Клевенѣ гребля, занятая з Федором Стожком, на якой и млини построени о чотирох колах и часть войсковую; в сотнѣ Глуховской села двѣ: Погребки и Хижки з полями пахатними и сѣножатми купленними; лѣсъ, прозиваемій Хоцевъ, дѣдом его небозчиком Яковом Лизогубом занятій, з двома гаями; в полку Прилуцком, в сотнѣ Краснянской, село Кропивная з полями, сѣножатми и гаями купленними; гребля з млином Щуцким, з двома каменями; в Конотопской сотні: село Сосновка з полями пахатними, з сѣножатми займанними и купленними; — просил нашего гетманского подтвержателного унѣверсалу. Зачим ми, гетманъ, схилившися на его, пана Андрея Лизогуба, прошеніе, а респектуючы на значніе в войску запорожском небозчиков дѣда его пана Якова Лизогуба и отца его Евфима Лизогуба, полковников чернѣговскых, прислуги, а видячи и его, пана Андрея, до тих же войскових услуг способного, всѣ тие добра, више вираженніе, наданніе, купленніе и легкованніе, зо всіми угодіями, сим унѣверсалом нашим стверждаем, позволяючи ему, пану Лизогубу, оними владѣти и, з ласки нашой войсковой, користовати; а як з сел мененних от посполитих людей всякое отбирати послушенство и повинность, так и з млинов всѣ приходячіе розмѣровіе пожитки и части войсковіе на свой отбирати пожиток; в чем всем абы ніхто з старшини и чернѣ рейменту нашего ему, пану Лизогубу, жадной не важился чинити трудности и перешкоди, пилно варуем. Войти, зас, тих сел с посполитими людми (кромѣ козаков, которих волность мѣет бити ненарушне захована) повинни належитое послушенство и повинность мененному пану Лизогубу отдавати, повагою сего унѣверсалу нашего рейментарского приказуем. Дан в Глуховѣ, 21 ноеврія 1708 году[400].

№ 456

1708, листопада 21. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному товаришу Стародубського полку Антипу Соколовському

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого гсдря его црского величества войска запорожского гетман Іоан Скоропадский.

Его ж црского пресвѣтлого величества войска запорожского пну полковниковѣ стародубовскому зо всею старшиною полковою, тудеж п. сотниковѣ бакланскому зо всѣм товариством и посполством и каждому кому би колвек о том тепер и в потомние часи вѣдати належало сим ншим унѣверсалним писанъем ознаймуем, иж пн Антип Соколовский значний полку Стародубовского товаришь, понявши за себе вдовствуючую по небожчику Івану Мовчану, сотнику бившом бакланском, жону, одержал за нею в поссесию свою наданное от антецессора ншего бившаго гетмана село Новое Задубенне, в ключу сотнѣ Бакланской будучое, где и млин з футором на рѣчци Каменцѣ въласним коштом небожчиковским на купленних ґрунтах ест построенъ; также млин на рецѣ Берестянцѣ в сотнѣ полковой Стародубовской в селѣ Дариевичах о двох колах стоячий его ж небожчиковским коштом построенний; и просил на тое ншего унѣверсалного потверження. Мы теди гетманъ, респектуючи на вѣрние его Антипа Соколовского при боку ншом чрез немалий час роненние праци и заслуги, а и впред до войскових услуг его заохачуючи, як оное село Задубенне Новое з вишмененними млинами и з футорами при нем заховуєм и истверждаем; так аби нѣхто з старшини и чернѣ не смѣл и не важил ся ему пну Антипу в владѣнию помененного села и млинов и в одбѣранню з них приходячих пожитков жадной наименшой кривди и перешкоди чинити пилно варуєм. Войт зас села Задубени Новои зо всѣми тяглими людми абы непремѣнно як небожчикови Мовчанови служили, так аби и ему пну Антипу належитое в пригонах и подачках всякаго отдавали послушенство сурово приказуемъ. Дан в Глуховѣ ноеврия 21 року 1708-го.

В подленном подпис тако: Ꙁвишменовенний гетман рукою власною[401].

№ 457

1708, грудня 10. — Лебедин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному товаришу Ніжинського полку Василю Селецькому

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государа его царского величества войска Запорожского гетман Іоан Скоропадскій.

[400] Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Выпуск І. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 г. — Чернигов : Издание редакции «Земского Сборника Черниговской губернии, 1901. — С. 211–212.

[401] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 108–109.

Пану полковникови нѣжинскому, старшинѣ полковой и всему старшему и меншему того полку товариству, так же пану войтови тамошнему з майстратом и зо всѣми посполитими людми и каждому, кому би колвек о том вѣдати надлежало, сим нашим унѣверсалом ознаймуем: иж; респектуючи мы на значніе в войску запорожском заслуги пана Василія Селецкого, значного в полку нѣжинском товариша войскового, до кеторих и впред его заохочаючи, надаем ему ку вспартю домовому село, прозиваемое Бакаевку, в ключу нѣжинском, неоподал города лежячое, зо всѣми до того села приналежними грунтами и угодіями, позволяючи ему пану Селецкому помененним селом зуполне владѣти и всякую обиклую повинност з тамошних тяглих людей отбирати до ласки нашей войсковой. Вѣдаючи теди каждій з старшини и черні полку нѣжинского о таковой волѣ нашой, аби нихто не смѣл и не важился в отнятю помененного села Бакаювки жадной найменшой ему, пану Селецкому, чинити кривди и першкоди, повагою сего унѣверсалу нашего варуем, а войть бакаювскій з тяглими тамошними людми аби во всем належитое подданическое ему отдавали послушенство, рейментарско приказуєм.

Дан в Лебединѣ декамврія 10 року 1708.

В копіи пишет: Звишменованній гетман рукою власною[402].

№ 458

1708, грудня 15. — Лебедин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського стародубському знатному військовому товаришу Якову Заводовському

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого гсдря его црского величества войска zапорожского гетмань Іоан Скоропадскій.

Пну полковникови, на сей час наказному а вперед совершенному стародубовскому, старшинѣ полковой zо всѣм товариством и майстратови тамошнему z посполитими людми и кому бы колвек о том тепер и в потомніе часи вѣдати належало, сим унѣверсалом ншим, ознаймуем, иж пнь Василій

Zавадовскій, знатній полку Стародубовского товариш войсковій, яко по небощику родичу своем, пну Якову Zавадовскому судій полковом стародубовском, наданніе з ласки войсковой маетности одѣдичивши, за унѣверсалами антецессоров нших zаживал и владѣл спокойне, так и тепер респектуючи ми на годніе и zнаменітіе небощика родича его в войску zапорожском роненніе праци и zаслуги, а видячи и сна его мененного пна Василія до таковых же працъ и вшеляких оуслуг войскових згодного, по прежних оунѣверсалах наданніе села, в уездѣ Стародубовском лежачіе, іменно: Дохновичи z купленними крунтами и слободку Красновичи з млином на речцѣ Ілнѣ ново з фундаменту власним коштом его построенним, z отчиною купленною и zо всими приналежними оугодіями в певном ограниченню обварованними, в зуполное владѣніе и подданство ему пну Василію Zавадовскому повагою сего оунѣверсалу ншего стверждаем. О яковой волѣ ншой вѣдаючи, каждий з старшини и чернѣ полку Стародубовского, абы нѣхто не смѣл и не важился вь владѣнію помянутих маетностей ему пну Zавадовскому найменшою бити перешкодою, варуем; а тягліе тих сель люде абы во всемь ему належитое з пригонами и поборами отдавали послушенство, рейментарско приказуем. Дань вь Лебединѣ декавр. 15, року 1708.

В подлияном подписано: Zвишменованній гетмань рукою власною[403].

№ 459

1708, грудня 23. — Лебедин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Скельському монастирю

П. и д. в. г. его ц. п. в. войска запорожскаго гетман Іоанн Скоропадскій.

Вам, всей старшинѣ и чернѣ войска запорожскаго, а особливе пану полковниковѣ гадяцкому, сотниковѣ грунскому, атамановѣ городовому, войтовѣ и всѣм тамошним обивателем и кождому, кому о том вѣдати належит, ознаймуем: иж яко за прошлого антецесора бывшого гетмана законники монастира скелского селцем Павловочкою, в уездѣ грунском найдуючимся, владѣли и з оного подлуг гетманского унѣверсалу ку вспартю их монастирских недостатков всякую звичайную повинност отбыралы; так ми, гетман, за нашего уже уряду, тому ж первому унѣверсалу, им виданному, стосуючися, селце тое Павловочку при превелебному отцу Гервасію, нынѣшнему ігумену скелскому, и по нем хотящим быти ігуменом монастира тамошнего з братією заховуем, хочем теди мѣти и повагою сего унѣверсалу нашего приказуем, абы нихто з старшини и черни полку гадяцкого, а особливе господар наш ему, отцу ігуменовѣ, и братіи в владѣнію оного селца жадной не важился чинити перешкоди и становиска войсковим людем аби не давали: а войт селца того с посполитими тяглими людми абы всякую повинност и послушенство всегда отдавали без жадного противленія, яко и пред сим, под неотпустним войсковим каранем варуем. Дан в городѣ Лебединѣ декабря 23 дня 1708 року. — Звишменованній гетман рукою власною[404].

[402] Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Выпуск І. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 г. — Чернигов : Типография Губ. Земства, 1901. — С. 122–123.

[403] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 156–157.

[404] Генеральное следствие о маетностях Гадяцкого полка 1729–1730 г. / Под ред. и с предисл. Н. П. Василенко. — Полтава : Издание Полтавского губернского статистического комитета, 1893. — С. 27.

№ 460

1709, вересень (?). — Ніжин.

Універсал-привілей гетьмана Івана Скоропадського

Его царского пресвітлого величества Войска Запорожского гетман Иван Скоропадский.

Пану полковникові Войска его ж царского пресвітлого величества Запорожского ніжинскому з старшиною полковою, п. сотникові бахмацкому и всім, як войсковим, так и посполитим тоеи сотні обивателем, и кому би колвек о том відати надлежало, ознаймуем, иж прекладала нам жалобливе через супліку свою п. Феодосия Моисіевна, овдовілая жена небожчика п. Андрія Небаби, зейшлого сотника шаповаловского, что за антецесора нашого бывшого гетмана остров еи з сіножатми, под Бахмачем еи лежачий, и млин там же в острові, о едном колі будучий, отнято и до двора тамошнего бахмацкого обернено, и просила нас, абисмо попрежнему в владініе оной тие еи, яко отчистии добра, остров и млин, знову привернули и універсалом нашим потвердили. Ми теди, гетман, оказуючи оной наше помежоване(?) (*примітка копіїста: «в деле черниг[овского] двор[янского] арх[ива] — «помілованье»*) виглядом вдовъства еи, а респектуючи и на войсковии зейшлого малженка еи значнии праци и услуги, приворочаем оной и сіножати оние и млин попрежному в зуполное владініе, позволяючи ей, як синожатми тими користовати, так и з млина оного всякии розмірові приходи на себе отбірати, якую нашу волю сим нашим універсалом стверждаючи, пилно міти хочем и рейментарско приказуем, аби жаден як з п. п. старшини вишписаной, так и нихто инший з войскових и посполитих, меновите бахмацких, обивателей не важилис оной в отбираню належитих з оного млина приходячих розмеров зуполном, также и в владіню оних сіножатей жадной наименшой чинити трудности и перешкоди. Дан в Ніжині, року 1709.

На подліном подпис таков:

Вишменований гетман рукою власною.

С подленім свидетелствовал корнет Афанасий Баскаков.

Место печати[405].

№ 461

1709, січня 5. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Новомлинському жіночому монастирю

Пресвітлійшого и державнійшого великого государя его царского величества Войск Запорожских гетман Иоан Скоропадский.

Пну полковникові ніжинскому со всею того полку старшиною, а особливо пну сотникові новомлинскому з тамошним урядом и посполством и кому бы колвек о том відати належало, сим нашим універсалним ознаймуем писаним, иж маючи законници мнстря дівичего новомлинского от антецессеров наших надание собі села Атюшу, Палчики, Кербутовку и просили на оние нашого регіментарского подтверждения. Мы теды не отмовивши оных прошению, а особливе стосуючись до універсалов антецессоров наших яко вышмененние села с принадлежащими угодиями повагою універсалу нашого при ных заховуем так, абы законицам дівочого мнстря новомлинского в держаню тих сел и в отбиранию з оных належитого приходу дабы ни от кого жадная не чинилась кривда и перешкода пилно варуем, посполитие тых сел обывателі, абы належитое во всем подданическое оным отдавали послушенство міти хощем и рейментарско приказуем.

Дан в Глухові 1709 року мсця януария дня 5.

В подлінном тако:

Звиш менованний гетман рукою власною[406].

№ 462

1709, січня 7. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського новгород-сіверському протопопу Опанасу Заруцькому

Пресвѣтлійшого и державнѣйшого великого гсдря его црского влчства войска запорожского гетман Іоан Скоропадскій.

Всей старшинѣ и чернѣ войска его црского пресвѣтлого влчства zапорожского, особливе пну сотніковѣ глуховскому и пну сотніку новгородскому ознаймуемь симь ншим унѣверсалним писаніем, иж пречестній гспднь отец Афанасій Заруцкій, протопопа новгородскій, селце Бѣлокопитово в Глуховском уездѣ, кгрунт і млинь на рецѣ Клевенѣ обрѣтаючийся, где обыкновенно одбырается мостовое от воза по чеху, да в Новгородском уездѣ слободу Протопоповку и Комаровку з млинами в Лютом, на дубровку около Знобовки, Борщиху, Ожинки и Поножное по грамотах црского влчства и по унѣверсалах антецессоров нших чрез всѣ роки владѣючи спокойне просил ншего гетманского потвржденя и наданя себѣ внов змѣннической слободи Быстрицкого Ковпинки з двором, млинком и кгрунтами там належитими, особно двох частей войскових в Мамикинѣ на рецѣ Смячѣ будучих. Мы теди, респектуючи на его, отца Заруцкого протопопи новгородского, казнодійскіе в проповидѣ слова бжого праци, яко Бѣлокопитово село и слободу Комаровку и Протопоповку з вишмененими gрунтами, особливе на рецѣ Клевенѣ млин з одобранем по чеху мостового от купецького воза, на той же Клевенѣ греблѣ, повагою унѣверсалу сего ншого, стосуючися до прежних унѣверсалов

[405] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (XVII–XVIII ст.) (частина 11) // Сіверянський літопис. — 2018. — № 4 (ІР. — НБУВ. — Ф. ІІ. — № 18141. — Копія кінця XIX ст. Наприкінці документу копіїстом написано: «Румянц[евская] опись, повет Нежинский, т. 52, сотня Шаповаловская»).

[406] *Мицик Ю. А.* Свято-Успенський жіночий монастир в Нових Млинах у світлі документів фонду 140 ЦДІАК України // Сіверщина в історії України. — Глухів. — К., 2018. — Вип. 11. — С. 157. (ЦДІАК. — Ф. 140. — Оп. 1. — № 2. — Арк. 6. — Тогочасна копія. Наприкінці документа намальоване коло, всередині якого написано «Місто печати рейментарской»).

стверждаемь; такь и вновь змѣнническую Быстрицкого слободу Ковпинку з двором, з млинами и всѣми тамошними опредѣленними кгрунтами и двѣ части Мамѣкѣнском млинѣ на реці Смячи будучіе в зуполное владѣніе и подданство ему отцу Афанасию Заруцкому протопопѣ новгородскому надалисмо; вѣдаючи теди о таковой волѣ ншой, жебы нѣхто в владѣнію тих добр не биль перепоною, і тяглие помянутих сель жители (опрочь козаков) абы ему, отцу Заруцкому протопопѣ новгородскому, належитое во всѣм отдавали послушенство, варуем и приказуем. Дань в Глухові 1709, януар. 7.

В подлинном подпись таков: Zвишменованний гетман рукою власною[407].

№ 463

1709, січня 9. — с. Вороніж.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному товаришу полку Стародубського Якову Великосовичу

Его црского пресвѣтлого влчства войска запорожского гетман Іоан Скоропадский.

Пану полковниковѣ стародубовскому зо всею того ж полку старшиною, а особліве пну сотниковѣ почеповскому з тамошним сотенним товариством, урядом и посполством сим нашим унѣверсалним ознаймуем пісаніем, иж мѣючи Яков Великосовіч, значний товариш полку Стародубовского, з ласки антецессоров наших данное себѣ село Старинное, в уездѣ Почеповском, и част млина Синковского, просил на оние нашего реиментарского потверженя. Мы прето оного прошенію в себе мѣсце давшы, а особліве респектуючи на услуги его в полку Стародубовском, сего ствержателного повагою унѣверсалу нашого помянутое селце и часть млинка Сѣнковского при нем заховуем. Вѣдаючи теды о таковой волѣ нашой кажен з старшины и черни полку Стародубовского, а особліве пан сотник почеповский зо всѣм товариством, абы жадной нѣхто в владѣнію оного селца и части млинка Сѣнковского Якову Велікосовічу не чинил кривды и перешкоди, варуем и рейментарско приказуем.

Дан в Воронѣжу януар. 9 д., року 1709.

В подлінном подпис таков : Zвишменованний гетмань рукою власною[408].

№ 464

1709, січня 10. — Короп.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Глухівському монастирю

Его црского прсвтлого влчства Войска Запорозского гетман Иоанн Скоропадский

Вам всім обще войтам з посполитими людми до мнстра стих аппл Петра и Павла глуховского належачим, ознаймуем, иж донеслося нам відати, что з сіл ваших, нікоторие легкомислние люде, бунтовничо поступуючи, не хотят по прежнему мененому мнстереви глуховскому належитого подданского отдавати послушенства и повинности, также и того за старшого міти, хто над вами постановлен, Який ваш самоволный поступок яко сурово ганим, так пилно приказуем. абисте не застановляючи на своем ослушенстві, тому мнстереви стих апстл Петра и Павла глуховскому, по давному обыкновению свою подданскую повинност и послушенство, якое до вас належит без жадной спреки отдавали, и хто вами завідоватимет, того в всем слухали, а если бы хто з вас оказался быти противним и не чинил выш выраженому указові нашому задосит, теды такового кождого без пошадіниа на здоровю карати роскажем.

Дан в Коропі генваря 10 року 1709.

Звишменованний гетман рукою власною[409].

№ 465

1709, січня 12. — Змітнев.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського київському полковому осавулу Федору Ханенкові

Пресвітлійшаго и державнійшаго великого гсдря ншого еho црского величества войск запорожских гетмань Іоанн Скоропадский.

Всей старшині и черні войска еho царского прсвтлого величества запорожского, особливе пну полковникові білоцерковскому з полковою старшиною и кому о томь відати належатимет сым ншим універсалним писаньем ознаймуем, иж пнь Федор Ханенко, асаул полковій кіевский, владіючи сельцем Соловіевкою в полку Білоцеркувском, по універсалі антецессора ншего, просил о приверненье другой маетности, зовомой Водотій, которіе маетности обідві по том боку Дніпра поблизу Фастова будучіе, здавна матці его Ханенковой по сродниках с.укцессіею досталися. Мы теды респектуючи на давност дому того заслуг в войску zапорожском, и на услуги прежніе и теперешніе пна Федора Ханенка, асаули полкового кіевского, Водотій маетность з займищем под Водотіями млиновым, привороаем и село Соловѣевку близ Фастова будучое повагою унѣверсалу ншего, вь зуполное владѣніе и подданство стверждаем. Вѣдаючи теды о таковой волѣ ншой пн полковникь бѣлоцеркувскій и вся тамошняя старшина абы во владѣній помянутих маетностей пну Ханенковѣ не чинили жадной найменшой перешкоды, варуем; а жители помянутих маетностей, жебы належитое во всемь пну Ханенковѣ отдавали послушенство, рейментарско приказуемь. Дань вь Zмѣтневѣ генвара 12 д., року 1709.

[407] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 266.

[408] Там само. — С. 205.

[409] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (друга половина XVII–XVIII ст.) (частина 2) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 3. — С. 64–65 (НБУВ. — ІР. Ф. І, № 61920. Оригінал завірений печаткою. На звороті напис: «Універсал для послушенства подданих (?) пна Иоанна Скоропадского, гетмана»).

В подлинном подписано тако: Zвышменованній гетмань рукою власною.

Мѣсто печати войсковой[410].

№ 466

1709, січня 17. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського дружині померлого стародубського полкового хорунжого Данила Колчевського Євдокії Колчевській

Пресвтлѣйшого и державнѣйшого великого гсдря его царского влчства войска запорожского гетман Іоан Скоропадский.

Пну полковникови, на сей час наказному, а въпред совершенному, стародубовскому, зо всею старшиною полковою, также войтови тамошнему з майстратом и зо всѣм того полку товариством и посполством сим ншим унѣверсалним ознаймуем писанемъ, иж п. Еудокія Данилова Колчевская, хоружая бывшая полковая стародубовская, по заслугах небожчика старого Колчевского и по заслугах мужа своего, мѣючи за унѣверсалом антецессора ншего в владѣнію своем село Новое, в уездѣ Стародубовском будучое, где и сама на скуплених кгрунтах мешканье своє мает, абы по прежнему могла спокойне оним владѣти, просила ншего потвержателного унѣверсалу. Мы теды гетман респектуючи на ей вдовство и з позосталими дѣтми осиротѣлост, яко ненарушне помененное село Новое з двором тамошнимъ, з двома млинами, власним коштом будованими, на рецѣ Ваблѣ, под тим же селом стоячими, и зо всѣми покупленими кгрунтами пахатними и сѣнокосними при ней п. Колчевской заховуем и повагою сего унѣверсалу ншего стверждаемъ. Так абы нѣхто з старшини и чернѣ полку Стародубовского в владѣнію оного села и в отбираню з млинов приходячих розмѣрових пожитков не смѣл и не важил ся пней Колчевской жадной чинити кривди и перешкоди, варуемъ. А войт помянутого села Нового з тяглими посполитими людми, абы во всемь належитое подданическое пней Колчевской отдавали послушенство, рейментарско приказуемъ. Дан в Нѣжинѣ януар. 17, року 1709[411].

№ 467

1709, січня 19. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному товаришу Стародубського полку Костянтину Романовському

Его црского пресвѣтлого влчства войска запорожского обойх сторон Днѣпра гетман Іоан Скоропадский.

Пну полковникови стародубовскому, на сей час Nаказному а в пред совершенному, зо всею того полку старшиною и войтовѣ тамошнему з майстратом и кому колвек о том вѣдати належит сим Nшим унѣверсалним ознаймуем писаніем, іж п. Константий Рамановскій, значній полку Стародубовского товариш, мѣючи по заслузѣ небожчика родича своего за унѣверсалом антецессора Nшого, з ласки войсковой наданное село, прозиваемое Новосюлки; в уездѣ Стародубовском будучое; а й сам на услугах войскових, в повиньности козацькой найдуючися, абы могл спокойне оним селомь владѣти, просиль Nшого рейментарского потвержателного унѣверсалу. Мы теды гетман, видячи его до услуг войскових згодност, до которого и заохочуючи его, яко помянутое село Новосюлки при нем пну Романовскому заховуем и зуполное владѣніе сим унѣверсалом стверждаемь; так абы нѣхто з старшини и чернѣ полку того жадной и найменшой Nе смѣл й не важился ему п. Констаньтію Романовскому владѣнію того села и в отбиранню з него от тяглих людей належитих приходов, жадной и найменшой чинити перепоны, варуем. А тягліе жителѣ помянутого села, опроч козаков, абы належитое, як вь пригонахь такь и поборахь вшелякое по прежнему отдавали послушенство, мѣти хочем и реиментарско приказуем. Дань вь Нѣжинѣ януар. 19 д., року 1709.

В подлинном подпис тако: Zвышменованный гетман рукою власною.

Мѣсто печати рейментарской[412].

№ 468

1709, січня 27. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського вдові колишнього роменського сотника Агафії Лизогубовій (Манджосовій)

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя его царского величества войска Запорожскаго гетман Іоан Скоропадский.

Пану полковниковѣ войска его жь царскаго пресвѣтлаго величества Запорожского лубенскому, старшинѣ полковой, п. сотникови з урядом роменекому и всѣм як войскового так и посполитого чина того полку обивателем, и кому бы колвек о том вѣдат надлежало ознаймуем, иж подавала намь свою суплѣку панѣ Агафия Лизогубовна Манджосовая, бившая сотниковая роменская, просячи, абысми в замѣну селця Гарасимовки, которим отдавна за унѣверсалом антецесора нашого бившаго гетмана владѣли, надали оной иное село внов, Миколаевку прозиваемое, яко ку лучшой вигодѣ господарства своего для млинов своих под оним покуплених податнѣйшое в уездѣ Роменском лежачое. А там же просила нас и о потвержене наше гетманское на всѣ gрунта свои, поля, сѣножати, гай, лѣси и инии угодия в околичности роменской будучий: на млин в Ромнѣ под самимь мѣстомь на рецѣ Сулѣ о трох колах стоячий; также и на иний два млини о шести колах на рецѣ Ромнѣ под

[410] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 170–171.

[411] Там само. — С. 103–104.

[412] Там само. — С. 197–198.

селом Миколаевкою покуплений и на особливий млин вешняк о четирох колах на рецѣ Хмиловцѣ подь тим же селом будучий. Ми теди гетмань, принявши прошение ей за слушное, а респектуючи на значние небозчика малжонка ей Фоми Манджоса, зейшлого сотника роменского в войску Запорожскомь вѣрноронение праци и услуги, надаемь ей п. Манджосовой в замѣну того первовладѣного ими села Гарасимовки мененое село Миколаевку зо всѣми до него приналежитостями и яко оное в зуполное владѣние и отбѣране належитого подданического послушенства от тамошнихь людей симь нашим унѣверсалом ствержаем, так оним же и всякие ґрунта еи, поля, сѣножати, гай, лѣси и инии господарскии угодия в околичности роменской будучии, якся в своемь ограниченю о межах мают; и всѣ предречоние млини, един под Ромном на Сулѣ, два под Миколаевкою на рецѣ Ромнѣ, а четвертий вешняк на Хмиловцѣ будучи, всѣх числом тринадцят каменей в зуполное владѣние оной самой п. Манджосовой и потомком их реиментарско умоцняем, позволяючи ей з тихь всѣх каменей всякий розмѣрови приходи з частю войсковою без плаченя поколѣщини и покабанщини на свою користь отбѣрати и оними ґрунтами подлуг своей волѣ пожитковати. Зачим пилно мѣти хочем и реиментарско приказуем, аби пан полковик лубенский з старшиною, а особливе п. сотник роменский з старшиною ж городовою и нѣхто инший з обивателей тамошних не важился в владѣню того села Миколаевки и в отбираню з оних млинов приходячих розмѣров, также и в користованю вишречоних ґрунтовь ей п. Манджосовой жадной найменшой чинит трудности и перешкоди. Войт зас з посполитими миколаевскими повинен належащое ей отдават послушенство (опрочь козаков, которих не мает нарушатис волност) приказуемь. Дань в Нѣженѣ, януария 27, року 1709.

Мѣсто печати[413].

№ 469

1709, січня 28. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського хорунжому полкової сотні Стародубського полку Пилипу Данченку

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого гсдря его царского влчства войска zапорожского гетман Іоан Скоропадский.

Пну полковниковѣ стародубовскому на сей час наказному, а впред совершенному, п. п. старшинѣ полковой, сотником, атаманѣ и всему старшому и меншому того полку товариству, также п. войтовѣ тамошнему з майстратом и кому бы колвек о томь вѣдати належало сим нашим унѣверсалным ознаймуем писаніем, иж пн Филипп Даньченко, хоружий сотнѣ полковой Стародубовской, мѣючи от антецессора нщего данніе собѣ позволителніе унѣверсали на заняттье двохь гребель и построенье млинов в уездѣ Стародубовском в одном мѣстцу на рѣчцѣ Истровце на урочищи прозиваемомь Бруд, где юж онь Данченок власным свойм коштом и працею ново з фундаменту греблю засипал и постройл млинь; а в другом мѣстцу на рѣчцѣ Сновце, где и ґрунту волного част найдуется, на котором бы могло нѣсколко сѣсти слобожан; так же мѣючи купленній ґрунт прозиваемый Лапинскій з полем пахатным и з с ножатми под Стародубом на урочищи Вербовѣ, межы дорогамѣ Круковскою и Нижневскою лежачій, тож ґрунт под Чупковичамѣ на селищи, поле з дубровою у жителей чупковских купленній, ограниченній з едного боку дорогою, а з другого окопом у рѣчку Истровку, просил на тое все для спокойного себѣ вь потомьній час владѣнія нщего потвержателного унѣверсалу. Мы прето гетман, принявши его п. Филип па Данченка прошеніе, респектом войсковых услуг, од которих нѣкогда не оддалялся, яко тіе вишописанніе покупленніе ґрунта и на новозанятых греблях построенніе млыны в зуполное владѣніе ему п. Данченку, сим нашим унѣверсалом ствержаем, так при том млину на рѣчцѣ Сновце на волной дубровѣ од Тростанѣ завести футор і осадити, ведлуг крунту тамошнего слобожан, позволяем. Ажебы во в сем том, як в осаженью слободы и заведенью футора, так в зуполном владѣнію новопостроенных млинов и покупленных вышописанных крунтов, нѣхто не важил ся жадной чинити ему перешкоды, пилно варуем и рейментарско приказуем. Дан в Нѣжинѣ януар. 28, року 1709.

В подлѣнном подписано тако: Zвышменованый гетман рукою власною[414].

№ 470

1709, січня 29. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського про повернення сіл Селичівки та Морозівки у володіння міста Баришівки

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государа его царского величества войск Запорожских гетман Іоанн Скоропадскій.

Пану полковниковѣ войска его ж царского пресвѣтлого величества Запорожского Переясловскому, п.п. старшинѣ полковой, сотником, атаманом з товарыством, войтам з посполитими людми, особливе п. сотникови Баришовскому, атаманови городовому, и кому бы о том вѣдати належало, сым нашим писаніем унѣверсалным ознаймуем, иж суплѣковалы до нас войт Баришовскій з мѣщанами, прекладаючн, же измѣнник Мазепа, бывшій гетман, чинячи матеры своей волю, над право и слушность, отнявши от города их села Селичовку и Морозувку, дал был оной в владѣние и просилы, абысмо знову городови их привернули. Мы теды

---

[413] Український архів. Т. 4. Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1931. — С. 112–113.

[414] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 199–200.

гетман, респектуючи на тое мѣсто Баришовку, до того уважаючи на неменшие того мѣста росходы и тяжары, яко тие двѣ селѣ Селичовку и Морозувку в первобытное городови Баришовцѣ для частих мѣских расходов в помощ владѣніе приворочаем, так пилно мѣти хочем и рейментарско грозно приказуем, абы ни сам пан полковник Переяславскій, старшина полковая, сотник, атаман Баришовскій, в владѣнію тых сел и в отбираню з них до мѣста належных послушенств и повинностей, и нихто инший им войтови и мѣщанам Барышовским, не смѣли и не важилися жадной наименшой чинити перешкоды и препятия. Варуем однак тут и тое под неласкою нашою и срокгим войсковым караннем упоминаем, абы войт Барышовскій и иние по нем мѣские урядники тих сел войтов и посполитих тамошних людей, до яких своих приватных домовых не притягали роботиз, котрие, кромѣ самого мѣста, в всяких слушных повинностях и податках ни до кого не имѣют належати и слухати. Дан в Нѣжинѣ. Генвара 29 дня, року 1709. Звишъменованный гетман рукою власною. С подлинника[415].

№ 471

1709, січня 29. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського про взяття під протекцію переселенця в Стародуб Леона Пилатовича

Пресвітлійшаго и державнійшаго великаго гсдаря его царского величества войска запорожскаго гетман Іоан Скоропадскій.

Пну полковникові, на сей час наказному, а впред совершенному стародубовскому, старшині полковой, сотником, атаманові городовому зо всім старшим и меншим того полку товариством, пну войтові тамошнему з майстратом и зо всім посполством и каждому кому бы колвекь о том відати належало симь нашим універсалним ознаймуем писаньем, иж пн Леон Пилатович за позволителним універсалом бывшого гетмана антецессора нашего міючи в уезді Стародубовском в селі Озаровце покупленніе кгрунта, іменно: кгрунт, прозиваемій Карузликовскій, на котором футор з заводами господарскими построен; кгрунт Ігнатовскій з полплячем поля з хаткою, з огородами и зь сіножатми; кгрунт Дударонков з дворком, з огородами и з сіножатми; кгрунт Панкратовскій также з дворком, огородами и сіножатми, як до сего времени под обороною антецессора нашего владіл и пожитковал спокойне онь пнь Пилатович, так абы и в потомній час, без жадной ни от кого перешкоди могл оних своих покупленних кгрунтов спокойне уживати, просил нашего гетманского потверження и обороны, и мает з тих кгрунтов войсковіе в полку Стародубовском отбывати повинносте. Мы прето гетмань, видячи его пна Пилатовича до войсковихь услугь згодного, до которих, поневаж сам аппликуется, а особливе респектуючи же подчас нашествія непріателского шведского немалую в субстанцій своей понесль шкоду и руину, яко тіе вишейспеціфікованніе покупленніе кгрунта в зуполное владініе стверждаем, такь ку вспартю его домовому прилеглих килка дворков, там же в близкости найдуючихься, которіе от Церковища Старого до Волинского, в особливости от села Озаровки, при двору пна Пилатовича стоят, ему пну Пилатовичу надаєм и приворочаем, і ним по руині шведской оглядится до часу и до ласки нашой, от походов воєнних еще его чиним волним; зачимь відаючи каждій о таковой воли нашой, абы нихто ему пну Пилатовичу, як в покупленних так и внов приданних вишеписанних кгрунтах и в волном промешканню жадной не важился чинити кривди и перешкоды, мѣти хочем и реиментарско приказуемъ.

Данъ в Нѣжинѣ януар. 29, 1709[416].

№ 472

1709, лютого 3. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського стародубському магістратському писарю Григорію Отвіновському

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого гсдаря, его царского величества войска zапорожского гетьман Іоанн Скоропадский.

Пану полковниковѣ, на сей час наказному а впред совершенному стародубоvскому, старшинѣ полковой, сотником, атамановѣ городовому zо всѣм старшим и меншим того полку товариством, так же пну воитовѣ тамошнему з маистратом и кому бы колвек о том вѣдати належало сим нашим унѣверсалним ознаимуем писаніем, иж з певних респектов мѣючи мы взгляд на пана Григория Отвѣновского, писара маистратового стародубовского, и беручи его в особливую нашу гетьманскую оборону и протекцію, а респектуючи, иж под час нашествия неприятелского шведского немалую в субстанцій своей понесл шкоду и руину, надаем ку вспартю его домовому селце Смялчь, в уиздѣ Стародубовском в сотнѣ волости Полѣськои будучое, zо всѣми до него приналежними кгрунтами и угодіями; также при млинку его, за селом Ущерпем на Речицѣ стоячом, поселити дворов з килка людми непенними, леч з заграници zахожими, позваляем и прокупленние кгрунта в селѣ Обуховцѣ лежачие, на которих живуть его три чловика, в спокойное на потомний час владѣние сим унѣверсалом нашим стверждаем. О яковои волѣ нашой вѣдаючи, каждий з старшини и чернѣ того полку Стародубоvского, абы нѣхто не смѣл и не важился в обнятю помененного села Смялчи, в осажованю при млинку килкох члвка захожих людей и в заживаню покупленних в Обуховцѣ кгрунтов жадной наименшой ему пану Отвѣноvскому чинити кривди,

[415] Мотыжинский архив. Акты Переяславского полка. XVII–XVIII в. Издание Андрея и Александра Савицких. — К. : Типография К. Н. Милевского, 1890. — С. 141.

[416] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 133–134.

перешкоди и перенагибаня, повагою сего унѣверсалу нашого пилно варуемь; а жителѣ посполитие мененного села Смялчи, абы вшелякие, яко державци своєму п. Отвѣновскому, належитое отдавали послушенство, приказуемь.

Дань в Нѣжинѣ феvруария 3, 1709 року.

В подлинном подписано: Zвишменованний гетьман рукою власною[417].

№ 473

1709, лютого 4. — Ніжин.

Лист гетьмана І. І. Скоропадського до брацлавського полковника Григорія Івановича

Мой ласкавий приятель пане полковнику браславский.

Же в. м. персоналною своею бытностию нас не посітилес, не міем за тое урази, відаючи добре, же самому в. м. яко от небезпечного краю будучому на місцу всегда заживати надлежит, а мы из листовного до нас от в. мс. присланного отозву блгодарни будучи, всякую чулост и бодрост, якую в. мс. имієш и субмітуешъся иміти впред ненарушимо заховуй, жадаем. На привернене сотні Немировской и козаков подністранских, что в. мс. нашого просиш універсалу и ускаржаешъся на малолюдное товариство полку своего през отдалене сотні Неміровской от полку Браславского измінником Мазепою и отняте козаков подністранских, яких был отдал он же, измінник, под послушенство роттариушу, не рекузуем овшем ведлуг слушного в. мс. прошения, велілисмо выдати наш універсал в сотню Немировскую и до козаков подністранских, приказуем по прежнему до полку Браславского належати и во всем в. мс. быт послушними. Сторони зас жидов немировских, якї своїм знесенем ся листовним з противною нам лядскою стороною под сее время, жебы чого не учинили шкодливого, позволяем в. мс. в них з Немирова (…)*ти, тилко того перестерігай в. мс., жебы им, жидам, под час того одегнаня не учинилося от кого забойство и розграблене худобам, а що в. мс. о дивизии его милости пана Окгинского людях, якї неподалеку полку в. мс. по селах ходячи, людям чинят утиски, біди, тяжести и збиточние вымичат датки, чтоб и в полку в. мс. за вторгненем их такова юж людям збиточная не чинилася тяжесть. Листовного нашого просиш наставления давно мы уже увідомлени будучи листовним писанем от сиятелнійшого кнзя его млсти воеводи киевского присланим, пысали до двору монаршого его царского величества, ознаймуючи о такових чинячихъся бідахлюдям от това- риства дивізиї Окгинского и який на тое от двору монаршого получим отвіт, не умедлим прислат до в. мс. А тепер зычим в. мс. доброго от Гсда Бга здоровя.

З Ніжина февр. 4 року 1709.

В. мс. зычливый приятель Иван Скоропадский, гетман Войска его царского пресвітлого влчства Запорожского[418].

№ 474

1709, лютого 5. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського роменському отаману Федору Василевичу

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя его царского величества войска Запорожского гетмань Іоан Скоропадский.

Всей старшинѣ и чернѣ обще его царского пресвѣтлаго величества войска Запорожского, а меновите пану полковниковѣ лубенскому, тепер наказному, а впред и совершенному п. п. старшинѣ полковой, сотником роменскому и глинскому з их урядами, и всѣм, як войсковим так и посполитим того полку обивателем и кождому кому би колвек о том вѣдати надлежало сим унѣверсалом нашим ознаймуем, ижь пан Федор Василевич атаман роменский, имѣючи в владѣню своем отдавна двѣ села, едно прозиваемое Евлашувку в Роменском, а другое Хоминцы в Глинском уездах лежачіи, гетманскимы антецессоров наших унѣверсалами и монаршими его царского пресвѣтлого величества грамотами стверженній, же подчас нинѣшной ставшойся в городѣ их Ромнѣ руинѣ, где всей своей пострадал худоби, тамже и тих високоповажних монарших грамотних и унѣверсалних покрѣпостей лишился; теди просил нас тепер, абисмо внов оному тіи обидвѣ села в непремѣнное владѣніе нашим гетманским ствердили унѣверсалом. Мы прето гетман, респектуючи на значніе его п. Федора войсковіи в полку Лубенском отдавна вѣрне роненіи услуги, яко ненарушне оніе его маетности при нем заховуєм, так не хотячи, аби оніи били безкрѣпостніи сим нашим унѣверсалним листом стверждаем, позволяючи оному як прежде обома тими пречоними селами зо всѣми до них приналежитимы околичностями владѣти и всякое надлежитое подданское от людей тамошних посполитих (опроч козаков, которих волност не мает бити нарушена) послушенство отбѣрати. Зачимо пилно мѣти хочем и рейментарско приказуємо, абы як само пан полковник лубенский з старшиною полковою, п. п. сотники роменский и глинский з урядами своїми так и нихто иншѣй ему п. Федору владѣнню и користованю тих своих маетностей найменшой не важилися чинити трудности и перешкоди. Войти зас тамошній з всѣми посполитими людми повинни оному звичайное до тяглосты належитое отдаваты послушенство суворо упоминаем. Дан в Нѣжинѣ, февруарія 5, року 1709.

---

[417] Український архів. Т. І: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 186–187.

[418] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (XVII–XVIII ст.) (частина 11) // Сіверянський літопис. — 2018. — № 4 (ІР. — НБУВ. — Ф. І. — № 50941. — Оригінал завірений підписом і печаткою. Адреса: «Его царского пресвітлого величества Войска Запорожского полковникови браславскому пану Григорию Ивановичу, моему ласкавому приятелеви»).

В подлинном подписанно тако: Звишменованній гетман рукою власною.

Місто печати рейментарской[419].

№ 475

1709, лютого 7. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Меланії Василівні Новицькій, дружині померлого компанійського полковника Іллі Новицького

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государа его царского величества войска Запорожского гетман Іоан Скоропадскій.

Всей старшинѣ и чернѣ войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского а іменно паном полковником п. п. старшинам полковим сотником и всѣм всякаго чина, як войсковим так и посполитим реименту нашего обивателем, ознаймуем, іж панѣ Меланія Василіевна Новицкая імѣючи маетности от антецессоров наших прошлих гетманов респектом значних заслуг войскових небожчика, пана Іліи Новицкого, малжонка своего наданній и унѣверсалами их же утвержденній, іменно село Снітин, Шеки, Окоп, Литвяки, Клѣщѣнцѣ, Исачки в Лубенском полку лежачіе и особно Нехаевку в Коропском уездѣ, а слободку в Срѣбранском будучій, просила у нас абысмо оный в непремѣнное владѣніе оной з синами ей унѣверсалом нашим гетманским ствердили. Мы теди гетман на прошеніе оной яко слушное склонившися, а особливе респектуючи на тое, же як сам небожчик пан малжонок ей знамените и отважне в войску Запорожском ронил праци и услуги так тепер по нем и сини его позосталіи до тих же услуг войскових сут згодни и уже нелениве в походах при полку нашем оные отправуют, видаем оной сей наш унѣверсал, которим всѣ помененніе села з вшелякими до них приналежними кгрунтовими околичностями в зуполное владѣнье утвержаем; позволяючи оной з синами ей тими владѣти, належитое от людей тамошних посполитих отбѣрати послушенство и звичайную в роботизнах и дабелех подданских ку вспартю господарства своего приспособляти вигоду; вѣдаючи прето о такой виразной нашой волѣ рейментарской, абы жаден, як з панов полковников з [старшинами полковими в яком колвек полку, уездѣ тые іх маетности обрѣтаются так и ныхто іншій з старшими и черні ей паней Новицкой з синами в владѣнню и користованню оных найменшой не важился чинити трудности и перешкоди, сым же унѣверсалом нашим пилно варуєм. Войти зас з всѣми вишпоменених сѣл людми посполитими (опроч козаков которих волност не мает быти нарушення) повинни во всяких належитих тяглостех должное оной чинит послушенство приказуем. А особно сурово упоминаем, аби, як козаки так и посполитіе оных сѣл обиватели, не смѣли ей п. Новицкой в гаях, лѣсах, оних кгрунтах чинити спустошена кгды и за тии починенніи шкоди, на которого доведется, мусят учинити нагороду. Дан в Нѣжині фев. 7 д. року 1709.

Звишменованный гетман рукою власною[420].

№ 476

1709, лютого 12. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу сотні Почепської Іванові Щербі

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшого велікого гсдря его црского влчства войска запорожского обойх сторон Днепра гетман Іоан Скоропадский.

Пану полковниковѣ стародубовскому, тепер наказному, а вперед совершенному, зо всею старшиною полковою, а особліве п. сотниковѣ почеповскому, атамановѣ городовому и войтовѣ тамошнему зо всѣм старшим и меншимь тоей сотнѣ товариствомь и посполствомь и кому би колвекь о томь тепер и на потомние часы вѣдаты належало сим нашим унѣверсалним ознаймуемь пісанемь, ижь пнь Івань Щерба, значний полку Стародубовского сотнѣ Почеповской товаришь войсковий, мѣючи свой власние отчистые и прикупление кгрунта вь уездѣ Почеповском лежачие, именно в селѣ Високом двор з zаводом господарским, з млинком вешняком и з пятма дintroduced дворками на кгрунтѣ здавна купленном посажених людей, где и сам мешкане свое мает; в селѣ Довбежах млин вешняк и также скупленних людей члвка з пять на рецѣ Гнилицѣ и на Крутом ручаю и на Паствинѣ млинок, хуторец и людей хаток зкилка, Ковбасинскую дуброву в селищи прозиваемом Старосѣлю, лѣс ку розробленю поля и ку выгодѣ дворовой для дров волный з инными так отчистими, яко теж и покупленними кгрунтами пахатними и сѣнокосними, яких по сей час, за універсалами антецессоров наших, спокойне уживал, абы и в потомние часы без жадной ні от кого перешкоды могл оними владіты и пожитковаты, просил нашего рейментарского потвержателного універсалу. Мы теды гетман слушное его п. Щербы принявши его прошеніе, а респектуючи на давност войскових его заслуг, яко всі вижейвираженние отчистие и покупление добра в зуполное владініе ему Щербі сим універсалом нашим на вічност ствержаем, так абы ніхто з старшини и черні в тих кгрунтах ему жадной, найменшой не важил ся чинити кривды и перешкоды, пілно варуем и рейментарско приказуемъ. Дань в Ніжині февруарія 12, року 1709.

В подлінном подпіс таков: Zвишменованний гетман рукою власною[421].

[419] Український архів. Т. 4. Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1931. — С. 115–116.

[420] Там само. — С. 157.

[421] Український архів. Т. 1: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 125–126.

№ 477

1709, лютого 22.

Універсал гетмана І. І. Скоропадського на підтвердження права Домникії Свіччиній та її синів Василя та Лук'яна на маєтності в Пирятинському повіті

Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великого Государя нашего Его Царского Величества войска Запорозского гетман Іоанн Скоропадскій.

Ознаймуем сим нашим писаніем пану полковниковѣ войска Его Царского Пресвѣтлого Величества Запорожского Лубенскому, старшинѣ полковой, а зособна пану сотниковѣ Пиратинскому, атаманѣ городовой и курѣнной зо всѣм товариством и кождому, кому колвек вѣдати належат имет, іж овдовѣла панѣ Домникія Свѣчиная, з синами своими паном Василіем и паном Лукяном Свѣчками, мѣючи добра свои, одни за заслуги, значне и вѣрне роненіе у войску Его Царского Величества Запорозском небожчика пана Леонтія Свѣчки, полковника Лубенского, мужа оной, от антецессоров наших, бывших гетманов, наданіе, а другіе, купленным способом набытіе, і як Монаршою Его, Царского Величества грамотою, так и унѣверсалами гетманскими ствердженніе, іменно, село Деймановку, село Давыдовку, село Короваи, село Малютивцѣ, на власних купленних грунтах осаженіе село Городище и село Корнѣевку, зо всѣми угодями, у в уезде Пирятинском положеніем будучіе, а до того греблю, прозываемую Воробювскую, на рецѣ Удаи, зо всѣми млинами, на оной построеними, с которих и часть войсковая розмѣрових пожитков есть подана, фолварки, сѣножати и лѣси, пасѣки и поля пахатніе, просили вашего гетманского на тіе свои маетности, млини и всѣ угодія потвержателного унѣверсалу, зачим ми, Гетман, стосуючися до висоце поважной Монаршой Его Царского Величества грамоти и до унѣверсалов антецессоров наших, а барзѣй памятаючи на вѣрне зичливіе небожчика старого пана Леонтія Свѣчки, полковника бувшого Лубенского, услуги, роненіе в розних оказіях в войску Его Царского Пресвѣтлого Величества Запорожском, до которых войскових услуг и потомков его, пан Василій и пан Лукян Свѣчки, суть здаліе, конфѣрмуем тіе всѣ добра сим нашим унѣверсалом мененной панѣ Свѣчковой и паном сином ей, вишейспецѣфикованым, то есть Деймановку, Давыдовку, Короваи, Малютинцѣ, Городище и Корнѣевку, зо всѣми млинами, на греблѣ Воробювской на рецѣ Удаи построенными, позволяючи оным тими всѣми маетностями, млинами, фолварками, лѣсами, пасѣками, сѣножатми и всѣми угодями спокойно владѣти, и як с посполитих людей, в тих вишеменованих селах мешкаючих, належитое отбирати послушенство и повинность, так и з всѣх тих добр и угодій имѣти пожитки, користи. Прето мѣти хочем і рейментарско сим унѣверсалом нашим варуем, абы мененной панѣ Свѣчиной и паном сином оной в владѣніи тих маетностей зо всѣми угодями нѣхто з старшини полку Лубенского жадной не смѣл и не важился чинити прешкоди и трудности; войти зась тих виже спецѣфикованих сел, Деймановки, Давыдовки, Короваев, Малютинцов, Городища и Корнѣевки, зо всѣми посполитими людми, кром. козаков, которих волности мѣют бити ненарушино захованi, повинни належитое отдавати панѣ Свѣчиной и паном сином оной послушенство и повинность без жадной противности, пилно и грозно приказуем. Дан в Нѣжинѣ, февраля 22 дня 1709 року.

Звиш менованный гетман рукою власною[422].

№ 478

1709, лютого 28. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Филимону Саврицькому

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого гсдря нашего его царского влчства войска zапорожского обойх сторон Днепра гетман Іоан Скоропадскый.

Пну полковникови стародубовскому, тепер наказному а и вперед совершенному, zо всею того полку старшиною, а особливе дозорцам нашим волости Ропской и всѣм кому бы колвек о том вѣдати належало тепер и в потомніе часи ознаймуем сим нашим унѣверсалом, іж мѣючи пнь Филимон Саврицкій, значній товариш войсковій млынок пустій на рецѣ Ірпѣ власним Рубцевским коштом построенній, а перед сим ему пну Саврицкому, в посазѣ за дочкою от Якова Рубца данній, на которій просил Nшего рейментарского унѣверсалу. Мы теды гетман, давши его слушному прошенію у себе мѣстце, а особливе респектуючи на заслуги его в войску запорожском и вѣрне роненніе праци, до котрих и вперед охотним имѣти хотячи, любо Ясь Рубець той же млынок на Ирпѣ стоячій перво в посазѣ давши, потом до унѣверсалу ншего подступне зрадливе и фалшиве приворочаючи, увел; еднак, одобравши од оного ему ж пну Саврицкому во владѣніе ствержаем, и близ того ж млинка при ручай Лубенисѣ в кгрунтѣ тимоновском ново футорец хаток з килка для прожитья ему пну Саврицкому постройти позволяем. Zачим каждій вѣдаючи о таковой волѣ нашой абы з старшини и чернѣ полку того ж Стародубовского, а особливе з дозорцев наших ропских ему ж пну Филимону Саврицкому не важился жадной и найменшой, в отбыранью з оного млына приходячих розмѣров и в построенню ку тому млынку футорца, чинити долегливости и перешкоди, пилно мѣти хочем и грозно властію Nшею рейментарскою приказуем.

Дань в Нѣжинѣ февруарія 28,
року 1709[423].

[422] Стороженки. Фамильный архив. — К. : Типография т-ва Г. Л. Фронцкевича, 1908. — Т. 6. — С. 512.

[423] Український архів. Т. 1: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 214–215.

№ 479

1709, лютого 28. — Ніжин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Стародубського полку Івану Борозні

ПрзсвѣтлЬйшаго и державнѣйшаго великаго гсдра его царского величества войска zапорожского гетман Івань Скоропадский.

Всей старш[и]нѣ и чернѣ его царского прстлаго влчства войска zапорожского, а особливе пну полковниковѣ на сей час наказному, а впред совершенному стародубовскому, сотникам, атамоновѣ городовому с товариством, и пну воитовѣ тамошнему з майстратом, и зо всѣм посполством, и кому бы о том вѣдаты належало сым нашим оzнаймуем унѣверсалным писанієм, іж презентовал нам пн Івань Борозна, zначный товарыш полку Стародубовского воисковый товарыш, прежных славной памяты антецессоров нщых унѣверсалы на села, zдавна наданніе, іменно: на село Медведово з двома млинамы, селеще Бутовск, село Куршоновичи иz млином, z гутою и слободкою, половину мѣстечка Горска иz двома млинамы на Титвѣ и на криницѣ, селце Смолевичы куплею набытые з слободкою Гутою, з млином и руднею, у селѣ Ущерпѣ скупленных два мужиков з крунтамы отчиною, оzерамы, сѣножатмы и отчиною, в кгрунтѣ маноковском отчина купленная и двор у Стародубѣ, которий, абы в потомный час спокойне могл уживаты, просил нщего потвержателнаго унѣверсалу. Мы теды гетман, до так слушной прозбы пна Івана Борозны склонывшися, а zнаючи по его згодных у во[й]ску zапорожском давных и теперяшных, при належитой вѣрности, заслугах и працах, особливе респектуючи, же подчас нашествия неприятелского шведскаго, немалое в субстанцій своей понесл шкоды, в сѣ тіе вижеспецѣфикованніе села, млыны, слободы зо всѣмы наданнымы и покупленнымы кгрунтамы, як у прежных унѣверсалах и в купчійх правах в се тое зособно ест описано, в зуполное владѣніе и подданство ему пну Борознѣ повагою унѣверсалу нщего ствержаем; и жебы в тых выжейменованных добрах жаднои нѣ от кого ему пну Борознѣ не было перешкоды варуем. А жителѣ посполитие менованных сел, опроч козаков, абы вшелякое державцѣ своєму належитое отдавали послушенство пилно приказуем. Дань в Нѣжинѣ февраля 2, 1709 году.

В подлинномь подписано тако: Zвышменованный гетман рукою власною.

Мѣсто печаты[424].

№ 480

1709, березня 2. — Прилуки.

Універсал І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Івану Чарнишу

Пресвтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Гсдря Нашего Его Црского Величества Войска Запороскаго Обоихъ Сторонъ Днепра Гетманъ Иоаннъ Скоропадский Всей старшынѣ и черни Войска Его Црскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго особливе пану полковникови нѣжынскому, пп. старшынѣ полковой, сотникови митченскому, урядови батуринскому, также и господареви нашему обмачевскому и кому бы о томъ вѣдати налѣжало ознаймуемъ ижъ панъ Иванъ Чарнышъ знатны войсковый товарыщъ понесшы под часъ руины батуринской в добрах и хуторах своих около Батурина будучих разорение и спустошение просил насъ для подпоможения тых своих шкод и убытков о наданъе села Митченокъ.

Мы теды Гетманъ тому его прошению давшы у себе месце до того респектуючи навѣрные его Войску Запорожскому ронение услуги и вперед до оных заохочаючи яко тое село Митченки ему пану Чернишеви в подданское владѣние надаемъ, такъ абы въ владенъе и зажыванъю оного и в отбиранъе з людей тамошних посполитыхъ подданскаго послушенства нихто старшыны и черни тоей сотни Митченской господаръ нашъ обмачевской и нихто инши не смѣли и не важылися ему пану Чернышеви найменшой чинити перешкоды и препятия. Войтъ засъ тамошни митченскиі зо всеми посполитыми людми (опрочъ казаковъ которых волностъ зохована повинна быти ненарушне) маетъ и повинен будет емужъ пану Чорнышеви во всяких случаях отдавати без жадной спреки и вымовки налѣжытое подданское послушенство и повинностъ, пилно мѣти хочемъ варуемъ и рейментарско грозно приказуемъ.

Данъ в Прилуцѣ, марта втораго року 1709 г.

Подлинной уневерсал подписанъ тако: звышъменованны гетман рукою власною. На том уневерсалѣ печатъ войсковая. На оборотѣ того уневерсало подписано тако: уневерсалъ рейментарскии на маетностъ Митченки марта 2 1709. К сей копѣи Іванъ Чарнышъ руку приложилъ, а подлинной унѣверсалъ к себѣ взялъ[425].

№ 481

1709, березня 21.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному товаришу Лубенського полку Павлу Мартосу

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя его царского величества войска Запорожского гетман Іоан Скоропадский.

Пану полковниковѣ войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского лубенскому, старшинѣ полковой, а особливе пану сотниковѣ лохвицкому з урядом тамошним, тутже и дозорцы нашому, млинов в полку Лубенском от нас дозираючому, и кому бы колвек о том вѣдати надлежало сим нашим унѣверсалом ознаймуем, иж пан Павел Мартос, значний полку Лубенского товаришь, мѣючи село Брисѣ в уездѣ Лохвицком будучое от антецессора нашого, бывшого гетмана собѣ наданное, также и млин на долинѣ

[424] Там само. — С. 251–252.

[425] Публікація І. Ситого // Сіверянський літопис. — 2011. — № 1. — С. 23–24.

Артополотѣ власним коштом его построенний, а того ж антецесора нашего унѣверсалом стверженний; в котором и част войсковая ему ж надана, и от покабанщини и поколющини уволнено, просил нашего собѣ на тое потвержателного унѣверсалу. Мы теди гетман, прошение его пана Мартоса принявши, а респектуючи на его неоттепер первей в каждих войскових походах в войску Запорожском вѣрне и статечне ронение услуги, а потом на урядѣ сотництва лохвицкого в порядках городових праци, яко тое село Брисѣ зо всѣми до его приналежитостями мененному пану Мартосу нашим стверждаем унѣверсалом, позволяючи, як част войсковую розмѣрових на нас належних приходов ку вспартю своего господарства отбирати з млина оного при поколющинѣ и покабанщинѣ, так пилно мѣти хощем, абы ему пану Мартосу в владѣнию того села и в отбиранню з него належитих пожитков, а з людей послушенства и повинности, анѣ сам пан полковник лубенский, старшина его полковая, а нѣхто инший, а зособна дозорца наш в отбиранню з млина всѣх общерозмѣрових приходов и от оного вимаганьем поколющини и покабанщини не смѣл и не важилися найменшой наносити трудности, чинити кривди и перешкоди реиментарско варуем. Войт зас того села Брисюв зо всѣми посполитими людми (опроч козаков, який при своей волности захований мают быти) жебы ему пану Мартосу подданское отдавал послушенство и повинност крѣпостию и повагою сего унѣверсалу нашого приказуем. Дан в Лукомю, марта 21, року 1709.

У подленном подписано тако: Звишменованній гетман рукою власною[426].

№ 482

1709, березня 7.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського генеральному осавулу Михайлові Гамалії

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя нашего, его царского величества войска Запорожского гетман Іоан Скоропадскій.

Пану полковниковѣ войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского лубенскому, п. п. старшинѣ полковой, особливе сотникови чорнускому и кому бы вѣдати належало, сым унѣверсалом нашим ознаймуем, иж будучи прелестним ошуканнем Мазепи измѣнника пан Михайло Гамалѣя, асаул войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского енералный, зведенный и уведенный з инними злоко괴варного Мазепиного умишленія незнаючими особами до шведов, тепер самоволне отторгнувшися от его ізмѣнника, прихилился до единомислия з нами ку сторонѣ его царского пресвѣтлого величества; яким оторгненнем яко свою отновил прежнюю монаршому маестатови вѣрность; так мы гетман респектом того приворочаем ему пану Гамалѣй, асаулови енаралному село Пузники з всѣми до него приналежитостями в сотнѣ Чорнуской будучое (з ласки нашой и войсковой). Зачим абы нѣхто выразную нашу в том вѣдаючи волю владѣнію того села найменшой не важился чинити перепони и перешкоди. Войт зас села Пузников з своими посполитими людми ему ж пану Гамалѣи, асаулови войсковому енералному во всем должны быт послушны, опроч козаков, якіи при своих волностях мѣют найдоватися, що абы било непремѣнно, повторе и подесяте, грозим, упоминаем, жадаем и приказуєм. Дан в Лукомьи, марта 7 дня, року 1709.

В подлинном подписано тако: Звышменованый гетман рукою власною[427].

№ 483

1709, березня 22.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського чорнуському сотнику та іншим, аби не брали повинності з маєтності генерального осавула Михайла Гамалії

Его царского пресвѣтлого величества войска Запорожского гетман Іоан Скоропадскій.

Вам п. сотникови чорнускому, атаманови городовому, войтови зо всѣм урядом тамошним ознаймуем, доносил нам пан Михайло Гамалѣя, асаул войсковой енералный, же в село его Позняки посилаючи вмост своих посланцов допускаєте в оном мешкаючим людем чинити здирства вимаганнем подвод и датков грошових до міста Чорнух, в чом просили нашое гетманское обороны. Зачим мы гетман слушному его пана Михайла Гамалѣй прошенію не отмовивши, любо он при сторонѣ неприятелской шведской чрез прошлое время власне неволничим способом найдовался, однак кгди тщателно постарался от тоей неприятелской сторони отторгнутися и до нас прибити, взялисми под особливую нашу протекцію и оборону маетност его прозиваемую Позняки, мѣти хочем и рейментарско сым нашим варуючи універсалом, абисте вмост вперед тамошним жителем позняковским не важилися чинити здирств и жадное, вимаганнем датков и вистатченнем подвод, прикрости. Леч они позняковскіе обиватели мѣют мененному пану Гамалѣи, асаулови войсковому енералному отдавати належитое послушенство и повинность, а до города Чорнух жадного не мѣют оддавати послушенства декляруем. Дань в Лукомлю, марта 22, 1709 року.

В подлином подписано тако: Звышменованный гетман рукою власною[428].

[426] Український архів. Т. 4. Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1931. — С. 141.
[427] Там само. — С. 98.
[428] Там само. — С. 98–99.

№ 484

1709, березня 23.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського генеральному хорунжому Івану Сулимі на водяний млин

Его ж царского пресвѣтлого величества войска Запорожского пану полковниковѣ Переясловскому, п. п. старшинѣ его полковой, сотником, атаманом з товариством, войтом з посполитими людми, и всѣмъ старшим и меншим войскового и посполитого чина того полку обывателям, и кождому, кому бы о том тепер и в потомние часы, вѣдати належало, сим нашим унѣверсалом чиним вѣдомо, иж пан Іван Сулима, хоружий войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского енералный, занявши од килка лѣт на волном и никому непенном мѣстцу, на рѣчищу Днѣпровом, прозиваемом Павлувцѣ, под селом полковым Переясловским Салковом, з п. Іваном Берлом, нинѣшним судею полковим Переясловским, сполным власным своим коштом и укладом, греблю и постановиши на оной по едной клѣтцѣ, устроили в них пан Сулима од села Салкова, а пан Берло од Днѣпра, по два каменѣ рабочих млива, з которых поневаж за хтивостю людских прац и користей, маткою бывшого гетмана, царскому величеству измѣнника Мазепы и его самого над право и самого над право и слушность позволительного оной владѣнія и людских добр привлащеня, через килколѣтное время, не могли совершенно з них належитих приходов отбирати, и оними як належит нимало користоватись, теды он, пан Сулима, хоружій войсковый ененералный, просил на свой млин нашого собѣ потверженя и крѣпости, по которой бы могл в далший час з оного млина на свой пожиток заживати без жадного препятия, приходов, якое его прошеніе, яко уважилисмы быти и приняли у себе за слушное, так ораз предъречоный о двох колах млин на Днѣприщи, прозиваемом Павлувцѣ, од села Салкова стоячий, ему пану Сулымѣ, в в поссессию непремѣнную в потомние часы ствержаем, позволяючи з оного всѣ огулом користи и пожитки на свой обыход отбирати и оборочати, и уволняючи его от оплачованя всѣх подачок и повинностей. Зачим вѣдаючи о таковой волѣ нашой, абы ни сам пан полковник Переяславскій, старшина его полковая, и нихто иншій з старшины и черни того полку не мѣл и не важился ему, пану Сулымѣ, хоружому войсковому енералному, в владѣнію того млина, и в отбираню з него всѣх обще приходов и користей, найменшой чинити кривды, перешкоды и препятія, пилно под неласкою нашою и войсковым каранъем, упоминаем, варуем. Дан в Лукомю, Марта 23 дня, року 1709. Звышъменованный гетман рукою власною. С подлинника[429].

№ 485

1709, березня 24.

Універсал гетьмана І. І.Скоропадського зятю миргородського полковника Д. Апостола Петру Кулябці

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государа нашего его царскаго величества войска Запорожскаго гетман Іоан Скоропадский.

Всѣм вьобец и каждому зособна, а імено пану полковникови войска его ж царскаго пресвѣтлаго величества Запорожскаго лубенскому и лукомскому зо всѣм старшим и меншим того полку товариством и кому бы о том вѣдати надлежало, ознаймуем иж по внесенной до нас гетмана от пана Даниила Апостола, полковника его царскаго пресвѣтлаго величества Запор[ож]скаго миргородскаго, за зятем его паном Петром Кулябкою інстанцій, яко ствержаем село, имениемое Шаршнювка, ему наданное з млинами его ж власними, одними на Лукомской, а другими на Лисогорской греблях будучими, на рецѣ Суллѣ а особно два млини вешняки на рѣках Слѣпородѣ и Булатцѣ построеніе, сим нашим унѣверсалом так и внов надаем ему ж пану Кулябцѣ село Калайдинцѣ зо всѣми до оного принадлежитостями, тоест полями пахатними, сѣножатми, лѣсами и всѣми угодіями, позволяючи ему з всѣх посполитих жителей, в селах Шершновцѣ и Калайдинцях будучих, належитое отбирати послушенство и повинност и з всѣх млинов его ж власних на греблях Лукомской и Лисогорской будучих, также из двох вешняков всѣ розмѣровіе з частю войсковою ку вспартю своего господарства отбирати пожитки. Вѣдаючи прето о такой волѣ нашой, аби як пан полковник лубенский, старшина полковая, так анѣ п. п. сотники лубенский и лукомский и нихто інший не смѣл и не важился мененому пану Петру Кулябцѣ в владѣнію выжейспецѣфѣкованих сел двох и во отбираню з млинов розмѣрових з частю войсковою пожитков жадних чинити трудностей и перешкоди пилно варуем. Войти зас поменених Шершновки и Калайдайцов сел зо всѣми посполитими людми (опроч козаков, которіи імѣют ненарушне при волностех своих захована быти) повинни всякіе належитое ему пану Петру Кулябцѣ без упору жаднаго отдавати послушенство и повинност мѣти хочем и грозно приказуем. Дан в Лукомлю, 24 марта, 1709 року.

Звишьменований гетман рукою власною[430].

№ 486

1709, квітня 9.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського ніжинському полковому сотнику Івану Пироцькому

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя, его царского величества войск запорожских гетман Іоан Скоропадскій.

[429] Мотыжинский архив. Акты Переяславского полка. XVII–XVIII в. Издание Андрея и Александра Савицких. — К. : Типография К. Н. Милевского, 1890. — С. 17–18.

[430] Український архів. Т. 4. Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1931. — С. 146–147.

Пану полковникови войска его ж царского пресвѣтлого величества запорожского нѣжинскому, панам старшинѣ полковой, сотником, атаманом, войтом, бурмистром и всѣм старшим и меншим войсковим и посполитим того полку обивателям, и каждому, кому би о том вѣдати надлежало, сим нашим унѣверсалом ознаймуемь; иж, пан Іван Пѣроцкій, сотник полковій нѣжинскій, презентовал нам унѣверсал антецесора нашего, бившого гетмана, на село Вересоч, в уездѣ нѣжинском положене свое мѣючое, и на футор в селѣ Красиловцѣ, на власном купленном кгрунтѣ его построєній, з людми при нем осѣдлимы, з полями и сѣножатми купленними ж, а до того ж футора прилеглими, данній, и просил нас, абисмо так село то Вересоч и футор красиловскій з людми и кгрунтами, яко и млин на греблѣ оленовской, о трох заставках будучій і по небожчику тестевѣ его в поссесію спадаючій, ему з футором; купленним, при том ж млинѣ найдуючимся, ствердили нашим унѣверсалом. Ми теды, гетман, прихилившися до того его прошенія, яко до слушного, а не так стосуючися до того антецесора нашего унѣверсалу, яко респектуючи на давніе его в войску запорожском значніе и нелениво роненніе праци и услуги, до которих и впред, по знатности, заохочуючи, то село Вересоч, з людми посполитими, подсусѣдками козацкими, млинами двома вишняками и всѣми до его приналежитостями, з которими он и прежде заживал; футор красиловскій з людми при нем осѣлими, полем и сѣножатми купленними, до того ж футора належачими; млин оленовскій з футором там ж купленним, ему, пану Пироцкому, в поссесію и зуполно владѣніе сим нашим унѣверсалом ствержаем и ораз повагою и крѣпостію оного пилно мѣти хочем, варуем и рейментарско приказуем, аби нихто з старшини и черни, войскових и посполитих того полку нѣжинского обивателей, и нихто иншій не смѣл и не важился ему, пану Пироцкому, сотникови полковому нѣжинскому, в владѣнію всѣх вижей спецификованних добр и в отбираню з них належитих приходов и пожитков, а з людей посполитих вересоцких и подсусѣдков казацких тамошних, также и людей, при футори красиловском осѣлих, послушенства и повинности, найменшой чинити кривди и препятія; войт зас вересоцкій з посполитими людми и подсусѣдками тамошними (опроч козаков) также и тіе люде красиловскіе, на купленних кгрунтах пана Пѣроцкого осѣліе, до которих ни войт борзенскій, а ны красыловскій жадною мѣрою не повинни интересоватися, жеби ему ж, пану Пироцкому, по прежнему, отдавали повинность и послушенство, пилно и грозно тут же упоминаем. Дан в Глуховѣ, апрыля 9 дня, року 1709.

В копіи пишется: Звиш менованій гетман рукою власною[431].

№ 487

1709, квітня 12.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу сотні Почепської Андрію Дзевульському

Прсвтлійшого и державнійшого великого гсдря, его царского влчства войска запорожского гетман Iwан Скоропадскый.

Всім вобец и кождому зособна, а именно, пну полковнікові войска его црского прстлого величества запорожского стародубовскому, старшині полковой, сотнікови погарскому зо всім старшим и меншим тоей сотні товариством и кому бы колвек о том відати належало ознаймуем, иж суппліковал до нас пн Андрей Дзевулскій товариш войсковый просячи, абысъмы ку вспартю его нового господарства надали село Лобки, в сотні Погарской положенье своє міючое; в яком селі и футор его ж тестя пана Артема Подоляки знайдует ся, з полем пахатним, з сіножатъми и огородами; да там же поблизу млын его ж пна Дзевулского на річці Воренці о едном колі мучномъ. Zачим мы гетман, міючи по млсти всемлстивійшого ншого гсдря, его црского величества зуполную моц и власть всякіе в Малой Россій устроевати порядки, а респектуючи на згодност и способност мененного пна Андрея Дзевулъского до услуг войскових, которіе он щире нелениво а вірне в войску его царского пресвітлого влчства запорожском ронити єсть должен, надаем ему село Лобки зо всіми до оного приналежностями, позволяючи зо всіх того села посполитих людей належитое отбирати послушенство и повинность, и з млинка его ж власного всякіе розміровіе отбирати пожитки, а так міти хочем и рейментарско сим Nшим універсалом варуем, абы нихто з старшини полку Стародубовского и черні не важил ся ёму пну Дзевулскому в владінію того села и в отбиранто з посполитих людей повинности жадной чинити перешкоды. Войт зась того села Лобков зо всіми посполитими людми (опроч коzаков, котрих волность ненарушне мѣет быты захована:) повинен належитое ему пну Дзевулскому послушенство отдавати и повинност под срокгим каранем, приказуем. Дан в Лукомю априля 12, року 1709.

В подленном подпись таков: Zвишменованный гетман рукою власною[432].

№ 488

1709, травня 28. — З обозу з-під Богачівки.

Лист гетьмана І. І. Скоропадського війтові с. Онушків

Войте села Онушков!

З певного респекту нашого соизволилисмо, аби честний іерей лукомский тяглих з вашого села людей употреблял

[431] Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Выпуск I. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 г. — Чернигов : Издание редакции «Земского Сборника Черниговской губернии, 1901. — С. 146–148.

[432] Український архів. Т. 1: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 129–130.

для подпори дому своего. Засим приказую вам сим нашим листом, абисте в пріключающихся работизнах ему отцу Петрови без всякой вспреки послушни були. Тое повторе вам пилно приказавши, зичим ім же доброго от господа бога здоровя. З обозу з под Багачовки, мая 28 д., року 1709.

В подлином написано: Вам ласкавий Іоан Скоропадский гетман рукою власною[433].

№ 489

1709, травня 31. — З табору з-під Богачки.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського вдові лохвицького протопопа Євдокії Петрівні Імшенецькій

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государа нашего его царского величества войска Запорожского гетман Іоан Скоропадскый.

Пану полковниковѣ лубенскому, старшинѣ полковой, а особливе п. сотниковѣ лохвицкому з тамошним урадом, и всѣм кому о том вѣдати належатимет, ознаймуем сим нашим унѣверсалним писаніем, иж панѣ Евдокія Петровая, бывшая протопопина лохвицкая, імѣючи в уездѣ Лохвицком в своем владѣнію за унѣверсалами антецессоров наших село называемое Степуки, з скупленими в тих же Степуках фолварками, и млин з футором, прозываемим Бублевщина, просила нашего потвержателного унѣверсалу; которой вдовинное прошеніе у себе принявши, а стосуючися до прежних антецессоров наших унѣверсалов помянутое в уездѣ Лохвицком село Степуки з скуплеными в нем дворами и млин з хутором Бублещина зовомим в зуполное владѣніе оной же паней Евдокии Петровой Імшенецкой, бывшой протопопиной лохвицкой, сим нашим унѣверсалом стверждаем. Вѣдаючи теди о таковой волѣ нашой, жебы нѣхто з старшины и чернѣ полку Лубенского, особливе уряд лохвицкий во владѣнію села оного жадной не важился чинити панѣ Евдокій Петровой перешкоди. А посполитіе села Степук жители аби оной же во всем належитое отдавали послушенство варуем и приказуем.

Дан в табурѣ под Багачкою, мая 31, року 1709.

У подлинной подписался: Звишменованный гетман руко[ю] власною.

Мѣсто печати рейментарской[434].

№ 490

1709, червня 10.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського гадяцькому полковому судді Василю Велецькому

П. и д. в. г. нашего его ц. в. войск запорожских гетман Іоанн Скоропадскій.

Его ж Ц. П. В. войска запорожскаго пану полковниковѣ гадяцкому, старшинѣ полковой, пану господаревѣ замку нашего тамошнего, сотником, атаманом и всему старшому и меншому того полку товариству, тут же войтам, бурмистрам и всѣм, кому би колвек о том вѣдатп належало, ознаймуем сым нашим унѣверсалом: иж пан Василій Велецкій, судія теперешній полковій гадяцкій, мѣючи за унѣверсалом антецессора нашего здавна на себѣ наданное село Сенявку з млинами вешняками, прозиваемими Яцковим, Красноносовим, Друковим и Говорушиним, в том же селѣ и около села будучими, млин на рецѣ Пслѣ, на греблѣ Броварковской, о шести колах будучій, власним своим коштом и працею построенній, которим до тих час спокойне владеючи, просил нашего потвержателного себѣ унѣверсалу. Mu теды, гетман, давши его, пана Василія Велецкаго, судии полкового гадяцкого, слушному прошенію у себе мѣстце, а особливе респектуючи на давніе и значніе его в войску запорожском, при належитой вѣрности, заслуги и праци, зичливе роненніе, до которих и впред заохочуючи, — яко ненарушне при нем, пану Василію Велецкому, помянутое село Сенявку и оніе млинки вешняки з млином зо всѣми колами заховуем и сым нашим гетманским унѣверсалом стверждаем, так аби нихто з старшини и черни того полку, а меновите пан господар наш жадной и найменшой не смѣл и не важился ему, пану Василію Велецкому, судии полковому гадяцкому, во владѣніи того села и помянутих млинов и в отбиранню з них належитих приходячих розмѣров чинити перешкоди, сим унѣверсалом нашим варуем; а тягліе жителѣ помянутого села Сенявки, аби належитое, як в пригонах, так и в поборах вшелякое, по прежнему, отдавали послушенство, так теж и козаки, в том селѣ мешкаючіе, любо при своих волностях мѣют бити заховани, еднак же аби били завше при его куренѣ, а не под сотнею — пилно мѣти хочем и рейментарско приказуем. Дан в обозѣ под Багачкою іюня 10 дня року 1709. — Звишменованній гетман рукою власною[435].

№ 491

1709, червня 12. — З обозу під Багачкою.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського вертіївському сотнику Самійлу Афанасійовичу

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя, его царского пресвѣтлаго величества войск запорожских обоих сторон Днепра. Гетман Иоан Скоропадскій.

Пану полковниковѣ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского нѣжинскому, старшинѣ полковой и всѣмъ, кому о том вѣдати належит, ознаймуем: иж респектуючи мы на значніе, от молодих лѣт до сего часу вѣрніе, в войску запорожском роненніе и тепер в непремѣнной вѣрности ронячіеся пана Самуила Афанасіевича, сотника веркіевского заслуги, по прошенію его, сим нашим унѣверсалом в зуполное стверждаем ему владѣніе село Смоляж, которим и за антецесора нашего владѣл, в сотнѣ веркѣевской

[433] Український архів. Т. 4. Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1931. — С. 145.

[434] Там само. — С. 142.

[435] Генеральное следствие о маетностях Гадяцкого полка 1729–1730 г. / Под ред. и с предисл. Н. П. Василенко. — Полтава : Издание Полтавского губернского статистического комитета, 1893. — С. 20.

лежачое, и человѣка чтиры тяглых, упряж маючих, з трома пѣшими подсусѣдками, мешкаючих при хуторѣ егож, пана сотника веркіевскаго, в селѣ Занках найдуючомся; так теж двѣ колѣ млина, на греблѣ в селѣ сотнѣ веркѣевской же Берестовцѣ на річцѣ Смолянцѣ стоячого, власніе его куплею набитіе, позволяем ему и даючи до ласки нашой власт з поминутого села всякіе угодія и з людей работизни, а з млинов тих припадаючіе войсковіе части, розміри ку вспартю господарства отбирати. Зачим о таковой волѣ нашей вѣдаючи, абы нѣхто ему, пану Самуилу Афанасіевичу, сотниковѣ веркіевскому, в употреблению жителей (кромѣ козаков, якіе при своей мают бити захована важности (вольности?) села, Смоляж названного, и людей, вишше числом вираженних, при хутори, в Занках найдуючомся, мешкаючих; так теж в отбиранню з оних же послушенства и з кол двох млина его купленних, на греблѣ в селѣ Берестовцѣ обрѣтаючихся, всяких належитих користей не чинил и найменшой перешкоди, трудности и перенагабаня, пилно мѣти хочем и рейментарско грозим; войтовѣ зас смоляжскому зо всѣми посполитими тамошними людмы, так теж людем, при хуторѣ занковском поселеніе мѣючим, абы ему ж, пану сотниковѣ веркіевскому, державци своєму, належитое подданское отдавали во всем послушенство, грозно приказуємо. Дан в обозѣ под Багачкою, 12 дня іюня, 1709 року.

В копій пишет тако: Звиш менованій гетман рукою власною[436].

№ 492

1709, червня 23. — Сорочинці.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського стародубському сотнику полковому Івану Чарнолузькому

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго гсдря его царского влчства войск запорозских обоих сторон Днѣпра гетман Іоан Скоропадский.

Всей старшинѣ и чернѣ войска его царского пресвѣтлаго влчства запорозского, а меновите пну полковныковѣ тепер наказному, а вперед совершенному стародубовскому, старшинѣ полковой, сотныком, всѣм того полку старшим и меншим войскового и посполитого чину обывателемь, и кождому кому бы колвекь о томь вѣдаты належало, сим унѣверсалом ншим ознаймуем, иж пн Іван Чарнолузкій, сотник полковій стародубовский, мѣючи от антецесора ншего, по заслугах своих, данных себѣ на поссесію села вь полку Стародубовском, а в сотнѣ Топалской найдуючогося, Хвоевич, унѣверсал, просил и нас такь о потверженне на оное ж село, яко и о позволенне осадити слободку, тамже в кгрунтах хвоевских на урочищу, прозиваемимь Щуровичи. Мы теды гетман, вѣдаючи значніе его пна Чарнолузкого в войску zапорозском от многих лѣть, а особливе на урядѣ полкового асаулства стародубовского роненніе, такь теж и на ннѣшнем сотнытства полкового стародубовского урядѣ вѣрне ронячіеся услуги, и до таковых же вперед заохочуючи, повагою сего унѣверсалу ншего стверждаемь ему пну Чарнолузкому в непремѣнное село Хвоевичи владѣніе и в поссесію, и слободку в кгрунтах хвоевских на урочищу прозиваемомь Щуровичи, по мѣри кгрунтов (:быле бы то было без кривды сусѣцких кгрунтовь:), осадити и оною владѣты позволяем, даючи зуполную власть, такь з пререченного села Хвоевич непремѣнно, яко з помянутой по осаженю слободки от людей посполитих послушенство и всякіе подданскіе повинности отбѣраты; варуем еднак тое, абы онь пнь Чарнолузкій на туую свою слободку нѣкого з ближних и далних старинных сел, кром людей, з загриницѣ приходячих, не приймовал, в чомь всем абы, як сам пн полковнык стародубовскій, такь и нѣхто иншій з старших и менших того полку обывателей ему пну Чарнолузкому жадной наименшой не важил ся чинити перешкоды, кривды и перенагабання, мѣти хочем. Войт зас того села Хвоевич Z посполством и слобожане вышмененіе, абы належитое во всем отдавали послушенство, приказуем. Дань в Сорочинцах іюня 23 д., року 1709.

В подлинном подписанно тако: Zвыпгьменованній гетман рукою власною[437].

№ 493

1709, липня 17. — Табір під Решетилівкою.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського знатному товаришеві Полтавського полку Петрові Кованьці на половину села Рибці, двір Дороша в місті Полтаві та грунти Красноперича

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшого великого государя его царского величества Войска Запорожского гетман Іоан Скоропадскій.

Пану полковникови Войска его ж царского пресвѣтлого величества Запорожского полтавскому, пп. старшинѣ полковой и всякой годности и кондицій, як войсковим, так и посполитим того полку обивателем и кождому, кому бы колвек о том вѣдати належало, сим унѣверсалом нашим ознаймуем, иж п. Петро Кованка, знатний полку Полтавского товариш, пострадавши первей чрез ненавист измѣнніка Мазепи своих набитков, а потом и крайное понесши господарства своего от неприятелей шведов розореніе, просил нас гетмана, чрез супплѣку свою, абысмо ку подпоможеню оного, надали ему половину села, прозиваемого Рибцов, под Полтавою лежачого, котором перед сим, нѣм до измѣничой сторони не привязался, владѣл Дорош, бывший обозний полковой полтавский, а просил также и о двор его, Дорошов, в самом мѣстѣ Полтавѣ будучий, и особенно о нѣкоторіе измѣнника Красноперича, бывшого полкового

---

[436] Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Выпуск I. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 г. — Чернигов : Издание редакции «Земского Сборника Черниговской губернии, 1901. — С. 169–170.

[437] Український архів. Т. 1: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 210–211.

судій полтавского ж кгрунта, именно о байраки Махничовскій, о част пасѣки Полтавченковой в Берестовой заведенной и о част лѣса в Свинковцѣ будучого, прекладал свое прошеніе. Мы прето, маючи взгляд на остатное его, п. Кованки, розореніе и крайное спустошеніе господарства его, а респектуючи на значніе его в полку Полтавском роненій, праци и услуги, яко помененного села половину зо всѣми до него приналежитостями, надаєм в зуполное оному владѣніе, позволяючи от людей тамошних в половинной части ему наданной обрѣтаючихся всякій належитій подданскій обѣрати повинности (: опроч козаков, которих волности не мают бити нарушенни:), так виш помененний Дорошовский двор и всѣ Красноперечовскій выжей спецификованій байраки, част Берестовской пасѣки и Свинкувского лѣса ему ж у совершенную, до ласки войсковой подаем посессію, попускаючи оному з всѣх тих угодій, ку вигодѣ господарства своего, употребляти пожитки. Якую волю нашу сим унѣверсалом нашим утвержаючи, пилно оним же варуем и приказуем, абы нихто з старшини и черни полку Полтавского ему, п. Кованцѣ, в владѣню половини реченного села, Дорошовского двора и о иних выраженних кгрунтов найменшой не важилис чинити перешкоди. Половина зас села Рибцовских посполитих обивателей, повинни ему всякое подданское отдавати послушенство, приказуем.

Дан в таборѣ под Решетиловкою, іюля 17, року 1709
В подлином подписано тако:
Звишменованний гетман, рукою власною[438].

№ 494

1709, липня 22. — З обозу під Ручками.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського вдові гадяцького протопопа Анні Борзаківській

П. и д. в. г. его ц. в. войска запорожскаго обоих сторон Днепра гетман Іоанн Скоропадскій.

Ознаймуем сим нашим унѣверсалом пану полковниковѣ войска Его ж Ц. П. В. запорожского гадяцкому, старшинѣ полковой, а з особна сотниковѣ веприцкому со всѣм старшим и меншим тоей сотнѣ товариством и кому бы колвек вѣдати о том належало: иж панѣ Анна Борзаковская, протопопина гадяцкая вдовствуючая, суплѣковала до нас, просячи, абысмо заховали при оной село Роменец и позволили з млинов небожчика мужа ей част войсковую отбырати, з одного в Бистрику под Плѣшивцем з другого в Веприку на рецѣ Пслѣ, а з третого в тож на рецѣ Пслѣ в селѣ Сарах построенній, розмѣрових вшеляких приходов; зачим ми, гетман, прошеніе ей паней Борзаковской принявши, а респектуючи на зруйноване всѣх ей добр под час нашествія шведского непріятелского, до того теж стосуючися до унѣверсалу антецессора нашего, бившого гетмана, данного небожчику отцу Борзаковскому, мужевѣ ея, позволилисми мененним селом, названним Роменец, владѣти и от посполитих людей тамошних належитое отбирати послушенство, з млинов теж, так в Бистрику, в Веприку, яко и в селѣ Сарах на рецѣ Пслѣ, небожчика отца Борзаковскаго, мужа ей власних всѣх приходячих розмѣрових пожитков част войсковую ку вспартю своего господарства отбирати. А поневаж через греблю, под Плѣшивцем будучою небожчика отца Борзаковского, жители плѣшивчанскіе уставичне мѣют свой переезд и перед сим тую греблю з власних своих лѣсов гатили, теди сурово приказуем абы, по прежнему, тая гребля жителми плѣшивецкими была гачена, докладаем тут же, что позволилисми виш менованной паней Борзаковской в дворѣ свойственного нашего небожчика Самойла Івановича прожити спокойне до далшого времени; в чем всем аби нихто з старшини и черни полку гадяцкого оной, паней Борзаковской, не важился чинити препятія, кривди и трудности, рейментарско варуем; войтам зас, роменецкому сурово грозим, аби со всѣми посполитими людми мененной паней Борзаковской належитое отдавал послушенство (опроч козаков), а плѣшивецкому приказуем, аби от гаченя греблѣ для своего ж переезду не отмовлялся, леч обще старался оную поправляти.

Дан в обозѣ под селом Ручками іюля 22 дня року 1709. — Звиш менованній гетман рукою власною[439].

№ 495

1709, серпня 11. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського новопризначеному роменському сотнику Якову Лук'яновичу

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государа его царского величества войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Іоанн Скоропадский.

Пану полковниковѣ его ж царского пресвѣтлого величества Запорожского лубенскому, п. п. старшинѣ полковой, сотником, атаманом, войтам, бурмистрам и всѣм старшим и меншим, войсковим и посполитим того полку обывателем, и кождому кому о том вѣдати надлежит ознаймуемь, иж пань Яков Лукянович, сотник роменский, еще за атаманства своего тамошнего ж роменского, мѣючи от антецессора нашого прошлого гетмана надание себѣ села Процовку и Плавилища в сотнѣ Роменской положенем своим будучіе, также на част войсковую з млина его власного на рецѣ Сулѣ в селѣ Сурмачовцѣ о трох колах в сотнѣ Глинской зостаючого, просил и нашего на оные потверженя. Ми теди гетман, заховуючи его пана Якова Лукяновича сотника роменского в особливом нашом респектѣ щире и зичливе в войску Запорожском роненіе услуги до которих и впред приохочуючи, яко тые преречоные села Процовку и Плавилища в подданское владѣніе, и тую част

---

[438] Генеральне слідство про маєтності Полтавського полку 1729–1730 / Упорядкування І. Бутича. — Полтава : Вид-во «Полтава», 2007. — С. 88–89.

[439] Генеральное следствие о маетностях Гадяцкого полка 1729–1730 г. / Под ред. и с предисл. Н. П. Василенко. — Полтава : Издание Полтавского губернского статистического ком итета, 1893. — С. 33–34.

войсковую з млина сурмачовского з всѣх трох кол, всѣ огулом приходячые розмѣрових пожитков прибели в зуполное заживанье сим нашим унѣверсаломь стверждаем; так оразь самому пану полковниковѣ лубенского, п. п. старшинѣ его полковой и всякому того полку городовому у сѣлскому урядови грозно прекладаем и рейментарско приказуем аби ему пану сотникови роменскому в владѣнію тих сел Процювки и Плавилищ, и в заживаню от тамошних посполитих людей подданского послушенства и повинности, особливо дозорца наш в полку Лубенском млинов досмотруючий, вимаганем з того его млина всѣх трох кол части войсковой розмѣрових приходов и рокового датку, тоест поколющини и покабанщини з оних не смѣл и не важился найменшой чинити кривди и препятія. Войти зас процювский и плавилиский з всѣми тамошними посполитими людми (опрочь козаковь, якіе при своей волности мають захованы быти) жебы ему ж пану Якову Лукяновичу, сотниковѣ роменскому отдавали належитое послушенство и повинност, тутже упоминаем. Докладаемь однак и тое, же всѣ его пана Якова Лукяновича, сотника роменского тютюніе левади уволняем от даваня вибараючойся на нас гетмана тютюнной десятини, якой кождий посланний не повинен будет у его вимагати. Дань в Глуховѣ августа 11 д. 17[0]9 року.

В подлинном подпись власной руки таковый: Звишменованний гетмань рукою власною[440].

№ 496

1709, серпня 19. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського обозному Лубенського полку Івану Тимофійовичу

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя его царского священѣйшого величества войска Запорозкого обоих сторон Днепра гетман Іоан Скоропадский.

Пану полковниковѣ войска его ж царского пресвѣтлого величества Запорозского лубенскому, п. п. старшинѣ полковой тамошной, и всѣм всякой кондиціи войскового и посполитого чина того ж полку оббывателем, и кождому кому бы колвек о томь вѣдати належало ознаймуем, иж просил нас пан Іван Тимофѣевич, полку Лубенского обозний, як на села свои, именно на Волковцѣ з зарѣчем Будками, и на Мокіевку, которіи и за антецессора нашого били в его владѣню, так и на млины свои власніи на рецѣ Сулѣ на чтири колѣ под Волковцямы, а на Ромнѣ рецѣ в Медвежом селѣ на тры колѣ, а в Глобувцѣ на шести кол будучіи, гетманского нашего потвержателного унѣверсалу. Теды мы, респектуючи на значные его пана обозного отдавна працовите и вѣрне в войску Запорозском роненные службы, росказалисмо з канцеллярией нашой войсковой сей наш видати унѣверсал, которим помененное село Волковцѣ з зарѣчем Будкамы и село Мокіевку зо всѣми до их приналежнимы грунтовими околичностямы, и млины всѣ именним числом вишеописанніи на реках Сулѣ и Ромнѣ будучіи в непремѣнно зуполное владѣнье ему пану обозному стверждаем, позволяючи по прежнему оному тимы селамы владѣти и от людей тамошных посполитих (опрочь козаков, которых волност не мает быти никогда нарушена) належитое подданское отбѣрати послушенство в работизнах и дабелех; а з млинов оных всѣ розмѣровые доходы з частю войсковою без плаченя поколюсчины и покабанщини на свой пожиток, отбѣрати. Зачим пилно мѣти хочем и рейментарско варуемь, абы як пан полковник помененний лубенский з старшиною полковою, такь и нѣхто инший, ему пану обозному в владѣню речовых сѣл и отбѣранню з тых вишеписанных всѣх каменей совокупно з частю войсковою розмѣров найменшой не важился чинити трудности и перепони, а особливе дозорца млинов от нас в полку Лубенском будучий не мает найменшой о част войсковую поколѣщину н покабанщину чинити налоги. Посполитій зас люде вовковецкые з зарѣцкимы и мокіевскые жителы аби належитое во всем подданское ему державцы своєму отдали послушенство, приказуєм. Дан вь Глуховѣ, августа 19, року 1709.

Звишменованний гетман рукою власною.

Место печати рейментарской[441].

№ 497

1709, серпня 23. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського полтавському полковому писареві Олександрові Чуйкевичу на село Пушкарівку і на половину байраку Сокілля

Пресвѣтлѣшаго и державнѣшаго государя его царского священѣйшого величества Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Іоан Скоропадский.

Его ж царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского пану полковниковѣ полтавскому, старшинѣ ево полковой, сотником, атаманом и всему старшому и меншому того ж полку товариству, и кождому, кому бы колвек о том вѣдати належало, сим нашим ознаймуем писаніем иж презентовал нам пан Александер Чуйкевич писар полковой полтавский, антецессора нашего бившого гетмана, данный ему на селце Пушкаровку и на половину байрака, прозиваемого Соколле z сіножаткою в обоих концах будучую, унѣверсал и просил у нас крѣпостного себѣ на тое потверженя. Мы прето, гетман, давши его прошенію у себе мѣстце, а респектуючи на давніе его пана Чуйкевича войсковіе услуги и прислуги казалисмо z канцелярій нашой войсковой сей видати унѣверсал, которою моцю и повагою, яко стверждаем, позволяючи ему тим селцем владѣти и всякое послушенство и повинност тамошних людей посполитих на себе отбѣрати и байрак з частю змѣнника, бывшого обозного полкового полтавского Дороша Дмитровича, из сіножаткою до того байрака прилеглою в своем владѣніи держати. Так

[440] Український архів. Т. 4. Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1931. — С. 113–114.

[441] Там само. — С. 117.

мѣти хочем и рейментарско пилно приказуем, абы нѣ пан полковник полтавский, зо всею тамошнею старшиною и нихто иний в владѣнію того селца и в державу байраку жадной и найменшой не важилис ему, пану Чуйкевичу, кривди, трудносте и перешкоди чинити. Войт зас селца Пушкаровки з тамошними посполитими людми, аби належитое во всом подданское отдавали ему ж, пану Чуйкевичу, послушенство.

Дан в Глухові, августа 25, року 1709.

У подлинного печат гетманская и подпис таковой: Звишменованый гетман, рукою власною[442].

№ 498

1709, серпня 25.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Якову Маковському

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великога государа, его царского, священнѣйшого величества войск запорожских обоих сторон Днепра гетман Иван Скоропадскій.

Пану полковниковѣ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского нѣжинскому зо всеею старшиною полковою, а особливе пану сотниковѣ кролевецкому з тамошним урядом, и кождому, кому, колвек,

о том вѣдати надлежит, ознаймуем: иж показовал нам пан Яков Маковскій, значний товариш войсковий, унѣверсал антецесора нашего, родичовѣ его, пану Івану Маковскому, тепер в чернеческом чину зостаючому, данний на село Подолов, под самим городом Кролевцем, от Довголювки по гребелку лежачое, зо всѣми приналежитостями, и просил нашего на тое подвержателного унѣверсалу. Ми, прето, гетман, прошеніе его принявши, а до того респектуючы так на заслугы родича его, в войску запорожском роненніе яко его самого, пана Якова Маковского, ронячиеся, до которих и впред заохочуючи, росказалисмо с канцеляріи войсковой сей наш видати унѣверсал, которого повагою тое село Подолов ему, зо всѣми приналежитостями, ствержаем, позволяючи от тамошних посполитих людей всякіе повинности и послушенства отбирати. Зачим абы пан полковник нѣжинскій з старшиною полковою, а особливе пан сотник кролевецкий з тамошним урядом не смѣли и не важилися найменшой в том ему, пану Якову Маковскому, товаришу войсковому, чинити трудносты и перешкоды, пилно приказуем. Дан в Глуховѣ августа 25 дня року 1709.

В копіи пишет: Звиш менований гетман рукою власною[443].

№ 499

1709, серпня 31. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського військовому товаришу Роменської сотні Семену Євстафієвичу

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя его царского священнѣйшого величеетва войск Запорожских обойх сторонь Днѣпра гетмань Іоан Скоропадский.

Пану полковникови лубенскому з старшиною полковою, а особливе пану сотникови роменскому з тамошнимь урядом, и кождому кому колвек о том вѣдати надлежит сим унѣверсалним писанем нашим ознаймуем, иж показовал нам пан Семен Евстафіевич, товариш сотнѣ Роменской унѣверсал антецессора нашего бывшого гетмана, данный ему на село Басовку в сотнѣ Роменской лежачое и на част войсковую в млинѣ его ж власном в селѣ Миколаевцѣ на рецѣ Ромнѣ стоячого, и просил на тое нашего потвержателного унѣверсалу. Мы прето гетман, тое его прошеніе за слушност принявши, росказалисмо з канцелляріи войсковой сей наш видати унѣверсал, которим яко тое село Басовку в спокойное владѣніе ствержаем, такт и част войсковую в помянутом его млинѣ, на рецѣ Ромнѣ стоячом, одбырати позволяем. Зачим абы пан полковник лубенский з старшиною полковою, и пан сотник роменский з урядом, а особливе дозорца млинов наших лубенских не смѣли и не важилися ему пану Семену Евстафіевичу в владѣню вишпомянутого села Басовки и в отбираню от посполитих тамошних людей повинности и послушенство, также и в заживаню з млина своего части войсковой найменшой не важилис чинити трудности пилно приказуем. Дан в Глуховѣ, августа 31 д., року 1709.

В подлинном подписано: Звишменованный гетман рукою власною.

Мѣсто печати рейментарской[444].

№ 500

1709, вересня 10. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського полковому осавулу Семену Галицькому

Пресвітлійшого и державнійшого великого г(осу)д(а)ря нашого царского священній[шого] величества Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Иоан Скоро[па]д[ский]

П(а)ну полковникови Войска его ж царского пресветлого величества Запорожского стародубовскому зо всею того полку старшиною, а особливе п(ану) сотникови погарскому з урядом тамошним, и всім, кому бы колвек о том

[442] Генеральне слідство про маєтності Полтавського полку 1729–1730/ Упорядкування І. Бутича. — Полтава : Вид-во «Полтава», 2007. — С. 86.

[443] Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Выпуск І. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 г. — Чернигов : Издание редакции «Земского Сборника Черниговской губернии, 1901. — С. 306–307.

[444] Український архів. Т. 4. Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1931. — С. 111–112.

ведати тепер и в потомние часы надлежало, ознаймуем сим нашим універсалом, иж п(а)н Семен Галецкий, асаул полковий стародубовский міючи за універсалом антецессора нашего здавна ему наданное село, прозиваемое Михайловск в уезде Бакланском будучи, и млин куплений ведля Стечні стоячий, при котором и человека 12 на том же куплено ґрунті осілих знайдуется. А особливе в селе Жоровлеві ґрунта купленние з полям пахатним и певнокотними (?) держачи, просил на вси тие предречонние ґрунта н(а)ше(го) потвердителного універсалу. Так же и вновь о надане селца Стечні. Мы теди, гетман, не отмовивши его п(а)на Семена Ґалецкого, асаула полкового стародубовского, слушному прошению, а барзей респектуючи на згодние его в Войску Запорожском приналежитой вірной заслуги и на том же ураді асаулства полкового рожние праци яко ненарушне при нем, п(а)ну Семену Ґалецкому, асаулу полковом стародубовском, вышепомянутого села Михайловского, млин на реці Стечні стоячий и при нем будучими людми, также и в селі Жоровлеві двори з ґрунтами покуплени ж заховуем и сим нашим гетманским універсалом стверджаем. Так и вновь надаем село Стечню зо всеми при ней будучими належностями. Прето, абы нихто з старшини и черні того полку жадной и наименшой не сміл и не важился ему, п(а)ну Семену Ґалецкому, асаулу полковому стародубовскому, в владінию того села Михайловска, а особливе Стечні, и в отбыраню от них од тяглих людей належитих приходов, также к млина приходячих розмірових пожитков, чинити трудности и пренагабаня сим нашим універсалом варуем. А тяглие жителі помянутих сел, а именно Стечні, опроч козаков, которие при своих волностях міют быти захованi, абы належитие ему п(а)ну Семену Ґалецкому, асаулу полковому стародубовскому як в пригонах, так и в дворах втеляке отдавали послушенство міти хочем и реиметарско приказуем.

Дан в Глухові сeптеврия 10 дня року 1709.

Звышеименований гетман рукою власною[445].

№ 501

1709, вересня 18.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Дем’яну Григоровичу Скорупі на водні млини та на село Кустичі

Пресвѣтлѣйшого и держ. вел. государ (…) гетман Иоанн Скоропадский.

Пану полковникови войска его ж царского пресвѣтлого величества Запорожского Стародубовскому, п. п. старшинѣ полковой, сотником, атаманом зо всѣм того полку товариством, также и п. войтови Стародубовскому з всѣми майстратовыми и посполитими людми и кому бы толко о том вѣдати належало, сим нашим унѣверсалом ознаймуем, иж пан Демян Григориевич, знатный обыватель Стародубовскій, презентовал нам купчіе записи и потверженя унѣверсалные антецессоров наших и прошлых полковников Стародубовских писанія, на нижей специфѣкование свои добра, а именно: на млин на рецѣ Жечинѣ, под селом Руховом, о двох волах мучных, а третом ступном стоячій, а другій млин вешняк на рецѣ Ваблѣ в селѣ Кустичах найдуючийся и нижей сего млина на той же речцѣ Ваблѣ, займище, и просил себе на тие добра нашого унѣверсалного потверженя. Мы теды гетман, давши тому его прошенію, а иле праву посполитому непротивному, у себе мѣстце, зтвержаючи ему, пану Демяну, в зуполное владѣніе и поссессію, предреченние млини и займище, ораз пилно мѣти хочем и рейментарско грозно приказуем, абы ни сам п. полковник Стародубовскій, п. п. старшина его полковая, п. войт Стародубовский же з маистратовыми и нихто иншій з старшины и черни того полку, не смѣл и не важился ему п. Демяну, в спокойном владѣнію тих млинов и займища и вотбыраню з них всѣх огулом приходячих пожитков и користей, найменшой чинити кривды, шкоды и перешкоды, а жителѣ Руховскіе, всѣ, обще казаки и посполитые люде, жебы по прежнему от гаченя тоей греблѣ Руховской, на которой его п. Демянов млин обрѣтается, не были отмовними, овшем в час потребы были послушными и подвыжными, тут же сурово упоминаем. Докладаемже и тое, же респектом понесених его п. Демяновой под час нашествия наприятелского Шведского под Стародуб в добрах руины и шкоды, позволилисмо ему ку вспоможеню своего господарства заживати до работызн людей посполитых села Кустич, которые жебы в том не были спречными и отмовными и абы в заживаню оних ему, пану Демяну, нихто з тамошней старшины Стародубовской, не чинил препятствій, сегож унѣверсалу твердостию варуем. Дан в Глуховѣ. Септеврія 18, року 1709.

Звышменованный гетман рукою власною[446].

№ 502

1709, вересня 20. — Глухів.

Універсал-привілей гетьмана І. І. Скоропадського

Его царского пресвітлого величества Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Иван Скоропадский.

Всей старшині и черні Войска его ж црского пресвітлого величества Запорожского и кождому кому колвек о том відати надлежит, сим універсалним писанем ншим ознаймуем, иж показовала нам пні Феодосия Небабина, бившая сотничка шаповаловская, універсал антецессора нашего бившого гетъмана на отбиране части войсковой розмірових приходов в млині Якова Плющенка, козака и жителя борзненского, на реці Борзні, на греблі в селці Кунашовці стоячом, и просила в нас такового потвердження, жеби могла по

[445] *Мазепа В.* Документи до історії Стародубського полку (др. пол. XVII — поч. XVIII ст.) // Сіверянський літопис. — 2008. — № 1. — С. 13–14.

[446] Сулимовский архив. Фамильные бумаги Сулим, Скоруп и Войцеховичей. XVII–XVIII в. — К. : Типография К. Н. Милевского, 1884. — С. 172–173.

прежнему, яко овдовілая, тую часть войсковую отбирати. Ми теди, гетман, респектуючи на заслуги небожчика мужа еи пна Андрія Небабу, в Войску Запорожском от молодих літ ронение, яко тую часть войсковую в млині Плющенковом ей ствержаем, позволяючи оную на обходи еи домовие отбирати, так аби нихто з войскових и посполитих всякого чину людей в том отбираню части войсковой пнеи Феодосии Небабиной не важился чинити шкоди, перешкоди и трудности, пилно повагою сего універсалу нашого варуем и приказуем.

Дан в Глухові, сентября 20 д. року 1709*.

На копии подпис:

Звиш іменованний гетман рукою власною.

С подлінным свидетелствовал корнет Афанасий Баскаков.

Место генеральной печати[447].

«Из дел архива черниг[овского] двор[янского] депут[атского] собр[ания] универсал датирован 23.IX.1709».

№ 503

1709, жовтня 9. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Полтавському Хрестоздвиженському монастиреві на село Вакулинці, яким до того володіла пані Герцикова

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя его царского священѣйшого величества Войск Запорожских обоих сторон Днепра гетман Иоан Скоропадский.

Пану полковниковѣ Войска его ж царского пресвѣтлого величества Запорожского полтавскому з старшиною полковою и кождому, кому колвек о том вѣдати надлежит, сим унѣверсалним писанем нашим ознаймуем, иж просил нас превелебний в Богу отець Ефрем, ігумен монастира Полтавского з братією, абисмо им надали село Вакулинцѣ пред сим в владѣнии Павловой Герциковой будучое близко монастира их найдуючоеся. Мы теды, гетман, склонившися на их прошеніе, а до того респектуючи, что тая Полтавская обытель под час нашествія неприятелского шведского з всего имѣнія зодрана и огнем внѣвеч спалена, и разорена, яко тое село Вакулинцѣ, до волѣ монаршой его царского священѣйшого величества и нашой ласки войсковой ему, отцу игумену, з братією в владѣніе надаємо, позволяючи од тамошних посполитих людей всякіе повинности и послушенство отбирати, так абы пан полковник полтавский з старшиною полковою и нихто з войскових и посполитих того полку обывателей не смѣл и не важился найменшой в том чинити трудности, пилно приказуем.

Дан в Глуховѣ, октоврія 9, року 1709

В подлинном подписано тако:

Звишменованний гетман, рукою власною[448].

№ 504

1709, жовтня 10. — Глухів.

Універсал І. І. Скоропадського про підтвердження прав Полтавського Хрестоздвиженського монастиря на маєтності, ліси, млини, рибні ловлі та інші угіддя

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя его царского священѣйшого величества Войск Запорожских обоих сторон Днѣпра гетман Иоан Скоропадский.

Всей старшинѣ и чернѣ Войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского, а именовите пану полковниковѣ полтавскому з старшиною полковою и всяким началним и подначалним войсковим и посполитим того полку обивателем и кождому, кому колвек о том вѣдати належит, сим унѣверсалом нашим ознаймуем, иж презентовал нам превелебним в Богу отець Ефрем Шацкий, ігумен общежителного монастира Полтавского з братією унѣверсалами антецессоров наших бывших гетманов: еден славной памяти Петра Дорошенка на отбиране части войсковой розмѣрових приходов в млинах Петрувских; другой унѣверсал Іоана Самойловича — на Рубное, на лѣс; другий его ж, Самойловича — на усте Орелѣ з выраженем до монастира тонь и озер, от мѣстечка Китая до реки Днепра; унѣверсал Мазепи — на млини под Царичанкою будучіе; унѣверсал Самуйловичов — на села двѣ Семионовку и Петровку данних; унѣверсал Мазепин — на всѣ хуторѣ записи, млини и на людей под монастиром и на Лисогорѣ мешкаючих; также унѣверсал запрѣтителний, абы люде, под монастирем мешкаючіе, не до мѣста, лѣчь до монастира отдавали послушенство, и просил на оніе нашего потверженя. Мы теди, гетман, з побожной горливости нашой, яко до инших святих обывателей наших, не отмовлялисмо респектом, так и ку тому старожитному монастиревѣ Полтавскому, где немало братіи богоугодное провадять житіє, а для того респектуючи, же тая обитель з всѣх имѣний от неприятелей шведов зодрана и огнем вничевь зруйнована и спалена, обявляючи респект, росказалисмо видати сей наш унѣверсал, которим, яко всѣ маетности, поля, лѣси, млини, рибніе ловлѣ, кгрунта и всякій угодія стверажаем в спокойное владѣніе, дозволяючи ему превелебному отцу ігумену з братією всякіе отбирати пожитки, в чом абы нихто найменшой не важился чинити трудности и перешкоди, пилно повагою сего унѣверсалу нашего приказуем.

Дань в Глуховѣ, октоврія 10, року 1709.

В подлинном подписано тако:

Звишменованний гетман, рукою власною[449].

---

[447] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (XVII–XVIII ст.) (частина 11) // Сіверянський літопис. — 2018. — № 4 (ІР. — НБУВ. — Ф. ІІ. — № 18141. — Копія кінця XIX ст. Наприкінці документу копіїстом написано: «Румянц[евская] опись Малор[оссии], повет Нежинский, т. 52, сотня Шаповаловская»).

[448] Генеральне слідство про маєтності Полтавського полку 1729–1730/ Упорядкування І. Бутича. — Полтава : Полтава, 2007. — С. 108.

[449] Там само. — С. 108–109.

№ 505

1709, жовтня 15. — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Максиму Бороховичу

П. и д. в. г. нашего его ц. с. в. войск запорожских обоих сторон Днепра гетман Іоанн Скоропадскій.

Всей старшинѣ и чернѣ войска его ц. п. в. запорожского, а особливе пану полковниковѣ гадяцкому п. п. старшинѣ полковой, сотником и всѣм, кому би колвек вѣдати належало, сим нашим ознаймуем уніѣверсалом: иж пан Максим Борохович, знатній товариш войсковій, презентовал нам монаршую его ц. в. грамоту и антецессоров наших унѣверсали ствержаючіе в владѣніе его село Будища с приналежнимы до оного присюлками Трояновкою и Хлопчовкою и на част войсковую, в млинѣ Хведяковском наданную, на що все и нашего потвержателного просил унѣверсалу. Ми теди, гетман, согласуючи монаршой его ц. в грамотѣ и антецессоров наших унѣверсалом, до того его пана Максима Бороховича, знатного товариша войскового знаючи вѣрнорадѣтелніе, зичливіе и статечніе пресвѣтлѣшому монаршому его ц в. маестатови и нам гетмановѣ всегда в войску запорожском роненніе працы, заслуги и прислуги, для которих оного прошеніе чиним быти достойное наше респекту, яко вижей помянутое село с присюлками, грунта, займища, лѣси, поля пахарніе, сѣножати, всякія угодія и част войсковую в млинѣ Хведяковском в спокойное пану Максиму Бороховичу владѣніе нашим ствержаем унѣверсалом, так аби пан полковник гадяцкій, старшина полковая и нихто іншій в владѣнію спецѣфѣкованних маетностей и добр, особливе пан господар замку нашего гадяцкого пану Максиму Бороховичу в приходячих користех не важился чинити перепони и перешкоди; войти зас потверженних сих села и присюлков с посполитими людми (опроч козаков, якіе при своих волностях ненарушне мѣют зоставити) до ласки нашой и войсковой должни бити послушними и подданскую отдавати повинность, рейментарско приказуем. Дан в Глуховѣ октября 15 дня року 1709. — Звишменованній гетман рукою власною[450].

№ 506

1709, жовтня 28 (17). — Глухів.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського ніжинським грекам

Пресвітлійшаго и державнійшаго великого государя его царского священнійшаго величества Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Иван Скоропадский.

Ознаймуем сим нашим универсалом всім вобец и каждому зособна, кому бы колвек о том відати належало, а меновите пану полковникови Войска его царского пресвітлого величества Запорожского ніжинскому, панам старшині полковой, сотникам, атаманам, городовому (описка, має бути «атаманам городовим». — *Ю. М., І. Т.*) и всему старшому и меншому товариществу, также войтови, бурмистрам з цілим маистратом тамошним, міщанами и всіми посполитыми людми, иж учтивые купцы греческие, обыватели ніжинские, прибывали до нас, презентовали нам при суплиці своей именем всего своего братства поданному архиерейско зайшлого в Богу святыя и блаженныя памяти архипастыря господина отца Варлаама Ясинского, преосвященного митрополита киевского, на строение належитого в храмех святого архистратига Михаила в древяном, а в другом — Всех Святых каменном церковного порядку, также и зложене Крестоносного братства себі ферованным и вновь от нынешняго пана архипастыря нашего, ясне в Богу преосвященного его милости господина отца Иоасафа Кроковского, архиепископа и митрополита киевского, галицкого и всея России, подписом архипастырской его преосвященства руки тому ж архиерейскому антецессора свого благословению соизволно утвержденный универсал, при котором подали нам и антецессора нашого, прошлого гетмана, универсалное оной же архиерейской благославителной воли согласуючое, а им в конфирмацию даное писанье и просили нас чрез тую поданную свою суплику, абысмо и мы оные архипастырское и антецессора нашего покріпостные листы, рейментарским нашим затвердили универсалом. Теды мы, гетман, принявши прошение в за слушное, понеже як благочинное церковное строение, так и любовный братерства духовного союз до помноженья хвалы Божой стягается, велелисмо в канцелярии нашей войсковой, сей наш выдати им универсал, которым вси пункта, клявзули и контента в универсалі его архипастырского преосвященства выражены, ствержаючи, меж иншими выразні тое докладаем и умоничаем (описка, має бути «умоцняем». — *Ю. М., І. Т.)*: жебы при церквах каменных волно им было подруг (описка, слід читати: «подлуг». — *Ю. М., І. Т.*) уподобанья своего презвитера держати, дабы церквы оные и презвитер в них постановленный особливым правом до самой зверхности пастырской митрополитанского киевского престола належали, до которых ані отец протопопа ніжинский, ані жаден игумен належати и в строение чина церковного интересоватися не повинен, надто и всі оные учтивые греки, обитаючие в Ніжині и приходские в союз братства Крестоносного для строения благочиния церковного совокупленные, также мают быти от отца протопопи ніжинского и от каждого тамошняго священника свободны, найдуючися уділно в парохи тей греческой церквы и належачы во всіх справах духовных до власти и суду пастырского помененного митрополитанского киевского престола, якого благословение и волю в должной почести имія, всякое послушенство тамо отдавати повинни будут, которых мы по их прошению гетманскою нашею открываючи (описка, має бути «окриваючи». — *Ю. М., І. Т.*) протекциею, сего универсалу нашого повагою особно

[450] Генеральное следствие о маетностях Гадяцкого полка 1729–1730 г. / Под ред. и с предисл. Н. П. Василенко. — Полтава : Издание Полтавского губернского статистического комитета, 1893. — С. 26.

тое умоцяем: що в в привилеях антецессоров наших славной памяти пана Богдана Хмелницкого и иншихъ прошлых гетманов наданы им и укріплено. Абы они як прежде отдавна в Малой России найдуючиися, сами свои справы разсуждали, так и тепер в церковном братстві соединеннии и язык свій особливый міючи, також честь свою призвоитую купеческую и цілость содержати хотячии, сами между собою и челядью своею всякиї случаючиїся разсуждали и мірковали справы, опричь криминалу, и чого им самим вершити будет неудобно, о чем до самой звірхности нашей гетманской аппелиовати, от нас декрет приймовати мают, для чего як сам полковник ніжинский з старшиною полковою, так и маистрат тамошній в тыя их разсудки и справы не мают втручатися, перешкоды чинить и жадного безчестия и насилства наносити. А однак и они, учтивые купцы греческие, при такой своей волности и праві, абы не понижали власти полковничой, леч як самому пану полковникови міскому призвоитую честь и пошанованье отдавали, особливе зась, тут же на жалобу их о утисках своих до нас занесеную, пилно рейментарско варуем. Абы як старшина полковая найменших обид оным не важилися чинити, а найбарзій жебы в господах их чинили к ґвалту и насильства, и не сміли оных з дворов для якой не городовой потребы зганяти, тако же и подвод у них, а особливі у приезжих купців, отнюдь жадною мірою не дерзали брати и повторе пилно приказуем. Дан в Глухові октоврия 17-го 1709 року.

Звышменованный гетман рукою власною[451].

№ 507

1709, грудня 4. — Лебедин.

Універсал гетьмана І. І. Скоропадського про затвердження за Григорієм і Матвієм Буцькими половини села Гуджули, надану їхньому батькові

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя нашего его царского пресвѣтлѣйшого величества Войска Запорожского Іоан Скоропадский.

Его ж царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского пану полковниковѣ полтавскому, старшинѣ полковой, сотником, атаманѣ городовой и курѣнной зо всѣм старшим и меншим товариством войтом зо всѣми посполитими людми в том полку мешкаючими, сим нашим ознаймуем унѣверсалом иж супплѣковали до нас пан Григорий и Матвѣй Буцкий, доносячи, что небожчикови отцеви их половина села, прозиваемого Кгуджули надана за праци и услуги в Войску Запорожском вѣрне и статечне роненіе от антецессора нашего бывшого гетмана и яко унѣверсалом, так и монаршую его царского пресвѣтлого величества грамотою утвержденна, на якое половина того села владѣніе помененное полку Полтавского, товариство просили нашого гетманского потвержателного унѣверсалу. А так мы, гетман, стосуючися до монаршой, его царского величества, грамоти и унѣверсалу бывшого гетмана Мазепи, по прошенію их мененних панов Буцких, для их же впред мѣючихся вѣрне и статечне в Войску Запорожском ронитися услуг, ствержаем сим нашим унѣверсалом того села Gуджули половину з фолварками и их власними, позволяючи им з посполитих людей (:кромѣ козаков, которих волность мѣет быти ненарушне захована:) отбирати належитое послушенство и повинност, до ласки нашой войсквой, вѣдаючи прето старшина полку Полтавского о такой волѣ нашой, абы им, пану Григорию и Матвѣю Буцким, в владінію половини того села и в отбираню з посполитих тамошних людей не важилися жадной чинити трудности, турбации и перешкоди повагою сего унѣверсалу нашего рейментарского варуем: Войт зас половини того села Gеджули повинне з посполитими людми належитое отдавати послушенство, под войсковим каранем приказуем

Дан в Лебединѣ 4 декемрия 1709.

В подлинном подписано тако:

Звишменованний гетман, рукою власною[452].

[451] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (друга половина XVII–XVIII ст.) (частина 6) // Сіверянський літопис. — 2017. — № 3. — С. 61–62 (НБУВ. — ІР. — Ф. 194. — № 121. — Арк. 39–42. — Копія кінця XIX ст. Тексту документів передує запис: «Моск[овский] Глав[ный] арх[ив] М.И.Д. Малороссийские дела 1709 г. № 56. Список с универсала». Наприкінці документу у дужках написано: «місце печати рейментарской»).

[452] Генеральне слідство про маєтності Полтавського полку 1729–1730 / Упорядкування І. Бутича. — Полтава : Полтава, 2007. — С. 84.

Документація та листи владців, які залишилися у таборі царя

№ 508

1708, грудня 2.

Універсал переяславського полковника С. Томари полковому писарю Якову Рустановичу на село Виповзки

Вам п. войтовѣ Выповскому, з посполитими тамошними людми доброго от Господа Бога узичивши здоровя, сим унѣверсалом нашим извѣствуем, что мы, вѣдаючи здавна ку нам вѣрніе и многіе прислуги в працах писарских пана Якова Рустановича, писара нашего полкового Переясловского, на которіи и респектуючи, надаем село Выповзки в подъданство, зо всѣми до его належитыми ужитками, где сим унѣверсалом нашим обявляючи, упоминаем и приказуем, абы всѣ посполитіе люде виповскіе ему, пану Якову Рустановичу, писару нашому полковому, и двору его, во всяком послушенствѣ найдуючися, в пригонах и датках посполитых неотмовними были, и овъшем яко державци своему склонними оказувалися, жадаем и мѣти хочем. Дан в Лебединѣ, декаврія 3, року 1708. Звишменованный полковник Переясловскій рукою. С подлинника[453].

№ 509

1709, січня 1. — Білоцерківка.

Універсал миргородського полковника про підтвердження прав білоцерківського сотника Лавріна Васильовича на село Решетилівку, раніше належне його батькові, миргородському обозному Василю Онисимовичу

Его царскаго пресвѣтлаго величества Войска Запорожского полковник миргородский Данило Апостол.

Вам, атаману села Решетиловки и войтови зо всѣми жителями тамошними, доброго от Господа Бога узичивши здоровя, ознаймуем, иж уважаючи мы на значние славной памяти небозчика пана Василія Онисимовича, бувшого обозного Полку нашего, войсковие заслуги, а видячи сина его, пана Лаврѣна Василиевича, сотника бѣлоцерковского, в тихже войскових услугах и прислугах знайдуючогося, пилно и грозно вам всѣм приказуем, аби яко пред тим самому небожчику, пану обозному, билисте послушними, так и тепер его синови, по нем позосталому, Лаврѣну Василиевичу, сотникови бѣлоцерковскому, належитое во всем отдавалисте послушенство, и нѣ в чом не били спречними, а хтоби не бил волѣ и росказаню нашему послушним, теди той слободнѣйшого часу великого на собѣ дознает карания; аби теди обиклое подлуг слушности по прежних обикновениях належитое во всем пану Лаврѣну Василиевичу, сотникови бѣлоцерковскому, отдавалисте послушенство, и повторе пилно и грозно всѣм вам приказуючи, неиначе мѣти хочем.

Дан в Бѣлоцерковцѣ, генваря 1 д[ня]. 1709 року.

Звишименованний полковник миргородский, рукою[454].

№ 510

1709, березня 1. — Пирятин.

Купча кріпость, видана писарем Михайлом Якимовичем пирятинському сотнику Семену Вакуленку на сад

Запись, от Михайла Якимовича, писара Перятинского, на сад данний.

Року 1709, мѣсяца марта.

Перед нами, врядом городовим Перятинским, Власом Семашком, атаманом городовим, Олексою Павелченком, войтом, Яремою Олексѣенком и Тимошем Передерѣем, бурмистрами, постановившися Михайло Якимович, писарь мѣскій Перятинский, презентовал мову свою, иж з доброй волѣ своей сад свой власний, купленний у Чернявщенков, стоячий за мѣстом ведле огорода Василевого Мазанчиного, продал его милости пану Семену Вакуленку, сотникови, коп за вусѣм, не мѣючи юж вѣчними часи в тот сад проданний інтересоватися, а нѣ грошей откладати. Якое его сознаніе чуючи, пан Семен Вакуленко, сотник Перятинскій, памятно нам заложил и жадал, аби его тая купля била писмом стверженна. На якое его жаданне ми, уряд городовий Перятинский, призволилисмо пану Михайлу Якимовичу, писаревѣ Перятинскому, до сего рукою его писаннего запису імена свои подписати и печать городовую притиснути. Писан в ратушу Перятинском. Року и дня вишьписанного.

Михайло Якимович, писарь мѣскій Перятинскій рукою[455].

№ 511

1709, березня 24. — Чигирин – Дуброва.

Універсал ніжинського полковника Лук'яна Жураковського полковому обозному Леонтію Шрамченку

Его царского пресвѣтлаго величества войска запорожского полковник нѣжинскій Лукян Жураковскій.

Ознаймуем сим нашим унѣверсалом паном старшинѣ полку моего и кождому, кому бы колвек о том вѣдати

[453] Мотыжинский архив. Акты Переяславского полка. XVII–XVIII в. Издание Андрея и Александра Савицких. — К. : Типография К. Н. Милевского, 1890. — С. 17.

[454] Додаток VIII // Універсали Павла Полуботка (1722–1723) / Упорядкування Вячеслава Ринсевича — К., 2008. — С. 566 (ІР НБУВ. — Ф. І. — Спр. 58142. — Арк. 51. Копія).

[455] Стороженки. Фамильный архив. — К. : Типография т-ва Г. Л. Фронцкевича, 1908. — Т. 6. — С. 531.

належало: иж респектуючи мы на значніе, роненні в многих оказіях в войску запорожском услугы его милости пана Леонтія Шрамченка, бившого сотника олишевского, а на сей час обозним полковим нѣжинским зостаючого, до которих услуг и в далшіе часи заохочаючи, надалисмо, з общой поради войсковой, для вспартя господарства его село, прозиваемо Топчіевку, в сотнѣ олишевской мѣечую, зо всѣми приналежнимы тими угодіями, як инніе державци, в завѣдованю до ласки войсковой мѣючи, держали. Якой нашой в помененном наданю волѣ аби ніхто з старшины и чернѣ полку моего жадной найменшой не чинил перешкоди, варуем и сурово приказуем; а пан войт топчіевскій зо всѣми посполитими людми повинен подданическое отдавати пререченному его милости пану обозному послушенство, як прежним державцом отдавали. Таковую волю нашу предложивши, оним же зичим доброго от Господа Бога здоровя и щасливого поведенія. Дан в Чиґирин Дубровѣ, марта 24 дня, 1709 року.

В копіи пишет: Звишменованній полковник нѣжинскій[456].

№ 512

1709, березня 27. — Прилуки.

Універсал прилуцького полковника І. Я. Носа про підтвердження прав прилуцького цеху музик, на підпорядкування йому всіх, хто заробляє грою музики в Прилуцькому полку

Его царского пресвѣтлаго величества Войска Запорожского полковник прилуцкій Иван Нос.

Всѣм, хтоби того потребовал, тепер и на потомние часи, сим нашим писанем доносим вѣдати, иж як за прежде бивших антицесоров наших такое постановлене ухвалено, же хто колвек игрою музицкою бавячися пожиток себѣ мѣет, таковий всякій во всем Полку нашем мешкаючій, але под час ярмарку, и всегда, и вандровніе, аби под протекциею брагаства оних самих, в городѣ нашем Прилуцѣ заведеного, при огадаване постановленой належитости до скринки братерской не знайдовался спречним, а то так не толко для лѣпшого порядку в справованю с оних, лечь аби ку хвалѣ Божой свѣчи, якую они з своих доходов і складки устаеленной три рази на рок в обох церквахь Божествених звикли становити, не уставала, якого то прежде ухваленного установленя и ми не нарушаючи, і овшемь симь нашимь ствержаем писанием. Пилно мѣти хочем аби всякій музика во всем Полку нашом, люб осѣлій, албо вандровній, здавна звичайного доходу пятничного і веселного, і ярмаркового, до скринки братства прилуцкого не зборонялся давати, под срогим каранем упорним приказуем, и от тяглостей всякихь мѣских громадскихь и поборових датков оних уволняем, і аби имь в том не дѣялася долегливост, сим нашим варуем писанием.

В Прилуцѣ дан, марта 27 д[ня], 1709 року.

Звишьменований полковник прилуцкій.

Нижче написано: С подленным читал вахмистр Іван Турченков[457].

№ 513

1709, квітня 12. — Прилуки.

Універсал прилуцького полковника І. Я. Носа про права та обов'язки прилуцького кравецького цеху

Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского полковник прилуцкій Ивань Нос.

Всѣм, кому о томь вѣдати належит, а особливе пану войтови и бурмистром прилуцким, так теж войтом, по селах в сотнѣ Полковой Прилуцкой найдуючимися, вѣдомо чиним сим унѣверсалом, иж суплѣковал до нас цехмистр кравецкий з братиею своею, покилкокротне прекладаючи то, же оним великая в томь дѣется долегливост, що не тилко барву на войско пѣхотное по указу ясне велможного добродѣя его милости пана гетмана щорочне шиють и до двору нашего полковничого всякую кравецкую на челядь работизну всегда отправують, але надто над звичай даеній и их волности до стацѣи роковой гетманской і нашой подвод і инших людем посполитим обиклой тяглости до них притягають и примушають, і просили у нас таковего респекту, аби от того, що над давній звичай на них вимагается, цех их бил волним. Ми прето, давши мѣстце, так слушному прошенію их, а респектуючи на то, иж они здавна і теперь на войско пѣхотное по указу ясне велможного добродѣя его милости пана гетмана щорочне барву робять без жадной нагороди, і от двора нашего полковничого, яко і за антецесоров наших, прежде бившихь панов полковников, не меншая цеховѣ ихь роботизною приключаючихся на челядь потреб дѣется докука, і овшем, і от наездов, в роботѣ кравецкой і кушнѣрской частокрот бивает им долегливост, уволняем всѣх здавна в цеху кравецком обрѣтающихся людей, в городѣ Прилуцѣ і по селах, до Полковой Прилуцкой прилеглих сотнѣ, мешкаючих, от роковой зсипаня стацѣи, так до двору ясне велможного его милости пана гетмана, яко і до нашего полковничого належачой, любо которій з брат[и]ѣ их волом едним, албо и двома, хлѣба пашет и пахати будет, так теж уволняем от воженя подвод притрафляючихся. Кромѣ таковой навалной потреби, под час которой і козаки от подвод виданя не могли би бити волними, надто уволняем от всякого жнива кошеня и воженя сѣна на потребу войсковую і нашу, от податков всѣх людям посполитим звичайних тяглостей, мѣют еднак они и повинни будут ремеслом своим войсковую, то ест когда колвек

[456] Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Выпуск I. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 г. — Чернигов : Типография Губ. Земства, 1901. — С. 140–141.

[457] Додаток VIII // Універсали Павла Полуботка (1722–1723) / Упорядкування Вячеслава Ринсевича — К., 2008. — С. 578–579 (ІР НБУВ. — Ф. І. — Спр. 57617. — Арк. 33. Копія).

указоватимет потреба, на войско пѣхотное робити барву, и до двора нашего по давнему обикновению, що колвек будет, на челяд шити, іли направити, потребно отбувати повинность. Побори теж самие тилко цеховие і податки ведлуг давного звичая знати і тими з цехом, а не с посполитими людми общой городовой потребѣ бити прикладними, таковую теди респектом цеха кравецкого волю нашу всѣм, кому о том вѣдати належит, обявивши, пилно мѣти хочем і грозно приказуем, аби жаден з войтов і іншой старшини городовой прилуцкой і сѣлской, над тую оному і найменшого утяженя чинити не важился, а мѣл би кто противу виразной волѣ нашой таковой, якую колвек тому цеховѣ кравецкому чинити долегливост, таковий жестокого от нас не уйдет наказания, упевняем.

Дан в Прилуцѣ, року 1709, априля 12 д[ня].

Звишменованній полковник прилуцкій.

Нижче написано: С подленным читал вахмистр Иван Турченков[458].

№ 514

1709, червня 7. — З табору від Богачки.

Універсал лубенського полковника Василя Савича значному військовому товаришу Леонтію Кичкаровському

Его царского пресвѣтлого величества войска Запорожского полковник лубенскій Василій Савич.

Вам пану сотникови чорнускому, атаману городовому зо всѣм старшим и меншим товариством, войту з посполитими а особливе атаману села Мокиевки и войту тамошнему з людми посполитими, в том селѣ обрѣтаючимис, и кому колвек о том вѣдати належит, сим нашим листом ознаймуем, иж респектуючи мы на давніе признатніе войсковые заслуги пана Леонтія Кичкаровского, знатного товариша войскового, в тых военных случаях не менше працѣ ронившого, яко и тепер на той же службѣ монаршой зостаючого взглядомь оных прислуг, за вѣдомом и позволеніем ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана на вспартіе и потребуючих щоколвек до его двору прислушалих роботизн и посилков, усмотрѣвши село Мокіевку, надаємо посполитих людей под послушаніе выжейречоному пану Леонтію Кичкаровскому, зачим варуем, абы од старшины чорнуской в том его держаню не чинилас жадная найменшая перешкода, так и од атамана мокіевского. А тот войт мокіевский зо всѣми тяглими людми по замислах его пане Кичкаровского вшелякое от себе послушенство в домових потребах отдавали конечне и во всем ему были были поволними, мѣти того хочем и пилно приказуем, а непослушних карати позволяем.

З табору от Багачки, іюня 7, 1709 року.

В подлинном подписано: Звишменованный полковник лубенский[459].

№ 515

1709, червня 10. — Обоз під Багачкою.

Універсал лубенського полковника Василя Савича про надання значному військовому товаришеві Петру Зарудному села Москалівки

Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорожскаго полковник лубенский Василий Савич.

Всѣм обще, кому колвек о том вѣдати теперь и в далший час надлежати будет, меновите пану сотнику роменскому, сим нашим унѣверсалним извѣстно чиним писаніем. Иж мы, видячи вѣрност и щирую службу пана Петра Зарудного, значного товариша войскового, ко пресвѣтлѣйшому монарсѣ нашему, его царскому пресвѣтлому величеству, и ясне велможному добродѣвѣ его милости пану гетману, так теж и всей Малоросейской отчинѣ нашой, надаемо ему на вспартя домовое во владѣніе село Москалевку, в котором абы жадной противности и росколу нихто не вщинал, яко з околичних жадаем, так под властію нашею полковничою зостаючим приказуем, а для крѣпчайшаго и фундаменталнѣйшого стверженія сей ему, пану Петру Зарудному, надаючи лист, при подписанію руки нашой и печатую полковою ствержаем.

Дань в обозѣ под Богачкою, [и]юня 10, 1709 року.

Звишменованый полковник лубенский[460].

---

458 Додаток VIII // Універсали Павла Полуботка (1722–1723) / Упорядкування Вячеслава Ринсевича — К., 2008. — С. 579–580 (ІР НБУВ. — Ф. І. — Спр. 57622. — Арк. 41–41 зв. Копія).

459 Український архів. Т. 4. Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1931. — С. 94–95.

460 Додаток VIII // Універсали Павла Полуботка (1722–1723) / Упорядкування Вячеслава Ринсевича — К., 2008. — С. 559 (ІР НБУВ. — Ф. І. — Спр. 57735. (І). — Арк. 289. Копія).

Грамоти царя Петра I лояльним до нього старшинам

№ 516

1708, листопад. — Глухів.

Грамота Петра I новгород-сіверському сотнику Лук'яну Журавці

Бжіею поспѣшествующею млстію мы пресвѣтлѣйшій і державнѣйшій великий гсдрь, цр і великій кнзь Петр Алексіевичь всея Великія и Малия и Бѣлия Россій самодержец... [по титулу] Пожаловали войска ншего запорожского Стародубовского полку новгородского сотніка Лукяна Журавка, велѣли ему дать сію ншу великого гсдря ншего црского влчства жалованную грамоту на дрвнѣ Каменние Озера, что надлежала преж сего к новгородскому сотничеству, да на собственніе ево дрвнѣ Лукяновску и Боровичи с мелницами, пашнею, і сѣнними покоси, и рибними ловлями, и рощами, для того в ннѣшнемь 17[0]8 м году, октября 31 м числе был челом нам великому гсдрю ншему црскому влчству онь сотнікь новгородской, дабы мы великій гсдрь нше црское влчство за ево к нам верную службу пожаловали, велѣли ему дат дрвню, називаемую Каменные Озера, по ту сторону Десни, в уезде Новгородском обрѣтающуюся, которая де деревня із давних лѣт належала на бывших сотніков новгородских за заслуги войсковіе; но бывшій полковнік стародубовскій Миклашевскій по зависти своей, подкупя изминніка бывшаго гетмана Мазепу, получил оную во владѣние себѣ, которая дрвня во владѣній ево и до ннѣ; и для владѣнія той дрвнѣ, також на его собственній дрвни Лукьяновку и Боровичи и при томь на двѣ мельници, іждивеніемь ево построенніе на рѣчке Свѣзе, с полем и сѣнними покоси, и на пят озер для рибних ловель купленних, зовоміе Жаденово, Семеніно, Репетинь, Поросячей и Тонки, да на данніе за заслуги войсковіе четире ловли ж рибніе в селѣ Очкинѣ: Кобчее, Затон, Пшонець, да в мѣсте Сенечно, також на двѣ рощи окопанних под хуторомь Мерзлик, и борок, и третій под городом окоп, с четирма хатами, прозиваемой Поторочину Яругу, дать ншу црского влчства жалованную грамоту. И мы пресвѣтлѣйшый і державнѣйшый великий гсдрь, црь і великій князь Петр Алексѣевич всея Великия и Малия и Бѣлия Россій самодержец, нше црское влчство, за ево к намь великому гсдрю ншему црскому влчству в ннѣшное неприятелное наступленіе и ізмѣну бывшаго гетмана Мазепи, вѣрніе и усердно радѣтелніе службы помянутою дрвнею, називаемою Камение Озери, которая издавна надлежала на службы войсковіе сотніком новгородским, а бывшей гетман измѣннік Мазепа для своей користи оную отняв отдал бывшему полковніку стародубовскому, велѣли ему тою дрвнею владѣть по прежьнему и для свободного владѣнія оной, також и собственними его дрвнями Лукяновкою и Боровичами с вишеписанними мелници, полями, сѣнними покоси и рибними ловлями и рощами ему ж, і женѣ его, и дѣтям, и потомству во ут верждение, повелѣли ми великій гсдрь дать сію ншу црского влчства млстивую жалованную грамоту за ншею црского влчства печатю. В Глухове ноября в де. 1708.

В подлинной подписано тако: Граф Гаврило Головкин[461].

№ 517

1708, листопада 14. — Глухів.

Грамота царя Петра I чернігівському полковникові Павлу Полуботкові на маєтності в Сумському полку на Слобожанщині та в Гадяцькому і Лубенському полках

Божією поспешествующею мылостію мы, пресветлѣйшый и державнѣйшый великый государь, цар и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія и Малія и Бѣлія Россіи, самодержець Московскій, Кіевскій, Владимерскій, Новгородскій, цар Казанскій, цар Астраханскій, цар Сибѣрскій, государь Псковскій и великий князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятцкій, Болгарскій и інных, государ и великій княз Новагорода, Низовскіе Земли, Чернѣговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сѣвернія Страны повелитель, государ Иверскіе Земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинскіе Земли, Черкасских и Горских князей, и инных многих Государств и Земел Восточних и Западных и Сѣверских отчич и дѣдич і наслѣдник, и государ и обладатель.

Наше царское величество пожаловали подданного нашего Войска Запорожского чернѣговского полковника Павла Полуботка за его к нам, великому государю, вѣрные и усердно радителніе службы, как в воинских дѣйствыях против неприятеля нашего короля шведского, также и за показанную его непоколѣбимую к нам вѣрность в настоящем случае измѣны нам, великому государю, бывшаго гетмана Мазепи, повелѣли ему дать сію нашу царского величества жалованную грамоту, по нашему великого государя имянному указу, на маетности, состоявшіяся после шурина ево, бывшаго гадяцкого полковника Михайла Василіева, данніе и купленніе, а имянно, в Сумском Полку, в уездѣ Лебединском, на село Михайловку с мелницами, с озери и с інними приналежащими к нему селами Озаком, Буймером, Грунею с пашенними землями, лесами и с сенними покоси, и со всякими угоди[ями], как он, Михайло Василиев, по подлинному ограничению в своем владѣнію имѣл.

[461] Український архів. Т. 1: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 259–260.

Да на двор того ж шурина ево, Михайла Василіева, обрѣтающійся в Гадяче, також хутор и мелницы, и інніе в Полку Гадяцком купленніе ево грунта, да особливо сверх тѣх маетностей в Лубенском Полку на село, которым владѣла до нынѣ, по отдачи ізмѣнника Мазепи, племянника ево Иванова жена Обидовского, зовемое Коровинцы, с пашенними землями, с сенними покоси, и с лесами и со всѣми угоди, и с мелницами, тамже обрѣтающимися на рѣчке Сулѣ и Бишкинѣ, для того в нынешнем 1708 году, ноября в 10 день бил челом нам, великому государю он, чернѣговской полковник Павел Полуботок, что в прошлих годѣх бывшій гетман измѣнник Мазепа с начала гетманства, имѣя нѣкакую свою злобу на прежде помянутого бывшаго гадяцкого полковника Михайла Василиева, взял себѣ по нем во владѣніе всѣ маетности ево, и отдал племяннику своему, Івану Обидовскому, імянно, вишеписанное село в Сумском Полку, в Лебединском уездѣ, Михайловку с мелницами и с ыними ко оному приналежащими селами Озаком, Буймером, Грунею, озер с лесами, с сенними покоси, и со всякими угоди[ями], как полковник Михайло Василіев владѣл по нашей царского величества жалованной ему данной грамоте. Да он же измѣнник Мазепа отдал ево ж Михайлов двор, обрѣтающейся в Гадяче, бывшему гадяцкому полковнику Михайлу Бороховичу, да хутор к Замку Гадяцкому присоединил, мелницы на рѣчке Груне, інные ево в том Гадяцком Полку грунта купленніе, роздал кому хотѣл. Такожде он, Мазепа, дал помянутому племяннику своему Обидовскому к вишеписанним селам Михайловке, інным в Полку Лубенском село Коровинцы, которим селом також владѣла, как Михайловкою, [так] і инними, по смерти Обидовского до нынѣ жена ево, и понеже де он, полковник чернѣговской, ближним наслѣдником есть к тѣм маетностям бывшаго гадяцкого полковника Михайла Василіева, Михайловке, Озаку, Буймеру и Груне, со всякими к ним приналежностми, ібо жена ево ему, Михайлу, сестра родная, а сверх того имѣем мы его полковника во особливош нашем монаршем милостивом призрѣніи за многіе вѣрніе к нам великому государю нашему царскому величеству службы, того ради, дабы мы, великій государ, пожаловал ево, велѣли тѣ всѣ преждепомянутіе маетности шурина ево по данной ему грамоте и границам учиненним отдат ему в вѣчное владѣніе, присовокупя к тѣм маетностям по нашей особливой государской к нему милости и село Коровинцы в вѣчное ж владѣніе, в Полку Лубенском обрѣтающееся, з землями пашенними, с лесами и с сенними покосы и мелницами, при том же селѣ обрѣтающимися на рѣчке Суле и Бишкинѣ, и со всякими угоди[ями], и для свободного б оных владѣнія дат ему нашу царского величества жалованную грамоту. И мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государ и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія и Малія и Бѣлія России самодержец, пожаловали ево, полковника чернѣговского Павла Полуботка, за многіе прежде помянутіе к нам, великому государю вѣрніе и радѣтелніе службы, повелѣли вишеписанніе шурина ево прежде бывшаго, гадяцкого полковника Михайла Василиева, купленніе и данніе маетности в Сумском Полку, в Лебединском уездѣ, село Михайловку с мелницами, с озерами, и с прочими к нему приналежащими селами, и всякими в оных обрѣтающимися угоди[ями], отдат ему, полковнику чернѣговскому, в отчину, которими владѣть ему самому, женѣ, дѣтямь, онукамь, правнукам, и кто по нем рода ево будет, вѣчно по ограниченію, какь оной шуринь ево владѣль. И волно ему тѣ маетности отдат, продат, променит, в приданніе дат, и во всякіе крѣпости укрепит, також і помянутой в Гадяче двор, и хутор, и мелницы, і иніе в том Полку того з шурина ево Михайла Василіева купленніе грунта. При том же и вышеозначенное село Коровинцы в Лубенском Полку з землями пахатними, с лесами и сенокосы, и с мелницами обретающимися вышепомянутими, и со всякими угоди[ями] ему, полковнику чернѣговскому, и женѣ ево, и потомству в вѣчное владѣніе отдат указали. Что мы, великій государь, сілою сей нашей царского величества грамоти укрѣпляем и утверждаем, понеже он ту нашего царского величества милость и сію жалованную грамоту получил за вѣрніе отца своего, также и за свои вѣрніе ж и радѣтелніе и знатніе к нам великому государю службы, и чтоб впредь смотря на тѣ ево службы дѣти ево, онуки и правнуки, и кто по нем рода ево будет, такьже нам, великому государю, и нашим государским наслѣдником служили. И для вящего утвержденія той нашей царского величества к нему, полковнику, милости, и ради свободного и вѣчного помянутими маетностми ему и потомству ево владѣнію, дана ему сія наша великаго государя милостивая жалованная грамота за нашею царского величества государственною печатю. А ежели в тѣх прежде помянутых маетностях живут гдѣ козаки, и оным быт содержаним при прежных правах и волностях безь нарушенія.

Дань в Глухове, ноября 14 дня, 1708 г[ода]. Государствованія нашего 27 году.

По указу великаго государя подписаль граф Гаврило Головкин[462].

№ 518

1708, листопада 14.

Грамота Петра I переяславському полковнику С. Томарі на маєтності

Концепт жалованной грамоты полковнику переяславскому Стефану Томару на маетности 1708 году. По имянowании великого государя и написаний большого титла. — Пожаловали подданного нашего войска Запорожского переяславского полковника Стефана Томара за ево к нам, великому государю, верные и усерднорадетельные службы

[462] Книга пожиткам бывшаго черниговскаго полковника Павла Полуботка и дѣтей его Андрея и Якова Полуботков, составленная по указу 1724 году маіором Михайломь Раевским и лейб-гвардіи сержантом Львовым // ЧОИДР. — 1863. — С. 110–112 (ІР НБУВ. — Ф. І. — Спр. 52816. — Арк. 18–20 зв. Копія).

как в воинских действиях против неприятеля нашего короля шведцкого, також и за показанную ево к нам верность в настоящем случае измены нам, великому государю, бывшаго гетмана Мазепы, повелели ему дать сию нашу, царского величества, жалованную грамоту на данные ему ныне по нашему, великого государя, имянному указу к тому полку Переяславскому села, которые ко оному издавна надлежали, а имянно: Быково, Воронки, Веприн, Белоцерковцу, Казацкое, Красное, Усовку и Кулажницу с приналежностми, для того: в нынешнем 1708-м году ноября в 11 день бил челом нам, великому государю, он, переяславской полковник Степан Томара, что служит он нам, великому государю, в Переяславском полку полковником, а доходов себе никаких с того уряду не имеет, понеже де которые маетности издавна к тому полку надлежали, а имянно вышеписанные села: Быково, притом же мельницу вешняк на гребле, також Воронки, Веприк, Белонерковцу, Казацкое, Красное, Усовку и Кулажницу, и те в прошлых годех бывшей гетман, изменник Мазепа (для обогащения своего) отнял самовольно себе во владенье. Того ради всепокорственно он просит, чтоб мы, великий государь, пожаловали ево, переяславского полковника, за многие ево верные службы, велели те преждепомянутые села отдать ему к тому Переяславскому полку во владенье попрежнему и для содержания оных дать ему нашу, царского величества, жалованную грамоту. И мы, пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, слушав того ево, переяславского полковника Стефана Томары челобитья, повелели за его к нам, великому государю, верные службы, вышепомянутые села отдать во владение ему, полковнику, к тому полку Переяславскому, и владеть ему теми селами, как прежние тамошние полковники оными владели без всякого от иных препятия. А ежели в тех преждепомянутых селах или в приналежащих к ним деревнях живут казаки, и оным быть содержаным при прежних правах и вольностях без нарушения во утвержение той нашей, царского величества, к нему, полковнику переяславскому, милости. И для свободного теми маетностми к тому полку владения, дана ему сия наша, великого государя, милостивая жалованная грамота за нашею, царского величества, государственною печатью. В Глухове, ноября в 14 день 1708. Помета: Подписал Гаврило Ивановичь. Писана на александрийском листу з золотом. Запечатана большою печатью[463].

№ 519

1708, грудня 3.

Жалувана грамота Петра I вдові колишнього полтавського полковника І. І. Іскри

Концепт жалованной грамоты бывшаго полтавского полковника Ивана Искры жене, вдове, на грунта ее, 1708 году. — Наше царское величество пожаловали подданного нашего войска Запорожского бывшего полтавского полковника Ивана Искры жену ево и з детми ея. За верные к нам, великому государю, мужа ея службы повелели ей дать сию нашу, царского величества, жалованную грамоту на грунта ее и маетности и мелницы нижеписаные, для того. В нынешнем 1708-м году декабря в... день била челом нам, великому государю, она, вдова, что имеет она на грунта свои, изменником Мазепою насилно от нея отнятые, о возвращении оных в прежнее ей владение уневерсал подданного нашего войска Запорожского обоих сторон Днепра гетмана Ивана Ильича Скуропацкого, а нашей де, великого государя, жалованной подтвержающей грамоты против того гетманского уневерсала нет, маетности, грунта и мельницы ее не дано. И нам, великому государю, пожаловати б ее, велеть на те ее маетности, грунта и на мельницы дать нашу, царского величества, жалованную грамоту. И при том она, вдова, объявила помянутой уневерсал гетмана Ивана Ильича Скуропацкого, данной ей декабря 3 дня нынешняго 1708-го году, в котором написано: подтвержает он, гетман, ей, вдове, во владение прежние мужа ея маетности, которыми покойной муж ее Иван Искра по своим знатньм заслугам данными издавна в полку Полтавском и куплеными добрами владел, именно, село Ивашки, тож село Ивончинце, дворец Трибовский с мельницами на реке Ворскле, купленые, там же и слободу поселенную, село Димидовку с мельницами на той же реке Ворскле, село Грабиновку под Полтавою у Крутого берега, кгрунта лесовые отчистые и купленые в Ровнях Коломацких з двемя пасеками в Коломаце, грунт лесовый, прозываемый Куджеловский с луками, в Орчику лес с луками, куплеными у Ореле, с пасеками, грунта лесовые у Масечиной, лес купленый, барак под Полтавою, прозываемый Сокоми, с пасекою и с мельницею, и все пасеки и грунта купленые, в полное владение и вышеописанные села в належаще подданство вдовствующей ивановской жене Искриной по прежнему отдает. И дабы нихто ей в купленых грунтах в полном владенье слобод, сел и мельниц помянутых не чинил препятия, а посполитые вышеписанных сел люди (опричь казаков, которые при своих волностях сохранены имеют быти), чтоб оной во всем отдавали послушание. И мы, пресветлейший и державнейший великий государь, пожаловали ее, вдову, за верные и усердно-радетельные мужа ее, бывшаго полковника полтавского Ивана Искры к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, службы, повелели ей вышеимянованными маетностями, и мельницами, и грунтами со всеми к ним приналежащими угодьи по вышеозначенному уневерсалу гетмана Ивана Ильича Скуропацкого владеть и всякие пожитки со оных употреблять свободно. И во утвержение того указали ему дать сию нашу, царского величества, жалованную грамоту за нашею, царского величества, государственною печатью. А ежели в тех ее маетностях, где живут казаки, и оным быть содержаным при прежних

[463] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 887–888 (ЦГАДА, Малороссийские дела 1708, № 79, лл. 2–8 об. Здесь же, л. 1 и об.).

правах и волностях. Дан в Лебедине декабре в... день 1708-го, государствования наш его 27-гр году[464].

№ 520

1708, грудня 8. — Лебедин.

Грамота Петра І значному товаришу Стародубського полку Степану Спиридоновичу Шираю

Бжіею поспѣшествующею млстію мы пресвѣтлѣйшый и державнѣйшый великій государь, царь и великій князь Петр Алексѣевич всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россій самодержець... [по титулу] Пожаловали войска zапорожского Стародубовского полку zнатного товарища, Степана Спиридонова сна Ширая, zа ево к нам великому государу вѣрные службы, повелѣли ему дат сію ншу царского величества жалованную грамоту на поступные ево, и данные, и купленные маетности, и мелници, и кгрунта, а имянно: в Стародубовском уеzдѣ на село Гринево, со всѣми кь нему приналежащими угодіями, на млын вь урочище Титюрах, на рекѣ Ваблѣ стоящей, на млын же на речке Меловой и Липовой, на деревню наzываемую Солову, под которим и рѣчка Солова, и на млын при той же деревне и на рѣчке стоящей, на gрунт, называемый Сенковщину, с сенными покосы, дубровою и ухожіемь бортным и сь приналежащимь кь тому лѣсомь, которой кгрунт имѣет межу от вышепомянутой рѣчки Соловой Ржавым болотом по рѣчку Еленку; на слободу, наzываемую Будище, в урочище, вь Щербінинь-ском и Хвоевском внов поселенную; на мелницу под деревнею Пестриковом, на речке Росусе стоящую, со всѣми к ней приналежащими покосы; на мельницу на речке Дубне стоящую, с покосы; на мелницу ж наzываемую Шелбодынскую, на мелницу на рекѣ Ваблѣ стоящую под селом Сининою; да на новоданную ему ннѣ от подданного ншего, войск гапорожскихь обоих сторон Днепра гетмана Івана Ілійча Скоропадского, в Стародубовском же уеzде слободу, наzываемую Поповку z двором и мелницею и со всѣми ко оной слободѣ приналежащими угодій, и на zаймище Костобобрѣ стоящей, которими напредь сего владѣл измѣнник Быстрыцкой; понеже сего 1708 го году ноября вь 20 де. бил челомь нам великому государу ншему царскому величеству вышепомянутой Степан Ширай, дабы мы великій государь нше царское величество пожаловали ево, велѣли ему для владѣнія тѣми вышшеимянованными селы, и мелницы, и gрунты, и дубровы, и всякими угодій дат ншу царского величества жалованную грамоту; и на оные во свидѣтельство объявил он бывшего гетмана измѣнника Мазепы данные ему о владѣній унѣверсалы, також и умершаго стародубовского полковника Михайла Миклашевского, поступные zа их руками, а на новоданную ннѣ вишшеобъявленную слободу Поповку о отданій той слободы с приналежностями zа войсковые ево услуги, уневерсал подданного ншего войска zапорожского гетмана Івана Ілійча Скоропацкого, каков ему дан zа ево гетман скою рукою в Глуховѣ сего 1708 го году, ноября 17 де. И мы пресвѣтлѣйшый и державнѣйшый великій государ, цар и великій кнzь Петр Алексѣевич всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россій самодержец нше царское величество, слушав того ево челобитья, пожаловали ево Степана zа ево кь намь многіе службы, а особливо zа покаzанную к ншему царскому величеству вѣрность в настоящем случае измѣны бывшаго гетмана Мазепы, повелѣли ему и наслѣдником ево вышеписанными, прежними поступными, и данными, и куплейными маетностями и мелницами, и кгрунты, и дубровами, и новоданною вышеимяннованною слободою Поповкою, и мелницею и всѣми ко оным приналежащими угодій, по имѣющим у него на оные преждепомянутым унѣверсалам и поступным, владѣть и всякіе пожитки употреблят свободно. И во утвержденіе того укаzали ему дат сію ншу царского величества жалованную грамоту, zа нашею царского величества государственною печатю; а ежели в помянутых селах и слободах живут коzаки, и оным быт содержанным при прежних правах и вольностях без нарушенія.

Дан в Лебединѣ декабря в 8 де. 1708 го году государствованія ншего 27 го году.

В подлинной монаршой грамотѣ подпис таков: По укаzу великого государя подписал граф Гаврило Головкин.

Мѣсто печати государственной[465].

№ 521

1708, грудня 16. — Лебедин.

Жалувана грамота царя Петра І значному військовому товаришу Андрію Лизогубу

Божіею поспѣшествующею милостію мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государ, цар и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія, и Малія, и Бѣлія Россіи самодержец... (по титулі) — пожаловали подданного нашего войска запорожского знатного войскового товариша Андрея Лизогуба за вѣрніе его к нам, великому государю, службы, повелѣли ему дать сію нашу, царского величества, жалованную грамоту на дѣдовскіе и отцовскіе нижеименованніе маетности, и на мелници, и на gрунта, и на всякія угодія, для того: в нинѣшнем 1708 году, декабра в 3 ден бил челом нам, великому государю, нашему царскому величеству, он, Андрѣй Лизогуб, что имѣет он на дѣдовскіе и отцовскіе маетности, и мелници, и gрунта данной унѣверсал от подданного нашего войска запорожского обоих сторон Днепра гетмана Ивана Иллѣча Скоропадского, а жалованной нашей, великого государа, грамоти, против того гетманского унѣверсала, на тѣ маетности ему не дано; и нам, великому государю, нашему царскому величеству пожаловать би его

[464] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1951. — Т. 8. — Выпуск II. — С. 922–924 (ЦГАДА, Малороссийские дела 1708, № 127, лл. 5–8).

[465] Український архів. Т. 1: Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. — К. : Всеукраїнська академія наук, 1929. — С. 231–232.

за вѣрніе дѣда и отца его, також и за ево, Андрееви, к нам, великому государю служби, велѣт на тѣ дѣдовскіе и отцовскіе маетности и ґрунта дать нашу, царского величества, жалованную подтвержающую грамоту. И при том обявил он, Андрѣй, унѣверсал подданного нашего гетмана Ивана Иллѣча Скоропадского, данной ноября в 21 день нинешнего 1708 году, в котором написано: подтвержает он, гетман, ему, Андрею Лизогубу, во владѣніе маетности дѣда и отца его, бивших полковников чернѣговских, а имянно: в полку стародубовском почепской сотнѣ село Почепище Старое з хутором Дадоровским, з полями и з сѣножатми купленними; двѣ греблѣ на реке Ковте: (Костѣ?) бакарицкая и глазовская, купленніе, о трех колесах имеющіеся; слободка з млином, сѣножатми и з лѣсами займаними; камень купленній на реки Сейми в селѣ Озаричах в среднем анбаре, великом, заднем, озеро Воронино под Озаричами; также во Озаричах три каменѣ млина, в которих часть войсковая дано умершому отцу его Евфиму Лизогубу и нашего царского величества жалованною грамотою ему Евфиму било подтвержено; камень купленній на греблѣ мѣской конотопской, гдѣ и часть войсковую дают; под Каменем на рѣкѣ Клевенѣ гребля занятая з Федором Стожком, на какой и млини построени о четирех колесах з частю войсковою; в сотнѣ глуховской два села: Погребки и Хижки з полями пахатними и сѣножатми купленними, лѣс, прозиваемій Хоцов дѣдом его умершим Яковом Лизогубом занятій, з двома гаямы; в полку прилуцком в краснянской сотнѣ село Кропивная з полями, сѣножатми и з гаями купленними, гребля з млином Щуцким о дву камнях; в конотопской сотнѣ село Сосновку з полями пахатними и сѣножатми займанними и купленними. И ми, пресвѣтлѣйшій и держав-нѣйшій великій государ, цар и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія, и Малія, и Бѣлія России самодержец, наше царское величество пожаловали его, Андрея Лизогуба, за преждепомянутіе дѣда и отца его, тако ж и его, Андрѣева, вѣрніе к нам, великому государю, служби, повелѣли ему вишеимянованнимы купленними и наданнимы маетностми, и мелницами, и ґрунтами зо всѣми к ним приналежащими угодиями, по вишозначенному унѣверсалу гетмана Івана Иллѣча Скоропадского, владѣть и всякіе пожитки з оних употреблять, по прежнему, свободно, и во утвержденіе того указа ему дать на оніе нашу, великого государя, жалованную грамоту, за нашею царского величества государственною печатю. А ежели в тих его маетностях гдѣ живут козаки, и оним бить содержаним при прежних правах и волностях своих без нарушеня. Дан в Лебединѣ, декабра в 16 день, 1708 году, государствованія 27 году.

В копіи пишет посему: По указу великого государя подписал граф Гаврило Головкин[466].

№ 522

1708, грудня 22. — Лебедин.

Грамота царя Петра І чернігівському полковникові Павлу Полуботкові на маєтності в Чернігівському полку

Божіею поспѣшествующею милостію, мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь и великій князь, Петрь Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержец, московскій, кіевскій, владимірскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій и великій князь Новагорода, Низовскія земли, черниговскій, резанскій, ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій, удорскій, обдорскій, кондинскій, и всея Сѣверныя страны повелитель, и государь Иверскіе земли, карталинских и грузинских царей и Кабардинскія земли, черкаских и горских князей и иных многих государств и земель Восточных и Западных, и Сѣверных отчич и дѣдич, и наслѣдник и государь, и обладатель, наше царское величество, пожаловали подданнаго нашего, Войска Запорожскаго черниговскаго полковника Павла Полуботка, за его к нам, великому государю вѣрные и усердные службы, а особливо за показанную его непоколебимую нам вѣрность при настоящем случаѣ измѣны бывшаго гетмана Мазепы, повелѣли ему дать сію нашу царского величества жалованную грамоту на данніе ему нынѣ по нашему, великаго государя, имянному указу маетности, также и на собственные его, полковника черниговскаго, села и мельницы, данные и его иждивеніемь построенные, а именно: на мѣстечко Любечь, с перевозом на Днѣпрѣ Любецким и Лоевским с озеры, с приселками всѣми, к тому мѣстечку надлежащими, с лѣсы и с сѣнными покосы, с деревьями бортными и до борт потребными, и со всякими угодьями, на село Вибли, с Подгурным и Песками, с сѣнными покосами, Пчельском и Неданью именуемыми, на село Жабчичи, на Домишлин, на сельцо Кгабріеловку и Каруковку сь Жуковичами, на сельцо Новые Млины с двуколесною мельницею Гришки Орѣшка, на рѣкѣ Сновѣ, на греблѣ Новомлинской обрѣтающимися сь двома колесы, Спасовскаго и Дубовков с двома колесы Демьяна Петличнаго, на село Новые и Старые Боровичи с слободками, на тѣх же грунтах поселенными, на греблю его внов на рѣкѣ Сновѣ под Новыми Боровичами построенную, и слободку, на село Орловку с Казиловкою, с мельницами, до тѣх сел надлежащими, с пахатными землями и лѣсами, с борами, и с сѣнными покосы и со всякими угодьи, на село Оболонье Городище с гутищем, с перевозом на Деснѣ Оболонским, с озерами и сѣнными покосы, на села Криски, Псаровку, Савинцы, с мельницами, к тѣм селам принадлежащими, с пахатными землями, с озерами, с сѣнокосами и со всѣми угодьи, как в ограниченіи своем оные обрѣтаются; понеже бил челом

[466] Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Выпуск І. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 г. — Чернигов : Издание редакции «Земского Сборника Черниговской губернии, 1901. — С. 209–211.

нам, великому государю он, полковник черниговскій, чтоб мы, великій государь, пожаловали за вѣрные отца его, також и за его службу, повелѣли ему тѣ вышеписанныые маетности всѣ отдать со всякими принадлежащими к ним пожитки, в вѣчное владѣніе, и ради свободнаго оных содержанія дать ему нашу, царского величества, жалованную грамоту. А кто тѣми помянутыми маетностями по настоящее время владѣл, и кому оные прежде надлежали, тому он, полковник черниговскій, подал роспись, в которой написано: мѣстечко Любеч прежде надлежало до Черниговскаго полку и потом оное с приселками, с озерами, с перевозом Любецким и Лоевским и со всѣми угодьи взял себѣ измѣнник Мазепа и владѣл; село Кувѣчичи издавна до Любеча надлежало, которым владѣл козак Богданович, село Вибли, с Подгурным и Песками с сѣнокосы Пчельском и Неданью именуемыми, такоже и село Жабчичи, до полку Черниговского надлежащее, село Домишлин измѣнника Орлика, писаря генеральнаго, с хутором и мельницами на Бречѣ, которое ему от Мазепы дано, сельцо Кгабріеловка и Каруковка с Жуковичами дана ему, полковнику черниговскому, от измѣнника Мазепы, с мельницами на рѣчкѣ Бречѣ, сельцо Новые Млины и в оном мельницы, на Новомлинской греблѣ обрѣтающіеся, до полку Черниговского надлежащее, села Старіе и Новые Боровичи до полку Черниговскаго надлежали, которые розданы в разные владѣнія с слободками; гребля на рѣчкѣ Сновѣ строена его, полковника черниговскаго, власным иждивеніем, слободкою вновь осаженною село Орловка, прежде было Гетманича Григорія, которое Мазепа отдал было обозному генеральному Борковскому, а по смерти его взял ту Орловку Мазепа себѣ и случил с селом Казиловкою и тѣм всѣм владѣл, село Оболонье с городищем и с гутищем издавна было протопопа нѣжинскаго, Семена Адамовича, которые еще гетман Иван Самойлович, по взятіи того протопопа за измѣну в ссылку, на себя отобрав, соединил было с селом Крисками, Псаровкою, Савинцами, которыми всѣми потом измѣнник Мазепа владѣл. И мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь и великій князь, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя России самодержец, слушав его, полковника черниговскаго, Павла Полуботка, челобитья, пожаловали за многіе отца его, и за его прежде помянутіе вѣрные к нам, великому государю службы, велѣли всѣ вышеписанные маетности с землями пахатными, с мельницами, с перевозом, с озеры, с сѣнокосы, с деревом бортным и к бортям потребным и со всякими к ним угодіи принадлежащими, како в сей нашей, царского величества, жалованной грамотѣ и его, полковника черниговскаго, челобитьи написано: отдать ему, черниговскому полковнику, и женѣ его, и потомству, и кто по нем рода его будет, в вѣчное владѣніе, что мы, великій государь, силою сей нашей, царского величества, жалованной грамоті, укрѣпляем и утверждаем: понеже ту нашу, царскаго величества, милость и жалованье получил он за свои вѣрные и радѣтельные службы, и чтоб впред, смотря на тѣ его службы, дѣти его, внучата и правнучата, и кто по нем рода его будет, так же нам, великому государю, и нашим государским наслѣдникам, служили. А для свободнаго и вѣчнаго помянутыми маетностями ему самому, женѣ и наслѣдству его, владѣнія дана ему сія наша, царскаго величества, жалованная грамота за нашею, царскаго величества, государственною печатью. А ежели в тѣх прежде помянутых маетностях живут гдѣ козаки, и оным быть содержанным при прежних правах, без нарушенія.

Дан в Лебединѣ, лѣта 1708, декабря 22 дня, государствованія нашего 27 году.

На початку зазначено: Видимус.

Наприкінці надруковано: В подлинной подписано тако: Подписал по указу великаго государя граф Гаврила Головкин. На подлинной государственная печать красного воску на бланкетѣ[467].

№ 523

1709, січня 17. — Суми.

Жалувана грамота Петра I менському сотнику Гнату Сахновському

Божию спопешествующею милостию Мы пресветлейший и державнейший Великий Государь Царь, и Великий Князь Петр Алексеевич Всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский, и Великий Князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных Государь и великий князь Нова Города и Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, и Всея Северные страны Повелитель, и Государь и великия земли Карталинских... и Горских князей и иных царств, государств и земель восточных и западных и северных... и наследник и государь и обладатель Наше Царское Величество пожаловали... сотника Игнатия Васильева за его к нам великого государю службы и показанную верность в настоящей случай измены бывшаго гетмана Мазепы.

Повелели ему сию нашу великого Государя нашего царского величества жалованную грамоту на данные ему вновь от подданного нашего войска Запорожского обоих сторон Днепра Ивана Ильича Скоропацкого два сельца Величковку и Хвеськовку сотни Менской обретающиеся, с мельницею переднею в селе Хвеськовке да на мельницу переднюю на гребле Менской да на ево собственное займище, купленное под селом Величковкою для чего в нынешнем 1709 году генваря в 11 день бил челом нам великому Государю нашему царскому величеству он, сотник Игнатий Васильев, что имеет он от прежде помянутого гетмана данный универсал на вышеписанные маетности и мельницы,

[467] Книга пожиткам бывшаго черниговскаго полковника Павла Полуботка и дѣтей его Андрея и Якова Полуботков, составленная по указу 1724 году маіором Михайлом Раевским и лейб-гвардіи сержантом Львовым // ЧОИДР. — 1863. — С. 113–115.

а нашей царского величества жалованной грамоты не дано, и чтоб великому государю нашему царскому величеству пожаловать его за верный его к нам службы велеть на вешепомянутые ему данные мельницы и грунта дать нашу царского величества жалованную подтверждающую грамоту и притом своем челобитье объявил он подданного нашего гетмана Ивана Ильича Скоропацкого уневерсал, данной генваря 7 нынешнего 1709 года, в котором написано, что дает он, подданный наш гетман ему, сотнику Менскому за прежние свои за настоящие верные службы во владение до ласки своей войсковой два сельца Величковку и Хвеськовку, в сотне Менской обратающиеся, с мельницею переднею, в селе Хвеськовке обретающеюся, да мельнице на гребле Менской Федора Кучора и Никифора Губского с двумя камнями крестьянскими.

При том он, гетман, ему, сотнику, подтверждает во владение займище ево власное под селом Величковкою, у мельника величковского купленное, дабы во владении ему тех сел, займища и в отбирании с мельниц части войсковой належащей никто из полковников и старшин и рядовых не чинил нималой помешки и препятия мы пресветлейший и державнейший великий Государь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец.... величества пожаловал ево Игнатия Васильева за ево великому Государю верность.... вышепоказанными данными селами, мельницами и ево купленным займищем повешеписанному подданного нашего гетмана уневерсалу владеть и всякие доходы со оных употреблять свободно для чего в подтверждение и сию нашу великого Государя жалованную грамоту за наши цареваго величества печатью дать ему повелели.

А ежели в тех селах живут казаки, и оным быть содержанным при прежних правах и вольностях своих без нарушения.

Дан в Сумах генваря в 17 1709 г, государствования нашего 27 году.

Приказ великаго государя подписал Гаврило Головкин.

На подлиннике оттиск мастичной печати, прикрытой верх из бумаги.

Переписал с подлинника, находящегося в Сосницком краеведческом музее научный работник музея Ю. Виноградский.

г. Сосница 5 ноября 1948 г.

Переписано с применением современной орфографии и арабских чисел вместо славянских[468].

Утворення Київської губернії

№ 524

1709, лютого 18.

Лист Петра I до київського губернатора Д. М. Голіцина із вказівкою збирати податки з українських міст, які увійшли до Київської губернії

Господин Голицын.

При сем посылаем к вам роспись городам губернии Киевской за подписанием нашей руки, по которой городы ныне принимай и присматривайся ко всяким делам, такъже и к збором, дабы вы обо всем сведомы были (а которые городы прежде у вас ведомы были, и те ведай по прежнему), а з будущего 1710 году, чтоб конечно против росписи все городы всякими делами и зборами принять вам на свои руки с начала года. Того для заранее пишите к Москве и в городы к прежним воеводам дабы вам о состоянии тех городов всякое ведение. Такъже и зборам всяким окладные книги присылали, не мешкав, а к Москве о том указ от нас послан[469].

№ 525

1711, жовтня 16. — Київ.

Лист київського губернатора Д. М. Голіцина гетьману І. І. Скоропадському про те, що укази по містам Київської губернії про збір податків не стосуються Чернігова, Переяслава та Ніжина, але були направлені в останні через помилку піддячого

Ясневелъможнѣйший и Превосходительнѣйший Господин !

Понеже посланы были в городы Киевской губернии объявительные указы, велѣно таможенные и кабацкие и табачные и всякие сборы, что сбирают выборные Бунмистры, с предбудущаго 715 году отдать на откуп по городам, по селам и по деревням, кто похочет, или помещики и вотченники похотят в помѣстьях и в вотчинах своих имѣть кабаки, или шинки, и таким — воеводам в городах велѣно давать торг. И подъячий против тѣх же Великороссийских городов не справясь, послал оные листы в Чернигов в Переяслав, в Нѣжин вѣдая, что в оных есть кабаки. И Коменданты тамошние, не выразумѣв, оные листы велѣли прибить по градским воротам, чего им и не надлежало. Того ради

[468] *Салтан Н.* Жалувана грамота та портрет менського сотника гната Васильовича Сахновського: археографічний та іконографічний аналіз // Сіверянський літопис. — 2014. — № 6. — С. 112–113.

[469] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во академии наук СССР, 1950. — Т. 9. — Выпуск I. — С. 94 (ЦГАДА. Кабинет П. В., отд. I, т. 51, л. 59/65. Список).

Вашему Превосходительству доношу, что о шинках и о кабаках, чтоб оные в Малороссийскаго народу переводить, или на откуп отдавать, никакого указу я не имѣл и нынѣ не имѣю. А ежели бы такой Его Величества указ состоялся, конечно о том бы к Вашему Превосходительству Его-ж Величества указом предложено было, так как и нынѣ, о не-пропускѣ заповѣдных товаров повелѣно мнѣ чинить с Вашего совѣту с Вашим Превосходительством. А ежели бы такой указ только на мою персону ко мнѣ прислан был и я бы должен прежде объявить Вашему Превосходительству, потом послать во всѣ Малороссийские городы к Полковникам и к Сотникам и к прочим, кому надлежит, а не в тѣ только три города, в которые помянутый подъячий такие листы послал для вышеписанных кабаков и в указѣ бы о Малороссийском народѣ, или о шинках их выражено было именно, а гдѣ кабаков нѣт хотя-б гдѣ и Великороссийские люди были, как нынѣ в Полтавѣ, однако-ж туда не посланы. Да и о тѣх посланных листах написано, именно выражая только Великороссийскаго народа людей, а не о Малороссийском народѣ. И о том Вашему Превосходительству доношу, дабы Вы о том были извѣстны, и для лучшаго свидѣтельства с оных посланных листов при сем сообщаю копию, из которой изволите выразумѣть, что оные указы не надлежат к Малороссийскому народу; однако-ж оному подъячему, который тѣ указы отпустил, велѣно учинить наказание, и для того послать из Киева в тѣ городы за караулом.

Вашего Превосходительства повольный
слуга Князь Дмитрий Голицын.

Из Киево-Печерской крѣпости,
Октября 16 дня,
1711 году[470].

№ 526
1719, січня 26.
Донос [Василя Кочубея на полкового обозного Клима Нащинського], який засвідчує, що реальна влада в Гетьманщині перейшла до керівництва Київської губернії

В Киево-губернскую канцелярию доношение.

Сего генваря 10 дня прислал ко мнѣ письмо Василий Кочубей, писанное на имя мое за его рукою, а в письмѣ пишетъ, что Полтавскаго полку Полковой Обозный Клим Нащинский держит у себя вора Запорожца прозванием Горбом, и посылает его с товары в Крым. На Тозареева и про других Запорожцев в том же письмѣ пишетъ, что бывают в Полтавском полку. И о том-бы, как прибудет господин Капитан от гвардии Горохов, донесть ему. И оный Капитан в Полтаву и в Переволочную не бывал, и поѣхал в Воронежскую губернию, и слышно, что оттуда поѣдет в Санктпетербург. А я оное письмо у себя задержать опасен, и оное письмо за его Кочубеевою рукою при сем доношении послал в Губернскую канцелярию.

Подлинное доношение
за рукою Капитана Князя Бабичева.

Из Полтавы,
Генваря 26 дня,
1719 года[471].

№ 527
1722, квітня 28.
Про втручання київського губернатора та його підлеглих в життя Гетьманщини, ігнорування ними гетьмана та його урядовців, обмеження російською владою права самостійно визначати-обирати полковників [Із статей гетьмана І. І. Скоропадського до Петра І]

(…) 3-е.

Господину Генералу-Губернатору Киевскому и Комендантом по гварнѣзонах, в Малой России будучим, да повелит Ваше Императорское Величество до судов и правления Малороссийского не вступатясь и Указов ни каких од себе до Старшин Малороссийских не засылать, всесмиренно прошу.

4-е.

Киево-губернские Офицеры и салдаты по границѣ, в Малой России на форпостах стоячие, всякую себѣ живность от обывателей берут, а сверх того у Козаков, там же с ними будучих, коней в подводы емлють и самими Козаками, як служащими своими работают, да и купеческих людей, особливо зимою, на холод и голод, для взятков, долго удержуют. Сего ради рабски прошу Вашего Величества повелѣти тые форпосты, ради таких трудностей людских, сняти, или Указом чинить того воспретить.

(…)

5-е.

В полках Сгародубовском и Переясловском давно уже нет Полковников, и для того там не могут быти порядочныя управы, да и для службы впред Вашего Величества, як и нынѣ оная отправлена под Ладогу и до Царицина, надобно быть цѣлым Командиром. Сего ради прошу Вашего Величества повелѣть мнѣ нынѣ на тыя праздныя Полковничества с Малороссийских вѣрных и в войску заслуженных избрать и поставить, за согласием Старшины Генеральной и Полковников, вольными гласы, по обыкновению[472].

[470] Материалы для отечественной истории / Издал М. Судиенко. — К. : Университетская типография, 1855. — Т. 2. — С. 39–41.
[471] Там же. — С. 470.
[472] 1722, апреля 28 дня. Статьи гетмана Скоропадского с собственноручным решением государя Петра I-го, мая 20-го / Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каминским и изданные О. Бодянским. — Часть II // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1859. — Кн. I. — С. 314–315.

Мемуарні нотатки росіян

№ 528
Із нотатків про російсько-шведську війну
Б. І. Куракіна

[…]

Топерь будем писать 1708 год.

Генварь. Сего генваря из Польши чрез куранты (узнано), что король польской перешел Вислу и идет прямо к Гродне. И пришед к Гродне, где нашел наших конницу, которые вошед взяли квартер. И вскоре наши нечаемо в двух тысячах поворотились, и был бой. Так писали, ежели бы не вспомог полк генерала Рейншельта, конечно бы сам король был взят в полон.

И потом наши войска отдавались к Минску, и к Полоцку. Той зимы наши брали зимовые квартиры аж до приходу короля шведского: принц Меншиков в Гродне и вкруг по местам конница; фельдмаршал Шереметев в Минску и вкруг вся пехота; генерал Репнин с корпом инфонтарии в Вильне и с ним кн. Голицын; генерал Боур близь Курляндии с корпом конницы.

И потом, в феврале месяце, Царское Величество вскоре в восемь дней, чрез почту с Москвы пришел в Минск, а из Минску пошел визитовать инфонтарию в Вильню. Пишут в газетах, и пишут непрестанно, партельные баталии.

А что будет к весне, впредь будем писать.

Гетман со всем войском получил указ вступить на Волонь и на Русь.

В генваре месяце по возвращении я своем из Вены получил указ, чтоб мне ехать в Гамбурх для дел Его Величества без характеру и жить до указу, покамест будет прислан разыдент, где в газетах пишут, что король шведской идет со всяким поспешением на наших к Смоленску и в другие места.

И той зимы ретировалися войска Его Царского Величества аж в Литву, близь своей границы, и хотели в месяце июне или июле одержать при реке Головчине неприятеля, поделав транжименты.

И в посте, где стоял с дивизиею фельдмаршал Гольц с кавалериею, а генерал князь Репнин с инфонтариею, на то место король шведской перебрался, общед лесом и болотом, не тут, где транжимент был сделан. И при той акции несколько сот из пехоты дивизии вышепомянутой пропало, и пять пушек, и генерал-маиор фон Швенден убит, также и несколько других офицеров. То нападение было от неприятеля в ночи, и, как сказывали языки взятые, стороны неприятеля, что сам король шведской, показав собою образ, сам пошел чрез воду пеш, а с левого крыла фелдмаршал Реншельт, с кавалериею вплавь.

А другие все дивизии и вся армия будущая под командою фелдмаршала Шереметева ретировалися, также и кавалерия к своим границам. Но потом король шведской сегвитовал аж и в Могилев вошел и, оставя в том месте несколько больных своих, секвитовал до самой нашей границы.

Но по той акции вскоре Его Царское Величество пришел до армии из Санк-Петербурха; но вскоре по приезде генерал-фелдмаршал Гольц означен к военному суду. А президентом был фелдмаршал Шереметев. И тот суд не кончился. А генерал Репнин в военном суде был, а презусом генерал от кавалерии князь Меншиков. И тот суд окончен оному господину генералу с великим страхом и афронтом, и отлучен был чину своего несколько времени.

Однако-ж в милости Его Величества оной быв, при баталии под Лесным показал дело свое мужественно командируючи один полк драгунской, и старой свой ранг тем достал.

Но потом будучи неприятель за рекою под Добрым, а по другую сторону — наши. И было неприятельское корпо отделено — 3 регимента, за одною переправою, на которою посылан был генерал-маиор кн. Голицын с восмью баталионы инфонтарии, от гвардии двух полков по баталиону, да других полков простых 6 баталионов, которые перебравшись перед светом ту реку, и так трудную переправу, что шли по груди в воде; а сумы у всех солдат на головах были привязаны, и били на неприятеля, где с первого огню два баталиона неприятельских на месте застали и в обоз вошли. Но потом сам король шведской, пришед с кавалериею на сикурс, отбил, и уже с потерянием не малого нумера войск Его Величества отошли. И вскоре, на другой день, пошли все войска; а то место оставили неприятелю.

И перешед то место, неприятель пробирался до Украйны, что уже был в марше 9 дней неведом войскам российским. Но когда уведав в Украйну его маршу, Его Царское Величество ординовал фельдмаршалу Шереметеву с войски идти в Украйну и, чтоб не впустя, упредить неприятеля. И хотя с трудом то учинили и под Стародубом упредили, однако-ж не имеючи довольно кавалерии, нигде на переправах удержать не могли. А по отправлении фелдмаршала Шереметева на Украйну, Его Величество, взяв свою гвардию и той дивизии пехоту конную и кавалерии 16 регментов под командою князя Меншикова, пошел в Литву, под Лесное, на встречу генерала неприятельского Левенгопта, которой шел в 16000 и имел при себе довольно муниции, провианту, и артиллерии; которой при том месте под Лесном разбит, и артиллерии 16 пушек, и богаж весь взят, и инфонтарию всю потерял, только кавалерии 5 или шесть полков бегом отвел и соединился с королем шведским.

И с той виктории с пехотой Царское Величество возратился до Смоленска, а князь Меншиков с ковалериею пошел на Смоленск. Как от других уведомлены были, воистину славная виктория была, что ровным числом или еще и меньше наших на неприятеля били, токмо ж с немалом убытком инфонтарии от гвардии как офицеров, так и солдат самих застало.

Потом король шведской пришел к Стародубу, на Украйну. А фелдмаршал Шереметев с дивизиями инфонтарии и несколько кавалерии пришел до Погаров местечку, от Стародуба в расстоянии 6 миль. Однако ж, хотя и упредили уже того осеннего времени, войск неприятельских при реке под Стародубом не удержали, и потом перешед реку под Стародубом и вошел в Украйну между рекою, что под Стародубом и Десною, в местечко Сеновичи в месяце или остатних числах октября, или первых ноября (1708 г.) подлинно написать не упомню.

А гетман Мазепа с войски того времени стоял при Десне в местечке Салтыковой девице, а войск имел только тысяч с пять. И хотя многими письмами как от Его Величества, так и от министров, было подтверждено, и многожды чрез посланных знатных особ зван был к совокуплению войск с фельдмаршалом, однако же, всякими мерами отговаривался и притворством сделал себя больна, и не пошел дале того места с войски своими. И с того места просил позволения, чтоб ему возвратиться до Батурина, его разыденции, и то от министров позволено было.

И как возвращался до Батурина от девицы Салтыковой, тогда ординовал гвардии пехотой, которая при нем была московской нации, брегадир Анненков с двумя пехотными солдатскими полками и несколько конницы, перешед чрез Десну, и стал в местечке Сосницах.

А когда король шведской перешел за реку под Стародубом, тогда фельдмаршел Шереметев с войски ретировался, и выше Северского Новогородка, реку Десну перебравшись, упредил пред неприятеля. А тогда гетман Мазепа, поворотясь (с) своими войски придворными, с четырью или пятью тысячами, до местечка Короба...

А Царское Величество потом в дву или трех днях из Смоленска в армию под Новгородок Северской пришел.

И на другой день, в ночи Мазепа, перебравшись чрез реку Десну, соединился с королем шведским, а Его Величеству изменил.

А с ним старшин: обозной Ломоковской, полковник миргородской, полковник прилуцкой, писарь генеральной, судья генеральной, племянник его, есаулы два генеральные и другие также некоторые.

А Его Величество Царское намерен был ехать до Мазепы пред теми часы на почте, и с тем обвестием послан до него Михайло Чириков, токмо уже его найти нигде не мог. А он того часу перебрался за реку, только не мог перебрать еще экипаж свой и несколько своих пехоты, для того так скрытно учинено, потом еще не узнали стороны московских оной измены Мазепиной. Но потом объявилася вся его факция, что уже с королем шведским у него была корришпонденция прежде того времени года за два, и неприятель на Украйну пришел по его призванию Мазепину, которой обещал ему войск при себе малороссийских поставить 30000.

Но потом, когда уведали об его измене по двух днях его светлость кн. Меншиков тут же чрез почту прибыл один в персоне до армии к Новгородку Северскому до Его Величества, а кавалерию оставил перебираться чрез реку Десну, или и при себе всю переправил около Новых Млынов, того несведом был. Но по двух днях с некоторою частью своих войск кн. Меншиков наскоро отправлен добывать разыденцию Мазепину Батурин, для чего в том месте заперших ожидали короля шведского в сикурс. Однако-ж чрез доброе старание оного командира то место взято, в котором 10000 президию было, из тех несколько животом спаслись, а другие в штурме пропали. И то место все потом выжжено и разорено, но и впредь никакому поселидбищу быть тут заказано. Но особливе Его Величество указал, по окончании войны или выходу из Украйны неприятелю, поставить на том месте столб каменной, и доски железные литые с надписанием утвердить с начала всей измены Мазепиной.

А по отправлению его светлости княжеской под Батурин, выданы от министров Его Величества Царского во всю Украйну малороссийских городов универсалы об измене Мазепиной и чтоб сбирались в город Глухов для избрания нового гетмана на назначенное число. Но прежде всех других полковников и старшин приехал полковник черниговской Полуботок и потом другие, съехавшись в ноябре первых чисел, при посланном министре кн. Долгоруком, выбрали нового гетмана Ивана Скуропатцкого, полковника стародубского. Но в тех часах, хотя и с потерянием король шведской, так и с обеих сторон, перешел Десну, и, перешед, пошел до Прилук, и, в Прилуках быв, пошел, пробираючись до Галича. И Галич взял, и тут свой гарнизон посадил, и также все экипажи и больных имел.

А войска Царского Величества упреждали левою стороною и закрывали полки слободские. И наши взяв квартиру в Лебидине, от Сум не далеко, некоторое время стояли, отлучены были друг на(д) другом поиску искать за великими морозы, которых за сколько лет на Украйне и ни на Москве не памятовают.

И по празднике Рождестве Христове войско Царского Величества разделено: одна часть под командою фельдмаршала Шереметева стоят от Украйны около Псла, которому в том марше назначено бить на генерала с корпом в 4000 и также Галич добывать, и ни что не предуспело. А в другую сторону отправлен с корпом кн. Меншиков в Ахтырку и в другие места по реке Ворскле. И потом вскоре король шведской пошел добывать местечко Веприк, в генваре месяце, в котором было нашего гарнизону 3 баталиона. И взяв, неприятель, на капитуляцию, поворотясь, и со всем своим большим корпусом войск был во всю зиму аж до полой воды всегда в акциях с корпусом войск под командою его светлости кн. Меншикова, как сначало помяну, в Груне — с полковником Шевалее, под Опошнею — с генералом маиором Шамбурхом, в Красном Куте — с ним же, Шамбурхом, в Городном — с генералом порутчиком Реном, где с великим потерянием и стыдом отшел, и потом стала вода великая. И возвратясь неприятель до Опошни, и взял свои квартиры по ту сторону Ворсклы, а войска Его Величества по сю сторону Ворсклы. И так стояли аж до шестой

недели великого поста, а стали на масляннице или за неделю.

А Царское Величество по разделении оных команд войск на два корпа, пошел до Воронежа со всеми министры. А генерал Репнин с пехотою всего большого корпа отправлен стать на квартиры в Богодухове и в других местех. Да по празднике ж Рождества Христова в скорых числех отправлены в Польшу фельдмаршал лейтенант Гольц, кавалерии 7 региментов, ннфонтарии 6, а над инфонтариею генерал-лейтенант кн. Голицын, от гвардии полковник второго полку, на сикурс по прошению Речи Посполитой, как уже неприятель конт Станислав Лещинской названной король, с некоторыми числа войск аванжировал аж до самой Руссии, и пришел аж до Львова, имеючи при себе генерала шведского Красова с 8000 войска регулярного и несколько тысяч войска польского, что уже было диверсию алигатом Царского Величества гетману коронному Синявскому и прочим не малую учинили; того ради в изрядной интерес оное корпо отправлено.

Но потом факция Мазепина началась быть до козаков запорожских и некоторую не малую сумму денег им дал, дабы партию их с неприятелем держали, которые имели у себя кошевого — зовется Костя, 3 (слышно было, что человек не без ума), но в продолжении некоторого времени не малого к тому склонились и во шти тысячах своих войск с неприятелем соединилися около Полтавы и Сенжару.

Сия другая измена в немалую конфузию двор Его Величества привела. Однако-ж при помощи Божеской, обратилась в ничто, как о том ниже покажу.

Когда неприятель, сближаючись к Полтаве генваря и февраля и марта месяца, и начинал делать договор с запорожцами, кошевым Костяю и другими, тогда генерал от кавалерии князь Меншиков, с повеления Его Величества, отправил еще в феврале первых числех три полка пехоты до Киева и ординовал князю Голицыну, губернатору того места, уготовить судов довольно на Днепре, и к самой водополи отправил полковника от кавалерии Яковлева, которой, пошед с оными полками водою в марте месяце и пришед, несколько порубил в Верхнем Койдаке, а потом достав и Нижней Койдак. Оба те места казаков запорожских, потом имел указ от светлейшего князя идти до Сечи, где разыденция всей старшины запорожских казаков. И пришед уже и апреле месяце последних чисел, штурмовал, и после штурму достал, и кошевого наказного и старшин многих в полон ваял, а других многих и порубили, а иных переказнили и перевешали, и на кол посажали тех бунтовщиков, и артиллерию не малую взяли, также и другие некоторые собранные отдревле скарбы достали, и то место все разорено, дабы и впредь таким пристани во оных местех не было.

И вся та измена тем рушилась.

Под тот час приходу полковника Яковлева, тут в Сече был присланной Ага и несколько татар из Крыму, которые, по призванию тех изменников, приезжали, и просили оных, чтоб им вспоможение всею ордою учинили и сообщились вместе с Мазепою и с другими.

Также и прежде того времени много факций от Мазепы были как в Крым и в Белегородскую орду, так и в Царьгород, чтоб турки и татары мир разорвали с Его Величеством Царским. Однако-же, добрым остерегательством господ министров, также и там разыдующего при дворе солтанском господина Толстого сие трудами удержано, которой не малой себе рекомпенс получил от Его Величества.

И хотя король шведской, осадя Полтаву, стоя не малое время, маня себе, в не(й) ожидая орды, и по сё число ничего в пользу не получил, токмо свое войско в большее разорение и слабость привел.

А когда в поле выступя с квартиры, генерал кн. Меншиков пришел со всем корпом команды своей камповать под Опошню, и на тот час неприятель имел в Опошне две тысячи своего призидиум и одного генерала. Но по приходе его светлость княжеская учиня консиль военный с господами генералы, дабы чем подать сикурс осаде Полтавы, и того ради ординовал его светлость под Опошнею в дву местех, при реке, делать шанцы и для переходу войск на ту сторону публичной мост и, как видев неприятель, также против того места под Опошнею за пол мили при реке начал делать шанцы на том посаже. И свезши две пушки и 600 человек инфонтарии, посадя в те редуты, хотя удержать переход войск российских, но ничто не предуспело. По учинению мостов генерал князь Меншиков ординовал, от Котельвы перебравшись в ночь, генералу порутчику Беленку с дивизиею перейти за реку Ворсклу и лесами идти аж до самой Опошни, а на мосты публичные — дивизии Реншелевой — генерал-маиор Гольц, а с ним инфонтарии 4 батальона да кавалерии 3 регимента под командою генерала маиора Шамбурха, кавалерии да шквандрон в резерве, да полк лейб-гвардии Семеновской в резерве-ж, и чтоб перешед, на первом часе то место, ежели возможно атаковать, а ежели не возможно — поиск учинить над неприятелем в тех шанцах и возвратиться. И на первом часу дни на те шанцы кавалерию драгоны мужественно атаковали, но в скором времени в полчаса оные шанцы взяли с малым самым уроном нашей стороны, а на неприятельской из оных штисот человек. Редкого опустили: одних в полон взяли, а других тут на месте положили, также и две пушки под гербом отца короля шведского тут взяли-ж. И тех неприятелей аж до самой Опошни в гарнизон прогнали.

А с другую сторону генерал лейтенант Белен с инфонтарией своей дивизии пришел к Опошне-ж, и тогда часу в третьем дня по той акции присовокупясь с наши войски до того места, и его светлость княжеская с генералы осмотря, положили, что добывать то место трудно с немалым потерянием людей, и отступать почели. Тогда сикурс вскоре из Будищ, в четырех тысячах кавалерии, пришел, да несколько инфонтарии и сам король при том был. И оттуль отступя наши без всякого урону с победою изрядною. А потом в ночь шведы, то место зажегши, уступили в Будищи, также и из Будищ все уступили к Полтаве.

И его светлость княжеская (Меншиков) на другой день поехал наскоро сам в своей особе под Полтаву до генерала

Рена и, осмотря ситуацию того места, рассудил за потребно, чтоб всем корпом армии придти на сю сторону реки и учинить комуникацию с городом Полтавою. А при том получил ведомость из города от коменданта, которой просил на сикурс людей.

И повратясь к Опошне в армию, его светлость, учиня военный консиль с генералы и взяв с собою 1200 человек пехоты командированных и брегадира Головина, пришед в ночи под Полтаву, хотя и с трудом не малым, как чрез три реки пребирались и болота, такмо с Божиею помощью в Полтаву вошли, и при себе оные солдаты на каждого по 40 патронов пронесли, в чем многое удовольство тому гварнизону подали, и на другой день его светлость княжеская со всею армиею, пришед под то место чрез реку, начали делать линию с редуты, чтоб комуникацию учинить и кам(п) всем пехотным дивизиям взяли по сю сторону реки Ворсклы, против самого города, а кавалерию командировал камповать генерала порутчика Рена за рекою Коломкою и оттуль несколько полков по реке Ворскле вниз, аж до Старого Сенжару, где шведское призиум было и запорожцев, а вверх по Ворскле господина генерала-маиора Шамбурха и князя Волхонского с некоторыми полками, аж до самой Опошни.

И непрестанно на неприятельскую сторону партии легкой кавалерии отправляли, как волохов, казаков донских, калмыков, которые всегда неприятелю алярм делали и лошадей отгоняли, и одни(м) разом больше семисот лошадей от обозу неприятельского отогнали, также и многих языков брали, и многие и сами дизерторы были, которые видев неприятеля весьма в разорении своих войск и в скудости провианту.

А как слышно было, по тем языкам, что всего войска имел 18000 неприятель как инфонтарии, так и кавалерии.

И по приходе под Полтаву с неделю брегадир Головин увидев, что уже линия продолжилась аж до самой реки, начал вести из города апрошеми также линию, чтоб со оною случится, между которыми, уже по нашем приходе, неприятель начал по реке контро-линию и твердые самые редуты делать, что(б) не допустить той комуникации.

И брегадир Головин, усмотря в полдни одного дня учинил вылазку с одним баталионом на ту работу неприятельскую. И видев, что уже войска русские приблизились к реке сажен за 50, и на тот-же час его светлость княжеская также на мост старой отправил несколько гранадиров с одним полковником и мушкетеров.

И в той акции с сей стороны потеряли с 70 человек, а из городовых и самого брегадира, сбив с лошади, в болоте взяли в полон и сто человек потеряли. А неприятель застал в выигрыше только что взятьем в полон брегадира Головина и удержанием того места, а своих — слышно чрез языков, — вдвое стратил, нежели войска московские.

И по взятии оного брегадира Головина, получили ведомость, что оной был с гонором трактован. Однако-ж сам неосторожно себя повел и хотел уйти, за что был посажен в клетку и (с) ругательством; так, как долго содержан был, знать не могу.

Потом спустя недели две, фелдмаршал Шереметев, с корпом своих войск пришел в совокупление под Опошню и, дожидаясь приходу вскоре Его Величества, ничего в прибавку промыслу к той комуникации не учинили.

И Его Величество первых дней июня пришел из Троицкого. И по десяти днях приходу своего положили генеральным советом, чтоб дня 12 в ночи двум дивизиям инфонтарии генерала кн. Меншикова, генерала Алярта и гвардии Преображенского, и Семеновского, и Ингермонландского полком быть тут же в резерве и переходить выше кампаменту версты с три на неприятельскую сторону и, перешед, быть под командою кн. Меншикова, а из шанец тем же разом идти на неприятельские шанцы под командою князя Репнина; а из города на тот же час учинить вылазку.

А генерал порутчик Рен с кавалериею от Петровского, за милю от Полтавы, перебравшись, бил на неприятеля.

А гетман Скуропадской из-за реки Псла также бы с конницею бил. А генерал порутчик Генскин с кавалериею отправлен под Сенжары Новые, отсель 8 миль также бить на генерала Крейца; которой генерала сбив с поля и вогнав в то место Сенжары, и то место достал, и полоненников московских 1200 человек свободил, а неприятелей на том месте засталось 600 человек.

А гетман Скуропадской также и генерал Рен учинили свои операции токмо корпо отправленная инфонтария под командою светлейшего князя возвратилися вне, того ради, что чрез оную переправу пробраться за болотами не могли. И место хотя кто преже того и осмотрел, токмо с трудом и до половины дня всему тому корпу, как было с 20000 пехоты, перебраться, и рассудя, назад поворотились в обоз той же ночи, после полуночи час.

15-е число июня. И учиня генеральной консил положили пришедшую ночь атакировать опроши неприятельские против города.

И той ночи зачем, знать не мог, не состоялося. 16-го также прошло без всякого промыслу, токмо обыкновенная работа была в шанцах, в которую ночь сам фелдмаршал был с генералом Аляртом.

И того дня перебравшись, генерал порутчик Рен, на ту сторону реки, с неприятелем имели малую акцию, и неприятеля привели в великую конфузию, что принуждены обозы их тронуться с тех мест, где стояли.

17-го, того дня стояли еще на старых квартирах.

А потом, несколько дней спустя, Его Царское Величество ординовал всему войску идти на неприятельскую сторону реки, выше Полтавы две мили.

И перешед, учинили транжемент и стояли три дня. А потом, осмотря место, за полмили до Полтавы и до обоза неприятельского перешли; и пехота, учиня ретраншемент, стала; а конница, учиня редут, стала в одну линию, на правую сторону от транжемента инфонтарии: с левой руки генерал лейтенант Рен, а с правой руки генерал Боур, а в середине — генерал Генскин. И пришед на то место, стояли два дня.

И 27-го дня июня по утру, до восходу солнечного, король шведской атаковал кавалерию московскую. И в первой

атаке был генерал маиор Штакемберг и потом сам король, хотя и ранен, в носилках на дву лошадях со всею кавалериею и инфонтариею атаковал кавалерию московскую. И с того атаку сильного принуждены уступить аж до самого транжименту войск московских, где обретались Его Величество Царское с вышними генералы, со всею инфонтариею.

И вскоре ординовано нашей инфонтарии выступить в поле и стать в ордин баталии двум дивизиям господина генерала Алярта и господина генерала князя Репнина и гвардии.

И Его Величество сам, поставя инфонтарию в две линии, с фелдмаршалом Шереметевом в две линии, а светлейший князь Меншиков также по флянкам постановил кавалерию; а неприятель также построился в ордин баталии.

И о девятом часу или о десятом началась оная баталия и окончилась вечною славою Его Величеству и нации славяно-российской.

А о том всем при сем объявляем подлинною реляциею.

И потом, возвратясь от (Д)непра со всею армиею шведскою завоеванною и багажем, пришли под Полтаву 4(-го) дня.

5-го дня июля Его Величество Царское учинил свой ингрес со всем полоном в Полтаву и, перешед, стал в кампе под городом при реке: а вся инфонтария, и кавалерия по разным местам в двух и трех милях.

И потом стояв под Полтавою в нодельной день трумфовав и за ту викторию как придворные, так и военные переменены чинами: Его Величество — генерал лейтенант первой и шаутбейнахт от синего флаку; светлейший князь Меншиков — фелдмаршал второй; граф Головкин — канцлер; господин Шафиров — подканцлер; генерал Репнин — кавалер Святого Андрея; генерал Алярт — кавалер Святого Андрея; генерал Брюс — кавалер Святого Андрея; генерал Ренсель — кавалер Святого Андрея; князь Долгорукой — геемрат и кавалер Святого Андрея; Мусин — геемрат; Николай фон-Верден — генерал лейтенант; брегадир Бук — генерал маиор; полковник Бой — брегадир; Алексей Головин — генерал маиор; Алексей Келин — генерал маиор; Савва Айгустов — генерал маиор; Шигловской — генерал маиор; Полонской — генерал маиор; Рен — генерал полной над кавалериею; Чернышев — брегадир; Иван Головин — брегадир; Кропотов Гаврило — брегадир; Никита Кокимган — полковник; князь Василей Долгорукой — рангою генерала маиора; фелдмаршелу Шереметеву — деревню; князю Голицыну — деревня; генералу Боуру — деревня; генералу Генскину — деревня; генерал маиору Волхонскому — деревня; Мусину — деревня; Белаю певчему — деревня; Кирсанфову Кузьме — деревня; Зотову Никите — персона; Толстому — персона, Шаховскому — кубок, Чирикову адъютанту-генералу — ранг брегадира; и другим многим чины; а всем офицерам по их рангам — золотые клейноты, а солдатам и ундер-офицерам — на два месяца жалованье без зачету.

И потом, пять дней спустя, 17-го числа пошли все войска на четыре колонны: одна — генерала Алярта и князя Голицына, а другая Репнина, а третья Ренселева чрез Литву к Риге и с ними фелдмаршал Шереметев, а князь Меншиков в Киев с несколько кавалериею и в Польшу, где гетман коронной; а Царское Величество-со всем двором в Польшу-ж чрез Киев, и генерал Боур с достальною конницею пошел к Риге ж особою колонною.

А которые за королем ходили в погоню — князь Григорей Семенов сын Волхонской и тот поворотился, для того что король и с Мазепою ушел за Буг реку в Очаков, и турки их приняли. Однако-ж при том перевозе (переходе) Буга еще несколько сот шведы потеряли.

Июля последних чисел Его Царское Величество пришел в Киев, также и светлость княжеская со всем своим домом, и получили известие подлинное, что король шведской и Мазепа из Очакова в Мендир перевезены.

Хотя и за неверно сие принято при сем дворе, однакож оную страмость короля шведского хочу объявить.

Так нам слышно было, когда в Очаков пришед сказавшись оного места начальником, что оные пришли с послом наскоро до солтана турецкого от короля шведского, и чтоб того посла без удержания пропустить; и поволено ехать ему до Царяграда. И по отъезде оного посла, паша того вскоре уведомился о приезде самого короля шведского; послав, догнали и остановили при том вышеявленном месте, которого посла были принуждены осмотреть. И по признакам оного узнав, удержали в аресте, описующе его: статуры не малой, суха с природы, нос с горбиною, в ногу ранен.

Но потом вскоре серасхер паша, которой правитель всей Европы прилежащей под турком, как вологи, мыльтьяне, татары, греки и другие подобные им, прислал своего посланца в Киев до воеводы князя Голицына с объявлением, что король шведской у них пребывает также и Мазепа, и притом словесно объявил, что Мазепа будет отдан; токмо сего в листу не объявил, а приказал наедине на словах объявить.

По намерению отсель поход вскоре Царского Величества не состоялся за припадшею болезнею лихорадки. А его светлость князь Меншиков вскоре по семи днях до Польши поехал.

Здесь учиня совет пред будущих вскоре дел, положили будущие тайные советники при Его Царском Величестве: фелдмаршал кн. Меншиков, великой канцлер граф Головкин, великой подканцлер Шафиров, действительной советник кн. Долгоруков, чтоб прежде [ныне] обослаться до короля прусского, дабы мог быть до Прус и видеться с Его Величеством Царским; а ежели возможно, хотя бы и короля датского.

И до того отправлен первого августа дня посланник прусской, которой был взят у Днепра разыдующей при армате шведской, чрез почту до Берлина.

А до короля Августа также послан с последним письмом, дабы учинил последнюю резолюцию о своем возвращении до Польши, понеже Его Величество Царское вскоре обещал возвратиться до войск своих в Курляндию. А пришед в Польшу, ежели Август поворотится, постановить,

и противную партию ласканием и любовью превратить, и постановить вечной алианс, и потом, возвратясь до Прус, видеться с королем прусским и с датским и со всеми ими учинить алианс против неприятеля шведа, и одолжить разобранием от него завладеющих некоторых мест.

С Москвы вскоре ожидаем царевича.

Из Киева Его Царское Величество пошел до Польши и, пришедши до Люблина, где было войско всей дивизии генерала фелдмаршала лейтенанта Гольца, и были в том месте 10 дней, и банкетовали у Огинского, у подскарбия, у Воловича, у принцеши Рагоцы. Тут же смотрел войско литовское Его Царское Величество.

И оттуль пошед к Висле, в Петровин, где Его Величество Царское смотрел все войско коронное, и того дня обедал у гетмана Синявского. И на вечер перешед на ту сторону реки Вислы в местечке Солец, и был тут весь двор 12 дней, где дождались генерала Флеменка от короля Августа, что назначено место для свидания с Его Царским Величеством в Тороне.

И на завтрее пошел водою аж до Тороня, а царевич в путь свой сухим путем, да с принцем Меншиковым при армии. И по десяти днях Его Царское Величество пришел в Торон, где: не доезжаючи за полмили водою, был встречен от короля польского со всем санатон. И тут в Тороне, начали трактовать, и трактат состоялся, что Его Царскому Величеству дать 10 000 руб., то есть сто тысяч рублев, а Лифляндию при завоевании от шведа отдать во владение польское, как Ригу, так и другие города.

И по скончании оного трактату, продолжилося бытность больше двух недель, ожидаючи отповеди от короля прусского. И по получении сего, что положено свидеться в Прусах, в Маринвердене, Царское Величество отъезжал из Тороня водою вместе с королем Августом одним судном семь миль до одного местечка, где стояла армия саксонская, в нумере обретающаяся 8000 кавалерии; и потом был от короля провожен на струх.

Кратко опишу, что сия бытность обоих потентатов вельми удивила какою низостью, и почтением, и без всякой отмолвки во всем послушностью был король Август к Царскому Величеству так яко бы подданному. И притом многие чины даны с воли и слова Царского Величества: подскарбию Потею — гетман великой коронной; графу Денову — гетман польной коронной, и так многим другим. Сие в интерес Государства Российского учинено не мало, что партии нашей награждены такими рангами, что и напредь безопасно может быть.

В ту бытность в Тороне получена ведомость, что генерал Красов, будущей в 12000, ретировался в Помаранию и с ним Станислав Лещинской.

И потом отъехав Его Царское Величество водою два дни до Маринверден, приезжаючи, где был принят самим королем прусским в карету, и потом до Маринверден с полмили ехали вместе.

И в Маринвердене бытности всей 8 дней в великих банкетах пребывали, и потом трактовали и учинили алианс общей все четыре потентата: Царское Величество, датской, польской, прусской против шведа.

И потом Царское Величество чрез почту Прусами пошел до Курляндии в главную армию. И остатней день в вечеру Его Царское Величество, простясь с королем прусским, был проважен аж до самой кареты, с великим почтением и приязнью к друг другу расталися.

И оттуль последнего дня отправлены министры: посол екстрардинальной кн. Долгоруков к королю польскому и к Речи Посполитой; в Англию — министр пленипотенциариус кн. Куракин, также и в проезде первое велено быть в Гановере и трактовать с полною-ж мочью; князь Трубецкой и граф Головкин Александро с царевичем — в Саксонию, в Дрейден (Дрезден) резидовать инкогнито, а князь Меншиков — до армии в свою команду, до Ерославля, откуль будет иметь путь свой до Москвы на зимовую квартиру.

И так сие окончил писать по отъезде из Маринвердена в Англию. А впредь во отлучении что будет, станем писать.

И Его Царское Величество по приходе своем того месяца октября под Ригу, где уже нашел всю армию в Курляндии под командою фелдмаршала Шереметева. На другой день по приходе своем пошед под Ригу, из четырех мартиров велел бомбандировать. И так определено было во всю зиму, до самого справедливого атаку на весне, метать в неделю по 140 бомб, на день по 20 бомб, чтоб тем дать обеспокоение гарнизону и тамошним жителям.

И так продолжалося аж до мая. А потом Его Царское Величество из под Риги пошел в Санк-Петербурх для преуготовления флоту к предбудущей компании, где пробавился 5 недель. И потом возвратился к Москве и 20 декабря (1709 г.) свой трамфальной ингрес учинил с победы баталей полтавской и левенгопской с великою магнифиценциею. А каким обычаем — при сем явим особою реляциею. А тем зимним временен ноября месяца в Риге бомбы учинили не малое действо: первое, магазин подорвало при одних воротах, вдругоредь — также магазин подорвало возле лябораториум, в коштеле, где учинило не токмо нарушение фортеции, но вырвало стены и учинило брешь на двадцать сажен и больше, и побило с полторы тысячи солдат и других, и сам губернатор в таком случае переломил ногу. И уже от времени до времени в городе умножалося гладу и болезни солдатам, и больше тысячи в зиме померли. Однакоже гарнизон еще, по ведомости, до мая находился в 8,000 инфонтарии и кавалерии.

И в бытность свою на Москве Его Царское Величество получил ведомость из Царяграда от посла Толстова о подтверждении миру с Его Царским Величеством впредь до назначенных дет.

Однако-ж, по тех радостных новинах при дворе получена неприятная ведомость, что алиат, король датской, потерял свою армию в Скании, которая состояла в 14000 кавалерии, инфонтарии; из Скании все выбиты. То учинилося февраля последних чисел (1710 г.) нашего календаря.

И Его Царское Величество февраля пошел с Москвы до Санк-Петербурха, где учиня всякие препараменты,

пошел под Выборх и осадил. И по взятии того — под Або, где ему последствовали два полка гвардии: Преображенский и Семеновский. А к Риге командирующих отправлено: фелдмаршал Шереметев и фелдмаршал принц Меншиков. А его светлость царевич той зимы жил в Кракове, а при нем князь Трубецкой и граф Александро Головкин. И мая пришед до Варшавы, до короля, откуль будет отправлен в Саксонию, в Дрезден и, чаю, путь свой вскоре восприимет.

Той зимы кавалерия 30 тысяч была под командою в Польше генерала фелдмаршала лейтенанта Гольца, которой взят за арест и провожен до Москвы. В польских Прусах будучи, генерал-маиор Ностиц с тремя региментами инфонтарии при некоторой стратажеме намеренно учинил от прусских трупов принужден атаковать то место Пойкалам с одними шпагами, и взял того месяца и числа. А что чего взято, тому реляция при сем[473].

№ 529
Із спогадів Б. І. Куракіна про 1708 та 1709 роки

Изо Львова месеца сентября остатних чисел приехал в Киев, где наехал губернатором князь Голицына и тут забавился неделю. И потом поехал в армею и нашел, Стародуба недалеко, называется то место Погары, только одного фельтмаршала и министров: Головкина, Долгорукова и Шафирова. А Его Величество тех часов был после баталии Левенгобской в Смоленску, а король шветцкой того времени был под Стародубом.

И из Пагаров при армии пришли в Новгород Северской и в деревню Погребки, и тут дождалися приходу Царскаго Величества из Смоленска. И на другой день получили ведомость о Мазепеной измене, а на третей день кн. Меншиков пришел в Погребки с тем же известием. Потом, на другой день, князь Меншиков послан доставать город разыденции Батуринъ; а меня Его Величество послал на почте в Киев для митрополита Краковского и епископа Переяславского Захария и других персон духовных перших из Печерского и из других монастырей, чтоб провести в Глухов для изобрания новаго гетмана.

Могу приписать себе сие в немалой страх езды моей, так что с трудом и страхом потеряния живота мог проехать до Киева, понеже во всех местах малороссийских и селах были бунты и бургумистров и других старшин побивали.

Но при помощи всесильнаго Бога в четырех персонах проехал до Киева тайным образом. И приехав, того ж часу объявил митрополиту и протчим измену бывшего гетмана Мазепы и указ об их отъезде в Глухов. И на утрее прибравшись, поехали в путь на Нежин. И, недоезжая Нежина, получили ведомость, что король шветцкой перешел Десну реку; но с великим страхом проехали от Нежина до Путимля. А недоезжая Нежина, за две мили сельцо гетманское, в котором поймали его двух дворовых конюхов и с лошедьми, которых забрав с собою, с дороги отпустил, а лошадей взял к себе.

И приехав до Путимля, митрополита и со всеми отправил до Глухова, а сам остался в Путимле за болезнью, что припала лихорадка.

И потом, четыре дни спустя, приехал до Глухова и отпущен был до Москвы, словом, не надолгое время, и в ноябре 19 приехал чрез почту к Москве. И был на Москве по 19 декабря, а оттуль поехал в армию. И приехав к Рожеству Христову в местечко Лебедин, где принел полк лейб-гвардии Семеновской, и командировал тем регментом и полком Астраханским (аж до самого) чрез всю зиму и весну. А князь Голицын генералъ-лейтенант был послан в Польшу с полками, и под Полтаву приехав, принел команду.

Топерь буду писать все обстоятельства своей бытности (и) фортуны с диздпазии.

С приезду своего из Италии в армию, как молвил выше, (въ) Погары, принет был приемно от всех, как министров, так и протчих, и присовокупляли словом, чтоб мне быть in consiglio secreto con signori minisri inseme, на что многократно мне свое намерение объявляли, что хотят просить Его Величество Царское о мне. Но Быв я том надеянии, токмо того не постиг ed dal primo ministro son stato ingonato. А как Его Царское Величество пришел в Погребки из Смоленска, но и с происканием злобы, или погубления сие учинено от оного министра вышепомянутого, что послан был в Киев для привозу архиерея; понеже того времени сие так дело было причинно, что к потерянию живота, так как от неприятеля и ребелизантов с Мазепою, так и другой стороны, что оной архиерей признан был как бы согласник оному Мазепе, и опасаючись того, что он и другие духовные персонально с народом противности какой не показали; но оного приказано уговоря, привести. Однако ж, вся оная мне трудность, с Божиею помощью, с вымослу их злого произошла без друтка, токмо ж, правда, без всякой вменяючи заслуги и заплаты.

Но с самого того своего перваго свидания della suo maesta none ben veduto e non bavuto gran discursi meco come sui ha usanzia particullar mente con quelli liquali vengono di paesi straneri e cosi sipuol dise che mal veduto. Однакож, я как в своем намерении был, которые привез подарки презентовал, токмо все in nulla. Ma del principe Menscicoff sono stato ben ricevuto.

Приезд до Москвы ставлю себе за счастье от всех в приемности особливой всего моего веку. Но остатне покажу то, что при отъезде моем самом имел в доме своем столько персон знаменитых, как князя Гагарина — коменданта московскаго, так и других прочих.

И того году и зимы сына князь Александра посадил учиться по латыне. В здоровье своем был свободен, токмо уже некоторые знаки видел на висках и мало на лбу. В ту ж бытность свою имел услужить бископу львовскому,

[473] *Куракин Б. И.* Русско-шведская война, записки кн. Б. И. Куракина, 1701–1710 // Архив кн. Ф. А. Куракина. — СПб. : Типография В. С. Балашева, 1890. — Кн. 1. — С. 311–328.

и некоторое число дал ему денег, и в доме своем чествовал, желая себе добраго корришпондента иметь в Польше; токмо по отъезде моем несколько времени на Москве скончался меленколиею.

И той же бытности своей, хотя с противлением, только жену взял в дом свой и с дочерью и, оставя тут, поехал.

А когда по приезде своем в Сумы, пошел в команде Семеновского и Астраханского полков с князем Меншиковым, тогда, пришед в Ахтырку, были тут. И всю ту зиму, аж до случения весною всей армии под Полтавою, был в поведении добром и в мере изрядной от его светлости княжеской.

А особливе то себе видел, что тою приязьностью имел команду по его воле в Котельве, когда был оставлен над шестью полками драгунскими, да над двумя пехотными. А полковников, именно почту: Кропотовых два, Шамардин, а других полков полуполковники. Также и пароль примал и отдавал многим полкам.

А в квартире зимней в Харькове уже пред многими имел любовь и приемность партикулярную, а особливе, когда поднес бархат и другие вещи римския.

На квартире той, в Богодухове собравшись по баталии в Городном, имели вскоре зоробраться по разньм городам на квартирах. Потом вскоре себе слабость послышал здоровья своего, а особливе на лице болезнь объявилась прежнея, также и по телу почело выкидоваться. И месеца марта, отъехав до Харькова, начел было лечиться от дохтура двора его Арескина аглинскаго чрез селевацию. И по начинанию 4 дни только, престал, для того что вскоре получили ведомость о измене казаков запорожских. И для того престал вскоре, что намерение было Его Царскаго Величества, ежели та измена про-изошла, в доброй им порядок, чтоб другие казаки (не) пристали к ним, то б, конечно, дать баталия генеральная.

И во весь тот зимней поход имели (с) шветцким королем многие акции, а особливе знатныхъ: в Городном, где и нашего гвардии полку Семеновского часть была спешена, да под Сокольними, обе те акции под командою генерала Рена, да под Опошнею, где взяли несколько полону и две пушки, под командою князя Меньшикова[474].

№ 530
Із записок генерала
Григорія Петровича Чернишова
(1738)

1672 г. Родился от Петра Захарьевича Чернышева, от матери Анны Афанасьевны Бердяевых, генваря 21-го дня.

1688 г. Написан в житье и в стряпчие, 16-ти лет.

1689 г. В стольники и послан в Симбирск, Астрахань и в другие тамошние городы о рождении царевны Марии Иоанновны с богомольными грамотами. 17-ти лет.

1691 г. В бытность воеводы князь Данила Григорьевича Черкаскаго был в Казани, в светлице, судиею по 203 год, 19-ти лет.

1695 г. Наряд был с боярином Борисом Петровичем Шереметевым под Кизикирмень и с того наряду во 60 человеках послан в Азовской поход, при коих войсках изволил присутствовать своею особою его императорское величество Петр Первый и написан я с другими в есаулы к боярину князь Борису Алексеевичу Голицыну, и, при оном походе и при взятье каланчей, в левой бок копием ранен от кубанских татар, 22-х лет.

1696 г. Определен в Керенск воеводой и для разбору солдат и высылки из Шацка и из других мест работников для дела, между Волги и Дону, канала от верховья реки Камышенки до реки Илавлы и Дону, 23-ти лет.

1699 г. Октября в 1-й день. Написан в ученье в солдаты, а из ученья определен к генералу князю Репнину адъютантом, 27-ми лет.

Стали писать 1700-й год. Начатие шведской войны и поход под Нарву, которой в тот поход не взяли; было мне 28-м лет.

1701 г. При генерале князе Репнине с полками послан в команду саксонскаго генерала-фельдмаршала Штейна к Риге, и были вместе с саксонскими полками у Каканауса, и оной взят на акорд и Денаменд шанцы; было мне 29-ть лет.

1702 г. При объявленном же генерале, князе Репнине, был при взятье Шлюссенбурха, которой, по жестоком бою, взяли на акорд, октября 12-го дня, и при взятии онаго города было 10-ть полков, и изволил присутствовать своею особою его императорское величество Петр Первый (и изволил себя называть преображенскаго полка бонбандирской роты капитаном), командовал полками боярин Борис Петрович Шереметев. Было мне 30-ть лет.

А по взятии Шлюссенбурха зимовали в Москве, в Новегороде и во Пскове.

1703 г., апреля 30-го дня. Пошли под Канцы и взяты, мая 1-го дня, на акорд, и по взятии, мая 6-го дня, его императорское величество своею особою, с несколькими преображенскаго и семеновскаго полков солдаты, в 30-ти лодках, изволил ходить на взморье и о полуночи взял неприятельских два корабля; (было мне) — 31-н год.

1704 г. В другой поход к Нарве пришли и определен, июня 27-го дня, маэором, и поручен мне новой солдатской полк, которой комплетовал и мундировал, и обучал, и в состояние привел; кой был под именем генерала князя Репнина, а ныне зовется Тобольской: в шанцах грачами в левое плечо ранен, 32-х лет.

Того же году, августа 9-го дня, послан и шел на Брешт со оными и с другими командированными, за полковника, на приступ к Нарве и ранен в голову камнем, а в правую руку поколот шпагой.

[474] Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная, 1676-июля 20-го — 1709 гг. // Архив кн. Ф. А. Куракина. — СПб. : Типография В. С. Балашева, 1890. — Кн. 1. — С. 281–284.

И по взятии штурмом, вшед с жестоким боем в Вышегород, во всех пристойных местах поставил караул и неприятелей взял в полон, между которыми и коменданта нарвской, генерал-маэор Горн, котораго послал семеновскаго полку с поручиком Яковлевым к генералу фельдмаршелку Агильвию: и того-ж числа сменен преображенскаго полка маэором, князем Голицыным.

Того же году, августа 15-го дня, по благодарном молебне;. послан в Иван-город с полком, которой чрез договор принял, августа 16-го дня, и в пристойных местах поставил караул; и того-ж числа сменен семеновскаго полку подполковником, князем Голицыным, того же августа 23-го дня пошли чрез Псков в Полоцк и в Польшу.

1705 г. Мая в первых числах пожалован подполковником и послан в Вильну, в Вятской полк, кой был под именем генерала-маэора Шарфа, и со оным полком послан в Гродню.

В том же году, ноября в первых числах, переведен тем же чином в новой полк, которой рекрутовал 3-х баталионым; и мундировал, и обучал, и в состояние привел я, и ныне зовется Нарвской; кой был под именем господина канцлера и кавалера графа Головкина; было мне 33 года.

1707 г. В декабре месяце пожалован полковником в тот же Нарвской полк, 35-ти лет.

1708. Мая в первых числах переведен в московской 3-х баталионной полк и с двумя баталионы онаго полку, с сентября по декабрь, был в блакваде (блокада), в Новогродке Северском от шведских войск, при которых присутствовал своею особою королевское величество шведской Карл XII, и хотя от его величества, по многократным присылкам, требовано города отдачи со обещанием многих милостей и угрозами, однакож, за помощию Божиею, по его воле не учинено; ко мне-ж чрез неделю присланы были солдатские бутырской, вологодской пахотные полки, драгунские азовской, да шквандрон драгун московскаго полку, и декабря 1-го числа пошли из Новогродка к Сумам; а из Сум, 1709 году, марта в первых числех, послан в Ахтырку с командрованным солдатским полком, да новых солдат два полка, да казаков 1.000 человек, и был в блакваде от шведов по май месяц; было мне 3б лет.

В мае в первых числех пошел к Апошне и Полтавской баталии, и был в дивизии генерала Аларта. Прежде баталии послан с 500 мушкатеры и 180 гренадеры чрез реку к неприятельскому лагеру для взятья языков, где взято с 17-ть человек и возвратились сщастливо, токмо с нашу сторону, чрез стрельбу, ранили 2-х человек, и на полтавской — отправлял за брегадира, где пробит на мне кафтан в двух местах и лошадь ранена в двух же местах, и по окончании баталии, июня 30-го числа, пожалован в брегадиры; и в июле месяце послан с солдатскими шестью, да с одним драгунским полками, с 4.000 шведскими арестанты в Москву; и отдав в Москве арестантов со объявленными семью полками, приняв дополнение к команде своей рекрут, послан в Нарву, в команду адмирала графа Апраксина и от Нарвы в Санкт Питербурх пришли октября в последних числех; было мне 37-м лет[475].

Післяполтавські будні

№ 531

1709, червня 27.

Один з записів на напрестольному євангелії XVI ст.

«Року 1709 мсця юня 27 достана сия книга глаголемая енггелие под час битви Полтавской з головни [м] неприятелем нашим шведом, котрую я, раб Божий Симеон Палій, полковник охочекомонний, отбивши от неприятеля шведа под Переволочною, надаю сию книгу за отпущение гріхов до села Музици (село у 19 км. від Ясногородки Димерського району. — *Ю. М., І. Т.*), на що я, грішний, недост[й]ни, Игнат Голицкий, писар, рукою своею»[476].

№ 532

1709, липня 3.

Лист канцеляриста Генеральної канцелярії Григорія Скорупи батьку Дем'яну про Полтавську битву та полон шведів і П. Орлика

Мой велце ласкавый и милостивый добродѣю, мосцѣ пане отче.

Господь Бог всемогущий не терпячи наступнику на вѣру и отчизну нашу, королю Шведскому безумной гордини, по своем божественном умилостивлениѣ даровал вѣкторию 27 іюня царскому величеству, первие под Полтавою, где семи генералов главнѣйших Шведских живцем взято, пѣхоту всю трупом на пляцу положено, Полтаву од тяжкого облеженя освобожено; а потом іюля 1 числа, в Переволочной сами генерали Крейц и Левенгофт в одинадцати тисячах Щведа поклонилися и оружие свое побѣдоносному царю нашему под ноги положили. Король тилко з Мазепою чрез Днѣпр в пятисот Шведов, частю Поляков и Запорожцов, переправившися, утекли, которие в незабавѣ от погони нашой за ними не увойдут, яко же Орлик оставшися от них, пойманий полковником Переясловским зостал. Якую потѣшную вѣдомость вашой родителской милости ознайнуючи, желаю уже при Богом данном покою, всяких щасливых потѣх заживати и в долгие времена приблагополучнѣ в ненарушном здравиѣ пребывати, а себе вашой родителской любвѣ и неотмѣнной ласце

[475] Записки графа Г. П.Чернышева / Сообщ. Ф. К. Опочинин // Русская старина. — 1872. — Т. 5. — № 6. — С. 791–794.

[476] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (друга половина XVII–XVIII ст.) (частина 2) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 3. — С. 80 (Опубліковано уперше: *Петров Н. И.* Описание рукописних собраний находящихся в городе Киеве. Библиотека Киево-Софийского собора. — М., 1904. — С.13).

полецаючи, зостаю вм. м. пану и добродѣеви моему отцу всего добра зичливый син я подножок Григорий Скорупа.

З табору от берега Днепрового, іюля 3 д., року 1709.

Надписъ: Моему велце ласкавому и милостивому добродѣеви пану отцу его милости пану Дамиану Григориевичу отдачи належит в Стародубовѣ.

С подлинника[477].

№ 533

1709, липня 22. — Лубни.

Універсал лубенського полковника Василя Савича про послушенство кагатличан колишньому чигириндубровському сотникові Івану Булюбашу та непідлеглість їх чигириндубровській старшині

Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского полковникъ лубенский Василий Савич.

Вамь, паномь старшинѣ городовой чигириндубровской, при узиченню доброго здоровя ознаймуем, иж яко за бувшого полковника подлегліе зоставали поселяне кагатличане пану Івану Булюбашу, бувшому сотнику вашему, и теперь мы, респектуючи на заслуги пана Булюбаша, вашим милостем приказуем, абысте тих поселян до города в жаднихь дѣлех не чепали, варуем, а тому села Кагатлика войту зо всѣми посполитими тамошними жителми грозим и приказуем, жебы пану Булюбашу по прежной обыклости, а барзѣй разоренному дому, о чом прислушатимет потреба, всякіе послушенства отдавали, так мѣти хочем и повторе приказуем.

З Лубен, іюля 22. 1709 року.

Звишменованный полковник лубенский[478].

№ 534

1709, липня 26.

Свідчення на допиті мазепинського писаря Григорія Григоровича про доходи, які йшли на поповнення військової скарбниці та особисто гетьмана

Канцелярист Григорей сказал: на изменника Мазепу с Малоросийского краю збирано денежных доходов в год:

Индукты с Рагузинского 5300 злотых, итого 10 600 рублев, да на кухню 100 рублев, и всего 10 700 рублев.

Аренды было в зборе с полку Стародубовского 9000 злотых, с Киевского полку 6000 злотых, с Лубенского 11000 злотых, с Прилуцкого 5500, с Миргородцкого 7400, с Полтавского 9600, с Гадицкого 30 000 злотых и с поруковичным, с Переяславского 6500, с Черниговского 8000, с Нежина с окольчностьми, опричь сотен засеймских 4500 злотых, а [с] сотен засеймских, з городов з Борзны 1200 злотых, с Новых Млинов 1000, с Конотопа 1650, с Кролевца 900, с Коротпа 2200, с Воронежа 1000, с Глухова 3000, з Заднепрских полков аренды збирать положено тому лет с пять и боле, с Хвастова с нриналежностми по 2000, с Корсунщины, с Чигиринщины и Каневщино по 15000, а з Белой Церкви было отдано Згуру и только один год прошлой, а сколько положено, того он не ведает.

Ему ж, Мазепе, было збору порукавичного на всякой год, то есть в начале всякого году приходили с полков и давали ему за то, чтоб аренды не отдавал на перекуп, а имяно с Киевского полку 300 червонных, с Нежана 600 ефимков, с Лубенского 800 червонных, с Прилуцкого 200 чер[вонных], с Миргородцкого 200 червонных, с Полтавского 400 чер[вонных], с Черниговского 800, [с] Стародубовского 2000 чер[вонных], с Перясловского 400 червонных, з городов, которые особ полков определены, а имянно: з Борзны 100 чер[вонных], з Батурина 300 чер[вонных], з Глухова 300 чер[вонных], с Кролевца 100 чер[вовных], с Коротпа 60 чер[вонных], с Воронежа 50 червонных], с Новых Млинов 50 чер[вонных], с Конотопа 800 чер[вонных]. Из тех вышеписанных зборов в войсковую казну только одна аренда, а прочие на него, Мазепу, собственно. На компанейцов и на сердюков збору на гетмана не было, а выбирали они сами в полках, когда те сердюки и компанейцы были в Польше, и тогда взял Мазепа за тех сердюков и компанейцов по 4 злотых на человека на восм месяцов, а сколко всего того взято — сказать он не упомнит.

Статейные зборы имяновались то, что збирано на него, Мазепу, со всех полков запасы: скотина, мяса соленые, мука, крупы, пшено, овес, прочее; а денгами за то не збирано[479].

№ 535

1709, липня 27. — Київ.

Меморія генерального писаря Семена Савича до російського уряду

Мемория в донесение ко двору царского величества, о чем милостивого его царского величества просити указу.

1. Просити, дабы господин Семен Протасьевич Неплюев выведен был из Глухова, куда будет воля и указ его царского пресветлого величества. А то для того, чтоб полк господина Вестова ясневелможному его милости господину гетману приданный, могл на том месте в Глухове поместитися.

2. Просити о подтвержении на уряд гетманский грамоты, которые и прежним гетманом по милости монаршеской его царского величества были даваны, утверждением маетностей на булаву издавна належащих.

[477] Сулимовский архив. Фамильные бумаги Сулим, Скоруп и Войцеховичей. XVII–XVIII в. — К. : Типография К. Н. Милевского, 1884. — С. 171–172.

[478] Додаток VIII // Універсали Павла Полуботка (1722–1723)/ Упорядкування Вячеслава Ринсевича — К., 2008. — С. 560 (ІР НБУВ. — Ф. І. — Спр. 56803. (І). Копія).

[479] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 9. — Вып. ІІ. — С. 1151–1152 (ЦГАДА, Малороссийские дела, № 18, лл. 63–66).

3. О Палее совершенного монаршеского его царского величества просити повеления и объявленного подлинного указу, где б ему жить, понеже он весма на ту сторону Днепра на прежнее место свое жить в Хвастове или в Каневе намеривает, дабы мог и компанию ту, которая до него отвсюду набрелася, при себе держать, о которой особливой монаршеской его царского пресветлого величества просити повелительной резолюции, дабы та вновь Палеем собранная наволочь в прежние свои места до полков, ис которых было, разошлися.

4. О сотниках Черниговского полку Синявском и о другом Стародубовском, которые целой год уже в Быховской фортеции обретаются, просити милостивого монаршеского указу, дабы были оттоль отпущены в домы, что почитай по десять человек казаков, и то болных, при них осталося.

5. О старцах печерских Юрчевском и Домецком при оддании их скаски предложить, что[б] оные в Смелое, печерскую маетность, до подлинного указу посланы.

6. Воспомяпуть о Цурке, господаре бывшем изменника Мазепы, которой будто под Переволочною, светлейшему князю Александру Даниловичю явився, кланялся и от его княжой светлости учинился отпущенным. Также о Малышевском объявить, что он с ыными мазепиными покоевыми от Богу ушел и от запорожцев переняты и совсем ограбленный стали. Те ныне оба два, Цурка и Малышевской, при его милости господине гетмане за караулом, обретаются, о которых просити совершенной резолюции.

7. Предложить о Саве Волошанине, которой в Могилеве был и по челобитью господина Синявского, гетмана великого коронного, оттуду взят и ныне при его милости гетмане до указу обретается, задержанный за сестренца своего преступство, за которое он, Сава, сторону неправую при посланных от господина гетмана комисарах со всем погодил, как прежде сего до монаршеского двора обстоятелно писано.

8. Оборонные в полки просити почтенные монаршеские грамоты в том запретителные, дабы проезжие великоросийские наипаче военную службу отправляющие люди в местех и селех не чинили людем кривды и боев. Также о купцах великоросийских просити милостивого грамотного указу, дабы они от своих денег и таваров, чем торгуют, належащей войсковой пошлины против давного обычаю не отрекались и не отговаривалися до скарбу войскового отдавать и платить.

Его царского пресветлого величества Войска Запорожского писарь генералный Семен Савич.

Дан в Киеве июля 27-го дня 1709-го году[480].

№ 536

1709, вересня 1. — Прилуки.

Універсал прилуцького полковника І. Я. Носа про підтвердження прав прилуцької ратуші на млини, на річці Смоші

Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорожскаго полковник прилуцкий Иван Яремовіч Нос.

Всѣм, кому бы о том вѣдати належало, а меновите пп: старшине полковой прилуцкой и всему старшому и меншому Полку Прилуцкого товариству, сим уневерсалним листом нашим ознаймуем, иж для вспартя уставичных неменших расходов меских прилуцких позволяем п: войтовѣ прилуцкому з майстратом з трех мли[н]ков межи колкими братами сполними, а именно з Мойсеенкового и Лавренкового и Антипенкового, в селѣ Смоши и на реце Смоши о шести колах, трех мучних, а трех ступних найдуючихся, в которых з ласки наших антецессоров [и] их милостей панов гетманов тремя колами, от давних лет владеючи, ку потребе ратушу прилуцкого заживали, и теперешнего часу всякие приходы належите, так из кол мучних, яко и ступних на потребу городовую отбирати, прето аби в том огабираню помянутому войтови с его урядниками не важился нихто жадной и найменшой чинити кривди и перепоны, пилно имѣти хочем и властию нашею полковничею варуем.

Дан в Прилуце, сентября 1 дня, 1709 року.

Звышписанний полковник прилуцкой[481].

№ 537

1709, вересня 11. — Лубни.

Універсал лубенського полковника Василя Савича про надання значному військовому товаришеві Івану Корнійовичу села Денисівки

Его царского пресвѣтлаго величества Войска Запорозкого полковник лубенскій Василий Савич.

Пану сотниковѣ пирятинскому, атамановѣ яблуновскому, старшинѣ сѣлской села Динисовки, селца, і кому колвек о том вѣдати будет потреба, при узиченю доброго от Господа Бога здоровя, ознаймуем сим унѣверсалом, иж мѣючи мы власть по милости Божой [и] монаршой, его царскаго величества и ясне велможного его милости пана гетмана Войск Запорожских всякіи добріи порядки в Полку нашем устроевати, так и пана Івана Корнѣевича, знатного товариша войскового, видячи, щыре в службѣ войсковой працюючого, і впред до таких же войскових услуг згодного, а респектуючи на его тіи услугѣ і згодность мененную, надаем ему селце Денысовку, в уезде Яблуновском, в котором, яко позволилисми і позваляем, до ласки войсковой і рейментарской ясне велможного добродѣя его милости пана гетмана, людми посполитими (:опроч козаков, которіи при своей волности козачой повин[н]и зоставати:) владѣти

[480] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 9. — Вып. II. — С. 1152–1154 (ЦГАДА, Малороссийские дела 1709, № 50, лл. 17–19).

[481] Додаток VIII // Універсали Павла Полуботка (1722–1723) / Упорядкування Вячеслава Ринсевича — К., 2008. — С. 580–581 (ІР НБУВ. — Ф. І. — Спр. 54351. — Арк. 11. Копія).

и з них всякіи отбирати послушенства зо всякими угодій до того селца Денисовки приналежними, так вишемененной старшинѣ перешкоди жадной не чинити в держаню того селца Денисовки, особливе аби теж войт з всѣми людми тамошними посполитими, всякое ему ж пану Корнѣевичу, яко державци, отдавали належитое послушенство, варуем, упоминаем и пилно приказуем.

Дата в Лубнях, септеврия 11. Року 1709.

Звишименованій полковник лубенскій[482].

№ 538

1709, вересня 12. — Полтава.

Підтверджувальний лист полтавського полковника І. Черняка кобеляцькому цеху шевців після втрати ними під час війни скрині із фундушами

Каждому, кому, колвек, о сем вѣдати належит, а особливе старшинѣ городовой кобеляцкой, пану сотниковѣ, атамановѣ, войту, бурмистру и всѣм приложеным, а найбарзѣй ремесла шевского людем ознаймуем: иж, прибувши до нас Тишко Побѣленькій, цехмистр шевскій кобеляцкій, з Данилом Марченком, старшим столовым братом, да з ключником Дмитром Василенком, предложили тое, что, после руины военной на полк полтавскій, свою скринку з фундушами и зо всѣм стерали; а, хотячи, жебы их цеховіе порадки, по прежнему, были захована и утверждени, просили нас о выданне такого листа, як и было в них в цеху: кто похошет цех єднати — два таляра до скринки, бочку пива, перепуст горѣлки, воску чотири фунти и ладану фунт; за постановлення хлопця столовой братіи — полосма шага, а за дванадцят шагов в напитку урону; а за визволенне тож дванадцят шагов и фунт воску молодшим, хто позволится, як дванадцят недѣл выходит, повинен двадцят шагов положити, а цех ему уже волній. Хлопець, як втечет от майстра, где его майстерь найдет, волно взяти и, на чом шкодоватимет, тое должен отслужити; или на чом его, своего майстра, уеднает; а якій хлопец выслужит на колко становился будет за молоденца у майстра своего, недѣл дванадцять, майстер повинен ему дати двадцят шагов при отклону. Ми, прето, полковник, тому их, цехмистра з братією, прошенію не отмовивши, велисмо выдати сей наш лист, варуючи того, аби яко врадниках цеховых, что есть виражено, жадной нѣ од кого не было перепони, так из сторонних хто би, подвезши чобот чорных, а не бувши цеху, без вѣдома, продавал и без поеднання цехового, винѣ подлеглим быти мает и на таковых заруки талярей сто, жебы не важился перешкоды чинити, вкладаем и сим нашим листом декляруем. Дан в Полтавѣ сентября 12 дня 1709 году.

В подлинном подписано: его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковник полтавскій Іван Черняк[483].

№ 539

1709, жовтня 14.— Фастів.

Універсал полковника Семена Палія

Его царского пресвітлого величества Войска Запорозского полковник охочекомоннІй білоцерковский Семен Палій.

Вам, пну сотникови мотовиловскому, так теж отаману и войту салтановскому Малой Самариной, а особливе мелника тоеіж Салтановки Малой Михайлу Коломийцю Ижкалиманда (?) доброго здоровя от Гспда Бга узичивши, сим універсалним листом нашим до відомости подаем: понеже ми респект міючи на новофундований монастир преподобного отца Онуфрия скитский, надаем на оную стую обител млин лежачий на ріці Стугні, називаемий Салтановки Малой. С которого млина аби част войсковая розміров на вишписаний монастир ишла, о що варуем и сурово приказуем, аби до того млина жадною мірою як ис старшини, так и от посполитих людей, не міл ніхто интересов и жеби им ніхто в том млині найменшой перешкоди не чинил, о що варуем, а оний Михайло Ишкалиманда (?) жебы міл стараня до того млина як господар до своего доброго и жеби не били спречни честному отцу Захарії, началникови скитскому, и повиност войсковую на монастир отдавали. О що варуем и пилно приказуем и сурово грозим и для ліпшого увирения подписом и звиклою печаттю ствержаем.

Дан с Хвастова 14 октобр[а] 1709 года.

В. мст во всем зич[ливий]

Звишменованний полковник охочекомонн[ий] білоцер[ковский][484].

№ 540

1709, жовтня 14. — Фастів.

Універсал білоцерківського полковника Семена Палія про надання новофундованому Скитському монастиреві військової частки з млина в Малій Салтанівці мельників Михайла Коломійця і Шкалимандри

Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорозкого полковник охочокомонній и бѣлоцер[ковский] Семен Палѣй.

Вам, пану сотникови мотовиловскому, так теж атаману и войту Салтановки Малой Самариной, а особливе мелникам тоеи ж Салтановки Малой Михайлу Коломійцю и Шкалимандрѣ, доброго здоровя от Господа Бога узичивши, сим

[482] Додаток VIII // Універсали Павла Полуботка (1722–1723) / Упорядкування Вячеслава Ринсевича — К., 2008. — С. 560 (ІР НБУВ. — Ф. І. — Спр. 51020. — Арк. 116. Копія).

[483] *Василенко М.* Збірка матеріалів до історії Лівобережної України та українського права XVII–XVIII вв. // Український археографічний збірник. Т. І. — К. : Українська академія наук, 1926. — С. 78–79.

[484] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (друга половина XVII–XVIII ст.) (частина 2) // Сіверянський літопис. — 2016. — № 3. — С. 65 (ЦДІАУК. — Ф. 220. — оп. 1. — № 253. — Оригінал).

унѣверсалним листом нашим до вѣдомости подаем: понеже ми, респект мѣючи на новофундованній монастыр преподобного отца Онуфрія Скитский, надаем на оную святую обитель млин, аби часть войсковая розмѣру на виш писанній монастыр ишла, о що варуем и сурово приказуем, абы до того млина жадною мѣрою, як из старшини, так и от посполитих людей, не мѣл нѣхто интересу и жеби им нѣхто в том млинѣ найменшой перепони не чинил, о що варуем, а оніи Михайло и Шкалимандра жеби мѣли старания до того млина, як господарѣ до своего доброго, и жеби не били спречни[ми] честному отцу Захаріи, началникови скитскому, и повинност, войсковую часть, на монастир отдавали, о що варуем и пилно приказуем и сурово грозим и для лутшого увѣрения подписом и звиклою печаттю ствержаем.

Дан с Хвастова, 14 октоврія 1709 году.

Ва[шим] милостем во всем зич[ливий], звишменованній полковник охочокомон[ний] и бѣлоцер[ковский][485].

№ 541

1709, жовтня 16. — Ніжин.

Наказ ніжинського полковника Лук'яна Жураківського до мринського сотника Феодора Тарасовича щодо відправлення в Ніжин на будівництво Київської фортеці полонених шведів

Мой ласкавий приятелю, пане сотнику мринский.

Сиятелнѣйший князь, его милость господин Димитрий Михайлович Кгалѣцин, воевода киевский, прислал з Киева полоняников шведских человѣка з девятдесят хорих, котprogrammers рих отпровадилисмо были на роботу фортеци Печерской. Теды порозсилалисмо по сотнях, где якие в Полку нашом станцію мѣли, а в мѣсто оных хорих столко числом абы здоровых з Полку нашего на помененную роботу в Киев посилали. Зачим, як в иніе сотнѣ, ісполняючи его милости князя указ, порозсилалисмо укази нашѣ, абы зараз, сколко мѣют, шведов здоровых присилали на подводах в Нѣжин, жебы тые ж подводники до Киева из Нѣжина провадили: а мѣет в[аша] милост кождого шведа на реестрѣ имя написати, як зовется, и з якого города жилец, и якого чина, и що за ремесник, и тот реестр через приставов, которие при шведах будут, присилали до нас, жадаем и зичим в[ашей] милости доброго от Господа Бога здоровя.

З Нѣжина, октовр[ия] 16, 1709 року.

В[ашей] милости зичливий приятел, его царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского полковник нѣжинский Лукян Жураковский.

На звороті написано: Моему ласковому приятелеви, пану Феодору Тарасовичу, сотникови мринскому, належит пилно[486].

№ 542

1709, листопада 8. — Варшава.

З доповнення до листа князя Г. Ф. Долгорукого до гетьмана І. І. Скоропадського про тимчасовість урядування С. П. Палія на Правобережжі

В цыдулкѣ 1-й.

О неспокойном Палеѣ нынѣ мнѣ здѣсь за отлучением двора служить Вашему Превосходительству невозможно, но токмо буду о том писать к Гаврилу Ивановичу, и чаю, что ему Палею в тѣх мѣстах быть не долго, понеже при Польской радѣ та Заднѣпрская Украина Его Высокомонаршим указом отдается по прежнему во владѣние Полякам[487].

№ 543

1709, листопада 23. — Козелець.

Лист київського полковника Федора Коровки-Вольського до стародубського полковника (?)

Мсцівый пне полковнику стародубовский, мой велце мсцівый пне и брате.

Понеже тако бысть Всемогущу Бгу, соизволившу, же кгрунта моі в вичистое владение куплею от мене досталися в. м., м м. пну, віншую такой фортуны в. м., м. м. пну, сприяючи при здравственной и блгопомислной щастивости тим в. м., м. м. пну, в многие літа з милою панею и всім в.м., м. м. пна, поважним домом, як хотя по своей мислі владіти ґрунтами, що в. м., м. м. пн., пишет, абы могла иншая в. м., м. м. пну, от мене датися купчая, то все будет по волі в. м., м. м. пна, когда подаст Бг нам о рождениї Сна Бжого видітися и що не достало до тоей суммы и о чом в. м., м. м. пну, в тот час звіщу. За тим братерской в. м., м. м. пна, полецаюся приязні.

На подлинном тако:

В. м., м. м. пну, всего добра зичливый приятель и служить готовый

его црского пресвітлого влчства Войска Запорожского полковник киевский Феодор Вольский.

З Козелца 23 ноеврия року 1709.

(Копия половинІ XVIII в. в бумагах Жоравок в черн[иговской] губ[ернской] уч[еной] комиссии)[488].

---

[485] Труды Черниговской губернской архивной комиссии. — Чернігів, 19І5. — Вып. XI. — Модзалевский В. А. Матеріалы и заметки. — Ч. ІІ. — С. 5–6. — № 4; Універсали Івана Мазепи. — Київ ; Львів : НТШ, 2006. — Т. 2. — С. 633 (ЦДАВО України. — Ф. 3561. — Оп. 1. — Спр. 16. — Арк. 20. Копія).

[486] Додаток VIII // Універсали Павла Полуботка (1722–1723) / Упорядкування Вячеслава Ринсевича — К., 2008. — С. 569 (ІР НБУВ. — Ф. І. — Спр. 55775. — Арк. 40. Оригінал з печатками).

[487] Материалы для отечественной истории / Издал М. Судиенко. — К. : Университетская типография, 1855. — Т. 2. — С. 407.

[488] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (друга половина XVII–XVIII ст.) (частина 6) // Сіверянський літопис. — 2017. — № 3. — С. 62 (НБУВ. — ІР. — Ф. Х. — № 7382. — Копія кінця XIX ст. з копії середини XVIII ст.).

№ 544

1709, грудня 31. — Фастів.

Універсал білоцерківського полковника Семена Палія про надання на скит Липник містечка Княжичі

Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского полковник охочокомонний и бѣлоцер[ковский] Семен Палѣй.

Вам, сотниковѣ бышевскому, атаманѣ и кому бы колвек о том вѣдати належало, добраго от Господа Бога узичивши здоровя, сим нашим писанием извѣстно чиним: поневаж мы село, зовомое Княжичи, привернули в послушание до скитка, зовомаго Липник, з тамошними жителѣ, кромѣ тих людей, котории, тамо мешкаючіи, леч же на службу монаршую войсковую готови всегда, а тиѣ, которіи не козацко, леч же подданско обытают тамо, теди повинни всякое подданих во всем послушенство до скитка, прозиваемаго Липник, воздавати, о що пилно, пилно и сурово приказуем; тутеж всякому полку моего товариству, преходячому през тое вижей выражоное мѣстечко Княжичи, яким колвек способом, жадних приказуем вимислов и агграваций не вщинати, а особливе покорственно упрошаем іх милостей всякого чина людей, по указу его царского священнѣйшого величества преходячих, як из малоросийских войск, так и з великоросийских, жадной кривди и утеменженя сему местечку Княжичи, з обитаючими тамо людми, не чинит, о що их милостей упросивши, и моего полку всякому под суровою карою войсковою пилно обваровавши, а для болшого валору даем сие наше писание из подписом и звиклою печатию полковою ствержаем.

З Хвастова, декаврия 31, року 1709. Вашим милостем во всем всего добра зичливий звышменованний полковник охочокомонний и бѣлоцерковский[489].

[489] Труды Черниговской губернской архивной комиссии. — Чернігів, 19І5. — Вып. XI. — Модзалевский В. А. Материалы и заметки. — Ч. II. — С. 6–7. — № 5; Універсали Івана Мазепи. — Київ ; Львів: НТШ, 2006. — Т. 2. — С. 634.

Частина V
КРИМСЬКО-ОСМАНСЬКИЙ НЕЙТРАЛІТЕТ

№ 545

1708, перед 11 лютого.

Призначення обмежень [на кількість] штатних посадовців кримського хана та великих візирів (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

При тому що, для штатних посадовців (дефтерлю) кримських ханів та перебуваючих у тих сторонах великих везирів не було призначено ліміту [кількості], то дуже багато людей з воєнних розрядів пробралося у [розряд] дефтерлю, і у той час, як очевидною є відсутність на службі когось з тих, хто став дефтерлю, то проїдаються-прожираються їхні платні, зеамети та тімари. При тому, що мусульманська скарбниця посилається на безцільну розтрату-розтринькування, а солдати у походах — на вбивство, то оця справа щодо призначення обмеження [на кількість] штатних службовців належить до важливих проблем. Відповідно, було видано священний рескрипт (хатт-і гумаюн) про те, щоби були записані у штат [як дефтерлю] для того, щоби завжди їхня платня надходила із скарбниці, для кримських ханів двадцять осіб штатних мютеферріка і двадцять осіб штатних чавушів і двадцять осіб сіпагів та сілягдарів та тридцять осіб заімів та тімаріотів, а для великих везирів — по десять осіб штатних мютеферріка та по десять чавушів та по десять осіб сіпагів та сілягдарів та по десять заімів та державців тімарів, і про те, щоби віднині цей ліміт не перевищувавася[490].

№ 546

1708.

Прибуття новин з країни Москов (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

Близько десяти років триває суперництво-вбивство шведського короля Каролуша (Карла XII) з боку німецького цісаря та московського царя з ляським королем Налкираном (Август II. — *Прим. пер.*). І московський цар кожного року, починає сварку-воювання з шведським королем, і повертається з повним розгромом. Тисяча сто десятого року (9 липня 1698 — 27 червня 1699 р. — *Прим. пер.*) солдати з фортеці під назвою Астрахань (Еждерхан), знову призначені задля шведської кампанії, уникли-спротивилися послуху, і на них разом з уповноваженням підкорити-зламати усіх жителів Еждергана було випущено у каральний наступ кафіра іменем Шеремет-оглу (Борис Шереметєв. — *Прим. пер.*) з якоюсь кількістю солдатів. Після того, як більшість мешканців (того міста) знищила кривизна меча, він знову стиснув фортецю долонею поневолення.

До речі, походження цієї справи у Московській державі має багато чиників. Спочатку з причини воювання зі шведами дехто з попраних солдатською ногою по необхідності розсіялися-розбіглися навсібіч і прийшли до фортець, які знаходяться уздовж Дону (Тен) та Бозоку. Для того, щоби привезти назад та оселити на старих місцях селян, що (десь) порозселилися та поокопалися, до тих фортець було послано Йувана Істефана з боярином на ім'я Зудж та скількомась солдатами. Народ тридцяти двох фортець, розташованих уздовж Дону та Бозоку через страх перед тим, що поселення вищезгаданих селян знову на своїх місцях зачепить їх самих, порадилися стосовно цієї події і подали новину козацькому воєводі Булавіну, який загарбав фортецю Тогак на притоці Бозоку. Вони уклали клятву-присягу про протидію, щоби завадити призначеному воєводі (провести) депортації. Отаким чином, відповідно до домовленості згаданого воєводи та людом фортеці та через те, що трапилася зручна нагода, [отой Булавін] означеного боярина вбив, а решту нещасного війська побив-погромив.

Ця звістка не сподобалася цареві, і він почав готувати військо, аби ввести Булавіна в оману та взяти в облогу його фортецю. А тому що Булавіну про це було повідомлено,

[490] *Галенко О.* Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Магмеда Рашида // Україна в Центрально-Східній Європі / Відп. ред. В. Смолій. — К. : Ін-т історії України НАНУ, 2010. — Вип. 9–10. — С. 273.

і через розуміння, що він не зможе виставити силу проти наступу Москова і здійснити втечу разом з якнайбільше можливою кількістю послідовників, то солдати, що прийшли для облоги, захопили його добра-речі, та пов'язали дітей-рідню, та бранців-полонених, і Булавін з дружніх йому козаків, що мешкали уздовж течії Бозока, зібрав у насильний спосіб тисяч із тридцять війська. Спочатку після домовленості та досягнення згоди вони напали на населення фортець, які виступали проти них, узяли їх в облогу, захопили фортеці і, згромадивши їхнє населення на свій бік, вони пішли на Черкес-Кермен, що знаходився в районі Азака. По чотирьох днях руйнування, вбивств та нищення він фортецю захопив, а її населення волею-неволею прив'язав до себе. І також він вбив кількох визначних козаків, які спочатку противилися йому, а московський цар по приготуваннях послав військо з метою виступити у похід на фортецю Азак на нього самого. Однак щойно воно прийшло, але ще не прибуло [на місце], один козак на ім'я Ігнат (Некрасов. — *Прим. пер.*) приставив до нього п'ятнадцять тисяч козаків, і послав для перегороджування шляху боярину та війську, що прийдуть з боку царя, а сам з рештою війська попрямував для облоги Азака. В люду Черкес-Кермену, після того, як вони погодилися з кафірами козаками на вбивство Булавіна, був великий страх через направлення його особи до Азаку. Приспавши пильність Булавіна словами «Ми виступимо з відповідним військом і давайте захопимо та завоюємо фортецю Азак», вони приставили до нього своє перше-ліпше військо, і послали усіх разом на Азак. [Черкес-] Керменські козаки виступили, і нібито наближалися до Азака, тоді як військо самого Булавіна з явною метою стягнути пішкеш (данина. — *Прим. пер.*) з азакців в більшості було розбите. Проводирі якогось числа [повсталих] заради врятування життя розбіглися-розсипалися навсібіч. Коли при ньому не лишилося війська, [Черкес-] Керменські козаки через те, що спочатку вхопились за рук'я погрому при облозі Черкес-Кермена, розуміли, що вони не зможуть поборотися як з оцими, так і з військом, яке було послане на них з московського боку, і куди б вони не повернулися — врятувати своє життя, щоби не загинути від руки супротивника. Тож вони з повною дурістю напали один на одного і повбивали. Від злопом'янутого Московита на місце загиблого боярина був призначений боярин (Василь Володимирович Долгоруков. — *Прим. пер.*) та його військо були послані для винищення війська [повстанців]. Боярин, який прийшов від московського царя та від Аюки калмука (хан Аюка. — *Прим. пер.*) з підмогою царя з приписаним [до нього] військом татар. Зустрівшись разом, [Булавін був] не в силах чинити спротив, більшість війська, що знаходилося при ньому, було знищено. Рештки чисельністю вісім тисяч з мечами втекли до ногайського племені, що мешкає уздовж течії річки Кубані, і далі знати кримському хану Каплану Ґерею. Той оцих злопом'янутих перевіз та поселив у відомому місці під назвою Хан-Депедесі, що знаходиться на відстані шести годин від фортеці Темрюк[491].

№ 547

1708, березня 23.

Лист волоського господаря
Костянтина Бринковяну Г. І. Головкіну
про турецько-шведські відносини

Перевод з греческаго цыфирнаго письма, каково писал мунтянский господарь к его высокографству Гаврииле Ивановичю, а пришло тое письмо в Витепск апреля в 17 день 1708-г о году.

Благочестивейший и высочайший ближний болярин Гавриилe Иванович, высокость вашю достолепно и смиренномудренно предпочитаю, моля господа бога, да сохранит ей долгожизненну в целом здравии и всяком благополучии. Прислал к нам превосходительнейший посол тишайшаго и великаго царя из Константинополя сии письма для отсылки к вашей высокости, которыя се посылаю с человеком моим до сиятельнейшаго пана гетмана против прежняго вашего приказыванья и не сумневаюся, что пошлет их в целости и без мешкоты чрез людей своих там, где будете обретатися. Однако ж изволь ведать, высокость ваша, что сии письма позамедлили здесь у нас с неколикое время, а наипаче те 2, которыя прежде были привезены к нам. А причина тоя мешкоты здесь была за некоторым злым случаем, каков случился архимандриту блаженныя памяти всесвятейшаго вселенскаго патриарха кир Гавриила, который приехал было на время в сия страны для милостыни и по возвращении его отсюду в Константинополь, предали его везирю (а кто его предал и каким образом, доныне еще в подлинник не ведаем), который возъярився зело, онаго архимандрита поймав, засадил в тюрьму, а святыя иконы, которыя привез было с собою, взяв пред себя, повеле, нечестивый варвар, переколоти[ти] их и со многим руганием перебросати, о чем, чтоб мне многословием не принести докуки вашей высокости, оставляю чрез иных пространнее уведать. И так с ярости своей оный везирь разослал универсалы и к сераскерю, и к господарю волоскому, и к нам, чтоб не пропущать таких людей отсюда в те страны, ниже оттуда чрез здешния страны. А наипаче пишет во универсале, что слышали они и о иных приезжих со иконами в Босну и в Румель, по которых послал, чтоб их, сыскав, привесть к нему и прочая. А х какому концу сей случай придет, то время покажет. А для каких же причин в теперешнем времени домогаются чинить такие розыски, а наипаче о иконах, не ведаем. Однако ж знатоки усмотрители и разумные люди, хотя по намекам могут зело догадатися. А мы иного не говорим, токмо праведный и всесильный бог в неизреченной своей милости да подаст не убежати им от того, чего боятся. Того ради за таким случаем и немногим мятежем, будучим в Константинополе о оном архимандрите

[491] *Галенко О.* Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Магмеда Рашида // Україна в Центрально-Східній Європі / Відп. ред. В. Смолій. — К. : Ін-т історії України НАНУ, 2010. — Вип. 9–10. — С. 271–273.

и о иных, позамешкали письма здесь. А наипаче еще, понеже показалося нам, что нет никакой належащей нужды к возвещению вам так скоро, сиречь приготовления и строения войны от страны Турецкой, для того и не столь торопилися есмы послати их. А и о том, что в народе неслося, как и ваша высокость писал к нам, что будто великия и разныя приготовления чинят турки против вас и протчая ничего о том время не показало. Ниже есть, хотя и теперь неколикие говорят, что буде не учинили оных приготовленей на нынешней год, то-де будут чинить на грядущее лето. Однако ж и сие всуе, зане до тех пор кто жив будет, во что время поворотит и приведет, а паче сведый всяческая и будущая бог той весть. Иных достойных новин ныне не имею что писати высокости вашей, окроме что возвратился и посланный ага турчанин (котораго имел посылати сераскерь к Лещинскому и к шведу) к сераскерю марта в 7 день. Однако ж, как говорят, что уже больше 2 месяцев, как отъехал от них, и говорят, что привез и письма от обоих их к сераскерю, а что в них писано, еще не уведали есмы, только после надеемся, что услышим что-нибудь и чрез иную какую оказию, аще даст бог здравие, будете имети и о том ведомость.

Из уст своих оный турчанин сия говорил, что зело радостно и любезно приняли его там, где ни пойдет, что любят и зело хотят дружбы Отоманскому царству, что король швецкий желает и просит, чтоб Порта познавала его за истиннаго друга, как и француза. И буде тое примут, хочет и он прислать резидента своего для житья к Порте. И будет и он посылати корабли для торговых промыслов в их турския страны, как и француз и протчие чинят.

Еще говорит, что хотят послать за ним паки человека своего з дарами изрядными и богатыми к сераскерю, и прочая; сия сказал посланный оный сераскерю. Еще похвалил зело и войска шведова, говоря, что суть многа и крепкая, и иныя похвальбы великия росказывал, что слышал он там, что будто хотят действовать и показать многа зла и гибели, вшедши в Москву, и прочая. Ныне сия токмо имеем о сих.

По сих изволишь ведать, высокость ваша, что по желанию и по приказу вашему, как изволил писати ко мне прежде сего единожды и дважды, что естли превосходительнейший посол из Константинополя будет требовати неколикую сумму денег на управление тамошних его дел, чтоб нам ему в том помощь чинити и давати. Того ради, понеже усерднейший были есмы, и есмы всегда по силе служити державнейшему и богочестивейшему самодержцу по повелению вашему, в прошлых днях просил у нас на некую великую потребу, как к нам пишет, и немедля послали мы к нему 4000 червонных золотых турецких в сумму 10 000 левков. И как он их взял в целости, чаем, что и из писем его изволит выразуметь высокость ваша.

При сем, когда время способное будем имети за помощию божиею и пришлем и о оных деньгах доношение, тогда уже пространнее выразумеете усердие наше, каково имели есмы и имеем в службах ваших. И паки глаголем, что готовейший и усерднейший в повелениях ваших будем обретатися по мочи нашей.

Наконец и лета высокости вашея да будут от бога многа и бла-гополучнейшая.

Вашея высокости всегда смиренномудрый работник господарь мунтянский Константин Басараба.

Марта в 23 день, 1708[492].

№ 548

1708, липня 3. — Табір [під Тетієвим].

Постскриптум листа гетьмана І. С. Мазепи до глави Посольської канцелярії Г. І. Головкіну (фрагмент)

О хану писал я перед сим до вашей велможности, что он пойшол с всею Ордою Кримскою и Белагородскою на Черкесы, для унятия бунтов тамошних и для одобраня обыклой от них дани, а тепер от добрих приятелей з Бендеру получил я подлинную ведомост, что хан кримский паки возвратился со всею Ордою, не идучи уже до Черкес. А сталося тое его возвращение таким образом: когда услышали черкесы, что хан к ним намерен ити со всею Ордою Кримскою и Белагородскою, тогда выбрав что наилутчих девок и хлопцев, послали до солтана турецкого с ними своих послов, чолом бия, дабы хану дани обыклой не дават, потому, что они черкесы тепер приняли веру бесурманскую, а Алкоран Махометов бесурманом дани дават возбраняет, по которому их черкесов челобитию, послал солтан капичи нашу з ферманом до хана, повеливая ему с всею Ордою воспят возвратитца и дани у них не вымагат, и уже самым делом тот солтана турского указ исполнен, для яких причин они, добрый приятели в Бендеру пребывающим разсуждают, чтоб в том не было якой тайной факции, поневаж под тое время, як хан оставя на Черкесы поход, возвратился, и Тарла еще удержано[493].

№ 549

1708, грудень (?).

Регест листа великого везіря до кримського хана

Великий везір повідомляє, що він здобув листа кримського хана про гетьмана Мазепу і про запорозьких козаків, що вчинків їхніх блискуча Порта не ухвалює, бо вони, мовляв, «суперечать законам божим та вимогам віри». Через те везір вимагає, щоб хан рішуче відмовив посланим до нього й випровадив їх якнайшвидше, щоб і надалі з ними не мати жадних стосунків, як сподівається й Московський уряд.

[492] Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах / Составители В. А. Костакэл, Е. М. Руссев, Л. Е. Семенова — М. : Наука, 1970. — Т. III. — С. 286–288 (ЦГАДА, ф. 68, 1708 г., д. 2, ЛЛ. 67–70. Пер. с гр.).

[493] *Кочегаров К. А., Сень Д. В.* «Крым не помнит столь крупного поражения…»: Поход крымских татар на Кабарду и Канжальская битва 1708 г. в польских и украинских источниках начала XVIII в. // Исторический архив. — 2015. — № 4. — С. 19 (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 3а. Л. 706–706 об.).

Що ж до Мазепи, то хан повинен на його користь нічого не чинити, бо допомога, подана йому як «зрадникові», може, мовляв, тільки «ганьбити». За те треба триматися Московської сторони[494].

№ 550

1709, січня 8.

Заміна кримського хана через поразку від воєнних дій черкеського племені (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

Разом з тим, що черкеський народ відзначається тим, що він здавна перебуває у ролі рабів кримських ханів і піддається наказам та розпорядженням трону ханів, їхні володарі на ім'я беги та сіпаги поставляються з-поміж них самих. Проте кожного разу нехай з бега та сіпага, чи нехай когось з їхніх підданців, якщо він здійснить проступок, від чоловіків та жінок забирається кілька осіб людей під назвою «соромного» (ayiblik) і вручається кримським ханам, і на спокутування злого вчинку таким чином відбувався штраф. Однак плем'я на ім'я кабарта названого народу, здавна проживаючи у місцині під назвою Піштау, що існує в околицях гори під назвою Ельбрус (Ельборз), не витримало гніту-кривди, яку творило нерівноправ'я з кримського боку, і кінець-кінцем, покинуло місце під назвою Піштау, що було їхнім старим юртом. (Кабардинці) облаштували собі за юрт верхівку важкодоступної гори під іменем Балх-Неджан, і супроти погромів та нападів ханів вони покладалися на неприступність вищезгаданих гір. Нині перебуваючий кримським ханом їх ясновельможність Каплан Ґерей Хан, від нерозуміння бажання та намірів вищезгаданих [черкесів] через їхню до цього дня поведінку, а в наступному цілковитий відхід від послуху-підлеглості, відмову від податків, що призначалися з боку Криму, нещодавно він кілька разів висилав послів зі словами: «Яке ваше бажання у тому, що ви залишили ваш старий юрт? Від кого ви дістали дозвіл в цій справі? Негайно поверніться знову на попередні ваші землі і поновіть патент на ваше підданство, а якщо ні, то на вас буде витягнуто меч знищення».

А поки він [таким чином] погрожував та лякав [черкесів], ті покладалися на чисельність-багатолюдність і з тим, що при влаштуванні своїх юрт вони покладалися на стрімкість та неприступність означеної гори, вони не проявляли покірності наказам їх ясновельможності вищезгаданого хана, тому на початку (тисяча) сто дев'ятнадцятого року він призначив Менглі Ґерея Султана, який є калгаєм, з численним військом татар, на згадане плем'я (черкесів), і наказав, щоби вищезгадані (черкеси) знову заселили старі юрти.

Калгай султан же виступив, але на його пропозицію згаданому племені щодо поселення, мало того, що вони не показали лице абсолютного послуху, вони ще насмілилися зчинити війну-вбивство. (Тоді) через брак повноважень в татарського війська, що було при ньому, до протистояння-конфронтації з вищеозначеними (черкесами), він пильнував і утримався від воєнних дій, і він в такому стані проходив-проїздив до самого зимового часу і опісля захотів повернутися убік Криму. Для того, щоби їх ясновельможність хан особисто направився до зазначеного племені, він взяв дозвіл від Високої Держави і до настання весняного сезону розпочав приготування та заходи щодо приготування воєнних засобів.

До шести тисяч кримських та ногайського племені та загалом кримського війська та тисяча п'ятсот чоловік ханських секбанів та досконалих слуг (капи халки) призначеного від Високої Держави Кефського бейлербея Муртози Паши, та кількістю три тисячі князів та сіпагів [племен] ада-і шагі (аджуги?), жане (зане), і до п'яти тисяч теміргой (кьомюргой) та інших черкеських племен та люду від ногайського племені Іштерек-оглу та Юварлак та Китай та Кипчак та Єдісан, себто з двадцятьма тисячам ногайських вояків, які вважаються справжніми бойовими сагайдаками, він вирушив з Криму і попрямував на вищезазначене плем'я. І вони (хан) зібрали своє військо при вході у прохід Балх-Неджан і там два дні простояли та відпочивали і послали нового посла. І як той (хан) знову їх умовляв і наполягав стосовно поселення, вони (черкеси) дали відповідь, мовляв: «Кримським ханам як і раніше ми будемо слухняні та покірні, і яку б кількість бранців в рахунок аїплику вони не захотіли, ми дамо, однак нехай вони не обурюють і не гноблять їхніми пропозиціями заселити наші старі юрти».

Вони не дозволили послам повернутися. Їх ясновельможність хан не виказав задоволення цими словами і тут же приступив на вхід до гірського проходу і розпочав бій, і у той день воєнні дії тривали до самого часу пополуденної молитви, і поки на боці татарського війська, як належить виглядала перемога, виступаючий відповідальним за справи їхньої ханської ясновельможності, їхній везір Алі Ага та їхні улюбленці деякі призначені татари відвернули лице їхньої світлості хана від [остаточного] розгрому кабарти. Вони сказали: «Вони є Твоїми рабами. Не вважай вартим їхній конечний розгром. На сьогодні задовольнимося і отаким надиранням вух і давай відведемо назад наші війська, а завтра прийдемо і вони будуть приручені Вашій команді». (Отож) він забрав татар з битви і ту ніч вони провели на своїх місцях. Дехто з черкеського племені, хто був при їхній ясновельможності хані, та кримців послали убік кабарти вістку, мовляв, «Ми вирішили бути разом з вами, давайте уночі влаштуємо татарам нічне кровопускання»,і так підтримали їх, і тієї ночі разом із спільним і несподіваним нападом на ханове військо, з його (ханового) боку почалася велика битва. Його начальники воротарів (капуджи-баши) Абдулькадір Ага, Сака Алі Ага, Ель-мали Ібрагім Ага, Каплан Ага та Бандашаг Ага, писар дівану Месуд Ефенді та Муфтій Ефенді, та багато з кримських вельмож та придворних слуг здобули чин мучеників (себто загинули).

[494] *Кордт В.* Матеріали з Стокгольмського державного архіву до історії України другої пол. XVII — поч. XVIII вв. // Український археографічний збірник. — К. : Друкарня Всеукраїнської академії наук, 1930. — Т. III. — С. 42–43.

Кінець-кінцем безпомічний хан, їхня ясновельможність, сів на коня і галопом побіг на шлях спасіння, а татари були повністю розгромлені і розсіяні, і відбуття цієї пригоди було для вищеозначеного хана причиною ущерблення його слави, [і через це] коли [звістка про] це досягла Покровительського слуху, він (султан) ізволив фірман про його звільнення та заміну.

Девлет Ґерей Хан, який до цього у часи колишнього повелителя його величності Мустафи Хана ставши ханом — на відповідальність оповідача — повстав проти Високої Держави з деякими дурними помислами, і підняв прапор повстання прямо проти Кілії та Ізмаїлу, а після того, як він утік, не вчинивши війни та битви та протистояння в Ізмаїлі з оборонцем Бабадагу Юсуфом Пашою, з обличчям заперечення [того, що сталося] благав пробачення своєї провини, і удавав покірність до державного помилування, і через [султанову] стриманість він був засланий-вигнаний у фортецю Родос — ось з цим Девлетом Ґереєм ханом ель-Гаджж Ібрагім Паша, який є капудан-і дерья з кетхюдалику (себто уряду) Його величності Володаря Держави, разом з Покровительським флотом пішов у Біле море, і побачився на Родосі з вищеіменованим ханом, і (той) показав добрі манери їх ясновельможності великому везіру, і вони відвернули Покровительську диспозицію від поганої думки стосовно вищеіменованого хана, і разом з поверненням з Родосу, він нині прийшов, прибув до столиці щастя, і згаданого місяця (шавваля) двадцять сьомого дня (8 січня 1709 р.) постав перед Покровительською присутністю, й було ізволено пожалувати його другий раз кримським ханством[495].

№ 551

1709, січня 9. — Ясси.

Повідомлення невстановленої особи про похід кримського хана на черкесів, прикладене до одного з листів троцького воєводи Михайла Казимежа Котла царю Петру I

Od hospodarskich rezydentów rezydujących w Porcie przy mnie przybiegł curier z listami, oznajmując o nowym hanie, który z Porty wyprawił się d(ie) 11 Xmb(ri)s, a w tych dniach spodziewają się go na Budziaku. Na pryjazd jego cum homagio wysłał hospodar dwoch Panów od siebie.

Do wojny żadnej nie masz apparencji u nowego hana, bo tej mieć nie może ex defectu wybitej starszyzny krymskiej, od Czerkiesów. Wiem, że WMM Pan masz obszerną o tym relacją: ale ja od niedobitków Tatarskich słyszałem że Krym nic pamięta tak wielkiej klęski, i zguby starszyzny swojej, jaka ich teraz od Czerkiesów potkała.

Han pierwszy wszy(s)tką imprezę obróciwszy na Czerkiesów rozkazał, aby z pięciu chałup jednego wyprawiono ordyńca. A że sam wsiadł na koń i wszy(s)tka starszyzna według ich zwyczaju marszerować musiała, ztąd liczne wojsko uczyniło się. Z tą tedy imprezą, in viscera ziemi Czerkieskiej wtargnął han z potencją swoją. Którego siły zrozumiawszy Czerkiesi zamknęli się w miejsca trudne, skryte, między góry i za góry. Gdzie nadciągnąwszy han z potencją swoją, obaczył angustiam loci i trudne przejście wojsku swemu. Niektórzy starsi Tatarowie odradzali tej imprezy w miejscach niesposobnych, ale han tak konkludował, aby na dwie parthye rozdzielić wojsko. Trakt sposobniejszy do przechodu wziął sobie, a nad drugą parthyą dał komendę sołtanowi we dwudziestu tysięcy. Który natrafiwszy na tabory Czerkieskie, zabrał cokolwiek hostili gladio mógł dokazać. Destituti omnibus Czerkiesi, którzy ucieczką salwować się mogli, za gury udali się do beja swego ad corpus wojska. Ten widząc niebezpieczeństwo z rady i takiego stratagema zażył: wysłał od siebie pięć set najznaczniejszych paniąt do hana, odzywając się mu ze wszy(s)lką submissią swoją i jako zwycięzcy i panu swemu. Z czego han wielce był ukontentowany. Rozesłał tych posłów po starszyźnie swojej, którzy byli informowani od beja sw ego jak sobie począć mieli. I tak o godzinie czwartej w' nocy za nastąpieniem wojska Czerkieskiego i za daniem sobie znaku, wziął każdy za swego i tak magna clades stała się w parthyi hańskiej, gdzie sama starszyzna była z hanem na placu barzo s(z)czupłym i ta wszy(s)tka zginęła. Sam han piechotą przez dwa dni uchodził i jakoś casualiter Tatarzyn poddał mu konia. Consequenlia tedy że apparentii do wojny mieć nie mogą, póki nowy han nie uczyni porządku w starszyźnie zjachaw'szy do Krymu. Porta także żadnej apparentii wojennej nie daje po sobie, a to z tej przyczyny, że między nimi durat hectica belli i obawiają się, aby z zamysłu wojennego domesticum malum nie urosło między niemi.

Перевод

Извлечение из некоего письма из Ясс от 9 января 1709 г.

От резидентов господаря, которые находятся при дворе Порты, при мне прибыл курьер с письмами, сообщая о новом хане, который выехал из Порты 11 декабря. Па этих днях его ожидают на Буджаке. Навстречу ему в знак уважения выслал господарь от своего имени двоих панов.

У нового хана нет никакой охоты к войне, поскольку он не может вести ее из-за отсутствия уничтоженной черкесами крымской знати. Я знаю, что у вас имеется обширная обо всем реляция, тем не менее, я слышал от выживших татар, что Крым не помнит столь крупного поражения и гибели своей знати, по сравнению с тем, что случилась сейчас но вине черкес.

Предыдущий хан, обратив против черкес все свои замыслы, приказал, чтобы с пяти хижин отправился [на войну] один ордынец. И сам он сел на коня, и вся знать по их обычаю должна была выступать, в связи с чем собралось многочисленное войско. С такими замыслами вторгнулся хан со своими силами вглубь земли черкеской. Оценив его силы, черкесы укрылись в труднодоступных и скрытых местах между горами и за горами. Прибыв туда с силами

[495] *Галенко О.* Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Магмеда Рашида // Україна в Центрально-Східній Європі / Відп. ред. В. Смолій. — К. : Ін-т історії України НАНУ, 2010. — Вип. 9–10. — С. 273–275.

своими, хан увидел тесноту этой местности, через которую трудно было бы пройти его войску. Некоторые старые татары советовали прекратить поход в столь неподходящих для этого местах, однако хан решил разделить войско на две части. Себе он выбрал более удобный для перехода путь, другую же часть войска в 20 тыс. человек дал под команду султану. Тот, наткнувшись на черкесские таборы, захватил силой меча все, что было возможно. Все остальные черкесы, которые смогли спастись бегством, ушли за горы к своему бею под защиту войска. Бей, понимая опасность, использовал по совету [других черкес] следующую стратагему: послал от себя пятьсот самых знатных людей к хану, заявив ему о своей полной покорности как победи-телю и господину. Хан был этим весьма удовлетворен. Он расположил черкесских послов, которые были информированы беем, как они должны действовать, вместе с татарской знатью. В четыре часа ночи, после того как подступило [к крымскому лагерю] черкесское войско, каждый [черкес] взялся за своего [татарина] и тогда началось массовое избиение тех татар, что были с ханом, среди которых была главным образом знать, которая, [будучи зажата] на узком пространстве, вся погибла. Сам хан пешим спасся, шел два дня, пока случайно встреченный им тарин не дал ему коня. Последствия этого таковы, что намерений к войне [крымские татары] не будут иметь до тех нор, пока новый хан не наведет порядок среди знати, прибыв в Крым. Порта также не демонстрирует желания начать войну по той причине, что у турок продолжается активная междоусобица, и они боятся, чтобы военные приготовления не спровоцировали [еще более крупных] внутренних потрясений[496].

№ 552
1709, січня 30. — Львів.
Лист львівського поштмейстера Фабіана Живерта литовському підканцлеру Станіславу Антонію Щуці (фрагмент)

Z Jas de data 9 jan(uary) to piszą: że tam od rezydentów hospodarskich u Porty zostających curier przybiegł z tą nowiną: żc nowy han 11 Xbris od Porthy constitutus wyjachał i miał hisce diebus stanąć na Budziaku, zaraz tedy hospodar dwóch panów ordinował cum homagio ad adventum jego. Wojny nulla tam apparentia, bo gubernium othomańskie obawia się w domu motus za ogłoszeniem wojny. Han zaś nowy niepodobna aby mógł co zacząć ob defectum starszyzny z wielą Tatarów na wojnie przeciw Czerkiesom wytraconej, że nie pamiętają simiiem na Krym, a osobliwie na starszyzne cladem. Bo jak ten dawniejszy han teraz ex soli(t)o ob temeritatem depositus sam na koń wsiadszy z wielkim barzo wojskiem i wszy(s)tką starszyzną hanowi assistere powinna, chcąc renuentes Czerkiesów do haraczu przycisnąć albo znieść poszedł ku granicom, gdzie drogi ciasne trudne. Lubo mu odradzano daliej się pus(z)czać, on wojsko na dwoie rozdzieliwszy procedebat w imprezie. Czerkiesi zaś za gury w miejsca skryte umykali. Sołtan jeden we 20/m(ille) dopadł taborów Czerkieskich i co mógł hostili gladio zabrał, a ludzie us(z)li do swego beja ad corpus. Ten widząc angustias zażył tego stratagemma, co celniejsze panięta junaków wybrał i wysłał instructor co mieli robić za daniem znaku, do hana z submissitę poddając mu się i chcąc go znać za pana. Han barzo był ucieszony rozesłał owych posłów na noc do starszyzny. Więc po czwartej w noc bej cicho podstąpił z wojskiem a skoro dał znak owi posłowie w obozie tatarskim po starszyźnie każdy za swego trucidabant ich i drudzy w ciasnym bar(d)zo miejscu ginęli niezmiernie. Han dwa dni pieszo uchodził asz mu Tatar jeden konia dodał i przecie wyplątał się.

Перевод

С Ясс 9 января пишут: что там от резидентов господаря, пребывающих при дворе Порты, прибыл курьер с такой новостью, что новый хан 11 декабря Портой назначенный, выехал и должен был на днях прибыть на Буджак. Навстречу господарь сразу направил двух панов в знак уважения к прибытию его. Признаков войны там нет, поскольку османское государство боится домашних сотрясений после ее объявления. Не похоже на то, чтобы и хан новый мог что-либо начать, по причине потерь среди множества [представителей] татарской знати, погибших на войне с черкесами. Подобного бедствия, особенно для знати, Крым не помнит. Все потому, что предыдущий хан, который теперь с престола из-за этого снят, сам сев на коня, с большим войском и всей знатью, которая должна была сопровождать его, желая мятежных черкесов заставить [платить] харадж либо уничтожить, пошел к границам [Кабарды], где трудно-проходимые и тесные пути. И хотя ему советовали не двигаться далее, он, разделив войско надвое, продолжил поход. Черкесы же отступали за горы и в труднодоступные места. Один султан с двадцатью тысячами [войска] на черкесские таборы, и, что мог, захватил силой меча, черкесы же бежали к своему бею под защиту войска. Тот, видя тесноту [местности], использовал следующую стратагему. Он выбрал отборнейших знатных юношей, послал их к хану с выражением покорности и готовности признать его господином, научив, что они должны делать по данному им сигналу. Хан был очень рад и разослал этих послов ночевать к знати. Итак, после четырех часов ночи бей тихо подступил с войском и как только дал сигнал, черкесские послы, [находившиеся] в татарском лагере, начали резать каждый своего знатного татарина, [в то время как] неисчислимое количество остальных погибало на очень тесном пространстве. Хан два дня уходил пешком и спасся, потому что один татарин дал ему коня[497].

[496] *Кочегаров К. А., Сень Д. В.* «Крым не помнит столь крупного поражения…»: Поход крымских татар на Кабарду и Канжальская битва 1708 г. в польских и украинских источниках начала XVIII в. // Исторический архив. — 2015. — № 4. — С. 19–21 (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1.1709 г. Д. 17. Л. 20–20об.)
[497] Там же. — С. 21–22 (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Publiczne Potockich. Rps. 163a. T. 40. S. 637–638).

№ 553

1709, березень (?).

Лист сераскера Юсуф-паші до великого візира Чорлулу-Алі-паші (роздобутий-скопійований російським послом у Стамбулі П. Толстим)

В списке с письма которое сераскер Юсуп паша писал к везирю в Константинополь писано.

Иное господине познаете что между шведами и паляками есть разстояние 40 часов сиречь между королями король швецкий обретается ныне на рубежах казацких и разстояние между королем швецким и войском московским есть 4 мили были между ими и частная малая сражения, обаче боя как по чину не было еще по се число, однако же швед есть осажен от всех сторон от московских войск тако что невозможно никому вытти и пойти вон никуды с места их, и есть 8 месецов как швед с поляком не принимывал един от другова ниже какова письма ниже от людей их кто прешол от единые страны на другую ниже ведомостей каких имети, однако же слышали мы что казаки запорожские поддалися шведом, но понеже обретается швед во окружении в таковом и понеже не могут ниже сам ниже люди ево никуды вытти видится во всем безсилие их и худоба как самого короля так и войск ево обаче как московской, так и швед оба они уготовляются ко брани от санаторов же польских санатор глаголемый Синявский которой держит сторону московских слышали мы от людей каторые ходят и приходят от тех стран что приуготовляет денег чтобы платить войску которые при себе имеет ожидает притти и другому войску от страны московских, обаче прежде, даже сие придет старается заплатить тому которое при себе имеет, и се посылаю вам и письма которые пришли ко мне как от страны швецкой так и от страны Мазепы и даю вам вся сия ведать и паки как воля Божия будет[498].

№ 554

1709, березень (?).

Лист Карла Піпера до Юсуф-паші

В списке с письма первого министра швецкого которое прислал с человеком к Юсуп паше писано.

По поздравлениях.

Понеже не явилося по сие число ни едино знамение ведомости о разглагольствиях которые были между нами с Мегмет эфендием обретаемся как король наш как и я и войско наше в великом злосердии и горести, однако же да будет хвала Богу есть уже толико времени что куды ни пошли никто не возмог стояти противу нас отвсюду выходим с приобретением, обаче как король мой, так и я просим превосходительство твое да донесет и объявит высочайшему царствию что ожидаем отповедей разглагольствования которое чинили между нами, понеже по се время ни единого известия имели, и молим Бога дабы слова наши проходны были объявя тое знамение ниже король наш ниже мы стыдимся, да будет Бог благословен дружество наше есть древнее и не бывало никогда между нами никакое смущение, и ниже отдалятися будем от таковаго же дружелюбия отныне и впредь, толико да будет к ведомости[499].

№ 555

1709, березень (?)

Лист гетьмана І. С. Мазепи до Юсуф-паші

Список с письма Мазепина присланного с человеком ево к Юсу паше.

По поздравлениях.

Аще изволите спросить о преселении моем которое учинихом, да уведаете что не могли нести и терпети мучительства неправедного, и лютого царя московского, и тако насилу с единою частию войска нашего ушол х королю швецкому и ныне обретаюся при войске ево, толико молю превосходительное господство да умилостивится надо мною, еже да объявит дело мое высочайшему царствию, и негли словеса наши будут проходительна, и да придет превосходительство твое с войском своим в помощь к нам. Превосходительство твое разумеет добре на котором пути и в коем намерении обретается московскии; Войско Запорожское учинило что поверил им в некоеей части швед, понеже и случилося частная сражения между запорожцами и московскими, и тако якоже рехом поверил в частном образе швед что Войско Запорожское подчинилося ему. Тем же познаете что намерение московское несть токмо о Крыме едином но может имети намерение, и о царстве Оттаманском толико да будет к ведомости вашей[500]

№ 556

1709, серпня 19.

Довідка про обставини в короля Швеції (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

Північна сторона московських кордонів, змикається зі шведськими кордонами, а одна сторона прилягає до Оточуючого моря. Причина-творець виникнення воєнних дій, що від [тисяча] сто тринадцятого року [гіджри] розширилися між Московським та Шведським, була така, що у попередньому часі одному з московських царів сталася нестача у його фінансах. При необхідності повернення коштів в одного із шведських королів, який був у той час, було попрошено у борг якусь суму і відбулося звернення по допомогу на підставі принципу, що кафірська громада є єдиною. Натомість, відповідно до звичаїв володарів назарейських, від його [Москаля] власних володінь у розпорядження Шведа було в ролі застави вручено певну кількість підданців та землі, а при поверненні суми, знову, як раз коли його

[498] *Станіславський В. В.* Іван Мазепа в таборі Карла XII: турецький вектор дипломатичної діяльності // Український історичний журнал. — 2008. — № 5. — С. 47 (РДАДА. — Ф. 89. — Оп. 1 (1709). — Спр. 1. — Арк. 169 зв–170).

[499] Там само. — С. 47 (РДАДА. — Ф. 89. — Оп. 1 (1709). — Спр. 1. — Арк. 170–170зв).

[500] Там само. — С. 47–48 (РДАДА. — Ф. 89. — Оп. 1 (1709). — Спр. 1. — Арк. 170зв–171).

володіння було б повернуто московській стороні, після остаточного з'ясування та розв'язання [справи] між ними, перед виплатою (суми) московський цар помер. А ті, хто були царями на його місці, проявили недбалість щодо цих поплат та лег-коважність у відношенні домагання їхніх володінь [назад], і оті буцімто залишилися зайняті шведами.

Після того, як сплило чимало років, коли Московське царство було передане королеві, який тепер є королем, відомий під прозвищем «білий князь» (Ак-бей). Він послав повідомлення, мовляв, «Допоки наші попередники, які взяли суму з передоплати для короля Швеції, розтратили те, що, узяли за часів свого [правління], який смисл був Вам, не взявши від них Ваші гроші, забирати взамін їхні володіння, які перейшли до мене? Негайно, за будь-яких обставин забрав би ти руку від нашого володіння і віддав би його нам! Бо я виступаю на тебе з численним військом, і після того, як поверну собі моє володіння, то захоплю також володіння тебе самого».

І здавна ті, хто були королями в ляській країні, не були ляхами за походженням, а в більшості були чи то зі шведського боку, а іноді з Прусії, що залежала від Швеції, а одного разу був [хтось] з німецького боку, бо ж частина через їхню звичку підпадати під [чужоземне] захоплення у (тисяча) вісімдесят четвертому році після Хотинської війни коли помер ляський король з Прусії, кафір, гетьман на ім'я Ноясли, який у згаданій війні був головнокомандувачем над польським військом, був ляхом. І поки не було звично, щоби король був з цього племені, із спільною згодою було обрано королем названого гетьмана, і він був королем поки настав [тисяча] сто восьмий рік, потім через його смерть за старим звичаєм польського племені на зборах з виборів короля одна фракція [депутатів] бачила користь у тому, щоби повернутися до шведського боку, одна фракція — до французького, а одна група навіть до німецького боку, і коли тривала поміж ними оця суперечка, позаяк переважили ті, хто схилявся до німецького боку, то вони обрали королем воєводу на ім'я Налкиран. Названий Налкиран не уживався із ляхами, а ті ляхи, які були прихильними до шведської сторони, прийшли до Шведа і подали таку петицію: «При тому, що здавна ляські королі обиралися з [огляду на] Вашу опінію, однак цього разу наше плем'я прихилилося до німецького боку, а Налкиран (Август II. — *Прим. пер.*), обраний королем з того боку, не вподобав домени, які здавна відносилися до [кожного] прибульця у наші володіння, який ставав ляським королем, і міста, містечка, села та інші наші володіння, які були в нашому утриманні відповідно до принципу свободи, і наш порядок, він примусом привів у повний безлад, а особливо те, що з вищезгаданим царем він перебуває у злуці, що досягла ступеня взаємного братерства, і тоді як наше [плем'я] перебуває у давній ворожості із московським племенем він згаданому цареві є приятелем, і своїм чисельним військом, тим, що він привів у наші володіння, він розтоптав Ляське королівство і привів до злиднів підданців та бідняків. Ви б теж, як наші батьки та діди, доклали зусиль та старання для наведення порядку нашій руїні».

Шведський же король через потерпання з приводу війни-вбивства із московським царем вирушив прямо до Ляської країни, прибувши [туди], він спочатку розв'язав воєнні дії з Налкираном, і декілька років раз у раз шведська сторона діставала нагоду для перемоги, а Налкиран впав у відчай від протистояння, і шляхом втечі вирушив у напрямку своєї нещасної батьківщини.

А шведський король не пішов негайно за ним, і, прибувши до Налкиранової країни Саксоньї — позаяк вищезназначений у своїй же країні не зупинився, вчинив зникнення-втечу — то щоби перебути зиму з військом у Налкиранових володіннях, він призначив своєму війську Саксонью зимівником, і захопивши в руки Налкиранового батька, він його ув'язнив та заточив. Господарі країн, що знаходяться там по сусідству, на ім'я Кешюнлер, Тана і Табаран, прийшли до шведського короля, і коли вони зажадали Налкирана, то Налкиран сам прийшов. Тож він (Карл XII) звільнив Налкирана та його батька з укладенням між ними клятви-присяги про те, «щоби той (Налкиран) дослухався чесноти слухняності і накинув на себе покров услужіння, і щоби він був підданий Шведським королям і відтак не вступав до Ляських володінь, і зрікся королівського титулу», і з великими грошима та іншими здобутками він вийшов із Саксоньї, і поставивши зі свого боку королем кафіра на ім'я Легдженгі, як тільки було наведено порядок, сам він вирішив затриматися певний час у тій місцевості.

Та Налкиран через втечі, будучи уже протягом кількох років раз у раз розбитий у шведській війні, мав великі нестачі у солдатах, припасах та скарбниці, а зосібна тому що шведський король повністю зайшов його володіння і, на додачу до великих витрат з причини зимівлі, його самого було взято у полон, а потім ще через те, що він присягнув не прозиватися королівським титулом, з боку мешканців його ж власної держави втратилася повага [до нього], і він з соромом-ганьбою не зупинився у своїй країні, а знайшов притулок під Покровительством московського царя. Московський же цар через цілковите глупство прийняв за свій насущний обов'язок Налкиранів реванш і продовжив війну-битву із шведським королем і з незчисленним військом прийшову у Ляську країну і наготував пребагато припасів для війни-вбивства. Однак в кожній сутичці московські війська зазнавали поразки, і тільки-но шведи пішли геть, забираючи-грабуючи склади гармат та зброї та інші його (Москова) бази, Швед додав сил і більшість фортець, які спочатку Москов виграв у Ляха, він захопив і передав назад ляхам.

Знов-таки 1120 року взимку (шведи) переправились по льоду через річку Озю (Дніпро), у його верхів'ях з містами та селами, які перебували в руках Москова, і коли вони прибули до підданої Москову країни Барабаш, гетьман на ім'я Мазепа, який був барабашським гетьманом, з більшістю свого війська піддався шведському королеві, і той узяв кілька фортець в Барабаші, і затримався на цілих чотири місяці на полі фортеці під ім'ям Балтава (Полтава), що на березі згаданої річки, і несчисленне військо, що три рази приходило

на нього з Московського боку, чинило війну-вбивство, і скільки б вони не чинили війни-змагання, вітер везіння дмухав убік Шведа, а потік поразки котився убік Москова.

Омовленим чином поміж Московським та Шведським племенем день за днем розпалювався вогонь війни-вбивства, і московський кафір по замиренні-заспокоєнні з Високою Державою для здійснення задуманих в його думці інтриг взяв це за претекст для розв'язання воєнних дій із шведом, тож піддані Москві барабашські та путкальські (запорізькі. — Пер.) козаки, які примикають до ісламських кордонів з боку Очаківського та Бендерського пограниччя, перекрили шляхи купцям Високої Держави, які приходять-відходять у московські володіння для торгівлі, щоби грабувати їхні речі і пускати в розход їхніх людей, і в людей Очаківського та Бендерського погранич від часу укладання миру декілька разів на рік виводили стада (кобилиць та лошат) і худобу, щоби привести (собі), і їхніх людей, щоби зробити невільниками, а декого стратити-знищити і подібне. І разом з запустінням від принесення шкоди-руїни, [що є] всупереч (мирній) угоді-присязі, [досягнутій] відповідно до Покровительської мирної присяги, для вимагання від Москова (повернення) цих омовлених збитків їхнім власникам, до їхніх командирів було послано листа та чоловіка, але вони відправили назад прибулого [до них] чоловіка з негативною відповіддю, вибачаючись, мовляв, «ми є самовіддано вірні умовам мирного договору і бережемо їх, однак нині в нас воєнна тривога, і опісля, коли тих негідників буде захоплено і найсуворіше покарано, тоді буде складено присягу [на мир ще раз] і продемонстровано нашу відданість миру».

Та хоча Москаль і заявляє про відданість миру, однак при тому, що вчинки та поведінка, які вони (московити) собі дозволяють, суперечать миру та їхнім власним заявам, і через те незрозуміло, як відрізнити їхнє приятельство від ворожнечі, з боку Очаківського губернатора Везіра Юсуфа Паші до їх ясновельможності верховного везіра Чорлулу Алі Паші на початку його каденції було послано подання, сенс якого полягав [у наступному]: «Хоча вчинки москаля отаким чином є [для нас] непевні та сумнівні, і існує потреба наказу про відмову «найвищим шляхом» (себто султаном) від їхньої присяги та здійснення походу на нього (Москаля), обставини, в яких він (московський цар) перебуває, усе ще не ясні, [отже] немає можливості здійснити похід на москалів з боку Високої Держави. Проте позаяк з боку Високої Держави неможливо призвести зламання миру, вживання заходів, які благорозумним способом спричинили б відмову Москаля від його політики, відноситься до нагальних справ для ретельного міркування. При цьому нині шведський король, який є заклятим ворогом московського царя, будучи приятелем Високої Держави, нещодавно за часів покійного їх ясновельможності султана Мустафи до Високої Держави подався і написав про те, щоби за прикладом [послів] інших назарейських володарів проживати одному [його] байлосу у Стамбулі. [Нині] спостерігається, що з появою деяких перепон [ця справа] затрималася і що в потаємних бажаннях шведського [короля] є цілеспрямований намір [розв'язати] цю справу, і що було б благом надати дозвіл [на це] з боку Високої Держави. Мета [цього заходу] полягає у тому, щоби шляхом сприяння зростанню його [Шведа] слави по-між назарейськими володарями та з наданням підсилення шведському [королеві] з боку Високої Держави, було би вжито заходів, що стали б, як мовиться, причиною шкоди Москалю в його справах, [щоби шведський король] без повідомлень від Високої Держави діяв відповідно до своєї [мирної] присяги, щоб нехай там що, а подружити шведського короля з Високою Державою».

Коли від вищезгаданого Алі Паши прибув лист до оборонця Бабадагу Везіра Юсуфа Паші, то вищезгаданий Везір [Юсуф Паша], після того як дістав новини про те, що «названий король видавав себе всередині Ляської країни звитяжним і переможцем над Москалем, а від польських достойників було вибрано королем Польського королівства гетьмана на ім'я Істаніслав (Ліщинський), а Налкиран втік до Саксонії, яка є його власною волостю, по чому він, будучи не в змозі претендувати на [Ляське] королівство, прийняв личину підданства та покори Шведові, і шведський король разом із [ляським] королем на ім'я Істаніслав повернувся із Саксонії і прийшов під місто Торунь», призначив (позаяк він уже набрав повноважень) послом до шведської сторони [одного з його] власних [людей] та службовиків достойного чоловіка на ім'я Єрґьоґюлю Мегмед Ефенді.

Однак позаяк більшість місцевостей Ляського королівства перебувала під окупацією московського царя, і при тому, що у нього в утриманні був Налкиран, який тримав ранг польського короля, в кожному випадку було неслушно послові від Високої Держави їхати до шведського короля, який перебував у стані війни з московським царем. Не насмілившись на його посилку через Польщу — мовляв, «існують перешкоди», — він послав його через угорські кордони і сторони Польського королівства, що прилягають до німецьких (себто австрійських) рубежів. А коли ж згаданий [посол] досяг угорських рубежів, його було впізнано за перевдягненим вбранням, коли він шпигував, і коли німецькі офіцери його схопили і допитували, він видав достоту, що він є людиною бабадагського коменданта і заради чого він поїхав, і поклав на грунт представлення листа, що був у нього в руках.

Як би там не було, з тисячею проблем і труднощів той [Єргьогюлю Мегмед Ефенді] прибув до вищезгаданого міста Торуня, а там зустрілися між собою шведський король, і польський король (Август II) і Істаніслав (Ліщинський) король. Коли він їм передав листи до кожного з них, вони дізналися про їхній зміст, [а саме, що] Юсуф Паша їх заохочував до дружби з Високою Державою, і побачивши, що він бере на себе посередництво [у переговорах] між ними, [шведський король] його спитали, мовляв, «Поміж нами та Високою Державою не існує давнього знайомства, тоді яка стала причина того, що твій паша настільки клопочеться про дружбу?». Той відповів, мовивши, «При нашому паші

часто згадувлася Твоя доблесть, і в результаті у нього виникла приязнь до Тебе».

Коли [король] його запитали про пояснення, мовляв, «Та ж якого роду моя слава в стороні Високої Держави?», було дано відповідь таким способом, що спонукав до прозріння, мовляв, «Як нема шляху між Тобою та Високою Державою, так нема і Твоєї [тут] слави, адже при Порозі Щастя не резидує Твій бальйос, як [бальйоси] інших назарейських держав, і коли від Твоєї держави приходили і відходили купці — щоби таким чином розповідати про Твої життєві обставини, щоби Твоє ім'я та слава були би знаменитими».

[Йому король одповів], мовляв: «Але ж чи здатен твій паша облаштувати так, щоби мене зробити другом з Високою Державою, щоби моєму байлосу проживати у стороні [твоєї] держави, а купцям моєї держави — приходити до і йти з [твоєї держави]? І наша держава знаходиться поза протокою Сейте (Гібралтар). Напевно Джазаїрли (Алжирець) хапатиме наші купецькі кораблі, які будуть прибувати й відбувати. Тож що з цим вдіяти?»

Посол же одповів, мовляв: «Наш паша у Високій Державі має силу слова для облаштування та полагодження [справ] важніших за те, що ти побажав. Саме Джазаїрська династія — це раби, які є державцями фірманів від Високої Держави (себто визнають себе її підданими). Заприсягнути з тобою на дружбу і щоби потім Твій байло перебував у столиці щастя — це [для нашого паши] друго-планова справа».

[Коли йому король] проказали: «Якщо це є так, то ось на цей день оті [алжирці] захопили один наш кальйон. Коли ми запропонували їм, мовляв, «Негайно поверніть!», той [Алжирець відказав, мовляв,] «І не берись!» А от щоби покарати Москву, чи не можна було б надати якусь допомогу?»

Щойно йому було дано відповідь, мовляв: «З причини далекої відстані між тобою та Високою Державою не існує граничної неможливості для допомоги тобі військом».

Король і каже: «Тепер добре. А тепер ще така є [справа], що я піду убік Каманіче, що є одним з володінь (Станіслава Ліщинського) — ворога нашого ляського короля Налкирана, поставленого з московського боку. Чи від Високої Держави нам можлива допомога солдатами».

Згаданий [Єргьогюлю] Мегмед Ефенді узявся за розв'язння названих справ в ролі завдання його посольства. Поза тим, метою згаданого [Мегмеда Ефенді] було, щоби і шведський король, і король Істаніслав заради оцих справ послали по послу до султана Високої Держави з проханням такого змісту: «[1] щоби отому ж королю бути другом другові Високої Держави і ворогом її ворогові; [2] щоб його одному бальйосу, за прикладом інших назарейських народів, бути оселеним у столиці [Стамбулі]; [3] щоби прибуття-відбуття купців з його сторони [відбувалося під умовою, аби тим] платити звичайне мито за їхні товари; [4] щоби відбулося повернення шведському [королеві] їхнього одного кальйону, який перебуває захоплений в руках Алжирця; [5] і щоби йому була надано допомогу військом заради того, щоб польський король Істаніслав привів у покору- послух Ляха, який є прибічником Москви і Налкирана, [6] і щоби видалити-вигнати Московського [царя], який перебуває всередині Ляської держави».

Згаданого посла було відпущено з папером, який повідомляв про від-правлення отих [послів]. Він благополучно прибув в Озю (Очаків). По врученні Юсуфу Паші листів означений же Везір [Юсуф Паша] послав до Високої Держави деталізацію того, що відбулося, і листи, які прийшли до нього від шведської сторони, послав їх світлості садразамові Чорлулу Алі Паші.

У відповідях [великого везіра] на його [Везір Юсуфа Паші] пояснення, з якими від верховного везіра поступово прибували його представники, мовилося наступне: «Належить підтримати деякі статті, [призначені для того, аби] з боку шведського короля відбулося укладання [угоди про] зав'язання навічно дружби з Високою Державою, а саме щоби, з одного боку, з боку Високої Держави поважалися звичаї приязні, встановлені зі сторони шведського короля, а з іншого — щоби один його бальйос мешкав у столиці за прикладом інших назарейських володарів. При тому, що у цих двох статтях нема нічого негожого, і вони можуть дістати благоволення султана, але існує одна скрута — наскільки можливе повернення захопленого перед цим алжирцями в шведів кальйону, і щоби ця справа звершилася ще перед тим, як було б укладено [договір про] дружбу, погоджений поміж Високою Державою та шведським королем, адже представлення цієї пропозиції алжирцям не має [законного] способу [розв'язання] за шаріатом. Таким чином, нехай би [Везір Юсуф Паша] ухилялися [від укладення цього пункту] розумним способом з представленням оговірки, мовляв, «[полагодження] цієї справи так, як з Вашого боку [завгодно], мені не можна представити-запропонувати стороні Високої Держави, але надалі династіям Джазаїру, Траблос-і Гарбу разом з високими емірами буде суворо наказано та пероз'яснено не нападати на купецькі кораблі, що надходитимуть з боку [Оточуючого] моря». Тільки ж так є, що названі династії перебувають на далекій відстані [від столиці], і через те, що їхній люд є гарячої вдачі і жорстокий, в них на загал бере гору завзяття до нападу-розбою на таких, що, як і шведи, відносяться до громад невірних, і які, перебуваючи з Високою Державою в мирі-дружбі, є увільнені від [завдання їм] шкоди-втрат; отже, нині треба, щоби було зрозуміло, що їм не можна довірити ані ключ, ані щось інше. І четверта стаття, що є статтею про надання допомоги. Така справа, будучи всупереч миру, укладеному Високою Державою з Московським [царем], якщо буде [султанське] благоволення, і московський мир став би зламаний, то якщо би Московський прийшов на Шведське плем'я і перемагав і, напавши на ляські володіння, виявився сильнішим, то в такому разі ясно, що ця халепа буде шкідливою для Високої Держави. Тільки ж ця стаття, при тому, що дружбі Шведського [короля] з Високою Державою надається повна підтримка, і поза тим, якщо від Високої Держави не буде подано знаку, аби змушувати

[царя й надалі] покладатися на Високу Державу, то немає сенсу, щоби стало відомо про таку справу, що з Московським [царем] не існує миру. І зі словами «якщо Вам буде завгодно, аби [султановому] благоволенню в цьому питанні вийшла користь, то спочатку одного дня пошліть Вашого бальйоса у той бік Високої Держави та докладіть старань та приспішіться для розбудови дружби» нехай би [Везір Юсуф Паша] дав зрозуміти [шведському королеві], щоби той усе зробив з добрим помислом і доклав би зусилля та увагу до того, аби попередньо визначитися з укладенням дружби поміж Шведом та Високою Державою».

Внаслідок цього Юсуф Паша кілька разів обвістився із шведським королем, і це додало тому зарозумілості-марнославства, що йому таким чином від Високої Держави були зроблені пропозиції до укладення з ним миру.

На додачу, відповідно до деяких таємних пертрактацій посвячених [осіб], великий везір Чорлулу Алі Паша нібито вживав заходів, щоби рушити шляхом, який самостійно ініціював Юсуф Паша для укладення дружби зі Шведом. По тому, як шведський король вищеописаним способом перезимував на Полтавському полі, він таємно послав від свого боку заступників до їх ясновельможності [кримського] хана з тим, щоби тієї весни той надав підмоги йому кримськими військами у великій битві, що мала би місце з Москвою. По тому, як цю справу було об'явлено-представлено шведському королеві, позаяк згадану справу якимось чином було доведено до священного слуху (султана), то через те, що вона суперечила миру поміж Москалем та Високою Державою, за цю справу великому везіру було задано великий наганяй-догану, а їх ясновельможності хану було вислано оклик-нагадування відкинутися від супротивних миру порухів. Однак під приводом того, аби потім шведський король не дізнався про те, що відбулося перешкоджання їх ясновельможності хану у наданні йому допомоги, [було вирішено] наповнити його серце впевненістю у тому, що їхня ясновельможність хан з кримским військом, відповідно до обіцянки володаря держави, прибуде тієї весни на Полтавське поле йому на допомогу.

Далі, почувши про те, що московський цар через поступку зарозумілості — адже московське плем'я не в змозі його одолiти — прийшов на нього з військом, якого не виносить земля, він [шведський король] абсолютно не стурбувався, [діючи] на манер «нехай наполягає на своєму», він зі ста п'ятдесяти тисяч агресивних його власних військ та народів барабаських та поткальських козаків, що вчинилися йому у підданстві, відібрав лишень до двадцяти тисяч добірних військ, влаштував табір у місці, що поблизу до згаданого Полтавського поля, і поспішив в атаку на московського, який вичікував на сприятливу нагоду. Він війною зруйнував оті два табори, розсіяв їхні шикування, і, вбивши скількись тисяч Московитів позбавив Московського імені та слави.

Гетьмани (себто генерали), що були при боці московського царя, сказали: «Негайно давайте випалимо з гармат! Якщо зараз попустити [шведам], вони нас поб'ють, і справі буде кінець» а їм московський цар одповідав з наміром заперечити, мовляв: «Нині наше військо перемішалося із шведським військом. За якийсь час це нам наше військо понищить. Для цього повинно подбати про належні заходи». Однак гетьмани дали відповідь, мовляв, «Неможливо, щоби заходи цього дня були такими ж віднині і надалі. Ми повинні пожертвувати нашими військами, які у цьому місці перемішалися з ворогом»і, давши вогонь з гармат, вчинили те, чого слід стерегтися.

У цей момент гарматне ядро зачепило ногу шведського короля. Будучи поранений, той, не зважав на біль, зробив трон з дошок на зразок паланкіну і сів у нього, чим він заохочував солдат до війни, і ще багато часу отак на полі битви він виявляв твердість кроку. У цей день його поранення, гарматні снаряди, якими стріляли з московського боку, та поступове затягування війни були чинником-причиною розладу порядку у його війську.

Далі пом'янутий король, по необхідності повернувшись назад з поля побоїща і прибувши до своєї ставки, узяв речі, які йому можливо було нести, і легко навантажений разом з барабаським гетьманом і путкальським гетьманом знявся з околиці згаданої Балтави і прийшов у Переволошну — одну з барабаських фортець на березі [річки] Озю, яку він раніше захопив. За ним прийшли війська московські та калмицькі війська, нагнавши, у згаданому місці, коли минули цілих два дні у різанині, і позаяк рана згаданого короля заболіла ще сильніше, а ворота випадку зачинилися, він прийняв рішення втікати.

Хоча йому було легко і зручно йти убік Криму, він був ображений тим, що їх ясновельможність хан не прийшли, як було раніше погоджено, і не встигли йому на допомогу, тож він утримався від того, щоби брати в нього притулок. Позаяк він познайомився з губернатором Озю [Везіром] Юсуфом Пашою через те, що проминав згаданий край, і з ним заприятелював, то він віддав перевагу тому, щоби взяти прихисток в вищеозначеного Везіра, отже, він побіг прямо на [фортецю] Озю (Очаків. — *Прим. пер.*). Вони мали бажання перебратися через річку Озю біля фортеці Переволошна, але Московський попередньо захопив плоти, човни та всілякі інші судна, які були на переправі, і спалив вогнем. І тоді деякі бідолаги поробили плоти з бортів возів та очерету, і багато солдатів, переправляючись, потонуло та загинуло.

Та як би там не було, а з тисячею труднощів та страждань вони перебралися через означене місце, і прибули у місце відоме під назвою Руський брід на відстані півтори години від місця, де у річку Дніпро вливається річка Ак-су, що знаходиться на відстані шести годин від фортеці Озю. Вони заходилися переправлятися і як би там не було, а шведські солдати перейшли, а ті, що залишилися позаду, десь п'ятсот шведів та три-чотири тисячі народу барабаського та поткальського, коли вони також переправлялися, у вечірній час ззаду їх нагнало до п'ятнадцяти тисяч московського війська, і тієї ночі та до такого ж часу наступного дня точилася битва. Опісля, тому що з цього боку допомога була неможливою, то кінець-кінцем з тих, хто лишився

позаду, деякі переправилися водою, а скількись потонуло-загинуло.

У цей момент шведський король таки підвівся, і в місці, відомому під назвою Кантемурів Юрт, що знаходиться на березі Дніпра за півтори години до фортеці Озю. Там він розійшовся з барабаським гетьманом Мазепою та путкальським гетьманом з дванадцятьма тисячами козаків, і ті виступили у місце, яке вони називають Кардашим Ормани, яке належить Кримові, і там оселилися.

А шведський король у згаданому місці Кантемурів Юрт зупинився на три дні, подбав про деяке спорядження, і коли на четвертий день він направився у бік Бендеру, від їх ясновельможності губернатора Озю Юсуфа Паши прийшов кетхюда капуджиїв з деякими подарунками, і цього місяця джемазі-уль-ахіре у тринадцятий день (19 серпня 1709 р.) він виступив з означеного місця. По його прибутті до Бендеру поза фортецею із особливою спішністю було споруджено один дім для означеного короля та житло для його підлеглих. Про те, як пригоди шведського короля пішли нанівець, про його перебування під Бендером, з боку їх ясновельможності губернатора Озю шляхетного Везіра Юсуфа Паши було зроблене повідомлення до Високої Держави, і, відчувши сором від того, що коли відповідно до припису невір'я у релігію Єдиного, від споріднених володарів назарейських одному випадає випробування, означеного місяця (джемазі-уль-ахіре) тринадцятого дня було видано Покровительський указ, за яким: «З причини того, що Османський султанат, який є місцем звернення володарів світу, віддає перевагу укриванню під плече Покровительства та співчуття, перед лицем його [Шведа] прохання подання йому руки є невідмовне, тому не дбаючи про закон султанату [щодо стосунків з невірними], виявляється хосровське благовоління і йому призначається щоденне утримання з державної скарбниці, поки триватиме його гостювання, і поки він затримається і відпочиватиме»[501].

№ 557
1709, серпня 19–30.
Призначення багатьох військ для захисту бастіонів Бендеру (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

Деякі шпигуни подали звістку про те, що Московський цар замислює, що коли річка Турла замерзне, він пошле на шведського короля несподіваним чином скількись війська, щоби зробити напад. І справді, позаяк проклятий, що є московським царем, є цілком зарозумілий та сповнений самообману, то він від супротивних миру-покою порухів переважно не утримуватиметься. Позаяк нещодавно Шведський був ним переможений, і коли той заради порятунку своїх людей вступив до кордонів богохранимих володінь (Османської імперії) з наміром укритися у Високій Державі, то він (цар), задавшись ідеями, що супротивні Покровительському (мирному) договору, вступив углиб її (Високої Держави) кордонів на сорок вісім годин, і наважився на березі Ак-су учинити бій-битву із Шведським. Тож є певно, що, як повідомили шпигуни, він у морозну пору розпустить прапор зла (себто, почне війну). І з огляду на потребу, щоби шведський король перебував під захистом та у піклуванні про нього від сіні хосровського покровительства, на захист Бендеру були призначені та уповноважені заїми та державці тімарів Румелійського еялету разом з буджацькими алайбегами і завідувач санджаку Панья колишній дефтердар Мустафа Паша, і завідувач санджаку Кюстенділ Давуд Паша і завідувач санджаку Охрі Кара-Йилан-огли Мегмед Паша і завідувач Ельбісанського санджаку Магмуд-Бей-заде Худавірді Паша, а крім того — від великих везірів — губернатор (валі) Анатолії Везір Абді Паша та колишній губернатор (валі) Румелії Везір Ісмаїл Паша разом з їхніми досконалими слугами[502].

№ 558
1709, вересня 4.
Роздача платні військовим (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

Після того, як для роздачі платні за третій та четвертий квартали минаючого року згаданого місяця ***(джемазі-уль-ахіре)*** двадцять дев'ятий день (4 вересня 1709 р.) у Покровительському палаці було влаштовано диван і військовим підрозділам було роздано-пожалувано їхню платню, посол, який прибув з боку Москова для поновлення миру, подав-підніс його листа та подарунки, і посол Дубровніка відповідно до звичаю вручив суми данини (власне, ***джиз'ї)*** за три роки.

Кілька днів тому від московського царя прийшов його посол на ім'я Петро Андрієвич Толстой зі словами: «Нині нашим бажанням є, щоби погомоніти між нами і в такий спосіб від появи розладу у приятельстві знову, щоби про це переговоривши, було дано зміцнений прецедент для дружби, поновивши — із призначенням наново на тридцятирічний час — миру-спокою, який раніше було укладено і скріплено присягою поміж московським царем та Високою Державою у час його ясновельможності колишнього господаря Султана Мустафи Хана», [і] Високій Державі було піднесено його подарунки і вручено його листа вищезгаданого змісту. На той час шведський король був розгромлений у битві, що відбулася з Московським на ***Балтавському*** полі, і після того, як він укрився у Високій Державі, вдруге прийшов лист від московського царя і його посол. На [цьому засіданні дивану] було оцінено повноваження, дані злопом'янутому послові для переговорів дотичних миру, і, не відписуючи на його прохання про те, щоби шведському королеві не було виявлено прихильність і не прийнято [під захист], для особистих переговорів з вищезгаданим послом було

[501] *Галенко О.* Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Магмеда Рашида // Україна в Центрально-Східній Європі / Відп. ред. В. Смолій. — К. : Ін-т історії України НАНУ, 2010. — Вип. 9–10. — С. 276–285.
[502] Там само. — С. 286–287.

призначено одного з членів дивану Гюсейн-Паша-заде ель-Гаджжа Мегмеда Ефенді, та [обговорено перспективи] відхилення справи [притулку] шведського короля[503].

№ 559

1709, вересня 4–10.

Звільнення коменданта (мугафиза) Озю Абдуррагмана Паши (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

Коли шведський король приходив до [фортеці] Озю, то під час переправи на цей бік через річку Озю на Руській переправі (Рус ґечіді), що при усті Південного Бугу (Ак-су), від перебуваючого на посаді коменданта Абдуррагмана Паши, який вийшов з командирів джебеджиїв, було послано з платнею людину у справі, щоби за ці гроші зібрати достатню кількість човнів для переправи і та трохи провіанту.

І під час контакту [зі шведами] вищезгаданий взяв за претекст, ніби він подумав, що це є якась провокація з ворожого боку, — а насправді [це було] лишень заради одержання вигоди, після деяких ваган та зволікань — і нібито він не взяв багато грошей, (отже) він не послав їм човни та припаси, а його піддані та очаківські люди та й сам паша похапали в шведів багато юних хлопців та дівчат, зробили їх полоняниками, і в момент цієї халепи їх ззаду настигло московське військо, і це стало причиною та чинником завдання їм шкоди та втрат.

Відповідальний за цю справу чавуш, який знаходився в Озю, доповів та повідомив Високій Державі про непристойні вчинки, які дозволив собі згаданий паша. Тоді було увільнено [Абдуррагмана Пашу] від оборони Озю, закликано до Бендера оборонця Бабадагу шляхетного Везіра Юсуфа Пашу. Тоді після повного повернення та передачі королеві невільників, захоплених в шведів, і по тому, як із запереченням згаданого паши щодо взяття ним грошей для роз'яснення ситуації від вищепом'янутого Везіра [Юсуфа Паши] та запиту про кількість [зниклих] грошей до короля було послано чоловіка.

Через те що у проханні [шведського короля] було сказано: «із звільненням вищезгаданого [Абдуррагмана Паши] і поверненням захоплених речей та шведів нашій стороні, якщо Висока Держава бажає прийняти мою думку, нехай вони в наступному пом'янутого пашу вибачать та висвободять», того було визволено з в'язниці, прощено його провину[504].

№ 560

1709, після 10 вересня.

Наступ Москви на військо шведського короля (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

Після того, як шведський король відпочив та його поранення прийняло зцілення, інколи він сідав на коня і не переставав займатися ловами- полюванням і ходити-прогулюватися по тих місцях, і одного дня несподівано із криком, щоби зрушити і піти до його держави десь за п'ятнадцять-двадцять днів, він заявив про його намір послати до двох тисяч його шведського війська з (шведів його війська) у місце під назвою ***Печова*** в Богданських краях (себто, у Молдавії), та всупереч цьому оборонець Бабадагу Юсуф Паша сказав: «Ваші люди не сидять на місці. Коли вони бачать Вашого ворога, їм уривається терпець і вони прагнуть взяти реванш, тоді як в нас з Вашими ворогами є мир. Поки так триває, не годиться, що на нашій землі Ваше військо, ворогуючи з ним, веде війну, та й нам важко бачити і наглядати за Вашим військом у тому місці. А що як лихо трапиться? Отож Ви від цього прагнення відмовтеся і не віддаляйтеся від Вашого війська».

Король засперечався, бо на його здогад, мовляв, «У тому місці існує легкість для оповіщення про виведення [війська] та поступування деяким справам». І з розділеннямвідсилкою свого війська у тому місці вони таки у тій околиці прибули у містечко ***Чернавудж*** і там проминуло декілька днів. Через те, що ***богданці*** були у злуці разом з московським племенем, з дозволом та побудженням наблизилося туди і московське військо, що там знаходилося, зненацька найшло на тих шведів, що знаходилися у місті ***Чернавудж,*** повбивало та їхні добра пограбувало та спожило[505].

№ 561

1709, жовтня 1–3.

Відремонтування фортеці Ор та спорудження в ній бастіонів (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

Разом з постанням необхідності щодо віремонтування фортеці Ор, яка знаходиться на Кримському [пів]острові, та очищення її ровів, були призначені керуючі, та окрім відремонтування зруйнованих місць нещодавно були відбудовані-відновлені чотири бастіони[506].

№ 562

1709, жовтня 8.

Прибуття посла Швеції до Високої Держави (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

З прибуттям до оборонця Бабадагу Юсуфа Паші листа від верховного везіра із запитом стосовно намірів шведського короля, щодо того, чи він відрядить до Порогу Щастя посла для [укладання] дружби з Високою Державою, а також стосовно його від'їзду на свою батьківщину, і щоби про це було зроблене представлення-повідомлення Високій державі, згаданий Везір [Юсу Паша] прибув до короля.

«Там по деякому перебуванні в компанії заобрійних гостей, він (король) навів заради дотепу слова, що поки він

[503] Там само. — С. 285.
[504] Там само. — С. 285–286.
[505] Там само. — С. 287–288.
[506] Там само. — С. 288–289.

відрядить посла до Високої Держави заради дружби, мовляв, «ми уже Божим промислом прийшли і знайшли притулок у Високій Державі», і він пояснив, що заради цього доброго діла він за декілька днів пошле до Порогу Щастя свою людину, і про те, що його відхід у спокої та безпеці через Польську державу разом із сподіванням на підвищення зусиль та зростання добродійства з боку Високої Держави він також має потребу в приготуванні османської сили та татарського війська, які під час дороги будуть здатні оборонити (його) від ворога і що він має бажання пояснити про його твердий намір про те, що разом з його послом він зробить (про це) подання-повідомлення», — ось про це усе з боку Юсуфа Паші було письмово викладене.

Коли Серцевину Держави було повідомлено про це, позаяк разом з листом від великого везіра Чорлулу Алі Паші, що містив втішання тим, що разом із спокоєм та безпекою у падішагській державі його буде відіслано до його країни, було послано досконалого коня під чепраком та один усипаний коштовним камінням кинджал. Згаданий [шведський] король виявив велике задоволення, і не дивлячись на прибуття дозволу, що давав надію на погодження милості (від султана) негайно по тому з писанням, що містило вищезгадані прохання, він намірився і поспішив відрядити посла. Згаданий посол прибув до Порогу Щастя і згаданого місяця [шабана] у четвертий день (8 жовтня 1709 р.) вступив до Покровительського Дивану, вручив його писання і після пояснення королевих цілей та бажань до Високої Держави, не змушуючи чекати, його було відпущено з Покровительським указом, що містив дозвіл[507].

№ 563

1709, грудня 8.

Переговори посла московського царя з Юсуфом Пашою (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

По проведенні переговорів поміж губернаторами, поставленими на чолі пограничних округ, стосовно деяких обставин, що виявилися порушенням статей та додатків договору з ворожими державами, що перебувають [з Високою Державою] у мирі, з боку московського царя до їх ясновельможності оборонця Бабадагу шляхетного Везіра Юсуфа Паші невпинно прибували московські посланці і робили представлення, мовляв, «Позаяк наш ворог Шведський та Мазепа Гетьман, який вчинив зраду та бунт, будучи розбиті у війні з нами, втекли до Високої Держави, то хоч і потрібно, відповідно до миру-дружби між нами, не приймати вищезгаданих осіб, а вигнати й видалити, Ви їх при собі затримали і тепер заявляєте про покровительство. А далі, віддаливши від вас вищезгаданих осіб, ви в такий спосіб поновіть існуючу між нами дружбу і не будьте причиною появи смути та зла».

Відповідь на сильні слова було представлено Високій Державі, і повідомлення [про відповідну реакцію] було відкладене і затримане. Після повідомлення з боку його ясновельможності володаря держави вищезгаданому Везіру [Юсуфу Паші] було написано листа, і у ньому було рекомендовано і згадано так: «Хоча було листовно відписано стосовно домагання Московським [царем] Шведського Короля, однак щодо Мазепи Гетьмана, то хоча це є правда, що пом'янутий гетьман, по суті, є підданим Москова, певну відповідь дати важко. Одначе напевно, що у випадку таки видачі гетьмана від «імператорського шляху» (себто, від покровительства султана) славі та маєстату султанату буде завдано шкоди. При тому, що [в цьому] є чимало небезпек, зараз же приставте до гетьмана людей та пошліть [його] до їх ясновельможності хана, бо відповідно до ханських законів той, хто вступає до нього, не видається, і [тоді] відповісте Московському відмовою».

Однак Юсуф Паша не погодився з цією думкою стосовно гетьмана. Він запросив до себе у присутність [московських] послів, і коли ті прийшли, він сказав [наступне]: «Від уряду прибув наш чоловік і приніс наступну відповідь. При тому, що ми вже попустили вашу атаку-агресію, коли Ви з гарматами та рушницями й іншими знаряддями війни зайшли на відстань тридцяти шести годин всередину [країни] за кордони і межі, проведені поміж нами після укладання миру, і позаяк ви насмілилися грабувати і завдавати шкоди Шведському, утискати посеред нашої держави дружніх нам гостей, то ви покриваєте власний гріх, і, щоби не дати нам взятися за цей претекст ви йдете на каверзи та зухвалість, так ви ще наважуєтесь отак домагатися шведського короля та гетьмана. Що шведський король за таких обставин прийде у ці місця, чи комусь прийшло б у голову? А ще чи якимось чином це було внесено до мирного договору так, що присяжна мирна угода була б гарантією для вашої претензії? Така обставина, що виходить за межі правил взаємного дотримання миру, виникла лише щойно. Коли склалося таке становище, то якщо ви наполягаєте на своїй вимозі і насмілюєтеся розв'язати війну, то це ви будете тим, хто порушив мир. Якщо йдеться про Мазепу Гетьмана, то хоча він раніше нібито був московським служебником, проте опісля він відвернувся лицем від нього і пристав до шведського короля, і він прийшов у нашу землю на положенні особи, яка перебуває на службі в шведського короля, і ми його не знали як вашого гетьмана, ми його знаємо як шведа. От коли вирушать Шведський Король та Гетьман з нашої землі геть і підуть до своєї країни, от тоді й подбайте [про сатисфакцію], коли в вас щось є [до них]».

Він відправив [московських] послів з листами, в яких було написано такий зміст, і зробив повідомлення-пояснення Високій Державі щодо наданої відповіді[508].

[507] *Галенко О.* Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Магмеда Рашида // Україна в Центрально-Східній Європі / Відп. ред. В. Смолій. — К. : Ін-т історії України НАНУ, 2010. — Вип. 9–10. — С. 288.

[508] Там само. — С. 289–290.

Частина VI
ПОРАЗКА І ВІДСТУП

№ 564

1709, червня 27. — Табір біля Полтави.

Лист англійського капітана Джеймса Джеффріса герцогу Мальборо Джону Черчилю

Достопочтенный, начало этого года складывается для нас не так удачно, как мы предполагали, несколько раз мы понесли потери, хотя и не очень существенные, но все же более значительные, нежели мы можем перенести в тех обстоятельствах, в которых находимся сейчас. Четыре раза враг наносил нам поражение. Во первых, когда они атаковали полк полковника Албедиля (Albedyhl), половину которого вырезали. Во вторых, в экспедиции генерала Круза (Cruse), когда мы потеряли около 200 человек. В третьих, когда враг перешел реку у Опошны (Opushna), и, в четвертых, когда они атаковали колонну генерала Круза у Старых Сенжар (Staroshansara) и захватили в плен 1500 человек. Осада Полтавы (Pultava) не принесла нам того успеха, какого мы ожидали, враг до настоящего момента оборонялся с величайшим упорством, и мы почти ежедневно меняли наше место дислокации, чтобы помешать им перебросить силы для подкрепления, «таким образом, это место может позволить нам оставаться в стороне существенное время, ибо мы уверены, что они не нуждаются в провизии и для нас будет трудно заставить их уступить тем, кто испытывает недостаток в наиболее необходимом при осаде, порохе и снарядах». «Нелегко судить, какова цель Его Величества (Карла XII. — *Прим. пер.*) в осаде этого места, некоторые считают, что все только из за отсутствия другого предприятия, другие, что генерал Мазепа склонил Его Величество к этому, однако главная точка зрения заключается в том, что Его Величество предпринял кампанию, чтобы подвести московитов к сражению в момент, когда они ожидают военную поддержку; несколько раз мы надеялись на то, что сражение состоится, московиты перешли реку Ворсклу (Worsklo) и двигались навстречу нам, и три раза прозвучал призыв к бою, полученный ими, но когда мы двигались навстречу, они или от ступали, или же мы находили их так глубоко окопанными в земле, что оказывались неспособными атаковать их без риска потерять свою пехоту. Их кавалерия и наша в настоящее время находятся в четверти мили друг от друга, но они держатся так близко к своим траншеям, что мы не можем ожидать от них какого либо другого боя, кроме как того, при котором мы пойдем в атаку в наиболее невыгодном для нас положении.

Мы получили несколько достоверных сообщений от татар (их министры прибыли сюда несколько дней назад), которые со всей серьезностью информируют нас о том, что 40 тысяч стоят наготове в ожидании распоряжений Его Величества относительно того, что либо им объединиться с нами, либо вторгнуться в Московию каким либо другим путем; они добавили, что московиты несколько раз препятствовали их замыслу разными небылицами и байками, часто распуская слухи о том, что шведы полностью разгромлены, или о том, что их царь заключил мир с королем, который женился на принцессе Софии, сестре нынешнего царя; эти министры по прежнему находятся здесь, поэтому никто не может сказать, какова будет резолюция Его Величества по этому поводу. Аналогичным образом мы получили новости через монсеньора Клинкострума (Clinkostrom) (который прибыл с вышеупомянутыми министрами) от короля Польши (Станислава Лещинского. — *Прим. пер.*). Он покинул Его Величество через русский Лемберг (Львов. — *Прим. пер.*) три месяца назад, где он собрал значительную армию шведских и польских отрядов, с тех пор этот джентльмен был вынужден скитаться по Венгрии, Валахии и Татарии до того момента, как ему представилась благоприятная возможность прибыть сюда.

Король вынужден оставаться в постели из за своей раны, которую он получил на левой ступне 17 числа текущего месяца. Однако эта рана не представляет собой прямой опасности, Его Величество продолжает отдавать необходимые приказания относительно осады Полтавы как и прежде, в то время как главнокомандующий командует кавалерией, которая находится в полумиле отсюда. Пуля

вошла несколько выше мизинца Его Величества и вышла между первым и вторым пальцем. Мы надеемся, что это происшествие станет предостережением для Его Величества в будущем не потому, что он подвергает свою жизнь опасности по каждому ничтожному поводу, а скорее потому, что у нас была возможность сразиться с его врагом, который наступает все ближе и ближе, и болезнь Его Величества в значительной степени отложила эту возможность.

Хотя мы говорим лишь о некотором спокойствии, которое наблюдается здесь в настоящее время, однако некоторые из нас усердно не желают его, ибо офицеры, как и простые солдаты, начали сильно уставать от постоянных изнурительных нагрузок. Московитами были сделаны некоторые успехи в последнее время, граф Меншиков (Menchikof) написал графу Пиперу (Piper) и предложил прийти сюда собственной персоной и заключить договор, если Его Величество гарантирует ему безопасный проход, однако «предположительно его посланник будет отправлен назад без ответа также, как первый и второй, что были до него».

Как нам сообщили дезертиры и другие пришедшие из московитской армии, граф Дона (Dohna), джентльмен на службе короля Пруссии, сейчас точно находится в заключении. Московиты под предлогом того, что он находился на службе шведского короля, вменяют ему то, что он строит какие то козни или что либо другое против них, и я опасаюсь, что для него пребывание там окончится плохо, если только Его Прусское Величество не заступится за него.

Вчера вечером хорошо подготовленный враг обстрелял нас из пушек. Немного времени спустя они начали проводить поспешную перегруппировку, которую продолжали на протяжении всей ночи и закончили ранним утром, что подкрепляет наше предположение о том, что они не планируют дать нам бой, до тех пока мы сами не атакуем их в окопах.

Я и т. д.

Из нашего лагеря в полумиле от Полтавы.

27 июня 1709 года

В письмо вложен журнал, содержащий наиболее значительные вещи, которые здесь произошли с момента моего последнего сообщения Вам,

Ваша Честь, 30 марта.

От 27 июня (по старому стилю) 1709 года.
Журнал, вложенный в предыдущее письмо.

Достопочтенный,

королевская штаб квартира по прежнему располагалась в Будищах (Budiezin), в то время как остальная армия располагалась в окрестных деревнях.

Первого апреля прибыл обер-аудитор Клинт (Klint) из армии московитов с конвоем, состоящим из 300 драгунов. Он был пленником у них со времен операции Левенгаупта (Leyonhaupt) и прибыл предположительно для того, чтобы обсудить условия обмена пленниками. Он сообщил, что двор турецкого шаха находился под подозрением у московитов и то, что царь недавно побывал в Азове с целью снарядить флот в Черное море, дабы совершить отвлекающий маневр. Далее он добавил, что царь был склонен заключить мир, однако его не убедили бы на сдачу Петербурга, в который вложил огромную сумму денег.

Пятого числа Его Величество прибыл в Опошну, где он провел смотр полков, находившихся в казармах, после чего Его Величество в сопровождении десяти солдат отправился посмотреть на Полтаву, где находился гарнизон, состоящий из 3-х пехотных полков, и на осаду, которая, по мнению Его Величества, откроет эту кампанию. По сообщению одного московитского дезертира, царь отправил посольство к татарскому хану, дабы побудить его принять участие в компании, однако генерал Мазепа заранее позаботился о защите своих интересов, посол (который на отказ татар подчиниться царскому требованию ответил крайне резкими словами) был забит насмерть. Из 90 тысяч, которые он привез с собой, дабы облегчить ход переговоров, 60 тысяч были оставлены в качестве выплаты долгового обязательства царя, остальная же часть была отдана сопровождавшим посла лицам, которые отбыли, чтобы затем снова вернуться обратно. Седьмого числа Его Величество промаршировал со 150 солдатами, оснащенными лопатами, по направлению к Полтаве. Девятого числа Его Величество с казаками заблокировал городок. Десятого числа сюда прибыла часть королевской гвардии, а также Даларнский полк (Dahlregim:t) вместе с другой пехотой. Двенадцатого числа мы отправились на фуражирование, в конце концов вражеские казаки атаковали наших фуражиров и вместе с ними пленили нашего лейтенанта с 8-ю драгунами. Четырнадцатого числа от Мазепы вернулись два казака, которые были посланы в Татарию, их переговоры побудили татар присоединиться к нам. Отряды у Полтавы расположились неподалеку от города, но Его Величество приостановил осаду на время пасхальных праздников. В этот день полк под командованием генерала Круза был отправлен для того, что бы атаковать генерала Ренна (Renn), который с 9-ю или 10-ю солдатами поспешил в обход; сражение началось для нас очень удачно, однако солдаты генерала оказались разделены, и враг, не находя себя способным продолжить бой, решил воспользоваться шпагой для того, чтобы прорваться через один из наших полков. Он достиг своей цели настолько удачно для себя, что его войска не только осуществили это, но и он причинил нам значительный ущерб: сам генерал и полковник Гюлленстерн (Gyllenstiern) были легко ранены, 8 капитанов были убиты на месте, и лейтенант Айзендорф (Isendorf) был пленен; потери противника также были значительны, однако у меня не было возможности выяснить детали.

Шестнадцатого числа Его Величество осмотрел вражеский форпост в Опошне, по нему было сделано 30 или 40 выстрелов, однако безрезультатно. Семнадцатого числа лейтенант Гротхузен (Grothusen), под командованием которого находилось 200 кавалеристов, прибыл с провизией и ручными мельницами из соседних деревень, куда он благополучно возвратился несколько дней спустя. Двадцатого

числа ничего не произошло, только один капитан и 30 валахов (Valloches) перешли на сторону врага; той же ночью несколько тысяч крестьян собрались вместе около штаба, где они встретились с тремя тысячами московитов, однако их план был раскрыт и ни к чему не привел. Несколько дней спустя подобный план снова имел место, но наши валахи (Walloches), задержав 9 мужиков, разоблачили всех и те были повешены у большой дороги. 1500 пленников, которые были захвачены Его Величеством прошлой зимой при Вепреке (Viprek), до настоящего времени содержались в относительно свободном режиме, но поскольку некоторые из них сбежали, остальные содержатся сейчас под строгим контролем. Утром двадцать третьего числа мы обнаружили за холмом у Решетиловки (Reshetilufka), где генерал Краутц (Creutz) находился с четырьмя тысячами всадников, восемь или девять эскадронов московитов и несколько тысяч казаков, которые были передовыми отрядами генерала Шереметева (Czeremetof), который направлялся, дабы атаковать нас. Генерал некоторое время спустя выстроил солдат в боевой готовности и отдал приказы, чтобы обоз переместился на полмили от того места выше прохода, так, чтобы у него было свободное место для сражения или отступления, в зависимости от обстоятельств, однако враг приближался с многочисленным войском и с несколькими единицами артиллерии, и наш генерал принял решение отступать, при этом сделал он это очень грамотно, не потеряв ни единого солдата и не обнажив оружия, хотя московитская кавалерия и казаки преследовали нас на протяжении часа.

Двадцать восьмого числа наша артиллерия прибыла к Полтаве. Двадцать девятого Его Величество покинул Будищи и переместил свою штаб квартиру к Полтаве. Тридцатого числа вражеские казаки пересекли реку Ворсклу и пленили 30 рядовых полка генерала Мейерфельда (Meyerfelt).

Первого мая к московитам вернулся обер-аудитор Клинт с письмом от Его Величества, который, должно быть, находился в крайне раздраженном состоянии с тех пор, как он стал вынужден находиться под более сильной охраной, чем раньше, и ему не дозволялось приближаться сюда (к месту боевых действий). Второго числа прибыл враг с пятью или шестью тысячами кавалерии и занял позицию перед Опошной. По другую сторону реки Ворсклы генерал Рус (Roose), полковник Ранк (Rank), Дюкер (Ducker) и Тауб (Taub) расположились в казармах со своими отрядами, с ними же находились и 1500 пленных, которые Его Величество пленил при Вепреке. Третьего числа, ночью Его Величество приказал открыть рвы перед Полтавой; в этот же день московиты у Опошны усилили свои позиции на 12 тысяч солдат. Пятого числа враг проложил несколько мостов через реку Опошну, и ночью 8-го числа часть их пехоты перешла реку и атаковала капитана, который стоял с водной стороны с отрядом в 150 человек, некоторые из которых спаслись. Его Величество, заметив, что 12 или 14 тысяч московитов к тому моменту уже форсировали реку и выстрелили 300 или 400 снарядов в Опошну, сделал все, чтобы немедленно прийти к ним на помощь, и начал наступление, используя столько кавалерийских полков, сколько можно было собрать в спешке. Враг отступил в большой спешке через реку, но нашим отрядам хватило времени сразить 300 или 400 человек при отступлении. В этот же день Его Величество приказал сжечь городок Опошна, предварительно покинув его со своими отрядами, и переместился в Будищи, где они остались на ночь, на следующее утро они перебрались в Жуки (Zucki). Полтавский гарнизон совершил вылазку, но был оттеснен обратно с потерями. В это же время московитский капитан с 50 драгунами осуществил вылазку из города, однако он был встречен несколькими нашими запорожскими казаками, которые убили большинство из них и пленили остальных. Двенадцатого числа Его Величество атаковал несколько вражеских укреплений у Полтавы и занял их позицию после некоторого сопротивления, потеряв при этом майора артиллерии и 6 или 7 солдат убитыми и ранеными. Ночью шестнадцатого числа враг осуществил в городе пополнение, состоящее из пехоты в 1000 человек, которое произошло следующим образом: их было приличное число по другую сторону реки и они начали копать траншеи по направлению к городу в целях сохранения сообщения, когда они заприметили, что мы выслали отряд. В полночь они форсировали реку, и на требование наших постовых назваться, голландский офицер, который командовали ими, ответил, что это тот самый отряд, и таким образом они прошли один пост за другим и в итоге вошли в город. Восемнадцатого числа враг открыл сильнейший огонь из орудий и ружей по нашим рабочим в траншеях, однако мы обошлись практически без потерь. Девятнадцатого числа они осуществили вылазку из города с силами в 1200 человек, однако были так тепло были встречены нашей пехотой, что потеряли 500–600 человек, бригадира Головина, одного майора, одного капитана и 30–40 солдат пленными, наши потери по подсчетам составили не больше 7 или 8 человек на месте, и дюжина была ранена. Двадцатого числа враг намеревался пересечь реку, дабы защитить город, однако обнаружил, что мы готовы дать им отпор, и отказался от своего смелого намерения.

Двадцать первого числа они открыли частый огонь с другой стороны реки из пушек: московитский бригадир сделал попытку подкупить охрану 150 дукатами, чтобы ему позволили бежать, однако охрана доложила все Его Величеству, который наградил их 15 дукатами за их преданность и приказал, чтобы за бригадиром наблюдали пристальнее. Двадцать пятого числа полки генерала Мейерфельда, Гюлленстерна и Албелдиля промаршировали к Новым Сенжарам (Novoshanshara), что бы занять там позицию. Двадцать пятого числа подполковник Силверхелм (Silverhielm), командующий 500-ми кавалеристами, отправился в Кобылы (Kobilach), чтобы сопроводить татарских послов сюда. Двадцать восьмого числа гарнизон осуществил вылазку и убил одного лейтенанта и 6 рядовых, а 9 рядовых получили ранение. В тот же день умер полковник Хаммархелм (Hammarhielm) от лихорадки. Тридцатого числа татарские

послы, сопровождаемые подполковником Силверхелмом, прибыли на Днепр (Nieper), и в этот же день прибыл фельдмаршал Шереметев с 8000 человек для работ на укреплениях на другой стороне, где у них, как говорят, располагается 70 единиц орудий, направленных на наши редуты, расположенные не более, чем в 60 шагах от их работ по рытью траншей.

Первого июня Его Величество находился на подступах (к городу. — *Прим. пер.*), где его поприветствовали несколькими залпами из города, один из которых убил казака, служившего Его Величеству. Второго числа у нас уже было наготове пять редутов с водной стороны напротив врага и был заложен шестой. Четвертого числа из города дезертировал помощник главного инженера, француз, который сказал, что его хозяин тоже покинет город на следующий день, но московиты раскрыли его план и арестовали его. Пятого числа три гарнизона совершили вылазку из города, но были так тепло встречены капитаном Даларнского полка, что были вынуждены вернуться в город в большой спешке, однако в результате этих действий мы потеряли около 40 человек убитыми и ранеными. Седьмого числа царь прибыл в армию, которая по приветствовала его из орудий и ружей. Девятого числа Его Величество находился в окопах у воды, где враги несколько раз стреляли в него и ранили генерал адъютанта Миллера (Miller), который находился на той же стороне, где и Его Величество, в ногу. На протяжении последующих пяти дней враг очень усердно работал над своими сооружениями, и мы со своей стороны не пренебрегали работой, дабы довести ее до завершения. Пятнадцатого числа наша армия получила приказание от фельдмаршала находиться в полной боевой готовности, поскольку он получил информацию, что враг переходит реку. Согласно этому мы промаршировали к Жукам с большей частью нашей кавалерии, где и расположились готовыми к сражению. В 8 часов утра, когда мы выдвинулись по направлению к врагу, казаки с обеих сторон с жутким грохотом стали стрелять друг в друга, но после перепалки, спустя час, мы выяснили, что никто из наших не был ранен или убит. Они в целом держались на такой дистанции в этой стычке, что в большинстве своем остались невредимыми. По мере того, как мы продвигались ближе к врагу, он вновь отступал через реку. В этот же самый день они атаковали генерала Круза, который стоял у Старых Сенжар, и не только отбили у него 1500 заключенных, которых король захватил при Вепреке, но и убили около сотни наших людей, охранявших их. Сам генерал получил легкое ранение, майор Анреп (Anrep) был смертельно ранен, а капитан Линдсхольд (Lindshiold) был убит. Когда они причинили столько вреда сколько смогли и разграбили обоз, то вернулись согласно приказу. Шестнадцатого числа Его Величество осмотрел работу врага по строительству укреплений на реке Ворскле, откуда было сделано несколько пушечных выстрелов, но без какого либо результата, той же самой ночью кавалерия снова находилась в боевой готовности. Семнадцатого числа наша кавалерия и несколько тысяч пехотинцев приняли боевую готовность и двинулись на врага, который перешел реку Ворсклу, однако Его Величество не смог присутствовать при этом изза ранения, которое он получил в левую ногу за несколько часов до этого во время небольшой стычки у Полтавы, и враг был хорошо защищен своими окопами, фельдмаршал, который командовал армией, решил, что не готов атаковать и, отозвав армию должным образом, покинул врага, давая им возможность закончить свои работы. Примечательно, что Его Величество ни разу не был ранен до этого момента и что впервые это случилось в день его рождения. Девятнадцатого числа мы покинули Жуки и отправились к Полтаве с поклажей и обозом. После этого враг не досаждал нам вплоть до двадцать третьего числа, когда мы получили информацию, что враг двинулся из Петровки (Petrowka) с приказом атаковать нас. Против них была выслана наша кавалерия, однако крупное сражение произошло между казаками, враг не смог занять какую либо позицию на плоской местности, но мы убили около девятнадцати человек из них, с нашей стороны были ранены капитан и лейтенант. Двадцать четвертого мы обнаружили, что враг со- вершенно оставил свои работы по строительству укреплений на другой стороне реки Ворксла напротив Полтавы, что дало нам возможность уничтожить их работы и забрать кое-что из вражеского обоза, который все еще находился там. Двадцать пятого прибыл монсеньор Клинкструм от короля Станислава вместе с двумя посланниками от татар, которые уверяют нас в том, что 40 тысяч стоят наготове в ожидании приказаний Его Величества, присоединиться ли им к нам или же вторгнуться в Россию.

Подписано мистером Джеффрисом 27 июня[509]. (Пер. Ю. Ф. Игиной)

№ 565

1709, кінець червня.

Йон Д. Хультман

Про переправу через Дніпро Карла XII (рукописні замітки для короля Фредрика і королеви Луїзи Ульрики)

Среди переправившихся были гофмаршал барон фон Дюбен, фельдмаршал Аксель Спарре, их превосходительства граф Бьелке и Хорд, президенты Йерта и Шефер, служащие королевской канцелярии, генералы Лагеркруна, Поссе, Роос и Дальдорф, полковники Торстенсон, Арведсон и Гротхусен, королевские драбанты, группа офицеров разных полков, епископ Мальмберг, магистры У. Ауривиллиус и Стернель, 18 священников, 2 главных повара, 2 помощника поваров, 2 деньщика и 2 мальчика. При королевском серебре тафельдекерь Адам Перл и вице-мундшенк Йон

[509] *Игина Ю. Ф.* Полтавская баталия в донесениях английского капитана Джеймса Джеффриса // Сборник исследований и материалов военно-исторического музея артиллерии. — 2010 . — Вып. IX. — С. 67–75.

Хультман, 1 паж, 4 лакея, 1 провиантмейстер, 8 конюхов, много гвардейских нижних чинов, драгунов и пехотинцев, также полководец Мазепа с его женой и Войнаровский, много знатных запорожцев и 3000 нижних чинов[510].

№ 566

1709, липня 1.

Лист графа Г. І. Головкіна Петру І про надіслання реляцій про Полтавську перемогу в Москву та іноземним дворам, а також про примушення К. Піпера написати Карлу XII листа з проханням обміняти його на гетьмана І. С. Мазепу

Всем[и]л[о]стивейший г[о]с[у]д[а]рь.

По указу, г[о]с[у]д[а]рь, в[а]шему писмо в[а]ше и реляцию к Москве сего времени послал.

А Павел Ягузинской и другие куриеры к иностранным дворам с писмами поехали до писма в[а]шего. И ежели, г[о]с[у]д[а]рь, изволите что к тому еще в пополнение туда писать, возможно и другова отпустить.

К Ивану, г[о]с[у]д[а]рь, Бахметеву вчера я писал, чтоб он с калмыками поспешал, оставя въюки и калмык, которые на худых лошадях; и сколь скоро он сюды придет, отправлю его в поход немедленно.

По указу в[а]шему Пипера я призывал и писмо х королю его при себе и на бумаге, от меня данной, написать о розмене своей на Мазепу велел, и то его писмо и с того для известия перевод к В[а]шему Величеству посылаю.

Раб ваш Гаврило Головкин

Из Полтавы
1 июля 1709[511].

№ 567

1708, липня ½. — Полтава.

Лист обер-маршала графа К. Піпера шведському королю Карлу XII про розмін його на І. С. Мазепу

Пресветлейший, всем[и]л[о]стивейший король.

Понеже Его Ц[а]рское Величество чрез своего верховнаго канцлера г|о]с[по]дина графа Головкина мне об[ь]явити велел, что ежели розмена полонеников соизволена будет, тоя моя персона ни на какого иного, кроме гетмана Мазепы, освобожена не может быти, ибо у нас никакого полоненика моего характеру не обретается. И естьли сие н[ы]не вскоре не может учинитися, то, однако ж, дабы он междо тем в добром бережении держан был, понеже инако при последующих трактатах много трудности приключится, ежели не будет в состоянии его выдати, и чтоб сие все В[а]шему Величеству подданнейше донес. Сего ради В[а]шему Величеству сие подданнейше донести не мог оставит[ь] и пребываю в прочее время жизни моея с непременною верностию и покорностию.

Пресветлейший и всем[и]л[о]стивейший король,
В[а]шего Королевского Величества
всепокорнейший и верный слуга С. Пипер

Полтава, ½
июля1709[512].

№ 568

1709, липня 3.

Лист графа Г. І. Головіна очаковському коменданту Абдуррахман-паші з вимогою не пускати шведського короля у турецькі володіння та видати гетьмана І. С. Мазепу

Благородному и почтеннейшему господину ачаковскому паше Его Салтанова Величества Турского.

Извествую Вашему Благородию, что корол[ь] швецкой, неприятель моего всем[и]л[о]стивейшаго ц[а]ря и г[о]с[у]д[а]ря, в главной баталии при Полтаве храбростию и мужеством войск наших наголову побит и командиры тех неприятелских войск, а имянно первой министр граф Пипер. фелть маршал и все генералы в полон взяты, а потом и ушедшие с той баталии швецкие войска, которых было еще 12 000, бежав с ним, королем, даже до Днепра, от наших войск нагнаны и, видя свое изнеможение, ружье положили и здалися Ц[а]рскому Величеству со всеми пушками, знаменами, обозом и имениями своими, а сам король ч[е]л[о]в[е]к в 300 и с ызменником Мазепою ушел за Днепр и побежал, как мы слышим, во област[ь] Салтанова Величества. Того ради я, Ваше Благородие, по указу моего г[о]с[у]д[а]ря напоминаю, дабы вы яко верный своего г[о]с[у]д[а]ря, Его Салтанова Величества, слуга, остерегая мирные договоры междо обоими государствы, короля швецкого яко сущаго неприятеля моего ц[а]ря и г[о]с[у]д[а]ря во область владения Салтанова Величества не пускали и не принимали, а изменника Мазепу велели поймать и держать за караулом, о чем от Ц[а]рского Величества у Салтанову Величеству писано. Ежели же Ваше Благородие против моего прошения не исполните или что противно в том учините, и тем покажете с стороны Салтанова Величества вид к нарушению мирных договоров между г[о]с[у]д[а]ри нашими, Его Ц[а]рским Величеством и Салтановым Величеством,

---

[510] Приложение. Прибытие Карла XII в Бендеры. Публикация А. Полторацкого // *Стилле А.* Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. — СПб.: типография М. А. Александрова, 1912. — С. 166–167.

[511] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 71. Письмо графа Г. И. Головкина Петру I о рассылке реляций о победах под Полтавой и Переволочной и обмене обер-маршала графа К. Пипера на И. С. Мазепу // РГАДА.Ф. 9. Отд. II. Кн. 10. Л. 393–393 об. Подлинник. Подпись от «Раб» до «Головкин» — автограф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-71-1709-pismo-grafa-golovkina-petru-i.

[512] Полтавская битва 27 июня 1709 года: Док. и материалы / Отв. ред. Е. Е. Рычаловский; сост.: Е. Е. Рычаловский, А. Б. Плотников, Т. А. Лаптева, О. А. Курбатов, П. И. Прудовский. — М. : РОССПЭН, 2011. — С. 431 (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 10. Л. 405–405об. Перевод, современный оригиналу. На л. 405 вверху надпись В писме графа Пипера написано).

и на сие буду я ожидать от Вашег[о] Благородия соответствования и пребываю к службе охотный.

Дан в Полтаве июля в 3 де[нь] 1709г[о][513].

№ 569

1709, липня 3.

Лист графа Г. І. Головкіна Петру І про направлення грамот васалам Османської імперії про затримання шведського короля та видачу І. С. Мазепи

Всем[и]л[о]стивейший г[о]с[у]д[а]рь. Писмо Вашего Величества я принял и по указу в[а]шему к Юсуп паше селистрийскому и к паше ачаковскому, о еже бы они ушедшаго от войск в[а]ших короля швецкого во область Салтанова Величества не пускали, а изменника Мазепу велели поймать и за караулом держать, писал я сего числа. И писма мои послал к гетману Скоропадскому и х кн[я]зю Долгорукову, дабы они, сыскав добрых людей, те писма мои как наискорее к ним отослали. Да и к волоскому, г[о]с[у]д[а]рь, и к мултянскому г[о]сп[о]д[а]рям я о том писал же. А в Ц[а]рь город, г[о]с[у]д[а]рь, к послу к Петру Толстому первую реляцию послал я еще вчерашняго дня до получения писма в[а]шего и о Мазепе велел Порте предлагать, дабы посланы были в Крым и к г[о]сп[о]д[а]рям и к Юсуп паше указы, что ежели он тамо явится, чтоб ево поймали и яко изменника В[а]шему Величеству отдать велели. Раб ваш Гаврило Головкин

Из Полтавы

3 дня июля 1709[514].

№ 570

1709, липня 9.

Донесення князя Григорія Волконського О. Д. Меншикову про взяття в полон 216 каролінців та 150 компанійців І. С. Мазепи

Светлейший князь, мой милостивый государь.

Покорнѣ доношу вашей высококняжей светлости, по указу Государь твоему пошел я с кумандированными афицеры и драгуны от Кременчюка Июля 4 дня и шел за неприятелем степью денно и ночно с поспешением, и драгунских лошадей от Кременчюка на половинѣ пути и не доходя Очакова по дорогѣ стало полторы тысячи, и тѣх драгун с лошедми поворотил я до Кременчюка, и не могли ево неприятеля легкия мои партии доѣхать, для того что он упередил свой марш предо мною четырмя днями от Днепра, и он король швецкой с Мазепою перебрались реку Буг под Очаковым за день до моего приѣзду. И сего Июля 9-го дня пришел я к Бугу с кумандрованными своими, и при мнѣ были полковники переясловский и лубенской и кумпанцы; гдѣ перебирался неприятель, и нѣсколько человѣк их сидѣло в тражаментѣ, которой сдѣлан был у Буга. И тот тражамент взяли и многое число от неприятелских людей побили, а болше потопили в реку Буг, а живьем взяли ротмистр 1, капитан 1, порутчиков 2, прапорщиков 2, отютант 1, ундерафицеров 9, редовых 200, знамя одно; також передались сего Июля 8 дня от Мазепы кумпанцов 150. И я с кумандою своею поворотился назад к Кременчюку для того государь, что у драгун провианту ничего нѣт и пять дней хлѣба не ѣдали, а достать было нигде невозможно, для того что от Кременчюка до Очакова деревень не было, все шли степью. Я ж доношу вашей высококняжой светлости, писал х камендату Очаковскому к Бею, чтоб он короля швецкаго задержал, а Мазепу прислал бы к царскому величеству. Из их же жителей сказывали мнѣ, что Бей писал до салтанскаго величества об указѣ.

Униженный твой слуга князь Григорей Волконской.

От рѣки Буга, Июля 9 дня 1709 г.

А наших на той оказии ранено: капитан 1, драгун (…)[515]

№ 571

1709, липня 9.

З листа англійського резидента Джеймса Джефферіса при шведському королю Карлу XII англійському послу в Москві Чарльзу Вітворту

С того момента, как я имел честь быть назначенным на службу к Ее Величеству в качестве секретаря при короле Швеции, у меня не было возможности услужить вам вплоть до настоящего времени. То, что я имею сообщить вам в настоящее время, будет, без сомнения, так же удивительно для вас, как знаменательно для Монарха, к которому вы посланы. Вкратце, Его Царское Величество одержал полную победу над шведами и вся шведская армия, состоящая из 21–22 тысяч человек, либо погибла, либо взята в плен, вся походная канцелярия, генералы и другие нижестоящие офицеры, не исключая графа Пипера (Piper) и фельдмаршала Реншильда (Rhinschild) находятся в руках московитов. Я до сих пор не уверен, какая судьба меня ждет. Принц пообещал освободить меня, чтобы я мог вернуться в Англию, канцлер Шафиров (Schapfiroff) является моим покровителем,

[513] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 73. Письмо графа Г. И. Головкина очаковскому коменданту Абдуррахман-паше с требованием не пускать шведского короля в турецкие владения и выдать И.С. Мазепу // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 460–461. Копия [Электронный ресурс]. — Режим доступа:http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-73-1709-pismo-grafa-golovkina-ochakovskomu-komendantu-abdurrahman-pashe.

[514] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 74. Письмо графа Г. И. Головкина Петру I об отправке грамот вассалам Османской империи о задержании шведского короля и выдаче И. С. Мазепы // РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 10. Л. 392–392об. Подлинник. Подпись от «Раб» до «Головкин» — автограф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-74-1709-pismo-grafa-golovkina-petru-i.

[515] Труды императорского русского военно-исторического общества. — СПб. : Свет, 1909. — Т. III. — С. 215 (Арх. Ак. наук. Карт.11, № 246).

однако мистер Зильтман (Silkman), который находился у шведов в качестве посла от короля Пруссии, мой самый страшный враг, он старается убедить этих министров, что я нахожусь на службе у шведского короля. Трагедия, о которой я говорил, началась 28-го числа прошлого месяца под Полтавой, когда шведы атаковали московитов в удобных для них позициях и окопах, а все закончилось 1-го числа сего месяца: когда шведы отступили от Полтавы с остатками своей армии к Днепру (Nieper), дабы потом перебраться через эту реку, что в итоге оказалось для них неосуществимым, и были вынуждены сдаться в плен. Таким образом, Сэр, вы можете видеть уничтожение победоносной и многочисленной армии меньше, чем за 2 года, по причине в большей степени крайне невнимательного отношения к своему врагу; но главным образом из-за того, что король не внял никакому совету своих советников, ратовавших, как я могу уверить вас, за ведение этой войны другим путем.

Король Швеции, с 2–3 тысячами всадников перебрался через Днепр (Nieper); думается, к этому времени он благополучно достиг Польши[516].

№ 572

1709, липня 13. — Полтава.

Лист англійського капітана Джеймса Джеффріса герцогу Мальборо Джону Черчилю

Достопочтенный,

с того времени, как мы прибыли в эту страну, я сильно опасался, что немногим из моих писем повезет попасть в руки к Вашей Чести, с тех пор многие из них пролежали без движения в шведской канцелярии вплоть до нашей последней неудачной битвы, и я обнаружил, что многие из них с момента моего прибытия сюда были перехвачены. Это не будет ошибкой с моей стороны, если я буду не часто информировать Вашу Честь в будущем о том, что происходит здесь, ибо я нахожусь здесь почти в таких же условиях, как и другие заключенные, и неясно, буду ли я отправлен в Москву или позволят мне уйти вместе с их армией в Польшу. Они ссылаются на то, что для них сложность в обхождении со мной связана с тем, что я был нанят на шведскую службу, и все аргументы, которые я могу использовать, те письма, которые они перехватили, некоторые из которых я получил от вас, Ваша Честь, и которые я показал им, клятвенные заверения всей шведской армии не могут склонить их к обратному.

Ваша Честь понимает по моему письму от двенадцатого числа этого месяца, что шведы потерпели полное поражение в Полтавском сражении. Четырнадцать тысяч человек (о которых я по ошибке написал восемь тысяч) сами сдались в плен, а король Швеции сбежал через Днепр с двумя-тремя тысячами офицеров и солдат в Польшу. Это странная перемена фортуны полностью изменила облик всего предприятия. Московиты с армией в сто тысяч пехотинцев сейчас готовы вторгнуться в Польшу, пехота, насколько я информирован, сейчас направляется в Лифляндию, чтобы осадить Ригу, в то время как их кавалерия отправилась по направлению к Лембергу, без сомнения для того, чтобы разжечь новые раздоры против Швеции в Польше и восстановить право короля Августа на корону. Присоединится ли Пруссия и Дания к ним в этих мерах — более чем вероятно, потому что Швеция, которая из за продолжительной войны испытывает нехватку рекрутов и денег, будет вынуждена отступить. Мне не нужно напоминать Вашей Чести, что великий план московитов заключается в расширении своего влияния в Восточном море, от Днепра, через Крым, и от Черного моря до Каспийского. Их грандиозный проект заключается в расширении судоходства и торговли, «их сверхчеловеческие усилия к тому, чтобы внедриться там, где они однажды побывали», — является той целью, о которой я ранее скромно высказал вам, Ваша Честь, и вы лучше всего сможете рассудить, являются эти планы совместимыми с расстановкой сил, которую Ее Величество и Ее знаменитые предшественники всегда сохраняли среди европейских правителей.

Монсеньор Мейерфельд вскоре после битвы был отправлен сюда провозгласить этим министрам относительно мира, но они по прежнему находятся в надежде арестовать Его Величество (вдогонку которому они выслали несколько тысяч регулярных отрядов и казаков); переговоры отодвинуты в сторону до тех пор, пока не станут известны конкретные сведения относительно Него.

Московиты сейчас, 3 дня спустя празднуют свою победу; в первый день были проведены благодарственные молебны и выпущен тройной залп всей пехотой и 109 единицами тяжелой артиллерии, после чего Его Царское Величество принял всех министров своего двора и офицеров своей армии, угощая их за накрытым столом. Второй фельдмаршал Шереметев принимал вышеупомянутых министров и офицеров армии, и в этот же день Меншиков сделал то же самое. Я почти забыл сказать, что в первый день несколько офицеров были повышены в звании, а именно сам царь стал генерал-лейтенантом и вице-адмиралом, граф Меншиков фельдмаршалом, генерал-лейтенант Рен (Ren) стал генералом, Головкин (Golowkin) — главным канцлером, а Шафиров (Shaffirow) — вице-канцлером. Некоторые стали кавалерами ордена Святого Андрея Первозванного, а именно генерал Алларт (Allart), Ренцель (Rensell), Брюс (Bruse) и вице-канцлер Шафиров.

Назавтра решено отослать шведских генералов и офицеров, которые находятся в заключении в 60 милях от этого

[516] *Ефимов С. В.* Английский шпион и мазепинская измена.Эпизод из истории Великой Северной войны (1700–1721) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции (14–16 мая 2014 года). — СПб. : ВИМАИВиВС, 2014. — Часть II. — С. 96.

места на границе с Московией, и в последующие дни решено, что пехота, под охраной которой они находятся, начнет двигаться в направлении к Лифляндии.

Я и т. д.

Полтава, 13 июля 1709 (по старому стилю).

Подписано: Мистер Джеффрис, Полтава,
13 июля 1709 года по старому стилю.

Отослано 7 сентября[517].

(Пер. Ю. Ф. Игиной)

№ 573

1709, серпня 16. — Чечельник.

Лист Г. С. Волконського О. Д. Меншикову про повернення 200 компанійців та козаків, які пішли разом з І. С. Мазепою в Османську імперію

Светлейший князь, мой милостивый государь.

Покорне доношу вашей высококняжой светлости, сего августа 15 дня писал ко мне порутчик ерославского полку Суздальцов, которой стоит на границе турецкой в Егорлыку. Для уведомления о неприятеле послал он до Дубасар и до Бендеру шпигов, и те шпиги возвратились и сказали, что кароль швецкой и с войском своим пошел Волоскою землею, а на которые, а о том подлинно не ведает. А изменник Мазепа остался в Бендеру.

И я, государь, послал от себя для подлинного уведомления о неприятеле до Бендеру вахмистра и писал к Юсуппаше, чтоб он изменника Мазепу задержал или к нам прислал, и тот посланной ко мне еще не возвратился, а что впредь будет ведомость, к твоей высококняжой светлости писать буду.

Я ж доношу вашей высококняжой светлости, писали ко мне полковник Андреяш да сотник Невенченой, которые были при изменнике Мазепе, что они оттуда уехали и стоят близ границ и при них [...]панщиков и казаков с 200 человек и больше, и бьют челом, чтоб их принять и быти к твоей высококняжеской светлости. И я к ним писал, чтоб они ехали немедленно, и как они будут, územ поволишь их к себе быть или как укажешь, а в партию государь по прежнему твоему указу подполковника Друцкова августа 13 дня отправил и о том до твоей высококняжеской светлости писал преж сего.

Униженный твой слуга, князь Григорей Волконской.

З Чечелника, августа 16 дня, 1709 году[518].

---

[517] *Игина Ю. Ф.* Полтавская баталия в донесениях английского капитана Джеймса Джеффриса // Сборник исследований и материалов военно-исторического музея артиллерии. — 2010 . — Вып. IX. — С. 75–76.

[518] Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / [рук. проекта и сост. д-р ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова]. — СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. — С. 390–391 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. № 3312. Л. 1–1 об. Подлинник. Подпись-автограф).

Частина VII
БЕНДЕРСЬКЕ СТОЯННЯ

№ 574
1709, липня 22.
Резюме листа воєводи Богдану (Молдови) щодо подій після Полтавської битви), надісланого до капукетхуда Копар-оглу
Написано 14 джемазіульеввел
(1121 Ca 14 / 22.VII.1709).

Після великої битви (під Полтавою), яка раніше була описана, у нас отримали наступне повідомлення. Шведський король, коли зазнав поразки, знайшов прихисток в одному з батальйонів, що знаходився у місці на відстані однієї години ходу від поля битви. Серед ночі, після несподіваного нападу, він зі всім своїм військом утікає. Після чого перейшов до укріплень Камиш козаків (запорожців). І вже потім добирається до розореної царем Переволочної паланки, яка знаходиться на протилежній стороні Дніпра.

Надіслані навздогін за ним московські генерали, переслідуючи його, прибувши на місце, оточили його. Шведський король у свою чергу, щоби уникнути великої облоги і знайти спасіння, сам він, Мазепа, прилуцький полковник, командуючий Камиш козаками кошовий та інші з їх почету з двісті осіб визначних людей своїх, 2 джемазіульеввел (1121 Ca 02 / 10.VII.1709) перейшли на протилежну, нашу сторону Дніпра. А вже після того, як ця вся військова дружина зупинилась на березі Дніпра з нашої сторони, вони потрапили в оточення, після чого цар наблизився, щоби на них напасти.

Призначений [командуючим] об'єднаної дружини шведський генерал Левенгаупт став свідком цієї досить великої неминучої катастрофи. За його розповіддю, 11-тисячна чи 12-тисячна піша і кінна армія була змушена підкоритися царю. Тоді цар надіслав всіх до фортеці, що має назву Полтава. Відповідно до раніше поданого знаку, брат Михайла, князь Дмитро Галіцин зі своїм військом перейшов на цю сторону ріки Дніпро, щоби зловити і затримати шведського короля і Мазепу. Він оголосив, що кожен, хто зловить короля, отримає 200 кесії, хто зловить Мазепу — 100 кесії, а хто донесе радісну звістку [щодо їх смерті] — 10 кесії. Також розповідалося, що на полі битви загинули 12 тисяч чи 13 тисяч душ піших і кінних. Було приховано, що і московське військо також мало вбитих, але в отриманих донесеннях щодо події було повідомлено їхню кількість.

Відповідно до повідомлень, після цього, московське військо відправилось переслідувати нового короля Польщі Станіслава (Лещинського) з його гетьманами. Розповідалось, що новий король переправився через Ворсклу. Говорилось, що кордони Налкирана (Августа II Сильного) досягають Словаччини. В Польщі маємо спеціальних шпигунів, які швидко повідомлять, що там відбувається[519].

№ 575
1709, серпня 8.
Лист силістрійського валі Юсуф-паші канцлеру графу Г. І. Головкіну про відмову видати гетьмана І. С. Мазепи та його прибічників
Перевод.

Ясновельможный милостивый пан Головкин, великий канцлер, наияснейшего Великоцарского Величества Московского первый министр, мне многомилостивый пан и друг!

Лист через посланца вашей милости милостивого пана до меня дошел. Из коего писания понял я [следующее]. В прошлом листе писал ваша милость милостивый пан, что [о] вступивших в пределы великого султана короле шведском, наияснейшего Царского Величества неприятеле, и с ним находящихся людях, он узнал и написал, чтобы мне короля шведского не принимать, а бывших до того вашими людьми, которые короля шведского подданство приняли,

[519] Османські документи. Док. № 3 // *Середа О.* Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст. — Одеса : Астропринт, 2015. — С. 154 (BO A. Fon adı: «IE.HR.». Dosya № 15. Gömlek № 1458).

Мазепу и прочих, при нем состоящих, схватив, под караулом содержать. Писал мне ваша милость милостивый пан: коль скоро король шведский не ко мне, а в Блистательную Порту приехал, то людей, будто ваших, взять и под стражей держать, ежели до того ваши были. Ныне король шведский оных, — как своих давних людей, так и этих, — наравне держит. И король шведский сам к наияснейшему и наимогущественнейшему цесарю, пану и добродетелю моему, в гости приехал, [посему] тех людей ваших из рук короля шведского взять и вырвать тяжело до крайности. Сам от себя не могу ничего ответить и совершенно ничего сделать не могу. Но о короле шведском, как и о людях, при нем бывших, в пределы и земли Блистательной Порты вступающих, и о том, что ваша милость мой милостивый пан мне писал, все это описавши, Блистательную Порту я известил. Какой мне фирман, то есть ответ, будет и известие на письмо, вашей милостью писанное, через посланца [дам знать], коего при себе задержал, ибо известие мне еще не пришло. Ведомо вашей милости моему милостивому пану, что дела эти мною одним решены быть не могут: о них два великих монарха договориться должны. В таковых делах нам, слугам, говорить и самостоятельность проявлять не пристало и слова наши неуместны. Когда б уместны были, я б давно посланца вашей милости моего милостивого пана со своим бы ответом отослал. Как даст Господь Бог, что от Блистательной Порты известие придет и знать я буду и фирман [иметь], посланца назад отошлю. Друже мой, еще до того, как от вашей милости моего милостивого пана письмо ко мне было, послал я к реке Бугу человека своего с письмом к ясновельможному его милости пану князю Голицыну киевскому для сохранения мира священного, ибо войско ваших милостей в границах Блистательной Порты войну чинило. И на то письмо мое об ответе молил. Ни ответа, ни посланца моего, наконец, до сего времени нет, толи погиб, толи задержан, вполне вероятно, в пределах ваших, [причем] так давно, что и посланец с письмом от вашей милости ко мне тогда еще не прибыл. Дружбу, между великими монархами соблюдаемую, беречь необходимо. Наша это обязанность. Думаю, что не должен вашим милостям в доверии отказывать, и потому очень мне дивно, что наияснейший Его Величество царь и ваша милость мой милостивый пан, а также и его милость пан князь Голицын и другие их милости, все вместе находясь, ответа не отправили. Все это вашими милостями милостивыми государями не исполнено. Я же, столь далеко в порубежье пребывая, от Блистательной Порты вдалеке будучи, письма вашей милости, ко мне обращенные, постоянно должен пересказывать. И ответа ожидая, что-либо делать опасаешься. Дружбу так не соблюдают. Ежели ваша милость дружбу не соблюдаете, для нас разницы нет: мы дружбу бережем, насколько возможно. Пишешь ваша милость милостивый пан, что Мазепа, зная, что виноват, может какой яд принять, и потому наказываешь обыск чинить и чтоб оружия при нем никакого не было, отобрать, дабы смерть себе не задал, ибо когда нужно будет его отдать, чтоб оный живым был отдан, а мне бы [в противном случае] казус какой не приписали. За Мазепой мне следить не подобает и не требуется и не в моей это власти, ибо не ваша милость, его поймавши, мне его в руки отдали и не [сам по себе] он к нам пришел. [Когда] король шведский еще на вашей земле был, тогда [именно] он к нему пошел и подданство принял, тому год уже будет. Король шведский Мазепу, как и тех, кто с ним, наравне со своими людьми трактует. Мазепа, как сюда приехал, то в дороге еще захворал и до сего времени еще болен. Король шведский от себя доктора [ему] определил, и самого Мазепы племянник, что Войнаровским зовется, [оба] всегда при нем непосредственно находятся. И [оба его] опекают и иных людей чужих для опеки им не нужно. Ежели всемогущий Бог смерть ему судил и век его пресечет, означенный Войнаровский все имение его заберет. [Но] как ваша милость в письме своем пишешь, ежели от Бога смерть Мазепе назначена не будет и нам веры не дадите, то может просьба ваша до Бога дойти и упросите, дабы Мазепа не умирал. Монарху нашему великому сверх того, что у него есть, нам желать нечего и хитрости никакой здесь не имеем, а зависть [чью-либо] на суд Божий отдаем и [только] в нем надежду видим. И то заявляю я вашей милости моему милостивому пану, что ежели совокупно Мазепа и все, с ним находящиеся, у ваших милостей за людей почитаются, то мы их за таковых не считаем и не признаем. Знаем только и признаем короля шведского и при нем состоящих. И кто бы они ни были, ежели короля шведского слугами являются, [тех] тогда знаем. И о короле шведском какой мне от Блистательной Порты фирман прибудет, [обо всем] тогда согласно нему через посланца вашу милость милостивого пана извещу. Мой любезный друг! [Только] бы ваша милость обиды на меня не держал, [ибо] потому [мною] то немногое, письму вашей милости противное, написано, дабы в общении нашем крепчайшая дружба сохранялась, ничего более не имею, только в сердце своем добрую дружбу к вашей милости милостивому пану и молю, дабы [вы] меня дружескими писаниями [своими] не забывали и дружбой своей не оставляли.

Вашей милости милостивого
пана любезно доброжелательный друг
Эль Хаджи Юсуф-паша Силистрийский,
сераскир Блистательной Порты в Бендерах.

Дано в Бендерах,
августа 8 дня 1709 года[520].

[520] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 82. Письмо силистрийского вали Юсуф-паши канцлеру графу Г. И. Головкину об отказе выдать И. С. Мазепу и его сторонников // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709 г. Д. 4. Л. 9–10 (один лист, сложенный вдвое). Перевод с тур. на пол. яз. На л. 10 об. внизу справа помета «Писмо Юсуп паши к графу Гаврилу Ивановичю». Перевод, современный оригиналу, с тур. на рус. яз. (копия в статейном списке П. А. Толстого): Там же. Д. 1. Л. 540 об.–543 об. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-82-1709-pismo-silistriyskogo-vali-yusuf-pashi.

№ 576

1709, вересень.

Лист молдавського господаря Михайла Раковиці Г. І. Головкіну про наміри шведського короля та гетьмана І. С. Мазепи

В письме Михаила волоского господаря к графу Гаврилу Ивановичю написано:

В 31 день августа писал и послал я к вам отповедь на честныя ваши писания, а ныне во уведомление вам посылаю сего человека и того ради изволь знать, что уж давно я посылал к Исуф-паше боярина моего для дел государства моего, а наипаче приказал я ему, чтоб он со всяким вниманием и осторожностию выразумел намерение, которое имеют турки о короле шведцком и о Июде. И тот наш боярин приехал сегодня и сказывал, что без замедления король шведцкой и Июда Мазепа поедут из Тегина в малом турском комвое и приедут сюда, а отсюда пойдут в Сочаву, чтоб им проехать к Ракоцию для того, что на него надеютца. А при нем, короле шведцком, немного шведцкой кавалерии. Турки будут ево провожать до границы венгерской, которая граничит с Волоскою землею. Гора Кумбулуцкая, чрез которую пойдут, есть неудобопроходима, где без проводников могут заблудитца. Того ради радейте и промышляйте о поиманье их, и тот час пошлите довольное войско туда, и надеюсь на бога, что их поймаете и поведете их как гной.

А завожей войска вашего к тем странам суть способны волошанин Туркулец (естли вы ему верите, для того, что он немного полячитца), а Кигечь волошанин и он чаю конечно безподзрительный человек к службе сей, а к тому ж и сведом к пасам тем, и оне оба при вас обретаютца.

Я, естли б не было много причин, которыя мне мешают, а наипаче безмочье, конечно б привез к вам в дар и короля шведцкого и Мазепу, и сам бы с ними приехал, обманув их, но не можем того учинить для многих причин.

Однако ж, как приедет сюда король шведцкой и Июда, дам знать господину бригадиру, которой нарочно прислан от вас к границам нашим.

Печати, которою вы печатали ко мне письма, прошу не изволь отменять для преждереченной причины. При сем пребываю непременный во усердии и ко услугам вашим всегда повольный господарь волоский. Сентября. .. день, 1709 году.

Помянутой боярин наш спрашивал Исуфа-пашы, говоря ему так, что слышали мы мой господин, что Москва просила Мазепы, как подданного царского, и Исуф-паша ответствовал, истинно Мазепа б был выдан, естли б ушел прямо сюды от Москвы, но он перебег х королю шведцкому и с ним сюды приехал и подписался за подданного его, и для того мы ево не отдали.

Приказал нам Исуф-паша чрез того ж боярина нашего, что как приедет сюда король шведцкой, чтоб мы выехали ему навстречу и чтоб мы приняли ево добрым порядком и чтоб ему в провиянте никакой скудности не было.

Исмаил-паша, беглербей софийской, которой ныне в Бендере, говорил тому нашему боярину, что хотят дать королю шведцкому провожатых до рубежа венгерского с 10000 человек, что столько в Бендере всех нет, разве ему дадут в провожатых татар.

В цидуле написано:

Буди и сие ведомо вам, что шведцкой король по отъезде своем из Тегина пошлет резидента к Порте.

Пехоту шведцкую и запорожскую, что имеет король шведцкой, всю счесть и то будет шведцкой с 700, и запорожцев столько же, которые повсядневно разбегаютца, однако ж все бездельныя и ни х чему негодные людишки[521].

№ 577

Спогади осавула кошового отамана Дем'яна Щербини про перебування І. С. Мазепи та його наближених в Туреччині

Було нас дев'ять: Мазепа, гетьман України, Костянтин Городинський (Гордієнко. — *Ю. М.*), кошовий отаман, Филип Орлик, головний писар козацький, Горленко, полковник полку Прилуцького, Войнаровський, єсаул отамана, Кісилевський, хорунжий український, Чайка, отаман куреня Блатнерівського (Платнерівського. — *Ю. М.*), Безрукавий, писар кошового отамана, і я, Даміан Щербина, осавул кошового отамана, ми підписали расіа conveпіа, котрі великий султан Ахмет III уділив козакам Запорожжя і України, котрі охоронилися під його могучу опіку в 1710 році.

Цісарський рескрипт і фірмани султана прочитав нам 14 червня Ізмаїл-паша. Сераскир Бендери і Буджаки, в присутности хана кримського Девлет-Ґірея, начальників яничарів кульд-оґлі, спагів, топчів і герденечті, мурзів татарських, багатьох польських шляхтичів і шведських начальників військових. Шведський король не міг бути особисто, бо будучи вінценосцем не хотів зайняти другого місця, а перше по праву належало сераскирови, що представляв монарха більше могутнього, ніж був король Швеції.

Послам Молдавії і Волощини (тут слід мати на увазі Валахію. — *Ю. М.*) дозволено слухати цей лист в купі з ордонансами і дервішами.

Гамір був великий, а юрба численна; полки українські і курені запорозькі стояли в порядку з зброєю, військо було нечисленне, але з кожним днем збільшувалося. Орел України і Архангел Запорожжа повівали над військом.

Слова рескрипту і фірманів були величні, навіть дуже величні, але треба знати, що султан, великий монарх, найбільший в світі й не підпадав елекції, але був дідичним володарем. Був він з так давнього роду, що ніхто не міг навіть припустити, що його родовитість може бути неправдива;

[521] Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах / Составители В. А. Костакэл, Е. М. Руссев, Л. Е. Семенова. — М. : Наука, 1970. — Т. III. — С. 314–316 (ЦГАДА, ф. 68, 1709 г., д. 1, лл. 37–42 об. Перевод).

панування його розлягалося дуже широко, цісарі, королі і республіки дрижали перед ним.

Умів висловлюватися так велично, так щиро, так гарно, що душа людська була до глибини зворушеною.

Султан Ахмет III приймав козаків як своїх войовників, давав їм землі між Прутом і морем, право риболовлі, припаси для 40 куренів, збрую, одежу на кожний похід, платню, як спагам і бакшиш (дарунки) в часі війни. Отаман отримав почести і атрибуції паші. В кінці іменем султана дав він сераскир козакам корогву блакитно-червону. На червонім тлі півмісяць і над ним срібна звіздар, а на блакитнім тлі золотий хрест Східньої церкви. Знамя це було посвячене царгородським патріархом, був це символ злуки ісламу з християнством.

Гетьман дістав у дарунок багряне хутро, підбите сибірськими соболями, кошовий — шубу, підбиту чорними ведмедями, шапки і воєнні коні, козацькі старшини дамаські і хорасанські шаблі, а кожний козак новий кожух і гаманець з 500 монетами, щоб радувався на здоров'я султана.

Тішилися взагалі дуже. Наші принесли горілку, приставили молдавське вино. Для кращого порядку, аби нічого не бракувало, посаджено жидів у шинку.

В нагороду за такі добродійства і опіку козаки були обов'язані до військової служби під час війни, а в часі мира міг робити кожний, що йому подобалося — займатися риболовлею, ловецтвом, споживати дари султана, волочитися по краю, торгувати по містах і посілостях султана. Свобода була велика, а достаток загальний.

Пор дев'яти днях утіхи відійшли ми з Бендер на береги Дунаю. Филип Орлик зостався в Бендері при сераскирі, щоб улекшити собі відносини з ним, з Стамбулом і з кримським ханом.

Гетьман Мазепа усадовився в Ґалацу при замку, збудованім генуезцями, був вже в пізнім віку, жалував своїх давніх помилок і жив свобідно наче на спочинку. Кость Городинський з куренями розложився аж до Ялпуцьких лиманів і заснував перший кіш на березі Ялпуцького лиману, але і поширив курені аж до моря. В короткім часі малисьмо наші чайки мов на Дніпрі як за найлуччих наших часів. Народу нагромадилося стільки, що було 40 куренів як в старій Січі.

Горленко розмістив по квартирах полк реєстровців межи Прутом і Дністром.

Жилисьмо так на свободі, благословляючи великого султана і дожидаючи, щоб нас запросив до воєнного танцю, щоб ми могли показати нашому добродієві, до чого ми здібні, а світові — що ми не зробимо сорому нашим предкам, котрі боролися разом з Дашком (Остафієм Дашковичем. — *Ю. М.*), Сагайдачним, Богданом Хмельницьким і Виговським, і що ми будемо завсіди першими як досі були[522].

№ 578

1709, вересня 11.

Лист бригадира Г. І. Кропотова та перекладача А. Ботвінкіна канцлеру Г. І. Головкіну про перебування короля Карла XII та І. С. Мазепи в Бендерах

Сиятелнейший граф.

Мой м[и]л[о]стивейший г[о]с[у]д[а]рь

Гавриил Иванович.

Отдав должной мой покорной поклон Сиятелству Вашему, доношу, что сего сентября в 9 де[нь] приезжал волоского господаря тесть Михайла Дедула в Снятин, которой туды выслан для пограничных дел, и сказывал, что король шведцкой подлинно в Бендере обретается, а Мазепа в замке бендерском. Людей ево шведцких в Сочаве раненых, нагих и босых с 1000 ч[е]л[о]в[е]к.

Имеем подлинную ведомость из Венгерской земли чрез вахмистра, которого посылал х кн[я]зю Ракоцию господин князь Друцкой, и сказывал, что генерал Меерфелт, хромый, поехал из Мункача, быв у кн[я]зя Ракоция, к старосте спискому Любомирскому а оттуду — к генералу Красу поедет.

<...> Пребываю Вашего Высокографского Сиятелства моего милостивейшаго государя высокопокорны Вашего Милосердия раб брегадир Кропотов земно кланяюс[ь] нижайший и верно послушнейший раб Андрей Ботвинкин

От Волоской границы

Сентября в 11 де[нь] 1709г[о] году[523].

№ 579

1709, вересня 15. — Константинополь.

Лист ближнього стольника П. А. Толстого канцлеру графу Г. І. Головкіну про його старання з видачі шведського короля та І. С. Мазепи

Г[о]с[у]д[а]рь мой м[и]л[о]стивой Гаврило Иванович.

Сего м[е]с[я]ца в 8 де[нь] писал к Вашему Высокографскому Превосходителству чрез приятелей под нумером 25м, еже надеялся иметь конференцию с министры здешними сего ж м[е]с[я]ца в 10 де[нь], обаче имел во 12 де[нь], на которой не мог согласитися с министры здешними, во еже бы прежде разглаголствовать о выдаче короля швецкого и Мазепы с прочими, понеже оные стоят в том упорно, чтобы прежде подтвердить мир, а потом бы говорить о прочих делех, но я того бес повеления Вашего Высокографского

[522] *Мицик Ю.* Документ в архіву М. Чайковського // Сіверянський літопис. — 2010. — № 1. — С. 125 –126 (Коментар та повторна публікація статті: Застирець Ів. Мазепинці в Туреччині (З паперів Садик-паші (Чайковського) // Україна. — К., 1914. — Кн. 2. — С. 67–72).

[523] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 84. Письмо бригадира Г. И. Кропотова и переводчика А. Ботвинкина канцлеру графу Г. И. Головкину о пребывании короля Карла XII и И. С. Мазепы в Бендерах и маршруте поездки генерал-майора Ю. А. Мейерфельта // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 54. Л. 8–9. Подлинник. Публикуется в сокращении [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-84-1709-pismo-brigadira-kropotova-i-perevodchika-botvinkina.

Превосходителства чинить не могу. И тако, ничего о том не говоря, роз[ъ]ехались. Толко на той конференции предложил им о противных действах крымского хана и ачаковского Абдул Рахман паши, чего министры слушали прилежно, но и о том еще ответу никакого не получил. Того ради и куриера нарошного не отпустил, но сие писмо отправил чрез тех же приятелей, а когда ответ получю, тогда отпущю нарочного куриера и о всем подлинно донесу, что нового явится. А на предреченной конференции говорили мне министры, чтобы писать к Ц[а]рскому Величеству и просит[ь] позволения, дабы указал прежде подтвердис] мир, а потом де всякое дело исправится приятелски. Обаче не токмо обещают отдать короля и Мазепу с прочими, но ниже слушать у меня о том хотят н[ы]не. А я им ответствовал: ежели н[ы]не отдадут Мазепу с прочими вскоре в сторону Ц[а]рского Величества, а о короле дадут уверителное слово, что ево никуды не отпустят, и с таким определением буду к Ц[а]рскому Величеству писать. Но и на те мои слова ответу мне не учинили ж никакого, а предуготовления к войне чинят немалые и являются ко мне не зело приятны. Изволил Ваше Высокографское Превосходителство по доношению моему ко мне писать о неволнике турчанине, которого требует здешней министр Мизюрь ага, чтобы он за него дал на розмену руского ч[е]л[о]в[е]ка. И я ему о том сказал. Тогда он немедленно, сняв з галеры руского ч[е]л[о]в[е]ка, а имянно салдата Сергея Гаврилова сына Авдеева, которой взят в неволю до миру под Азовым тому н[ы]не 11 лет, а был в полку полковника иноземца Максима Мартынова сына Гурикова, и прислал ево ко мне, прося, чтоб предреченного янычанина припровадить в Констянтинополь, и н[ы]не тот салдат у меня. И ежели изволиш Ваше Высокографское Превосходителство, повели оного янычанина немедленно ко мне прислать с кем случится; и когда ко мне привезен будет, тогда немедленно предреченног[о] салдата к Москве отпущу. Аще ли же не соизволиш сей розмене быти, и я того салдата паки отдам на галеру. Обаче доношу, что сей предреченный министр мне здес[ь] в делех великого г[о]с[у]д[а]ря зело надобен. И о сем, как ваше изволение будет, так учиню. Засим остаюся в повелениях Вашег[о] Высокографского Превосходителства и пребываю слуга покорнейший Петр Толстой. Ис Констянтинополя, сентября в 15 де[нь] 1709г[о]году[524].

№ 580

1709, вересня 25.

Лист бригадира Г. І. Кропотова молдавському господарю Михайлу Раковиці про дії проти запорожців

Не оставил я чрез сие мое писание вашему высочеству отдать належащее мое поздравление, при сем и объявити, понеже уведал я, что обретаетца в местечке Чернявцах несколько неприятелей наших шведов, також и изменников запорожцов, которые, перебегая за рубежи польские, многую нам докуку чинили. Того ради и приходили мы в землю высочества вашего не во образе неприятельском, но только чтоб забрать нам неприятелей наших, також и изменников запорожцов, которых мы с помощию божиею и взяли, а подданным вашим волохом никакова убытку или шкоды никакой не учинили, и тако паки мы возратились в рубежи польския[525].

№ 581

1709, вересня 28.

Лист бригадира Г. І. Кропотова князю О. Д. Меншикову про перемогу під Чернівцями над шведами і запорожцями

Светлейший князь, мой милостивейший государь!

Писание вашей светлости, сего месяца от 14-го дня посланное из Солец, я принял. И по указу вашей княжей светлости в Волошскую землю до местечка Чернявец сего ж сентября в 23 день ходил з господином полковником Туркулом, которой вел нас зело трудными гористыми и лесными местами. А помянутое местечко Чернявцы от польскова рубежа милях в пяти. И пришед наши передовые, с которыми посылан господин подполковник Друцкой, учинили з запорожцами-бунтовщиками стрельбу, и из наших ранили рот[ми]стра волосского и несколько волохов. Однако ж дорогу, куды бежать шведам было, наши захватили. И так оные шведы и казаки стали подле лесу и с помянутыми нашими передовыми имели стрельбу непрестанную. И до приходу моего к местечку Чернявцам взяли передовые наши шведов в полон: одного капитана, одного порутчика, двух прапорщиков, шесть человек редовых драгун. И как мы пришли в местечко Чернявцы, стали и, построясь, пошли против шведов, которые также стояли в строю; однако ж, видев наше войско, не бились, а здалися на оккорд, как при сем посланной с ними учиненной трактат являет[526].

---

[524] Мазепа: к истории предательства. Документы: № 85. Письмо посла в Константинополе ближнего стольника П. А. Толстого канцлеру графу Г. И. Головкину о его стараниях по выдаче шведского короля и И. С. Мазепы и обмене русского невольника на турецкого пленного // РГАДА.Ф. 89. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 557 об.–558 об. Копия.Текст следует после записи на л. 557 об. «В писме к Гаврилу Ивановичю писано». На том же листе на левом поле помета «nu[mer] 26». Из статейного списка ближнего стольника П. А. Толстого 1709 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-85-1709-pismo-posla-v-konstantinopole-blizhnego-stolnika-tolstogo.

[525] Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах. Составители В. А. Костакэл, Е. М. Руссев, Л. Е. Семенова — М. : Наука, 1970. — Т. III. — С. 313 (Архив ЛОИИ, ф. 83, оп. 1, карт. 12, № 110, л. 1. Список).

[526] Там же. — С. 313–314 (Архив ЛОИИ, ф. 83, оп. I, карт. I2, № 115, л. 1. Список).

№ 582
1709, жовтня 8.
Виписка із справи канцелярії адмірала Крюйса про 554 полонених шведів та запорожців під Чернівцями

В нынѣшнем 1709 году Октября в 8 день получены вѣдомости в Торунѣ от бригадира Кропотова (которой отправлен в погоню за королем шведским) из под Волоской границы из мѣстечка Чернявцов, что он с партиею своею под оным мѣстечком с шведами сшелся (с которыми было запорожцев измѣнников с 500 чел.) и построясь на шведов пошел, которые також в строю стояли и, увидѣв его наступающаго на них, биться с ним не стали и сдалися на дискрецию, а запорожцы всѣ побѣжали в лѣса вниз подлѣ рѣки Прута, которых наши передовые драгуны, и казаки, и волохи спѣшась многих побили и во оной рѣкѣ потопили. А про короля взятые офицеры сказали, что он еще и с Мазепою в Бендерѣ, а при нем дробантов человѣк с 7-м. А сколько шведов сдалось на дискрецию, и то писано ниже сего.

Полковник от фортификации и подполковник лейбгвардии Аксель Бильденкрон; генерал адъютант королевский Гильден-клоу, маиор от пѣхоты Сатверьспар, Ротмистров — 2, капитанов — 19, порутчиков — 21, квартирмистров полковых — 4, прапорщиков — 22, адъютантов — 3, аудитор — 1, полковой камиссар — 1, писарей — 2, полковой лекарь — 1, пасторов — 10, цылюриков — 8, гобоистов — 7, полковых профосов — 3, ундер-офицеров — 71, капралов и рядовых 351, барабанщиков — 16, оружейный слесарь– 1, литаврщик — 1, трубач — 1, кузнец — 1, запорожцов — 8, всего взято — 554[527].

№ 583
1709, листопада 6.
Видатковий дефтер від Очаківської валії щодо витрат на шведського короля та гетьмана Мазепу

Витрати на шведського короля
гуруш
700 хліб 700 буханців
570 м’ясо баранини 95 окка по 6
600 м’ясо яловичини 200 окка по 3
480 рис 40 окка по 12
300 чисте борошно 50 окка по 6 для кухні і випічки

2650

0750 чисте масло 30 окка по 25
0225 мед 2 окка по 15
0540 цукор 3 окка по 180
0600 кава 2 окка по 15
0500 курка 50 штук по 10

5265

0200 індичка 8 штук по 25
0100 яйця 200 штук, ціна двохсот штук
0360 чисте [нерозбавлене] молоко 60 окка по 6 для кухні і випічки
0062,5 білий ізюм 2,5 окка по 25
0052 чорний ізюм 4 окка по 13

6039,5

0080 перець по 4
0200 кориця 40 дірхема по 5
0033 імбир 11 дірхема, ціна три дірхема по 1
0100 кардамон 20 дірхема по 5
0100 гвоздика 20 дірхема по 5

6552

0120 кокосовий горіх 20 штук по 6
0120 цибуля 30 окка по 4
0024 сіль 12 окка по 2
0120 баранячий горох 15 окка по 8
0090 оцет 15 окка по 6

7026

0060 сік лимону 2 окка по 30
0120 лимон 40 штук по 3
0160 оливкова олія 4 окка по 40
1430 сировий оцет 130 окка по 11
1000 горілка 25 окка по 40

9796

1500 пиво 300 окка по 5
0120 бджолиний віск 1 окка
0060 масляний віск 4 окка по 15
0960 дубові дрова 12 возів по 80
1500 ячмінний корм 250 штук [мішків] по 6

13936,5

1500 пиво 3000 окка по 5
0120 бджолиний віск 1 окка
00060 масляний віск 4 окка по 15
0960 дубові дрова 12 возів по 80
1500 ячмінний корм 250 штук (мішків) по 6

13936,5

01320 сіно 12 возів по 110
00085 ціни за рибу
00100 яблука і грушки 20 окка по 5

---

[527] Труды императорского русского военно-исторического общества. — СПб. : Свет, 1909. — Т. III. — С. 238 (Арх. морск. Минист. Дѣло канц. адм. Крюйса, 1709 г., № 28, с. 329 и 382).

00040 ціни за ріпу (буряки)
00030 ціна за моркву

15511,5

00030 ціна за петрушку
00120 капуста 60 штук по 2
00010 ціна за баклажан
00050 ціна за кавуни і дині
00040 ціна за свіжий виноград

15761,5

Одна пара рахується по три акче, словом: п'ятнадцять тисяч сімсот шістдесят одна з половиною справжні (дійсні) акче

Витрати на гетьмана Мазепу

гуруш
050 хліб 50 буханців
060 м'ясо баранини 10 окка по 6
060 м'ясо яловичини 20 окка по 3
110 рис 10 окка по 11
075 чисте масло 3 окка по 25

355

040 оливкова олія 1 окка
060 курка 6 штук по 10
010 яйця 20 штук
016 цибуля 4 окка по 4
012 оцет 2 окка по 6

493

016 овечий горох 2 окка по 8
030 мед 2 окка по 15
015 масляний віск 1 окка
030 бджолиний віск 100 дірхема
020 перець 5 дірхема по 4

[604]

180 ячмінний корм 30 штук [мішків] по 6
330 сировий оцет 30 окка по 11
120 горілка 3 окка по 40
100 овочі і фрукти
002 сіль 1 окка

1336

одна пара рахується по три акче, словом: тисяча триста тридцять шість справжні (дійсні) акче

Витрати на кошового запорозьких козаків

Відповідно видатків на Кошового Поткали [козаків], який супроводжує згадуваного короля, з 10 джемазіульахир до 20 шабан 1121 року (17.VIII.–25.X.1709).

гуруш
040 хліб 40 буханців
060 м'ясо баранини 10 окка по 6
060 м'ясо яловичини 20 окка по 3
099 рис 9 окка по 11
050 чисте масло 2 окка по 25

309

012 цибуля 3 окка по 4
040 оливкова олія 1 окка
002 сіль 1 окка
120 ячмінний корм 20 штук [мішків] по 6
220 сировий оцет 20 окка по 11

703

080 горілка 2 окка по 40
050 ціна за овочі і фрукти
040 курка 4 штук по 10
007,5 масляний віск, половина окка

880,5

одна пара рахується по три акче, словом: вісімсот вісімдесят з половиною справжні (дійсні) акче днів за один день загалом гуруш […]

витрати на вищезгаданого короля
з 17.VIII.1709 до 25.X.1709
69 15761,5 1087543,5 9062,5 43,5

витрати на гетьмана Мазепу
з 17.VIII.1709 до 02.X.1709
47 01336 0062792 0523 32

витрати на Кошового Поткали [козаків]
з 17.VIII.1709 до 25.X.1709
69 00880,5 0060754,5 0506 34,5

1211090 10091,5 110

Витрати на видатки, призначені за відповідний строк у 69 днів для згадуваного короля; [за відповідний строк] у 47 днів для гетьмана Мазепи; і також [за відповідний строк] у 69 днів для Кошового Поткали [козаків]: становлять загалом 12 йука 11 тисяч і 90 справжні (дійсні) акче, чи рахуючи в гуруш: 10 тисяч і 92 гуруш і 16 штук єгипетських монет і дві акче. Доводимо викладене до відома Його величності. Заповідь Його величності, мого ушанованого,

щасливого, милостивого, милосердного, благодійного мого султана.

Yusuf Paşa mührü

Печатка Юсуф Паші [Очаківського валії][528]

№ 584

1709, листопада 18.

Телхіс великого везіря щодо витрат на шведського короля і гетьмана Мазепу в Бендері

Вірно! Відповідно телхізу [дефтер] збережено в головному казначействі і видано тезкере

Заповідь. Вірно! 15 рамазан 1121 року (18.XI.1709)

Донесення від покірного раба є наступним.

Засвідчений печаткою видатковий дефтер зроблено за участі Його ясновельможності Очаківського валії ушанованого везіра Юсуфа Паші. В ньому містяться видатки на короля Швеції та його почету на 69 днів, з 10 джемазіульахир до 20 шабан 1121 року (з 17.VIII.1709 до 25.X.1709), розквартировані по сьогоднішній день в Бендер.

Відповідно до цього дефтеру, у головному казначействі [для короля Швеції] була вирахувана сума 10 йук 87 тисяч 543 і половина повноцінних (справжніх) акче. Для гетьмана Мазепи [нараховані] на один день по 336 повноцінних (справжніх) акче, що за 47 днів становить 62 тисячі 792 повноцінних (справжніх) акче. Для Кошового Поткали [козаків] також було нараховане по 880 і половина повноцінних (справжніх) акче на один день, чи за 69 днів склало 60 тисяч 754 повноцінних (справжніх) акче. Загальна вартість видатків, наданих на вище згадувані терміни, становить 12 йука 11 тисяч 90 акче. Вираховуючи в гуруш, це становить 10 тисяч і 92 левських гуруша і 50 повноцінних (справжніх) акче.

Доводимо до відома, що ця сума була заплачена, і якщо вона буде прийнята (схвалена) для виплати з державної казни, дійсний дефтер нехай буде збережено в головному казначействі і нехай буде видано тезкере. Заповідь належить моєму ушанованому і щасливому султану.

Тезкере видано 15 числа місяця рамазан 1121 року (1121 N 15 / 18.XI.1709)[529].

№ 585

1710, січня 2.

Лист волоського господаря Костянтина Бринковяну (Басараба) Г. І. Головкіну про підготовку Туреччини до війни, про переговори про вільний проїзд шведського короля через Польщу у Швецію

В письме мунтянского господаря к графу Гаврилу Ивановичю Головкину генваря от 2-го дня 1710-го году написано:

Высочайший и сиятельнейший ближний боярин, вашему высочеству по достоинству и должности поздравляю, моля господа бога, дабы сохранил вас в многолетном здравии и всяком благополучии. В прошлых днях писал я во уведомление вашему высочеству, что случилось в Волоской земле, и перемену тамошняго господаря, и кого везирь учинил господарем и прочая. И то письмо чрез некоего торгового человека послал я в Киев, чтоб он вручил сиятельнейшему князю Голицину, а сиятельство б ево послал к вашему высочеству, понеже и время и нужда так потребовала поступать ныне з большею опасностию и страхом. И сие тако ж письмо ныне паки посылаю в Бучач, где пребывают ваш бригадир и с ним переводчик Андрей, и чтоб они то письмо к вам послали, и надеемся, что всегда у них есть люди для безопасной писем посылки. При сем же случае посылаю к вам письмо превосходительного посла царского величества из Царяграда, и уж тому есть несколько дней, как оное привезли к нам куриеры наши оттуду, а понеже не имели мы случая скорейшего, удержали ево поныне.

Мы отсюду иного нового не имеем объявить вашему высочеству ныне, кроме что ономняшния наши куриеры из Царяграда сказывали. И пишут к нам некоторые, что непостоянство портино, а наипаче нынешняго везиря есть неизре-ченное, ибо иное говорили и слышно было прежде, а другое ныне, а больше ныне (как пишут) везирь в других размышлениях и боязливостях обретаетца, видя, что неприятели ево помалу ныне начали поступати на него у великого султана. И чтоб ему, везирю, продолжить еще злое и скверное свое житие, говорят, что склонился к войне, и тем способом чаю, что еще будет много жить.

Неприятели его и разумнейшие паки с одной стороны противятца и не присуждают подимать войны. Знатно либо ведают в каком они суть состоянии, и какия бездельныя к правлению головы имеют. И опасаются, что лехко начать, а не кончать. Господь весть, так говорят расудительнейшия и разумнейшия их. В таком порядке у них ныне дела. Однако ж чаем, что в кратком времяни явится истина их, и естли приведет сей презлый везирь во окончание по хотению то, что размышляет, тягость падет на главу ж его. И так сей везирь ныне умышляет и о других делех. Первое, как говорят, не знают, что ответствовать королю шведцкому, и другое, авось либо так сыщет причину нарушить мир, ибо, как слышим, принуждают превосходительного посла за сего короля, чтоб дал пароль и взял бы себе ево на руки, что он, король, пройдет Польшею в землю свою безвредно и безопасно. И за таким паролем отпустят ево в землю свою (и иныя слова, подобныя сим, которыя кажет, что и непристойны). А буде не учинит сего, устрашает, что объявит войну, а перво, чрез татар (авось либо понеже сего желают татары, и наговаривают к сему), а потом и сами они, турки, рушатся и прочая. Однако и сие краткое время покажет.

[528] Османські документи. Док. № 4 // *Середа О.* Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст. — Одеса : Астропринт, 2015. — С. 155–163 (BO A. Fon adı: «C.HR», Dosya № 143, Gömlek № 7109).

[529] Там само. — С.165 (BOA. Fon adı: «C.HR», Dosya № 143, Gömlek № 7109).

Хотя надеемся, что пространнее о всем будет писать к вам превосходительный посол и уведаете подлиннее. Однако ж, что уведаем и мы паки всяким способом дадим вам знать, ибо знает бог о бедствах наших, в каком страху обретаемся, наипаче в сия времена. Турския войска, которыя пришли было в Бендерь, поставлены на квартирах зимовых по городам по дунайским, от Браилова начав, даже Белаграда. Однако ж не явилось столь много, как прежде разглашали, но явилось очень мало и меньше числом ныне на смотре, как их посылали на зимовые кватиры и как видится, что и король шведцкой в Бендере будет зимовать. Турки воинское приготовление чинят явно то всем, потому что и запасы в некоторых местах подунайских собирают. Маврокордат, новой господарь волоской, еще в Ясы не бывал, когда приидет и как начнет правление свое в такой бедной земле, время покажет, ибо иное было слышно прежде о нем, будто везирь даром и без подарков дал ему сию землю, а ныне другое слышитца, что многия и великия протори учинил, как впредь время покажет. В 15 день прошлого месяца умре и отец ево старик Маврокордат, и как говорят, что зело немногие християне потужили о смерти его, наипаче весь освещенный чин благодарили вельми богу, как к нам пишут, что избавилися от такова человека, которой был наставник и светильник нечестивых и предатель християнский. Однако ж куды отъиде, будет и он ответствовать по начинаниям и делом своим.

P. S. Изволь знать, высочество ваше, и сие, что в самой час, как печатали мы письма, пришли и другие куриеры наши из Царяграда и принесли паки письмо от превосходительного посла, а и сие посылаем же к вашему высочеству[530].

№ 586

1710, лютого 15.

З показань дезертира Фрідриха Шульца про переправу через Дніпро, смерть І. С. Мазепи та кількість каролінців

В нынешнем 1710-м году февраля в 15 день. Прислан от бреславского полковника швед, которой сказал, что ушел из Бендера от Шведа, а породою брандебурчик, Фридрихом зовут Шулц, служил в армеи свейской в Меэрфелтове полку сержантом. По баталии полтавской свейской король с Мазепою ушол за Днепр в 2000 шведах, от Днепра да Очакова шли 7 дней; в провианте такая была в дороге нужда, что принуждены были все есть лошединое мясо. От Ачакова послан от короля к салтану в Царьгород валентир Нейбург с тем, дабы салтан принял ево, короля, под свою протекцию и во всякой нужде не покинул; також и эксекузоватся в том, что он, король, дерзнул в ево землю войти без обсылки и домогается взаймы денег. В Царегороде спросили того Нейборга о чине. Той сказался валентиром, служит при королевской концелярии. Там ему отказано и аудиэнцыи не дано. А сказано: разве де у короля все министры и генералы и полковники и офицеры побиты, что не прислал ко двору иного. О чем тот Нейбург описывался к королю, то ныне в Царегороде учинен амвое (посланник. — *Прим. укл.*). По пришествии короля в Бендеры спустя з два месяца прислан от салтана к королю некакой паша, привел в подарок 4-х аргамаков з дорогим убором и был у короля на тайном разговоре с 4 часа, а о чем, того не ведомо. Потом на четвертой день отпущен, с которым послал король к салтану генерала-маеора Понятовского, при нем и он, Фридрих, был. В Царегороде принят тот Понятовской честно, был у салтана на трех аудиэнцыях, где домогся у салтана для бережения короля 600 человек спагов (мусульманских кавалеристов. — *Прим. укл.*), которые с ним, Фридрихом, отпущены в Бендер наперед. Тот Понятовской в Царегороде ездил к французскому послу и к иностранным министром. А он, Фридрих, бывал при нем и слышал в разговорех от Понятовского, что он гораздо доволен тремя салтанскими аудиэнцыями, где объявлено ему, что салтан по возможности будет ему, королю, во всем вспомогать, и дал ему з скрыни денег сребреных турской манеты. И в Полшу до генерала свейского ево, короля, проводить своим войском укажет. Тот де Стейнбок имеет войска с 40000 и ожидают его с Лещинским в Полшу и ис Померании сей наступающей весны. Он, Фридрих, сказывает, что в том войске большая часть рекрутов. В Царегороде слышал он, Фридрих, от иноземцов разных нацый: салтан турской нынешним летом, разорвав мир, всчать войну с царским величеством намеряет. Во время де первой аудиэнцыи салтан указывал Понятовскому персону короля свейского и говорил чрез перевотчика: любя де короля вашего, персону он, салтан, имеет. Потом салтан указал тому Понятовскому показать свою инфантерию, которой было з 20000, стояла от Царягорода в миле. И объявили тому Понятовскому, что в один выстрел пушечной то число инфантерии собирается. Там же видел он, Фридрих, подполковника свейского, которого король послал из Бендер в Стекголм к матере своей королеве; той прислан от нея к салтану с прошением, дабы сына ее, короля, не покинул и принял ево под протекцыю свою и всякое вспоможение в нуждах чинил, за что обещает заплатить. Слышал и то, что изо всей Свецыи выбирают рекрутов, а в волных городех, то есть в Бреславлю, в Либку, в Гамбурке шведы вербуют салдат. Тот Понятовской пришел из Царягорода в Бендер с пашею, при котором турецкой конницы 6000, для бережения короля. В приезд того Понятовского король был весел и с тем Понятовским был один на один с утра до полудни; потом, вышед, пошли до концелярии к министру Милляру, где были в трех персонах от полудни до вечера, а о чем разговоры были, того неведомо. В Бендерах слышал от того Понятовского, как он говорил своей братье по приезде своем из Цярягорода: салтан де турской учинил с королем их алианц такой, что в будущем

[530] Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах / Составители В. А. Костакэл, Е. М. Руссев, Л. Е. Семенова. — М. : Наука, 1970. — Т. III. — С. 318–320 (ЦГАДА, ф. 68, 1710 г., д. 1, лл. 1–5 об. Перевод).

месяце мае или кончая в июне итти на Российское государство войною, салтану с стороны, а королю их з другой; притом им сказал, чтоб имели в секрете. Там же слышал от поляка, кой при бендерском паше толмачем пребывает, а как ему прозвание, того не знает, тот публично при столах и при иных оказиах всем разголошает, что, конечно, салтан хочет с царским величеством войну зачать. Король свейской и все при нем будучия мыслят так: естли генерал ево Стенибок с войском в Полщу придет, в то время на Украине черкасы забунтуют пуще, нежели прежде, тогда и он, король, паки на Украйну пойдет. Так, будучи в своей канцелярии, при многих он, король, говорил: или счастье свое найдет, или королем не будет. Во всю свою бытность в Бендерах не видал он, Фридрих, и ни от кого не слыхал о переезжих с Украины казаков, ниже оттуду корреспонденцыи, разве казаков, которыя из Украины еще с осени приехали к Бендерам с яблаками, и тех, яко шпигов, держат за караулом, но токмо видел ксенза полского, от Лещинского к королю и от короля к Лещинскому переезжающего с писмами, а о чем, того неведомо. За день до уходу из Бендер ево, Фридрихова, прислан от салтана куриер к королю, а для чего, того неведомо. С тем куриером отправлен от короля к салтану тот же Понятовской, да с ним для гулянья поехал Войноровской, как им было слышно, просить тому Понятовскому у салтана вспомочных обещанных войск для провожания короля до войск ево, а сколко числом, того неведомо, да о свободе шведов 400 человек, которых запродали запорожцы п черкасы в неволю турком. Мазепа в Бендерах умер тому четыре месяца, похоронен в Винограде, от Бендер четверть мили, о том говорил подлинно. При короле ныне мазепинцов: Ломиковской, Орлик з женою, казаков конных с 700, которых кормит король. При короле шведов и иных нацей, драбантов, драгун п салдат 240 человек, ис которых чюжеземцы все думают бежать, но препона им великая есть — сторожа волоская. Король свейской имеет великое опасение от великоросийских войск, того ради, во дни и в ночи имеет лошеди седланые; и естли послышат войска великоросийского приход, тогда позволено короля в город пустить. Он, Фридрих, про себя сказывает, что ушол до Дубосара, где, наняв жида, провожен был до границы волосной[531].

№ 587

1711, вересня 22.

Телхіс великого везіря щодо забезпечення провізією 3000 козаків, розташованих біля Бендер, і покриття витрат на гетьмана

Згадувана громада зі своїх місць була вигнана московцями. До того часу як вони повернуться туди, нехай їм буде відпущено однократно, і без права на повторення, визначеної кількості зернової провізії і волів.

Так є приписано відповідно до телхісу
і височайшого ферману. 28 джемазіульахир
1123 року (13.VIII.1711)

Відносно продовольства для Барабаш і Поткали козаків, які є в Бендер.

З телхісом і височайшим ферманом 28 джемазіульахир 1123 року (13.VIII. 1711)

приблизно
3000 осіб
180 днів

З фортеці Аккерман Від колишнього серчавуша Від султанського від того проса, що Ельхадж Ахмед Ага борошно головного м'ясника знаходиться в фортеці (різника)

13500 кілє 10000 кілє 1000 голів волів

Відносно дрібних витрат на гетьмана Барабашів.

1500 дійсних гуруш, надані з державної казни

Відносно зернової провізії для Поткали козаків, жителів Березені, що біля річки Дніпро. З телхісом і височайшим ферманом. 8 джемазіульеввель 1123 року (24.VI. 1711)

Від колишнього чавушбаши З фортеці Аккерман
Ельхадж Ахмед Аґа З телхісом і височайшим ферманом.
борошно 7 реджеп 1123 року (21.VIII.1711)
10000 кілє борошно
4900 кілє

Позаяк надані раніше 10000 кілє борошна
були викрадені ворогами, [Поткали козаки]
опинилися у злиднях від нестачі провізії.
З цієї причини видана священна заповідь.
Відповідно до телхісу і височайшого ферману,
нехай будуть передані [козакам] 4900 кілє
борошна, що знаходиться в фортеці Очаків.
7 реджеп 1123 року. (21. VIII. 1711)

Вірно!
Відповідно до телхіса нехай дадуть 15000 кілє
борошна.
Заповідь!
Вірно!

Донесення покірного слуги є наступним.

Поткали козакам, які живуть уздовж ріки Дніпро, раніше було передано десять тисяч кілє борошна. Після того згадувана громада зазнала нападу від ворогів. Продовольство її було пограбоване і вони опинилися у злиднях від нестачі провізії. Коли високопоставлений хан повідомив [про все це], 20 реджеб 1123 (03.IX.1711) року була видана

[531] Письма и бумаги императора Петра Великого. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 9. — Вып. II. — С. 1075–1078 (ЦГАДА, Письма разных лиц на рус. языке 1709, № 6, лл. 238–241 об.).

священна заповідь щодо надання їм 4900 кілє борошна, що знаходиться в фортеці Очаків.

28 джемазіульахир (13.VIII.1711) було записано в головному казначействі як витрати загалом 13500 кілє проса, 10000 кілє борошна і 1000 голів волів. Все це представляє собою однократно відпущене, і без права на інші допомоги, доки не повернуться на свої місця, 180-денне утримання для приблизно трьох тисяч осіб Поткали і Барабаш козаків. Вони були вигнані зі своїх місць московцями і знаходяться зараз в Бендер. [За тією ж датою] були реєстровані, як витрати і 1500 гуруш, надані для дрібних витрат гетьману Барабашів.

Було прийнято остаточне рішення щодо козаків, які після свого вигнання знаходяться в Бендер, також нехай направляються на поселення уздовж берегів ріки Дніпро. Незважаючи, що їх багато, височайшим ферманом було наказано задовольнити їх повною мірою необхідним продовольством [строком] приблизно на шість місяців, доки вони рушать і нехай їм буде відпущено 20000 кілє борошна.

З цього приводу нехай будуть видані необхідні заповіді, нехай будуть закуплені у Ахмед Аги 20000 стамбульських кілє борошна, нехай буде все перевезено кораблями до Очакова і нехай будуть передані згадуваній громаді за допомогою коменданта Очакова — Мустафи паші.

Заповідь відносно всього цього належить Його величності моєму ушанованому, щасливому султану[532].

№ 588

1711, жовтня 10.

Телхіс великого везіря щодо забезпечення провізією 4000 козаків, розташованих біля Дніпра

Вірно!

Відповідно до телхісу нехай будуть написані заповіді. Заповідь! Вірно!

27 шабан 1123 (10.X.1711)

Донесення покірного слуги є наступним.

До теперішнього часу розміщені в долині ріки Дніпро Поткали і Барабаш козаки налічують 4000 кінноти, що потребує більшої кількості зернового збіжжя [ніж у минулому]. З цієї причини необхідно буде видати заповідь, саме у цьому разі і з тим, щоби це стало постійним від цього часу, коли приїдуть до вілайету, нехай їм буде надано загалом 10000 стамбульських кілє ячменю для прогодування коней. [Цей ячмінь], що знаходяться у Ліповали Ахмед Аґи в Аккермані, потрібно буде відправити кораблями і роздати згадуваній громаді за допомоги коменданта Очакова — Мустафи паші.

Заповідь належить Його величності моєму уславленому і щасливому султану[533].

№ 589

1719–1720 (?)

Густав Сольдан

Детальний звіт про смерть козацького гетьмана Мазепи, а також про те, хто і яким чином розпорядився майном Мазепи після його смерті

Когда мы стояли в Бендерах, козацкий гетман Мазепа впал в смертельную болезнь, почему послал к блаженной памяти корол. величеству и приказал просить, чтобы его величество командировал к нему по случаю болезни вернаго человека, дабы после его смерти имущество его в золоте и драгоценностях, бывшее при нем, не попало в чужие руки. Вследствие этого блаж. памяти его корол. величество тотчас приказал мне туда отправиться и там при нем оставаться. Когда я к нему пришел, то застал его очень слабым; лишь только я вошел к нему, он очень обрадовался моему приходу, потому что я мог с ним беседовать, и он просил меня оставаться при нем и иметь надзор за его имуществом, находившемся в его комнате, особенно за шкатулкой и двумя четвертными боченками, которые были полны дукатов, и парой дорожных мешков, в которых находились все его драгоценности и большое количество золотых медалей, каковые дорожные мешки лежали у него под головою, а боченки стояли перед его постелью; он просил меня также, чтоб никто из его людей ничего не уносил или не брал из его комнаты. Племянника его г. Войнаровскаго нашел я в том же доме сидящим отдельно в другой комнате: я сказал ему, что мне приказано там оставаться и беречь как гетмана, так и его вещи, что ему (Войнаровскому) также было приятно. Через два на третий день после этого умер г.гетман ночью. Хозяин дома, турок, тотчас послал к турецкому кади или судье и приказал объявить об этом судье, после чего в тот же час явились от судьи 4 турка и все, что нашли в комнате Войнаровского, забрали и внесли в комнату покойнаго Мазепы, в которой он лежал, и двери заперли и запечатали, говоря, что это делается именем их султана и что их права и обычаи страны того требуют, после чего я приложил и свою печать, но г. Войнаровский этим сильно встревожился и волновался, что его вещи также опечатаны; однако он должен был покориться этому, когда турки удостоверили ему, что как только найдется законный наследник Мазепы, то они все вновь освободят.

Когда настал день и открылись бендерские ворота, я вышел из города в наш лагерь к блаж. памяти корол. величеству и рапортовал о смерти Мазепы и об опечатании всех его вещей турками, после чего блаж. памяти корол. величество тотчас послал меня к бендерскому паше с просьбою, чтобы паша немедлено дал приказ снять печати с его (Мазепы) двери, потому что покойный Мазепа не только

[532] Османські документи. Док. № 6 // *Середа О.* Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст. — Одеса : Астропринт, 2015. — С. 169–170 (BOA. Fon adı: «A.SAMD.III». Dosya № 30. Gömlek № 2850).
[533] Там само. — С. 173 (BOA. Fon adı: «C.AS.». Dosya № 875. Gömlek № 37557).

принадлежал к свите, но и находился под протекцией его величества; паша послал к судье, чтобы снять печати; когда это было сделано, получил я приказ от блаж. памяти корол. величества передать все г. Войнаровскому, который в тот же день приказал все вынести в свою квартиру, и таким образом г. Войнаровский получил все в полное свое распоряжение.

Когда же козацкая старшина заметила, что г. Войнаровский стремился унаследовать лишь деньги Мазепы, но не его должность, то между ними поднялся большой ропот, начали по этому поводу сильно жаловаться его кор. величеству, что, как они узнали, г. Войнаровский вовсе не имеет намерения наследовать своему дяде по матери, умершему Мазепе; но как он присвоил себе не только всю казну Мазепы, но и все войсковые клейноды и регалии, которые с давних пор принадлежат наследующим гетманам, то если он не желает быть гетманом вместо покойнаго — ему по праву не принадлежит ничего, ибо Мазепа не оставил завещания и ничего ему не отказал. Вследствие этого блаженной памяти корол. величество приказал назначить разследование, которое должно было все это разобрать. В названной комисии заседали следующие лица, а именно г. генерал Понятовский, г. королевский советник фон Мюллерн, г. камергер Клингеншерна и г.советник канцелярии фон Кохен. По разследовании вышел по этому делу приговор, в силу котораго все присуждено г. Войнаровскому, что видно обстоятельнее из решения, которое должно находиться в канцелярии. Однако козаки стояли на том, что Войнаровский должен быть гетманом, ибо он не только правил ранее должность гетмана во время отсутствия Мазепы, но и забрал себе казну прежняго гетмана; но в этом козакам было отказано, и должность гетмана возложена на г. Орлика, который вначале не соглашался принимать ее с пустыми руками, но как блаж. памяти корол. величество крепко настаивал, то г. Орлик вынужден был согласиться; при этом явился и г.Войнаровский и обещал Орлику 3000 дукатов, если он согласиться принять должность. Затем г. Орлик был провозглашен гетманом, а г. Войнаровский получил все, что Мазепа оставил в золоте, драгоценностях и прочих вещах.

Что затем произошло, о том лучше всего может показать г.советник канцелярии фон Кохен. Насколько я могу припомнить и как я неоднократно слышал от г. Орлика, покойный Мазепа дал в Украине 60000 риксдалеров наличными двору его корол. величества и еще кому-то, под вексель на Гамбург, каковые 60000 ркд. Были включены в обязательство Войнаровскому, как частная собственность Мазепы; но вексель на Гамбург не был учтен, а г. Войнаровский в Бендерах при разследовании сам получил и заявил, что все дукаты, бывшие в наличности, принадлежали лично Мазепе, остальные же серебряные деньги и мелкая монета принадлежали войсковой кассе, и все это осталось под Полтавой; поэтому надлежит сказать, поскольку мне известно, что эти 60000 риксдалеров не составляли частной собственности Мазепы, но принадлежали козацкой войсковой кассе, ибо невдалеке от Полтавы его прев-ство покойный граф Пипер посылал меня к Мазепе спросить, не может ли он дать некоторую сумму под вексель на Гамбург; г. Мазепа сперва извинялся, что у него лично нет денег, но что он пошлет к своей старшине и будет убеждать ее отпустить деньги из войсковой кассы под вексель; на следующий день г. Мазепа послал за мною и дал мне ответ, что он убедил старшину выдать из их войсковой кассы 60000 ркд. Мелкою монетою под вексель на Гамбург; поскольку могу припомнить г.генерал-майор Лагеркрона получил в тот раз из этих денег, так что покойный Мазепа имел один вексель от его прев-ства покойнаго графа Пипера, а другой от г.генерала Лагеркрона, однако, я не могу этого сказать утвердительно, пока не справляюсь по этому вопросу в королевской камерколлегии. Если я не ошибаюсь, г. Мазепа получил за вышесказанные 60000 ркд. Наличными 40000 ркд. *in banco* на Гамбург, так что эти занятые в Украине деньги никоим образом нельзя разсматривать как частную собственность Мазепы, но как деньги из войсковой кассы; поэтому то и г. Орлик как в Лунде, так и тут в Стокгольме домогался этих 60000 ркд., ибо они отнюдь не принадлежат г. Войнаровскому, но неправильно и по недосмотру включены в его обязательство. Поэтому-то и г. Орлик незадолго перед своим отъездом из Стокгольма заявил, что если за эти войсковые деньги дадут 10000 ркд., то он охотно поквитует 60000 ркд. И я думаю, что он и теперь еще охотно сделал бы это, но только господа козаки вместе со своим новым гетманом стоят государству больше, чем в пять раз, этой суммы, как это видно из нашего бендерскаго коммисариатскаго счета, который я представил в здешнюю корол. камерколлегию; все это можно было бы сберечь, если бы г. Войнаровский наследовал (должность) своего дяди по матери; он мог бы не только содержать себя, но и помагать другим козакам[534].

[534] *Молчановский Н.* Несколько данных о смерти и наследстве Мазепы // Киевская старина. — 1903. — Январь. — С. 93–97.

Частина VIII
ДОКУМЕНТАРІЙ ПІЗНІШОГО ЧАСУ, ПОВ'ЯЗАНИЙ З ПОВСТАННЯМ МАЗЕПИНЦІВ

Трофеї переможців

№ 590

1709, до грудня 21. — Москва.

Запис в Оружейній палаті іменного указу Петра I про приймання шведських трофеїв, взятих під час битв під Лісною та Полтавою, та їх опис

1709 года декабря в день великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал по именному своего великого государя указу взятое в баталии свейское ружье, и знамена, и литавры, и иные всякие военные припасы, откуда будут присланы, принимать в палату Оружейную. Сей великого государя имянной указ приказал записать в палате Оружейной генеральный президент и комендант московский и сибирских провинцей судия князь Матвей Петрович Гагарин.

И по выше писанному великого государя указу принято в палату Оружейную Семеновского полку у капитана поручика Алексея Панина:

Левенгоптовой баталии рейтарских два знамя, одно белое, другое красное, шиты золотом. У одного две кисти, а у другова одна. Дротик на одном испорчен.

Ишитова регименту одно знамя красное, шито золотом, дротик изломлен, кисть одна.

Драгунских

Скадрона Скоу три знамя, из них одно белое, а два голубые, в том числе у дву знамен кисти, другие без кистей, з бахрамою все, дротик один.

Подполковника Вендерштанна два знамя голубые бес кистей, з бахрамою все.

Подполковника Шрейтерфелти одно знамя синее з дротиком, без бахрамы и бес кистей.

Одно знамя драгунское белое з бахрамою да з дротиком, а которого полку о том знания швецкие афицеры не дали.

Пехотные

Полковника Шталь пять знамен, из них одно белое без дротика, четыре красные з дротиками.

Полковника Букволта три знамя красные з жолтым, писаные, з дротикими.

Полковника Врангеля четыре знамя синие тафтяные, из них одно без дротика.

Вестемботница регименту одно знамя голубое з дротиком.

Генерала Левенгопта древко, на котором было белое знамя, дротик смолен, четыре знамя красные тафтяные полиняли, из них на дву дротиков нет.

Регименту Делагардии четыре знамя, из них одно белое, а другое васильковое з жолтым, да два древка, при которых были знамена, на них дротики, а белое без дротика.

Регименту Сакина четыре знамя, из них одно белое з дротиком, три синие з дротиками ж.

Генерала Стакинберон четыре знамя, из них одно белое, а три жолтые, все з дротиками.

Полковника Кнорина четыре знамя белые с черным, на одном дротика нет.

Регименту Аплендина два знамя, из них одно жолтое з голубым, другое красное з голубым ж, розшибные, оба з дротиками.

Полковника Фитенгопта одно голубое з дротиком.

Да не познанное пехотное белое с яблоком, на нем крест, другое з гербом короля швецкого, из них одно без дротика.

Итого Левенгоптовой баталии сорок девять знамен. В выше писанных знаменах росписка дана за рукою вицкоменданта и бригадира князя Богдана Ивановича Гагарина.

Да у выше писанного ж капитана-порутчика принято генеральной под Полтавою баталии :

Королевские носилки, на них тюшак штофовой лазоревой, одеяло стеганое на бумаге, покрыто отласом писаным, каймы штофовые, подбито выбойкою цветною.

Знамена

Лейб-регименту десять знамен камчатых белых, шиты золотом и серебром, бахрамы у всех золотные, в том числе два бес кистей, у трех дротики сломлены.

Регименту лейб-драгун четыре знамя камчатые белые, шиты золотом и серебром, кругом бахрама золотная, у трех кисти золотные, а у четвертова толковые, дротик один.

Регименту генерала Одолсвана шесть знамен камчатых белых, шиты золотом и серебром, бахрама и кисти золото с серебром, у трех дротики обломаны.

Регименту Одолсвана и флянского три знамя камчатых, в том числе одно знамя алое полиняло, а два красных шиты золотом и серебром, кисти и бахромы шолковые з золотом, у одного дротик обломлен.

Смоленского полку шесть рейтарских знамен камчатых, в том числе одно белое; пять знамен жолтых шитых золотом, на них по две кисти, з дротиками, в том числе одно без дротика.

Оболенского полку семь знамен рудожелтых, шиты золотом, з дротиками и кистьми, в том числе два без дротиков и без кистей.

Нилянского полку одно белое, шито золотом, з дротиком, на нем четыре кисти, да семь знамен красных, шиты золотом, з дротики и с кистьми.

Ишитова полку семь знамен, в том числе одно белое, шито золотом, с кистьми, дротик переломлен; шесть красных, шиты золотом ж, два без кистей, У одного дротика нет.

Корельского полку три знамя красные, шиты золотом, два с кистьми и з дротики, одно бес кистей, з дротиком.

Регименту Нарасхонского четыре знамя, в том числе одно беловато, а три васильковые, шиты золотом и серебром, у трех кисти, одно бес кистей, дротики у всех сломаны.

Регименту генерала Крузана восмь знамен камчатых, в том числе одно белое, а семь васильковых, шесть с кистьми, а два бес кистей, бахрамы толковые, один з дротиком, а семь без дротиков.

Регименту Шейдерского три знамя, в том числе одно белое с кистьми и 3 бахрамою золотными, а два камчатые жолтые з голубою половинчатые, шиты золотом и серебром, с кистьми и з бахрамою золотными ж, два з дротики, одно без дротика.

Регименту Венмелтецова шесть знамен лазоревые камчатые, в том числе одно белое, кругом бахрома шелковая, у четырех кисти шелковые, а у двух кистей нет, одно з дротиком, а у пяти нет.

Регименту князя Вилтембургского девять знамен камчатые, одно белое, два дымчатых, шесть лазоревые, бахрамы шелковые, у осми кисти толковые, у белого знамя кисти нет, а дротик один, у осми дротики сломлены, а у дву дымчатых гербы особливые.

Регимента Брантова четыре знамя камчатые жолтые, бахрамы шолковые васильковые, з дротики, бес кистей.

Регименту Шлеитерфлейц шесть знамен тафтяные, в том числе одно белое, а пять лазоревых, каримы и каймы писаны золотом и серебром, у двух дротики.

Регименту Цей три знамя камчатые осиновые з бахрамою шелковою и з дротики.

Регименту генерала Шлипембаха двенатцеть прапоров камчатые лазоревые з желтою, в том числе одно белое, бахрамы шелковые лазоревые з желтою, в том числе кистей и древков нет.

Регимента генерала Элшма девять знамен камчатых, в том числе одно белое, восмь жолтых, бахрама и кисти у всех шолковые желтые с серебром, в том числе у двух кистей да трех дротиков нет.

Регименту генерала Марфетова десять знамен камчатые, одно белое, а девять рудожелтых, кисти и бахрамы шолковые черные з золотом и серебром, у двух дротиков нет, а восмь з дротики.

Регименту Гиндерштата семь знамен камчатых, в том числе одно белое, герб и бахрама, и кисти золото с серебром, а шесть лазоревых; у всех бахрама и кисти шолковые лазоревые з золотом и серебром, в том числе три дротика, а четыре без дротиков.

Регименту Дикерм девять знамен камчатых, в том числе одно белое, а восмь малиновых; бахрама и кисти шолк малиновой с серебром, у одного кистей да у дву дротиков нет.

Регименту Анфелдилфова шесть знамен камчатых, в том числе одно белое, бахрама и кисти шолк белой з золотом, дротик сломлен; а пять лазоревых, кисти и бахрамы шолк лазоревой з золотом и серебром, в том числе дву дротиков нет.

Регименту Гиндерстера семь знамен камчатых, в том числе одно белое, а шесть лазоревых, бахрама и кисти золотные с шелком жолтым, у трех дротиков нет.

Пехотные

Регименту Гардии шеснатцать знамен материи белой, гербы на всех писаны золотом, у шести нет дротиков, а десять з дротиками; ветхие.

Регименту генерала Левенгопта четыре знамя тафтяные брусничные, в том числе два з дротики, а два без дротиков; ветхие.

Регименту Барнисова семь знамен тафтяных, в том числе шесть жолтых, одно белое розбито до половину; у дву знамен дротиков нет.

Регименту Уплянского четыре знамя тафтяные, в том числе одно белое, а три песочные, в них шиты травы разных цветов; ветхи, у одного дротика нет.

Регименту Стартова два знамя тафтяные красные, у одного только тафты на два вершка, один дротик.

Регименту Верстерторова восмь знамен тафтяных, в том числе одно белое, а семь черная с жолтою, з дротики.

Регименту Седромолянского шесть знамен тафтяных жолтые, травы расшиты тафтою зеленою; ветхи, одного дротика нет.

Регименту Гинкапинк пять знамен тафтяных красная с жолтою через полосу, гербы прописаны золотом и серебром, дву дротиков нет.

Регимента генерала Стакинберха четыре знамя тафтяных лазоревая з желтою, гербы писаны золотом, з дротики.

Регименту Далтова четыре знамя тафтяные лазоревые, гораздо ветхи, избито в лоскутья, з дротики.

Регименту Эсетинова три знамя камчатые красные, ветхи гораздо, избиты в лоскутья, одного дротика нет.

Регименту Вчетербонтора три знамя тафтяные черная з белою, гербы писаны золотом и серебром; ветхи гораздо, з дротики.

Регименту генерала Розена девять знамен тафтяные красные, гербы писаны золотом и серебром, у семи знамен дротиков нет.

Регименту Вранпишева три знамя тафтяных темно лазоревые, гербы писаны золотом и серебром, без дротиков.

Регименту Оболенского четыре знамя тафтяных, в том числе одно белое, а три брусничные; у одного знамя дротика нет, гербы писаны золотом.

Регименту Васмана одно знамя тафтяное красное, герб вшивной тафты жолтой и зеленой.

Шесть прапоров пехотных тафтяных, которых швецкие офицеры не познали, тафта белая з жолтою, у одного дротика нет.

Итого королевской баталии знамен и прапоров принято без росписки двесте сорок шесть.

А всего королевской и Левенгоптовой баталий в приеме двесте девяносто пять знамен и прапоров.

Пара завесов камчатых лазоревых, гербы разные шиты золотом и серебром, бахрама и кисти толковые з золотом и серебром.

Пара завесов камчатых желтых, гербы шиты золотом и серебром, бахрама и кисти шелковые з золотом.

Пара завесов камчатых малиновых без гербов, у них по две кисти толковые с серебром, бахрама толковая с серебром.

Пара завесов камчатых белых, травы писаны золотом и серебром, бахрама шелковая.

Итого шесть пар завесов.

Значик полотняной фургерской, вышит шелком.

Прапорец казачей кумачной с тафтяными откосками.

Восмь чехлов литавреных кожаных, ветхи.

Шесть барабанов медных.

Дватцать девять знаков офицерских золоченых з гербами финифтными, в том числе у трех значков гербы без финифти.

Тритцать четыре знака офицерских белых, гербы и каймы золоченые, в том числе у одного знака герба нет.

Того ж числа Нежинского полку у сотника Барсукова Афонасья Кресана семнатцать седел швецких простых ветхих без росписки.

По листам скрепа: «Дияк Иван Невежин»[535].

№ 591

1711, лютого 15. — Москва.

Запис в Оружейній палаті про приймання булав і шестоперів, захоплених після Полтавської битви у шведському обозі

В нынешнем 1711-м году, февраля в 15 день, по письму и по росписи, каково прислано за рукою генерала-фельтмаршала Бориса Петровича Шереметева и по подписанию на том письме рукою генерального президента и московского коменданта и сибирских провинций судии князя Матвея Петровича Гагарина, одиннатцать булав и шестоперов разных манер серебряных, которые после генеральной баталии взяты в швецком обозе. А по росписи написано пять булав розных манер золоченых с каменьем, с яшмами и з бирюзами, в которых многих каменьев в гнездах нет; две булавы золоченые с чернью с каменьем мелким, в том числе по осмотру у одной булавы на ратовище осредине треть огиби серебряной нет; две булавы белые; два шестопера золочены, местами немного.

В выше писанных булавах и шестоперах росписка дана руки подьячего Алексея Андреевского. И те выше писанные булавы и шестоперы в Оружейную большую казну[536].

№ 592

1712, жовтень. — Москва.

Опис трофейних булав, захоплених у шведському обозі (із опису Оружейної палати)

Булавы

Булава серебряная гладкая золочена, у ней на верху в средине камень граненой кара лаловая, цвет бруснишной, в ней и в черену 71 бирюза да 4 камня смазня простых. На булаве 4 травки врезаны костяные, копытцам резным. А по оценке оружейных дел мастера Афонасья Вяткина цена 12 рублев.

Булава серебряная чеканная золочена, на верху плаш яшмовой, в нем врезывано золото, бывали яхонты, в яшме в середине бирюза лазоревая. Круг булавы сверх 8 яшм, в них врезывано золото и бывали искры. Цена 10 рублев.

Булава серебряная золоченая, чеканная, витая, по ней вплошь бирюзе. На верху на булаве в средине плащик яшмовой круглой, в него врезывано золото и были искры. Цена 8 рублев.

Булава серебряная золоченая, чеканная, по ней вплоть бирюзы. На той булаве вверху в средине плащик яшмовой, в нем врезывано золото и были искры. Трубка череновая в дву местех переломлена, кроме составок по конец трубки, яблочко серебреное глаткое. Цена 7 рублев.

Булава серебряная черневая, по черену позолоченная, в перевивку золотом. На верху в булаве косые долы в срединою. На верху ж бирюза, кругом ее 10 бирюз, да два места порожние. Цена 9 рублев.

[535] «Взятое в баталии свейское ружье, и знамена, и литавры, и иные всякие военные припасы принимать в полату Оружейную». Документы РГАДА о трофеях, взятых у шведов после Полтавской виктории 27 июня 1709 г. / Публикация Н. Ю. Болотиной, В. Р. Новоселова // Исторический архив. — 2009. — № 3. — С. 19–25 (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 941. Л. 1–11 об. Подлинник).

[536] Там же. — С. 26 (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 941. Л. 11. Подлинник).

Булава покрыта серебром чеканным. На верху в средине бирюза большая, кругом ее 4 яшм, в ней было золото врезывано. Кругом ее вверху 15 бирюз, трубка посрединою во многих местех попорчена. Цена 5 рублев.

Булава серебряная черневая, вверху по булаве шесть перей зупчатых, на верху в средине яблочко витое, в яблочке бирюза, да кругом 3 бирюзы да 3 простых красных камней. Под булавою на трубке 6 бирюз, на трубке и по концам, и в средине 5 поясков серебряных з бирюзой, на конце яблочко витое, в яблочке камень смазень, в средине трубка была покрыта бархатом алым на четверть аршина, на ней одна дерева. Цена 5 рублев.

Булава серебряная золоченая лощатая, на верху в средине яблочко серебряное, под яблочком в плаще 2 бируска маленькие да 12 мест порозжих. Черен, от первого пояска кован серебром в перевивку, от другова пояска до конца чеканное серебряное золоченое. На трубке 2 пояска серебряных. Цена 7 рублев.

Булава глаткая серебряная лощатая, черен серебром покрыт, да 3 полка серебряных. Цена 5 рублев.

Булава глаткая серебряная, в навершье яблочко лощатое, на черену 2 пояска серебряных, под трубкою яблочко лощатое серебряное. Цена 4 рубли.

Булава булатная лощатая, через место наведены травки волоченым золотом, под булавою поясок черен, покрыт серебром и черен против скани, посредине черена 2 плаща серебряные чеканные, а на конце трубка серебряная, чеканная ж, золоченая, по конец гвоздь серебряной круглой, был золочен. Цена 6 рублев.

Булава, обложена серебром, всплошь золоченая, на яблоке 3 репья, под яблоком на черену, промеж прутиков, резана в чешую. На 2-х яблоках резаны травки, над репьем трубка граненая, на четвертом пояску трубка клечатая. В конце 11 булавы подпись Григорья Гавриловича Пушкина.

Буздуган серебреной, о семи перах, перья чеканные, местами золочена, в навершье гвоздь лощатой серебряной, черен покрыт серебром, на нем 3 пояска серебряные, на черену пореска в трех местах, была золочена, в средине черена по серебру гза было сделано. Цена 10 рублев.

Буздуган серебряной, глаткий, о осми перах, перья местами было золочено, в навершье яблочко серебряное лощатое, у перьев по концам прорезаны крючки. Черен покрыт серебром, на черену 2 пояска, посредине черена по серебру сделана была гзом, на конце черена поясок, да под череном в средине клеймо словами, было золочено. Цена 8 рублев[537].

Репресії мазепинців

№ 593

1710, березня 18. — Москва.

Указ Петра I до гетьмана І. І. Скоропадського про направлення колишніх мазепинців та їхні родини до Москви

Бжиею млстию от (*далі йде царський титул Петра I. — Прим. упор.*) Войска Запорозского обоїх сторон Днепра гетману Ивану Илїчу Скоропадскому и всему Войску Запорозскому наше црского величества млстивое слово:

Указали мы, великий гсдр, измінников бивших наперед сего в генералной старшині Василя Чуйкевича, Дмитрея Максимовича да полковников Дмитрея Зеленского, Юря Кожуховского, Якова Покотыло, канцеляриста Григорея и казака Антона Гамалія, которие било довелись за свої дела смертной казни, послать в силку на вічное житье Чуйкевича, Зеленского, канцеляриста и казака в Сибір, Максимовича, Кожуховского, Покотила к городу Архангельскому, з женами и з детми; и тебе б нашого црского величества подданому Войска Запорозского обоїх сторон Днепра гетману Ивану Илїчу, тех вишеписанних изменников жен и детей для той ссилки прислати к Москві в приказ Малия Росии за караулом, да о том к нам, великому гсдрю ншему црскому величеству, писать.

Писан в гсдрства ншего во дворе в црствующем велицем граде Москве лета от Рождества Хртова 1710 марта 18 д. гсдрствования нашого 28 году.

В подлинной подписано: секретарь Петр Курбатов[538].

№ 594

1710, грудня 19. — Карачев.

Лист київського губернатора Д. М. Голіцина гетьману І. І. Скоропадському про арешт кількох мазепинців

Препочтеннѣйший и Превосходителънѣйший Господине, Господине!

Письмо Вашего Превосходительства, отпущенное из Глухова декабря от 10 дня о взятии чрез Полковника Григорова Роменских жителей, Обознаго с сыном и прочих, зѣло меня удивило, понеже, изволишь на нас в оном нарекать, что между тамошним Роменским народом смущение от того будто учинилось, и противное давным и нынѣ вновь учиненным правам войсковым необыклое б что принеслось,

[537] «Взятое в баталии свейское ружье, и знамена, и литавры, и иные всякие военные припасы принимать в полату Оружейную». Документы РГАДА о трофеях, взятых у шведов после Полтавской виктории 27 июня 1709 г. / Публикация Н. Ю. Болотиной, В. Р. Новоселова // Исторический архив. — 2009. — № 3. — С. 26–27 (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 939. Л. 442 об.–445 об. Подлинник).

[538] *Мицик Ю. Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (XVII–XVIII ст.) (частина 12) // Сіверянський літопис. — 2018. — № 5. — № 16 (ІР. — НБУВ. — Ф. І. — № 60316. — Тогочасна копія).

якобы не малая в том ураза, что в каком они дѣлѣ взяты, Вашему Превосходительству необъявлено, и будто оный Обозный с прочими перевязавъ, и в колодках сюда повезены. И я Вашему Превосходительству сотвѣтствую, что всегда я, как прежде сего, таки и нынѣ, данныя от Царскаго Величества Малороссийскому народу привилегии о правах и вольностях имѣю во всяком охранении и возмущения никому ни в чем от меня и от посланных моих не бывало и нынѣ нѣтъ, кромѣ настоящаго в монаршеских дѣлѣх управления, и по се время таких нареканий, как нынѣ изволите напоминать, ни от кого еще не слыхал, и слышать о том, кажется, прикро есть, и надѣюсь, что оное к нам не пристанет, по вѣрной моей к Его Царскому Величеству службѣ, и понеже вѣдаю о том Обозном с сыном противные Малороссийскому народу поступки, недавно содѣланные. Как Мазепа приводил к Бѣлой Церквѣ единомышленников своих ко кресту, чтоб против Царскаго Величества и отчизны своей бунтовали, и ѣздил тогда Зеленский из под Нѣжина в Лубны, и прельщал полку своего старшину к тому ж бунту, и с тои старшины тому Зеленскому на оное злое дѣло паче других и прежде всѣх к присягѣ пришел и крест цѣловал оный Обозный с сыном, а Грицько Сотник Роменский с Шведами непрестанно набѣги чинили в Малороссийские и Великороссийские городы разоряли обще, а именно мѣстечко Смѣлое Печерскаго Монастыря и город Недригайлов и два села Сумскаго полку разорили; и как тот же Мазепа с Шведом стояли в Ромнах и тогда во всем им прислуживался паче других же и противно Царскому Величеству чинил и сыскал Роменскаго жителя Флюса, чрез котораго тот же Мазепа писал к Лещинскому, чтоб шед с Поляками в Украину, и о сыску того Сотника надѣюсь, что к Вашему Превосходительству писали и Господин Граф Головкин, также и ко мнѣ писано, дабы их пристерегать и сыскивать. А нынѣ доносили Почепский житель Василий Линѣвский, который посажен был в тюрмѣ в Ромнах, и в то число присланы были при нем в туя ж тюрму шесть человѣк Черкас, а именно: Роменскаго бывшаго Обознаго подданный Процык, Драгуненко с товарищи, — и тот Процык и товарищи его кричали в окно, что бывший Лубенскаго полку вышепомянутый Обозный с сыном ругали неподобными словами Великаго Государя; а понеже Вашему Превосходительству извѣстно, что Мазепа к возмушению ничѣм иным, токмо такими ж словами и лживыми своими универсалами Малороссийский народ склонял. О чем изволил Ваше Превосходительство разсудить, что я то взятие не к возмущению народа учинил, но паче к лучшему охранению прав и вольностей Малороссийских жителей и цѣлости отчизны их, дабы такие плевосѣятели между ими искоринились и не принесли-б им какаго подозрѣния и убытку, чего весьма должно остерегать и от таких охранять. И хотя оный Обозный с прочими взяты в великом дѣлѣ, токмо Полковник Лубенский прислал их к нам не в колодках, и здѣсь они держутся за обыкновенным присмотром без всякой турбации, и до которых по распросам дѣла не дошло, и тѣ без всякаго озлобления отпущены по прежнему в домы их без задержания, а именно: Роменские жители — Сотник и Атаман. И к Вашему Превосходительству писать было мнѣ, не освѣдомя подлинно, ненадлежало, а как освѣдомился и о том нынѣ Вашему Превосходительству объявляю; а ежели показалося Вам что противное, и будто я тѣм чиню какое развращение и вольностям прав Малороссийскому народу нарушение, и о том пристойнѣе б было писать к Его Царскому Величеству, нежели досадительно и прикрости к нам объявлять. И хотя изволишь на меня в том досадовать и мнѣние какое имѣть, токмо я, как обѣщался всегда Вам доброжелательну быть, так и нынѣ при том же содержусь, и надѣюсь, что противности от меня никакой себѣ не изволишь увидѣть, понеже и натура моя ни к которой злобѣ охоты не имѣет и не допускает; а чтоб оных Обознаго и других причинных без порук свободить, и того мнѣ без указу учинить не можно. Что объявя, найвсегдашний

Вашему Превосходителъству слуга
Князь Дмитрий Голицын.

Из Карачева,
Декабря 19 дня.
1710 году[539].

№ 595

1712, січня 3.

Лист гетьмана І. І. Скоропадського канцлеру Г. І. Головкіну у відповідь на наказ з Москви вислати у російську столицю усіх близьких родичів мазепинців

Сиятельнийший и Превосходительнѣйший Государственный Канцлер, Господине, Господине мой вельце милостивый и благодѣтелю!

Нижайшое мое Вашой Сиятельнѣйшой Вельможности воздавши поклонение, доношу, что исполняючи я Монаршое, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, моего Всемилостивѣйшаго Государя, в листѣ Вашего Сиятельства выраженное, повелѣние о висилцѣ к Москвѣ змѣнничых сродственников, так тых, якых свойственнии в противной сторонѣ при Королю Шведском найдуются, яко и от Чуйкевичовой компанѣи жен, которых мужи в силцѣ, одни на Сѣбѣри, другии на Двинѣ зостают, по росписи, од Вашой Сиятельнѣйшой Вельможности ко мнѣ присланной, всѣх зыскавши в Глухов, теперь, Септевриа 6 числа, за сполным з Его Милостию, Господином Федором Ивановичом Протасиевым, Царскаго Величества Стольником, согласием, нѣкоторых з ных в царствующий град Москву, при офѣцеру, Данѣлу Усову, з 6 салдатами, выправылем и велѣлем, оных туда припровадѣвши, в Посолском Приказѣ, Господам Дьяку и Секретарам, объявити; которых же до сего часу посилка умедлѣла, то сим розные причины, в барзѣй их убожество, особливе, коней и возов недостаток в приборѣ до поѣзду, учинили препятие, же иншие не могли на чом и за

[539] Материалы для отечественной истории / Издал М. Судиенко. — К. : Университетская типография, 1855. — Т. 2. — С. 17–20.

чим поднятися. Кто зась на лице з них, помянутых змѣнничих сродственников, мужескаго и женскаго полу, к Москве зостал послан, тых всѣх видѣние тут же Вашой Сиятельнейшой Вельможности предлагаю

1

Старая Мировичова, которой сын Федор, при Орлику Енеральным

Асаулом, там же и дочка еи, Семена Забѣлы жена, браты его, Федоровы: Семен з женою и з дѣтми, за которым дочка Ломиковскаго, при Орлику найдуючогося, Василь з женою и з дѣтми, за яким дочка Мокиевского, в противной сторонѣ умерлого, да его ж, Федора Мировича, три браты нежонатии, Яков, Димитрий и Иван.

2.

Стефан Максимович, которого брат родный при Орлику писаром Енеральным.

3.

Ивань Бутович, которого брат родной, Григорый, зять Горленков, там же в Бендерѣ з Горленком найдуется.

4.

Швагров Орликовых: Григория и Иваиа Герциков, при нем же, Орлику, зостаючых, жена и дѣти.

А од Чуйкевичовой компанѣи к мужам, в силцѣ будучим, з жен и дѣтей туда ж, в царствующый град Москву, посланни именно сии:

1.

Дѣти Дмитрия Максимовича, который нынѣ на Двинѣ обрѣтается, а его, Мсимовича, жена тут сего лѣта умерла.

2.

Покотилина жена.

3.

Григория Канцелляриста жена.

Гречаного зась жены на Сибьрь посилати нѣ к кому, понеже и сам Гречаный нынѣ не в Сибѣри, але в Киевѣ у Сиятельнѣйшаго Князя, Его Милости, Димитрия Михайловича Голѣцина, найдуется, о котором Его Сиятельство розысковал, а узнавши его невинность, уволнил и писал о нем до Его Милости, Федора Ивановича Протасиева, якого листа копию Его Милость до Вашой Сиятельнѣйшо Вельможности посилает.

Жена Кожуховского такъже умерла, а дѣтей его, двох дѣвчинок малолѣтных, для убожества, посилати нѣ на чом и нѣ за чем.

Чуйкевичова жена взвѣстившися о мужу своем, что он в силцѣ на Сибѣри иноческий восприял чин, еще прежде присланного Царского Величества Указу учинила к себѣ обѣщание, жебы черницею постригтися, и теперь уже в монастырѣ пребывает, чого ради подала челобытную, прося позволенья, чтобы вольно ей было не ѣдучи, тут остатся и тое намѣрение исполнити.

Жена зась Зеленского, для настоящой болѣзны, дряхлости и убожества, же нѣякых не мѣет пожитков, нѣ людей, нѣ коней, на чом бы ей и за чим ѣхать к Москвѣ, так же до Указу Царского Величества тут оставлена.

А о протчиих нижеименованных персонах, понеже Панове Полковники прилѣжно и неотступно мене и Его Милости, Господина Федора Ивановича Протасиева, просили, же- бы их до повторного Царского Величестаа Указу не посилать к Москвѣ, яко то, Миргородский о зятю своем, Ивану Ломиковском, привес челобитную до Царского Величества, ручаючися под лишением жития своего, что он, Ломиковский, з отцем своем, як прежде сего не мѣв, так и теперь жадных не мѣтимет кореспонденций и ничого к нему посылати не будеть; Чернѣговский также ручился за сестру свою, жену Мировичову, тым обовязуючися, что к мужу своему нѣ о чом писать и жадного ему вспомогателства чинить не будет, бо и у себе она ничого не мает, кгды ж сам Полковник в своем еи держить дому, своим кормить и в потребу завѣчает.

Взглядом зась Антоновой Гамалееной жены, дочкы небожчика Полковника Сумского, Кондратиева, которая еще прежде измѣны мужа своего жыла в Сумах при своей матери, и она, мати еи Полковникова Сумская, и браты еи просили в тоть час Царского Величества в Сумах же, при бытности Вашего Сиятельства, чтобы ей, Гамалеиной, повелѣно в ных быти на мешканю, о чом и теперь принесли челообитную за руками своими.

Того ради, и по совѣту и общому согласию з Его Милостью, Господином Стольником Протасиевым, на прошение помянутых Полковников, всѣх тых вышеписанных особ до повторной Его Царского Пресвѣтлого Величества, моего Всемилостивѣйшого Государя, волѣ, в надежду Его ж Монаршой милости, тут оставилем, полагая тое на благоутробное Его Царского Величества милосердие и на многомощное Вашой Сиятельнѣйшой Вельможности особливое предстательство.

Семен зась Забѣла, котораго жена в Бендерѣ найдуется, понеже теперь доносил тут, что, за вѣдомом Сиятельнѣйшого Графа, Генерала-фельдмаршала, Его Милости, Господина Бориса Петровича Шереметева, посилал лист до жены своей в Бендер, чрез нарочного посланного, за подорожным листом, з подписом руки Его Сиятельства, жебы к нему ѣхала на Украину, а она жадного на тое не учинивши отвѣту, тогож часу, при посланном от Забѣлы человѣку, выбралася зо всѣмь в обоз Шведский, к Маршалку Королевскому, прозываемому Лимонту, и там не от теперь уже удавшися на роспусту и не по Христианску свое проводячи житие, не похотѣла до мужа своего итти на мешканье, о чем в сказцѣ слуги его, Забѣлы, до Вашой Сиятельнѣйшой Вельможности посилаючойся, обширнѣ выражено. Из тых причин он, Забѣла, принесл до Царского Величества свою челобитную, в которой выразыл тое, что, яко за тые еи, жены своей, злие поступкы, цурается и одрикается оной, так просит себѣ на тое милостивого Монаршого у Его Царского Величества позволения, жебы вольно ему было иншую жену поняти. Того ради совѣтовал Его Сиятельство, Граф Генерал-фелдмаршал, его, Забѣлу, до повторного Царского Величества Указу удержати, яко ж по тому Его Сиятельства предположению и совѣту, помянутого Забѣлу тут оставили

и челобытную его до премудрого Вашего Сиятельства разсуждения посилаючи, вельце прошу ласковой на оную резолюции, при том и себе Милостивой Вашой Сиятельнѣйшой Вельможности благодѣтельской навсегда полицаю ласце и приязни.

Вашой Сиятельнѣйшой Вельможности всего добра зычливый и нижайший слуга,

Иван Скоропадский,
Гетман войска Его Царского
Пресвѣтлаго Величества Запорожского.

3 Генваря, року 1712[540].

№ 596

1712, квітня 5.

З листа канцлера Г. І. Головкіна гетьману І. І. Скоропадському про наказ переселити дружин, матерів та дітей мазепинців, їхніх братів у Москву

(…) А понеже богоотступные измѣнники Орлик и с ними многие и до нынѣ в области Салтана Турскаго живут, и нѣкоторые в самом Цареградѣ обрѣтаются, что подает великое подозрѣние, и не мочно инако разсуждать, что они на содержание тамо себя довольство получают с Украины от своих родственников, которые в домах их живут и маетностьми и пожитками владѣют, при том же и корреспонденции и пересылки междо собою имѣют, чего трудно усмотрѣть и пресѣчь, пока они тамо на Украинѣ жити будутъ: и сего ради указал Царское Величество всѣх измѣнников, которые нынѣ вТурецкой сторонѣ, и по многим увѣщательным Царскаго Величества грамотами обнадеживаниям в прощении вины их во отечество свое не возвратились, и имен их роспись при сем прилагается жен,– матерей, дѣтей их и братью выслать к Москвѣ за присмотром,и велѣть им тамо жить, покамѣст опасность с Турецкой стороны минется; и тѣм о их с измѣнники корреспонденции сумнѣние отнять, и различность показать от тѣх, которые всегда в вѣрности к Его Царскому Величеству пребывают. И Ваша Ведьможность, по вѣрности своей к Его Царскому Величеству, исполняя то Его Величества повелѣние, изволите оных измѣнничьих родственников выслать к Москвѣ, а при том им объявить, что они будут на Москвѣ жить без всякаго утѣснения, как Андрей Горленко, Гамалей и иные такие-ж на Москвѣ живут без всякаго утѣснения. А которые дворы, маетности и всякие заводы тѣх измѣнников на Украинѣ есть, и кому они без себя оные прикажут управлять из своих свойственников, или посторонним, тѣм извольте, Вельможность Ваша, указом Царскаго Величества под смертным страхом сказать, чтоб они отнюдь никому измѣнником из тѣх маетностей денег и инаго ничего не посылали, и корреспонденции с ними не имѣли, и в том дать их всѣх на поруки, а из тѣх маетностей довольствовали они тѣх, которые нынѣ посланы будут к Москвѣ. А тѣ их маетности належало было у них и вовсе против иных таких измѣнников отнять; однако-ж Его Царское Величество, по высокой своей милости, того чинить не указал. А о сем я такожде по указу Царскаго Величества и к господину Протасьеву писал. И когда Вельможность Ваша сие учините, изволь то меня письмом Вашим увѣдомить. При сем пребываю

Вельможности Вашей ко услужению
готовнѣйший Г. Гаврило Головкин.

Из Санктпетербурга,
Апрѣля 5 дня
1712 года.

Роспись измѣнничьих свойствеиников на Украинѣ:

Ломиковскаго сын.
Дмитрия Горленка жена.
Максимовичев брат.
Мировичева жена и мать и братья.
Бутовичева (который Горленку зять) мать и братья.
Герциковы (Орликовы шурья) жены.
Семен Забѣла, котораго жена при Орликѣ.

А тѣх всѣх вышеписанных измѣнничьих родственников собрать и к Москвѣ выслать мужеска полу, у которых есть мужья, с мужьями и с дѣтьми[541].

№ 597

1712, квітня 5. — Петербург.

Лист канцлера Г. І. Головіна до гетьмана І. І. Скоропадського про мазепинців

Копия.

Ясневелможний и превосходителний гспдн гетман Войск его црского величества Запорожских, мой благодітель

Велможности вшей извістно, что изменников его црскаго величества из генералной старшины Чуйкевич, Максимовича да полковников Зеленской, Покотила, и еще Гамалей да Грицко писар Гречаной были при проклятом Мазепе до самой счастливой нам Полтавской баталиї и когда уже усмотріли во время той баталиї невозможность себе уйти от войск его црскаго величества, пришли сами; и хотя было довелися оны за измену свою все смертной казни, однако ж црское величество пожаловать велел их, послать в силку нікоторих в Сібирь, иних же к городу Архангельскому на вечное житье, куда и жен их и детей вечно сослать же. А понеже в прошлом 1710 году на Україне было моровое поветрие, для того не мочно было их оттуду к Москве для ссилки в те городы взять. И изволите вша велможность нне тех висше именованних изменников жен и детей для

[540] 1712 года, генваря 3. Письмо к канцлеру, графу Головкину, от гетмана Скоропадского об учасниках в измене Мазепы / Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каминским и изданные О. Бодянским. — Часть II // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1859. — Кн. I. — С. 267–270.

[541] Материалы для отечественной истории / Издал М. Судиенко. — К. : Университетская типография, 1855. — Т. 2. — С. 204–206.

посилкы к мужям их прислати к Москве за караулом, о чем я к господину Протасьеву при сем такожде пишу. При сем пребываю

На подленном подписано:

Велможности вшей ко услужению готовейший г. Гаврило Головин.

Из Санкт Петербурга 5 приля 1712[542].

№ 598

1712, червня 20. — Київ.

Лист київського губернатора Д. М. Голіцина гетьману І. І. Скоропадському про відправлення дружин мазепинців у Москву та розслідування про невинність Якова Гречаного

Почтеннѣйший и Превосходительнѣйший Господин !

Изволил Ваше Превосходительство писать, объявляя из письма господина Графа и Кавалера Гаврила Ивановича Головкина, который указом Царскаго Величества писал, дабы жен измѣнничьих Чийкѣева, Зеленскаго, Максимовича, Антона Гамалея и Канцеляриста Григория Покотила отослать к Москвѣ Вашему Превосходительству, между которыми означено и Якова Гречанаго к той же высылкѣ. И понеже тот Гречаный Вашему Превосходительству донес, что об нем розыск есть в Киевѣ, объявляю о том Гречаном: в прошлом 709 тоду, как изволил быть Царское Величество в Киевѣ и при нем оный Граф и Кавалер Гаврило Иванович и писал он господин Граф указом Его Величества, дабы об нем Гречаном взять свидѣтельство, как он сказывал будто не по своей волѣ при Мазепѣ был, но пойман и на кого он в том пошлется, и тѣх во свидѣтельство допросить, и особо по доношению его Гречаного о Гамалеѣ, о противных дѣлѣх и словах освидѣтельствовать Лохвицким Протопопом Федором; и потому указу о том о всем в Киевѣ розыскивано, и кѣм надлежало, и Лохвицким Протопопом свидѣтельствовано, и по розыску, и по свидѣтельству винности того Гречанаго не сыскано, и писано о том ко оному господину Графу Гаврилу Ивавовичу, надѣюсь, о том уже ему извѣстно есть, и отослать мнѣ к Вашему Превосходительству того Гречанаго без указу не мочно, и изволишь о том писать до Его Высокографскаго Сиятельства. И донесши о сем,

Вашего Превосходительства повольный
слуга Князь Дмитрий Голицын.

Из Киево-Печерской крѣпости,
Июня 20 дня,
1712 году.

P. S. И то извольте напамятовать, как я прежде сего неоднократно к Вам писал, чтоб по указу прислать для розыску в Киев Гамалея. И Ваше Превосходительство онаго Гамалея прислать не изволил, а прислал токмо письмо его, в котором написано, что взял он Гамалей того Гречанаго по приказу измѣнника Мазепы насильно и отвез в Ромну; и о том можете изъяснить до господина Графа Головкина, ежели изволите[543].

№ 599

1712, серпня 11.

З доносу Сенату гадяцького протопопа Ф. С. Лісовського на полковника І. Черниша про розставляння ним на урядах колишніх мазепинців

(…)

Он же Полковник старших Гадичскаго полку полковых особ, которыя служили Царскому Величеству вѣрно, а именно — Полкового Судью Василия Велецкаго из города выгнал, да Писаря Полкового Степана Залескаго бил дубьем, а жену его плетьми смертным боем, и из города выгнал, и маетности у него взял и иным тамошним жителям многие обиды и грабежи и разорения чинить непрестанно; а вмѣсто их в тот полк принял на судьино мѣсто Эсаула Полковаго Василия, а в Эсаулах быть велѣл измѣннику Запорожцу Мартыну Штыху, который приѣхал из Крыму, да Гадичскаго полку козаку измѣннику ж, а как его зовут и чей сын и прозвищем не вѣдает, велѣл быть в городѣ Гадичѣ городничим, который и по нынѣ там городничим. А измѣна его такая, что во время Шведских войск в Гадичѣ, подводил под городок Веприк Шведов, и тот город Шведами взят, и многих Малороссийскаго народу людей, которые служили Царскому Величекству вѣрно, мучил, и их и пожитки их отдавал Шведам, и на подъѣзды под войска Царскаго Величества Шведов проводил, и по дорогам, гдѣ им идтить, ставил тычки для знаку, и чрез рѣки для опыту, крѣпок ли лед, по льду возил куфы с водою, чтоб Шведы не проломились[544].

№ 600

1712, вересень.

Царський указ і лист київського губернатора князя Д. М. Голіцина до Фірса, архімандрита Соловецького монастиря

От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца в Соловецкий монастырь богомолцу нашему архимандриту Фирсу з братеею.

По именному нашему великого государя указу послан из приказу Малыя России того ж приказу с подьячим и с провожатыми к городу Архангельскому для отсылки к вам, в Соловецкий монастырь, батуринского Николаевского монастыря архимандрит Гедеон Одорский, монах

[542] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (XVII–XVIII ст.) (частина 12) // Сіверянський літопис. — 2018. — № 5. — № 17 (ІР. — НБУВ. — Ф. І. — № 60317. — Тогочасна копія).

[543] Материалы для отечественной истории / Издал М. Судиенко. — К. : Университетская типография, 1855. — Т. 2. — С. 42–43.

[544] Там же. — С. 214.

Семен Остафьев, лохвицкий протопоп Иван Рогачевский, челядник Иван Вицковский на вечное житие, которых велено из города архангельского вице-губернатору нашему Алексею Александровичу Курбатову сослать их к вам, в Соловецкий монастырь (…) *к тому пригож; и как к вам ся наша великого государя грамота придет, а тот архимандрит с монахом и с протопопом и с челядниками в Соловецкий монастырь привезены будут, и вы бы того архимандрита Гедеона, монаха Семена и протопопа Ивана и челядника велели принять и быть им в том монастыре безотходно, а пищу им давать против их братьи; а в котором числе он, архимандрит, и монах и протопоп и челядник к вам в монастырь привезены и приняты будут, о том к нам великому государю писали, а отписку велели подать в приказе Малыя Росии государственному нашему канцлеру и кавалеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину да государственному нашему подканцлеру барону Петру Павловичу Шафирову.

Писан на Москве лета1712 сентября в 13 день.

Справил Федот Рогов.

Подписал дьяк Михайло Радостамов.

Державнейший царь, государь всемилостивейший.

Вашего царского величества по имянному указу и по писму из армеи вашего величества государственного канцлера и тайного советника кавалера графа Гавриила Ивановича Головкина повелено колодников, которые держаны в Киевской губернии, а именно батуринского Николаевского монастыря архимандрита Гедеона Ардаркого (описка, має бути «Одорського». — *Ю. М.*), монаха Семена Остафьева, чернеца (?) Ивана Видковского, изменниковых челядников Ивана Перевейска, Степана Русановича Быстрицкого, челядника Юрка Шенина, Ивана Тернавского, Стародубского полку казаков Семена Куликова, Ивана Иванова Новицкого, которой был от изменника в Полше резидентом, изменникову племянницу наместницу Марфу, келейницу ея черницу Могдалиню, девку Екатерину, Гадяцкого полку сотника Ивана Еныкавского, Якуба Никитина, Якима Яцкого, Новгородского уезду села Шаптаков черкашенина Романа Якимова, лохвицкого протопопа Ивана Рогачевского, Александру Дубягу, хлопцев ево Власа Скиданова, черкас казаков: Семена Бойка, Федора Иванова, Семена Прокофьева, Василья Щербака, Емельяна Тарасова, канцеляриста Григорья послать в Москву в Посолский приказ с провожатыми. И по тому вашему царского величества указу оные колодники из Киевской губернии в Москву посланы с провожатыми, а отписку велел подать и оных колодников объявить в Посолском приказе.

Вашего царского пресветлого величества
нижайший раб князь Дмитрей Голицын.

Помета: Взять в книгу и выписать из графских писем,что о тех вязнях велено чинить и кого за ними в провожатых послать, просить веденим из сенату.

Лета 1712-го сентября в 24 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому с товарищи к великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, писал из Киева губернатор князь Дмитрей Михайлович Голицын и прислал в приказ Малыя Росии батуринского Николаевского монастыря архимандрита Гедеона Одорского, монаха Семена Остафьева, лохвицкого протопопа Ивана Рогачевского, челядника архимандричья черкеса Ивана Вишковского да изменника Мазепы племянницу черницу Марфу, келейницу ее черницу ж Магдалиню, да челядницу девку Екатерину. И великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец указал того архимандрита и монаха и протопопа и челядника сослать с Москвы за крепким караулом из Монастырского приказу в Соловецкий монастырь, черниц и девку на Белоозеро в Горский монастырь и быть им тамо не исходя из тех монастырей никуда, а дневную пищу давать им, архимандриту и прочим, против их братьи, а черницам против монахинь. И того ради тот архимандрит и монах и протопоп челядник, такожде и черницы с челядницею из приказу Малыя Росии посланы в Монастырский приказ (с) приказу Малыя Росии с подьячим для ведома отписать. И по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому с товарищи учинить о том по его великого государя указу.

Секретарь Михайло Шафиров.

Справил Федот Рогов.

Ведение из приказу Малыя Росии в правительствующий сенат.

В нынешнем 1712-м году сентября в 21 день к великому государю киевский губернатор князь Дмитрий Михайлович Голицын писал и по именному великого государя указу с отпискою и с провожатыми прислал колодников 25 человек, в том числе:

Батуринского Николаевского монастыря архимандрита Гедеона Одорского.

Лохвицкого протопопа Ивана Рогачевского.

Монаха Семена Остафьева.

Архимандричья челядника черкеса Ивана Вицковского.

Изменничьих челядников:

Степана Русановича, Ивана Керевейского.

Быстрицкого челядника черкашенина Ивана Терновского.

Стародубовского полку казаков Семена Куликова, Ивана Иванова.

Да Новицкого, который был от изменника Мазепы в Полше резидентом.

Гадяцкого полку сотника Ивана Яныковского, Якуба Никитина, Якима Яцкого.

Новгородского уезду села Шестакова черкашенина Романа Якимова. Александру Дубягу да хлопцев ево Власа Скиданова.

Черкас казаков: Семена Бойка, Семена Прокофьева, Федора Иванова, Василья Щербака, Емельяна Тарасова, канцеляриста Григорья.

Изменникову племянницу наместницу Марфу, келейницу ее черницу Магдалиню да челядницу девку Екатерину

А в прошлых 1710-м да в 1711-м годен в разных месяцех и числех великого государя в указе из походу (?) из Санкт-Петербурга за рукою государственного канцлера и кавалера графа Гаврила Ивановича Головкина в Посолский приказ писано, велено колодников, которые приличны к измене Мазепиной и присланы будут из Киева или из Севска к Москве и тех разослать по городам з грамотами и велено их приверстать в службу, в какую кто годитца.

А написано в росписи послать 14 человек, а имянно:

К городу Архангельску:

Казака Александра Дубягу с хлопцам (!) и з двумя казаками, итого 4 человека.

примітка: ныне в присылке сверх того 8 человек простых черкас.

В Сибирь:

Изменника Мазепы челядников: Яна Перевеского, Степана Русановича.

Да Быстрицкого челядника Ивана Терновского; Прилуцкого полку казака Ивана Борисова до краснянского сотника, итого 5 человек.

примітка: ныне в присылке иные Гадяцкого полку сотник Новицкий, что был в Полше у Мазепы резидентом; Григорий канцелярист, что был в Сибири и оттуду бежал.

В Соловецкий монастырь:

Архимандрита Гедеона Одорского да дву при нем монахов и челядника ево, итого 4 человека и давать ему пищу против братьи.

примітка: в присылке вместо старца протопоп.

На Белоозеро в Горский монастырь:

Изменника Мазепы племянницу монахиню Марфу, пищу давать против монахинь.

Итого колодников всех с Москвы посылать, так же и о даче за теми колодники в провожатых и подвод тебуется решения.

примітка: в присылке с нею старица да девка келейница.

Дьяк Михайло Радоставов.

По сему господам в сенат чтено. Послать для ведения список в поход.

Лета 1712-го сентября в 29 день (*далі подається текст царського указу обер-коменданту московського гарнізону Петру Олексійовичу Голіцину, де містяться ті ж відомості про засланців, а також указ від 22(11).10.1712 р. полковнику Мещерінову про призначення 25 озброєних солдат (названі поіменно) для конвоювання засланців і про призначення їм (солдатам) жалування.* — Ю. М.)[545].

№ 601

1713 р.

Донос невідомого на прихованих мазепинців

«Божиею милостью пресвітлійшого и державнійшого великого государя нашого цара и великого князя Петра Алексевича (sic) его царского пресвітлого величества, его милости, царскому боярину или полковнику поимених випись или цитулка и изменая, удивляяся не помалу чом, то государь довіряет сим людем чиркаским, ане люди хитрия, не можна их дознатися правды, онны буцето государю спомагая, дают наподед (?) ездят толко (пропуск в тексті. — *Ю. М.*)

А до тих людей к себе принять на помочь, бо сами не могут чого вчинити, так на помощ затагают запорожцев, турчина, аби государеві войска запропастить; если государь того не вчинит, не изволит побрати полковников, полковника лубенского, судию (Леонтія Кичкаровського. — ? — *Ю. М.*), писаря (Григорія Кулябку. — *Ю. М.*), асавула полкового Максима Дорошенка, Сухомоского, Леска Калинского, Инчипора (очевидно «Нечипора». — *Ю. М.*), сотника (пропуск в тексті. — *Ю. М., І. Т.*) се в монастырю игумна з братам, намісника и з братом Пятого полатна полатного, иминна их: Филарет, Илия, Саватий, Иларион, Дииннси Пятий, казначиї по русску, бо в них одна до мисль с полковником, также и переясловского полковника (Стефана Томару. — ? — *Ю. М.*) со всем улусом, узять епископов, архимандритов киевских в монастирю Межигорском, также побрать старших усих, бо онны въси в одном совету, студентов ховают, запорожцев также ховают по монастырям чирнигиским чинам покривают, а по городам по винн[и]цам по браварах хаваются, также и по степах, если государь усих их изволите вибрати по городам и по монастирях, а своих руских поставляти по городам воеводи, а по монастирям руских закоников, игуменов, намесников, духовных казначиев, писарев, да и сторожу в монастирю Лубенском, в Мижигорском монастырю, также в Переяславском, также изволите узять епископа, а руских поставляйте, у Киеве также по всих поставляйте руских, будете знати и скарби монастирския и панския по городах и по монастирах. Бо в них одна думка во всих, як епископи, так архимандрити, так игуменны, мижигорски архилиаръски игумен хитриший, усих з намісником изволь пошукать от востока до запада, то таких не суть знати хитрих, бо одно сами хитрия, а другое братов таких мают хитрииших, бо с Мазепою забратоживали, толко их тут тень, а душа и с Мазепою, бо онны за Мазепу безпрестання Бога просат, а такия каверзники коли заочно онны то их и сякут и рубают, а коли в очи, таких на образ (пропуск в тексті — Ю.М.) мужами назвать, такии тиия законники, еси государь изволит Украину над собою имити ю, то изволте руских людей держать як по

[545] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З нових документів до історії Сіверщини (друга половина XVII–XVIII ст.) (частина 6) // Сіверянський літопис. — 2017. — № 3. — С. 62–64 (НБУВ. — ІР. — Ф. 194. — № 121. — Арк. 47–50 зв. — Копія кінця XIX ст. Тексту документів передує запис: «Моск[овский] Глав[ный] арх[ив] М.И.Д. Малороссийские дела 1712 г. № 6»).

городах, также и по монастирях. А если не изволит руских людей держати по городам, то не тока Украина не его будет, але на столици и сам не одержиця, если сих часов не похватает их усих. Да пождавши онны с весны, да зберутця у купу и запоро[ж]ци и радамижские люди, тогди им чинтитт будешь и столица не твоя будет. Изволь, государь, в первих гаттманна узять бавожо (?) скарбец в монастирю Мгарском, а жонны их и сами подаете, як прейдут со всими силами на столицу.

Изволте духовный чин переминить скоро, скоро, потом мало пишу, много чолом бию найниший слуга и богомолец за государя света великого»[546].

№ 602

Із чолобитної А. Д. Горленка, сина прилуцького полковника-мазепинця Д. Л. Горленка

Я, нижайшій, хочай в неволѣ и по крайней нуждѣ, принужден бул обрѣтатись при отцѣ и матцѣ своей и свойственниках, в сторонѣ противной его императорскаго величества, однак устороживши измѣнника Мазепи хитрость и змѣну, оставя отца и матерь и свойственников, сам только з женою в тоей непріятельской сторони увойшел, еще в масницѣ в 1709-м г., и был я там малое время, а не довольное. И за возвращеніем, когда я прибыл к тестю своему, полковнику Миргородскому, в мѣстечко Жовтву, при бытности там же г-на Андрея Ивановича Ушакова и Дмитрія Ивановича Цепелева, то он (тесть) зараз меня оттоля послал до его и. в-ства. И я, немогучи в пути достигнуть, пріѣхал в Воронеж и там был представлен пред лице его величества и пріят милостиво, без всякаго пороку, и волучил жалованья сто рублей. И притом дано мнѣ от свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) письмо, по именному указу е. и. в:, до гетмана Скоропатскаго[547].

№ 603

1714

Гарантії безпеки мазепинцям від київського губернатора Д. М. Голіцина

Которые прелестью Мазены, или обманом, как г-да полковники, так генеральная старшина и прочіе, от страны его величества отлучены (понеже ихъ совѣсть и вѣрность возбудили под протекцію и покров е. в. прійти), просили полковник Прилуцкій Дмитрій Горленко, чрезъ г-д полномочных министров, о своей безопасности. Того ради, он е. в. указом увѣряет, и христіянскимъ сумнѣніем обнадеживает, и пріемлет их на сумнѣніе христіанское и на свои руки, чтоб их ничѣм невредженных сохранить[548].

№ 604

1714

З листа П. П. Шафірова до невідомого про мазепинця Д. Л. Горленка

О полковникѣ бывшем Прилуцком Горленкѣ с его компаніею инако не возмогли у его царскаго величества исходатайствовать, кромѣ того, что изволил указать им нынѣ жити в Москвѣ, а не в Украйнѣ. Но в том ваше сіятелъство можете их вѣрно ассекуровать, что оные всесовершенно и весьма отнюдь ни в чом истязаны не будут и останутся во здравіах их цѣлы; також и с Москвы никуда не пошлются, но будут имѣть пребываніе в оной; и ѣхалиб без всякаго сумнительства. И тако, могут оные пребываніе свое имѣть свободно. Но что оный Горленко уноминался о маетностях своих, чтобы паки ему были вовращены, на то его величество нынѣ не соизволил; однакож и из оных могут впредь на пропитаніе что (нибудь) получить, а нынѣ вдруг всего сдѣлать не возможно[549].

№ 605

1714

З амністії, підписаної надзвичайними і повноважними послами, підканцлером бароном П. П. Шафіровим і таємним радником П. А. Толстим

Просили бывшіе во время измѣны прелестьми его Мазепы заведенные, полковникъ Прилуцкій Дмитрій Горленко, дабы им, такоже и другим, исходатайствовать царскаго величества амнистію и милосердое прощеніе всѣхъ их вин. Того ради, силою е. ц. в. даннаго им имянного указу, объявляютъ не токмо ему, Горленкѣ, но и другимъ (всѣм) безъ изъятія: в какомъ бы кто тяжком преступленіи (ни) обрѣтались, амнистію, т.-е. забвеніе и прощеніе всѣхъ их вин, и обнадеживают не только безопасными в животѣ, но и от укоризны изъятыми и свободными[550].

№ 606

1715

Лист гетьмана І. І. Скоропадського мазепинцю Д. Л. Горленку про необхідність вирушати на Москву

Мой ласкавій пріятелю, пане Горленку!

Повернувшійся з Прилуки, посиланній до вашей милости капитан учинил нам такую реляцію, же в. м. слава Богу, од болѣзни горячки получил ослабу, тилько на ногу болѣзнуешь, для которой любо з трудностю в. м. з мѣстца зараз рушитися. Однак пилно жадаем, абы с в. м. разсуждаючи, умедленное монаршаго Царскаго пресвѣтлаго величества увазу исполненіе, не наволѣх на себе в том гнѣву

[546] Публікація Ю. А. Мицика // Сіверянський літопис. — 2017. — № 3. — С. 85–86 (НБУВ. — ІР. — Ф. 194. — № 121.— Арк. — Копія. Тексту документа передує запис копіїста: «Моск[овский] Гл[авный] арх[ив] МИД. Малороссийские дела 1713 г. № 32).

[547] *Де Пуле М.* Малороссийские эмигранты при Петре Великом // Вестник Европы. — 1872. — № 35. — Т. ІІІ. — С. 69.

[548] Там же. — С. 71.

[549] Там же. — С. 71.

[550] Там же. — С. 70–71.

и на нас пороку. И, як возможно положивши в дальшой своего здоровя поправѣ надежду на Господа Бога, немедленно прiѣзжай к нам в Глухов, для поѣзду к Москвѣ. А мы объявляем в. м. же: панов Максима Максимовича, Ломиковскаго и Антоновича, передом сего находящаго 15 числа, виправим туда, до Москвы, недожидаючись сюда, в Глухов, прибитiя в. м-ина. Притом зичим ему ж добраго от Господа Бога здоровя. З Глухова, року 1715.

В. м. зичливiй прiятель,
Иван Скоропадскiй, гетман войска его
царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго.

Надпись на конверте: Моему ласкавому прiятелеви, пану Димитрiю Горленку, знатному товарищеви войскому. Пилно подати.

— на той стороне, где гетманская печать: Повторни о выѣзду к Москвѣ[551].

№ 607

1715, квітня 6.

Лист канцлера Г. І. Головкіна гетьману І. І. Скоропадському про термінове доправлення до Москви мазепинців, які повернулися з Туреччини

Ясневельможный и Превосходительный Господин Гетман войск Его Царскаго Величества Запорожских, мой особливый благодѣтель!

Два письма Вельможности Вашей, едино марта 3, второе от 12 чисел из Глухова отправленныя, я здѣсь получил со всѣми приложениями, и на оныя сим моим отвѣтствую:

В измѣнѣ бывших Горленка, Максимовича и иных, по Его Царскаго Величества грамотѣ, присланной к Вашей Вельможности, изволите выслать к Москвѣ немедленно. А жен Горленковой и Максимовичевой и дочерей впред до Его Царскаго Ведичества указу, и покамѣст они в Москвѣ не управятся с домами, в которых им с своими фамилиями жить будет мочно, не изволите выслать, а жилиб они в котором городѣ на Украинѣ у свойственников своих за вѣдомом Вельможности Вашей.

Что-ж явилось о козакѣ Миргородскаго полку Корнеѣ Федоренкѣ, который был в измѣнѣ на Запорожьѣ, и пришел на Украину в прошедший филиппов пост, и паки ходил в Сѣчу будто для отыскания тамо своих вещей с вѣдома Полковника Миргородскаго; и о сем надлежит Вельможности Вашей тому Полковнику Миргородскому и прочим всѣм Полковникам воспретить Его Царскаго Величества указом, дабы они таких людей, которые были в измѣнѣ, и хотя пришли с повинною и в вѣрности учинили вновь присягу, на Запорожье и в Крым и никуда в Турецкую область ни для чего и ни под какими претексты отнюдь не отпускали, и к тому еще приказали за ними прилежно смотрѣть, дабы они своевольно также в тамошние краи не ѣздили; ибо довольно им той милости Царскаго Величества, что вины отпущены, и велѣно жить по прежнему в домѣх своих. При сем пребываю

Вашей Вельможности ко услужению
готовѣйший Граф Г. Головкин.

Из Санктпетербурга,
Апрѣля 6 дня,
1715 года[552].

№ 607а

1717, вересня 11. — Київ.

Лист київського губернатора Д. М. Голіцина гетьману І. І. Скоропадському

Ясневельможный и Превосходительнѣйший Господине!

Получил я нынѣ из Преображенскаго приказу Царскаго Величества грамоту, в которой повелѣвает полтавскаго полковника Черняка-Курчепина, бѣглаго драгуна Гордѣя Иванова, который живет у него полковника, да полтавских жителей Григория, Ивана, Афанасия Павловых дѣтей Герцыковых, да дворовых и задворных козаков и челядников их, и именно: Ивана Лимарева, Якима Санжарова, Федора Романова, Матвѣя Маичина да Захара, сыскав для розыску в великом государевом дѣлѣ, прислать за крѣпким караулом к Москвѣ в Преображенский приказ, и с оной грамоты при сем Вашему Превосходительству копию. И понеже оные регимента Вашего Превосходительства, того ради изволите онаго полковника с прочими приказать преостеречь, чтоб куда не скрылись; и что по той грамотѣ изволите учинить, нас увѣдомить, дабы я мог о том отвѣтствовать.

Вашего Превосходительства повольный слуга
князь Дмитрий Голицын.

Из Киево-Печерской крѣпости,
Сентября 11 дня,
1717 году[553].

№ 608

1717, вересня 12.

З листа П. В. Курбатова гетьману І. І. Скоропадському про відправлення до Москви колишнього покоєвого І. С. Мазепи Дмитра Почепця

Вашей Вельможности писание к Его Сиятельству Государственному Канцлеру послал я по почтѣ, а о сыску Дмитрия Почепца, бывшаго Мазепина покоеваго, и о посылкѣ к Москвѣ к господину Плещееву донес их Сиятельствам и их Превосходительствам господам Сенаторам[554].

---

[551] *Де Пуле М.* Малороссийские эмигранты при Петре Великом // Вестник Европы. — 1872. — № 35. — Т. III. — С. 73.

[552] Материалы для отечественной истории. Издал М. Судиенко. — К. : Университетская типография, 1855. — Т. 2. — С. 241–242.

[553] Там же. — С. 91–92.

[554] Там же. — С. 461.

№ 609

1717, грудня 22. — Тобольськ.

Лист князя М. П. Гагаріна гетьману І. І. Скоропадському про смерть канцеляриста-мазепинця Григорія в Тобольську та повернення його дружини додому

Сиятельный Господин Гетман обоих сторон Днѣпра, Иван Ильич!

В прошлом 1712 году по указу Великаго Государя прислан был в Сибир в Тобольск украинец Григорий канцелярист, а жена его с двумя его дѣтьми по челобитию своему прислана до Тобольска, и тот вышепомянутый Григорий канцеляристъ, по волѣ Божией, в Тобольску умер, жена его против указу Его Великаго Государя отпущена на Украину с двумя дѣтьми своими ко своим родителям. И о том Вашей Вельможности чиню вѣдомо, что она Григорьева жена канцеляриста из Сибири отпущена и никакого дѣла до нея нѣт.

Вашей Вельможности всегдашний слуга
Князь Матвѣй Гагарин.

Из Тобольска,
Декабря 22 дня,
1717 году[555].

№ 610

1720, серпня 25. — Київ.

З листа князя П. О. Голіцина гетьману І. І. Скоропадському про мазепинських канцеляристів

Ясневельможный и Превосходительнѣйший Господин!

По розыскному дѣлу, которое слѣдуется в Киево-Губернской канцелярии, присланный из Ромна Роменский козак Федор Яснопольский по допросу своему объявил, что он до Мазепиной измѣны был в его канцелярии молодым писарем, и в измѣну его Мазепину с прочею старшиною был при нем же Мазепѣ под Полтавою. И как баталия началась, и в то ж время он Федор и другие с ним канцеляристы, а именно: Григорий Михайлов, Иван Бороздна, да Бунчуковый товарищ Семен Лизогуб, и многие Мазепины слуги и компанейцы от него Мазепы из под Полтавы из села Рыпок ушли, и пошли в Миргородский полк, и явились Миргородскому Полковнику Данилу Апостолу, который де отослал их к Вашей Вельможности к рѣчкѣ Каменкѣ. И которая же знатная старшина, ушедшие ж от него ж Мазепы, явились Вашей Вельможности, и тѣ ж посланы к Царскому Величеству, а он де Федор с прочими канцеляристы и с другими оставлены при Вас и допрашиваны в канцелярии Князя Григория Федоровича Долгорукова, а по допросам отданы в службу к Вашей Вельможности. И он де Федор опредѣлен по прежнему в канцеляристы ж. А как де из-под Каменки изволили выѣхать до Глухова и быть у Миргородскаго Полковника Апостола в Сарочинцах, и тамо ж он Федор оставлен за болѣзнию у помянутаго полковника, а обмогшись в сентябрѣ мѣсяцѣ 1709 году, а в котором числѣ, сказать не упомнит, поѣхал оттуду к отцу своему Степану Куколю в дом в Бѣлополе и был тамо недѣли с двѣ. И потом де прислал к нему Федору из Глухова Генеральный Писарь Семен Савич письмо, чтоб он Федор ѣхал в Глухов в канцелярию по прежнему, которое ж письмо было с прочими письмами в домѣ его в городѣ Ромнах и есть ли нынѣ, или нѣтъ, про то он не вѣдаетъ. И потому ж письму он Федор в Глухов и поѣхал и приѣхав явился к Вашей Вельможности и господину Резиденту Измайлову, который де взяв унего Федора о вышеписанном его поведении сказку, приводил его к присяге, и по присяге приказал ему быть при Вашей же канцелярии по прежнему писарем…[556]

№ 611

1720, листопада 17. — Санкт-Петербург.

Про мазепинця Григорія Михайлова, який писав у 1708 р. закличні універсали гетьмана І. С. Мазепи [Із справи про запровадження в Україні Військової канцелярії та приведення її службовців до присяги]

Канцеляриста твоего, Григория Михайлова, за показанные его противности, о которых он и сам в распросѣ объявил, что когда Мазепа и Орлик измѣнили, тогда он при Орликѣ служил до самой Полтавской баталии, и в измѣну Мазепину, будучи в Ромнѣ, по приказанию Канцеляристов, писал Универсал, о котором он признавает, что тот Универсал был противной, для возмущения народа; тако же в селѣ Дехтяровкѣ, по приказу измѣнника Орлика, Леонтию Галицкому, присягу писал, чтоб он был в вѣрности у измѣнника Мазепы (…)

…Велѣно сослать ево, Григория, в ссылку в Казань, и употребить ево Губернатору тамошнему в какую службу, по своему разсмотрѣнию[557].

[555] Материалы для отечественной истории / Издал М. Судиенко. — К. : Университетская типография, 1855. — Т. 2. — С. 473.

[556] Там же. — С. 490–492.

[557] 1720, ноября 17. Дело о учреждении в Малоросии Войсковой канцелярии и о проведении к присяге служителей оной / Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каминским и изданные О. Бодянским. — Часть II // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1859. — Кн. I. — С. 299–300.

Резонансні події в пізніших рукописних джерелах

№ 612
1721, березня 4.
Про випалення передмістя Полтави у 1709 р. та його залюднення

Запис честному отцу Тихониеви Филиповичу, пресвитерови церкви Стрѣтения Господня, полтавскому предмѣскому, жонѣ и потомком его, за вѣдомом его милости пана Якова Лизогуба, бунчучного войска его царского пресвѣтлого величества запорожского енерального, на той час у Полтавѣ резидуючого, пред урядом городовым полтавским, по ухвалѣ общенародного зезволення, на плец Юшков Ткачов, для поселенія займаючи, и іних плецов уз улицю Поперечную по самый цвинтарь Стрѣтенской церкви, у вѣчное владѣніе, року 1710 априля 12 даний; за полковничества теж его милости пана Івана Леонтиевича Черняка в 1721 году марта 4 дня, подписом руки его власнои, за притеснением печати его полковои потвержений, принят и уписан в книгу мѣскую полтавскую для крѣпости и опасности всякого небезпеченства, в часи потомніе таким текстом:

«Нам, нижей менованному урядови городовому полтавскому, и кождому, кому о том вѣдати належитимет, есть тое в совершенной певности, иж, слишачи так рок зближающогося до города Полтави Шведа, а сподиваючися приступу его, ж под город, выпалено тогди ж на предмѣстью доми всѣ, по указу его царского пресвѣтлого величества, а по повелѣнію коменданта на той час полтавского, его милости Алексѣя Стефановича Келена, для снабдѣйшои од тогож неприятеля обороны. А кгды, помощью Божіею, од того ж неприятеля город, по долгом обложеню и немалом штурму щоденном, освобожден, тогда на предмѣстью, поблизу валу мѣского, якие люде з полтавских обывателей мѣли своє поселеніе, тим людям, за прибутьем его милости пана Якова Лизогуба, бунчучного войска его царскаго пресвѣтлого величества запорожского енерального, на резиденцію вь Полтаву и за вѣдомом его милости, не позволено од нас, старшины городовой полтавской, на своихь прежних плецах селитися, и оние плеци для всякои городовои потребы на потомніе часи отведени на майдан, на котором никогда жадного не имѣет бути людского поселення; а вмѣсто их плецов по самой слушности подавани мѣстца иних людей, в замѣну, на побудованеся; тим зась — полтавским мѣшканцем, якие своих плецов уступити мусѣли, тако ж инние плеци указани, по належному разсмотрѣнію здешних полтавских урядовых особ и умислне на тое висиланых панов асаулов полкових полтавских и пана войта сь товарищи. Яко и честному в Бозѣ отцу Тихонови Филиповичу, презвитерови церкви Стрѣтения Господня полтавскои, позволилисмо и полецили у вѣчность там же, на предмѣстю Полтавском, на плецу Юсковом Ткачовом, поселитися уз улицю Поперечную, по самый цвинтар Стрѣтенский, покол, частю приймуючи иних плецов, одведено скопцами, где, за Божою помощію, поселившися, в наступуючие времена нѣ од кого жадной турбации не мѣет узнавати и яко своим добром, з жоною, и с потомками своими владѣти вѣчисте стверждаем. Тут же докладаем тое: ежели бы хто за тот обмѣненный плец важился турбовати отца Тихона Филиповича и о сем пред яким судом завод правный вщинал, таковый кождый его милости пану полковникови полтавскому таляров сорок, а на уряд городовій полтавскій двадцять таляров мѣет платити заруки конечне. Аффектуючая сторона в потомние часи для досконалшое певности сіе письмо до рук своих отримала в полтавской ратуши 1710 року мѣсяца априля 16 дня. Іван Насвѣт суддя полковий полтавский, Богдан Ірха, атаман городовий, Іван Григориевич Чигиринский, войт полтавский з бурмистром».

Сіе писание, на ратушу полтавском в року 1710, за подписом рук старшинских, справленное, взглядом надання на предмѣстю плеца порожнего Юска Ткача ко поселенію честному отцу Тихонови Филиповичу, презвитерови святосрѣтенскому полтавскому, взамѣну за мѣстце его, якое и других перемѣских обывателей для всякой гражданской потребы и военного случаю, яко з вѣдома его милости пана Якова Лизогуба, бунчучного войскового енерального, в то время в Полтавѣ резидовавшого, слушне з ратушу, покойному отцу Тихонови выдано; так и мы помянутий плец, в замѣну от старшины городовой пущенный, на яком теперь поселение устроено, властию нашею полковничою, для спокойного дѣтем его, небожчика, державня і владѣнія, в потомніе часи конфѣрмуючи, варуем под зарукою, в сем же урядовом писании совито положенною, абы нѣхто жадного до мененного плецу не важился имѣти інтересу и вступу. Дан в Полтавѣ марта 4 1721 року.

Его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковник полтавский Іван Черняк Рукою[558].

№ 613
1719, липня 28.
«Сказка» поручика Московського гарнізонного полку Андрія Ілліча Спиридонова

719 года июля 28 дня Московскаго гварнизона полку господина полковника Вельяминова Зернова поручик Андрей Ильин сын Спиридонов в Санкт-Петербурге в Военной кригс колегии сказал... в 1707 году по разбору боярина Тихона Никитича Стрешнева послан был в Киев в команду

[558] *Василенко М.* Збірка матеріалів до історії Лівобережної України та українського права XVII–XVIII вв. // Український археографічний збірник. Т. І. — К. : Українська академія наук, 1926. — С. 82–83.

господина окольничьяго Неплюева и был в полку господина подполковника Хатунскаго в Замостье и взяты в Киев, а из Киева посланы были в Глухов, а из Глухова с командированными солдаты послан в Полтаву в команду господину генералу Келину в полку господина подполковника Репьева и сидели в Полтаве в осаде и за то осадное сиденье после Полтавской баталии по имянному Его Царскаго Величества указу велено ему господину генералу Келину штап и обер офицеров за то осадное сиденье переменить чинами и... генерал Келин пожаловал его из прапорщиков порутчиком в оном же полку господина подполковника Хатунскаго[559].

№ 614

1719, грудня 20.

Лист кошового отамана Івана Мочульського до гетьмана Пилипа Орлика

Ясне велможній мосцѣпане гетмане войска запорозкого, наш велце милостивий пане и добродѣю.

Уже то другій рок, як мѣлисмо от велможности вашей послѣдним разом поважное писане, пересланное до нас на кошь з Врацлавя от его милости пана полковника Урбановича, в котором изволилесь велможность ваша нас войско запорожское упевняти, же вскорѣ мѣлесь на сию сторону моря з королевским величеством переправитися до Полщи, а оттѣл до нас войска панским своим указом заслати, абысмо имѣли излучене до боку велможности вашей для военних промислов, на услугу его королевского величества, яким своим увѣреннем потѣшил нас был велможность ваша велми, и ожидалисмо радостним сердцем, як дѣти отца, видѣти велможность вашу пана нашего милостивого; аж тое наше ожидане радостное обратилося нам в плачъ и неутолимую печаль, когда почулисмо нещасливую вѣдомость о смерти наяснѣйшого короля, его милости оборонци нашого милостивого, з которим подобно и надѣя наша о визволеню отчизни нашой от тяжкого ярма московского умерла, для чого мусимо быти барзо жалосни и не можемо никгди оплакати смерти тогож нашого оборонци королевского величества, который если бы был жив памъятал бы наши вѣрніе и зичливые службы, жесмо его королевское величество раненного по нещасливой баталій Полтавской, и через Днѣпр переправили и в цѣлости через Дикіе Поля аж до Бендеру перепровадили и на услугах его королевского величества на многих мѣйсцах нещадно кров свою проливали, который могл бы доброе нам учинити ведлуг монаршего своего упевненя, а найбарзѣй тое нас опечаляет, же от велможности вашей жадной найменшой до дих час по смерти королевского величества не можем мати вѣдомости, где тепер велможность ваша оборочается, як з велможностю вашею поводится, если мѣем велможность вашу до себе ожидати и чого мѣем надѣятися, чому барзо не тилко мы, войско запорожское, же велможность ваша ничого до нас не пишешь, але и наяснѣйшій хан его милость велми удивляется и когда колвек посланніе наши войсковыи бывають у его ханской милости, питается у нас если мѣемо якую от велможности вашей вѣдомость; мы бысмо часто до велможности вашой писали, але жодного до тых час немилисмо способу до пересланя листов наших до велможности вашей; аж тепер сам наяснійшій хан его милость подал нам способ через посланних наших и приказал нам абысмо до велможности вашей писали и тот лист до его ханской милости прислали, а его ханская милость имѣет вручити послови своему Шеферчи Ширинубею, которого виправует до короля его милости полского, и пану полковникови дубосарскому, Студинжинскому старому, мѣет также приказати, жебы писал до сина своего, который за толмача при его королевской милости зостает, абы той лист наш войсковый от посла его ханской милости одобравши, старался до велможности вашей переслати, а посланним нашим при отпуску от себе им говорил его ханская милость: нехай, мовит, войско запорожское пишет до гетмана своего, жебы там даремне в Швеціи не сидѣл, леч якнайскорѣй до нас и до вас поспишал, а мы з ним порадившися, можем при помощи божей и вам и очизнѣ вашей доброе учинити. Зачим так с повинности нашой, яко и по указу его ханской милости пишучи до велможности вашой пана нашего милостивого, покорно просим абысь велможность ваша, памятаючи на присягу свою, которую при обраню своем на висоцеповажній урад гетъманскій учинилесь и обѣщалесься старане пожити о высвобоженю очизны нашей от ярма московского, изволилесь якнаискорѣй до нас войска запорозкого поспишити и тое свое поприсяжное обѣщаніе в скуток приводити, кѣдыж по бозѣ никакого иншого не мием надѣ и всѣ мы з цѣлым народом, отцами и братіею нашею, тилко на велможность вашу, найбарзій тепер, когда Москва войсками своими на консистанціях никогда не бывалих в Украйнѣ постановившися, до щенту людей всяких не тилко на худобах руйнують, але и козаков и посполитих народ починають кгвалтом в солдати и дракгуны брати, отчого по килка сот чловика до нас, войска запорозкого, оттуль уходячих не могут вимовити, якіе там у них от Москви тяжости діються и тое повѣдають, же й обще на Украйнѣ всѣ о велможности вашей говорят тие слова: коли наш орел вилетить и нас от того лиха визволить, а тые утѣкачи, хвала богу, тепер нам примножили войска, же на тридцать тисяче может зо всѣм піхоти и ѣзды зобратися, толко того нам потреба, же бысь велможность ваша якнайскорѣй до нас поспишил, о що всѣ покорне и слезне, именем цѣлой очизны нашей, велможность вашу просим и его ж панской ласце навсегда себе полецаемъ.

З Коша 20 декабрія 1719 року.

Велможности вашей пана нашего
милостивого зичливие и найнижние слуги
[М. П.] Іван Мочульскій атаман
кошовой зо всим старшим
и менши войска запорозького товариством.

[559] *Иванюк С. А.* Забытый 5-й батальон. К вопросу о гарнизоне Полтавской крепости в 1709 г. Приложения // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4. История. — 2014. — № 1. — С. 18.

[Адреса] Ясне велможному его милости пану Филипу Орлику гетману войска запорозского, нашему велце милостивому пану и добродѣеви, покорно подати[560].

№ 615

Початок XVIII ст.

«Короткий щоденник польської історії від 1648 від 1696, а обширніший від 1697 до 1724» (регест)

[1708]

«[...]Цього ж року Мазепа, запорозький гетьман, приєднався до шведського короля, взявши з собою великі скарби, інші скарби залишивши в Батурині, але невдовзі московіти здобувши Батурин, все забрала і вщент зруйнувала фортецю […]».

[1709 р.]

Поразка шведського війська під Полтавою, до московської неволі потрапив ряд шведських генералів.

«Сам король, поранений, ледве з п'ятьма сотнями кінноти втік, з котрим Мазепа, гетьман Військ Запорозьких, покинувши великі скарби і мільйони, вже тримався шведського короля і вдався до Бендер під протекцію Османської Порти.

Цей же Мазепа, запорозький гетьман, позичив шведському королеві як стверджують чутки, як розійшлася чутка, двісті тисяч червоних злотих готівкою зокрема, а дорогоцінним камінням стільки ж, а сам потім за рік помер, віддавши шведського королеві свого племінника по сестрі, тобто п. Войнаровського. Котрий потім потрапив до царя й. мості і у столиці навічно посаджений у в'язницю […][561].

№ 616

1725.

Еразм ІІ Отвіновський

З «Історії Польщі за панування Августа ІІ»

[…] Тому шведський король мусив рушити вправо над Дніпром, а йдучи цим шляхом здобув непогані позиції, бо збунтував козаків у задніпрянській Україні, які до нього приєдналися. А насамперед цей великий Мазепа на ім'я польського короля Станіслава прийшов до нього з кількома тисячами козаків. Він радив у всьому королеві, вів шведів добрими шляхами, бо знав країну і дух народу. Козацькі міста, які боронилися, дотримуючи віри цареві, Швед атакував, а здобувши, осаджував гарнізонами Мазепи як генерального задніпрянського гетьмана. Два міста, Веприк і Гадяч, боронилися найпотужніше і шведи зіткнулися з великими труднощами, коли їх здобували. Цар послав частину війська на допомогу Гадячеві, але через сильні морози вони втратили 100 вояків, тому повернулися назад, а швед взяв Гадяч. Найголовніші міста, як от: Батурин і Ніжин Мазепа вже осадив своїми людьми. Біля Києва король не хотів затримуватися, думаючи, що коли візьме Москву, то й Київ з часом капітулює. Решту року шведський король зі своїм військом, якого мав 70 тисяч, провів на Задніпрі.

Року Божого 1709.

[…] Шведський король, маючи вже по собі задніпрянських козаків, йшов Україною понад Дніпром аж до краю козацьких кордонів з татарськими поселеннями, щоб разом із кримським ханом воювати проти Москви; а все це він чинив з поради великого Мазепи, котрий вже давно уклав приязнь із Шведом, порозумівся і безпосередньо з татарами починав війну, прагнучи скинути мерзенне московське ярмо. А тим часом московський цар розбив під Лісною 16 тисяч шведів, котрі під командуванням генерала Левенгаупта йшли за своїм королем на віддалі. Не зауважив цього гордий Швед, прийшов до останніх вважай козацьких кордонів, став під Полтавою, козацьким містечком над рікою Ворсклою; а коли втрачав час здобуванням цього міста, то цар, зібравши 100000 війська, прийшов під Полтаву і не тільки звільнив містечко від облоги, але дав шведам битву і виграв її. Він так розбив шведів, що їх з 70 тисяч регулярного війська (крім челяді та торгівців) вийшло живими півтори тисячі. Залишилося там шведів забитих і взятих у полон з жінками та слугами понад 120 тисяч. Почалися бої 21 червня і тривали 6 днів; битва була закінчена 27 числа: залишилося забитих шведів на полі битви (…)*, а московітів (…)*. Москалі зробили укріплення у кількох місцях і тому так довго тяглася ця битва; бо Швед здобували їх у цих укріпленнях, де втратив багато людей, а 6-го дня самого шведського короля було поранено в ногу так, що на другий день він не міг сісти на коня, наказав себе носити на ношах і так командував військом. Справді страшна і така, яких мало, була баталія, бо протягом 6 днів воюючи, суперники не могли здолати один одного, аж на 6-ий день прийшов день скорботний, час єгипетського полону для шведів. Сам король вважай потрапив би до московських рук, якби його не врятував генерал Понятовський з ротмістром легкої польської хоругви Зожевським: коли одного коня, запряженого у ноші, у котрих лежав король, вбило гарматне ядро, вже його московіти брали і тоді він неминуче потрапив би у ворожі руки, але Зожевський, вдаривши зі своїми поляками проти всіх ворогів, рубав з Понятовським московітів доти, доки іншого коня було запряжено в ноші. З цього часу король почав дуже поважати поляків і шкодував, що їх із собою на Задніпрю не мав, як йому радив Мазепа. Цього дня шведи програли: тих, що не вбито, було взято до неволі, а король ледве втік; всі боєприпаси, артилерію, обози, скарби, речі шведського короля і його генералів, переможці взяли як трофеї. Найбільша ж втрата полягала в тому, що московіти захопили всю шведську

[560] *Кордт В.* Матеріали з Стокгольмського державного архіву до історії України другої пол. XVII — поч. XVIII вв. // Український археографічний збірник. — К. : Друкарня Всеукраїнської академії наук, 1930. — Т. III. — С. 53–55.

[561] Листи гетьмана І. Мазепи до державних діячів Речі Посполитої (1703–1708 рр.) (переклад зі старопольської та латини Ю. Мицика та О. Циганок). Додаток // Сіверянський літопис. — 2016. — № 5. — С. 101–102 (АГАД. — АР. — Відділ ІІ. — Кн. 19. — С. 43–55).

канцелярію з канцлером Піпером і найпершим радником, через що цар довідався про різні зрадливі секрети з кореспонденції, які потім відкрив різним монархам, особливо християнському імператору, якому він багато доніс про зраду, що її затіяли лютерани з Шведом.

[…].Шведський король дуже сердився на Піпера, що він цих канцелярських возів не спалив, краще б уся канцелярія згоріла, ніж такі великі секрети й переговори з різними монархами людей різних станів і кондицій потрапили до рук царя. З цього цар виніс велику науку і потім зумів скористатися цим, знаючи, кого стерегтися, а кому довіряти. І справді, король мав слушні претензії до свого Піпера, бо тому було легко спалити канцелярію; але коли козаки обступили ці вози і хотіли їх розшарпати, Піпер, прагнучи їх зберегти в цілості, сказав, що там є щось більше, ніж скарби і що вони вчинять цареві велику послугу, якщо їх (вози) збережуть. На ці слова козаки захопили вози канцелярії і з великою пильністю припровадили до міста Полтави. Цей Піпер не врятувався б від страшної смерті від шведського короля, але він жалюгідно помер у неволі у московській столиці. Втекло з полтавської баталії 16 тисяч вояків зі своїм генералом і кілька тисяч возів. Вони хотіли переправитися через Дніпро у брацлавську Україну; цар послав за ними у погоню генерала Аларта, котрий з кількома тисячами московитів та козаків наздогнав шведів на третій день над Дніпром, де вони вже півтора дня переправлялися на 4-х поромах, що їх сяк-так збудували нашвидкуруч. Ще не переправилося через Дніпро більше двох тисяч шведів, як всіх інших з дружинами та дітьми оточили московити і забрали у неволю, а козаки пограбували всі їхні вози. Там офіцерські дружини й маркітантки кидали у воду клейноди, гроші, срібло, щоб вони не дісталися ворогам, але все це козаки виносили на верх з води, з дивною відвагою пірнаючи у Дніпро […].

Ця програна шведським королем битва під Полтавою відкрила шлях королеві Августу до польського трону, від якого він відрікся згідно з Альтранштадським договором […].

З Полтавської битви шведський король ледве зумів утекти з 600 кіннотниками завдяки приязні Мазепи, задніпрянського гетьмана, який мав при собі кількох татар, що знали місцевість і різні переправи. Вони провели шведського короля дикими полями до Очакова, турецького міста над Дніпром. При боці короля було, крім його шведів, кількасот мазепинських козаків і кількадесят поляків. Як тільки шведський король показався на переправі з людьми, турки швидко прибули через Дніпро, питаючись, що це за люди. А коли король повідав про себе, вони якнайшвидше дали кораблі і перевезли його до Очакова, а потім переправили і його людей, учинивши собі з них добрий пожиток, бо зголоднілим після кількаденного перебування у диких степах воякам привезли на човнах сухарі, їх якомога більше набирали у обидві руки і продавали по червоному золотому, та й за перевіз шведський король мусив відрахувати велику суму золотом. Ледве ці шведи й поляки були перевезені, як прийшла за ними погоня — 6 тисяч московітів. Однак вони застали біля переправи лише кількасот мазепинських козаків, яких не встигли переправити. Козаки кинулися в маленький шанець над Дніпром і кілька годин боронилися у ньому від московітів, турки ж не могли дати їм переправи. Коли московіти зсіли з коней і всі пішли на штурм, тоді козаки відступили у Дніпро, задкуючи до води і при цьому відстрілювалися; відступаючи все глибше у воду, вони воліли потонути, аніж дістатися в руки московітам. А ті шведи, що їх після баталії переправилося до двох тисяч через Дніпро в Україні, прийшли одні до Очакова, а інші пішли до Львова […].

Цар після виграної баталії і нищівного розгрому свого ворога — Шведа, пішов зразу ж, протягом кількох днів, з військами добувати міста у Козачизні, де стояли мазепинські гарнізони. Вони всі піддавалися, твердо стояли тільки Батурин і Ніжин. Коли цар їх здобув, то страшній смерті піддав людей, про що тяжко писати, не помилував навіть малих дітей. Він у Батурині наказав козацькими дітьми обкладати довкола стіни ратуші, почавши від перших і закінчуючи найвищими рядами дерева, цей тягар давив їхні голівки і вбивав (дітей); так обклали всю ратушу довкола з чотирьох боків від низу аж до верху жахливою прибудовою.

[…] Приборкавши козаків, цар виступив з усією своєю потугою до Польщі, він привів із собою різні війська з московітів, козаків, оскільки боявся, що Швед у Польщі не зміцнився зі своїми прихильниками, діставши нові підкріплення з Померанії або з Туреччини […].

[…] А Мазепа, цей великий задніпрянський гетьман, також (як і Карл XII) жив після полтавської баталії у Яссах і невдовзі помер. Коли він до Шведа пішов, то вчинив це як давній польський шляхтич, не з яких інших намірів (non alio intuitu), тільки з полум’яної любові до вітчизни, розуміючи, що цим способом він з цілим Задніпрям може повернутися до Польщі, бо в цій війні підтримував (?) справу польського короля Станіслава, посадженого на трон у будь-який спосіб. Цей Мазепа був чоловік великих гідності й ознак, жив у великому щасті, будучи у всього народу у любові, пошані та шанобливій повазі (in amore veneratio et adoratio timore); він міг сміливо говорити про своє щастя: моєму щастю нічого не вистачає, крім поміркованості (nil felicitati meae deest nisi moderatio ejus). Це був родовитий шляхтич руських країв: у молодих літах його послав король Ян Казимир до іноземних країн (бо цей король мав то благочестивий звичай щорічно висилати своїм королівським коштом по три особи з польської шляхти на трирічне навчання до іноземних країн). Мазепа, повернувшись із чужих країв назад до Польщі, почав служити як військовий, чекаючи дальшого підвищення, але сваволя перешкодила йому досягти почестей у Польщі (далі переповідається вищезгадана історія про пригоду молодого Івана Мазепи. — *Ю. М.*). З часом він став гетьманом всього Задніпря. Він мав порядного війська реєстрових кінних і піших городових 80 тисяч. По смерті Мазепи московський цар Петро

Олексійович, уже більше нікому не давав генеральної задніпрянської булави, але осадив московітами всі українські фортеці і дніпровські береги і тільки наказним гетьманам давав командувати козаками, ставлячи їх як реґіментарів; всі прибутки із Задніпря, які раніше брав великий задніпрянський гетьман і з цього платив військам, скерував до царської казни; з цього тепер сам цар дає платню козакам, але тримає їх (козаків) дуже мало. Цар хотів козацьке військо вдягти по-німецьки, як і своїх московітів. Але коли він прислав їм кількасот возів сповнених німецькими мундирами, то вони позносили це на могили й запалили, лишившись при своєму давньому одязі[562].

№ 617

1727, березня 20.

«Сказка» капітана Пензенського піхотного полку Ларіона Федоровича Кровкова

В службу взят из шляхетства из недорослей в 702-м году в Северской розрят боярину князь Михайлу Григорьевичу Рамодановскому и в 703-м году написан в сержанты в полк господина полковника Михайла Яковлевича Кобелева, а в 705-м году к тем же Северским полкам от боярина Тихона Никитича Стрешнева пожалован в прапорщики в команду думному дворянину Семену Протасьевичу Неплюеву и написан в полк полковника господина Сакса. И был во оном полку на службе в полских городех и во многих походех, на штюрме под Быховым, и в приход швецкого короля в 709-м году сидели в осаде в Новегородке Северском. В команде был оной полк у генерала маэора Григорья Петровича Чернышева, и от него, господина Чернышева, посланы с полком в команду брегадиру Алексею Степановичу Келину. И были в Полтаве в осаде в приход армии швецкого короля. И ранен я в то время в осадном сидении на стене, обе ноги против пояса пробиты навылет, також и правая нога пониже колена пробита ж навылет. И по полтавском осадном сидении пожалован я от фелтмаршала Бориса Петровича Шереметева в порутчики в том же году. И были в Полтаве до 712-го году с полком, а в 712-м году посланы ис Полтавы в Санкт-Питербурх[563].

№ 618

1728, березня 20.

«Сказка» майора Івана Яковича Байтерекова

1728-го марта 20 дня по указу Его Императорского Величества в Москве в Геролдмейстерской канторе маэор князь Иван княж Яковлев сын Байтереков по должности верной своей присяги без всякого закрытия и фалши сказал. От роду ему сорок деветь лет, взят в службу 707-го году по имянному указу блаженныя памяти государя царевича Алексея Петровича в Москве, в Преображенском из шляхетства из недорослей и написан в полк господина маэора Ергалского в салдаты. А в 708-м году по указу ж государя царевича определен в полк господина маэора Жедринского, в 709-м году велено быть оному полку в армею в Малороссию, в местечко Сумы, и по прибытии оной полк раскосован. И по роскосовании того полку написан он в Шлютенбурской пехотной полк в салдаты ж, и в том же году написан в капралы, а ис капралов в подпрапорщики, а из подпрапорщиков в каптенармусы. И был на генералной баталеи под Полтавою, а ис-под Полтавы шед под Ригу, пожалован по ордиру господина генерала и ковалера фелтмаршала князь Никиты Ивановича Репнина в прапорщики. И был при отаке и взятье Риги, в 711-м году в подпорутчики, в 713-м году в порутчики. В 714-м году был на баталии при взятье швецкаго фрегата и галер у Ангута на галерах в дивизии господина генерала и ковалера Адама Адамовича Вейде, и с 714-го году до 720-го году был в Финляндии в корпусе господина генерала фелтмаршала и ковалера князь Михайла Михайловича Голицына. И был вышепомянутые годы на море на галерах во многих партиях и в командах, а в 720-м году был на баталии при взятье швецких фрегатов при Оланте. И во всю свою службу от оного полку был безотлучно, а в 725-м году пожалован по старшинству в капитаны во оной же Шлютенбурской полк, а в нынешнем 728-м году по отестату господина генерала и ковалера Лесии и по рассмотрению в Военной колегии чрез дохтурское свидетельство от воинской службы я отставлен, и дан мне ранг маэорской, и прислан в Геролдмейстерскую кантору для определения к делам при промемории. А жительство имею в Кашинском уезде в селце Радованье, а мужеска полу за мною пятнатцать душ. Детей нет, в винах и публичных наказаниях не бывал и крыющихся от службы никого не знает, а буде сказал ложно, и за ту ложную скаску учинить ему указ по Военному артикулу.

К сей скаске маэор князь Иван Байтереков руку приложи[564].

№ 619

1731, березень.

«Сказка» відставного майора Федора Петровича Кушникова

1731-го марта дня по указу Ея Императорского Величества в Москве в Геролдмейстерской канторе отставной от службы маэор Федор Петров сын Кушников сказал сущую правду по присяжной должности. От роду ему пятьдесят третей год, отец его Петр Степанов сын Кушников служил в городовых дворянех и умре в давных годех. А он, Федор, с 701-го по 702-й год служил в городовых же

[562] *Мицик Ю.* Малознане джерело мазепинської доби // Воєнна історія. — 2009. — № 4. — С. 93–97 (Erazm Otwinowski. Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II (Krakyw, 1849. — S. 138, 144–145, 147, 149, 151, 168).

[563] *Иванюк С. А.* Забытый 5-й батальон. К вопросу о гарнизоне Полтавской крепости в 1709 г. Приложения // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4. История. — 2014. — № 1. — С. 18.

[564] *Бабич М. В.* «Сказки» полтавских ветеранов // Меншиковские чтения — 2010: научный альманах / отв. ред. П. А. Кротов. — СПб. : XVIII век, 2010. — Вып. 1 (8). — С. 89–90 (РГАДА. — Ф. 286. — Оп. 1. — Кн. 84. — Л. 57 об.).

дворянех, а в 702-м году по грамоте из Военного приказу написан в прапорщики и определен в команду генерала-маэора Ригимона. Потом произведен в 703-м году от генерала адмирала и ковалера графа Апраксина в порутчики в пож пожовника Рыкмона, в 707-м году от Меншикова в пехотной пож генерала маэора фон Вердена в капитаны. В 709-м году, с подполковником Юрловым на Украине будучи, взят от шведского войска в полон, и по окончании Полтавской баталии ис того полону чрез трудное домогателство с протчими российскими пленники, швецкой караул побив, свободу получили. И в 714-м году за вышеписанное полонное терпение от рижского губернатора князя Петра Алексеевича Голицына написан в рижский гарнизон в секунд-маэоры, в 719-м году в Санкт-Петербурхе з генералного смотру того ранга лишен и написан по-прежнему в капитаны, а в том же 719-м году сентября 25-го дня от Военной колегии произведен в маэоры и определен в Астраханской губернии в город Дмитриевской в салдацкой баталион. И был в том баталионе, а по роскосовании того баталиона в 725-м году написан в астраханские гарнизонные полки, и был на ваканции по нынешний 731 год без жалованья. А в нынешнем 731-м году по смотру Военной колегии по доношению от каманды и по свидетелству докторов за старостию, дряхлостию, и что у него черева выходят, и глазами худо видит, от воинской службы отставлен и для определения к статским делам прислан в Геролдмейстерскую кантору. Детей у него нет, крестьян в Синбирском уезде мужеска полу тридцетъ семь душ, жителство иметь будет в том же уезде в селе Протопопове. В Москве двора своего не имеет, а стоит в Китае-городе близ Гостина двора на дворе капитана Ивана Алмазова; в публичных винах и наказаниях не бывал, кроющихся от службы никого не знает, и ежели что сказал ложно, и за то учинить ему указ по Военному артикулу.

К сей скаске маэор Федор Кушников руку приложил[565].

№ 620
1740
Із записки про службу
Григорія Дем'яновича Скорупи

1708 году, по избраніи гетмана Скоропадского начал я службу мою в войсковой енералной канцеляріи. — 1709 г., бил я з ним, гетманом Скоропадским, на полтавской баталіи. Того ж году по баталіи, посилан я бил з покойним писарем енералним Савичем ко двору его императорского величества, в Кіев.

1710 г., з гетманомъ Скоропадскимъ внутрь Малороссіи чрезъ цѣлое лѣто имѣл поход. (…)[566]

№ 621
Перекази про Івана Мазепу
та Семена Палія

«О Мазепе.

Между простонародием чув я, что два солдата из плену утекли и шли пущею и напали (в сенсі — „натрапили на". — *Ю. М.*) дом неизвестный и в том доме німа никого. Тільки примостка одна и на тім примостку лежить чоловік у панськім одязі і каже: «Зайшли вы сюди ночувати да неспокійно вам буде». Ті нічого не отвічали, да самі собі і думають: «Яке тут безпокойство. Нема нікого. Переночуємо». Як настала ночь, так і ідуть удвох, неизвестно хто, молотили (?) наче воины и начали бить лежачого пана. Молотили мовчки. А той пан тільки стогне. Цілу ніч не спали. Тільки видно (?) сіріти, як же настав день, так і нема того нічого. Збираються іти собі, так пан і говорить: «Бачили ви, що мені було?». «— Оте ж виділи». «Отак мені усегда». «— Хто ты есть таки?» «— Слыхали вы Мазепу?» «— Слыхали». «— Ото ж я той самы. Хотя б мене ваш цар тепер не заклинав, щоб мені так не було б». З цим вони і пішли.»

«Старожилы чернигов[ские] говорят, что по преданию, известно будто здание «архива», кот[орое] под валом над (□)*, служило Мазепе «скарбницею». Когда он затеял измену, то в него скидывал свои богатства. И теперь еще существуют «ліохи» (подвалы полузавалившиеся впрах (?), в которых хранят скарби. Другие говорят, что это дом Еньки, богатого купца.(см. особо) (Чернигов. 1852–4 гг.)

«О Паліе.

Я слышал предание о Паліі (от А. В. Маркевича из Пирятин[ского] у[езда] Полтавской губ[ернии]), что он сідел в такой темнице по милости Мазепы, что и світу не было видно и оброс «мохом»(?). Когда в него стреляли шведы, он только подставлял ладонь и пули возвращались назад и убивали шведов. О шведской (□)* в их войска. О Петре. О превращении Палія в соболя. (1850-г) Тоже шведы после шестидневного пути переправились под Переволочною через Днепр, достигли. этого берега. На восточном берегу Буга близ села Свято-Троицкого был лагерь Карла XII, полверсты ниже по течению реки, стоял лагерем Мазепа с запорожцами □ здесь долина «Гетманова Балка» и огромный курган в ея углублении. Народ рассказывает, что под этим холмом могила Мазепы; но это несправедливо, он умер и похоронен в Бендерах.

По другому известию Мазепа умер в Очакове и погребен в Яссах. (из С. Петерб [ургских] ведом[остей] 1851 г. № 283 18 декабря. Статья «Письма с берегов Черного моря». Об этом [начало] см. № № 270, 273, 274 1852 генваря 19. Чернигов)».

[565] *Бабич М. В.* «Сказки» полтавских ветеранов // Меншиковские чтения — 2010: научный альманах / отв. ред. П. А. Кротов. — СПб. : XVIII век, 2010. — Вып. 1 (8). — С. 93 (РГАДА. — Ф. 286. — Оп. 1. — Кн. 84. — Л. 312–313 [Список]).

[566] Сулимовский архив. Фамильные бумаги Сулим, Скоруп и Войцеховичей. XVII –XVIII в. — К. : Типография К. Н. Милевского, 1884. — С.170.

«Предания о Салтыковой Девицы Нежинского уезда.

В части села, назыв[аемой] Оболонь, 10 лет жил Мазепа. Там до нашого времени стоит кирпичная капличка, под. которою зарыты в землю две пушки, заколдованные Мазепою, потому что 60 волов не могли вытащить их. (Рассказ стариков С[алтыковой] Дев[ицы] 1851, декабря 24.»

«По одному (борісп[ільському](?) преданию Семен Палий жив в Борзне в предместье «Кут», за Рындовским, а по другому преданию □ на Велико-Загоровской дороге за мостом.(Сообщ[ил] Я. К. Бабенко в 1866 г.) (первое верно, второе смешивает место казни Сомка с местом родины Палія».

«Палій похоронен в Борзне (Я. К. Бабенко 1866). Иные говорять, что он жил в предместье «Кут», за Рындовским, а другие □ что по Велико-Загор[овской] дороге за мостом (от Я. К. Бабенко в 1866 г.) «На Новом месте. В Борзне около (□)* в одной хате старой живет семейство Паліїв. Есть еще старый Палій в Борзне».

«О Палие.

Род Паліїв жив в Борзне на Новом месте. Они мещане (?). Два(помилка, треба: «Один») из них за разбой в Борзне[выгнан], а другой сослан в Сибирь. Один из них глубокий старик, второй был в Борзне и опять сослан. Теперь остались только две женщины из роду Паліїв»[567].

[567] *Мицик Ю., Тарасенко І.* З переказів про Івана Мазепу та Семена Палія // Сіверянський літопис. — 2012. — № 5–6. — С. 57 (Інституту мистецтвознавства, фольклору та етнографії ім. М. Рильського НАН України. — Відділ рукописів. — Ф. 3–7/485. — Арк. 1, 7, 8, 11, 18, 19, 21).

Іменний покажчик*

* За номерами документів

Географічний покажчик*

* За номерами документів

Перелік документів

Частина I
НАПРУГА ЗАГРОЗ

Актуальна кореспонденція
1–25. Листи гетьмана І. С. Мазепи, написані у 1708 р. до великого коронного гетьмана Речі Посполитої Адама Сенявського.
26–33. Донесення Францишка Грабі, резидента-представника великого коронного гетьмана Речі Посполитої Адама Сенявського при дворі гетьмана І. С. Мазепи, до свого патрона.

Реакція на донос В. Кочубея та І. Іскри
34. 1708, лютого 24. Лист гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову з проханням захистити від оббріхувачів
35. 1708, лютого 28. — Москва. Лист князя М. П. Гагаріна до О. Д. Меншикова
36. 1708, березня 9. Лист графа Г. І. Головкіна до охтирського полковника Федора Осипова
37. 1708, березня 11. Лист графа Г. І. Головкіна гетьману І. С. Мазепі
38. 1708, квітня 6. З донесення Г. І. Головкіна, Г. Я. Долгорукова і П. П. Шафірова царю Петру І про стан справ в Україні та про В. Л. Кочубея та І. І. Іскру
39. 1708, квітня 11. — Вітебськ. З листа графа Г. І. Головкіна до царя Петра І
40. 1708, квітня 25. Лист гетьмана І. С. Мазепи графу Г. І. Головкіну про підробні листи, які міг скомпонувати В. Л. Кочубей, та опозиціонерів-змовників І. І. Іскру та І. Черниша
41. 1708, квітня 30. — Білоцерківська фортеця. З листа гетьмана І. С. Мазепи графу Г. І. Головкіну про намір змовників усунути його з гетьманства та обрати нового гетьмана
42. 1708, квітень (?) Лист гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову про спробу спіймати В. Л. Кочубея та І. І. Іскру.
43. 1708, не пізніше квітня-травня. Пункти скарг від полкової старшини, міщан та всіх посполитих Полтавського полку на пана І. І. Іскру, колишнього полтавського полковника, подані гетьману І. С.Мазепі
44. 1708, травня 9. — Вітебськ. З листа Г. І. Головкіна до царя Петра І
45. 1708, початок травня. Лист І. С. Мазепи до Г. І. Головкіна
46. 1708, травня 16. — Вітебськ. З листа Г. І. Головкіна до царя Петра І
47. 1708, травня 23. Лист Г. І. Головкіна до Петра І
48. 1708, травень (після 23). З листа Г. І. Головкіна до Петра І
49. 1708, після травня 23. З листа І. С. Мазепи Г. І. Головкіну про миргородського полковника Д. П. Апостола
50. 1708, травня 30. — Вітебськ. Лист Г. І. Головкіна царю Петру І
51. 1708, червень 17. — Смоленськ. З листа смоленського воєводи П. С. Салтикова до О. Д. Меншикова
52. 1708, червня 17. — Вітебськ. Наказ стольнику І. І. Вельямінову-Зернову про виконання указу Петра І щодо страти В. Кочубея та І. Іскри
53. 1708, липня 16. Лист гетьмана І. С. Мазепи царю Петру І про страту В. Л. Кочубея та І. І. Іскри
54. 1708, вересня 27. Універсал гетьмана І. С. Мазепи Густинському монастирю на двір В. Л. Кочубея у Києві

Наболілі козацькі справи
55. 1708, січня 10. Лист гетьмана І. С. Мазепи царю Петру І про втечу зі служби лубенських козаків та їхні поневіряння під час походу
56. 1708, березень. Чолобитна козаків Стародубського полку з протестом проти призначення полковником Івана Черниша
57. 1708, квітня 21. Справа про надання старшині та козакам, які перебували у Швеції у полоні, матеріальної допомоги
58. 1708, квітня 28. Скарга гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову про розорення калмиків у Чернігівському полку
59. 1708, травня 27. — Біла Церква. Відповідь гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову на скаргу про те, що сердюки не отримали жодної копійки із зібраних у людей податків
60. 1708, липня 4. Донесення коменданта Бихова Д. Воронцова О. Д. Меншикову про склад гарнізону та хворих стародубських козаків
61. 1708, липня 8. З донесення коменданта Бихова Д. Воронцова О. Д. Меншикову про втечу 200 стародубських козаків
62. 1708, липня 17. З донесення коменданта Бихова Д. Воронцова О. Д. Меншикову про нову втечу 31 стародубських козаків
63. 1708, серпня 24. З донесення коменданта Бихова Д. Воронцова О. Д. Меншикову про прибуття 1000 українських козаків.
64. 1708, серпня 28. — Чериков. Лист стародубського полковника І. І. Скоропадського О. Д. Меншикову
65. 1708, вересня 7. Лист Петра І князю В. В. Долгорукову про необхідність повернення українських козаків з Дону
66. 1708, вересня 23. Лист наказного переяславського полковника Стефана Томари графу Г. І. Головкіну про необхідність повернення його полку додому для захисту рідного краю
67. 1708, жовтня 10. Звернення ротмістра охотницького полку Танського Василя Адамовича та козаків Івана Івановського, Степана Стефановича до Петра І

Антицарське повстання на півдні України
68. 1708, січня 20. Грамота із Малоросійського приказу гетьману І. С. Мазепі про вжиття заходів щодо спіймання та доставлення у Москву з Кодака Кіндрата Булавіна

Накази керівництву України

Заходи з оборони

115. 1708, не пізніше серпня 13. Опис дворів чернігівських жителів, намічених для знесення у зв'язку з організацією у місті провіантного магазину

116. 1708, не пізніше серпня 13. Опис подвір'я чернігівського архієпископа і Чернігівського колегіуму (для потреб оборони)

Універсали, листи гетьмана І. С. Мазепи та до нього різних осіб

117. 1708, січня 25. — Батурин. Універсал гетьмана І. С. Мазепи хорунжому полкової сотні Стародубського полку Пилипу Неумеровичу

118. 1708, березня 13. — Фастів. Лист гетьмана І. С. Мазепи до брацлавського воєводи

119. 1708, квітня 22. — Біла Церква. Універсал гетьмана І. С. Мазепи про взяття під протекцію переселенця в Стародуб Леона Пилатовича

120. 1708, травня 23. З листа гетьмана І. С. Мазепи графу Г. Головкіну

121. 1708, травня 25. — Біла Церква. Універсал гетьмана І. С. Мазепи генеральному осавулу М. А. Гамалії на володіння селом Пузники

122. 1708, червня 30. — З обозу біля річки Роски. Лист І. С. Мазепи Петру І про дії Полтавського та компанійського полків, настрої запорожців

123. 1708, серпня 28. — Фастів. Лист гетьмана Івана Мазепи до князя Замойського(?).

124. 1708, жовтня 4. Проїжджий лист від гетьмана І. С. Мазепи князю Б. І. Куракіну

125. 1708, жовтня 8. — Батурин. Універсал гетьмана І. С. Мазепи значному військовому товаришу Василю Свічці

126. 1708, жовтня 8. Табір українських військ під Салтиковою Дівицею. — Лист гетьмана І. С. Мазепи до коронного мечника Станіслава Денгофа

Кореспонденція про передачу Правобережної України Польщі

127. 1708, перша половина. З листа гетьмана І. С. Мазепи графу Г. І. Головкіну

128. 1708, березня 9. — Фастів. Лист гетьмана І. С. Мазепи до О. Д. Меншикова з компрометацією великого коронного гетьмана А. Сенявського

129. 1708, квітня 6. — Оломонц. Лист архієпископа гнєзненського Станіслава Шембека та польського коронного мечника Станіслава Денгофа до Петра

130. 1708, квітня 11. — Вітебськ. З листа графа Г. І. Головкіна до царя Петра І

131. 1708, травня 9. — Вітебськ. З листа графа Г. І. Головкіна Петру І

132. 1708, липня 26. — Горки. З грамоти Петра І А. Сенявському про причини зволікання із віддачею Правобережної України

133. 1708, серпня 20. З листа російського резидента в Польщі О. І. Дашкова графу Г. І. Головкіну про те, що він запевнив польську верхівку в поверненні під їхню владу Правобережної України

Церковне життя

134. 1708, січня 13. Дарча миргородського судді Григорія Зарудного Сорочинському монастирю

135. 1708, березня 19. — Вітебськ. Лист Г. І. Головкіна до М. П. Гагаріна про винагородження архімандрита Йоасафа Кроковського

136. 1708, квітня 10. — Біла Церква. Універсал гетьмана І. С. Мазепи

137. 1708, квітня 15. — Москва. Лист начальника Монастирського приказу І. О. Мусіна-Пушкіна Петру І з проханням дати указ, хто буде висвячувати архімандрита Йоасафа Кроковського на Київську митрополію

138. 1708, червня 1. — Берестовець. Купча на продаж монастирю землі

139. 1708, не раніше серпня 15. Опис посвячення в сан київського митрополита Йоасафа Кроковського (чорновик)

140. 1708, серпня 31. — Табір під Биковим. Лист гетьмана І. С. Мазепи до Варлаама Страховського, ігумена Свято-Михайлівського Видубицького монастиря, щодо конфлікту через млини на р. Рось.

141. 1708, жовтня 20. Лист київського митрополита Йоасафа Кроковського гетьману І. С. Мазепі

142. 1708, жовтня 26. Лист митрополита Стефана Яворського гетьманові І. С. Мазепі

143. 1708, листопада 20. Лист вдів генерального судді В. Л. Кочубея і полтавського полковника І. І. Іскри київському митрополиту Йоасафу Кроковському з проханням про заступництво та покровительство

Клятва мазепинців у Білій Церкві

144. 1708, травень. — Біла Церква. З листа 1721 р. Пилипа Орлика до Стефана Яворського про клятву старшин боротися спільно проти царя

145. 1708, травень. З листа 1710 р. київського воєводи Д. М. Голіцина гетьману І. І. Скоропадському про арешт кількох мазепинців та приймання ними присяги боротися проти царя

Хитрування І. С. Мазепи, старшини, аби втримати військо в Україні

146. 1708, після липня 14. — Фастів. Лист гетьмана І. С. Мазепи О. Д. Меншикову з аргументацією причин, чому не можна виводити залишок козацького війська з України

147. 1708, жовтня 6. Лист гетьмана І. С. Мазепи графу Г. І. Головкіну про неможливість його походу до Стародубу через бунти в Україні

148. 1708, не пізніше жовтня 16. Чолобитна козаків Лубенського полку гетьману І. Мазепі

149. 1708, жовтня 19. — Борзна. Лист гетьмана І. С. Мазепи графу Г. І. Головкіну про небажання старшини йти до Новгород-Сіверська та бунтування козаків

150. 1709, липня 26. Зі свідчення лубенського полковника Дмитра Зеленського про те, як він підписував чолобитну до російського командування за наказом гетьмана І. С. Мазепи про «бунтування» війська

Повсякденне життя старшини

151. 1708, січня 28. — Прилуки. Універсал прилуцького полковника Дмитра Горленка про підтвердження та розширення прав прилуцького кравецького цеху

283. Шенстрем П. Реляція про бій під Полтавою з деякими роздумами щодо двох попередніх кампаній
284. Щоденник відступу шведського короля до Бендер після Полтавського бою

Дипломатична кореспонденція
285–300. Донесення Георга Кайзерлінга (1708–1709 рр.)
301–303. Із послань австрійського посла Отто фон Плейєра до Віденського двору
304. 1708, березня 1. З листа французького посла у Варшаві Бонака до міністра закордонних справ Жана-Бати́ста Кольбе́ра маркіза де Торсі
305. 1708, серпня 19. — Варшава. Лист французького дипломата Балюза до уряду
306. 1708, вересня 18. З донесення дипломата Жана Віктора барона де Безенваля з головної шведської квартири міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі
307. 1708, вересня 25 (?). — З Польщі. З донесення дипломата Жана Віктора барона де Безенваля міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі
308. 1708, листопада 22. З листа польського короля Станіслава Лещинського Людовику XIV
309. 1708, листопада 26. — Поділля. Донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги
310. 1708, листопада 28. — З Польщі. З донесення дипломата Жана Віктора барона де Безенваля міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі
311. 1708, грудня 10. З донесення дипломата Жана Віктора барона де Безенваля уряду
312. 1708, грудня 15. Донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги
313. 1709, січня 11. — Стокгольм. Донесення французького посла Кампредона
314. 1709, січня 18 (?). — Поділля. Донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги про прибуття до нього його посланця, уродженця Батурина, з новинами
315. 1709, лютого 26. З донесення дипломата Жана Віктора барона де Безенваля міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі
316. 1709, березня 30. — Будище. Проїжджий лист гетьмана І. С. Мазепи посланцям семигородського князя до шведського короля Даніелю Крману та Самуїлу Погорському на зворотний проїзд через козацькі та підвладні Туреччині землі
317. 1709, травня 9. Донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі
318. 1709, серпень (?) З повідомлення французького посла Феріоля із Стамбула
319. 1709, після 14 серпня. Поділля. З донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі про розмову з російським офіцером
320. 1709, серпня 22. Поділля.З донесення французького агента Марона, секретаря литовського гетьмана Сапєги міністру закордонних справ Жану-Бати́сту Кольбе́ру маркізу де Торсі
321. 1709, вересня 2. — Стокгольм. Коротка реляція про нещасливу битву з 322. 1709, вересня 24. — Стамбул. З донесення французького посла Феріоля у Версаль
323. 1709, жовтня 2. З листа міністра закордонних справ Франції Жана-Бати́ста Кольбе́ра маркіза де Торсі французькому послу в Стамбулі Феріолю з проханням передати його слова візиру
324. 1709, листопада 12. — Стамбул. З донесення французького посла Феріоля у Версаль (копія другого царського листа про видачу мазепинців армією Московітів біля міста Полтава в Україні 28 червня 1709 [року].

Австрійська преса про Гетьманщину
325–326. Новини з «Віденнського щоденника»
327–336. Похід каролінців у висвітленні віденської газети «Меркурій»
337. 1709, січень.Історичний і політичний Меркурій. (Копія листа із головної штаб-квартири. Глухів, 12 листопада) [1708 р.].

Допити полонених
338. 1708, грудня 18. Свідчення на допиті в Посольській похідній канцелярії підлеглих генерального обозного І. В. Ломиковського
339. 1709, червня 14. Свідчення на допиті спійманих мазепинських наближених — дворового слуги Супруна, покоєвих Григорія Новгородця, Якова Поручки

Військо мазепинців
340. 1709, травня 4. З донесення англійського посла в Москві Чарльза Вітворта в Лондон про 15 тисяч мазепинців
341. 1709, червня 4. Свідчення козака Гадяцького полку Гната Коданченка на допиті про наявність у квітні 3000 вояк при гетьмані І. С. Мазепі
342. 1709, червня 17 (16?). Свідчення під час допиту дезертира Леона Івашкевича про військо гетьмана І. С. Мазепи

Частина IV
ЦАРСЬКИЙ ФРОНТ

Звернення царя і чолобитні реакції на нього, зібрані похідними групами російських військ
343. 1708, жовтня 31. Звернення Петра І, надіслане як старшині, козакам та посполитству міста Почепа, так і мешканцям інших міст Гетьманщини
344. 1708, листопада 5. — Прилуки. Чолобитна прилучан у відповідь на царське звернення бути вірними православному царю, привезене похідним підрозділом російської армії
345. 1708, листопада 5. Чолобитна новгородсіверців царю
346. 1708, листопада 5–6(?). — Лубни. Чолобитна лубенчан у відповідь на царську грамоту бути вірними
347. 1708, листопада 5–6 (?). — Лохвиця. Чолобитна лохвицьких мешканців царю у відповідь на його грамоту

Переорієнтація київської друкарні для агітаційних справ
348. 1708, листопада 11. — Київ. З листа київського воєводи Д. М. Голіцина начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну про друкування у друкарні Києво-Печерської лаври 634 царських грамот
349. 1708, листопада 18. — Київ. З листа київського воєводи Д. М. Голіцина начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну про виготовлення масового тиражу агітаційних грамот

Фальсифікати та інші матеріали, використовувані для компрометації мазепинців

350. 1708, жовтня 28. З указу Петра І до всіх жителів України [про те, що гетьман І. С. Мазепа вирішив церкви та монастирі віддати в унію]
351. 1708, листопада 1. З указу Петра І військовій старшині, яка пішла з І. С. Мазепою до шведів
352. 1708, листопада 6. З указу Петра І всьому українському народу [про те, що Карл XII пообіцяв Україну польському королю С. Лещинському]
353. 1708, листопад (прийнято грудня 11 в Лебедині). З листа резидента у Польщі О. І. Дашкова графу Г. І. Головкіну про те, що поширив чутки, ніби гетьман І. С. Мазепа зрадив православній вірі
354. 1708, листопада 21. — Сорочинці. Лист миргородського полковника Д. П. Апостола до гетьмана І. І. Скоропадського з проханням клопотатися перед государем про вибачення його за те, що він був при Мазепі
355. 1708, грудень. «Лист» миргородського полковника Д. П. Апостола до гетьмана І. С. Мазепи з припискою про фальшивість написаного.
356. 1708, грудня 22. Фальшивий лист канцлера Г. І. Головкіна гетьману І. С. Мазепі з метою його компрометації перед шведським королем
357. 1709, січня 21. З грамоти Петра І українському народу [про те, що І. С. Мазепа за Україну отримав воєводство у Польщі]

Союзники Москви

358. 1708, березня 25. Лист Г. І. Головкіна молдавському господарю Михайлу Раковиці з поздоровленнями та про обмін шифрувальними цифрами
359. Лист О. Д. Меншикова стародубському полковнику І. І. Скоропадському про дії волохів у складі російських військ
360. 1708, червня 30. Лист Г. І. Головкіна волоському господарю Костянтину Бринковяну з подякою за отримані відомості про турок.
361. 1708, листопада (?) З постскриптуму листа російського резидента у Польщі О. І. Дашкова начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну (отримано в Лебедині 11 грудня)
362. 1708, листопада 27. — Любеч. Лист троцького воєводи М. К. Коцела царю Петру І
363. 1708, грудня 4. Лист молдавського господаря Михайлу Раковиці Г. І. Головкіну з відомостями про кримсько-турецькі справи
364. 1709, січня 12. Лист Г. І. Головкіна волоському господарю Костянтину Бринковяну про І. С. Мазепу та інше
365. 1709, квітня 4. — Харків. Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про необхідність видачі литовському підскарбію Поцію 5000 єфимків
366. 1709, травня 10. Лист Г. І. Головкіна молдавському господарю Михайлу Раковиці з проханням повідомити про справжність чуток надіслання шведського полковника в Молдавію для набору волохів на службу в армію Карла XII
367. 1709, липня 28. Лист волоського господаря Костянтина Бринковяну Г. І. Головкіну із міркуваннями про Полтавську битву, про шведів та І. С. Мазепу

Донесення та розпорядження російського командування

368. 1708, вересня 29. Реляція про бій під Лісною, направлена смоленському воєводі
369. 1708, вересня 29. Лист Петра І князю В. В. Долгорукову про перемогу над шведами у битві під Лісною
370. 1708, початок жовтня. — Смоленськ. Лист Я. В. Брюса К. А. Наришкіну
371. 1708, жовтня 19. — Гремяч. З донесення Б. П. Шереметєва, Г. І. Головкіна Петру І. про уведення в Новгород-Сіверський російського полку
372. 1708, жовтня 31. — Погребки. Наказ начальника Посольського приказу Г. І. Головкіна смоленському воєводі П. С. Салтикову про термінове привезення булави до царя
373. 1708, листопада 1. — З обозу на Десні. Залякування Петром І старшини, яка пішла з І. С. Мазепою (з указу)
374. 1708, листопада 3. — Вороніж. Лист царя Петра І до О. Д. Меншикова про необхідність арешту дружин мазепинців
375. 1708, листопада 3. Лист секретаря Посольського приказу П. В. Курбатова графу, начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну про надіслання поштою договірних статей попередніх гетьманів
376. 1708, листопада 5. — Москва. Лист секретаря Посольського приказу П. В. Курбатова графу, начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну про надіслання
377. 1708, листопада 6. — Глухів. Лист графа Г. І. Головкіна полтавському полковнику І. П. Левенцю з наказом про негайне прибуття в Глухів на обрання нового гетьмана
378. 1708, листопада 6. — Глухів. З указу Петра І українському народу (про розцінки за вбитих і полонених шведів)
379. 1708, листопада 8. Лист Я. В. Брюса І. П. Козлову та М. П. Павлову
380. 1708, листопада 9. Лист графа Г. І. Головкіна київському воєводі Д. М. Голіцину про необхідність спіймати ректора єзуїтської колегії як таємного агента І. С. Мазепи
381. 1708, листопада 9. — Глухів. Постскриптум до листа графа Г. І. Головкіна київському воєводі Д. М. Голіцину (про направлення до нього межигірського ігумена
382. 1708, листопада 11 (?). — Київ. З листа київського воєводи Д. М. Голіцина начальнику Посольського приказу Г. І. Головкіну про необхідність проведення обряду прокляття І. Мазепи та його старшини українськими архієреями
383. 1708, листопада 13. — Мутін. Донесення командира російського диверсійного підрозділу-команди князя Г. С. Волконського О. Д. Меншикову
384. 1708, листопада 17. З розрядної пам'яті про поїздку дворянина Федосія Дурова у Запорізьку Січ із платнею запорожцям за 1707 рік та про зустріч із гетьманом І. С. Мазепою
385. 1708, листопада 19. Лист стольника і ахтирського полковника Ф. О. Осипова старшині Котельви з проханням не вірити «прелестям» гетьмана І. С. Мазепи та його прибічників
386. 1708, листопада 20. Донесення стольника та охтирського полковника Ф. О. Осипова Петру І про поширення у Полтавському полку закличних універсалів-звернень гетьмана І. С. Мазепи та підртимку їх полчанами
387. 1708, листопада 21. — Київ. Лист київського воєводи Д. М. Голіцина графу Г. І. Головкіну про здачу Білоцерківської фортеці та ситуацію з прихильниками І. С. Мазепи в окрузі

388. 1708, листопада 21. — Сорочинці. Лист Г. С. Волконського Петру I про миргородського полковника Д. П. Апостола
389. 1708, листопада 23. Розпорядження про відправлення запорожцям річної платні
390. 1708, листопада 25. — Сорочинці. Лист Г. С. Волконського Петру I про українську старшину
391. 1708, листопада 25.Донесення бригадира Ф. В. Шидловського графу Г. І. Головкіну про перехід полтавської старшини на бік гетьмана І. С. Мазепи
392. 1708, листопада 27. — Сорочинці. Лист Г. С. Волконського до О. Д. Меншикова
393. 1708, грудня 4. Лист К. Е. Ренне із Веприка в Лебедин до О. Д. Меншикова
394. 1708, грудня 5. Лист київського воєводи Д. М. Голіцина графу Г. І. Головкіну про прибуття трьох козацьких полків під Київ
395. 1708, грудня 6. — Сорочинці. Лист Г. С. Волконського до О. Д. Меншикова.
396. 1708, грудня 6. — Лебедин. Указ Петра I московському коменданту князю Матвію Петровичу Гагаріну про повернення у Москву Семена Палія та доставлення його у Лебедин
397. 1708, грудня 7. З листа графа Г. І. Головкіна київському воєводі Д. М. Голіцину (про перебування трьох козацьких полків на Правобережжі)
398. 1708, грудня 7. Лист К. Е. Ренне із Веприка в Лебедин до О. Меншикова
399. 1708, грудня 8. — Сорочинці. Лист Г. С. Волконського до О. Д. Меншикова.
400. 1708, грудня 10. — Миргород. Лист Ф. В. Шидловского до О. Д. Меншикова
401. 1708, грудня 14. — Веприк. Лист К. Е. Ренне до О. Д. Меншикова
402. 1708, грудня 15. — Лебедин. Лист Я. В. Брюса А. В. Шарфу
403. 1708, грудня 16. Лист К. Е. Ренне з Веприка — О. Д. Меншикову в Лебедин
404. 1708, грудня 17. Лист К. Е. Ренне із Веприка в Лебедин до О. Д. Меншикова
405. 1708, грудня 18. Лист К. Е. Ренне із Веприка в Лебедин до О. Д. Меншикова
406. 1708, грудня 19. Лист К. Е. Ренне із Веприка в Лебедин до О. Д. Меншикова
407. 1708, грудня 19. Лист К. Е. Ренне з Веприка — О. Д. Меншикову в Лебедин
408. 1708, грудня 20. Лист К. Е. Ренне з Веприка — О. Д. Меншикову в Лебедин
409. 1708, грудня 24. Лист Я. В. Брюса Полтиніну
410. 1709, січня 19. — Охтирка. Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про отримання копії листа І. С. Мазепи польському королю С. Лещинському
411. 1709, лютого 15. З донесення київського воєводи Д. М. Голіцина графу Г. І. Головкіну про виселення студентів та ченців іноземного походження з Києва
412. 1709, лютого 26. З донесення Б. П. Шереметєва царю про взяття у полон генерального осавула М. А. Гамалії та зятя миргородського полковника А. Д. Горленка
413. 1709, лютого 28. — Сорочинці. Наказ фельдмаршала Б. П. Шереметєва російським офіцерам, рядовим та українцям
414. 1709, березня 11. — Харків. Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про необхідність вислати у Польщу відібраних людей для збирання інформації про гетьманів, сенаторів та інших владців
415. 1709, квітня 3. Лист князя Г. Ф. Долгорукова Петру I про надсилання кошовим отаманом К. Г. Гордієнком «прелестних» листів та прохання поставити С. Палія білоцерківським полковником
416. 1709, квітня 12. — Харків. Лист О. Д. Меншикова київському губернатору Д. М. Голіцину про необхідність затримання немирівського сотника Рубченка
417. 1709, травня 5. — З обозу з-під Ворскли. Лист О. Д. Меншикова київському губернатору Д. М. Голіцину про необхідність затримання посланців від шведів та мазепинців
418. 1709, травня 21. — Глухів. Лист С. П. Неплюєва П. П. Шафірову про проведене слідство про вбивство ямпільськими жителями челядника солдата Преображенського полку
419. 1709, травня 27. — Смоленськ. Лист Б. С. Корсака П. П. Шафірову про направлених до нього 2000 донських козаків та прохання передати під його керівництво чернігівських та почепських козаків
420. 1709, червня 5–11. Пропозиції щодо звільнення Полтави, подані на військову раду генералами
421. 1709, червня 27. Лист Петра I адміралтейств-раднику О. В. Кікіну про перемогу під Полтавою
422. 1709, липня 8. — Із табору з-під Полтави. Лист Петра I московському коменданту князю М. П. Гагаріну про перемогу під Переволочною
423. 1709, серпня 26. Лист полковника Гаврила Реп'єва О. Д. Меншикову
424. 1709, жовтня 6. — З Торуня. Лист О. Д. Меншикова київському губернатору Д. М. Голіцину про утримання під арештом князя Януша Вишневецького
425. 1709, жовтня 18. — Київ. З листа Д. М. Голіцина О. Д. Меншикову про 2000 запорожців,які створюють вогнище напруги на півдні

Розшук та розподіл знайдених коштів, цінностей І. Мазепи

426. 1708, листопад-грудень Реєстр запасів гетьмана І. С. Мазепи, відшуканих у Любецькому замку
427. 1708, грудня 7. — Київ. Лист київського воєводи Д. М. Голіцина О. Д. Меншикову про «пожитки» І. С. Мазепи
428. 1709, січня 10. Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про отримання скрині зі скарбами І. С. Мазепи
429. 1709, січня 15. Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про розподіл коштів та майна гетьмана І. С. Мазепи
430. 1709, лютого 13. — Білгород. Лист О. Д. Меншикова київському воєводі Д. М. Голіцину про видачу за наказом царя із коштів І. С. Мазепи 6000 єфимків жмудському старості Г. А. Огинському
431. 1709, квітня 9. З листа Петра I О. Д. Меншикову
432. 1709, травня 16. — З обозу. Лист О. Д. Меншикова київському губернатору Д. М. Голіцину про 2000 загиблих при обороні Полтави та необхідність відіслати із коштів І. С. Мазепи 7000 єфимків на жалування волоським та польським хоругвам, а також 12000 єфимків генерал-фелдмаршал-лейтенанту Г. Гольцу

433. 1709, серпня 1. — З Вєти. Лист О. Д. Меншикова київському губернатору Д. М. Голіцину про віддання залишків коштів І. С. Мазепи генералу-кригс-цалмейстру П. М. Бестужеву-Рюміну
434. 1717, листопада 6. — Белєв. З листа київського губернатора Д. М. Голіцина до гетьмана І. І. Скоропадського щодо заяви С. Михайловського про скарб Мазепи, про допомогу у розшуку останнього та руди, з якої можна робити золото

Московські призначення на старшинські уряди
435. 1708, жовтня 29. Лист фельдмаршала Б. Шереметєва про призначення сотенної старшини у Воронежі
436. 1708, листопада 2. Грамота Петра І Л. Я. Жураковському на полковницький уряд
437. 1708, листопада 7. Лист Петра І адміралтейств-раднику О. В. Кікіну про «обрання» І. І. Скоропадського гетьманом
438. 1708, листопада 14 Грамота Петра І І. Я. Носу на полковницький уряд
439. 1708, грудня 4. Жалувана грамота Григорію Шишкевичу на сотницький уряд
440. 1709, березень 16. — З Лукомлі. З донесення Г. Ф. Долгорукого О. Д. Меншикову про призначення ним чигиринським полковником Г. І. Галагана
441. 1715, лютого 7. Лист канцлера графа Г. І. Головкіна гетьману І. І. Скоропадському про призначення Ф. С. Лісовського сотником усупереч гетьманській волі
442. 1715, лютого 13. Лист київського губернатора Д. М. Голіцину гетьману І. І. Скоропадському про призначення Ф. С. Лісовського сотником усупереч традиціям в Гетьманщині

Розгром Січі та козацьких містечок
443. 1709, березня 31. З донесення бригадира О. Г. Волконського про знищення Нехворощі та Маячки полковником Кампелем
444. 1709, квітня 18. Реляція про взяття Переволочної військами під керівництвоп полковника П. І. Яковлева та знищення запорожців
445. 1709, квітня 24. З донесення Б. П. Шереметєва Петру І про випалення Переволочни та Кереберди, знищення козаків та жителів
446. 1709, травня 1. Донесення полковника П. І. Яковлева О. Д. Меншикову про знищення Старого та Нового Кодаків
447. 1709, травень (після 8-го). Донесення полковника П. І. Яковлева О. Д. Меншикову про вжиті заходи щодо розшуку «воров»-січовиків
448. 1709, травня 19. Донесення О. Д. Меншикова Петру І про розгром Січі
449. 1709, травня 23. Лист Петра І адміралтейств-раднику О. В. Кікіну про розгром Січі

Універсали І. І. Скоропадського
450. 1708, листопада 8. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського чернігівському полковому писарю Петру Булавці
451. 1708, листопада 14. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу сотні Почепської Іванові Щербі
452. 1708, листопада 17. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Стефану Шираю
453. 1708, листопада 18. — Глухів. Універсал І. І. Скоропадського заслуженому військовому товаришу Івану Стягайлу
454. 1708, листопада 19. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського стародубському сотнику полковому Івану Чарнолузькому
455. 1708, листопада 21. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського знатному військовому товаришу Андрію Лизогубу
456. 1708, листопада 21. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному товаришу Стародубського полку Антипу Соколовському
457. 1708, грудня 10. — Лебедин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному товаришу Ніжинського полку Василю Селецькому
458. 1708, грудня 15. — Лебедин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського стародубському знатному військовому товаришу Якову Заводовському
459. 1708, грудня 23. — Лебедин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Скельському монастирю
460. 1709, вересень (?). — Ніжин. Універсал-привілей гетьмана Івана Скоропадського
461. 1709, січня 5. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Новомлинському жіночому монастирю
462. 1709, січня 7. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського новгород-сіверському протопопу Опанасу Заруцькому
463. 1709, січня 9. — с. Вороніж. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному товаришу полку Стародубського Якову Великосовичу
464. 1709, січня 10. — Короп. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Глухівському монастирю
465. 1709, січня 12. — Змітнев. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського київському полковому осавулу Федору Ханенкові
466. 1709, січня 17. — Ніжин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського дружині померлого стародубського полкового хорунжого Данила Колчевського Євдокії Колчевській
467. 1709, січня 19. — Ніжин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному товаришу Стародубського полку Костянтину Романовському
468. 1709, січня 27. — Ніжин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського вдові колишнього роменського сотника Агафії Лизогубовій (Манджосовій)
469. 1709, січня 28. — Ніжин.Універсал гетьмана І. І. Скоропадського хорунжому полкової сотні Стародубського полку Пилипу Данченку
470. 1709, січня 29. — Ніжин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського про повернення сіл Селичівки та Морозівки у володіння міста Баришівки
471. 1709, січня 29. — Ніжин.Універсал гетьмана І. І. Скоропадського про взяття під протекцію переселенця в Стародуб Леона Пилатовича
472. 1709, лютого 3. — Ніжин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського стародубському магістратському писарю Григорію Отвіновському
473. 1709, лютого 4. — Ніжин. Лист гетьмана І. І. Скоропадського до брацлавського полковника Григорія Івановича.

474. 1709, лютого 5. — Ніжин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського роменському отаману Федору Василевичу
475. 1709, лютого 7. — Ніжин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Меланії Василівні Новицькій, дружині померлого компанійського полковника Іллі Новицького.
476. 1709, лютого 12. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу сотні Почепської Іванові Щербі
477. 1709, лютого 22. Універсал гетмана І. І. Скоропадського на підтвердження права Домникії Свіччиній та її синів Василя та Лук'яна на маєтності в Пирятинському повіті
478. 1709, лютого 28. — Ніжин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Филимону Саврицькому
479. 1709, лютого 28. — Ніжин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Стародубського полку Івану Борозні
480. 1709, березня 2. — Прилуки. Універсал І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Івану Чарнишу
481. 1709, березня 21. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному товаришу Лубенського полку Павлу Мартосу
482. 1709, березня 7. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського генеральному осавулу Михайлові Гамалії.
483. 1709, березня 22. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського чорнуському сотнику та іншим, аби не брали повинності з маєтності генерального осавула Михайла Гамалії
484. 1709, березня 23. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського генеральному хорунжому Івану Сулимі на водяний млин
485. 1709, березня 24. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського зятю миргородського полковника Д. Апостола Петру Кулябці
486. 1709, квітня 9.Універсал гетьмана І. І. Скоропадського ніжинському полковому сотнику Івану Пироцькому
487. 1709, квітня 12. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу сотні Почепської Андрію Дзевульському
488. 1709, травня 28. — З обозу з-під Богачівки. Лист гетьмана І. І. Скоропадського війтові с.Онушков
489. 1709, травня 31. — З табору з-під Богачки. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського вдові лохвицького протопопа Євдокії Петрівні Імшенецькій
490. 1709, червня 10. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського гадяцькому полковому судді Василю Велецькому
491. 1709, червня 12. — З обозу під Багачкою. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського вертіївському сотнику Самійлу Афанасійовичу
492. 1709, червня 23. — Сорочинці. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського стародубському сотнику полковому Івану Чарнолузькому
493. 1709, липня 17. — Табір під Решетилівкою. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського знатному товаришеві Полтавського полку Петрові Кованьці на половину села Рибці, двір Дороша в місті Полтаві та грунти Красноперича
494. 1709, липня 22. — З обозу під Ручками. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського вдові гадяцького протопопа Анні Борзаківській
495. 1709, серпня 11. — Глухів.Універсал гетьмана І. І. Скоропадського новопризначеному роменському сотнику Якову Лук'яновичу
496. 1709, серпня 19. — Глухів.Універсал гетьмана І. І. Скоропадського обозному Лубенського полку Івану Тимофійовичу
497. 1709, серпня 23. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського полтавському полковому писареві Олександрові Чуйкевичу на село Пушкарівку і на половину байраку Сокілля
498. 1709, серпня 25. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Якову Маковському
499. 1709, серпня 31. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського військовому товаришу Роменської сотні Семену Євстафієвичу
500. 1709, вересня 10. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського полковому осавулу Семену Галицькому
501. 1709, вересня 18. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Дем'яну Григоровичу Скорупі на водні млини та на село Кустичі
502. 1709, вересня 20. — Глухів. Універсал-привілей гетьмана І. І. Скоропадського
503. 1709, жовтня 9. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського Полтавському Хрестоздвиженському монастиреві на село Вакулинці, яким до того володіла пані Герцикова
504. 1709, жовтня 10. — Глухів. Універсал І. І. Скоропадського про підтвердження прав Полтавського Хрестоздвиженського монастиря на маєтності, ліси, млини, рибні ловлі та інші угіддя
505. 1709, жовтня 15. — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського значному військовому товаришу Максиму Бороховичу
506. 1709, жовтня 28 (17). — Глухів. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського ніжинським грекам
507. 1709, грудня 4. — Лебедин. Універсал гетьмана І. І. Скоропадського про затвердження за Григорієм і Матвієм Буцькими половини села Гуджули, надану їхньому батькові

Документація та листи владців, які залишилися у таборі царя

508. 1708, грудня 2. Універсал переяславського полковника С. Томари полковому писарю Якову Рустановичу на село Виповзки
509. 1709, січня 1. — Білоцерківка. Універсал миргородського полковника про підтвердження прав білоцерківського сотника Лавріна Васильовича на село Решетилівку, раніше належне його батькові, миргородському обозному Василю Онисимовичу
510. 1709, березня 1. Купча кріпость, видана писарем Михайлом Якимовичем пирятинському сотнику Семену Вакуленку на сад
511. 1709, березня 24. — Чигирин-Диброва. Універсал ніжинського полковника Лук'яна Жураковського полковому обозному Леонтію Шрамченку
512. 1709, березня 27. — Прилуки. Універсал прилуцького полковника І. Я. Носа про підтвердження прав прилуцького цеху музик, на підпорядкування йому всіх, хто заробляє грою музики в Прилуцькому полку
513. 1709, квітня 12. — Прилуки. Універсал прилуцького полковника І. Я. Носа про права та обов'язки прилуцького кравецького цеху

514. 1709, червня 7. — З табору від Богачки. Універсал лубенського полковника Василя Савича значному військовому товаришу Леонтію Кичкаровському
515. 1709, червня 10. — Обоз під Багачкою. Універсал лубенського полковника Василя Савича про надання значному військовому товаришеві Петру Зарудному села Москалівки

Грамоти царя Петра І лояльним до нього старшинам
516. 1708, листопад. — Глухів. Грамота Петра І новгород-сіверському сотнику Лук'яну Журавці
517. 1708, листопада 14. Глухів. Грамота царя Петра І чернігівському полковникові Павлу Полуботкові на маєтності в Сумському полку на Слобожанщині та в Гадяцькому і Лубенському полках
518. 1708, листопада 14. Грамота Петра І переяславському полковнику С. Томарі на маєтності
519. 1708, грудня 3 Жалувана грамота Петра І вдові колишнього полтавського полковника І. І. Іскри
520. 1708, грудня 8. — Лебедин. Грамота Петра І значному товаришу Стародубського полку Степану Спиридоновичу Шираю
521. 1708, грудня 16. — Лебедин. Жалувана грамота царя Петра І значному військовому товаришу Андрію Лизогубу
522. 1708, грудня 22. — Лебедин. Грамота царя Петра І чернігівському полковникові Павлу Полуботкові на маєтності в Чернігівському полку
523.1709, січня 17. — Суми. Жалувана грамота Петра І менському сотнику Гнату Сахновському

Утворення Київської губернії
524. 1709, лютого 18. Лист Петра І до київського губернатора Д. М. Голіцина з вказівкою збирати податки із українських міст, які увійшли до Київської губернії
525. 1711, жовтня 16. — Київ. Лист київського губернатора Д. М. Голіцина гетьману І. І. Скоропадському про те, що укази по містам Київської губернії про збір податків не стосуються Чернігова, Переяслава та Ніжина, але були направлені в останні через помилку піддячого
526. 1719, січня 26. Донос [Василя Кочубея на полкового обозного Клима Нащинського], який засвідчує, що реальна влада в Гетьманщині перейшла до керівництва Київської губернії
527. 1722, квітня 28. Про втручання київського губернатора та його підлеглих в життя Гетьманщини, ігнорування ними гетьмана та його урядовців, обмеження російською владою права самостійно визначати-обирати полковників [Із статей гетьмана І. І. Скоропадського до Петра І]

Мемуарні нотатки росіян
528. Із нотатків про російсько-шведську війну Б. І. Куракіна
529. Із спогадів Б. І. Куракіна про 1708 та 1709 роки
530. Із записок генерала Григорія Петровича Чернишова (1738)

Післяполтавські будні
531. 1709, червня 27. Один з записів на напрестольному євангелії XVI ст.
532. 1709, липня 3. Лист канцеляриста Генеральної канцелярії Григорія Скорупи батьку Дем'яну про Полтавську битву та полон шведів і П. Орлика
533. 1709, липня 22. — Лубни. Універсал лубенського полковника Василя Савича про послушенство кагатличан колишньому чигириндубровському сотникові Івану Булюбашу та непідлеглість їх чигириндубровській старшині
534. 1709, липня 26. Свідчення на допиті мазепинського писаря Григорія Григоровича про доходи, які йшли на поповнення військової скарбниці та особисто гетьмана
535. 1709, липня 27. — Київ. Меморія генерального писаря Семена Савича до російського уряду
536. 1709, вересня 1. Прилуки. Універсал прилуцького полковника Івана Носа про підтвердження прав прилуцької ратуші на млини, на річці Смоші
537. 1709, вересня 11. Лубни. Універсал лубенського полковника Василя Савича про надання значному військовому товаришеві Івану Корнійовичу села Денисівки
538. 1709, вересня 12. — Полтава. Підтверджувальний лист полтавського полковника І. Черняка кобеляцькому цеху шевців після втрати ними під час війни скрині із фундушами
539. 1709, жовтня 14. — Фастів. Універсал полковника Семена Палія
540. 1709, жовтня 14. — Фастів. Універсал білоцерківського полковника Семена Палія про надання новофундованному Скитському монастиреві військової частки з млина в Малій Салтанівці мельників Михайла Коломійця і Шкалимандри
541. 1709, жовтня 16. — Ніжин. Наказ ніжинського полковника Лук'яна Жураківського до мринського сотника Феодора Тарасовича щодо відправлення в Ніжин на будівництво Київської фортеці полонених шведів
542. 1709, листопада 8. — Варшава. З доповнення до листа князя Г. Ф. Долгорукого до гетьмана І. І. Скоропадського про тимчасовість урядування С. П. Палія на Правобережжі
543. 1709, листопада 23. — Козелець. Лист київського полковника Федора Коровки-Вольського до стародубського полковника (?).
544. 1709, грудня 31. — Фастів. Універсал білоцерківського полковника Семена Палія про надання на скит Липник містечка Княжичі

Частина V
КРИМСЬКО-ОСМАНСЬКИЙ НЕЙТРАЛІТЕТ

545. 1708, перед 11 лютого.Призначення обмежень [на кількість] штатних посадовців кримського хана та великих візирів (з османської хроніки Мегмеда Рашида)
546. 1708. Прибуття новин з країни Москов (з османської хроніки Мегмеда Рашида)
547. 1708, березня 23. Лист волоського господаря Костянтина Бринковяну Г. І. Головкіну про турецько-шведські відносини
548. 1708, липня 3. — Табір [під Тетієвим]. Постскриптум листа гетьмана І. С. Мазепи до глави Посольської канцелярії Г. І. Головкіну (фрагмент)
549. 1708, грудень (?) Регест листа великого везіря до кримського хана
550. 1709, січня 8. Заміна кримського хана через поразку від воєнних дій черкеського племені (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

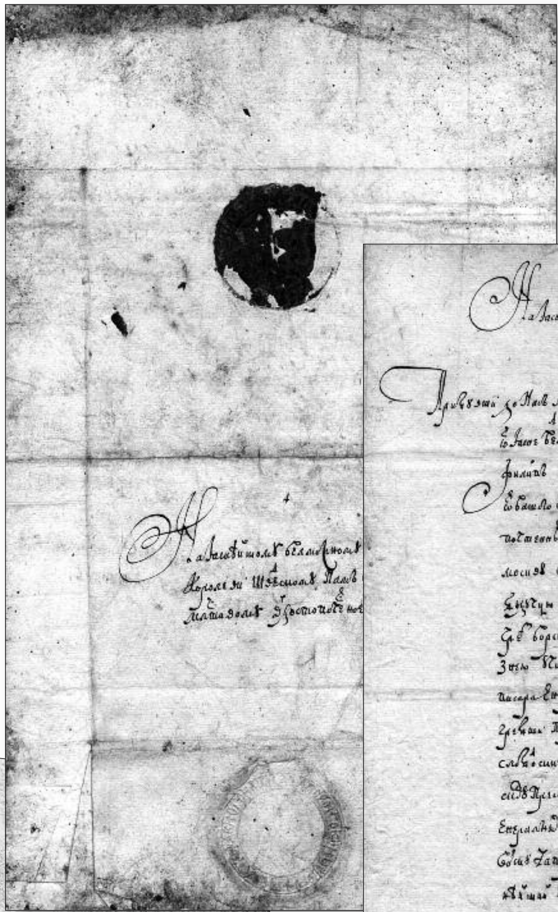
551. 1709, січня 9. — Ясси. Повідомлення невстановленої особи про похід кримського хана на черкесів, прикладене до одного з листів троцького воєводи Михайла Казимежа Котла царю Петру І
552. 1709, січня 30. — Львів. Лист львівського поштмейстера Фабіана Живерта литовському підканцлеру Станіславу Антонію Щуці (фрагмент)
553. 1709, березень (?) Лист сераскера Юсуф-паші до великого візира Чорлулу-Алі-паші (роздобутий-скопійований російським послом у Стамбулі П. Толстим)
554. 1709, березень (?). Лист Карла Піпера до Юсуф-паші
555. 1709, березень (?). Лист гетьмана І. С. Мазепи до Юсуф-паші
556. 1709, серпня 19. Довідка про обставини в короля Швеції (з османської хроніки Мегмеда Рашида)
557. 1709, серпня 19–30. Призначення багатьох військ для захисту бастіонів Бендеру (з османської хроніки Мегмеда Рашида)
558. 1709, вересня 4. Роздача платні військовим (з османської хроніки Мегмеда Рашида)
559. 1709, вересня 4–10. Звільнення коменданта (мугафиза) Озю Абдуррагмана Паши (з османської хроніки Мегмеда Рашида)
560. 1709, після 10 вересня. Наступ Москви на військо шведського короля (з османської хроніки Мегмеда Рашида)
561. 1709, жовтня 1–3. Відремонтування фортеці Ор та спорудження в ній бастіонів (з османської хроніки Мегмеда Рашида)
562. 1709, жовтня 8. Прибуття посла Швеції до Високої Держави (з османської хроніки Мегмеда Рашида)
563. 1709, грудня 8. Переговори посла московського царя з Юсуфом Пашою (з османської хроніки Мегмеда Рашида)

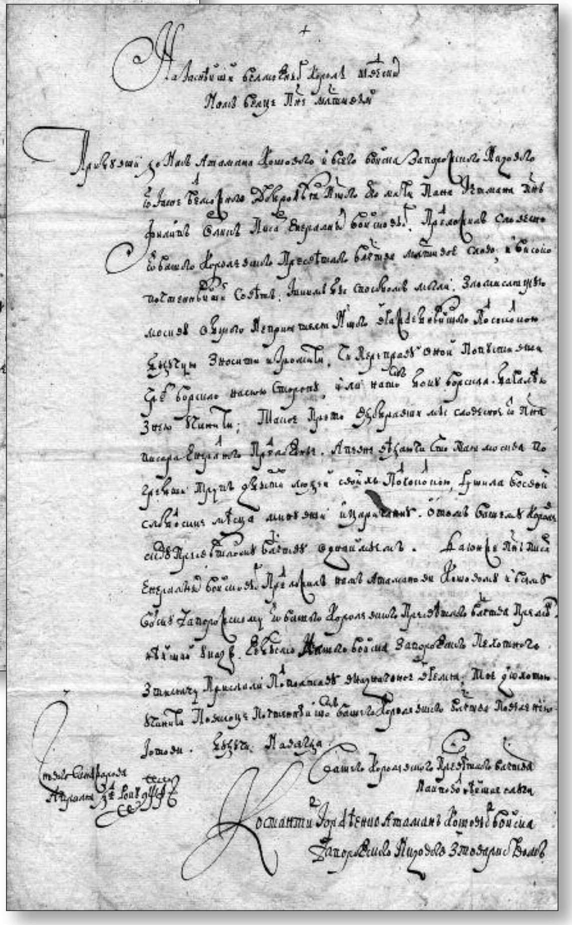
Частина VI
ПОРАЗКА І ВІДСТУП

564. 1709, червня 27. — Табір біля Полтави. Лист англійського капітана Джеймса Джеффріса герцогу Мальборо Джону Черчилю
565. 1709, кінець червня. Хультман Й. Д. Про переправу через Дніпро Карла XII (рукописні замітки для короля Фредрика і королеви Луїзи Ульрики)
566. 1709, липня 1. Лист графа Г. І. Головкіна Петру І про надіслання реляцій про Полтавську перемогу в Москву та іноземним дворам, а також про примушення К. Піпера написати Карлу XII листа з проханням обміняти його на гетьмана І. С. Мазепу
567. 1708, липня ½. — Полтава. Лист обер-маршала графа К. Піпера шведському королю Карлу XII про розмін його на І. С. Мазепу
568. 1709, липня 3. Лист графа Г. І. Головіна очаковському коменданту Абдуррахман-паші з вимогою не пускати шведського короля у турецькі володіння та видати гетьмана І. С. Мазепу
569. 1709, липня 3. Лист графа Г. І. Головкіна Петру І про направлення грамот васалам Османської імперії про затримання шведського короля та видачу І. С. Мазепи
570. 1709, липня 9. Донесення князя Григорія Волконського О. Д. Меншикову про взяття в полон 216 каролінців та 150 компанійців І. С. Мазепи
571. 1709, липня 9. З листа англійського резидента Джеймса Джефферіса при шведському королю Карлу XII англійському послу в Москві Чарльзу Вітворту
572. 1709, липня 13. — Полтава. Лист англійського капітана Джеймса Джеффріса герцогу Мальборо Джону Черчилю
573. 1709, серпня 16. — Чечельник. Лист Г. С. Волконського О. Д. Меншикову про повернення 200 компанійців та козаків, які пішли разом з І. С. Мазепою в Османську імперію

Частина VII
БЕНДЕРСЬКЕ СТОЯННЯ

574. 1709, липня 22. Резюме листа воєводи Богдану (Молдови) щодо подій після Полтавської битви), надісланого до капукет-худа Копар-оглу
575. 1709, серпня 8. Лист силістрійського валі Юсуф-паші канцлеру графу Г. І. Головкіну про відмову видати гетьмана І. С. Мазепи та його прибічників
576. 1709, вересень. Лист молдавського господаря Михайла Раковиці Г. І. Головкіну про наміри шведського короля та гетьмана І. С. Мазепи
577. Спогади осавула кошового отамана Дем'яна Щербини про перебування І. С. Мазепи та його наближених в Туреччині
578. 1709, вересня 11. Лист бригадира Г. І. Кропотова та перекладача А. Ботвінкіна канцлеру Г. І. Головкіну про перебування короля Карла XII та І. С. Мазепи в Бендерах
579. 1709, вересня 15. — Константинополь. Лист ближнього стольника П. А. Толстого канцлеру графу Г. І. Головкіну про його старання з видачі шведського короля та І. С. Мазепи
580. 1709, вересня 25. Лист бригадира Г. І. Кропотова молдавському господарю Михайлу Раковиці про дії проти запорожців
581. 1709, вересня 28. Лист бригадира Г. І. Кропотова князю О. Д. Меншикову про перемогу під Чернівцями над шведами і запорожцями
582. 1709, жовтня 8. Виписка із справи канцелярії адмірала Крюйса про 554 полонених шведів та запорожців під Чернівцями
583. 1709, листопада 6. Видатковий дефтер від Очаківської валії щодо витрат на шведського короля та гетьмана Мазепу
584. 1709, листопада 18. Телхіс великого везіря щодо витрат на шведського короля і гетьмана Мазепу в Бендері
585. 1710, січня 2. Лист волоського господаря Костянтина Бринковяну (Басараба) Г. І. Головкіну про підготовку Туреччини до війни, про переговори про вільний проїзд шведського короля через Польщу у Швецію
586. 1710, лютого 15. З показань дезертира Фрідриха Шульца про переправу через Дніпро, смерть І. С. Мазепи та кількість каролінців
587. 1711, вересня 22. Телхіс великого везіря щодо забезпечення провізією 3000 козаків, розташованих біля Бендер, і покриття витрат на гетьмана
588. 1711, жовтня 10. Телхіс великого везіря щодо забезпечення провізією 4000 козаків, розташованих біля Дніпра
589. 1719–1720 (?) Сольдан Г. Детальний звіт про смерть козацького гетьмана Мазепи, а також про те, хто і яким чином розпорядився майном Мазепи після його смерті

Репресовані у справі повстання 1708–1709 рр., а також подальших антиросійських дій мазепинці, урядники та члени їхніх родин

Бистрицька (Городисько, дружина Івана Бистрицького) 1709–?
Бистрицькі (діти) 1709–?
Бойко Семен, козак 1712–?
Борисов Іван, козак 1712–?
Борозднa Іван Лаврентійович 1725–1727, Сибір
Бутович Агафія (Горленко) 1712–?
Бутович Григорій Іванович 1715–?
Бутович Іван Іванович, репресований брат Г. І. Бутовича 1712–1715
Бутович Степан Іванович 1712–1715
Бутович, мати 1712–1715
Величко Самійло Васильович 1708–1715
Видковський Іван 1712–? Архангельськ
Вітославська Маріанна (Марфа) 1712–? північ Росії
Волошин Сава, могилівський полковник, арештований за брата 1709–?
Гамалія (Кондратьєва), дружина Антона Гамалії 1712–1715
Гамалія ?(дружина Михайла, діти) 1712–?
Гамалія Антон Андрійович 1712 — † 1728 в Сибіру
Гамалія Михайло Андрійович 1712–1715
Герцик (Герцичка), мати Григорія та Івана Герциків 1712–?
Герцик (діти Івана Герцика) 1712–?
Герцик Агрипина Іванівна (Левенець),дружина І. Герцика 1712–?
Герцик Василь Григорович 1712–1735
Герцик Григорій Павлович 1720–1735
Герцик Микола Григорович 1712–1735
Герцик Настя Василівна (Громика) 1712 — † 1732
Герцик Павло Григорович 1712–1735
Герцик Параскева Григорівна 1712–1735
Герцик Петро Григорович 1712–1722 відпр. у Сибір
Герцик Семен Григорович 1712–1735
Герцик Григорій Павлович 1717–?
Герцик Іван Павлович 1717–?
Герцик Опанас Павлович 1717–?
Герцика Григорія дружина і діти 1717–?
Герцика Івана дружина і діти 1717–?
Горленко Андрій Андрійович 1735–1736, у Москві, відібрані маєтності повернуті у 1742
Горленко Андрій Дмитрович 1711–1715, 1735–1736,
Горленко Дмитро Лазаревич 1715–1729 у Москві
Горленко Марія Захарівна 1715–1729
Городецький Хома 1709–?
Гречаний Яків Степанович 1709–1712, Сибір, Київ
Григорій, канцелярист 1712 — † 1717 в Тобольськ
Григорія канцеляриста дружина 1712 –1717
Громика Анастасія 1712, до Москви
Дмитрашко Дмитро Маркович 1709–† в Сибіру
Домецький, чернець 1709–? Київ
Дубяга Олександр 1708–? Архангельськ
Захар 1717–?
Єременко Яків 1708–? Лебедин, Петербург
Зеленська (Сулима),дружина Д. Зеленського 1709–?
Зеленський Дмитро Михайлович 1709–† на засланні
Золотаренко Яків Кіндратович 1717–† Москва
Іваненко Прокіп 1708–? Лебедин
Іванов Іван,стародубський козак 1712–?
Іванов Федір, козак 1712–?
Кандиба Андрій Федорович 1711–1715 Москва
Катерина, дівчина 1712–?
Кенігсек Фрідріх 2.XI.1708 — † XI.1708
Керевейський Іван, челядник 1712–?
Кожуховський Юрій Петрович 1709–? Архангельськ
Коломийченко Федір III.1709–?
Куликов Семен, стародубський козак 1712–?
Куценко Іван 1711–Сибір
Лимарев Іван 1717–?
Ломиковський Ілля Іванович 1714 — помер у Москві
Ломиковський Михайло Іванович 1714–1729 у Москві
Лютий Н. 1708–? Лебедин
Магдалина, черниця 1712–?
Максимович Василь Дмитрович 1709–?
Максимович Дезидерія Дмитрівна 1709–?
Максимович Дмитро Максимович 1709 — † 1732 Архангельськ
Максимович Іван Дмитрович 1709 — до 1713 у Москві, до 1715 в Архангельську
Максимович Іван Петрович 1715–1732
Максимович Максим, брат Д. Максимовича 1715–?
Максимович Олександра Дмитрівна 1709–?
Максимович Степан Петрович 1712–1715 ?
Максимович Тетяна (Сулима) 1709 — † 1711
Максимович Федір Дмитрович 1709 — до 1713 у Москві, до1715 в Архангельську
Максимович Феодосія Дмитрівна 1709–?

Малишевський, чернець 1709–? Київ
Мамчин Матвій 1717–?
Микитин Якуб, репресований 1712–?
Мирович (Голуб) Пелагея Захарівна 1712–1745
Мирович (дружина Якова Мировича) 1733–1742
Мирович Олена (Ломиковська), дружина Семена з дітьми на засланні у Москві з 1712, з 1716 і до смерті — у Тобольську
Мирович (Мокієвська) Ганна Костянтинівна дружина Василя, з дітьми 1712–1716
Мирович Василь Іванович 1709, 1712 — † 1732
Мирович Василь Якович 1733–1742
Мирович Григорій Семенович 1712–1743
Мирович Дмитро Іванович 1709, 1712–1745
Мирович Іван Іванович 1709, 1712–1723
Мирович Марина Іванівна 1712–1745
Мирович Петро Федорович 1733–1742
Мирович Семен Іванович 1709, 1712–1726
Мирович Степан Васильович 1717–1741
Мирович Уляна Семенівна 1712–1745
Мирович Яків Іванович 1712–1742
Мирович Яків Федорович 1733–1742
Михайлов Григорій 1720–? Казань
Невінчаний Василь 1710 — каторга
Нестулей Федір 1711 — Сибір
Новицька (Герцик) Христина 1709–? Сибір
Новицький Григорій Ілліч 1709–† після 1720, Сибір
Обидовська Ганна Василівна 1709–1710 у Полтаві
Одорський Гедеон, архімандрит 1712–? Архaнельськ
Опоченок X.1708 — † XI.1708 Лебедин
Остаф'єв Семен, чернець 1712–? Архангельськ
Пархомов (Пархоменко) Григорій, козак 1709 — † II.1709 Лебедин
Перевицький (Перевіський) Іван 1709–? Тобольськ
Пилип, регент 2.XI.1708 — † 6.XI.1708 Глухів
Подольський Пилип, регент 1710 — Соловецький монастир
Покотило (2 дітей) 1712–1717 Москва,
Покотило (дружина) 1709–? Архангельськ
Покотило Василь 1712–? Тобольськ
Покотило Григорій Якович 1709 — † 1717 Тобольськ
Покотило Яків 1709–? Архангельськ
Покотило, дружина Григорія 1712–1717, Москва,
Полугер Тимофій X.1708 — † XI.1708 (Лебедин)
Порозький Григорій (роменський сотник) 1709–?
Почепець Дмитро 1717 –?
Прокопів Семен, козак 1712–?
Рогачевський Іван 1709 — Москва, з 1712 до 1722 (Архангельськ)
Романов Федір 1717–?
Рубченко, немирівський сотник 1709–?
Русанович-Бистрицький Степан 1712– ? Тобольськ
Санжаров Яким 1717–?
Самусь Самійло Іванович 1711–?
Самусь Степан Самійлович 1711–?
Семенов Антоній 1709–?
Сетенський (писар з Гадяча) 1708 — † 1709
Скиданов Влас, репресований 1712–?
Супрун (дворянин) 1709–?
Тарасенко Омелян, козак 1712–?
Таращенко Данило 1708–?
Тарновський листопад 1708 — † грудень
Тернавський Іван, підлеглий І. Бистрицького 1712–?
Тимченко-Заборовський ? Іванович 1710
Тимченко-Заборовський Іван Тимофійович 1710 — каземат у Києві
Троцина Трохим Васильович 29.XI.1708 — XII.1708,
Трощинський Матвій конфісковані землі у 1710 р.
Трощинський Степан 1708 — † до 1715
Федоров Я. 1709–?
Хлюс Фесько січень 1709–?
Цурка (Лісницька) Марія Данилівна 1709–1711 † у Глухові
Цурка Василь 1709–1710 † Київ
Чечель Дмитро 3.XI.1708 — † 6.XI.1708 Глухів
Чуйкевич Василь Никифорович 1709–?
Шенін Юрко 1712–?
Щербак Василь, козак 1712–?
Юрчевський, чернець 1709–? Київ
Якимов Роман, житель Шептаків 1712–?
Якимович Іван (священник Стародубського полку) 1712–?
Яниківський Іван, сотник Гадяцького полку 1712–?
Яцький Яким 1712–?
Перегнано 100 тисяч козаків, поселян у кінці 1711 — січні–лютому 1712 рр. з Правобережної України на Лівобережжя.
Карано смертю у 1711 р.:
кожного десятого жителя с. Водолаж, а також
кожного десятого мешканця Новосергіївської фортеці;
зарубано козаків-запорожців, полонених після Полтавського бою;
знищені села і містечка разом з жителями, козаками:
Батурин (до 12–14 000 осіб),
Маячна,
Нехворощ,
Келеберда,
Переволочна,
Старий Кодак,
Новий Кодак;
заслано 37 козацьких сімей з півдня України (1711 — ? Москва, Сибір).

За підрахунками сучасника і хроніста Петра І Петра Крекшина, протягом листопада 1708 — липня 1709 рр. в Україні «изменников до 30 тысяч порублено».

УКРАЇНА ДОБИ ІВАНА МАЗЕПИ. 1708–1709 РОКИ В ДОКУМЕНТАЛЬНИХ ДЖЕРЕЛАХ

Довідкове видання
Київ, «МИСТЕЦТВО», 2019
Українською мовою

Упорядник Сергій Павленко
Головний редактор Ніна Прибєга
Дизайн, макетування та художньо-технічне редагування Андрія Прибєги
Технічне редагування Юлії Дворецької

Директор видавництва Сергій Поночовний

Відповідальність за концепцію видання, науково-фактологічну подачу текстового матеріалу несе упорядник.

Підписано до друку 18.02.2019. Формат 60 x 90 1/8. Папір крейдяний.
Гарнітура Times New Roman. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 62,0.

Видавець — ДП «Державне спеціалізоване видавництво «Мистецтво»,
04050, м. Київ, вул. Юрія Іллєнка, 63. Тел. +38 044 483 5773. mystetstvo@ukr.net.
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 3399 від 19.02.2009.

Сервіс замовлення книжок www.book-on-demand.com.ua

Виготовлювач — ТОВ «Видавничий дім «АртЕк».
04050, м. Київ, вул. Юрія Іллєнка, 63. Тел. 067 440 1137.
artek.press@ukr.net. www.artek.press.
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 4779 від 15.10.2014.

У45 Україна доби Івана Мазепи. 1708–1709 роки в документальних джерелах / Упоряд. Сергій Павленко. — К. : Мистецтво, 2019. — 496 с. : іл. — Укр. мова.

ISBN 978-966-577-273-6

У збірник документів, який укладено відомим дослідником Гетьманщини Сергієм Павленком, вміщено кореспонденцію, універсали гетьмана Івана Мазепи, старшин, листи каролінців — учасників походу, дипломатичні донесення, повідомлення преси, матеріали російських урядовців, Петра І, турецьких владців про повстання мазепинців й перебіг подій 1708–1709 років. Особливу цінність становлять численні перекладені щоденники вояк і високопосадовців армії Карла XII. Великий масив джерел дає уявлення про подробиці шведсько-українського союзу, справжні наміри сторін протиборства, визвольну боротьбу гетьманців та агресивну діяльність царської влади на теренах України.

Опублікована добірка свідчень й архівних документів знайомить читача з буремними подіями 1708–1709 років, коли від 20 до 30 тисяч козаків, запорожців, мирних жителів віддали своє життя за волю України.

Видання розраховане на істориків, військовиків, студентів, усіх, хто цікавиться історією України.

УДК 94(477-89)"1708/709"